

ЛУЧШИЕ БИОГРАФИИ

ПЕТР
Мультатули

ИМПЕРАТОР
НИКОЛАЙ II

ЧЕЛОВЕК И МОНАРХ

Петр Валентинович Мультатули

Император Николай

II. Человек и монарх

Серия «Император Николай II», книга 1
Серия «Лучшие биографии»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=29605695

Император Николай II. Человек и монарх: Вече; Москва; 2016

ISBN 978-5-4444-7678-9

Аннотация

Император Николай II и сегодня продолжает оставаться непонятым и как человек, и как государственный деятель. Между тем для понимания его личности, деятельности и мученического подвига необходимо рассматривать эти темы не отдельно, а исключительно в едином ключе. Это и пытается сделать в своем труде известный исследователь жизни и царствования Николая II кандидат исторических наук П. В. Мультатули. В настоящей книге автор рассматривает период царствования Императора до 1907 г. Подробно разбираются вступление монарха на престол, личные качества Николая II как политика и как семьянина, его отношение к реформам, события революции 1905 года и Русско-японской войны. Представляемая на суд

читателей работа является на сегодняшний день наиболее полной биографией Святого Царя-Мученика. Кроме настоящего издания биографический проект П. В. Мультатули продолжает книга «Император Николай II. Мученик».

Содержание

Предисловие	8
Часть I	37
Глава 1. Формирование личности	37
Глава 2. Жизнь Цесаревича	76
Глава 3. Образование Цесаревича Николая Александровича	95
Глава 4. Путешествие на Восток 1890–1891 гг.	121
Глава 5. Обручение с Принцессой Алисой Гессен-Дармштадтской	151
Часть II	184
Глава 1. Болезнь и кончина Императора Александра III	184
Глава 2. Наследие Александра III	205
Глава 3. Был ли Император Николай II не подготовлен к царствованию?	236
Глава 4. На заре царствования	253
Глава 5. Начало царствования	289
Глава 6. Венчание на царство и события на Ходынском поле	362
Глава 7. Во главе внешней политики России (1894–1903)	416
Глава 8. Загадочная болезнь Императора Николая II и династический кризис 1900 г.	501

Глава 9. Студенческие волнения и реформа системы народного просвещения	530
Глава 10. Финляндский вопрос	561
Глава 11. Император Николай II в 1901–1903 гг.: реформы через противостояние	586
Глава 12. Загадка доктора Филиппа Низье	666
Глава 13. Прославление Преподобного Серафима	710
Глава 14. Война с Японией	740
Часть III	891
Глава 1. В преддверии суровых испытаний	891
Глава 2. Несостоявшаяся «весна»	919
П. Д. Святополка-Мирского: «конституционалисты» и эсеры против Царя	
Глава 3. Николаю II объявляют войну	946
Глава 4. Император Николай II и события 9 января 1905 г.	953
Глава 5. Кровавый 1905 год	1019
Глава 6. Обновление Империи и победа над революцией	1100
Глава 7. Император Николай II и вопрос о возрождении Патриаршества	1169
Часть IV	1199
Глава 1. Император Николай II: свойства личности	1199
Глава 2. Император Николай II как семьянин	1295

Глава 3. Григорий Ефимович Распутин	1326
Глава 4. Династический кризис в Императорском Доме	1402
Иллюстрации	1427
Комментарии	

Петр Мультиатули Император Николай II. Человек и монарх

© Мультиатули П. В., 2016

© ООО «Издательство «Вече», 2016

* * *

*Моему возлюбленному сыну
Николаю Петровичу Мультиатули.
Помни, в честь Кого назван.
Автор*

*Не смыть всем водам яростного моря
Святой елей с монаршего чела.
И не страшны тому людские козни,
Кого Господь наместником поставил.*

Вильям Шекспир. Ричард II. Акт III, сцена II

Предисловие

В русской истории нет государственного деятеля, который был бы столь оклеветан и не понят, как последний русский Император Николай II. В течение долгих десятилетий народ слышал в отношении своего убиенного Царя лишь глумление и ненависть. Партийные идеологи, историки, публицисты, писатели, художники, киносценаристы, режиссеры соревновались друг с другом в стремлении опорочить, очернить, принизить имя Государя. Причём речь идёт не о научных оценках Николая II, которые, конечно, могут быть разными, а именно о сознательной клевете и лживой мифологии. Парадоксально, но изверги XX столетия Ленин, Троцкий, Сталин, Гитлер, Мао Цзэдун, Пол Пот, пролившие моря человеческой крови, не вызывали такого отторжения, как убиенный со своей Семьей, добрый и милостивый Государь, кардинально улучшивший благосостояние своего народа и причисленный в конце XX в. к лику святых. Сравнивая все реальные и мнимые успехи коммунистического режима в экономике и социальной сфере с 1913 г., то есть пиком расцвета Империи, советские учебники спешили объявить Россию эпохи Николая II «слабой», «отсталой», «загнивающей». Все советское время имя убиенного Царя находилось под запретом. В ленинско-сталинское время за хранение его портрета можно было в лучшем случае отправиться в лагерь, а

в худшем – быть расстрелянным. 21 января 1928 г. во время ареста отца Павла Флоренского при обыске среди его вещей была обнаружена фотография Государя. Это единственное, что было изъято сотрудниками ГПУ. На вопрос гэпэушников, как он относится к Царю, Флоренский ответил: *«К Николаю II я отношусь хорошо, и мне жаль человека, который по своим намерениям был лучше других, но который имел трагическую судьбу царствования»*^[1]. Редкое мужество по тем временам! И. Л. Солоневич вспоминал, что один немецкий левый деятель признавался ему, что видел в 1920-х гг. в СССР портреты Государя, спрятанные в домах за иконы. Документы большевистского сыска 1922 г. подтверждают факт тайного хранения царских портретов: *«В Старобельске произведенным обыском в женском монастыре было обнаружено спрятанным большое количество драгоценностей и портрет Николая II-го»*^[2].

В хрущевско-брежневское за это же «деяние», хранение и тем более публичное вывешивание портрета Государя, расстрел уже не грозил, но уголовная ответственность за «антисоветскую агитацию и пропаганду» – вполне. Букинистическим и антикварным магазинам было запрещено принимать от населения открытки с Царской Семьей, книги и журналы с ее изображениями. Власти знали, что делали. Автору этих строк приходилось общаться не с одним человеком, который свидетельствовал, что пришел к почитанию Николая II и его Семьи, и даже к Православию, после того, как увидел их ли-

ца. Внедрение в народное сознание искаженного, оболганного образа Государя было призвано легитимировать захват и нахождение у власти советско-партийной клики, оправдание совершенного ею Екатеринбургского злодеяния. Клика понимала, что возвращение подлинного образа Николая II в народное сознание грозит крушением их господству. Слишком страшна и опасна была правда о Государе для этих узурпаторов. Слишком страшен и опасен был для них подлинный образ Царя, которого они называли «слабым» и «кровавым», но почитание которого продолжало жить в народе. Слишком разителен был контраст между царской эпохой, с её процветанием и подлинной свободой, и их революционной эпохой, эпохой геноцида, голода, Гражданской войны, тотального грабежа, тюрем и концлагерей.

Но кроме этого, Николай II был ненавидим коммунистической «элитой» ещё и потому, что он был олицетворением совершенно чуждого и враждебного ей мира. Ненависть, которую испытывала и испытывает до сих пор к Николаю II значительная часть духовных, а то и прямых наследников цареубийц и палачей, не имеет никаких рациональных объяснений. Эта ненависть древняя и всеохватывающая, и не Государь является её главным объектом. Ведь его жизнь и кончина есть следствие верности Христу и подражание Его Вселенскому Подвигу. Император Николай II любил Христа Спасителя больше своей земной жизни.

Российский публицист А. Г. Жучковский пишет о при-

чинах этого странного психологического феномена. *«Ненависть к Императору – феноменальное явление, которое уже в пору изучать социологии. <...> В этой ненависти – чистой воды инфернальщина, корчи вампира на рассвете, демонический страх перед светом, святостью Государя»*. Согласно А. Жучковскому, наиболее опасным является сообщество, ненавидящее Николая II не по безграмотности, а вполне сознательно. Представители этого сообщества хорошо понимают, *«с чем и с кем имеют дело. Это они, сидя в петербургских салонах и заграничных кафетериях, вбрасывали лозунги “грабь награбленное” и “долой попов”, это их фараон лежит на Красной площади. Эти, как правило, из большевиков, <...> это международная секта, которая эволюционировала в новые формы, так что теперь многие ненавистники Императора – вполне “либералы”*. Но сущность их та же, сущность безбожников и русофобов, ввергнувших нашу страну и наш народ сто лет назад в ад и ныне делающих все, чтобы русские в этом аду оставались. Потому Император, символизирующий историческую Россию, – русскую Россию, Россию Закона – им столь ненавистен»^[3].

Лживый миф о последнем Царе создавался в течение долгих десятилетий: от полупорнографических пасквилей Антона Горемыки (псевдоним С. А. Цион) *«Николай II: Его личность, интимная жизнь и правление»*^[4], изданного в Лондоне в разгар революции 1905 г., и масона В. П. Обнинского *«Последний самодержец»*^[5], изданно-

го в Берлине, злобных клеветнических эссе всевозможных «февралистов», «профессиональных» фальсификаций академика-большевика М. Н. Покровского, всевозможных Любошей^[6] и Не-Букв^[7], фальшивых дневников Вырубовой до «Агонии» Элема Климова и «23 ступеней вниз» Марка Касвинова.

Со времён Сталина в Советском Союзе была взята на вооружение ещё и тактика полного умолчания о Государе. У людей должно было создаться впечатление, что такого Царя, как Николай II, вообще не было. Например, монографии по внешней политике Императорской России начала XX в., выходившие в СССР, умудрялись обходить стороной главного её руководителя – Николая II, заменяя его министрами иностранных дел, послами, военными атташе и т. д.

Однако сегодня, помимо сознательного неприятия последнего Царя, чаще встречается непонимание его действий, которые кажутся этим людям проявлением слабости или недалёковидности. Епископ Егорьевский Тихон (Шевкунов), называя последнего Государя одной из *«самых прекрасных фигур в истории России и в истории Русской Церкви»*, указывал, что *«именно поэтому он обречен на непонимание и даже на вражду, но на непонимание большие. Люди не всегда могут понять, что это был за подвиг, что это был за человек. Не всегда могут понять уровень его самоотвержения. Ведь он лишился всех венцов: и венца победителя в войне, и венца великого устроителя Русской Земли, и вен-*

ца церковного деятеля, всех венцов, и Царского венца, у него оказался только один венец – венец мученика. Но для Господа это был главный итог его жизни»^[8].

Однако многие не понимают, почему этот «венец мученика» выше, чем царский венец, и зачем Царь отказался от него. Как часто приходится слышать: «Вот если бы на месте Николая II был Александр III или Сталин, вот тогда бы...» Почти вековая идеологическая обработка воинствующего материализма не прошла даром, и понимание жертвы во Имя Божие, во Имя Христово, бывшее таким ясным и само собой разумеющимся для наших предков, в наши дни у значительной части людей является каким-то отдаленным и непонятным понятием. Даже среди многих православных, славящих Искупительный Подвиг Спасителя, добровольно давшего распять Себя на Кресте, нередко встречается непонимание хриstopодражательного подвига Его Помазанника.

Однако не только мученический подвиг Николая II остаётся сегодня непонятым. Непонятым остаётся Николай II и как государственный деятель, как великий устроитель Земли Русской. У нас до сих пор не осознают или не хотят осознавать и принимать его опыт модернизации России, проведенный при политике народосбережения, а не народоуничтожения. Тот невиданный темп, который придал Николай II своим реформам, модернизации русской экономики и промышленности, образования, здравоохранения, сельского хозяйства, был не только вполне сопоставим с Петровскими ре-

формами, но и во многом опережал их. К тому же, в отличие от преобразований Петра Великого и даже Александра II, Николай II не предавал своим реформам характер «шоковой терапии», что делало их в глазах народа «незамеченными». У нас же до сих пор многие продолжают всячески принижать и искажать неоконченные итоги реформирования страны Государем и поднимать на щит ту чудовищную вивисекцию, которую осуществили над Россией большевики, начиная от Ленина, Троцкого и Сталина и заканчивая Хрущевым и Горбачевым.

Николай II вступил на престол исполненный самых благих намерений, убежденный в необходимости обновления общества при сохранении Самодержавия и «заветов родной старины». Во всех отраслях государственной жизни он был новатором, но новатором эволюционным, а не революционным. Говорят, что Пётр Великий мечтал увидеть результат реформ ещё при своей жизни. Отсюда он неимоверно спешил сделать как можно больше и наряду с действительно великими преобразованиями поднял «Россию на дыбы». Николай II «Россию на дыбы» поднимать не хотел и думал о грядущей жизни ее народа. Революция в любом ее виде была органически чужда ему. Между тем русское общество революцией жило и «дышало». Причем не обязательно революцией социальной, сопровождаемой свержением государственного строя. Сторонников таковой было в общем немного. Но революция социальная не сваливается на страну как снег на

голову. Она вырастает из сотен, тысяч маленьких «революций», маленьких предательств вековых идеалов предков, их уклада жизни, их обычаев и, конечно, их Веры, мировоззрения и мироощущения. Казалось бы, что страшного? Здесь не говели в Великий пост, там повторили сплетню о Царствующем Доме, пропустили клевету на Государя, там увлеклись модными марксизмом, масонством, вульгарным дарвинизмом. Дальше – больше. Здесь посочувствовали террористам «Народной воли», Боевой организации эсеров, поаплодировали убийствам царских министров, а там уже два шага до финансовой и личной поддержки революции. Шаг за шагом русское общество отступало от Христа и Его заповедей, превращая Православие в красивую обрядность, традицию, теряя при этом живую веру. Член Царствующего Дома, Великий Князь Александр Михайлович называл Святое Православие «опасной сектой». В 1916 г. в издании Служебника карманного формата на обычной схеме расположения частиц на Дискосе изъяли особую частицу за Императора. По словам протоиерея Валентина Асмуса: *«Даже в недрах Святейшего Синода прокладывал себе путь антимонархизм, в данном случае на волне клерикальных настроений. Именно в этом нужно видеть причину позорной пассивности Синода в судьбоносном феврале перед тем, как он покорно самоликвидировался по указке новой, “демократической” власти»*^[9].

По мере того как православное самосознание уходило из русской правящей элиты, ему на смену приходили разно-

го рода суррогаты, причудливые смеси из мистики, оккультизма, масонства, социализма, богоискательства. Это было модно, престижно, увлекательно. Газеты пестрели от рекламы всякого рода гадателей, предсказателей, ясновидящих. С увлечением занимались спиритизмом и столоверчением, сеансы которых проходили в различных салонах.

Чем больше люди отходили от Христа, тем они меньше понимали Николая II, в котором, как ни в ком другом, русское начало не нашло себя в такой полноте, с такой ясностью и с такой силой. В последнем Государе, как в зеркале, отразилась душа России, ее верность и любовь ко Христу, ее имперская мощь, ее голгофские муки и крестная смерть. Л. П. Решетников отмечает, что *«неприятие именно такого Царя создавало условия для распространения различных измышлений о профессиональных и человеческих качествах Государя. Всё это вполне объяснимо: Царь, говоря современным языком, оставался в православном “поле”, а его оппоненты из политической и интеллектуальной элит давно это поле покинули»*^[10].

Именно в это время эти «оппоненты» окончательно перестали понимать суть и смысл Самодержавия. Поэт Д. С. Мережковский называл Самодержавие *«легендой прошлых веков»*, а граф Л. Н. Толстой отжившей *«формой правления, могущей соответствовать требованиям народа где-нибудь в Центральной Африке»*. Результатом этого состояния стал процесс десакрализации жизни русского народа в целом. От-

сюда к началу XX в., по словам доктора исторических наук А. Н. Боханова, «понятие “Царь” не воспринималось больше сакральным символом, в “обществе” никто и не вспоминал, что “Царь – устройство Божие”. В Миропозаннике видели только властителя, наделённого, как немалому числу людей казалось, слишком широкими властными полномочиями. И всё. Общественное сознание постепенно становилось не только просто нерелигиозным, но и активно антицерковным, а потому и антицарским»^[11]. Либеральный публицист и масон Д. В. Философов был вынужден признавать: «Заключить из всего произошедшего, что Николай II должен нести ответственность за настоящий хаос, значило бы вынести ему несправедливый приговор. Он не виноват в смертельном кризисе своей Империи. Эта Империя была больна уже тогда, когда он ее унаследовал»^[12].

Поэтому подавляющая часть коренных проблем и неудач Российской империи начала XX в., которые относят к «ошибкам» и «недостаткам» Николая II, является на самом деле проявлением этой смертельной болезни, поразившей русскую государственность. Непредвзятый взгляд на исторические события той эпохи отметит, что именно Николай II взялся не только врачевать эту болезнь, но и добился больших успехов в ее исцелении. Общество же не только не помогало Царю в этом, но, наоборот, мешало ему. Каждый раз, ставя Царя в тяжелейшие политические условия, из которых ему приходилось с большим трудом выпутываться, обще-

ство обвиняло его в «неправильности» и «неспособности» разрешить создаваемые им же, этим обществом, проблемы. Для большей части русской либеральной элиты Николай II был косным реакционером и консерватором, упорно цепляющимся за власть. Подлинные же личные качества Императора Николая II как человека и государственного деятеля эту элиту мало интересовали, так как она изначально видела в нем главное препятствие для достижения своей основной цели: политико-социального переворота и отстранение от власти старой элиты. Как верно отмечает доктор исторических наук Б. Н. Миронов: *«Непосредственная причина революции заключалась в борьбе за власть между разными группами элит: контрэлита в лице лидеров либерально-радикальной общественности хотела сама руководить модернизационным процессом, который почти непрерывно проходил в России в период Империи, и на революционной волне отнять власть у старой элиты – Романовской Династии и консервативной бюрократии»*^[13].

Поэтому чем успешнее Николай II решал те или иные проблемы, чем свободнее и богаче становилась при нем жизнь народа, тем больше контрэлита твердила о его «слабости», «реакционности», «бездарности» и «религиозном фатализме». Россия воспринималась представителями этой контрэлиты страной «кнута и виселицы», а Самодержавный строй – не поддающимся реформированию средневековым пережитком. В действительности Император Николай II никогда не

опирался только на одну политическую силу, никогда не выражал пристрастие к одному только политическому полюсу. Из-за этого он подвергался неприятию как со стороны либералов, так и со стороны довольно значительной части крайне правых. Если Царь держался жестко и боролся с революцией – левые называли его «Николаем Кровавым», открывал Думу и разрешал свободы – правые называли его безвольным «Миколой Милушкой». При этом и те и другие не хотели понимать всю сложность положения, в каком оказалась русская государственность в начале XX в. В то время, когда ситуация требовала от русского общества отказа от политических и партийных амбиций, радикалы всех мастей и оттенков, мыслители и поэты, государственные мужи и промышленники, издатели и публицисты, навязывали свои рецепты спасения Отечества и осуждали Правительство. Осуждение и отрицание постепенно становились смыслом и сутью их деятельности. Быть хоть немного, но «революционным» становилось модным. Как заклинания повторялись слабые вирши психически неуравновешенного К. Бальмонта: *«Наш Царь – Мукден, наш Царь – Цусима»*, и никому в голову не пришло ответить: «Наш Царь – железные дороги, наш Царь – самые низкие в мире налоги, наш Царь – народное образование, наш Царь – самое демократичное рабочее законодательство, наш Царь – свобода и честь Родины».

Если мы проанализируем русское общество начала XX в., то увидим, что подавляющая его часть не любила своего Го-

сударя. Эта нелюбовь объясняется многими причинами, но которые, как это ни странно может прозвучать, объясняются не личными качествами Николая II, а личными качествами представителей русского общества. То есть оно не любило в Николае II то, что некогда было присуще ему самому и что оно во многом утратило к началу XX в. Наблюдая в последнем Царе такие личностные качества, как глубокая вера в Бога, самоотверженная любовь к Родине, благочестие, оно ощущало к ним самые отрицательные чувства, ибо само оно было безбожным, космополитным и нечестивым. Как хорошо сказал протоиерей Дмитрий Смирнов: *«Государь Николай II и его Семья своей благочестивой жизнью были немым укором тому высшему обществу, которое жило совсем не так»*^[14]. Говоря об этом, мы вовсе не утверждаем, что каждый в отдельности представитель русской элиты обладал этими отрицательными качествами. Среди нее было много достойных людей, в том числе и настроенных оппозиционно, которые были преданы Царю и России. Но общий тренд, общая направленность российского общества были именно такими, какими мы их назвали выше. У Николая II и большей части общества были разные цели: Царь хотел отстоять самобытность России, пусть и сильно модернизируя ее, общество хотело из России «сделать» Францию или Швейцарию. Общество переставало любить Царя, а значит, и Россию. В. В. Розанов точно заметил, что *«мы умираем от единственной и основательной причины: неуважения себя. Мы,*

собственно, самоубиваемся»^[15].

Небывалый рост народного благосостояния, которым была отмечена вторая половина царствования Императора Николая II, воспринимался либеральной элитой совершенно «недостаточным», а народом – как результат исключительно своего труда. Богатство, нажива, комфорт все больше становились целью не только буржуазии, но и крестьянства. Но Николай II не разделял политической, экономической модернизации без укрепления святого Православия. Все реформы последнего Государя шли на фоне православного расцвета, прославления святых, строительства храмов и монастырей. Но эта сторона деятельности Николая II не находила нужного понимания ни в обществе, ни в народе, потому что она вступала в противоречие со все более усиливающейся тягой их к физическому благосостоянию и наживе. Л. П. Решетников отмечает: *«Россия становилась богатым, сытым и процветающим государством. Но, как ни парадоксально, именно этот материальный рост стал одной из главных причин революционизации общества. Многие не выдерживали испытания богатством или достатком, им хотелось отбросить строгие моральные правила, жить “свободно”, пойти по пути, по которому уже двинулись Франция и другие европейские страны. Монархия, с её духовно-нравственным кодексом, накладывающим на весь народ, прежде всего моральные обязательства, первым из которых было беззаветно служить России, в начале XX века уже мешала.*

Личность Государя Николая II вызывала непонимание и раздражение»^[16].

Б. Н. Миронов приходит к выводу, что жалобы на материальные затруднения со стороны рабочего класса и крестьянства в начале XX в. обуславливались *«не полуголодным их существованием, а тем, что их материальные и особенно духовные потребности обгоняли возможности. <...> Степень недовольства умелой пропагандой можно дозировать – то разжигать до крайней степени, то понижать. И здесь необходимо подчеркнуть важность фактора, который долгое время оставался в тени – мощные и удачные пиар-кампании со стороны оппозиции. <...> Причём в массе своей общественность была искренне убеждена, что положение народа ухудшалось, поскольку просто не допускала мысли, что при Самодержавии возможен какой-либо прогресс, а только ожидало от него, как говорил Милюков в Государственной думе в 1916 году, либо глупости, либо измены»^[17].*

Б. Н. Миронов подчеркивает, что эта убежденность, «граничащая с верой», в отношении Самодержавной власти в течение долгого времени, как дореволюционного, так особенно послереволюционного, являлась главным направлением разрушительного дискурса. При этом неправильно было бы считать, что новая «элита», главная выразительница этого дискурса, представляла интересы и чаяния народа. Наоборот, она навязывала народу свои оторванные от реальности политические проекты и фантазии, нисколько не беспокоясь о

том, к чему они приведут и какую цену за них придется платить тому самому народу, за чьи «интересы» они якобы выступали.

Лживый образ Императора Николая II, создаваемый «временщиками» Керенского и большевиками Ленина и Троцкого, а затем их последователями, находил и находит полную поддержку на «демократическом» Западе. Николай II в 1915–1916 гг. добился от западных союзников признания за Россией после всеобщей победы Черноморских проливов, Константинополя, Средиземноморского побережья Фракии, так называемой «турецкой» Армении, Силезии, Восточной Пруссии. Императорская Россия в ходе победы становилась ведущей мировой державой. Это не могло не вызывать у Запада острого желания не дать России выиграть Первую мировую войну и убрать Россию с политической карты мира, как опасного конкурента. Участие Запада, прежде всего английских политических и американских финансовых кругов, в Февральской революции очевидно. Также очевидно, что преступный арест, заключение и убийство Царской Семьи прошли при поддержке и попустительстве этих сил Запада. Точно так же эти силы были заинтересованы, чтобы и после убийства Императора Николая II его образ вызывал в мировом сознании чувства отвращения или жалостливого презрения. Ведь если Россия времён Николая II была страной «кнута и виселицы», «тюрьмой народов», то в глазах мирового сообщества оправдывалось всё, что было сотво-

рено с Российской империей, её расчленение и оккупация отдельных территорий, на которых были образованы незаконные правительства и государства: Латвия, Эстония, Литва, Финляндия, Польша, Грузия, Украина и другие. Сегодня эти бывшие составные части Российской империи, обязанные своей независимостью большевистскому преступному режиму, предъявляют претензии России, ставшей первой жертвой этого режима. Дискредитация Государя – это дискредитация России, легализация всего того беззакония, которое было допущено в её отношении в XX в., часть пропагандистской войны, которая ведётся против России. Как верно пишет А. Н. Боханов: *«Борьба за Царя – есть борьба за Россию, борьба за исторические корни, за сохранение (спасение) обретений минувшего. Это борьба за русскую культуру, так как культура, и русская в особенности, в своих высших взлетах – отражение связи человека с Богом. И ярчайший пример глубины, преданности и значимости подобной связи навсегда запечатлел Николай II»*^[18].

У представителей самых разных слоев нашего общества, вчерашних и сегодняшних, к Николаю II имеется много «вопросов». Либералы вопрошают, почему он «вовремя» не ввел конституцию и парламент, консерваторы, наоборот, задаются вопросом, зачем он ввел этот «парламент» и почему «вовремя» его не разогнал; красные обвиняют Государя в Ходынке и «Кровавом воскресенье», черносотенцы – в том, что он мало казнил и сажал революционеров; православные

«ревнители» ставят в вину Государю, что он построил в Петербурге мечеть и дацан и что он «недостаточно» притеснял иудеев, те в свою очередь обвиняют Николая II в том, что он «устроил» Кишиневский погром, покровительствовал Союзу русского народа и не отменил черту оседлости; церковные круги досадуют на Государя, что он не возродил патриаршества и приблизил к себе Распутина; «апологеты» Распутин, наоборот, упрекают Николая II в том, что он мало прислушивался к его советам; «русские националисты» не любят Николая II за то, что он отказался, по их мнению, от политики «русификации»; националисты бывших окраин, наоборот, обвиняют его в том, что эта «русификация» делала их культурную самобытность невозможной; «поборники» морали не могут простить Николаю II то, что при нем были публичные дома; сторонники «свободной любви» негодуют, что правительство боролось с проституцией; полуграмотные «любители» истории обвиняют Царя в том, что тот «не раздал» землю крестьянам и так далее. Все эти вопросы происходят по двум причинам: от незнания исторического материала, от непонимания личности Николая II и тех исторических условий, в которых он царствовал.

Вся советская и постсоветская историография была наполнена «ответами» на эти вопросы. Причем они давались с потрясающим по своей глупости самомнением и, по остроумию и меткому определению генерала П. Н. Краснова, «*покровительственно похлопывая Государя по плечу*»^[19]. Не бу-

дет преувеличением сказать, что вклад советской историографии в изучение личности Императора Николая II равен даже не нулю, а числу отрицательному^[20]. Прорыв в историографии Государя начался только после крушения СССР и диктатуры КПСС, когда, говоря словам Патриарха Кирилла, *«правда о жертвенном подвиге Государя Императора Николая II проросла через железобетонную плиту, которая была положена на его имени»*^[21]. Здесь, безусловно, в первую очередь надо назвать автора первой серьёзной монографии об Императоре Николае II доктора исторических наук Александра Николаевича Боханова^[22]. Он первым, кто из советско-российских историков понял, что говорить о Николае II, не затрагивая Православия, значит, ничего не понимать в этом историческом деятеле, ничего не понимать в России. *«Николай II, – пишет А. Н. Боханов, – последний христианский Царь в мировой истории. Человек и христианин в Нём слились неразделимо. Это выдающийся пример нравственной гармонии, имеющей надвременное значение, пример простой, высокой и нераздельной любви к Богу и России»*^[23]. В другом своем труде А. Н. Боханов подчеркивает: *«Без Христа, не только ничего нельзя понять в Русской истории, но самое главное – нельзя постичь смысл, содержание (“онтологию”) самой истории. Без Христа нет ни России, ни Царства, ни Империи, ни русской культуры, ни русского подвига, ни русского самопожертвования, вообще ничего значимого нет»*^[24].

Поэтому для понимания личности, деятельности и мученического подвига Императора Николая II необходимо их рассматривать не в раздельности, а исключительно в едином ключе. Между тем, несмотря на то что сегодня наблюдается очевидный рост интереса к Императору Николаю II, по-прежнему крайне малочисленна его историография. До сих пор нет полной биографии Государя, которая включала бы как описание его государственной деятельности, так и его мученического подвига. Настоящий труд претендует как раз на такое исследование. Мы попытались дать портрет Николая II и как человека, и как государя, и как мученика. Эти три ипостаси нераздельны в его личности. Часто приходится слышать, на наш взгляд, неверное мнение, что Церковь канонизировала Императора Николая II за его мученическую смерть, не найдя при этом в его жизни достаточных оснований для канонизации. Но при изучении жизни Государя мы видим, что каждый год его жизни, начиная с детства, был приближением к святости и без стяжания ее в ходе всего своего земного пути Государь не смог бы быть удостоен Богом христоподражательной Екатеринбургской голгофы.

Раскрывая образ Николая II как человека, мы приходим к пониманию его как государя, а раскрывая образ государя, мы приходим к пониманию его мученического подвига. Часто приходится слышать и читать, что мы занимаемся апологетикой Императора Николая II. Что ж, мы готовы с этим согласиться, только раскрыв при этом сам термин. «Право-

славная энциклопедия» следующим образом объясняет его: «Защита, оправдание, заступничество; речь, сказанная или написанная в защиту кого-либо»^[25]. Как святой, Император Николай II не нуждается, разумеется, ни в какой защите и заступничестве, ибо его прославил Сам Бог. Но как человек и государственный деятель он в них нуждается по-прежнему, ибо его личность и дела остаются часто непонятыми и оклеветанными. Однако, говоря в этом смысле об апологетике, не будем забывать, что она имеет под собой рациональную основу, то есть предполагает существование рациональных аргументов. Кроме того, работа наша не является, разумеется, только апологетикой. Она ставит своей целью нарисовать исторический портрет Императора Николая II как человека и государственного деятеля, таким, каким он был. В результате создается совершенно иной образ, чем мы привыкли видеть, причем как в либеральной, так и правомонархической историографии. Выясняется, что подлинный Николай II в своей государственной деятельности вовсе не был ни мягким, ни всепрощающим, ни излишне доверчивым, ни слабовольным. Перед нами встает образ человека, обладающего цельным мировоззрением, убеждениями, соединенными с очень сильным, волевым характером, крайне замкнутым и скрытным, когда дело касалось государственных дел. Будучи убежденным сторонником Самодержавия как идеологии, как принципа государственной жизни, а не обязательно управления, Николай II при этом вовсе не был ни

ретроградом, ни противником преобразований. Он не был упрям, но не любил никаких попыток на себя влиять.

Традиционный вопрос, который постоянно задают: «Совершал ли Николай II ошибки?», является, на наш взгляд, бессмысленным, ибо нет людей их не совершающих. Другой вопрос, насколько эти ошибки были судьбоносными для страны и являлись ли они причинами глобальной катастрофы 1917 года? Видный правый общественный деятель, один из авторов Аграрной реформы 1906 г. Н. А. Павлов отмечал: *«Не будем утверждать, что Государь обладал непреклонной волей. Были случаи, когда Он мог – и не проявлял её. В ущерб или на пользу стране были эти случаи уклонения от воли – подлежит обсуждению. Но не эти случаи были роковыми для страны. На них, как и на некоторых ошибках в цепи событий, останавливаться нельзя. Бесспорно одно: в главнейших вопросах судьбы страны – Государь во всё время, и до последнего часа, проявил громадное напряжение характера, выдержку и ... волю не уступающего Царских прав и не поступающего Царской честью и достоинством своей Родины Государя. Больше того, лишь Он, Русский Царь, остался до последней минуты один непоколебимо верным присяге России и за Неё безропотно не склонил, а сложил голову»*^[26].

Кроме того, говоря об «ошибках» Николая II, реальных или мнимых, мы должны учитывать, что он был гораздо более, нежели мы, информирован о той или иной ситуации, по

которой следовало принимать решение, в силу хотя бы того, что он был непосредственный участник событий. С другой стороны, мы владеем гораздо большей информацией, так как у нас есть опыт целого столетия после крушения монархии. То есть мы «мудрее» Николая II на целый век. То, что мы сегодня считаем ошибкой, вовсе не считалось таковой для Николая II. Например, являлось ли назначение генерала М. В. Алексеева начальником штаба Ставки ошибкой Государя? Глядя из сегодняшнего дня: безусловно, являлось. Как известно, Алексеев предал Царя, встал на сторону заговорщиков и сыграл одну из ведущих ролей в свержении монархии. Однако в 1915 г., когда произошло это назначение, Алексеев был одним из самых способных военачальников русской армии, только что спасший войска Юго-Западного фронта от окружения и гибели. Назначение его начальником Штаба виделось Государем, да и большей частью генералитета, большим кадровым успехом.

Часто ставится в вину Государю его отказ распустить Государственную думу накануне февральских событий. Этот отказ почти всегда трактуется как неумение Николая II предвидеть события и потеря им контроля над ситуацией. Но если учесть, что, по оперативной информации Охранного отделения, сигналом для выступлений оппозиции будет именно роспуск Думы, то действия Царя совсем не выглядят ошибочными. И. Л. Солоневич считал, что Николай II «наделал много ошибок. Сейчас, тридцать лет спустя, они кажутся

нам довольно очевидными – тридцать лет тому назад они такими очевидными не казались. Но нужно сказать и другое: история возложила на Николая Второго задачу сверхчеловеческой трудности»^[27].

Одну ошибку, причем глобальную, Государь допустил точно: он не смог до конца представить себе, до каких размеров предательство и равнодушие стали основой не только его ближайшего окружения, не только оппозиции и революционеров, но и широких слоев разных сословий. Слова Николая II, написанные им в дневнике 2 марта 1917 г. в Пскове: «Кругом измена, и трусость, и обман!» – были не метафорой, а точным определением существующего положения. Можно ли Государя винить в этой ошибке? Можно ли винить отца, до конца не верящего в то, что его родной сын может ограбить и убить его? Можно ли осудить хозяина дома из евангельской притчи, трижды посылавшего к злым виноградарям своих слуг и даже возлюбленного сына, до конца не веря, что они осмелятся его убить? Измена не просчитывается ни одним гением, тем более измена всеобщая. Тот же И. Л. Солоневич писал: «Кинжал Брута не мог предусмотреть даже Цезарь. Святой Елены не предусмотрел Наполеон. А были – “великие люди”. Царя-Освободителя почему-то не называют “великим”, хотя абсолютно очевидно, что для России он сделал безмерно больше, чем Наполеон для Франции. У Царя-Освободителя тоже был свой план. Виновен ли Царь-Освободитель в “непредусмотрительности”, когда

с манифестом о созыве Земского собора в кармане он был убит изуверской бомбой?»^[28]

Нам представляется, что вместо того, чтобы выискивать ошибки Государя, следует сосредоточиться над теми задачами, которые перед ним ставила история, выяснить, как он эти задачи решал, что ему удалось, а что не удалось сделать. Вот почему главная цель настоящего труда – создать исторический портрет Императора Николая II, показать значение его личности для России. Настоящий труд призван также развеять множество мифов, которые по-прежнему окружают имя святого Государя. Опровержение некоторых из них, как говорится, лежит на поверхности, настолько подробно и часто их опровергали: Ходынка, 9 января, «Ленский расстрел» и так далее.

Но некоторые из них, причем наиболее абсурдные, по-прежнему остаются незыблемы. Например, одним из важных русофобских мифов является утверждение о якобы «преобладающем» проценте германской крови в жилах Императора Николая II. Это весьма распространенная ложь не только безумна с точки зрения христианства, но и противоречит историческим фактам^[29]. С тем же успехом можно утверждать, что, к примеру, в жилах Людовика XVI не было ни капли французской крови. Ибо основатель династии король Генрих IV был женат на флорентийке Марии Медичи, его сын король Людовик XIII – на полуиспанке-полу-немке Анне Австрийской, его внук Людовик XIV – на ис-

панке Марии-Терезии, его правнук дофин Людовик, так и не дождавшийся короны, – на немке Марии Анне Баварской, его праправнук тоже дофин Людовик и тоже нецарствовавший – на Марии-Аделаиде Савойской, его прапраправнук король Людовик XV – на польке Марии Лещинской, его прапраправнук нецарствовавший дофин Людовик Фердинанд – на Марии-Жозефе Саксонской, его прапрапраправнук король Людовик XVI – на австрийке Марии-Антуанетте. То есть если следовать логике «крови», то замученный якобинцами дофин Людовик XVII был не французом, а каким-то испано-германцем. Разумеется, мы понимаем абсурдность подобных «теорий». Таким же абсурдом являются рассуждения, что к началу XX в. на русском престоле была не Династия Романовых, а Гольштейн-Готторп-Романовская династия, к которой и относят Императора Николая II. Эти «мудрствования» основываются на том, что Император Петр III по отцу был Гольштейн-Готторп, а по матери – Романов. Однако эти «мудрецы» почему-то называют правящую сегодня английскую династию Виндзорской, хотя по логике она должна именоваться династией Глюксбургов, так как отцом детей королевы Елизаветы II является принц Филипп Глюксбург. Однако согласно прокламации 1952 г. потомство Елизаветы II по-прежнему относится к династии Виндзоров, и никому в голову не придет называть ее Глюксбург-Виндзорской.

Неоднократно приходилось слышать утверждение «в Рос-

сии цари были немцами», потому что, дескать, они женились на немецких принцессах и с каждым новым браком доля русской крови уменьшалась, а доля немецкой увеличивалась. Как и все прочие общие места русофобского дискурса, данное утверждение является ложью, поскольку подразумевает, что немецкие супруги русских царей были чистокровными немками. На самом же деле к XVIII–XIX вв. история династических браков между европейскими правящими домами насчитывала уже много столетий. Деятельными участниками этого процесса были княжеские дома Германии, поэтому ни о какой чистоте немецкой крови их представительниц речи идти не может^[30]. Так, в числе предков Августа Сильного (а также прусского короля Фридриха Великого), помимо немцев, были англосаксы, скандинавы, французы, итальянцы, испанцы, византийцы, кельты, баски, славяне, литовцы, венгры, монголы и армяне. Причем в процентном соотношении доля славянской крови следует за долей собственно немецкой^[31]. Среди дальних предков Императора Николая II числятся: князь Западного Поморья Вартислав II, князь Восточного Поморья Мстивой I, Великий Князь Сербии Стефан Зивидич Неманя, король Польши Болеслав Храбрый, другие славянские князья и короли. Ложное впечатление о «германском происхождении» русских царей создаётся за счёт ближайших поколений их предков по той причине, что к XVIII в. почти все славянские владетельные роды вымерли. Однако огромное количество славянской крови, влившееся

в немецкие княжеские династии за предыдущие несколько столетий постоянных междинастических браков, никуда не делось. К моменту исчезновения славянских княжеских династий у немецких владетельных родов уже прочно закрепился запрет на морганатические браки, исключавший прилив в их жилы германской крови^[32].

Другой малоизвестный миф утверждает якобы изначально враждебное отношение Николая II к представительскому органу при Монархе или враждебность его к преобразованиям. Мы старались осветить наиболее подробно роль Николая II в некоторых из них, понимая, что полностью этот вопрос решить очень сложно. Мы хотим также предупредить читателя, что настоящий труд не является описанием царствования Императора Николая II. Это – описание его жизни, из которой мы взяли самые главные, по нашему мнению, эпизоды. Тем не менее мы постарались коснуться всех сторон жизни и царствования Николая II, обрисовать его характер, воспитание, образование, интересы, привычки, свойства личности, его отношение к истории, литературе, военному делу. Мы постарались дать представление о Государе как о руководителе внешней политики и как о реформаторе. Отдельные страницы посвящены Императору Николаю II как семьянину, любящему мужу и отцу. Читатель может быть несколько удивлен тем, что не найдет привычных подробных описаний отношений Николая II и Г. Е. Распутина. На наш взгляд, нет причин повторять уже много раз сказанное. Мы

попытались посмотреть на эту проблему несколько под другим углом.

Особенно подробно мы остановились на страницах, посвященных мученическому подвигу Царской Семьи. Мы посчитали необходимым не только описать её жизнь в Ипатьевском доме, но и остановиться на характере самого убийства, его организаторов и исполнителей, так как, по нашему мнению, это помогает нам более полно понять всю степень подвига святых Царственных Мучеников.

Доктор исторических наук А. Н. Боханов пишет о Николае II и его эпохе: *«Среди цинизма, безверия, нигилизма, конформизма, социальной демагогии и непримиримости, характеризовавшей русскую политическую сцену в конце XIX – начале XX века, верующий в Бога, почитающий традицию, милосердный и доброжелательный политик не мог не проиграть свою историческую партию. И его проигрыш стал проигрышем всех и вся в России»*^[33]. Но именно в этом проигрыше политика заключалась великая духовная, обращенная в будущее победа Императора Николая II, оказавшегося выше, милосерднее, доброжелательнее своей эпохи, а значит, и мудрее ее.

Все события даются нами по юлианскому календарю, за исключением тех дат, которые отмечены нами по двум календарям: старого и нового стиля.

Часть I

Наследник русского престола

Духовному взору Моему ясно представляется спокойная, здоровая и сильная Россия, верная своим историческим заветам, счастливая любовью своих благородных сынов и гордая беззаветной преданностью Престолу.

Император Николай II

Государь Николай Александрович воплотил в себе лучшие черты царей, которых знал, любил и почитал русский народ.

Святитель Иоанн Шанхайский

Глава 1. Формирование личности

Рождение и крестины

Император Николай II родился 6 мая 1868 г. в 3 часа $\frac{1}{2}$ пополудни в Александровском дворце Царского Села. Его отцом был Наследник русского престола Великий Князь Александр Александрович, матерью – Великая Княгиня Мария Феодоровна (до замужества принцесса Датская Мария Со-

фия Фредерика Дагмара). Из дневниковой записи отца Новорождённого мы можем довольно подробно восстановить день его появления на свет: «6 мая/18 мая. Понедельник. Рождение нашего сына Николая. Мини¹ разбудила меня в начале 5 часа, говоря, что у неё начались сильные боли и не дают ей спать, однако по временам она засыпала и потом опять просыпалась до 8 ч. утра. <...> боли делались чаще, чаще и сильнее. Я скорее написал Мама² записку об этом, и Мама¹ и Папа³ приехали около 10 часов. <...> Боли были всё сильнее и сильнее, и Мини очень страдала. Папа¹ помогал мне держать мою душику всё время⁴. Наконец, в 3½ пришла последняя минута и все страдания прекратились разом. Бог послал нам сына, которого мы нарекли Николаем. Что за радость была, это нельзя себе представить, я бросился обнимать мою душику жену, которая разом повеселела и была счастлива ужасно. Я плакал как дитя, и так было легко на душе и приятно. Обнялись с Папа¹ и Мама¹ от души. <...> А потом пришёл В. Б. Бажанов⁵ читать молитвы, и я

¹ Великая Княжна (с 1881 г. Императрица) Мария Феодоровна (1847–1928) – Супруга Императора Александра III.

² Императрица Мария Александровна.

³ Император Александр II.

⁴ Это не единственный случай, когда Император Александр II помогал принимать роды. Через 4 года Царь ассистировал акушерке, когда появлялся на свет его сын от княжны Е. М. Долгоруковой (Никольский Е.А. Записки о прошлом. Сост. и подгот. текста Д. Г. Браунса. М.: Русский путь, 2007. С. 80–81).

⁵ Протоиерей Василий Борисович Бажанов – духовник семьи Императора

держал нашего маленького Николая на руках. <...> Мы с ней были так счастливы и так довольны, что нельзя себе представить. Мы благодарим Господа от всего сердца и за эту милость и благодать, которую Он нам послал»^[34]. Радость родителей была тем более сильной, что Цесаревна долго не могла забеременеть. В июле 1867 г. будущий Александр III записал в своём дневнике: «Моя единственная забота и молитва, чтобы Господь даровал нам детей, как я бы был счастлив»^[35].

6 мая Русская Православная Церковь отмечает день памяти святого Иова Многострадального. Но своё имя Новорождённый получил в честь Преподобного Николая Мирликийского. Имя Николай с греческого означает – «Победитель народов».

Новорождённый был назван в память своего дяди и полного тезки: старшего сына Императора Александра II Цесаревича Николая Александровича, скончавшегося от менингита в 1865 г. Он был любимым братом Великого Князя Александра Александровича, тяжело пережившего его преждевременную кончину. Если бы не она, то Великий Князь Николай Александрович стал бы императором Николаем II, а императрицей стала бы Принцесса Дагмара, которая была его невестой. Общее горе объединило её с его братом Александром, а затем сблизило, зародив взаимное чувство симпатии. Вскоре эта симпатия переросла в любовь, ко-

тору ю оба супруга пронесли через всю жизнь, свято храня дорогую им память Великого Князя Николая Александровича. Поэтому, когда у великокняжеской четы родился сын, вопрос, как его назвать, не стоял.

К. П. Победоносцев, поздравляя Цесаревича с рождением сына, писал: *«Бог благословил Ваш союз, дал Вам сына и всем нам дал будущего Цесаревича Николая Александровича. В новорождённом Великом Князе повторилось и новою жизнью ожило для нас, милое, незабвенное имя покойного Цесаревича, которое мы у себя в сердце носим, и пусть новорожденный Ваш будет на него похож и нравом, и умом, и тою родною любовью к России, которая всегда в нем сказывалась, всякого привлекала к нему, у всякого поднимало в душе радостную надежду»*^[36].

6 мая 1868 г. Россия узнала о рождении первого внука царствующего Императора из 101 залпа артиллерийского салюта со стен Петропавловской крепости и Высочайшего манифеста, в котором повелевалось *«писать и именовать во всех делах, где приличествует, Сего Любезного Нам Внука, Новорождённого Великого Князя, Его Императорским Высочеством»*^[37].

8 мая 1868 г. Император Александр II повелел: *«Рождение Любезнейшего Внука Нашего Великого Князя Николая Александровича повелеваем праздновать в 6-й день мая, а Тезоименитство в 6-й день декабря»*^[38]. Теперь имя «Благоверного Государя, Великого Князя Николая Александровича»

проводилось на Великой Ектенье в списке главных лиц Династии и государства вслед за Императором, Императрицей, Цесаревичем и Цесаревной. С. С. Ольденбург отмечал, что Великий Князь Николай Александрович «как старший сын Наследника с первых своих дней находился на прямом пути к престолу». Со времён Александра I это было впервые: ни Николай I, ни Александр II, ни Александр III не родились Наследниками, не готовились с детства занять престол. *«Перед Великим Князем Николаем Александровичем был начертанный в законе ясный путь к Престолу. Прямой путь и дальний: и дед его, и отец были не стары, в расцвете своей силы. Великий Князь был, как бы обручён с Россией с первого своего дня. Это налагало особый отпечаток на воспитание, на отношение окружающих, на всю духовную его жизнь»*^[39].

Великий Князь Николай Александрович появился на свет через три недели после того, как Россия торжественно отметила 50-летие царствующего Императора Александра II. Царь-Освободитель находился в зените своих великих преобразований. Уже была отменена крепостная зависимость, начались земская и судебная реформы, готовилась реформа военная. На внешнеполитической арене Россия уверенно восстанавливала свой престиж, сильно поколебленный неудачной Крымской кампанией. За четыре года до рождения Великого Князя Правительство сумело подавить кровавый мятеж польской шляхты, стоивший жизней многим тысячам русских и поляков. Однако с середины 60-х гг.

в стране стали проявляться опасные тенденции. 4 апреля 1866 г. произошло доселе неслыханное в России событие: студент-недоучка Дмитрий Каракозов неудачно стрелял в Царя у Летнего сада. Государя спас крестьянин Костромской губернии О. И. Комиссаров, толкнувший злодейскую руку. Сначала все решили, что выстрел Каракозова – единичный случай психопата-одиночки. Однако вскоре после покушения полицией были ликвидированы две террористические организации «Организация» и «Ад», ставившие своей целью крестьянскую революцию путём массовых терактов, которая должна была начаться с убийства Царя. Филиалы этих организаций находились в нескольких российских городах. Полиция постоянно получала сообщения о готовящихся новых покушениях на Государя. Так что рождение внука было для Александра II, помимо семейной радости, событием большой государственной важности – укреплением и продолжением царствующего Дома Романовых, ведь на свет появился будущий Император.

Поэтому рождению Великого Князя Александр II придал характер особого торжества: была объявлена широкая амнистия и были прощены государственные недоимки, все лица, приговорённые к каторжным работам, освобождались от них и выселялись на поселения^[40].

Царственный младенец, конечно, не знал обо всех этих государственных и политических событиях, причиной которым стало появление его на свет. Няньки и кормилицы по-

ражались спокойному нраву младенца, а отец несколько раз отмечал в дневнике, что «ангел» на редкость улыбчив и почти всегда «*в духе*»^[41]. Княгиня В. Ф. Вяземская, посетив маленького Николая вскоре после его рождения, нашла, что «*носик у Новорождённого*» копия отцовского^[42].

В обычаях русского Царского, а затем и Императорского домов было грудное вскармливание царственных младенцев кормилицами. Их тщательно отбирали из числа русских крестьянок, в XIX в. чаще всего из Петербургской губернии. Между Августейшими особами и кормилицами устанавливались особые отношения. Кормилицы получали большую пожизненную пенсию, а государи иногда становились крестниками их детей. Так, Император Николай II крестил сына второй кормилицы⁶ Великой Княжны Ольги Николаевны крестьянки К. А. Воронцовой. Примечательно, что роды у неё принимали в Петергофском дворцовом госпитале^[43]. Что касается кормилиц самого Николая II, то до нас дошли сведения о крестьянке г. Тосно М. А. Устиновой-Смолиной. После окончания кормления на полученное жалованье она смогла построить себе в Тосно богатый дом, в котором сегодня находится краеведческий музей. Сама М. А. Смолина, её муж и дети были замучены большевиками в 1918 г.^[44]

На следующий день после рождения младенца в Большом Царскосельском дворце в присутствии всей Императорской

⁶ Первой и основной кормилицей своих детей была сама Императрица Александра Феодоровна.

Фамилии был отслужен благодарственный молебен. Через две недели, в понедельник 20 мая 1868 г., в церкви Воскресения Христова Большого дворца над Новорождённым Великим Князем Николаем Александровичем было совершено таинство святого Крещения. Длинный поезд из золоченых карет двинулся от Александровского дворца в Большой Екатерининский. Несмотря на то что расстояние между ними небольшое, процессия двигалась очень медленно. Это объяснялось как вопросами безопасности Новорождённого, так и огромным скоплением на улицах народу и экипажей. Великий Князь Александр Александрович писал в дневнике, что «*проезду решительно не было*»^[45]. Сам виновник торжества следовал в золотой карете, в сопровождении конвоя линейных казаков.

Следуя православной традиции, отец и мать Крещаемого не присутствовали в церкви во время Таинства. Великая Княгиня Мария Фёдоровна, над которой не были ещё прочитаны очистительные молитвы, позволяющие женщине вновь посещать храм после родов, оставалась дома. Цесаревич Александр вошел в церковь вслед за своим отцом-Императором и с началом Таинства покинул храм^[46]. Крестил протоиерей Василий Бажанов. Восприемником были: Император Александр II, королева Дании Луиза, Великая Княгиня Елена Павловна⁷, датский наследный принц Фредерик⁸^[47].

⁷ Вдова Великого Князя Михаила Павловича, дяди Императора Александра II.

⁸ Будущий датский король Фредерик VIII (1843–1912).

Присутствовала также Императрица Мария Александровна, Великие Князья Владимир и Алексей Александровичи. Во время церемониального шествия в церковь чрез залы дворца младенца несла гофмейстрина княгиня Ю. Ф. Куракина, которую с обеих сторон поддерживали канцлер князь А. М. Горчаков и фельдмаршал князь А. И. Барятинский^[48].

После окончания таинства началась обедня, на которой присутствовал и отец Новокрещённого. Во время литургии Николай Александрович впервые удостоился принятия Святых Христовых Таин: во время обедни Императрица Мария Александровна поднесла его к Святой Чаше, а Александр II и Александр Александрович её поддерживали^[49].

В соответствии со ст. 157 Основных законов после совершения таинства на младенца были возложены высшие орденна Российской империи: Святого Апостола Андрея Первозванного, Святого благоверного Великого Князя Александра Невского, Белого Орла, Святой Анны 1-й степени и Святого Станислава 1-й степени.

Родители

Как известно, мировоззрение человека начинает формироваться в детстве. То начало, которое закладывается родителями в ребёнка с первых лет, как правило, определяет его духовный уклад на всю оставшуюся жизнь. Николай II с первых дней своей жизни рос в условиях дружной и крепкой

семьи, в которой царили любовь, верность, взаимопонимание и взаимоуважение. Позже эти принципы Николай II перенесёт в свою собственную семью. Пример родителей всегда был у него перед глазами. Без представления о характере семьи последнего Государя, тех нравственных основ, которые были заложены в нем его Родителями, нельзя понять его личности.

Брак Александра III и Марии Феодоровны был удивительно счастливым. Доктор ист. наук А. Н. Боханов пишет: *«Александр III был искренне счастлив в браке. Счастлив со дня свадьбы и до последнего земного мига»*^[50]. Это при том, что характеры супругов были далеко не одинаковыми. Император Александр III был человеком замкнутым, любящим уединение и общество близких ему людей. Глубокая, благородная и прямая натура, он тяготился всяких церемоний, балов и спектаклей. Александра III никогда не пугали неудобства быта, ему с детства была чужда тяга к роскоши, которую проявляло немалое число его ровесников, принадлежащих к аристократическим кругам. Летом 1864 г. он впервые был послан отцом в составе Конногвардейского полка на военные сборы в военный лагерь в Красном Селе. Там Великому Князю приходилось жить в палатке, подниматься в 5, а то и в 4 часа утра, делать многокилометровые марши. Но такая жизнь совсем не тяготила его. Его расположенность к бытовой простоте отражалась на многом, в том числе и на отношении к пище. Александр III всю жизнь предпочитал раз-

личным деликатесам щи, уху, жареную рыбу, котлеты, кашу, жаркое, квашеную капусту, моченые яблоки, соленые огурцы, простоквашу. Самым вкусным и изысканным блюдом он считал гурьевскую кашу (манная каша с яйцами, запеченная в духовке и подаваемая с орехами, фруктами, сметаной или сладким сиропом). Никогда не злоупотреблял спиртным и ни разу в жизни не был пьян^[51].

С. Ю. Витте утверждал, что *«у Императора Александра III было совершенно выдающееся благородство и чистота сердца, чистота нравов и помышлений. Как семьянин – это был образцовый семьянин; как начальник и хозяин – это был образцовый начальник, образцовый хозяин»*^[52]. Умиротворение Александр III находил в церковной молитве и в кругу своей семьи. Когда у него появлялось свободное время, он любил читать. Чтобы понять уровень его интеллекта, достаточно сказать, что любимым его писателем был Ф. М. Достоевский, которого он знал и высоко ценил. Историк И. Е. Забелин уверял, что Александр III был знаком с сочинениями Достоевского отлично^[53]. Когда писатель скончался, Великий Князь писал: *«Очень и очень сожалею о смерти бедного Достоевского. Это большая потеря, и положительно никто его не заменит»*^[54].

Александр III любил и хорошо знал русскую историю. В. О. Ключевский писал: *«Государь умел находить досуг для скромной учёной работы, особенно по изучению отечественной истории и древностей и был глубоким знатоком в неко-*

торых отделах русской археологии, например, в иконографии. <...> Его державная рука щедрой помощью поддерживала и поощряла труды по изучению и восстановлению памятников отечественной старины. Многим ли, например, известна великодушная и просвещённая помощь, оказанная им при реставрации дворца царевича Дмитрия в Угличе?»^[55] Генерал Н. А. Епанчин отмечал, что Александр III своё «свободное время с любовью посвящал изучению русской истории, а ведь она в нашем обществе далеко не в авантаже обреталась»^[56].

Александр III не принимал духа «Истории государства Российского» Карамзина, в частности его уничижительного отношения к Иоанну Грозному, и высказывал особенное сочувствие стихотворению А. Н. Майкова «У гроба Грозного Царя»^[57]. По инициативе Александра III в Москве был создан Исторический музей. Русский историк В. В. Назаревский отмечал: «Никто из царственных предшественников Александра III не занимался столько изучением русской истории, как он: в этом отношении он превзошёл и Петра I и Екатерину II. Очевидно, что из своих исторических занятий он черпал идеи, которыми он руководствовался для своего правления»^[58]. 13 мая 1895 г. Император Николай II повелел присвоить Историческому музею имя Императора Александра III^[59]. По предложению коллектива музея в вестибюле здания был установлен бюст Царя-Миротворца^[60].

Хорошо знавший Александра III граф С. Д. Шереметев

вспоминал: «*Пристрастие его склонялось в особенности к древностям русским, к памятникам зодчества, орнаментации, иконописи, фресок и мозаики. Он любил говорить об этом и вызывал на разговоры*»^[61].

Царь поражал старика песенника К. И. Романова знанием старинных русских песен, которых никто «*окромя него*» и в народе-то не знал^[62]. Александр III очень любил русскую духовную музыку: Д. С. Бортнянского, особенно А. Ф. Львова и его Херувимскую песнь. Из светской музыки особенно любил М. И. Глинку, Р. Вагнера, особенно П. И. Чайковского. На годы царствования Александра III пришлись главные балетные премьеры композитора. Примечательно, что члены семьи Александра III посещали даже репетиции и генеральные прогоны новых балетных постановок на музыку Чайковского. Граф С. Д. Шереметев вспоминал, что однажды, в 1893 г., Александр III «*потребовал, чтобы сыграли одну из пьес Чайковского. Хор играл в этот день особенно хорошо, и впечатление было сильное. Государь пожелал повторения и слушал с видимым наслаждением, да и нельзя было иначе. Все разошлись несколько позднее обыкновенного и под чудным настроением, а на другой день узнали, что в это самое время, когда всё происходило в Гатчине, умирал Чайковский. Казалось, мы слышали его лебединую песню. И тот, кто слушал её так внимательно и так наслаждался ею, ненадолго пережил его. Мог ли кто из нас тогда это предчувствовать?*»^[63].

Н. А. Епанчин свидетельствовал: «Император Александр III был чисто русский человек, и это проявлялось не только во внешней его политике, но и в делах, казалось бы, не очень важных. Так, например, он установил, чтобы лица свиты, им пожалованные, имели на эполетах и погонах вензель его имени, исполненный славянской вязью; он восстановил древний русский обычай иметь на знамёнах Лик Спасителя, а на верху древка восьмиконечный крест»^[64]. Александр III «чрезвычайно любил русскую баню. Во дворцах, где он жил, баня была необходимою принадлежностью»^[65].

Лейб-медик Александра III Н. А. Вельяминов вспоминал, что Царь никаких иностранных языков в своем обиходе не допускал и говорил по-французски только с Императрицей, но «плохо, как часто говорят именно русские»^[66]. На сербском послании, присланном ему по-французски, Государь написал: «Отчего же по-французски, а не на русском языке? Как будто пишут для иностранцев, а мы с вами по-русски не понимаем»^[67].

Великая Княгиня Ольга Александровна рассказывала: «Моего отца называли мужицким Царём. Потому что он действительно понимал крестьян. Подобно Петру Великому, он не переносил помпезности и роскоши, у него были простые вкусы и, по его словам, он чувствовал себя особенно свободно, когда мог облачиться в простое крестьянское платье»^[68].

Характерна резолюция Императора Александра III на хо-

датайстве жены действительного статского советника католички Е. Фрибис продать бывшее подуховное имение либо лицу католического вероисповедания, либо местным крестьянам: *«Согласен, но непременно, чтобы земля была продана крестьянам, а не лицам католического вероисповедания»*^[69].

Императрица Мария Феодоровна обладала совсем другим характером. Общительная, временами могущая казаться легкомысленной, обожающая зрелища, балы, театры, увеселения, одевающаяся по последнему «писку» моды, она внешне была полной противоположностью своему Августейшему супругу.

Тем не менее они как нельзя лучше подходили друг к другу: могучий Царь-Миротворец удивительно гармонировал со своей миниатюрной женой. Когда они расставались, что случалось нечасто, то писали друг другу письма, полные самой нежной заботы и любви. Александр III признавался жене, что ему без неё *«становится очень грустно»*, *«душа пребывает в тоске»*^[70]. Императрица испытывала к мужу те же чувства: *«Весь день я думала о Тебе с грустью и настоящей тоской. Мне Тебя страшно не хватает. А мысль о том, что Ты сейчас так одинок и печален в Гатчине, буквально всю меня переворачивает»*^[71]. Тяжёлая болезнь сына Георгия, к которой в 1894 г. присоединилась болезнь Супруга, заставляли Марию Феодоровну разрываться между ними. 10 мая 1894 г. Императрица писала Александру III: *«Мой дорогой и*

любимый душка Саша! Это ужасно, что мы опять с Тобой расстались. Я так расстроена и не понимаю почему Ты не захотел поехать со мною! Это настоящий грех, потому что для меня покидать Тебя просто нестерпимо. <...> Разлука с Тобой мучительная для меня, мой любимый Саша. Я смотрела на Тебя, стоящего у коляски в тот момент, когда поезд трогался. Нужно было еще приветствовать массу людей, стоять и улыбаться. А на сердце у меня было так тяжело, так тяжело»^[72].

Но, будучи в самых сердечных отношениях с Императрицей Марией Феодоровной, Император Александр III никогда не допускал ее вмешательства в государственные и служебные дела, решительно пресекая с её стороны хотя бы самые лёгкие в этом поползновения^[73]. Александра III и Марию Феодоровну, при всей разности их характеров, объединяли духовно-нравственные основы: вера в Бога, верность долгу, самоотверженность, благородство характера, чистота помыслов и жизни. Эти качества они не «изобрели», не «выдумали», а получили от своих родителей. Александр III нежно и глубоко любил свою мать – Императрицу Марию Александровну. После её кончины он писал жене 22 мая 1884 г.: «Если есть, что доброе, хорошее и честное во мне, то этим я обязан естественно нашей дорогой милой Мама!»^[74] Глубокое чувство испытывал Александр Александрович к своему Державному Родителю – Императору Александру II, которого «очень любил и уважал»^[75]. Тем не менее в послед-

ние годы их отношения были омрачены женитьбой Александра II на княжне Е. М. Долгоруковой, с которой он сошёлся ещё до смерти Императрицы Марии Александровны. Граф С. Д. Шереметев вспоминал, что, когда Александр II посещал Аничков дворец, в котором жил с семьей Наследник, все ощущали некую отчужденность между отцом и сыном. *«Цесаревич отличался спокойным темпераментом, и его семейная жизнь была образцовой; не то было у Императора Александра II. Супруга его много страдала нравственно, вследствие измены мужа, и это не мог не принимать к сердцу сын ее, Цесаревич. Вследствие этих условий между отцом и сыном не было тесных, дружеских, родственных отношений»*^[76]. Несмотря на это, Цесаревич Александр Александрович никогда не позволял ни словом, ни делом осудить своего отца. Память об убиенном Императоре всегда свято чтилась в Царской Семье, а о его второй семье Александр III и Мария Феодоровна проявляли неизменную заботу. В дневнике Николая Александровича можно найти сведения, что *«за завтраком были Княгиня Юрьевская⁹ и Гоголь¹⁰»*^[77].

У маленького Николая было двое дедушек и две бабушки, правда, одну из них, мать отца, Императрицу Марию Александровну, он не помнил: она скончалась 22 мая 1880 г., ко-

⁹ Морганатическая вдова Александра II.

¹⁰ Светлейший князь Георгий Александрович Юрьевский – старший сын Александра II от морганатического брака.

гда юному Великому Князю было 2 года. С Императором Александром II, королём Христианом и королевой Луизой он сохранял добрые, любящие отношения. Дедушек он называл «Анпапá», а бабушку «Анмамá». Особые отношения сложились у маленького Великого Князя с Александром II. Баронесса С. К. Буксгевден свидетельствовала: «*Николай II рассказывал с глубоким чувством о своем деде Александре II. <...> Его маленький внук Николай был самым дорогим его сердцу – “солнышко”, как называл его Александр II, и часы, которые он проводил с ребёнком, укрепляли его на время забот и беспокойства*»^[78]. Николай II позже вспоминал: «*Когда я был маленький, меня ежедневно посылали навещать моего Деда. Мы с моим братом Георгием обычно играли в его кабинете, пока он работал. У него была такая добрая улыбка, хотя лицо его всегда было неподвижным и невозмутимым*»^[79]. Участник детских игр Николая Александровича В. Оллонгрэн вспоминал: «*Однажды приехал в Аничков дворец навестить своих внуков дедушка, Император Александр Второй. Боже! Какой это был дедушка и какое счастье было иметь такого дедушку! <...> И как он умел играть, этот милый дедушка, и какой мастер был на самые забавные выдумки! Он играл в прятки и залезал под кровать. Он становился на четвереньки и был конем, а Жоржик^[80] – ездоком. Потом садился на стул, как-то отодвигал в сторону лампу, начинал по-особенному двигать пальцами, и по стенке начинал бегать то заяц, то горбатый монах. <...> Он был*

счастливы с детьми, этот дедушка, как-то по-особенному и по-смешному умел щекотать нас за ушами и подкидывал маленькую Ксению чуть не под потолок, и она, падая ему в руки, как-то вкусно всхлипывала, смеялась и кричала: – Ещё, ещё!»^[81]

Особую роль в жизни Николая Александровича всегда играл его Державный отец. Глубокое чувство любви к нему сочеталось с не менее глубоким почитанием, можно сказать преклонением. Уже будучи Императором, Николай II при принятии решений по тем или иным вопросам государственного управления постоянно мысленно обращался к своему покойному отцу, как бы испрашивая у него совета. 3 ноября 1897 г. Государь писал матери: «Его (Александра III. – П. М.) святой пример, во всех Его деяниях постоянно в моих мыслях и в моем сердце – он укрепляет меня и дает мне силы и надежды, и этот пример не дает мне падать духом, когда приходят иногда минуты отчаяния, я чувствую, что я не один, что за меня молится Кто-то, который очень близок к Господу Богу – и тогда наступает душевное спокойствие и новое желание продолжать то, что начал делать дорогой Папа»^[82].

При этом авторитет отца для Николая II никогда не имел ничего общего с диктатом. В его основе лежали любовь, доверие и безграничное уважение. Причём эту любовь к Александру III разделяли все его дети. «Отец был для меня всем, – вспоминала Великая Княгиня Ольга Александров-

на. — Как бы ни был он занят своей работой, он ежедневно уделял мне эти полчаса»^[83].

Александр III любил всех своих детей и, конечно, своего первенца Николая. Граф Д. С. Шереметев свидетельствовал, что для Александра III *«не было лучше удовольствия, как возиться с детьми. Можно сказать, что дети вообще были его друзья. Чего только не выкидывал он с ними и сам играл с ними, как ребёнок. Детские воспоминания должны сохранить не одну черту его неисчерпаемого добродушия, его неизменной ласки, его сердечного привета»*^[84]. В одном из писем к Императрице Марии Фёдоровне Александр III замечал: *«То, что ты мне пишешь про Ники, когда он получил мое письмо, меня, правда, очень тронуло, и даже слёзы показались у меня на глазах, это так мило с его стороны и, конечно, уже совершенно натурально и ещё раз показывает, какое у него хорошее и доброе сердце»*^[85].

В 1877–1878 гг. Александр III, тогда Наследник престола, был участником Русско-турецкой войны и командовал Рущукским отрядом. Девятилетний сын Николай, или, как называли его близкие, Ники, постоянно писал отцу в Действующую армию. Маленький Ники сообщал отцу о своих детских делах и заботах: *«Милый Папа. Теперь очень холодно, был лёд на пруде. Мы ездили верхом. Джорджи упал с лошади. Сегодня очень сильный ветер. Володя сказал, что мы все выросли. Именно Ксения. Апрак. [сина] всё продолжает свою скверную привычку пить квас прежде супа. Целую Те-*

бя. Твой Ники»^[86]. В другом письме: «Скучно быть без Тебя. Приезжай скорее к нам. У меня опять был нарыв. В Гапсале мы провели время очень весело. Во время завтрака и обеда играл Кронштадтский хор. У нас на острове есть ручные кролики, которые едят из рук. Целую Тебя и Аннана¹¹. И кланяюсь Вам. Твой Ники»^[87].

Ответы отца отличались той же трогательной любовью: «Благодарю вас мои душки Ники и Жоржи за ваши письма. Мне очень скучно и грустно без вас, и я часто думаю о вас и душе Ксении. Как давно мы не виделись, и я думаю, вы меня совершенно уже забыли. <...> Как мне хочется скорее приехать к вам, назад домой. Целуйте от меня крепко Мама́ и не забываюте вашего Папа́, молитесь за него и за наших молодцов солдат»^[88].

По воспоминаниям современников, Императрица Мария Федоровна была с детьми строже, чем Супруг. По свидетельству Ольги Александровны: «Именно Император, а не Императрица был ближе к детям. По признанию Великой Княгини их с матерью разделяла пропасть. Императрица Мария Федоровна великолепно выполняла свои обязанности Царицы, но она всегда оставалась ею, даже входя в детскую. Ольга и Михаил боялись мать. Всем своим поведением она давала понять, что их крохотный мирок с их мелкими проблемами не очень-то интересует её. Маленькой Ольге никогда не приходило в голову искать у родительницы утешения

¹¹ Император Александр II.

и совета»^[89].

Конечно, следует учитывать, что воспоминания Великой Княгини были записаны Яном Ворресом, который, мягко говоря, любил украшать эти воспоминания своими домыслами. Не вызывает сомнения, что моральное влияние матери на Цесаревича, а потом и молодого Государя было не меньшим, чем влияние отца. Николай II позднее вспоминал: *«Когда я был маленьким, я был любимцем моей матери. Только появление маленького Миши отставило меня, но я помню, как я следовал за ней повсюду в мои ранние годы»*^[90].

Императрица Мария Феодоровна говорила о своём старшем сыне: *«Он такой чистый, что не допускает мысли, что есть люди совершенно иного нрава»*^[91]. Мать с детства внушала Ники, что вежливость, деликатность, дружелюбие, внимание к людям суть основа человеческих взаимоотношений. *«Никогда не забывай, – писала она во время прохождения им военной службы в Лейб-гвардии Преображенском полку, – что все глаза обращены на тебя, ожидая, каковы будут твои первые самостоятельные шаги в жизни. Всегда будь воспитанным и вежливым с каждым, так, чтобы у тебя были хорошие отношения со всеми товарищами без исключения и в то же время без налета фамильярности или интимности, и никогда не слушай сплетников»*^[92].

Цесаревич отвечал матери: *«Всегда буду стараться следовать твоим советам, моя душка Мама»*^[93]. Их сердечная и доверительная переписка продолжалась всю жизнь. 14 но-

ября 1877 г. девятилетний Ники поздравлял свою Матушку с днём её рождения: *«Милая Мама! Тебя поздравить я пришёл. Дай Бог тебе в нас видеть счастье, утешение»*^[94]. Через 10 лет в письмах 19-летнего Наследника мы встречаем те же чувства любви и заботы. *«Моя милая дорогая Мама! – писал он 21 июля 1887 г., после отъезда Марии Феодоровны и Александра III в Данию. – Сегодня уже второй день, что я здесь страшно скучаю без Вас всех милых и катаюсь по Александрии как какая-нибудь тень без своего господина»*^[95]. 9 января 1891 г.: *«Моя милая дорогая душка Мама! От всего сердца благодарю Тебя и дорогого Папа! за ваши прелестные письма, которые для меня драгоценнее всех подарков на свете»*^[96].

Во время своего кругосветного путешествия Цесаревич почти еженедельно писал Родителям письма, исполненные теми же чувствами любви и заботы, как и его детские письма: *«Мой милый, дорогой Папа! Не знаю, как мне тебя благодарить за Твои четыре последних письма, за Твою ангельскую доброту писать ко мне с каждым фельдъегерем, когда я знаю, что у Тебя и без того совсем свободной минуты нет. Они меня укрепляют духом»*^[97]. В другом письме 1891 г.: *«Когда думаешь о своём доме и о том, что вы в эту минуту делаете, то сердце невольно сжимается при мысли о том громадном пространстве, которое разделяет нас ещё. Несколько раз я впадал в безотчетную тоску и проклинал себя за то, что задумал идти в плавание и на такой*

долгий срок расстаться с вами»^[98].

Великий Князь Николай Александрович рос крепким и здоровым. Совсем маленьким он любил играть со старинной погремушкой, осыпанной бриллиантами, которую по приказу Екатерины Великой изготовили для её внука Александра, будущего Императора Александра I. С тех пор эта погремушка передавалась «по наследству» наследникам престола. В 1869 г. бабушка «милого Ники» Императрица Мария Александровна подарила ему погремушку^[99]. Все игрушки предыдущих монархов не просто бережно хранились. Ими в детстве играли и другие будущие государи. Так создавалась преемственность поколений великой Династии, складывалось представление о ней как о единой семье, представители которой и после смерти незримо присутствуют в жизни своих потомков. После революции и убийства Царской Семьи большевистские мародёры и гробокопатели, среди которых был и певец одесской уголовной «братвы» Исаак Бабель, занимались расхищением личных царских вещей. Бабель с каким-то сладострастием вспоминал, как он и его подельники, затягиваясь царскими сигарами, *«остаток ночи провели, разбирая игрушки Николая II, его барабаны и паровозы, крестильные его рубашки и тетрадки с ребячьей мазней»*^[100].

Когда Ники повзрослел, он любил совершать с родителями длинные пешие прогулки и, по словам его отца, *«никогда не уставал»*. Родители Николая II имели чёткое представление, какими должны быть их дети. Александр III говорил

воспитательнице своих сыновей: «Имейте в виду, что ни я, ни Великая Княгиня не желаем делать из них оранжерейных цветов. Они должны шалить в меру, играть, учиться, хорошо молиться Богу. Учите хорошенько мальчуганов, повадки не давайте, спрашивайте по всей строгости законов, не поощряйте лени в особенности. Мне фарфора не нужно. Мне нужны нормальные, здоровые русские дети. Подерутся – пожалуйста. Но доказчику – первый кнут»^[101].

Дети Александра III воспитывались в скромности и трудолюбии. Великая Княгиня Ольга Александровна вспоминала: «Все мы питались очень просто. К чаю нам подавали варенье, хлеб с маслом и английское печенье. Пирожные мы видели очень редко. Нам нравилось, как готовят нам кашу. На обед чаще всего подавали бараньи котлеты с зеленым горошком и запеченным картофелем, иногда ростбиф»^[102]. Карманных денег у царских детей не было. То, что они выбирали в качестве подарков для друзей и знакомых, оплачивалось из казны.

Императрица Мария Феодоровна принимала живейшее участие в образовании Наследника престола. Можно сказать, что её роль в этом деле была ведущей. Император Александр III, загруженный тяжелой ношей ежедневного царского труда, конечно, не мог уделять образованию своих детей полное внимание. Эту роль взяла на себя Императрица. В этой связи неизвестно кем пущенный слух о том, что якобы Мария Феодоровна считала своего старшего сына непригод-

ным к царствованию и хотела «заменить его» младшим сыном Михаилом, — является ложью, сродни которой неоднократно опровергаемая клевета о «пьянстве» Александра III.

Формирование личности и характера

У Александра III и Марии Феодоровны было пятеро детей: Николай (6 мая 1868), Александр (7 июня 1869), Георгий (27 апреля 1870), Ксения (25 марта 1875), Михаил (22 ноября 1878) и Ольга (1 июня 1882). Великий Князь Александр Александрович прожил меньше года: он скончался от менингита 2 мая 1870 г. Это была первая смерть в жизни Николая II. Двухлетний Великий Князь принял известие о кончине брата спокойно и, когда его подвели к смертному одру, не боялся, поцеловал усопшего в лоб и положил в кроватку розу, как ему сказали^[103].

Николай Александрович был особенно дружен со своим средним братом, Великим Князем Георгием Александровичем, который был младше его на три года и который был любимым товарищем детских игр. Великая Княгиня Ольга Александровна вспоминала: *«У Георгия было особое чувство юмора. Всякий раз, как он выдавал особенно удачную шутку, Ники записывал ее на клочке бумаги и прятал в “шкатулку курьезов” вместе с другими памятками своего отрочества. Шкатулку эту он хранил у себя в кабинете, когда стал Царём. Зачастую оттуда слышался его весе-*

лый смех: *Ники пересчитывал извлеченные из тайника шутки брата*»^[104].

До семилетнего возраста маленького Великого Князя обслуживал штат из 24 человек. Среди них были учительница грамматики А. П. Оллонгрэн, няня-англичанка, две камер-юнгферы, две камер-медхен, гладильщик и два камердинера. Помимо этого, в штат входили лакеи, истопники, два повара^[105]. Была и русская няня М. С. Воробьева. Она до конца своих дней питала к своему воспитаннику самые добрые чувства. После неудачного покушения на Цесаревича Николая Александровича в японском городе Отцу М. С. Воробьева написала ему письмо: *«Господь Всемилосердный сжалился над нами и сохранил жизнь дорогого Наследника Цесаревича, особенно эту радость и благодарность чувствую я, которая пользуюсь Его благодеяниями и по милости Наследника Цесаревича имею приют и убежище в болезни и старости. Припадаю к стопам Его Императорского Величества с беспредельным чувством благодарности и молитвы за всю Царскую Семью. Об одном теперь только буду возносить свои молитвы ко престолу Всевышнего, да возвратится поскорее здоров и невредим в Своё доброе Отечество мой благодетель, наш обожжаемый Наследник Цесаревич. Бывшая русская няня Его Высочества Наследника Цесаревича Мария Степанова Воробьева*»^[106].

Николай Александрович с детства любил катание на коньках, греблю, атлетическую гимнастику. Его детский дневник

наполнен сообщениями об активных физических упражнениях. Он хорошо плавал, фехтовал, был прекрасным наездником. Любовь к активным видам спорта Император Николай II сохранил на всю жизнь. Конечно, Ники, как и все дети, любил играть и шалить. Его натура была живой и активной. Однако наряду с обыкновенным детскими шалостями и поведением, в молодом Царевиче всегда чувствовалось нечто необычное для его возраста. По словам его первого воспитателя англичанина К. И. Хиса, мальчик в детстве был очень застенчив, и трудно было понять, о чём он задумался.

Будущий Царь с детства никогда не терял самообладания и не горячился. Хис вспоминал: *«Бывало во время крупной ссоры с братьями или товарищами детских игр, Николай Александрович, чтобы удержаться от резкого слова или движения, молча уходил в другую комнату, брался за книгу, и только успокоившись, возвращался к обидчикам и снова принимался за игру, как будто ничего не было»*^[107].

Будущий флигель-адъютант Николая II С. С. Фабрицкий, имевший возможность наблюдать семью Александра III в Гатчине, вспоминал, что *«молодой Наследник Престола Цесаревич Николай пользовался всеобщей любовью и всюду говорили о Его простоте, ласковости и чарующем взоре, который невольно проникал прямо в душу человека, на котором случайно или нарочно останавливался»*^[108].

Любимым занятием юного Великого Князя было чтение. Преподаватель английского вспоминал: *«Он был очень любо-*

знателен и прилежен, вызывая даже добродушные насмешки других, и чрезвычайно увлекался чтением, проводя большую часть свободного времени за книгой. Любил также, чтобы ему читали и сам отлично читал вслух»^[109]. Особенно Цесаревич любил исторические книги. Хис вспоминал, что однажды он читал маленькому Николаю Александровичу книгу по английской истории, где описывался въезд в Лондон короля Иоанна Безземельного, любившего просто-народье. Толпа его встречала криками: «Да здравствует король народа!» При этих словах глаза Великого Князя заблестели, он покраснел от волнения и воскликнул: «Ах, вот я хотел быть таким». Хис ему заметил: «Вы не должны быть государем одного лишь простого народа, для Вас все классы населения должны быть равны, одинаково дороги и любимы»^[110].

В юности Государь внешне мало отличался от большинства сверстников своего круга. После окончания курса образования и военной практики у него появилось больше свободного времени, когда можно было позволить себе время от времени «хлыщить¹² по набережной»^[111]. Он был молод, любил веселые невинные развлечения, игру в бильярд, активные физические упражнения. Карты не любил, играл в них редко, но, когда играл, часто выигрывал. Иногда Цесаревич засиживался допоздна в офицерских собраниях, в которых много курили, пили лёгкие вина, иногда, как это свойствен-

¹² Хлыщить – свободно, бездумно проводить время.

но юности, слегка увлекаясь, но никогда не переходя рамки дозволенного. Впрочем, современному человеку, у которого свои «рамки дозволенного», излишества той эпохи показались бы совершеннейшей нормой.

Другим увлечением молодости Николая II был театр, в основном опера и балет. Из детского и юношеского дневника мы можем узнать, какие спектакли он посещал и что ему нравилось. 6 февраля 1884 г. Цесаревич записал в дневнике: «*В половине восьмого поехали в Большой театр¹³, где давалась в первый раз опера Чайковского “Мазепа”. Она мне страшно понравилась. В ней три акта, все одинаково хороши. Актёры и актрисы пели превосходно*»^[112]. Через две недели, 15 февраля, в дневнике появилась новая запись: «*После завтрака, в половине второго, мы поехали с Папа́ и Мама́ в четырёхместных санях в Большой театр. Давали “Дон-Кихот”. Было чрезвычайно смешно. Стуколкин¹⁴ играл роль Дон-Кихота. Танцы были очень красивы*»^[113]. 1 января 1888 г.: «*Видели Мефистофеля с Фигнером¹⁵ и Медеей Мей¹⁶... Чудно!*»^[114]. 25 февраля 1888 г.: «*Поехали в театр и видели «Евгения Оне-*

¹³ Имеется в виду Большой театр в Петербурге, в 1886 г. частично разобранный и переделанный в консерваторию.

¹⁴ Тимофей Алексеевич Стуколкин (1829–1894) – выдающийся русский танцовщик.

¹⁵ Николай Иванович Фигнер (1857–1918) – знаменитый русский бас.

¹⁶ Медя Ивановна Мей-Фигнер (1859–1952) – известная певица (меццо-сопрано).

гина» с Мравиной¹⁷. Было отлично!» Позже Император Николай II скажет о «Евгении Онегине», которого смотрел множество раз: «Великолепно! Ничего не знаю лучше этой музыки»^[115]. «Лебединое озеро» любил меньше, считая этот балет «красивым, но скучным»^[116].

В 1890 г. Николай Александрович сам попробовал себя на любительской сцене. Вместе с Великой Княгиней Елизаветой Феодоровной они поставили и сыграли во дворце Великого Князя Сергея Александровича несколько сцен из «Евгения Онегина». Представление было своеобразным подарком Императору Александру III, которому 26 февраля исполнилось 45 лет. Спектакль прошёл в присутствии Государя и Государыни и имел большой успех. Как писал в своём дневнике Цесаревич: «Публика – одно семейство»^[117].

Жизнь Цесаревича полностью и безвозвратно переменилась 20 октября 1894 г. В один миг она, беззаботная и лёгкая, превратилась в невыносимо тяжёлый труд царского служения. Исчез «милый Ники» и на его место пришёл Император Николай II, для которого этот долг стал превыше всего. Как и почему это преображение смогло осуществиться? Откуда у этого доброго, мягкого молодого человека появился характер, решительность и государственный ум, позволившие ему в течение неполных 23 лет вести корабль России через бушующее море начала XX в.? Какая сила позволила ему

¹⁷ Мравина Евгения – сценический псевдоним Евгении Константиновны Мравинской (1864–1914), известной русской оперной певицы.

смириться с насильственным отстранением от власти, пленом, глумлением, позволила пронести свой крест до конца и принять мученическую кончину в полутёмном подвале Ипатьевского дома? Безусловно, этой силой была вера в Господа Иисуса Христа, полное доверие Ему.

Любовь к Богу, как и любовь к семейным ценностям, не была у Николая Александровича случайной. Ею отличались многие представители царствующего Дома Романовых, но особенно прапрадед последнего Государя Император Павел I, его дед Император Николай I и его отец Император Александр III. Царь-Миротворец всем сердцем принял Православие благодаря своей глубоко верующей матери – Императрице Марии Александровне. После её кончины Александр Александрович вспоминал: *«Мама́ постоянно нами занималась, готовила к исповеди и говению; своим примером и глубокою христианскою верою приучила нас любить и понимать Христианскую веру. Благодаря Мама́, мы все сделали и остались истинными христианами и полюбили Веру и Церковь»*^[118]. С глубокой верой в Бога отошёл в мир иной любимец Марии Александровны, её старший сын Цесаревич Николай. Перед самой кончиной *«вошел в спальню священник и начал его исповедовать. Больной был в полной памяти, усердно молился и с великой верой радостно принял тело и кровь Христовы. Выходя от него, отец Прилежаев был весь в слезах и говорил всем, что никогда не встречал в юноше такой глубоко прочувствованной веры»*^[119].

Поразительно, что Императрица Мария Александровна, протестантка по рождению, почувствовала и приняла Православие сильнее и глубже, чем многие русские. Такой же будет супруга её внука – Императрица Александра Феодоровна.

В своих письмах Матушке Александр Александрович делился своим духовным опытом: *«Да, много в жизни человека бывает непонятного, смутного, невероятного и человек неверующий попадает в омут жизни земной и пропадает навсегда, если не опомнится. Когда что-то меня смущает, и я чувствую, что человеческими силами не выйти из тяжелого состояния души, стоит вспомнить слова Евангелия: “Да не смущается сердце Ваше, веруйте в Бога и в Мя веруйте”. И этого довольно, чтобы прийти в себя»*^[120].

Александр III выражал непоколебимую уверенность, что *«во всём, что делается на земле, есть Воля Божия. Господь, без сомнения, ведёт судьбы народов к лучшему, а не к худшему, если они, конечно, не заслуживают полного Его гнева. Поэтому да будет Воля Господня над Россией, и что ей следует исполнить, и что ей делать, будет указано Самим Господом. Аминь»*^[121]. Спустя почти 20 лет это же убеждение выразит его сын – Император Николай II: *«Во всём волен Бог один, Он делает всё для нашего блага и нужно с молитвами покориться Его святой воле!»*^[122]

Императрица Мария Феодоровна также была глубоко религиозной. 15 мая 1894 г. она писала Супругу: *«Да озарит тебя Господь Своим благословением и будет помогать тебе*

всегда и во всём. Пусть Он даст тебе силы и здоровье, чтобы ты смог ещё много лет осуществлять то большое дело, к которому Он тебя призвал, во имя процветания и славы нашей дорогой России и счастья нас всех и прежде всего моего. Такова моя усердная молитва, с которой я каждый день обращаюсь к Милосердному Богу»^[123].

В семье Александра III придавали первостепенное значение церковным службам, постам и молитве. В церкви Александр III стоял сосредоточенно, никогда ни с кем не разговаривал, становился на колени, когда пели «Отче наш» и диакон возглашал: «Со страхом Божьим!» Крестился всегда большим крестом^[124]. Вскоре после появления на свет первенца Николая его отец записал в дневнике: «*Да будет Воля Твоя Господи! Не оставь нас в будущем как Ты не оставлял нас троих в прошлом. Аминь*»^[125]. В мае 1877 г., находясь на Русско-турецкой войне, Цесаревич Александр писал Марии Феодоровне из Румынии: «*Скажи от меня Нике и Георгию, чтобы они молились за меня, молитва детей всегда приносит счастье родителям, и Господь услышит, и пример ее, как Христос никогда не отталкивал от себя детей, а напротив того, ласкал их и говорил с ними и запретил прогонять от себя*»^[126].

Отношение Николая II к Священному Писанию, и особенно к Спасителю, с самого детства отличались чувством особенной глубокой любви. Для Государя Христос был не отвлечённым понятием, не красивым мифом, не мораль-

но-нравственной доктриной, а Божественной Личностью, существующей здесь сейчас и во веки веков. Слова, чудеса и страдания Христа царственный ребёнок воспринимал так, как если бы он был их свидетелем. Участник детских игр Государя В. К. Оллонгрен вспоминал: *«В пятницу был вынос Плащаницы, на котором мы обязательно присутствовали. Чин выноса, торжественный и скорбный, поражал воображение Ники, он на весь день делался скорбным и подавленным и все просил маму рассказывать, как злые первосвященники замучили доброго Спасителя. Глазенки его наливались слезами, и он часто говаривал, сжимая кулаки: “Эх, не было меня тогда там, я бы им показал!” И ночью, оставшись одни в опочивальне, мы втроем разрабатывали план спасения Христа. Особенно Ники ненавидел Пилата, который мог спасти Его и не спас. Помню, я уже задремал, когда к моей постельке подошел Ники и, плача, скорбно сказал: – Мне жалко, жалко Боженьку. За что они Его так больно? И до сих пор я не могу забыть его больших возбужденных глаз»*^[127]. Уже в юности будущий Император записал в своём дневнике: *«Все в Воле Божьей. Уповаю на Его милосердие и спокойно, покорно смотрю в будущее»*^[128].

Будучи подростком, Николай Александрович любил бывать на богослужениях, зажигать лампадки, подходить к кресту. Эта любовь к церковной службе, к молитве затем стала его нравственным стержнем и сохранилась до конца жизни. Он с детства всегда отмечал церковные праздники в своём

дневнике. В 1884 г. юный Цесаревич писал: 20 февраля «*Великий Пост. Начали говеть. Утром одни пошли в церковь, а Папа́ пришёл туда позже*»^[129]. 24 февраля: «*Вечером исповедовался в церкви*»^[130]; 25 февраля: «*В 9 часов утра пошли в церковь. Приобщился Св. Тайн. Вечером были в церкви*»^[131].

Во время большого путешествия 1890–1891 гг. Наследник Николай встречал праздник Пасхи на корабле и писал матери: «*Мы начали говеть со вторника, <...> а причащались в страстную субботу. Вынос Плащаницы и крестный ход по всему фрегату перед заутренней были очень торжественные. Услышать Христос Воскресе на судне произвело на меня сильное впечатление*»^[132].

При посещении любого места, где находилась какая-либо христианская святыня, Николай II всегда поклонялся ей. При этом он всегда проявлял к святыне чисто русское православное отношение. Так, посещая крипту с мощами своего Небесного Покровителя Святителя Николая Мирликийского, которые, как известно, находятся в католической базилике итальянского города Бари, Цесаревич Николай Александрович писал отцу: «*В Бари я ездил в базилику и поклонился мощам моего Угодника со всеми офицерами. Приложиться не удалось, так как мощи покоятся под серебряной ракой на глубине 2-х аршин приблизительно, и видеть можно одни кости сквозь узкую дыру в земле. Для меня это было разочарованием, потому что у нас привыкли к цельным мощам, выставленным удобно для поклонения. А в Бари влезает*

на четвереньках под престол и при свете одной лампы с трудом разбираешь, что представляется глазам»^[133].

Конечно, неправильно было бы представлять, что Православие Цесаревича Николая было тождественно Православию Императора Николая II. Молодости всегда свойственна недостаточность любого опыта, в том числе и духовного. 3 октября 1894 г., еще до своего перехода в Православие, Принцесса Гессенская писала Наследнику, что ее наставник по Закону Божьему православный священник *«очень смеялся вчера, так как я активно выступала против монастырей. А как ты считаешь, разве правильно, что люди заточают себя там, вместо того, чтобы делать в мире добрые дела?»*. В своём ответе Цесаревич сообщил, что *«мы единомышленны в этом вопросе»*. Правда, тут же рассказал Принцессе, что на Руси монастыри делали очень много полезного и она это узнает, когда будет читать русскую историю. *«Мне особенно нравятся три монастыря, — пишет далее он, — которые делают исключительно много хорошего для населения, живущего рядом с ними. Это Лавра Преподобного Сергия, рядом с Москвой, другой на далёком севере, Соловецкий монастырь, а третий здесь на берегу Чёрного моря (на Кавказе), Новый Афон»^[134]*. Из этих писем видно, что это мысли очень молодых людей, только начинающих свою духовную жизнь, юная Принцесса ещё даже не была православной. К тому же Цесаревич был глубоко влюблён в свою невесту, тяготился разлукой с ней. Их юные высказывания так не похо-

жи на любовь Императора Николая II и Императрицы Александры Феодоровны к монастырским службам, к беседам с монахами, на то поистине невиданное строительство монастырей, которое было осуществлено в последнее царствование. Вся духовная жизнь Государя и Государыни была постоянным духовным взрослением, которое достигло к концу ее высшей степени – святости.

Великая Княгиня Ольга Александровна вспоминала о странном случае, какой произошел с ней и её братом Николаем: *«Мне тогда было лет десять или одиннадцать. Помню один жаркий летний день, когда брат попросил меня сходить вместе с ним в дворцовую церковь в Большом дворце в Петергофе. Зачем он хочет пойти туда, он мне не сказал, а расспрашивать его я не стала. Мне кажется, служба уже шла, потому что, как мне вспоминается, в храме ходили священники. Неожиданно началась страшная гроза. Вдруг появился огненный шар. Скользя от одной иконы к другой, расположенной на огромном иконостасе, он как бы повис над головой Ники. Он крепко схватил меня за руку; что-то мне подсказало, что для него наступило время тяжких испытаний, и что я, хотя и совсем маленькая девочка, смогу облегчить его страдания. Я почувствовала гордость и одновременно робость»*^[135].

Поразительно, что подобный же случай произошел с Императором Александром II незадолго до его трагической гибели. Об этом позже вспоминал свидетель происшедшего –

Николай II: «Когда я был маленький, меня ежедневно посылали навещать моего Деда. Мои родители отсутствовали, а я был на всенощной с моим Дедом в маленькой церкви в Александрии. Во время службы разразилась сильная гроза, молнии блистали одна за другой, раскаты грома, казалось, потрясали всю церковь и весь мир до основания. Вдруг стало совсем темно, порыв ветра из открытой двери задул пламя свечей, зажжённых перед иконостасом, раздался продолжительный раскат грома, более громкий, чем раньше, и вдруг я увидел огненный шар, летевиший из окна прямо по направлению к голове Императора. Шар (это была молния) закружился по полу, потом обогнул паникадило и вылетел через дверь в парк. Моё сердце замерло, я взглянул на моего деда – его лицо было совершенно спокойно. Он перекрестился так же спокойно, как и тогда, когда огненный шар пролетал около нас, и я почувствовал, что нужно просто смотреть на то, что произойдёт, и верить в Господню милость так, как он, мой дед, это сделал. После того, как шар обогнул всю церковь и вдруг вышел в дверь, я опять посмотрел на деда. Лёгкая улыбка была на его лице, и он кивнул мне головой. Мой испуг прошёл, и с тех пор я больше никогда не боялся грозы»^[136].

Глава 2. Жизнь Цесаревича

В декабре 1876 г. восьмилетний Великий Князь Николай Александрович сопровождал Императора Александра II в Академию наук на празднование её 150-летнего юбилея. Это произошло по воле самого Императора, который захотел, *«чтобы Ники присутствовал»* на этой годовщине, так же как он сам присутствовал полвека назад на столетнем юбилее Академии. При этом Александр II во всеуслышание заявил, *«что надеется, что через 50 лет Ники будет также присутствовать и что Саша будет с ним»*^[137]. Самому Императору Александру II оставалось жить меньше пяти лет.

1 марта 1881 г. Цесаревна Мария Фёдоровна решила ехать со старшим сыном кататься на ледяной каток. Около 15 час. присутствовавшие в Аничковом дворце слышали два мощных взрыва, раздавшиеся со стороны Екатерининского канала. Вслед за ними пришло страшное известие: Государь тяжело ранен какими-то злодеями. Как позже было установлено, ими были члены террористической организации *«Народной Воли»* Николай Рысаков и Игнатий Гриневицкий. Первую бомбу бросил Рысаков. От её взрыва Александр II не пострадал, но были тяжело ранены кучер, казак и смертельно случайный мальчик-прохожий. Царь, выйдя из кареты, обеспокоился оказанием помощи раненым, а затем хотел видеть задержанного. Подойдя к схваченному Рысако-

ву, который назвал себя вымышленным именем, Царь сказал ему: «Хорош!» – и пошёл к ограде Екатерининского канала, туда, где стоял террорист Гриневицкий. Тот бросил под ноги Государю вторую бомбу. Вечером было оглашено сообщение министра внутренних дел графа М. Т. Лорис-Меликова: *«Сегодня, 1 марта, в 1 ч. 45 м. при возвращении Государя Императора с развода, на набережной Екатерининского канала, у сада Михайловского дворца, совершено было покушение на священную жизнь Его Величества, посредством брошенных двух разрывных снарядов: первый из них повредил экипаж Его Величества, разрыв второго нанёс тяжёлые раны Государю»*^[138].

Император Александр II, истекающий кровью, произнёс: *«Во дворец, там умереть...»* Израненного Государя доставили в Зимний, внесли на ковре в его кабинет и уложили на кровать, возле письменного стола, за которым он обычно работал. К умирающему отцу немедленно прибыли Цесаревич Александр Александрович, Цесаревна Мария Феодоровна и их старший сын Великий Князь Николай. Двоюродный дядя Николая II, друг его юношеских игр, Великий Князь Александр Михайлович вспоминал: *«Император Александр II лежал на диване у стола. Он был в бессознательном состоянии. Три доктора были около него, но было очевидно, что Государя нельзя было спасти. Ему оставалось несколько минут жизни. Вид его был ужасен: его правая нога была оторвана, левая разбита, бесчисленные раны покрывали лицо и*

голову. Один глаз был закрыт, другой – смотрел перед собой без всякого выражения»^[139].

Впоследствии сам Николай II вспоминал, как он, 13-летний подросток, стал свидетелем мучительной смерти Деда: *«Когда мы поднимались по лестнице, я видел, что у всех встречаемых бледные лица. На коврах были большие пятна крови. Мой Дед истекал кровью от страшных ран, полученных от взрыва, когда его несли по лестнице. В кабинете уже были мои родители. Около окна стояли мои дяди и тётки. Никто не говорил. Мой Дед лежал на узкой походной постели, на которой он всегда спал. Он был покрыт военной шинелью, служившей ему халатом. Его лицо было смертельно бледным. Оно было покрыто маленькими ранками. Его глаза были закрыты. Мой отец подвел меня к постели: “Папа, – сказал он, повышая голос, – “Ваш луч солнца здесь”. Я увидел дрожание ресниц, голубые глаза моего деда открылись, он старался улыбнуться. Он двинул пальцем, но он не мог поднять рук, ни сказать то, что он хотел, но он, несомненно, узнал меня. Протопресвитер Бажанов подошел и причастил Его в последний раз. Мы все опустились на колени, и Император тихо скончался. Так Господу угодно было»^[140].*

Последние минуты жизни Царя-Освободителя запечатлел и Великий Князь Александр Михайлович: *«Лейб-хирург, слушавший пульс Царя, кивнул головой и опустил окровавленную руку. – Государь Император скончался! – громко*

промолвил он. Княгиня Юрьевская¹⁸ вскрикнула и упала, как подкошенная, на пол. Ее розовый с белым рисунком пенюар был весь пропитан кровью. Мы все опустились на колени. Влево от меня стоял новый Император. Странная перемена произошла в нем в этот миг. Это не был тот самый Цесаревич Александр Александрович, который любил забавлять маленьких друзей своего сына Никки тем, что разрывал руками колоду карт или же завязывал узлом железный прут. В пять минут он совершенно преобразился. Что-то несоизмеримо большее, чем простое сознание обязанностей Монарха, осветило его тяжелую фигуру. Какой-то огонь святого мужества загорелся в его спокойных глазах. Он встал. – Ваше Величество, имеете какие-нибудь приказания? – спросил смущенно градоначальник. – Приказания? – переспросил Александр III. – Конечно! Но, по-видимому, полиция совсем потеряла голову! В таком случае армия возьмет в свои руки охрану порядка в столице! Совет министров будет собран сейчас же в Аничковом дворце»^[141].

В 15 час. 35 мин. 1 марта 1881 г. Императорский штандарт над Зимним дворцом медленно пополз вниз. Огромная толпа, молча стоявшая на Дворцовой площади, в основном простонародье, сняла шапки и опустилась на колени: Царя-Освободителя не стало. Началось царствование Императора Александра III. Его старший сын Великий Князь Николай Александрович стал Наследником русского престола.

¹⁸ Морганатическая жена Императора Александра II Е. М. Долгорукова.

В своём первом Высочайшем манифесте Император Александр III повелел *«учинить присягу верности Нам и Наследнику Нашему, Его Императорскому Высочеству Цесаревичу Великому Князю Николаю Александровичу»*^[142]. Впервые в истории Александр III повелел, чтобы присягу ему и Цесаревичу приносили *«и крестьяне наравне со всеми Нашими верными подданными»*^[143].

Доктор ист. наук С. Л. Фирсов в своей работе замечает: *«Трудно сказать, что испытывал в те минуты двенадцатилетний подросток (тогда он еще не вел дневник), но то, что произошедшее произвело на него неизгладимое впечатление – несомненно»*^[144]. Родители не хотели, чтобы их старший сын оставался в Зимнем, и сказали графу С. Д. Шереметеву отвезти его обратно в Аничков дворец. Когда Шереметев с Наследником вышли к подъезду, их ждал казачий конвой. Николай Александрович внезапно приказал не сопровождать его. Шереметев вспоминал, что его *«озадачило такое решение, но делать было нечего. Казак вскочил на козлы, мы сели в карету и благополучно прибыли в Аничков. Оттуда я поспешил обратно, чтобы доложить Государю, что Цесаревич в целости доставлен домой»*^[145].

С. Л. Фирсов делает вывод: *«Мальчик не был трусом и в страшной ситуации неразберихи и суеты, явившейся следствием произошедшего в тот день убийства венценосного деда, не потерял присутствия духа. Детство закончилось, настала пора юности, время постепенной подготовки к бу-*

дущей роли Самодержца»^[146].

6–15 марта состоялись похороны Императора Александра II. Царь шёл пешком за гробом отца, без пальто, в одном генерал-адъютантском мундире, с Андреевской лентой через плечо. Цесаревич Николай следовал в Петропавловский собор в траурной карете вместе с Императрицей Марией Фёдоровной. В Петропавловском соборе Цесаревич стоял рядом с гробом убиенного Деда и всё время церемонии похорон безутешно рыдал^[147]. Тогда никому не приходила в голову мысль, что Внуку придётся также принять мученическую кончину.

14 марта 1881 г. Александр III своим Манифестом определил, что *«приняв в уважение малолетство Наследника Нашего Цесаревича и Великого Князя Николая Александровича»* до его совершеннолетия *«на случай кончины Нашей»* назначить Правителем Государства *«любезнейшего Брата Нашего Великого Князя Владимира Александровича»*^[148].

После убийства отца Император Александр III и его семья переехали из петербургского Аничкова дворца в Гатчинский. В Аничковом прошла большая часть детства Николая II, в Гатчине – его юность. Решение Александра III переехать в Гатчину вызвало у большей части свиты и общества большое удивление. Со времён Императора Павла там постоянно никто не жил. Император Николай Павлович прибывал сюда лишь для проведения осенних манёвров, иногда навещал дворец летом вместе с семьёй. По приказу Николая I на

плацу перед дворцом был установлен памятник его убиенному отцу, работы скульптора И. П. Витали. При открытии памятника 1 августа 1851 г. в почётном карауле стоял шестилетний Великий Князь Александр Александрович. Наверное, с детства Александр III относился к памяти Императора Павла Петровича с особым чувством. По-видимому, и Гатчину для своей резиденции он выбрал не случайно. В Гатчинском дворце сохранялся архив Императора Павла I, который пользовался неизменным вниманием Александра III. Кабинет Павла I в Гатчинском дворце сохранялся в неприкосновенности. На отдельном столике, на куске штофа лежало принадлежавшее Павлу Петровичу Священное Писание. Как рассказывали впоследствии дворцовые слуги, Александр III приходил сюда молиться. Думается, к концу своего царствования Александр III больше, чем кто-либо, знал о своём убиенном Прадеде^[149].

Семья Императора Александра III заняла в Гатчинском дворце помещения в Арсенальном каре. Для личных апартаментов были выбраны комнаты антресольного этажа, маленькие и невысокие, похожие на каюты. Высокий и могучий Царь казался в этих комнатах Гулливером в царстве лилипутов. Он же прекрасно чувствовал себя именно в маленьких помещениях с невысокими потолками. Примечательно, что Император Пётр Великий, отличавшийся, как известно, двухметровым ростом, также любил маленькие помещения с низкими потолками.

В Гатчине и ее окрестностях охотились на самых разных зверей: медведей, волков, оленей, ланей, лисиц, зайцев. Из птицы чаще били тетеревов, фазанов, глухарей, реже – уток. Царские дети с ранних лет учились меткой стрельбе и позже стали участниками охот близ Гатчины; особенно хорошим охотником был Наследник Цесаревич Николай Александрович^[150].

Александр III страстно любил рыбалку, и это увлечение передалось жене и детям. Различным способам рыбной ловли он предпочитал лужение рыбы ночью. Неудачным для него считался улов в несколько десятков рыб (щуки шли отдельным счетом); в среднем он ловил до двух сотен, отправляясь на рыбалку после десяти часов вечера, а по возвращении работал до утра.

Помимо рыбалки и охоты, в Гатчинском парке были и другие многочисленные развлечения. Зимой устраивали прогулки в санях с приглашенными из Петербурга гостями, заезжали на Ферму – пить кофе и чай. Террасы парка приспособляли под горы для катания на салазках. В снежных баталиях с большим удовольствием принимал участие и сам Государь. Перед дворцом «катали болвана» (снежную бабу), такого большого, что лепили его несколько дней. Всей семьей работали в парке – счищали снег, рубили деревья, жгли костры, запекали яблоки и картошку. На озерах заливали каток – самой большой любительницей коньков была Императрица Мария Феодоровна^[151].

Летом катались по парку в колясках, на велосипедах, верхом. Весной, ближе к Вербному воскресенью, сажали вербы на островах. На озера выходили на лодках, байдарках и в шлюпках с матросами, часто гребли сами. А еще в распоряжении детей был «аквапед» – прообраз современного водного велосипеда. В 1882 г., в начале «электрического» бума, в Гатчине даже появилась лодка с электрическим двигателем. В Егерской слободе Царская Семья держала прирученных зверей. Здесь можно было покормить медведей и покататься на осликах.

По словам одного из личных царских врачей Н. А. Вельяминова: *«Государь Александр III жил в Гатчине жизнью богатого помещика и очень любил заниматься местными хозяйственными вопросами и много делал для благоустройства Гатчинской вотчины. Петербург с его бюрократией он очень не любил и не раз говорил мне, что смотрит на поездки в Петербург и пребывание там, как на исполнение тяжелой и неприятной обязанности. Он очень не любил торжественности, помпы и парадов в широком смысле этого слова, но исполнял все, что полагалось по этикету, никогда не показывая, что ему скучно и противно»*^[152].

В июле 1881 г. Цесаревич Николай Александрович сопровождал своего отца в Москву. Император Александр III очень любил Первопрестольную столицу и эту любовь передал своему старшему сыну. Восторженный приём, оказанный Царю в Москве, наглядно увиденное единение Царя с

народом произвело сильное впечатление на юного Цесаревича, особенно на фоне того ужаса, каким жила Царская Семья последние годы в Петербурге.

Железнодорожная катастрофа 1888 г.

17 октября 1888 г. Император Александр III со всей семьёй возвращался из Ливадии в Петербург. В 14 час. 14 мин., когда Собственный Его Императорского Величества поезд, состоявший из 10 вагонов, следовал мимо станции Борки Харьковской губернии, произошло схождение его с рельс. Вот как описывал это происшествие *«Правительственный вестник»* от 20 октября 1888 г.: *«Императорский поезд, вышедший из ст. Тарановка в полдень 17-го октября, потерпел крушение на 277-й версте, между ст. Тарановка и Борки, на насыпи, пролегающей через довольно глубокую балку. Во время крушения Их Величества Государь Император и Государыня Императрица, со всем Августейшим Семейством, и лица Свиты находились за завтраком, в вагоне-столовой. При сходе с рельсов первого вагона произошла страшная качка; следующие вагоны слетали на обе стороны; вагон-столовая, хотя и остался на полотне, но в неузнаваемом виде: все основание с колесами выбросило, стенки сплюснулись и только крыша, свернувшись на одну сторону, прикрыла находившихся в вагоне. Невозможно было представить, чтобы кто-либо мог уцелеть при таком разруше-*

нии. Но Господь Бог сохранил Царя и Его Семью: из обломков вагона вышли невредимыми Их Величества и Их августейшие Дети. Спаслись и все находившиеся в этом вагоне лица, получив лишь легкие ушибы и царапины, кроме флигель-адъютанта Шереметева, который пострадал более других, но не тяжело. К прискорбию гибель прочих из разбитых частей поезда сопровождалась несчастиями. Убиты 19 <...> раненых 18. <...> Государь Император изволил лично распорядиться организацией помощи раненым. Несмотря на крайне дурную погоду, при пронизывающем дожде и сильной грязи, Его Величество несколько раз спускался под откос к убитым и раненым и помещился в вытребованный к месту крушения свитский поезд только тогда, когда последний раненый был перенесен в санитарный поезд, прибывший по требованию из Харькова»^[153].

В момент крушения поезда Александр III с женой и детьми, за исключением маленькой Великой Княжны Ольги Александровны, находился в вагоне-столовой. Этот вагон, большой, тяжелый и длинный, был укреплен на колесных тележках. При ударе тележки отвалились. Тем же ударом были сломаны поперечные стенки вагона, а боковые треснули, и крыша стала падать на пассажиров. Стоявшие в дверях камер-лакеи погибли, остальных пассажиров спасло только то, что крыша при падении одним концом уперлась в пирамиду из тележек. Образовалось треугольное пространство, в котором и оказалась Царская Семья. Следующие за ним вагоны,

которые могли окончательно сплюснуть салон-вагон, развернуло поперек пути, что спасло столовый вагон от полного разрушения.

Об этом страшном моменте своей жизни Цесаревич оставил следующую запись в дневнике: *«Роковой для всех день, все мы могли быть убиты, но по Воле Божьей, этого не случилось. Во время завтрака наш поезд сошёл с рельсов, столовая и 6 вагонов разбиты, и мы вышли из всего невредимыми. Однако убитых было 20 чел. и раненных 16. Пересели в Курский поезд и поехали назад. На станции Лозовой был молебен и панихида. Ужинали там же. Все мы отделались лёгкими ранениями и разрезами!!!»*^[154]

Императрица Мария Феодоровна писала в своей памятной книжке: *«Завтракать пошли в 11.15, были веселы и довольны, как вдруг – сильный толчок, затем другой, еще хуже, и нас всех отбросило назад, а нашей столовой больше не существовало. Но Господь наш сотворил чудо и спас нас всех вместе, так что никто из нас не пострадал. Вечная Слава Его Милости за то, что сохранил всех моих любимых, но сколько горя! 22 погибло и ранено 35 человек. Страшно! Мы пробыли там пять с половиной часов, спасая раненных...»*^[155]

Государственный секретарь А. А. Половцов вспоминал, что после крушения Императрица Мария Феодоровна рассказывала ему о его обстоятельствах: *«Она сидела за столом против Государя. Мгновенно все исчезло, сокрушилось, и*

она оказалась под грудой обломков, из которых выбралась и увидела перед собою одну кучу щепок без единого живого существа. Разумеется, первая мысль была, что и муж ее, и дети более не существуют. Чрез несколько времени появилась таким же манером на свет дочь ее Ксения. «Она явилась мне как ангел, – говорила Императрица, – явилась с сияющим лицом. Мы бросились друг другу в объятия и заплакали. Тогда с крыши разбитого вагона послышался мне голос сына моего Георгия, который кричал мне, что он цел и невредим, точно так же, как и его брат Михаил. После них удалось, наконец, Государю и Цесаревичу выкарабкаться. Все мы были покрыты грязью и облиты кровью людей, убитых и раненных около нас. Во всем этом была осязательно видна рука Провидения, нас спасшего»^[156].

Великая Княгиня Ольга Александровна спустя много лет после крушения вспоминала, что в момент катастрофы «старый дворецкий, которого звали Лев, вносил пудинг. Неожиданно поезд резко покачнулся, затем еще раз. Все упали на пол. Секунду или две спустя столовый вагон разорвался как консервная банка. Тяжелая железная крыша провалилась вниз, не достав каких-то нескольких дюймов до голов пассажиров. Все они лежали на толстом ковре, находившемся на полотне: взрывом отрезало колеса и пол вагона. Первым выполз из-под рухнувшей крыши Император. После этого он приподнял ее, дав возможность жене, детям и остальным пассажирам выбраться из изувеченного ваго-

на»^[157].

С. Ю. Витте, который не был свидетелем происшествия, писал, что *«во время крушения Государь со своей семьёй находился в столовом вагоне; вся крыша столового вагона упала на Императора, и он только благодаря своей гигантской силе удержал эту крышу на своей спине, и она никого не задавила»*^[158].

Руководитель расследования причин железнодорожной катастрофы А. Ф. Кони считал это утверждение неправдоподобным, поскольку сама крыша многотонная и удержать ее над собой никакому человеку не по силам, объяснив, что крышу заклинило с двух сторон рухнувшими вагонами, сложив ее домиком над Царской Семьей.

Однако профессор хирургии Харьковского университета В. Ф. Грубе был убеждён в прямой связи последствий крушения с причинами смерти Царя. Он вспоминал о своём разговоре с Императором Александром III в январе 1889 г. Тогда Царь сказал, что *«со дня крушения ощущает боль в правом бедре, против которого приходилась папиросница в кармане брюк, а также в пояснице и выше, причём подробно и точно показал мне все места, где ощущались боли»*^[159]. *«Я глубоко убеждён, – заключал Грубе, – что его недуг, приведший к роковому исходу, ведёт начало со времени крушения поезда. Страшное сотрясение всего тела при падении коснулось особенно области почек. Указания на определённые точки, сделанные Государем во время беседы со мной 11-го января 1889*

года, служат главной основой такого моего мнения»^[160].

Весть о крушении Императорского поезда быстро разнеслась по линии, и помощь спешила со всех сторон. Александр III, несмотря на крайне плохую погоду (лил дождь с изморозью) и слякоть, сам распоряжался извлечением раненых из-под обломков разбитых вагонов. Профессор В. Ф. Грубе, которого вызвали на место крушения телеграммой, вспоминал: *«Их Величества изволили обходить всех раненых и словами утешения одобряли ослабевших и упавших духом. Погода с каждой минутой становилась всё ненастнее и ненастнее: шёл проливной дождь, холодный пронзительный ветер леденил эту печальную группу изувеченных, временно приютившихся на мокром глинистом дне балки. По приказанию Государя Императора были разведены костры, раненые прикрыты запасными шинелями солдат. Его Величество стоически перенося и ливень, и холод, изъявил непоколебимое решение оставаться возле раненных, до тех пор, пока они все не будут убраны в вагоны»*^[161].

Императрица обходила с медицинским персоналом пострадавших, подавала им помощь, всячески стараясь облегчить больным их страдания, несмотря на то что у нее самой повреждена была рука выше локтя. Мария Феодоровна употребила на бинты все подходящее из своего личного багажа и даже нижнее белье, оставшись в одном платье. На плечи Царицы накинули офицерское пальто, в котором она и помогала раненым. Вскоре из Харькова прибыл вспомогатель-

ный состав. Но ни Император, ни Императрица, хотя и были очень усталыми, не захотели в него сесть. С. Д. Шереметев, очевидец катастрофы, писал: *«Помню, как все были поражены и восхищены тем, что Государь, когда подали обед на большой железнодорожной станции, после совершенно-го молебствования, позвал всех присутствующих и пострадавших, и всех и все сели за один стол»*^[162].

Сам Александр III позже оценил это происшествие так: *«Через что Господу угодно было нас провести, через какие испытания, моральные муки, страх, тоску, страшную грусть и наконец, радость и благодарение Создателю за спасение всех дорогих сердцу, за спасение всего моего семейства от мала до велика! Этот день никогда не изгладится из нашей памяти. Он был слишком страшен и слишком чудесен, потому что Христос желал доказать всей России, что Он и до ныне творит еще чудеса и спасает от явной гибели верующих в Него и в Его великую милость»*.

По распоряжению и на средства Царской Семьи на месте крушения был поставлен храм и часовня, а сама станция Борки получила второе название Спасов Скит.

В Харькове Царская Семья посетила раненых в больнице, перед которой толпы народа с великим одушевлением приветствовали её. В. Ф. Грубе писал: *«Энтузиазм был настолько велик, что Их Величества не имели в течение нескольких минут возможности пройти в ворота, так как неимоверное количество рук протягивалось к Ним: люди*

стремились поцеловать полы Их платьев. Наконец Их Величества соизволили взойти в палаты при криках несмолкаемого “ура” со стороны собравшихся студентов и врачей»^[163].

По поводу причин катастрофы имеются разные мнения. С. Ю. Витте в своих воспоминаниях убеждал, что он задолго до несчастного случая в Борках предупреждал генерал-адъютанта П. А. Черевина и самого Александра III, что императорские поезда развивают на Юго-Западных железных дорогах слишком большую скорость, а состояние железнодорожного полотна на этих дорогах не вызывает надёжности, так как оно сильно повреждено товарными составами, идущими также с большой скоростью. По словам Витте, он сказал Черевину, что такая езда *«кончится тем, что Вы таким образом Государю голову ломаете»*^[164]. Александр III эти слова Витте слышал и остался крайне недоволен *«этой дерзостью»*^[165]. Причины катастрофы в Борках, по признанию комиссии, объяснялись грубыми нарушениями правил безопасности, которым должны были соответствовать императорские поезда. Правила о поездах Высочайших особ ограничивали размер состава в зимнее время 14 шестиколесными вагонами. На самом деле перед крушением Императорский поезд состоял из 14 восьмиколесных и одного шестиколесного вагона. Поезд весил до 30 тысяч пудов, растягивался на 300 с лишним метров и более чем вдвое превосходил длину и тяжесть обычного пассажирского поезда, приближаясь по весу к товарному составу из 28 груженных вагонов. Но

товарным поездам тогда не разрешалось ехать быстрее 20 верст в час, а Императорский поезд по расписанию должен был делать 37 верст в час. На деле перед крушением он шел со скоростью под семьдесят^[166]. Происшедшее Витте объяснял так: *«Императорский поезд ехал из Ялты в Москву, причём дали такую большую скорость, которую требовали и на Юго-Западных железных дорогах. Ни у кого из управляющих дорог не доставало твёрдости сказать, что это невозможно. <...> Поезд шёл с несоответствующей скоростью, двумя товарными паровозами, да ещё с не вполне исправным вагоном министра путей сообщения. Произошло то, что я предсказывал: поезд вследствие качания товарного паровоза от большой скорости, не свойственной для товарного паровоза, выбил рельс. Весь поезд упал под насыпь, и несколько человек было искалечено»*^[167].

Катастрофа под Борками обозначила всё более заметную трещину, разделявшую Александра III и его старших братьев. Во время катастрофы двое из них, Великие Князья Владимир и Алексей Александровичи, находились за границей. По словам Половцова, *«они тотчас после Боркского несчастья не возвратились немедленно в Петербург, а продолжали жить в Париже, причем тамошние охоты, в коих я принимал деятельное участие, были описаны в несносных французских газетах как ряд каких-то необычайных праздников»*. Александр III особенно гневался на Владимира Александровича: *«Ведь если бы мы все были там убиты, то*

Владимир Александрович вступил бы на престол и для этого тотчас приехал бы в Петербург. Следовательно, если он не приехал, то потому только, что мы не были убиты»^[168].

Глава 3. Образование Цесаревича Николая Александровича

Программа и организация образования

Образование Наследника Цесаревича Николая Александровича было рассчитано на 13 лет. Первые 8 лет – гимназическая программа, следующие пять – по программе Генерального штаба^[169]. Руководителем образования Наследника и его воспитателем был назначен военный педагог генерал от инфантерии Григорий Григорьевич Данилович. Густав Лансон, видный французский литературовед, который преподавал детям Александра III французский язык, писал о нем: *«Генерал Данилович, воспитатель царственных детей, обладал не только военными познаниями, но был вообще высоко и разносторонне образованным человеком»*^[170]. Между генералом и его воспитанником установились тёплые неформальные отношения. В своих многочисленных письмах генерал неизменно обращался к Цесаревичу без титула – «дорогой Николай Александрович», а подписывался: *«искренно любящий Вас, генерал Данилович»*.

Г. Г. Данилович разработал целую программу воспитания Великого Князя, которую представил на благоусмотрение

ние его родителей. По воле Александра III большое внимание было уделено практическим дисциплинам. Специальная программа включала в себя восьмилетний общеобразовательный курс и пятилетний курс высших наук. Общеобразовательный курс был составлен по программе учебных занятий для классических гимназий с некоторыми изменениями: вместо преподавания древних языков (латинского и древнегреческого) было введено преподавание минералогии, ботаники, зоологии, анатомии и физиологии. Изучение русской истории, русской литературы и иностранных языков было значительно расширено^[171].

Регулярные занятия у Великого Князя Николая Александровича начались в восьмилетнем возрасте. В десятилетнем возрасте Наследник уже еженедельно имел 24 урока, а в 15 лет – 30 уроков. Весь день Цесаревича был расписан по минутам. Даже летом этот распорядок практически не менялся. На начальном этапе образования Александр III иногда присутствовал на уроках сына. Он писал супруге, что гувернёр *«очарован Ники, его прекрасной натурой и добрым характером, что он весьма и весьма развит. Можешь поверить, мне было весьма приятно слышать это, и теперь я возлагаю большие надежды на то, что все, даст Бог, будет хорошо. Я присутствовал на первых уроках Ники с учителями – по русскому языку, по арифметике, по чистописанию и по рисованию. Как видишь, мальчик начал серьёзно заниматься, и говорю с печалью в сердце, что самое прекрасное время*

осталось в прошлом; сам он весьма доволен и, к моей радости, любит учиться и учится с огромным желанием»^[172].

По определению И. Зимина, будущему Государю «давали широкое образование управленца высшего звена. Поэтому в сетке учебных часов мы видим политэкономию и законоведение»^[173]. Среди преподавателей Наследника были лучшие специалисты России. Законоведение преподавал крупнейший правовед, профессор Московского университета К. П. Победоносцев, международное право – профессор Санкт-Петербургского университета М. Н. Капустин, политическую экономию и финансы – выдающийся профессор-экономист Н. Х. Бунге, европейские международные отношения – выдающийся дипломат, министр иностранных дел Н. К. Гирс, курс общей химии – знаменитый академик Н. Н. Бекетов, Закон Божий – известный русский богослов, писатель, проповедник и церковно-общественный деятель, доктор богословия протоиерей И. Л. Янышев. Помимо этого, Наследнику преподавалось рисование, преподаватель – известный художник К. В. Лемох, и танец, преподаватель – известный танцор Мариинского театра Т. А. Стуколкин. По поводу назначения Лемоха художник Я. Д. Минченков писал: «Когда ко Двору понадобился учитель, то в силу своего немецкого происхождения, своей аккуратности и деликатности, и направления в искусстве он, как никто из художников, ближе подошел к этой роли. При Дворе его переименовали из Карла в Кирилла и приставили учить детей Царя

Александра III. Лемох застал ещё Александра II, который приходил на уроки внука Николая, будущего Царя Николая II и достаивал учителя своими разговорами»^[174].

По хранящемуся в ГА РФ «Расписанию занятий Государя Наследника Цесаревича» за 18 марта 1883 г. можно сделать вывод о характере преподаваемых предметов и занятости Цесаревича во время учебного дня^[175].

Часы	8 ч.15 м. — 9 ч.15 м.	9 ч. 15 м. — 10 ч.15 м.	10 ч.15 м.— 11 ч.15 м.	12 ч. — 13 ч.	14 ч. — 15 ч.	16 ч. — 17 ч.
Поне-дельник	Нем. яз.	История	География	Музыка	Матем.	Рисунок
Вторник	Матем.	Закон Божий	Верховая езда	Англ. яз.	Нем. яз.	Матем.
Среда	Матем.	Физика	Гимнастика	История	История	Фр. яз.
Четверг	Физика	Закон Божий	Верховая езда	Нем. яз.	Русс.яз.	Рисунок
Пятница	Матем.	География	География	История	Русс.яз.	Фр. яз.
Суббота	Русс.яз.	Физика	Гимнастика	История	Матем.	Англ. яз.

Как видим, образование Наследника было всесторонним, и учебный день продолжался до вечера. Заметим, что это расписание относится к тому времени, когда Николаю Александровичу было 15 лет. В последующие годы образование Наследника престола приобрело серьёзный научный характер. К пятнадцати годам он имел более 30 уроков в неделю, не считая ежедневных часов самоподготовки. Николай Александрович отличался усидчивостью и врожденной аккуратностью. Он всегда внимательно слушал и был очень исполнительен. Г. Лансон так описывал своего Августейшего ученика: *«Наследник роста скорее небольшого, коренастый, широкоплечий, произвёл впечатление серьёзной солидности.*

Овал лица скорее круглый, немного вздёрнутый нос и прекрасные голубые глаза, ясный и открытый взгляд которых так хорошо и прямо смотрит в душу»^[176].

В воспоминаниях Г. Лансона мы находим описание учебного дня царских детей: *«Таблица с расписанием очень тщательно составленным, указывает час за часом распределение времени занятий в течение всего дня. Несколько послеобеденных часов уделены на прогулку во дворце, или на воздухе. Остальное время занятий занято почти всё уроками: русский, французский, немецкий и английские языки, история, математика. География, физика, химия, естественная история, закон Божий и прочее чередуется один за другим. Наследнику Цесаревичу кроме того преподаётся топография и военные науки. Вечера и послеобеденное время заполнено рисованием, музыкой, гимнастикой»^[177].*

Русский и иностранные языки

Особое внимание уделялось русскому языку. Генерал Данилович 17 августа 1877 г. писал будущему Александру III: *«Отечественный язык – орудие всей умственной жизни человека на всех ступенях его развития, это не только средство образа мыслей между людьми, но в большей части случаев, и средство первого знакомства с внешним миром и его явления. Мы узнаём его чаще не путём непосредственного наблюдения, а путём чтения или словесного объяснения. По-*

ка учащийся не владеет отечественным языком довольно свободно круг его познаний останется ограниченным, а процесс мышления осуществляется медленно, вяло»^[178].

Император Николай II был большим и тонким ценителем родного языка, не терпел в нём иностранных заимствований, считая, что каждому из них можно найти русский эквивалент. Государь говорил А. А. Мосолову: *«Русский язык так богат, что позволяет во всех случаях заменить иностранные выражения русскими. Ни одно слово неславянского происхождения не должно было бы уродовать нашего языка. Я подчёркиваю красным карандашом все иностранные слова в докладах. Только министерство иностранных дел совершенно не поддается воздействию и продолжает быть неисправимым»^[179].*

Что касается иностранных языков, то как свидетельствовал Лансон: *«Наследник Цесаревич говорит на английском как на своём родном языке, также прекрасно владеет французским языком. <...> Относительно немецкого языка я не могу высказать своё отдельное мнение, так как сам не говорю на этом языке, но мне кажется, что и его Великий Князь Николай Александрович знает также хорошо»^[180].*

Приоритет давался живым языкам, «мёртвые» же не изучались вовсе. Английский язык преподавал англичанин Чарльз Хис, большой любитель спорта, сильный боксёр. Его воспитанники, Великие Князья Николай и Георгий, любили англичанина и по-доброму шутили по поводу его смешного

английского акцента, от которого он не мог до конца избавиться. Однако преподавателем Хис был отличным, и Николай II с детства владел английским в совершенстве^[181]. По свидетельству Великого Князя Александра Михайловича: *«Накануне окончания образования, перед выходом в Лейб-гусарский полк, будущий Император Николай II мог ввести в заблуждение любого оксфордского профессора, который принял бы его, по знанию английского языка, за настоящего англичанина. Точно так же знал Николай Александрович французский и немецкий языки»*^[182].

Преподавателем французского языка сначала был Дюперре, а после того, как он по состоянию здоровья вернулся во Францию, преподавателем был назначен Лансон^[183]. Французский преподавался Наследнику три раза в неделю. Лансон широко знакомил Ученика с произведениями Ламартина и В. Гюго, множество стихов которых Цесаревич знал наизусть. Лансон был поражён простотой и естественностью сыновей Александра III: *«Послушание, кротость и дисциплинированная выдержанность Августейших детей меня просто поражает. Я никогда ещё не видел учеников, которые так облегчали бы работу своим наставникам. Никогда не вызывали они ни одного замечания, никогда не потребовалось малейшего принуждения, или напоминания об их обязанностях, никогда ни тени упрямства или противоречия вообще. Одинаково исправно и точно, всегда оживлённые, весёлые и приветливые охотно являются они на занятия, и на*

прогулки. Образ жизни великих князей крайне прост. Спят они оба в одной комнате на небольших простых железных кроватях без сенника или волосяного тюфяка снизу, а только на одном матраце. Такая же простота и умеренность наблюдается и в пище. В них много ещё детского, юношеского, они очень просты сердцем так же и в привычках своих; нет ни тени пресыщенности, избалованности»^[184].

История

С детских лет Николай II глубоко и всесторонне знал русскую историю и литературу. Генерал Данилович писал Цесаревичу в 1879 г.: *«Прошу Николай Александрович посвящать ежедневно, во время путешествия в Данию, час времени на чтение летописца Нестора и составление извлечения»*^[185]. Конспекты Наследника Цесаревича по истории представляют собой множество толстых, полностью исписанных тетрадей. Великая Княгиня Ольга Александровна вспоминала: *«Русская история представлялась как бы частью нашей жизни, чем-то родным и близким, и мы погружались в неё без малейших усилий»*^[186]. Курс истории Наследнику читал профессор Императорского Санкт-Петербургского университета, член-корреспондент Петербургской академии наук Е. Е. Замысловский. Впоследствии Государь Николай II удивлял всех глубоким знанием русской истории^[187]. В 20 лет он глубоко интересовался творчеством ис-

торика и писателя Г. П. Данилевского, автора многих исторических романов. 24 января Цесаревич Николай отметил в дневнике, что принимал Данилевского, *«который к большому моему удовольствию поднёс мне три тома своих интересных сочинений»*^[188].

В 1866 г. по инициативе Цесаревича Александра Александровича было создано Русское историческое общество, которое возглавил он сам. Граф С. Д. Шереметев писал, что, по мысли Александра III, *«печатание исторических документов должно было идти параллельно с живым обменом мыслей членов общества, собираемых вокруг своего Почетного председателя»*^[189].

Став Царём, Александр III продолжал оставаться Почётным председателем Общества, которое в связи с этим получило именование «Императорское». Александр III всегда брал с собой на заседания своего сына Николая. Секретарь Общества А. А. Половцов вспоминал о заседании 18 февраля 1885 г.: *«Всего с Императором, Цесаревичем и Великим Князем Владимиром Александровичем присутствуют 26 лиц. Государь, посадив возле себя Великого Князя Владимира Александровича, приказывает Цесаревичу сесть между мной и Штендманом*¹⁹. *Я открываю заседание чтением своего отчёта. Потом А. Ф. Бычков*²⁰ *читает отрывки из*

¹⁹ Георгий Федорович Штендман (1836–1903) – историк и государственный служащий, секретарь Русского исторического общества.

²⁰ Афанасий Фёдорович Бычков (1818–1899) – академик Петербургской Им-

неизданных и частью известных писем Петра Великого. <...> Грот²¹ читает весьма скучную статью о переговорах во время шведской войны 1788 г. Дубровин²² прочитывает премилое сообщение об исторических трудах Императрицы Екатерины и попытки ей при участии графа А. Шувалова создать под своим председательством Историческое общество. Мартенс²³ душит нас рассказом <...> об отношениях России с Пруссией во время Отечественной войны. <...> После каждого чтения Государь очень любезно говорит несколько слов читателю, Цесаревич восхищается совершенно новым для него препровождением времени и сообщает мне, что уже четыре года ведёт дневник, куда внесёт и всё слышанное сегодня»^[190].

Литература

Цесаревич любил Пушкина, Лермонтова, Толстого, Тургенева, Чехова и Достоевского. Но любимым его писателем был Гоголь. 1 марта 1884 г. в дневнике Цесаревича можем читать: «Я всё время читал вслух “Ревизор”»^[191]. Данило-

ператорской академии наук, историк, палеограф, член Государственного Совета.

²¹ Яков Карлович Грот (1812–1893) – академик, вице-президент Петербургской Императорской академии наук.

²² Николай Фёдорович Дубровин (1837–1904) – генерал-лейтенант, академик, историк.

²³ Фёдор Фёдорович Мартенс (1845–1909) – юрист-международник, дипломат.

вич писал Наследнику: *«Очень радуюсь тому, что Вы по-прежнему любите Гоголя и охотно его читаете. Это, бесспорно, один из лучших сатириков нашей литературы»*^[192]. Сам большой знаток русской литературы, генерал старался не просто ознакомить своего Воспитанника с её вершинами, но показать благотворное нравственное значение её на душу человека. Говоря о сатире Гоголя, Данилович подчёркивал, что его *«всегда поражало при чтении Гоголя и то тёплое чувство, которое сопровождает его насмешку во всех тех случаях, когда он выводит на сцену не пороки, а смешные, но простительные ошибки и заблуждения людей. Этот оттенок горячего участия к людям составляет вообще великое достоинство сатирического писателя, потому, что насмешка безучастная и холодная только отталкивает и оскорбляет людей»*^[193].

В другом письме Г. Г. Данилович излагал Николаю Александровичу свои мысли о значении для русской словесности Ивана Сергеевича Тургенева: *«Все опечалены смертью Тургенева. Много сделал этот замечательный писатель для русских того поколения, к которому принадлежу я. В лучшую свою пору, в пятидесятых и шестидесятых годах, он действительно представлял собою талантливого и умного писателя, глубоко понимавшего жизнь современного русского общества, с его мечтаниями, заблуждениями и горестями. Вас пока поражала другая сторона таланта Тургенева — его умение описывать происшествия живо, занима-*

тельно и бойким языком. В этом отношении Тургенев был, я думаю, выше всех русских писателей, за исключением разве одного Гоголя»^[194].

Русскую литературу Николай II любил и читал всю жизнь. За время Тобольской ссылки Государь познакомился с произведениями М. Е. Салтыкова-Щедрина, А. Н. Апухтина, П. И. Мельникова-Печерского, произведениями Д. С. Мережковского, В. С. Соловьева. В Тобольске он особенно оценил и полюбил Н. С. Лескова.

Экономика и финансы

Образование Наследника по этим дисциплинам проходило с осени 1886 г. под руководством бывшего министра финансов Н. Х. Бунге, который основательно переработал и дополнил предполагаемый курс лекций, разделив их на три части, каждая для одного семестра: 1) история политической экономии (1886–1887); 2) экономическая политика (1887–1888); 3) чтения о финансах (1888–1889). По поручению Н. Х. Бунге вице-директор Департамента окладных сборов В. И. Ковалевский составил для занятий краткие очерки, карты, графики и таблицы, отражающие состояние сельского хозяйства и положение крестьянства^[195]. Между Цесаревичем и Н. Х. Бунге установились особые тёплые и доверительные отношения. Бунге говорил Государственному секретарю А. А. Половцову, что Цесаревич *«положительно очень умен*

и в высшей степени сдержан в проявлении своих мыслей»^[196].

Уровень общего образования Николая II

Государственный секретарь А. А. Половцов в своём дневнике приводил свой разговор с К. П. Победоносцевым, касающийся образования Наследника. Знакомясь со строками Половцова, следует учесть, что этот чрезвычайно честолюбивый человек, член нескольких масонских лож, был крайне самовлюблённым, отчего его отношение к другим людям отличалось высокомерной снисходительностью. Тем не менее Половцов писал: *«Говоря о Цесаревиче, Наследнике престола, Победоносцев сообщает, что, хотя Данилович по старости лет, слабости здоровья и вообще некоторой мертвенности нравственного существа и не представляется идеальным воспитателем, тем не менее, его план обучения и строгость исполнения этого плана ставят ход образования Наследника удовлетворительнее, чем других юношей царствующего семейства. Ввиду однообразности и замкнутости жизни государевых сыновей, необходимо было бы доставить Наследнику возможность видеть более людей. На днях Победоносцев говорил об этом с Государем. <...> На всё это, Государь отвечал, что “его сыновья видают тех людей, коих у него бывают”, но, к сожалению, у него бывают люди одной узкой клики»*^[197]. В другом месте Половцов сообщает, что Победоносцев, *«говоря о занятиях своих с Цесаревичем,*

хвалит способности молодого человека и сетует на то, что его держат на положении ребёнка, а в особенности на то, что ему не позволяют путешествовать»^[198].

Половцов также утверждал, что преподаватель Наследника по тактике генерал Гудим-Левкович жаловался ему на *«Даниловича, который из своего Питомца делает умеренного, аккуратного старичка, а не бойкого юношу»^[199]*. Как показало будущее, именно те качества, которые заложил в Государя генерал Данилович, позволили Царю в течение долгих лет царствования сохранять спокойствие и хладнокровие в сочетании со спокойным анализом ситуации. Вряд ли бы в критических ситуациях Николаю II помогли бы качества «бойкого юноши».

Протопресвитер Георгий Шавельский, который не любил Государя, тем не менее признавал: *«Когда вопросы касались истории, археологии и литературы, Государь обнаруживал очень солидные познания в этих областях. Нельзя было назвать его профаном и в религиозной области. В истории церковной он был достаточно силен, как и в отношении разных установлений и обрядов Церкви»^[200]*.

Следует сказать, что образование детей Александра III было очень гармоничным и разнообразным. 11 сентября 1882 г. Цесаревич Николай посетил Третьяковскую галерею, где осматривал её картины^[201], а через месяц, 11 октября, был слушателем *«маленькой лекции Миклухо-Маклая. Он рассказывал о своём 12-летнем проживании в Новой Гвинее*

и показывал свои рисунки»^[202].

При изучении блока естественных наук Цесаревичу преподавалась анатомия человека, поэтому в его учебной комнате в Гатчинском дворце появился в качестве учебного пособия человеческий скелет. Об этом стало немедленно известно в свете, и эта новость вызывала раздражение у прежних царских воспитателей. Бывший преподаватель Александра III генерал Н. В. Зиновьев буквально выходил из себя, когда речь заходила о воспитательских новациях Даниловича: *«Что он его [Наследника] готовит в повивальные бабки, что ли?»*^[203]

Общее образование Наследника закончилось в 1890 г. В мае в его дневнике появилась запись: *«Сегодня окончательно и навсегда прекратил свои занятия»*. Нельзя не согласиться с выводом И. Зимина о том, что Государь *«получил добротное и достаточно гармоничное образование, включавшее в себя не только основы юридического, экономического и гуманитарного образования, но и основательное знание военного дела. Он был образованным и эрудированным человеком, о чем единодушно пишут мемуаристы, хорошо знавшие его “по работе”»*^[204].

Поэтому уничижительные высказывания недоброжелателей Николая II по поводу его образования следует отнести к их предвзятости и недобросовестности. Так, А. П. Извольский в своих воспоминаниях писал: *«Когда Император Николай II взошел на престол... его природный ум был огра-*

ничен отсутствием достаточного образования. До сих пор я не могу понять, как Наследник, предназначенный самой судьбой для управления одной из величайших империй мира, мог оказаться до такой степени неподготовленным к выполнению обязанностей величайшей трудности»^[205].

И. Л. Солоневич дал наиболее точное определение уровню и значению образования Императора Николая II: *«Государю Императору преподавали лучшие русские научные силы – и историю, и право, и стратегию, и экономику. За Ним стояла традиция веков и практика десятилетий. Государь Император стоял на самой верхушке уровня современности»*^[206].

Военное образование

Любовь к военному делу, как у большинства членов Дома Романовых, была у Императора Николая II, что говорится, «в крови». В детстве, как и у его пращура Петра Великого, у будущего Государя уже были свои «потешные» солдаты, с которыми он участвовал в «учениях и боях» в саду Аничкова сада^[207].

Император Николай II получил хорошее военное образование, которым руководили такие известные военные теоретики, как генерал от инфантерии М. И. Драгомиров (по боевой подготовке войск), Генерального штаба генерал от инфантерии Г. А. Леер (по стратегии и военной истории),

генерал от артиллерии Н. А. Демьяненко (по артиллерии), П. Л. Лобко (по военной администрации), Генерального штаба генерал от инфантерии Н. Н. Обручев (военная статистика), Генерального штаба генерал от инфантерии О. Э. Штубендорф (геодезия и топография), Генерального штаба генерал от инфантерии П. К. Гудима-Левкович (тактика), Генерального штаба генерал-майор Ц. А. Кюи (фортификация), генерал-лейтенант А. К. Пузыревский (история военного искусства), вице-адмирал В. Г. Басаргин и генерал-адмирал Н. Н. Ломен (военно-морское дело).

Генерал Обручев впоследствии с *«восторгом отзывался об уме и прекрасных душевных качествах своего Ученика и неоднократно рассказывал о способностях Наследника Цесаревича быстро схватывать суть излагаемого предмета и о его феноменальной памяти»*^[208].

В ГА РФ в фонде Николая II имеются документы, посвященные военным занятиям Наследника Цесаревича Николая Александровича, позволяющие дать представление о полученном им военном образовании. 1. Вычисления Императора Николая II по морским навигационным приборам с 23 августа 1884 по 3 января 1885 г.^[209] 2. Ученические тетради Императора Николая II по фортификации с 10 октября 1885 по 2 февраля 1887 г.^[210] 3. Конспект курса артиллерии, написанный для Великого Князя Николая Александровича. 4. Записи Великого Князя Николая Александровича по курсу военной администрации с 21 ноября 1887 по 11

марта 1889 (8 тетрадей). 5. Учебные записи Великого Князя Николая Александровича по военному делу 1887 г. 6. Конспект курса «военно-уголовного права». 7. Учебные пособия по изучению военного дела.

Тем не менее некоторые современники Николая II считали это военное образование недостаточным. Так, генерал от инфантерии Н. А. Епанчин писал, *«что касается до военно-научного образования Цесаревича, то в нём были немалые пробелы»*^[211]. Адмирал А. Д. Бубнов, никогда, впрочем, не руководивший крупными военными соединениями, считал, что уровень военных знаний Николая II *«соответствовал образованию гвардейского офицера, что само собой, разумеется, было недостаточно для оперативного руководства всей вооруженной силой на войне»*^[212]. Николай II не получил академического военного образования, не имел опыта боевых действий. Полученное им военное теоретическое образование вполне соответствовало уровню обер-офицера. Окончание военных манёвров он всегда переживал с горечью и сразу начинал *«думать о лагере и о службе в войсках!»*^[213].

6 мая 1884 г. Цесаревичу Николаю Александровичу исполнилось 16 лет. По этому поводу Император Александр III издал манифест, извещающий о совершеннолети Наследника Цесаревича Великого Князя Николая Александровича и о принесении им Присяги^[214]. Это событие считалось чрезвычайно важным в жизни русских Престолонаследников. В

отличие от всех других подданных они присягали в 16, а не в 21 год. В торжественной обстановке Цесаревичи приносили две присяги: гражданскую и воинскую. Гражданская присяга приносилась в Большой церкви Зимнего дворца. Оттуда шествие направлялось в Георгиевский зал, где Цесаревич у трона, под знаменем Атаманского «своего имени полка» произносил воинскую присягу «на верность службы Государю и Отечеству»^[215].

Николай Александрович об этом событии в дневнике записал следующее: *«В десять часов пошли в церковь. В половине первого поехали в Зимний. Я, конечно, был в атаманском мундире. По окончании молебна я прочёл Присягу. Пошли в Георгиевскую залу и тут я прочёл военную присягу. Затем мне были от всех поздравления. <...> Я так доволен, что всё прошло благополучно»*^[216].

Великий Князь Константин Константинович писал в дневнике: *«Нашему Цесаревичу сегодня 16 лет, он достиг совершеннолетия и принес присягу на верность Престолу и Отечеству. Торжество было в высшей степени умилительное и трогательное. Наследник – с виду ещё совсем ребенок и очень невелик ростом. Прочитал он присягу, в особенности первую, в церкви детским, но прочувствованным голосом; заметно было, что он вник в каждое слово и произносил свою клятву осмысленно, растроганно, но совершенно спокойно. Слезы слышались в его детском голосе. Государь, Императрица, многие окружающие, и я в том числе, не мог-*

ли удержать слёз»^[217].

В августе 1884 г. Наследник получил звание поручика. Летом 1887 г. прослужил субалтерн-офицером (младшим офицером) в роте Его Величества и командовал этой ротой в лагерном сборе следующего, 1888 г. Всего Наследник провёл в должности ротного командира два лагерных сбора в рядах Лейб-гвардии Преображенского полка. В марте 1889 г. будущий Император писал: *«Я проделал уже два лагеря в Преображенском полку, страшно сроднился и полюбил службу!»*^[218]

В учениях Наследник принимал участие как простой офицер. *«Выступили в 7 часов, – писал он в своём дневнике в мае 1889 г. – Принимал штандарт с 1 взводом. Дождь шёл с самого начала. На военном поле было учение дивизии с обозначенным противником. Делали две атаки на него»*^[219]. 17 июля того же года: *«Выступили в 8 ½ с отличной погодой. Опять дрались с обозначенным противником»*^[220]. 1 августа того же года: *«Спал отлично в своей палатке, несмотря на дождь. Выступили с бивуака в 8 ч. и при хорошей погоде двигались к гребню Красносельского шоссе. Николаша²⁴ командовал всем отрядом»*^[221]. 5 августа того же года: *«Полк выступил в 8 ¼ на бивак, где простояли с 10 ч. до 3 ч. Был собственно двухсторонний кавалерийский манёвр. Сильно мокли под дождём. Странствовали лесами и полями, наконец, отыскивали противника и атаковали»*. В январе 1893 – марте

²⁴ Великий Князь Николай Николаевич-младший.

1894 г. состоялись последние учения Николая Александровича в качестве Цесаревича. Для Наследника участие в таких учениях было настоящим праздником. 23 августа 1892 г. Николай Александрович написал Великому Князю Константину Константиновичу следующее письмо: *«Дорогой Костя. Спешу разделить с тобой мою искреннюю радость. У меня только что произошёл с Папа́ разговор, содержание которого так давно волновало меня! Мой милый, дорогой Папа́ согласился, как прежде, охотно и разрешил мне начать строевую службу с зимы! Я не в состоянии выразить Тебе испытываемые мною чувства, Ты вполне поймёшь это сам. Как будто с плеч гора свалилась! Итак, я буду командовать 1-м батальоном под Твоим начальством. Целую крепко нового отца-командира. Твой, Ники»*^[222].

С января 1893 г. Цесаревич с радостью окунулся в военную службу, учебные бои, переходы, боевое товарищество: *«В 9 час. выступил из казарм с 1-м и 4-м батальонами к Александровскому мосту, куда прибыли одновременно и остальные Таврические батальоны. В 10 час. Костя повёл полк к сборному пункту у дачи Кушелева, где имели большой привал до полудня. <...> 12 ¼ наши отряд в составе 4 бат., 3-х сотен лейб-казаков и 4 орудий Михаила Павловича батареи под командой Кости двинулась на север. При выходе у д. Гражданка были встречены артиллерийским огнём противника, занявшего позицию у дер. Ручьи и сильно окопавшегося снегом. Развернувшись, быстро начали наступать, угро-*

жая левому флангу неприятеля. Мой батальон шёл в первой линии, за мною следовали быстро 2-й и 3-й бат. Идти было очень скользко, люди падали поминутно. В полчаса мы уже ворвались в укрепления сапёр и взяли два их орудия. В сельской школе был приготовлен завтрак нашею артелью, и удалось накормить весь отряд. Около 4-х двинулись в обратный путь. Ветер дул в лоб и очень мешал передвигать ноги. До черты города шёл пешиком во главе батальона, как прошлым летом на подвижном сборе. Ровно в 6 час. пришли на Миллионную, мокрые и грязные, но очень довольные»^[223].

Непосредственный начальник Наследника Великий Князь Константин Константинович записал в своём дневнике в 1894 г.: «Ники держит себя в полку с удивительной ровностью; ни один офицер не может похвастаться, что был приближён к Цесаревичу более другого. Ники со всеми одинаково учтив, любезен и приветлив; сдержанность, которая у него в нраве, выручает его»^[224].

Генерал А. А. Зуров, бывший сослуживец будущего Николая II по Лейб-гвардии Преображенскому полку, вспоминал: «Наследник Цесаревич всегда аккуратно приходил на занятия; Он не числился только, но действительно служил и был образцовым офицером и командиром. Его отношение к своим однополчанам, офицерам и солдатам было всегда дружелюбным и доброжелательным. Он был подлинным отцом-командиром, заботившимся о своих подчинённых, как офицерах, так и солдатах, о солдатах же в особенности,

так как он любил их всем своим русским сердцем; Его влекла к ним их бесхитростная простота, что было основной чертой Его собственного характера. Наследник Цесаревич не только интересовался их питанием и условиями их казарменной жизни, но и домашними делами, жизнью и нуждами их семей и помогал их нужде»^[225].

Генерал Н. А. Епанчин, в ту пору офицер Преображенского полка, вспоминал: «Цесаревич проходил военную службу в пехоте, в Преображенском полку, как младший офицер и как батальонный командир; в коннице, в офицерской кавалерийской школе, и в Л.-гв. Гусарском Его Величества полку, и в артиллерии, в Гвардейской Конно-артиллерийской бригаде. Таким образом, он имел возможность изучить строевую полевую службу, познать войсковой быт, мог наблюдать работу офицеров и солдат, сойтись с ними, узнать русского человека, особенно простолюдина, в его работе. Всё это было для него крайне необходимо, особенно для его будущего предназначения как Монарха. Служебные обязанности Цесаревич исполнял чрезвычайно добросовестно, входил во все необходимые подробности. Он близко стоял к офицеру и солдату; в сношениях с людьми отличался необыкновенным тактом, выдержкой и доброжелательством; никого из офицеров не выделял особенно, ни с кем не входил в особые близкие отношения и никого не оттолкнул. По своему характеру он не способен был на вульгарное товарищество, на амикошонство, чему мы иногда были свидетелями в от-

ношениях других высоких лиц.

Житейская обстановка Цесаревича в полку ничем не отличалась от условий жизни остальных офицеров – была проста, безо всяких излишеств. Он столовался в офицерском собрании и не предъявлял никаких претензий; особенно это бросалось в глаза на манёврах, когда подавалась закуска самого простого вида, так как вообще в Преображенском полку не было никакой роскоши. Это, разумеется, производило большое впечатление на унтер-офицеров и на всех солдат полка^[226].

Два летних сезона Цесаревич посвятил кавалерийской службе в рядах Лейб-гвардии Гусарского полка от взводного до эскадронного командира. Следует сказать, что верховую езду Цесаревич любил с детства. В его детском дневнике можно часто встретить следующие сведения: *«Ездили верхом и отлично прыгали через барьер»*^[227]. Начальник офицерской кавалерийской школы, где Николай Александрович проходил обучение, полковник В. А. Сухомлинов (будущий генерал и военный министр) вспоминал: *«Цесаревич очень аккуратно посещал занятия эскадрона школы и прошел все уставное обучение кавалериста, до эскадронного учения включительно. Чрезвычайно внимательно относился ко всем указаниям, разъяснениям и перед эскадроном произносил команды отчетливо, уверенно»*^[228].

Один лагерный сбор Наследник прошёл в рядах артиллерии. После прохождения многолетнего курса военной подго-

товки Великому Князю Николаю Александровичу было присвоено звание полковника, и вплоть до восшествия на престол в 1894 г. он командовал батальоном Преображенского полка. Звание полковника он сохранил на всю жизнь, так как полковничьи погоны он получил из рук столь им любимого отца – Императора Александра III.

Генерал В. А. Сухомлинов вспоминал: *«При вступлении на престол Николая Александровича, Великого Князя Николая Михайловича не было в Петербурге. Когда он вернулся в столицу и явился Его Величеству, то Государь, в силу прежних дружеских отношений, встретил его ласково, приветливо и “дернула меня нелегкая”, как он сам рассказывал мне затем, спросить Государя: “А когда же ты сделаешь себя генералом?” Государь сразу же изменился и недовольным тоном ответил ему: “Русскому Царю чины не нужны. В Бозе почивший отец мой дал мне чин, который я сохранию на престоле”»*^[229].

6 января 1894 г. в ознаменование годовщины службы Наследника Цесаревича в рядах Лейб-гвардии Преображенского полка Великий Князь Константин Константинович от имени офицеров полка подарил Цесаревичу памятный портсигар. Великий Князь вспоминал: *«В 3½ собрались мы в офицерское собрание на товарищеский обед. Было решено, что за этим обедом я вручу Ники полковой подарок – портсигар. Он золотой, рифлённый; с одной стороны, посреди красного эмалевого кружка, в золотом венке из дубовых и*

лавровых листьев золотой вензель Петра I, как на наших знамёнах, а с другой, в таком же венке и тоже на красной эмали, числа 93 2/1 94 вступления Ники в наши ряды и годовщины. Я задолго приготовил слова, которые хотел сказать Ники при поднесении портсигара, и твердо выучил их наизусть. Но когда шампанское разлили, музыка перестала играть, я встал и выждал, чтобы затих шум отодвигаемых стульев, на меня нашло какое-то затмение; я перезабыл выученные слова и сказал следующее: 2-го января исполнился год со дня, когда Ты вступил в наши ряды командиром батальона. <...> Каждый из нас по гроб жизни свято сохранит память о днях, когда служили вместе с Тобой под родными нашими знаменами. Прими же это воспоминание от Преображенской семьи (тут я подал Ники портсигар) и верь, что любовь ее, самая задушевная, беззаветная и горячая, принадлежит Тебе не только как потомку нашего великого Основателя, как сыну нашего Царя и Наследнику его Престола, но как нашему доброму, милому, дорогому и бесценному товарищу»^[230].

Любовь к офицерству Николай II сохранил на всю жизнь. Будучи сам прирождённым военным, он хорошо знал все тяготы и лишения этой профессии.

Глава 4. Путешествие на Восток 1890–1891 гг.

По сложившейся в русском Императорском Доме традиции образование Наследника престола завершалось большим заграничным путешествием. Как правило, это были ведущие европейские государства. Однако Император Александр III решил направить своего старшего сына в восточные страны, которые раньше не посещал ни один Цесаревич. За девять месяцев Николай Александрович должен был морским путём посетить Египет, Индию, Цейлон, Сингапур, Яву, Китай, Японию, а далее сухим путем вернуться в Петербург через Сибирь. Когда Государственный секретарь А. А. Половцов убеждал Цесаревича вернуться через Соединённые Штаты, объясняя, что Сибирь он всегда сможет увидеть, то Цесаревич заявил, что он Сибирь хочет увидеть непременно, а Соединённые Штаты повидает *«когда-нибудь потом»*^[231].

План этого грандиозного путешествия задолго до его начала разрабатывался представителями Генерального штаба и Святейшего Синода. Его составлял воспитатель Цесаревича генерал Г. Г. Данилович, которому помогали адмирал И. А. Шестаков, географ А. И. Воейков. Предстоящему путешествию придавалось большое государственное значение. Это была не увеселительная поездка, а важнейшая миссия:

Россия заявляла о своих интересах в Юго-Восточной Азии и Азиатско-Тихоокеанском регионе, демонстрировала свою военно-морскую мощь. Наследник должен был установить личные контакты с ведущими монархами восточного мира. Кроме того, Император Александр III решил основать Великую Сибирскую железную дорогу. В 1891 г. намечалось начать строительство восточного участка Транссибирской магистрали из европейской части России до Томска. Эта магистраль должна была стать надежным транспортным путем не только к тихоокеанским окраинам России, но и к зарубежным рынкам Восточной Азии. Чтобы подчеркнуть стратегическую важность начавшегося строительства, Цесаревичу поручено было принять участие в торжественной закладке во Владивостоке. Туда Наследник должен был прибыть морским путём – через Индийский и Тихий океаны.

Путешествие проходило в сопровождении кораблей эскадры вице-адмирала П. Н. Назимова. Николай Александрович главным образом находился на броненосном фрегате *«Память Азова»*, которым командовал капитан 1-го ранга Н. Н. Ломан. (5 мая 1891 г. из-за болезни Ломана в командование кораблём вступил капитан 1-го ранга Г. П. Чухнин).

Главным руководителем путешествия был генерал-майор Свиты князь Владимир Анатольевич Барятинский. Среди других спутников Цесаревича были: флигель-адъютант князь Н. Д. Оболенский, князь В. С. Кочубей, Е. Н. Волков, князь Э. Э. Ухтомский, большой знаток Востока, а также

сын великого Д. И. Менделеева – мичман В. Д. Менделеев. Кроме того, Цесаревича сопровождали военно-морской врач В.К. фон Рамбах и художник Н. Н. Гриценко.

Князь Ухтомский подробно описал это путешествие в своём многотомном красочном издании *«Путешествие Наследника Цесаревича на Восток»*. Следует отметить, что князь оказал большое влияние на Наследника в плане обращения его внимания к Восточному региону в свете геополитических интересов России.

23 октября 1890 г. в Гатчине в присутствии всей Царской Семьи был отслужен молебен о путешествующем рабе Божьем Благоверном Наследнике Цесаревиче Николае Александровиче. Затем в 14 ч. Александр III и Императрица Мария Феодоровна на поезде проводили сына до ближайшей остановки – станции Сиверской^[232]. 24 октября Наследник прибыл в Варшаву, где имел часовую остановку, принимая гражданские и военные власти. Там же, в Варшаве, Цесаревичу был подан специальный заграничный поезд, на котором он отбыл в Вену, где на Северном вокзале его приветствовал император Франц Иосиф. Он радушно обнял Цесаревича, усадив его в собственный экипаж, на котором они проследовали по улицам австро-венгерской столицы, приветствуемые народом. Торжественный обед в честь Высокого Гостя был дан австрийским императором в его загородной резиденции Шёнбруне. В тот же день вечером Николай Александрович направился в Триест. Там 25 октября 1890 г. к нему присо-

единился Великий Князь Георгий Александрович, и оба они вступили на борт «Память Азова», на котором был поднят штандарт Цесаревича. В тот же день корабль взял курс на Грецию. В Патрасе Цесаревич благоговейно поклонился мощам святого Апостола Андрея Первозванного^[233]. Толпящиеся вокруг храма греки шумно и радостно приветствовали сына русского Царя.

31 октября под колокольный звон всех церквей Цесаревич прибыл в Афины, где к русским путешественникам присоединился греческий принц Георгий.

Первоначально Цесаревич должен был посетить Константинополь (Стамбул) и Святую Землю. Однако из-за конфликта между султанским правительством и православным греческим духовенством эта поездка не состоялась. Генерал Г. Г. Данилович писал Наследнику 12 сентября 1890 г.: *«Вашему Императорскому Высочеству, я полагаю, известно, что по докладу министра иностранных дел, Государь Император приказал неудобным посещение Вами Константинополя при предстоящем плавании, так как там возникли весьма серьёзные недоразумения между правительством султана и представителями греческого патриархата; недоразумения эти приняли такой острый характер, что по распоряжению патриарха в православных церквях, как слышно, прекращено богослужение. Мне кажется, что такие неудобства, которые мешают посещению Вами Константинополя, препятствует в равной мере и Вашей поезд-*

ке в Дамаск и Иерусалим»^[234].

В начале ноября русская эскадра отправилась к берегам Африки, в Египет, в Александрию, где путешественники сделали остановку. В то время как корабли шли по Суэцкому каналу, Цесаревич со своей свитой совершил поездку по Нилу до современного Асуана, осматривая памятники Древнего Египта. 11 ноября путешественники прибыли в Каир. Встреча Наследника прошла на самом высоком уровне. Его приветствовали Александрийский Патриарх Софроний IV (Меиданзоглу) и Коптский патриарх Кирилл^[235].

13 ноября Цесаревич совершил восхождение на знаменитую пирамиду Хеопса, а 14, в день рождения Императрицы Марии Феодоровны, присутствовал на Божественной литургии в каирской православной церкви Святителя Николая.

11 декабря 1890 г. *«Память Азова»* достиг Индии – главного владения Великобритании на Востоке. *«В 8 ч. утра вошли всем отрядом на Бомбейский рейд, – писал Цесаревич в дневнике, – и бросили якорь. Был чудный день. В полной гусарской форме съехал на берег с греч[еским]. Джорджи. Торжественная встреча англичан. Живём в летней резиденции губернатора – очень хорошо»*^[236].

Однако за этими фразами скрывалась глубокая неприязнь Наследника к «Владычице морей». Те же чувства слышны и в письме Александра III старшему сыну, когда тот прибыл в Бомбей: *«Я воображаю, как Ты теперь “доволен” быть в Индии и как Тебе должно казаться странным быть вдруг*

там, посреди далеко нам не сочувствующей нации, в царстве красных мундиров²⁵ и посреди далеко не верноподданных Императрицы Индии²⁶! Конечно, англичане Тебя будут везде встречать с почётом и даже весьма любезно, но увлекаться этому не следует и в Англии твоя поездка по Индии далеко многим не по нутру!»^[237]

Посещая английские колониальные владения, Николай Александрович воспринимал Великобританию как врага и соперника России: «Досадно видеть, – писал он отцу из Каира, – как англичане разгуливают в мундирах по городу, как будто в Лондоне»^[238]. В другом письме Александру III Наследник пишет, что «англичане думают и стараются только для себя и своей выгоды»^[239]. Посетив Каунпор, центр восстания сипаев в 1857 г., и выслушав рассказы сопровождавших его англичан о зверствах, творимых здесь индийцами, Цесаревич «не удержался и напомнил англичанам о тех же мерах, какими они сами пользовались после подавления мятежа – расстреливая бунтовщиков у дула орудий»^[240]. В Бенаресе Наследника русского престола возмутило поведение английского наместника, который встретил Цесаревича, оставив за спиной местного индийского князька. Для Николая Александровича было совершенно неважно, что этот магараджа «владеет небольшим клочком вне Бенареса». Это нисколько не извиняет английского чиновника проявлять та-

²⁵ Цвет военной униформы английской армии в конце XIX в.

²⁶ Имеются в виду индийцы.

кую «непочтительность к туземному князю»^[241]. В этой реакции будущего Государя особенно ярко проявляется антиколониальный, антирасистский дух русской монархии. Подобная мысль не могла прийти в голову, конечно, ни одному западному монарху. Путешествие на Восток и впечатления от английского колониализма ещё больше утвердили будущего Императора в мысли, что *«мы должны быть сильнее англичан в Тихом океане»*^[242].

31 декабря Цесаревич прибыл на Цейлон (Шри-Ланку), где встретился с возвращавшимися из далёких краёв на яхте «Тамара» Великими Князьями Александром и Сергеем Михайловичами. Они прибыли на остров специально поохотиться на слонов. Наследник, заядлый охотник, на этот раз от неё отказался, заявив, что он никогда не хотел бы убить *«такое полезное животное»*, как слон^[243]. В Национальном Ботаническом саду Коломбо Цесаревич посадил железное дерево, которое существует до сих пор, и посещается туристами. Между тем у Великого Князя Георгия Александровича стали проявляться первые признаки туберкулёза. 23 января 1891 г. он был вынужден перейти на крейсер «Адмирал Корнилов», который отвёз его на родину.

В феврале 1891 г. отряд кораблей, возглавляемый «Памятью Азова», приближался к берегам Сиама (Таиланда). Англичане крайне противились появлению русского Престолонаследника в этом королевстве, которое входило в небольшое число неколонизированных государств этого региона.

На Сиа́м были направлены алчные взоры как Лондона, так и Парижа. На подходе к Бангкоку руководитель экспедиции князь В. А. Барятинский получил сообщение от русского консула в Сингапуре А. М. Выводцева, что англичане распространяют слухи, что в Си́аме свирепствует холера и следовать туда ни в коем случае нельзя. Поэтому для сиа́мского короля Чулалонгкорна (Рамы V) посещение его государства Наследным принцем величайшей державы имело важное политическое значение. В связи с этим король 6/18 февраля 1891 г. направил Цесаревичу Николаю личное письмо, в котором говорилось: *«Ваше Императорское Высочество! По прибытии Вашего Императорского Высочества в Сингапур Вы будете встречены моим возлюбленным братом Кром-Мун-Дамронг-Раджануфаб, посланным мной на моем военном судне “Монгкут-Раджкумар” для приветствования Вашего Императорского Высочества от моего имени, ввиду Вашего приближения к моей стране. Брат мой явится выразителем чувств, питаемых мной и моим домом по отношению к Августейшему Русскому Императорскому Дому, благородный отпрыск коего впервые в сиа́мской истории посещает эти побережья»*^[244].

Цесаревич в ответном любезном письме согласился посетить Бангкок и 17/29 февраля принял брата короля в Сингапуре: *«Он очень обрадованный и приятный собеседник, отлично говорит по-английски; видно из его рассказов, что меня ожидают в Си́аме»*^[245].

8/20 марта «Память Азова» бросил якорь в порту Бангкока. Программа пребывания русского Престолонаследника в столице Сиама была рассчитана на 5 дней. Князь Ухтомский вспоминал: *«Полдень близко. Воздух кажется раскаленным. Наследник Цесаревич в парадной лейб-гусарской форме выходит из фантастической "пироги" с 46 театрально наряженными гребцами на берег под небольшую арку, у которой Его Императорское Высочество встречает король Чулалонгкорн... Сорокалетний, среднего роста, стройный красавец-король... радостно приветствует Желанного Гостя и знакомит Августейших путешественников со своей многочисленной семьей»*^[246]. Помимо официального протокола между королём и Наследником возникли чувства глубокой симпатии. В инструкции русскому консулу в Нью-Йорке А. Е. Ораловскому, отправлявшемуся на своё новое место службы в Бангкок, сообщалось: *«Могучий толчок пробудившемуся влечению Сиама в сторону России был дан состоявшимся посещением бангкокского двора Всемиловейшим Государем нашим в качестве русского престолонаследника в 1891 г. во время предпринятого на Дальний Восток путешествия. Оказанный Его Императорскому Величеству королём Чулалонгкорном и всем населением страны торжественный приём, полный самого искреннего радушия и внимания, явился той данью признательного уважения, которую король, а с ним вместе и все его подданные в лице высокого своего гостя желали воздать русскому Царю и*

России»^[247].

Сиам произвёл на Николая Александровича самое хорошее впечатление. Жителей страны русский Престолонаследник называл не иначе как «добрые сиамцы», а сам Сиам – «отлично устроенной страной». *«По-моему, – писал Цесаревич Александру III, – это самая интересная и своеобразная страна, которую мы до сих пор видели»*^[248]. Через 5 лет эти чувства глубокой симпатии побудили Императора Николая II сделать всё, чтобы Сиам сохранил свою независимость и не стал французской колонией.

Особенно знаменательным был визит Цесаревича Николая Александровича в Японию, которая, писал он Императрице Марии Феодоровне, ему *«страшно нравится, это совершенно другая страна, непохожая на те, которые мы до сих пор видели»*^[249].

Наследник престола прибыл в эту страну на флагмане *«Память Азова»*, который вошел в бухту Нагасаки 15 апреля 1891 г. Николай Александрович пробыл там девять дней *«инкогнито»* (официальная церемония вступления его на японскую землю была запланирована позднее). *«Японцы в Нагасаки почти все говорят по-русски, – писал в том же письме матери Цесаревич, – не только в магазинах, но и в лавках, и на базарах, недаром наши моряки считают себя дома во время стоянки в Нагасаки»*^[250]. Единственное, что не понравилось Цесаревичу в Японии, была местная кухня. *«Еда японская, – сообщал он Марии Феодоровне, – хуже*

китайской. Мне это было очень досадно, так как во всём остальном Япония совершенно несравнима с грязным вонючим Китаем»^[251].

В Нагасаки Николай Александрович посетил русское военное кладбище в Инасе (пригород Нагасаки). *«Я был на нашем кладбище, – писал он Императрице Марии Феодоровне. – Оно очень искусно содержится японским бонзой-священником»*^[252].

По имеющемуся преданию, этот японский священнослужитель посоветовал русскому Царевичу посетить известного буддийского отшельника Теракуто, *«взору которого открыты тайны мира и судьбы людей»*^[253]. Переодевшись в гражданскую одежду, Цесаревич, в сопровождении принца Греческого Георгия и советника японского императора маркиза Ито Хиробуми, пешком направился к Теракуто, жившему в одной из рощ вблизи Киото. *«Уже издали, подходящие увидели распростертую фигуру затворника-буддиста. Наследник наклонился и бережно поднял его с земли»*. Теракуто *«невидящими глазами»* обратился к Цесаревичу, назвав его «Небесным избранником» и «великим исповителем». Затем монах предупредил Николая Александровича о *«витающей над его головой опасности»*, но *«смерть отступит и трость будет сильнее меча»*, а затем предрек ему *«два венца»*: земной и небесный. *«Великие скорби и потрясения ждут Тебя и страну твою. Ты будешь бороться за ВСЕХ, а ВСЕ будут против Тебя. На краю бездны цветут краси-*

вые Цветы, но яд их тлетворен: дети рвутся к цветам и падают в бездну, если не слушают Отца. Блажен, кто кладет душу свою за други своя. Трижды блаженней, кто положит ее за врагов своих. Но нет блаженней жертвы Твоей за весь народ Твой. Настанет, что Ты жив, а народ мертв, но сбудется: народ спасен, а (Ты) свят и бессмертен. Оружие Твое против злобы – кротость, против обиды – прощение. И друзья, и враги преклонятся пред Тобою, враги же народа Твоего истребятся. Вижу огненные языки над главой Твоей и Семей Твоей. Это – посвящение. Вижу бесчисленные священные огни в алтарях пред Вами. Это исполнение. Да принесется чистая жертва и совершится искупление. Станешь Ты осиянной преградой злу в мире»^[254].

Источник этого рассказа владыка Митрофан не указывает. Имеются ссылки на якобы существующие мемуары маркиза Ито Хиробуми, в которых тот сообщает об этом случае. Однако никаких сведений о существовании мемуаров японского премьера не имеется. Нет упоминаний об этой встрече ни в книге Э. Э. Ухтомского, ни в дневниках самого Николая Александровича. Кроме того, представляется странным, чтобы буддийский отшельник использовало евангельские слова «за други своя». Поэтому на сегодняшний день факт встречи Теракуто с Николаем II следует считать апокрифом.

22 апреля 1892 г. Цесаревича Николая навестил японский принц Арисугава Такехито, прибывший со свитой на

крейсер «Память Азова» в качестве личного представителя японского императора. В городе Кагосиме Цесаревич наблюдал состязания по борьбе, стрельбе из лука, осмотрел выставку средневекового японского оружия, побывал в замке князя Симадзу. Он очень растрогал местного князя, выпив за его здоровье, по японскому обычаю, чашечку саке, этим жестом подав пример сделать то же самое присутствовавшему при этом принцу Арисугаве, что было весьма лестно для старого князя^[255].

В Стране восходящего солнца со стороны буддистского духовенства Цесаревичу Николаю был оказан подчёркнуто почтительный приём. При входе Цесаревича в буддийский храм священнослужители повергались пред ним ниц, а когда он их поднимал, смотрели на него с благоговением и с трепетом, торжественно вводили его в святилище. При этом лиц свиты, кто хотел войти вслед за Цесаревичем, не пускали. Когда такую попытку предпринял принц Георгий Греческий, ламы преградили ему путь. Как писал епископ Митрофан (Зноско-Боровский), *«каждая такая встреча носила характер какого-то непонятного таинственного культа, совершаемого пред высшим воплощением, по воле Небес сошедшего на землю с особой миссией»*^[256].

27 апреля Цесаревич на поезде прибыл в Киото, древнюю столицу Японии. Здесь традиционно к иностранцам относились враждебно, а недавний визит принца Генриха Прусского едва не закончился трагически, так как фанатичная толпа

пыталась наброситься на него. Тем не менее визит Цесаревича Николая прошёл в обстановке особой торжественности, дома были украшены цветными фонариками и хлопчатобумажной материей. Цесаревич проехал через специально по случаю его приезда воздвигнутую на центральной улице триумфальную арку, украшенную надписью по-русски «Добро пожаловать!». В Киото Цесаревич осмотрел древний храм и бывшую резиденцию сёгуна.

29 апреля 1891 г. Наследник на джинрикше отправился из Киото в город Оцу. После осмотра живописного озера Бива Николай Александрович, принц Георг Греческий и японский принц Арисугава Такехито вернулись в губернаторскую резиденцию. После обеда, около 13 час. 20 мин., кортеж примерно из 50 джинрикш двинулся по узким улочкам Оцу обратно в Киото. В первой повозке сидел Цесаревич, во второй – принц Греческий, в третьей – принц Арисугава. За монаршими особами следовали джинрикши с лейб-медиком и лицами русской и японской свиты. Улица была крайне узкой, с обеих её сторон стояли полицейские, вооружённые мечами катана^[257]. Внезапно один из них, как позже выяснилось Сандзо Цуда, улучив момент, подбежал к повозке, где был Цесаревич, и нанёс ему сзади удар мечом по голове. В последний момент Цесаревич обернулся, клинок скользнул и лишь слегка его ранил. Японец хотел повторить удар, но был сбит с ног вовремя подоспевшим принцем Георгием.

Николай Александрович писал Императрице, что «не

будь Джорджи, может быть милая Мама, я бы вас больше не видел!»^[258] В письмах своим Родителям Цесаревич подробно описал обстоятельства покушения. Наследник рассказывал, что Георг «догнал бежавшего за мной полицейского и своей известной силой ударил его по голове. Тот сразу повернулся и уже замахнулся на Джорджи саблей, но тотчас же смертельно бледный повалился на землю. Тогда на него набросились двое из моих молодцов дженришкой и стали держать, так как он старался вырваться, то для верности один из них хватил его по шее саблей и затем его затащили в ближайший дом. <...> На голове у меня оказалось две раны, но до сих пор спорный вопрос о том, получил ли я два удара, или один. <...> Самым неприятным было бежать и чувствовать того подлеца за собой и вместе с тем не знать, как долго этого рода удовольствие продлится? Я боялся одного – упасть или просто ослабеть, так как в первую минуту кровь хлынула фонтаном»^[259].

В письме к Марии Феодоровне Наследник сообщал новые подробности покушения: *«Не успели мы отъехать двухсот шагов, как вдруг на середину улицы бросается японский полицейский и, держа саблю обеими руками, ударяет меня сзади по голове! Я крикнул ему по-русски: «что тебе»? и сделал прыжок через моего дженришку. Обернувшись, я увидел, что он бежит на меня с еще раз поднятой саблей, я со всех ног бросился по улице, придавив рану на голове рукой»^[260].*

Цесаревича посадили на скамейку возле одного из до-

мов, чтобы оказать первую помощь. Николай Александрович произнёс: *«Это ничего, только бы японцы не подумали, что это происшествие может чем-либо изменить мои чувства к ним и признательность мою за их радушие»*^[261]. То же самое Цесаревич повторил подбежавшему к нему Арисугаве. Врач В. К. фон Рамбах немедленно на месте сделал первую крепкую перевязку.

Сандзо Цуда был сразу же арестован. Позже суд приговорил его к пожизненному заключению в тюрьме на острове Хоккайдо, где 30 сентября 1891 г. Цуда умер от пневмонии, по другим сведениям, покончил с собой. На суде он мотивировал свои действия тем, что якобы принял Цесаревича за европейского шпиона.

Между тем Наследника повезли обратно в губернаторский дом. Там *«сейчас же Рамбах, Попов с “Азова” и Смирнов с “Мономаха”, – писал Наследник отцу, – приступили к промыванию и зашиванию ран. Я себя чувствовал великолепно и без всякой боли. Но что меня страшно мучило, это мысль о вашем беспокойстве и о том, что неверные слухи могли дойти до вас раньше моей телеграммы»*^[262]. В целом состояние Цесаревича было удовлетворительным, он улыбался и шутил.

2 мая 1891 г. руководитель путешествия генерал-майор свиты князь В. А. Барятинский сообщил о случившемся Императору Александру III. Описывая состояние Наследника после ранения, князь писал: *«Николай Александрович был*

спокоен и сохранил все присутствие духа, успокаивая всех и говоря, что он особенного ничего не чувствует и что рана пустая. В отношении совершенно растерявшихся японцев Цесаревич выказал удивительную доброту; он сейчас же сказал Принцу Арисугава: “Прошу вас ни минуты не думайте, что это происшествие может испортить хорошее впечатление, произведенное на меня радушием приемом, встреченным мною всюду в Японии”. У всех были слезы на глазах! <...> Дома, в Киото, рана была подробно исследована всеми тремя докторами, наложены швы и повязка. Николай Александрович благодаря Богу чувствовал себя в это время хорошо, разговаривал и шутил»^[263].

Из этого протокола следовало, что орудием покушения был стандартный полицейский меч катана с длиной лезвия около 58 см. Чудом, но Наследник серьёзно не пострадал. Ему были нанесены две раны на правой стороне головы. Одна из них была длиной около 9 см и достаточно глубока, поскольку проникла до кости. Впоследствии врач эскадры удалил с костной ткани тонкий слой площадью приблизительно 7 × 3 мм. Вторая рана была длиной 7 см, но кость в этом месте задета не была.

6 мая 1891 г., то есть в свой день рождения, Цесаревич получил письмо от Державного отца: «*От всей души благодарим Господа, милый мой Ники, за Его великую милость, что Он сохранил Тебя нам на радость и утешение. До сих пор ещё не верится, чтобы это была правда, что действи-*

тельно Ты был ранен, что всё это не сон, не отвратительный кошмар»^[264].

Написал письмо и самый младший брат, 12-летний Великий Князь Михаил: *«Мне было очень грустно, когда я узнал, что случилось с Тобюю в Японии. Слава Богу, что раны не были очень опасны. Я буду ужасно рад, когда Ты вернёшься и Георгий также. Миша»*^[265].

Хотя серьёзных последствий удар не имел, Николай II до конца жизни страдал головными болями. 25 мая 1891 г. Николай Александрович записал в своём дневнике: *«Вечером Рамбах вынул с головы последний шов и снял весь шрам»*^[266].

Впоследствии появилось расхожее мнение, что будто бы покушение в Оцу настроило Императора Николая II враждебно в отношении Японии и будто бы это стало причиной войны с нею. В частности, С. Ю. Витте в своих воспоминаниях писал, что покушение *«вызвало в душе будущего Императора отрицательное отношение к японцам...»*^[267]. Однако эти домыслы опровергаются самим Государем. Сразу же после покушения он писал матери: *«Япония так же нравится мне и теперь, как раньше, и случай со мной 29 апреля не оставил во мне никакого неприятного чувства»*^[268]. В том же письме Николай Александрович сообщал, что его *«очень тронуло, что японцы становились на колени при проезде на улице и имели печальные лица»*^[269].

Японцы были крайне взволнованы возможными политическими последствиями со стороны России. Нельзя было ис-

ключать с её стороны даже военных действий. На следующее утро с токийского вокзала отошёл специальный поезд, в котором находился сам император (микадо) Муцухито, спешивший с личными извинениями. В Японии микадо почитался за божество, и его передвижение являлось важным государственным событием. Микадо вёз с собой группу профессоров медицины из Токийского университета. Муцухито встретился с Цесаревичем и выразил ему свои слова соболезнования. Сыну русского Царя был пожалован высший японский орден Хризантемы. Из Осаки прибыли три парохода, нагруженные подношениями и подарками от купцов этого крупнейшего торгового города Японии. Извинения японцев были приняты Александром III и тяжёлых последствий для отношений двух стран не имели. Уже в своём письме сыну 6 мая Царь писал: *«Я воображаю отчаяние Микадо и всех сановников японских, и как жаль для них и все приготовления и празднества – всё пропало и ни к чему! Но Бог с ними со всеми, радуюсь и счастлив, что, благодаря всему этому, Ты можешь начать обратное путешествие скорее и раньше, дай Бог, вернёшься к нам!»*^[270]

По настоятельной просьбе русского посланника в Японии Д. Е. Шевича Александр III 7 мая 1891 г. приказал прервать визит Великого Князя Николая Александровича в Японию. Микадо лично провожал Цесаревича на корабль. Преждевременный отъезд Николая Александровича из Японии помешал его участию в торжественной церемонии освящения

нового православного собора, сооружённого при деятельном участии святителя архиепископа Николая (Касаткина) в центре японской столицы.

Покушение в Оцу взволновало русское общество. Известный поэт А. Н. Майков посвятил Великому Князю Николаю Александровичу стихотворение, которое направил Императору Александру III. *«Ваше Императорское Величество. Я сам отец и знаю, что всякое сердечное участие в горе и радости по поводу наших детей услада родительскому сердцу. Вот почему я дерзаю представить Вам эти несколько строчек стихов, вызванных доселе непонятным событием с Государем наследником Цесаревичем в Японии»*^[271].

Царственный Юноша, дважды спасенный!
Явлен двукраты Руси умиленной
Божия Промысла щит над Тобой!
Вихрем промчалася весть громовая,
Скрытое пламя в сердцах подымая
В общем порыве к молитве святой.
С этой молитвой – всей Русской землей,
Всеми сердцами Ты глубже усвоен...
Шествуй же в путь свой и бодр, и спокоен.
Чист перед Богом и светел душой.

16 мая 1891 г. Николай Александрович прибыл во Владивосток. За пять месяцев до этого Городская дума 12 января 1891 г. постановила: для увековечивания памяти посещения

Владивостока Наследником Цесаревичем построить на перекрёстке Светланской и Прудовой улиц из камня и кирпича Триумфальные ворота, с постановкой в оных образа Святого Николая Чудотворца с неугасимою лампадой. Дума ходатайствовала о присвоении этим воротам имени Николаевских. Именно через эту арку Цесаревич и въехал во Владивосток. В день своего прибытия он объявил Приамурскому генерал-губернатору барону А. Н. Корфу именной Высочайший Указ, в котором *«в ознаменование посещения Сибири Любезнейшим Сыном нашим, Государем Наследником Цесаревичем и Великим Князем Николаем Александровичем»*, Государь объявлял амнистию широкому кругу каторжан^[272].

Утром 17 мая Цесаревич Николай Александрович принял участие в торжественной церемонии закладки памятника исследователю Дальнего Востока адмиралу Г. И. Невельскому. После закладки Цесаревич посетил военный лагерь, при отъезде из которого офицеры отпрягли лошадей и сами повезли коляску с Августейшим гостем под громовое «ура!» войск и народа^[273].

19 мая Цесаревич принял участие в торжественной церемонии начала строительства уссурийского участка Транссибирской железнодорожной магистрали и в закладке здания Владивостокского вокзала. Цесаревич провёз символическую тачку с землёй для железнодорожной насыпи. К моменту приезда Наследника было уже построено 3 км железнодорожных путей, и Цесаревич совершил пробную поездку

по этому участку. Через два года поезда уже ходили от Владивостока до Никольско-Уссурийска, а строительство всей магистрали в целом было завершено в 1904 г.

30 мая Цесаревич попрощался с командой «Память Азова». Мичман В. Д. Менделеев писал своему знаменитому отцу: *«Милый Папа! Вот наши торжества и кончились. Трудно описать ту грусть, с которой все расставались с Цесаревичем: за 7 месяцев все так привыкли к нему как к человеку, как к простому и ласковому юноше...»*^[274]

Возвращение Цесаревича домой из Владивостока пролегло через Сибирь, которая произвела на будущего Николая II огромное впечатление. Разные культуры, народы, обычаи тесно переплетались с красивейшими городами и великолепной природой. *«Что за громадина Амур, – писал он отцу, – мы шли 10 дней вверх по нему и затем вошли в Шилку, которая тоже не из маленьких»*^[275]. Великому Князю Александру Михайловичу Цесаревич писал по поводу Сибири: *«Я в таком восторге от того, что видел, что только устно могу передать впечатления об этой богатой и великолепной стране, до сих пор так мало известной и (к стыду, сказать) почти незнакомой нам, русским!»*^[276]

В степях буряты радушно встречали сына Белого Царя. На р. Тура Наследник встречался с представителями агинских бурят. Для этого был построен юртовый городок, в центре которого для Цесаревича поставили юрты из 10 раздвижных стен с полным убранством, установили трибуну для зрите-

лей конноспортивных и других состязаний. В состав агинской делегации во главе с гл. тайшой Ж. Зоригтуевым входили руководитель Агинской степной Думы и знатные люди С. Зодбоев, Ж. Бодийн, Э. Вамбоцыренов. Баргузинские буряты подарили Цесаревичу седло, лук и стрелы, два ковра и соболий мех. Эти подарки были преподнесены Николаю Александровичу в буддийском храме под чтение ламами мантр, звуки труб и *«чего-то играющего роль литавр»*. При вручении подарков, Наследнику пришлось *«влезть на трон почти под самый потолок»*^[277].

Примечательно то особое священное почитание Цесаревича, как сына Белого Царя, которое проявляли различные восточные народы. В Аннаме, южновьетнамской французской колонии, все были поражены, когда аннамские духовные лица и старики пали ниц перед Цесаревичем. Как писал князь Успенский: *«Лицезрея в Наследнике Цесаревиче Первенца Белого Царя, коего Именем и обаянием полон весь Восток, почитая в Августейшем путешественнике Высокого Гостя, прибывшего в их буддийский край, аннамские «духовные и старики» пали ниц перед милостиво их принявшим Великим князем»*^[278].

По всему следованию Наследника по Сибири, в каждом посещаемом населённом пункте его встречали почётные делегации. Каждая из них считала долгом преподнести Высокому гостю хлеб-соль и местные деликатесы, состоявшие из икры и солёной рыбы. Стояла страшная жара, и Цесаревичу

сильно хотелось пить, и при этом его угощали одними солёными кушаньями. С тех пор Государь никогда не ел икры или солёной рыбы^[279].

14 июня 1891 г. пароходы «Вестник» и «Ермак», на котором следовал Цесаревич, вошли в одно из устьев Нерчи. Опасение наткнуться на мель побудило остановиться в 4 верстах от Нерчинска, куда Наследник Цесаревич и его свита прибыли в коляске вместе с генерал-губернатором. На городской площади выстроился почётный караул 9-го пешего казачьего батальона, воинские части гарнизона, колонны учащихся. Пройдя мимо учеников и учениц Нерчинских учебных заведений, усыпавших путь цветами, Николай Александрович был встречен городской депутацией, поднесшей на серебряном блюде хлеб-соль, которое было с благосклонностью принято. Выслушав приветствие, Августейший путешественник удостоился принять также поднесённый ему дочерью Нерчинского окружного начальника букет, а затем сел в экипаж для следования к собору. За коляской бежали тысячи людей, сопровождая её до собора^[280]. Затем Наследник внимательно осматривал Нерчинский краеведческий музей, где пробыл около часа. После музея Престолонаследник посетил Софийскую женскую гимназию, духовное и уездное городские училища, выслушав пение учащихся. В письме к Императрице Марии Феодоровне Цесаревич Николай с иронией сообщает о восторженном приёме, оказанном ему в женских гимназиях: *«Я должен был всё время стоять и хо-*

дить облепленный кругом институтками – это было своего рода пыткой. Они меня чуть-чуть не раздели, потому что каждая хотела держать что-нибудь в руках, шапку, или фуражку. Я теперь остался почти без платков и перчаток, столько их пришлось раздать в женских гимназиях»^[281].

В 19 час. в доме золотопромышленника Н. Д. Бутина, прекрасно иллюминированном, был дан торжественный ужин в честь Цесаревича. В разгар торжества на небе с востока внезапно появился огненный шар, который повис над Бутинским домом и затем погас^[282].

15 июня в 9 час. утра Цесаревич отбыл из Нерчинска, а 17 июня прибыл в Читу. Князь Ухтомский писал: *«При самом въезде в город, в конце Ангарской улицы, красовалась деревянная арка»*. От арки к месту остановки экипажей дорога была устлана сукном. Путь следования был определен по центральным улицам города^[283]. Толпы народа сопровождали Наследника Цесаревича на всем пути следования по улицам Читы, во всех церквях начался перезвон, который продолжался все время пребывания Августейшего Гостя. У ворот Казанской церкви, построенной в 1866 г. на Михайловской площади, Наследника ожидал Преосвященный Макарий в сопровождении 16 священнослужителей, 4 дьяконов, с хоругвями, святым крестом и водою. В церкви была совершена лития с провозглашением многолетия, и Владыка Макарий подарил Цесаревичу образ Господа Вседержителя.

5 июля в 9 час. 55 мин. экипаж Цесаревича въехал в город,

приветствуемый народом. За въездом Наследника в Томск наблюдал один тринадцатилетний мальчик. Через много лет он вспоминал об этом: *«Наследника в Томск, то есть последний перегон, вёз один содержатель постоянного двора – еврей, который на тройке вороных и примчал Наследника в город. Вызвало тогда немало разговоров, что Наследник решился ехать на еврейских лошадях и еврей сам же управлял этой тройкой. Тогда же рассказывали, что Наследник попробовал приготовленный еврейский пряник и другие кушанья»*^[284]. Ровно через 27 лет этот мальчик станет палачом-чекистом и убьёт Императора Николая II и всю его Семью. Его звали Янкель Юровский. Примечательно, что 5 июля в XIX в. соответствовало 17 июля григорианского календаря.

От имени духовенства Наследника престола приветствовал епископ Томский и Семипалатинский Макарий (Невский). Тогда ни Владыке, ни Цесаревичу было не дано знать, что оба они будут первыми жертвами безбожного Февральского переворота в 1917 г.

После торжественной встречи его духовенством и городскими властями Наследник Цесаревич посетил могилу старца Федора Козьмича, который, согласно преданию, был не кем иным, как тайно покинувшим престол Императором Александром I Благословенным. Примечательно, что посещение могилы старца было осуществлено Наследником тайно. В официальной части программы его пребывания в Томске оно отмечено не было. Не нашло это посещение своего

отражения ни в дневнике Николая II за 1891 г., ни в его письмах родителям за этот же период. Однако сам факт этого посещения не вызывает сомнений. Он отражён в книге биографа Александра I Великого Князя Николая Михайловича^[285]. Кроме того, факт посещения подтверждается жителем Томска И. Г. Чистяковым, зятем купца С. Ф. Хромова, хорошо знавшего почившего старца, которому об этом рассказывал лично князь Э. Э. Успенский, сопровождавший Цесаревича^[286]. Николай Александрович посетил келью и могилу Феодора Козьмича и повелел над могилой старца вместо часовни построить большую каменную церковь. Этому повелению так и не суждено было быть исполненным.

Ночь Цесаревич провёл в доме губернатора. На следующий день, 6 июля, Наследник посетил Императорский Томский университет, где пообщался с преподавателями и студентами. В начале первого часа дня Цесаревич простился с томичами и на пароходе «Николай» отбыл по реке в сторону Тобольска.

8 июля пароход с Наследником на борту вошёл в пределы Тобольской губернии. Первая остановка была в Сургуте. Как и всюду, местные жители самым восторженным образом встречали Цесаревича. Девушки в дар ему преподнесли свои рукоделия, шитые скатерти и полотенца, крестьянин Иван Шеймин привёл в подарок медведя, а инородцы – две лисицы и молодого оленя^[287]. Это нашло отражение в дневнике Великого Князя Николая Александровича: «*Два отставных*

казака хотели подарить один оленя, другой медвежонка, но я зверей не принял, а одарил их, так как невозможно таскать по всей Сибири разных животных и без них уже достаточно возни!»^[288]

Все старались чем-нибудь одарить Наследника, выразив тем самым ему свою любовь. Всё дальнейшее следование Цесаревича на пароходе по Иртышу сопровождалось восторженными приветствиями местных жителей, толпившихся по обеим берегам реки, духовенство в полном облачении служило благодарственные молебны и осеняло пароход крестом.

Вечером 10 июля Цесаревич прибыл в Тобольск, который через 26 лет станет местом его ссылки. С пристани Цесаревич последовал в Тобольский кафедральный Софийско-Успенский собор, возле которого был встречен громовым «ура!» сотен тоболяков, собравшихся на соборной площади. На паперти собора Наследника приветствовал митрополит Тобольский и Сибирский Иустин (Полянский)^[289].

После краткого молебствия Цесаревич приложился к чудотворной иконе Божией Матери, именуемой Абалакской, а также к иконам Спасителя и Пресвятой Богородицы, дар собору Царя Феодора Иоанновича. Затем Николай Александрович осмотрел город и памятник Ермаку. Около 1 час. ночи 11 июля пароход с Цесаревичем на борту взял курс на г. Омск.

Отойдя от Тобольска, пароход с Наследником через

несколько верст был приветствуем всей братией Абалакской обители, расположенной на высоком и крутом берегу Иртыша. Кроме братии, на берег заранее пришло много местных жителей, которые почти всю ночь ждали появления на реке парохода Цесаревича. Когда же он наконец появился, то старший из иеромонахов высоко поднял крест и громко произнёс: *«Да благословит тебя Господь от Сиона»*. Все колокола монастыря начали звонить. Народ, благоговейно крестясь, бежал вдоль берега за плывущим пароходом^[290].

16 июля в 7¼ утра Августейший путешественник остановился на ночлег в селе Покровское^[291]. Наследнику не дано было знать, что в этом селе живёт крестьянский подросток, с которым через 15 лет его самым тесным образом свяжет жизнь. Юного крестьянина звали Григорий Распутин.

26 июля 1891 г. Цесаревич Николай прибыл в Оренбург. На въезде в город его встречала надпись: *«Да благословит Всевышний благие начинания и дальнейшие пути Его Высочества и сохранит драгоценную жизнь Государя Наследника на многие, многие лета на радость любвеобильному Царю и на благо народов»*^[292]. Наследника встречали исполняющий должность губернатора А. А. Ломачевский, представители сословий, епископ Оренбургский и Уральский Макарий. 27 июля Наследник принимал депутации и знакомился с городом. В частности, он посетил знаменитый Неплюевский кадетский корпус и мужскую гимназию. В этот же день в Оренбурге состоялся военный парад оренбургских ка-

заков с участием Наследника Цесаревича, который являлся Августейшим атаманом войска. Затем Николай Александрович принял казаков – георгиевских кавалеров. Таким образом, Цесаревич Николай Александрович за неделю, проехав более тысячи верст, ознакомился с Оренбургской губернией, принимая многочисленные депутации, присутствуя на молебнах и смотрах, посещая учебные заведения, устраивая торжественные обеды. В путешествии Наследник находился в постоянном общении с местным населением, он посещал дома казаков, купцов, местных чиновников, крестьян.

Путешествие Наследника Цесаревича подходило к концу. В последних письмах перед долгожданной встречей Отец-Император не забывал напомнить сыну о вознесении благодарности Богу за благополучное завершение главного этапа пути. *«Когда будешь на обратном пути в Москве, – писал Александр III 25 июля 1891 г., – то устрой так, чтобы можно было-бы Тебе поехать на несколько часов в Троицкую Серг[иевскую] Лавру, это я нахожу весьма желательным и достойно закончит Твое долгое и утомительное путешествие»*^[293]. 4 августа 1891 г. Императорский поезд доставил Цесаревича в «милую Гатчину».

Глава 5. Обручение с Принцессой Алисой Гессен-Дармштадтской

Идеал семьи, брака всегда занимал важное место в системе ценностей Императора Николая II. *«Я знаю, что мне пора жениться, – писал он своему другу юности Сандро, – так как я невольно все чаще и чаще начинаю засматриваться на красивенькие лица. Притом мне самому ужасно хочется жениться, ощущается потребность свить и устроить своё гнёздышко»*^[294].

Цесаревич не был чужд юношеских влюблённостей. Эти мимолётные увлечения даже угнетали его совесть, заставляя сомневаться в их соответствии нравственному закону, в котором он был воспитан. Это при том, что романы эти носили чисто платонический характер. 4 апреля 1892 г. Николай Александрович писал в своём дневнике, что прошедшей зимой *«я сильно влюбился в Ольгу Д.²⁷, теперь, впрочем, это в прошлом! А с апреля по сие время я страстно полюбил (платонически) маленькую К. Удивительная вещь наше сердце! Вместе с этим я не перестаю думать об Аликс! Право, можно бы заключить после этого, что я очень влюбчив? До известной степени: да; но я должен прибавить, что внутри я строгий судия и до крайности разборчив»*^[295]. Эти

²⁷ Княжна Ольга Александровна Долгорукая.

записи, во многом, конечно, наивные, свидетельствуют, что их автор не только ещё очень молод, но и чист сердцем. Наследник не чурался знакомства с молодыми хорошенькими девушками, но это были всего лишь знакомства, ни к чему не приводящие и ничем не заканчивающиеся. Одно из них, с балериной М. Ф. Кшесинской (той самой «маленькой К.»), такое же невинное, как и остальные, было раздуто обществом, не без старания самой Кшесинской, до размеров «страстного романа». Злые языки тогда и сейчас пытались «навязать» Кшесинскую в «любовницы» Николаю II. Между тем сам Цесаревич в дневнике называл их отношения «платоническими», то есть чисто дружескими, не связанными с чувственностью. Между тем всевозможные «пошляки от истории», по меткому выражению А. Н. Боханова, как тогда, так и сейчас любят смаковать дневниковые записи Наследника, в которых он описывает длительные общения с «Малечкой», переходящие за полночь, во время которых молодые люди *«хорошо поболтали, посмеялись и повозились»*. Этот последний глагол «повозились» «пошляки от истории» предъявляют доказательством «интимной» связи между Цесаревичем и балериной. Между тем слова «повозиться», «возиться» встречаются у Николая II в дневниках довольно часто. Так, например, 31 декабря 1890 г., описывая свою поездку на поезде во время Восточного путешествия, он пишет, что *«после кофе опять повозились с несносными продавцами»*^[296]. 18 февраля 1892 г.: *«Вернулись к зав-*

траку в Аничков, за которым были: Бярятинский, Вердер и Володя Шер[еметев] (деж.). На катке были Ира и Ольга. Очень **возились** после чая» (выделено нами. – П.М.). 9 июня 1894 г. о двух маленьких дочерях Виктории Баттенбергской: «Девочки страшно **возились** в экипаже»^[297]. Разумеется, что глагол «возиться» в устах Николая II не имел отношения к тому, что имеют в виду «пошляки от истории».

Подлинный характер отношений Кшесинской и Цесаревича виден из его дневника: «27 июля 1892 г. После спектакля пересел в другую тройку без бубенчиков, вернулся к театру и, забрав с собой М. К., повёз сперва кататься и, наконец, в большой лагерь. Ужинали внятером великолепно!»^[298] Конечно, в присутствии пятерых посторонних ничего, кроме дружеского вечера, между Наследником и балериной быть не могло. Но самое главное доказательство того, что между Николаем Александровичем и Кшесинской «ничего не было», является религиозно-нравственная основа, заложенная с детства в Николае II его Родителями. Сами они являли пример целомудренной жизни. В наше падшее время, когда блуд и прелюбодеяние стали обыденным явлением, весьма трудно представить, что большая часть людей дореволюционной эпохи до брака оставались девственниками. Один из личных медиков Александра III Н. А. Вельяминов писал о своём Августейшем пациенте: «Он был удивительно целомудрен до своей смерти. До женитьбы Он был чист, как девушка (так утверждали самые близкие к нему люди), а сам

Он был так стыдлив, что не любил чужих Ему врачей только потому, что чувствовал непреодолимую стыдливость, когда Ему приходилось обнажаться для исследования при чужих. Его чистота доходила до наивности и до чистоты малого ребенка, вот почему Он на многое смотрел под особым углом зрения, совершенно недоступным большинству. Это было странно, но это было так, в чем я лично имел случай не раз убеждаться»^[299].

Что касается детей Александра III, то они воспитывались в строгом благочестии, и даже внешние проявления интимных чувств между супругами считались у них неприличными. Когда Великая Княгиня Ксения Александровна вышла замуж за Александра Михайловича, то её братья Великие Князья Николай и Георгий осуждали сестру за неприличное, по их мнению, поведение с супругом на людях. «Помнишь, Ты мне написал о безобразном поведении Ксении и Сандро, – делился в письме Георгий Александрович. – Я был действительно поражён всеми гимнастическими упражнениями, сосанием, нюханием и тому подобными действиями, которые эти два субъекта проводили весь день. Они чуть не продавили тахту и вообще вели себя весьма неприлично. Я их срамил, срамил, но все ни к чему; они продолжали упражняться с остервенением. Ну и народец!»^[300]

Наследник Цесаревич Николай Александрович впервые увидел свою будущую Супругу, Принцессу Алису-Викторию-Елену-Луизу-Беатрису, или, как её называли домаш-

ние, Аликс, в начале лета 1884 г. Тогда ей было 12 лет. По преданию, за несколько лет до этого Императрица Мария Александровна, приехавшая вместе со своим Августейшим Супругом в Дармштадт, увидев Принцессу Алису, сказала своей фрейлине баронессе А. К. Пилар фон Пильхау: *«Почелуйте этой крошке руку. Это ваша будущая Императрица»*^[301].

Императрица Александра Феодоровна родилась 7 июня по григорианскому календарю 1872 г. Она была четвёртой дочерью Великого герцога Гессенского Людвига IV и его супруги Великой герцогини Алисы, дочери английской королевы Виктории. Почетными крестниками новорождённой Аликс были Император Александр III и Императрица Мария Феодоровна, будущие её свекор и свекровь. Принцесса росла в благочестивой и глубоко верующей протестантской семье. Характерны письма ее матери к королеве Виктории: *«В самом деле, какая короткая жизнь, и как ощущаешь эту неизвестность жизни и необходимость в работе, самоотвержении, христианской любви и всяких добродетелей, к которым мы должны стремиться. О, если бы я могла умереть, только закончив всю мою работу, без того, чтобы не согрешить против Добра, – ошибка, в которую легче всего впасть»*^[302].

В другом письме: *«Вера в Бога! Всегда и беспрестанно я чувствую в своей жизни, что это – моя опора, моя сила, какая крепнет с каждым днем. Мои мысли о будущем светлы, и теплые лучи этого света, какой является нашим спутни-*

ком в жизни, разгоняют испытания и скорби настоящего. Я чувствую потребность молиться. Я охотно пою духовные песнопения с моими детьми, и каждый из них имеет свое любимое песнопение»^[303].

Эти принципы, эту веру, это мировоззрение мы сможем наблюдать позже и в душе Императрицы Александры Феодоровны. Родители с детства привели ей любовь к Богу, и она пронесла ее через всю жизнь. В Православии она нашла возможность раскрыть эту любовь наиболее полно и глубоко. «Все можно перенести, если Его (Бога) близость и любовь чувствуешь и во всем Ему крепко веришь, – писала Императрица Александра Феодоровна А. В. Сыробоярскому из заточения 28 мая 1917 г. – Полезны тяжёлые испытания, они готовят нас для другой жизни, в далёкий путь»^[304].

Однако Аликс получила от родителей и другую основу: любовь семейную. Мать и отец глубоко любили друг друга и своих детей. Их у монаршей четы было семеро: Виктория (1863–1950), Елизавета (Элла) (1864–1918), Ирен (1866–1953), Эрнст-Людвиг (1868–1937), Фридрих (Фритти) (1870–1873), Алиса (Аликс) (1872–1918) и Мария (Мэй) (1874–1878). Великая герцогиня писала королеве в Виндзор о своем супруге: «Когда я говорю, что люблю своего мужа, то это едва достаточно; здесь и любовь, и уважение, какие увеличиваются с каждым днем и часом, и какие и он, со своей стороны, выражает мне так нежно и любовно. Чем была моя жизнь раньше в сравнении с настоящей!.. Это – та-

кое святое ощущение быть его другом, чувствовать такую уверенность, и когда мы вдвоем, то имеем тот мир, какого никто не может ни отнять от нас, ни нарушить. Моя судьба действительно благословенна, но, все же, что же я сделала, чтобы заслужить такую горячую и усердную любовь, какую дает мне мой дорогой Людвиг! Я восхищаюсь его добрым и благородным сердцем больше, чем могу сказать. Я всегда так нетерпелива, пока не услышу его шагов по лестнице и не увижу его милого лица, когда он возвращается домой»^[305].

Для Александры Феодоровны ее родители всегда были примером для подражания, и их отношения она перенесла и в свою семейную жизнь.

Гессен-Дармштадтское герцогство было бедным, семья его государя жила весьма скромно. Дети сами умывались, одевались, застилали постель, разжигали камин. Воспитание проходило в строгом английском духе: с обливанием по утрам холодной водой и в постоянном труде. Уже будучи Императрицей Всероссийской, супругой Самодержавного Царя, Александра Феодоровна будет учить прислугу совсем «не царскому ремеслу». Государыня рассказывала своей подруге Лили Ден, что она хотела чистить каминные решетки жидким графитом и для этого вызвала одну из служанок, велев ей привести в порядок решетки. «Но тут выяснилось, что она даже не знает, о чем идет речь. Послали за лакеем, но Вы только представляете себе, Лили, мне самой пришлось

показывать ему, как следует покрывать графитом решетки»^[306].

В конце мая 1873 г. младший брат Аликс Фридрих случайно выпал из окна с шестиметровой высоты. Аликс, которой давали уроки музыки, в это время играла на рояле «Похоронный марш» Шопена. Мальчик отделался лишь испугом: никаких внешних повреждений на его теле замечено не было. Однако к ночи он скончался от кровоизлияния в мозг^[307]. Так Аликс впервые столкнулась с «Гессенским проклятием» – гемофилией. Сколько ещё невыразимых страданий принесёт она Государыне, когда ее собственный сын будет страдать этим недугом! Через 44 года этот же «Похоронный марш» будут играть революционные солдаты перед Александровским дворцом, где была заключена Царская Семья. *«Что при этом вспоминала Царица-Мученица? – замечает С. В. Фомин. – Быть может, погибшего в результате той же болезни, что была и у ее сына, брата?»*^[308]

Аликс росла веселой, жизнерадостной девочкой. Близкие называли ее Sunny («Солнышко»). С юных лет она была талантлива. Особенно ей нравилась музыка. Со знаменитым Иоганессом Брамсом играла в четыре руки, любила Рихарда Вагнера и слушала все его оперы. Принцесса также прекрасно рисовала. Этот талант, как, впрочем, и музыкальный, все дети унаследовали у матери – Великой герцогини Алисы. В 1878 г. внезапно заболела дифтерией самая младшая дочь в семействе Людвига IV – принцесса Мария. 16 нояб-

ря, будучи 4 лет от роду, девочка скончалась. Мать, которая не отходила от ее постели, сама заразилась опасным недугом и 14 декабря 1878 г. тихо почил в возрасте 35 лет. Весь Дармштадт глубоко скорбел, великую герцогиню все искренне любили и уважали. Проститься с ней пришел весь город.

На юную Аликс смерть матери произвела глубочайшее впечатление. *«После смерти матери, – вспоминал воспитатель, – она начала замыкаться и заковывать свои эмоции в панцирь, смеялась реже – чаще искала участия и защиты. Только в привычном окружении теплоты и понимания расцветала»*^[309].

Тем не менее, несмотря на глубокую скорбь по безвременно ушедшей любимой матери, Аликс не впала в отчаяние или уныние. Наоборот, смерть воспринималась ею как воля Божия. Через много лет, будучи Императрицей, она говорила своей подруге Лили Ден: *«Не могу понять людей, которые боятся умереть. Я всегда смотрела на смерть как на друга, как на избавление от земных страданий»*^[310].

Старший брат Принцессы Эрнст Людвиг вспоминал: *«Аликс была красивой уже ребёнком, причем таким серьёзным человечком. Особым юмором она не отличалась. Как и у всех сестёр, у неё было великодушное сердце, а чувство долга просто безгранично. Если она за что-либо бралась, то всегда старалась довести до конца. После смерти Мэй она была хорошей подругой для отца и делала всё возможное, чтобы скрасить его жизнь»*^[311].

В 1884 г. Аликс приехала на свадьбу своей старшей сестры Эллы, которая выходила замуж за брата Александра III и дядю Цесаревича Николая, Великого Князя Сергея Александровича. Во время праздничного застолья Цесаревич сидел рядом с юной Принцессой и после свадьбы записал в дневнике: *«Я сидел с маленькой двенадцатилетней Аликс, которая мне ужасно понравилась»*^[312]. Цесаревич ей тоже понравился. В 1916 г. в письме к Супругу и Императору Императрица Александра Феодоровна признается: *«Моё детское сердце уже стремилось к Тебе с глубокой любовью»*^[313]. В России Аликс принимали очень сердечно, Императрица Мария Феодоровна подарила ей красивую брошку^[314]. Петербург очень понравился юной Принцессе, особенно Петергоф, который она в своём дневнике назвала *«самым замечательным местом»*^[315].

В январе 1889 г. Принцесса Алиса снова приехала в Россию в гости к своей сестре Элле. Цесаревич нашёл, что Аликс *«очень выросла и похорошела»*^[316]. Чувство влюблённости в отношении гессенской Принцессы, зародившееся у Наследника пять лет назад, вспыхнуло с новой и гораздо большей силой. Этим чувством Наследник поделился с Великой Княгиней Елизаветой Феодоровной. Последняя рассказала о разговоре с Цесаревичем своему супругу Великому Князю Сергею Александровичу. Вернувшись из паломничества по святым местам, Елизавета Феодоровна писала Наследнику: *«Я так молилась в Иерусалиме и в доме Павла*

за вас обоих, чтобы вы оказались вместе и любили друг друга». Одновременно Великая Княгиня написала своей сестре в Дармштадт о долгом разговоре с Ники, который *«вспоминает с таким восторгом о её приезде зимой и радости встрече с ней»*^[317]. Великокняжеская чета Сергея Александровича и Елизаветы Феодоровны решили помочь молодым людям обрести друг друга. Фактически они, в основном Елизавета Феодоровна, стали посредниками в переписке между двумя влюблёнными. Для конспирации Принцессу в переписке называли «Пелли».

Между тем Императрица Мария Феодоровна ничего не знала об этом «посредничестве». Сама она не считала Гессенскую Принцессу лучшей партией для своего старшего сына. Дело было не в личной неприязни, против самой Аликс Императрица ничего не имела, а в её довольно стойкой германофобии, доставшейся от датского периода её жизни. Александр III поначалу считал увлечение сына несерьёзным, а по политическим соображениям предпочитал женитьбу Наследника на дочери графа Парижского Луи-Филиппа Альбера Орлеанского, претендента на французский престол. Сам Луи-Филипп жил в эмиграции, был республиканцем и от всяческих предложений орлеанистов занять престол отказывался. Императрица Мария Феодоровна пыталась завести разговор с сыном по поводу его возможного сватовства к Елене, но встретила с его стороны почтительный, но стойкий отказ. Вскоре вопрос этот отпал сам собой,

так как Елена Орлеанская заявила, что никогда не откажется от католичества.

Между тем Принцесса Алиса, несмотря на свою искреннюю и горячую любовь к русскому Престолонаследнику, тоже не хотела изменять своей лютеранской вере. 29 августа 1890 г. Великая Княгиня Елизавета Феодоровна писала Цесаревичу: *«Любовь Пелли по-прежнему сильна и глубока, только она не может решиться переменить религию, чувствует, что поступает очень неправильно. Я собрала всю силу, и любовь, и сестринскую привязанность, чтобы убедить её, что она не может не полюбить ту религию, к которой и я хочу принадлежать, подлинную и истинную, единственную оставшуюся неиспорченной за века и столь же чистой, какой она была изначально. Мы могли бы сделать этот серьёзный шаг вместе – к сожалению, она не может решиться. Нам остаётся только молить Бога помочь ей поступить правильно»*^[318].

В августе 1890 г. Аликс приехала погостить к сестре в Ильинское. Родители запретили Николаю Александровичу туда ездить, пока там находится Аликс, а последней видаться с Цесаревичем запретила накануне поездки её бабушка – королева Виктория. В дневнике Цесаревич писал: *«Боже! Как мне хочется поехать в Ильинское, теперь там гостит Виктория с Аликс; иначе если я не увижу теперь, то ещё придётся ждать целый год, а это тяжело!!!»*^[319]

После отъезда Аликс Великий Князь Сергей Александров-

вич утешал Августейшего племянника, уверяя того, что чувство Принцессы «слишком глубоко, чтобы могло измениться. Будем крепко надеяться на Бога; с его помощью всё сладится в будущем году»^[320].

В конце 1890 г. Цесаревич отправился в далёкое годовое путешествие, но мысли о любимой Аликс не оставляли его. Более того, пришло убеждение, что она должна стать его женой. 21 декабря 1891 г. Николай Александрович писал в дневнике: *«Моя мечта, когда-нибудь жениться на Аликс Г.[ессенской]. Я давно её люблю, но ещё глубже и сильнее с 1889 г., когда она зимой провела шесть недель в Петербурге! Я долго противился моему чувству, стараясь обмануть себя невозможностью осуществления моей заветной мечты! Единственное препятствие или пропасть между ею и мною – это вопрос религии! Кроме той преграды нет другой; я почти уверен, что наши чувства взаимны! Всё в Воле Божией. Уповаю на Его Милосердие я спокойно и покорно смотрю в будущее!»*^[321]

Перед отъездом, несмотря на то что встретиться с возлюбленной Цесаревичу не удалось, он написал Елизавете Федоровне письмо, в котором заверил, что готов ждать, когда Аликс сама примет решение. Великая Княгиня показала письмо *«Пелли, которая была очень тронута и утешена тем, что Ты написал и как мило, с добротой и терпением Ты принял новости, которые, она боялась, Тебя огорчат. Я дам ей много книг, она хочет спокойно позаниматься, и*

будем верить, что Бог укажет ей правильный путь и придаст мужества – ведь надо преодолеть ещё много трудностей»^[322].

А трудностей действительно было много. В 1892 г. скончался Великий Герцог Людвиг, который благосклонно относился к возможному браку дочери с Наследником русского престола. Аликс полностью осиротела. Под опеку её взяла королева Виктория. Она была категорической противницей свадьбы Цесаревича Николая на своей внучке. Причины этого, как и у Императрицы Марии Феодоровны, были политические, а не личные. Королева очень хорошо относилась к Цесаревичу, но ненавидела Россию. В 1893 г. она писала сестре Принцессы Алисы, Принцессе Виктории: *«Вопреки воле родителей Ники, не желающих его брака с Алики, поскольку они полагают, что брак самой младшей из сестёр и сына Императора не может быть счастливым, Элла и Сергей у вас за спиной из всех сил стараются устроить этот брак, подталкивая к нему мальчика. <...> Нужно положить этому конец. <...> Обстановка в России настолько плоха, настолько неустойчива, что в любой момент там может произойти нечто ужасное»*^[323].

На самом деле никто Цесаревича не «подталкивал». Он всей душой стремился к браку с Аликс. Сергей Александрович и Елизавета Феодоровна лишь помогали ему в тяжёлой борьбе с препятствиями, которые словно специально появлялись одно за другим. Главным из них было, конечно, убеж-

дённное нежелание Принцессы менять веру. Великий Князь Сергей Александрович писал своему брату Павлу Александровичу: *«Сестра жены прислала ей свой ответ Ники, и сама ей написала – она формально отказывает! <...> Аликс прямо ему говорит, что не может решиться переменить веру. Но что за трогательное письмо она пишет жене! Вся её наболевшая душа в любви к Ники тут изливается! Вот уж именно “счастье было так близко, так возможно” ибо, разумеется, при личном свидании любовь перевесила бы рассудок»*^[324]. Сергей Александрович настойчиво советовал племяннику отправиться в Дармштадт и поговорить с Аликс. Но осенью 1893 г. Императрица Мария Феодоровна узнала о долголетней переписке, которая велась у неё за спиной. Возмущение Государыни не знало пределов^[325]. Произошло горячее объяснение с Сергеем Александровичем, в ходе которого Великий Князь заявил, что Императрица *«губит счастье своего сына»*. На самом деле Мария Феодоровна была возмущена не тем, что её сын хотел жениться на Аликс, а тем, что Сергей и Элла тайно вмешивались в дело сугубо личное её и Супруга. Что касается самой возможности брака Ники с Аликс, Мария Феодоровна совсем не была уже такой его ярой противницей.

В том же 1893 г. усилились слухи о предстоящей свадьбе Цесаревича на германской принцессе Маргарите, сестре императора Вильгельма II. Слухи эти усиленно распускал сам кайзер, горячий сторонник этого брака. Но Александр III от-

носился к его возможности более чем сдержанно. Когда министр иностранных дел Н. К. Гирс поинтересовался у Государя о возможности брака Цесаревича с принцессой Прусской, тот категорично ответил: *«Ничего подобного нет, и это произвело бы самое дурное впечатление в России»*^[326]. Тем не менее слухи эти продолжали муссироваться и, конечно, достигали Дармштадта. Сергей Александрович продолжал настойчиво советовать Цесаревичу ехать к Аликс. Не возражали против поездки родители. Здоровье Императора Александра III резко ухудшилось. Он уступил перед настойчивостью сына и дал своё согласие на его брак с германской Принцессой. На апрель 1894 г. в Кобурге была назначена свадьба брата Аликс, Великого Герцога Эрнста-Людвига Гессенского. Он женился на принцессе Виктории Мелите Саксен-Кобург-Готской. Её матерью была дочь Императора Александра II Великая Княжна Мария Александровна, вышедшая замуж за внука королевы Виктории принца Альфреда Эдинбургского. Цесаревич Николай Александрович должен был представлять на свадьбе российскую Императорскую Фамилию. Но самое главное, он собирался воспользоваться этой свадьбой, чтобы встретиться с Аликс и попросить её руки. Эти свои планы Цесаревич скрывал ото всех, кроме родителей. Великий Князь Константин Константинович писал в своём дневнике: *«В 11 ч. я был у Императрицы. Накануне она мне говорила, что Ники поедет в Кобург на свадьбу дочери Марии Александровны и Великого Герцога*

Гессен-Дармштадтского. Он встретится с его сестрой Alix и если она решится присоединиться к Православию, их судьба решится. Ники ни слова не говорил мне об этой поездке, вероятно не желая вызвать моих расспросов»^[327].

Однако в 1893 г. Принцесса написала письмо Николаю Александровичу: «Дорогой Ники, Ты, чья вера столь глубока, должен понять меня; я считаю это большим грех менять свою веру. И я была бы несчастна всю жизнь, зная, что поступила неправильно. Какое счастье может быть в браке, который начинается без благословения Божьего? Правильно я думаю или нет, но глубочайшая религиозная убеждённость и чистая совесть по отношению к Богу выше всех земных желаний. Так как все эти годы не сделали для меня возможным изменить мое решение в этом деле, я чувствую, пришёл момент сказать Тебе, что я никогда не смогу изменить свою веру. Уверена, что Ты всё поймёшь правильно и также, как и я, увидишь, что мы только мучаем друг друга из-за невозможного, и было бы дурно позволить Тебе питать напрасные надежды, которые никогда не осуществятся. Теперь прощай, мой дорогой Ники, благослови и сохрани тебя Бог. Вечно любящая Тебя Аликс»^[328].

После получения этого письма Цесаревич «был очень огорчён и хотел остаться, но Императрица настояла, чтобы он ехал. Она советовала ему доверчиво обратиться к королеве Виктории, которая имела большое влияние на свою внучку»^[329].

Как видно из этого свидетельства, разговоры о том, что Мария Феодоровна сопротивлялась браку старшего сына на Гессенской Принцессе, теряют свою актуальность к моменту официального сватовства Наследника. Наоборот, Императрица всячески пыталась помочь сыну обрести семейное счастье с той, что выбрало его сердце. Однако в душе этот брак её страшил. 7 апреля, когда Николай Александрович был уже в Кобурге, Императрица писала Великому Князю Георгию Александровичу в Аббас-Туман: *«Бедный Ники был на грани отчаяния, потому что именно в день его отъезда Ксения получила письмо от сестры Эллы, в котором она сообщала, что никогда не переменит религию и просит сообщить об этом Ники. Ты представляешь, как приятно нам было это узнать и, главным образом, Ники уезжать под ударом этой новости. Если бы она написала об этом раньше, он бы, конечно, не поехал. Но в последний момент уже невозможно было изменить решение.*

От всего этого я ужасно переживаю за Ники, которого все эти годы ложно обнадеживали “два Сержса”. Это же настоящий грех. В этот раз я говорила об этом с Сержем, а он ответил, что разочарован моими взглядами. Ну, в общем – это самая идиотская история, какую только можно представить. Она не только грустная, но и показательная. Все мои надежды только на Бога. Он всё делает к лучшему, и если Он хочет, чтобы это свершилось, это свершится, или же Он поможет нам найти настоящую (невесту)»^[330].

Однако Цесаревич в отчаянии не был. Он твердо верил в Божью Волю и в то, что с Его помощью ему удастся убедить Аликс принять Православие: «Аликс, — писал он в ответ на ее ноябрьское письмо, — я понимаю Твои религиозные чувства и благоговею перед ними. Но ведь мы веруем в Одного Христа, другого Христа нет. Бог, сотворивший мир, дал нам душу и сердце. И мое сердце и твое Он наполнил любовью, чтобы мы слились душа с душой, чтобы мы стали едины и пошли одной дорогой в жизни. Без Его воли нет ничего. Пусть не тревожит Тебя совесть о том, что моя вера станет твоей верой. Когда Ты узнаешь после, как прекрасна, благодатна и смиренна наша Православная религия, как величественны и великолепны наши храмы и монастыри и как торжественны и величавы наши богослужения, Ты их полюбишь, Аликс, и ничего не будет нас разделять. <...> Ты едва ли представляешь всю глубину нашей религии»^[331].

2 апреля 1894 г. Цесаревич во главе большой делегации выехал на поезде из Петербурга в Кобург. Вместе с ним ехали Великие Князья Владимир, Павел и Сергей Александровичи, Великая Княгиня Елизавета Феодоровна, Великая Княгиня Мария Павловна. 4 апреля делегация прибыла в Кобург. На следующий день Цесаревич увиделся с Принцессой. Эту встречу он подробно описал в своём дневнике: «Боже! Что сегодня за день! После кофе, около 10 часов пришли к тётке Елла в комнаты Эрни и Аликс. Она замечательно похорошела и выглядела чрезвычайно грустно. Нас оставили

вдвоём, и тогда начался между нами тот разговор, которого я давно желал и вместе с тем боялся. Говорили до 12 часов, но безуспешно, она всё время противится перемене религии. Она бедная много плакала»^[332].

Но 8 апреля Принцесса переменила своё решение и внезапно согласилась стать женой Николая Александровича. Цесаревич описал это столь долгожданное им событие в письме к матери: *«Нас оставили одних и... с первых слов согласилась! О, Боже, что со мной сделалось тогда! Я заплакал как ребёнок, она тоже, но выражение у нее сразу изменилось: она просветлела, и спокойствие явилось на лице её. Нет, милая Мама, я Тебе сказать не могу, как я счастлив и также как я грустен, что не с Вами и не могу обнять Тебя и дорогого милого Папа в эту минуту.*

*Для меня весь свет перевернулся, все, природа, люди, места, все кажется милым, добрым, отрадным. Я не мог совсем писать, руки тряслись, и потом на самом деле у меня не было ни одной секунды свободы. Надо было делать то, что остальное семейство делало, нужно было отвечать на сотни телеграмм и хотелось страшно посидеть одному с моей милой невестой. Она стала совсем другой: весёлой и смешной, и разговорчивой, и нежной. Я не знаю, как благодарить Бога за такое Его благодеяние»^[333]. В день помолвки Цесаревич записал в дневник: *«Чудесный, незабываемый день в моей жизни, день моей помолвки с дорогой милой Аликс»^[334].**

10 апреля Обрученные поехали на родину Невесты в

Дармштадт: «Так странно и вместе с тем так мне приятно было попасть сюда. Посидел в комнатах Аликс и осмотрел их подробно»^[335]. Но на следующий день пришлось возвращаться в Кобург, куда прибыла английская королева Виктория. «Теперь я её должен звать (Granny) бабушкой», – не без сарказма отметил в дневнике Цесаревич^[336].

14 апреля Император Александр III поздравил сына трогательным письмом, которому было суждено стать последним: «Мой милый, дорогой Ники. Ты можешь себе представить с каким чувством радости и с какой благодарностью к Господу, мы узнали о Твоей помолвке. Признаюсь, что я не верил возможности такого исхода и был уверен в полной неудаче Твоей попытки, но Господь наставил тебя, подкрепил и благословил и великая Ему благодарность за Его милости. <...> Не могу представить Тебя женихом, так это странно и необычно! Как нам с Мама́ было тяжело не быть с Тобой в такую минуту, не обнять тебя, не говорить с Тобой, ничего не знать и ожидать только писем с подробностями. Передай Твоей милейшей невесте от меня, как я благодарю, что она, наконец, согласилась, и как я желал бы её расцеловать за ту радость, утешение и спокойствие, которое она нам дала, решив согласиться быть Твоей женой»^[337].

Вечером 16 апреля фельдъегерь доставил в Уолтон из Гатчины подарок Невесте от Императора Александра III – большое жемчужное кольцо, доходившее Аликс до талии^[338]. Не

только Принцесса из бедного немецкого герцогства была поражена красотой царского подарка, который, несомненно, стоил огромных денег, но и все присутствующие при его вручении лица, включая королеву Викторию. «*Смотри Аликс, – сказала она Внучке, – не вздумай теперь зазнаться*». Но Принцесса и не думала «зазнаваться». Её возвышенная душа была начисто лишена меркантильности. Она с юных лет искала прежде всего духовных сокровищ.

Дни, проведённые Николаем Александровичем в Кобурге весной 1894 г., были, наверное, одними из самых счастливых в его жизни. После стольких лет неопределённых ожиданий, сомнений, переживаний, связанных с возможностью свадьбы с Любимой, Цесаревич наслаждался ее обществом. «*Аликс прелестна, – писал Наследник Марии Фёдоровне. – Она так мила и трогательна со мной, что я более чем в восторге. Мы целые дни сидим вместе, и когда семейство отправляется на прогулку, мы вдвоем едем сзади в шарабане с одной лошадыю; она или я правим*»^[339].

Но 20 апреля пришло время расставания: Наследнику надо было возвращаться в Россию. Принцесса писала Великой Княгине Ксении Александровне: «*Осталось только два дня, а потом мы расстанемся. Я чувствую себя несчастной при одной мысли об этом – но чего не вылечишь, надо вытерпеть. Я не увижу моего Ники более месяца*»^[340].

Те же чувства переживал и Цесаревич: «*Вечер провёл с дорогой Аликс у нее: ужас как грустно, что приходится*

расставаться на долгое время! Как хорошо было вместе – рай!»^[341] В принципе расставались ненадолго: всего на полтора месяца. Но для влюблённых это казалось вечностью. Цесаревич Николай ехал в Гатчину к родителям, Аликс – в Виндзор к бабушке.

20 апреля, перед самым отъездом, Аликс передала Жениху письмо, которое он прочёл уже в поезде. Это было первое письмо в их переписке длиною в жизнь. Поразительно, что чувство глубокой любви наполняет её от первого до последнего письма. *«Я бы хотела быть достойной Твоей любви и нежности. Ты слишком хорош для меня»*^[342].

В другом письме, полученном Цесаревичем в поезде, его Невеста писала: *«О, как я мечтаю прижать Тебя к своему сердцу, поцеловать Твою любимую голову, любовь моя. Без Тебя я чувствую себя такой одинокой. Да благословит тебя Бог, мое сокровище, и пусть Он хранит Тебя»*^[343].

Европа встретила известие о предстоящем бракосочетании русского Престолонаследника в целом положительно. Кайзер Вильгельм надеялся с помощью этого союза укрепить свое влияние на будущего Царя, а в Лондоне связывали обручение с надеждой на улучшение двусторонних англо-русских отношений. 9/21 апреля 1894 г. газета *«Новое Время»* писала по поводу обручения: *«Лондон. Все здешние газеты радостно приветствуют известие по помолвке Его Императорского Высочества Наследника Цесаревича с Принцессой Алисой Гессенской. Здеишняя печать придаёт огромное зна-*

чение этому факту, особенно ввиду родственных отношений Августейшей Невесты и королевы Виктории. “Times” заявляет, что отныне мир Европы покоится на отношениях России к Великобритании в борьбе, которую обе державы вели за своё существование. Возникающее родство между Императрицей Индии и Белым Царём произведет, несомненно, сильное впечатление на умы Востока и укрепит надежды на прочный, долгий мир»^[344].

Между тем Россия встретила весть о грядущей свадьбе Наследника престола с восторгом. 22 апреля на Гатчинском вокзале Цесаревича встречали Император Александр III, Императрица Мария Фёдоровна, Великий Князь Михаил Александрович, Великая Княгиня Ксения Александровна и Великий Князь Александр Михайлович. Телеграммы с поздравлениями поступали со всей необъятной России. Ведь, по меткому выражению Великого Князя Константина Константиновича, «семейное счастье Цесаревича отразится на счастье 100 миллионов русских»^[345]. «На Миллионной случился скандал, – писал 25 апреля в своем дневнике Цесаревич, – весь полк был построен от Эрмитажа до казарм по обе стороны улицы, потому что люди хотели поздравить меня с помолвкой – очень трогательно!»^[346]

Пока Цесаревич в Петербурге с нетерпением ждал отъезда в Виндзор для нового свидания со своей Невестой, она начала тщательно изучать русский язык и постигать азы Православия. Её духовным наставником был специально по-

сланный для этой цели протоиерей отец Иоанн Янышев. Но всё же главным проводником в Православие юной немецкой Принцессы был её Жених, Цесаревич Николай. *«Я знаю, что полюблю Твою религию, – писала она ему в мае 1894 г. – Помоги мне быть хорошей христианкой, помоги мне любовь моя, научи меня быть похожей на Тебя».*

Аликс быстро прониклась Православием именно потому, что перед ней постоянно был пример любимого человека, и этот человек был глубоко верующим православным. Это потом Православие стало основой жизни Государыни Александры Феодоровны, это потом она будет читать Священное Писание и труды Святых Отцов по-церковнославянски, чем не могли похвастаться многие представители русской знати. Но первой причиной, почему Православие стало притягательным для немецкой принцессы, было то, что это была Вера ее сначала Жениха, а затем Супруга. Невольно вспоминаются слова Преподобного Серафима Саровского: «Спасись сам и вокруг тебя спасутся тысячи». Конечно, это проникновение русской Веры проходило у Аликс постепенно. Вначале её оглашения мы можем встретить в письмах к будущему Супругу наивные рассуждения об иконах и православных догматах, в которых сильно чувствовалось протестантское влияние: *«Сегодня утром я читала много ваших молитв, переведённых на французский язык. Некоторые из них так красивы, но, сердце мое, мне не нужен посредник для моих молитв, я всё говорю Господу прямо и каюсь в своих грехах, и я*

знаю, что Он простит меня ради Сына Своего Иисуса Христа, Который умер, чтобы мы могли получить прощение и спасение. Я не хочу, чтобы мой Ангел-Хранитель просил за меня Бога. Моя молитва прямо возносится к Отцу Небесному. Я не хочу, чтобы Богородица вступалась за меня. Я не могу просить через кого-то, никогда так не делала: было бы ужасно, если бы сейчас меня принуждали бы к этому. Ах, если бы Ты был бы здесь, мне так много надо у Тебя спросить о том, что я прочитала. Иметь образы Богородицы и святых и целовать их – это я хорошо понимаю. Но молиться им, как и молиться Богородице? Зачем, Ники? Я могу любить, почитать и уважать Её как Матерь Господа и как самую чистую и лучшую Женщину из всех, кто когда-либо жили, но разве это причина, чтобы ей молиться? О, если бы только Ты был бы здесь, чтобы поговорить со мной об этом, это пугает меня. Мне нужна твоя помощь. Надеюсь, что не причиняю Тебе боли тем, как я об этом говорю. Но если бы ты только знал, как я себя чувствую. Я хочу быть хорошей христианской, но есть вещи, которые меня шокируют, и я хочу, чтобы Ты мне их объяснил. Чтение никогда не может дать ясного представления. Но Ты, такой истинный, такой добрый христианин, поможешь мне»^[347].

Для того чтобы понять, насколько Православие вошло в плоть и кровь Императрицы Александры Феодоровны, надо сравнить приведённые выше высказывания, в бытность ее юной девушкой, с теми словами, которые она произно-

сила уже в конце жизни, будучи сформировавшейся личностью. *«Мой нежно Любимый, – писала Императрица Государю 6/19 мая 1913 г., – пусть святые Ангелы охраняют Твой сон, а Пресвятая Дева нежно бережно покроеет Тебя Своим Покровом. Я вверяю тебя Ей, Богородице, скорбящей о всех нас и проявляющую неизреченную к нам милость»*^[348]. Характерен отрывок из письма Государыни А. А. Вырубовой из Тобольска 20 марта 1918 г.: *«Как будто все святые угодники Божии особенно близки, и незримо готовят душу к встрече Спасителя мира. Жених грядет, подготовимся его встречать: отбросим грязные одежды и мирскую пыль, очистим тело и душу. Подальше от суеты, – все суета в мире. Откроем двери души для принятия Жениха. Попросим помощи у св. Угодников, не в силах мы одни вымыть наши одежды»*^[349].

Но в начале воцерковления Аликс сама понимала, что она не готова еще полностью принять Православие, и в то же время уже считала его тем идеалом, который она хочет достичь, чтобы быть такой же, как и ее Ники. *«О, любовь моя, – писала она ему 8 мая 1894 г. – я хочу, чтобы Ты был всегда рядом со мной! Как бы ты мог мне помочь и научить меня быть лучше. Я всё ещё наполовину недостойна Тебя. Мне ещё надо так многому научиться, вот почему я тоже говорю, что мне не надо выходить замуж прямо сейчас, хотя разлука так тяжела, но лучше не торопиться. Подумай только о Вере, ты же не можешь ожидать от меня, чтобы я немед-*

ленно сразу всё узнала и поняла, а знать что-то только наполовину – нельзя. Я должна немножко выучить язык, чтобы иметь возможность слушать службу»^[350].

В плане изучения русского языка Принцесса оказалась очень способной ученицей. Она старательно и упорно его осваивала, учила наизусть стихи Лермонтова, читала биографию Пушкина и Петра Великого, вырабатывала разницу в произношении «ять» и «е», чего не делали даже многие русские. В результате Императрица Александра Феодоровна прекрасно говорила по-русски, освоила церковнославянский, на котором не только читала, но и писала. Граф В. Э. Шуленбург, которому часто приходилось беседовать с Государыней, вспоминал: *«Если кто-нибудь слышал Её Величество, говорившую на нашем родном языке, он, наверное, удивлялся тому, с какою свободой и даже правильностью говорила Государыня. Чувствовался некоторый акцент, но не немецкий, а английский, и он был не сильнее, чем у многих русских, начавших говорить с детства не на родном русском языке, а по-английски. Часто слушая Её Величество, невольно удивлялся, как быстро и основательно изучила она свой русский язык, сколько силы воли должна была Государыня употребить на это»*^[351].

Всего через месяц после начала обучения Принцесса писала Жениху: *«Я два часа занималась русским языком. Уже почти наизусть выучила молитву Господню»*.

Между тем королева Виктория не оставляла надежды рас-

строить или хотя бы оттянуть предстоящую свадьбу. *«Чем больше я думаю о свадьбе милашки Алики, – писала она принцессе Виктории Баттенбергской, – тем я несчастнее! Это никак не связано лично с ним – мне он очень нравится, но с его страной, ее политикой и нашими разногласиями, и с ужасно ненадёжным положением, в котором окажется милое дитя. Чем дольше думаю о том, что она изучает русский язык и скоро будет получать наставления русского священника, тем сильнее противится вся моя природа, вопреки всем моим попыткам успокоиться и радоваться вместе с ней»*^[352].

Во время встреч с Аликс королева всячески подчёркивала достоинства ее жениха: *«Ты ей очень нравишься, Любимый»*, – писала Аликс Цесаревичу в Петербург. Тем не менее Виктория постоянно расспрашивала внучку, *«когда, как и где и что»* заставило ее переменить свое решение. *«Я и не знала, что ей отвечать»*, – признавалась своему жениху Аликс^[353]. Опытный мастер политической интриги, королева Виктория и в этом случае искала происки русского, а скорее германского Двора.

Повелительница Англии всё ещё надеялась, что свадьбу удастся оттянуть, отсрочить, а то и вовсе сорвать. Она внушала Жениху: *«Кончина ее дорогого отца, беспокойство за брата и споры о её будущем очень сильно подорвали её нервную систему. Надеюсь, Вы это поймёте и не будете спешить со свадьбой, ведь ради Вашего и своего блага, она сна-*

чала должна выздороветь и окрепнуть»^[354].

Однако события развивались со стремительной быстротой, чего не могли предвидеть ни Виктория, ни Аликс, ни Цесаревич.

8 июня Николай Александрович прибыл на яхте «*Полярная звезда*» в Великобританию. Наследник съехал на английский берег, по его собственным словам, «штафиркой» (т. е. в гражданском платье) и экстренным поездом отправился в Лондон^[355]. Вечером в лондонском пригороде Уолтон-на-Темзе он, наконец, увиделся со своей невестой, которая гостила у своей сестры принцессы Виктории Баттенбергской в её загородной усадьбе. «*Я очутился в объятиях моей нареченной, которая показалась мне еще более прекрасной и милой*», – написал матери Цесаревич. По словам Александры Феодоровны, сказанным гораздо позднее, эти дни, проведённые в Англии, были «лучшими в нашей жизни». Николай Александрович уже тогда назовет их «месяцами райского блаженного житья»^[356]. Тогда они не могли представить, что через три с половиной месяца у них начнется совсем другая жизнь, полная забот, испытаний и страдания.

Пока же они наслаждались общением друг с другом, все вокруг казалось светлым, добрым и радостным. В письме матери Цесаревич писал: «*Весь день при чудесной погоде мы провели на воздухе, катались на лодке вверх и вниз по течению, закусывали на берегу. Настоящая идиллия!*»^[357] Аликс сама заваривала чай, который они пили вдвоём на траве.

11 июня Цесаревич и его Невеста покинули Уолтон и в королевской коляске отправились цугом в резиденцию королевы Виктории – Виндзор, расположенный в часе езды от Уолтона. 13 июня у принца Георга^[358] и его супруги Марии (Мей) родился сын. По этому поводу Цесаревич записал в дневнике: *«Радость и ликование были всеобщие!»*^[359] Тогда никто не знал, что родился будущий английский король Эдуард VIII, который процарствует меньше года и отречется от престола в декабре 1936 г. 14 июня Цесаревичу показали новорождённого, а 3 июля он, среди прочих, был его крестным. Николая Александровича удивил англиканский обряд крещения: *«Вместо погружения архиепископ намочил пальцы и обвел ими голову ребенка»*^[360]. Кстати, отец новорождённого, принц Георг, за месяц до рождения у него сына поража́л Аликс советами. Об этом Цесаревичу писала сама возмущённая его Невеста: *«Глупый Джорджи говорит, что я должна настоять на том, чтобы Ты носил высокие каблукки, а сама должна носить совсем низкие. Мэй, по его словам, не хочет менять своих, а он стал носить высокие; вначале было неудобно, а потом их и не замечаешь. Вижу Твое лицо, пока ты это читаешь! Будто рост составляет какую-нибудь разницу, а мужчина на высоких каблуках так смешон»*^[361].

17 июня в Виндзоре Цесаревич встретился с ещё одним человеком, чье имя через 20 лет будет повторять весь мир: наследником австро-венгерского престола эрцгерцогом

Францем Фердинандом. 28 июня 1914 г. эрцгерцог будет убит в Сараево, и это убийство станет поводом для начала Первой мировой войны.

В Виндзор приезжала бывшая французская императрица Евгения, вдова Наполеона III, со своим племянником принцем Людовиком Наполеоном, который состоял на русской службе и в 1894 г. носил звание подполковника.

В Виндзоре случались и веселые случаи, о которых Цесаревич писал в дневнике. 13 июня: *«По несчастной случайности, оказался запертым в известном месте, откуда никакими судьбами сам не мог высвободиться в течение получа- са. Аликс удалось, наконец, открыть дверь снаружи, хотя я долго и много кричал и старался сам отворить, т. к. ключ был у меня!»*^[362] 3 июля молодой камергер принял *«меня за виндзорского священника и подозвал меня к королеве, что за- ставило всех присутствующих много и долго смеяться»*^[363].

Но самым главным, разумеется, для Цесаревича были общения с Аликс. С каждым днем он любил ее все больше и больше. Чувство захватывало и переполняло его: *«провели вечер у моей дорогой ненаглядной Аликс»*, *«не отходил ни на минуту от своей милой дорогой невесты»*, *«провел чудный день с моей ненаглядной невестой. Умираю от любви к ней!»*.

11 июля наступил *«грустный день – разлуки»*. Цесаревич простился с Невестой и прибыл на «Полярную звезду». Там он получил от «Аликс дивное длинное письмо». *«О, Ники, – писала Принцесса, – мои мысли полетят вслед за Тобой, и*

Ты будешь чувствовать, как твой Ангел-Хранитель парит над Тобою. И хотя мы разлучены, наши сердца и мысли вместе, мы связаны друг с другом невидимыми прочными узами, и ничто не может разъединить нас»^[364].

Несмотря на глубокое захватившее ее чувство, Аликс не хотела выходить замуж за Цесаревича, не поняв прежде сути Православия: *«Милый, любимый, надеюсь, Ты понимаешь мою просьбу о том, чтобы повременить немного со свадьбой. Ведь это не просто свадьба, здесь вопрос религии – я должна больше разобраться в ней»^[365]*. Цесаревич, расставаясь с Любимой, записал в дневник: *«Дай Бог, чтобы мы снова встретились в счастье и добром здравии! Но не скоро это будет! Месяца через два!»^[366]*

Цесаревич ошибся ровно на месяц. 10 октября 1894 г. Аликс прибудет в Россию, в Ливадию, где умирал Император Всероссийский Александр III.

Часть II

Монарх самодержавный и неограниченный (1894–1905)

Глава 1. Болезнь и кончина Императора Александра III

В ночь с 15 на 16 января 1894 г. в Петербурге тяжело заболел Император Александр III. Цесаревич записал в своём дневнике: *«Не дай Бог переживать много таких дней, как сегодняшний! Папа́ провёл ночь беспокойно, постоянно кашлял; жар у него был сильный: утром 39,6 – вечером 38,6. Мама́, как лучшая няня ухаживала за ним»*^[367].

Граф С. Д. Шереметев утверждал, что в течение зимы 1893/1894 гг. здоровье Императора сильно пошатнулось, *«все замечали необыкновенный, странный, восковой цвет его лица»*. По мнению графа, *«тревожных признаков было довольно, чтобы обратить на них внимание. Правду сказать, что Государя “прозевали”»*^[368].

Императрица Мария Фёдоровна срочно вызвала в Аничков дворец лейб-хирурга Императора Н. А. Вельяминова, который застал Государыню *«очень озабоченной и огорчен-*

ной»^[369]. Помимо Вельяминова во дворец прибыл лейб-медик, крупнейший врач-терапевт Г. А. Захарьин. На основании поставленного ими диагноза был составлен бюллетень, который был напечатан 17 января 1894 г. в «*Правительственном вестнике*»: «Его Императорское Величество заболел сильною инфлюэнцей со значительным катаром дыхательного горла (бронхитом) и воспалением нижней части правого лёгкого. Температура доходит до 39,6»^[370].

По мнению некоторых медиков, болезнь могла быть спровоцирована крушением поезда в 1888 г. и ушибами, которые получил во время этого крушения Царь. Н. А. Вельяминов свидетельствовал, что Император Александр III «*был типичный наследственный артритик с резкой склонностью к тучности*». При этом «*образ жизни он вёл очень умеренный, и все рассказы по этому поводу – басни*»^[371].

Узнав о болезни Государя, народ небольшими группами собирался возле Аничкова дворца, стремясь узнать последние новости. Н. А. Вельяминов вспоминал: «*Стоя иногда у окон моего помещения, выходившего на Невский, я многократно видел, как проходившие простолюдины набожно снимали шапки и крестились; некоторые останавливались и, повернувшись лицом к Дворцу, с обнаженными головами горячо молились, видимо, за здоровье Царя*»^[372].

21 января состояние здоровья Александра III несколько улучшилось, и он поспешил отказаться от врачебного наблюдения. Однако болезнь постоянно давала о себе знать. Тем

более что Царь, чьё здоровье было серьёзно подорвано, полностью включился в работу с документами, засиживаясь за ней порой до утра. В мае 1894 г. Цесаревич Николай Александрович писал матери, что «дорогой Пана́» стал меньше получать бумаг и поэтому «ложится спать в половине второго» ночи^[373]. Можно только предполагать, во сколько ложился Царь, когда бумаг «было много».

В начале лета Александр III гулял в гатчинском лесу со своей младшей дочерью Ольгой. Та убежала вперёд. Царь попытался обогнать ее, но девочка увидела, что он не может этого сделать. Со слабой улыбкой Государь сказал: «*Детка, ведь ты не выдашь мой секрет? Я что-то устал. Вернёмся лучше домой*». Ольга Александровна вспоминала, что он при этом выглядел совсем измученным и постаревшим^[374].

25 июля 1894 г. состоялось бракосочетание Великой Княжны Ксении Александровны с Великим Князем Александром Михайловичем. Царь и Царица 28 июля присутствовали при поздравлении молодых в Зимнем дворце. Александр III своего будущего зятя недолюбливал и согласился на этот брак, только уступая настояниям дочери^[375]. Предчувствия Александра III не обманули. В ближайшем будущем Александр Михайлович не раз предаст как свою супругу, так и своего Августейшего племянника – Императора Николая II.

6–8 августа Царь делал смотр войскам в Красном Селе и остался им очень доволен, несмотря на то что физически

едва его выдержал. Великая Княгиня Ольга Александровна вспоминала, что «*Папа́*» был крайне «*бледен и утомлён*», «*глядя на это бесконечно дорогое лицо, я испытала жуткое чувство, что этот большой смотр был прощанием Папа́ со своей Гвардией*»^[376].

11 августа врач Г. А. Захарьин при осмотре не нашел у Царя ничего серьезного, но рекомендовал ему обязательный отдых в местности с сухим климатом^[377]. 7 августа Цесаревич сообщал в письме Аликс, что «*Дорогой Папа́ чувствует себя не очень хорошо*», выглядит усталым и вынужден все время отдыхать^[378].

9 августа 1894 г. Александр III по рекомендации врачей решил отправиться в Беловеж, «*рядом со Спалой*»^[379], где находилась охотничья императорская резиденция. Построенная в 1889 г. по проекту архитектора графа Н.И. де Рошфора, она напоминала французский замок, живописно расположившийся на берегу реки Наревки.

19 августа туда выехал Александр III с семьёй, за исключением Великой Княгини Ксении, которая находилась с мужем в Крыму. Начальник гродненского почтово-телеграфного округа Н. К. Полевой встречал Государя на перроне платформы Гайновки. Полевой, который до этого знал Александра III «*как очень крупного, здорового человека, страшного силача, истинного русского богатыря*», был поражен происшедшей в нем перемене: «*Государь был бледен, лицо его и вся фигура похудели, выражение лица его было тоск-*

ливое, страдальческое»^[380].

С первого же дня Александр III почувствовал себя настолько плохо, что ни на прогулки, ни на охоту не выезжал. 1 сентября Наследник писал Невесте, что отец *«этой ночью снова не спал и выглядит так плохо – мне больно видеть его в таком состоянии! Он начинает нервничать из-за своей слабости, но все же не слушает советы докторов»*^[381].

23 августа в Беловеж приехал Великий Князь Георгий Александрович, которого старший брат лично встретил на вокзале. Родители *«были обрадованы здоровым, бодрым видом сына»*. Но *«это оживление продолжалось недолго. Великий Князь Георгий Александрович, только что прибывший с жаркого Кавказа, не выдержал внезапной резкой перемены климата, и болезнь его, только что уступившая лечению и прелестному климату Кавказа, быстро разыгралась вновь сильнее»*^[382].

Здоровье самого Александра III постоянно ухудшалось. Несмотря на это, он продолжал много работать. Н. К. Полевой *«изумлялся трудолюбию, работоспособности Государя. Он не позволял себе никаких развлечений, он редко ездил на охоту»*^[383].

Главный лечащий врач Г. А. Захарьин приписывал ухудшение здоровья Императора сырому беловежскому климату и высказывал пожелания перевезти больного в теплые края. Вначале Александр III этому противился. Цесаревич Николай сообщал в письме к Аликс, что Папа́ заявил, что *«если*

доктора его не оставят в покое, он уедет обратно в Гатчину! Мы все в отчаянии! Мысль о том, что мой любимый Отец чувствует себя нездоровым и слабым, так ужасно терзает меня!»^[384].

Наследника терзали не только чувства любви к больному Отцу, но и невозможность увидеться со своей возлюбленной. В письме к ней он с тоской замечал, что *«скоро будет два месяца, как мы расстались, и я не очень представляю, когда мы сможем встретиться. Это тяжело, но единственный способ преодолевать это – молиться и просить Господа быть к нам милосердным, и да будет Его воля!»*^[385].

Летом тяжёлый характер болезни Александра III стал известен членам Династии. Великий Князь Владимир Александрович сообщал своему двоюродному брату Великому Князю Константину Константиновичу: *«Здоровье Государя становится день ото дня хуже, доктора настаивают на пребывании в более тёплом климате, например в Корфу»*^[386].

2 сентября решено было, что Царская Семья отправится в Ливадию, посетив на несколько дней Спалу Варшавской губернии, где находилось другое царское охотничье имение. Перед отъездом Александр III сказал Наследнику, что тот может не ехать с ним в Крым, так как уверен, что «кто-то» его ждёт в Дармштадте^[387]. По этому поводу Николай Александрович занёс в свой дневник: *«Папа разрешил мне отправиться в Дармштадт из Спалы – Боже, что за радость. Хотя и тяжело было бы, но я готовился ехать с ними в*

Крым!»^[388]

3 сентября 1894 г. Император Александр III и члены его семьи отправились в Спалу при общем ощущении надвигающейся беды. Царь, стоя на платформе перед своим вагоном, попрощался с придворными чинами и лицами прислуги, сказав им ласковые слова. *«Громадная его фигура царил над всеми окружающими; выражение лица его было спокойно; голос ровный, но ослабевший. На лице его видно было страдание, и говорил он, точно прощаясь с нами навеки. Он снял фуражку и сказал: “Прощайте, господа. Благодарю за всё!” и, поклонившись, вошёл в вагон»*^[389].

4 сентября Царская Семья прибыла в Спалу. Александр III очень любил это место, как вообще он *«любил тишину, уединение, простоту обстановки, семейный очаг и природу»*^[390]. Царская усадьба Спала, расположенная на открытой площадке среди старого соснового леса, на берегу реки Равка, представляла собой деревянный двухэтажный охотничий домик, *«очень простой и скромный»*^[391].

Первые дни Государю стало чуть легче. Этому способствовала и тёплая погода. Небольшое улучшение здоровья привело Александра III к решению оставаться в Спале. Тем более что Ксения Александровна сообщала: в Крыму погода холодная и ветреная. Для Цесаревича остановка в Спале означала, что он не поедет в Дармштадт: *«Отъезд в Крым отложен на неопределённое время, а с ним вместе и моя встреча с милой невестой»*^[392]. Николай Александрович за-

верял Аликс, что, как только погода в Крыму изменится и *«врачи будут настаивать на отъезд Папа в Ливадию»*, он *«немедленно полетит к дорогому Солнышку»* ^[393].

Однако вечером 7 сентября врач Захарьин обрушил на Царскую Семью тяжелое известие: у Государя хроническое воспаление почек – нефрит, болезнь в то время неизлечимая. 15 сентября Государя осмотрел известный немецкий врач Эрнст Лейден. Причины, по которым он оказался в Спале, не совсем ясны. В своем дневнике Цесаревич отмечал, что врач появился по настоянию Императрицы Марии Феодоровны, которая *«выписала»* его *«без ведома Папа»* ^[394]. Но в письме к Аликс от 15/27 сентября Цесаревич сообщал, что Лейден уже находился в Спале. Его вызвали туда для осмотра заболевшего члена Государственного совета генерала от инфантерии О. Б. Рихтера. *«Мама воспользовалась его приездом и с большим трудом устроила, чтобы он осмотрел Папа»* ^[395].

Примечательно, что Цесаревич в дневник заносил одну информацию о диагнозе, поставленном Лейденом его отцу, а Аликс – другую. Так, в дневнике он писал: *«Лейден нашел у Папа воспаление почек в том состоянии, в котором их увидел Захарьин, но кроме того и нервное расстройство – переутомление от громадной умственной работы»* ^[396]. То есть Лейден подтвердил тяжкий и смертельно опасный недуг. В письме же к Аликс сообщалось: *«Доктор нас успокоил, сказав, что состояние Папа лучше, чем он ожидал и что кроме*

болезни (что-то с почками), причина его слабости – в нервах»^[397]. Вполне возможно, что Цесаревич в письмах к Аликс опасался, что они смогут быть перлюстрированы иностранцами, которым совсем не нужно было знать об опасном характере болезни русского Императора.

После подтверждения у Александра III нефрита вновь с особой остротой встал вопрос о немедленном переезде в Крым, где больной должен был оставаться, по мнению медиков, в течение всей зимы. Помимо врачей, об этом настойчиво просил Государя Великий Князь Владимир Александрович. В конце концов Александр III нехотя согласился. Николай Александрович помнил разрешение отца не ехать в Крым, а отправиться к Аликс в Германию. Но тогда ему ещё не был известен страшный диагноз. Цесаревич писал в дневнике, что в нем *«целый день происходила страшная борьба между чувством долга – остаться при дорогих Родителях и поехать с ними в Крым – и страшным желанием полететь в Вольфсгартен к милой Аликс!»*^[398]. Но, как всегда, в Николае Александровиче победило чувство долга: *«Первое чувство восторжествовало и, высказав его Мама, я сразу успокоился»*^[399]. В тот же день он сообщил Аликс, что едет с родителями в Крым и приехать к ней не сможет. *«Я не мог поступить иначе. Я принял решение после целого дня мучительной борьбы с самим собой; как преданный сын (до самой смерти) и как верный слуга своего Отца, я должен быть с ним везде. И потом, как бы я мог оставить дорогую Мама»*

в такой момент, когда в Крыму нет никого из Семьи»^[400].

Ответ Аликс был полностью созвучен настроениям ее Жениха: *«С любовью поцелуй за свою невесту своего дорогого Отца. Выполняй свой долг. Это самое лучшее, остальное предоставь Богу»*^[401]. Царь, узнав, что Ники не едет в Вольфсгартен, был крайне изумлён и даже хотел настоять на этом, но встретил непоколебимое желание сына остаться с ним. *«Оставить его в таком состоянии как сейчас было преступлением на моей совести»*, – писал Цесаревич Аликс 17/29 сентября.

Таким образом, свадьба Наследника отодвигалась на неопределённый срок. 15/27 сентября 1894 г. японский император Муцухито прислал Царю телеграмму, в которой спрашивал, когда будет назначено бракосочетание Наследника Цесаревича. На этой телеграмме слабеющей рукой Государь написал: *«Я сам не знаю теперь когда»*^[402].

В Спале все больше ощущалась тяжесть положения Александра III. *«Болезнь дорогого Папа́ отравляет всё»*, – отмечал в дневнике Цесаревич. 17 сентября Цесаревич зашел в спальню Родителей провести их. Супруги сидели друг против друга и не говорили ни слова. Оба чувствовали приближение чего-то страшного и неизбежного. *«У меня комок подступил к горлу, и я сказал какую-то ерунду, пытаюсь рассмешишь их»*^[403].

18 сентября Семья выехала поездом в Крым. На следующий день «Правительственный Вестник» сообщил: «Здоро-

вье Его Величества, со времени перенесённой инфлюэнцы, не поправилось совершенно; летом же обнаружилась болезнь ночек (нефрит), требующая для более успешного лечения в холодное время суток, пребывания Его Величества в тёплом климате. По совету профессоров Захарына и Лебедева, Государь отбывает в Ливадию для временного там проживания»^[404]. 21 сентября Царская Семья вечером прибыла в Ливадию. Там болезнь Царя приняла окончательно тяжёлый характер, и он стал угасать на глазах, появился отёк ног, сопровождавшийся сильным зудом, одышкой и бессонницей. По свидетельству очевидцев, Царь весь «ссохся». Вельяминов писал: «Государь, несомненно, вполне сознавал опасность своей болезни и безнадёжность своего положения, но я никогда не видел, чтобы он падал духом, и меня он никогда по этому поводу не спрашивал»^[405]. Врачи советовали Александру III отправиться на Корфу, но тот наотрез отказался, заявив, что «русский Царь должен умереть в России»^[406].

Несмотря на тяжкие мучения, Александр III оставался со всеми ласков, ровен и приветлив. 5 октября он со слезами на глазах сказал Цесаревичу, что сожалеет, что из-за своей болезни невольно разлучил его с Невестой. Затем Царь высказал пожелание, чтобы Аликс как можно скорее прибыла в Ливадию: он не хотел, чтобы в случае его кончины молодой Наследник был неженатым, а Россия оказалась бы без Царицы. Николай Александрович сразу дал телеграмму в Дармштадт, прося Аликс немедленно прибыть в Крым. Примечая-

тельно, что между Цесаревичем и Принцессой был разработан свой условный шифр переписки, доступный только им. Этим шифром они переписывались всю свою жизнь. Книжечка с этим шифром была найдена в Екатеринбурге после убийства Царской Семьи^[407]. Как использовали ее большевики для своих грязных целей по фальсификации бумаг Царственных Мучеников, остаётся только гадать.

В Дармштадте искренне любили свою юную Принцессу, и ее отъезд вызвал у его жителей неподдельную грусть. Одна из дармштадтских газет писала в те дни: *«Немецкий народ с чувством искреннего огорчения и сожаления следит за отъездом великодушной и всеми любимой Принцессы Алисы»*^[408]. Как только она пересекла границу Российской Империи, то направила своему Жениху телеграмму, в которой извещала о своей готовности принять Православие. Для Цесаревича это было радостным известием, которые были столь редки в те тяжелые осенние дни 1894 года. 8 октября Наследник писал в дневнике: *«Получил чудную телеграмму от милой дорогой Аликс уже из России о том, что она желала бы миропомазаться по приезде – это меня тронуло и поразило до того, что я ничего долго сообразить не мог!»*^[409] Цесаревич был поражен той внезапностью, с какой Аликс согласилась перейти в Православие, если учесть, что ещё несколько недель назад она выражала сомнение в необходимости быстрой смены религии. Тем более что у нее был пример старшей сестры Эллы, которая приняла Православие лишь спустя семь лет

после венчания с Великим Князем Сергеем Александровичем. 9 октября Николай Александрович сообщил отцу Иоанну Янышеву, что Аликс *«после борьбы переходит в Православие с убеждением»*^[410]. Один из авторов воспоминаний об Императрице Александре Феодоровне писал: *«Государыня приняла Православие, его заветы со всем пылом молодой религиозной души, без малейшего ханжества, нигде публично не подчёркивая своей искренней любви к обрядности и сущности нового для нее понимая учения Христа. Она вся отдалась ему, увлекшись скрытым духовным содержанием нашей религии. Она действительно сделалась православной и по духу, и по мысли»*^[411].

8 октября в Ливадию прибыла королева эллинов Ольга Константиновна^[412] и Великая Княгиня Александра Иосифовна^[413]. По инициативе последней в Ливадию был доставлен известный на всю Россию протоиерей Иоанн Сергиев, которого в народе называли Иоанн Кронштадтский^[414]. По молитвам этого священника происходили великие чудеса, в том числе и исцеления смертельно болящих. Однако в высшем обществе к отцу Иоанну было неоднозначное отношение, а многие его просто недолюбливали. Лейб-хирург Вельяминов в своих мемуарах утверждал, что Иоанна Кронштадтского якобы недолюбливал и сам Александр III: *«Я думаю, что Государь подозревал у отца Иоанна желание выдвинуться и бить на популярность, а “популярничество” Государь ненавидел и искренно презирал»*^[415].

Эти же настроения чувствуются и в воспоминаниях графа С. Д. Шереметева: *«Когда перед смертью Александра III явился отец Иоанн в качестве исполнителя “Мессии”, могли подумать, что нужна была нравственная поддержка умирающему; но когда они встретились лицом к лицу, тогда отец Иоанн понял свое недомыслие. Я видел его выходящим от Царя, он был подавлен неожиданным величием праведника и, казалось, сам почерпнул назидание»*^[416].

Эти воспоминания лишь свидетельствуют о том, что их авторы ничего не понимали ни в праведном Иоанне Кронштадтском, ни в отношении к нему Императора Александра III.

8 октября отец Иоанн Кронштадтский отслужил в Ливадийской церкви литургию и молебен о здравии болящего Государя. 9 октября Цесаревич впервые увидел «Всероссийского батюшку»: *«Познакомился и разговаривал с о. Иоанном»*, – записал он в своем дневнике^[417]. Батюшка пригласил Цесаревича на следующий день принять участие в молебне о здравии Государя Александра III. Утром 10 октября состоялась встреча Иоанна Кронштадтского и Императора Александра III. Отец Иоанн оставил в своём дневнике следующую запись: *«Вхожу в кабинет Его Величества. Государь встретил меня стоя, в шинели, хотя сильный отек в ногах не позволял ему стоять. Я приветствовал его... После этого благодарил Государя, что он удостоил меня пригласить в Ливадию и лицезреть его особу. Он изволил сказать, что он не*

смел сам пригласить в такой далекий край России»^[418].

Днём 10 октября в Симферополь прибыла Принцесса Алиса Гессенская в сопровождении своей сестры Великой Княгини Елизаветы Феодоровны. Николай Александрович встречал ее в Алуште, куда он прибыл из Ливадии в час дня. Наследника сопровождал его дядя – Великий Князь Сергей Александрович. *«После завтрака сел с Аликс в коляску, и вдвоем поехали в Ливадию. Боже мой! Какая радость встретиться с ней на родине и иметь близко от себя, – половина забот и скорби как будто спала с плеч»*^[419]. Коляска, на которой Царевич привез свою Невесту в Ливадию, была обычной почтовой тройкой лошадей, какие использовались для пассажирского и почтового сообщения между Симферополем и Южным берегом Крыма. Собственником этого сообщения был богатый симферопольский купец-миллионер караим А. Я. Иоффе, владелец всех почтовых и транспортных средств в Крыму^[420]. Он приходился отцом первому большевистскому полпреду в Берлине А. А. Иоффе, который спустя 24 года будет, по ленинскому выражению, «врать» германскому правительству про убийство Царской Семьи, заверяя о *«безопасности Принцесс германской крови»*^[421].

Путь, по которому следовал экипаж с Цесаревичем и его Невестой, был усыпан цветами, стоящие вдоль дороги люди кидали букеты прямо в коляску. Сопровождал экипаж эскорт Крымского конного дивизиона, состоящий в основном из крымских татар. Один гимназист следовал за экипажем

на велосипеде и получил от Аликс яблоко. Через 20 лет, при посещении лазарета в Вильно, Императрица Александра Фёдоровна пройдёт мимо раненого офицера и не узнает в нём симферопольского гимназиста, о чём будет затем очень сожалеть^[422]. В 17 час. Цесаревич и Принцесса прибыли в Ливадию. Они сразу же пошли к умирающему Государю. Александр III приказал поднять его и облачить в мундир. За время болезни Царь настолько исхудал, что мундир оказался для него слишком велик. Невзирая на затруднения ходьбы из-за отека ног, Александр III пошёл навстречу Аликс и тепло, радушно её приветствовал, долго не отпуская будущую невестку из своей комнаты^[423].

Поздним вечером Императрица, Наследник и Принцесса Гессенская присутствовали на кратком молебне, который отслужил отец Иоанн Янышев при сослужении отца Иоанна Сергиева. Предполагалось, что переход Принцессы Алисы в Православие произойдёт сразу же после ее приезда в Ливадию. Но Александр III хотел лично присутствовать при таинстве, однако всякий раз не мог этого сделать по причине крайне плохого самочувствия, и миропомазание приходилось каждый раз откладывать^[424].

11 октября вся Императорская Семья присутствовала на литургии, которую служил отец Иоанн Сергиев. Наследник отметил в дневнике: *«Он очень резко делает возгласы, как-то выкрикивает их – он прочёл свою молитву за Папа, которая произвела сильное впечатление на меня»*^[425].

17 октября Император Александр III причастился. Это был день чудесного спасения Царской Семьи в Борках в 1888 г. По этому случаю по традиции были отслужены панихида и молебен. Вечером у Александра III начался сильный кашель, горлом пошла кровь. Наследник весь вечер провёл рядом с отцом. На следующий день *«Правительственный Вестник»* опубликовал тревожный бюллетень: *«В состоянии здоровья Государя Императора произошло значительное ухудшение. Кровохарканье, начавшееся вчера при усиленном кашле, ночью увеличилось, и появились признаки воспалительного состояния в левом лёгком. Положение опасное»*^[426]. Директор канцелярии министерства иностранных дел граф В. Н. Ламздорф занёс в свой дневник: *«Бюллетень – плохой. Нужно быть готовым ко всему»*^[427].

19 утром Александр III, несмотря на сильнейшую слабость, встал, оделся и сам перешел в кабинет, к своему письменному столу, где в последний раз подписал приказ по военному ведомству^[428]. Ночью он не спал, дыхание было сильно затруднено, деятельность сердца быстро слабела. Тем не менее Государь находился в сознании.

Наступило 20 октября. Рано утром Царь сказал Супруге: *«Чувствую конец, будь покойна, я совершенно покоен»*^[429]. В 6 час. 30 мин. утра Государя с большим трудом пересадили в удобное кресло и вывезли в залу, где он оставался до самой кончины^[430]. В начале десятого часа Цесаревич Николай сказал протопресвитеру Иоанну Янышеву, что Госу-

дарь просит его пройти к нему для молитвы. Во время молебна священник услышал, как Александр III твёрдым голосом сказал: «*Желал бы приобщиться...*» Отец Иоанн отправился в церковь Большого дворца и вернулся с Преждеосвященными Дарами. Цесаревич лично подготовил столик возле кресла, в котором полулёжа сидел Государь и на который батюшка поставил Святые Дары. Молитву по Святом Причащении Император Александр III произнёс вместе со священником твердым и чётким голосом. Слова молитвы «*Верую, Господи и исповедую...*» он произносил «с сердечным умилением». По окончании Причастия отец Иоанн Янышев хотел удалиться, но Государь остановил его и неоднократно благодарил, попеременно поцеловав обе его руки, с трудом поднимая их к своим губам. Растроганный отец Иоанн в свою очередь поблагодарил Государя за его неизменную заботу о Церкви, которой он неизменно был верным сыном и твердым защитником^[431].

Затем Александр III милостиво разговаривал с членами семьи, собравшимися в комнате. При этом он не забыл поздравить с Днем рождения Великую Княгиню Елизавету Федоровну, которой исполнилось 20 октября тридцать лет^[432].

Затем Император сказал Наследнику, что хочет остаться с ним наедине, после чего они около часа разговаривали^[433]. Потом Александр III попросил позвать отца Иоанна Кронштадтского, который прибыл к умирающему сразу после Божественной литургии. По просьбе Императрицы он прочи-

тал над Царём молитву об исцелении и помазал его святым елеем из лампы чудотворной иконы. Александр III попросил, чтобы отец Иоанн возложил на его голову руки^[434]. *«Отец Иоанн положил руку на голову и держал её на ней, всё время молясь. Император ему сказал: “Благодарю Вас, мне так хорошо”»*^[435]. Последние слова отец Иоанн Кронштадтский объяснял тем, что он *«явился тотчас по совершении литургии и дланями своими я держал Пречистое Тело Господне и был причастником Святых Таин»*^[436].

Александр III начал сильно задыхаться, ему насосом вводили кислород. Государь несколько раз поцеловал Императрицу, которая стояла на коленях справа от Супруга, поддерживая его левой рукой. Удушье настолько усилилось, что силы совсем покинули Императора. Он сказал Императрице: *«Не могу даже поцеловать тебя!»* Рядом находились Наследник Цесаревич Николай Александрович, Великий Князь Георгий Александрович, Великий Князь Михаил Александрович и Принцесса Алиса Гессен-Дармштадтская. Александр III всех благословил и просил их сесть, боясь, что они устанут. Шестнадцатилетний Великий Князь Михаил Александрович всё время гладил руку отца. Тот, с нежностью глядя на сына, сказал: *«Душка!»* потом добавил: *«Тяжело, очень тяжело»*^[437]. Голова Царя все чаще склонялась на плечо Императрицы Марии Феодоровны. Внезапно Царь захотел что-то сказать и обратился к профессору Лейдену, следившему за биением пульса: *«Кислороду!»* Но, прежде чем

Лейден исполнил его желание, Государь склонил свою голову на плечо Императрицы и испустил последний вздох. Цесаревич опустился на колени и прижался лбом к правой руке Усопшего^[438]. На часах было 14 час. 15 мин. По словам Императрицы Марии Феодоровны: *«Он до последнего момента оставался в полном сознании, говорил с нами и смотрел на нас, пока тихо и без особой борьбы не уснул для вечной жизни»*^[439].

Послышались слова первой молитвы об упокоении души в Бозе почившего Государя Императора Александра Александровича^[440]. Все присутствующие опустились на колени. Наступила мертвая тишина, никто не рыдал. Затем члены семьи стали подходить к Усопшему и целовать его в руку и лоб. Потом целовали Императрицу, которая продолжала сидеть неподвижно возле скончавшегося супруга, обнимая его тело. Стали подходить к Цесаревичу, только что ставшему Императором, и в первый раз целовали ему руку как Главе Династии и России.

После прощания Семьи к Усопшему были допущены лица свиты и служащие дворца. Граф С. Д. Шереметев вспоминал: *«Спиною к открытым дверям в креслах сидел Государь. Голова его слегка наклонилась влево, и другая голова, наклонённая вправо, касалась его, и эти две головы замерли неподвижно, как изваяния. То была Императрица. У меня промелькнуло: они оба живы или они оба умерли? Священник медленно и отчётливо читал Евангелие. Мгновенно*

все вокруг меня зарыдало, и никто не трогался с места. Такого впечатляющего величия сразу не выдержать! <...> Рихтер на коленях стоял уже у правой руки Государя, спокойно опущенной на правое колено, он поцеловал эту руку, полную, как всегда, и белую. Я вижу ее, я целую эту руку, но не поднял глаз на Государя. Меня остановило чувство, что встречу взгляд Императрицы, что не достоин взглянуть на лицо Праведника, и я поклонился до земли... Кто видел это лицо, те говорят, что оно было чудно, точно он спал, выражение кроткое, детское. Да, именно детское. Да он и был чист, как ребёнок, а по непреложному обещанию Спасителя – “таковых бо есть Царствие Небесное”»^[441].

Глава 2. Наследие Александра III

Императора Александра III часто любят противопоставлять его преемнику – Императору Николаю II. Дескать, волевой и сильный Царь сумел железной рукой подавить смуту, держал в полном повиновении династию и народ, не давал революционерам поднять голову. Проживи он еще десять лет, утверждают некоторые, и Россия избежала бы революции и мировой войны. Но «слабый» Николай II, не имея ни силы воли, ни чёткой программы действий, попадал под разные влияния, «ослабил вожжи», дал втянуть себя в «авантюрную» Русско-японскую войну, а затем и Первую мировую войну и «проиграл» монархию и Россию. Подобные представления не имеют никакого отношения к исторической правде, но тем не менее они до сих пор являются весьма распространённым мнением не только в общественном сознании, но и в среде историков.

Конечно, при Императоре Александре III произошли стабилизация и стремительное развитие русской экономики и промышленности. Император сумел найти и назначить на ключевые экономические должности таких профессионалов, как Н.Х. Бунге, И. А. Вышнеградский, С. Ю. Витте. Главной особенностью экономического курса Александра III была решительная переориентация на путь покровительственной политики отечественной промышленности, совер-

шенствования сборов налогов, строительства железных дорог. Число рабочих, занятых в промышленности к 1894 г., превысило полтора миллиона человек, стоимость выработанных товаров в том же году приближалось к 2 млрд. Росли новые места добычи полезных ископаемых (Донбасс, Кривой Рог, Баку). К 1894 г. в России появились Крестьянский и Дворянский земельные банки, при помощи заграничных займов удалось стабилизировать русский рубль, быстрыми темпами росло число железных дорог, в том числе и Великого Сибирского пути. Продолжалось строительство новых линий в центральных районах России. В 1893 г. введено в эксплуатацию 1670 км железнодорожных путей: линии Рязань – Свияжск – Казань, Жмеринка – Могилев – Новоселицы. В 1894 г. введено 2340 км: линии Курск – Воронеж и Чернигов – Пирятин, Тамбов – Камышин – Уральск, Беслан – Петровск.

Прямые налоги были самыми низкими в мире, уверенно росла внешняя торговля (ее оборот превышал 1 млрд руб.). За десятилетие промышленное производство в стране удвоилось, а выпуск продукции тяжелой промышленности увеличился в 3 раза. Особенно быстро развивались отрасли народного хозяйства, связанные с новыми видами топлива – углем и нефтью. В Донецком бассейне, где до 1887 г. было лишь 2 металлургических завода, к концу 90-х гг. действовало уже 17. С 90-х гг. бурный рост переживала сосредоточенная на Кавказе нефтяная промышленность. Здесь успешно

внедрялись новые способы добычи, хранения и переработки нефти и нефтепродуктов, находивших все более широкий спрос во всем мире. Крупнейшей компанией являлось «Товарищество братьев Нобель». Фирма занималась добычей и переработкой нефти, а также строительством специальных судов и вагонов-цистерн для ее перевозки. По мнению доктора ист. наук А. Н. Боханова: *«90-е годы XIX века стали периодом бурного развития промышленного сектора экономики. По темпам среднегодового прироста промышленной продукции Россия в этот период обгоняла все европейские страны и шла вровень с США. В конце 90-х годов XIX века средний прирост промышленной продукции составлял 12 % в и более в год. Россия являла миру пример “экономического чуда”»*^[442].

Несмотря на эти успехи, темпы экономического роста не были достаточными для преодоления большого разрыва с экономиками западных государств. Эту проблему пришлось решать уже Императору Николаю II.

В 1884 г. правительство Александра III предприняло важные шаги по борьбе с коррупцией: были приняты *«Правила о порядке совмещения службы с участием в торговых и промышленных товарищеских компаниях»*, которые ограничили круг госслужащих, которым запрещалось принимать участие в акционерных обществах. В 1882 г. была учреждена фабричная инспекция. Закон от 1 июня 1882 г. запретил на заводах, фабриках и мануфактурах использование труда де-

тей до 12 лет и ограничил продолжительность труда подростков от 12 до 15 лет. Было также запрещено использование их труда на «вредных и изнурительных» производствах. Закон от 3 июня 1885 г. запретил ночную смену женщин и подростков до 17 лет на ряде производств.

В 1880–1890-е гг. усиливается протекционистская политика государства по отношению к ввозимым из-за границы в Россию чугуны, железу, углю, машинам, хлопку. Таможенное обложение ввозимых в Россию вышеназванных товаров возросло с 16,1 % в 1879 г. до 28,3 % – в 1885 г.

Особенно ярко защита интересов отечественных производителей выразилась в таможенном тарифе 1891 г. Этот тариф был разработан под непосредственным руководством министра финансов И. А. Вышнеградского, который привлёк к разработке великого русского учёного Д. И. Менделеева. Новый тариф предусматривал индивидуальное налогообложение для каждого ввозимого из-за границы товара, а не единый тариф, как это было раньше.

Во внешней политике за годы своего недолгого царствования Александр III сумел придать международному положению России новый и весьма высокий уровень. Причём сделал он это не путём войны, а умелым маневрированием между основными европейскими державами при сохранении твёрдой защиты национальных интересов. Граф В. Н. Ламздорф отмечал, что Император Александр III *«указал внешней политике ясную, определённую цель – поставить Россию*

в такое международное положение, которое позволило бы ей <...> направить все силы на национальное возрождение и на внутреннее успокоение»^[443].

Император Александр III быстро осознал коренные изменения, происшедшие в Европе после Франко-прусской войны. Пруссия, бывшая на протяжении XIX столетия союзницей России и создавшая в 1871 г. в захваченном Версале Германскую империю, стала представлять собой опасного потенциального противника. Наряду с сильной армией Германия стремительно развивала и тяжёлую промышленность, пытаясь диктовать свои условия на внешнем рынке. В планах германского руководства были и более радикальные замыслы. Канцлер Отто фон Бисмарк планировал вторую войну с Францией, с тем чтобы навсегда покончить с нею как с великой державой. Все французские колонии должны были перейти Германии. В таких условиях, полагал Бисмарк, Англия была бы обречена на подчинённый союз с рейхом. Этим честолюбивым планам могла помешать только Россия, которую канцлер пытался задобрить обещаниями черноморских проливов и территориями Османской империи. Однако одновременно Бисмарк в 1882 г. стал одним из основателей т. н. Тройственного союза, в который вошли Германия, Австро-Венгрия и Италия, направленного в первую очередь против России. Александр III справедливо воспринимал этот блок как враждебный. *«Пока он будет существовать, – говорил Царь о Тройственном союзе, – наше сближение с Гер-*

манией невозможно»^[444].

В 1891 г. Александр III заключил секретную военную конвенцию с республиканской Францией (окончательно утверждена в 1893 г.). Это тайное соглашение изначально не являлось союзным договором между двумя державами^[445]. Оно должно было вступать в силу только в случае нападения Тройственного союза (Германии, Австро-Венгрии и Италии) либо на Россию, либо на Францию, либо на ту и другую одновременно. В этом случае обе державы согласно конвенции должны были оказать друг другу помощь всею совокупностью своих вооружённых сил.

Тайный военный союз с Францией не был вызван со стороны Александра III симпатией к III Республике. Это был шаг прагматика, понимавшего, что Франция, которая к концу XIX в. находилась в условиях полной изоляции перед лицом нового германского вторжения, неминуемо была бы вынуждена пойти на неравный договор с немцами. В этом случае Германия, которая уже состояла в союзе с Австро-Венгрией и Италией, вступив в союз с Англией и заставив прикнудить к нему Францию, стала бы самой могущественной державой Европы. Россия в этом случае оказалась бы перед угрозой изоляции.

Ухудшение политических отношений между Германией и Россией испортило и их экономические отношения, что больно сказалось на экономике обеих стран. В 1897 г. Германия поглощала 30 % российского экспорта, являлась

важнейшим сырьевым рынком России и поставляла ей машинное оборудование. Немецкий капитал был крупнейшим участником русской промышленности, цифра его вкладов в хозяйство России превышала 200 млн золотых рублей^[446]. В последние годы жизни Императора Александра III между Германией и Россией разразилась таможенная война, причиной которой стала тарифная политика этих государств в отношении друг друга. До 1891 г. вся германская промышленность пользовалась в России всевозможными льготами, и большинство германских товаров проходило без всяких пошлин. Никаких торговых договоров между Россией и Германией не существовало. Однако в 1891 г. Россия ввела новый таможенный тариф, который предусматривал индивидуальное налогообложение для каждого ввозимого из-за границы товара. Главной целью этих мер было создать свою собственную национальную промышленность. В ответ на русский новый тариф Берлин ввёл высокие пошлины на сельскохозяйственные продукты из России и главным образом на ввозимый хлеб. Петербургу был поставлен ультиматум: отменить действия нового тарифа. Однако Россия не поддавалась германскому шантажу и в свою очередь повысила ввозные пошлины на германские уголь, металл и машины. В результате Берлин был вынужден пойти на уступки, однако торговые противоречия между двумя империями продолжали оставаться.

В 1887 г. «Союз трёх императоров», действовавший меж-

ду Россией, Германией и Австро-Венгрией с 1881 г., не был возобновлён по инициативе германских государств. Реакцией Александра III на это были слова: «*Слава Богу!*».

При Александре III ослабло русское влияние на Балканах, прежде всего в Болгарии, которая была освобождена от османского ига его отцом Императором Александром II.

Александр III, участник Освободительной войны, считал, что конституция, дарованная его отцом Болгарии, излишне либеральна, а политика болгарских властей – слишком независима от России. По настоянию Царя в Болгарии было создано правительство во главе с русским генералом К. Г. Эрнротом. Болгарская армия была преобразована по русскому образцу генералом бароном А. В. Каульбарсом, занявшим пост военного министра Болгарии. Александр III полагал, что политика болгарского правительства должна быть полностью ориентирована на Россию. Русское правительство требовало от болгарского передачу строительства железных дорог в руки русских железнодорожников, а также приведение болгарских законов в соответствие с законами Российской империи.

Но 25 августа/7 сентября 1883 г. князь Александр Баттенберг распустил правительство, а формирование нового поручил представителям либеральной партии, настроенным враждебно к России. В Болгарии утвердилась диктатура Стефана Стамболова, который провозгласил себя регентом до избрания нового князя. Александр III пытался добиться

избрания на болгарский престол участника Освободительной войны, генерал-майора светлейшего князя Н. Д. Дадияни. Однако болгарское национальное собрание провозгласило князем датского принца Вольдемара. Александр III заявил, что не признаёт постановления этого собрания. Александр III отозвал Каульбарса и всех русских агентов. Дипломатические отношения между Россией и Болгарией были разорваны.

В марте 1887 г. сторонники союза с Россией подняли восстание в Рушуке. По приказу Стамболова оно было жестоко подавлено. Расправам подверглись русофилы и в Софии. 11/23 августа 1887 г. на болгарский княжеский престол был приглашён австрийский принц Фердинанд Саксен-Кобургский. Александр III, считавший его легкомысленным поведением, заявил: *«Выдвижение его в качестве кандидата на престол столь же комично, сколь комична и сама кандидатура»*^[447].

Фердинанд, так же как и его предшественник Александр Баттенберг, не любил Православие и остался католиком. Он заявил, что его потомство будет пребывать в католической вере. Русский дипломат князь Г. Н. Трубецкой, общавшийся с болгарским венценосцем, свидетельствовал: *«Свой народ Фердинанд не любит. Он не стеснялся презрительно отзываться о нем, и мне лично пришлось слышать от него подобные отзывы... Болгары боялись его, никто не любил его»*^[448]. Стамболов последовательно содействовал

утверждению в стране позиций Австро-Венгрии, Германии и Англии^[449]. Болгарская Православная Церковь осуждала политику Стамболова и отказывалась признавать католика Фердинанда главой Болгарии.

Ради упрочения своей власти Фердинанд начал тайно вести переговоры с Петербургом по поводу нормализации отношений. Там ясно дали понять, что, пока такой отъявленный русофоб, как Стамболов, остаётся у власти, об этом речи быть не может. В мае 1894 г. князь Фердинанд отправил Стамболова в отставку. Несмотря на это, отношения с Болгарией при Александре III улажены не были.

В царствование Императора Александра III с особой силой обострились русско-английские противоречия. Стремительное завоевание Россией новых позиций в Средней Азии и на Дальнем Востоке, среди иноверческих народов, которые в целом добровольно входили в империю Белого Царя, убедительно доказывало Англии, что то же самое произойдёт и в её колониях, если там в той или иной мере утвердится русское влияние.

О том, что эти страхи Лондона имели под собой основание, говорит письмо индийского магараджи Дулин Сингха к Императору Александру III с просьбой освободить Индию от англичан. Сингх писал, что он осмеливается изложить Царю *«просьбу как государей, так и народа индийского об освобождении их от угнетателей»*. Император Александр III написал на письме: *«Это желательно»*^[450]. В своей

резолуции министру иностранных дел он указал: *«Повелеваю Вам лично – на прочтение. Не показывайте эту депешу никому. Составьте ответ ему и покажите мне до отправления»*^[451]. Содержание ответа Императора индийскому князю неизвестно, но совершенно очевидно, что русские цари со времён Императора Павла I сочувствовали порабощённому индийскому народу. Кроме того, возможный поход в Индию всегда мог быть адекватным ответом России на английскую агрессию.

В 1872–1873 гг. между Россией и Англией было подписано соглашение, которое определяло как территориальные пределы Афганистана, так и общие начала взаимного политического положения обеих стран в Средней Азии. Одной из причин столкновения на Кушке в 1885 г. было нарушение Англией договора с Россией 1873 г., по которому обе державы договорились о создании «буферного пояса в Средней Азии», причём Англия брала на себя обязательство удерживать афганского эмира от каких бы то ни было наступательных действий против России^[452].

Характерна оценка Александром III английской стороны, данная Императором сразу же после событий на Кушке. Полностью оправдывая действия генерала А. В. Комарова, Царь писал, что события на Кушке *«ещё раз это доказывают, что мы имеем дело с величайшими нахалами»*^[453].

Инцидент на Кушке легко мог привести к англо-русской войне, и только железная выдержка Александра III, а также

убедительная демонстрация готовности России мобилизовать все свои вооружённые силы заставили Британию отступить.

«Прошло 13 лет царствования Императора Александра III, – писал выдающийся русский историк В. О. Ключевский, – и чем торопливее рука смерти спешила закрыть его глаза, тем шире и изумлённее раскрывались глаза Европы на мировое значение этого недолгого царствования. Европа признала, что Царь Русского Народа был и Государем международного мира, и этим признанием подтвердила историческое призвание России, ибо в России, по её политической организации, в воле Царя выражается мысль Его народа, и воля народа становится мыслью его Царя. Европа признала, что страна, которую она считала угрозой своей цивилизации, стояла и стоит на её страже, понимает, ценит и оберегает союзы не хуже её творцов»^[454].

Раввин Б. И. Берштейн в своей речи на кончину Императора подчеркнул, что покойный *«первым показал свету, что сила Государя является не в разрушительных войнах, оставляющих вдов и сирот, а в господствующей всюду – тиши. <...> Он явился прототипом для всех монархов: стремясь к миру, он был готов во всякое время отражать могущественного врага; он держал бразды правления не только России, но и всей Европы; от того все его чтили и трепетали перед ним»^[455].*

Даже британский посол сэр Фрэнк Кавендиш Ласселс в

эти дни был вынужден признать: *«Какова судьба! Император Александр III, бывший для Европы страшилищем при своём восшествии на престол и в первые годы царствования, исчезает в тот момент, когда ему обеспечены всеобщие симпатии и доверие»*^[456].

Однако, несмотря на большие успехи, в короткое царствование Императора Александра III полностью не было решено ни одной из поставленных задач. Более того, именно в этот период было создано много новых проблем, решать которые пришлось Императору Николаю II. В этом не было вины усопшего Государя. Он сделал всё, что мог, но слишком мало прожил и слишком мало успел. Н. А. Павлов полагал: *«Государь в краткое царствование не успел противопоставить чего-либо реального начавшемуся расстройству экономического порядка в стране. <...> Вместо широкого самоуправления и органической системы децентрализации и установления действительной власти на местах, законодатель ограничился “опытом” введения земских начальников, причём предводителям дворянства, председателям ряда учреждений не было дано ни власти, ни прав, ни ответственности. <...> Здесь нет места объяснять, как самобытный по духу Государь Александр III был вовлечён министрами и дипломатией в безвыходный круг международных обязательств и некоторых форм политики и хозяйства и разгадка уступчивости этого Государя – нелегка. <...> В то же время и в полное противоположение развитию капита-*

листического хозяйства, тот же Государь даёт закон 14 декабря 1893 г. о неотчуждаемости крестьянского надела. Этим законом крестьяне почти навсегда закрепощались к земле. Ни продать, ни купить земли, ни пользоваться где-либо кредитом с этой поры крестьяне не могли»^[457].

Конечно, убеждённый сторонник Аграрной реформы 1906 г. (т. н. «Столыпинской») и разрушения крестьянской общины Н. А. Павлов несколько преувеличивал последствия закона 1893 г. Торговля земельными наделами крестьянам была разрешена, но не чаще одного раза за 12 лет, а досрочный выкуп разрешался только при согласии $\frac{2}{3}$ крестьянского схода. Продажа земельных наделов нечленам данной общины запрещалась. Закон этот преследовал своей целью наделение всех крестьян минимальным участком земли, что, по мнению его авторов, должно было пресечь тлетворное влияние на деревню городского пролетариата. Но при этом законодатель не учёл, что быстрое развитие капиталистических отношений не может не затронуть и деревню, в которой неминуемо начнётся имущественное расслоение, а значит, и потребность в увеличении земельных наделов. Закон 1893 г. не давал предприимчивому крестьянину возможность получения земли, мешал росту крестьянского благосостояния, а потому делал из деревни социальную бомбу. Примечательно, что, когда в Комитете министров Н. Х. Бунге подверг закон серьёзной критике, Цесаревич Николай Александрович сочувственно его поддержал^[458]. Поэтому нельзя не со-

гласиться с Н. А. Павловым в том, что «консервативнейший Государь безотчётно встал на опасный путь».

Александр III это понимал. Однажды он спросил генерала О. Б. Рихтера: «Как Вы себе представляете положение России?», на что тот ответил: «Я много думал об этом и представляю себе теперешнюю Россию в виде колоссально-го котла, в котором происходит брожение; кругом котла ходят люди с молотками, и когда в стенах котла образуется малейшее отверстие, они тотчас его заклёпывают, но когда-нибудь газы вырвут такой кусок, что заклепать его будет невозможно, и мы все задохнёмся». Государь застонал от страдания. «Да, котлу необходим был предохранитель»^[459]. Но этот «предохранитель» создать при Александре III не удалось.

Но здесь возникает вопрос: а от кого или от чего нужен был этот предохранитель? От народа? Но народ был в целом царелюбивым и верным. От революционеров? Но они были слишком малочисленные и не могли создавать тогда реальной опасности государству. Между тем главная опасность заключалась во все растущем влиянии на государственные дела русской элиты и русской бюрократии. Конечно, речь идёт не обо всей элите и не обо всей бюрократии, но о той тенденции, которая всё больше набирала в их среде силу. При этом первая всё менее считалась с Самодержавной властью Монарха, а вторая все больше подменяла собой его власть. Элита, в том числе и некоторые члены Династии, уже не считали

себя обязанными беспрекословно слушаться своего Главу. В полной мере это проявлялось и в царствование Императора Александра III. Как писал Н. А. Павлов: *«К нам с Запада поступила бюрократическая система управления и хозяйства, на которую даже такой Государь как Александр III вынужден был опираться»*^[460].

Во второй половине XIX столетия стало ясно, что мир входит в новую индустриально-техническую эпоху, которая бросала свои вызовы всей прежней мировой экономической и политической системе. Было также очевидным, что эта новая эпоха таит в себе большие опасности христианской государственности. Поэтому Россия, как аванпост этой государственности, попадала в самое тяжёлое положение. Нужно было, с одной стороны, отвечать на вызовы времени, чтобы бесконечно не отстать от главных геополитических противников, а с другой – сохранить свою самобытную государственную духовно-нравственную политическую систему – Царское Самодержавие. Эту задачу пытался уже решить Император Александр II. Вопреки распространённому мнению, Царь-Освободитель не был сторонником введения в России ни конституции, ни парламентского строя. Когда при нем зашла речь о конституции, Александр II сказал: *«Я даю слово, что сейчас, на этом столе, я готов подписать какую угодно конституцию, если бы я был убежден, что это полезно для России. Но я знаю, что, сделай я это сегодня, завтра Россия распадётся на куски»*^[461].

Александр II хотел ввести в России такое народное представительство, которое отвечало бы старинным русским традициям, а не западной модели. Оно должно было стать не «оппозицией Его Величества», а гласом народным, напрямую слышанным Царём. Но точных планов и идей на этот счёт у Александра II не было, и он ухватился за предложение своего министра графа М. Т. Лорис-Меликова, чья звезда взошла на русском политическом небосклоне. Граф неоднократно, энергично и горячо высказывался перед Императором *«против организации народного представительства в России в формах, заимствованных с Запада, чуждых русскому народу»*^[462]. Его реформа сводилась к созданию комиссий, на обязанности которых *«лежало бы составление законопроектов в тех пределах, кои будут им указаны Высочайшею волею с призывом выборных от губерний, а также от некоторых значительнейших городов. Причем в видах привлечения действительно полезных и сведущих лиц, губернским земским собраниям и городским думам должно быть предоставлено право избирать таковых не только из среды гласных, но и из других лиц, принадлежащих к населению губернии или города»*^[463].

Таким образом, члены комиссий могли иметь лишь совещательный голос, то есть обсуждать проекты законов, а вся законодательная инициатива и утверждение законов должны были принадлежать исключительно Верховной власти. *«Император Александр II, – писал генерал Н. А. Епанчин, – со-*

знавал, что необходимо устроить так, чтобы голос народа доходил до Царя не через посредство бюрократии, и решил образовать при Государственном Совете особое присутствие из сведущих лиц и земских деятелей; заключения этого присутствия представлялись в Государственный Совет, и с его мнением восходили к Монарху. Это положение Император Александр II подписал утром 1 марта 1881 г., а в тот же день в 3 ч. 30 м. дня его не стало»^[464].

Несмотря на расплывчатость и «сырость», этот проект был шагом положительным, ибо он создавал предпосылки для создания форм народного представительства, не только не покушавшегося на самодержавные права Монарха, но наоборот призванного помогать ему. Тем самым прорубалось окно в душном забюрократизированном мире, в котором жил Самодержец. Этот мир не давал ему полноты картины состояния дел в обществе и стране, отделял его от народа.

Злодейское убийство Александра II положило конец этому проекту. Принято считать, что новый Император Александр III был убеждённый «реакционер», а потому проект Лорис-Меликова был сразу им отвергнут и всё вернулось к «абсолютизму». Это представление в корне неверно. Александр III в своих воззрениях шёл дальше Лорис-Меликова. Он был сторонником созыва Земского Собора, основанного на «старорусских началах». Впервые подобную идею высказал славянофил С. Д. Голохвастов в своём письме к К. П. По-

бедоносцеву. Последний передал письмо Цесаревичу Александру Александровичу, а тот Императору Александру II, который поставил на проекте резолюцию: «*Прочёл <...> с любопытством и нашёл много справедливого*»^[465]. Идея Земского Собора продолжала занимать Александра Александровича и в дальнейшем, о чём он не раз говорил с графом Н. П. Игнатьевым. Тот привлёк к работе профессора Д. Я. Самоквасова, и под руководством Цесаревича было выработано положение о Земском Соборе. Н. А. Епанчин подчёркивал: «*Цесаревич предпринял это важное дело не под влиянием своих сотрудников, но по своему глубокому убеждению в необходимости создания таких условий, при которых Царь мог узнавать о нуждах его подданных через людей, знакомых с местными делами, и чтобы об этих нуждах Царь узнавал не по единоличным докладам министров, не через чиновников, а через свободное обсуждение выборов от народа людей*»^[466]. Подпись Цесаревича Александра Александровича стояла под проектом Лорис-Меликова, подписанного Государем, хотя с самим проектом Цесаревич был не согласен, так как Лорис-Меликов предлагал сделать ставку только на земское и городское представительство, а именно из их среды выходила большая часть террористов и агитаторов.

Однако, по верному определению того же Епанчина: «*В обществе также осознавали, что нужно изменить порядок направления государственных дел, но большинство видело*

весь вред только в отсутствии конституции в западноевропейском духе; в таком направлении шла пропаганда – революционные силы открыто требовали конституции»^[467].

Когда граф С. Г. Строганов предупреждал в докладе, что проект Лориса «прямо ведет к конституции», Александр III заметил: *«Я тоже опасаясь, что это первый шаг к конституции»^[468]*. Однако 8 марта 1881 г., на заседании Совета министров, когда шло обсуждение в определении дальнейшего курса, Царь не высказал своего прямого отношения ни к проекту Лорис-Меликова, ни вообще к идее земского и городского представительства. Он оказался под давлением справа и слева. В основном мнения делились: либо всё запретить, либо продолжать двигаться по пути, предложенному Лорис-Меликовым, сырой и невнятный проект которого не нравился Александру III. При этом и «охранители», и «реформаторы» пугали Царя всяческими бедами, если не будет принят именно предлагаемый ими вариант развития событий. Александр III в конце концов склонился к твердой линии, результатом которой стал знаменитый манифест, в котором говорилось «о незыблемости Самодержавия». Царь совершенно справедливо посчитал, что в стране, охваченной смутой, невозможно заниматься судьбоносными реформами. Страну надо было сначала успокоить, а смуту усмирить. Эту же мысль высказал и К. П. Победоносцев: *«В такое ужасное время, Государь, надобно думать не об учреждении новой говорильни, в которой произносили бы новые растле-*

вающие речи, а о деле. Нужно действовать!»^[469]

Самодержец Александр III – действовал: смута была усмирена. Но необходимость совещательного народного представительства не отпала. Не случайно Александр III вернулся к ней через год, когда министр внутренних граф Игнатъев подал ему записку о необходимости созыва Земского Собора одновременно с коронацией Царя. Авторами «Записки» были славянофилы П. Д. Голохвастов и И. С. Аксаков^[470]. Мысль эта вновь ужаснула К. П. Победоносцева, который писал Александру III: *«Кровь стынет в жилах у русского человека при одной мысли о том, что произошло бы от осуществления проекта графа Лорис-Меликова и друзей его. Последующая фантазия гр. Игнатъева была ещё нелепее, хотя под прикрытием благовидной формы Земского Собора. Что стало бы, какая вышла бы смута, когда бы собрались в Москве для обсуждения неведомо чего расписанные им представители народов и инородцев Империи, объемлющей Вселенную?»*^[471] Царь проект Игнатъева отклонил, хотя в принципе и выразил свое одобрение самой идеи. Опять-таки Государя можно понять: в словах Победоносцева было много верного, да и момент для созыва Собора вряд ли был подходящим. Но не вызывает сомнения, что вновь была упущена возможность создать представительный орган на русских традиционных началах по инициативе Самодержавной власти. В результате в обществе все больше набирало силу представление, что власть не хочет идти на создание никаких

представительных органов, а значит, они должны быть созданы силой и по западному образцу. Александр III скончался, так и не подойдя даже к проектам представительской реформы, невольно заложив тем самым бомбу, которая взорвалась в 1905 г. при Николае II. Славянофил генерал А. А. Киреев считал: *«Александра II убили. Понятно, что Александр III должен был подтянуть поводья, остановить ход России. Но вместо того, чтобы через 2, 3, ну, 4 года повести Россию по славянофильскому либеральному пути, А. [лександр] III продолжал затягивать поводья, давал машине задний ход. Его авторитет был еще довольно велик для того, чтобы государственное здание еще держалось, фасад стоял. Но с его смертью авторитет погиб в противоречиях внешней и в особенности внутренней политики, нужно было стать добровольно на путь реформ в славянофильском духе, вышло обратное – испуг – западная конституция»*^{[472][473]}.

Одновременно революционные идеи становились популярными в умах многих представителей общества. Дошло до того, что террористов-убийц начинали почитать за мучеников, борцов «за лучшую долю». Происходила подмена духовных ценностей, в России набирала силу чуждая, смертельно опасная идеология. В этих условиях власть не смогла противопоставить этой идеологии мощную преграду. Власть не считала нужным пропагандировать самую себя, полагая, что, так как идеалам Православия и Самодержавия придерживается большинство русского народа, то против отдельных ни-

гилистов достаточно одних лишь полицейских мер. Однако к концу XIX в. одних таких мер было уже недостаточно. Требовались решительные неординарные меры по отвлечению общества от агрессивной чуждой идеологии. Идеологи правительства отвечали лишь запретами. Александр III хорошо чувствовал опасность подобной политики, когда сказал Победоносцеву: *«Ты как жгучий мороз, гнить не даешь, но и расти не позволяешь»*^[474]. По утверждению Витте, Александр III ему жаловался, что *«из долголетнего опыта он убедился, что Победоносцев отличный критик, но сам никогда ничего создать не может»*^[475].

Нельзя не согласиться с Н. А. Епанчиным: *«Нет сомнений, что преобразования Императора Александра III имели бы русский, народный характер, а не западноевропейский, парламентарный. <...> Общераспространённое мнение говорит, что Император Александр III обладал твёрдой волей, но не доказывает ли отказ от созыва Земских соборов обратного – недостатка воли? Я убеждён, что нет; это доказывает только то, что один в поле не воин, что напор на Самодержца, не поддержанного мнением народа, так силён, что ему одному не по силам такая борьба. Да, тяжёлая ответственность лежит на совести тех, кто своевременно не поддержал своего Государя и оказал дурную услугу ему, и России, особенно его Преемнику. “Gouverner c’est prévoir”*^[476], а своевременное отсутствие этого предвидения очень затруднило Императора Николая II»^[477].

Отсутствие нужных талантливых людей – это была проблема уже Александра I, который отвечал тем, кто предлагал реформы: *«Некем брать!»* Александр III говорил примерно то же самое: *«Как труден выбор людей!»* – но затем, как бы разговаривая с самим собой, добавлял: – *«Но есть люди. Они найдутся»*^[478]. К сожалению, некоторые из тех, кто «нашёлся» в его царствование, сыграли неприглядную роль на службе у его Сына. Не вызывает сомнений, что команда Александра III была слабее команды Николая II, который после набора опыта государственного управления умел лучше разбираться в людях, чем его отец. В этом отношении забавны попытки некоторых авторов убедить в обратном, ссылаясь на «суровый» характер Александра III, легко отделявшегося от неугодных министров, в противовес «мягкому» Николаю II, который не мог от них отделаться. Так, например, И. Е. Дронов пишет, что, когда Александр III *«узнал о злоупотреблениях своим служебным положением директора Департамента полиции Петра Николаевича Дурново, он начертал лаконичную резолюцию: “Убрать эту свинью в 24 часа”»*^[479]. При этом же Дронов признает, что *«П. Н. Дурново был очень толковый и расторопный деятель, а злоупотребления его носили анекдотический оттенок»*, но, продолжает далее Дронов, *«Александр III предпочёл пожертвовать ценным сотрудником, нежели терпеть беспорядок в работе государственной машины»*^[480]. Вовсе не очевидно, что Александр III оставлял о П. Н. Дурново подобную резолюцию,

приводимые ее источники крайне сомнительны. Но не вызывает сомнений, что И. Е. Дронову такие действия Александра III, подлинные или мнимые, весьма импонируют. Безусловно, сказывается уважительное отношение автора к Сталину и его методам. Поэтому он ставит в упрек Николаю II, что тот терпел вокруг себя людей, которых лично не любил, но считал полезными для дела. Между тем любому непредвзятому человеку совершенно ясно, что кадровая политика Николая II была гораздо более дальновидной и вдумчивой. «Выбросить» не нравившегося чиновника было легко, гораздо труднее было найти ему замену.

Совершенно несостоятельными выглядят утверждения, что Император Александр III ввел в стране суровый режим, державшийся на тюрьмах и виселицах. Александр III, естественно, не был тем «держимордой», каким его изображала лживая либерально-большевистская пропаганда. Не был он и тем «мужицким царём», каким его изображают наши некоторые патриоты. Это был человек с очень тонкой душевной организацией, довольно ранимый, глубоко верующий, европейски образованный. А. Ф. Кони делился своими впечатлениями от встречи с Императором Александром III: *«В этих глазах глубоких и почти трогательных, светилась честнейшая душа, испуганная в своём доверии к людям и беспомощная против лжи, к коей сама была неспособна»*^[481].

Но одновременно Царь был физически могучим человеком, высокого роста, обладал твёрдым голосом, мог иногда

допускать резкие, даже грубоватые, выражения и резолюции. Отсюда возникала иллюзия того, что он был беспощаден и не останавливался перед жестокими мерами. На самом деле никаких массовых репрессий, смертных казней при Александре III не было и в помине. Даже смертный приговор убийцам своего отца Александр III утвердил не сразу, а после приговора запретил публичные казни в России. Вообще за 1826–1905 гг., то есть почти за 80 лет, за различные виды преступлений в России было приговорено к смертной казни 1397 человек, а казнено только – 894. За 13 лет царствования Императора Александра III было казнено около 200 преступников (политических и уголовных)^[482].

С. Ю. Витте утверждал: *«При Императоре Александре III великие князья ходили по струнке. Покойный Император держал их в респекте и не давал им возможности вмешиваться в дела, их не касающиеся. Император Александр III и в области их управления имел сдерживающее влияние на великих князей и пользовался среди них полным авторитетом. Все великие князья любили Императора Александра III, но в то же время и боялись его»*^[483]. Это утверждение, мягко говоря, не соответствует действительности. Если оценивать поведение немалой части великих князей к Александру III, то в нем не было не только страха перед ним, но, наоборот, порой открытое неповиновение. Граф С. Д. Шереметев вспоминал, как после кончины Александра II в марте 1881 г. в Зимнем дворце Великий Князь Константин Ни-

колаевич «заметил на погонах моих вензеля Императора Александра III. Он стремительно подошёл ко мне, посмотрел мне в упор, уставился злобным и ледяным взглядом и, указывая на вензеля мои, глухо произнёс: “Надолго ли?” Меня взорвало и я, выдержав этот взгляд, ответил, не помню, что именно, но соответствующее моему возбужденному состоянию. Содержание этого полунемого разговора я передал тогда же Государю. Его оно не удивило»^[484].

Характерно поведение в отношении Александра III его брата Великого Князя Владимира Александровича и его супруги Великой Княгини Марии Павловны, которые постоянно выезжали за границу на курорты, причем на весьма длительный срок, где останавливались в лучших гостиницах и вели крайне расточительный образ жизни. В этих поездках Великая Княгиня вела себя как «царица», встречалась с правителями и принцами, политическими деятелями и журналистами. Александр III сначала пытался просто увещевать брата, но когда это не возымело успеха, написал ему резкое письмо: «*Вот уже почти 10 лет подряд, что ты каждый год едешь за границу без всякой нужды; это тебе очень вредит в глазах и мнении твоих подчиненных и неправильно в служебном отношении*»^[485].

Это письмо также было проигнорировано Великим Князем. Тогда в феврале 1883 г. произошло резкое объяснение между братьями. Александр III писал Великому Князю Владимиру Александровичу: «*Теперь я вижу, что ни мои прось-*

бы, ни мои желания, ни предложения вами не принимаются. То, что хочет твоя жена, ты будешь добиваться, во что бы то ни было и никаким моим желаниям не подчинишься. То, что Папа́ и Мама́ было легко делать, мне невозможно: это приказывать! Как может брат брату приказывать! Это слишком тяжело!»^[486]

Никакой реакции со стороны Владимира Александровича вновь не последовало. Царь демонстративно не навестил Марию Павловну в день ее рождения 2 мая 1889 г., сопроводив этот поступок очередным письмом к брату: *«Действительно, я недоволен Твоей женой. Несмотря на все мои просьбы, желания, предложения и требования, она преспокойно прокатилась за границу и настояла на своем. Как же я должен смотреть на это? Промолчать и проглотить явное глумление над моим желанием и ждать, что это будет продолжаться каждый раз, когда она этого пожелает!? Вдобавок возвратиться накануне своего рождения и ждать, чтобы ехали к ней с поздравлениями; это уж чересчур бесцеремонно и странно»*^[487].

Но всё оставалось по-прежнему. Мария Павловна позволяла себе даже делать критические замечания об Императоре и Императрице. Особенно не любила Великая Княгиня Марию Феодоровну. Причем большая часть общества была на стороне Марии Павловны. Когда один раз Императрица осадил зарвавшуюся золовку, то при Дворе можно было слышать: *«Что позволяет себе эта датчанка?!»* Совсем

скоро, Мария Павловна будет интриговать против новой Императрицы, Александры Феодоровны, которую общество будет называть «Гессенской мухой».

Не лучше вели себя перед Государем и другие великие князья. Великий Князь Алексей Александрович жил с замужней герцогиней З. Д. Лейхтенбергской. Великий Князь Николай Николаевич-старший сожительствовал с балериной Е. Г. Числовой. Александр III обвинил дядю в растрате государственных средств и в 1882 г. наложил арест на его имущество. Великий Князь Николай Николаевич-младший, сын предыдущего, тайно сожительствовал с купчихой С. И. Бурениной, от которой имел двоих детей. В январе 1888 г. Николай Николаевич обратился к Государю с разрешением ему жениться на Бурениной. Александр III категорически отказал со словами: *«Со многими Дворами я в родстве, но с Гостинным ещё не был и не буду»*.

В 1891 г. тридцатилетний Великий Князь Михаил Михайлович без благословения родителей и разрешения Государя обвенчался за границей с графиней Софией Меренберг. Брак этот не был признан Царём действительным, и Великому Князю был запрещён въезд в Россию.

Все эти выходки великих князей свидетельствовали о весьма опасных процессах, протекавших в недрах Императорской Фамилии. Повлиять на них в полной мере Император Александр III при всей своей воле и решительности никак не мог, точно так же, как потом этого не мог сделать

Император Николай II. Дело было вовсе не в их «слабости». Самодержавие предполагает добровольное и добросовестное служение Царя Богу и России, а всех остальных благоверному Царю, ибо служа ему, народ служит одновременно и Богу, Который помазал его, и России, которую Он ему вручил. «Заставить» любить Царя и служить ему – невозможно, так же как и «заставить» человека верить в Бога. *«Нет никакого сомнения, – признавала уже в изгнании Великая Княгиня Ольга Александровна, – что распаду Российской империи способствовало последнее поколение Романовых. Дело в том, что все эти роковые годы Романовы, которым следовало бы стать самыми стойкими и верными защитниками Престола, не отвечали нормам морали и не придерживались семейных традиций»*^[488].

Но не только Великие Князья позволяли себе неповиновение Императору и недовольство им. Как свидетельствовал Н. А. Павлов: *«Дерзость окружения в отзывах об Александре III была безграничной»*^[489]. Типичным ее образчиком служат воспоминания барона Н. Е. Врангеля, отца будущего белого генерала, в которых он с явным удовольствием сообщал: *«Некоторые царедворцы зовут Александра III дворником, характеризуют по его седалищу»*^[490]. Про самого Царя Н. Врангель писал, что у *«не было ни сил, ни особого дарования»*. Множество насмешек и язвительных высказываний в отношении Царя-Миротворца содержит дневник графа В. Н. Ламздорфа.

Мечтавший о свержении Самодержавия публицист и мавсон Д. В. Философов был вынужден признать: *«Заклучить из всего произошедшего, что Николай II должен нести ответственность за настоящий хаос, значило бы вынести ему несправедливый приговор. Он не виноват в смертельном кризисе своей Империи. Эта Империя была больна уже тогда, когда он ее унаследовал»*^[491].

Внешнеполитическое наследство, доставшееся Императору Николаю II от его отца, также таило в себе немалые трудности. Особенность политического устройства Российской империи заключалась в том, что информация по тому или иному направлению внешней и внутренней политики всецело находилась в ведении царствующего Монарха и в меньшей степени соответствующего министра. Остальные, включая Наследника престола, могли быть даже не осведомлены о некоторых важных решениях, принятых Императором. Зачастую о тайных соглашениях Царь сообщал своему Наследнику на пороге смерти. В какой-то степени так произошло и с Николаем II. Перед смертью Александр III лишь в общих чертах ознакомил Цесаревича с целым рядом своих важнейших внешнеполитических решений (например, на момент своего вступления на престол Николай II ничего не знал о секретной франко-русской конвенции 1891 г.).

Глава 3. Был ли Император Николай II не подготовлен к царствованию?

Кончина отца явилась для Николая II тяжёлым ударом. Вечером 20 октября на страницах его дневника со всей силой отразилась боль его души: *«Боже мой, Боже мой, что за день! Господь отозвал к Себе нашего обожжаемого, дорогого, горячо любимого Папа. Голова кругом идёт, верить не хочется – кажется до того неправдоподобной ужасная действительность»*^[492]. Тем же вечером Государь позвал греческую королеву Ольгу Константиновну посмотреть на лицо усопшего Родителя. *«Мы с Ники стояли на коленях и не могли оторваться, всё смотрели на это чудное лицо»*, – писала королева^[493].

Но при посторонних Государь держался внешне спокойно и даже бесстрастно. Это была черта, присущая многим Романовым, но особенно проявившаяся в Императоре Николае II. Некоторые недобросовестные или духовно нечуткие люди спешили обвинить молодого Императора в беспечности, бессердечности и даже инфантильности. Одним из них был лейб-хирург Вельяминов: *«На другое утро после смерти Государя, я еще взволнованный выходил из дворца и на подъезде встретил молодого Царя, о чем-то разговаривав-*

шего с графом Воронцовым. Здраваясь, я спросил молодого Государя, как он провел ночь, и добавил: “представляю себе, какие тяжёлые минуты вы должны были пережить за эти последние сутки”. Молодой Государь, казавшийся на вид совершенно покойным, ответил мне: “Мы с графом так воспитаны, что ни в какие, даже самые тяжёлые минуты, не волнуемся и не теряем присутствия духа”. Не скрою, что эта фраза меня очень удивила, и я потом не раз вспоминал ее. Странно было слышать эти слова от молодого человека, только что потерявшего любимого всеми отца и менее суток тому назад принявшего на себя всю тяжесть ответственности, падавшей на Самодержавного Царя России, да еще сказанные человеку, близко стоявшему к отцу и имевшему возможность хорошо оценить только что произошедший исторический момент»^[494].

Вельяминов так и не понял, что своим бестактным, неуместным и неумным вопросом он лишний раз доставил душевную боль Государю, который ответил единственно возможным при данных обстоятельствах способом. Такими отговорками, внешне бесстрастным поведением Император Николай II и в дальнейшем будет скрывать от посторонних свои душевные страдания. А жестоковейные его подданные сначала в сплетнях, а затем и в мемуарах будут рассуждать о царском бессердечии и апатии. Эти рассуждения растащат по своим «трудам» сотни большевистских историков и писателей.

Конечно, потрясение Императора Николая Александровича было вызвано не только глубокой сыновней любовью и преклонением перед государевой мудростью почившего отца, но и страхом перед той колоссальной ответственностью за судьбы России, которая так неожиданно легла на его плечи. Великая Княгиня Ольга Александровна вспоминала, что в Ливадии, после прощания с усопшим Александром III, её Брат подошёл к ней, обнял её за плечи и зарыдал: *«Даже Аликс не могла его успокоить. Он был в отчаянии. Он то и дело повторял, что не знает, что будет с нами, что он совершенно не подготовлен управлять Империей»*^[495].

Об этом же писал Великий Князь Александр Михайлович: *«В эту минуту в первый и в последний раз в моей жизни я увидел слёзы на его голубых глазах. Он взял меня под руку и повел вниз в свою комнату. Мы обнялись и плакали вместе. Он не мог собраться с мыслями. Он сознавал, что стал Императором, и это страшное бремя власти давило его. “Сандро, что я буду делать! – патетически воскликнул он. – Что теперь будет с Россией? Я ещё не подготовлен быть Царём! Я не могу управлять Империей. Я даже не знаю, как разговаривать с министрами”»*^[496].

Конечно, к мемуарам Александра Михайловича следует относиться осторожно: он был склонен к преувеличениям. Однако ничего странного в такой реакции молодого Государя, при присущих ему ответственности и чувстве долга, нет. Самодержавный Царь тем и отличается от диктатора или

президента, что относится к власти как к тяжкому испытанию, посылаемому Господом, а не как к сладостной награде или престижной профессии. Поэтому иной реакция Николая II на вступление на престол быть не могла.

Однако эта реакция позволила некоторым людям, многие из которых вообще не знали Императора Николая II, утверждать, что он был совершенно неопытен, ничего не понимал в государственных делах, к которым относился с легкомыслием. Так, тот же Вельяминов утверждал, что новый Царь *«совершенно не оценивал всего значения для России и для него самого происходившего в Ливадии. Мне казалось, что все время он, для будущего Самодержца, держал себя слишком пассивно, ни в чем не проявляя своей личности, и, не скрою, это пугало меня за наше будущее»*^[497]. Эти свои предположения Вельяминов обосновывал исключительно на приводимом выше ответе Государя на его бестактный вопрос.

Намного позднее, задним числом, недоброжелатели Николая II стали приводить «доказательства» его неподготовленности и отсутствия способностей государственного деятеля. Заметим, кстати, что и Вельяминов писал свои мемуары после революции в Советской России. Классическим «свидетельством» о неподготовленности Николая II к государственной работе являются воспоминания С. Ю. Витте, который винил в этом покойного Александра III. Витте писал, что на вопрос Царя, кого следует назначить председателем Комитета по строительству Великого Сибирского пути,

он назвал имя Наследника Цесаревича, на что Александр III ответил: *«Да ведь он совсем мальчик; у него совсем детские суждения: как же он может быть председателем Комитета?»*^[498] И хотя, со слов Витте, Александр III всё же назначил своего сына главой Комитета, в памяти читателя непременно оставались слова: «мальчик» и «детские суждения». Напомним, что на момент разговора Николаю Александровичу было около 23 лет. Назвать этот возраст «детским», конечно, нельзя, особенно для того времени. Далее в своих воспоминаниях Витте прямо указывал: *«Новый Император, несомненно, очень любил своего отца и потому был огорчён его смертью; независимо от того, что он был смущён своим новым положением, к которому совсем не был подготовлен»*^[499].

По утверждениям В. И. Гурко, Управлявший Морским министерством адмирал Н.М. Чихачев говорил ему, что *«Наследник – совершенный ребенок, не имеющий ни опыта, ни знаний, ни даже склонности к изучению широких государственных вопросов. Наклонности его продолжают быть определено детскими, и во что они превратятся, сказать невозможно. Военная строевая служба – вот пока единственное, что его интересует. Руль государственного корабля [выпал] из твердых рук опытного кормчего, и ничьи другие руки в течение, по всей вероятности, продолжительного времени им не овладеют. Куда при таких условиях направит свой курс государственный корабль – Бог весть»*^[500].

Оценивая степень правдивости воспоминаний В. И. Гурко, следует учесть, что их автор был осуждён за расхищение казенных средств и помилован Никодемом II. Это не помешало Гурко впоследствии стать активным членом Прогрессивно-го блока и участником антицарского заговора 1916–1917 гг. Всё это, однако, не мешает д. ист. н. С. Л. Фирсову всецело доверять словам Гурко и считать, что *«Чихачев оказался прав – Николай II мог лишь играть роль политического эпигона собственного отца, который не успел даже довести до Наследника свою волю – духовное завещание Александра III, о котором он говорил Императрице незадолго до кончины, не нашли»*^[501].

Младшая сестра Государя Ольга Александровна, разумеется, с чужих слов, так как в 1894 г. ей было всего 12 лет, объясняла, что в неподготовленности ее брата к царствованию повинен её отец, который *«даже не разрешал Ники присутствовать на заседаниях Государственного Совета вплоть до 1893 года. Почему – не могу объяснить. Но промах был допущен. Я знаю, Папа не любил, чтобы государственные дела как-то мешали нашим семейным отношениям, но ведь, в конце концов, Ники был его наследником. И какой страшной ценой пришлось платить за этот просчёт! Конечно, мой отец, который всегда отличался богатырским здоровьем, не мог даже предположить, что конец его наступит так рано. И все же ошибка была совершена»*^[502].

Но была ли совершена эта «ошибка» в действительности?

Насколько правдивы утверждения о том, что Николай Александрович до 1894 г. рос беззаботным юношей, не принимавшим никакого участия в государственных делах? Объективные факты дают нам ответы на эти вопросы.

Не находят подтверждения сведения о том, что Николай Александрович не участвовал в работах государственных учреждений до 1893 г. В Журнале чрезвычайного торжественного заседания Государственного Совета от 8 мая 1889 г. говорилось: «8-го сего мая к часу дня *Его Императорское Высочество Государь Наследник Цесаревич и Великий Князь Николай Александрович* прибыл в Маринский дворец^[503]. Будучи встреченным Государственным секретарём со старшими чинами Государственной канцелярии, *Его Высочество* изволил проследовать в помещение Государственного Совета, где Государю Наследнику Цесаревичу были представлены собравшиеся для участия в заседании члены. Приветствовав их, *Его Высочество*, в сопровождении Председателя и членов Совета, вступил в присутственную комнату, где изволил занять первое по правую сторону Председателя место. Тогда заседание было открыто прочтением именного Высочайшего Указа Государственному Совету от 6 мая о назначении *Его Высочества* членом Совета, после чего всем Собранием принесено было Государю Наследнику Цесаревичу поздравление. Затем Государственный секретарь поднёс присягу членов Государственного Совета, которую *Его высочество* по прочтении, изволил подписать»^[504]. То

есть участвовать в работе высших государственных структур Цесаревич начал с 20 лет. Кроме того, Николай II получил прекрасное образование, которое во многом восполняло недостаток практического опыта.

В 1889 г. Цесаревич стал членом Комитета министров, а в 1892 г. он также вошёл в состав Комитета финансов. В дневниках Цесаревича мы неоднократно встречаем сведения о его активном участии в работе как Государственного Совета, так и других высших государственных органов Империи. Запись за 8 января 1890 г.: *«Завтракал у себя. В час было заседание Государственного Совета»*^[505]. 30 января: *«После завтрака поехал в Комитет министров. Заседание длилось 1 ½»*^[506]. 5 февраля: *«После легкого завтрака у себя поехал в Государственный Совет»*^[507]. 20 февраля 1890 г.: *«В 1 час поехал в Комитет министров. Спорили по вопросу нефтепровода на Кавказе. Затянулось до 4 ч.»*^[508]. 28 февраля 1890 г.: *«В час имел 14 заседание Особого Комитета»*^[509]. 4 марта 1890 г.: *«После завтрака у себя поехал в 13 заседание Комитета министров»*^[510]. 23 марта 1890 г.: *«Короткое заседание Государственного Совета»*^[511]. 24 марта 1890 г.: *«Отправился на заседание Комитета министров. Там меня томили более 2 часов»*^[512].

Мы специально остановились на записях 1890 г., так как он предшествовал и созданию Комитета по строительству Сибирского железнодорожного пути, и Комитета по борьбе с голодом. Это было время, когда Император Александр III

был в полном здравии, а Цесаревичу не было ещё и 22 лет. Такие же записи мы можем встретить в записях дневника и в 1891–1893 гг.

В начале 1894 г. посещения Государственного Совета и Комитета министров стали для Наследника частым явлением: 10 января: «Завтракал и поехал в Государственный Совет». 17 января: «Съездил в полк и Государственный Совет». 18 января: «Был на заседании Комитета министров». 25 января: «Поехал на соединённое присутствие Сибирского и Департамента экономики; потом тоже самое с министрами». 31 января: «Поехал на короткое заседание Государственного Совета». 7 февраля: «Отправился в Государственный Совет». 14 февраля: «Поехал в Государственный Совет». 28 февраля: «В час поехал в Государственный Совет, где происходило обсуждение германского торгового договора. По-моему, это заседание походило скорее на толчение воды: все зависит от того, примет ли этот договор рейхстаг». 3 марта: «Пришлось встать и уехать в Государственный Совет, где происходило слушание чтения журнала предыдущего заседания о заключении договора с Германией, после чего этот журнал был подписан всеми». 7 марта: «Едва поспел позавтракать перед Государственным Советом. Там прошло дело о преобразовании министерства государственных имуществ в министерство земледелия». 22 марта: «После завтрака отправился в соединённое присутствие Комитета министров и Департамента государ-

ственной экономии»^[513].

Конечно, Цесаревич был молод, и прав А. Н. Боханов, когда утверждает: *«Сидеть в Государственном совете и Комитете министров, слушать споры и пререкания сановников по различным вопросам государственного управления было далеко не всегда интересно. Здесь было много рутинны, утомительных и продолжительных схоластических споров. И хотя Цесаревич своими обязанностями никогда не пренебрегал и аккуратно высиживал на заседаниях, но душа рвалась в родную и близкую гвардейскую среду, где был порядок, дисциплина, где он был нужен, где чувствовался дух товарищества и дружбы. Но его положение и здесь налагало ограничения: нельзя было забывать о своем происхождении и непозволительно было сближаться с кем-либо более положенного по службе»*^[514].

Следует отметить, что в Самодержавной России вопросы государственного управления принадлежали исключительно Государю Императору. Все остальные, включая Наследника престола, должны были выполнять только те поручения и приказания, которые давал Император. Как верноподданный и любящий сын Цесаревич Николай Александрович в точности выполнял то, что ему было поручено отцом. В 1891 г. Император Александр III принял решение о начале строительства Великого Сибирского железнодорожного пути. Ещё 17 апреля 1891 г. Царь известил Наследника Цесаревича, возвращающегося из большого путешествия, специальным

рескриптом на его имя: «*Ваше Императорское Высочество. Повелев ныне приступить к постройке сплошной, через всю Сибирь, железной дороги, имеющей соединить обильные дары природы сибирских областей с сетью внутренних рельсовых сообщений, Я поручаю Вам объявить таковую волю Мою, по вступлении вновь на русскую землю, после обозрения иноземных стран Востока. Вместе с этим возлагаю на Вас совершение во Владивостоке закладки, разрешённого к сооружению за счёт казны и непосредственным распоряжением правительства, Уссурийского участка великого сибирского рельсового пути. Знаменательное участие Ваше в начинании предпринимаемого дела послужит полным свидетельством душевного Моего стремления облегчить сношения Сибири с прочими частями Империи, и тем явить сему краю, близкому Моему сердцу, живейшее Моё попечение о мирном его преуспеянии. Призываю благословение Господа на предстоящий Вам продолжительный путь по России. Пребываю искренно Вас любящий АЛЕКСАНДР*»^[515].

10 декабря 1892 г. был создан Комитет Сибирской железной дороги, который по указу Августейшего отца возглавил Цесаревич Николай, в именном рескрипте которому Александр III писал: «*Да поможет Вам Всевышний осуществить предприятие, столь близко принимаемое Мною к сердцу, совместно с теми предположениями, которые должны способствовать заселению и промышленному развитию Сибири. Твёрдо верю, что Вы оправдаете надежды Мои и дорогой*

России»^[516]. В Комитет входили крупнейшие государственные чиновники Империи: министры внутренних дел граф Д. А. Толстой, военный генерал П. С. Ванновский, государственных имуществ М. Н. Островский, финансов С. Ю. Витте, путей сообщения А. К. Кривошеин, государственный контролер Т. И. Филиппов. В день назначения Цесаревич записал в своём дневнике: *«Это дело великой важности меня глубоко занимает, и я примусь со рвением к его исполнению!»*^[517] Об этом же вспоминал и Витте: *«Наследник Цесаревич очень увлёкся этим назначением, принял его близко к сердцу; когда он сделался Императором, то сохранил за собою звание председателя Сибирского комитета и все время интересовался этим делом. <...> Я должен сказать, что когда Наследник стал председателем Комитета, то уже через несколько заседаний было заметно, что он овладел положением председателя, что, впрочем, нисколько не удивительно, так как Император Николай II – человек, несомненно, очень быстрого ума и быстрых способностей»*^[518].

Записи о работе в Комитете постоянно встречаются в дневнике Цесаревича. Естественно, что постоянно общаясь с ведущими государственными чиновниками, Николай Александрович получал опыт не только в строительстве Сибирского железнодорожного пути, но и обширную информацию по вопросам государственного управления. А. Н. Боханов замечает: *«Присутствие на заседаниях Государственного совета и Комитета министров расширяло кругозор, и хоть*

эти “сидения” особого удовольствия не доставляли, но позволяли многое и многих узнать и понять»^[519].

Летом 1891 г. на территории 29 губерний центральной части Российской Империи разразилась жестокая засуха, приведшая к огромному неурожаю в сельском хозяйстве и, как следствие, голоду среди большей части населения. В тот год в ряде губерний наблюдался сильный недород, и положение крестьян там сделалось критическим. 17 ноября 1891 г. по Высочайшему распоряжению был создан Особый Комитет для организации помощи голодающим под председательством Наследника Цесаревича Великого Князя Николая Александровича. Членами Комитета были назначены генерал-адъютант П.М. фон Кауфман, К. П. Победоносцев, М. Н. Островский, И. Н. Дурново, генерал-адъютант граф И. И. Воронцов-Дашков, гофмейстер граф С. А. Строганов. Заведование делопроизводством, то есть фактическое руководство Комитетом было поручено тайному советнику В.К. фон Плеве^[520]. Таким образом, Николай Александрович близко познакомился и тесно сотрудничал с ведущими государственными чиновниками, некоторых из которых он, став Императором, назначит на высокие государственные посты. Комитет собирал частные благотворительные пожертвования со всей России и распределял их по районам, охваченным бедствием. Всего было собрано Комитетом пожертвований свыше 13 млн рублей, из которых сам Николай Александрович пожертвовал на помощь голодающим 5 млн золо-

тых рублей из своего наследства. Под эгидой Комитета оказывалась помощь всем нуждающимся без различия сословий: поддержка хозяйств, борьба с болезнями и эпидемиями, снабжение безлошадных дворов лошадьми, закупка кормов для скота и семян для полей, сбор пожертвований, организация благотворительных лотерей^[521].

Будущий Император тогда понял, как много в повседневной русской жизни нераспорядительности, халатности, преступного безразличия. Его, человека, ревностно исполнявшего свой долг, поражала нераспорядительность многих должностных лиц, приводившая часто к игнорированию своих прямых обязанностей, что неизбежно обостряло положение^[522]. Летом 1892 г., когда на восточные районы Европейской России стало надвигаться новое бедствие – холера, в письме Великому Князю Александру Михайловичу Цесаревич заметил: *«А холера-то подвигается медленно, но основательно. Это меня удивляет всякий раз, как к нам приходит эта болезнь; сейчас же беспорядки. Так было при Николае Павловиче, так случилось теперь в Астрахани, а потом в Саратове! Уж эта русская беспечность и авось! Портит нам половину успеха во всяком деле и всегда, и всюду!»*^[523]

Нелепо было бы также предполагать, что большое путешествие Наследника Цесаревича носило исключительно познавательно-развлекательный характер. В ходе этого турне Николай Александрович встречался с видными государственными и политическими деятелями, монархами и представи-

телями колониальных властей, имевших большой вес в своих метрополиях.

Во время болезни Александра III Цесаревич неоднократно выполнял некоторые его обязанности: принимал министров и особых порученцев. 20 января 1894 г. в дневнике Цесаревича читаем: *«Принимал многих. Читал доклады министров – военного и внутренних дел и управляющего морским министерством»*^[524]. 24 января: *«Читал морской доклад, потому что Папа́ ещё не занимается делами»*^[525]. В сентябре 1894 г. К. П. Победоносцев встретился с Цесаревичем и сказал ему: *«Государя надо устранить от текущих дел управления. Вам надо быть в Петербурге и заняться этими делами. Он говорит: Я готов»*^[526]. 7 октября Император Александр III почти полностью передал сыну ведение дел. Цесаревич записал в дневнике: *«Читал бумаги, привезённые фельдъегерем, которые Папа́ передал мне»*^[527]. Записи о включении Цесаревича в управление государственной жизнью Империи имеются за 8, 11, 18. Граф В. Н. Ламздорф свидетельствовал в своём дневнике от 14 октября: *«Начиная с момента ухудшения состояния, наступившего десятков дней тому назад, вскрытие и отправку почты, циркулирующей между Петербургом и Крымом, взял на себя Великий Князь Наследник Цесаревич. Государь ограничивается лишь тем, что ставит подпись и накладывает резолюции на тех бумагах, где это совершенно необходимо»*^[528].

Очевидно, что для того чтобы участвовать в работе Госу-

дарственного Совета, Комитета министров, читать важнейшие доклады и материалы – Наследник должен был обладать вполне определёнными знаниями и опытом государственного управления, хотя, конечно, он никогда до 1894 г. не принимал ответственных государственных решений. Об этом, собственно, свидетельствует и отношение Императора Александра III к знаниям и опыту своего сына, высказанное им накануне смерти. Великий Князь Константин Константинович свидетельствовал в своем дневнике 7 декабря 1894 г., что он спрашивал Николая II, *«слыхал ли он советы от Отца перед кончиной? Ники ответил, что Отец ни разу и не намекнул ему о предстоящих обязанностях. Перед исповедью отец Янышев спрашивал умирающего Государя, говорил ли он с Наследником? Государь ответил: нет, он сам все знает»*^[529].

Поэтому никакого «духовного» завещания, которого «не нашли», но о котором пишет С. Л. Фирсов, не существовало в природе. Знаменитое же «завещание Александра III», столь любимое в патриотической российской среде, является не более чем апокрифом, авторство которого неизвестно.

Таким образом, уровень подготовки Николая Александровича к моменту его вступления на престол был совсем не ничтожным. Из его ближайших предшественников только Император Александр II имел на момент своего воцарения большой и всесторонний опыт государственного управления. Ни прадед Николая II, Император Николай I, ни его

отец, Император Александр III, подобного опыта не имели. Дело было не в пресловутой «неопытности» Императора Николая II, а в том совершенно новом, чрезвычайном историческом моменте, при котором Николай II стал Императором. Легенда о «полной неопытности» Николая II появилась как реакция людей, которые по долгу службы не смогли справиться с возложенными на них задачами и искали себе оправдание в личности Царя, в его «неопытности», «слабоволии», «внушаемости», «упрямстве» и «коварности».

Глава 4. На заре царствования

В 16 час. ½ 20 октября 1894 г. пушечные выстрелы возвестили о кончине Императора Александра III. В пятом часу дня на площади перед Большой Ливадийской церковью протопресвитер Иоанн Янышев на Святом Евангелии начал приводить к присяге новому Государю Императору Николаю Александровичу. Первыми присягали Наследник Цесаревич Георгий Александрович, Великие Князья, затем чины дворца и свиты, служащие, затем нижние чины сводно-гвардейского батальона, Дворцовой полиции и Конвоя Его Величества. Перед присягой протопресвитер Иоанн Янышев зачитал первый Манифест Императора Николая II: *«Богу Всемогущему угодно было в неисповедимых путях Своих прервать драгоценную жизнь горячо любимого Родителя Нашего, Государя Императора Александра Александровича. <...> Гора Нашего не выразить словами, но его поймет каждое русское сердце, и Мы верим, что не будет места в обширном Государстве Нашем, где бы не пролились горячие слёзы по Государю, безвременно отошедшему в вечность и оставившему родную землю, которую Он любил всею силою Своей русской души и на благоденствие которой Он полагал все помыслы Свои, не щадя ни здоровья Своего, ни жизни. <...> Мы же в этот скорбный, но торжественный час вступления Нашего на Прародительский Престол Российской Империи и*

нераздельных с нею Царства Польского и Великого Княжества Финляндского вспоминаем заветы усопшего Родителя Нашего и, проникшись ими, приемлем священный обет перед лицом Всевышнего всегда иметь единою целью – мирное преуспеяние, могущество и славу дорогой России и устройство счастья всех наших верноподданных, Всемогущий Бог, Ему же угодно было признать нас к сему великому служению, да поможет нам»^[530].

Текст манифеста поручили написать не К. П. Победоносцеву, как это было обычно, а начальнику Главного управления уделов князю Л. Д. Вяземскому^[531]. В этом некоторые усмотрели «закат» влияния Победоносцева на государственные дела.

В день восшествия на престол Императора Николая II на один день был отменен траур и над Ливадийским дворцом был поднят Императорский штандарт. Россия обрела нового Государя. В этот же день в газете «Новое время» отец Иоанн Кронштадтский призывал: *«Не плачь и не сетуй, Россия! Хотя ты не вымолила у Бога исцеление своему Царю, но вымолила зато тихую, христианскую кончину, и добрый конец увенчал славную его жизнь, – а это дороже всего. Теперь люби также его Наследника, Императора Николая Александровича, получившего от Державного Отца своего завет – идти по следам его»^[532].*

Между тем первые дни царствования были особенно тяжелы для Николая II. Со всех сторон ему шли депеши, зада-

вались вопросы, давались советы. Нужно было отвечать на поток телеграмм соболезнований, заниматься организацией похорон усопшего Родителя, согласовывать план траурных мероприятий. *«Целый день отвечал на телеграммы с Аликс, а также занимался делами с последним фельдъегерем»*, – писал Государь в дневнике от 21 октября. *«Только и делал, что отписывался от кучи телеграмм»*, – говорится в дневниковой записи за 22 октября. Одновременно встал вопрос о предстоящем бракосочетании, где, как и когда его проводить.

Миропомазание Принцессы Алисы Гессен-Дармштадтской

Принцесса Алиса сразу же при приезде в Россию изъяснилась о своём желании стать православной. Однако тяжёлые обстоятельства последних дней жизни Императора Александра III не давали быстро исполниться ее решению. Более того, многие в Семье считали, что Принцесса должна вернуться в Дармштадт и ждать свадьбы до весны 1895 г. Но Николай II этому резко воспротивился, заявив, что женится на Аликс в самом ближайшем будущем. Этому должно было предшествовать миропомазание Невесты. Государя поддержал обер-прокурор Св. Синода К. П. Победоносцев. 20 октября он направил молодому Царю письмо: *«Вся Россия давно жаждет видеть Невесту Вашу православной. Она са-*

ма жаждет этого; этого желал в Бозе почивший Родитель Ваш. Вы этого желали всей душой. В его болезненном состоянии трудно было приступить к нему с решением этого великого дела, и оно не успело состояться до кончины его. Теперь какое бы счастье, какое утешение для народа, если б можно было б приступить к нему немедленно – пускай среди горя, но на самом пороге нового царствования. Завтрашний день – день восшествия на престол, считается днем не траурным. Что мешает завтра же совершить священнодействие? Оно не требует ни оповещения, ни присутствия многочисленных официальных свидетелей, может свершиться просто и тихо. Вся Семья собрана теперь в Ливадии. Приготовлений никаких не нужно»^[533].

21 октября в Крестовоздвиженской церкви Ливадийского дворца в семейной скромной обстановке состоялось миропомазание Принцессы Алисы, которое совершил отец Иоанн Кронштадтский. В тот же день был издан второй Манифест Императора Николая II, в котором сообщалось: «Сегодня совершилось Священное Миропомазание над Нареченною Невестой Нашей. Прияв имя Александры, Она стала Дщерью Православной Нашей Церкви, к великому утешению Нашей и всяя России. <...> Возвещая всем верным Нашим подданным о сем желанном событии, повелеваем Высоко-нареченную Невесту Нашу Её Великогерцогское Высочество Принцессу Алису именовать Благоверною Великою Княжною Александрою Феодоровною, с титулом Императорско-

го Высочества»^[534].

Своё новое имя она получила в честь Святой-Мученицы Царицы Александры, а отчество, так же как и многие русские императрицы иностранного происхождения, от Федоровской иконы Божьей Матери, которой благословили на царство первого Царя из Рода Романовых. Тогда в маленькой ливадийской церкви никто не знал, что многие в ней собравшиеся будут прославлены как святые Русской Церкви: Царь-Мученик Николай, Царица-Мученица Александра, Преподобномученица Великая Княгиня Елисавета, Праведный Иоанн Кронштадтский.

Император Николай II записал в дневнике: *«И в глубокой печали Господь дает нам тихую и светлую радость: в 10 час. в присутствии только семейства моя милая дорогая Аликс была **миропомазана** и после обедни мы причастились вместе с нею, дорогой Мама и Эллой. Аликс поразительно хорошо и внятно прочла свои ответы и молитвы!»*^[535] Директор канцелярии Министерства иностранных дел Князь В. Н. Оболенский писал графу Ламздорфу, что *«Принцесса красива и что она произвела на него наилучшее впечатление»*^[536].

Похороны Императора Александра III

Тело усопшего Императора пролежало в Ливадийском дворце пять дней. 21 октября Государь записал в дневник:

«Выражение лица у дорогого Папа́ чудное, улыбающееся, точно хочет засмеяться!»^[537] Все это время в Москве и Петербурге готовились погребальные церемонии. В Ливадии ждали прибытия из Петербурга и Харькова профессоров И. Ф. Клейна, Д. Н. Зернова и М. А. Попова, которые должны были произвести вскрытие, а также доставку двух гробов металлического и дубового для транспортировки тела в столицу. Было решено, что прощание с покойным пройдёт в Московском Кремле, а затем в Петербурге в Петропавловском соборе состоятся прощание и похороны.

22 октября, из-за быстро начавшегося разложения, тело Покойного было перенесено с верхнего этажа на нижний и помещено под иконами в большой комнате. У изголовья священники поочередно читали Святое Евангелие и псалмы. Вечером того же дня было осуществлено вскрытие, которое признало, что *«Император Александр скончался от паралича сердца при перерождении мышц гипертрофированного сердца и интерстициальном нефрите (зернистой атрофии почек)»*^[538].

23 августа в Ливадию прибыл пароход, доставивший золотую корону и шашку Императора, которые должны были быть возложены на гроб, покрытый чёрной материей. Вечером 25 октября тело Императора Александра III, облачённое в мундир Лейб-гвардии Преображенского полка, было перенесено в Вознесенскую Ливадийскую церковь. Тысячи людей стекались со всего Крыма в Ливадию и окружали как

саму церковь, так и прилегающие к ней горы.

В 18 час. 40 мин. Государь, Великий Князь Георгий Александрович, великие князья и генерал-адъютанты под звон колоколов и церковные песнопения на руках вынесли гроб из дворца, где его приняли на носилках казаки Конвоя. Печальная процессия двинулась к церкви в окружении конвойцев, державших в руках факелы. Когда она подошла к храму, солдаты взяли на-караул и горнисты затрубили военной сигнал «В поход!», затем он оборвался, и над процессией поплыли торжественные аккорды духовного гимна «Коль славен наш Господь в Сионе...». Гроб был установлен в церкви, где была отслужена панихида. После этого началось прощание крымчан с покойным Государем. В течение всей ночи люди разных сословий, богатые и бедные шли, чтобы поклониться Усопшему. Число желающих проститься было столь велико, что многие из них не сумели попасть в церковь и пытались это сделать на следующий день^[539]. С Покойным прощались также солдаты и офицеры воинских частей, расположенных в Крыму.

Ощущение, что любимый отец покинул дом, угнетающе действовало на Государя: «*Вернулись в пустой дом разбитые нравственно!*»^[540] Всё вокруг напоминало об отце, о днях, которые они проводили вместе: «*Сидели у моря, на том месте, где ещё недавно были вместе с незабвенным Папá*».

27 октября, после заупокойной литургии, гроб с телом почившего Императора был вынесен из церкви, установлен на

катафалк. Процессия двинулась пешком в Ялту. Ни Государь, ни его Матушка, ни Великие Князья и Княгини не согласились сесть в экипажи и весь долгий путь проследовали пешком. Император Николай II был одет в мундир Лейб-гвардии Преображенского полка с Андреевской лентой через плечо. На пирсе Ялты, гроб был поставлен на Государев катер и доставлен на крейсер «Память Меркурия». Николай II взошёл на борт крейсера, и на грот-матче был поднят Императорский штандарт. «Память Меркурия» взял курс на Севастополь. Ялта провожала Почившего Государя ружейными и орудийными залпами. «Картина была величественная, не поддающаяся описанию, оставившая на всю жизнь память о безвременно почившем Монархе», – писали в те дни «Московские ведомости»^[541].

28 февраля крейсер с прахом Царя-Миротворца встречала на рейде Севастополя вся Черноморская эскадра. Николай II записал в дневнике: «*Вся эскадра стояла выстроенная в одну линию, совершенно как месяц тому назад. Но Боже! Какая ужасная разница с того раза, каким весёлым смотрел тогда Севастополь!*»^[542] Черноморский флот был обязан Императору Александру III своим возрождением: на момент его вступления на престол флот насчитывал несколько вооружённых пароходов и ни одного броненосца. К концу царствования Императора Александра III Черноморская эскадра состояла из 15 эскадренных броненосцев, 3 броненосцев береговой обороны, 10 крейсеров 1 и 2 рангов, 14

канонерских лодок и 72 миноносцев. Боевые корабли артиллерийским салютом встретили покойного Императора. Гроб был перенесён на пристань. Как сообщали «Московские ведомости»: *«Тысячи из народа вместе с Государем Императором и Царской Семьёй чувствовали потерю и рыдали»*^[543]. После панихиды саркофаг был помещён в траурный вагон специального поезда. Император Николай II, Императрица Мария Феодоровна, Великая Княжна Александра Феодоровна и другие члены Семьи следовали в Императорском поезде, шедшим сразу вслед за траурным. Цесаревич Георгий Александрович из-за своей болезни не мог поехать вместе с родными на похороны отца: ему нужно было возвращаться на Кавказ. *«И в этом горе было ещё грустное расставание с дорогим Георгием»*, – с горечью отметил Николай II в своём дневнике^[544]. Те же чувства испытывал и Георгий Александрович. Ему было ещё тяжелее: он возвращался в своё кавказское «изгнание», один на один с постигшим горем. *«Грустный день для меня, – писал он в дневнике. – В ½ 9 поехали в церковь, и после литии вынесли гроб и понесли его в Ялту. Печальное было это шествие, кто мог предполагать, что дорогой Папа́ так уедет из Ливадии. Боже, как это тяжело. Бедная Мама́ провозжала гроб пешком до самого мола: несли гроб стрелки, казаки и матросы. Народу было масса, и всё это плакало. Шли большие двух часов, и после литии на моле гроб был перенесён на “Память Меркурия”, и в ½ 12 мы пошли в Севастополь. Грустное было это пребывание в*

Ливадиш: приехали мы в надежде, что Папа́ поправится, но вышло иначе. Пришли в Севастополь в ¾, и там было очень холодно. Когда пристали, гроб был перенесён в вагон, и бедного Папа́ увезли. В 5 часов пришлось проститься с Мама́, Ники, Аликс, Ксенией^[545], Сандро^[546], Мишей^[547], Ольгой^[548], тётей Аликс^[549], дядей Берти^[550], дядей Алексеем^[551] и тётей Ольгой^[552]. Это было ужасно тяжело, в особенности теперь, когда бедный Папа́ умер, на похороны которого меня не пустили»^[553].

В начале шести часов вечера 28 октября траурный поезд остановился в Борках (Спасов Скит) Харьковской губернии, возле которых 6 лет тому назад Царская Семья спаслась во время крушения поезда. На платформе был выстроен почётный караул Пензенского полка и отслужена панихида в присутствии Государя. Остальные члены семьи молились в траурном вагоне. На панихиду были допущены все желающие.

Такие же остановки были в Харькове, Курске, Орле, Туле. Всюду десятки тысяч людей приходили проститься со своим почившим Царём. Во всех городах магазины были закрыты, торговля не велась, а улицы и площади были затянуты чёрным сукном. Чувство горя, потери постоянно довлело над Императором Николаем II. «Выспался хорошо; но как только приходишь в себя, сейчас же ужасный гнёт и тяжёлое сознание совершившегося возвращаются в душу с новой силой!» Присутствие любимой невесты помогало Царю переносить горе: «Для меня присутствие ненаглядной Аликс в

поезде, громадное утешение и поддержка. Сидел с ней целый день», – писал Николай II в своём дневнике^[554]. Александра Феодоровна, на которую тоже удручающе действовала обстановка каждодневных траурных мероприятий и панихид, писала своей дармштадтской подруге Тони Беккер: «Единственное утешение – иметь возможность молиться вместе с моим бедным мальчиком, уже совсем скоро как его жена, быть постоянно рядом с ним, помогать ему и утешать. Это очень тяжело оказаться на таком ответственном посту в таком юном возрасте – но ему будет помогать Милосердный Бог и молитвы его благоверной. Дивный Крым – как тяжело было его покидать, и как я благодарная судьбе, что ещё раз увиделась с его дорогим отцом»^[555].

Вечером 30 октября траурный поезд прибыл в Москву. Встречать поезд прибыли генерал-губернатор Москвы Великий Князь Сергей Александрович с Великой Княгиней Елизаветой Феодоровной, Великий Князь Михаил Николаевич, Принц А. П. Ольденбургский, митрополит Московский и Коломенский Сергей (Ляпидевский), министр внутренних дел И. Н. Дурново, заведующий Дворцовой частью в Москве А. Д. Столыпин^[556], московский губернатор А. Г. Булыгин и другие. При выносе гроба из поезда на площадь, во время панихиды при возгласе «Вечная Память!», Государь и вся Царская Семья опустились на колени. Вслед за ней на колени опустилась огромная масса народа, стоявшая на площади. Затем траурная процессия во главе с Императором Ни-

колаем II двинулась через Красные Ворота, по Мясницкой улице, Лубянской площади, Китайскому проезду, Театральной и Воскресенской площадям, через Иверские ворота на Красную площадь и через Никольские ворота в Кремль. Когда процессия проходила мимо Иверской часовни, Государь зашёл в неё и приложился к иконе Божьей Матери. Катафалк был встречен на паперти Архангельского собора Кремля высшим духовенством, а затем Николай II, великие князья и генерал-адъютанты подняли гроб и на руках внесли его в усыпальницу русских Царей Рюриковичей. По усопшему Монарху были отслужены панихиды, а затем священники круглосуточно читали над гробом Евангелие и Псалтырь. По приказу Императора Николая II для народа при московских монастырях и народных столовых были устроены щедрые застолья. Обеды состояли из щей с говядиной (на каждого человека полагался один фунт говядины), фунт хлеба печёного, большого пирога с начинкой и горохового киселя, а также мёда и пива. Во всех местах было определено выдать 24 тыс. 800 обедов, но на самом деле было выдано намного больше^[557]. За обедами давалось всего в таком изобилии, что многие хлеб и пироги забирали с собой на дом.

С вечера был открыт доступ в Архангельский собор для прощания с покойным Императором, которое продолжалось почти сутки. Днём и ночью люди шли проститься с Царём-Миротворцем. Корреспондент «Московских новостей» дал описание этого народного прощания: «*В благоговейной*

тишине проходят мимо гроба своего Государя целые вереницы людей, и каждый проливает слезу над прахом Великого Царя, каждый даёт ему “последнее лобзание”. Мужики в нагольных тулупах и полушубках, солдаты, торговцы, студенты, гимназисты – все поспешили проститься с Великим Государем и пролить слезу над его прахом. Державная рука Усопшего была влажная от капавших на неё слёз прикладывавшихся. На ней смешались слёзы Государыни и её Державного сына со слезами всех русских людей, начиная от членов Царской Семьи и кончая самым бедным, самым отверженным сыном великой Руси. И в этом-то смешении слёз, пролитых над гробом усопшего Государя, свершилось великое, таинственное, недоступное будничному уму единение Русского народа со своим великим, возлюбленным Государем»^[558].

В 10 час. утра 31 октября Император Николай II в сопровождении Вдовствующей Императрицы, Великой Княжны Александры Фёдоровны и Великого Князя Сергея Александровича принял в Георгиевском зале Кремля представителей московского дворянства, других сословий, духовенства, земств, иностранных консулов. Обращаясь к ним, Государь сказал: «Тяжко и больно быть теперь в Москве, которую так искренно любил Мой незабвенный Батюшка. Но Императрица и Я находим сердечное утешение в молитвах и тех слезах, которые вся Россия проливает в эти дни испытания. Да поможет мне Господь служить нашей горячо любимой родине так же, как служил Мой покойный Отец, и вести ее

по указанному Им светлomu и лучезарному пути »^[559].

Чего эта речь стоила Государю, видно из его дневника: *«Утром встал с ужасными эмоциями, т. к. в 9 ½ идя с Мама́ в Архангельский соб.[ор], через залы, должен был сказать несколько слов собравшимся сословиям в Георгиевском зале. Это сошло, слава Богу, благополучно!»*^[560]

31 октября вечером состоялся отъезд траурного поезда в Санкт-Петербург, где в родовой усыпальнице Дома Романовых соборе Св. Апостолов Петра и Павла, Император Александр III должен был быть предан земле. *«После литии гроб вынесли и поставили на колесницу, и мы снова тронулись тою же дорогою к станции. Таяло – идти было совсем тепло. В 12 ч. поезд тронулся. Пересели в Николаевский поезд в Химках и поехали дальше. Отдыхали в вагоне. В Твери была отслужена панихида. Все время сидел у своей дорогой Аликс»,* – отметил Государь в своём дневнике^[561].

26 октября в Петропавловском соборе слева от главного входа начали копать могилу. Техника погребения русских Императоров была довольно сложной. В полу собора делали продолговатое отверстие для склепа глубиной около 2,5 м («три аршина»), шириной 1,5 м и длиной 2,5 м. Стены могилы выкладывали камнем, а затем облицовывали медью и устанавливали специальные штыри для закрепления крышек саркофага^[562].

Траурный поезд прибыл в Петербург 1 ноября в 10 час. утра. Государь писал в дневнике: *«Пересели на ст. Обухове*

в траурный поезд и в 10 час. прибыли в Петербург. Горькое свидание с остальными родственниками. Шествие от вокзала до крепости продолжалось 4 часа, благодаря тому, что мосты на Неве были разведены. Погода стояла серая – таяло. После панихиды приехали в Аничков [дворец]. Каким он кажется опустевшим. Я больше всего боялся этой минуты для дорогой Мама́. <...> Порядочно устали за этот день! В 8 ч. поехал с Мишей на вечернюю панихиду»^[563].

Граф С. Д. Шереметев, сопровождавший тело покойного Императора в траурном поезде, оставил следующую запись в дневнике: *«Государь взойшёл в вагоне и стал у изголовья. Прочие Великие Князья и Воронцов окружили гроб. Владимир Александрович по правую руку Государя. В ту минуту, как нужно было поднять гроб, Государь обратился в мою сторону и крепко пожал мне руку. Такое внимание в такую минуту мне было очень дорого. Когда вынесли гроб, я вышел за ним из вагона. Долго стояли мы на площадке и на ступенях лестницы, пока дворцовые гренадеры не внесли гроб и не поставили его на катафалк»^[564].*

Ещё было темно, когда народ стал собираться на Невском проспекте, Сенатской площади, Английской и Университетской набережных, Биржевой площади и Александровскому проспекту, в тех местах, по которым покойного Царя должны были проводить в последний путь «всея Земли». Погода была тёплая, но сырая и над Петербургом висел густой туман. Огромной похоронной процессии предстояло проде-

лать путь от Николаевского вокзала до Петропавловского собора. Из-за продолжавшегося ледохода Троицкий и Дворцовые мосты, бывшие в ту эпоху ещё понтонными, были разведены, и весь путь, сопровождавшийся литиями у Казанского и Исаакиевского соборов, продолжался не меньше шести часов.

Очевидец генерал М. А. Свечин вспоминал: *«Молодой Император, в форме Преображенского полка (в котором смерть Его Отца застала Его командиром 1-го батальона) в легком пальто и барашиковой шапке, следовал пешком за катафалком. За ним следовал ряд траурных карет Императрицы, Великих Княгинь и Княжон и многочисленная Свита. Можно себе представить, какой ряд мыслей за столь долгий похоронный путь, терзал только что вступившего на престол Величайшей Российской Империи!»* ^[565]

За катафалком следовало духовенство, несшее хоругви, кресты и иконы, совершая заупокойные молитвы. Возглавлял духовенство митрополит Петербургский и Ладужский Палладий (Раев). Церемониймейстеры несли 52 знамени и 12 гербов главных владений Российской Империи. Во всё время шествия все храмы города вели похоронный перезвон колоколов, пушки Петропавловский крепости через определённый период времени давали артиллерийский салют.

В 14 час. катафалк с телом усопшего Царя был помещён в Петропавловский собор. Митрополит Палладий встретил Государя приветствием, которое заканчивалось пророчески-

ми словами: *«Августейшее имя Императора Николая Второго будет благословлено и прославлено в летописях народных в роды родов!»*^[566] После панихиды Государь последовал в Казанский собор, где приложился к чудотворной иконе Пресвятой Богородицы. После этого он вернулся в Аничков дворец. Затем началась подготовка к похоронам, которые были намечены на 7 ноября. Собор был открыт для народного прощания днем и в ночное время: с 22 час. до 8 час. утра. Как и в Москве, бесконечные толпы людей, самых разных сословий, пришли проститься с Царём-Миротворцем. В первый же день 1 ноября проститься с прахом Императора Александра III в Петропавловский собор пришло 14 тыс. 500 человек. Всего за 6 дней с покойным Монархом простилось 179 тыс. 500 человек, не считая военнослужащих и воспитанников военно-учебных заведений^[567]. По повелению Государя для народа были устроены поминальные обеды на 100 тыс. человек.

В течение всего ноября 1894 г. Зимний дворец посещало множество deputаций со всех концов Российской империи, которые приезжали, чтобы выразить верноподданнические чувства молодому Государю. Эти делегации достигали 500 человек за раз. Император Николай II принимал их в Николаевском зале. В этом зале Царь будет принимать большие делегации в течение всего своего царствования^[568].

2 ноября Государь принял членов Государственного Совета. Встреча происходила в Аничковом дворце. Император

Николай II обратился к членам Совета, выразив им от имени Почившего Государя глубокую благодарность за понесённые труды^[569].

3 ноября Николай II принял с докладом председателя Комитета министров Н. Х. Бунге, 4 ноября – министра иностранных дел Н. К. Гирса и министра финансов С. Ю. Витте.

7 ноября наступил день придания земле тела Императора Александра III. Государь, Императрица Мария Феодоровна, Великая Княжна Александра Феодоровна, Великие Князья и Княгини, представители иностранных династий и правительств прибыли в Петропавловский собор в 10 час. утра. На похороны Александра III также прибыли: король Дании Христиан IX, король Греции Георг I, принц Уэльский Альберт-Эдуард, князь Черногорский Николай, брат германского императора принц Генрих Прусский, брат императора Австро-Венгрии эрцгерцог Карл-Людвиг, всего более ста гостей из почти всех владетельных домов Европы^[570].

Ко времени их прибытия собор был уже наполнен духовенством, высшими сановниками, губернаторами, лицами свиты Его Величества. Чувства, переживаемые во время похорон Государем, отражены им в его дневнике за 7 ноября: *«Второй раз пришлось пережить те часы скорби и печали, какие выпали на нашу долю 20 октября. В 10 ½ началась архиерейская служба и затем отпевание и похороны дорогого незабвенного Папы! Тяжело и больно заносить такие слова сюда – всё ещё кажется, что мы все находимся в каком-то*

сонном состоянии и что вдруг! Он опять появится между нами!»^[571]

Граф С. Д. Шереметев также оставил воспоминания о прощании 7 ноября: *«Первою быстро подошла Императрица и опустилась до земли у самого гроба, её поддерживали. Государь и Великий Князь Владимир Александрович. Долго ее голова касалась подножья гроба. Потом быстро встала – подошла – поцеловала – взглянула – ещё поцеловала – зашаталась, и её отвели. <...> Государь подошёл – бледный – лицо исхудало – выражение горя великого. Приложился – поклон до земли. <...> Под конец Императрица подошла вторично – и когда крышку гроба держали над гробом – Государь быстро подошёл последним и простился ещё раз. Минута страшная и удивительная по своей простоте и правде. Гроб понесли к могиле. <...> Дворцовые гренадеры опустили медленно гроб в могилу. Раздались выстрелы. Казалось, все в соборе проникнуто одним порывом. Пропели Вечную Память, и началось движение. Государь и Императрица бросились один к другому – и отошли. Ещё немного и послышались голоса караула, впервые приветствовавшего нового Государя. В это время впервые перед ним преклонился штандарт»^[572].*

Император Николай II, выйдя из собора, приветствовал караул, отвечавший ему громким дружным «ура!». Затем Государь отбыл из крепости в открытой коляске вместе с Великим Князем Михаилом Александровичем. Густые массы народа, стоявшего по улицам, восторженно их приветствова-

ли, всюду слышалось пение гимна «Боже Царя храни»! Началось царствование Императора Николая II.

Бракосочетание Императора Николая Александровича с Великой Княжной Александрой Фёдоровной

Этого дня с нетерпением давно ждали Император Николай Александрович и Великая Княжна Александра Фёдоровна. Но ещё совсем недавно казалось, что он наступит не скоро, через год, полтора – не раньше. Однако смерть Императора Александра III стремительно приблизило его. 20 октября в связи с кончиной Царя был объявлен годичный траур, разделённый на 4 этапа, в первые два из которых он был особо глубоким. Брак же является праздником. Возникали вопросы, насколько он уместен с моральной точки зрения? Некоторые из ближайшего Царского окружения считали, что Великая Княжна должна вернуться в Дармштадт и там ждать окончание траура. Но Николай II *«не хотел, чтобы Аликс возвращалась в Дармштадт. Она была так нужна ему»*^[573]. Государь считал, что бракосочетание нужно совершить немедленно, в Ливадии, в скромной семейной обстановке, *«пока ещё дорогой Папа́ под крышей дома»*. Этого же мнения придерживалась и Императрица Мария Фёдоровна. Но большая часть Семьи, включая старших великих князей, находили это неудобным, полагая, что такого

рода события должны проходить в столице. Великая Княгиня Елизавета Феодоровна сообщала королеве Виктории: *«Эта свадьба будет семейной, как и свадьба Мама^{1574]}. Это не только их (Николая II и Александры Феодоровны. – П. М.) желание, но желание всей Семьи и всей России. Они смотрят на это как на свой долг и обязанность начать эту новую и трудную совместную жизнь, благословенную священным Таинством брака. Это будет скоро. Это последние дни, когда могут венчать, так как начинается Рождественский пост и потом можно только уже в новом году»^[575].*

Последующий до свадьбы период был нравственно очень тяжел для Великой Княжны Александры Феодоровны. С Женихом она виделась крайне мало, так как он всецело был занят участием в похоронных мероприятиях и государственными делами. Кроме того, многие окружающие встретили её холодно. Некоторые дамы высшего общества, например княжна А. А. Оболенская и графиня Е. А. Воронцова-Дашкова, не могли ей простить её неприятие светского общества. Ей претили шумные обеды, завтраки и игры, которым предавалось общество в Ливадии, в то время как умирал Император Александр III. Ей и в дальнейшем не будут прощать неприятие пышных и расточительных празднеств, балов и увеселений. Она была слишком независима, слишком проста и естественна посреди самомнения, цинизма и невероятной гордыни, чем характеризовались многие представители российской элиты того времени. Самой своей лично-

стью, своей искренней, почти детской верой в Бога, Государыня обличала русское общество, всё больше отступавшего от Него. Несмотря на то, что в юные годы Государыня была редкостно красивой женщиной, в ней с первых дней пытались найти «некрасивые», «немецкие» черты. Так, Витте, увидев её в первый раз 2 ноября 1894 г., нашёл, что *«новая Императрица была красива, хотя у неё всегда было нечто сердитое в складке губ»*^[576]. Неприятие своей будущей Государыни высказывал также и другой высокий сановник Империи, помощник министра иностранных дел граф В. Н. Ламздорф. Он, как и его начальник Н. К. Гирс, не находили будущую Императрицу красивой. Ламздорф явно испытывает удовольствие, когда пишет, что *«при Дворе её даже находили уродливой»*. Граф не брезговал сочинять самые невероятные сплетни об отношениях Николая Александровича и Александры Феодоровны, которую называл «неуклюжей». По словам Ламздорфа, Николай II, будучи ещё Цесаревичем, якобы *«избегал встречаться с ней, Государыне она тоже не понравилась; в очертании её рта находили какие-то признаки цельного, но неприятного характера»*. Ламздорф считал, что любовь Николая II к Невесте *«не соответствует действительности»*^[577].

Знаменитая петербургская салонная «профессиональная» сплетница генеральша А. В. Богданович записала в дневник: *«Молодую Царицу считают portemalheur'ом»*^[578], *«что всегда с ней идёт горе»*^[579]. З. Н. Гиппиус, уже в эми-

грации, заключала: *«Царица никому не нравилась и тогда, давно, когда была юною Невестой Наследника. Не нравилось её острое лицо, красивое, но злое и унылое, с тонкими, поджатými губами, не нравилась немецкая угловатая ростость»*^[580].

Брат Императрицы Александры Феодоровны герцог Эрнст-Людвиг Гессен-Дармштадтский в своих воспоминаниях утверждал: *«С самого начала многие родственники, особенно Михень»*^[581], *были настроены против неё. Они называли её “cetteraedeanglaise”*»^{[582][583]}.

Редким диссонансом звучали слова некоторых представителей Династии, лишённых склонности к интриганству. Так, Князь Императорской крови Гавриил Константинович вспоминал о своих впечатлениях от личности Государыни: *«Императрица Александра Феодоровна была писаная красавица, высокого роста, она держала голову немного набок. В её улыбке было что-то грустное. Редко можно встретить такую красивую и вместе с тем такую породистую эссенцию, с такими изящными манерами»*^[584].

Нельзя не согласиться с А. Н. Бохановым, который пишет, что *«оголтелый критический эстетизм невольно поднимает вопросы, которые у “гидов по лабиринтам русской истории”, как правило, никогда не возникают. А какая у неё должна была быть “фигура”, какая должна была быть “манера”, какие надо было иметь “складки”, чтобы вызвать симпатию? Можно смело сказать: таковых никогда бы не*

удалось отыскать. Потому и уместно речь вести не об облике, так сказать, “физике” Императрицы, а о психо-патологической природе самих представителей русского “общества”»^[585].

В чём была причина этой патологической ненависти к Императрице Александре Феодоровне со стороны этого общества? В том же, почему оно не принимало и не понимало Императора Николая Александровича. Царь и Царица были «не от мира сего», они оба несли в себе первозданную чистоту Святой Руси, которая превыше всего, всех благ и достижений, ставила любовь ко Христу и служение Ему. *«Любовь ко Христу – она была всегда так тесно связана с нашей жизнью в течение этих 22 лет!»* – писала Супругу Императрица Александра Феодоровна в 1916 г. Они были чисты душою и поступками, а это само по себе раздражало тех, кто был порочен. Чистота Царской Четы, её верность русским идеалам, её вера в Бога обличали отступников, маловеров и нечестивцев, и те не находили иного способа выразить своё неприятие к ней, кроме как через ложь и клевету.

Эта клевета, которой русское общество встретило Александру Феодоровну по её приезде в Россию, сначала глубоко ранила Государыню. *«Когда я была молода, – писала она Императору Николаю II в 1916 г., – я ужасно страдала от неправды, которую так часто говорили обо мне (о, как часто!), но теперь мирские дела не затрагивают меня глубоко»^[586].*

Всю дорогу от Ливадии до Петропавловского собора Великая Княжна следовала в похоронной процессии: *«Так, я въехала в Россию, – вспоминала потом Императрица Александра Феодоровна, – Государь был слишком поглощён событиями, чтобы уделять мне много времени, и я холодела от робости, одиночества и непривычной обстановки»*^[587].

В ходе семейных переговоров было принято решение прервать траур по покойному Императору на один день: 14 ноября 1894 г. – в день рождения Императрицы Марии Феодоровны.

Не у всех сановников это решение Государя вызвало согласие. Министр Императорского Двора граф И. И. Воронцов-Дашков попытался убедить Николая II повременить со свадьбой до конца траура. Со слов Воронцова-Дашкова, в пересказе его секретаря В. С. Кривенко, Царь *«закинулся, остался недоволен»*^[588]. С. Л. Фирсов спешит объяснить недовольство Царя тем, что тот *«почувствовал в графе опекуна, относившегося к нему, Самодержцу, покровительственно»*^[589]. Это навязчивое стремление присваивать Государю примитивное мышление свойственно не только С. Л. Фирсову. Оно полностью господствовало в советской историографии, а потом было унаследовано от неё большей частью российских историков. Фирсов поучительно замечает: *«Николай II не терпел вмешательства в те дела, которые считал “приватными”, и недостаточно понимал, что, как самодержавный монарх, лишен права на личную*

жизнь»^[590]. Примечательно, что Фирсов ухитрился в одном же абзаце опровергнуть самого себя. Так, объясняя причины, почему Государь так торопился со свадьбой, он справедливо пишет: *«Думая о судьбах царствования, Царь и решил не отдалять заключение брака, о котором говорилось как о священном завете почившего Монарха. Мотивация выглядела вполне серьезно – свадьба не царская прихоть, а насущная забота о благе государства»*^[591]. При чём же здесь нелепые мнимые «обиды» и «капризы» Царя? Естественно, ни при чём. Свадьба была вызвана государственной необходимостью. Николай II торжественной свадьбы не хотел, впрочем, как и его Невеста, но был вынужден на нее согласиться именно из-за соображений этой необходимости. Но Фирсову нужно нарисовать портрет «обидчивого» и «капризного» Государя, потому что это совпадает с рассуждениями Кривенко о «слабых натурах», которые *«не выносят кажущегося им над собой контроля»*, и утверждениями Витте о том, что Николай II был *«весьма самолюбивый и манерный Преображенский полковник»*. И хотя большинство оценочных утверждений из воспоминаний того же Витте опровергаются объективными фактами, Фирсову они нужны для создания негативного образа Императора Николая II. Для этого используется всё, в том числе и явные передергивания. Так, например, Фирсов пишет, что итогом недовольства Николая II Воронцовым-Дашковым должно было стать удаление графа *«из Министерства двора. И это произошло, но чуть позже»*^[592].

На самом деле Воронцов-Дашков был отправлен в отставку вовсе не из-за своей позиции по свадьбе, а за проявленную им конкретную бездеятельность на Ходынском поле в Москве в мае 1896 г., которая привела к несчастному случаю с массовыми жертвами. Впрочем, стоит ли удивляться этим умозаключениям г-на Фирсова, когда при написании книги у него в консультантах была такая одиозная личность как протоиерей Георгий Митрофанов, который называл Государя «политическим неудачником» и утверждал, что *«русский человек часто не умеет хорошо жить, но умеет хорошо умирать. Николай II, как русский человек не умел хорошо жить, но сумел хорошо умереть»*^[593].

То, что свадьба была вызвана вовсе не «самодурством» Императора, а её необходимостью для стабилизации положения Династии, а значит и государства, свидетельствуют те переживания, которые испытывали Государь и Государыня в день бракосочетания. *«Мне всё кажется, что дело идёт о чужой свадьбе – странно при таких обстоятельствах думать о своей собственной женитьбе»*, – записал Государь в дневник 13 ноября^[594]. Императрица Александра Феодоровна писала в письме к своей сестре Виктории о дне свадьбы: *«Я не могу говорить ни об этом дне, ни о печальных церемониях до того. Ты можешь представить себе его (Николая II. – П. М.) чувства. Один день в глубочайшем трауре, оплакивая своего дорогого, на другой день свадьба в прекраснейших одеждах»*^[595].

9 ноября 1894 г. Великий Князь Георгий Александрович из Абас-Тумана поздравил Государя с предстоящей свадьбой: *«Мой дорогой Ники! К сожалению, Ты не получишь это письмо ко дню свадьбы, но тем не менее я от всего сердца поздравляю Тебя и Аликс, будьте счастливы. Мне так грустно не быть на вашей свадьбе, я просто в отчаянии»*^[596].

Отвечая на письмо брата, Государь признавался: *«День свадьбы был ужасным мучением для нее и меня. Мысль о том, что дорогого, беззаветно любимого нашего Папа не было между нами и что Ты далек от семьи и совсем один, не покидала меня во время венчания; нужно было напрячь все свои силы, чтобы не разреветься тут в церкви при всех»*^[597].

Тем не менее свадьба Императора Николая II стала светлым и радостным событием в длинной череде похоронных дней. 13 ноября в Придворный собор Спаса Нерукотворного в Зимнем дворце были доставлены из Кладовой Камерального отделения: чудотворный образ Спасителя, в золотом окладе и ризе из драгоценных камней; образ Федоровской иконы Божией Матери, покровительницы Дома Романовых, в золотом окладе из драгоценных камней, два обручальных кольца с двумя солитерами, серебряное блюдо с солонкой.

В 8 часов утра 14 ноября 21 залп пушек Петропавловской крепости возвестил о предстоящей свадьбе Императора. Утром по установившейся традиции Императрица Мария Феодоровна заехала за будущей Невесткой во дворец

Великого Князя Сергея Александровича (более известного по имени его первых владельцев князей Белосельских-Белозерских) и отвезла ее в своей карете в Зимний дворец. По всему Невскому проспекту по пути следования Августейшей Невесты стояли «шпалерами» войска. Опять-таки по старой традиции в Малахитовой гостиной Великой Княжне уложили волосы перед золотым зеркалом Императрицы Анны Иоанновны, перед которым каждой царской или великокняжеской невесте делали прическу в день свадьбы^[598]. Императрица Мария Феодоровна сама надела бриллиантовую диадему на голову Александры Феодоровны. Эта диадема принадлежала Императрице Елизавете Алексеевне, супруге Императора Александра I. С тех пор все Великие Княжны одевали ее при венчании. Внутри диадемы была закреплена венчальная корона. Наряду с диадемой, надевавшейся вместе с короной, в этот набор входили длинные бриллиантовые серьги, изящная пряжка для платья и тяжелые браслеты. Поверх платья, обшитого серебряным шитьём, надели тяжёлые украшения из драгоценных камней, кроме того, платье имело длинный шлейф. Поверх платья на Александру Феодоровну была возложена мантия из золотистой парчи, отделанная горностаевым мехом. В этом одеянии будущая Императрица без самостоятельной помощи не могла сделать и шагу. Генерал Б. В. Геруа, бывший в 1894 г. камер-пажом и присутствовавший при бракосочетании Николая II, вспоминал: *«Помню, что тяжёлый, огромный, аришин*

в шесть шлейф серебряного подвенечного платья Императрицы несли и окрыляли 10 придворных, начиная с так называемых “первых чинов”, с прибавкой “овер”, и кончая нами – камер-пажами»^[599].

Государь, одетый в форму Лейб-гвардии Гусарского Его Императорского Величества полка, в сопровождении Великого Князя Михаила Александровича, в 11 ½ выехал из Аничкова дворца в Зимний. Пока Невесту одевали, Жених и его шаферы ждали в соседней Арапской столовой^[600], в которую, кроме вышеназванных лиц, больше никого не допускали, даже великих князей. Вход в гостиную охранялся двумя придворными арапами^[601]. Придворные чины были собраны в Концертном зале, военные – в Аванзале и Николаевском, гражданские – в Гербовом^[602]. После завершения церемонии одевания, в 12 ½ час. по полудни, начался «Высочайший выход перед свадьбой», торжественное шествие всей Императорской семьи и ближайшей свиты в Большую церковь Зимнего дворца^[603]. Среди гостей и присутствующих были коронованные особы, ранее прибывшие на прощание с Александром III, высшие сановники Империи, фрейлины Императрицы. Шаферами Государя были: Великий Князь Михаил Александрович, Великий Князь Кирилл Владимирович, Великий Князь Сергей Михайлович и принц Йоркский Георг. Шествие открывала Императрица Мария Феодоровна, которую вёл под руку её отец Датский король Христиан IX, за ними шёл Государь с Невестой^[604]. Б. В. Геруа вспоми-

нал: «Все направились в большую церковь дворца. В процессии этой бросался в глаза рост мужской части семьи Романовых. Большинство было высокого роста, а Великий Князь Николай Николаевич – ненормально высокого, легко превышая на голову любую толпу рослых людей. Молодой Государь был исключением и, будучи среднего роста, казался среди своих родственников маленьким»^[605].

Шествие проследовало через Николаевский зал, Аванзал, Большой Фельдмаршальский и Гербовый залы, где на хорах размещались корреспонденты газет, затем – через Пикетный зал и остановились возле Предцерковной комнаты. Двери церкви распахнулись, и молодых на пороге храма встретил протопресвитер Иоанн Янышев. Помимо него в таинстве бракосочетания участвовали протоиерей Иоанн Сергиев и придворное духовенство. Когда процессия вошла в церковь, грянул хор Императорской Певческой Капеллы, и торжественно-трогательный гимн «Гряди Голубице» наполнил своды дворцового храма.

Император Николай II встал на приготовленное место на возвышении. Вдовствующая Императрица ввела туда Невесту Государя и, оставив ее на возвышении, возвратилась на своё царское место^[606]. Великий Князь Константин Константинович на страницах своего дневника писал: «Странно и непривычно было слышать, когда о. Янышев читал: “Венчается раб Божий Благодетельнейший, Самодержавнейший Великий Государь Император Николай Александрович”. И вот

в первый раз после Государя называли Супругу Его, Благочестивейшую Государыню Императрицу Александру Феодоровну. Из церкви они шли уже впереди, а Вдовствующая Императрица с отцом за ними»^[607].

После совершения таинства брака митрополитом Палладием был отслужен благодарственный молебен, по окончании которого с бастиона Петропавловской крепости был дан артиллерийский салют из 301 залпа. При выходе из церкви в дар Молодоженам от Семейства был преподнесён большой серебряный лебедь.

После бракосочетания молодые в санях направились в Казанский собор, где приложились к Казанской иконе Пресвятой Богородицы. *«Народу на улицах была пропасть – едва могли проехать»*, – записал Государь в свой дневник^[608]. Перед выездом из Зимнего дворца Николай II велел убрать войска на пути их следования, и народ, *«толпившийся на улице, теснился вокруг царских саней, впервые после долгого времени, видя вблизи своего Государя»*^[609].

Из Казанского собора Император с Императрицей поехали в Аничков дворец, возле которого собралась громадная толпа. Когда Царская Чета приехала во дворец, толпа аплодировала ей под окнами в течение пяти часов. Государь с Государыней несколько раз показывались в окна народу.

По приезде в Аничков дворец Царь с Царицей были встречены почётным караулом Лейб-гвардии Уланского Ея Императорского Величества полка, а в самом дворце молодых

хлебом-солью встретила Вдовствующая Императрица Мария Феодоровна. Для неё прошедший день был и радостным и невероятно тяжёлым. Эти противоречивые чувства нашли отражения в её письме Великому Князю Георгию Александровичу в Абас-Туман 16 ноября 1894 г.: *«У нас два дня назад наш дорогой Ники женился. И это большая радость видеть их счастливыми. Слава Богу, этот день прошёл. Для меня это был настоящий кошмар и такое страдание. Эта церемония с помпой при такой массе народа! Когда думаешь, что это должно проходить публично, сердце обливается кровью и совершенно разбито. Это более чем грех. Я всё ещё не понимаю, как я смогла это перенести. Это было жутко, но добрый Бог дал сверхчеловеческие силы, чтобы перенести всё это. Без Него это было бы невозможно. Ты представляешь, как же должно быть страшно, несмотря на эмоции и резкую боль, присутствовать на свадьбе Ники без любимого Ангела Папа́. Однако я чувствовала его присутствие рядом с нами, и что он молился за счастье нашего дорогого Ники и что его благословение всё время снисходит на нас свысока»*^[610].

Однако свои чувства Мария Феодоровна, как могла, скрывала от посторонних. Внешне была равна, спокойна, исполнена доброжелательства. Императрица Александра Феодоровна писала сестре Виктории: *«Тётя Минни нежна и терпелива в своём величайшем горе. Она растрогала всех своей мягкостью»*^[611].

Но ещё больше впечатлило молодую Императрицу, с какой нежностью относился к своей Матушке её Венценосный Супруг: *«Его любовь к своей матери очень трогательная, и как он заботится о ней – так мягко и нежно»*^[612]. Чувства, которые переживал Государь в отношении своей Матушки, проявлялись на страницах его дневника: *«Словами не выразить, как тяжело, и как жаль дорогой Мама!»* Для того чтобы не оставлять свою мать одну, Император Николай II решил временно поселиться в Аничковом дворце, где он провёл первую зиму своего царствования. А. Н. Боханов отмечает: *«Повелитель огромной Империи, которому принадлежало несколько великолепных дворцовых резиденций, только из-за почтения к своей Матушке обрёк себя и Супругу на роль квартирантов»*^[613]. За Вдовствующей Императрицей Государь сохранил все прерогативы и привилегии: назначение статс-дам и фрейлин, заведование Ведомством Императрицы Марии и Обществом Красного Креста. На всех церемониях Вдовствующая Императрица занимала место впереди царствующей. За ней были сохранены все её прежние резиденции и Двор, всё содержание которого новый Монарх принял на свой счёт^[614].

14 ноября 1894 г. Император Николай II издал Высочайший манифест, в котором говорилось: *«Посреди глубокой скорби, коею преисполнены сердца Наше и всех верных сынов России, да будет день сей светлым вестником упований народных на продолжение к нам милости Божией в наступив-*

шее новое Царствование»^[615].

В тот же день Государем был издан ещё один Манифест, в котором в ознаменование бракосочетания населению были дарованы «милости и облегчения». Были уменьшены годовые платежи для заёмщиков Дворянского земельного банка, значительно уменьшены долги по продовольственным ссудам во время неурожая 1891–1892 гг., сокращены долги и ссуды Крестьянскому земельному банку, прощены многие штрафы и недоимки, каторжникам на год сокращён срок работ^[616].

Но помимо всенародного торжества, каким являлась свадьба Императора, 14 ноября 1894 г. соединились воедино два горячо любящих друг друга человека и, говоря словами Евангелия, стали «плотью единой». Этого счастья не могла скрыть ни трагическая обстановка, в которой состоялась их свадьба, ни того, что у них не предполагался медовый месяц, ни того, что им не успели приготовить собственной резиденции. В Августейших молодожёнах любовь светилась настолько сильно, что это замечали все и общим мнением стало убеждение, что они созданы друг для друга. Принц Йоркский Георг писал королеве Виктории в Лондон: *«Дорогая Аликс выглядела на свадьбе прелестно, служба была очень красивая и впечатляющая, а пение просто великолепное, она прошла через всё это очень скромно, но вместе с тем была так грациозна и вела себя с таким достоинством, что произвела превосходное впечатление. Думаю, что Ники очень*

повезло с такой прелестной и очаровательной женой: признаюсь, я никогда не видел более любящую и счастливую чету, чем они»^[617].

В те же дни Императрица Александра Феодоровна писала своей сестре Принцессе Виктории: *«Если бы я могла найти слова, чтобы рассказать о своём счастье – с каждым днём оно становится всё больше, а любовь всё сильнее. Я никогда не смогу достаточно возблагодарить Бога за то, что Он мне дал такое сокровище. Он такой хороший, дорогой, любящий и добрый»^[618].*

Теми же чувствами Император Николай II делился в письме к брату Георгию Александровичу: *«Я не могу достаточно благодарить Бога за то сокровище, какое он мне послал в виде жены. Я неизмеримо счастлив с моей душкой Аликс и чувствую, что так же счастливо доживём мы до конца жизни нашей»^[619].*

В этом Государь не ошибся. Как и не ошиблась его молодая Супруга, написавшая 26 ноября 1894 г., через две недели после свадьбы, в дневник мужу: *«Отныне нет больше разлуки. Наконец, мы вместе, связаны на всю жизнь, и когда земной придёт конец, мы встретимся опять на другом свете, чтобы быть вечно вместе»^[620].*

Глава 5. Начало царствования

Становление молодого Царя

Николай II в возрасте 26 лет стал в одночасье Главой огромного государства – Российской империи, которая была Самодержавной монархией. Императору Всероссийскому принадлежала неограниченная законодательная, исполнительная и высшая судебная власти. Статья 1 Основных государственных законов Российской Империи гласила: *«Император Всероссийский есть Монарх Самодержавный и Неограниченный. Повиноваться Верховной его власти не токмо за страх, но и за совесть сам Бог повелевает»*. Статья 51 тех же законов гласила: *«Никакое место или правительство в государстве не может само собой установить нового закона, и никакой закон не может иметь своего совершения без утверждения Самодержавной власти»*.

Самодержавие часто представляют как некий восточный деспотизм, ничем не удерживаемый и никем не ограниченный. Однако на самом деле понятие «Самодержец» несло в себе в первую очередь духовный, а не политический смысл. Самодержец имел самое тяжкое, самое жёсткое ограничение своей власти – ограничение верой, ответственностью за народ – Божие достояние. Самодержавие означало полное са-

моотречение личности во имя России, абсолютную личную ответственность за всё, что в ней происходило, полную бескорыстность монаршего служения^[621]. Царь отвечал за Россию перед Богом, народ отвечал за Россию – перед Царём. Эмигрантский историк Г. М. Катков писал: *«Получилось так, что Самодержавие как институт дает самые благоприятные условия для воспитания личности, совершенно чуждой стяжательству и низким инстинктам, той личности, о которой думал Достоевский, создавая своих положительных героев»*^[622].

Как верно пишет кандидат ист. наук М. Б. Смолин: *«“Самодержавная власть стоит выше всех частных интересов”, а потому она есть власть социально-нейтральная, уравнивающая разнонаправленные стремления общества. <...> Государь, прежде всего, лично ответственен за выход из тех чрезвычайных ситуаций, в которые попадает государство и которые никак не могут быть предусмотрены обычным законодательством, рассчитанным на результативное функционирование только в режиме стабильного и устойчивого общества»*^[623].

Безусловно, что Самодержавие являлось своеобразной формой русской демократии, то есть государственного строя, воспринимаемого большинством народа как справедливого^[624]. Профессор П. Е. Казанский писал, что сила, которой распоряжается русский Самодержец, *«есть сила русского государства, русская сила, русская мощь. Русское пра-*

во принимает все возможные меры для того, чтобы Верховная власть была просвещена всеми данными знания, гения и опыта, которыми обладает русский народ, чтобы она нашла себе организованную поддержку со стороны воли всех русских граждан, была в единении с ними, а равно, чтобы она могла действительно опираться на всю русскую мощь, так как только при этих условиях государство может двигаться вперёд»^[625].

Именно Самодержавие регулировало, примиряло и соглашало между собой огромное количество всевозможных и зачастую разнонаправленных социальных сил в русском государстве. Все народы и народности, сословные и родовые интересы, аристократические и демократические принципы находили своё место, свой смысл, свою службу в многосложном политическом организме Русской монархии, и беспристрастными третейскими судьями между ними выступали Государи Императоры, в числе личных интересов которых благо подданных, как и благо всего государства, занимало первейшее место^[626]. Самодержавная власть – сакральна, она стоит выше человеческого закона, выше народа и даже выше самого Монарха: *«Принадлежащая Государю Императору власть Верховна, Самодержавна и имеет Божественное освещение»*^[627]. Формула Самодержавия была выведена Иоанном Грозным: *«аз есмь Царь Божьим соизволением, а не многоятежным человеческим хотением»*^[628].

Идеологическое кредо Самодержавия прекрасно выразил

доктор ист. наук А. Н. Боханов: «Христианский Царь — это пастырь, паства его — весь христианский мир, и как первый и верный раб Господа он должен заботиться о пасомых, действовать справедливо, но беспощадно к отступникам и нечестивцам»^[629].

Российская Империя была крупнейшим государством мира. Её территория к концу XIX в. равнялась 21,8 млн км² (то есть 1/6 часть суши). Главную задачу Дома Романовых точно выразил Л. П. Решетников: «Призвание Дома Романовых на царство для нашей истории, важнейшее, переломное событие — это не просто избрание новой Династии, а согласие народа на несение нового Креста, на выполнение совершенно новой задачи: создание великой православной Империи, как цивилизационной альтернативы апостасийной, рационалистической западной гибельной цивилизации»^[630].

А. Н. Боханов разъяснял характер этой Империи: «Империя — мировое, вселенское устремление. Это — обязательно вселенская миссия. Если не существует подобного смыслового прорыва, выражающегося объективно и субъективно, то нет и “Империи”, вне зависимости от размеров государства и времени его существования. <...> Признание себя Империей представляет акт обручения с христианством, залог имперского строительства и донесения Истин Христовых до самых крайних уголков. Не случайно и Святая Русь — Третий Рим — не связывала себя собственными границами. Понятие “Святая Русь” означало духовно-нравствен-

ную принадлежность к определённой системе ценностей. В народном восприятии Святая Русь сливалась со Вселенским Православием. Святая Русь есть везде, где есть православная вера»^[631]. Один из идеологов русской консервативной мысли, писатель Н. И. Черняев, заключал, что в Российской Империи «на первом месте стояло не национальное, а религиозное сродство: русские люди царского периода нашей истории видели в греке или в валахе столь же близкого себе человека, как в сербе или в болгарине, на паписта же поляка смотрели как на человека совершенно чуждого, не придавая никакого значения его принадлежности славянству»^[632].

Об этой Божественной миссии русского народа писал и генерал М. К. Дитерихс: «Народу русскому, в его государственном историческом служении миру, был дан Богом вполне определённый смысл: служить на земле, сначала в своей семье, а затем и для других народов мира, хранителем величайшей идеи бытия, идеи установленной Христом в учении о Святой Троице в Едином Лице, и путём проведения в своей государственной жизни принципов, определяющих это понятие и истину. В основах учения Христа и лежат основные принципы русской государственной власти и начала идеологии исторического национально-религиозного самодержавного монархизма»^[633].

В Российской Империи все народы были равны перед Богом, Царём и законом. Всё это вместе взятое создавало особую Русскую Православную Цивилизацию. Только в Россий-

ской Империи представитель некоренного народа, в западном понимании «туземец», мог занимать государственные посты, в том числе и самые высокие. Понятие «метрополии» в Российской Империи отсутствовало. Доктор ист. н. А. Н. Боханов подчёркивает: *«Россия никогда не была “колониальной державой” в общепринятом смысле и тем качественно отличалась от западноевропейских империй. У неё никогда не было метрополии как таковой. Российская территориальная экспансия носила главным образом стратегический характер, диктовалась потребностями военной и государственной безопасности»*^[634].

В Российской Империи существовала уникальная система законодательства, позволяющая при наличии главенствующего общеимперского законодательства сохранять применение местные законы и обычаев. Так, в Польше и Прибалтике действовал кодекс Наполеона, а в мусульманских владениях законы Шариата. Мусульмане не только молились в мечети и учили сыновей на арабском языке в медресе, но и женились по законам шариата, то есть могли иметь положенных в исламе нескольких жен. Они заключали сделки по законам Хивинского ханства и вели деловую переписку на узбекском или арабском языках. Они платили налоги своему хану и могли служить в ханском войске. Законы Российской Империи давали ему на то полное право. Свои права на самоуправление имели армяне и грузины, вплоть до сохранения особых воинских частей, которые находились в оперативном

управлении Генерального штаба, но набирались в Грузии, приносили присягу на грузинском языке и шли в бой, повинаясь приказам на том же языке, под собственными знаменами. Причем в Грузии, например, каждая область имела свои традиции и обычаи, а города Грузии управлялись по разным уставам. В этом и заключается вненациональный, религиозный смысл сначала Московского Царства, а затем Российской Империи. Это были, так сказать, идеологические основы Империи, вне которых Николай II не мыслил своё служение России.

Став Императором, Николай II должен был сразу решать проблемы внешней и внутренней политики Российского государства. И. В. Зимин пишет, что *«министры немедленно “запрягли” молодого Царя в “бюрократическую телегу”*. Когда Император осознал объёмы ежедневной работы и уровень ответственности, обрушившейся на него, он просто впал в панику. Тем не менее, Николай II достаточно быстро адаптировался, пытаясь копировать стиль отношений отца со своими приближёнными. Это касалось и проблемы личного секретаря»^[635]. У Николая II его так и не появилось. Уже 16 ноября приёмы министров и работа с документами заняли у Государя практически весь день, и «милую Алику» он видел только час. 17 ноября Николай II с 11 час. утра до часу дня принял доклады министра внутренних дел И. Н. Дурново, заведующего Канцелярией прошений генерала О. Б. Рихтера и министра иностранных дел Н. К. Гир-

са. Дальше большую часть дня – работа с документами. 18 ноября у Государя было: с утра чтение докладов, приём министра финансов С. Ю. Витте, министра путей сообщения А. К. Кривошеина, а затем большой приём военных. 19 ноября Государь с утра работал с документами, потом принимал военного министра генерала П. С. Ванновского, министра Императорского Двора графа И. И. Воронцова-Дашкова, Государственного контролёра Т. И. Филиппова. И так каждый день. В первые дни Государь жаловался К. П. Победоносцеву, что он в буквальном смысле завален огромным количеством бумаг. На это обер-прокурор советовал *«отклонить от себя многое пустое, тем более что на его утверждение часто представляют решения только с тем, чтобы избежать ответственности»*^[636].

Действительно, Николаю II приходилось решать самые разные вопросы: от внешней политики до ремонта петербургского водопровода. Так, 12 марта 1898 г. Государю была подана Записка петербургского градоначальника *«О назревших нуждах столицы»*. В ней подробно разбирались санитарные условия Санкт-Петербурга, которые *«не удовлетворяют совершенно требованиям общественного здравоохранения»*. Государю пришлось знакомиться с тем, что из-за плохой очистки воды на каждые сто тысяч душ населения Петербурга приходится ежегодно 2600 смертей, и другими подобными сведениями. Причем Николай II не только ознакомился с этой информацией, но и принимал по ней решения.

Так, на сообщение градоначальника, что «*Святейший Синод не даёт согласия на совершенное прекращение захоронений в черте города*», Государь пометил: «*Пора бы это кончить. Обратить на этот вопрос серьёзное внимание*»^[637].

Государственные дела практически не оставляли Николаю II времени на личную жизнь. «*Невообразимо счастлив с Аликс, – писал Царь в своём дневнике, – жаль, что занятия отнимают столько времени, которое так хотелось бы проводить исключительно с ней!*»^[638] Между тем встречи с женой были быстрыми и короткими: час погуляли в саду, покатались на коляске, попили вместе чаю. «*Ники должен видаться с людьми почти целый день, – писала принцессе Виктории Императрица Александра Фёдоровна 10 декабря 1894 г. – а потом прочитывать свои бумаги и писать. Мы вместе только за чаем, вся остальная еда наверху, в окружении людей*»^[639]. В доверительном письме Царь просил прощения у своего дяди Великого Князя Сергея Александровича за то, что не отвечает на его письма. «*У меня занято почти всё время и поэтому вероятно Ты простишь моей невежливости. Хотя я знаю, что незабвенный дорогой Папа, даже среди своих трудов, всегда отвечал на получаемые им письма, так что для меня это же количество работы не должно бы служить предлогом. Но... я так недавно женился, ещё на днях вкусил начала блаженства на земле – совместной жизни с горячо любимым существом. Удивительно ли, что те два или три свободных часа, какие мне оста-*

ются в течение дня, я всецело посвящаю своей душе-жене? Иногда, я должен сознаться, слёзы навёртываются на глаза, при мысли о том, какой спокойной чудной жизнью могла бы быть для меня ещё на много лет, если бы не 20-е октября! Но эти слёзы показывают слабость человеческую. Это слёзы сожаления над самим собой, и я стараюсь, как можно скорее их прогнать и нести безропотно своё тяжкое и ответственное служение России»^[640].

Первым стремлением Императора Николая II было чётко обозначить преемственность своего царствования от царствования своего отца. Поэтому 25 октября 1895 г. он приказал министру иностранных дел Н. К. Гирсу разослать всем дипломатическим представительствам России за границей циркуляр с «изъяснением твёрдого намерения» «следовать во всём политике в Бозе почившего Родителя своего, имевшей ввиду сохранения мира и отвращение великих бедствий войны между государствами и народами. Политика в Бозе почившего Государя будет служить заветом его новому царствованию и образцом для него»^[641].

Вступив на престол, Император Николай II был убеждён, что всё пойдёт как при Александре III, по накатанному им пути. Так как Николай II воспринимал свое царствование как логическое продолжение предыдущего, то он в то время не видел необходимости в смене государственных сановников. На своих местах оставались назначенные Александром III обер-прокурор Святейшего Синода К. П. Победо-

носцев, министр иностранных дел Н. К. Гирс, министр финансов С. Ю. Витте, министр внутренних дел И. Н. Дурново, военный министр генерал П. С. Ванновский. С. С. Ольденбург писал: *«Император Николай II глубоко уважал своего отца и не стал на первых порах менять его сотрудников. Он расставался с ними только постепенно, по мере возникновения деловых расхождений»*^[642].

Первую крупную отставку Государь произвёл 17 декабря 1894 г.: от должности министра путей сообщения был отстранён А. К. Кривошеин. Николай II уделял особое внимание строительству железных дорог в России, особенно строительству Великого Сибирского железнодорожного пути. Когда в ноябре 1894 г. Н. Х. Бунге спросил Государя о кандидатуре на место председателя Комитета Сибирской железной дороги, тот ответил: *«Это дело так меня интересует, что я желаю сам остаться председателем»*^[643]. 9 декабря 1894 г., выступая перед членами этого Комитета, Государь сказал: *«Господа! Приступ к сооружению сплошной железной дороги есть одно из великих деяний достопамятного царствования Моего Родителя. Довершись с Божьей помощью это исключительно мирное и просветительное мероприятие составляет не только Мой священный долг, но и задушевное Мое желание, тем более, что дело это было Мне поручено Моим Дорогим Отцом. Надеюсь при содействии Вашем довести начатую Им постройку сибирского рельсового пути дёшево, а главное скоро и прочно»*^[644].

После этого можно понять реакцию Государя, когда на следующий день, 10 декабря, Государственный контролёр Т. И. Филиппов во время доклада сообщил ему о *«грустном и некрасивом деле Кривошеина»*^[645]. Министра обвиняли в том, что он поставлял материалы для строительства железных дорог из своих лесов по завышенным ценам, санкционировал строительство одной из железнодорожных веток на своих землях с целью получения компенсации. По словам Витте, Кривошеин постоянно из-за корыстных побуждений то продавал, то покупал имения. Кроме того, у него была «слабость» – расходовать казенные деньги на личные нужды (на обустройство своей квартиры, содержание домашней церкви и т. д.). Расследование, проведенное под руководством Д. М. Сольского, подтвердило факты злоупотреблений. Как утверждал Витте: *«Это был первый случай, когда молодому Императору, через два месяца после вступления на престол, пришлось встретиться с фактами, так сказать, злоупотребления министров; поэтому совершенно естественно, что это возмутило молодого Государя, который сам, по своей натуре, человек весьма честный. В то время он был еще совсем молодым, не имел случая еще видеть и привыкнуть к людской грязи, а поэтому факт этот особенно на него подействовал, и он уволил Кривошеина совсем от службы»*^[646].

На место Кривошеина Государем был назначен князь М. И. Хилков. На примере этого назначения можно убедить-

ся в правдивости воспоминаний Витте, который утверждал, что именно он посоветовал Государю это кадровое решение. Причём Государь якобы сказал о Хилкове: «Я его совсем не знаю», на что министр финансов посоветовал Царю «спросить совета Матушки», которая обязательно поддержит эту кандидатуру^[647]. На самом деле в данном случае Николаю II не надо было «спрашивать совета Матушки», так как Хилкова он хорошо знал по работе в Комитете по строительству Сибирского пути. Более того, именно князю Государь поручил обратить особое внимание на ускоренное строительство важнейшей Сибирской магистрали. Николай II не мог не знать князя Хилкова ещё и потому, что это была яркая, выдающаяся фигура прошлого царствования. Хилков получил образование в США, в 1882 г. по приглашению правительства Болгарии возглавлял министерство общественных работ, путей сообщения, торговли и земледелия, став на три года одной из ключевых фигур болгарской экономики. В марте 1894 г. Император Александр III назначил Хилкова Главным инспектором российских железных дорог. Поэтому Николай II по определению не мог сказать о Хилкове, что он его *«совсем не знает»*. Этот вымысел понадобился Витте, чтобы приписать себе в заслугу крайне удачное назначение молодого Государя.

В дальнейшем князь Хилков сумел организовать работу министерства таким образом, что за десять лет протяженность железных дорог России выросла с 35 до 60 тыс. км, а их

грузооборот удвоился. Ежегодно возводилось около 2,5 тыс. км железнодорожных путей, невиданный результат за всю историю России, и около 500 км автомобильных дорог.

Государю не хватало опыта и знаний не столько в деле государственного управления, сколько в тонкостях и особенностях государственно-административной системы Российской Империи. Когда же Николай II стал их глубже постигать, то стали также выясняться её крупные недостатки. А. Н. Боханов утверждает: *«С первых же месяцев по восшествии на престол Николай II убедился, что единого координирующего органа административной власти нет. Каждый министр вёл свою политику, и очень часто рекомендации и желания главы одного ведомства прямо противоречили тому, что предлагал другой»*^[648]. Для того чтобы постичь вопросы управления и выяснить истинное положение дел в различных отраслях хозяйства Империи, Государь начал практиковать создание «междуведомственных» комиссий и проводить небольшие совещания, на которых председательствовал сам. На них обсуждались различные общие вопросы, и молодой Царь внимательно выслушивал аргументы и доводы сановников, имевших за спиной многолетний административный опыт^[649].

Возникла и другая проблема, которую генерал А. А. Мосолов обрисовал в следующих словах: *«Государь вступил на престол 26 лет, когда характер его ещё не сложился окончательно и когда он по недостатку опыта еще не приобрел на-*

выка понимать людей»^[650]. Первые месяцы своего царствования Государь по кадровым назначениям советовался со своей Матерью, Вдовствующей Императрицей Марией Феодоровной, что было вполне понятно: она долгие годы находилась рядом с покойным Александром III и, конечно, хорошо знала окружавших его людей. Кроме того, Мария Феодоровна была во многом самым близким Царю человеком. Поэтому в документах о первых кадровых решениях Николая II мы можем нередко встречать свидетельства о его советах с матерью. Так, 26 декабря 1894 г. Государь думал, кого назначить новым послом при германском императоре. Преподанный посол граф П. А. Шувалов, долгие годы проработавший в Берлине, был назначен на должность Варшавского генерал-губернатора. На этом примере видно, как приходилось трудно молодому Императору в первые месяцы своего царствования, как он колебался в правильности принимаемого им решения: *«До сих пор моя Мать и я, – писал Николай II Н. К. Гирсу, – колебались между выбором князя Лобанова и князя Н. Долгорукого. Теперь опять нахожусь в полном сомнении»*^[651].

13 декабря 1894 г. Царь сообщил Н. К. Гирсу, что не желает *«слишком торопиться с выбором преемника графу Шувалову. Остен-Сакен, мне кажется, не у места на таком важном посту. Надо бы всё-таки иметь в виду кого-нибудь из военных»*^[652]. Гирс в деликатной форме убеждал Государя в том, что вряд ли после генерала Шувалова будет целесооб-

разно назначать снова военного: *«До сих пор не видно, чтобы германский император особенно желал иметь при себе русского посла из военных. Но если Ваше Величество изволит считать это полезным, то я назвал бы генерал-адъютанта Рихтера»*^[653]. Министр советовал назначить послом князя А. Б. Лобанова-Ростовского^[654].

30 декабря 1894 г. Государь снова писал Гирсу по поводу назначения посла в Берлин: *«В эти дни я много думал и часто говорил с моею Матерью о выборе преемника графа Шувалова на ответственный и трудный пост нашего представителя при германском дворе. Теперь я окончательно решил назначить на это место князя Лобанова-Ростовского, потому что и Ваше мнение о нём для меня весьма ценно»*^[655].

Хотя это назначение было сделано, в том числе и по совету Н. К. Гирса, старый и чуткий дипломат хвалит за такое решение молодого Царя: *«Принятое Вашим Императорским Величеством решение о назначении князя Лобанова послом в Берлин представляется мне самым лучшим исходом»*^[656]. Гирс был прав: Император Николай II прислушивался к тем советам, которые не шли вразрез с его собственным убеждением и совестью.

В 1896 г. из письма Государя к матери можно увидеть, как трудно было ему принимать решения по кадровым вопросам: *«До сих пор я себе ломаю голову, кого назначить в Вильну и право не знаю о ком и думать, кроме как о генерал-адъютанте Черткове! Осенью Игнатьев уйдёт из Кие-*

ва – опять пустое место, в Финляндии уже больше года нет губернатора. Всё это не слишком весело, милая Мама́»^[657].

Государь считал, что высшие чиновники государства, не говоря уже о членах Династии, будут служить ему так же, как они служили его покойному отцу, «честно и нелицемерно», как этого требовал дух присяги. Но вскоре выяснилось, что далеко не все из них были готовы оставаться лишь исполнителями Царской воли и добрыми его советчиками. Некоторые стали полагать, что они могут если не управлять Россией вместе с Царем, то, во всяком случае, активно в этом участвовать. Особенно эти устремления стали проявляться у некоторых великих князей. Наиболее амбициозными были кланы «Михайловичей» и «Владимировичей». Они пытались не считаться с молодым Государем, оказывать на него давление. Первое время у них это получалось. Так, Великому Князю Владимиру Александровичу удалось, оказав сильное давление на Государя, добиться от него назначения командиром Гвардейского корпуса не генерал-адъютанта князя Н. Н. Оболенского, как того хотел Государь, а герцога Е. М. Лейхтенбергского. По этому поводу Николай II писал дяде 26 ноября 1896 г.: *«Во всем этом инциденте виновата моя доброта, да я на этом настаиваю, моя глупая доброта. Чтобы только не ссориться и не портить семейных отношений, я постоянно уступаю и, в конце концов, остаюсь болваном, без воли и характера. Теперь я Тебя не только прошу, но предписываю: исполнить мою прежнюю волю – войти по*

команде с представлением о назначении кн. Оболенского командиром Гвардейского корпуса»^[658].

Но, несмотря на то, что Государь писал о себе, что он из-за нежелания портить семейные отношения остается «без воли и характера», его уступки своим дядьям, которые имели место в первые годы царствования, касались, в общем, непринципиальных вопросов. В главном Николай II, несмотря на своё глубокое уважение к Семье, сразу же ограничил деятельность великих князей военной службой: *«В продолжение трехсот лет мои Отцы и Деды предназначали своих родных к военной карьере. Я не хочу порывать с этой традицией. Я не могу позволить моим дядям и кузенам вмешиваться в дела управления»*^[659].

Николай II сумел поставить на место даже такого «патриарха» Романовского Семейства, как Великого Князя Владимира Александровича. Тот считал, что его возраст и близкое родство с покойным Императором позволяют ему в отношениях с новым Царём некие привилегии. Однажды, в январе 1897 г., Владимир Александрович и его жена Великая Княгиня Мария Павловна пригласили в антракте спектакля в Царскую ложу своих гостей, не спрашивая на то разрешения Царя и Царицы. Великий Князь был удивлён, когда получил от «милого Ники» суровый выговор. *«Предупреждаю Тебя, – указывал Государь своему дяде в письме от 29 января 1897 г., – что я положительно не желаю, чтобы в нашей ложе, с нами сидели разные приглашенные и затем ужси-*

нали бы в нашей комнате. <...> Мне в особенности больно, что вы сделали это безо всякого разрешения с моей стороны. При Папа́ ничего подобного не случилось бы, а Ты знаешь, как я держусь всего, что было при нём. Несправедливо пользоваться теперь тем обстоятельством, что я молод, а также ваш племянник. Не забывай, что я стал Главой Семейства и что я не имею права смотреть сквозь пальцы на действия кого бы то ни было из членов Семейства, которые считаю неправильными или неуместными. Более чем когда-либо необходимо, чтобы наше Семейство держалось крепко и дружно, по святому завету Твоего Деда. И Тебе бы первому следовало бы мне в этом помогать»^[660]. Делать выговор своему старшему дяде Государю было нелегко, тот помнил его ещё ребёнком, которого за шалости таскал за ухо.

Великая Княгиня Мария Павловна затаила на Государя обиду, которая в 1916–1917 гг. привела её в лагерь «великокняжеской фронды». По поводу поведения своих старших родственников Великий Князь Георгий Александрович писал Николаю II: «За последнее время милые дядюшки ведут себя весьма неприлично, я просто удивляюсь их нахальству»^[661].

С первых дней царствования Император Николай II столкнулся с тем, что многие из его сановников, ещё вчера безропотно выполнявшие волю Императора Александра III, теперь, решив воспользоваться молодостью нового Монар-

ха и его внешней мягкостью, стали «показывать характер». Так, уже через два месяца после вступления Николая II на престол генерал-губернатор Царства Польского И. В. Ромейко-Гурко *«пожелал, чтобы его сына сделали управляющим его канцелярией. Но так как этот сын Гурко уже и в то время пользовался в денежном отношении дурной репутацией, то бывший тогда министром внутренних дел Иван Николаевич Дурново не соглашался на это. Гурко приехал в Петербург, явился к молодому Императору и поставил ему ультиматум, сделав это в твёрдой и довольно резкой форме, заключавшейся в том, чтобы его сын был назначен управляющим канцелярии, или он уходит. Государь согласился на последнее»*^[662]. Генерал Гурко был произведён в генерал-фельдмаршалы и отправлен в отставку «по состоянию здоровья». Поясим, что сын генерала, *«пользовавшийся в денежном отношении дурной репутацией»*, это тот самый Вл. И. Гурко, чьи «откровения» так любят приводить в качестве «доказательств» «слабости» Николая II многие российские исследователи. Таким образом, первые же попытки отдельных людей навязать свою волю Николаю II натолкнулись на твердое противодействие с его стороны.

К событиям первого года царствования Императора Николая II относится также ситуация вокруг военно-морской базы в Либаве. С. Ю. Витте утверждал, что Государь, принимая его с первым Всеподданнейшим докладом,^[663] спросил: *«А где находится Ваш доклад о поездке на Мурман? Верните*

мне его». Речь шла о докладе Витте Александру III, сделанному незадолго до смерти Императора. Доклад этот касался вопроса о сооружении нового военного порта для русского флота на севере. Руководители Морского ведомства во главе с морским министром адмиралом Н. М. Чихачёвым предлагали создать военно-морскую базу на Балтике в Либаве. 15 января 1890 г. Александр III поставил на полях доклада генерал-адмирала, в котором предлагалось создания военного порта в Либаве, резолюцию: «Согласен». Весной 1890 г. в Либаве начались строительные работы.

Однако Александр III не оставил планы о строительстве порта на Мурмане. В 1894 г. он послал туда комиссию во главе с Витте подыскать нужную гавань для «главной морской базы» русского военного флота. В поездке на Мурман Витте сопровождали специалисты морского дела И. И. Кази, А. Г. Конкевич, железнодорожный деятель С. И. Мамонтов, архангельские чиновники и моряки. Из всех осмотренных бухт Мурманского побережья наилучшей оказалась Екатерининская гавань, которая, по словам Витте, была «замечательна *«как по своему объему, полноводью, так и по своей защищенности»*^[664].

По возвращении в Петербург Витте подал Александру III обстоятельный отчет о поездке. В нем говорилось, что благодаря тёплому течению Гольфстрим мурманские бухты не замерзают зимой, они весьма глубоководны, расположены вблизи Европы. Из Мурмана, писал Витте, открывается сво-

бодный выход в океан^[665]. Витте был убеждён, что Мурман – идеальное место для военно-морской базы. Он предлагал: 1) эту базу устроить в Екатерининской гавани; 2) провести к ней от Петербурга двухколейную железную дорогу; 3) построить на Мурмане мощную электростанцию. К своему докладу Витте приложил особую записку «*Либава или Мурман?*», в которой обосновал преимущества Екатерининской гавани перед балтийским портом в случае возникновения войны с Германией. Александр III проявил живой интерес к этой записке и даже стал посылать военные суда для охраны Кольского полуострова от иностранных браконьеров. Но резолюции своей на докладе Витте Царь не поставил, а вскоре он скончался.

В своих мемуарах Витте писал, что он доложил Николаю II, «*что доклада этого его покойный отец мне не возвращал. Тогда Государь сказал мне, что доклад этот ему читал (или показывал) покойный Император ещё в Беловежском дворце и что на докладе этом Императором Александром III сделаны некоторые резолюции. Я снова подтвердил, что доклада этого я обратно не получал. Николай II был очень этим удивлён и сказал, что непременно его разыщет*»^[666].

Заметим, как Витте осторожно говорит о «некоторых резолюциях» Александра III, да ещё вкладывает их в уста Николая II. Между тем если Государь помнил, что Александр III ознакомил его с докладом Витте, то, несомненно, он дол-

жен был помнить и содержание отцовских резолюций на этом докладе. Во всяком случае, их характер: положительный или отрицательный. Ведь Николай II, еще будучи Цесаревичем, был, по словам Великого Князя Константина Константиновича, «*большим сторонником Мурмана*»^[667]. Николай II был хорошо ознакомлен с докладом Витте задолго до того, как министр финансов попал к нему на аудиенцию. В своём дневнике от 24 июля 1894 г. Великий Князь Константин Константинович писал: «*Я передал Ники о своём разговоре с министром финансов Серг[еем] Юл[ьевичем] Витте, с которым встретился в Петергофе после завтрака на балконе. Министр недавно вернулся из поездки в Архангельск и на Мурман. Русские люди давно подумывают о гаванях Мурмана как незамерзающих, а потому удобных для военного порта. Морское министерство, пренебрегая незаменимыми качествами мурманских гаваней, строит порт в Либаве, упуская из виду, что Балтийское море во всякое время может быть заперто нашими врагами, и русские военные суда будут обречены на бездействие*»^[668].

Так что Государь в комментариях Витте по этому вопросу не нуждался. Однако министр финансов утверждал, что Николай II был «*очень удивлён*», что доклад не был возвращён, и «*сказал, что непременно его разыщет*». Через неделю, 18 ноября, Царь снова принял Витте и сообщил ему, что обнаружил доклад и «*считает необходимым привести [его] в исполнение и прежде всего главную мысль доклада – о том,*

чтобы устроить наш морской опорный пункт на Мурмане, в Екатерининской гавани. Затем Государь говорил о том, что не следует осуществлять проекта грандиозных устройств в Либаве»^[669]. Николай II якобы хотел «немедленно объявить указом о том, что основной военный порт должен быть устроен на Мурмане в Екатерининской гавани». Но от такого поспешного шага, утверждал Витте, Государя отговорил он сам, так как опасался семейного скандала в Доме Романовых, ибо дядя Царя Великий Князь Алексей Александрович был горячим «партизаном устройства порта в Либаве».

Но через 2–3 месяца после этой аудиенции, как утверждает Витте, он прочёл в «Правительственном Вестнике» Указ Императора Николая II о том, что он считает необходимым сделать нашим главным опорным пунктом Либаву, построив там порт имени Императора Александра III. Витте объяснял такую резкую перемену в позиции Царя тем, что на него оказал сильное влияние Великий Князь Алексей Александрович, заставивший Николая II «подписать такой указ, который совершенно противоречит его взглядам и взглядам его покойного отца». Витте утверждал, что об этом «шантаже» и «давлении» Великого Князя он узнал со слов председателя Комиссии по развитию в России судоходства и торговли М. И. Кази, которому в свою очередь об этом поведал Великий Князь Константин Константинович, ссылавшийся на свой разговор с Государем сразу же после подписания Указа о порте в Либаве. Алексей Александрович якобы поставил

вопрос таким образом, что если Государь не подпишет указа по Либаве, то он почтёт себя крайне обиженным и должен будет отказаться от поста генерал-адмирала^[670].

Интерпретация Витте обстоятельств вокруг морского порта сильно отличается от реальных событий. Государь действительно был сторонником военного порта на Мурмане, но он не был авантюристом. Он хотел всестороннего анализа ситуации, чтобы принять взвешенное и продуманное решение. В конце 1894 г. предложения Витте рассматривала «Комиссия по проведению железных дорог на севере России» под председательством товарища министра путей сообщения, почетного академика Российской академии наук инженер-генерала Н. П. Петрова. Комиссия, обосновывая необходимость магистрали, акцентировала внимание на стратегической важности как военного порта на Мурмане, так и железной дороги, которая могла связать Мурманское побережье Баренцева моря с центром России. Конечным пунктом дороги комиссией была выбрана Екатерининская гавань. Однако комиссия высказалась за преждевременность реализации этого проекта. На состоявшемся её заседании представитель военного министерства генерал-майор В. У. Соллогуб заявил: *«В настоящее время Мурманский берег является местом почти совершенно незаселенным. Устройство военного порта в подобной местности потребовало бы от государства огромных денежных затрат. Если на Мурмане создадутся экономические интересы, если он населится,*

разовьёт свои промыслы, торговлю, то, несомненно, вслед за экономическими интересами явятся и заботы об охране этих интересов, как со стороны военного ведомства, так и со стороны морского. Начинать же с устройства военного порта – рискованно и преждевременно»^[671].

Следует признать, что в решении комиссии было много убедительных аргументов. Либава как коммерческий порт был известен уже в XIII столетии, а в конце XVII века проводились работы по улучшению порта и гавани. В конце 1870-х гг. была построена Либаво-Роменская железная дорога^[672]. 4 января 1894 г. на месте портовые инженеры осуществили разбивку первого портового района – Либавского адмиралтейства. Были расчерчены места расположения доков, а уже ближе к весеннему сезону 1894 г. происходило интенсивное бурение скважин. К тому же рядом с местом работ находился город Либава, имевший железнодорожное сообщение с центром страны. Бросать всю эту работу и начать ее заново в далёком, практически недоступном и незаселённом Мурмане в тех условиях было бы авантюрой. Император Николай II на авантюру не пошёл. Строительство военного порта в Либаве было продолжено. 5 декабря 1894 г. Высочайшим указом он повелел «вновь создаваемый близ города Либавы военный порт наименовать портом Императора Александра III»^[673].

Таким образом, вопреки утверждениям Витте, ситуация вокруг Мурмана и Либавы сводилась к следующему: 1) Император Александр III утвердил план строительства военно-

го порта именно в Либаве. По поводу Мурмана он лишь указал на необходимость дальнейшего изучения этого региона для возможного будущего строительства там военного порта. 2) 5 декабря 1894 г. Император Николай II издал Указ не о строительстве нового военного порта в Либаве, а о присвоении ему имени Императора Александра III. Поэтому якобы «шантаж» Великого Князя Алексея Александровича терял всякий смысл. 3) Продолжение строительства порта в Либаве вовсе не означало, что Царь отказался от планов освоения Мурмана. Было решено построить в Екатерининской гавани коммерческий порт, который дал бы возможность развивать край. В апреле 1896 г. Государственный Совет ассигновал на сооружение порта на Мурмане 400 тыс. руб., причем 135 тыс. выделялось сразу для начала работ. Ведение дел поручили строительному отделению Архангельской казенной палаты, а руководство стройкой – архангельскому губернатору А. П. Энгельгардту. По смете предполагалось израсходовать на строительство жилых домов 147085 рублей, на расчистку местности – 30 тыс. рублей, на устройство пристани и набережной – 30 тыс. рублей, на благоустройство городского поселения – 25 тыс. рублей, на транспортные расходы – 40 тыс. рублей.

7 июня 1899 г. Николай II утвердил следующее мнение Государственного Совета: *«Городскому поселению и порту при Екатерининской гавани присвоить название “Александровск”, а Кольский уезд в нынешних его границах переиме-*

новать в Александровский»^[674]. В новом административном центре края были построены здания полицейского управления, камера мирового судьи, арестный дом. Шесть домов, построенных казной, предназначались для частных поселенцев. Сооружены были также общественные бани, аптека при больнице и флигель для медицинского персонала, здание для машин электрического освещения, водопровод, дамба, гостиница. После создания на Мурмане инфраструктуры Государь вновь вернулся к мысли создания там военно-транспортного порта, создание которого произошло уже в ходе Первой мировой войны.

Наступили последние недели 1894 г. В те редкие дни, когда Царю удавалось вырваться из бесконечной череды дел, приёмов и докладов, он вместе с Государыней спешил уединиться в каком-нибудь тихом укромном месте, подальше от Петербурга и его забот. Кроме того, жизнь Царской Четы в Аничковом дворце мало напоминала семейную: чужие комнаты, чужие правила жизни. 22 ноября Николай II и Александра Фёдоровна уехали в Царское Село, где остановились в Александровском дворце – родном доме Государя. *«Странно было провести ночь в спальне дорогих Папа́ и Мама́, в кот.[орых] я родился»*, – записал он в дневнике. Здесь Император и Императрица чувствовали себя счастливыми, у себя дома: *«Невыразимо приятно прожить спокойно, не видя никого – целый день и ночь вдвоем! Обедали tete a tete в угловой комнате и легли спать рано!»*^[675] Тогда они про-

вели в Царском Селе пять дней: ездили в Павловск и Гатчину, одни пили чай в комнате Государя: *«Блаженство мое беспредельное – очень грустно покинуть Царское, которое стало нам обоим таким дорогим местом: в первый раз после свадьбы оставались одни и жили действительно душа в душу»*. 27 ноября им надо было возвращаться в Петербург, но теперь Царская Чета будет приезжать в Александровский дворец всё чаще и чаще, а вскоре переедет сюда насовсем.

24 декабря в Аничковом праздновали Рождество Христова. *«И радостно и грустно, – писал Государь в дневнике, – какая перемена с прошлого года: дорогого Папа́ нет, Ксения замужем, я женат. Милая Мама́ нас всех по-прежнему осыпала подарками!»*

31 декабря Царская Семья присутствовала на молебне по случаю наступающего Нового года. Чувства, переживаемые в этот момент Государем, отразил его дневник: *«Тяжело было стоять в церкви при мысли о той страшной перемене, кот. случилась в этом году. Но уповая на Бога, я без страха смотрю на наступающий год – потому что для меня худшее случилось, именно то, чего я так боялся всю жизнь!»*

Выбор стратегического курса

Вступление на престол в 1894 г. молодого Императора наполнило общество надеждами. Генерал А. А. Игнатьев вспоминал: *«Все мы с трепетом ждали лучшего от нового моло-*

дого Царя и радовались каждому его жесту, усматривая в этом если не начало новой эры, то, во всяком случае, разрушение гатчинского быта, созданного Александром III. Царь перенес резиденцию в солнечное, веселое Царское Село, Царь открыл заржавленные двери Зимнего дворца, Юная Чета без всякого надзора, попросту, на санках, разъезжает по столице»^[676].

С. Ю. Витте признавал: «Когда Император Николай II вступил на престол, то от него светлыми лучами исходил, если можно так выразиться, дух благожелательности; он сердечно и искренне желал России в ее целом, всем национальностям, составляющим Россию, всем его подданным, счастья и мирного жития»^[677].

Однако к началу XX в. в России сложилось несоответствие между существующей государственной системой и общественными устремлениями. Общество ждало от Верховной власти ограничения Самодержавия, а Верховная власть хорошо осознавала, что Самодержавие является гарантом целостности и независимости России. Но Власть не могла также не осознавать, что стремительно меняющиеся исторические условия требовали от неё поиска новых путей управления страной. Император Николай II вовсе не был косным реакционером, стремящимся любыми силами не допустить реформы. А. Н. Боханов отмечает: *«Николай II не являлся преобразователем по натуре. Однако он обладал очень важным для политики качеством: умел соглашаться с новыми*

реальностями, находил силы переступить через собственное “я”. Консерватизм же политических воззрений отнюдь не означал, что Монарх раз и навсегда был противником всяческих новаций и преобразований; если убеждался, что та или иная мера будет способствовать укреплению государства, росту его престижа, то почти всегда ее поддерживал. Он не мог не видеть, что улучшения нужны в различных областях жизни, но в то же время до конца был уверен, что важнейший и основополагающий принцип – Самодержавие – является неременным условием существования российского государства»^[678].

Доктор ист. наук С. В. Куликов убеждён, что Император Николай II изначально был сторонником широких реформ: «Будучи реформатором, Император, однако, считал, что модернизация России должна проводиться эволюционно, в соответствии с ее национально-историческими особенностями. Его реформаторский проект имел консервативно-либеральный характер. Под этим «проектом» следует, разумеется, понимать не некий конкретный документ, а систему представлений Царя об актуальности и объеме либеральных преобразований, которая лежала в основе его государственной деятельности и выражалась в Высочайших манифестах, указах, рескриптах и важнейших законодательных актах и правительственных распоряжениях. Тот факт, что они зачастую готовились не самим Императором, а его ближайшими сотрудниками, отнюдь не преумень-

шает личного участия Николая II в подготовке реформ, поскольку почти все известные российские (да и не только) реформаторы, как монархи, так и их министры, поручали конкретизацию и изложение своих идей другим лицам. Типичный пример – отношения Александра I и М. М. Сперанского»^[679].

Самодержавие в начале XX в. сильно отличалось от Самодержавия Иоанна Грозного и первых царей Романовых. Как точно замечал И. Л. Солоневич: «Россия до 1905 года задыхалась в тисках сословно-бюрократического строя – строя, который “самодержавие” медленно, осторожно и с необычайной в истории настойчивостью вело к ликвидации безо всякой революции. <...> Государь Император Николай Второй был, несомненно, лично выдающимся человеком, но “самодержавным” Он, конечно, не был. Он был в плену. Его возможности были весьма ограничены – несмотря на Его “неограниченную” власть, и если при Императоре Николае Первом Россией правили “сто тысяч столоначальников”, то при Императоре Николае Втором их было триста тысяч. Правили нацией по существу они. По существу, страна боролась против них. Но против них же, правда, в других формах боролась и “Самодержавие”. Таким образом, обе линии совпадали – линия Монарха и линия нации»^[680].

Государь понимал, что преобразования нужны, но не собирался их начинать бездумно и немедленно. Лингвист Н. Н. Дурново уже в те годы вопрошал у радикальных сто-

ронников реформ: *«Но Господи, какой же верный курс нужно сразу взять? Где и в чем избавление?»*^[681]

Н. А. Павлов в крайне критических выражениях рисует портреты тех, кто помогал Государю в первые годы царствования. Император Николай II, писал он, по своём вступлении на престол *«вникает в управление. Он живёт и правит по заветам отца. Политическое влияние на него имеют двое: Победоносцев и Витте. Первый – защитник старины, и весь неподвижность. Второй – за прыжки в неизвестное. Оба умны, упорны, резки, – но едва ли преданы Государю. У обоих законченного плана управления – нет»*^[682].

Однако, вынося этот строгий приговор, Н. А. Павлов забыл о ещё одной фигуре, весьма близкой тогда к Государю, о бывшем его преподавателе финансового дела Н. Х. Бунге, который в 1894–1895 гг. занимал должность председателя Комитета министров. Бунге советовал Государю продолжить реформаторский курс Императора Александра II, но при этом охранять Самодержавие и всеми мерами не допускать парламентаризма западного образца. Эти мысли находили понимание и сочувствие у Государя. Доктор ист. н. В. Л. Степанов справедливо отмечает: *«Император не принадлежал к числу охранителей-традиционалистов, которые искали идеалы только в прошлом. Он обладал своеобразными консервативно-либеральными взглядами и принадлежал к сторонникам модернизации России. Почитая память отца, молодой Монарх преклонялся и перед дедом – Царём-Освобо-*

дителем Александром II. Николай II очень многое воспринял именно от Бунге. Как и его наставник, Самодержец считал, что реформы должны проводиться постепенно, с учётом национальных и исторических особенностей России»^[683].

Вступив на престол, Николай II прекратил государственное финансирование журнала «Гражданин» князя В. П. Мещерского, который считался крайне правым изданием, а одно время даже негласным рупором самого Александра III. Вместо «Гражданина» Николай II стал финансировать газету «Санкт-Петербургские ведомости», до этого влачившую жалкое существование. Благодаря Николаю II газета была отдана в аренду камер-юнкеру князю Э. Э. Ухтомскому, которого Император знал с ранней юности. И. И. Колышко в своих воспоминаниях писал: «Было время, когда гранки набора “Петербургских ведомостей” отсылались на просмотр в Царское Село. Царь стал как бы редактором газеты. А в состав своей редакции Ухтомский пригласил столпов радикализма (во главе с Ашешовым)»^[684]. Была, таким образом, налажена оригинальная связь между Самодержавием и революцией. Под двуглавым орлом печатались статьи, которые не решались печатать левые газеты»^[685]. Насчёт союза Самодержавия и революции Колышко, конечно, мягко говоря, преувеличивал. Замысел Николая II заключался совсем не в том, чтобы помогать революционерам. Вольный стиль газеты должен был прикрыть главное её направление, формируемое Ухтомским под негласным контролем Государя.

С приходом в газету князя в ней появилась тема Востока и родства России с Азией, которое может быть объединено только Самодержавной властью. *«Без него, – писал Ухтомский, – Азия неспособна искренне полюбить Россию и болезненно отождествиться с нею»*^[686]. Так, исподволь общество подготавливалось к реализации Большой Азиатской программы Императора Николая II. Помимо этого, газета стала рупором выдающейся консервативной мысли, которая, в отличие от К. П. Победоносцева, предлагала не просто постоянную «заморозку» внутривнутриполитической жизни страны, но создание мощной консервативной силы – помощницы Самодержавия. От лица редакции «Санкт-Петербургских ведомостей» князь Ухтомский писал *«о всемирно-историческом призвании России явить человечеству христианского государства, в котором преподанные Христом заветы Правды и Любви были бы не только внешне признаны, но и осуществимы»*^[687]. Сохранение государственных и церковных традиций, по мнению Ухтомского, обеспечивает России ее положение как великой державы, стоящей в одном ряду с европейскими государствами, а *«изменившая этим основам Россия – не более как названная, запоздалая и <...> ненужная гостя в семье европейских народов»*^[688]. Для него распространение и развитие духовно-нравственного просвещения в России и связанных с ним вопросов о Церкви, духовенстве, народном образовании имело большее значение, чем политические, экономические и административные вопросы. На

русском Самодержавии лежит «*святая и великая*» обязанность, «*распространяя в обществе, и в особенности в народе, истинное просвещение, ревниво оберегать их от обучения развращающего и от одностороннего знания, не уравновешенного верою и нравственностью*». Восприятие западных ценностей привело к тому, что в российском обществе перестали понимать истинный смысл таких слов, как Церковь, Престол, благое просвещение, добрые обычаи, добрые нравы, «*отвыкли от разумно-сознательного их произнесения, низвели их значение до формул устаревших прописей, условного языка официальных бумаг*». Глядя из сегодняшнего дня, невозможно не признать за идеями «Санкт-Петербургских ведомостей» настоящего духовно-государственного манифеста, актуального и в наши дни. По существу, вышеуказанные мысли являлись не только мыслями князя Ухтомского, но и взглядами Императора Николая II. На отношении общества к газете Ухтомского Государь проверял, насколько оно готово их воспринять. Оказалось – совершенно не готово. Позиция «Санкт-Петербургских ведомостей» вызвала открытое противодействие как среди высшего сановничества, так и крайне консервативных кругов. Редакция обвинялась ими в «*расшатывании государственных основ*», «*разжигании политических страстей и пламени*», «*предательстве и измене*»^[689]. Главное управление по делам печати отмечало: «*Вслед за переходом в 1896 году газеты “Санкт-Петербургские ведомости” в арендное содержа-*

ние князю Э. Э. Ухтомскому, издание это, принадлежащее Министерству народного просвещения и получающее значительную субсидию в виде платы за казенные объявления, усвоило себе совершенно нежелательное с правительственной точки зрения направление. В общем и целом, направление “Санкт-Петербургских ведомостей” может быть охарактеризовано как оппозиционное существующему Правительственному режиму»^[690]. Резкое неприятие вызывала газета и у К. П. Победоносцева. В этих условиях эксперимент с «Санкт-Петербургскими ведомостями» не получил дальнейшего развития, тем более что сам Э. Э. Ухтомский всё больше увлекался восточными духовными практиками, теряя в глазах Императора прежнее доверие.

Николай II был исполнен стремлением создать в России выборное совещание русских людей, представляющее все слои народа и позволяющее Монарху общаться с ним непосредственно, без посредничества чиновничьей бюрократии. С. В. Куликов отмечает, что Император Николай II готовил создание народного представительства задолго до 1905 г., причем совершенно независимо от революционного или оппозиционного движения. Государственный контролер генерал П. Л. Лобко напомнил Государю в июле 1905 г.: «*Ваше Величество еще задолго до рескрипта 18 февраля изволили высказывать, что мысль об обращении к народу для помощи правительству уже издавна составляет предмет Ваших забот*»^[691]. Государь был противником не конституции вооб-

ще, а такого понимания этого понятия, которое ассоциировалось исключительно с парламентаризмом, который подразумевал ограничение Верховной власти не только в законодательстве, но и в управлении, когда Монарх «царствует, но не правит». Николай II был убеждён, что *«действительная парламентская система будет означать гибель России»*^[692].

Чиновник канцелярии Совета министров А. С. Путилов считал, что в Николае II с *«самых первых дней царствования проявилось и проявлялось до самого конца тяготение к общественно-либеральным формам государственности, странно уживавшееся в нём с незыблемой верой в необходимость для России Самодержавия»*^[693]. На самом деле ничего «странного» в этом не было: представительное собрание русского народа, помогающее Царю управлять Россией, вовсе не означало слепое копирование парламентской системы по западным лекалам.

Отрицательное отношение к парламентаризму Государь воспринял от Н. Х. Бунге^[694], который категорически отвергал идеи либерального реформаторства^[695]. Подчёркивая своё особое расположение к Бунге, Император Николай II 1 января 1895 г. наградил его орденом Св. Владимира 1 ст. Высочайший рескрипт содержал самые лестные выражения в адрес награждаемого.

Конечно, у С. В. Куликова имеется гипертрофированное преувеличение «либеральной» доминанты, которая якобы присутствовала у Николая II. Никаким либералом Государь,

разумеется, не был, о чём он откровенно заявил в 1904 г. князю М. Д. Святополку-Мирскому: «*Отчего могли думать, что я буду либералом? Я терпеть не могу этого слова*»^[696]. С. В. Куликов полагает, что Государь просто не хотел, чтобы его считали либералом, а на самом деле он якобы таковым являлся. Несостоятельность этого утверждения доказывается определением либерализма конца XIX в.: «*Либерализм есть стремление к общественным реформам, имеющим целью свободу личности и общества, а также к свободе человеческого духа от стеснений, налагаемых церковью, традицией и т. д.*»^[697] Очевидно, что подобные идеи были глубоко чужды православной природе Государя. Сам Николай II чётко и недвусмысленно дал определение своего места и своей роли в жизни Российского государства, когда в анкете по переписи населения 1897 г. в графе «*занятие, ремесло, промысел*» письменно ответил: «*Хозяин земли Русской*»^[698]. Самодержавие и либерализм – понятия не совместимые. Но Самодержавие вполне и естественно могло сочетаться с выборным народным представительством, имеющим законодательные права. Такие представительства были присущи древней русской монархии и были искусственно ликвидированы в XVII–XVIII вв. Николай II хотел восстановить именно такое представительство. Но вся сложность введения такого представительства заключалась в том, что в обществе рассматривали выборный орган исключительно как западный парламент, ограничивающий самодержавную власть

Монарха. Учреждение любого выборного органа со скромными совещательными правами неминуемо привело бы к борьбе его с Правительством за превращение в западный парламент с самыми широкими полномочиями.

С вступлением на престол Императора Николая II в земских кругах зародилась надежда, что молодой Государь под влиянием Бунге отправит в отставку Победоносцева и возродит линию Лорис-Меликова, прерванную царствованием Императора Александра III. Бывший управляющий Крестьянским банком Е. Э. Картавцов свидетельствовал: *«В земской России с трепетом и надеждой следили за Николаем Христиановичем. Там помнили, что он был деятелем освобождения крестьян, что при нём были сняты подушные, там помнили это и надеялись, что он и в третий раз выдвинется в этом же направлении, в этой же области»*^[699].

В земских кругах появились серьёзные надежды, что их представителей могут допустить к участию в законодательной деятельности. Стали высказываться убеждения, что новый Царь «продолжит курс своего деда». В адресах ряда земств, поступивших на имя Николая II в первые два месяца его царствования, содержались призывы считаться с мнением общественности и даже требования о соблюдении законности и личных свобод. Особенно ярко эти настроения прозвучали в адресе наиболее либерального Тверского земства, который был воспринят Верховной властью как конституционное требование^[700]. *«Мы горячо веруем, – говорилось*

в Тверском адресе, — что право отдельных лиц и права общественных учреждений будут неизбежно охраняемы. Мы ждём, Государь, возможности и права для общественных учреждений выражать своё мнение по вопросам, их касающимся, дабы до высоты Престола могло достигать выражение потребностей и мыслей не только администрации, но и всего народа русского»^[701]. Тон этого Адреса Николаю II не понравился, и на докладе министра внутренних дел он написал: «Я чрезвычайно удивлён и недоволен этой неуместной выходкой 35-ти гласных Тверского губернского земского собрания».

К. П. Победоносцев, хорошо помнивший 1 марта 1881 г., направил Государю несколько писем, в которых предупреждал его об опасности новой смуты. В середине января 1895 г. он писал Николаю II: «Самодержавная власть Государя не только необходима России, она есть залог не только внутреннего спокойствия, но она есть существенное условие национального единства и политического могущества нашего государства»^[702]. Любая попытка ввести в России западный парламентаризм закончится для неё катастрофой, подытоживал Победоносцев^[703]. Император Николай II полностью разделял эти взгляды. На записке Победоносцева он написал: «Отлично».

Между тем напор земцев всё увеличивался и поставил Николая II «в необходимость публично исповедовать свое политическое мировоззрение. Если бы Он ответил общими,

неопределёнными приветственными словами на пожелание о привлечении выборных земских людей к обсуждению государственных дел, это было бы тотчас истолковано как согласие. После этого, либо пришлось бы приступить к политическим преобразованиям, которых Государь не желал, либо общество, с известным основанием, сочло бы себя обманутым»^[704].

Главным положением в требованиях земцев было введение в России парламентаризма по западному образцу. Этого Государь категорически допускать не желал, так же, как и допущения того, чтобы инициатива обсуждения проекта создания возможного выборного представительства исходила не от Монарха, а от земцев. Поэтому, когда 17 января 1895 г. в Николаевском зале Зимнего дворца собрались для выражения верноподданнических чувств представители дворян, земств и городов, Государь вышел на середину зала и решительным, твёрдым голосом заявил: «Я рад видеть представителей всех сословий, съехавшихся для заявлений верноподданнических чувств. Верю искренности этих чувств, искони присущих каждому Русскому. Но Мне известно, что в последнее время слышатся в некоторых зем. [ских] собр. [ниях] голоса людей увлекающихся бессмысленными мечтаниями об участии представителей земства в делах внутреннего управления.

Пусть все знают, что Я, посвящая все свои силы благу народному, буду охранять начала самодержавия так же

твёрдо и неуклонно, как охранял его мой незабвенный Покойный Родитель»^[705].

По словам Великой Княгини Ксении Александровны, ее Брат *«говорил так ясно, таким твёрдым и спокойным голосом, прекрасно»*^[706]. Но на душе у Государя было совсем не спокойно. Он хорошо понимал, какую реакцию вызовет его речь в земских и либеральных кругах, что своими словами он не приобретёт у них популярности, наоборот, сильно настроит против себя. Великая Княгиня Ксения Александровна писала Великому Князю Георгию Александровичу в Аббас-Туман про душевное состояние их Августейшего брата накануне выступления перед земцами: *«Бедный, он был страшно взволнован перед этим, ничего почти есть не мог»*^[707]. Сам Николай II в своём дневнике от 17 января отметил, что он *«был в страшных эмоциях перед тем, чтоб войти в Николаевскую залу, к депутациям от дворянств, земств и городских обществ, которым я сказал речь»*^[708].

В январе 1895 г. Император Николай II выступил именно против парламентаризма. Будучи сторонником сотрудничества власти и оппозиции, Император Николай II полагал, что лидерство в реформаторском процессе, т. е. участие в определении того, кому, когда и как осуществлять необходимые реформы, должно сохраняться за короной^[709]. Этому ему либералы не простили никогда. Они не могли поверить, что Царь сам был инициатором этой речи, и принялись искать её «авторов». Е. Е. Алферьев отмечал по этому поводу: *«Реши-*

тельное содержание этой речи мало соответствовало общим представлениям о молодом Государе. Поэтому начали утверждать, что она Ему кем-то продиктована. В действительности, Император Николай II, отлично выражая Свои мысли и прекрасно владея пером, написал эту речь собственноручно, также как Он всегда самостоятельно писал Свои личные заявления, и положил текст в свою фуражку»^[710]. Имеющийся в РГИА черновик выступления 17 января, написанный собственноручно Государем, подтверждает слова Е. Е. Алферьева^[711]. В тексте имеются приводимые нами подчёркивания, также сделанные рукою Царя. По всей видимости, эти подчёркивания указывают на те слова, которые нужно было эмоционально выделить в тексте во время речи перед делегациями.

Между тем поиски «автора» царской речи в обществе не прекращались. Не прекращаются они и сегодня, но уже в научной среде^[712]. Назывались и называются имена обер-прокурора Святейшего Синода К. П. Победоносцева, министра Императорского Двора графа И. И. Воронцова-Дашкова, министра внутренних дел П. Н. Дурново, Великого Князя Сергея Александровича. Эти люди стали первыми «антигероями» в длинном списке «тёмных сил», которыми общество и революционеры будут объяснять поступки Николая II на протяжении всего его царствования. На самом деле Николай II выслушивал советы многих, но никогда не находился ни под чьим влиянием. Н. А. Павлов отмечал, что

«все попытки влияния на Государя были безуспешны»^[713]. В то время, когда всё общество было уверено о безраздельном влиянии Победоносцева на Царя, сам Царь был недоволен слишком активным вмешательством обер-прокурора в дела не его компетенции. В декабре 1896 г. Государь саркастически сказал, что Победоносцев «нареккомендовал ему много министров, а теперь начал рекомендовать корпусных командиров»^[714]. К началу XX в. Николай II мягко, но уверенно отстранил К. П. Победоносцева от влияния на государственные дела. Много говорили о «влиянии» на Государя князя В. П. Мещерского. Однако, по меткому выражению Е. В. Тарле, «Мещерский, как и всякий без единого исключения человек, которому приписывалось “влияние” на Императора Николая II, “влият” на него лишь вплоть до той минуты, пока говорил и делал то, чего желал Николай»^[715].

Речь Государя 17 января была воспринята негативно земско-либеральным лагерем. Оттуда в адрес Императора Николая II стали поступать открытые угрозы. 19 января 1895 г., спустя два дня после царского обращения, бывший легальный марксист, свернувший в сторону либерализма, П. Б. Струве написал анонимное «Открытое письмо Николаю II», которое заканчивалось словами: «Вы первый начали борьбу, и борьба не заставит себя долго ждать»^[716]. Но гораздо более тревожным признаком стало скрытое недовольство речью Государя со стороны некоторых представителей высшей российской элиты. К. П. Победоносцев 2 фев-

раля 1895 г. писал Великому Князю Сергею Александровичу: «После речи Государя продолжается волнение с болтовней всякого рода. <...> Повсюду в молодёжи и интеллигенции идут толки с каким-то раздражением против молодого Государя. <...> Зато на простых людей и на деревни слово Государя произвело благотворное впечатление. Многие депутаты, едуци сюда, ожидали Бог знает чего, и, услышав, вздохнули свободно. Но как печально, что в верхних кругах происходит нелепое раздражение. Хотя бы спросили себя эти люди, чего же хотят они? Но все они как стадо, и многие повторяют только чужие слова и воспринимают чужое, напускное впечатление. Я уверен, к несчастью, что большинство членов Государственного Совета относится критически к поступку Государя и, увы, некоторые министры тоже!»^[717]

По существу, настроения многих влиятельных и знатных сановников Империи совпадало с настроениями либеральной общественности. Эти сановники, так же как и либералы, хотели ограничения Самодержавия.

Николай II весьма сомневался в готовности представителей к созидательной работе, в их профессиональной компетенции и пригодности, а также в достаточной преданности Престолу. События первого десятилетия царствования лишь убеждали его в этом. Поэтому 12 декабря 1904 г. Император Николай II вычеркнул из проекта указа пункт о назначении в Государственный Совет выборных от земств. По мне-

нию С. С. Ольденбурга: *«Государь отказался от расширения местного самоуправления, опасаясь, что этим Он бы усилил стремление к ограничению Царской власти. Он как бы проводил в жизнь новую формулу: по мере возможности удовлетворять все те требования реформ, которые не влекут за собою политических последствий»*^[718].

Но была ещё одна причина, по которой Государь не хотел усиливать позицию земств. Эта причина была напрямую завязана на определении стратегического направления развития страны.

Император Николай II вступил на престол при полном внешнем спокойствии, чего нельзя было сказать обо всех его ближайших предшественниках, не говоря уже о государях XVIII столетия. С. С. Ольденбург считал: *«Император Николай I, вступая на престол, должен был сломить революционный заговор гвардейского офицерства. Император Александр II начал царствовать в дни Крымской войны, Император Александр III принял власть после злодеяния 1 марта, среди смуты, которая тогда казалась грозной. Правление Государя Николая Александровича начиналось в дни затишья; но еще никому из Его державных предшественников не приходилось принимать не себя такого огромного, тяжелого бремени, такой сложной задачи»*^[719].

Особая сложность заключалась в первую очередь в том, что к началу XX в. в России постепенно складывалась внутренняя ситуация, при которой ни одна из политических сил

не поддерживала безоговорочно Самодержавие. А. Н. Боханов пишет: «Существовавшая строгая административная вертикаль власти вела к тому, что все, так или иначе, замыкалось на пик иерархической пирамиды, на самого монарха. Всякое сколько-нибудь значительное решение почти на любом уровне в конечном итоге санкционировалось Царём. Эта система, работавшая эффективно не одно столетие, начала давать заметные сбои как раз в период правления Николая II. Суть дела состояла не в том, “хорош” царь или “плох”, имелась у него “сильная воля” или нет. Исторические возможности монархического авторитаризма подходили к концу. Время ускоряло бег, социальная природа общества усложнялась, что требовало быстрых, оперативных решений, развития полицентризма и инициативы снизу. А это вступало в принципиальное противоречие со сложившейся практикой, возможностями самодержавной системы, жизнестойкостью империи. Эту трагическую дилемму должны были решить еще реформы Александра II. Но не решили. Следующая попытка пришлась на время Николая II, уже в XX веке»^[720].

В условиях стремительно развивающегося XX в. эта архиконцентрация, оправданная еще 30 лет тому назад, становилась неадекватной новому времени и чрезвычайно тяжелой для Императора, от которого требовалось нечеловеческое напряжение сил при решении всего круга проблем. Но при этом «разгрузка» этой централизации была чревата

большими сложностями и опасностями. Решаться на нее надо было крайне осторожно, после тщательного анализа и постепенно, чтобы не нанести вреда целостности страны и основам государственного строя.

Николаю II было необходимо определить стратегическое развитие страны на ближайшие десятилетия, от которого во многом зависело её будущее. Дело сводилось к вопросу, какой путь должен стать для России приоритетным: индустриально-промышленный или аграрно-патриархальный?

К началу XX в. в большинстве европейских государств и США происходил процесс автоматизации промышленного производства. Произошла замена основного вида энергии. В конце XIX столетия наступила «Эпоха электричества». На заводах всё шире применялись станки с электроприводами, полуавтоматическими и автоматическими узлами, увеличилась скорость и точность обработки металлов. Значительный рост производительности труда в промышленности был обусловлен широким внедрением новой техники и повышением квалификации рабочих. Стал использоваться конвейер. Появились гидроэлектростанции (Ниагарская ГЭС в США), получили распространение высокоэффективные и компактные двигатели внутреннего сгорания, работающие на бензине, затем двигатели немецкого изобретателя Рудольфа Дизеля на более дешёвом тяжёлом топливе. Это резко увеличило спрос на нефть и стимулировало усовершенствование средств и способов увеличения её добычи

и переработки. Способы производства принципиально усовершенствовались – печь французского металлурга Пьера Эмиля Мартена, конвертер при сильном дутье английского инженера-изобретателя Генри Бессемера, процесс обесфосфоривания металла. Прогресс техники приобрёл значение научно-технического прогресса, в котором непосредственное участие стала принимать наука, в том числе фундаментальная^[721]. В мире возникло высшее техническое образование, в 1870-х гг. в Германии и США появились первые втузы.

К концу XIX – началу XX в. значительно усилилась роль капиталистических монополий, которые стали играть ведущую роль в экономике. В результате в зависимости от монополий и от финансовой олигархии крупнейших капиталистических держав Запада в той или иной степени оказались почти все другие менее развитые страны.

Объединение Германии создало единый внутренний рынок Второго рейха, который включал в себя богатые железной рудой завоеванные у Франции провинции Эльзаса и Лотарингии. Вместе с углём Рейнской области они создали мощную топливно-металлургическую базу германской промышленности. По объёму промышленного производства Германия вышла на второе место в мире после США. Ведущую роль в германской экономике играли «Рейнско-Вестфальский каменноугольный синдикат» и «сталелитейный завод Фридриха Круппа», производивший знаменитые артиллерийские орудия. Протяжённость немецких железных до-

рог возросла в 30 раз.

В США огромный скачок в промышленном производстве стал возможен благодаря широкому использованию притока капитала из Европы (только в 70–80-х годах XIX в. 3 млрд долларов), массовой иммиграции европейских рабочих (ехали самые волевые и работоспособные, в 80–90-х годах XIX в. 14 млн человек), широкому использованию новейших научных открытий и внедрению множества изобретений. К концу XIX в. США вышли на первое место в мире по выпуску основных видов продукции и общему объёму производства. В 1893 г. промышленник Генри Форд создал свой первый автомобиль, а через 20 лет США уже выпускали более 1,5 млн автомобилей в год.

Тем временем к началу XX в. Россия продолжала оставаться страной аграрно-индустриальной со значительным преобладанием сельскохозяйственного производства, в котором по ряду позиций (сборы пшеницы, ржи, льна, пеньки и др.) она занимала лидирующее положение. Производство продукции на душу населения в России было более низким, чем в целом ряде европейских аграрно-индустриальных и индустриально-аграрных (Великобритания, Германия) стран.

Следует, конечно, иметь в виду, что, в отличие от западноевропейских государств, колониальные владения которых были отделены от метрополий морями, Россия представляла собой Империю, в которой в едином государственно-тер-

риториальном комплексе оказались слиты развитые и слабо развитые территории. Около 9/10 промышленной и земледельческой продукции Российской Империи приходилось на ее европейскую часть. Однако и с этой поправкой следует признать, что Россия к началу XX в. только начала переход к индустриальному обществу.

Россия не имела возможности производить большинство товаров дешевле, чем промышленность европейских стран или США. На русскую внешнюю торговлю оказывало негативное влияние отсутствие хорошо организованной рекламы, постоянно действующих выставок товаров и изделий российского производства, слабость коммерческой информации. Отсутствие практики отпуска товаров в кредит как в оптовой, так и в розничной торговле, что давно практиковалось западноевропейскими компаниями, также сдерживало масштабы русского экспорта.

Многие русские коммерсанты не имели постоянных связей с европейскими партнерами. Сведения о европейских рынках они получали отрывочные и случайные, а порой и недостоверные. Подобные явления в русской внешнеторговой деятельности можно объяснить сформировавшимся менталитетом русских промышленников, приученных на внутреннем рынке к различным государственным субсидиям и льготам, к защите высокими таможенными пошлинами от иностранной конкуренции.

Технический прогресс в странах Западной Европы и

отставание России в этой области заставляли Верховную власть искать возможности, чтобы это отставание не стало безнадежным. Необходимость модернизации русской экономики вызывалась главным образом не внутренними условиями, а внешними факторами – индустриальным развитием ряда западных держав, чреватого экономическим и военным отставанием страны, что угрожало ее национальной безопасности и суверенитету. Вопрос о том, быть или не быть модернизации русской экономики в условиях колониальной экспансии Запада, не стоял: отказ от нее означал упадок и даже крах российской государственности^[722].

Одним из главных сторонников индустриального пути был министр финансов С. Ю. Витте. В течение первых лет царствования Императора Николая II он подал на Высочайшее имя несколько докладов, в которых доказывал необходимость индустриализации: *«Международное соперничество не ждёт. Если нынче же не будет принято энергичных и решительных мер к тому, чтобы в течение ближайших десятилетий наша промышленность оказалась в состоянии своими продуктами покрывать потребности России и Азиатских стран, которые находятся или должны находиться под нашим влиянием, то быстро растущая иноземная промышленность сумеет прорваться через наши таможенные преграды и водвориться как в нашем отечестве, так и в сказанных Азиатских странах, укоренившись в глубинах народного потребления, она может постепенно расчистить пути*

и для более тревожных иноземных политических влияний. Медленный рост промышленности может затруднить выполнение великой международной задачи России, ослабить ее могущество, повлечь за собой политическую и культурную отсталость России»^[723].

Витте полагал, Россия имеет все возможности стать великой промышленной державой. Но для этого надо, говорил Витте, чтобы государство покровительствовало и поддерживало отечественного промышленника. *«Создание своей собственной промышленности – это и есть та коренная, не только экономическая, но и политическая задача, которая составляет краеугольное основание нашей протекционной системы»^[724].*

Витте подчеркивал, что в России есть всё необходимое для быстрого экономического и промышленного роста. Он писал Государю: *«Империя Вашего Величества велика пространством, обильна природными дарами: каждый год знаменуется открытием новых естественных богатств в ее недрах. Даже в землях, исстари заселенных и длинным рядом поколений возделанных, открываются новые, прежде скрытые от глаз, высокоценные блага, обработка которых щедрее вознаграждает жителей, чем просто земледелие. Всевозможные минералы, металлы, прежде издалека к нам привозившиеся, ныне раскрываются внутри страны под ногами самого земледельца, призывая его к новому труду. А что скрыто на наших окраинах, только теперь заселяемых*

русскими людьми, чем одарят нас необъятные пространства Сибири, о том можно оставлять лишь гадательные предположения»^[725].

Другим убеждённым сторонником индустриального пути был Н. Х. Бунге. Своё виденье развития России в XX в. он изложил в Записке, которая позже получила название «Загробные заметки». Это виденье сводилось к следующему: 1. Укрепление индивидуальной крестьянской собственности на землю; 2. Привлечение «фабричного люда» к участию в прибылях частных предприятий и создание рабочих ассоциаций; 3. Расширение прав местных выборных учреждений; 4. Реорганизация центрального и местного государственного аппарата; 5. Преобразование системы народного образования.

Бунге предлагал оказывать всемерную поддержку переселению крестьян в Сибирь. При этом он был противником любых «конституционных экспериментов». Во многом благодаря этому «завещанию» Бунге Николай II поддержал программу Витте, ориентированную на рост отечественной промышленности^[726]. 15 апреля 1896 г. Государь подписал закон «О некоторых изменениях в действующих узаконений, касающихся добровольного переселения сельских обывателей и мещан»^[727]. Этот закон отменял практику насильственного возвращения самовольных переселенцев, упростил порядок выдачи разрешения на переселения, установил льготный тариф на проезд по железной дороге и право посылок ходоков

от крестьян для осмотра земель, предназначенных для переселения.

Позицию Витте и Бунге поддерживал также и великий русский учёный Д. И. Менделеев. В начале XX в. он писал: *«Замереть России – гибель. Ограниченный рост промышленности непригоден нашему народу. Народ по здравому инстинкту сознает, что, идя помаленьку, мы никогда не догоним соседей, а надо не только догнать, но и перегнать»*^[728].

3 июня 1895 г. Н. Х. Бунге скоропостижно скончался. Государь был сильно опечален этим событием: *«Узнал чрезвычайно грустную весть о скоропостижной смерти Н. Х. Бунге. Ещё одним верным и опытным советником стало у меня меньше. Кончина его ставит меня в очень трудное положение!»*^[729] По приказу Государя «Загробные заметки» были отпечатаны в нескольких десятках экземплярах типографским способом и розданы для ознакомления великим князьям, министрам и членам Государственного Совета. 5 июня 1895 г. гроб с телом Н. Х. Бунге был доставлен в специальном вагоне на станцию Александровскую под Петербургом, и Государь лично присутствовал при литии^[730].

Однако у сторонников политики протекционизма индустриализации были серьёзные противники. В первую очередь это были представители крупного дворянства, которое вследствие индустриализации беднело и теряло рычаги управления. Распродаваемая дворянами земля переходила в руки других сословий – прежде всего крестьянам. И без

того невысокий удельный вес дворянского землевладения в общем земельном фонде страны, составлявшем в конце 70-х гг. XIX в. менее 20 %, к началу XX столетия сократился еще на 5 %. К 1905 г. дворянство владело лишь 13 % всех земель^[731]. Н. А. Павлов утверждал: *«В знатных верхах Петербурга издавна велась борьба против всяких “новшеств” и земельных реформ; борьба против переселения, расселения, против развития земельного и иных кредитов. Владельцам латифундий, живущим в Петербурге нужны были сельские рабочие и дешёвые руки. А последствия падения общины – сократило бы многочисленную и дешёвую рабочую силу»*^[732].

Конечно, было бы неправильно объяснять антииндустриальную позицию дворянства только корыстными мотивами. Среди определённого их круга крепло мнение, что Самодержавие перестало выполнять свою прежнюю охранно-попечительскую функцию. В 1896 г. киевский предводитель дворянства князь Н. В. Репнин-Волконский заявил, что *«Самодержавия в истинном его смысле в России не существует»*, так как оно отказалось от своих прерогатив в пользу бюрократии^[733].

Об этом же, но более ярко говорил князь С. Н. Трубецкой: *«Единого Царского Самодержавия в собственном смысле не существует и не может существовать. Царь, который при современном положении государственной жизни и государственного хозяйства может знать о пользе и нуждах народа, о состоянии страны и различных отраслей го-*

сударственного управления лишь то, что не считают нужным от него скрывать, или то, что считают нужным ему представить; Царь, узнающий о стране лишь то, что может дойти до него через посредство сложной системы бюрократических фильтров, ограничен в своей Державной власти более существенным образом, нежели монарх, осведомленный о пользе и нуждах страны непосредственно ее избранными представителями, как это сознавали еще в старину великие московские государи.

Царь, который не имеет возможности контролировать правительственную деятельность или направлять ее самостоятельно, согласно нуждам страны, ему неизвестным, ограничен в своих державных правах тою же бюрократией, которая сковывает его. Он не может быть признан Самодержавным Государем: не он держит власть, его держит всевластная бюрократия, опутавшая его своими бесчисленными щупальцами»^[734].

Князь В. П. Мещерский утверждал: «В эти 40 лет мы отняли от земли все почти деньги, все почти умственные силы, изнунив землю и разрушив все виды земельного хозяйства, и получили взамен к началу нового столетия в придачу к разорённому земледелию – висящие на нитке банки и постепенно суживающие своё производство фабрики и заводы... Земледелие умирает, земледельцы разорены, и, вследствие этого, мануфактура, раздутая на счёт земледелия, начинает падать и разоряться за неимением заказчиков и

покупателей... А завтра отмените протекционизм, и три четверти наших фабрик закроются»^[735].

Именно в первую очередь нравственными и экономическими причинами было вызвано возникновение в конце XIX в. у представителей дворянства оппозиционного отношения к политике протекционизма. Многие из них считали, что Самодержавие гибнет в паутине бюрократии, а индустриализация приведет патриархальную Россию к неисчислимым бедствиям. России никогда не догнать Западную Европу по промышленному развитию, Россия – страна аграрная, поэтому нужно развивать сельское хозяйство – таким был главный довод противников индустриального курса. Помимо этого, критики протекционизма указывали на то, что таможенные пошлины повысят стоимость импортных товаров внутри страны, отчего могут пострадать потребители, что защита от внешней конкуренции может помочь монополистам установить полный контроль над внутренним рынком.

Сторонники аграрно-патриархального курса горячо поддерживали расширение прав земств. Именно по этому вопросу началось противостояние между министром внутренних дел И. Л. Горемыкиным и С. Ю. Витте. Горемыкин предлагал постепенно, но упорно распространять земства на все губернии, говорил о необходимости и полезности земских учреждений, без которых люди превращаются «в людскую пыль». Витте, наоборот, доказывал, что Самодержавие и вы-

борное самоуправление несовместимы. При этом возникала парадоксальная ситуация, при которой Витте, утверждая, что выборные органы самоуправления могут существовать только при конституционном строе, фактически играл на руку земской оппозиции, утверждавшей то же самое. Недаром статья Витте «Самодержавие и земство» была опубликована в очередном номере журнала «Освобождение», органа либерально-земской оппозиции, печатающегося за границей. Доктор ист. н. А. Ф. Смирнов пишет: *«Пolemика двух министров, Горемыкина и Витте, эта тяжба перед Престолом, имеет принципиальное значение для правильного понимания истоков русского конституционализма; Витте в нашей литературе принято считать едва ли не отцом русского парламента, но он скорее не отец, а злой снохач; Горемыкина изображают ретроградом, ловким царедворцем, тогда как факты говорят о другом. <...> По существу Витте организовал антиземскую кампанию...»*^[736].

Но позиция Витте по земствам в первую очередь определялась его стремлением к промышленному перевороту, к развитию банковской деятельности в России, а сделать это он мог только при условии сохранения Самодержавия. Таким образом, на том историческом отрезке Витте поддерживал Самодержавие, но делал он это не потому, что понимал его духовную сущность, и не потому, что осознавал его благо для сохранения единого Российского государства, а потому, что в тех условиях только Самодержавная власть мог-

ла осуществить его экономическую программу. По мнению доктора ист. н. Б. Н. Миронова: *«В течение XIX – XX веков российское Самодержавие являлось лидером модернизации, бесспорным проводником экономического, культурного и социального прогресса в стране»*^[737]. Таким образом, не Самодержавную власть стремился укрепить Витте, а своё политическое положение.

Император Николай II был сторонником индустриализации и поддерживал политику протекционизма. Американский генерал Нельсон Майлс докладывал о своей беседе с Государем: *«Он весьма заинтересован в развитии своей страны, особенно обширных диких пространств Сибири, условия которой очень напоминают наш собственный Запад некоторое время назад. <...> Я обнаружил, что он хорошо знаком с историей развития нашего Запада и преимуществ, принесенных туда развитием железных дорог, и он надеется последовать нашему примеру разделения незанятых земель на небольшие участки и раздачи их поселенцам, чтобы создать нацию патриотических домовладельцев, похожую на нашу»*^[738].

Царю нужно было в кратчайшие сроки создать мощную экономику, совершить коренную перестройку всей экономической жизни России. Программа преобразований была огромной. Городские центры в России были крайне неразвиты. В крупных городах жило только 5 % населения. Социальные характеристики общества были далеко не самыми при-

влекательными. Поэтому перед Государем стояла огромная задача модернизации всего этого огромного государственно-го механизма.

Кроме того, в мировой финансовой сфере шли процессы – предшественники современной глобализации. В конце XIX в. в связи с громадным ростом товарного обращения и развитием кредита большинство государств (Великобритания, Германия, Франция, Австро-Венгрия, США, Бельгия, Швейцария, Италия) перешли к единой золотовалютной системе, основой которой стала золотая денежная единица.

Естественно, что Россия, ставившая перед собой задачи быстрого экономического роста и равноправного положения с мировыми державами, не могла оставаться в стороне. Денежная реформа готовилась в России достаточно долго и заняла в целом около 15–17 лет. Значительный вклад в её проведение внесли четыре министра финансов: М. Х. Рейтерн, Н. Х. Бунге, И. А. Вышнеградский и С. Ю. Витте.

Россия уже давно не имела устойчивой валюты. Размен бумажных денег на золото и серебро был приостановлен ещё со времен Крымской войны; курс кредитного рубля (на золото) снова сильно упал во время войны 1877–1878 гг. В 80-е годы XIX в. он подвергался значительным колебаниям, опускаясь до 50 коп. за рубль. Россия отвыкла от металлического обращения; счет велся обычно на кредитные рубли, к которым приспособилась и разменная монета (медь и неполноценное серебро). Не только золота, но и полноценного се-

ребра почти не было в обращении. Только таможенные пошлины исчислялись в золотых рублях.

В конце XIX в., при широком развитии международного обмена товарами и капиталами, неустойчивая валюта, не имевшая точного соотношения с валютами других стран, представляла значительные неудобства. За иностранные товары и капиталы приходилось платить дороже, так как к нормальной цене прибавлялась еще премия за риск. В то же время колебания курса создавали осложнения и для русского экспорта: от цены кредитного рубля на иностранных биржах могли зависеть прибыльность или убыточность сделок по продаже русского хлеба и других товаров. Суть реформы 1895–1897 гг. заключалась в открытии свободного обмена ассигнаций (кредитные билеты, т. е. бумажные деньги) на золотые рубли.

С. Ю. Витте прекратил игру на бумажном рубле – теперь государство твёрдо гарантировало его курс. Ассигнационный рубль снова стал равен рублю металлическому, теперь золотому. Правительство вновь подтвердило свои обязательства разменивать бумажные ассигнации на золото всем желающим. Для этого у него был создан специальный золотой фонд. Сумма бумажных рублей не должна была превосходить размер этого фонда более чем на 300 млн рублей. Главная цель реформы состояла в том, чтобы укрепить денежную систему России, основу быстро формирующегося единого национального рынка.

В феврале 1895 г. Витте вышел со своими предложениями по реформе денежной системы. Они были в принципе одобрены Комитетом финансов, Государственным советом и утверждены Государем. Сама реформа была осуществлена в 1897 г. Оценивая её, С. Ю. Витте писал: *«Я имел за собою доверие Его Величества, и благодаря его твердости и поддержке мне удалось провести эту величайшую реформу. Это одна из реформ, которые, несомненно, будут служить украшением царствования Императора Николая II. В сущности, я имел за собой только одну силу, но силу, которая сильнее всех остальных – доверие Императора, а потому, я вновь повторяю, что Россия металлическим золотым обращением обязана исключительно Императору Николаю II»*^[739].

Основой русской денежной системы стал золотой рубль. Он приравнялся к 0,77 г чистого золота. Во внутреннее обращение вводились золотые монеты 5- и 10-рублёвого достоинства. Золотые монеты имели свободное хождение наравне с бумажными кредитными билетами. Стабильность золотого рубля имела в своём основании солидный финансовый фундамент: золотой запас Российской империи в 1897 г. превысил 1 млрд рублей. Несомненно, что основой успеха денежной реформы стало стремительное развитие отечественной промышленности, темпы роста которой в 1890-х гг. составили 10–12 % в год.

В результате подготовительных мер денежная реформа

проводилась по фактически сложившемуся на рынке соотношению между казначейскими билетами и их золотым содержанием. Поэтому реформа была осуществлена без замены денежных знаков и без пересчёта цен. Это позволило С. Ю. Витте совершить *«реформу так, что население России совсем и не заметило ее, как будто бы ничего, собственно, не изменилось»*^[740].

В результате проведённой денежной реформы было достигнуто оздоровление финансовой системы, проведена реорганизация Госбанка. Эта реформа отвечала потребностям развития страны, которая имела теперь устойчивую денежную единицу, в отличие от обесценивавшихся бумажных денег. Реформа способствовала росту деловой активности в стране и явилась одной из мер, предпринятых Правительством по организации экономического подъема в конце XIX – начале XX в. Среди этих мер следует также назвать выкуп государством нескольких частных железных дорог, увеличение объёма операций коммерческих банков с частными ценными бумагами, широко распространившееся ипотечное кредитование (под низкий процент – 6–6,5 %), а также привлечение иностранного капитала на взаимовыгодных условиях. В результате преобразований дореволюционная финансовая система была сильной и устойчивой, что доказало ее состояние даже в ходе Первой мировой войны^[741].

В XX в. Российская империя вступила с крупнейшей и лучшей в мире нефтедобывающей и нефтеперерабатываю-

щей промышленностью. В отечественной историографии и публицистике, как либеральной, так и патриотической, можно встретить утверждение, что вся нефтедобыча принадлежала иностранным компаниям, а потому, дескать, Россия была лишена своего национального богатства. Так как среди владельцев нефтепромыслов большую роль играл банк братьев Ротшильдов, некоторые исследователи придают этому факту юдофобскую направленность, в том смысле, что *«евреи захватили нефтяной рынок России»*. Но помимо Ротшильдов добычей русской нефти занималось товарищество «Братья Нобель», нефтепромышленники А. И. Манташев, П. О. Гукасов, С. Г. Лианозов, А. И. Путилов. При этом Эммануил Людвиг Нобель по национальности был шведом, Манташев, Гукасов и Лианозов – армянами, а Путилов – русским. Активное участие вышеперечисленных лиц, а также иностранных банков в русской нефтедобыче преподносится некоторыми исследователями как некая «кабала», «петля», которую затянули на шею России. Однако на самом деле всё обстояло совсем не так трагично. Когда при Александре III началась усиленная капитализация русской промышленности, у России не было своих сильных банков, способных финансировать нефтедобычу, ни нефтедобывающих компаний с соответствующим оборудованием. Ей просто нечем и не на что было добывать нефть. Тем временем в России всё больше осознавалась важность нефти как энергоресурса. Поэтому привлечение иностранных банков и компаний было

необходимо так же, как в своё время Петру Великому было необходимо приглашать иностранных инженеров, кораблестроителей, военных. Привлечение иностранного капитала в русскую промышленность вообще, а в нефтедобывающую в частности способствовало их развитию. Но это привлечение иностранного капитала вовсе не обозначало зависимость от него русской экономики. Главнона начальствующий на Кавказе князь Г. С. Голицын писал: *«Кавказ находится в ином положении и пока без иностранных капиталов обходиться затруднительно, в особенности при малой предприимчивости здесь со стороны русских капиталистов. Отсутствие свободных капиталов, зачаточное состояние заводской и фабричной промышленности, низкий уровень сельского хозяйства, недостаток технических знаний и слабая предприимчивость местного населения еще долго будут тормозить экономический рост края. При таких условиях не приходится отказываться от участия иностранцев в экономической жизни Кавказа, а между тем безусловное воспреещение им приобретать недвижимое имущество повлекло бы за собой прекращение прилива в край иностранных капиталов, к явному ущербу его хозяйственных интересов»*^[742].

Независимо от Ротшильда, да и другой ведущей фирмы – товарищества «Бр. Нобель», в Баку шел закономерный для рынка процесс: одни компании набирали силу, выигрывали в конкурентной борьбе, другие – просто держались на плаву, третьи – терпели крах. Чтобы не оказаться банкротами, часть

компаний объединялась, входила в состав более богатых или функционировала в тесном союзе. В ходе концентрации в Баку, где в 1890 г. имелось 148 нефтеперерабатывающих заводов, по преимуществу мелких, зачастую примитивных и полукустарных, к 1905 г. осталось уже 87 заводов^[743].

Тем не менее Императорское Правительство строго стояло на защите русских интересов. Ещё в 1892 г. новые принятые правила разрешали иностранным обществам приобретать в пользование ими собственность, нефтеносные земли. Но *«не иначе, как с особого каждый раз разрешения Министерства государственных имуществ, по соглашению с министерствами внутренних дел и финансов и с Главными начальствующими гражданской частью на Кавказе»*^[744].

В 1896 г. по указу Императора Николая II был ограничен экспорт сырой нефти с целью развития собственной промышленности: 94 % всей нефти перерабатывалось внутри страны. Законодательно запрещался экспорт необработанного сырья. То есть нефть вывозилась только в виде продуктов ее переработки. Причем экспорт нефтепродуктов составлял лишь 12 % от всего объема производства, т. е. вывозились «излишки», которые превышали объем потребления национального рынка^[745].

Нефть из Баку шла на переработку в центральные районы России, стимулируя развитие всех видов транспорта. В 1900-х гг. качество русских машинных масел и других продуктов нефтепереработки было лучшим в мире. К началу

XX в. ведущая отечественная нефтяная компания «Бр. Нобель» начала экспорт нефтепродуктов (керосина, масел, бензина) в Европу. В начале XX в. Россия ежегодно экспортировала свыше 50 млн пудов нефтепродуктов (керосина и осветительных масел). В 1900 г. Россия добыла 632 млн пудов нефти. Наибольшее количество керосина Россия вывезла в 1904 г. – 85,1 млн пудов^[746]. Строился керосинопровод Баку – Батум, способный кардинально изменить мировой расклад на рынке нефтепродуктов.

О том, что русская нефтяная промышленность не была «поделена» Ротшильдами и Нобелями, говорит тот факт, что именно с тайной подачи последних в 1904–1905 гг. была предпринята попытка взять под контроль богатые нефтедобывающие районы Кавказа, отсоединив их от России. С этой целью в районах нефтепромыслов была активизирована деятельность армянских националистических организаций «Дашнакцутюн» и «Гнчак», а в 1904–1905 гг. на нефтеприисках в Баку начались крупные беспорядки, надолго сорвавшие нормальную добычу нефти.

История подтвердила верность индустриального пути развития России. С каждым годом нового XX в. русская промышленность набирала обороты. Французский историк Марк Ферро вынужден признать: *«Судя по темпам оснащения промышленности в первые годы царствования Николая II, писал пятьдесят лет спустя экономист Гершенкрон, Россия, несомненно – без установления коммунистического*

режима – уже обогнала бы Соединенные Штаты»^[747].

Курс на индустриализацию был необходим, так как аграрный курс привел бы Россию к окончательному отставанию от Европы. Политика протекционизма, государственной поддержки российского предпринимательства, государственного вмешательства в экономику в разумных пределах дала очевидные положительные результаты, выведя Россию по уровню и, особенно, по темпам промышленного развития в ряды мировых лидеров. Интересы промышленников, предпринимателей, банкиров и Самодержавной власти в то время совпадали в ключевых вопросах и прежде всего в общем стремлении создать конкурентоспособную, современную великую державу^[748].

Говоря о первых шагах Николая II как государственно-го деятеля, невозможно обойти вниманием введение винной монополии. Её разработка началась ещё при жизни Императора Александра III. В ней деятельное участие приняли С. Ю. Витте и Д. И. Менделеев, который, будучи членом *«Комиссии по изысканию способов к упорядочению производства и продажи спиртных напитков»* (создана в 1895 г.), предложил систему экономических мер. Годом раньше Императорским Правительством был запатентован продукт, который и стал считаться на мировом рынке русским хлебным вином (в просторечии – водкой): хлебный спирт, очищенный и разведенный по весу водой точно до 40-градусной крепости. Введение стандарта на водку в 1895 г. стало поворот-

ным моментом в современном понимании этого алкогольного напитка. До конца XIX в. «водкой» называли настойки на травах и ягодах, перегнанные и ароматизированные. При добавлении в настойку сахара её называли «ратафией», очень крепкую (60°) и несколько раз перегнанную называли «ерофеичем». Простой водный раствор спирта, то, что сегодня принято называть водкой, в России не употребляли. В. И. Даль давал следующее определение водки: *«перегонное вино хлебное, а иногда из плодов»*^[749].

Винная монополия подвергалась жесткой критике со стороны весьма широких кругов русского общества. Говорили, что Правительство «спаивает народ». Между тем монополия не имела непосредственного отношения ни к развитию, ни к уменьшению пьянства. Задачи питейной монополии прежде всего определялись выпуском качественной государственной водки и повышением культуры употребления алкоголя^[750].

Старая «откупная» система и взимание акциза со спиртных напитков, существовавшие в России до введения монополии, создавали особый класс людей, заинтересованных в увеличении сбыта крепких напитков. Государственная монополия продажи водки не пыталась ограничить ее потребления, но и не занималась искусственным увеличением спроса путем рекламы, торговли в кредит. Главная цель реформы – монополия – давала государству более значительный доход, чем прежняя система обложения, – не за счет

увеличения пьянства, а путем присвоения себе той доли, которая раньше составляла барыш «посредников». Этот косвенный налог, существующий во всех странах в том или ином виде, шёл полностью в государственную казну. Это было ограничение сферы частной торговли алкоголем во имя интересов государства и устранением наиболее безобразных форм «распивочной» продажи водки и основанной на них эксплуатации потребителей.

Реформа вводилась в стране постепенно. С 6 июня 1894 г. в четырёх губерниях в качестве эксперимента была введена винная монополия. Затем «поочерёдно» она была внедрена и в другие районы европейской части Империи.

Винокуренные заводы могли принадлежать частным предпринимателям, однако производимый ими спирт покупался казной, проходил очистку на государственных складах и продавался в государственных винных лавках. Тем самым пресекался незаконный оборот спирта. Объёмы производства спирта устанавливала, опять же, казна и раздавала заказы частным производителям. Всё, что производилось сверх меры, можно было по Высочайшему разрешению вывозить на продажу за границу.

С 1 января 1895 по 1901 г. почти на четверть снизилось количество «пьяных» смертей, а в казну поступило 662,8 млн золотых рублей. (Государственный бюджет России 1900 г. составлял порядка 1,5 млрд золотых рублей, из них «водочный» доход – около 28 %.)

В итоговой записке, направленной Государю, сообщалось, что отмечено несомненное улучшение качества водки за счёт лучшей её очистки, и, как следствие, улучшилось здоровье населения, а упорядочение торговли водкой способствовало искоренению таких явлений, как *«пропитие беднейшими классами населения»* хлеба, скотины, птицы, домашней утвари и одежды. Во Всеподданнейшем докладе С. Ю. Витте отмечал, что с *«неподдельным чувством радости крестьяне, осеня себя крестным знаменем, выражали благодарность Батюшке-Царю, избавившему народ от пагубного влияния кабака»*. На этой записке Император Николай II написал: *«Прочёл с удовольствием»*^[751].

Борьба с пьянством стала в царствование Императора Николая II государственной программой и достигла огромных успехов.

Глава 6. Венчание на царство и события на Ходынском поле

Рождение Великой Княжны Ольги Николаевны и переезд Царской Семьи в Зимний дворец

Закончился 1895 г., первый полный год царствования Императора Николая II. В течение него Государь сумел вникнуть в азы самодержавного правления, познал каждодневную монаршую службу. Очень много в ней было ему ещё неясно, не по всем вопросам была выработана чёткая линия. Система управления огромной Империей была сложна, подчас громоздка и тяжела. Однако с каждым днём Государь набирался опыта, начинал видеть все достоинства и недостатки существующей системы. Николай II был преисполнен чувством долга служения России. Генерал М. А. Свечин вспоминал о дне своего производства в офицеры 12 августа 1895 г. на Высочайшем смотре в Красном Селе: *«Молодой Император, ещё не освоившийся с возложенными на него Божьей милостию трудами, обратился к нам с милостивыми словами, которые были выслушаны с волнением и глубоко запали нам в душу. Государь подошёл к нам, обвёл своим чарующим взглядом выстроенных юных юнкеров*

и пажей, и с любовной улыбкой произнёс: «Служите верой и правдой России и Мне. Любите Родину и будьте справедливы к подчинённым. Поздравляю вас с производством в офицеры». Громкое Ура вырвалось из наших груди»^[752].

3 ноября, в пятницу, в Александровском дворце Царского Села у Императора Николая Александровича и Императрицы Александры Феодоровны произошло радостное событие – родился их первый ребёнок, Великая Княжна Ольга Николаевна. Царь с Царицей с нетерпением и надеждой ждали этого дня. 10/22 мая 1895 г. Императрица Александра Феодоровна писала своей подруге юности Т. Беккер: «К моему огромному счастью, в скором времени меня ожидает несказанная радость, за которую я никогда не смогу в достаточной мере поблагодарить Бога»^[753]. Беременность протекала довольно тяжело, и Государыня писала, что «часто чувствует себя очень плохо». За ходом беременности наблюдал выдающийся русский врач, лейб-акушер Императорского Двора доктор медицины Д. О. Отт. 20 октября Императрица писала Беккер: «Мой муж и Элла в церкви, а я не могла пойти, ведь на днях мой срок. Всё готово, и скоро прилетит аист»^[754].

Наконец, это случилось. «Вечно памятный для меня день, – записал Император Николай II в своём дневнике, – в течение которого я много-много выстрадал! Ещё в час ночи у Аликс начались боли, которые не давали ей спать. Весь день она пролежала в кровати в сильных мучениях – бед-

ная! Я не мог равнодушно смотреть на неё. Около 2 ч. дорогая Мама́ приехала из Гатчины; втроём, с ней и Эллой, находились неотступно при Аликс. В 9 час. ровно услышали детский писк, и все мы вздохнули свободно! Богом нам посланную дочку при молитве назвали Ольгой! Когда все волнения прошли, и ужасы кончились, началось просто блаженное состояние при сознании о случившемся! Слава Богу, Аликс перенесла рождение хорошо и чувствовала себя вечером бодро»^[755]. На следующий день Государь присутствовал при первом купании Новорождённой, которая родилась крупным ребёнком – 10 фунтов (4,54 кг) весом и 55 см длины. Поэтому роды были тяжёлыми. Великий Князь Сергей Александрович отмечал в дневнике: «Ребёнок был переносим и так велик, что пришлось наложить щипцы и даже швы под хлороформом»^[756]. Свои чувства Государь выразил в дневнике: «Почти не верится, что это наше дитя! Боже, что за счастье!!!» Императрица Александра Фёдоровна писала своей сестре Виктории 13 декабря 1895 г.: «Ты можешь теперь понять наше нескончаемое счастье, ведь теперь у нас есть такое бесценное маленькое существо, о котором только мы должны заботиться и беспокоиться»^[757]. Государыня стала сама кормить дочь грудью, что прежде было не принято в Императорских семьях. Николай II сообщал Великому Князю Георгию Александровичу: «Ты, наверное, знаешь, что Аликс сама кормит нашу дорогую дочку»^[758].

Великая Княгиня Елизавета Фёдоровна информирова-

ла в письме королеву Викторию: «Аликс выглядит хорошо, и то, что она нянчит ребёнка, приносит ей большую пользу. Ночью её не будят, чтобы она хорошо отдыхала. Ребёнок прелестный. Все добрые советы, которые Вы мне дали, выполняются с самого начала, так как здесь уход во время родов прекрасный. В комнатах всегда свежий воздух, а чистота такая, что никогда нельзя поверить, что в комнате есть больная. Радость от рождения ребёнка ни на миг не позволяет Им огорчаться, что малютка Ольга не мальчик, и они обожают своё дитя»^[759].

В самом конце 1895 г., 30 декабря, Император, Императрица и их маленькая дочь переехали из Аничкова в приготовленные для них помещения в Зимнем дворце. Личные покои Царской Семьи были устроены на втором этаже северо-западной части дворца, в бывших помещениях Императрицы Александры Феодоровны, супруги Императора Николая Павловича^[760]. Над созданием интерьеров трудились три академика Академии художеств: М. Е. Месмахер, Д. А. Крыжановский под руководством дворцового архитектора А. Ф. Красовского. По прибытии Царской Четы в Зимний дворец в библиотеке был отслужен молебен с водосвятием. Из всех интерьеров комнат Императора Николая II и Императрицы Александры Феодоровны в Зимнем дворце до наших дней дошёл только интерьер библиотеки. Все остальные были уничтожены большевиками. Библиотека, помимо своего прямого назначения, использовалась Государем для

приёмов министров и других сановников. Кроме того, в ней Августейшие супруги музицировали, закусывали tête-à-tête после возвращения из театра, читали друг другу книги. Генерал А. А. Мосолов свидетельствовал: «*Чтение вдвоём было главным удовольствием Царской Четы, искавшей духовной близости и семейного круга*». Заведующий Собственной Его Императорского Величества библиотекой В. В. Щеглов каждый месяц представлял Государю не менее двадцати интересных книг, вышедших за этот период. Из них Государь отбирал одну для чтения Императрице. Обычно это было историческое сочинение или русский бытовой роман^[761].

Одним из последних указов Императора 1895 года стал Указ от 1 сентября о помощи страждущим и неимущим, для которых создавалось особое Попечительство «*о домах трудолюбия и работных домах*», которое взяла под своё покровительство Императрица Александра Феодоровна^[762].

31 декабря, в последние часы уходящего года, Император Николай II записал в дневнике: «*Сейчас наступает Новый год! Дай Бог, чтобы он прошёл так же мирно, тихо и счастливо для нас и для Матушки России, как предыдущий*»^[763].

Священное Коронование

1 января 1896 г. заканчивался траур по усопшему Императору Александру III. За это время Николай II предпринял ряд мер по увековечиванию памяти покойного Родите-

ля. 9 декабря 1894 г. им был создан Особый комитет по созданию в Москве памятника Царю-Миротворцу, 13 апреля 1895 г. в Петербурге был учреждён Русский музей Императора Александра III. В его основу легла коллекция произведений русского искусства, приобретённая и собранная покойным Царём. Через месяц, 13 мая 1895 г., Николай II повелел присвоить Историческому музею в Москве имя покойного отца. 26 февраля 1896 г., в день рождения Александра III, была учреждена серебряная медаль его имени. Это увековечивание памяти покойного Императора являлось как бы окончательным прощанием с ним и его царствованием. Теперь Россия ждала венчания на царство нового Монарха – Императора Николая Александровича.

1 января 1896 г. последовал Высочайший Манифест, в котором объявлялось: *«При помощи Божией вознамерились Мы, в Мае месяце сего года, в Первопрестольном граде Москве, по примеру Благочестивых Государей Предков наших, возложить на Себя Корону и воспрять по установленному чину Святое Миропомазание, приобщив к сему и Любезнейшую Супругу Нашу Государыню Императрицу Александру Феодоровну»*^[764].

В Самодержавной России коронация Монарха являлась важнейшим событием, которому придавалось особо священное значение. Святитель митрополит Филарет (Дроздов) указывал, что венчание на царство есть *«действие таинственное, в котором чувственный вид невидимо сопутству-*

ется и проникнут духовною и Божественною силою»^[765].

4 апреля 1896 г. из Бриллиантовой комнаты Зимнего дворца в Москву, в Оружейную палату, экстренным поездом были доставлены Императорские регалии: большая Императорская корона, малая Императорская корона, скипетр, держава, порфира Его Императорского Величества, Государственный меч, Государственное знамя и две бриллиантовые цепи ордена Святого Апостола Андрея Первозванного. Эти регалии присутствовали на коронациях Императоров Всероссийских наряду с древними символами Русского Царства: шапкой Мономаха, шапкой Царя Иоанна Грозного (корона Казанского Царства), шапкой Царя Михаила Феодоровича (корона Астраханского Царства), шапкой Алтабасной Царя Иоанна Алексеевича (корона Царства Сибирского), короной Грузинской, Государственным щитом и другими^[766].

В апреле стали съезжаться первые Высокие гости. 30 апреля в Москву приехала депутация от восточных Патриархов. 1 мая в Москву прибыл эмир Бухарский, 4 мая – хан Хивинский, 5 мая – посол Поднебесной империи Ли Хунчжан. К 7 мая в Москву прибыли делегации: Великобритании, Японии, Дании, Испании, Бельгии, Болгарии, Сербии, Черногории, Австрии, Венгрии, Греции, Италии, Румынии, Кореи, Святого Престола, также германских государств: Пруссии, Баварии, Саксонии, Бадена, Саксен-Кобурга, Гессена, Вюртемберга, Мекленбург-Шверина, Мекленбург-Стрелица. Делегации прибывали в самой торжественной обстановке, на вок-

залах их встречали почётные караулы, а затем парадные кареты развозили прибывших в заготовленные резиденции^[767].

Коронация Императора Николая II была назначена на 14 мая 1896 г. На неё были приглашены многие известные художники: В. М. Васнецов, И. Е. Репин, В. А. Серов, В. Е. Маковский, А. П. Рябушкин, М. В. Нестеров. По заказу Академии художеств им было поручено написать картины и портреты для коронационного альбома.

Город полностью преобразился. Очевидец писал: *«Не узнать теперь Москвы, даже коренному москвичу. Как по волшебству, то здесь, то там возникают всё новые и новые сооружения – одно богаче и наряднее другого. Павильоны,obelisks,мачты,убранные орлами, вензелями, гербами башни и башенки – какая, в общем, роскошь, какой блеск, какая красота!»*^[768]

Другие очевидцы свидетельствовали об особом убранстве улиц: *«Кузнецкий мост – сплошная декорация: все дома задрапированы материей, убраны флагами и гирляндами; подъезды магазинов превращены в красивые павильоны; сотни лёгких арок из гирлянд и маленьких флажков живописно колеблются над улицей роскошных витрин. У Сретенских ворот была устроена красивая триумфальная арка, убранный гирляндами и флагами. В середине арки надпись: “Боже Царя храни!”. Вообще декоративные убранства крайне разнообразны и охватили собой всю столицу, которая точно окуталась в цветные материи и ковры»*^[769].

В Успенском соборе были поставлены три трона, на которых должны были восседать во время коронации Император, Императрица и Императрица-Мать. Это были троны Царей Иоанна III Васильевича, Михаила Феодоровича и Алексея Михайловича.

Предстоящее событие глубоко волновало Государя. 2 мая он посетил могилу отца *«перед тяжким испытанием, ожидающим нас в Москве»*^[770]. 5 мая в Александровском дворце был отслужен напутственный молебен и в 23 часа того же дня Императорский поезд отправился в Москву, в которую прибыл 6 мая 1896 г., в день рождения Государя. *«Дай Бог, чтобы там это тяжёлое время прошло гладко и благополучно, и чтобы Господь сподобил нас радостно вернуться сюда!»* – записал Николай II в дневнике^[771]. Перед въездом в город Царь остановился в Петровском путевом дворце, где останавливались перед коронацией Императоры Всероссийские, начиная с Павла I^[772]. Перед Петровским дворцом собралась многотысячная толпа. Специально собранные хоры Императорских московских театров и музыкальных обществ числом в 1000 человек исполняли Царю «серенады». По окончании серенады в 22 часа представители хоров были приглашены во дворец, где Государь благодарил певцов за их прекрасное пение.

7 мая Николай II принял эмира Бухарского и хана Хивинского, а также брата императора Германского принца Генриха Прусского.

9 мая 1896 г. в 2 час. 30 мин. началось шествие Царя из Петровского дворца в Кремль. Б. А. Энгельгардт вспоминал: *«Когда Государь появился на крыльце дворца, грянул первый сигнальный пушечный выстрел, и головная часть процессии тронулась в путь. Государю подвели белую лошадь, по традиции кованную на серебряные подковы. Государь сел в седло, и грянул второй выстрел. В момент выезда Царя из ворот дворца прозвучал третий и на него хором ответили колокола всех московских церквей. В тот же момент со звоном колоколов слилось могучее ура многотысячной толпы, стоявшей против дворца»*^[773].

Небо, затянутое тучами в течение предыдущих дней, вдруг озарилось ярким солнцем. Огромные толпы народа вглядывались в бесконечную процессию, надеясь разглядеть в ней Царя. Впереди на красивых породистых лошадях шествовал Собственный Его Величества Конвой, состоявший из кавказских горцев. За ним – сотня Лейб-гвардии Казачьего Его Величества полка. Далее длинной вереницей шли представители азиатских народов Российской Империи: туркмены, текинцы, сарты, киргизы. Потом обер-церемониймейстеры, церемониймейстеры, их помощники, камер-юнкеры, камергеры. Это была высшая аристократия России: верховный церемониймейстер князь А. С. Долгорукий, генерал-адъютант князь Н. Н. Оболенский, обер-гофмаршал князь С. Н. Трубецкой, светлейший князь А. А. Ливен, князь Л. П. Урусов, князь Н. Д. Голицын, князь Б. А. Ва-

сильчиков, князь Б. Д. Сидомон-Эристов, граф Д. И. Толстой, граф В. А. Мусин-Пушкин. За ними шла чередой карет, в которых ехали чины Двора и иностранные придворные. Потом сотни Лейб-гвардии Кирасирского, Конногвардейского и Кавалергардского полков в блестящих на солнце шлемах и кирасах. Наконец, на белом коне ехал Император Николай II, одетый в мундир Лейб-гвардии Преображенского полка с Андреевской лентой через плечо. За Государем следовала свита из великих князей и представителей иностранных держав. Далее следовали две золочёные кареты, в которых находились Вдовствующая Императрица Мария Феодоровна и Императрица Александра Феодоровна. Карета молодой Царицы принадлежала Екатерине Великой и была расписана живописью. На дверцах кареты красовался двуглавый орёл. Будущий финский президент, а тогда офицер Императорской гвардии барон К.-Г. Маннергейм вспоминал: *«Перед Императором на коне и его блестящей свитой гарцевал первый эскадрон кавалергардов, где я исполнял обязанности командира первого взвода. Обе Императрицы ехали в изумительных праздничных экипажах, запряженных восьмерками, за ними следовали двадцать карет, запряженных шестью и четырьмя лошадьми. Балконы над улицами были заполнены празднично одетым народом. Все выглядело неопишимо красочно и величественно»*^[774].

Интересные воспоминания о въезде Государя в Москву оставил присутствующий на коронации флигель-адъютант

германского императора Вильгельма II Гельмут фон Мольтке: «Оживление в городе было неимоверным. По улицам сплошными потоками двигались люди, скапливаясь во всех местах, где должна была пройти процессия. Войска – численностью около пятидесяти тысяч человек – стояли шпалерами вдоль всего восьмикилометрового пути до Кремля. <...> Первыми тронулись две золотые, украшенные драгоценными камнями кареты, каждая запряжена восьмёркой белых лошадей, – экипажи Императрицы и Императрицы-матери; за ними последовал Император верхом. Он тоже ехал на белом коне. <...> Весь народ стоял с обнаженными головами и кричал своему Батюшке раскатистое “ура!”»^[775].

Николай II въехал в Первопрестольную столицу через Триумфальные ворота у Тверской заставы. В дневнике Николай II записал: «Первый тяжёлый день для нас – день **въезда** в Москву. Погода стояла великолепная. <...> В 2 ½ ровно тронулось шествие; я ехал на Норме. Мама сидела в первой золотой карете, Аликс во второй – тоже одна. Про встречу нечего говорить, она была радужна и торжественна, какая только и может быть в Москве! Вид войск чудесный! В Успенском и Архангельском соборах прикладывались к мощам»^[776].

Княгиня М. С. Барятинская в своих мемуарах отмечала: «Приветствовать Белого Царя собрались все расы, одетые в невиданное многообразие костюмов»^[777].

Художнику М. В. Нестерову особенно запомнился въезд

Государя в Кремль: «*Стало слышно далекое раскатистое “ура”. Оно быстро приближалось, крепло, росло, наконец, загремело где-то близко около нас с поразительной силой. Войска взяли на караул, музыка заиграла, показался на белом арабском коне молодой Царь. Он ехал медленно, приветливо кланялся народу, был взволнован, с бледным, осунувшимся лицом... Царь проследовал через Спасские ворота в Кремль*»^[778].

Перед въездом в Кремль Государь спешил к Иверской часовни, чтобы приложиться к чудотворной иконе Пресвятой Богородицы. А. С. Суворин в своём дневнике так описывал этот момент: «*Все заметили, что Государь был чрезвычайно бледен и сосредоточен. Он всё время держал руку под козырёк во время выезда и смотрел внутрь себя*»^[779].

В 16 час. Император Николай II, сняв шапку и осенив себя крестным знаменем, с благоговением вошёл на территорию Кремля через ворота Спасской башни. Вся территория от Спасских ворот до Успенского собора была наполнена народом, встречавшим Государя в почтительном молчании с непокрытыми головами. Царь с Царицей проследовали в Успенский собор, где они были встречены всем духовенством во главе с митрополитом Санкт-Петербургским и Ладожским Палладием (Раевым). Император Николай II и Императрица Александра Феодоровна приложились к главным святыням собора: ковчегам с ризой Господней, гвоздем Христовым и ризой Божьей Матери, а в Петропавловском приде-

ле — к мощам московских митрополитов Святителя Петра и Святителя Филиппа (Колычева). Из Успенского собора Царская Чета, сопровождаемая митрополитом московским Сергием (Ляпидевским), проследовала в Архангельский собор, где отстояла благодарственный молебен, ектенью и многолетие. Государь и Государыня поднялись на Красное крыльцо и с верхней его площадки в пояс поклонились народу. Многогласное «ура!» было им ответом.

В 18 час. 35 мин. Государь и Государыня по установившейся традиции проследовали из Кремля в село Нескучное в Александринский (Нескучный) дворец^[780], где они должны были готовиться к предстоящей коронации, проводя время в строгом посте и молитве. В Александринский дворец переехала и Вдовствующая Императрица Мария Феодоровна.

10 мая Император Николай II и Императрица Александра Феодоровна, после Божественной литургии, снова прибыли в Кремль, где принимали делегации чрезвычайных посольств: французского, испанского, японского, корейского, американского. Каждое посольство принималось Царской Четой отдельно, причём посол вручал Государю верительные грамоты. Вечером того же дня Император Николай II принял представителей Восточных Патриархов, которые благословили Царя иконами. В 16 час. 40 мин. Царь и Царица возвратились в Нескучное, где присутствовали на всенощной.

11 мая Царская Чета вновь присутствовала на Божественной литургии в церкви Александринского дворца, а затем

отправилась в Большой Кремлёвский дворец, где продолжился приём посольств: Нидерландов, Португалии, Сербии, Османской империи. После приёма Царь с Царицей вернулись в Нескучное и снова присутствовали на всенощном бдении.

Все эти дни по Москве ездили специальные герольды, наряженные в красивые костюмы, которые громко зачитывали народу о предстоящем короновании Царя и раздавали людям специальные прокламации. Строго говоря, в конце XIX в. при наличии печатной и копировальной техники надобности в этих герольдах не было. Но таким образом сохранялась традиция и придавалась особая торжественность предстоящему событию.

12 мая Церковь отметила Праздник Святой Животворящей Троицы. С утра Николай II и Александра Феодоровна присутствовали на торжественном богослужении, а потом в который раз отправились в Кремль, где в Оружейной палате произошло освящение Государственного знамени, установленного затем в Тронном зале. Знамя было выполнено из золотой ткани, но не росписью, а шитьём и представляло собой большое золотое полотнище, на котором был изображён Государственный герб, двуглавый орёл и гербы всех владений Российской империи^[781]. Вверху древка крепилась бантом Андреевская лента, на которой золотом были начертаны слова: «С нами Бог!» После отслуженного молебна Царская Чета вернулась в Нескучный дворец.

Накануне коронации, 13 мая, Государь с Государыней переехали в Кремль, в котором пробыли до конца коронационных торжеств. Утром того же дня Императорские регалии были перенесены из Оружейной палаты в Андреевский зал Большого Кремлёвского дворца. В 19 час. вся Царская Семья была на всенощной в домово́й кремлёвской церкви, известной как «Спас за золотой решёткой». В ходе службы Император Николай II исповедовался. *«Да поможет нам милосердный Господь Бог, – записал он в этот день в своём дневнике, – да подкрепит Он нас завтра и да благословит на мирно-трудо́вую жизнь!!!!»*^[782]

Утром 14 мая в Успенский собор были внесены Императорские регалии, в 9 час. 15 мин. в собор проследовала Вдовствующая Императрица, а в 10 час. утра началось шествие Императора Николая II и Императрицы Александры Феодоровны из залов Большого Кремлёвского дворца в Успенский собор. Княгиня М. С. Барятинская вспоминала: *«На Императоре Николае был мундир самого старого Гвардейского полка – Преображенского, а Императрица была одета в белое русское платье, обшитое жемчугом. Так как они еще не были коронованы, перед ними не несли никаких символов власти. Императрица была исключительно красива, но все заметили, насколько смущенной и нервной она выглядела. Глаза Императора были яркими и светлыми, как будто он смотрел в будущее с надеждой и уверенностью»*^[783].

Как вспоминал камердинер А. А. Волков: *«Мундир и по-*

дошвы сапог Государя имели заранее сделанные отверстия, через которые было совершено таинство миропомазания. Переодевшись, Государь велел убрать мундир и сапоги, которые должны были храниться как святыня и в качестве исторической реликвии»^[784].

Платье Императрицы из серебряной парчи поражало своей красотой и особым древним узором, который вышили монахини Иоанновского монастыря. Когда Царская Чета появилась на Красном Крыльце, громовое «ура!» прокатилось над площадью. Государь и Государыня кланялись народу. Когда Царь и Царица подошли к паперти собора, крики смолкли, и воцарилась гробовая благоговейная тишина.

Встречавший Царя на паперти собора митрополит Московский Сергей (Ляпидевский) обратился к нему со словом: «Благочестивейший Государь! Настоящее Твое шествие, соединённое с необыкновенным великолепием, имеет и цель необычной важности. Ты вступаешь в это древнее святилище, чтобы возложить здесь на Себя царский венец и воспринять Священное Миропомазание. Твой прародительский венец принадлежит Тебе единому как Царю Единодержавному. Но Миропомазания сподобляются все православные христиане, и оно неповторимо. Если же предлежит Тебе новых впечатлений этого таинства, то сему причина та, что как нет и выше, так и нет труднее на земле царской власти, нет бремени тяжелее царского служения; посему для понесения его Святая Церковь издревле признала необходимым

средство чрезвычайное, таинственное, благодатное»^[785].

После этих слов Царь с Царицей поцеловали крест, поднесённый митрополитом Палладием, и вошли в собор, где, приложившись к святыням, взошли на тронное место и сели на свои троны. В 10 час. утра начался торжественный обряд Священного Коронования. Государь громко прочитал православный Символ Веры и троекратно перекрестился. После этого началось пение тропарей, молитв и чтение Святого Евангелия. Митрополит Палладий крестообразно возложил руки на голову Государя и прочитал соответствующую молитву, призывая Господа удостоить *«верного раба Твоего Великого Государя Николая Александровича»* помазания *«елеем радования, одеть Его силою с высоты, возложить на главу Его венец и даровать Ему долготу дней»*. Затем Император Николай II был облачён в порфиру и на него была одета бриллиантовая цепь ордена Святого Апостола Андрея Первозванного. В 10 час. 30 мин. Государю на бархатной малиновой подушке была поднесена Большая Императорская корона, которую подал ему митрополит Палладий. Государь взял корону и возложил ее на себя, при словах митрополита: *«Во Имя Отца, и Сына, и Святаго Духа. Аминь»*. Затем митрополит вручил Государю скипетр и державу, произнеся: *«О, Богом венчанный, и Богом дарованный, и Богом украшенный, Благодетельнейший, Самодержавнейший, Великий Государь Император Всероссийский! Приими скипетр и державу, еже есть видимый образ данного Тебе от Вышня-*

го над людьми своими Самодержавия ко управлению их, и ко устройению всякого желаемого ими благополучия»^[786].

Одетый в порфиру и корону, держа в правой руке скипетр, а в левой – державу, Государь воссел на престол. Затем Государь положил на подушки скипетр и державу и знаком пригласил подойти к нему Императрицу, которая стала на колени перед Супругом. *«Картина идеальной покорности, – писал очевидец, – вместе с проявлением художественной женской грации и изящества, несомненно, останется навсегда в памяти присутствующих в соборе, как одно из самых светлых воспоминаний о коронационных днях. Государь Император снял с Себя корону, прикоснулся ею к голове Императрицы и снова возложил корону на Себя. В это время поднесена была Его Императорскому Величеству малая корона, которой Государь увенчал главу Государыни Императрицы, а затем возложил на Её Величество порфиру и алмазную цепь ордена Св. Апостола Андрея Первозванного»*^[787].

После этого Царь с Царицей облобызались и воссели на престолы. Протодиакон возгласил многолетие «Богом венчанному и превознесенному» Императору Николаю II, именую его полным титулом: *«Божиею Поспешествующею Милостию, Мы, Николай Второй, Император и Самодержец Всероссийский, Московский, Киевский, Владимирский, Новгородский; Царь Казанский, Царь Астраханский, Царь Польский, Царь Сибирский, Царь Херсонеса Таврического, Царь Грузинский; Государь Псковский и Великий Князь Смолен-*

ский, Литовский, Вольнский, Подольский и Финляндский; Князь Эстляндский, Лифляндский, Курляндский и Семигальский, Самогитский, Белостокский, Корельский, Тверский, Югорский, Пермский, Вятский, Болгарский и иных; Государь и Великий Князь Новогорода низовския земли, Черниговский, Рязанский, Полотский, Ростовский, Ярославский, Белозерский, Удорский, Обдорский, Кондийский, Витебский, Мстиславский и всея северныя страны Повелитель; и Государь Иверския, Карталинския и Кабардинския земли и области Арменския; Черкасских и Горских князей и иных наследный Государь и обладатель, Государь Туркестанский; Наследник Норвежский, Герцог Шлезвиг-Голштейнский, Стормарнский, Дитмарсенский и Ольденбургский и прочая, и прочая, и прочая».

После произнесения титула со стен Кремля был дан артиллерийский салют, возвестивший о коронации нового Императора. Все стоящие в соборе, трижды молча поклонились ему поясным поклоном. Когда выстрелы смолкли, Государь опустился на колени и прочёл молитву, в которой просил Господа: *«Ты же Владыко и Господи Мой, настави Мя в деле, на неже послал Мя еси, вразуми и управи Мя в великом служении сем»*^[788].

После прочтения молитвы Государь встал, и тут же на колени опустились все присутствующие в соборе и весь народ, стоящий на площади возле него. Хроникёры отмечали: *«Все, что происходило в Успенском соборе, точно толчки сердца,*

разносилось по всей этой необозримой толпе и, как бьющий-ся пульс, отражалось в самых отдаленных ее рядах. Вот Государь коленопреклоненный молится, произнося святые, великие, исполненные столь глубокого значения слова установленной молитвы. Все в соборе стоят, один Государь на коленях. Стоит и толпа на площадях, но как все разом притихли, какая благоговейная тишина кругом, какое молитвенное выражение лиц! Но вот Государь встал. На колени опускается Митрополит, за ним все духовенство, вся Церковь, а за Церковью весь народ, покрывающий кремлевские площади и даже стоящий за Кремлем. Теперь и те странники с котомками опустили, и все на коленях. Только один Царь стоит перед своим троном, во всем величии своего сана, среди горячо молящегося за Него народа».

Владыка Палладий, стоя на коленях, трижды прочёл Молитву за Царя: «Спаси Господи люди Твоя и благослови достояние Твое, победы Благоверному Императору нашему, Николаю Александровичу на сопротивных даруя, и Твое сохраняя Крестом Твоим жительство». После этих слов все встали с колен, и хор исполнил «Тебя Бога хвалим». На этом коронация закончилась. Начались поздравления Государя и Государыни. Первой своего Державного сына и Невестку поздравила Вдовствующая Императрица Мария Феодоровна. Потом Императора и Императрицу поздравили все монаршие особы, присутствовавшие на коронации.

После поздравлений началась Божественная литургия, во

время которой Император Николай II был помазан на царство. Таинство было осуществлено в алтаре Успенского собора, где Владыка Палладий трижды помазал ему Священным Миром лоб, ноздри, губы, уши, грудь и руки, каждый раз повторяя: «Печать Духа Святаго». После помазания все колокола начали торжественный перезвон, а пушки Кремля дали артиллерийский салют из 101 залпа. Известие о миропомазании было встречено громовым народным «Ура!». Там же, в алтаре, Государь причастился Тела и Крови Христовых по особому царскому чину, каким причащаются священнослужители. Тем самым было зримо показано, что Православный Царь не только светский, но и сакральный владыка своего народа.

Вслед за Государем, но уже возле Царских Врат причастилась и Государыня. Протодиакон Попов провозгласил: «*Благоверному и Благочестивому и Христолюбивому, Самодержавнейшему Великому Государю нашему Богом Венчанному, Превознесенному и Святым миром помазанному Николаю Александровичу, Императору и Самодержцу Всероссийскому, и Супруге Его, Благоверной и Благочестивой, Венчанной и Превознесенной и Святым миром помазанной Государыне Императрице Александре Феодоровне, Многая и благая лета!*»

После коронования и миропомазания началось обратное шествие Царя и Царицы из Успенского собора в Большой Кремлёвский дворец, где должен был состояться празднич-

ный приём. Сопровождаемый огромной свитой, под балдахин, украшенным страусовыми перьями и мехом горноста, в короне и порфире, держа в руках скипетр и державу, Государь медленно шествовал на поклонение в Архангельский и Богоявленский соборы, а затем на торжество в Большой дворец. Государыня находилась на несколько шагов позади Государя. Шествие снималось на пленку французской киностудией братьев Люмьер, это была первая в России киносъёмка. По поручению братьев Люмьер коронационные торжества снимал присланный из Парижа оператор Камилл Серф. При выходе из Архангельского собора, на Красном крыльце, Царь и Царица по старому обычаю три раза в пояс поклонились народу.

Великолепие зрелища глубоко поразило присутствующих. Один журналист писал: *«Ни на какой палитре не найдется таких красок, ни у какого художника слова не хватит выражений, достаточных для того, чтобы нарисовать верную картину происходящего. Когда, по окончании шествия, уже в Кремле, Государь поднялся на Красное крыльцо и с верхней площадки, при шумных ликованиях кругом, поклонился три раза народу, то невольно припомнилось сказанное покойным Аксаковым по поводу прошлого коронования — что здесь в Кремле, сошлись и стояли лицом друг с другом две великие силы: русский Царь и безгранично верный ему русский народ»*^[789].

Сам Император Николай II так выразил свои чувства от

прошедших 14 мая событиях на страницах дневника: *«Всё что произошло в Успенском соборе, хотя и кажется настоящим сном, но не забывается во всю жизнь!!!»*^[790]

В 21 час с верхнего балкона Большого дворца Императрица Александра Феодоровна зажгла электрическую иллюминацию колокольни Ивана Великого и всей Первопрестольной столицы. Включатель иллюминации был спрятан в букете цветов, который Государь преподнёс Супруге. Генерал В. Ф. Джунковский делился своими воспоминаниями: *«Кремлевская иллюминация зажглась в один миг, в тот самый миг, когда Государыня взяла в руки поднесенный ей букет с электрическими цветами. Засветился букет, и в тот же момент засветился разноцветными электрическими огнями весь Кремль, точно огненной кистью нарисованный на потемневшем небе. Иначе как огненной живописью нельзя назвать вчерашнюю иллюминацию Кремля. Его кресты, куполы, крыши, зубцы, окна, карнизы, все его разнообразные архитектурные линии вырисовывались тысячами разноцветных огней, бирюзовых, пурпурных, золотистых или сверкающих, как бриллианты. Каждая башня, каждый купол, каждая арка ворот или амбразура окна были чудом красоты и искусства. Описать эти чудеса невозможно, нужно было их видеть, как видел московский народ, сотнями тысяч запрудивший все улицы»*^[791].

Для иллюминации Москвы понадобились 190 тыс. электрических лампочек, газовых рожков, разного рода фонари-

ков, лампионов.

В ознаменование коронации Государем народу были дарованы большие милости: прощены недоимки, объявлена амнистия преступникам за нетяжкие преступления, освобождены многие ссыльные. За Царский счёт в десятках городов России были устроены обеды для 50 тыс. бедных.

Ещё 20 апреля 1896 г. Император Николай II издал указ: *«О присвоении иереям монашествующего и белого духовенства возлагать на себя святой крест»*^[792]. Эта царская милость предусматривала *«присвоение в ознаменование всенародного торжества Коронования и Священного Миропомзания Их Императорских Величеств, всем состоящим на службе иереям, монашествующего и белого духовенства, равно как и рукополагаемых вновь, в означенный сан, право возлагать на себя святой крест»*. Тем же указом был утверждён и рисунок креста^[793]. Именно благодаря этому царскому указу всё православное «белое» духовенство до сих пор носит наперстные кресты.

Сам же Государь в эти дни принял на себя тяжкий крест мученического служения России. Среди присланных ему в те дни почетных наград совсем незамеченным остался знак неизвестной американской религиозной организации: «Орден Тернового венца», имевшей своим символом крест, увитый терниями^[794]. Эта награда стала вещим предсказанием тернового царствования Императора Николая II.

События на Ходынском поле

«Ответственность» за давку на Ходынском поле, приведшую к многочисленным жертвам, стала первым обвинением Императора Николая II, которое ему предъявило «передовое» общество. Вслед за обществом обвинение это было подхвачено революционерами, закреплено советской пропагандой и до сих является тем штампом, которым большая часть отечественной и зарубежной историографии характеризует царствование последнего Государя. На самом деле трудно найти более нелепого и надуманного обвинения, чем обвинение Николая II в Ходынке. Подобные несчастные случаи происходили всегда и происходят до сих пор. В 1887 г., на торжествах в честь 50-летия правления королевы Виктории, в Лондоне в массовой давке было задавлено насмерть 2500 человек и несколько тысяч ранено^[795]. По крайней мере, несколько сотен людей погибло в Москве при похоронах Сталина. В 1982 г. 66 человек, в основном подростков, погибло в давке на стадионе «Лужники». В декабре 2009 г. 156 человек погибло при пожаре в Перми в клубе «Хромая лошадь». 22 ноября 2010 г. на «празднике воды» в Пномпене погибло в давке 456 человек. Это не считая таких «ходынок», как катастрофа на Саяно-Шушенской ГЭС 17 августа 2009 г. (погибло 75 человек) или катастрофа с затонувшим на Волге 10 июля 2011 г. теплоходом «Булгария» (погибло

122 человека). Однако ни в одном из этих событий никому не приходило в голову обвинять верховную власть в несчастных случаях. Королеве Виктории даже не сочли нужным докладывать о случившемся. Кстати, С. Ю. Витте вспоминал, что китайский посол на коронации Ли Хунчжан был страшно удивлён, что Государю вообще сообщили о погибших людях. *«Если бы я был сановником вашего Государя, я, конечно, всё от него скрыл бы. Для чего его, бедного, огорчать?»* — недоумевал китайский посол^[796].

Однако в случае с Ходынкой много неясного. Происшедшее на ней видится не только несчастным случаем. Изначально давке на Ходынском поле был придан характер «зловещего предзнаменования», которое якобы в числе других знаменовало «несчастливое» царствование.

Сразу после коронации стали распространяться слухи, что якобы с груди Государя упал орден Андрея Первозванного. А. П. Извольский, который присутствовал на коронации в качестве камер-пажа, вспоминал: *«В самый торжественный момент церемонии, когда Император подходил к алтарю для совершения обряда помазания, бриллиантовая цепь, к которой крепился орден Андрея Первозванного, оторвалась от мантии и упала к Его ногам. Один из камергеров поднял ее и передал министру двора графу Воронцову, который положил ее в карман.*

Все произошло так быстро, что не было замечено никем, кроме тех, кто находился близко к Императору. <...>

После церемонии всем, кто видел это, было приказано молчать об инциденте, и до сих пор он был никому не известен. Я остановился на описании этого случая, который может показаться незначительным, потому что знаю, какое глубокое впечатление было произведено им на Николая II, и насколько он увеличил Его врожденную склонность к фатализму»^[797]. Эти воспоминания Извольского вызывают ряд вопросов. Цепь ордена Св. Апостола Андрея Первозванного была больше метра, а её вес составлял примерно 300 г. Очевидно, что падение такой цепи не могло пройти незамеченным, и уж точно граф Воронцов-Дашков никак не мог положить ее в карман.

Извольский ошибается, когда уверяет, что инцидент с цепью «не был никому известен» до его воспоминаний. Присутствовавший на коронации Великий Князь Константин Константинович записал в своём дневнике, что Государю «помогали надеть порфиру; при этом разорвалась Его большая бриллиантовая Андреевская цепь»^[798]. А. С. Суворин в своём дневнике 1896 г. замечает по этому поводу: «В соборе Владимир Анат. (правильно Александрович. – П. М.) оправлял так усердно порфиру на Царе, что оборвал часть цепи Андрея Первозванного, которая надета была на Государе»^[799]. У графа С. Д. Шереметева инцидент с цепью приобретает другие очертания: «Перед тем, чтобы надеть порфиру, нужно было оправить цепь Святого Андрея, затем порфиру завязать кистями на груди. Государь Сам не мог спра-

витель, нервно подошел Владимир Александрович и стал завязывать и оправлять цепь, но толку не было, и конца не было этим стараниям. Кончилось тем, что Владимир Александрович сломал одно из звеньев цепи, и оно упало на пол... Императрица Мария Феодоровна едва сдержала глухой крик и покачнулась, но звено было поднято, и наконец, все было приведено в порядок»^[800]. Поведение Великого Князя Владимира Александровича представляется невероятным, как и его способность сломать весьма прочную цепь высшего ордена Российской Империи.

Был ли этот эпизод на самом деле или нет, неизвестно. Но даже если он и имел место, то это была столь незначительная заминка, которая никак не отразилась на ходе коронации и, безусловно, осталась незамеченной подавляющей частью присутствующих. В дневнике Государя о ней ничего не говорится.

Между тем случай с оторванными звеньями цепи приобрел в общественном сознании всё большие размеры. Стали говорить, что Государю стало плохо «под тяжестью короны» и о других «недобрых знаках». Под влияние этих слухов попадали даже такие глубоко верующие верноподданные, как игумен Серафим (Кузнецов). «Во время коронования, – писал он, – с Государем произошел, по-видимому, не заслуживающий внимания случай, но он оказался впоследствии вещим. После длинной и утомительной коронационной службы, в момент восхождения Императора на церковный по-

мост, изнемогая под тяжестью царского одеяния и короны, он споткнулся и на время лишился чувств»^[801].

Несмотря на то, что все эти «знаки» не имели под собою никакого фактического подтверждения, их упорно навязывали народному сознанию. Не вызывает сомнения, что они были звеньями единой цепи, основным из которых стала давка на Ходынском поле. А. С. Суворин сообщал, что за несколько дней до этих событий *«одна дама слышала разговор двух мужчин в вагоне по-английски, которые говорили, что во время народного праздника в Москве будет много убитых. Она сказала тогда же об этом полковнику Иванову, служащему при градоначальнике, и теперь телеграфировала Великому Князю Сергею Александровичу»^[802].*

Прежде чем останавливаться на обстоятельствах ходынской трагедии, следует разобраться, кто нёс ответственность за порядок и безопасность в Москве во время коронационных торжеств. Сразу же после ходынских событий была организована кампания по обвинению в них московского генерал-губернатора Великого Князя Сергея Александровича и полицейских властей Москвы. На самом деле эти обвинения были беспочвенные.

Ходынское поле было традиционным местом для массовых народных гуляний. Именно на Ходынке в 1856 и 1883 гг. состоялись празднования коронаций Императоров Александра II и Александра III. Причём народные гулянья после коронации Александра II сопровождались фейервер-

ками, салютами и другими пиротехническими эффектами. Все они прошли без малейших эксцессов. Это стало результатом слаженной работы властей и полиции, которая заранее предотвращала массовое скопление людей. Раздача подарков проходила централизованно, спокойно^[803].

В 1896 г. всё было по-другому изначально. Генерал В. Ф. Джунковский, в ту пору адъютант Великого Князя Сергея Александровича, вспоминал, что *«устройство народного гулянья было изъято из ведения генерал-губернатора и передано всецело Министерству Двора»*^[804]. То есть в 1896 г. ответственным за устройство *«коронационных народных зрелищ и увеселений»* был не Великий Князь Сергей Александрович, а министр Императорского Двора граф И. И. Воронцов-Дашков, ведомство которого находилось в Петербурге. Охрану непосредственно на Ходынском поле также взяло на себя Министерство Двора. Гвардейскими частями, прибывшими в Москву для обеспечения безопасности Монарха, командовал Великий Князь Владимир Александрович^[805]. Великий Князь Сергей Александрович, уязвлённый тем, что *«устройство народного гулянья было изъято из его ведения и передано всецело министру Двора»*, *«совершенно устранился от всякого вмешательства не только по отношению устройства самого гулянья, но даже и по отношению сохранения порядка»*. По мнению Джунковского, обер-полицмейстер, видя такое отношение со стороны хозяина столицы, также без должного внимания отнесся к принятию мер

безопасности на Ходынке во время гуляний^[806]. Однако если это утверждение Джунковского и справедливо, то речь может идти лишь о моральной ответственности Великого Князя, которая не идёт ни в какие сравнения с теми, кто должен был непосредственно отвечать за безопасность народа на Ходынском поле.

Несомненно, что в проведении торжеств был нарушен принцип единоначалия: власть и ответственность были разделены. Именно в этом разделении ответственности между Москвой и Петербургом была основная причина будущего несчастья^[807].

Монополия Министерства Двора на организацию празднований объяснялась тем, что средства, затраченные на эти мероприятия, были выделены Государем не из государственной казны, а из его личных средств. Контролем за их распределением ведало Дворцовое ведомство. Между тем, по верному замечанию генерала Джунковского, *«представители Министерства Двора, конечно, не имели никакого понятия о толпе, при устройстве гулянья не приняли никаких мер предосторожности для избежания несчастий. Они наивно думали, что народ чинно соберется, будет стоять в порядке (они, кроме того, не ожидали и такого наплыва), затем, когда в 10 часов откроют буфеты, будет проходить спокойно, получать подарки, и что к 2 часам дня, ко времени приезда Государя, все будет роздано, и счастливый народ с подарками в руках встретит Царя и Царицу»*^[808].

За московскими властями оставалось обеспечение безопасности непосредственно самих коронационных торжеств, особы Государя Императора и лиц Императорской Фамилии на территории города, за исключением Кремля, где порядок и безопасность обеспечивала Дворцовая полиция и личный Конвой Его Императорского Величества.

Надо сказать, что московская полиция действовала весьма эффективно, причём задолго до самих коронационных торжеств. Так, силами московской полиции 4 мая 1895 г. была арестована террористическая группа московских студентов количеством из 35 человек, под руководством И. С. Распутина. Эта группа, исходя из ложных сведений о предстоящем визите в Москву Императора Николая II, планировала закидать его карету самодельными динамитными бомбами, испытания которых террористы провели в апреле 1895 г. в ближнем Подмоскowie^[809].

Что же представляло собой место будущего несчастья и что стало его непосредственной причиной? В 1882 г. Ходынское поле использовалось для XV Всероссийской промышленно-художественной выставки, под которую была отведена площадь в 30 га. В центре этой территории находился Петровский дворец. Перед выставкой на поле были построены павильоны, которые снесли незадолго до коронации Императора Николая II. От фундаментов павильонов остались ямы и рвы, засыпанные песком с глиной. К 1894 г. эти ямы образовали длинный ров. Глубина рва в некоторых местах до-

стигала 5–6 м. На дне рва был колодец глубиной до 20 м, не засыпанный и не ограждённый, лишь прикрытый досками. Власть была убеждена в благоразумии народа, как это было на предыдущих коронациях. Привлекать войска и усиленную охрану Ходынского поля Министерство Двора не предполагало, а полагало обойтись природными препятствиями, т. е. рвами и ямами. На поле, против Петровского дворца, был выстроен Царский павильон, размером едва ли не превосходящий дворец, который не выполнял экспозиционных функций, а предназначался для отдыха Высочайших гостей и был закрыт для посетителей. Здание Царского павильона, единственное из восьмидесяти построек, возведенных к выставке, сохранилось до наших дней.

На 18 мая 1896 г. на Ходынском поле помимо раздачи подарков предполагалась интересная и насыщенная программа народных увеселений, включавших в себя конские ристалища, цирковые представления, оперные спектакли, исторические и сказочные пьесы. С представлением должен был выступить знаменитый дрессировщик А. Л. Дуров.

По обеим сторонам павильона были выстроены две трибуны, каждая на 400 мест, для чинов высшей администрации, а вдоль Петербургского шоссе две трибуны для публики с платными местами по 5000 мест в каждой.

Царские подарки предполагалось раздавать в специальных буфетах. По непонятной причине эти буфеты были построены в непосредственной близости от пролегающего рва.

Сам подарок представлял собой цветной платок Прохоровской мануфактуры с изображением Кремля и государственного герба, в который были увязаны полфунта полукопченной колбасы, кулек с вяземским пряником, конфетками и орехами и фунтовая сайка^[810]. Из дневниковых записей генерала А. Н. Куропаткина известно, что рабочие жаловались на то, что *«колбаса была дана гнилая, вместо конфет дали труху из стручков. Пиво было зеленое»*^[811]. Некоторые объясняли это тем, что подарки готовились задолго до коронации и продукты успели испортиться, некоторые – злонамеренной целью скомпрометировать Царя. К подарку прилагалась и памятная «коронационная кружка» с гербом и инициалами Государя Императора Николая II. Гиляровский писал: *«Хорошенькие эмалевые белые с золотом и гербом, разноцветно разрисованные кружки были выставлены во многих магазинах напоказ. И каждый шел на Ходынку не столько на праздник, сколько за тем, чтобы добыть такую кружку»*^[812].

Программа празднования была сообщена в буклете, который, однако, был выпущен в недостаточном количестве. Зато про предстоящую раздачу подарков и кружек было многократно повторено как в прессе, так и от одного человека другому. По поручению председателя комиссии по организации коронационных торжеств Н. Н. Бера, в газетах постоянно расхваливались кружки и обещалось, что народ 18 мая на Ходынском поле ждет «чудеса».

Народ начал собираться на Ходынское поле уже днём 16 мая. Не последнюю роль в этом сыграло то обстоятельство, что за несколько дней до торжеств некоторые московские газеты стали сообщать, что на народном празднике будут раздаваться какие-то «необыкновенные подарки». *«По поводу этих подарков, – писал Джунковский, – и ходили в народе легендарные слухи, будто эти кружки будут наполнены серебром, а иные говорили, что и золотом. Не только со всей Москвы и Московской губернии, но и соседних, ближайших губерний шел народ густыми толпами, некоторые ехали целыми семьями на телегах, и все это шло и шло на Ходынку, чтобы увидеть Царя, чтобы получить от него подарок. <...> Весь день 16 и 17 числа, со всех направлений, во все заставы, шел непрерывно народ, направляясь к месту гуляний. К вечеру 17-го была уже такая масса, что все поле было густо покрыто народом, народу собралось более миллиона. Самое большое скопление было, конечно, возле буфетов, из которых с 10 часов утра должна была начаться раздача царских подарков»^[813].*

Один крестьянин, уже после давки, свидетельствовал: *«Нам рассказали, что на платках будут нарисованы – на одних корова, на других лошадь, на третьих изба. Какой кому достанется, тот и получит от Царя либо лошадь, либо корову, либо избу». О таком слухе рассказчик слышал и в другом месте»^[814].*

Народ спешно садился на поезда и целыми артелями дви-

гался в Первопрестольную. Там, где не хватало вагонов, использовались телеги или шли пешком^[815]. При этом в газетах сообщалось, что собираться на поле следует именно со стороны Тверской заставы^[816]. То есть именно с той стороны, где был ров, с отвесными стенами, ямами до трех метров, и заброшенными колодцами двадцатиметровой глубины. Раздавать подарки было решено не в 6 час. утра, как на прошлых коронациях, а – в 10. От помощи московских властей и от их предложений провести празднование не в одном месте, а в разных – министерство Двора отказались. Никакого освещения вокруг поля не было. В Постановлении по делу Ходынской катастрофы говорилось: *«Нельзя не остановиться также на факте недостаточного количества на месте гулянья воды (два бака по 50 ведер в каждом) и полного отсутствия санитарных и медицинских средств и врачебной помощи, несмотря на ожидавшееся скопление народа в количестве минимум 400 000 человек»*^[817].

Здесь следует отметить, что события на Ходынском поле продемонстрировали негативные нравственные изменения в народе. Главным смыслом присутствия народа на коронации Царя была совместная с ним молитва, а не получение подарков. Именно к совместной молитве призывал свой народ и Государь в манифесте от 1 января 1896 г., в котором было объявлено о предстоящей коронации. Традиционный народный праздник с театрализованными зрелищами, бесплатным буфетом и раздачей подарков-сувениров был со-

ставной, но отнюдь не главной частью торжеств Священного Коронования. Доктор фил. наук В. И. Мельник точно определил духовное значение происшедшего на Ходынском поле: *«В неофициальных описаниях коронации 1896 года невольно прорываются свидетельства того, что народная масса к этому времени уже в значительной степени груба и развращена, дышит предреволюционными настроениями, ведет себя не по-христиански. Поведение народа на Ходынском поле пробуждает самые мрачные мысли относительно того, чем же являлась народная толпа к концу XIX века. В Москву (“на народные гулянья”) пришло людей в несколько раз более того, чем ожидалось – по одним сведениям около полумиллиона, а по другим – более миллиона крестьян со всей подмосковной округи и европейской части России. Многие из них пришли совсем не для того, чтобы помолиться вместе с Церковью за нового Царя (а молитва за Царя – главный смысл собрания русской земли на коронации) или просто хотя бы “посмотреть на Царя”. Пришли за бесплатными подарками, за бесплатным мёдом и пивом, бочки которого были выставлены на Ходынке»*^[818].

К полуночи 18 мая громадная площадь, во многих местах изрытая ямами, начиная от буфетов до здания водоканализационного завода и Царского павильона, была заполнена народом. Возле поля стояли телеги приехавших из деревень крестьян и телеги торговцев с закусками и квасом. В результате к утру на поле скопилось не менее 500 тыс. человек.

Когда о таком количестве людей доложили военному коменданту Ходынского лагеря капитану Г. А. Львовичу, тот забил тревогу: для охраны поля он имел всего 12 казаков, 2 урядника и военный караул из 46 человек. На помощь Львовичу прибыли: сотня казаков во главе с полицмейстером бароном А. Р. Будбергом рота Самогитского полка и батальон Московского полка. Но и эти, в общем, немалые силы ничего не могли сделать ночью на неосвещённом поле. Первые погибшие в толпе появились около 2 часов ночи. Причина гибели большинства людей стала компрессионная асфиксия: люди задыхались, не имея возможности уйти с поля.

Находившийся в толпе известный русский репортёр В. А. Гиляровский, чудом оставшийся в живых, вспоминал: *«Ни ветерка. Над нами стоял полог зловонных испарений. Дышать нечем. Открываешь рот, пересохшие губы и язык ищут воздуха и влаги. Около нас мертво-тихо. Все молчат, только или стонут или что-то шепчут. Может быть, молитву, может быть, проклятие, а сзади, откуда я пришел, непрерывный шум, вопли, ругань. Там, какая ни на есть, – все-таки жизнь. Может быть, предсмертная борьба, а здесь – тихая, скверная смерть в беспомощности. Я старался повернуться назад, туда, где шум, но не мог, скованный толпой. Наконец повернулся. За мной возвышалось плотно той же самой дороги, и на нем кипела жизнь: снизу лезли на насыпь, стаскивали стоящих на ней, те падали на головы спянных ниже, кусались, грызлись. Сверху снова па-*

дали, снова лезли, чтоб упасть; третий, четвертый слой на голову стоящих. Рассвело. Синие, потные лица, глаза умирающие, открытые рты ловят воздух, вдали гул, а около нас ни звука. Стоящий возле меня, через одного, высокий благообразный старик уже давно не дышал: он задохнулся молча, умер без звука, и похолодевший труп его колыхался с нами. Рядом со мной кого-то рвало. Он не мог даже опустить головы. Впереди что-то страшно загомонило, что-то затрещало. Я увидел только крыши будок, и вдруг одна куда-то исчезла, с другой запрыгали белые доски навеса. Страшный рев вдали: “Дают!.. давай!.. дают!..” – и опять повторяется: “Ой, убили, ой, смерть пришла!..” И ругань, неистовая ругань. Где-то почти рядом со мной глухо чмокнул револьверный выстрел, сейчас же другой, и ни звука, а нас всё давили»^[819].

В этих воспоминаниях много интересных деталей: ожесточение народа, его тяга к бесплатным материальным ценностям и, что особенно интересно, – револьверные выстрелы в толпе. Кстати, Гиляровский далее описывает жертву этих выстрелов – офицера с простреленной головой. Кто стрелял в него и почему?

Когда в 6 час. утра представители Министерства Двора разрешили начать раздачу подарков, то толпа с разных сторон рванулась к буфетам. Образовавшаяся давка привела к новым жертвам. Всего, по официальным сведениям, на Ходынском поле погибло 1 300 человек и около 500 получи-

ло ранения^[820].

Император Николай II и Императрица Александра Фёдоровна тяжело переживали случившееся. 18 мая Царь занёс в свой дневник: *«До сих пор всё шло, слава Богу, как по маслу, а сегодня случился тяжкий грех. Толпа, ночевавшая на Ходынском поле, в ожидании начала раздачи обеда и кружки, напёрла на постройки, и тут произошла страшная давка, причём ужасно прибавить, потоптано около 1300 человек!! Я об этом узнал в 10 ½ от Ванновского; отвратительное впечатление осталось от этого известия»*^[821].

Государь дал очень точное определение тому, что произошло на Ходынке: страшный грех. Интересно, что и народ воспринял случившееся как грех, осознавая, что он не просто омрачил Царю радость торжества, но вместо молитвенного стояния устроил кровавое приношение идолу мамоны. Когда на следующий день Царь и Царица присутствовали на панихиде по погибшим, а *«затем посетили Старо-Екатерининскую больницу, где обошли палаты, поговорили с пострадавшими, то многие из них переживали, со слезами на глазах просили Царя простить их, “неразумных”, испортивших “такой праздник”*»^[822].

Об этом же писала Великому Князю Георгию Александровичу Вдовствующая Императрица Мария Фёдоровна: *«Я была очень расстроена, увидев этих несчастных раненых, наполовину раздавленных, в госпитале, и почти каждый из них потерял кого-нибудь из своих близких. Это было душе-*

раздирающе. Но в то же время они были такие значимые и возвышенные в своей простоте, что они просто вызывали желание стать перед ними на колени. Они были такими трогательными, не обвиняя никого, кроме их самих. Они говорили, что виноваты сами и очень сожалеют, что расстроили этим Царя! Они как всегда были возвышенными, и можно более чем гордиться от сознания, что ты принадлежишь к такому великому и прекрасному народу. Другие классы должны бы были с них брать пример, а не пожирать друг друга, и главным образом, своей жестокостью возбуждать умы до такого состояния, которого я еще никогда не видела за 30 лет моего пребывания в России»^[823].

19 мая было официально объявлено, что «Его Императорское Величество, глубоко опечаленный событием, повелел оказать пособие пострадавшим— выдать по тысяче рублей на каждую осиротевшую семью и расходы на похороны погибших принять на Его счет»^{[824][825]}. Это пособие семьи погибших в ходынской давке получали до февраля 1917 г.

В 12 ½ ч. Император Николай II и Императрица Александра Феодоровна поехали на Ходынское поле. Государь хотел узнать всё сам на месте. Однако на поле было всё уже прибрано. Многие полагали, что Государь совершил большую ошибку, что не прервал коронационных торжеств. В. Ф. Джунковский был не согласен с этим: «Катастрофа произошла только на небольшом пространстве, все осталь-

ное необъятное пространство Ходынского поля было полно народа, его было до миллиона, многие только под вечер узнали о катастрофе, народ этот пришел издалека, и лишать его праздника вряд ли было бы правильным. Государь был бледен, Императрица сосредоточенна, видно было, что они переживали, как им трудно было брать на себя и делать вид, как будто ничего не произошло. Как только Их Величества вступили на крыльцо Царского павильона, на крыше его взвился Императорский штандарт и грянул выстрел салюта. Стоявшая перед павильоном масса народа сразу обнажила головы, и громовое «ура» вылетело из этих сотен тысяч уст. Это было потрясающе, шапки полетели вверх, раздались звуки гимна “Боже, Царя храни”, затем “Славысь!” Государь пробыл ½ часа и все время по полю перекатывалось “ура”, то слабея, то усиливаясь. Кто не знал о катастрофе, не поверил бы, если бы ему рассказали о ней»^[826].

Сегодня иногда бытует мнение, что Царю надо было объявить в стране траур по погибшим. Но такие утверждения, во-первых, не принимают во внимание того обстоятельства, что в ту эпоху траур объявлялся лишь по монаршим особам и даже в этом случае не носил всенародного характера. Во-вторых, даже теоретическое объявление траура во время празднества коронации неминуемо повлекло бы за собой прекращение этих празднеств, что самым негативным образом отразилось бы на престиже России. Но помимо этого, подобные мероприятия придали бы ходынской трагедии

особое, сверхважное государственное значение, что было бы неверным с духовной точки зрения. Несомненно, что люди, устроившие давку на Ходынском поле, совершили тяжкий грех. Ошибки и упущения власти, и даже, возможно, наличие злого умысла, были вторичными явлениями. Первичным же было стремление части народа к бесплатной наживе. Даже оказавшись зажатými в полумиллионной толпе, эти люди думали в первую очередь о том, как завладеть заветным подарком. Ради него они шли по телам упавших и обессиленных. Конечно, с точки зрения человеческой и христианской, все погибшие и пострадавшие заслуживали сочувствия и помощи. Государь это сочувствие и помощь оказал в полной мере. Но приостановление празднеств, отмена увеселений означали бы приравнивание несчастного случая, вызванного в первую очередь греховными побуждениями, к подвигу, совершенному во имя Отечества. Государь не считал такие действия правильными. Да, к слову сказать, это не нужно было и народу, воспринимавшему коронационные празднества как своё собственное торжество.

К тому же, и это надо, безусловно, учитывать: несчастный случай на Ходынском поле вовсе не был воспринят большей частью народа как беда. Многие, даже из присутствующих при раздаче подарков, узнали о происшедшем только из газет. Камердинер Императрицы Александры Феодоровны А. А. Волков вспоминал: *«Много раз мне приходилось и читать, и слышать, что народ будто бы усматривал*

вал в Ходынской катастрофе предзнаменование несчастных дней будущего царствования Императора Николая II. По совести, могу сказать, что тогда я этих толков не слышал. По-видимому, как это часто бывает, особенно в подобных случаях, такое толкование Ходынскому происшествию дано было значительно позже, так сказать, задним числом»^[827].

Но всяческое выпячивание ходынской давки нужно было политиканствующим представителям русской элиты и оппозиционно-революционным силам российского общества. Первым поводом для них стал визит Императора Николая II и Императрицы Александры Феодоровны на праздничный вечер во французском посольстве, который состоялся 18 мая, на следующий день после Ходынки. Вечер этот готовился под личным контролем французского посла графа Гюстава Луи де Монтебелло. Французское правительство придавало вечеру огромное значение: в первые годы царствования Николая II будущее франко-русской конвенции, столь необходимой для III Республики, было неопределенным. Для России союз с Францией тоже имел важное геополитическое значение. Княгиня М. С. Барятинская вспоминала: «Царь и Царица оказались в очень неловком положении. Если они посетят бал, создастся впечатление, что они безразличны к несчастьям своего народа, а если не пойдут, это вызовет горькое разочарование у французского народа. Было очень трудно уговорить Императрицу присутствовать на балу.

Утренняя трагедия расстроила ее чувствительную натуру, но Великая Княгиня Елизавета настояла на том, что она должна там быть, выдвигая аргументы политической важности, которые были настолько здоровыми, что убедили Императрицу. <...> Становилось поздно, никаких новостей из дворца не поступало, и весь двор собрался на балу. Французский посол граф Монтебелло и графиня были как на иголках, и я от всей души сочувствовала им. Вдруг я услышала, как кто-то произнес: “Их Величества приехали!” – и немедленно все обратили взоры ко входу в танцевальный зал.

Хотя Император и пытался улыбаться, выглядеть любезным, было заметно, чего стоили ему эти усилия и что мысли его сейчас не здесь, не на торжестве. Он был бледен и печален, а на лице Императрицы были видны следы слез. Мне стало невероятно жаль их. Император станцевал лишь один контрданс, а потом удалился. Я заметила, что находиться в танцевальном зале его вынуждало лишь чувство долга»^[828].

Однако чувство княгини Барятинской совсем не разделяли некоторые представители Царствующего Дома. «Катастрофу раздувают сильно возможно и враги, и друзья, – записал в своём дневнике Великий Князь Сергей Александрович. – Ники спокоен и удивительно рассудителен»^[829]. Великая княгиня Ольга Александровна в эмиграции утверждала: «Катастрофа вызвала много откликов. Враги Царствующей

этого Дома использовали это для своей пропаганды»^[830].

В эти дни с особой силой проявились амбиции семейного клана «Михайловичей», главой которого был престарелый Великий Князь Михаил Николаевич, а движущей силой его сыновья: Великие Князья Александр и Николай. Последние устроили Государю самую настоящую истерику. Главной целью её было смещение Великого Князя Сергея Александровича с поста московского генерал-губернатора. Насколько бессовестными методами она велась, свидетельствуют воспоминания Великого Князя Александра Михайловича, который не постеснялся утверждать, что на Ходынском поле *«пять тысяч человек было убито, еще больше ранено и искалечено»*. Далее, Александр Михайлович сообщал, что *«мои братья не могли сдержать своего негодования, и все мы единодушно требовали немедленной отставки Великого Князя Сергея Александровича, и прекращения коронационных торжеств»*. Брат Александра Михайловича, Великий Князь Николай Михайлович, произнёс перед Государем целый спич, в котором *«объяснил весь ужас создавшегося положения. Он вызвал образы французских королей, которые танцевали в Версальском парке, не обращая внимания на приближающуюся бурю. Он взывал к доброму сердцу молодого Императора»*.

– Помни, Ники, – закончил он, глядя Николаю II прямо в глаза: – *Кровь этих пяти тысяч мужчин, женщин и детей останется неизгладимым пятном на твоём царствовании*.

нии. Ты не в состоянии воскресить мертвых, но ты можешь проявить заботу об их семьях. Не давай повода твоим врагам говорить, что молодой Царь пляшет, когда его погибших верноподданных везут в мертвецкую»^[831].

Великий Князь Алексей Александрович весьма точно определил старания «Михайловичей» тем, что они «*хотят сделать генерал-губернатором одного из своих*», а самих «Михайловичей» называл «*русскими последователями Робеспьера*»^[832]. Этот же смысл чувствуется в размышлениях Великой Княгини Ольги Александровны: «*Молодые Великие Князья, в частности Сандро, муж моей сестры Ксении, возложили вину за случившуюся трагедию на дядю Сергея, генерал-губернатора Москвы. <...> Своими попытками свалить вину на одного лишь человека, да ещё своего сородича, мои кузены, по существу поставили под удар всё семейство, причём именно тогда, когда необходимо было единство*»^[833].

Кампанию против Сергея Александровича начал было и главный ответственный за происшедшее в Москве граф И. И. Воронцов-Дашков. По верному замечанию военного историка, кандидата военных наук полковника А. Г. Кавтарадзе: «*Когда произошла трагедия, Воронцов-Дашков попытался уйти от ответственности, свалив вину на Великого Князя, инспирировав глубоко тенденциозный доклад статс-секретаря графа Палена*»^[834].

Одновременно Воронцов-Дашков сам попросил Государя об отставке. Так как следствие по ходынской давке еще

не было закончено и виновные не определены, Николай II отставку графа не принял. Но уже в 1897 г. граф Воронцов-Дашков был освобождён от должности министра Двора и направлен на Кавказ Наместником. Объявляя Воронцову об отставке, Государь сказал, что поводом для неё стали многочисленные просьбы графа. Однако ранее Николай II эти просьбы всегда отвергал^[835]. Таким образом, решив, наконец «удовлетворить просьбы» министра, Государь дал ему понять, что подлинной причиной отставки являются события на Ходынском поле. Новым и, как оказалось, бессменным, министром Императорского Двора стал барон В. Б. Фредерикс^[836].

Давление на Государя с целью убедить его в виновности Великого Князя Сергея Александровича предпринял верховный маршал церемонии Священного Коронования граф К. И. Пален, который *«советовал Императору строго наказать виновников, не считаясь с положением, занимаемым лицами, ответственными за происшедшее»*^[837]. Пален подготовил Государю доклад по событиям на Ходынском поле, где всю вину за случившееся возлагал на Великого Князя Сергея Александровича.

Перед таким натиском Великий Князь Сергей Александрович, будучи натурой глубоко порядочной, но очень впечатлительной, сам обратился к Государю с просьбой об отставке. Но Государь не принял её. В этом сказывалась одна из главных черт Императора Николая II: он никогда в угоду

популизму не шёл на уступки, противные его совести. Чётко уяснив для себя, что Великий Князь не виновен в случившейся трагедии, Государь демонстративно являл ему своё доверие и расположение. Это вызвало в буквальном смысле ярость со стороны «Михайловичей», которые *«узнав, что Ники отказался отправить в отставку дядю Сергея, набросились на Государя»*^[838].

21 декабря 1896 г. Николай II подписал рескрипт на имя Великого Князя, в котором поручал ему организацию установки в Москве памятника Императору Александру III. В рескрипте были следующие слова: *«Зная Вашу безграничную преданность к высоким заветам Почившего, Я твёрдо уверен, что под просвещённым руководством Вашего Императорского Высочества, по прошествии нескольких лет, Москва, а вместе с ней и вся Россия возрадуются сознанием исполненного долга благодарности тому, кто все Свои силы положил на служение Отечеству»*^[839]. По существу, это был ответ Царя всем нападкам на Великого Князя. Недаром супруга Сергея Александровича Великая Княгиня Елизавета Фёдоровна благодарила Государя в личном письме от 22 декабря 1896 г.: *«Благослови Тебя Господь, дражайший Ники! Не могу найти слов, чтобы выразить, как глубоко мы оба тронуты и как чудно Ты обнаружил свою привязанность к Сергю, прислав ему этот трогательный и сердечный рескрипт. Он не мог читать его без слёз, каждое слово глубоко проникало в наши сердца, как и всё, что Ты написал о своём*

дорогом Отце. Твои слова – драгоценность и утешение, которое смыло все скорби этого года»^[840].

Предварительное расследование трагедии на Ходынке провел судебный следователь Московского окружного суда по особо важным делам П. Ф. Кейзер. Уже 7 июня было опубликовано *«Постановление по делу о Ходынской катастрофе»^[841]*. Главной виновницей была признана московская полиция. Обер-полицмейстер Москвы А. А. Власовский отправлен в отставку. 11 июля граф Пален доложил Государю об окончании и выводах *«порученного ему расследования следствия по Ходынскому несчастью»^[842]*.

По результатам расследования Император Николай II 15 июля 1896 г. издал Указ Правительствующему Сенату: *«Рассмотрев лично результаты предварительного следствия, произведённого по несчастному событию, происшедшему 18-го мая нынешнего года на Ходынском поле в Москве, Мы к крайнему Нашему прискорбию, не могли не усмотреть, что желание второстепенных исполнителей присвоить себе несоответствующее значение вызвало между ними соперничество, последствием чего было отсутствие взаимного содействия»^[843]*.

Таким образом, можно предположить, что давка на Ходынском поле стала следствием как непрофессионализма ответственных лиц, так и злого умысла со стороны определённых сил, стремившихся скомпрометировать в глазах народа молодого Царя и Великого Князя Сергея Алексан-

дровича. Именно эти силы придумали и распространили в общественном сознании гнусные наименования: «Николай Кровавый» и «Князь Ходынский» (про Великого Князя Сергея Александровича), которые до сих пор используют в своих произведениях многие недобросовестные историки и даже политические деятели. В этом смысле строки масона К. Д. Бальмонта *«кто начал царствовать Ходышкой, тот кончит, встав на эшафот»* вряд ли являлись «предвидениями» поэта, скорее знанием о планах его старших «братьев».

После торжественных, величественных, но и крайне утомительных коронационных дней Император Николай II, Императрица Александра Феодоровна и их маленькая дочь поехали отдыхать в подмосковное имение Великого Князя Сергея Александровича – Ильинское, находившееся примерно в 18 верстах от Москвы. Имение это было приобретено ещё Императором Александром II в 1865 г. у вдовы князя Л. М. Голицына княгини А. М. Голицыной и подарено Императрице Марии Александровне. После её кончины в 1880 г. Император Александр III передал Ильинское своему брату – Великому Князю Сергею Александровичу. Имение находилось на берегу Москвы-реки, где она делает свой очередной изгиб, и было окружено парком, о котором современники писали: *«Ильинский парк тянется более версты вдоль крутого берега и, сквозь густую, роскошную его листву, выступает в центре, над самой рекой, длинной полоской, дворца»*^[844].

Государь был рад попасть в это уютное и уединённое место в одном из живописнейших районов Подмосковья. *«Радость неописанная попасть в это хорошее тихое место!»* – записал он в своём дневнике^[845]. В Ильинском можно было наконец отдохнуть: грести на лодке, пить чай на свежем воздухе, купаться, совершать длительные пешие прогулки, во время которых Царь любил осматривать местные крестьянские хозяйства, заглядывая даже в конюшни и коровники. 31 мая Николай II принял волостных старшин и сельских старост, которые преподнесли ему хлеб-соль и иконы. Под влиянием Великого Князя Сергея Александровича Государь на всю жизнь полюбил игру в большой теннис. В первый раз он играл в неё 2 июня 1896 г., а уже 6 июня записал в своём дневнике: *«Эта игра стала главным спортом нашей здешней жизни»*^[846]. Конечно, и здесь приходилось заниматься государственными делами, регулярно приезжали фельдъегеря с толстыми портфелями. *«После завтрака сел за чтение 13 пакетов, привезённых фельдъегерем»*; *«ушел вниз читать»*; *«читал»* – подобные записи встречаются в дневнике Государя практически каждый день пребывания в Ильинском. Поразительно, насколько свободной была тогда жизнь русского Царя. В дневнике Государя встречается такая запись за 18 июня: *«В 8 час. утра отправился верхом один, в сопровождении двух казаков. Проехал за Никольское и там сбился с дороги и долго плутал по лесу и в болоте»*^[847]. Эта запись свидетельствует, что Царь чувствовал себя в России дома,

ему и в голову не приходило, что, поехав вот так, фактически без охраны, он может подвергнуться нападению или какому-либо недружественному действию со стороны народа.

21 июня «отпуск» Императора закончился: *«С грустью покинули милое Ильинское!»* 22 июня Царская Семья вернулась в Царское Село.

Через год после коронационных торжеств, 29 мая 1897 г. у Императора Николая II и Императрицы Александры Феодоровны, родилась вторая дочь – Великая Княжна Татьяна Николаевна. *«Второй светлый счастливый день в нашей семейной жизни, – записал Государь в дневнике, – в 10.40 утра Господь благословил нас дочкою – Татьяною. Всю ночь бедная Аликс мучилась. Слава Богу, на этот раз всё прошло скоро и совсем благополучно, и я себя не чувствовал истомлённым нравственно. К часу маленькую вымыли, и Янышев прочёл молитвы»*^[848].

2 июня 1897 г. пришло поздравление от Великого Князя Георгия Александровича из Абас-Тумана: *«Мой дорогой Ники! От всей души поздравляю Тебя и Аликс с рождением дочки. Конечно, я очень обрадовался, получив Твою телеграмму об этом событии, но прости меня, был слегка разочарован, узнав, что родился не сын, а дочь. Я уже готовился в отставку, да не тут-то было»*^[849].

Глава 7. Во главе внешней политики России (1894–1903)

Император Николай II вступил на престол, не имея опыта ведения внешней политики. Несмотря на это, он имел чёткое понимание её целей и задач. Как писал С. С. Ольденбург: *«Государь руководил внешней политикой России, направляя её по путям, до конца известным только ему. Личные сношения с правителями других стран и непосредственные приемы послов позволяли Ему иметь собственное осведомление, нередко иное и зачастую более достоверное, чем сведения, полученные обычными путями»*^[850]. Доктор ист. наук А. В. Игнатъев пишет: *«Царь был достаточно умен и образован, чтобы разбираться в докладываемых министром вопросах, а к 1907 г. приобрёл и немалый опыт управления»*^[851].

Главной внешнеполитической задачей Императора Николая II было сохранение для России мира и одновременно сохранение ею статуса великой державы. В этом плане политика Николая II была продолжением политики Александра III^[852].

14 января 1895 г., после долгой и продолжительной болезни, скончался министр иностранных дел Н. К. Гирс. Он стоял у истоков почти всех главных внешнеполитических начинаний Императора Александра III. О многом почивший

министр не успел сообщить молодому Императору. Особенность политического устройства Российской Империи заключалась в том, что информация по разным направлениям внешней и внутренней политики всецело находилась в ведении царствующего Монарха и в меньшей степени соответствующего министра. Однако представляется, что эта неосведомлённость была вызвана не только порядками делопроизводства Империи. Руководящий сотрудник МИД граф В. Н. Ламздорф в своём дневнике оставил следующую запись: «...странным является мое положение в данный момент, мои секретные архивы содержат все тонкости политики последнего царствования. Ни молодой Государь [Николай II], ни почтеннейший Шишкин, назначенный временно управляющим Министерством иностранных дел, не имеют ни малейшего представления о документах, доверенных в последние годы исключительно и совершенно бесконтрольно мне... Я оказался исключительным обладателем государственных тайн, являющихся основой наших взаимоотношений с другими странами»^[853].

Секретными документами располагал и С. Ю. Витте. Он тоже не спешил знакомить с ними Государя. Сейчас трудно сказать, определялось ли засекречивание вышеназванных документов злой волей Ламздорфа и Витте, или же на это были иные причины, но факт неосведомлённости Николая II в первый год его царствования с целым рядом важнейших решений в сфере внешней политики России бесспорен. Если

при этом учесть, что Ламздорф был членом цифирного комитета МИД, в котором разрабатывались шифры и для высшего руководства страны, включая Императора, то нельзя исключать возможности контролирования со стороны неких сил даже шифрованной переписки Государя. Наверное, не случайно Л. А. Тихомиров выделял Ламздорфа и Витте как двух наиболее опасных людей для Государя: *«Мне до боли жаль Государя: такая добрая душа, такое чистое сердце – и в такую решающую минуту не иметь около себя никого, кроме ничтожностей не только вроде Ламздорфа, но и таких ловкачей ничтожества как Витте! За что такое Божие наказание личности, видимо, очень и очень чистой, раскрытой на желание добра? Нечто таинственное!»*^[854]

26 февраля 1895 г. Государь назначил управляющим министерством опытейшего дипломата князя А. Б. Лобанова-Ростовского. Это был весьма удачный выбор. Князь был выдающимся государственным деятелем, имевшим опыт посольской работы в трёх государствах (Османской империи, Англии и Австро-Венгрии).

Неожиданная смерть Александра III и вступление на престол нового Императора, которого в Европе почитали неопытным, привели в движение дипломатические круги всех европейских государств, каждое из которых надеялось повернуть Россию в свою сторону, использовать её в своих интересах. Императору Николаю II предстояло разобраться в текущей международной обстановке и, соблюдая баланс ин-

тересов европейских государств, отстаивать интересы России.

Император Николай II и франко-русский союз

Смерть Императора Александра III не могла не вызвать определенных сомнений в дальнейшем развитии русско-французского сближения как среди его сторонников, так и среди противников. Заключённая в 1893 г. франко-русская военная конвенция представлялась многим как в России, так и во Франции противоестественной и недолговечной. Казалось, что со смертью Александра III франко-русский военный союз обречён на постепенное угасание^[855]. Когда Николай II вступил на престол, президент Республики Жан Казимир Перье через своего поверенного в делах Шарля Вовино 3 ноября 1894 г. пытался прояснить ситуацию у министра иностранных дел Н. К. Гирса. Французы были неприятно удивлены, когда Гирс выразил сомнение, знает ли новый Государь о секретном соглашении между двумя странами^[856]. Николай II действительно узнал о существовании секретного договора с Францией только 16 ноября 1894 г., во время первого Всеподданнейшего доклада Гирса^[857].

Ж. Перье назначил представителем Франции на похоронах Александра III генерала Рауля Буадефра^[858], главной задачей которого было выяснить, как новый Монарх видит будущее франко-русского союза. 17 ноября 1894 г. на встрече с генералом Государь заявил, что во внутренней и

внешней политике он будет полностью *«продолжать дело отца»*^[859]. Эти слова Царь подтвердил двумя письмами 11 и 18 ноября 1894 г. президенту Французской республики^[860].

Однако Николай II рассматривал русско-французское соглашение гораздо шире, чем его отец, который относился к нему как ко временной политической комбинации, призванной оказывать воздействие на Берлин. Николай II видел главную задачу русско-французского соглашения не в его антигерманской направленности, а в закладке краеугольного камня прочного европейского мира. Государь ясно осознал, что союз с Францией, с одной стороны, *«уменьшает опасность в случае войны с Германией, но в то же время, увеличивает шансы такой войны, создавая новые плоскости трения»*. По мнению Николая II, *«только превращение франко-русского союза в соглашение великих держав европейского материка может действительно обеспечить мир в Европе и поддержание мирового первенства христианских европейских государств»*. Он *«с первых дней своего царствования стремился превратить франко-русский союз из орудия “реванша” в орудие европейского замирения»*^{[861][862]}.

Когда французские официальные лица сомневались, стоит ли им ехать 8/20 июня 1895 г. в Германию на торжественное открытие Кильского канала (Канала кайзера Вильгельма), Николай II заметил: *«Весьма жаль, если Франция не примет участия. Мне кажется, что французы напрасно затрудняются ответом. Раз все державы приглашены, уча-*

стие Франции необходимо наряду с ними»^[863].

Исходя из широкого видения значения франко-русской конвенции, Государь не собирался скрывать наличие союзных отношений с Францией. В беседе с французским послом в июне 1895 г. он заявил, что русско-французский союз является свершившимся фактом^[864].

23–27 сентября/5–9 октября 1896 г. состоялся визит Царской Четы в Париж. Так как Государь стремился к сохранению европейского равновесия, он решил по дороге в Париж посетить и некоторые другие европейские столицы. Государь писал незадолго до поездки Великому Князю Георгию Александровичу: *«Сперва мы съездим в Австрию, затем – в Германию, Данию, Англию, Францию и, наконец, Дармштадт»*^[865].

13 августа 1896 г. Царская Чета отбыла в Вену для встречи с императором Францем Иосифом I. 17 августа, не доезжая до Киева, на станции Шепетовка в Императорском поезде скоропостижно скончался от инфаркта министр иностранных дел России князь А. Б. Лобанов-Ростовский. Он был близким помощником Государя, подготовившим его французский визит и знавшим много важных деталей для предстоящих встреч с французскими политиками. Назначенный временно управляющим МИД Н. П. Шишкин полностью заменить князя не мог. 13/26 января 1897 г., уже после окончания парижского визита, Император Николай II назначил новым министром иностранных дел графа М. Н. Муравьева.

Государь прибыл в Париж вместе с Императрицей Александрой Фёдоровной и десятимесячной Великой Княжной Ольгой Николаевной. Визит русской Императорской Четы проходил в атмосфере восторженного энтузиазма со стороны большей части французского общества. Четырёхдневное пребывание Царя и Царицы получило наименование «русской недели». Париж был переполнен, к двум миллионам его жителей прибавилось 930 тыс. приезжих^[866]. Толпы народа заполнили улицы, повсюду были слышны крики: «*Да здравствует Царь!*», «*Да здравствует Император!*»^[867]. Французские газеты пестрели восторженными стихами, посвящёнными Николаю II. По словам президента Феликса Фора, «*Николай II был живо поражён тем приёмом, который ему оказали жители Парижа*»^[868]. Это находит подтверждение и в дневнике самого Царя от 24 сентября 1896 г.: «*Встречу населения Парижа могу только сравнить с выездом в Москву, так она была задумчива и трогательна!*»^[869] С особым энтузиазмом парижане встречали маленькую Великую Княжну: «*Ей всегда кричали на улицах “Vive la Grande Duchesse”*»²⁸, чем она была довольна, потому что всё время улыбалась»^[870].

Сразу же по прибытии Государь посетил богослужение в парижском православном соборе Святого Благоверного Великого Князя Александра Невского. 25 сентября в 14 час., после осмотра достопримечательностей французской столи-

²⁸ Да здравствует Великая Княжна! (фр.)

цы, Государь и президент Фор заложили первый камень в основание моста Александра III, который и по сей день является самым красивым мостом Парижа.

25 сентября/7 октября 1896 г. президент Франции дал торжественный обед в честь Царской Четы. Произнося тост, Император Николай II по-французски сказал: *«Верный незабвенным традициям, я прибыл во Францию приветствовать Вас, господин Президент, главу нации, с которой нас соединяют столь ценные узы. Эта дружба своею устойчивостью может оказать только самое благодетельное влияние. Я Вас прошу, господин Президент, передать эти чувства всей Франции»*^[871].

На следующий день в Версале состоялась встреча Государя с президентом Феликсом Фором и министром иностранных дел Габриэлем Ганото, во время которой французская сторона пыталась убедить Россию принять её правила игры на Ближнем Востоке, так для французской внешней торговли и банковского капитала первостепенной задачей было не допустить распада единого турецкого государства. Париж выступал против распада Османской империи, но стремился навязать ей жёсткий международный контроль, осуществлять который должен был совет «управления Оттоманского долга».

В сохранении Османской империи была заинтересована и Россия, но по другим причинам. Главной геополитической целью Петербурга, было получить господство над Черномор-

скими проливами, а это могло произойти только при условии, что Османская империя останется суверенной, в противном случае Проливы оказались бы под международным контролем, прежде всего Англии. Поэтому Петербург всячески бойкотировал идею международного патроната над Турцией.

Неожиданно во время беседы в Версале Николай II согласился ввести в комиссию «Оттоманского долга» русского представителя. Некоторые современные исследователи полагают, что согласие Царя стало следствием тонкой политики Ганото, который, *«расположив к себе Августейшего собеседника, льстя его самолюбию»*, так сумел построить ход переговоров, что убедил его принять французский план^[872]. Однако подобная оценка, несомненно, является поверхностной. Меньше всего решения Государя зависели от *«лести его самолюбию»*, от кого бы они ни исходили. Причины согласия следует искать в стремлении Николая II при помощи Франции не допустить господства Великобритании в комиссии «Оттоманского долга». При этом Николай II полагал, что, поддерживая французские интересы в Турции, он в свою очередь получит в лице Парижа противодействие Лондону, всегда стремившемуся не допустить русского господства над Проливами.

Апофеозом демонстрации военного единства стал большой смотр французским войскам, который Николай II дал 27 сентября/8 октября под г. Шалоном. Этот парад француз-

ской армии перед лицом русского Царя произвёл огромное впечатление на всех присутствовавших, на французское общество и на весь мир в целом. Стало очевидно: франко-русский военный союз превращается в важнейший фактор европейской политики. После парада Николай II подошел к своим ординарцам французам, стоявшим отдельно перед самым входом в вагон. Главноуправляющий Канцелярией по принятию прошений на Высочайшее имя В. И. Мамантов вспоминал: *«И тут-то я был свидетелем поразившей меня сцены: все семнадцать офицеров как один поцеловали Государю руку, как ни пытался он ее отдергивать, смущенно стараясь не допускать их до этого»*^[873].

В августе 1897 г. президент Феликс Фор нанес ответный визит Николаю II в Петергоф. Многие полагали, что Царь и Царица не поедут встречать французского президента, а будут ждать его на петергофской пристани, так как *«не дело Царя оказывать Фору почести»* как монарху^[874]. Однако *«оказалось, что разговоры эти лишены оснований»*, Государь и Государыня лично встретили президента в Кронштадте и вместе с ним прибыли на яхте в Петергоф^[875]. Во время переговоров на борту крейсера *«Pothuau»* стороны обменялись тостами, определившими обе нации как *«дружественные и союзные»*^[876]. Подтверждением союзнических отношений стал большой парад Императорской гвардии в Красном Селе в присутствии Царя и президента, в котором приняло участие 52 тыс. военнослужащих.

От имени Императора Николая II Феликсу Фору был преподнесён большой бронзовый бюст Петра Великого. С этим бюстом впоследствии произошла занимательная история. В 1907 г. Великий Князь Николай Михайлович купил в Париже понравившийся ему бюст Императора Петра и подарил его Государю. Вскоре Николай Михайлович получил письмо от Николая II, в котором тот сообщал, что когда он показал бюст *«графу Бенкендорфу и князю А. С. Долгорукому, то они оба признали в нём собственный мой подарок президенту Фору, в бытность его в Петербурге в 1897 году. Князь Долгорукий добавил, что он сам нашёл этот предмет в Петербурге и тогда же, показав его мне, посоветовал подарить французскому гостю, что я и сделал! Тогда его цена была 600 рублей. При таких условиях, ты поймёшь, что я отказываюсь от приобретения собственного подарка»*^[877].

Визиту в Россию было суждено стать последним в жизни президента Ф. Фора: он скоропостижно скончался 4/16 февраля 1899 г. Новым президентом Франции был избран умеренный республиканец Эмиль Лубе.

В мае 1898 г. Император Николай II в беседе с Монтебелло высказал свои опасения по поводу предстоящих выборов во Франции и изменения ее внешней политики^[878]. Опасения Государя подтвердились после формирования в июне 1899 г. кабинета Пьера Мари Вальдека-Руссо, когда *«бешеная борьба завершилась полной победой масонского влияния и радикальных партий»*^[879]. Блок «радикальных социа-

листов» стал представлять большинство в парламенте. В это же время от русских военных агентов из Франции поступала в целом негативная информация о состоянии вооруженных сил III Республики, что напрямую увязывалось с её внутренней политикой^[880].

Несмотря на это, Государь делал все от него зависящее для сохранения союза с Францией. Он полагал, что в случае распада франко-русского союза не только она, но и Россия рискует остаться в изоляции. Николай II был хорошо осведомлён о росте могущества Германии, которая опережала Россию и по темпам военного развития, и по темпам индустриализации. Было ясно, что Германия если и будет вступать с Россией в какой-либо союз, то только на тех условиях, какие выгодны ей одной, и что в Берлине с интересами России считаться особо не намерены.

В случае если бы союз с Россией распался, Франция могла быть вынуждена пойти на соглашения с Германией, тем более что в ее правящих кругах имелись влиятельные сторонники сближения с рейхом. В этих условиях нельзя было исключать присоединение к Тройственному пакту Великобритании. Ведь её отношения с Германией, а до того с Пруссией были на протяжении XIX и в самом начале XX в. во все не антагонистическими. Так, в 1901 г. вступивший на престол английский король Эдуард VII заявил, *«что ему понятна необходимость для Германии добиваться колоний и на свете хватит места, как для Германии, так и для Ан-*

глии»^[881].

Желание не допустить изоляции России, отвести от неё опасность большой европейской войны, сохранить Францию – крупную военную державу, как своего союзника – вот чем руководствовался Государь.

Поэтому 6 августа 1899 г. Николай II пошёл навстречу предложениям французского министра иностранных дел Теофила Делькассе, который предлагал сделать франко-русское соглашение независимым от существования Тройственного союза и дополнить его пунктом о поддержании «*равновесия сил*» в Европе^[882]. Это дополнение позволяло Франции и России иметь свободу действий в том случае, если бы Австро-Венгерская империя распалась, а Германия попыталась захватить часть её владений. С согласия Николая II указанные выше поправки были внесены в военную конвенцию 1893 г.^[883]

Между тем для Вильгельма II набиравший силу франко-русский союз представлял существенную помеху. Поэтому кайзер использовал любую возможность, чтобы ослабить или расколоть его. 6/19 мая 1901 г. по случаю дня рождения Императора Николая II, он дал торжественный обед, местом которого был «случайно» выбран город Метц, отошедший в 1871 г. по результатам франко-прусской войны к Германии. На «обед» кайзер пригласил русского посла в Берлине графа Н. Д. Остен-Сакена и передал Николаю II приглашение посетить большие морские манёвры германского флота на

Балтике.

Делькассе тоже считал крайне желательным *«присутствие Царя на французских манёврах рядом с Президентом Республики»*^[884]. Эмиль Лубе уже после своей отставки с поста президента писал о Николае II: *«О русском Императоре говорят, что он доступен разным влияниям. Это глубоко неверно. Русский Император сам проводит свои идеи. Он защищает их с постоянством и большой силой. У него есть зрело продуманные и тщательно выработанные планы. Над осуществлением их он трудится беспрестанно»*^[885].

8 августа 1901 г. Э. Лубе пригласил Государя^[886] участвовать в манёврах французской армии возле Реймса, предложив ему прибыть на них морским путём, приняв парад кораблей Северной французской эскадры^[887]. 14 августа 1901 г. Государь принял это приглашение.

Принимая и приглашение кайзера, и приглашение президента, Государь давал понять, что Россия оставляет за собой свободу действий и не собирается использовать союзные или дружественные договоры ни против Германии, ни против Франции^[888]. Николай II выразил желание пробыть несколько дней во Франции и заявил, что его *«особенно радует возможность еще раз засвидетельствовать надёжную прочность нашей дружбы, которая исключительно в мирных целях объединяет оба наших союзных государства»*^[889].

Однако во Франции со времён 1896 г. заметно усилилась антицарская пропаганда, авангардом которой были социали-

сты. Левые и масонские круги Франции усматривали в сближении с Самодержавной Россией опасность усиления роялистских настроений в III Республике. Растущее число политических эмигрантов из России, находивших себе убежище в Париже, многие из которых были радикальными социалистами и участниками террористических группировок, стало еще одним обстоятельством, отрицательно влиявшим на русско-французские отношения. Николай II пытался убедить французского президента Лубе в необходимости общих усилий всех европейских государств в борьбе с терроризмом. Как вспоминал Абель Комбарье, в своей беседе с президентом Государь *«говорил о нигилистах, анархистах»* и *«высказал мысль о необходимости международного закона против них»*^[890]. Однако Лубе ответил, что это является внутренним делом каждого государства.

5/18 сентября 1901 г. Императорская яхта *«Штандарт»* в сопровождении крейсеров *«Варяг»* и *«Светлана»* вошла в гавань Дюнкерка. После смотра военным кораблям состоялась встреча Царя и президента на причале Дюнкерка^[891].

19 сентября Николай II принял участие в больших манёврах французской армии, состоявшихся вблизи Реймса. Затем Государь и Государыня посетили Реймс – священный город французских королей. Войдя в главный собор Пресвятой Богородицы, в которой венчались все французские монархи до революции 1789 г., Государь преклонил колено. Французский президент и его министры были вынуждены после-

довать его примеру. Верующие французы не могли не отметить парадоксальность момента. *«Царь верит в Бога, – писала одна правая газета, – в Того Бога, Имя Которого г. Любе не осмелился произнести в публичном выступлении, в Того Бога, слугителей Которого современное правительство всячески преследует»*^[892].

Посещение Государем католических храмов вызывало раздражение у политической верхушки III Республики. В условиях начавшейся антицерковной кампании в глазах верующих французов эти посещения выглядели осуждением со стороны русского Императора. В Компьене французские власти попытались даже не допустить Царя на крестины внука посла Республики в Петербурге маркиза Монтебелло, который задолго до отъезда Государя просил его быть восприемником внука у купели. Царь не имел оснований отказать послу. Между тем визит Царской Четы во Францию совпал с разгаром антиклерикальной кампании, развязанной кабинетом Вальдек-Руссо. Французское правительство не желало, чтобы Государь появился на официальной церемонии в католической часовне. Однако Николай II настоял на своём, заявив, что *«слово русского Царя должно было быть нерушимым»*^[893]. Газета «Le Gaulois» от 12/25 сентября сообщала: *«Царь спросил маркиза Монтебелло: не крестили ли ещё его внука? Не болен ли он? Монтебелло ответил, что, слава Богу, внук полностью здоров. “Прекрасно, – сказал Царь. – Тогда окрестим его завтра”. На следующий день состоялись*

крестины, несмотря на сопротивление правительства»^[894]. Вскоре после крестин Монтебелло был отозван из Санкт-Петербурга.

В городской библиотеке Реймса Царю показали древний манускрипт, так называемое «Славянское Евангелие», которое когда-то принадлежало королеве Франции Анне, дочери Великого Князя Киевского Ярослава Мудрого, и было написано древней славянской азбукой – глаголицей. Первый экземпляр Евангелия Император Николай II видел еще в 1896 г. в Париже и тогда он поразил присутствующих тем, что, взяв книгу в руки, сказал: *«Но это читается очень легко»*, после чего свободно прочитал несколько отрывков^[895]. 21 сентября в пяти километрах от Реймса в присутствии Государя и президента Э. Лубе был дан смотр французской армии^[896]. На этом второй визит Николая II во Францию завершился.

В мае 1902 г. президент Лубе в свою очередь посетил Петербург. Накануне в разговоре с советником Комбарье он признал, что союз с Россией является «важнейшей вещью», так как и Англия, и Германия становятся для Франции всё более опасными экономическими конкурентами. Президент заявил, что *«наши интересы никоим образом не сталкиваются с русскими»*^[897]. Лубе выразил надежду, что влияние России в Европе будет ограничено *«Балканами и Константинополем, разумеется, без аннексий и захватов»*. По его мнению, Россия должна направить своё влияние на Даль-

ний Восток, где её влияние должно быть сдержано союзом с Францией и Японией^[898].

Слова президента Лубе демонстрировали изменение подхода Парижа к франко-русскому союзу: он более не считал главной целью союза с Россией защиту от Германии. Стремление «к реваншу», то есть возвращению утраченных в ходе франко-прусской войны провинций Эльзаса и Лотарингии, на самом деле не имело в планах правительства III Республики практически никакого значения. Лубе говорил, что нужно оставить мысль о возврате в ближайшем будущем Эльзаса и Лотарингии, так как это возвращение «*совершенно невозможно путём прямой силовой атаки*»^[899]. Французская колониальная империя была давно создана, и Париж был лишь озабочен, как бы её сохранить от ненасытных германских посягательств.

Пришедший к власти во Франции в результате майских парламентских выборов 1902 г. левый блок Жюль Комба усилил и без того активную антицерковную кампанию. Католические священники подвергались травле, были случаи даже убийства. Русский посол в Париже князь Л. П. Урусов сообщал Государю: «*Правительство Комба подготавливает декрет об отделении церкви от государства и школы от церкви. <...> Такое постановление было бы равносильно безумному отказу в праве преподавания всему белому духовенству. Всё это говорит о намерении правительства вскоре порвать конкордат со Святым Престолом*»^[900].

По повелению Государя князь Урусов в августе 1902 г. сообщал министру иностранных дел Теофилу Делькассе: *«Россия неблагоприятно относится к мероприятиям правительства Республики по преследованию христианских учреждений»*. Вместе с тем, следуя указаниям Императора, посол от полемики уклонился^[901].

Демарш князя Урусова был обусловлен не только тем, что Царю была неприемлема любая форма преследования или ущемления христианской религии, но и тем, что в начале XX в. между Императорским правительством и папским престолом шли переговоры о сотрудничестве.

Разумеется, это сотрудничество касалось исключительно политического взаимодействия против масонско-социалистического влияния, которое всё больше набирало силы в Европе и которое было опасно как для России, так и для папской власти. Нельзя не видеть в этом аналогии с политикой Императоров Павла I и Александра I, которые протянули руку помощи папе римскому²⁹, оказав ему защиту от революционной, а затем и наполеоновской тирании^[902].

В январе 1899 г. Император Николай II пригласил папу Льва XIII на Гаагскую конференцию, чем вызвал острое недовольство со стороны официального Парижа. Французский посол в Риме и при Святом Престоле А. Нисар в письме

²⁹ Папа Пий VII был избран на папский престол в Венеции, освобождённой от французских республиканских войск армией А. В. Суворова, под защитой русских штыков.

к Делькассе выразил опасение, что учитывая союз Франции и России, возможное сближение папы и Царя может привести к самым негативным последствиям, если *«дух социалистической революции будет превалировать во Франции»*^[903].

Новый Папа Пий X, сменивший скончавшегося в 1903 г. Льва XIII, перед лицом антиклерикальной политики Франции и антикатолической позиции Германии готов был искать союзника в лице Императорской России. В обмен на поддержку Царь требовал от папского престола оказать умиротворяющее влияние на польское католическое духовенство, с тем чтобы оно препятствовало усилению антирусских выступлений в Царстве Польском. В ходе революции 1905–1907 гг. папа обратился с подобным воззванием к польскому духовенству^[904].

Новый посол Республики в Петербурге Морис Бомпар считал, что *«в 1903 году медовой месяц русско-французского союза завершился»*^[905]. Франция начала политику сближения с Великобританией, завершившуюся созданием Антанты, которая в 1903 г. представляла собой исключительно англо-французское соглашение о разграничении сфер влияний. Оно не имело признаков военного союза, хотя и снимало с повестки дня возможность англо-французской войны. Тем более Антанта никоим образом не означала англо-русского сближения. Петербург и Лондон по-прежнему оставались геополитическими противниками. Для Николая II английский поворот французской внешней политики был

неожиданным, тем более что всего три года назад, в 1900 г., Делькассе добился внесения изменения во франко-русскую конвенцию, предусматривающую совместные действия России и Франции против Англии в случае, если один из союзников окажется с нею в состоянии войны. Царю претила мысль о сближении с Англией, к которому всё более стремился официальный Париж и особенно Делькассе, в политике которого Царь справедливо усматривал попытку *«опираясь на существующие договорные отношения с Россией и Англией»* изолировать Германию^[906]. Изоляция Германии не входила в планы Императора Николая II.

Созыв Гаагской конференции мира

Суть внешней политики Императора Николая II нераздельна от его личности. Христианский принцип миролюбия был заложен в основу, как внешней, так и внутренней политики Царя³⁰. Однако это миролюбие прочно сочеталось в Николае II, как и у его отца Императора Александра III, с восприятием России как великой мировой державы, призванной быть гарантом мировой стабильности и равновесия. Царь считал защиту интересов России главным приоритетом своей внешней политики. Однако эти интересы никогда не означали оккупацию, грабёж и расчленение других госу-

³⁰ Блажени миротворцы, яко тии сынови Божии нарекутся (Мф. 5, 9).

дарств и народов. Эфемерная слава военного завоевателя, полководца – никогда не привлекала Императора Николая II, хотя он хорошо знал и любил военное дело.

Внешняя политика Николая II не может быть понята, если мы не будем учитывать, что она стала восприимчивой всей международной политики России, начиная с образования её как централизованного государства. Главная цель русской внешней политики была неразрывно связана с политикой внутренней, с той сверхидеей, которой руководствовалась Россия на протяжении всей её истории. Этой сверхидеей была Святая Русь, то есть православная Империя, целью которой было служение Христу и осуществление христианских принципов в политике, насколько, конечно, это было возможно. Величайшей ошибкой было бы искать в политике русских царей доминанту в виде стремления к территориальным захватам, завоевания новых рынков сбыта – то есть всего того, что определяло сущность западной внешней политики. России была совершенно чужда германская идея «*lebensraum*» («жизненного пространства»), во-первых, в силу того, что Россия обладала огромной территорией, а, во-вторых, потому что завоевания никогда не входили в приоритеты русского государства. Как писал великий русский учёный Д. И. Менделеев: *«Русский народ никогда не был склонен к завоевательству, и если воевал и покорил немало народов, то лишь потому, что к этому принуждали его прямо слагавшиеся обстоятельства»*^[907].

Мировоззрение Николая II было мировоззрением христианского государя, воспринимавшего свое императорское достоинство, как служение Богу и России. *«Я имею всегда одну цель перед собой, – писал Государь П. А. Столыпину 23 октября 1907 г., – благо Родины: перед этим меркнут в моих глазах мелочные чувства отдельных личностей»*^[908].

Однако представление об этом благе никогда не означало в представлении Императоров Всероссийских оккупацию, грабёж и расчленение других государств и народов, захват новых рынков сбыта, то есть всего того, что определяло сущность западной внешней политики. России была совершенно чужда германская идея «lebensraum» («жизненного пространства»), во-первых, в силу того, что Россия обладал огромной территорией, а, во-вторых, потому что завоевания никогда не входили в её внешнеполитические приоритеты. Россия никогда не начала ни одной войны из-за того, что территории её соседей больше и богаче, чем её собственные, хотя бы уже потому, что таковых не существовало. Наоборот, именно Россия постоянно подвергалась агрессии, так как её богатые земли манили бесконечных завоевателей с востока и запада. Само существование огромной православной Империи раздражало и пугало её многочисленных врагов.

Более всех земных благ Россия ценила мир. Для Европы война, вплоть до Наполеона, была скорее опасным развлечением, в котором участвовали небольшие наёмные армии,

чем национальным бедствием. Для России же война всегда была огромным народным горем. Победа над врагом воспринималась русским народом как Божья милость, а не как злорадное торжество над поверженным противником. Поэтому государственная мысль России постоянно искала пути создания таких международных условий, при которых война стала бы в принципе невозможной. Огромную роль в попытке создания такой системы сыграл Император Александр I, главный основатель и идеолог Священного союза, созданного после разгрома Наполеона. Безусловно, что пример Александра Благословенного всегда был в памяти Императора Николая Александровича, и нет сомнений, что Гаагская конференция 1899 г., созванная по инициативе Николая II, была навеяна Священным союзом. Это, кстати, отмечал в 1905 г. граф Л. А. Комаровский: *«Победив Наполеона, – писал он, – Император Александр помышлял даровать народам Европы, истерзанным долгими войнами и революциями, прочный мир. По его мысли великие державы должны были соединиться в союз, который покоясь на началах христианской морали, справедливости и умеренности, был бы призван содействовать им в уменьшении их военных сил и поднятии торговли и общего благосостояния»*^[909].

Александр I был одним из первых государственных деятелей новой истории, кто считал, что помимо земных, геополитических задач у внешней политики России есть задача духовная. *«Мы заняты здесь важнейшей заботой, но и*

труднейшей также, – писал Александр княгине С. С. Мещерской. – Дело идёт об изыскании средств против владычества зла, распространяющегося с быстротою при помощи всех тайных сил, которыми владеет сатанинский дух, управляющий ими. Это средство, которое мы ищем, находится, увы, вне наших слабых человеческих сил. Один только Спаситель может доставить это средство Своим Божественным словом. Воззовём же к Нему от всей полноты, от всей глубины наших сердец, да сподобит Он послать Духа Своего Святого на нас и направит нас по угодному Ему пути, который один только может привести нас ко спасению»^[910].

Священный союз позволил сохранить Европу от большой войны в течение почти полувека. Он был уничтожен не по вине России, а по вине Запада, развязавшего Восточную (Крымскую) войну. Распад Священного союза превратил Европу в большой котёл, в котором температура постоянно накалялась. Каждое европейское государство, за исключением России, преследовало свои узконациональные интересы, мало считаясь с опасностью большой войны. Россия, исходя как из своих коренных интересов, так и общечеловеческих, делала всё, чтобы её не допустить. Для этого надо было всеми силами не допустить гегемонии одной европейской державы над другой.

Идея о необходимости общеобязательных правил ведения войны была впервые выдвинута императором Алексан-

дром II в 1874 г. Франко-прусская война, сопровождавшаяся особо губительным, в том числе и для мирного населения, огнём тяжёлых крупновских пушек, побудила Царя-Освободителя обратиться к державам с предложением провести международную конференцию по кодификации правил войны в сухопутных сражениях^[911]. Мысль русского царя, опережавшая время на несколько десятилетий, не была воспринята тогдашним мировым сообществом.

К идее о проведении конференции о разоружении русская государственная мысль возвращалась и в царствование императора Александра III.

Одним из активных сторонников конференции по разоружению был барон Е.Е. де Стааль, который в 1899 г. председательствовал на конференции в Гааге. Ещё в 1894 г. де Стааль подал записку Александру III о проведении конференции по разоружению, но царь счёл такое мероприятие преждевременным. 20 апреля 1894 г. Александр III написал на записке Стааля: *«Мы не раз говорили с Вами об этом. Но практических результатов я положительно не вижу. Конечно, это было бы великим благом всех, но думаю, что пока это утопия»*^[912].

Своей инициативой провести конференцию по разоружению Император Николай II хотел создать международную систему, которая смогла бы эффективно препятствовать большим войнам. В этом Николай II задолго опередил создание и Лиги Наций, и ООН. Великая инициатива царя не бы-

ла оценена в конце XIX в., а в течение всего XX в. упорно замалчивалась. Большевистский режим, присвоивший себе монополию на мирные инициативы, не мог допустить, чтобы в общественном сознании утвердился образ убитого им Царя, как инициатора всеобщего разоружения.

Советская историография объясняла мирные инициативы Императора Николая II корыстными интересами: слабостью «царского режима», отсталостью русской экономики и вооружённых сил, влияниями на царя различных политических течений. Так, историк В. И. Бовыкин полагал, что невозможность *«поспеть в гонке вооружений за Германией, вынудила царское правительство выйти с предложением их сокращения»*^[913].

Известная исследовательница международной политики начала XX в. д. ист. н. И. С. Рыбачёнок выделяет три основных мотива инициативы Царя по созыву конференции: *«политический – создание стабильной и благоприятной для России международной обстановки в Европе; идеологический – формирование образа великой империи как носительницы идеи мира и справедливости; и финансовый – “замораживание” военных бюджетов при общем вполне прагматическом устремлении укрепить систему “неустойчивого равновесия”, сложившуюся тогда в Европе»*^[914].

Однако нельзя не признать, что все перечисленные автором мотивы созыва конференции в Гааге не учитывают главного: стремление Императора Николая II начать практи-

ческие шаги по недопущению такого зла, как современная война. Между тем можно утверждать, что эта причина преваляровала у Николая II над всеми остальными. Идея Государя о разоружении и международном арбитражном суде была вызвана не сиюминутными политическими расчётами, а глобальным видением современной и грядущей геополитической эпохи, когда война становилась не *«продолжением политики иными средствами»*, а величайшим мировым бедствием. Даже такой критик Николая II, как французский историк Марк Ферро, чьи писания настолько предвзятые, что порой переходят в дезинформацию, вынужден признать: *«Николай II стремился положить конец войнам между Германией и Францией, Англией и Россией, Россией и Австрией. Это должно было быть небольшое сообщество наций, некий аналог “Священного союза”»*^[915].

Император Николай II, разумеется, не тешил себя иллюзиями о том, что на следующий день после конференции государства начнут политику разоружения. Французский дипломат Жан-Жюль Жюссеран отмечал, что во время своей встречи с Николаем II Государь предупредил, чтобы он не *«строил больших иллюзий по поводу практических и немедленных результатов от его конференции. Но он уверен в её необходимости по причине моральной»*^[916].

Однако речь шла не только о моральной стороне дела. Всё усиливающаяся гонка вооружений грозила большей части европейских государств нищетой и разорением. Эта гон-

ка была выгодна лишь одному европейскому государству – Германии, которая в силу осуществлённой в ней военно-технической революции вырвалась далеко вперёд в деле развития тяжёлого вооружения. Об этом хорошо писал в своей записке на Высочайшее имя один из организаторов конференции крупный чиновник МИД Ф. Ф. Мартенс: *«Нынешнее перевооружение германской артиллерии, – писал он, – служит новым доказательством неотложности положить предел этой разрушительной и опасной системе бесконечных вооружений, впервые введённой той же Германией, и которая, в конце концов, неминуемо должна привести к небывалой по своим разрушительным последствиям всеобщей войне»*^[917].

Таким образом, главной целью Николая II была попытка предотвращения или хотя бы смягчения последствий грядущей мировой войны, которая, и это понимал Царь, в условиях ничем не ограниченной гонки вооружений должна была неминуемо начаться.

12 августа 1898 г. министр иностранных дел граф М. Н. Муравьев обратился к представителям России за границей с циркулярной нотой: *«Охранение всеобщего мира и возможное сокращение тяготеющих над всеми народами чрезмерных вооружений являются, при настоящем положении вещей, целью, к которой должны бы стремиться усилия всех правительств. Положить предел непрерывным вооружениям и изыскать средства предупредить угрожающие всему миру несчастья – таков ныне высший долг для всех*

государств. Преисполненный этим чувством, Государь Император повелеть мне соизволил обратиться к правительствам государств, представители коих аккредитованы при Высочайшем Дворе, с предложением о созыве конференции в видах обсуждения этой важной задачи. С Божьей помощью, конференция эта могла бы стать добрым предзнаменованием для грядущего века»^[918].

Циркуляр произвёл в Европе сильное впечатление, хотя однородным его назвать нельзя. Большинство европейских государственных и политических деятелей, а также прессы консервативного и либерального направления, однозначно приветствовали «великодушный почин миролюбивого Государя». Министр иностранных дел Италии маркиз Эмилио Висконти-Веноста заявил, что «долг всех правительств помочь в деле мира, с инициативой которого выступил Царь»^[919].

«Мир был уже поражён, – писал в своей книге о конференции профессор международного права Парижского университета Альберт Жофр де Лапрадель, – когда могущественный Монарх, глава великой военной державы, объявил себя поборником разоружения и мира в своих посланиях от 12/24 августа и 30 декабря. Удивление еще более возросло, когда, благодаря русской настойчивости, конференция была подготовлена, возникла, открылась»^[920].

Однако в целом ведущие европейские политические круги восприняли идею конференции крайне скептиче-

ски, усмотрев в ней лишь ограничение своих эгоистических намерений. Во Франции предложение Царя о созыве конференции стало *«ушатом холодной воды»*. По словам Ф. Ф. Мартенса, французы *«рвут и мечут, и не могут успокоиться, считая, что конференция направлена против них»*^[921].

В Германии идею конференции восприняли как противодействие своим экспансионистским планам. За год до конференции германский император Вильгельм II потребовал от рейхстага нового значительного усиления состава императорской армии. В рейхе, как и во Франции, была разработана новая 77-мм полевая пушка, скорострельность которой увеличилась в пять раз^[922]. Поэтому неудивительно то отношение кайзера к инициативе Царя, которое он выразил в помете на докладе статс-секретаря иностранных дел Бернхарда фон Бюлова 10/22 июня 1899 г.: *«Чтобы он [Николай II] не оскандалился перед Европой, я соглашаюсь на эту ерунду. Но в своей практике я и впредь буду полагаться и рассчитывать только на Бога и на свой острый меч. И ср...ть я хотел на все эти постановления!»*^[923] По воспоминаниям Бернхарда Бюлова, кайзер был настолько *«поражён и возбуждён этим выступлением России»*, что отправил своему кузену *«вызывающую телеграмму»*, в которой высмеивал его миролюбивые намерения и *«подчеркивал держать русский меч обнажённым с таким пылом, как если бы он был русским военным министром»*^[924].

Одной из важных причин, побудивших Государя инициировать созыв Гаагской конференции, стала англо-бурская война и методы её ведения со стороны англичан. Именно британцы впервые в истории создали концлагеря, в которые заключались мирные жители, заложники, в том числе женщины и дети, заподозренные в оказании помощи бурам. Условия содержания в этих лагерях были ужасными. Русский военный агент в Брюсселе подполковник Е. К. Миллер в своём докладе в Петербург 17/30 марта 1901 г. описывал условия заключения буров в английских концлагерях: *«Условия жизни сотен женщин с маленькими детьми, скученных в тесных лагерях, крайне неблагоприятны, продовольствие отпускается в недостаточных размерах, и было часто совершенно непригодного качества. <...> Маленькие дети остались совсем без продовольствия, так как нельзя назвать пищей гнилую маисовую муку, полную всяких насекомых»*^[925]. По приблизительным подсчётам в английских концлагерях погибло 25 тыс. буров и 14 тыс. аборигенов^[926], из них 22 тыс. были дети^[927].

Преступное ведение войны англичанами не могло оставить равнодушным Императора Николая II, который поручил министру иностранных дел графу В. Н. Ламздорфу подготовить вместе с правительствами других европейских держав организацию дипломатического и даже военного давления на Великобританию^[928]. Однако Государя в этом не поддержало ни одно европейское государство.

24 октября/6 ноября 1898 г. «Предварительный проект» программы конференции был представлен Императору Николаю II^[929]. Гаага не сразу была выбрана местом проведения конференции. Вначале в качестве такового рассматривался Санкт-Петербург, но российская столица была отвергнута по предложению самого российского МИД. Тогда возникла идея обратиться к королеве Нидерландов Вильгельмине^[930].

Приглашение участвовать в ней было послано и принято всеми европейскими державами, а также США, Мексикой, Китаем, Японией, Персией, Сиамом. Каждая из приглашенных держав прислала своих уполномоченных. По предложению королевы Нидерландов Вильгельмины начало работы конференции в знак уважения к её Августейшему инициатору приурочили ко дню рождения Императора Николая II – 6/18 мая. Председателем конференции был избран представитель России барон Е. Е. Стааль.

Гагская мирная конференция заседала в королевском Лесном дворце с 18 мая по 17 (по григорианскому стилю) июня 1899 г. Был принят целый ряд конвенций, в том числе конвенция о мирном разрешении международных споров путем посредничества и третейского разбирательства. Плодом этой конвенции, разработанной русским депутатом проф. Ф. Ф. Мартенсом, явилось учреждение действующего и поныне Гагского международного суда.

Представители прессы на конференцию не были допущены.

ны; о её заседаниях имеются только краткие сведения, сообщенные печати по постановлению самой конференции. Первая и главная цель конференции – сокращение вооружений и военных бюджетов достигнута не была, что объяснялось позициями Германии и Франции. Один из главных участников конференции со стороны России, Ф. Ф. Мартенс, называл позицию французской делегации «подлой»: *«Они – наши друзья и союзники, но не только не помогают нам, но, напротив, на каждом шагу пакостят, выступая против предложений России в военной и морской комиссиях»*^[931].

Французские военные круги восприняли конференцию как желание России склонить Францию к отказу от возвращения Эльзаса и Лотарингии. Французские военные были также обеспокоены, не приведёт ли запрет на перевооружение армий новым оружием к запрету на скорострельную 75-мм пушку, перевооружение которой с успехом шло во французской армии. Французы были настолько напуганы предстоящей конференцией, что Николай II поручил М. Н. Муравьёву успокоить французов. *«Я думаю было бы хорошо, – писал Государь, – если бы Вы побывали в Париже и повидались бы с Фором и некоторыми из главных их деятелей. Важно их всех успокоить насчёт нашего проекта всеобщего разоружения, который, судя по их печати, кажется, наделал во Франции сильный переполох. Ваше посещение Парижа, сразу положит конец разным сомнениям или разочарованиям, если они имеют место»*^[932].

Успокаивать французов в Париже выезжал не только М. Н. Муравьёв, но и генерал А. Н. Куропаткин. Несмотря на то, что последним удалось успокоить союзников по поводу Эльзаса и Лотарингии, а также 75-мм пушки, французской поддержки русская идея о прекращении новых вооружений не получила^[933].

Между тем Император Николай II в разговоре с послом Монтебелло выразил настойчиво пожелание, чтобы оба посланника на конференции, французский и русский, *«действовали наступательно и всегда согласно друг с другом по всем более-менее важным пунктам»*^[934].

Конференция достигла соглашения по установлению общих правил относительно мирного разбирательства столкновений между державами и выработала определенные правила относительно ведения войны. Все это выразилось в шести конвенциях и декларациях:

- 1) конвенция о мирном улаживании международных столкновений,
- 2) конвенция, определяющая обычаи сухопутной войны,
- 3) конвенция, распространяющая применение Женевской конвенции 1864 г. на войну морскую,
- 4–6) декларации, запрещающие бросание взрывчатых снарядов с аэростатов, употребление снарядов, единственной целью коих является распространение удушающих газов, пуль, взрывающихся в человеческом теле.

Конвенция о мирном разбирательстве споров и о морской

войне ратифицирована всеми 26 державами; конвенция о сухопутной войне – не ратифицирована Швейцарией, Турцией, Китаем; декларация о бросании взрывчатых снарядов с аэростатов не подписана Англией, декларация о снарядах, распространяющих удушающие газы, – Англией и Соединёнными Штатами.

Наибольшее значение имела конвенция о мирном разрешении международных столкновений. Она устанавливала право вмешательства третьей державы в столкновение между двумя другими державами как до войны, так даже и после открытия военных действий, посредством предложения «добрых услуг». Спорящие державы могут отвергнуть или принять добрые услуги. В последнем случае конвенция рекомендовала спорящим державам (если война еще не началась) избрание каждой одной нейтральной державы, и эти державы могли выработать все условия соглашения, пока шли переговоры между ними.

Затем спорящие державы могли принять предложенное им соглашение или отвергнуть его. Конвенция предусматривала случаи, когда спор мог происходить вследствие различного толкования фактической обстановки какого-либо события. Для подобных случаев конвенция предложила совсем новый способ международного следствия и передачи спора Третьейскому суду. Для этого в Гааге учреждался постоянный международный третейский трибунал.

Учреждение международного третейского суда в Гааге,

осуществленное по инициативе русского императора, опередило свое время более чем на полвека.

Оценивая итоги Гаагской конференции, Государь писал в 1900 г.: *«Результаты трудов, созванной в Гааге Мирной Конференции, дают полную надежду, что осуществлению такой близкой Моему сердцу задачи положены твердые основы в виду признания всеми державами возможности и необходимости её всестороннего разрешения»*^[935].

Конференция, конечно, не остановила гонку вооружений. Более того, сразу же после неё Германия почти демонстративно увеличила свою армию мирного времени на 26,6 тыс. человек, Турция – более чем на 300 тыс. Министр колоний Англии Дж. Чемберлен заявил, что само Провидение предназначило Англию *«быть завоевательницей и управительницей громадных пространств земной поверхности»*^[936].

Но хотя конференция и не смогла остановить гонку вооружений, она имела важное практическое значение. *«С некоторых пор в газетах и в здешних политических кругах, – сообщал Николаю II в июле 1903 г. российский посол в Париже князь Л. П. Урусов, – обсуждалась возможность заключения с иностранными державами договоров, в силу коих споры по известного рода вопросам обязательно подвергались бы третьейскому суду. Нужно заметить, что вообще великодушная мысль Государя Императора, практическим выражением коей была Гаагская конференция 1899 года, широко распространилась с тех пор и сделала большие успе-*

хи во Франции... Принцип арбитража популярен во Франции и его поддерживает большая часть здешней печати»^[937]. В том же 1903 г., сначала (в октябре) с Англией, а затем (в декабре) и с Италией, Франция подписала договоры о представлении на разрешение Гаагского третейского суда недо-разумений и споров «неполитического свойства»; международное расследование знаменитого «Гулььского инцидента» велось в Париже зимой 1904–1905 гг. также в рамках гаагских договоренностей. С тех пор следование гаагским решениям превратилось в общепринятую норму, а идеал достижения «*прочного мира во всем мире*» стал общим местом рассуждений аналитиков и комментаторов международных отношений^[938].

Антиколониальный характер внешней политики Императора Николая II

Политика Императора Николая II в конце XIX – начале XX в. характеризовалась своей антиимпериалистической направленностью. Об этом свидетельствует неизменная поддержка Государем антиимпериалистической борьбы африканских и азиатских народов против колониального ига.

Так, в 1894 г. Николай II оказал существенную, если не решающую, помощь народу Эфиопии (Абиссинии) в его борьбе с итальянскими колонизаторами и стоящей за ними Великобританией. За год до вступления Николая II на престол

Италия, сфабриковав подложный договор с Эфиопией, заявила о своих правах на эту страну. После отказа абиссинского императора (негуса) согласиться на это Италия, поддерживаемая Англией, начала захватническую войну против Абиссинии. Россия не признала прав Италии на Эфиопию, выступив в защиту ее прав и независимости^[939].

Объясняя позицию России в отношении Абиссинии, министр иностранных дел князь А. Б. Лобанов-Ростовский в секретной инструкции писал русскому резиденту в этой африканской стране действительному статскому советнику К. Н. Лишину: *«Для Императорского правительства Абиссиния является главным образом серьёзным средством воздействия на другие государства, а посему ограждение независимости и территориальной неприкосновенности Абиссинии составляет основное начало нашей политики к этой стране»*^[940].

Помимо этого, Эфиопия воспринималась в России как православная страна, имевшая большое сакральное значение: по легенде, именно в Эфиопии находится Ковчег Завета, а эфиопский император прямой потомок Царя Соломона.

23 июня 1895 г. в Петербург прибыла большая дипломатическая делегация Эфиопии во главе с двоюродным братом негуса^[941]. 30 июня 1895 г. она была принята Императором Николаем II в Большом (Екатерининском) дворце Царского Села. Результатом этой встречи и переговоров с военным ведомством России стало то, что абиссинцы получили

в Петербурге политическую и военную поддержку. Эфиопская делегация увезла с собой 135 больших коробок с винтовками и боеприпасами, а также крупную партию кавалерийских сабель Златоустовского завода. Император Николай II из своих средств передал Менелику II в качестве подарка 400 тыс. рублей^[942]. Негус был Высочайше пожалован орденом Святого Благоверного Великого Князя Александра Невского^[943]. Уже в ходе войны в Эфиопию через Джибути из России и Франции было доставлено 130 тыс. ружей^[944]. В марте 1896 г. Российское общество Красного Креста отправило в Абиссинию санитарный отряд, в Аддис-Абебе стал действовать русский госпиталь^[945]. Был выпущен нагрудный знак с надписью: «*Православным братьям Абиссинии. Красный Крест России*»^[946]. В марте 1896 г. эфиопская армия нанесла сокрушительное поражение итальянцам в битве при Адуа. Итальянцы были вынуждены начать мирные переговоры с эфиопским правительством, дипломатическую поддержку которым обеспечивала Россия. 17 июля 1896 г. Раса Маконен выражал Императору Николаю II глубокую благодарность за оказанную помощь: «*Эфиопы никогда не забудут Вашей благосклонности. Пусть даст Вам Бог долгие годы жизни и здоровье. Да будет уважение всему народу русскому на радость Эфиопии*»^[947].

4/16 октября 1896 г. Российское телеграфное агентство сообщило, что в Аддис-Абебе подписан мирный договор, по которому Италия признала независимость Эфиопии и вы-

платила ей контрибуцию^[948]. Видную роль в дипломатической победе Эфиопии сыграла Россия и лично Император Николай II.

Поддержал Государь в 1899 г. и борьбу двух южно-африканских государств, Трансвааля (Южно-Африканская Республика) и Оранжевой Республики, заселённых в основном белым населением (бурами), против Англии, стремившейся превратить их в свои колонии. Симпатии русской общественности были целиком на стороне буров, среди которых было немало выходцев из России^[949]. 28 сентября 1898 г. Николай II удовлетворил просьбу бурских государств об установлении дипломатических отношений с Российской империей. Царь самым внимательным образом следил за ходом войны. В письме к Великому князю Сергею Александровичу Николай II признавался, что *«от души желает бурам ещё больших успехов, чем они до сих пор имели»*^[950]. А обращаясь к своей сестре Великой княгине Ксении Александровне, он писал: *«Не могу не выразить моей радости по поводу только что подтвердившегося известия, полученного уже вчера, о том, что во время вылазки генерала Уайта целых два английских батальона, и горная батарея взяты бурами в плен!»*^[951]

В январе 1900 г. Россия установила дипломатические отношения с Афганистаном, который Великобритания рассматривала исключительно как зону своих колониальных интересов^[952]. В ответ на протесты Лондона русский посол

Е.Е. де Стааль заявил: *«Россия желает мира и сохранения дружественных отношений со всеми сопредельными государствами, и если Англия не сумела внушить доверие эмиру – Россия, со своей стороны, не считает себя вправе отклонить попытки Афганистана к дружественному сближению с Россией»*^[953]. Вскоре, опираясь на поддержку Петербурга, эмир Хабибула, демонстративно отказался от британских субсидий.

Большую помощь оказал Император Николай II королевству Таиланд (Сиаму) в его борьбе с французскими колонизаторами. В 1893 г. Франция совершила военное нападение на Сиам и навязала ему кабальный договор, на основании которого добилась для себя многих привилегий, а также большой контрибуции. Однако даже столь неравноправный договор мало удовлетворял французских колонизаторов, и они пошли по пути его нарушения. Речь шла о подготовке к полной ликвидации государственной самостоятельности Таиланда, к разделу его между английскими и французскими империалистами.

Когда король Рама V понял, что Франция собирается колонизировать Сиам, он отправился в заграничную поездку, надеясь добиться урегулирования отношений с Францией. Но официальный Париж отказался даже разговаривать с королём^[954]. Единственной страной, которая могла бы повлиять на Францию, был её союзник, Российская империя. Рама V обратился лично к Императору Николаю II с предложением

нием установить с Таиландом дипломатические отношения. Царь сразу же откликнулся на просьбу короля, пригласив его в Россию. Визит короля Рамы V проходил с 21 по 28 июня 1897 г.

Чулалонгкорн следовал в Петербург через Москву. В связи с этим Николай II дал указание генерал-губернатору Первopрестольной столицы Великому Князю Сергею Александровичу оказать самый тёплый приём тайландскому монарху: *«Прошу тебя и Эллу³¹ смотреть на него как на верного и хорошего друга моего, как на убеждённого поклонника России (их и без того мало)»*^[955].

Король был поселён в Большом Петергофском дворце, откуда он мог любоваться белыми ночами и живописными Петергофскими фонтанами. Во всех официальных русских газетах была помещена фотография встречи Императора Николая II и короля Чулалонгкорна, что определило успех давления на Францию, которая не решилась продолжить агрессивные действия в отношении друга своего главного союзника. Рама V уехал к себе на родину в окружении 200 русских гвардейцев, которых Николай II отправил в Таиланд для охраны короля. Осенью 1897 г. между двумя государствами были установлены дипломатические отношения. Сразу же после встречи Рамы V с Императором Франция согласилась принять сиа́мского монарха и обсудить с ним назревшие проблемы. В связи с дружественным характером

³¹ Великая княгиня Елизавета Фёдоровна.

российско-сиамских отношений и расширением культурных связей королевские гвардейцы Сиама до 70-х гг. носили форму российских лейб-гусар, причем некоторые элементы этой формы сохранились и до нашего времени.

По просьбе тайландского правительства и лично короля Чулалонгкорна Николай II неоднократно оказывал Таиланду поддержку в разрешении спорных вопросов с Францией, что способствовало сохранению его независимости. 7 марта 1898 г. сиамский король просил Государя содействовать в переговорах Таиланда и Франции^[956]. Сиам добивался от Франции возвращения захваченного ею города Чантабуна. Император Николай II повелел послу в Париже князю Урусову *«оказать возможное содействие к разрешению в желательном для Сиама смысле дела по очищению Чантабуна»*. Переговоры Урусова с Делькассе окончились удачно для Сиама. Франция отказалась от планов колонизации этой страны. Так Сиам остался единственной независимой державой в регионе.

В 1901 г. Российская империя установила дипломатические отношения с Марокко, на которое претендовали Великобритания и Франция. Николай II послал в Марокко русскую дипломатическую миссию, которую возглавлял генеральный консул в ранге министра-резидента В. Р. Бахерахт. В Марракеше Бахерахт вручил верительные грамоты султану Марокко Аб аль-Азису. Султан заверил консула в самых дружественных чувствах к России и выразил глубокую бла-

годарность Императору Николаю II за присланную миссию.

В апреле 1901 г. в Петербург было отправлено чрезвычайное посольство во главе с министром иностранных дел султаната Абд аль-Кримом бен-Слиманом^[957]. 24 июля марокканская делегация была принята в Большом Петергофском дворце Императором. Абд аль-Крим передал Николаю II послание султана Аб аль-Азиса. В своём ответе султану Государь писал: *«Мы усмотрели в решении отправить означенную первую официальную миссию в Россию новый залог искреннего желания Вашего Величества ещё теснее закрепить дружественные отношения, установившиеся между империями нашими»*^[958]. Во время переговоров М. Н. Муравьёв подчёркивал, что Россия заинтересована в независимом и сильном Марокко.

29 октября 1888 г. в Константинополе все ведущие европейские державы – Великобритания, Франция, Россия, Австро-Венгрия, Германия, Испания, Италия, Голландия, а также Турция, представлявшая одновременно Египет, – подписали декларацию «Относительно обеспечения свободного плавания по Суэцкому каналу». Первая глава этой конвенции гласила: *«Морской Суэцкий канал как в военное, так и в мирное время будет всегда свободен и открыт для всех коммерческих и военных судов без различия флага. В виду сего Высокие Договаривающиеся Стороны обязуются ни в чем не нарушать свободного пользования Каналом как в военное, так и в мирное время»*^[959].

Однако поскольку канал имел для Англии первостепенное значение — он связывал метрополию с удалёнными частями империи, — английское правительство не спешило выполнять полностью подписанную конвенцию, ссылаясь на то, что Египет, по которому проходил канал, был оккупирован английскими войсками. Между тем Египет был частью владений турецкого султана, и английская оккупация была незаконной. Российская империя всячески противилась захвату Египта западными державами, и прежде всего Англией, по следующим причинам: во-первых, Англия была главным соперником России на Ближнем Востоке; во-вторых, Россия была заинтересована в Суэцком канале, связующем звено европейской части Империи с Дальним Востоком. Россия ещё со времён Александра II вела борьбу за эвакуацию английских войск из Египта и открытие Суэцкого канала для свободного мореплавания. Российские представители обратились к турецкому султану, добиваясь созыва специальной международной конференции по определению статуса Суэцкого канала и Египта.

Лондон был готов предложить России Черноморские проливы в обмен на Египет. Но Россия не согласилась на это, отлично понимая, что при господстве Англии на Суэцком канале Босфор и Дарданеллы теряли значение в качестве главной связующей магистрали с Дальним Востоком.

Вступив на престол, Николай II практически сразу же занялся проблемой освобождения Египта и Суэцкого канала.

5 июля 1896 г. по приказу царя министр иностранных дел князь Лобанов-Ростовский встретился с британским принцем Людвигом Баттенбергом по вопросу английской оккупации Египта и, в частности, Суэцкого канала. В своём докладе Государю князь отмечал, что он *«совершенно открыто изложил принцу побуждения, руководившие нами в Египетском вопросе. С того времени, как интересы России на крайнем Востоке стали развиваться, вопрос о свободном проходе судов через Суэцкий канал и Чёрное море приобрёл для нас первостепенное значение. Между тем, в переговорах, предшествовавших заключению Суэцкой конвенции, Англия заявила, что покада Египет занят её войсками, конвенция эта не может быть применена»*^[960].

10/2 октября 1896 г. в своем послании Николай II дал ясно понять королеве, что Россия недовольна английской оккупацией. *«Что касается Египта, – писал Царь, – то это очень серьёзный вопрос, затрагивающий не только Францию, но и всю Европу. Россия весьма заинтересована в том, чтобы были освобождены и открыты её кратчайшие пути к Восточной Сибири. Британская оккупация Египта – это постоянная угроза нашим морским путям на Дальний Восток; ведь ясно, что у кого в руках долина Нила, у того и Суэцкий канал. Вот почему Россия и Франция не согласны с пребыванием Англии в этой части света, обе страны желают реальной целостности канала»*^[961].

В результате дипломатической деятельности Россия

предотвратила превращение Египта в колонию Англии как де-юре, так и де-факто и не допустила окончательного его отторжения от Османской империи. Кроме того, Россия не позволила Англии установить полного контроля над Суэцким каналом. «Империалистические» цели отсутствовали в политике Николая II и на Дальневосточно-азиатском направлении. «Азиатским» разворотом Николай II стремился предотвратить большую европейскую войну. Государь понимал, что цели, которые ставили его дед Александр II и отец Александр III – утвердить своё влияние на Балканах, силой занять Проливы, противодействовать Австрии и Турции в Южной Европе, а Англии и Франции на Ближнем Востоке, – можно было достичь только путём кровопролитной войны. Между тем сама мысль о ней вызывала в Государе неприязнь^[962]. К тому же обладание Босфором и Дарданеллами открывало для России лишь «форточку» в зал, который был заперт британскими «засовами». В этих условиях овладение Проливами отходило у Государя на второй план. В беседе в Париже с премьер-министром Великобритании лордом Робертом Артуром Солсбери Николай II заявил: *«Россия не хочет иметь Константинополь или иную часть турецкой территории на стороне Проливов. Она хочет только владеть дверью и иметь возможность укреплять её»*^[963].

Император Николай II и отношения с Германией

Император Вильгельм II, ставя своей главной целью достижение германской мировой гегемонии, стремился при помощи дипломатических интриг втянуть Россию в такой союз с рейхом, в котором она бы играла подчинённую ему роль. Одной из целей, которые ставил перед собой германский император в отношении России, было максимальное ослабление её влияния в Европе. Вильгельм II в письме Николаю II от 26 апреля 1895 г. указывал, *«что для России великой задачей будущего является дело цивилизации Азиатского материка и защиты Европы от вторжения жёлтой расы. В этом деле я буду всегда по мере сил твоим помощником»*^[964].

Говоря иными словами, кайзер предлагал России увязнуть на Дальнем Востоке, не лезть в европейские дела, а играть роль буфера между «варварской» Японией и «цивилизованным» Западом, хозяином которого должен был стать он, кайзер Вильгельм.

Постоянные поучения и эскапады Вильгельма II ничего, кроме раздражения, у Государя не вызывали. В дневнике Николай II называл кайзера *«нудным господином»*^[965].

Вильгельм II пытался воздействовать на Государя, доказывая ему опасность для монархий союза с республиканской

Францией^[966].

Лобанов-Ростовский не сомневался по поводу истинных причин немецких «страхов»: *«Это всё та же игра, чтобы привлечь Россию, взывать к монархическим и консервативным принципам, манить Константинополем и обещать поддержку Германии во всех восточных делах. Мы уже не раз получали авансы такого рода, они повторялись и в этот раз»*^[967]. Комментируя предложения Вильгельма II содействовать России в приобретении Константинополя, Лобанов-Ростовский в беседе с В. Н. Ламздорфом говорил: *«Не правда ли это любопытно? Император Вильгельм предлагает нам Константинополь и всё, что мы только захотим, чтобы оторвать нас от Франции. Чтобы мы дали ему раздавить Францию, чтобы потом полностью подчинить нас своему руководству»*^[968].

Император Николай II с первых дней царствования был сторонником сохранения мирных, но равноправных отношений с Германией. Видный германский военный деятель гросс-адмирал Альфред фон Тирпиц вспоминал: *«Николай II был настроен в пользу Германии. Общественность составила себе ложное представление о Царе. Это был честный, лично бесстрашный человек со стальными мускулами. Николай II в одной из бесед со мною сказал по собственной инициативе: Гарантирую вам, что я никогда не буду воевать с Германией»*^[969].

Когда в 1896 г. Великий Князь Алексей Александрович

высказал своё мнение, что Германия стремится к отторжению русских областей и оттеснению России к рубежам Московского царства, Николай II возразил: *«С какой стати? Владея входом в Балтийское море, Германия вполне спокойна»*^[970].

17/25 мая 1896 г. в личном послании кайзеру Государь выражал уверенность в необходимости *«всемерно укреплять наши связи, порождённые славным прошлым»* и подчеркнул, что он любит *«возвращаться к чувствам взаимной дружбы, как к наилучшему залогоу спасения монархических принципов, мира во всём мире и процветания наших соседних народов, судьбу которых Бог нам доверил»*^[971].

Во время своей первой заграничной поездки в 1896 г., главной целью которой было посещение Парижа, Николай II специально вначале нанёс визит в Берлин, где встретился с Вильгельмом II. Эта встреча должна была лишний раз продемонстрировать мирный характер визита Царя во Францию. Советник французского посольства Жюль Гансен писал, что русский министр иностранных дел князь А. Б. Лобанов-Ростовский *«был настроен откровенно антигермански, но он был вынужден уступать перед непреклонной волей Николая II, который был расположен к сотрудничеству с Германией»*^[972].

Всё это опровергает досужие утверждения о якобы присущей Императору Николаю II германофобии. Никакой неприязни к Германии Государь не испытывал, но он всё больше

убеждался в лицемерии, ненадёжности и двурушничестве её повелителя. Поток славословий и комплиментов, сочетавшихся с клятвами в «вечной дружбе» и «братском единении», коими были наполнены все письма Царю германского императора, не мог скрыть того, что говорил кайзер третьим лицам. Так, в 1901 г., на похоронах королевы Виктории, Вильгельм II уверял нового английского короля Эдуарда VII в том, что он враг России и не питает уважения к Императору Николаю II, этому *«некомпетентному правителю, годного только для того, чтобы выращивать репу»*^[973].

25 июля 1897 г. Вильгельм II прибыл в Россию с официальным визитом. Он был торжественно встречен Царём в Кронштадте. Николай II пожаловал ему звание адмирала русского флота. Правда, сделано это было исключительно из дипломатических соображений. О подлинном отношении Государя к этому событию говорит его письмо к матери, Вдовствующей Императрице Марии Феодоровне: *«Милая Мама, к сожалению, придётся теперь назначить Вильгельма – нашим адмиралом. <...> Как это ни скучно, всё же приходится дать ему наш морской мундир, тем более что в прошлом году он назначил меня капитаном I-го ранга у себя и, что всего хуже, мне придётся его встречать так в Кронштадте! C'est à vomir³²!»*^[974]

Кайзер был в восторге от полученного адмиральского мундира^[975]. Занимавший тогда должность статс-секретаря

³² Это тошнотворно! (фр.)

по иностранным делам князь Бюлов вспоминал, что в природе кайзера *«было придавать самое серьёзное значение подобным формальностям. Он принимал их слишком близко к сердцу»*^[976].

Германский император пытался предложить Николаю II идею таможенного союза против США, которые только что приняли протекционистский тариф. Но ухудшение отношений с Америкой не отвечало интересам России. Через некоторое время кайзер вновь прислал Николаю II меморандум *«О необходимости образовать против США торгово-политическую коалицию европейских государств»*. На отрицательном заключении Витте Государь наложил резолюцию: *«Дело сие предать забвению»*^[977].

Находясь с официальным визитом в Петергофе в 1897 г. и произнося тост в честь Николая II, Вильгельм заявил: *«С полным доверием могу я снова дать Вашему Величеству торжественное обещание, и этому, я знаю, сочувствует мой народ, что в великом деле сохранения народами мира, я всеми силами буду содействовать Вашему Величеству и оказывать самую сильную поддержку против всякого, кто попытается помешать, или разрушить его»*^[978]. Вильгельм II в конце своего тоста *«ручался, что за ним вся его нация всегда будет стоять за Россию и за мир»*. Комментируя эту фразу, Великий Князь Константин Константинович провидчески отметил: *«Такое ручательство мне кажется несколько смелым»*^[979]. Через семнадцать лет Вильгельм II

забудет о своём торжественном обещании, когда сделает всё, чтобы развязать мировую войну.

С первых же лет царствования Вильгельма II четко проявились тенденции его политики в отношении России: игнорировать её геополитические и экономические интересы и по возможности выдавливать из стратегических регионов. Во время своего визита в Петергоф Вильгельм II завёл с Николаем II разговор о возможности использования германским ВМФ китайского порта Киао-Чао (Цзяочжоу). В ноябре 1895 г. этот порт был временно предоставлен Китаем России для зимовки её военного флота в благодарность за дипломатическую поддержку Пекина при заключении мира с Японией^[980]. В свою очередь кайзер неоднократно просил Николая II разрешения, чтобы в Киао-Чао заходили и германские корабли. Так как Государь никак не реагировал на эти просьбы германского императора, тот возобновил их во время своего визита в Петергоф летом 1897 г. С. Ю. Витте в своих мемуарах уверял, что после отъезда из России императора Вильгельма у него (Витте) состоялся разговор с Великим Князем Алексеем Александровичем. Тот сообщил, что кайзер спросил Государя, *«нужен ли России китайский порт Киао-Чао, что в этот порт русские суда никогда не заходят и что в своих целях, в интересах Германии, он желал бы занять этот порт, чтобы он был стоянкой германских судов, но не хочет этого делать, не имея на то согласия русского Императора»*^[981].

Со слов Великого Князя Алексея Александровича, Вильгельм II поставил Государя *«в самое неловкое положение, так как он гость и категорически отказать ему в этом было бы неловко, что вообще ему это крайне неприятно»*^[982]. Витте уверял, что деликатный по природе Император Николай II *«не мог категорически отказать, и германский император мог понять, что Русский Государь даёт, так сказать, на это своё благословение»*^[983].

Воспоминания Витте грешат, как всегда, большими преувеличениями, а то и прямой дезинформацией. Из имеющихся источников мы можем определённо утверждать, что кайзер Вильгельм в Петергофе никак не выразил своего стремления занять Киао-Чао. Наоборот, он заявил, что *«в его стремлениях нет желания»* там утвердиться и *«он с удовольствием отдаёт этот порт своему русскому Кузенту и Другу»*, однако *«просит лишь разрешения для немецких судов заправляться в этом порте углём»*^[984]. Соответственно Император Николай II своего согласия на занятие немцами китайского порта не давал, а Вильгельм об этом не просил. Согласие Николая II было дано только на использование Киао-Чао германским флотом для временной стоянки, с разрешения русского военно-морского командования^[985].

В сентябре того же 1897 г. Германия известила Россию и Китай о намерении разместить в Киао-Чао свою военно-морскую базу. При этом Берлин сослался на якобы полученное в Петергофе царское согласие. Николай II вновь на-

помнил германскому императору о сути петергофских договорённостей^[986].

Но в Берлине решили во что бы то ни стало завладеть китайским портом. В октябре 1897 г. китайцы провинции Шаньдун убили двух католических миссионеров. Воспользовавшись этим, Вильгельм II 26 октября/7 ноября 1897 г. под предлогом наказания убийц направил в Киао-Чاو германскую эскадру. Предварительно кайзер сообщил Государю об этом телеграммой, в которой выражал надежду, что *«согласно нашим личным переговорам в Петергофе, Ты одобришь переход моей эскадры в Киао-Чاو»*. Ответ Николая II был отрицательным. Государь не одобрил отправку немецких кораблей и высказал сомнение в целесообразности «наказания» китайцев, которое *«ещё более увеличит пропасть между христианами»* и ними^[987].

Тем не менее 2/14 ноября 1897 г. немцы высадили в Киао-Чاو военный десант. Граф М. Н. Муравьёв довёл до сведения Берлина, что Николай II *«совершенно не думал заявлять о своей незаинтересованности в Киао-Чاو»*^[988]. Китайское правительство было уведомлено, что Россия не будет иметь никакого отношения к тем репрессиям, которые возможны со стороны германского командования. Русская эскадра получила приказ отправиться в Киао-Чاو тотчас же, как только туда войдут германские корабли.

В Берлине со всей серьёзностью восприняли заявление русского МИД. Гогенлоэ записал в дневнике: *«Заявление*

России так жёстко очевидно, что вряд ли целесообразно давать кайзеру какие-либо советы. Ему одному известно, хочет ли он войны с Россией или нет»^[989].

20 ноября 1897 г. Вильгельм II выступил по поводу инцидента в Киао-Чао с обширной декларацией, в которой уверял, что решился на захват только потому, что «не правильно понял» Царя в Петергофе^[990]. Заверяя русское правительство, немцы добились от Пекина признания аренды Киао-Чао сроком на 99 лет. Таким образом, у России оставалась возможность очистить Киао-Чао только военной силой. Начинать вооружённый конфликт с Германией из-за китайского порта Император Николай II не хотел, тем более что Китай, как главная пострадавшая сторона, смирился с его захватом. С другой стороны, захват Германией Киао-Чао делал возможным заключение русско-германского соглашения о совместных действиях в Китае против Англии^[991]. Государь решил уступить Германии и выбрать для стоянки русского военно-морского флота другой незамерзающий порт – Порт-Артур.

Осенью 1901 г. в Спале Государь принял брата императора Вильгельма, принца Генриха Прусского, который был назначен кайзером командующим Дальневосточной германской эскадрой. Генрих вынес из длительного общения с Николаем II следующее впечатление: «Царь благожелателен, любезен в обращении, но не так мягок, как зачастую думают. Он знает, чего хочет, и не даёт никому спуску. Он

настроен гуманно, но желает сохранить самодержавный строй. Свободно думает о религиозных вопросах, но никогда публично не вступит в противоречие с Православием. Хороший военный»^[992]. В своих беседах с принцем Генрихом Николай II ещё раз дал понять, что его союз с Францией вовсе не исключает дружественных отношений с Германией^[993].

Вильгельм II на словах активно поддержал приобретение Россией Порт-Артура по двум причинам. Кайзер заявил русскому послу Н. Д. Остен-Сакену, что он всегда принимает *«близко к сердцу всякий политический успех Императора Николая»* и выразил удовлетворение в том, что *«мы оба прочно утвердились на Дальнем Востоке»* в «пику» Англии^[994]. Вскоре после того как кайзер «порадовался» русским успехам, он поспешил сообщить английскому послу в Берлине Фрэнку Кавендишу Ласселсу о том, что Россия стремится настроить как можно большее число государств против Великобритании и что она заключила тайный союз с эмиром Афганским.

В это же время Николай II убеждал Монтебелло, что Германия на Дальнем Востоке не угрожает ни интересам России, ни интересам Англии. Взаимодействие *«наших трёх стран»*, которое достигнуто на Дальнем Востоке, нужно перенести и на Европу^[995]. Таким образом, в отличие от кайзера, Государь делал всё для поддержания добрых отношений с Германией и сохранения европейского мира.

Политическое интриганство кайзера было выгодно Ан-

глии, так как давало возможность сеять рознь между Берлином и Петербургом на Дальнем Востоке. В марте 1899 г. королева Виктория написала Государю письмо, в котором сообщала: *«Вильгельм при каждой возможности старается внушить сэру Ф. Лэсселу мысль, что всё, что делает Россия, направлено против нас; что она предлагает другим могущественным государствам вступить в альянс с ней, и уже заключила такой союз с эмиром Афганистана и, естественно, против нас. Нужно ли мне говорить, что ни я, ни лорд Солсбери, ни сэр Лэссел не верим ни единому слову из сказанного. Но я боюсь, что Вильгельм будет говорить Вам всякие гадости про нас, как он уже наговорил их нам против Вас»*^[996].

Государь понимал, что королева Виктория преследовала те же цели, что и император Вильгельм, только наоборот, а именно: поссорить Россию с Германией. Поддаться на провокации как Лондона, так и Берлина, означало втянуть Россию в противостояние либо с Англией, либо с Германией. Поэтому Николай II в письме от 13/25 марта 1899 г. с почтением благодарил «дражайшую бабушку» за то, что она «открыла ему глаза» на коварство Вильгельма^[997].

Государь, конечно, не написал королеве о том, что, хотя альянса с афганским эмиром им заключено не было, но переговоры о сотрудничестве между Россией и Афганистаном успешно велись.

В начале 1898 г. началась германская экспансия в Осман-

ской империи. Дипломатия рейха активно добивалась создания там военных баз, строительства железных дорог. В октябре 1898 г. свое большое турне по Ближнему Востоку предпринял и сам Вильгельм II. Официальной целью поездки кайзера было «паломничество по святым местам» в Иерусалиме. Вместе с кайзером находился директор «*Deutsche Bank*» Георг фон Сименс, который провёл успешные переговоры о концессии на продление железнодорожной линии от Коньи до Багдада, а также на оборудование порта в Хайдар-паша. Вильгельм обещал султану «вечную дружбу и вечный мир». 30 октября 1898 г. в Дамаске кайзер возложил на гробницу султана Саладина венок и произнёс пафосную речь, в которой назвал себя другом Турции и 300 млн мусульман^[998]. Результатами этой поездки стало усиление германского влияния на Босфоре, разрешение немецким инженерам строить Багдадскую железную дорогу, данное османским правительством, укрепление существующих деловых отношений между ним и крупными германскими оружейными производителями.

Немцы хорошо знали, что Россия считает Константинополь зоной своих геополитических интересов и весьма болезненно относится к любым попыткам установить чужую гегемонию в этом регионе. Как отмечает германский историк Фриц Фишер: «*Поездка Вильгельма II на Ближний Восток и его речь в Дамаске, в которой император предложил своё покровительство более чем 300 млн мусульман, не мог-*

ла быть воспринята в глазах русских как прямая провокация»^[999].

Понимая это, Вильгельм II в своих письмах к Государю всячески пытался опровергнуть *«весь вздор, распускавшийся во время моей поездки в Иерусалим»*^[1000], то есть кайзер пытался дезавуировать перед Царём все свои комплименты, сделанные султану, и все поползновения германского капитала к широкому проникновению в этот регион. Однако Николаю II было хорошо известно, что кайзер, столь щедро обещавший в Петергофе в 1897 г. «вечный мир и дружбу с Россией», не менее щедро обещал то же самое султану в Стамбуле^[1001].

Становилось всё более очевидным, что Германия не собирается учитывать русские интересы ни на Балканах, ни в Черноморских проливах. На донесении своего посла в Петербурге Гуго фон Радолина о том, что министр иностранных дел Муравьёв довёл до сведения Берлина готовность Петербурга признать германские приобретения в Тихом океане в обмен на признание Германией русских интересов в Проливах, Вильгельма II написал резолюцию: *«Сколь бесконечно великодушно и милостиво! Приблизительно так, должно быть, разговаривал Николай I с Фридрихом-Вильгельмом IV. Но при мне дела, чёрт возьми, обстоят иначе! Прошу Вас! Каблуки вместе, стоять смирно, господин Муравьёв, когда говорите с германским императором»*^[1002]. Понятно, что с таким политическим партнёром, как Вильгельм II, договари-

ваться о чём-либо было весьма рискованно.

Осенью 1899 г. Император Николай II, принимая Бюлова, сказал ему: *«Нет никакого вопроса, в котором интересы Германии и России находились бы в противоречии. Есть только один пункт, в котором вы должны считаться с русскими традициями и бережно к ним относиться – а именно на Ближнем Востоке. Вы не должны создавать впечатления, будто вы хотите вытеснить Россию, в политическом или экономическом отношении, с того Востока, с которым она веками связана многими узами национального и религиозного характера»*^[1003].

8 июня 1900 г. скоропостижно скончался министр иностранных дел граф М. Н. Муравьёв. Государь повелел вступить в управление министерством опытного дипломата графа В. Н. Ламздорфа, который 25 декабря того же года был утверждён в должности нового министра иностранных дел^[1004]. Ламздорф считал союз с Францией необходимым условием сохранения хороших отношений с Германией: *«Для того чтобы быть действительно в хороших отношениях с Германией, нужен союз с Францией. Иначе мы утратим независимость, а тяжелее немецкого ига я ничего не знаю»*^[1005].

Но для Вильгельма II главной целью по-прежнему оставался разрыв франко-русского согласия. После обеда в Метце 19 мая 1901 г., данного в честь дня рождения Николая II, кайзер в беседе с только что назначенным послом в Париж

князем Гуго Лешицем фон Радолином сказал: *«Я надеюсь, что Вы затратите меньше времени для того, чтобы поссорить Россию и Францию, чем затратил Ваш предшественник для того, чтобы поссорить Францию и Англию»*^[1006].

Вильгельм II тайно поддержал англо-японский договор, направленный против России^[1007]. *«Старый верный друг»* был готов нанести России удар в спину, гарантируя японцам нейтрализацию Франции – главного союзника русских.

Император Николай II и отношения с Великобританией

Николай II считал главным противником России Великобританию. В 1896 г. Великий Князь Алексей Александрович в своей письменной рецензии на книгу М. И. Кази *«Русский военный флот, его современное состояние и задачи»*, представленной Государю, с возмущением отмечал: *«Автор брошюры принадлежит к числу лиц, которые считают Англию нашим главным неприятелем»*. На что Государь на полях написал: *«К этому я вполне присоединяюсь, как всякий русский, знающий родную историю»*^[1008].

Николай II не признавал родственных привязанностей в отстаивании интересов своей страны. Он был убеждён: *«политика, это не то, что домашние или частные дела, и в ней нельзя руководствоваться личными чувствами и отношениями»*^[1009].

Это хорошо видно из писем Николая II к королеве Виктории. Так, в мае 1895 г. она жаловалась ему на недопустимый, по её мнению, тон некоторых русских газет в отношении Англии, и просила Царя повлиять на них. Ответ Государя вызвал к демократическим принципам в отношениях власти и прессы: *«Я должен сказать, что не могу запретить людям открыто выражать свои мнения в печати. Разве меня не огорчали часто довольно несправедливые суждения о моей стране в английских газетах? Даже в книгах, которые мне постоянно присылают из Лондона, ложно освещают наши действия в Азии, нашу внутреннюю политику и т. п. Я уверен, что в этих писаниях не больше сознательной враждебности, чем в упомянутых выше статьях»*^[1010].

Российская империя в конце XIX в. располагала четырьмя приграничными морскими регионами (не считая Каспия): Балтийское, Чёрное и Японское моря, Северный Ледовитый океан и регион Белого моря. При этом ни один из этих регионов не обеспечивал беспрепятственного доступа к мировому океану^[1011]. Черноморские проливы, принадлежащие Османской империи, являлись для юга России единственным в него выходом. Ещё Александр III в письме начальнику Генерального штаба генералу от инфантерии Н. Н. Обручеву указывал: *«По-моему, у нас должна быть одна главная цель – занятие Константинополя, чтобы раз и навсегда утвердиться в Проливах и знать, что они будут постоянно в наших руках»*^[1012].

Император Николай II также считал овладение Проливами и Царьградом вопросом первостепенной важности. Он усматривал в этом не только геополитическую, но и духовную составляющую. Мысль, которую газета «Церковный вестник» выразила с началом Первой мировой войны, была полностью актуальна и для конца XIX в.: *«Царьград – это колыбель нашего христианства, великий учитель веры славянских народов. Царьград – это наследие Константина, завещанное русскому Мономаху и идейно преданное короне московской. Царьград – это узел русского прошлого и ключ к русскому национальному будущему»*^[1013].

В 1894–1895 гг. в Османской империи прошли массовые убийства армян. Не последнюю, хотя и тайную, роль в разжигании межнациональной розни в Турции играла Англия^[1014]. Надворный советник С. И. Тимашев ещё в 1887 г. писал, что Англия в случае развала Османской империи постарается оказать возможное влияние на христианские народы Турции, чтобы *«таким образом помешать распространению власти России на бывшие турецкие владения»*^[1015].

Осенью резня армян приняла в Османской империи ещё больший размах: было убито 41 тыс. 930 человек^[1016]. Воспользовавшись этими событиями, королева Виктория потребовала от Солсбери ввести в Босфор британский флот и занять Константинополь. Для России настал тревожный момент, когда приходилось принимать быстрые решения, чтобы отстоять свои важнейшие геополитические интересы.

Император Николай II дал указание послу в Стамбуле А. И. Нелидову встретиться с послами великих держав и предложить им ввести свои боевые корабли в Черноморские проливы. 11 ноября 1895 г. представители Англии, Франции, Австро-Венгрии и Италии поддержали предложение Нелидова^[1017]. Однако в интересах России было сохранить *status quo* и не допустить распада Османской империи, который бы крайне осложнил ситуацию в регионе. Поэтому, согласившись ввести свои корабли в Босфор, Николай II одновременно стремился к проявлению лояльных чувств к султану^[1018]. 23 ноября 1895 г. Лобанов-Ростовский подал Государю записку, в которой заявил о желательности получения от султана специальных фирманов (разрешений) для вхождения русского флота в Проливы^[1019]. Государь написал на полях записки: «*Конечно, согласен с Вашим заключением*»^[1020].

Нелидов заявил, что цель великих держав должна ограничиться лишь стремлением восстановить порядок в Турции. Николай II запретил своему внешнеполитическому ведомству оказывать давление на Турцию, у которой возникли затруднения с выплатой большой контрибуции за проигранную России войну 1877–1878 гг. В декабре 1895 г. благодарный султан направил в Петербург почётную делегацию во главе с великим визирем Ахмедом Аарифе-пашой. Султан обратился к Императору Николаю II с просьбой о покровительстве Турции в сложившейся ситуации, давая ясно понять, что не желает иметь дело с Англией и поворачивается

в сторону Петербурга^[1021].

16 января 1896 г. по поручению Государя Лобанов-Ростовский заявил великим державам, что в Турции восстановлен порядок и необходимость посылать объединённый флот в Проливы отпала. Это была дипломатическая победа России.

Однако летом 1896 г. ситуация вокруг Проливов вновь обострилась: группа армян из националистического движения «Дашнакцутюн»^[1022] овладела Османским банком в Константинополе, угрожая его взорвать, если султан не примет срочных мер по проведению реформ в Западной Армении^[1023]. Одновременно в посольства европейских держав в Константинополе поступили литографированные письма с требованием вмешательства в защиту армянского народа^[1024].

27 августа в разных районах Константинополя появились вооруженные толпы турок, которые открыто стали избивать армян, не встречая никакого сопротивления со стороны властей^[1025]. За два дня было убито свыше 8 тыс. человек. Только благодаря действиям и угрозам Нелидова султан отдал *«приказ диким толпам разойтись»*^[1026].

К берегам Турции был подтянут английский военный флот. В политических кругах Лондона обсуждалась возможность низложения султана Абдул-Гамида II и замены его английским ставленником^[1027]. 11/23–18/30 сентября 1896 г., во время посещения Государем Англии в ходе его евро-

пейского турне, Солсбери заявил, что Англия готова пойти на определённые уступки России в ближневосточном регионе^[1028]. Николай II однозначно заявил: *«Проливы – это дверь в комнату, в которой русские живут, и он должен иметь ключ от этой двери»*, а потому они должны перейти под русский контроль^[1029].

Когда Солсбери *«предложил достичь без особых трудностей открытие проливов для всех наций»*, Государь убеждённо сказал, что *«подобное решение вопроса будет отвергнуто русским общественным мнением»*^[1030]. Но в настоящее время, сказал Царь, нужно сохранять *status quo*. Впрочем, добавил он, *«можно представить себе и такое положение, когда султан остается на месте, а Россия контролирует Проливы...»*^[1031]. Николай II заявил, что, желая получить «ключи от двери», он не собирается добиваться этого военным путём и ущемлять при этом интересы других держав, так как сама мысль о войне вызывает в нём неприязнь^[1032]. На предложение Солсбери – Египет за Проливы, Государь фактически ответил отказом: аннексия Египта Англией была крайне невыгодной для России^[1033]. Таким образом, Солсбери не добился главной цели: согласия России на смену политической власти в Османской империи и её расчленение.

Надвигающаяся революция в Турции грозила тем, что английская эскадра, дрейфующая у входа в Дарданеллы, займёт Константинополь и навяжет султану свои правила игры. Тогда проблема Проливов была бы решена в интересах Вели-

кобритании. Это было невыгодно как для России, так и для Франции, которая настойчиво советовала Петербургу опередить Англию и ввести в Проливы свой флот.

В таких условиях Государь в беседе с Г. Ганото согласился на участие России в осуществлении международного контроля над Турцией^[1034]. По возвращении в Петербург Николай II встретил эмоциональное и организованное сопротивление этому решению. Причем оно исходило как от дипломатического корпуса, так и от представителей экономического блока. Особенно возражал посол России в Турции А. И. Нелидов, который был убеждённым сторонником скорейшего захвата Черноморских проливов. Нелидов полагал, что эту задачу Россия может выполнить самостоятельно, в том числе и путем соглашения с Турцией. «Интернационализация» же турецкого вопроса делала, по мнению Нелидова, идею захвата Проливов неосуществимой.

В результате Государь решил отказаться от «Плана Ганото» и не вводить своего представителя в «Совет по Оттоманскому долгу». *«Чем больше я думаю об этом деле, – написал он на записке Нелидова, – тем сильнее мне кажется, что мы сделаем крупный промах, вводя своего представителя в Совет по оттоманскому долгу. От этой мысли Ганото нам надо отказаться»*^[1035].

Отказ Николая II от участия в «Плане Ганото» был вызван нежеланием Франции идти на уступки России и сговором французской стороны с правящей верхушкой Англии^[1036].

Во время Ближневосточного кризиса главным для России было не подавить турецкий флот, а «не допустить англичан овладеть выходом из Босфора в Чёрное море». Николай II подчеркнул эту фразу и написал «Именно»^[1037]. Он одобрил предложение Нелидова содержать Черноморскую эскадру в боевой готовности круглый год, пока не утихнет Ближневосточный кризис.

В декабре 1896 г., во время встречи с русским послом в Париже, Ганото предложил положить в основу работы конференции послов в Константинополе соглашение по следующим трём пунктам: поддержание целостности Османской империи, отказ от сепаратных выступлений и отказ от попыток установления кондоминиума держав над Турцией^[1038].

Император Николай II согласился с этим предложением^[1039]. Ряд историков считают, что, одоблив новые пункты Ганото, Николай II отказался от идеи захвата Проливов. Однако это не так. 5 декабря 1896 г. на совещании Совета министров, которое проходило под председательством Николая II, было принято решение о высадке русского десанта в Босфоре. Руководить операцией должен был вице-адмирал Н. В. Копытов, под началом которого находилось 6 эскадренных броненосцев. Десантным корпусом, предназначенным для высадки, в составе 33 750 человек с 64 полевыми и 48 тяжелыми орудиями командовал генерал-лейтенант В. фон Шток. Эскадра должна была направиться якобы для учений к берегам Кавказа, а затем внезапно повернуть на

Стамбул. Десантникам предписывалось в трехдневный срок занять и укрепить берега Мраморного моря. К моменту подхода британской эскадры с Мальты на Босфоре должен был реять российский флаг.

Николай II считал весьма важным договориться с Турцией, чтобы приход русской эскадры выглядел как просьба с турецкой стороны. *«Пусть Султан обратится к нам с просьбой о помощи, для внутреннего порядка в Турции»*, – указывал Царь М. Н. Муравьеву 17 октября 1896 г.^[1040]

9 июня 1897 г. Государь вновь писал Муравьеву: *«Прошу, на всякий случай, составить и прислать мне проект энергичной (подчёркнуто Николаем II. – П. М.) телеграммы султану. Не сообщало ли Вам Морское министерство о поспешных приготовлениях, делаемых Турцией на Босфоре с целью обороны своих берегов?»*^[1041]

Во исполнение царского приказа сразу после отплытия Черноморской эскадры из Севастополя и Одессы послу *«поручалось предупредить султана о последствиях безоговорочных решений и предложить ему ручательство России за личную его безопасность, если он согласится на вход русских судов в Босфор и на занятие десантом некоторых пунктов на обоих берегах Пролива, для ограждения прохода в Чёрное море»*. Рядом с этим текстом Николай II написал: *«Навсегда»* и два раза подчеркнул это слово^[1042].

7 января 1897 г. Нелидов получил секретное предписание из Петербурга, которое обязывало его срочно телеграфиро-

вать о высылке эскадры с десантом, в случае если посол другой державы вызовет свой флот в Проливы^[1043]. *«Целью десантного предприятия поставлено только занятие Босфора и никоим образом не касается Константинополя»*, — отмечалось в секретной телеграмме^[1044]. Сухопутный десантный отряд должен был прочно утвердиться на верхнем Босфоре и занять принадлежащие к проливу позиции. После занятия Босфора Нелидову поручалось провести переговоры с султаном, добиться мирной уступки России укреплений Босфорского пролива (или главнейшей его части) и *«надёжной, твёрдой обороны Босфорского пролива от прорыва неприятельских судов в Черное море»*^[1045].

В последний момент Босфорская операция была отменена. Бытует мнение, что причиной этой отмены стало то, что в окружении Императора «возобладал разум». На наш взгляд, причины отмены Босфорской операции в январе 1897 г. заключались в том, что Царю стало известно о договоре, заключенном за его спиной, между союзной ему Францией и Великобританией. Без поддержки Франции в Босфорском вопросе Россия рисковала оказаться изолированной и вовлечённой в конфликт не только с Турцией, но и с Англией.

В январе 1897 г. в Константинополе состоялась встреча английского посла с французским поверенным в делах, в ходе которой стороны попытались, в обход России, достигнуть соглашения о фактически совместном контроле над Турцией. Известие об этом вызвало негативную реакцию Нико-

лая П. На телеграмме Нелидова, Государь оставил следующую резолюцию: *«Я решительно против подобного соглашения с Англией. Это было бы на деле первым шагом к постепенному разделу Турции»*^[1046].

Ввиду фактического противодействия со стороны Англии и Франции России пришлось отказаться от захвата Черноморских проливов. Однако 23 сентября 1896 г. Николай II указал, что считает необходимым продлить боевую готовность Черноморского флота на зиму 1897 г.^[1047]

К началу XX в. противоречия между Россией и Великобританией стали наиболее глубокими и острыми на Дальнем Востоке. 25 марта 1895 г. князь А. Б. Лобанов-Ростовский докладывал Николаю II: *«Главный и самый опасный противник наш в Азии – бесспорно Англия. Чувства недоброжелательности и зависти, с которыми она смотрит на каждый шаг наш вперед на Дальнем Востоке, не подлежат сомнению. Как скоро возникали какие-либо азиатские затруднения, друзья Англии всегда были нашими врагами, и наоборот»*^[1048].

8/21 января 1901 г. скончалась королева Виктория. Завершилась долгая викторианская эпоха. Несмотря на свою неприязнь к России, королева понимала необходимость с ней мирного сосуществования. Кроме того, Виктория видела растущую опасность Германии, возглавляемой непредсказуемым и злонамеренным императором.

Новый король Эдуард VII испытывал ставшую уже тради-

ционной для Англии вражду к России^[1049]. При новом короле Великобритании взяла курс на примирение с Францией. Правительство Эдуарда VII придавало особое значение новым дипломатическим комбинациям, обусловленным *«исторической необходимостью»*^[1050]. Отношение Англии к России было точно подмечено в записке В. Н. Ламздорфа: *«Верная своей системе не связывать себя никакими союзами, отделенная от нас морем, нигде не соприкасающаяся с нашими границами, Англия считает себя с нашей стороны совершенно неуязвимой и открыто действовала против нас на том же Балканском полуострове, надеясь на этой почве нанести нам наиболее чувствительные удары»*^[1051].

Англия попыталась сблизиться с Германией. Англичане толкали немцев в Китай, чтобы столкнуть их там с русскими, а немцы стремились воспользоваться этим, чтобы захватить новые территории и не допустить туда англичан. С августа 1900 г. кайзер Вильгельм на встрече с принцем Уэльским Альбертом-Эдуардом предложил заключить договор о совместной англо-германской гарантии принципа «открытых дверей» и равных условий для торговли всех наций в бассейне реки Янцзы. Солсбери с радостью ухватился за это предложение, так как подобный договор с Германией страховал Англию от возможности договорённостей Германии с Россией, направленных против Англии^[1052]. 16 октября 1900 г. англо-германский договор был заключён.

В октябре 1900 г. к нему примкнула Япония. В Токио рас-

считывали использовать англо-германское соглашение, чтобы нейтрализовать вероятную помощь Германии России в случае русско-японской войны.

Но планы Лондона заключить с Берлином большой наступательный союз против России и Франции на Дальнем Востоке провалились. Германия была готова к оборонительному соглашению, но наотрез отказывалась от каких-либо действий наступательного характера^[1053].

Весной 1903 г. король Эдуард VII прибыл в Париж с официальным визитом, который откровенно демонстрировал англо-французское сближение. Добившись нейтрализации Франции и Германии на случай столкновения с Россией, Англия могла теперь приступить к своей главной задаче: вытеснению России с Дальнего Востока.

Император Николай II и отношения с Австро-Венгрией

К моменту вступления на престол Императора Николая II Австро-Венгрия была заинтересована в поддержании *status quo*, сложившегося на Балканах после Берлинского конгресса 1878 г. Нахождение Фракии, Македонии, Албании, Эпира и Косово в составе слабеющей день ото дня Османской империи гарантировало Вену от возникновения сильного славянского государства и оставляло возможность в случае возникновения благоприятной ситуации овладеть «турецким на-

следствием».

Сохранение *status quo* в конце XIX в. было выгодно и России. Интересы её внешней политики всё больше переключались на Дальний Восток, а Балканы и Проливы отходили на второй план. Поэтому Россия была заинтересована в консервации ситуации в этом регионе. Как писал в 1896 г. А. Б. Лобанов-Ростовский, *«нам надо поставить Балканы под стеклянный колпак, пока мы не разделаемся с другими, более спешными делами»*^[1054].

Первый свой заграничный визит с 15 по 17 августа 1896 г. Николай II нанёс шестидесятичетырёхлетнему императору Австро-Венгрии Францу Иосифу I, отдав, таким образом, ему дань уважения, как старейшему монарху. Через семь месяцев, 15 апреля 1897 г., по приглашению Николая II Петербург с ответным визитом посетил австрийский император. Государь *«относился к Францу-Иосифу в высокой степени почтительно, как к престарелому старику, что производило на всех самое прекрасное впечатление»*^[1055]. Князь Гавриил Константинович вспоминал: *«По случаю приезда австрийского Императора, на Марсовом поле был устроен парад. Государь лично командовал парадом, и потому все время был с вынутой шашкой. Став во главе войск, он, проезжая перед Императором, салютовал ему шашкой и, заехав галопом, стал рядом с ним. За Государем ехала громадная свита, которая тоже заехала галопом и стала позади императоров»*^[1056]. Генерал А. Н. Куропаткин передавал свой

разговор с графом Ламздорфом после окончания визита австрийского императора: *«Франц Иосиф имеет нежные чувства к нашему Государю»*^[1057].

Результатом переговоров в Петербурге стало соглашение между Россией и Австро-Венгрией поддерживать *status quo* в Балканском регионе. Министр иностранных дел Австро-Венгрии граф Агенор Мария Голуховский в своём секретном письме послу в Петербурге князю Францу фон Лихтенштейну писал: *«В результате происходивших в Зимнем дворце совещаний двух Императоров с участием их министров иностранных дел была установлена общая линия поведения в делах Востока, что позволяет нам учитывать безопасность и жизненные интересы обеих Империй»*^[1058]. Голуховский писал, что на встрече в Зимнем дворце было констатировано, что *«между Австро-Венгрией и Россией не существует никаких принципиальных разногласий, которые могли бы помешать соглашению между нашими странами в целях предотвращения событий, которые, вероятно, в ближайшем будущем, против нашей воли, могут возникнуть на Балканском полуострове»*^[1059].

Оба государства договорились *«не иметь на Балканском полуострове никаких иных целей, кроме как поддержания, укрепления и мирного развития создавшихся там малых государств»*^[1060]. Высокопоставленный чиновник МИД барон Б. Э. Нольде называл этот период *«самым ярким выражением безмятежной полосы в русско-австрийских отноше-*

ях»^[1061]. Договор о соблюдении *status quo* на Балканах был подписан Россией и Австро-Венгрией до 1907 г.

Осенью 1902 г. и в августе 1903 г. в Македонии произошло восстание против османского владычества. Результатом стало направление в Македонию 200-тысячной турецкой армии, которая беспощадно расправилась с восставшими. Петербург и Вена поставили вопрос перед Стамбулом о проведении реформ в трёх македонских вилайетах. Русский посол в Константинополе И. А. Зиновьев совместно с австро-венгерским послом Генрихом фон Каличе предложили султану проект реформ^[1062]. Турция приняла проект и выразила готовность в скором времени осуществить указанные ей преобразования^[1063]. Летом 1903 г. Николай II, принимая в Ливадии нового посла Османской империи Турхан-пашу Пермети, выразил свою обеспокоенность положением дел в Македонии и просил довести до султана своё убеждение в необходимости ускорения реформ^[1064].

26 июля 1903 г. в городе Монастыре турецкий жандарм-албанец тремя выстрелами убил русского консула А. А. Ростковского. Николай II потребовал самого сурового наказания для убийцы. Для усиления этих требований в 75 верстах от Босфора встал отряд Черноморского флота в составе 4 броненосцев, прибывших из Севастополя. Требования Государя возымели действие: жандарм и его напарник-подельник были повешены 1 августа 1903 г. на том самом дереве, возле которого погиб Ростковский^[1065].

Россия весьма энергично выразила своё сочувствие восставшим. Император Николай II из своих личных средств передал на нужды пострадавшим от последствий подавления восстания 10 тыс. рублей^[1066].

Македонская проблема обсуждалась двумя монархами 17/30 сентября 1903 г., во время официального визита Императора Николая II в Вену. Переговоры проходили в Шёнбрунне и Мюрцштеге, где находился охотничий дворец австрийского императора. Там 21 сентября 1903 г. В. Н. Ламздорфом и А. Голуховским было подписано соглашение, вошедшее в историю как Мюрцштегская программа. Она предусматривала проведение султанским правительством глубоких реформ в Македонии под контролем европейских держав, прежде всего России и Австро-Венгрии^[1067].

С этой программой согласились Лондон, Париж и Берлин. Столкнувшись с общим требованием европейских держав, Стамбул был вынужден дать свое принципиальное согласие на принятие Мюрцштегской программы^[1068].

Политика на Балканах

Вступление на престол Николая II ознаменовало собой начало процесса нормализации русско-болгарских отношений. Оно в целом соответствовало и планам князя Фердинанда Саксен-Кобургского, который понимал, что без согласия Петербурга невозможно его признание Европой. В нояб-

ре 1894 г. Фердинанд послал Государю телеграмму с соболезнованиями по поводу кончины отца. Летом того же года в Петербург была направлена делегация русофилов во главе с митрополитом Тырновским Климентом (Друмевым)^[1069].

В состав делегации помимо самого Климента входили министр здравоохранения, министр юстиции и выдающийся болгарский поэт и писатель Иван Вазов. В начале июля 1895 г. болгарская делегация прибыла в Петербург, где была принята Николаем II. Глава делегации митрополит Климент от имени всего болгарского народа заявил: *«Простите нас, Государь! Мы виноваты перед Вами и сознаём тяжкую вину нашу пред Вашим великим Родителем!»*

Далее митрополит стал уверять Государя, что в сердце болгарского народа и духовенства живы чувства благодарности и любви к Императорскому Дому и русскому народу, что болгары свято чтут память Деда Государя, освободившего Болгарию и Родителя его, сражавшегося за их свободу. На эти слова Николай II ответил: *«Мне хорошо известно, что не народ и не духовенство виноваты во всём происшедшем, и я уверен в их преданности и любви»*. Митрополит Климент просил Царя пожалеть болгарский народ и не оставлять его без покровительства и защиты. Владыка просил, чтобы Николай II послал в Болгарию *«хорошего человека, который мог бы нам давать советы и указания»*. Однако Царь поспешил предупредить митрополита и болгарскую делегацию в преждевременности подобных просьб: *«Потер-*

ните ещё немного, всё будет сделано своевременно. Есть ещё вопросы и европейской политики, и другие, которые надо разрешить».

Митрополит Климент умолял Николая II: *«Возвратите прежнее благоволение и покровительство народу и духовенству. Нас окружают враги, не представляйте нас самим себе».* На эти слова император Николай II заверил болгарскую делегацию: *«Не отчаивайтесь! Немного времени пройдёт и всё можно будет исправить. А о врагах ваших не беспокойтесь. Мы за ними следим и не дадим вас в обиду»*^[1070].

Приём болгарской делегации не означал восстановления дипломатических отношений. Более того, Царь заявил, что приём этот оказывается болгарскому народу, в чувствах которого Россия никогда не сомневалась, а не *«группе людей, именующей себя болгарским правительством».* Тем не менее именно с этой встречи начинается процесс нормализации русско-болгарских отношений.

Для укрепления наметившегося улучшения князь Фердинанд 6 апреля 1896 г. прибыл в Царское Село. *«В 4 ½ приехал Фердинанд Кобургский, – писал Царь в своём дневнике, – которого мы угостили чаем. Я его видел в последний раз в 1883 г., он потолстел и отпустил себе бороду!»* Это был первый визит Фердинанда в качестве болгарского князя в Петербург, который продолжался до 10 апреля 1896 г. Во время встречи с Царём Фердинанд обещал в корне изменить свою политику в отношении России.

28 мая 1902 г., принимая Князя Болгарского Фердинанда, который привёз макет памятника Царю-Освободителю, позже установленный в центре Софии, Государь сказал тост: *«Посещение Вашего Королевского Высочества во главе членов комитета по сооружению памятника Императору Александру II особенно радует, как свидетельство памяти болгарского народа о незабвенном Деде Моем, призвавшем к самостоятельной жизни юное славянское княжество. Пью за здоровье Князя Фердинанда Болгарского, Княжича Бориса, Моего возлюбленного Крестника, и за процветание дорогой Моему сердцу и сердцу всякого русского Болгарии»*^[1071].

В начале царствования Николая II клубок противоречий на Балканах становился всё запутанней. Главным узлом в нем было соперничество между Сербией и Болгарией за Македонию. В апреле 1901 г. сербский король Александр I Обренович в частной беседе с российским публицистом А. В. Амфитеатовым заявил, что Македония наряду со Старой Сербией (Косово и Метохия) является исконной землёй сербского народа, которую она никому не уступит^[1072]. Сербы базировали свои претензии в основном на кратковременном сербском господстве в Македонии в XIV в., а также исходя из того, что та перешла в руки турок в конце XIV в. не из-под болгарского, а из-под сербского владычества^[1073].

Но кроме Сербии на Македонию претендовали Греция и Болгария, которые обосновывали свои претензии, ссылаясь на этнический состав населения Македонии^[1074]. Этот спор

за Македонию сыграет не последнюю роль в Балканских войнах XX в.

Николай II понимал, что без разрешения балканских противоречий мира на полуострове не будет, а это в свою очередь означало крайнее осложнение планов России по решению своих геополитических задач в районе Проливов. Кроме того, создание союза балканских государств во главе с Россией означал мощное противодействие австрийским и немецким экспансионистским устремлениям. Поэтому Николай II считал важной задачей возвращение Сербии в лоно российской политики и примирение её с Болгарией. Для этих целей 8 ноября 1900 г. Царь направил в Белград в качестве чрезвычайного посланника при сербском короле Н. В. Чарыкова^[1075]. По его инициативе по всей Сербии начали создаваться «русские клубы», которые имели своей целью пропаганду и изучение русского языка и культуры^[1076].

Помимо указанных задач, перед Чарыковым ставилась цель содействовать русской навигации на Дунае и подготавливать строительство Адриатической железной дороги, которая проходила бы через Сербию и Черногорию^[1077]. Чарыков предложил Государю обратить часть сербского долга в облигации Адриатической железной дороги. Тем самым Россия усиливала своё влияние в Сербии^[1078].

Чарыков считал, что экономическое содействие Сербии в гораздо большей степени сблизит её с Россией, чем любые политические союзы^[1079]. В результате деятельности Чарыко-

ва между Сербией и Россией было установлено прямое торговое сообщение, которое осуществлялось через русские железные дороги, сербские пристани на Дунае и сербские железные дороги. Количество перевозимых грузов по этому пути выросло с 177 313 тонн в 1901 г. до 463 044 – в 1902 г.^[1080] Чарыков предлагал включить в эту транспортную сеть и Болгарию, создав, таким образом, между двумя странами и Россией единую торговую систему.

Россия проводила активную политику помощи сербам не только на территории самого королевства. Особенно нуждались в помощи сербы, оставшиеся в турецких владениях. По распоряжению Императора Николая II русские консулы в Косовском вилайете твёрдо проводили курс на защиту сербского населения от албанских фанатиков. Роль русских дипломатов проявилась и во время Коланикского восстания 1901 г., и при усмирении албанских выступлений против сербов 1902–1903 гг. 18 марта 1903 г. жандарм-албанец выстрелом из винтовки смертельно ранил русского консула Г. С. Щербину в Митровице^[1081]. Это преступление, по показаниям убийцы, стало мстью русскому консулу за защиту сербов Митровицы от албанского погрома.

Между тем официальные отношения между Петербургом и Белградом оставляли желать лучшего. Король Александр продолжал ориентироваться на Австро-Венгрию, хотя к Чарыкову относился благосклонно и доверительно. Чарыков даже предлагал Ламздорфу организовать визит сербского

короля в Петербург, но получил от министра отказ и указание *«не вмешиваться во внутренние дела Сербии»*.

Ночью 29 мая/11 июня 1903 г. группа сербских офицеров, которую возглавлял капитан Драгутин Димитриевич, будущий глава «Чёрной руки», ворвалась в королевский дворец и потребовала от короля отречения в пользу принца Петра Карагеоргиевича. По словам нападавших, король застрелил одного из них. Это, скорее всего, являлось вымыслом заговорщиков с целью оправдать свои последующие действия. Сразу же после отказа Александра подписать отречение заговорщики расстреляли его и королеву Драгу, её брата и двух сестёр. Кроме них, в Белграде были убиты военный министр Сербии, Георгиевский кавалер генерал Милован Павлович, глава правительства генерал Димитрие Цинцар-Маркович, тяжело ранен министр внутренних дел Веля Тодорович.

Хотя король Александр Обренович не вызывал никакой симпатии в России, злодейское убийство его и королевы вызвало всеобщее возмущение и осуждение, а Николай II повелел наложить при Высочайшем Дворе траур на 24 дня^[1082].

Глава 8. Загадочная болезнь Императора Николая II и династический кризис 1900 г.

14 июня 1899 г. в Царской Семье случилось радостное событие: родилась третья дочь – Великая Княжна Мария Николаевна. *«Счастливый день, – записал Государь в дневнике. – Господь даровал нам третью дочь – Марию, которая родилась в 12 ч. 10 м. благополучно! Ночью Аликс почти не спала, к утру боли стали сильнее. Слава Богу, что всё закончилось довольно скоро! Весь день моя душка чувствовала себя хорошо, и сама кормила детку»*^[1083]. 15 июня Государь отметил, что *«личико новой дочки принимает прелестный вид»*^[1084]. Однако далеко не все в России радовались появлению на свет новой царевны. Граф В. Э. Шуленбург, служивший в Лейб-гвардии Уланском полку, вспоминал, что уже рождение Ольги Николаевны было встречено *«со злорадством»*, а после рождения других Великих Княжон среди офицеров начались бесчисленные *«недостойные остроты и обвинения»*^[1085]. Великая Княгиня Ксения Александровна записала в свой дневник в июне 1901 г.: *«Аликс чувствует себя отлично – но, Боже мой! Какое разочарование!.. 3-я девочка!»*^[1086] Те же настроения встречаем в дневнике и дяди Государя, Великого Князя Константина Константи-

новича: *«Прости, Господи! Все вместо радости почувствовали разочарование, так ждали Наследника и вот – снова дочь»*^[1087].

27 июня в Петергофе состоялись крестины новорождённой Великой Княжны: *«В 10 час. новорождённую дочку повезли торжественным поездом в золотой карете в Большой Дворец. Аликс и я смотрели на ее отъезд с балкона над детской. В 11 час. ровно начались Крестины»*^[1088]. После крестин состоялся праздничный обед, а на следующий день, 28 июня 1899 г., из Абас-Тумана пришло горестное известие: скоропостижно скончался любимый брат Государя Наследник Цесаревич Великий Князь Георгий Александрович, которому было всего 28 лет от роду. Ошеломлённый горем Государь записал в дневник: *«Вернувшись с утренней прогулки, перед докладом дяди Алексея»*^[1089], *получил от доктора Айкиканова*^[1090] *неожиданную страшную весть о кончине дорогого Георгия в Абас-Тумане! Не верилось глазам, читая телеграмму. Поехал с этим тяжёлым известием к бедной Мама́, хотелось бы провалиться скорее, чем передать о таком событии»*^[1091].

Великий Князь из-за своей тяжёлой болезни, чахотки лёгких, с 1891 г. жил на Кавказе, в Абас-Тумане, который был известен своим целебным климатом и живительными источниками. Утром 28 июня 1899 г. Наследник поехал на трицикле осматривать окрестности Абас-Тумана. По дороге у него пошла горлом кровь, и в 9 час. 35 мин. он скон-

чался^[1092]. Вскрытие, произведённое на следующий день, 29 июня, показало, что Великий Князь скончался от «внезапно-го разрыва лёгочного сосуда и сильного кровоизлияния горлом».

28 июня 1899 г. Император Николай II издал Манифест, в котором извещал о кончине Цесаревича Георгия Александровича. В Манифесте сообщалось: «Отныне доколе Господу не угодно ещё благословить Нас рождением сына, ближайшее право наследования Всероссийского Престола на точном основании основного государственного закона о престолонаследии принадлежит любезнейшему Брату Нашему Великому Князю Михаилу Александровичу»^[1093].

Как видно, Великий Князь Михаил Александрович не назван в Манифесте ни Наследником, ни Цесаревичем. Объяснялось это тем, что, когда 21 октября 1894 г. Император Николай II объявил свой первый Манифест, он ещё не был женат, и, таким образом, его брат Великий Князь Георгий Александрович был назван Наследником Цесаревичем. В первом манифесте Николая II по этому поводу извещалось: «Вознося горячие молитвы к Престолу Вседержителя об упокоении чистой души незабвенного Родителя Нашего, повелеваем всем Нашим подданным учинить присягу в верности Нам и Наследнику Нашему, Его Императорскому Высочеству Великому Князю Георгию Александровичу, которому быть и титуловаться Наследником Цесаревичем, доколе Богу угодно будет благословить рождением сына предсто-

ящий брак НАШ с Принцессою Алисою Гессен-Дармштадтскою»^[1094].

Строго говоря, этот титул принадлежал лишь сыну царствующего Императора. В 1899 г. Император Николай II был женат и у него мог родиться сын. Поэтому на вопрос Великого Князя Александра Михайловича о том, какой титул будет носить Великий Князь Михаил Александрович, Государь ответил, что официально он будет называться лишь имеющим *«ближайшее право на престол»*^[1095]. Это определение базировалось на точном соблюдении действующего законодательства, что подтвердил Государю временно управляющий Министерством юстиции В. Р. Завадский. Он доложил, что Великий Князь Михаил Александрович не может быть по закону провозглашён Наследником, как имеющий на престол только условное право при отсутствии прямых наследников. Государь признал справедливость этих доводов^[1096]. 28 июня Николай II вызвал к себе в Петергофскую резиденцию К. П. Победоносцева и поручил ему составить Высочайший Манифест с сообщением о смерти Великого Князя Георгия Александровича, *«по точной статье Основного закона»* о Престолонаследии, то есть чтобы титула Наследника и Цесаревича применительно к Великому Князю Михаилу Александровичу не применялось^[1097].

На всякий случай Победоносцев составил два проекта манифеста: в первом речь шла о «Государе Великом Князе Михаиле Александровиче», а во втором – о «Государе Наслед-

нике Цесаревиче Михаиле Александровиче». Победоносцев испросил мнение Государя, какой из проектов он утверждает, на что получил категоричный ответ: *«Безусловно, утверждаю № 1. Это Мое – бесповоротное решение»*^[1098].

Однако это решение Государя вызвало беспокойство у его Матушки, Вдовствующей Императрицы Марии Феодоровны. 4 июля 1899 г. она писала сыну: *«Мой дорогой Ники! Насчёт нашего последнего разговора я ещё много думала и нахожу, что необходимо поскорей выяснить этот вопрос, потому что может быть путаница. Во всех церквях уже молились за Мишу как за Наследника и Великого Князя Михаила Александровича (но не за Цесаревича), что совершенно правильно. Дядя Алексей был вчера в Александро-Невской лавре и сам это слышал. Непременно надо, чтобы немедленно было всюду известно, что он называется Наследником до рождения у Тебя сына»*^[1099].

Это же чувство беспокойства мы встречаем и в дневнике Великой Княгини Ксении Александровны: *«Видела Апрак*^[1100]*. Много болтали. Она в ужасе (и рассказывала мне) от всего того, что говорится вообще по поводу брожения умов, вызванного манифестом! Бог знает, что только не говорят и опять обвиняют бедную Аликс, будто она не хотела, чтобы Миша был сделан или назван Наследником!»*^[1101]

В результате Государь 7 июля 1899 г. издал Манифест, в котором указывал: *«Любезнейшего Брата Нашего Великого*

Князя Михаила Александровича, Коему в силу Основных Государственных законов, принадлежит, доколе Господь Бог не благословит Нас рождением Сына, ближайшее право на наследие после Нас Престола, повелеваем именовать во всех случаях Наследником и Великом Князем»^[1102]. Таким образом, Михаил Александрович так и не стал Цесаревичем, хотя и был назван Наследником престола.

Государь не случайно противился присваиванию брату высоких титулов. Ему было известно, что у Великого Князя Михаила Александровича имеется влиятельный «почитатель» – С. Ю. Витте. Генерал А. А. Мосолов утверждал: *«Витте, ненавидевший Царя, пел хвалу “способностям” Великого Князя Михаила. Он обучал его политэкономии и никогда не уставал превозносить его прямоу – это был непрямой способ критиковать Царя. Я всегда готов признать прямодушие Михаила, в чем он был очень похож на свою сестру Ольгу. Но он не имел никакого влияния на своего Брата. Пока у Царя не было сына, Михаил считался Наследником престола, как самый близкий родственник царствующего Государя. Но Брат даже не присвоил ему титула «Цесаревич», даваемого всем Наследникам трона»*^[1103].

Весной 1899 г., находясь в Дании, Император Николай II принял полномочного посланника Франции в Копенгагене Жана Жюля Жюссерана. Тот после этой встречи сообщил Т. Делькассе, что накануне её *«прошёл слух, что Император болен, неспособен заниматься никакими делами, под-*

держивать какую-либо дискуссию. Он подписывает бумаги, их не читая, и уже рассматривают возможность регентства Великого Князя Михаила, председателя Государственного Совета. В прессе появились статьи на тему “антагонизма между Императором Николаем II и Вдовствующей Императрицей”. Говорят, что существует дворцовый заговор под влиянием реакционной партии, имеющей целью возведение на престол брата Императора»^[1104]. Жюссеран заканчивал свое письмо полным опровержением этих слухов: «Новость эта полностью ложная. Император, наоборот, произвёл на меня впечатление человека, находящегося в самом добром здравии»^[1105].

Вся эта история так и могла бы остаться очередным нелепым слухом, если бы спустя полтора года, в октябре 1900 г., Государь, находясь в Ливадии, действительно тяжело не заболел. Причём обстоятельства, окружавшие эту болезнь, удивительным образом были похожи на те, о каких писал французский посланник.

Обстановка конца XIX в. лишь внешне казалась безмятежной. На самом деле прорыв России в Маньчжурии и Дальнем Востоке, рост её влияния в Корее и Китае, планы Царя по выходу к незамерзающим портам Жёлтого моря вызвали острое беспокойство конкурентов на Западе.

Внутри России имелась своя влиятельная группа противников Большой азиатской программы Императора Николая II, эту группу негласно возглавлял Витте. Тесно свя-

занный с иностранными банковскими сферами, Витте стремился скорее к собственному обогащению, чем к соблюдению интересов России. Там, где личные интересы и интересы его западных компаньонов совпадали с общенациональными, министр финансов прикладывал все усилия для соблюдения последних. Там же, где они не совпадали, Витте, не задумываясь, придерживался первых. Между тем Император Николай II придерживался исключительно интересов России и никак не хотел принимать те положения Витте, которые противоречили этим интересам. Привлечение иностранного капитала в русскую развивающуюся экономику, за которое ратовал министр финансов, в известных пределах, безусловно, было необходимо и шло только на её благо. Но Витте стремился к тому, чтобы это участие стало полным и бесконтрольным. 17 марта 1899 г. на Совещании министров под Высочайшим председательством Витте заявил: *«Природа дала России такие неисчерпаемые богатства, что капиталы всего мира могут купить лишь самую незначительную часть их. Достаточно нескольких миллиардов рублей иностранных капиталов, чтобы поставить промышленность России на ноги, тогда как не хватит сотен миллиардов рублей, чтобы купить ее богатства. <...>*

Я так убежден в необходимости для России широкого прилива иностранных капиталов, что был склонен, в моем Всеподданнейшем докладе Вашему Императорскому Величеству предложить, чтобы до 1904 г. их приливу не стави-

лось решительно никаких преград. Но я этого не сделал, откровенно сознаюсь, считаясь с направлением мысли в некоторых кругах общества. Я всеподданнейше просил Ваше Императорское Величество разрешить мне следовать в течение последних лет установившейся *ligne de conduite*^[1106], чтобы постоянными колебаниями и стеснениями не пугать иностранных капиталистов, и без того неохотно идущих в Россию»^[1107].

Однако Николай II с этой *ligne de conduite* не согласился и утвердил решение Совещания, включив в него положение «о нежелательности в политическом отношении сосредоточения» в руках иностранных компаний «обширных земельных владений». Кроме того, местные администрации получили право ограничивать и даже запрещать иностранным компаниям приобретать недвижимую собственность на территории Империи.

Витте, который вначале думал, что он сможет управлять волей Государя, выяснив обратное, перешёл к нему в глухую оппозицию. Главной причиной недовольства Витте Государем были царские планы по реализации Большой Азиатской программы и продвижению России в Маньчжурию. Это напрямую затрагивало планы как самого Витте, так и его заграничных банковских компаньонов.

Принято считать, что в период 1899–1900 гг. в России начался экономический спад, стали закрываться фабрики и заводы. «Все признают, что давно Россия не была в таком

ужасном экономическом положении, как теперь », – ужасалась А. В. Богданович. Однако к началу XX в. экономическая политика Правительства по модернизации экономики поставила Россию на одно из первых мест в мире по темпам развития промышленности, сельского хозяйства, экономического роста в целом. Возникло немало новых предприятий в сфере промышленности, транспорта, в финансовой сфере (сеть банков), развивалось предпринимательство, создавались акционерные общества. Осуществлялся курс на развитие передовых промышленных отраслей, ускоренный рост перерабатывающей промышленности, внедрение новых технологий^[1108]. Именно в 1900 г. С. Ю. Витте докладывал Государю об успехах российской экономики^[1109].

По существу, отдельно взятого кризиса российской экономики в 1899–1903 гг. не было: был мировой экономический спад, который, естественно, коснулся и России. В первую очередь в тяжёлое положение попали банки, связанные с мировой финансовой системой. Падение цен на фондовом рынке принесло им громадные убытки. Ряд крупных петербургских банков смог удержаться на плаву лишь благодаря мощной поддержке Государственного банка. Естественно, это не могло не сказаться на отечественной промышленности. Всего за годы кризиса закрылось 3 тыс. средних и мелких предприятий, на которых работало 112 тыс. рабочих. В металлургической промышленности было ликвидировано 18 крупных предприятий с капиталом 55 млн руб., в машинострое-

нии – 33 предприятия.

Модернизирующейся российской экономике нужны были средства, а их не было. Витте предлагал активно привлекать в русскую экономику иностранный капитал, против чего категорически выступали Великий Князь Александр Михайлович и председатель Комитета министров П. Н. Дурново. Князь В. П. Мещерский прямо заявлял Витте, что его действия – *«это масонский замысел»*, *«евреи станут хозяевами денег в России вместо Вас»*. Государь, однако, поддержал предложение Витте. Доктор ист. наук Ю. А. Петров отмечает: *«Заметного экономического прогресса Россия добилась не в последнюю очередь благодаря иностранному предпринимательству и заграничным инвестициям, которые сыграли немалую роль в деле индустриализации страны, облегчив ей первые шаги в этом направлении и подтолкнув создание ряда новых отраслей промышленности. Впрочем, в этом отношении империя принципиально ничем не отличалась от других стран, вступивших на путь капиталистической модернизации с некоторым опозданием и пользовавшихся поддержкой более развитых соседей (например, Германии, в течение XIX столетия совершившей громадный скачок в индустриальном развитии). Плата за помощь капиталами и технологиями (“ноу-хау”) была немалой, но, во-первых, хотя услуги иностранных бизнесменов отнюдь не были филантропией и щедро оплачивались, экономический эффект оказывался выше и в конечном счете эти инвестиции работа-*

ли на дело индустриализации России. Их направления, отраслевая структура обуславливались внутренними потребностями страны. А во-вторых, значение иностранных инвестиций, о решающем вкладе которых в дело экономической модернизации России любит писать западная историография, безусловно, не было определяющим для экономического роста, отечественный капитал сохранял лидирующие позиции в народнохозяйственной системе страны»^[1110].

В начале лета 1900 г. ближайший помощник С. Ю. Вите, директор департамента промышленности и торговли В. И. Ковалевский подал Государю записку, в которой призывал «созвать лучших людей страны для обсуждения сложившегося положения и выработки необходимых реформ»^[1111]. Император Николай II ответил в принципе согласием, но момент для созыва собрания он нашёл неподходящим.

Действительно, в стране накапливалось искусно направляемое недовольство среди студенчества, активизировалась либеральная оппозиция, к которой фактически примкнуло земское движение, и революционное подполье, вожди которого находились за границей, шла военная операция в Китае.

Помимо этого, 1900 г. был отмечен особой активностью террористов, которые совершили ряд покушений на европейских монархов. В марте было совершено покушение на Принцессу Уэльскую Александру, 21 февраля/6 марта в Бремене рабочий Дитрих Вайланд неудачно стрелял в кайзера

Вильгельма II, 17/29 июля, проживавший в США итальянский эмигрант-анархист Гаэтано Бреши, специально вернувшийся на родину, убил в г. Монцу тремя выстрелами из револьвера короля Умберто I.

Летом же 1900 г. стали поступать оперативные сведения о готовящемся покушении на жизнь Императора Николая II. В связи с этим Государь отменил планируемую на лето поездку на Всемирную Парижскую выставку^[1112], и 17 сентября Царская Семья прибыла в Крым, в Ливадию. Там уже находились Великий Князь Александр Михайлович и Великая Княгиня Ксения Александровна, проживавшие в своём имении Ай-Тодор. У них гостил Великий Князь Михаил Николаевич. Вдовствующая Императрица Мария Феодоровна находилась у своего отца в Дании, и к ней туда выехал Великий Князь Михаил Александрович.

Следует отметить, что в Крыму были приняты чрезвычайные меры по усилению охраны Государя. По словам морского министра адмирала П. П. Тыртова, в пересказе А. В. Богданович, Государь по приезде в Севастополь выглядел чем-то озабоченным и сумрачным^[1113]. Через несколько дней по приезде Царской Семьи в Крым английская *The Times* сообщила, что во время следования Государя в Крым в поезде был предотвращён взрыв^[1114].

По приезде в Ливадию Государыня плохо себя чувствовала и не покидала постели. Это было вызвано тем, что она ждала ребёнка. Беременность выяснилась в начале осени

1900 г. Первая запись об этом появляется в дневнике Государя 30 сентября: *«Моя дорогая жёнушка за последние дни начала себя чувствовать не особенно хорошо по известной причине; она не выходила из дому и больше лежала на диване»*^[1115]. Вполне было возможно, что у Царской Семьи мог родиться долгожданный сын. Великий Князь Константин Константинович записал в дневнике про Государыню: *«Она очень похорошела... все поэтому трепетно надеются, что на этот раз будет сын»*^[1116].

В августе 1900 г.^[1117] Витте отправился на Парижскую Всемирную выставку и по дороге, 18 августа, посетил Копенгаген, якобы по просьбе Вдовствующей Императрицы. На самом деле Мария Феодоровна никуда не приглашала Витте и была крайне удивлена его приезду в Копенгаген. *«Было очень странно видеть его здесь»*, – писала она Великой Княгине Ксении Александровне^[1118]. Там Витте имел встречу с королём Христианом IX. В ходе беседы король почему-то поинтересовался мнением Витте о Великом Князе Михаиле Александровиче. Витте ответил, что хорошо знает Великого Князя, так как имеет *«честь и радость»* преподавать ему, но что ему трудно несколькими словами обрисовать его личность. Но так как Христиан IX настаивал, то Витте его спросил: *«Ваше Величество, Вы хорошо знаете моего державного Повелителя Императора Николая?»* Король ответил: *«Да, я его хорошо знаю»*. Витте выразил уверенность, что король хорошо знал и Императора Александра III, на что полу-

чил утвердительный ответ. Тогда Витте сказал: *«Так я приблизительно в самых таких общих контурах, чтобы определить личность Михаила Александровича, сказал бы так: что Император Николай есть сын своей матери и по своему характеру, и по натуре, а Михаил Александрович есть больше сын своего отца»*^[1119].

Как утверждал Витте, король Христиан при этих словах рассмеялся. Если этот диалог действительно имел место быть, то Витте сказал королю заведомую неправду. По своему характеру Великий Князь Михаил Александрович был вовсе не похож на отца. Он обладал слабой волей и легко поддавался чужим влияниям. Зачем же было Витте убеждать Христиана IX в обратном? Не намекал ли Витте на то, что подлинным наследником дела Александра III является его сын Михаил, а не царствующий Император?

Сегодня можно с большой долей вероятности утверждать, что Витте строил какую-то интригу вокруг Великого Князя Михаила Александровича, и она была направлена против Императора Николая II. Нельзя не согласиться с Я. А. Ткаченко, который утверждает: *«Ещё до приезда в Крым и болезни Царя, в августе 1900 г., С. Ю. Витте что-то затевал. Есть основания верить министру юстиции Н. В. Муравьеву, который утверждал, что “готов подозревать в голове Витте самые коварные и преступные замыслы”, т. к. он “имеет огромное влияние на Михаила и с переменой царствования надеется стать временищиком”*»^[1120].

Примечательно, что стремление «заменить» Императора Николая II на Великого Князя Михаила Александровича витало в головах русского «передового» общества с первых дней последнего царствования. Так, художник А. Н. Бенуа вспоминал, что подруга его матери Е. И. Раевская уже в 1894 г. *«не питала никакого доверия ни к Николаю II, ни Царевичу Георгию, напротив, возлагала самые пламенные надежды на Михаила Александровича, считая его истинно русским человеком, и потому именно ожидая от него, что он будет прекрасным правителем. Надо, впрочем, сказать, что вообще у Михаила Александровича даже при жизни его брата Георгия была такая “негласная партия”, скорее род ни на чем не основанного культа»*^[1121].

Данные о заговоре против Государя имеются у юриста-марксиста масона М. А. Рейснера, отца будущей большевистской «валькирии» Ларисы Рейснер, хорошо знавшего по эмиграции Ленина, Сталина и Крупскую. Рейснер писал, что в 1900 г. *«попробовали объявить Николая II больным и посадить на трон Михаила»*^[1122]. Я. А. Ткаченко не исключает, что во время болезни Царя Витте попробовал осуществить свой план, который был только на стадии зарождения. Но болезнь Государя застала всех врасплох, и за три недели, когда существовала угроза для жизни Николая II, ничего не удалось предпринять. Оппозиция не была организована и подготовлена. Планы оставались только планами, но, видимо, то небольшое, что было сделано для их осуществления, позже и

привело к версии о заговоре 1900 г.^[1123]

Однако много вопросов возникает и по самой болезни. Близкий к революционным кругам П. Орлов, эмигрировавший в Канаду, писал, что в 1900 г. была сделана неудачная попытка отравить Императора^[1124]. При этом все свидетельства о заговоре против Императора Николая II связаны так или иначе с именем С. Ю. Витте.

Витте прибыл с Всемирной выставки в Петербург, а оттуда 20 сентября в Крым. В своих «Воспоминаниях» он отмечал, что вскоре *«Его Величество заболел инфлуэнцей»*. На самом деле Государь почувствовал себя плохо почти через месяц, вечером 25 октября 1900 г., о чём записал в дневнике: *«Утром гулял нехотя, т. к. чувствовал себя неважно»*^[1125]. Однако первые симптомы нездоровья появились у Николая II раньше. В истории болезни, которую вёл лейб-медик Г. И. Гирш, говорится, что 22 октября у Императора было отмечено *«небольшое расстройство пищеварения»*. 25 октября температура тела у Государя поднялась до 38,8°C. Симптомы заболевания были следующими: тяжесть в голове, тупая боль в ногах и пояснице. Великая Княгиня Ксения Александровна писала матери в Данию: *«Он заболел 25-го. В этот день с утра он чувствовал себя плохо, но думал, что это ничего. Аппетита никакого не было, голова разболелась, а вечером измерили температуру, и оказалось 38,8. На другой день я приезжаю к ним, ничего не подозревая, и вдруг узнаю, что Ники в постели. По всем признакам у него инфлюэнца*

без насморка, кашля или вообще чего-либо в лёгких, но во всём теле и в спине в особенности сильные боли. Он совсем не мог спать»^[1126].

29 октября в «Правительственном вестнике» появилось сообщение: «Государь Император заболел 26 октября инфлюэнцей без осложнений, бюллетеней не будет»^[1127]. Такое же сообщение было отправлено в Данию Вдовствующей Императрице.

Однако в истории болезни только 30 октября сообщается, что Гирш диагностировал у Государя «инфлюэнцу без осложнений», то есть грипп^[1128]. На вопрос, адресованный Г. И. Гиршу, не тифом ли заболел Государь, тот категорически ответил, что нет. По совету Великой Княгини Ксении Александровны для дополнительного обследования пригласили личного врача Великого Князя Петра Николаевича, С. П. Тихонова, проживавшего в Дюльбере. После осмотра Августейшего больного 31 октября Тихонов тоже склонился к мысли, что у Государя грипп. Однако вечером того же 31 октября Тихонов склонился к мысли, что у Государя – брюшной тиф. Гирш был поражён, что «вдруг из инфлюэнцы сделался тиф»^[1129]. В свою очередь Витте стал почему-то настаивать на немедленном консилиуме, объясняя позднее, что он был необходим, так как Государь «по своему обыкновению не желал серьёзно лечиться», а «лейб-медик Царя старик Гирш если что и знал, то, наверное, всё перезабыл»^[1130]. Витте утверждает, что по рекомендации из Санкт-

Петербургу был вызван профессор военно-медицинской академии П. М. Попов, по диагнозу которого «*оказалось, что Государь Император болен брюшным тифом*»^[1131]. То есть в который раз Витте хочет доказать своим читателям, что только его действия спасли положение. Однако в очередной раз Витте говорил неправду.

Сводки Министерства Императорского Двора, в которых ежедневно отмечалось течение болезни Императора, свидетельствуют, что диагноз «*брюшной тиф, с совершенно благополучным течением в настоящее время*» был поставлен уже 1 ноября 1900 г., после взятого накануне анализа крови. Под этим диагнозом стоят две подписи: лейб-хирурга Г. И. Гирша и врача С. П. Тихонова^[1132]. Подписи профессора Попова ни под одним из сообщений нет. Её и не могло быть, так как профессор был приглашён из Петербурга в Ливадию только 31 октября и прибыл к больному 5 ноября, когда грозный диагноз был давно поставлен.

Вообще, такая скорость в постановке диагноза не может не удивлять. По мнению медиков, при диагностике брюшного тифа «*наиболее ценным диагностическим методом лабораторного исследования служит посев 10–15 мл крови больного, взятой из вены, на 100 мл стерильного желчного бульона или среды М. А. Раппопорт. Этот посев производят непосредственно у постели больного при соблюдении строгой асептики. Сразу же после посева крови флакон ставят в термостат при температуре 37°, где происходит рост бак-*

терий в течение суток. Окончательный ответ из лаборатории получают на 4-й день после посева крови больного на желчный бульон или на среду М. А. Раппопорт»^[1133].

Большая медицинская энциклопедия указывает, что «в кровяной сыворотке здоровых людей агглютинирующие свойства для тифозных бактерий также могут быть обнаружены, но в слабой степени. При брюшном тифе, после 4–8 дней б-ни, эти свойства начинают резко увеличиваться, что позволяет ставить диагноз болезни»^[1134].

В случае же болезни Государя диагноз тифа был поставлен в течение суток, с 31 октября по 1 ноября! Удивляет ещё и другое обстоятельство: одним из важных и отличительных симптомов брюшного тифа является так называемая розеолезная сыпь (она возникает на 7–10-й день болезни у 70–80 % больных) и состоит из розеол, несколько возвышающихся над уровнем кожи. Между тем в истории болезни Государя ни разу не упоминается о наличии этой сыпи.

В дневнике Императора Николая II в записи за 26 октября говорится: «Вчерашнее недомогание не прошло, и я принуждён был остаться в постели. Сначала думали, что у меня инфлюэнца, но через несколько дней доктора решили, что у меня брюшной тиф, которым я проболел до 30 ноября»^[1135]. Далее идёт запись за 30 ноября. Совершенно очевидно, что Николай II вторую часть записи за 26 октября написал уже после выздоровления. Возникает вопрос: почему Царь ни одного дня в течение болезни не вёл свой днев-

ник? Ведь, судя по истории болезни, изложенной в отношениях министерства Двора, она протекала в достаточно лёгкой форме. Например, в тот же день 1 ноября, когда был поставлен диагноз «брюшной тиф», состояние здоровья Государя описывается так: *«Самочувствие хорошее. Голова свежая; силы вполне удовлетворительны»*^[1136]. Такие же сведения о здоровье характерны и для других записей. Сам Государь после выздоровления записал в дневнике, что *«я перенёс тиф хорошо и всё время ничем не страдал. Не было и дня, чтобы я не вставал и не делал по несколько шагов»*^[1137]. Я. А. Ткаченко считает, что *«Государь намеренно приукрашивал своё состояние во время и после болезни, представляя её несерьёзной и неопасной»*^[1138]. Но возникает вопрос, зачем и для кого «приукрашивал» Николай II свою болезнь в личном дневнике, предназначенном исключительно для него самого и его Супруги?

Ряд свидетельств опровергает сведения о болезни Государя как о «лёгкой». Великая Княгиня Ксения Александровна, не раз навещавшая брата во время его болезни, отмечала его состояние 29 октября: *«У него ужасно болел затылок, и он не знал, куда повернуть голову. Вся боль из спины и ног переселилась наверх и он ужасно страдает. Бедная Аликс возле него, забывая о своём нездоровье и больше двигается. Гириш утверждает, что это не тиф»*^[1139]. 3 ноября 1900 г. К. П. Победоносцев в письме к министру внутренних дел Д. С. Сипягину писал: *«Тяжкое облако легло на нас от*

вестей из Ливадии». В пользу тяжёлого хода заболевания говорил и сам внешний вид Царя при выздоровлении: он похудел на 11 кг, был очень слаб, еле передвигался пешком и вынужден был учиться ходить по лестнице^[1140].

Не может не вызывать удивления и следующее обстоятельство. За всё время болезни Государя за ним неотступно ухаживала находящаяся в положении Императрица Александра Феодоровна. Между тем брюшной тиф является весьма заразной болезнью. Императрица этого не могла не знать, как и то, что она рискует не только своей жизнью, но и жизнью своего будущего ребёнка. Генерал А. Н. Куропаткин отмечал: *«Вот уже шестой день Государыня никого кроме врачей не видит сама и не допускает к Государю. Сама спит с ним в одной комнате и ухаживает за ним, дежуря посменно со своей няней. Никаких предосторожностей ни за себя, ни за детей не принимает. Тесно и не дезинфицируют»*^[1141]. Выздоровев, Николай II писал про Жену, что во время болезни она была его *«ангелом-хранителем и следила за мной лучше, чем всякая сестра милосердия»*^[1142].

В связи с вышеизложенным вполне не столь уж невероятной выглядит версия о том, что Государь не заболел брюшным тифом, а был отравлен. Я. А. Ткаченко считает, что эта версия не находит подтверждения в имеющихся документах. Хотя сам же замечает: *«Непонятным, правда, остается, почему, после того как у Николая II был обнаружен тиф, заразная и опасная болезнь, в Ливадии не было принято ни-*

каких мер по дезинфекции, организации правильного ухода за Царём и тщательной его изоляции, чтобы не допустить распространения заболевания»^[1143].

Особенно показательны действия Императрицы Александры Феодоровны в эти дни. Превозмогая свои собственные недуги, она фактически установила за Государем круглосуточное дежурство, не допуская к нему посторонних людей и лично контролируя лечение. Великая Княгиня Ксения Александровна в письме к княгине А. А. Оболенской с сочувствием сообщала: «Бедная моя *bellesoeur*^[1144], сколько она выстрадала и перенесла да еще в ее положении. На нее болезнь мужа подействовала отрезвляющим образом. До его болезни она лежала и двигаться не могла (ее так тошнило!), а потом, встала, начала ходить и ухаживать за ним отлично»^[1145]. Все назначаемые лекарства давались Государю только в присутствии Императрицы. Государыня долго сопротивлялась разглашению любых сведений о здоровье своего Супруга и противилась любым сообщениям об этом в Данию. Бытует мнение, что это было следствием того, что Императрица Александра Феодоровна якобы не хотела приезда в Ливадию Матери Государя. А. А. Мосолов утверждал, что «обе Императрицы будут крепко враждовать – не голословно это говорю». Но, если учесть, что впервые сообщения о грядущей болезни Николая II исходили из Дании и оттуда же приехал перед самой болезнью Витте, причины опасений Императрицы Александры Феодоровны представляются со-

всем в иной плоскости. На самом деле Императрица Александра Феодоровна опасалась возможности отстранения Супруга от власти. Находившийся в полусознательном состоянии Государь мог подписать подsunутую ему заговорщиками бумагу о передаче части дел либо Великому Князю Михаилу Александровичу, либо какому-либо высшему государственному органу, например Комитету министров. Это могло бы стать первым шагом отстранения Императора Николая II от престола. Нельзя было исключать невольного соучастия в этих планах Вдовствующей Императрицы, которая могла поверить весьма ею уважаемому Витте, а тем более своим датским родственникам, что необходимо передать на время часть властных полномочий от больного старшего сына – младшему. Очевидно, что передача этих полномочий любимому «Мише» была гораздо симпатичней для Вдовствующей Императрицы, чем передача их к не очень ею любимой Невестке.

То, что страхи Императрицы Александры Феодоровны были вовсе не беспочвенны, подтверждается активной деятельностью именно в этом направлении со стороны С. Ю. Витте. Он собрал в Ялте практически весь Кабинет министров: В. Н. Ламздорфа, Д. С. Сипягина, генерала А. Н. Куропаткина, В. Б. Фредерикса. По свидетельству генерала А. А. Мосолова, министры ежедневно собирались у Витте. *«Мы решили, – вспоминал военный министр генерал Куропаткин, – остаться в Ялте и в своих частях*

братъ, что можно, на свою ответственность, чтобы не останавливать ход дела». 1 ноября министр внутренних дел Сипягин подал министру Императорского Двора барону В. Б. Фредериксу коллективное письмо, в котором министры объявляли, что временно прекращают доклады Царю и будут действовать самостоятельно. Сипягин просил Фредерикса уведомить об этом других министров, находившихся в Петербурге. Затем Витте передал Фредериксу на подпись документ, в котором были перечислены все запланированные доклады министров на ноябрь 1900 г. Если из-за болезни Государя они не могли состояться, то предполагавшиеся в них решения считались получившими Высочайшее одобрение. С помощью Великого Князя Михаила Николаевича генерал Мосолов убедил Фредерикса не подписывать представленный Витте документ^[1146]. Со стороны Витте налицо была ползучая попытка узурпации власти у больного Царя.

Однако Государь, чьё здоровье продолжало быстро ухудшаться, 2 ноября сам дал устное разрешение министрам временно не делать ему докладов и утвердил указы, составленные 1 ноября. Все же важнейшие телеграммы по министерству иностранных дел и военные приказы направлялись Императрице. Это было следствием прямого указания Императора Николая II о том, чтобы *«все важнейшие телеграфные известия доставлялись Государыне Императрице Александре Фёдоровне для прочтения Его Императорским Величеством»*^[1147]. А. Н. Куропаткин не без раздражения отмечал в

дневнике: «Государыня встала между Государем и делами. В случае важных известий я и Ламздорф посылаем записки на ее имя, а она сама докладывает Государю»^[1148].

6 ноября состояние здоровья Государя стало резко ухудшаться, и Витте собрал очередное совещание министров. Накануне его он прозондировал их позиции насчёт возможного регентства Великого Князя Михаила Александровича. По всей видимости, от прямого ответа отказался генерал А. Н. Куропаткин, который, со слов Витте, заявил: «Я свою Императрицу в обиду не дам!»^[1149] Сам Куропаткин писал в дневнике, что «6 ноября Витте говорил мне, что у Государя является мысль о возможности царствования после него Государыни Императрицы Александры Феодоровны. Витте находит, что Государыня напрасно берёт на себя роль при болезни Государя замещать его. Но когда я спросил Витте: что же лучше хозяйничанье в России нескольких великих князей, умаляющих Самодержавную власть нашего чудного Государя, Витте, не колеблясь, ответил: Вы правы: пусть лучше стоит Государыня»^[1150]. Поняв, что Куропаткин не поддержит его план, Витте его на совещание не пригласил, а начал обрабатывать других министров и достиг в этом определённых успехов. На состоявшемся совещании главным обсуждаемым вопросом был: «Как поступить в том случае, если случится несчастье, и Государь умрёт? Как поступить с Престолонаследием?»^[1151] Я. А. Ткаченко убедительно доказывает, что подлинная цель совещания заключалась

в необходимости согласовать действия министров, убедить их, а в особенности Великого Князя Михаила Николаевича, в законности и неоспоримости прав Великого Князя Михаила Александровича, в необходимости его немедленного приезда в Крым и назначения его регентом^[1152].

Но возникал вопрос: что делать, если у Императрицы родится мальчик? В этом случае престол должен был наследовать новорождённый сын Императора, а правительницей государства должна была бы стать Императрица Александра Феодоровна. Однако к этому времени престол был бы уже занят Михаилом Александровичем.

Витте заявил, что в истории не существует прецедента, ссылаясь на который можно было бы позволить Императрице Александре Феодоровне быть правительницей в течение нескольких месяцев на том шатком основании, что у неё может родиться мальчик. Витте категорически настаивал, что престол должен занять Великий Князь Михаил Александрович.

На самом деле, как почти всегда, Витте лукавил. Подобная ситуация была уже предвидена в манифесте Императора Николая I от 22 августа 1826 г.: *«Если бы по кончине Нашей и по кончине Наследника в несовершеннолети, не осталось другого Сына Нашего, а Любезнейшая Супруга Наша, Государыня Императрица Александра Феодоровна, осталась бы в беременности, то до разрешения Её Императорского Величества от бремени Любезный Брат Наш, Великий Князь*

Михаил Павлович, да будет Правителем государства. После же разрешения, если Бог благословит Ея Величество Сыном, то Новорождённый вступает по закону в право наследного Государя, и до совершеннолетия Его Правителем государства остаётся Любезный Брат Наш Великий Князь Михаил Павлович; если разрешение последует Великою Княжною, тогда в право наследного Государя вступает по закону Любезный Брат Наш, Великий Князь Михаил Павлович»^[1153].

Существование этого ясного закона сводило на нет всю «непреодолимую» проблему, которую создавали вокруг вопроса о престолонаследии Витте и его союзники.

Примечательно, что в день совещания, на котором Витте убеждал министров об исключительных правах на престол Великого Князя Михаила Александровича, последний, выехавший накануне экстренно из Дании в Россию, утром 7 ноября прибыл в Гатчину.

Теперь перед Витте стояла задача убедить Государя и Государыню в необходимости приезда Наследника в Ливадию. Тогда в случае кончины Императора Николая II новым монархом автоматически стал бы Михаил Александрович, и ни Императрица Александра Феодоровна, ни её сын престола бы не получили. В этом и была, по всей видимости, цель совещания Витте^[1154].

Барон Фредерикс явился к Императрице, передал ей мнение министров о необходимости приезда в Ливадию Великого Князя Михаила Александровича и просил допустить

его к Государю на несколько минут. После долгих колебаний Императрица исполнила просьбу министра Двора. На встрече с Государем Фредерикс спросил, изволит ли он выписать в Ливадию Михаила Александровича, чтобы тот руководил делами на время его болезни? Государь ответил: *«Нет-нет, Миша мне только напутает в делах. Он такой легковёрный»*^[1155]. Таким образом, план Витте и его сторонников провалился, а через несколько дней, 14 ноября, Государь начал выздоравливать.

Что происходило в Ливадии осенью 1900 г., до сих пор точно неизвестно, но через четыре года после болезни Государя, в разгар Русско-японской войны, рейхсканцлер Германии Бернхард фон Бюлов говорил кайзеру, что немедленное заключение мира могло бы привести к убийству Императора Николая II и провозглашению регентства Великого Князя Михаила Александровича при деятельном участии Витте, а это в свою очередь легко могло бы кончиться превращением монархии в республику^[1156].

5/18 июня 1901 г. Императрица Александра Феодоровна родила четвёртую дочку – Великую Княжну Анастасию Николаевну. *«Около 3 час. утра у Аликс начались сильные боли, – записал Государь в дневник. – В 4 ч. я встал, пошёл к себе и оделся. Ровно в 6 ч. утра родилась дочка – Анастасия. Всё совершилось при отличных условиях скоро и, слава Богу, без осложнений!»*^[1157]

Глава 9. Студенческие волнения и реформа системы народного просвещения

Вопросы народного просвещения живо занимали Государя с первых же дней его вступления на престол. На докладе министра народного просвещения И. Д. Делянова он дал указания о желательности улучшения средней школы и на недостаточное развитие грамотности среди населения^[1158]. При этом, помимо всего прочего, Царь исходил из того, что без наведения порядка в этих областях невозможна модернизация русской экономики и промышленности. Как верно отмечает кандидат ист. наук Д. Л. Сапрыкин: *«Эпоха Николая II была временем совершенно беспрецедентного в истории нашей страны внимания к образовательным вопросам со стороны государства. Как показано выше, именно в этот период была построена существующая до настоящего времени “школьная сеть” и созданы организационные и материальные условия для осуществления всеобщего образования. Образование (как и наука и техника) были реальным приоритетом политики Николая II»*^[1159].

Однако намеченная реформа народного образования с первых дней затруднялась волнениями среди студенчества. В начале XX в. в высших учебных заведениях стали прояв-

ляться черты общего кризиса русской внутренней жизни, а именно несоответствия административного управления веяниям эпохи. Н. П. Боголепов, в то время ректор Московского университета, писал в отчёте за 1891–1892 гг.: *«Вам известно, какое жалкое зрелище представляет из себя большинство оканчивающих теперь гимназию. Это люди с извращёнными нравственными понятиями, с полнейшим отсутствием знаний, это будущие общественные деятели, проникнутые до такой степени противообщественными стремлениями, что представляют из себя какое-то совсем некультурное общество. Те, у кого гимназический режим не совсем ещё задавил стремление к просвещению, начинают в университете осознавать ужас своего положения; возникает стремление выйти из него, но как? Искать руководителей среди профессоров нельзя: всякий студент скоро убеждается, что наши профессора в большинстве случаев более чиновники, нежели наставники и руководители молодёжи»*^[1160]. К. П. Победоносцев, со свойственным ему преувеличенным драматизмом, писал генералу А. А. Кирееву: *«Всё молодое поколение, всё мыслящее становится враждебным Правительству»*^[1161].

Эти настроения в студенческой среде подтверждаются и свидетельствами представителей революционных сил. Один из них, Б. И. Горев (Гольдман), вспоминал: *«Студенческая масса, в общем, была настроена резко оппозиционно: об этом достаточно заботились деяновские гимназии. Ха-*

рактерно, что в университете, где настроение было наиболее неопределенным и где было множество “белоподкладочников”, т. е. аристократов или пижотов, после смерти Александра III из 3000 студентов нашлось всего 700 чел., которые подписались на венок, причем многие делали это определенно из боязни попасть в разряд “неблагонадежных” (в Москве студенчество было еще радикальнее: там подписной лист разорвали и самая подписка не состоялась)»^[1162]. Конечно, не вызывает сомнений, что Горев-Гольдман по свойственной большевикам привычке в деталях привирал, но общую тенденцию в студенческой среде того времени отображал верно.

Молодые люди, большинство из которых горело «праведным гневом» против реальных и кажущихся несправедливостей, легко увлекаемые и, в силу своей молодости, неспособные к аналитической оценке событий, были лучшей средой для организации беспорядков. Этим немедленно воспользовались подрывные элементы. Отсутствие законных организаций в стенах вузов породило создание организаций противоправительственных. В 1895 г. в московской студенческой среде появляется так называемый «Союзный совет», объединивший 45 студенческих землячеств. Главной целью этого союза была «подготовка борцов для политической деятельности». В одном из постановлений этого союза говорилось, что «студенчество будет закаляться и воспитываться для политической борьбы с общегосударственным режимом». В

этих студенческих заявлениях уже отчетливо слышны революционные интонации, которые вскоре зазвучат в листовках и прокламациях эсеров, меньшевиков и большевиков.

При этом следует отметить, что в Российской Империи были самые демократические в мире правила приема в высшие учебные заведения и самое доступное в мире высшее образование. С. С. Ольденбург писал, что *«по своему составу русское студенчество было всегда “демократичнее”, нежели в демократиях Западной Европы. В университеты поступали тысячами представители несостоятельных кругов. Государство широко этому содействовало»*^[1163].

В то время как в США и в Англии плата за обучение в высших учебных заведениях колебалась от 750 до 1250 долл. в год, в Царской России студенты платили от 50 до 150 рублей в год, т. е. от 25 до 75 долл. в год. При этом неимущие студенты очень часто освобождались от какой-либо платы за обучение^[1164]. В Московском университете из 4 тыс. студентов 2 тыс. были неимущими, освобожденными от платы за обучение, а еще около 1000 из них получали стипендию^[1165].

Однако это никак не мешало российскому студенчеству быть самым революционно настроенным студенчеством Европы. 18 ноября 1896 г., через полгода после Ходынки, «Союзный совет» призвал студентов Московского университета принять участие в панихиде на Ваганьковском кладбище, чтобы выразить протест против *«существующего порядка, допускающего подобные печальные факты»*^[1166]. Студенты,

в количестве 500 человек, двинулись на кладбище, но были остановлены полицией, которая арестовала 36 зачинщиков. Остальные участники шествия были исключены из университетов на год, с правом нового поступления. В университете прошло несколько стачек, но вскоре все успокоилось.

29 декабря 1897 г. умер министр народного просвещения И. Д. Делянов. Незадолго до смерти он встречался с Государем и, заведя речь о своем преемнике на министерском посту, назвал фамилию профессора юриста Н. П. Боголепова, который до 1893 г. занимал пост ректора Московского Императорского университета, а затем Попечителя Московского учебного округа. Боголепов давно понимал крайнюю сложность отвлечь студентов от политики: *«Мне кажется, что вечное брожение в университете питается революционными течениями. С ними должно бороться, между прочим, и путём укрепления нормальной жизни в университете. Борьба эта кончится благополучно только после того, как пострададут многие из начальства, из гражданства и из молодёжи. Я думаю, что и я пойду на страдание, от возможности которого не хочу отступить только из-за чувства долга»*^[1167]. 20 января 1898 г. Император Николай II принял Н. П. Боголепова и предложил ему должность министра народного просвещения^[1168]. Боголепов высказал ряд сомнений относительно своих сил и умения справиться с такой трудной и ответственной должностью, но Николай II остался непоколебимым в своем решении назначить именно

его новым министром. При назначении Государь сказал ему: *«Не ожидайте видеть скорых плодов своей деятельности. Наша жизнь так ничтожна и так коротка в сравнении с жизнью целого государства, что каждый государственный деятель в свою короткую жизнь может сделать весьма мало. Тем не менее, надо прилагать все свои силы на общую пользу»*^[1169].

В 1899 г. Императором были утверждены две межведомственные комиссии: первая для разработки принципов реформы средней школы («комиссия Боголепова») и вторая для изучения проблем высшей школы («комиссия Ванновского»)^[1170].

Основные принципы образовательной реформы были сформулированы в циркуляре министра Боголепова от 8 июля 1899 г. и в двух рескриптах Императора Николая II на имя П. С. Ванновского и Г. Э. Зенгера, подписанных Государем в 1901 и 1902 гг. Д. Л. Сапрыкин называет следующие принципы разработанной реформы образования: 1) необходимость «коренного пересмотра и исправления» учебного строя; 2) преодоление отчужденности школы от семьи и преодоление ее бюрократического характера; 3) целостность образования, как не только умственного, но и нравственного; 4) усиление физического воспитания и исправление вредно-го для здоровья учащихся характера занятий в школах (в частности, устранение «перегрузок»); 5) всесторонний пересмотр основных типов сложившихся в России школ (класси-

ческого и реального направления) и, возможно, создание нового типа среднего образования; 6) умножение разного рода профессиональных учебных заведений: начальных, средних, высших, широкое развитие технического образования и преодоление разрыва между системой общего и профессионального образования; 7) национальный характер образования; 8) индивидуализация обучения, адаптация к возрасту, социальным и индивидуальным особенностям учащихся; 9) законченность (или «самодовлеющий» характер) каждой ступени образования. То есть школа, например, должна не только и не столько готовить к высшему образованию, но и давать законченное образование, позволяющее каждому найти его путь в жизни. Отдельно разрабатывалась общегосударственная программа введения всеобщего начального обучения^[1171].

В феврале 1899 г. в Санкт-Петербургском университете начались студенческие волнения, вылившиеся затем в массовые беспорядки. Поводом для них стало развешанное накануне объявление ректора университета профессора В. И. Сергеевского, в котором тот указал на участвовавшие случаи хулиганства со стороны студентов после проведения торжественных актов. Ректор предупреждал против повторения подобного и напоминал об уголовной ответственности за это.

Объявление вызвало возмущение со стороны студентов, которые во время торжественного акта освистали ректора и

покинули зал, двинувшись толпами по набережной к Дворцовому мосту без всяких знамен и лозунгов, распевая веселые песни. Многие из студентов были навеселе. Полиция перегородила проходы к Биржевому и Дворцовому мостам, и студенческие толпы направились к Николаевскому. Там студенты стали оскорблять полицейских, кидать в них различными предметами и снежками, причем один снежок попал в лицо полицейскому офицеру. Толпа студентов была разогнана полицией ударами нагаек. Несколько студентов получили увечья, были арестованные и высланные.

В ответ на эти действия полиции 11 февраля в Петербургском университете началась забастовка, которая вскоре перекинулась еще на 30 высших учебных заведений России и охватила более 25 тысяч студентов. 15 февраля к забастовке присоединились студенты Московского университета, избравшие для руководства исполнительный комитет и выдвинувшие ряд требований: гарантии физической неприкосновенности личности, публикация инструкции полиции в отношении студентов, право обжалования незаконных действий полиции обычным судебным порядком и т. п. ^[1172]

Как вспоминал В. В. Шульгин, в то время студент Киевского университета, среди студентов раздавались фотографии, изображавшие «зверства» полиции, на которых невооруженным взглядом можно было увидеть, что они сделаны с рисунков. Позже эти приёмы будут использоваться революционерами повсеместно.

Среди профессоров и даже среди министров не было единодушия в отношении этих событий. Некоторые из них считали действия полиции «нетактичными». Академики А. С. Фаминцын и Н. Н. Бекетов во время Высочайшей аудиенции убеждали Царя, что в действиях студентов «нет никакой политики». Им возражали министры Н. П. Боголепов, И. Л. Горемыкин и генерал А. Н. Куропаткин. Последний заявил, что забастовку *«проводит та тёмная, чуждая науке сила, которая сама, оставаясь в стороне, быть может, руководит всем»*^[1173].

Четверть века спустя эта сила, о которой говорил Куропаткин, сама признавала своё непосредственное участие в студенческих беспорядках: *«Среди передового студенчества, посещавшего кружки и собрания, распространялась нелегальная литература. Это были заграничные издания “кружка народовольцев” и летучие листки лондонского “фонда вольной русской прессы”. Среди всей этой литературы, отчасти революционно-народнической, а отчасти даже полулиберальной (народоуправцев и лондонские издания Степняка-Кравчинского), заграничные марксистские брошюры Плеханова и сборники “Социал-демократ” составляли чрезвычайную редкость и передавались из рук в руки, как сокровище, только марксистам»*^[1174].

24 мая 1899 г. по результатам волнений был выпущен циркуляр министерства народного просвещения, в котором была высказана мысль о разобщенности между профессорским

и студенческими составами^[1175]. Император Николай II создал комиссию во главе с генерал-адъютантом П. С. Ванновским и поручил ей разобраться в причинах студенческой забастовки. Наведение порядка в университетах было возложено на учебное начальство, а не на административные органы. Ванновский был известен своими симпатиями к студенчеству, а учебное начальство — своим мягким к нему отношением. Прежде всего комиссией Ванновского были изданы Временные правила о студенческих организациях, разрешавшие их создание под контролем университетской администрации и профессуры. Затем министр обратился к профессуре с просьбой вносить предложения по изменению устава.

31 июля 1899 г. Император Николай II утвердил составленные Особым совещанием министров от 29 июля «*Временные правила об отбывании воинской повинности воспитанниками высших учебных заведений, удаляемыми из сих заведений за учинение скопом беспорядков*». Первый пункт этих правил гласил: «*Воспитанники высших учебных заведений, за учинение скопом беспорядков в учебных заведениях или вне оных, за возбуждение к таким беспорядкам, за упорное, по уговору, уклонение от учебных занятий и за подстрекательство к таковому уклонению, подлежат удалению из учебных заведений и зачислению в войска для отбывания воинской повинности, — хотя бы они имели льготу по семейному положению, либо по образованию, или не достигли призывного возраста, или же вынули по жребью номер, освобож-*

дающий от службы в войсках»^[1176].

Студенту, отбывшему воинскую повинность, не воспрещалось продолжать обучение в университете. Несмотря на то что «Временные правила» были разработаны при деятельном участии С. Ю. Витте, либеральная интеллигенция обвиняла в них министра народного просвещения Н. П. Боголепова. В обществе стал распространяться его образ *«реакционного министра, бездушиного человека»*.

7 декабря 1900 г. в Киевском университете вновь начались беспорядки: студенты университета собрались на сходку, где выступили с протестом против исключения двух своих товарищей – подстрекателей и агитаторов. В ответ на это власти направили в университет два батальона солдат и сотню казаков, которые разогнали студенческую сходку. Генерал П. С. Ванновский, который ещё недавно отстаивал правоту студентов, после киевских событий вынужден был признать правоту полиции. Для предупреждения дальнейших беспорядков министр Н. П. Боголепов вынужден был прибегнуть к ряду мер. В учебных заведениях вводились должности инспекторов и помощников инспекторов, которые призваны были наблюдать за поведением студентов, организовывались литературно-научные кружки, предназначенные для отвлечения студенческой молодежи от «вредных мыслей». В январе 1901 г. Боголепов распорядился применить «Временные правила» в отношении 183 студентов Киевского университета.

14 февраля 1901 г. в здании министерства народного просвещения в Санкт-Петербурге студент-недоучка П. В. Карпович выстрелом из револьвера тяжело ранил Н. П. Боголепова. *«Муравьёв приехал и сказал мне, что какой-то негодяй выстрелил из револьвера в Боголепова и ранил его серьёзно в шею!»* – записал Государь в своём дневнике^[1177]. 2 марта 1901 г. Н. П. Боголепов от полученной раны скончался. На следующий день Государь присутствовал на панихиде по своему министру. По словам профессора П. А. Некрасова, *«Н. П. Боголепов был самым последовательным, горячим и истинным прогрессистом не только по своим стремлениям, но и действиям. Тем не менее, либералы наши считают его не своим человеком, так как он расходился с ними коренным образом. Он не верил в их способы работы, требующие ломки русской жизни по чужому образцу, считал такие способы противоестественными, сочувствуя лишь тем приемам усовершенствования, которые являются нормальным продолжением и развитием коренных основ русской жизни»*^[1178].

Характерна запись в дневнике А. С. Суворина, посвящённая убийству А. П. Боголепова: *«Сегодня в Боголепова стрелял мещанин Карпович, бывший студент Моск.[овско-го] ун.[иверситета]. Рана в шею. Собрали сведения, набрали, готовились написать статью. Ничего не надо! “По приказанию мин. внутр. дел, глав. управ. уведомило, что никаких подробностей печатать не надо, а следует только перепеча-*

тать обязательно присланное им известие в пять строк”. Храни Бог, убьют Государя – то министр распорядится также. Какие глупцы сидят на министерских местах»^[1179].

19 февраля 1901 г. возле Казанского собора в Петербурге студенты предприняли новую попытку организовать демонстрацию. Толпа с пением революционных песен двинулась по Невскому проспекту, но была оттеснена и разогнана полицией. В тот же день в Харькове полиция разогнала студенческую демонстрацию. 22–26 февраля 1901 г. прошли беспорядки в Москве, во время которых толпа пыталась освободить задержанных студентов, била фонари и оскорбляла полицейских.

4 марта 1901 г. с новой силой вспыхнули беспорядки возле Казанского собора в Петербурге. Толпа в несколько тысяч человек совершила нападение на конных полицейских, кидая в них тяжёлые предметы, камни и мусор. Один из офицеров получил тяжелое ранение молотком в голову. Во время разгона демонстрации было ранено два офицера, двадцать полицейских, четыре казака и тридцать два демонстранта. Это не помешало союзу писателей направить пламенный протест против «полицейского произвола» (среди подписавших выделялись фамилии Максима Горького и Е. Н. Чирикова) и обратиться к отечественному и зарубежному общественному мнению с призывом его осудить.

21 марта 1901 г. Государь подписал рескрипт на имя генерал-адъютанта П. С. Ванновского «о безотлагательном

и коренном пересмотре и исправлении» русского учебного строя: *«Пётр Семёнович. Правильное устройство народного образования составляло всегда одну из главнейших забот Русских Государей, твердо, но постепенно, стремившихся к его усовершенствованию в соответствии с основными началами русской жизни и потребностям времени. Опыт последних лет указал, однако, на столь существенные недостатки нашего учебного строя, что Я признаю благовременным безотлагательно приступить к коренному его пересмотру и исправлению»*^[1180].

Государь не считал дело просвещения предметом заботы только государства. *«Да благословит Господь наши труды, – говорилось в Высочайшем рескрипте Ванновскому, – помогут Нам в них родители и семьи, ближайшим образом обязанные пеицись о своих детях, и тогда скоро наступит время, когда Я и со Мною весь народ будем с гордостью и утешением видеть в молодом поколении твёрдую и верную надежду Отечества и стойкую опору его в будущем»*^[1181].

В другом рескрипте, на имя управляющего министерством народного просвещения Г. Э. Зетера, Царь разъяснял свое видение будущей школы как кузницы граждан, верных Престолу и Отечеству: *«Прежде всего, подтверждаю Моё требование, чтобы в школе с образованием юношества соединялись воспитание его в духе веры, преданности Престолу и Отечеству и уважению к семье, а также забота о том, чтобы с умственным и физическим развитием молодежи,*

приучать ее с ранних лет к порядку и дисциплине. Школа, из которой выходит юноша с одними лишь курсовыми познаниями, не сродненный религиозно-нравственным воспитанием с чувством долга, с дисциплиною и с уважением к старшим, не только не полезна, но часто вредна, развивая столь пагубное для каждого дела своеволие и высокомерие.

Относительно устройства школы, Я желаю, чтобы она была трех разделов: низшая с законченным курсом образования, средняя школа с законченным образованием и средняя с подготовительным для университета образованием»^[1182].

Император Николай II считал реформу народного просвещения важнейшим делом, рассчитанным на долгие годы. «Я сознаю необходимость переделки всего нашего учебного строя, – писал он Великому Князю Сергею Александровичу. – Мы, безусловно, дожили до того момента, чтобы положить руку на сердце сознаться, что дальше теперешнее положение школьного дела продолжаться не может и что поэтому следует вступить на путь твердого и решительного преобразования. Плоды его мы увидим не сейчас, а спустя 10 или 12 лет. Часто я говорил об этом с бедным Боголеповым, и он, как будто, начинал склоняться к моим доводам»^[1183].

Назначение нового министра народного просвещения стало нелегкой задачей для Государя. 7 марта 1901 г. он писал своей матери: «Самым важным вопросом является сейчас: кого выбрать на место бедного Боголепова. Из педагогов больше нельзя брать некого. В министры народного

просвещения, по-моему, нужно теперь выбрать кого-нибудь из военных – умного твёрдого и непременно с добрым сердцем. Но я с грустью должен признаться, что у меня сейчас нет ни одного кандидата. Иногда мысль останавливается на Ванновском или Рихтере, но они оба стары! Этот вопрос мне не даёт покоя, потому что именно в теперешнюю минуту страшно нужен такой человек, а где его найти?»^[1184]

Государь писал Великому Князю Сергею Александровичу: «Сейчас нужен мне военный человек. Я прямо скажу, что думаю о Ванновском»^[1185]. За неимением лучшей кандидатуры Николай II 24 марта назначил генерал-адъютанта П. С. Ванновского новым министром народного просвещения.

Хотя реформирование народного образование совпало со студенческими волнениями, Николай II не хотел, чтобы в обществе думали, что лишь эти события заставили его заняться этими реформами. Первоначально в черновике рескрипта о назначении Ванновского на должность министра говорилось, что поводом назначения стали «*прискорбные события последних лет, нарушившие обычное течение учебной жизни*». Государь отчеркнул эти слова и написал напротив них: «Чем больше я перечитываю этот проект, тем яснее мне представляется неудобство помещения отчёркнутой фразы. Как будто до “прискорбных событий” я не создал “необходимость улучшения строя русской школы”»^[1186].

Прежде всего, были изданы Временные правила о студен-

ческих организациях, разрешавшие их создание под контролем университетской администрации и профессуры. Затем министр обратился к профессуре с просьбой вносить предложения по изменению устава 1884 г. Николай II не очень поддерживал курс Ванновского и симпатизировал идее князя Мещерского о сокращении университетского образования. В письме к Д. С. Сипягину 17 сентября 1901 г.: *«Очень сожалею о поспешном циркуляре старика Ванновского. Это действительно похоже на заигрывание с молодежью и на опасной и скользкой почве. Но, Бог Милостив, этот год как-нибудь переберёмся, а на будущий год надеюсь повернуть всё по-своему»*^[1187].

Государь был противником открытия новых университетов, так как считал, что их число и так достаточно для России. Кроме того, университеты, с одной стороны, давали основное число вольнодумцев и смутьянов, а с другой – не выпускали нужного числа специалистов, необходимых для индустриализации экономики Империи. В письмах Николая II министрам народного просвещения Ванновскому и Зенгеру подчеркивалась необходимость принимать в университеты только лиц, окончивших классические гимназии, число которых Государь считал нужным сократить, поднять роль профессоров в налаживании порядка и дисциплины, перенести ряд факультетов в небольшие города. 9 февраля 1902 г. Николай II указывал: *«Я считаю, что Россия нуждается в открытии высших специальных учебных заведений, а ещё*

больше в средних технических и сельскохозяйственных школах, но с нее вполне достаточно существующих университетов. Принять эту резолюцию как Мое руководящее указание»^[1188]. Вместо университетов Николай II приказал открывать Политехнические институты. По указу Государя уже в 1897 г. они были открыты в Петербурге, Киеве и Варшаве. С Высочайшего соизволения им было присвоено имя Императора Николая II. При Петербургском Политехническом институте открывается кораблестроительный факультет, столь необходимый России накануне испытаний на Дальнем Востоке.

Выступления студентов, за спиной которых стояли революционеры, продемонстрировали правительству, что смута, которая, казалось, была окончательно преодолена Александром III, вновь вернулась. В этих условиях в Правительстве наблюдались растерянность, отсутствие чёткого плана по преодолению беспорядков и устранению их причин. Особенно оно было смущено всеобщей поддержкой студенчества со стороны как русского, так и заграничного общественного мнения и в своих действиях начало оглядываться на него. Даже Великий Князь Сергей Александрович, который после решительного пресечения беспорядков в Москве был особенно порицаем обществом, в 1901 г. в письме к Государю выразил своё желание уйти в отставку.

Но Государь вновь его отставки не принял. *«По-моему, —* отвечал он в письме Великому Князю Сергею Александрови-

чу, — действительно сильное Правительство именно сильно тем, что оно, открыто сознавая свои ошибки и промахи, тут же приступает к исправлению их, нисколько не смущаясь тем, что подумают и скажут. Меня всего более огорчило из Твоего письма то, что Ты высказал желание, когда наступит спокойное время, просить об увольнении тебя от обязанностей генерал-губернаторской должности. Извини меня, друг мой, но разве так поступать справедливо и по долгу? Служба вещь тяжелая, я это первый знаю, и она не всегда обставлена удобствами и наградами только! Я всегда утешаю себя мыслью: что значат эти беспорядки и проявления неудовольствия известной среды в городах в сравнении со спокойствием нашей необъятной России? Пожалуйста, не думай, чтобы я не отдавал себе полного отчета о серьезности этих событий, но я резко отделяю беспорядки в университетах от уличных демонстраций»^[1189].

Те же настроения чувствуются и в письме Государя к Вдовствующей Императрице, которая также опасалась последствий реформы образования: «То, что я делаю, я по совести чувствую, — говорилось в письме, — что обязан сделать для России. Для меня лично было бы гораздо проще не делать этой перемены и оставить всё дело образования и воспитания на произвол судьбы! Но от этого, наверное, в скором времени мы бы сделались свидетелями совсем других явлений, чем те, которые сейчас происходят вокруг нас»^[1190].

Царь считал, что силовые действия против смутьянов и мятежников должны сочетаться с формированием новой системы среднего и высшего образования, что позволит воспитать студентов, верных монархическим принципам. Николай II понимал, что правильно поставленное народное образование – главный залог поражения революционной идеологии. Ванновский с этим явно не справлялся: *«Ты знаешь, милая Мама́, – писал Государь о Ванновском Марии Феодоровне 21 марта 1902 г., – мои чувства и мое мнение о добром старике. Но у себя спрашиваю, улучшило ли его назначение министром дело нашего образования? Нет, к сожалению, нисколько!»*^[1191]

6 апреля 1902 г. Николай II отправил Ванновского в отставку, а 11 апреля он назначил министром Г. Э. Зенгера, который до этого был заместителем Ванновского. 10 июня 1902 г. Николай II направил Зенгеру рескрипт, в котором говорилось: *«Что касается университетов, то после печального опыта минувших лет, Я ожидаю от учебной администрации и профессоров сердечного и предусмотрительного участия к духовному миру вверенной их попечениям молодежи.*

Да помнят они, что во всех случаях сомнения, борьбы и увлечения молодежь вправе искать и находить в своих руководителях недостающих ей – опыта, стойкости убеждений и сознания зависимости иногда целой жизни от одной минуты безрассудного увлечения.

Родительскому сердцу моему было отрадно узнать, что значительное большинство студентов, в конце нынешнего учебного года, в самостоятельном сознании святого долга, вернулись к учебным занятиям и к порядку.

Я хочу верить, что после летнего отдыха успокоенного обращения к своей совести, а также под благотворным влиянием родителей и близких, учащаяся молодежь внемлет Моему голосу, призывающему ее вместе со всеми Моими верно-подданными под сени труда и законности.

Беспорядкам, позорящим науку и университеты, которыми в прежнее время справедливо гордилась Россия и губящим столько дорогих Отечеству и мне молодых жизней, должен быть во благо вверенного Мне Богом народа положен конец»^[1192].

Над составлением этого рескрипта Государь работал лично. В его дневнике от 8 июня записано: «Занимался писанием рескрипта Зенгеру»^[1193]. Николай II был одним из первых государственных деятелей, кто осознал первостепенную важность идеологического воспитания молодежи. В отличие от предыдущего царствования он отказался от насильственного подавления недовольства как единственного средства и стал искать способы ликвидации его коренных причин. Царь уделял первостепенное внимание личности учителей и воспитателей. Он был убежден, что их подбор должен быть особенно тщательным, а в учителя должны попадать люди умственно зрелые и нравственно здоровые. В 1903 г. министер-

ство народного просвещения выступило против освобождения от воинской службы учителей народных школ, так как «в противном случае учительский состав пополнится незрелыми, неопытными, физически и нравственно распущенными юношами»^[1194]. Государь всецело был согласен с этим мнением и написал резолюцию: «*Это было всегда, да и теперь, Моим мнением*»^[1195].

А на программе специальной комиссии по переустройству системы народного просвещения, которая под руководством П. С. Ванновского разработала реформу средней школы, Государь начертал: «*Надеюсь, что будет также обращено серьёзное внимание и на усиление религиозно-нравственного воспитания нашего юношества*»^[1196].

Однако в этом деле Николай II столкнулся вскоре с той же проблемой, что и в других сферах государственной деятельности, – отсутствия нужных людей. Эта нехватка кадров приводила к замедлению всех реформ, намечаемых Царём, а некоторые делала просто невозможными. Так, он очень сочувствовал идее всеобщего образования и много для неё сделал (с 1908 г. первоначальное обучение всё-таки стало обязательным). Фактически к моменту революции 1917 г. не менее 86 % русской молодежи умели читать и писать^[1197].

Острая нехватка идеологически и нравственно пригодных кадров все время препятствовала дальнейшему реформированию школы. Народный учитель в своей массе по-прежнему оставался врагом существующего строя, а не его союзни-

ком. Осознанием этого факта явилась резолюция Николая II на земском предложении 1903 г. ввести всеобщее образование с 1909 г.: «*А как справиться с нужным количеством надежных учителей при введении всеобщего обучения?*»^[1198]

В царствование Николая II ситуация с образованием коренным образом изменилась по отношению к предыдущим периодам. Оно стало подлинно народным. В российских гимназиях и университетах широко открылись двери для выходцев из низших сословий (мещан, крестьян, казаков), возобновился быстрый рост числа учебных заведений и учащихся в них. В результате к началу Первой мировой войны Российская Империя обладала одной из самых «прогрессивных» (открытых для всех социальных страт общества) систем среднего и высшего образования^[1199].

Начавшейся перестройке народного образования сопутствовали меры по умиротворению студентов, с одной стороны, и твёрдая борьба с зачинщиками беспорядков – с другой. Тем самым Правительство как бы еще раз отделяло студентов от мятежников. Для студентов была разрешена легальная сходка, которая состоялась 9 апреля и прошла совершенно мирно, были смягчены наказания для студентов, участвовавших в волнениях, многие из них были вовлечены в нормальную общественную жизнь университетов. Но тем не менее полностью изгнать из стен высших учебных заведений «темную, чуждую науке силу» Правительству не удалось. События 1905 г. в полной мере это подтвердили.

Несмотря на трудности и сложности университетской жизни, успешно развивалась в университетах наука, расширялись старые и возникали новые научные школы. В Московском университете большие достижения в физике были связаны с существованием школы П. Н. Лебедева, ученики которого составили основу Физического общества при МУ. В 1904 г. открылся Физический институт при физмате МУ, что позволило расширить объем исследований, вовлечь в них значительную часть студентов. Н. Е. Жуковский и С. А. Чаплыгин сформировали крупнейшую школу механики в МУ, в 1902 г. здесь была установлена одна из первых в мире аэродинамическая труба, что дало толчок успешному развитию аэрогидродинамики. С 1893 г. руководство московской школой химиков перешло к Н. Д. Зелинскому. Геологическая школа Московского университета создавалась трудами А. П. Павлова и его учеников. На рубеже веков расцвела московская школа историков – специалистов по всеобщей истории, связанная с именами П. Т. Виноградова, Р. Ю. Виппера, Д. М. Петрушевского, А. Н. Савина^[1200].

Большое значение Государь уделял женскому образованию. На докладе тульского губернатора о желательности более широкого привлечения девочек в народные школы он поставил пометку: *«Совершенно согласен с этим. Вопрос этот чрезвычайной важности»*^[1201]. Было утверждено положение о Женском медицинском институте (в начале царствования Императора Александра III женские медицин-

ские курсы были закрыты за царивший на них революционный дух). В 1897 г. в Петербурге открывается Высший женский медицинский институт. Женские курсы открылись и в Москве. На существовавших ранее женских курсах в несколько раз увеличивается приём слушательниц, чтобы *«предупредить отправление русских девушек в заграничные учебные заведения»*. Против этих строк доклада Попечителя Московского учебного округа Государь оставил резолюцию: *«Не следует отказывать желающим; пусть русские женщины учатся в России»*^[1202].

21 октября 1898 г. указом Императора Николая II во Владивостоке был учреждён Институт восточных языков, первым директором которого стал выдающийся востоковед, доктор монгольской и калмыцкой словесности, профессор А. М. Позднеев. Он был убеждённым монархистом, глубоко верующим православным^[1203]. Под его руководством на Дальнем Востоке был создан крупнейший научный центр по изучению китайской, тибетской и монгольской культур, который сыграл значительную роль в деле распространения русского влияния в дальневосточном регионе. Программа института предусматривала подготовку специалистов-востоковедов со знанием английского и французского языков, а также, в зависимости от выбранного учебного отделения, китайского, японского, корейского, монгольского и маньчжурского языков. Позже был добавлен тибетский.

Кроме того, институт имел важное военно-разведыва-

тельное значение. В нём проходили обучение офицеры русской разведки. Всего за весь период обучения (1899–1911 гг.) было подготовлено 124 переводчика, многие из которых использовались также в качестве драгоманов, консулов и военных агентов. Главное управление Генерального штаба привлекало их к работе по сбору и обработке сведений о сопредельных странах^[1204]. Институт сыграл большую роль в налаживании союзнических отношений между Россией и буддистским миром. 31 марта 1900 г. министерством народного просвещения были утверждены правила о педагогических курсах для приготовления учителей и учительниц народных училищ.

Законом 5 июня 1900 г. было предоставлено право попечителям учебных округов собственной властью разрешать открытие одноклассных и двухклассных министерских училищ.

12 июня 1900 г. утвержден устав пенсионной кассы народных учителей и учительниц. 1 апреля 1902 г. было введено положение относительно церковно-приходских школ. По этому положению церковные школы подразделялись на: 1) начальные, предназначаемые для начального обучения детей и взрослых (школы грамоты, церковно-приходские и воскресные, и 2) учительские – для приготовления учителей в народные школы. Школы грамоты открывались с разрешения приходского священника. 22 августа 1902 г. министром народного просвещения утверждены правила об уро-

ках, устраиваемых при учебных заведениях для взрослого населения. Теперь взрослые люди, не получившие в детстве образования, могли за государственный счёт восполнять этот пробел. Также на уроках для взрослых преподавались предметы, входящие в курс того учебного заведения, при котором существовали эти уроки.

Открываются детские приюты трудолюбия, которые получают наименования «Ольгинские», в честь старшей дочери Государя – Великой Княжны Ольги Николаевны. На первый план в приютах ставится ремесленная работа, помимо неё дети изучают Закон Божий, грамоту и начальную арифметику. Дети в приютах содержатся скромно и просто, подготавливаясь к трудовой жизни рабочих классов. Особое внимание обращается на физическое воспитание.

В 1903 г. министерство народного просвещения стало оказывать уездным земствам содействие в открытии новых училищ и их содержании, а также улучшении положения учащихся, ассигнованием кредитов на жалованье учащимся и ассигнованием на постройку училищных зданий и на оборудование учебными пособиями.

12 декабря 1904 г. было разрешено начальным школам Царства Польского вести преподавание польского языка и Закона Божия на польском языке.

Были учреждены должности директоров народных училищ в губерниях Курляндской, Эриванской, Тобольской, Томской и Енисейской и в областях Сыр-Дарьинской, Семи-

палатинской с Акмолинской, Тургайской. Значительно увеличено число инспекторов народных училищ, причём впервые введена инспекция в Привислинских губерниях, в Черноморской губернии и Карсской области, в Tobольской и Томской губерниях, в областях Якутской, Забайкальской, Амурской и Приморской и на острове Сахалине.

Церковно-приходские школы могли быть одноклассные и двухклассные; курс в первых продолжается три года, во вторых – пять лет. В двухклассных школах преподаются краткая церковная и отечественная история, география в связи с краткими сведениями о явлениях природы, черчение и рисование. При церковно-приходских школах, с разрешения епархиального училищного совета, были открыты дополнительные уроки, проводимые во внеучебное время, а также уроки для взрослых, народные чтения и собеседования и курсы для обучения церковному пению и ремеслам.

Учить в церковно-приходских школах теперь могли только лица, имеющие свидетельство на звание народного учителя или учительницы, а также окончившие высшее или среднее учебное заведение. Таким образом, уровень церковно-приходских школ значительно вырос.

Курс церковно-приходских школ был рассчитан на три года. Преподавались Закон Божий, церковная история, церковное пение, иконопись, русский язык, церковно-славянский язык, отечественная история, география, арифметика, геометрическое черчение и рисование, дидактика, началь-

ные практические сведения по гигиене, чистописание и рукоделие.

В 1904 г. министерство народного просвещения приступило к разработке проекта всеобщего обучения, которое должно было быть введено в течение 10 лет по всей стране. Революция 1905 г. в значительной мере помешала этому проекту.

Тем не менее к 1915–1916 гг. реформа народного просвещения, прерываемая смутами и войнами царствования, вышла на свой завершающий этап. Под руководством министра народного просвещения П. Н. Игнатьева была создана стройная система народного образования, включавшая: 1) 3–4-летний цикл начального образования, 2) 4-летний цикл послена начального образования (первые четыре класса гимназий, курс высших начальных училищ или соответствующих профессиональных учебных заведений); 3) 4-летний цикл полного среднего образования; 4) высшее образование (университетское или специального типа); 5) систему образования для взрослых^[1205]. Как пишет Д. Л. Сапрыкин: *«В отличие от послереволюционных преобразований, реформы Николая II были направлены не на создание единой школы как некоего социального “плавильного котла”, а на создание единой, но сложно дифференцированной системы образования, включающей разные типы школ на одном и том же уровне, дающих возможность представителям всех слоев общества получать образование, соответствующее их спо-*

способностям и потребностям. <...> Выпускник царской гимназии обычно имел уровень знаний по гуманитарным предметам (языки, историко-филологические, философские дисциплины, право), которого не достигали выпускники соответствующих советских вузов. Гимназический уровень по освоению математики и естественнонаучных дисциплин в СССР достигался только в единичных физико-математических специколах»^[1206].

Государство тратило на образование огромные средства. Кредиты министерству народного просвещения возросли с 70 млн рублей в 1894 г. до 300 млн в 1913 г. Общий бюджет народного просвещения достиг в 1913 г. огромной цифры: полмиллиарда рублей золотом^[1207]. К 1916 г., по оценке тогдашнего министра народного просвещения П. Н. Игнатьева, 56 % населения было грамотным^[1208]. Примерно к 1926 г. ожидалась почти поголовная грамотность населения^[1209].

При Николае II первоначальное образование было бесплатным с 1894 г., с 1908 г. был взят курс на обязательное начальное образование. С 1918 г. планировалось начать введение обязательного бесплатного среднего образования.

«В последние десять лет царствования Николая II, – пишет Л. Д. Сапрыкин, – был осуществлён своего рода “национальный проект”: программа строительства “школьных сетей”, в частности сетей школьных зданий по всей стране, обеспечивших доступность школ для всех детей Империи с радиусом 3 версты. Во время царствования Николая II Рос-

сия прочно вошла в пятёрку наиболее развитых стран в отношении уровня развития науки, научно-технического образования и “высокотехнологических отраслей промышленности”»^[1210].

Глава 10. Финляндский вопрос

Финляндия вошла в состав Российской Империи в результате русско-шведской войны 1809 г. До этого она была составной частью Шведского королевства: господствовал шведский язык, финский язык был запрещён, вся полнота административной власти находилась в руках шведского дворянства. Финское население было полуграмотно, развитие страны было в зачаточном и примитивном состоянии. Шведская провинция Финляндия никакого самостоятельного управления не имела.

В 1809 г., в ходе русско-шведской войны, Россия по Фридрихсгамскому миру присоединила Финляндию к себе. Финны, которые до этого ничего не знали о России, полагая, что их права будут нарушены, а страну заполонят иноверные русские, начали против них партизанскую войну. Шведы активно раздували эти страхи. Однако Александр I заявил, что предоставляет Финляндии статус Великого Княжества, с собственным сеймом, законодательством и правами. Император заявил: *«Финляндия – не губерния. Финляндия – это государство»*^[1211]. Финляндцы получили от Царя намного больше прав, чем имели при шведах: финляндская армия формировалась только из местного населения, призывники служили на территории Княжества, налоги и финансовая система использовалась только на нужды самой страны.

После того как Александр I прибыл в Або (нынешний Турку) по самой опасной дороге, фактически без охраны, его авторитет среди местного населения резко возрос. При въезде в город была построена арка, которую украшала надпись: *«Александр I, который победил Финляндию силой оружия и завоевал благородством своей души»*^[1212]. 16 марта 1809 г. волей Императора был созван финляндский сейм, который открыл лично Государь. Александр I заявил: *«Я обещаю сохранить вашу конституцию, ваши коренные законы; ваше собрание здесь удостоверяет исполнение моих обещаний»*^[1213]. Эти слова означали, что Император обещает создать в Финляндии устройство, отличное от остальной Империи. В 1810 г. Александр I чётко выразил цели, преследуемые им при организации государственного правления в Великом Княжестве: *«Намерение Мое при устройстве Финляндии, состояло в том, чтобы дать народу сему бытие политическое, чтобы он считался не порабощённым Россией, но привязанным к ней собственными пользами»*^[1214].

Главой Финляндии являлся Император Всероссийский, носивший титул Великого Князя Финляндского. Его представителем являлся генерал-губернатор, являющийся высшим имперским должностным лицом в Княжестве. Финляндия имела своё правительство, именуемое с 1816 г. – Сенатом. Законодательную власть в Княжестве представлял 4-словный сейм.

Члены сейма принесли присягу в том, что *«признают*

своим Государем Императора и Самодержца Всероссийского, Великого Князя Финляндского». Официальными языками Великого Княжества были объявлены русский и шведский. Все дворянские рода Финляндии, де Геер, Армфельд, Штейнгейли, Аминовы, Сухтелен, Маннергейм, Ребиндер, Берг, были шведского происхождения, финны не имели своего дворянства. После создания Великого Княжества Финляндского все шведские дворянские роды получили равный с русским дворянством статус. С целью завоевать расположение своих новых подданных Александр I в 1811 г. выделил из собственно Российской территории так называемую «Старую Финляндию» вместе с Выборгом, отнятую у Швеции ещё по Ништадтскому миру, и присоединил её к Великому Княжеству Финляндскому. Этим Царь создал проблемы, которые пришлось решать его наследникам в XIX и XX вв.

Финляндцы с воодушевлением восприняли решения Императора Александра и в течение XIX в. всячески проявляли лояльность России. Примером может служить мужественное участие финляндских стрелков, которые совместно с русскими войсками участвовали в обороне Аландских островов от англо-французских войск в ходе Крымской войны.

В 1863 г. Император Александр II на открытии финляндского сейма, охарактеризовал Финляндию как государство, в котором воплощён в жизнь принцип конституционной монархии. По указу Царя-Освободителя финляндский сейм должен был собираться регулярно раз в пять лет. «Вы со-

ставляете часть великой семьи, – заявил Государь, – глава которой Император России!»^[1215]

С вхождением Финляндии в состав Российской Империи финский язык и культура вышли из-под запрета, а пришедшийся на XIX в. период романтического национализма возродил интерес финнов к своим корням. Языковед Элиас Лённрот записал национальный эпос «Калевала», который стал неисчерпаемым источником вдохновения для финских художников и поэтов, являясь основой для возникновения национального самосознания. Целая плеяда писателей и художников, композиторов и поэтов создала произведения, навеянные своеобразием финских традиций и обычаев. Появился финский литературный язык.

Особый статус Великого Княжества Финляндского по сравнению с другими регионами государства Российского создавал предпосылки для возникновения сепаратистских настроений у финляндской политической элиты. Эти настроения во многом были вызваны экономическими интересами финляндской буржуазии, в основном шведского происхождения. Финляндские коммерсанты, благодаря существующей таможенной «вилке», закупали сырье в Империи по «внутренним» ценам, а перепродавали его на Запад по «внешним» европейским ценам безо всяких пошлин. Генерал от инфантерии Д. С. Тризна отмечал, что русское Правительство «*вместо эгоистического использования Финляндии, окружило ее самыми благоприятными условиями для*

культурного роста. Она не платила никакой подати России, она не знала “международных отношений”, от которых предупредительно избавлял её русский кулак; она понятия не имела, что значит жертвовать за родину кровью своих сограждан. Но мало того, что Финляндию не истощали налогами, охраняли от внешних врагов и почти совсем избавили от тяготы воинской повинности, её окружили низкими таможенными пошлинами, создав, таким образом, в лице России громадный рынок сбыта для её товаров. При таких условиях, понятно, Финляндия могла делать гигантские шаги в развитии своей материальной культуры, и она это сделала»^[1216].

Борьба Императорского Правительства за отстаивание экономических интересов государства вызывала острое недовольство финского капитала, и как следствие в Финляндии стал зарождаться сепаратизм политический. На территории Княжества действовали самостоятельные воинские формирования. К началу XX в. они насчитывали 100 тыс. человек, притом что во всей Империи процент русского населения в Финляндии был не более 0,2 %. Финляндский сенатор барон Р. Гартман заявил: «Когда меня спрашивают, желаю ли я принять воинскую повинность для защиты “государства” (Российского), для того чтобы отстаивать родину другого народа (т. е. русского) и политические интересы других стран, я должен открыто заявить: нет! Мы можем защищать свой край и хотим остаться дома и не покидать

своей край!»^[1217]

Осознавая опасность подобного положения, Император Александр III хотел расформировать финляндские войска, но по закону на это требовалось согласие сейма, которое тот не давал. Александр III осознавал положение в Финляндии опасным для общеимперского дела, но за своё царствование так и не подошёл к решению этой проблемы. Если верить Витте, то Царь признавал: *«Мне финляндская конституция не по душе. Я не допущу её дальнейшего расширения, но то, что дано Финляндии Моими предками, для меня так же обязательно, как если бы это я сам дал. И незыблемость управления Финляндии на особых основаниях подтверждена Моим словом при вступлении на престол»*^[1218]. Тем временем сепаратистские процессы в Финляндии набирали обороты. Продолжалось вытеснение русских из всех сфер общественной жизни Великого Княжества. Так, согласно Высочайшему постановлению о частных железных дорогах, открываемых для общественного движения от 3/15 апреля 1889 г., сооружение железных дорог в Великом Княжестве было разрешено лишь финляндским гражданам^[1219]. В соответствии с Высочайшим постановлением от 30 октября 1889 г., лица православного вероисповедания не имели права занимать должности и служебные места, преподавать историю в учебных заведениях Великого Княжества^[1220]. В 1885 г. Александр III повелел, чтобы по два финских батальона ежегодно командировались на лагерные сборы в Красное Село для

совместного обучения с русскими войсками. Финляндский сенат возмутился и попытался добиться отмены государственного решения. Когда же это не удалось, прокурор сената в знак протеста подал в отставку^[1221].

В 1890 г. Александр III отменил им же утверждённое в 1889 г. Уголовное уложение Великого Княжества, так как оно фактически ставило Финляндию на положение иностранного государства в отношении Российской Империи. Между тем, как верно писал выдающийся русский правовед Н. С. Таганцев: *«Великое Княжество Финляндское, составляя нераздельную часть единого государства Российского, пользуясь по воле российских Государей самостоятельным управлением по своим внутренним делам и имея особое в отношении сих дел законодательство, в международном союзе государств, не занимает, однако, никакого самостоятельного места. В международном отношении Финляндия всецело поглощается общим понятием России»*^[1222].

Но именно этого не хотели признавать авторы финляндского Уголовного уложения. Так, согласно его § 1 главы I, финляндец, учинивший за границей преступление против другого финляндца, подлежал наказанию без всяких ограничительных условий, а учинивший такое же преступление против России и русских подданных наказывался только в том случае, если последует особое Высочайшее повеление о судебном преследовании виновного. Согласно § 2 той же главы финляндец, совершивший за границей преступление

против Российской Империи и ее подданных, вовсе не подлежал наказанию. Таким образом, получалось, что иностранец, убивший в Берлине русского и бежавший в Великое Княжество Финляндское, оказывался в более выгодном положении, чем такой же преступник, бежавший в Данию, так как он не мог бы за такое деяние судиться в Финляндии и не мог бы быть передан для суда из Финляндии в Империю^[1223].

В результате Александр III вернул Уголовное уложение в финляндский сейм на доработку, поставив ему необходимым условием привести этот документ в соответствие с общеимперским законодательством в плане одинаковой ответственности за уголовные преступления. Среди финляндских националистов это вызвало бурю негодования. Профессор Гельсингфорского университета барон Вреде доказывал, что *«не следует исполнять таких Высочайших постановлений, которые изданы без согласия сейма, если считается, что в установлении их сейм имел право участвовать»*. Барон заявил, что *«величайшей признательности и глубокого уважения заслуживают те финляндские судьи, которые не повиновались этому Манифесту, а стали судить по новому Уложению, несмотря на его приостановку, которую они считали незаконною»*^[1224].

Финляндцы были вынуждены всё же учесть требования Императора и согласиться на обновление Уголовного уложения согласно его требованиям. В таком виде уголовный закон был утвержден Высочайшим постановлением от 21 ап-

реля 1894 г.

Однако, пожалуй, это был единственный из многочисленных вопросов большой финляндской проблемы, который успел решить Император Александр III. Несмотря на то, что Царь-Миротворец считал необходимым приступить к мерам по упразднению финляндской монеты, почты и таможни, считая необходимым их «соединение с общеимперской системой», он их так и не решил.

Таким образом, финляндский вопрос стал очередной неразрешённой проблемой, «переданной» Императору Николаю II по «наследству». В отличие от очередных фантазий Витте, склонного приписывать Николаю II какое-то особое расположение и доверие к финляндскому сейму^[1225], Государь изначально следовал в отношении финляндских сепаратистских притязаний по стопам своего отца, только более решительно и жёстко.

После введения золотого рубля в Российской Империи в 1897 г. Витте поставил вопрос о введении единообразия монетной системы Империи и Финляндии. Длительные переговоры с финнами привели к соглашению о параллельном использовании в Финляндии марки и рубля.

29 мая 1898 г. Император Николай II вызвал к себе генерала от инфантерии Н. И. Бобрикова и имел с ним продолжительную беседу по поводу положения в Великом Княжестве Финляндском. Государь напомнил Бобрикову, что ещё год тому назад планировал его назначение генерал-губерна-

тором Великого Княжества, но не смог произвести это назначение тогда из-за большой загруженности генерала делами начальника Штаба Гвардии и Петербургского военного округа, которыми тот являлся. Теперь же, сказал Государь, ничто не мешает исполнить его волю. На это Бобриков ответил, что он *«бесконечно счастлив служить там, где Его Величеству будет угодно указать»*, но при этом он не чувствует в себе достаточно сил и способностей для занятия такого важного поста. Однако Николай II сказал, что его решение окончательное, и он даёт Бобрикову несколько месяцев для изучения финляндского вопроса^[1226]. 18 августа в Кремле Бобриков обрисовал Царю ситуацию в Великом Княжестве Финляндском: полное отсутствие русских в сенате, статс-секретариате, управлении генерал-губернатора, в университете и кадетском корпусе. *«Финляндцы тщательно обходят всё то, что внешним образом должно свидетельствовать о принадлежности их края к России... они установили свой национальный гимн, особые национальные цвета для флагов; на монетных бумажных, денежных знаках, памятниках, общественных зданиях заметно преобладают финляндские гербы и шведские надписи. Ни в университете, ни в иных учебных заведениях не возбуждается ни малейшего интереса к России, её населению, истории и литературе. Русский язык преподаётся формально, для вида. Заветное желание в Финляндии таково, чтобы русские люди были не в ней, а около неё и то лишь на случай защиты, чтобы рус-*

ский Царь в ней не управлял, а только царствовал»^[1227].

Бобриков изложил Николаю II свою программу действий:

1. Объединить финляндскую армию с Российской Императорской, уравнив воинскую повинность и расходы на содержание армии; провести реформу финляндского кадетского корпуса в российском духе; основать в Гельсингфорсе общее русско-финляндское офицерское собрание.
2. Упразднить статс-секретариат Великого Княжества или ограничить его значение.
3. Кодифицировать финляндские законы и ввести особый порядок подготовки дел общих для Финляндии и всей Империи.
4. Перевести на русский язык деятельность сената, учебных заведений и администрации.
5. Предоставить российским подданным возможность служить в учреждениях Великого Княжества без ограничений, определённых законом 1858 г. Учредить контроль за университетом и провести ревизию учебников всех учебных заведений Финляндии.
6. Упразднить особые таможенное и финансовое ведомства.
7. Учредить официальную правительственную русскую газету.
8. Упростить процедуру открытия сейма^[1228].

Государь принял программу Бобрикова и в тот же день назначил его генерал-губернатором Великого Княжества Финляндского. В рескрипте на имя Н. И. Бобрикова Государь писал: *«Вверяя попечениям и заботам Вашим благосостояние и процветание этого близкого Моему сердцу края, Я питаю уверенность, что неизменно руководствуясь данными Мною указаниями, исполнение новых обязанностей ваших одушев-*

лено будет стремлением к последовательному вкоренению в сознание местного населения всей важности для блага Финляндского края теснейшего единения с общим для всех верноподданных Отечеством»^[1229].

Прибыв 30 сентября в Гельсингфорс, Бобриков заявил представителям генерал-губернаторства и сената, собравшимся на приём в его честь: *«Россия едина и нераздельна, как един и неразделен её Императорский Престол, под сенью которого Великое Княжество достигло своего современного благосостояния»*. Бобриков подчеркнул, что особое управление Финляндии останется таким и дальше, кроме тех случаев, когда оно не будет вступать в противоречие с общеимперским законодательством. Финляндские верхи заверили Бобрикова в своей полной лояльности и решили направить на Высочайшее имя телеграмму, которая традиционно заканчивалась выражением верноподданнических чувств любви к Государю. Но на этот раз Бобриков настоял, чтобы в телеграмме было приписано слово «и России». Не без некоторых колебаний, финляндская верхушка требование Бобрикова исполнила^[1230]. Бобриков существенно изменил состав своей канцелярии, где чиновники финны были заменены русскими. Генерал стремился к тому, чтобы во всех учреждениях Финляндии часть должностей занимали лица, владеющие русским языком^[1231]. В ноябре 1899 г. Государь издал рескрипт, согласно которому из казенных средств Финляндии ежегодно выделялось 30 тыс. марок на издание рус-

скоязычной газеты. Газета была освобождена от цензуры. В Великом Княжестве стали выходить русскоязычная «Финляндская газета» (с 1900 г.) и газета «Суомен Саномат» на финском языке, в которой публиковались в переводе статьи из «Финляндской газеты».

«Получили мы с Вами, – писал Император Николай II Н. И. Бобрикову, – наследство в виде уродливого криво сросшегося дома, и вот выпала на нас тяжёлая работа – перестроить это здание или, скорее всего, флигель его, для чего, очевидно, нужно решить вопрос: не рухнет ли он при перестройке? Мне думается, что нет, не рухнет, лишь бы были применены правильные способы по замене некоторых устаревших частей новыми и по укреплению всех основ надёжным образом»^[1232].

3 февраля 1899 г. последовал Высочайший манифест, в котором констатировалось: Финляндия получила от Императора Александра I своё местное законодательство и управление. Однако до сих пор отсутствуют точные инструкции о порядке издания общегосударственных законов в Финляндии. Поэтому, сообщалось в Манифесте, вводятся Основные положения, призванные устранить эти законодательные пробелы. Манифест заканчивался словами: *«Оставляя в силе существующие правила об издании местных узаконений, исключительно для нужд Финляндского края относящихся, Мы почли необходимым предоставить Нашему усмотрению ближайшее указание предметом общеимперского законода-*

тельства»^[1233].

Вместе с Манифестом были утверждены Основные положения, которые определяли главенство Императорской власти в издании законов. Таким образом, законодательная власть по вопросам общегосударственного значения была передана от финского сейма Государю Императору. Действия Николая II отвечали историческому моменту: дальнейшее поощрение финского сепаратизма могло привести к непредсказуемым последствиям. Тем более что зачинателями этого сепаратизма были правящие круги. Как докладывал Государю Н. И. Бобриков: *«Идеи сепаратизма и отчуждения от России живут и имеют ревностных сторонников только в верхних слоях финляндского населения. Носительницей этих идей является, главным образом, шведская партия. Наоборот, старофинская партия, к которой принадлежит большинство среди нынешних представителей местного правительства, не чужда стремлению найти почву для примирения с требованиями развивающейся русской государственности»*^[1234].

Именно шведы натравливали полуграмотное финское население на русскую власть, всячески извращая её намерения. По сообщениям начальника Финляндского жандармского управления, общее руководство действиями сепаратистов осуществлял шведский консул в Гельсингфорсе Вольф^[1235].

6 февраля 1899 г. Манифест был опубликован финляндским сенатом. Одновременно сенат решил послать Царю

прошение, чтобы он заявил, что он не имел в виду ущемления конституционных прав Финляндии и дал возможность сейму рассмотреть новый законопроект. С этой просьбой к Государю была отправлена делегация в 500 человек, состоявшая в основном из стариков, пасторов и крестьян. Николай II отказался её принимать и приказал статс-секретарю по делам Финляндии генерал-лейтенанту В. Д. Прокопе передать членам депутации, что он их, разумеется, не примет, *«хотя и не сердит на них, потому что они не виноваты. Они должны возвратиться по домам и затем уже могут подавать свои прошения генерал-губернатору, а он, наконец, перешлёт их ходатайства Вам, для доклада мне, если они признаны уважительными»*^[1236].

После Манифеста в Финляндии был организован сбор подписей с прошением к Государю отменить Манифест. Местные власти Княжества всячески покровительствовали сепаратистам. Начались притеснения немногочисленного русского населения. Органы финляндской полиции начали гонения на странствующих торговцев-татар и архангельских крестьян: у них отбиралась пища, запрещалось давать им ночлег. Жалоба местному губернатору генерал-майору О. К. Кремеру на действия полиции закончилась тем, что губернатор выгнал русских жалобщиков^[1237].

Сбор подписей проходил под усиленной агитацией шведско-финской интеллигенции. Причём способы этой агитации *«не имели ничего общего с солидарностью в данном де-*

ле всего финского народа». Так, один из сборщиков подписей, пастор Розенталь, объяснял местным крестьянам, что по новому закону, они будут отбывать воинскую повинность в России, где пища состоит из кислых щей, от которых можно умереть, что за всякое незначительное преступление там сажают в тюрьму, что попавшие раз в Россию никогда больше не увидят родины^[1238].

В другом финском селе сборщики подписей распространяли слухи, что с введением русских законов в каждом доме поставят по одному русскому солдату для обучения русскому языку, а затем последует обращение в православную веру^[1239].

13 марта 1899 г. начальник Финляндского жандармского управления докладывал в Департамент полиции: *«Имею честь довести до сведения Вашего Высокопревосходительства, что в городе Выборге и в окрестностях Выборгской губернии идёт усиленный сбор подписей для всеподданнейшей петиции об отмене Манифеста. Сборщики кидаются на всевозможные хитрости, не гнушаясь и застрашениями: уверяют отказывающихся, что сам Государь Император требует, чтобы население обязательно выразило свой протест Манифесту и что отказывающиеся от подписей являются не только недругами своей родины, но и противниками Государевой воли»*^[1240].

Император Николай II в письме к В. Б. Прокопе писал: *«Я вижу в этом недобрые поползновения со стороны высших*

кругов Финляндии посеять недоверие между добрым народом Моим и Мною»^[1241].

Однако Государь последовательно продолжал идти путём намеченной программы по реформированию государственной системы в Великом Княжестве. 20 июня 1900 г. был обнародован Высочайший Манифест, по которому языком делопроизводства сената и местных главных управлений Великого Княжества стал русский. Тогда же были введены Временные правила, поставившие общественные собрания под непосредственный контроль генерал-губернатора.

Жизнь в Финляндии стала быстро меняться. Н. И. Бобринский докладывал Государю: *«С 1901 года стали упраздняться финские войска, уступившие место русским, стали вводиться в администрацию русские люди; число военных чинов утроилось»*^[1242]. С 1901 г. жители Великого Княжества должны были нести военную службу наряду с русскими.

Как следствие этих законов, в Финляндии сложились две группировки – конституционалисты, выступавшие за восстановление традиционной конституции страны, и *«покладистые»*, сторонники компромисса с Россией. Позиции *«покладистых»* всё более слабели, а общественное мнение страны радикализировалось в антироссийском духе. *«Покладистым»* устраивали обструкцию, в их домах били им стекла, а самых убеждённых убивали. В крае участились забастовки и стачки, стало расширяться применение тактики *«пассивного сопротивления»*. Так, в 1902 г. на призывные пунк-

ты явилась только половина финских призывников. В Гельсингфорсе прошли массовые манифестации.

В начале 1903 г. из-за инцидентов, вызванных уклонением от исполнения воинской повинности, губернаторам-финляндцам пришлось выйти в отставку. Этим воспользовался Бобриков и на освободившиеся посты были назначены или русские, или финны, лояльно настроенные к Императорскому Правительству. Для более активной замены местных чиновников по инициативе Бобрикова было издано постановление, которое давало право административным решением устранять чиновников, которые совершили поступки *«несовместимые со служебным долгом или служебным положением»*. До этого чиновники смещались только по решению суда. Бобриков провел существенные кадровые перестановки в судебных учреждениях, органах охраны порядка и городских управлениях. В губерниях Уусимаа и Выборгской были уволены все бургомистры. На эти посты назначались финны, представители старофинской партии, занимавшие пророссийскую позицию, или русские и эстонцы, владеющие финским языком. Укрепление влияния Российской Империи в Великом Княжестве Финляндском Бобриков связывал с ростом роли Православной Церкви. В докладе Императору Николаю II генерал-губернатор отмечал: *«Рост успеха Православия, способствуя поддержанию достоинства Империи в глазах народной финской массы, равносителен подъему значения русского имени и русской государственности в крае»*.

При Бобрикове в Финляндии было построено или отремонтировано более десяти православных храмов^[1243].

Но наибольшее раздражение у финляндской буржуазии вызвало решение Бобрикова положить конец таможенной «вилке», позволявшей финляндским капиталистам обогащаться в ущерб интересам Империи.

Государь высоко оценивал деятельность Бобрикова. «Я постоянно благодарю Бога, – писал он генерал-губернатору, – направившего мой взор на Вас. Действительно, в Вас я получил неоценимого помощника, крайне знающего, усердного, настойчивого, хладнокровного во всех своих действиях. Не имей я Вас в Финляндии, едва ли я справился бы с нынешними сложными делами – говорю я Вам прямо, потому что таково мое глубокое убеждение»^[1244].

В другом письме: «С особым удовольствием читаю Ваши письма. Помните, что во мне Вы всегда найдёте полную поддержку и защиту, ибо за мной – вся Россия!»^[1245]

А защищать Бобрикова приходилось не только от финляндских радикалов, но и от влияния при русском Дворе. «Шведской» партии удалось убедить Вдовствующую Императрицу Марию Феодоровну в пагубности проводимой Н. И. Бобриковым политики. Генерал А. Н. Куропаткин свидетельствовал 26 декабря 1902 г.: «Сегодня был в Гатчине. Государыня Императрица Мария Феодоровна более 40 минут вела со мной разговор о финляндских делах. Горячилась и волновалась. Раза два выступали на глазах слёзы»^[1246].

Ярким представителем «шведской» партии был князь Г. Д. Шервашидзе, состоявший при Марии Феодоровне обер-гофмейстером. Его женой была М. А. Шервашидзе, урождённая баронесса Николаи, дочь бывшего министра просвещения А. П. Николаи, выходца из древнего шведского рода^[1247]. Как вспоминал генерал А. Н. Куропаткин: *«Князь Шервашидзе, состоявший при Государыне, горячо нападал на существующие порядки в России, <...> особенно нападал на утеснения в Финляндии»*^[1248]. Шервашидзе был в тесных отношениях с С. Ю. Витте, который называл его своим «большим приятелем».

Под влиянием Шервашидзе и Витте Императрица-мать в письмах к сыну называла Бобрикова «лжецом», призывала отправить его в отставку и умоляла не обижать «несчастливых финляндцев». Мария Феодоровна не сомневалась в том, что её авторитет подействует на «милого Ники». Однако Государь ответил Матушке твёрдо и даже жёстко: *«Смута в Финляндии идет не из народа, а наоборот сверху. Разные служащие, журналисты и др. начали распространять в народе всякие неверные толки и слухи, в особенности о законе о воинской повинности и, разумеется, успели сбить с толку часть простых людей. Против таких господ, понятно, надо было принимать решительные меры. Правительство не может смотреть сквозь пальцы на то, что как его чиновники и служащие позволяют себе критиковать и не подчиняться решениям власти. Я вполне сознаю, что мы переживаем*

тяжёлое время, но даст Бог, через два-три года мы достигнем успокоения в Финляндии.

Вспомни, милая Мама, как кричали и шумели при дорогом Папа немцы в Прибалтийских провинциях. Однако при настойчивом и хладнокровном отношении к делу всё окончилось через несколько лет, и даже теперь об этом забыли. Гораздо опаснее остановиться на полпути, потому что такая остановка принимается за перемену политики; нет ничего хуже таких поворотов внутренней политики для самого государства. Поэтому, милая Мама, мне, как горячо любящему Тебя сыну, и тяжело говорить это, но я не могу по совести разделить Твоё мнение про то, что делается в Финляндии.

Я несу страшную ответственность перед Богом и готов дать Ему отчет ежеминутно, но пока я жив, я буду поступать убежденно, как велит моя совесть. Я не говорю, что я прав, ибо всякий человек ошибается, но мой разум говорит мне, что я должен так вести дело. Не правда ли, дорогая Мама, было бы несравненно легче сказать Бобрикову, — оставьте их делать, что хотят, пусть все идет по-старому! Сразу восстановилось бы спокойствие, и моя популярность возросла бы выше, чем она теперь. Очень заманчивый призрак, но не для меня! Я предпочитаю принести это в жертву теперешнему невеселому положению вещей, потому что считаю, что иначе я поступить не могу»^[1249].

После этого инцидента Государь перестал относиться к

советам матери с прежним доверием. Витте утверждал в своих воспоминаниях, что Вдовствующая Императрица *«угрожала Государя не травить финляндцев. Её отец, старик, король Датский, дед Государя, писал ему тоже самое. В результате Государь перестал при путешествиях за границу заезжать к своему деду в Данию. Императрица же Мария Феодоровна постепенно начала терять всякое влияние на своего сына»*^[1250].

Сам Витте относился к деятельности Бобрикова крайне враждебно. Он видел в нем опасного соперника, пользующегося доверием Государя. Поэтому Витте активно использовал свои связи при Дворе, интригуя против Бобрикова. 7 апреля 1902 г. Великий Князь Николай Михайлович писал своему отцу Великому Князю Михаилу Николаевичу, что Витте настоятельно советует протолкнуть на должность статс-секретаря Великого Княжества Финляндского князя И. М. Оболенского, который будет способен *«сдерживать пыл наши Бобрикова»*^[1251].

В 1903 г. Государь предоставил Н. И. Бобрикову особые полномочия. В том же году было ликвидировано финское тайное общество «Кагаль», которое проповедовало идеи превосходства «арийской» расы и финляндцев над русскими. После ликвидации общества некоторые его члены бежали в Швецию, откуда продолжали подрывную работу, войдя в контакт с российскими террористическими группами социалистической направленности.

Между тем финляндские радикалы объявили войну России. Активизировались антиправительственные группировки. Наиболее опасной из них была сходная по идеологии и методам с эсерами «Партия активного сопротивления». Во главе нее стоял Конрад Циллиакус, впоследствии главный посредник между революционными группировками России и японской разведкой. Эта группировка молодых радикалов по методам борьбы напоминала эсеров. Именно «активисты» провозгласили лозунг: «Враг России – друг Финляндии». К тому же это была единственная финляндская партия, в программе которой имелось требование достижения полной государственной независимости страны^[1252].

Генерал-губернатору постоянно поступали угрозы физической расправы. Н. И. Бобриков писал генералу А. Н. Куропаткину: *«Мне беспрестанно пишут угрозы, и я к ним немного попривык. Буду твердо охранять вверенный мне пост, и как часовой, не сойду с него, во что бы то ни стало. Служа здесь Царю и Родине, готов с радостью сложить голову, не сдавая ни на йоту русских интересов»*^[1253].

3 июня 1904 г. в Гельсингфорсе в 11 час. утра в здании сената финляндский чиновник Евгений Шауман выстрелил три раза в генерал-губернатора Н. И. Бобрикова, после чего тут же на месте покончил с собой. Шауман был сыном бывшего финляндского сенатора генерал-лейтенанта Ф.-В. Шаумана, лишённого воинского звания и уволенного со службы за антирусскую деятельность. Вечером того же дня Государь

получил *«скверную весть о том, что в Бобрикова стреляли в здании сената и что он тяжело ранен»*^[1254]. Через несколько часов Н. И. Бобриков скончался: *«Утром с прискорбием узнал, что Бобриков тихо скончался в час ночи! Огромная трудно заменимая потеря!»* – записал в своем дневнике Император Николай II^[1255]. 8 июня в Сергиевской пустыни под Петербургом состоялись похороны Н. И. Бобрикова, на которых присутствовал Государь и Великий Князь Михаил Александрович. Император Николай II проводил тело верного слуги до могилы. Царь тяжело скорбел по поводу его кончины.

Но у некоторых убийство Бобрикова вызвало противоположные чувства. С. Ю. Витте заявил в те дни послу Великобритании сэру Ч. Гардингу, что испытывает в связи со злодеянием чувство облегчения, так как смерть Бобрикова может *«сделать возможным примирение и успокоение»*^[1256]. Вскоре Витте пойдёт на прямое содействие финляндским сепаратистам. Это тем более очевидно, если учесть, что через месяц с лишним, 15 июля, в Петербурге будет убит другой верный соратник Государя, министр внутренних дел В. К. Плеве, единомышленник Бобрикова и непримиримый противник Витте.

Убийство Н. И. Бобрикова произошло на фоне уже идущего полным ходом роста революционных выступлений в Финляндии.

В 1905 г. территория Великого Княжества стала одним

из основных плацдармов революционных сил, убежищем для многих революционеров. Здесь скрывались П. Рутенберг, Е. Азеф, Г. Гапон, Д. Бриллиант, сбежавший с каторги Г. Гершуни. С. Ю. Витте писал: *«Финляндия в последние годы служила убежищем петербургских революционеров. Там нашли притон ещё убийцы Сипягина. Оттуда шло почти все оружие, которым вооружались революционеры»* ^[1257].

Большую роль в этом играли японские спецслужбы, которые через Финляндию поставляли оружие как для финляндских сепаратистов, так и для других революционных партий. 24 ноября 1905 г. Великий Князь Николай Николаевич докладывал Царю: *«Донесения наших военных агентов за границей устанавливают существование тайного ввоза оружия в Империю через Финляндию, принявшего за последние месяцы массовый характер»* ^[1258].

Таким образом, Государю, несмотря на большие усилия, не удалось снять финляндскую проблему. В ходе начавшейся смуты она вновь встала в полный рост.

Глава 11. Император Николай II в 1901–1903 гг.: реформы через противостояние

С. Ю. Витте и формирование оппозиции курсу Государя

К 1901 г. против Императора Николая II при Дворе сложилась вполне оформленная тайная оппозиция, душою которой был министр финансов С. Ю. Витте. Не демонизируя его личность и не отрицая всего положительного, что было им сделано на посту министра финансов, следует признать, что к началу XX в. он стал самой опасной фигурой для стабильности Российской Империи. Для того чтобы понять причины этого, следует определить, каковы были цели Витте. Первой и главной его целью была личная власть, которую он видел как почти диктаторскую. При этом способы, какими Витте стремился добиться этой власти, были далеки от легальных. Второй целью Витте была поддержка его финансово-экономических интересов со стороны государства, которые часто шли вразрез с планами и реформами Императора Николая II. Исследователь С. В. Фомин полагает: *«В общей сложности Витте был министром финансов*

около 11 лет. Почти всё это время министерство финансов пыталось манипулировать Правительством, под которым следует понимать, прежде всего, Государя. Именно в непрозрачности перед Государем и политической нечистоплотности самого Витте и состояла вся проблема. Но сам Сергей Юльевич был в России лишь первопроходцем глобальной системы, в которой всё решали деньги международной банкирской мафии»^[1259].

Витте хотел модернизации российской экономики, подчинив её иностранным банкам. Государь, наоборот, хотел использовать иностранные банки для модернизации русской промышленности, которая при этом должна была оставаться независимой и конкурентоспособной. А. А. Половцов, общаясь с близкими ко Двору источниками, слышал от них, что Витте отмечен «в пристрастии к иностранным капиталам, в покровительстве евреям, в допущении нерусских подданных устраивать промышленные предприятия России, что называется отдавать иностранцам русские богатства»^[1260]. Естественно, Витте действовал не в одиночку и не сам по себе. Ещё при Императоре Александре III, став министром финансов, он занялся реорганизацией Института коммерческих агентов возглавляемого им министерства, который до его прихода влачил жалкое существование. Первым делом он открыл агентство в Вашингтоне и вступил в прямые контакты с ведущими американскими банкирами. Затем были открыты агентства в Константинополе, Брюссе-

ле, Иокагаме. В октябре коммерческие агенты были переименованы в агентов министерства финансов и приравнены к составу русских посольств и миссий, с распространением на них тех же прав и преимуществ, которыми пользовались за границей военные и морские агенты^[1261]. На должности финансовых агентов Витте, естественно, расставлял своих людей. Крупный чиновник министерства финансов и член правления Русско-китайского банка, камергер А. В. Давыдов, утверждал, что у Витте во всех крупных иностранных центрах были свои корреспонденты в лице первоклассных банков и банкиров^[1262]. В частности, в Германии Витте был тесно связан с банковским домом Мендельсонов. Был знаком Витте и с кланом Ротшильдов, и с главой банкирского нью-йоркского дома Я. Шиффом. Однако международных капиталистов весьма беспокоили темпы роста энергетической мощи России, её уверенное движение на Восток, которое могло решить главные задачи российской геополитики и сделать из неё независимую от внешних факторов экономическую державу. Представители транснационального капитала, в отличие от русских революционеров, прекрасно понимали, что займы, которые брала Россия, в конечном счете служили ее могуществу. Отечественные экономисты той эпохи остро критиковали политику Витте за долговую зависимость от европейского денежного рынка, упрекая главу финансового ведомства *«за занимание за границей денег направо и налево, на всяких условиях, лишь бы сводить концы с*

концами и уравнивать всегда невыгодный для нас расчётный баланс»^[1263]. Но вместе с тем экспертами признавалось, что долговое бремя не угрожает статусу России как великой державе и вообще не является слишком тяжелым по сравнению с другими европейскими странами. На рубеже XIX – XX вв. во Франции, например, связанные с госзаймами платежи составляли более 30 % расходной части бюджета, в Англии – около 20 %, тогда как в России – менее 15 %^[1264].

Во влиятельных европейских и американских финансовых кругах всё больше склонялись к мнению, что Россию надо остановить, пока она не набрала недостижимой высоты. Наилучшим решением для достижения этой цели, было свержение или замена Царя. В этом плане олигархический капитал, безусловно, имел своим союзником Витте, да и не только его. Великокняжеский клан «Владимировичей» никогда не оставлял надежды посадить на престол кого-нибудь из своих представителей. В день смерти Императора Александра III товарищ министра Н. П. Шишкин рассказывал В. Н. Ламздорфу, что в войсках имеется какое-то движение, которое склонно провозгласить императором Великого Князя Владимира Александровича, а не «малоизвестного Наследника Цесаревича»^[1265]. В 1900 г. в разговоре с Императором Николаем II К. П. Победоносцев сообщил, что Великая Княгиня Мария Павловна строит планы, чтобы женить Великого Князя Михаила Александровича на своей дочери Великой Княжне Елене Владимировне, которая приходилась

«жениху» двоюродной сестрой. Услышав эту новость, Государь сказал: *«Да ведь это не по закону»*^[1266].

Однако для Марии Павловны, по словам Победоносцева, «никакие законы» были не писаны. Тесно общаясь с Витте, она знала, что тот не оставил своих намерений в отношении Михаила Александровича. В октябре 1902 г. министр юстиции Н. В. Муравьев в беседе с генералом А. Н. Куропаткиным говорил о планах воцарения брата Государя как о вполне реальном развитии событий. Относился он к ним, правда, скептически: *«Перемена царствования и вступление на престол Михаила Александровича будет для России тяжело. Михаил Александрович ограниченный человек, с большим, правда, характером, чем наш Государь, но менее его способный к государственному управлению. На Михаила Александровича имеет теперь огромное влияние Витте, что с переменой царствования Витте станет временищиком и поведёт Россию к гибели. Витте безграничный честолюбец. Он не имеет никаких принципов, но всё же имеет совесть – “бандита”. Он допускает все средства, дабы достигнуть своих целей. Все его разговоры об уходе – пустые слова, что он, благодаря своей жене, еврейке чистой крови, Матильде, заключил тесный союз с евреями и опутывает Россию. В экономическом отношении это опасный для России человек, и чем скорее он оставит пост министра финансов, тем лучше. Инспирируемый своей Матильдой он тоже ненавидит Государя. В своей ненависти он, неразборчивый в средствах,*

может зайти очень далеко. В его руках евреи, в его руках особые органы своей тайной полиции. Муравьев и ранее намекал мне, что в происходящих внутри России волнениях он готов заподозрить Витте. Он готовится, если бы была перемена царствования, захватить власть в свои руки. У него масса своих людей, всюду организовано своё влияние»^[1267].

Витте в разговорах постоянно подчёркивал, что Великий Князь Михаил Александрович, которого министр финансов не уставал всячески публично восхвалять, крайне недоволен существующими порядками. Витте приводил слова, якобы произнесённые Великим Князем в отношении Государя: *«Он своего мнения никогда не высказывает и слушает только гадких людей!»^[1268]*

Трудно сказать, произносил или нет Великий Князь эти слова. Однако, зная его слабую и подверженную влияниям натуру, можно предполагать, что нечто подобное он сказать мог. Здесь важнее другое, что, нахваливая на все лады Великого Князя Михаила Александровича, Витте на самом деле считал его *«как по уму, так и по образованию значительно ниже способностей своего старшего брата Государя Императора»^[1269].*

1902 г. начался с прямой и доселе невиданной атаки на Государя. 13 января газета «Россия» опубликовала первую главу фельетона А. В. Амфитеатрова «Господа Обмановы». Автор фельетона, сын крупного богослова протоиерея Валентина Амфитеатрова, настоятеля Архангельского собора

Московского Кремля, был членом масонской ложи «Космос» (с 1905 г.)^[1270] и совместно с журналистом В. М. Дорошевичем являлся создателем той самой газеты «Россия», в которой был напечатан фельетон. Финансистами газеты были купцы-раскольники С. И. Мамонтов и С. Т. Морозов, сыгравшие видную роль в гибели русской Монархии.

Под семьёй помещиков Обмановых Амфитеатров изобразил Царскую Семью. Умерший помещик «Алексей Алексеевич» – покойный Император Александр III, молодой глуповатый помещик «Никола-Милуша» – Император Николай II, властная помещица «Марина Феликсовна» – Вдовствующая Императрица Мария Феодоровна.

Россия у Амфитеатрова выведена как две деревни: Большие Головотяпы и Обмановка. Сами Обмановы самодуры, держащие свою деревню в нищете и грязи. Амфитеатров одним из первых ввёл лживый миф о неподготовленности Императора Николая II к царствованию: *«Сын Алексея Алексеевича, новый и единственный владелец и вотчинник Больших Головотяпов, Никандр Алексеевич Обманов, в просторечии Ника-Милуша, был смущен более всех. Это был маленький, миловидный, застенчивый молодой человек, с глазами то ясно-доверчивыми, то грустно-обиженными как у серны в зверинце. Перед отцом он благоговел и во всю жизнь свою ни разу не сказал ему нет. <...> Сидел Ника-Милуша в Больших Головотяпах, Обмановке тож, безвыходно, безвыездно. И, тем не менее, к хозяйству не приучился, ибо тео-*

риш-то дворянско-земельные старик хорошо на словах развивал, а на практике ревнив был и ни к чему дельному сына не допускал»^[1271].

Вечером 14 января Государь показал газету с фельетоном протоиерею Иоанну Янышеву со словами: *«Прочите, как пишут нашу биографию»^[1272]*. Когда Сипягин стал осторожно докладывать Императору о принимаемых против газеты и фельетониста мерах, Государь сказал: *«Я прочёл эту гадость. Почему вы мне об этом не доложили?»* Сипягин сказал, что не считал это возможным, но меры были приняты немедленно.

Распоряжением Сипягина газета «Россия» была закрыта, а Амфитеатров был сослан в Минусинск. Многие люди в России осудили амфитеатровский фельетон. Брат А. П. Чехова, Александр Павлович, сообщал брату в письме из Петербурга от 17 января 1902 г.: *«...Амфитеатров напечатал фельетон: “Семейство Обмановых” – глупый и бессодержательный, который публика читала с недоумением. Но когда догадались под “Обмановыми” понимать “Романовых”, то фельетон получил другой колорит – подлого пасквиля – направленного в интимную сторону Царской семейной жизни»^[1273]*.

Великий русский педагог С. А. Рачинский писал К. П. Победоносцеву 18 января 1902 г. по поводу фельетона: *«Дерзость действительно беспримерная, заслуживающая и не такого наказания. Надеюсь, что, по крайней мере, запре-*

тят окончательно газету, отважившуюся на такой поступок. Еще одно отвратительное знамение времени» ^[1274].

Даже Максим Горький с возмущением отозвался о творчестве Амфитеатрова. 25 января 1902 г. он писал книгоиздателю К. П. Пятницкому: *«Амфитеатрова фельетон – пошлость, плоское благерство. Думаю, что сей синьор тиснул эту штуку по такому расчету: была у них в “России” помещена статья по поводу 25-летия в чинах Д. Сипягина. Статья – лакейская. Пожелали – реабилитацию устроить себе в глазах публики. И – вот. Я рад, что Амфитеатрова послали в Иркутск, быть может, он там будет серьезнее»* ^[1275].

Но русское общество в целом, вместо того чтобы возмутиться наглой и оскорбительной выходке Амфитеатрова в отношении Главы государства, стало с ажиотажем искать возможность прочесть фельетон. Номер газеты с первой главой «Обмановых» в несколько дней сделался библиографической редкостью и продавался по 25 рублей. Один московский владелец газетного киоска, прочитав фельетон, когда газета пришла из Петербурга, догадался, что завтра этот номер будет в огромном ходу, и поторопился скупить все экземпляры «России». Продавая эти номер по 10 рублей за номер, этот купец нажил в один день десять тысяч рублей. Фельетон Амфитеатрова был передан за границу и широко распространялся во Франции, Англии и Германии.

5 февраля 1902 г. Государю по рекомендации К. П. Победоносцева был представлен Н. М. Павлов, автор «Русской

истории до новейших времен», который предупредил Государя, что России скоро придётся пройти через многие перипетии. Николай II посмотрел на Павлова и несколько раз повторил: «*Бог милостив*»^[1276].

2 апреля 1902 г. боевик партии эсеров, недоучившийся студент Киевского университета, выгнанный оттуда за «политику», С. В. Балмашёв^[1277], убил министра внутренних дел Д. С. Сипягина, который руководил расследованием убийства Н. П. Боголепова, а также покушением на К. П. Победоносцева, которое неудачно совершил из револьвера 8 марта 1901 г. статистик Самарского губернского ведомства Н. К. Лаговский.

Государственный секретарь Российской Империи С. Е. Крыжановский, давая оценку убиенному, писал: «*Дмитрий Сергеевич Сипягин был человек цельный и крупный. Это был прямой потомок той Московской знати, полурусской-полутатарской, крепкой телом и духом и твёрдой в вере и в преданности Царю, которая строила Великорусское государство. Это был, как кто-то удачно сказал, последний боярин Московской Руси*»^[1278]. В то же время Сипягин последовательно поддерживал развитие различных форм государственно-общественного взаимодействия. Так, например, в качестве члена Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности он был инициатором работы губернских и уездных комитетов по выяснению нужд сельского хозяйства, осуществивших колоссаль-

ную работу по подготовке реформы. Сипягин был одним из ближайших и наиболее преданных сотрудников Государя, с 1895 г. являясь Главноуправляющим Канцелярии Его Императорского Величества по приему прошений на Высочайшее Имя. Кроме того, министр внутренних дел был одним из разработчиков реформы народного образования. Поэтому убийство Д. С. Сипягина было сильным ударом по самому Царю^[1279]. В этот день Государь записал в дневнике: *«Печальный день. Тотчас по окончании завтрака узнал от Гессе и И. Н. Дурново, что Сипягин тяжело ранен двумя пулями, когда он входил в здание Государственного Совета. Через час он скончался. Трудно выразить, кого я потерял в этом честном преданном человеке и друге. На всё воля Божия, и все мы в руках Его; нужно со смирением и твердостью переносить испытания, ниспосылаемые Господом для нашего блага»*^[1280]. Из письма Императора к матери видно, как тяжела была для него потеря Сипягина: *«Моя милая дорогая Мама! Пишу Тебе под самым грустным впечатлением от убийства дорогого Сипягина. <...> Для меня это очень тяжёлая потеря, потому что из всех министров ему я доверял больше всего, а также любил его как друга. Что он исполнял свой долг честно и открыто – это все признают, даже его враги. Минута теперь серьёзная, надо действовать без малейшего колебания. <...> Душою я совершенно спокоен и уверен в себе, разумеется, всецело приписывая это состояние милости Божией. Господь поставил меня на трудное*

место; я твёрдо верю, что Он поэтому не оставит меня без Своего благословения и помощи»^[1281].

Граф С. Д. Шереметев вспоминал, что Николай II особенно тяжело переживал гибель Сипягина: «*“Никто мне его не заменит”, – сказал Государь возбуждённым голосом, и мы невольно переглянулись взволнованно*»^[1282]. 4 апреля Государь и Государыня присутствовали на отпевании Д. С. Сипягина в Александро-Невской лавре.

Врач Н. А. Вельяминов, присутствовавший при кончине министра, вспоминал: «*Поздно ночью возвращаясь домой, пытаюсь заснуть после дороги и этого кошмарного дня; но не спится, в дремоте мне все слышится шепот умирающего Сипягина: “Скажите Государю, что я умираю за Него и за Россию”, и страшно делается за Россию... <...> Революционеры хорошо знали, кого они убивают, избирая свою жертву из числа приближенных Императора Николая II. <...> Государь потерял в нем очень много – истинного, верного и действительно преданного слугу. Сипягин принадлежал к тому типу людей, кои были так нужны Государю Николаю Александровичу и коих вокруг него почти не было*»^[1283].

Для Витте Сипягин был ценен совсем по другим соображениям. Врач Н. А. Вельяминов, оказавший последнюю медицинскую помощь умирающему Сипягину, свидетельствовал: «*Должен сказать, что Сипягин и Витте были большими друзьями. Особенно дорожили этими отношениями С. Ю. Витте и его жена, и это было вполне понятно. Си-*

пьягина Государь считал “своим”, любил его и верил ему. К Витте у Государя доверия всегда было мало, и С.Ю. отлично знал это. Поэтому влияние Д.С. на Государя и дружба с Сипягиным были нужны Витте. При этом Д.С. был не особенно умен, ему нужен был советник более искусный в интригах, чем он сам»^[1284].

Однако думается, что эта причина надуманная. Честный и преданный Государю Сипягин не мог не мешать планам Витте. Как показали последующие события, тот сам метил на должность министра внутренних дел. В связи с этим примечательно, что руководитель эсеровской Боевой организации Г. А. Гершуни первоначально поручил убийство Сипягина исключенному из Киевского университета студенту А. Д. Покотилову, выходцу из богатой дворянской семьи. Его брат, Д. Д. Покотиллов, был членом правления Русско-Китайского банка и ближайшим сподвижником Витте на Дальнем Востоке^[1285]. Вполне возможно, что эти факты не являются простым совпадением.

Убийство Д. С. Сипягина вызвало в некоторых кругах настоящую панику. На Государя посыпались советы «показать силу», «быть жестоким». Великая Княгиня Елизавета Феодоровна писала Николаю II 3 апреля 1902 г., то есть на следующий день после убийства Сипягина: «*Ники, дорогой, ради Бога, будь сейчас деятелен, может статься, нас ждут и другие убийства, и как положить конец террору? <...> О, неужто этих скотов нельзя судить военно-полевым судом?*»

*И пусть вся Россия знает, что за такие преступления ка-
рают смертью»^[1286]. К сожалению, если даже близкие стали
позволять себе поучать Самодержавного Царя и «отдавать
приказания», то что же говорить об остальных?*

В. К. Плеве против Витте, земская оппозиция и крестьянский вопрос

4 апреля 1902 г. Государь назначил на должность ми-
нистра внутренних дел действительного тайного советника
В.К. фон Плеве. Сделал он это, разумеется, не под влиянием
письма Елизаветы Феодоровны, а потому, что уже давно об-
ратил внимание на умного и деятельного чиновника, кото-
рый с 1899 г. исполнял обязанности статс-секретаря Велико-
го Княжества Финляндского. В письме к Вдовствующей Им-
ператрице Николай II писал: «Сегодня я призвал к себе Пле-
ве, долго говорил с ним и предложил ему быть преемником
Сипягина. Завтра 5-го он будет назначен министром внут-
ренних дел. К счастью, он отлично знает все внутренние де-
ла, будучи товарищем при Дурново»^[1287]. Назначая Плеве на
должность министра внутренних дел, Государь сказал: «Те-
перь нужна не только твёрдость, но и крутость. Всё долж-
но оставаться, как было при Сипягине»^[1288].

Плеве изложил Государю своё видение ситуации: он не ве-
рил в постоянный рост революционного движения, русский
народ предан престолу, недовольство среди отдельных групп

населения вызвано хитроумными кознями и подстрекательством кучки злонамеренных лиц, которых надо обезвредить. Для этого надо качественно усилить полицию, обновить ее методы работы, расширить ее полномочия, увеличить финансирование. Все преступные выходки социалистов, считал Плеве, совершаются по приказу зарубежных финансовых воротил, ищущих в России дешевую сырьевую базу. Нужно повысить качество и работу агентуры за границей. Император Николай II предоставил Плеве широкие полномочия. Большое внимание было уделено Заграничной агентуре, управляющим которой был назначен Л. А. Ратаев.

У Витте и Плеве были совершенно противоположные взгляды на приоритеты внутренней политики. Их противоречия остро проявились на Особом совещании о нуждах дворянского сословия, которое было созвано Высочайшим повелением в 1897 г. Император Николай II был весьма обеспокоен судьбой дворянства, которое сильно пострадало от буржуазных реформ конца XIX столетия и которое продолжало оставлять свои позиции в XX в. под натиском промышленного капитала. Витте исходил исключительно из интересов тяжёлой и крупной промышленности, совершенно не учитывая и не желая учитывать интересы сельского хозяйства. Вл. И. Гурко считал, что Витте *«признавал едва ли не всех русских землевладельцев за расточителей, не способных не только увеличить общее богатство страны, но даже удержаться от личного разорения. Что же касается*

значения русского дворянства как служилого сословия, то он склонен был смотреть на него с интеллигентской точки зрения, разделяемой в последнее время и промышленным классом, а именно как на паразитов, пользующихся неоправданными привилегиями. Совершенно упускал он при этом из виду, что тут вопрос шел не о привилегиях, а о том, что при всех своих недостатках это был единственный слой, обладавший государственным пониманием вещей»^[1289].

Витте был законченным западником, который считал, что у России и государств Западной Европы одинаковый путь развития, а значит, Россия должна «преодолеть» дворянство и идти к капитализму. Поэтому Витте полагал, что Самодержавие есть организм внесословный, а потому ему незачем поддерживать специально дворянство. Витте пытался даже убедить Государя не созывать Особого совещания по этому вопросу. Однако Николай II не согласился с Витте, и совещание было созвано.

В свою очередь Плеве считал рассуждения Витте о мировых законах общественного развития несерьёзными, годными разве что «для университетов». Россия, утверждал Плеве, имеет свой особый путь развития, который обязательно преодолеет «гнёт капитала и буржуазии», а потому надо всецело поддерживать и укреплять дворянство. В связи с этим он считал, что Правительство должно ставить во главу угла не экономические, а политические цели. В чём-то Плеве был прав, в чём-то ошибался. Но самое главное, он, в отличие от

Витте был глубоко предан Государю и делу, которое тот ему поручил. Тот же Вл. Гурко говорил про Плеве, что тот *«отнюдь не был индифферентом, он искренне и глубоко любил Россию, глубоко задумывался над ее судьбами, сознавал всю тяжесть того кризиса, который она переживала, и добросовестно стремился найти выход из него»*^[1290]. К тому же новый министр был православный церковный человек, строго соблюдавший посты и выстаивавший длинные монастырские службы. Это сильно раздражало чиновничье окружение Государя.

7 апреля Плеве, принимая у себя высших чиновников вверенного ему министерства, заявил: *«Исторический смысл нашего времени столь глубок, значение общественных событий, нами переживаемых, так велико, что созданное нами положение требует не слов, а дела. В порученном нам Государевом деле приглашаю вас на разумную, благожелательную и спокойную работу, требую честного и умелого сотрудничества»*^[1291].

К тому времени Николай II уже во многом критически относился к Витте. В лице Плеве он нашёл верного человека и сильного администратора, образ мыслей которого был весьма ему близок. Правительство заявило о необходимости охраны частного землевладения и особенно уделило внимание «мелким и средним дворянским землевладениям».

Витте, чувствуя, что его влияние при Дворе неуклонно падает, стал выступать против «полицейского произвола», ра-

товать «за увенчание купола Великих реформ», о Земском соборе, участии земств в жизни государства, то есть ровно противоположное тому, чему он придерживался раньше.

Однако имеются сведения, что оппозиционная деятельность Витте не ограничивалась интригами и заигрыванием с земствами. Один из членов «Безобразовской группы», В. М. Вонлярлярский, утверждал, что Витте готовил государственный переворот и с этой целью *«старался дискредитировать Самодержавие, в надежде очутиться, после переворота, президентом Российских соединённых штатов и ненавидел Государя, что можно усмотреть, прочитав его “Воспоминания”»*^[1292]. Далее Вонлярлярский вспоминал: *«Из доходивших до меня сведений из разных источников, мне было очевидно, что деятельность министра финансов ведёт к революции, и что руководство революционными организациями, а также денежные средства идут из заграницы»*^[1293].

С 7 марта по 3 апреля 1902 г. в Полтавской и Харьковской губерниях прокатилась волна крестьянских бунтов. Грабили не только помещиков, но и своих собратьев по общине. Современник тех событий, Вл. И. Гурко, писал: *«Характер этих беспорядков был самый дикий: грабили не только помещичьи усадьбы, но и зажиточных казаков, при этом грабили не только хлеб, живой и мертвый инвентарь, но даже дома растаскивали по бревнам; при грабеже земской больницы утащили тюфяки из-под больных»*^[1294].

В докладе Государю Плеве сообщал: *«При происходивших*

в начале весны в некоторых местностях Константиноградского и Полтавского уездов Полтавской губернии, а также Валковского и Богодуховского уездов Харьковской губернии беспорядках толпы крестьян, нередко в несколько сот человек, совершили ряд открытых нападений на усадьбы помещиков и богатых казаков; крестьяне отбирали зерно, картофель, зерновые запасы и сельскохозяйственные орудия, угоняли скот, разбирали и уносили по частям заводские машины, разбивали амбары и другие экономические постройки, грабили движимость, разоряли жилые дома и несколько усадеб сожгли. Нанесенный владельцам материальный ущерб исчисляется примерно в 1 500 000 рублей»^[1295].

Всего в Полтавской губернии было ограблено 64 имения, а в Харьковской губернии – 27 имений^[1296]. Примечательно, что в районах беспорядков «было много крестьян, получивших “дарственные” наделы при освобождении – они не платили выкупных платежей, но зато имели очень малые участки земли. Благодаря подворному владению, местное крестьянство было более зажиточным, чем в центральной и восточной России, но вражда к помещикам, “панам” была, пожалуй, заметнее, чем в великорусских областях»^[1297].

Во многом эти беспорядки стали результатом эсеровской пропаганды. Видный сотрудник Отдельного корпуса жандармов генерал А. И. Спиридович свидетельствовал: «Пропаганда среди крестьян, начатая в губерниях Тамбовской, Пензенской, Саратовской и Полтавской, в 1902 году усилилась

и охватила и другие районы. Весною 1902 года вспыхнули известные беспорядки в Полтавской и Харьковской губерниях. Беспорядки возникли на экономической почве, но обострению их много способствовала та революционная пропаганда, которую вели в Полтавской губернии члены “Украинской революционной партии” и, отчасти, как уже было указано, члены “Партии социалистов-революционеров”, во главе с Брешко-Брешковской»^[1298].

Однако Николай II хотел знать точную и объективную картину причин крестьянских волнений. 26 мая 1902 г. Государь поручил своему доверенному лицу князю В. П. Мещерскому, чтобы он «*поехал по России в течение лета*» и «*непременно мне писал о виденном и слышанном*»^[1299].

Поездка князя Мещерского привела его в уныние. Он писал Плеве 14 июля 1902 г.: «*Везде, где приходилось бывать, я испытывал какое-то странное впечатление от контраста между серьезными потребностями власти и порядка нынешней острой минуты и почти опереточными средствами к их удовлетворению. Губернатор, вне положений усиленной охраны ничего не могущий своею нормальною властью, нищета в области средств для полицейского розыска, жалкий штат полиции в городе, а в уезде один исправник с несколькими становыми и с урядником на волость, без гроша на розыск, — и все это вместе составляет управляющую и охраняющую силу русского государственного управления в минуту, когда всякая волость закидывается прокламациями, ко-*

гда всюду снуют агитаторы, когда со всех сторон копошатся люди с целью подкапывать государственное здание»^[1300].

Князь полагал, что «если завтра, дать каждому губернатору по 2000–3000 казаков, то послезавтра не только успокоятся крестьянские нервы, но успокоятся либералы и смирятся даже прокуроры и духи м[инистерст]ва финансов» (имелся в виду Витте)^[1301]. Государь, ознакомившись с мнением Мещерского, писал ему 8 августа 1902 г.: «Мысль о военных кандидатах на губернаторские посты и присутствии казаков в каждом большом городе мне кажется полезною и необходимою»^[1302].

Однако Государь понимал, что одними полицейскими мерами не справиться. В крестьянских волнениях были глубокие социальные предпосылки, по которым революционная пропаганда была воспринята некоторой частью крестьянского мира. Несмотря на стремительные темпы индустриализации, Россия оставалась в основном аграрной страной. Согласно переписи населения 1897 г., крестьянство составляло 84,1 % от населения Европейской России и 77,1 % от всего населения Империи. Основой крестьянского уклада жизни была община, по правилам которой жило 77,2 % крестьянских дворов^[1303]. Процессы индустриализации российской промышленности и капитализация экономики сильно изменили лицо общины, которая утрачивала свои первоначальные черты^[1304].

Число рабочих-мигрантов, то есть крестьян, уходивших

в город и возвращавшихся в деревню, постоянно росло: в 1871 г. оно составляло 42 %, а в 1900 г. – 63 %, в Москве эта цифра составляла в 1902 г. 67 %^[1305]. Крестьянин, заработавший деньги в городе, мог купить лавку, мельницу, кузницу, мог давать деньги в долг, мог арендовать землю. В деревне стало появляться все больше зажиточных, а то и просто богатых крестьян. На этом фоне происходило не только материальное, но и духовно-нравственное расслоение крестьянства. В соседе-дельце, наживающемся «грехом», «природный» русский крестьянин видел укор своему праведному труду на земле, так как праведный труд в лучшем случае мог обеспечить достаток, а богатство – никогда^[1306].

Но если у одних крестьян возникало чувство несправедливости от обогащения одних и обнищания других, чувство, что все делается «не по-божески», то у других, особенно у молодого поколения, вкусившего умения зарабатывать деньги, наоборот, зрело чувство протеста против общинных методов хозяйства, против авторитаризма сельских вожаков. Зарабатывающий крестьянин не хотел, согласно общинным правилам, делиться заработанным рублем. Новое поколение крестьян все больше воспринимало методы капиталистического хозяйствования, ему все больше мешали общинные устои. Поэтому утверждение д. ист. н. И. Я. Фроянова, что борьба крестьянства в начале XX в. *«есть борьба против капиталистической частной собственности»*, представляется нам неверным. Точно так же неверным является утвержде-

ние того же автора, что «*русские крестьяне не хотели быть земельными собственниками*»^[1307].

Одним из самых болезненных вопросов крестьянской жизни было существование круговой поруки, то есть когда вся деревня отвечала при сборах налогов за каждого крестьянина, в том числе и за неплательщика. Бывали случаи, когда имущество всей деревни продавалось (естественно, за бесценок) ради покрытия недоимки нескольких хозяев. Круговая порука обеспечивала искусственную связь между хозяйствами, каждое из которых иначе развивалось бы самостоятельно. Время требовало индивидуализации налоговой системы^[1308].

Вторым болезненным вопросом крестьянской жизни было безземелье. Демографический взрыв в деревне конца XIX – начала XX в. привёл к коренному изменению крестьянского народонаселения. Если в 1891–1895 гг. численность крестьянства в европейской части России равнялась 80 295 тыс. человек, то в 1896–1900 гг. она выросла до 86 582 тыс. человек, то есть прирост составлял 6 287 тыс. человек, или 7,8 % в год^[1309]. Исключительно высокие темпы рождаемости и одновременно дробление крестьянских хозяйств привели к тому, что в Европейской России возникла острая нехватка крестьянской земли. Этому сопутствовало падение цен на хлеб, вызванное завозом в Россию иностранного зерна. Оно привело к окончательному упадку дворянского землевладения и одновременно нанесло сильный удар

по крестьянскому. Дворянское и крестьянское земледелия по-прежнему были связаны друг с другом, но капиталистические веяния привели к тому, что дворянское земледелие гибло, крестьянское принимало новые формы.

29 августа 1902 г. Государь отбыл в Курск, где проходили крупные военные учения. Однако помимо них, Николай II решил напрямую обратиться к крестьянам, чтобы, с одной стороны, дать оценку их участию в беспорядках, а с другой – показать, что Царь знает их нужды. Государь поручил набросать ему *«несколько слов, которые я хотел бы сказать волостным старшинам в Москве или Курске. Для народа и язык должен быть простой и вразумительный...»*^[1310]

Во время представления делегации крестьянских старшин и сельских старост в Курске Государь сказал: *«Весною в некоторых местностях Полтавской и Харьковской губерний крестьяне разграбили соседние экономии. Виновные понесут заслуженное наказание, а начальство сумеет, Я уверен, не допустить на будущее время подобных беспорядков. <...> Помните, что богатеют не захватами чужого добра, а от честного труда, бережливости и жизни по заповедям Божьим. Передайте в точности всё, что Я вам сказал, вашим односельчанам, а также и то, что действительные их труды Я не оставляю своим попечением»*^[1311].

Вместе с тем в речи, обращенной к курскому дворянству, Государь признавал, что сельское хозяйство переживает глубокий кризис: *«Я знаю, что сельская жизнь требует особо-*

го попечения. Дворянское землевладение переживает тяжелое время; есть неустройства и в крестьянском; для устранения последних, по моему повелению, в министерстве внутренних дел соображаются нужные меры»^[1312].

Эти слова не были пустым звуком. Император Николай II никогда не пренебрегал проблемами сельского хозяйства и всякий раз поправлял тех, кто выступал только за развитие промышленности. Государь по этому поводу как-то сказал: *«Если одна нога будет расти больше, а другая меньше, то ведь человеку ходить будет нельзя»^[1313]*. Уже манифестом 14 ноября 1894 г. Крестьянскому банку было выделено 50 млн руб. для закупок земли. 24 ноября 1895 г. Государь утвердил новый Устав Крестьянского банка, предоставивший ему право покупки помещичьей земли за свой счет и перепродажи ее крестьянам. Законом 2 июня 1900 г. было разрешено продавать крестьянам земли должников Дворянского банка. На губернаторских отчетах за 1902 г. Царь указывал на то, что *«необходимо поставить деятельность Крестьянского банка в ближайшую и теснейшую связь с землеустроительною политикою»*, и требовал *«ускорить пересмотр Положения о Крестьянском банке совместно Министерствами внутренних дел и финансов»^[1314]*.

Осознавал Государь необходимость ликвидации крестьянской общины. На губернаторском отчете за 1897 г., в котором утверждалось, что упразднение общины *«послужило бы к подъему нравственности и благосостояния дерев-*

ни», Николай II написал: *«И я в этом вполне убеждён»*. Но, соглашаясь с тем, что община *«может быть только терпима как наследие старины»*, на губернаторском отчете за 1900 г. он сделал важную оговорку: *«Все это так; но я никогда не решусь покончить с общиной одним росчерком пера»*^[1315]. В этих словах заключается главная черта Государя как преобразователя: реформы для блага народа, а не народ для успеха реформ.

22 января 1902 г. Император принял решение о создании Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности. При этом Николай II поставил во главе совещания министра финансов С. Ю. Витте. Государь повелел Витте *«действовать в полном единомыслии с Плеве»*. В состав совещания входили министры и специалисты-практики. Земцы на Особом совещании не присутствовали. Назначение Витте, не любившего и не понимавшего вопросы сельского хозяйства, не могло не вызвать возмущения земских кругов. Там решили воспользоваться моментом после убийства Сипягина и начавшимися крестьянскими волнениями для проведения своих собраний^[1316]. Но в земском движении не было единодушия. Часть земцев, такие как Д. Н. Шипов, стояли на позиции «почвенников» и выступали за реорганизацию органов самоуправления, исходя из национальных особенностей России. Другая часть земцев примкнула к либеральной оппозиции. Между тем такие либералы, как П. Б. Струве, П. Н. Милюков, Б. Н. Чичерин, которые

говорили о своей близости к земскому движению, на деле лишь использовали земства для своих конституционалистских требований. Либералы отстаивали реформы по западному образцу.

Не все земские деятели были согласны со взглядами либералов. Основным их требованием была конституция, а подавляющая часть земцев в ту пору не выдвигала этого требования, а лишь стремилась расширить свои права и участвовать в законодательной деятельности с целью не допустить полного, по их мнению, преобладания во власти буржуазии. «Освобождение» стало рупором лишь определенной конституционалистской части земского движения.

С 23 по 26 мая 1902 г. в Москве на квартире председателя местной губернской земской управы действительно статского советника Д. Н. Шипова произошли совещания 45 председателей и членов земских управ, многие из которых были предводителями местного дворянства. Инициатором этого совещания была Курская губернская земская управа. На этом совещании земская оппозиция и предводители дворянства фактически представляли собой единое целое. Достаточно посмотреть на список участников этого совещания, чтобы понять всю степень слияния земской оппозиции с предводителями дворянства: участник от Бессарабской губернии барон А. Ф. Стюарт, председатель земской губернской управы; от Вологодской губернии – В. А. Кудрявый, председатель земской губернской управы; от Костром-

ской губернии – В. С. Соколов, член земской губернской управы; от Нижегородской губернии – А. А. Савельев, председатель земской губернской управы; от Новгородской губернии – Н. Н. Сомов, председатель земской губернской управы; от Орловской губернии – С. Н. Маслов, председатель земской губернской управы; от Симбирской губернии – князь С. М. Баратаев, председатель земской губернской управы; от Смоленской губернии – И. Г. Полуектов, член земской губернской управы; от Курской губернии – князь Петр Дмитриевич Долгоруков, председатель земской губернской управы; от Московской губернии – князь Павел Дмитриевич Долгоруков, член земской губернской управы^[1317].

«Предметом обсуждения собрания, – докладывал Государю В. К. Плеве, – был вопрос об отношении земств к обращению Особого Совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности с требованиями о доставлении необходимых ему материалов не к земским учреждениям, а к особо образуемым для сего комитетам. Собрание внесло в выработку им программу суждение о том, что нужды сельскохозяйственной промышленности не могут быть удовлетворены определенными частными мероприятиями, а прежде всего, должны быть устранены общие тормозящие ее развитие условия. Программа наметила предоставление общественным учреждениям широкой возможности осуществления общедоступности народного образования, организа-

цию земского представительства вне зависимости от соображений сословных, приближение земских учреждений к населению, обеспечение за земством устойчивости и самостоятельности»^[1318].

Таким образом, главной целью собрания было стремление части дворянства отстоять аграрный курс развития экономики. Политическая составляющая звучала очень слабо и была призвана способствовать экономическим требованиям.

«Конституционалисты» приняли участие в работе земского «съезда», что позволило д. ист. н. Н. М. Пирумовой считать земский съезд не только акцией *«Шипова и шиповцев, но и согласованным и подготовленным мероприятием всего либерально-земского лагеря»^[1319]*. Требования земских совещаний сводились к следующему: *«дайте нам больше самостоятельности, чтобы мы могли развивать сельскохозяйственную промышленность»*. Отсутствие у земцев серьёзных политических требований подчеркивал и сам Плеве, когда писал, что *«происходившее собрание в г. Москве не позволило себе затрагивать вопрос о реформе государственного строя»^[1320]*.

Когда на стол генерал-губернатора Москвы Великого Князя Сергея Александровича легли данные об участниках совещания, он был поражен фактом участия должностных лиц в оппозиционной деятельности. Стало ясно, что земство из оппозиционных мечтателей становится оппозиционной силой. Великий Князь писал В. К. Плеве: *«В Москве,*

без ведома местной власти, произошли совещания земских деятелей и некоторых предводителей дворянства, созванных Председателем Московской Городской Управы Шиповым. Обстоятельство это требует, конечно, подробного расследования и объяснения, прежде всего самим Шиповым, своих действий, что и последует, вероятно, в ответ на запрос сделанный ему публично. Но и теперь уже, на основании имеющихся сведений нельзя не высказать удивления по поводу столь дерзкого поступка. Собранное Совещание по положению участвующих в нем лиц, вероятно, должно было иметь характер всероссийского Съезда земских деятелей и потому, конечно, собиралось для возбуждения вопросов не местного, общего характера. Генерал-адъютант Сергей»^[1321].

20 июня на Всеподданнейшем докладе Плеве рукою министра сделана следующая помета: «Государю Императору благоугодно было выразить по поводу сего съезда Высочайшее неудовольствие». Император повелел предупредить устроителей «съезда», что повторение подобных действий, а равно попыток земских собраний «перейти к обсуждению вопросов общегосударственного управления, повлечет за собой устранение избобличенных лиц от участия в общественных учреждениях»^[1322].

Как показали последующие события, влияние «конституционалистов» стало доминирующим во всем земском движении. Программу для «освобожденцев» составил и разрабо-

тал профессор истории П. Н. Миллюков, уже тогда активный противник Самодержавной власти и сторонник парламентаризма. Земцы, по законам Российской империи, действовали нелегально, и эта нелегальность будет с каждым годом всё больше становиться сутью либерально-земской оппозиции. «*”Легальная оппозиция” вступила на нелегальный путь!*» – замечал по этому поводу С. С. Ольденбург.

Николай II понимал всю необходимость кардинальных перемен в сфере сельского хозяйства. Более того, Государь считал, что следует немедленно, тотчас декларировать намерения Правительства в этом вопросе. С одной стороны, надо было успокоить крестьян, а с другой – выбить почву из-под ног революционной пропаганды. Император поручил министру внутренних дел В. К. Плеве, начальнику его канцелярии Д. Н. Любимову, исполняющему обязанности директора Департамента полиции А. А. Лопухину и начальнику Земского отдела МВД Вл. И. Гурко разработать проект манифеста, в котором было бы заявлено о Царском намерении исправить ситуацию в деревне. Витте был отстранён от участия в составлении манифеста. Работа над ним шла, по мнению Царя, слишком медленно. 25 февраля 1903 г. Плеве был вызван к Государю, который заявил, что ему угодно издать манифест немедленно, на следующий же день, в памятный день рождения Императора Александра III. 26 февраля 1903 г. Манифест был объявлен. В нём Царь выражал «*глубокое прискорбие*» происшедшими событиями, указав, что они стали ре-

результатом отчасти замыслов *«враждебных государственно-му порядку, отчасти увлечением началами, чуждыми русской жизни»*. Затем Николай II, *«требуя от всех исполнителей Нашей воли, как высших, так и низших, твёрдого противодействию всякому нарушению правильного течения народной жизни и уповая на честное исполнение всеми и каждым их служебного и общественного долга»*, объявил, что *«Мы с непреклонной решимостью незамедлительно удовлетворить, назревшим нуждам государственным, признали за благо...»* Далее шли положения, касающиеся мер по улучшению народного благосостояния. 1. Принять меры по улучшению благосостояния сельского православного духовенства. 2. Направить деятельность Дворянского и Крестьянского поземельного банков к укреплению и развитию благосостояния поместного дворянства и крестьянства. 3. Передать на места Высочайшие положения по пересмотру сельскохозяйственного законодательства, для дальнейшей их разработки и согласования с местными особенностями в губернских совещаниях при ближайшем участии достойнейших деятелей, *«доверием общественным облеченных»*. В основу этих трудов положить неприкосновенность общинного строя крестьянского землевладения, изыскивая одновременно способы к облегчению отдельным крестьянам выхода из общины. 4. Принять безотлагательно меры к отмене стеснительной для крестьян круговой поруки^[1323].

Православный мыслитель Д. А. Хомяков в своей *«Запис-*

ке о наделении (По поводу Высочайшего Манифеста от 26 февраля 1903 года)» полагал, что Николай II восстановил «естественный порядок», утраченный в Петровскую эпоху. Автор утверждал, что древнерусский уклад, базировавшийся на единении Самодержавия с народом, был сломан при Петре и заменен «началом абсолютного личного усмотрения». Это обусловило отрыв власти и интеллигенции от простолюдинов. «Громадное значение манифеста 26 февраля», по Хомякову, состояло именно в том, что он возвращал страну к «исконным идеалам русского общественного государственного строя», к ориентации на народ, «которого и Правительство, и общество должны быть лишь представителями»^[1324].

12 марта 1903 г., то есть через две недели после выхода Манифеста, вышел Закон об отмене «круговой поруки». Коллективная ответственность крестьян по уплате налогов сменилась ответственностью индивидуальной. При этом сохранялся порядок внутриобщинной развёрстки, контролируемой податным инспектором. Решиться на это Государю было очень непросто. «Отмена круговой поруки, – пишет А. К. Кириллов, – вовсе не была простым и очевидным решением. Что взамен? Стремление отменить явный пережиток упиралось в слабость налогового аппарата»^[1325]. Тем не менее Император Николай II пошёл на этот шаг, ставший большим продвижением России по пути модернизации её экономики.

Судебная реформа

Как отмечает доктор ист. н. С. В. Куликов: «*На долю Николая II выпало завершить, как и в случае с аграрной реформой, судебную реформу Александра II*»^[1326]. Действительно, Судебная реформа была наиболее либеральной из всех великих реформ Александра II. Однако её реализация растянулась на 35 лет, в течение которых судебные уставы были приспособлены к существующему государственно-политическому строю Российской империи. Сибирь являлась одним из последних регионов, на которые было распространено действие судебных уставов 1864 г.^[1327] В декабре 1895 г. на Всеподданнейшем докладе министра юстиции Н. В. Муравьева Николай II написал: «*Дай Бог, чтобы Сибирь через два года получила столь необходимое ей правосудие, наравне с остальной Россией*»^[1328].

К середине 1899 г. пожелание Царя было исполнено, Судебные уставы были введены в Архангельской и Вологодской губерниях, в Степной и Закаспийской областях, в Сибири и Туркестане. Таким образом, к началу XX в. они стали действовать уже на всей территории Империи. 1 июля 1899 г. в рескрипте на имя Н. В. Муравьева Государь указывал: «*По вступлении Моем на престол, Я обратил особое внимание на необходимость распространения области применения Судебных уставов Императора Александра II,*

дабы во всех, даже самых отдаленных местностях России действовало скорое, беспристрастное и близкое к народу правосудие. Сегодня, когда за введением Судебных уставов в северо-восточных уездах Вологодской губернии, на пространстве России нет уже более местности, которая бы не пользовалась благами присущих сим Уставам вечных начал правды, милости и равенства всех перед законом, Я с чувством живейшего удовольствия выражаю вам душевную Мою признательность за оказанное вами многополезное сотрудничество»^[1329].

Николай II много содействовал постепенной гуманизации пенитенциарной системы, передав в 1895 г. Главное тюремное управление из МВД в ведение министерства юстиции. В 1899 г. Император особо благодарил начальника Главного тюремного управления А. П. Саломона «за гуманное отношение» к арестованным студентам, участвовавшим в студенческих беспорядках в Петербурге^[1330]. 10 июня 1900 г. Царь отменил ссылку в Сибирь, 6 декабря 1901 г. – телесные наказания для ссыльных.

22 марта 1903 г. Николай II утвердил новое Уголовное уложение, которое отличалось научностью и высоким уровнем юридической техники. В разработке уложения принял непосредственное участие выдающийся русский учёный-правовед профессор Н. С. Таганцев. Уложение 1903 г. отличалось краткостью: в нем насчитывалось 687 статей, 72 из которых представляли Общую часть.

В Уложении давалось определение преступного деяния, классификация степеней тяжести преступления, впервые в российском законодательстве было введено понятие о возрастной невменяемости, необходимой обороны, «негодного покушения». Смертная казнь не могла быть применена к лицам, не достигшим 21 года или достигшим 70 лет. Также законодатель вводил запрет на занятие государственной должности для лиц, осужденных к каторге, ссылке или заключению в исправительном доме. Несовершеннолетние осужденные, от 14 до 17 лет, содержались в общих тюрьмах, но отдельно от взрослых. Вводилось уголовное наказание не только женщине за совершение аборта, но и врачу, произведшему его. Особо выделялись преступления в отношении Веры и Церкви (богохульство, святотатство, пребывание в опасных еретических сектах и т. д.)^[1331].

Исполнение Уголовного уложения вводилось в действие постепенно и было прервано на год на время революции 1905–1907 гг. В именном Высочайшем указе от 22 марта 1903 г. говорилось: *«Упоная, что новый уголовный закон, сообразованный с современными условиями государственного и общественного быта, будет способствовать отправлению уголовного правосудия, Мы прибываем в твердой уверенности, что закон этот разграничивая область воспрещенного и дозволенного и противодействуя преступным посягательствам, послужит к вящей охране гражданского порядка и к укреплению в народе чувства законности, кото-*

рое должно быть постоянным руководителем каждого как в кругу личной его деятельности, так и в совокупном составе сословий и обществ»^[1332].

Отставка С. Ю. Витте с поста министра финансов

Витте хорошо понимал, что в лице Плеве Государь имеет верного и талантливого исполнителя, а он, Витте, непримиримого и крайне опасного врага. Убрать Плеве во что бы ни стало стало для министра финансов настойчивой необходимостью.

В этом намерении он неожиданно нашёл союзника в Департаменте полиции в лице заведующего Особым отделом С. В. Зубатова. К тому времени Зубатов, до октября 1902 г. возглавлявший Московское охранное отделение, имел уже большой вес в системе политического сыска Российской Империи благодаря своей новой методе борьбы с революционным подпольем. Зубатов исходил из того, что надо не плестись в хвосте событий, а возглавить их. Он предложил создать рабочие союзы и организации, тайно контролируемые полицией. Кроме этого, Зубатов считал возможным для полиции не только вербовать членов революционных групп и от них получать информацию, а самой передавать важные сведения, интересующие руководителей этих групп через завербованных её членов («провокаторов»). Таким образом,

доверие к зубатовским агентам у революционных руководителей резко возрастало, и эти «провокаторы» делали большую революционную «карьеру», становясь бесценным источником информации. Однако в этой чёткой системе был один, но весьма важный изъян, сводивший на нет все её достижения. Сведения, передаваемые провокаторами, зачастую приводили к гибели лица, на которое готовилось покушение. Так, провокатор Е. Азеф, выдав несколько эсеровских боевиков, организовал фактически под патронажем полиции 30 террористических актов, в результате которых были убиты Плеве и Великий Князь Сергей Александрович, который, к слову сказать, был горячим сторонником методов Зубатова.

Плеве идеи Зубатова не понравились. Он считал их весьма сомнительными с моральной точки зрения и неэффективными. Во время встречи с министром в Москве, в апреле 1902 г., Зубатов пытался его переубедить, доказывая, что для победы над революцией недостаточно одних репрессий и необходимы социальные преобразования, что Самодержавие вполне совместимо с общественным началом^[1333]. Плеве возражал, будучи убеждённым, что никакой революции в России нет, а есть кучка злоумышленников, которых надо подавить именно полицейскими мерами. Несмотря на разногласия, Плеве перевёл Зубатова в Петербург на должность начальника Особого отдела. Но уже к лету 1903 г. Плеве полностью разочаровался в деятельности Зубатова, считая

её опасной для государства. 21 апреля 1903 г. т. н. «Независимая еврейская рабочая партия», детище Зубатова, начала мощную забастовку на одесском чугунно-литейном заводе «Рестеле». Забастовка вскоре охватила другие заводы Одессы и стала всеобщей. Бастовало 40 тыс. человек. Причём зубатовская «партия» была оттеснена социал-демократами. Именно под их руководством забастовка приняла грандиозные размеры. Город остался без воды, хлеба и света. Плеве приказал жестко подавить забастовку, что и было сделано при помощи казачьих частей и полиции. Однако основные требования бастующих были исполнены^[1334].

Он потребовал запретить деятельность зубатовских организаций, в частности. Зубатов был глубоко оскорблён действиями министра, и с этого времени начинаются его контакты с Витте. При этом следует отметить: до 1903 г. Витте весьма критически относился к Зубатову, называя его деятельность «*вредным и глупым экспериментом*»^[1335].

А. А. Лопухин свидетельствовал, при каких обстоятельствах созрел заговор Витте и Зубатова против Плеве: «С первых же дней назначения Плеве министром внутренних дел началась его борьба с Витте. С этим назначением кн. Мещерский, состоявший с Витте в хороших отношениях, несколько поохладил к нему, сблизившись с Плеве; но после первого года министерства Плеве, с весны 1903 года, отношения эти стали меняться, — появилось охлаждение между Плеве и Мещерским, а прежняя близость между послед-

ним и Витте восстановилась. Мещерский вскоре стал открыто осуждать политику Плеве; информировал же его по части этой политики Зубатов, часто его посещавший и своими информациями дававший ему сильное оружие против Плеве, против которого у Зубатова накопилось много обид и за двойственность Плеве в отношении к его рабочим организациям, и за личное к нему, Зубатову, высокомерное отношение. Мало-помалу дом Мещерского обратился как бы в конспиративную квартиру заговора против министерства Плеве»^[1336].

Летом 1903 г. на квартире князя Мещерского, в его присутствии, состоялась встреча Витте и Зубатова. Ими тремя было решено добиться отставки Плеве и назначения на пост министра внутренних дел Витте. С этой целью Зубатов составил письмо, якобы написанное одним верноподданным к другому и попавшее к Зубатову путем перлюстрации. В нем в горячих выражениях осуждалась политика Плеве, говорилось, что он обманывает Царя и подрывает в народе веру в него. В письме также утверждалось, что только Витте по своему таланту и преданности лично Императору Николаю II способен вести политику, которая оградила бы его от бед и придала бы блеск его царствованию. Это письмо князь Мещерский должен был передать Государю и убедить его дать отставку Плеве и назначить на его место Витте^[1337]. Намного позже князь Мещерский рассказывал П. А. Столыпину, что речь в письме 1903 г. «шла о диктатуре Витте на 4

года»^[1338]. Однако, по словам Лопухина, Зубатов допустил крупную оплошность – он рассказал о плане своему другу, а ранее секретному агенту Гуровичу, бывшему революционеру. Тот тотчас отправился к Плеве и сообщил ему о заговоре и даже представил копию сфабрикованного Зубатовым письма. По другим сведениям, о плане Витте сообщил Государю князь В. П. Мещерский.

Примерно в это же время И. И. Кольшко рассказывал А. С. Суворину, что *«готовятся либеральные реформы, свобода печати, вероисповедания, патриархат и т. д.»*^[1339]. Кстати, эта информация подтверждается донесениями Петроградского охранного отделения о «Масонской фракции “Денница”» в Петербурге, которую якобы посещал Витте. При этом, как следует из донесения, Витте обсуждал вопрос отделения Церкви от государства и введение патриархата^[1340].

Генерал А. А. Киреев в 1903 г. был убеждён, что *«умный марксист Витте ведёт нас (может быть сознательно – кто знает?) к банкротству экономическому и социальному»*^[1341].

13 августа 1903 г. на аудиенции у Императора В. К. Плеве, Н. В. Муравьёв и К. П. Победоносцев доложили Государю, что *«Витте – красный, что все недовольные элементы в своей противоправительственной работе находят поддержку и опору в Витте: финляндцы, армяне, учащая молодёжь, евреи. Что деятельность его вредна»*^[1342]. Помимо этого,

Плеве доложил о том, что главным виновником одесской забастовки является Зубатов, действовавший самовольно и безо всякого ведома министра. *«Доложил Государю Плеве и о раскрытии им интриги и об участии в ней Зубатова, и высказал мнение о необходимости увольнения Зубатова, на что и последовало Высочайшее соизволение»*^[1343].

Отставка Витте с поста министра финансов была предпринята Государем ещё весной 1903 г. и должна была состояться осенью того же года. Государь тогда сказал Плеве, что он пришёл к этому решению во время молебна, отслуженного при спуске на воду строящегося боевого корабля. *«Бог мне положил на душу, – сказал Государь, – что не надо откладывать на другой день то, на что я вообще решился»*^[1344].

В действительности отставка Витте произошла на три месяца раньше – 15 августа 1903 г. Примечательно, что она явилась для Витте полной неожиданностью. За несколько дней до неё министр в беседе с В. Н. Коковцовым сообщил, что в ближайшее время он собирается ехать отдыхать в своё имение в Сочи. *«Витте, – вспоминал Коковцов, – касался всевозможных вопросов, застрявших в Государственном Совете, просил меня помочь двинуть их в самом начале сессии, намекал на его постоянные трения с министром внутренних дел Плеве, и решительно ничто не говорило за то, что он собирается покидать министерство»*^[1345].

Вечером 14 августа Витте получил от Государя записку с повелением явиться к нему утром следующего дня для до-

клада вместе с Управляющим Государственным банком тайным советником Э. Д. Плеске. Пока они плыли на пароходе до Петергофа, Витте терзали смутные сомнения: для чего Государю понадобился Плеске? По словам Витте, недоумевал и сам Плеске, но все его попытки получить вразумительный ответ заканчивались со стороны Витте «высказыванием догадок»^[1346]. О том, что Государь, готовясь к отставке Витте, соблюдал крайнюю осторожность, свидетельствует то, что примерно за две недели до неё, он одобрил деловую поездку Плеске в Сибирь. К началу августа все было уже подготовлено для поездки, найден удобный салонный вагон, подобраны спутники из состава ближайших сотрудников по Государственному банку, испрошены путевые пособия. Внезапно, «поздно ночью 14 августа, когда все на парголовской даче Плеске спало уже мирным сном, раздался стук в двери, и появился курьер министра Жуковский с запиской Витте, набросанной карандашом: “Сейчас получил приказание Государя привезти Вас завтра с собою на доклад. Будьте на Петергофской пристани к 9-ти часам”»^[1347].

Во время совместной поездки Витте сказал, что, вероятно, Государь желает видеть Плеске перед отъездом в Сибирь, так как всегда интересуется этим краем, тем более что сам Государь собирается через несколько дней отбыть в Крым.

Ситуация разъяснилась только во время аудиенции. Николай II сначала «очень милостиво» принял одного Витте. Плеске всё это время сидел в маленькой приемной с дежур-

ным флигель-адъютантом.

Государь после обсуждения некоторых второстепенных моментов спросил Витте: что он думает о Плеске? Витте высказался о нем весьма положительно. Затем в конце разговора, уже прощаясь, Государь сказал: *«Сергей Юльевич, я Вас прошу принять пост Председателя Комитета министров, а на пост министра финансов я хочу назначить Плеске»*^[1348]. Этого удара Витте никак не ожидал. Должность председателя Комитета министров была почётной ссылкой, так как она никакого политического веса не имела. За долгие годы своего пребывания на министерском посту Витте привык почти к своему всемогуществу. Он не сомневался в успехе своей интриги против Плеве и видел себя на его месте. Поэтому решение Государя повергло его в стопор. Видимо, на лице Витте была написана такая гамма чувств, что Государь спросил его: *«Что, Сергей Юльевич, разве вы не довольны этим назначением? Ведь место Председателя Комитета министров – это есть самое высшее место, которое только существует в Империи»*. В словах Государя звучало явная ирония. Витте не нашёл других слов, как заверить Царя, что *«если это назначение не выражает собой признака неблаговоления к нему Его Величества, то он, конечно, будет очень рад этому назначению»*^[1349].

По словам Плеске, Витте вышел из кабинета Государя с весьма смущенным лицом, подал Плеске руку и только сказал: *«Я подожду Вас на пароходе»*.

Затем Государь принял Плеске. Посадив его против себя к окну, он самым простым тоном сказал: *«Сергей Юльевич принял пост Председателя Комитета министров, за что я ему очень благодарен, и я решил назначить Вас Управляющим министерством финансов»*^[1350].

Когда смущённый столь неожиданным назначением Плеске пытался заявить, что он не обладает многими свойствами, без которых пост министра ему будет не под силу, Государь сказал ему: *«Но Вы обладаете тем преимуществом, которым не обладают другие – моим полным к Вам доверием и моим обещанием во всем помогать Вам»*^[1351].

Когда Плеске вернулся на пароход, то Витте не удержался и в резких выражениях выразил неудовольствие по поводу своей отставки. По свойствам своей натуры бывший министр финансов был готов идти на самые серьёзные шаги, вплоть до организации государственного переворота и даже убийства Государя. Витте явился к директору Департамента полиции А. А. Лопухину и стал уверять того, что Император Николай II *«своим лживым и тираническим характером»* делает невозможной нормальную политику. После этого вступления Витте предложил Лопухину следующее: *«У директора Департамента полиции, ведь, в сущности, находится в руках жизнь и смерть всякого, в том числе и Царя – так нельзя ли дать какой-нибудь террористической организации возможности покончить с ним; престол достанется его брату, у которого я пользуюсь фавором и перед кото-*

рым могу оказать протекцию и тебе»^[1352].

Примечательно, что Лопухин, у которого «речь *Vitte* вызвала отвращение», прекратил разговор и ушел, но ничего не сообщил об этом ни министру внутренних дел, ни Государю, как велел долг присяги. После этого не вызывает удивления факт государственной измены со стороны Лопухина, который в 1906 г. выдал эсерам негласного агента полиции Евно Азефа.

19 августа Зубатова вызвали в министерство внутренних дел. Не подав руки, Плеве «выразил ему свое недоверие» и потребовал срочно сдать дела. Зубатову были даны сутки на сборы. Он выехал в Москву, а затем его выслали во Владимирскую губернию, где за ним был установлен надзор полиции. 17 ноября 1903 г. Высочайшим приказом по гражданскому ведомству он был уволен со службы, «согласно прощению»^[1353]. Однако, несмотря на то, что Зубатов участвовал в интриге против Плеве, на действия против Государя он никогда бы не пошёл. Жандармский генерал А. И. Спиридович писал: «Зубатов был убеждённым монархистом. Он считал, что Царская власть, давшая России величие, прогресс и цивилизацию, есть единственная свойственная ей форма правления. “Без Царя не может быть России, – говорил он нам не раз, – счастье и величие России в её государях и их работе. Те, кто идут против монархии в России, идут против России. С ними надо бороться не на жизнь, а на смерть”»^[1354].

Однако с отставкой и ссылкой Зубатова рушилась комбинация Витте. Ему пришлось на время затаиться. Тем не менее бывший министр не потерял влиятельной поддержки при Дворе. Витте с гордостью рассказывал Куропаткину, что после отставки *«Государыня-Мать и Наследник встретили его родственно, вышли из-за завтрака, махали салфеткой. Приехал неожиданно. Посадили завтракать. Окружили вниманием. Наследник говорил, что он теперь ещё более чем прежде, будет пользоваться советами Витте. Что в Комитете министров они будут сидеть рядом и будут шептаться о том, куда Наследнику надо поехать, какие заводы посетить»*^[1355].

Император Николай II в 1903 г.

По случаю нового, 1903 г. 1 января состоялся традиционный приём Императором Николаем II иностранных послов. Присутствующий на нём Государственный секретарь А. А. Половцов заметил: *«У Императора вид усталый, измученный; взгляд его совсем не прежний, чувствуется жесткость и подозрительность, коих прежде не было»*^[1356]. Конечно, впечатления Половцова субъективны, но, безусловно, решение тяжелейших, невероятно сложных задач давались Государю не просто. Хотя, может быть, выражение лица Николая II произвело на Половцова такое впечатление, так как Государь с 31 декабря 1902 г. страдал острым двусторонним

отитом, заставлявшим его «*кричать от боли*» и приведшим к временной глухоте левого уха. Генерал А. Н. Куропаткин писал в своём дневнике 31 декабря: «*Сегодня был у Государя с последним докладом в этом году. Государь несколько простужен. Говорил мне, что не спал всю ночь. Болело ухо. Не знает откуда. Видно сильный насморк. Я спросил Государя готов ли он повиноваться Симановскому? Государь ответил утвердительно. Я имел ввиду, чтобы Государь не ездил 3 января на вокзал встречать германского принца. Повидал Симановского, и он обещал не выпускать Государя*»^[1357]. Лечение отоларинголога профессора Н. П. Симановского принесло результат только 18 января^[1358].

После окончания Рождественского поста, 11 и 13 февраля 1903 г., в Зимнем дворце состоялся большой костюмированный бал, приуроченный к 290-летию Династии Романовых. В первый день, 11 февраля, в Эрмитажном театре в Высочайшем присутствии состоялся музыкальный вечер, на котором были представлены сцены из оперы М. И. Мусоргского «Борис Годунов» (главную партию исполнял Ф. И. Шаляпин) и балетов «Баядерка» Л. Минкуса и «Лебединое озеро» П. И. Чайковского в постановке М. Петипа, при участии Анны Павловой.

13 февраля в бале-маскараде с необычайной силой проявилась любовь Императора Николая II ко всему русскому, народному. По Высочайшему повелению знать Российской империи оделась в допетровские костюмы, сшитые на за-

каз и поражавшие своим дорогим убранством и красотой. Государь облачился в одежды Царя Алексея Михайловича: кафтан и опашень золотой парчи, на голове царская шапка. Эскиз костюма для Императора Николая II разработали директор Эрмитажа И. А. Всеволожский и художник Императорских театров Е. Л. Пономарев. Из Оружейной палаты было выписано 38 подлинных предметов царских костюмов XVII в., из которых для костюма Государя было отобрано 16. В качестве дополнения к костюму использовался подлинный жезл Царя Алексея Михайловича. Костюм был сшит театральным костюмером Императорских театров И. И. Каффи. Царскую шапку изготовили в шляпной мастерской братьев Брюно. По окончании бала все костюмы были сданы в Оружейную палату Московского Кремля, где хранятся и поныне.

Государыня была в костюме Царицы Марии Ильиничны Милославской. Костюмы Государя и Государыни были созданы по изображению нарядов Царя Алексея Михайловича и Царицы Марии Ильиничны на иконе «Поклонение кресту» 1677 г. Государь записал в дневнике: *«В 9 ½ начался бал в костюмах времён Алексея Михайловича в Концертной зале. <...> Бал прошёл весело, красиво и дружно. Русская пляска была очень удачна. Ужинали в Николаевской зале. Там пел хор Славянского. Вернулись домой в 2 ½ часа»*^[1359].

Великий Князь Александр Михайлович вспоминал: *«Ксения была в наряде боярыни, богато вышитом, который ей очень шёл. Я был одет в платье сокольничего, которое со-*

стояло из белого с золотом кафтана, с нашитыми на груди и спине орлами, розовой шёлковой рубашки, голубых шаровар и желтых сафьяновых сапог»^[1360]. Придворные дамы оделись в сарафаны и кокошники, а кавалеры в костюмах стрелцов и сокольничих XVII в. Всего присутствовало 390 гостей. Бал поражал своим великолепием. Очевидец писал: *«Впечатление получилось сказочное от массы старинных национальных костюмов, украшенных редкими мехами, великолепными бриллиантами, жемчугами и самоцветными камнями, по большей части в старинных оправках»*.

Члены Царской Семьи собрались в Малахитовой гостиной, остальные – в прилегающих помещениях. Около 23 час. все участники перешли танцевать в Концертный зал, где за позолоченной решеткой на подиуме находился придворный оркестр в костюмах трубачей Царя Алексея Михайловича. После ужина гости и хозяева возвратились в Концертный зал и танцевали до часа ночи. Общие вальсы, кадрили и мазурки начались после исполнения специально подготовленных трех танцев: русского, хоровода и плясовой под руководством главного режиссера балетной труппы Н. С. Аистова и танцовщика И. Ф. Кшесинского. Кавалерами выступали молодые офицеры гвардейских полков: кавалергарды, конногвардейцы и уланы.

Император Николай II рассматривал этот бал не как обычный маскарад, но как первый шаг к восстановлению обрядов и костюмов московского Двора, возвращение к русским

истокам. Государь с удовлетворением записал в своем дневнике: *«Очень красиво выглядела зала, наполненная древними русскими людьми»*^[1361]. По решению Императрицы Александры Феодоровны были сделаны фотографии всех участников бала, как на отдельных портретах, так и на групповых снимках.

Днём 9 марта 1903 г. Царская Семья *«по милости Божией благополучно»* водворилась на *«жительство в Царском Селе»* в Александровском дворце^[1362]. Государь, несмотря на проливной дождь, обошёл весь парк, затем Семья устраивалась в своих комнатах. Вплоть до ссылки в Тобольск 1 августа 1917 г. Александровский дворец станет её родным домом.

В апреле 1903 г. Государь с Государыней отправились в Москву встречать праздник Святой Пасхи. А. Н. Куропаткин вспоминал, что, принимая его в Кремле, Императрица Александра Феодоровна говорила *«про то хорошее чувство, которое она и Государь ощущают в Москве. Что они чувствуют себя совсем иначе, чем в Петербурге. Говорили про особую умирительную торжественность московских церковных служб на Страстной неделе. Государь в свою очередь сказал, что в Москве всегда отдыхает»*^[1363].

Л. А. Тихомиров сообщал в письме к знакомой: *«Теперь Москва вся занята Царской Семьёй. Ну, конечно, и мы тоже: все разговоры о них. Я жалею, Вы не видали их ни разу в Москве. Их тут так любят, и они сами себя так*

хорошо здесь чувствуют, что светлее становится на душе»^[1364]. Тихомиров отмечал, что пребывание Царской Семьи в Москве *«было замечательно отрадно по проявлению любви народной и по тому необычайно превосходному впечатлению, которое произвела Царская Семья. Это относится не только к Нему (Его всегда в высшей степени любили). Но на сей раз, Государыня завоевала все сердца»*. На Никольской улице толпа поколотила какого-то человека, запрыгнувшего на царскую коляску и подавшему Государю прошение, которое Николай II принял и уехал. Тихомиров писал, что *«толпа, естественно переживавшая несколько секунд страшного беспокойства, была беспощадно к несчастному “челобитнику”. Да, положим, и поделом дураку. Впрочем, его только исколотили, без каких-либо вредных последствий, собственно за общее беспокойство. Но можно себе представить, что бы ждало какого-либо злоумышленника!»*^[1365]

По приказу Николая II народ в Москве не разгоняли, и он мог свободно приветствовать Царскую Чету. Однако член Московского окружного суда Н. В. Алексеев, близко видевший Царя в те дни, отмечал, что у него *«улыбка страдальческая на бледном, грустном лице»*^[1366].

Период 1901–1903 гг. стал важным этапом в становлении Императора Николая II как государственного деятеля. К этому времени он уже приобрёл важный опыт управления, избавился от мучительных колебаний в правильности приня-

тия каждого решения, что в определённой мере было при-
суще ему в первые годы царствования. Время и приобретён-
ный опыт избавили Государя от влияний некоторых близ-
ких ему людей, включая Вдовствующую Императрицу и Ав-
густейших дядьёв. Государь не мог не видеть, что большин-
ство великих князей крайне амбициозны, но для государ-
ственного дела мало пригодны. Не видел Государь честного
и искреннего служения ему и со стороны большинства ми-
нистров. Н. В. Муравьёв жаловался генералу А. Н. Куропат-
кину *«на недоверие к министрам Государя. Государь хочет
знать истину, но ищет её по коридорам, по закоулкам»*^[1367].
Но это царское недоверие касалось только тех министров,
кто прежде всего думал о своей карьере, а не о службе Рос-
сии. Ни Сипягин, ни Плеве, ни Бобриков никогда не испы-
тывали на себе «недоверия» Государя. Другое дело, что у
Николая II появилось своё видение ситуации в стране, кото-
рое было гораздо более полным, чем взгляды того или иного
министра. Как признавал сам Николай II, он только к 1903 г.
«стал забирать силу»^[1368]. Причём сила эта была результа-
том не только приобретаемого опыта государственной рабо-
ты, но и всё большего осознания духовной силы Самодер-
жавной власти, данной ему от Бога. Перед Ним и только пе-
ред Ним Государь готов был нести ответ за свои действия.
Николай II говорил министру Императорского Двора баро-
ну В. Б. Фредериксу, что ему все равно, как будут судить
его поступок другие. *«Он знает, что многие в его поступках*

находят только дурное. Он считает себя обязанным слушаться только голоса совести»^[1369]. А. А. Половцов отмечал ещё в 1901 г., что Государь «начинает верить в благодатную силу своего Самодержавия»^[1370]. Об этом же в своём дневнике свидетельствует в 1902 г. и Л. А. Тихомиров: «Говорят, Государь стал действовать очень самостоятельно и даже резко. Должно быть, надоели и ему интриги министров. Немудрено. На эту самостоятельность и неуступчивость жалуется и Витте, приписывая, однако всё это каким-то неведомым влияниям. Никаких влияний, однако, никто не знает»^[1371].

Тем не менее труд Государя становился день ото дня тяжелее. Всё сильнее ощущалась нехватка надёжных помощников и исполнителей, лучших из которых начали физически устранять. Государю приходилось практически одному решать выходы из сложнейшей политической ситуации начала XX в. Николай II признавался Куропаткину, «что этой работой он занимается, когда гуляет пешком или верхом. Что ему тяжело приходится напрягать свой ум. Что он думает, что это усилие ума, если бы оно могло проходить в лошадь, то очень встревожило бы её. Что он тяжело мучается, выбирая из всего слышанного – нужное»^[1372].

В 1903 г. Государем были приняты серьёзные меры по организации контрразведывательной деятельности. 20 января 1903 г. военный министр А. Н. Куропаткин направил на имя Николая II докладную записку с обоснованием создания

нового секретного подразделения военного ведомства. Военный министр полагал целесообразным создать в составе Главного штаба военного министерства специальную структуру, которая занималась бы розыском иностранных шпионов и изменников по двум направлениям: руководящему и исполнительному. Руководящее направление предполагало вскрытие вероятных путей разведки иностранных государств, а исполнительное – непосредственное наблюдение за этими путями. *«Деятельность сего органа должна заключаться в установлении негласного надзора за обыкновенными путями тайной военной разведки, имеющими исходной точкой иностранных военных агентов, конечными пунктами – лиц, состоящих на нашей государственной службе и занимающихся преступною деятельностью, и связующими звеньями между ними – иногда целый ряд агентов, посредников в передаче сведений...»*^[1373]

В составе такого органа, по мнению Куропаткина, должны находиться военные специалисты, хорошо знающие организацию военных учреждений в России, а также специалисты по тайному розыску, попросту агенты-сыщики.

В соответствии с этим он предлагал учредить при Главном штабе особое Разведочное отделение, поставив во главе его начальника отделения в чине штаб-офицера, делопроизводителя в чине обер-офицера и писаря. *«Для непосредственной сыскной работы сего отделения полагалось бы воспользоваться услугами частных лиц – сыщиков по вольному най-*

му, постоянное число коих, впредь до выяснения его опытом, представлялось бы возможным ограничить шестью человеками»^[1374].

Официальное учреждение такого органа представлялось невозможным, поскольку терялся главный шанс успешности его деятельности: тайна его существования. *«Поэтому было бы желательно создать проектируемое отделение, не прибегая к официальному учреждению его...»* Изложенные меры представлялось желательным привести в исполнение по возможности безотлагательно. Уже на следующий день, 21 января, на документе появилась резолюция Государя: *«Согласен»*. Таким образом, 21 января 1903 г. стало днем рождения русской контрразведки.

В том же 1903 г. Государем было ужесточено наказание за шпионаж. Поводом для этого послужило дело старшего адъютанта штаба Варшавского военного округа подполковника А. Н. Гримма, который в период с 1896 по 1902 г. передавал германской и австро-венгерской разведкам важнейшие секретные документы. Будучи полностью изобличён в преступлении силами жандармерии и полиции, Гримм был приговорён Варшавским военно-окружным судом к 12 годам каторги, так как смертная казнь за шпионаж не была предусмотрена русским уголовным законодательством^[1375]. 11 февраля 1903 г. Император Николай II Высочайшим повелением по Военному ведомству утвердил изменения в уголовное законодательство. Согласно новой норме закона, виновный

в выдаче иностранному государству секретных документов, которое повлекло или могло повлечь за собой вредные для внешней безопасности России последствия, приговаривался к лишению всех прав состояния и смертной казни^[1376]. Примечательно, что за смертная казнь за эту форму шпионажа предусматривалась как «абсолютная санкция», то есть единственно возможная.

В конце 1903 г. русская промышленность начала выходить из кризиса. С 1903–1904 гг. в отдельных отраслях промышленности постепенно начинают отмечаться небольшие признаки устойчивости и даже улучшения. В связи с укреплением денежного рынка понижается учетный процент до 4,56–4,50. Сказывается влияние начавших в эти годы свою деятельность промышленно-монополистических организаций в области тяжелой промышленности (нефтяной, черной металлургии). Увеличивается прилив капиталов в промышленность и учреждение новых акционерных обществ.

Русская экономика крепла, промышленность увеличивала объёмы, продвижение Империи в Переднюю Азию и Дальний Восток развивалось поступательно и уверенно. На Западе всё больше росла тревога перед «русской угрозой». Международному капиталу необходимо было остановить это поступательное движение России. В первую очередь нужно было развязать шумную пропагандистскую кампанию, которая создала бы на Западе крайне непривлекательный её образ, что напрямую должно было отрицательно повлиять на рос-

сийский финансовый климат.

Император Николай II и «еврейский вопрос». Транснациональный капитал против Царя

Ещё с дореволюционных времён в отечественной историографии бытует миф о якобы «антисемитских» взглядах Императора Николая II. В советской историографии, особенно в ранний большевистский период, эта ложь приобрела характер аксиомы. Однако тезис об «антисемитизме» последнего Самодержца опровергается совокупностью свидетельств современников^[1377]. В своём разговоре с Одесским градоначальником Император Николай II подчеркнул, что он *«против еврейских тузов, но не против еврейских масс, что, напротив того, он готов оказать доверие массе»*^[1378]. Ко многим представителям еврейского крупного капитала Государь действительно относился негативно, в силу его особой агрессивности и неразборчивости в средствах. Характерным доказательством этому служит история с попыткой государственной поддержки со стороны банкира Л. С. Полякова представителю богатого еврейского банковского клана. В 1900 г. этот клан стал испытывать большие финансовые затруднения в результате своих неудачных афер за границей. Летом неизменный банкирский радатель С. Ю. Витте докладывал Императору Николаю II о *«весьма шатком положении банкиров Поляковых»* и о своем беспокойстве за судьбу по-

ляковских банков^[1379]. Осенью 1901 г. Витте подготовил специальный доклад Государю о необходимости принятия мер к их спасению. Витте просил Царя разрешить Государственному банку в общем порядке открыть всем трем поляковским банкам кредиты под ценности, не принимавшиеся в обеспечение по ссудам, а в случае надобности установить над банками правительственный контроль и ввести в состав их правлений или советов чиновников министерства финансов. При этом Витте исходил из того, что крах поляковских банков Московского международного торгового и Южно-русского промышленного может привести к разорению частных вкладчиков и нанести тяжёлый удар по только что окрепшему частному кредиту. Доклад Витте был представлен Николаю II товарищем министра В. Н. Коковцовым в Императорском поезде в Гамбурге. 9 сентября 1901 г. Государь одобрил предложение Витте, но отметил, что поддержка поляковских банков должна носить временный характер^[1380]. Однако вскоре, при проведении ревизии, выяснилось, что показанная по балансу банкирским домом Л. С. Полякова оценка большей части бумаг и других статей актива значительно превышала их действительную стоимость. Из этого следовало, что банкирский дом не только утратил весь основной капитал (5 млн р.), но и не был в состоянии погасить кредиторские претензии на 10,8 млн. А это в свою очередь означало, что помощь Полякову со стороны государства должна была принять огромные суммы. Для принятия окончательного ре-

шения о способах поддержки Л. С. Полякова и его предприятий Витте получил 13 декабря 1901 г. разрешение Царя на созыв экстренного заседания Комитета финансов с участием министров внутренних дел и юстиции. Государственный контролер П. Л. Лобко, министр внутренних дел Д. С. Сипягин и министр юстиции Н. В. Муравьев решительно высказались против какой бы то ни было помощи Л. С. Полякову, подчеркнув, что дела банкирского дома были *«предоставлены естественному течению»*. Особенно резкую позицию занял Муравьев, заявивший, что помощь Полякову не оправдывалась бы *«ни с нравственной стороны»*, так как Поляков сам повинен в случившемся и действовал *«исключительно в целях наживы»*, *«ни соображениями политическими, ибо Л. С. Поляков представляет старинную еврейскую фирму, давно укоренившуюся в Москве и являющуюся там могучим центром и оплотом еврейства»*^[1381].

Однако 25 декабря Николай II ознакомился с журналом заседания и принял решение. Государь остался недоволен результатом работы Комитета финансов и предложил ему вернуться к обсуждению вопроса о возможности *«устранить местный экономический кризис»*, вызванный крушением крупного банкирского дома, и отстранить от дел самого Л. С. Полякова, *«освободив»* тем самым Москву *«от еврейского гнезда»*^[1382]. Как пишет Б. В. Ананьич: *«Едва ли могут быть сомнения в том, что решение это подсказал Николаю II не Витте или кто-нибудь другой, а “внутренний го-*

лос” – последняя инстанция в механизме управления империей»^[1383]. Совершенно непонятно, почему Б. В. Ананьич считает, что решение Государя было «окрашено в антисемитские тона». Никакого «антисемитизма» здесь не усматривается: просто хитрому банкиру, попытавшемуся за счёт государственной казны не только восстановить своё крайне пошатнувшееся положение, но и получить ещё и прибыль, был дан жёсткий отпор.

Что же касается простого еврейского населения, то Государь отрицательно относился к его неравноправному положению. Как вспоминал Витте, «со вступлением на престол Императора Николая II началось медленное и постепенное уничтожение сделанных ограничений» в отношении евреев. Но при решении еврейского вопроса Государь держался сверхосторожной тактики. Одной из главных причин подобной тактики была уверенность Государя в том, что введение еврейского равноправия может вызвать стихийные погромы со стороны простого русского народа, который, прежде всего по религиозным основаниям, был настроен антиеврейски. Кроме этого, Государь справедливо полагал, что черта оседлости ограждала простых евреев от экономических посягательств их богатых единоверцев. Наконец, Николай II, зная особые свойства еврейских коммерсантов, их напористость и предпринимательскую сметку, полагал, что при отмене черты оседлости еврейский торговец вытеснит из городов и деревень торговца русского. Царь опасался также, что в

условиях быстрой капитализации России русское крестьянство легко могло попасть в рублевую зависимость от еврейских торговцев. Кроме того, Государь не мог не опасаться того пагубного влияния, которое оказывали некоторые еврейские круги Запада на еврейскую молодёжь в России. Это влияние преследовало своей целью антимонархическую и антихристианскую революцию.

В связи с этим в 1898–1901 гг. Император Николай II обращал серьёзное внимание на увеличение еврейского землевладения вне черты оседлости. Поэтому он поручил министру внутренних дел Д. С. Сипягину разработку законопроекта, направленного против нежелательной для Верховной власти тенденции. К весне 1902 г. проект был подготовлен. По нему повсеместно в стране в сельской местности, в том числе и в черте оседлости, евреям запрещалась покупка, аренда и принятие в залог недвижимости. В виде исключений по разрешению местной администрации допускалось устройство кладбищ, молелен, строительство промышленных объектов на ограниченных участках земли.

Но одновременно делалось много для облегчения жизни простого еврейского народа. Манифестами 14 ноября 1894 г. и 13 мая 1896 г. Государь сложил с евреев значительную часть штрафа за уклонение от воинской повинности (38 из 50 млн руб.). В декабре 1895 г. он повелел министру внутренних дел начать подготовку пересмотра Временных правил 3 мая 1882 г. о черте оседлости с тем, чтобы внут-

ри нее евреям было разрешено свободно проживать в сельских поселениях. 10 мая 1903 г. Император утвердил список, насчитывавший 101 сельское поселение в черте оседлости, где евреи могли проживать свободно, и даровал им право на приобретение недвижимости, расположенной в сельской местности внутри черты (впоследствии этот список неоднократно пополнялся), а 7 июня 1904 г. евреи получили право свободного проживания в 50-верстной полосе вдоль западной границы России. Таким образом, происходило постепенное смягчение ограничений, связанных с существованием черты оседлости и процентных норм.

В начале XX в. Россия занимала третье место среди европейских государств по процентному количеству проживавших в ней евреев, их доля равнялась 3,9 % (первое место занимала Румыния (7,4), второе – Австро-Венгрия (4,3). Всего общее количество еврейского населения в России в начале XX в. равнялось 5 млн 500 тыс. человек^[1384]. В основном евреи проживали в западных губерниях Империи, в особенности в Польше и Бессарабии.

В России со времен Екатерины Великой (с 1791 г.) в отношении части еврейского населения действовала черта оседлости, то есть ограничение для евреев в местожительстве. А. И. Солженицын подчёркивал, что *«правовые ограничения евреев в России никогда не были расовыми. Они не применялись ни к караимам, ни к горским евреям, ни к среднеазиатским евреям, свободно расселявшимся среди окружающе-*

го населения и свободно выбиравшим себе роды деятельности»^[1385]. В. В. Шульгин писал по этому поводу: «Ограничения были задуманы правительством – против сплоченного экономического напора, опасного для национальной основы государства»^[1386]. Причины черты оседлости станут еще более понятными, если учесть, что по переписи 1897 г. в городах Империи насчитывалось 618 тыс. 926 торговцев, из них 450 тыс. 427 было евреями.

К началу XX в. черта оседлости была легко преодолима: достаточно было получить высшее образование, стать купцом 1-й гильдии или его приказчиком, быть «мастером или ремесленником», чтобы полностью уравниаться в правах с остальным населением. По переписи 1897 г. уже 315 тыс. евреев, то есть 9 %, жило вне черты оседлости. Как писал Солженицын: «Ни денежная, ни образованная верхушка евреев стеснений “черты” не испытывала, свободно расселялась по внутренним губерниям и в столицах»^[1387]. Однако, несмотря на экономический характер черты оседлости, она вызывала острое недовольство среди евреев, в первую очередь образованного слоя, жившего в городах. Тем не менее, так как проживание евреев разрешалось лишь в специально оговоренных городах и местечках, но не в сельской местности, в местах проживания черты оседлости отмечалась чрезвычайная скученность и нищета. В. К. Плеве в 1902 г. говорил: «Еврейское население, скученное в городах, не имеет достаточных заработков: обедневшие до нищеты евреи, живущие

в антисанитарных условиях, представляют опасность для общественного здоровья и порядка; растущая же без призора еврейская молодёжь является материалом, всегда готовым для восприятия революционной пропаганды»^[1388].

О положении русского еврейства в дореволюционной России прекрасно писал еврейский эмигрантский мыслитель И. М. Бикерман: *«В Царской России жило больше половины еврейского народа. <...> Естественно поэтому, что еврейская история ближайших к нам поколений была по преимуществу историей русского еврейства. Западные евреи были богаче, влиятельнее, стояли впереди нас по культурному уровню, но жизненная сила еврейства была в России. И эта сила росла и крепла вместе с расцветом Русской империи. Во время продолжительной, двухвековой агонии Польши, с распадом которой евреи оказались под скипетром Русского Царя, еврейство обнищало, морально опустилось и, застыв в средневековом обличи, далеко отстало от Европы. Только с присоединением областей, населённых евреями, к России началась тут новая жизнь, началось возрождение. <...> Вопреки многочисленным недостаткам строя и в особенности административного механизма, Империя крепла, русский народ рос и богател, русская культура развивалась вглубь и ширь. Увеличивалось в то же время в своем значении и в своей мощи и русское еврейство. В этом параллельном росте и процветании сказалась тесная связь между судьбой русского еврейства и судьбами России»^[1389].*

Однако улучшение жизненных условий еврейского народа России было невыгодно мировому еврейскому финансовому капиталу, который к началу XX в. стал играть ведущую роль в США и имел большое влияние в Великобритании и Германии. К XX в. этот капитал составлял одну из главных частей транснационального капитала, который стремился к мировой гегемонии. Для достижения своей глобальной цели этому транснациональному капиталу была нужна революция в России, движущей силой которой могло бы стать молодое еврейское поколение. При этом простой еврейский народ в России, с его культурой, трудолюбием и заботами, вызывал у американского сообщества презрение и неприязнь. Более того, так как русским евреям, как и любому народу, была враждебна революция, грозящая социальными и бытовыми лишениями, то международные олигархи были заинтересованы в их исчезновении либо путём выдавливания из России, или тайной поддержкой, а то и организацией антиеврейских настроений.

Россия была почти единственной страной, на территории которой жил трудящийся еврейский народ. В отличие Франции, Германии и особенно США, где евреи занимались в основном ростовщичеством и бизнесом, в России жили миллионы евреев, которые говорили только на идиш, плохо знали русский язык, имели самобытную еврейскую культуру. До начала XX в. идея революции не имела популярности в среде простого еврейского народа. Однако с началом XX в. про-

исходит расслоение еврейского народа. Капитализация, оказавшая свое сильное воздействие на русское общество в целом, коснулась и еврейской его части. Если старое поколение евреев было противником революционных потрясений, то новое молодое поколение горело жаждой перемен. Если старое поколение читало Тору, ходило в синагогу и чтит Закон, то молодое читало Маркса, не ходило в синагогу и смеялось над обычаями и верованиями предков. Доктор ист. наук Л. Г. Прайсман пишет об Е. Азефе, что тот *«как большинство евреев-революционеров своего времени был далек от еврейства. Московский раввин Я. Мазе пишет о том, как относился Азеф к иудаизму, он довольно зло издевался над обычаями, традициями, религией своего народа»*^[1390].

Этим расслоением немедленно воспользовались международно-финансовые еврейские круги, стремившиеся использовать еврейское население в своих целях ниспровержения существующего в России государственного строя. В некоторых источниках, правда маргинального характера, приводятся сведения, что в 1900–1902 гг. в США было подготовлено 10 тыс. человек, в основном евреев, выходцев из России. В их задачу входило, получив вооружение и подготовку, вернуться в Россию для террора и наведения хаоса^[1391].

Несмотря на эти большие уступки в еврейском вопросе со стороны Императорского Правительства, парижский барон Альфонс Ротшильд отказал в финансовом кредите России

со словами: *«Не расположен пойти на финансовую комбинацию, даже при тех послаблениях, которые русским правительством могут быть даны евреям»*. Этими словами банкир дал отлично понять, что судьба и положение евреев в России его совершенно не интересуют.

Первым предлогом для начала активной помощи революционерам стала объявленная кампания «за предоставление всех прав евреям». Американский банкир иудей Якоб Шифф заявил об этом С. Ю. Витте совершенно откровенно: *«Передайте Вашему Государю, что если еврейский народ не получит прав добровольно, то таковые будут вырваны при помощи революции»*^[1392].

Для начала активной организации вооружённых групп американо-еврейскому сообществу требовался повод, который не заставил себя долго ждать. 6 апреля 1903 г. в Кишиневе прокатились массовые беспорядки, вылившиеся в погром местного еврейского населения, приведший к многочисленным смертельным исходам. К началу XX в. в Кишиневе проживало: 50 тысяч евреев, 50 тысяч молдаван и только 8 тысяч русских^[1393]. Поэтому говорить, что кишиневский погром был учинён русскими, неверно. Погром начался в канун иудейской и православной Пасхи. За два месяца до погрома в небольшом городке Дубоссары исчез, а потом был найден убитым четырнадцатилетний подросток Михаил Рыбаченко. Труп был изрезан и исколот. Министр юстиции Н. В. Муравьев и директор 1-го департамента того же мини-

стерства А. А. Хвостов считали, что дело следует рассматривать как ритуальное убийство. Одесский окружной суд этого мнения не разделял и начал расследование в другом направлении – бытовом. Ежедневная кишинёвская газета «Бессарабец», возглавляемая публицистом и журналистом юдофобом П. А. Крушеваном, стала открыто заявлять о ритуальном убийстве. За «Бессарабцем» горячую тему подхватили «Новое время» и «Свет». Вскоре, однако, следствие заявило, что ребёнок был убит родственниками из-за наследства.

Но истинной причиной погрома стало недовольство молдавского населения ростом успешной еврейской торговли и сопровождавшимся при этом ростом еврейского населения в Бессарабии. *«Никакого насилия, – пишет В. А. Кожин, – или хотя бы беззакония евреи по отношению к бессарабцам не совершали: они только умело и сплоченно занимались финансово-торговой деятельностью. Никто не мешал бессарабцам сплотиться и потеснить евреев»*^[1394].

Однако имеются сведения, что не для всех евреев Кишинёва нападение молдаван стало внезапным. Местная сионистская организация во главе с уполномоченным Я. М. Бернштейном-Коганом знала о готовящихся беспорядках заранее и подготовилась к ним, запасаясь палками и камнями, о чём свидетельствует несколько убитых и множество раненых во время погрома христиан. Причём огнестрельные ранения были причинены только христианам. Были организованы отряды еврейской молодёжи^[1395]. Примечательно и

другое: накануне погрома, в апреле 1903 г., в Кишинёве появились листовки, в которых говорилось о «*секретном приказе*» Царя «*убивать евреев*»^[1396].

Богатые евреи готовились к грядущему заблаговременно, обеспечивая безопасность себе и своему имуществу. Среди погибших от погрома не было ни одного представителя еврейской буржуазии^[1397].

Жестокие беспорядки, безусловно, были прискорбным и возмутительным явлением. Власти не ожидали таких событий, а полицейских сил оказалось недостаточно, чтобы прекратить столкновения. Об этом сообщал в зашифрованной телеграмме губернатор Бессарабской губернии генерал-лейтенант Р.С. фон Раабен министру внутренних дел В. К. Плеве 7 апреля 1903 г.: «*Приняты все меры к немедленному подавлению. Не остановлюсь в случае необходимости перед употреблением в дело оружия. Вполне наглядно обнаружился громадный недостаток численного состава полиции, сказавшийся более, чем когда-либо; чины её, бодрствуя всю ночь, выбились окончательно из сил вчера*»^[1398].

Лишь на третий день в город были введены войска. В заключении Обвинительного акта говорилось, что беспорядки «*разрослись до указанных размеров лишь благодаря нераспорядительности полиции, не имевшей должного руководства... Предварительным следствием не добыто данных, которые указывали бы, что упомянутые беспорядки были заранее подготовлены*»^[1399].

Кишиневский погром был осуждён всем русским обществом. Особенно важно, что погром осудили православный иерарх епископ Антоний (Храповицкий) и священник Иоанн Кронштадтский. *«Вместо праздника христианского они устроили праздник сатане»*, – писал отец Иоанн. (Правда, в последующих своих высказываниях Праведный говорил об ответственности в событиях и евреев.)

Погром вызвал панику среди еврейского населения. Сразу же после него в США из России эмигрировало 77 тыс. 544 еврея. Власти арестовали свыше 800 погромщиков, около 300 из них были преданы суду, проходившему в закрытом режиме. Некоторых приговорили к различным срокам каторжных работ, тюремному заключению. Часть погромщиков была оправдана. Был уволен со своего поста Р.С. фон Раабен.

Сразу же после кишиневских событий определёнными заграничными и союзными им внутрироссийскими кругами началась оголтелая кампания, ставившая своей целью обвинить в погроме именно Императорское Правительство. Вопреки выводам следствия, «Бюро защиты евреев», едва узнав в Петербурге о погроме, немедленно обвинило в нём верховную власть: *«Как только мы узнали, при какой обстановке происходила Кишинёвская бойня, для нас стало ясно, что эта дьявольская затея никогда не имела бы места... если б она не была задумана в Департаменте полиции и не выполнялась по приказу оттуда»*^[1400].

Непосредственно после этих трагических событий крупный американский банкир Якоб Шифф предпринял практические шаги, направленные против российских властей. Он написал президенту США Теодору Рузвельту несколько писем, в которых просил его выступить в Конгрессе и по дипломатическим каналам в защиту евреев в России.

В лондонских синагогах обвиняли Святейший Синод в религиозной резне. Самые злобные нападки на русское Правительство были со стороны газет, подконтрольных еврейским финансовым магнатам. Так, одна из таких американских газет писала: *«Мы обвиняем русское правительство в ответственности за кишиневскую резню. Мы заявляем, что оно по самые уши погрязло в вине за истребление людей. У его дверей, и ничьих ещё, ложатся эти убийства и насилия. Пусть Бог Справедливости придет в этот мир и разделается с Россией, как Он разделался с Содомом и Гоморрой, и сметет этот рассадник чумы с лица земли»*^[1401].

Через шесть недель после погрома неизвестно откуда был «обнаружен» текст «секретного письма» министра внутренних дел Плеве к кишиневскому губернатору, где министр в ловких уклончивых выражениях советовал, что *«если вдруг произойдут обширные беспорядки против евреев, то ни в коем случае эти беспорядки не подавлять силой оружия, а только увещевать»*. Текст этого «письма», который являлся фальшивкой, странным образом сразу же попал в английскую газету «Таймс» и был в ней немедленно опубликован.

Западные газеты на все лады повторяли небылицы петербургских газет об убийствах в Кишинёве женщин и грудных младенцев, о множестве случаев изнасилования несовершеннолетних девочек, жён в присутствии мужей или родителей; сообщения о вырезанных языках. *«Одному еврею распороли живот, вынули внутренности... одной еврейке вбили в голову гвозди насквозь через ноздри»*. Всё это не нашло подтверждения в отчёте прокурора суда В. Н. Горемыкина^[1402]. *«Всех трупов, – говорилось в нём, – обнаружено 42, из коих 38 евреев; у всех убитых найдены были повреждения, причинённые тяжёлыми тупыми орудиями: дубинами, камнями, лопатами, у некоторых же острым топором. Огнестрельных ран не было. Раненых всех 456, из коих 62 христианина. Из числа евреев, только пятеро получили тяжкие повреждения, остальные все легкие. Никаких следов истязаний ни у кого не найдено, и только лишь у одного еврея, слепого на один глаз, выбит другой глаз. Почти $\frac{3}{4}$ пострадавших мужчины, за единичными исключениями, взрослые люди. Об изнасилованиях было подано три заявления, из коих по двум составлены обвинительные акты. Домов разгромлено было около 1350»*^[1403].

Спустя две недели после Кишинёвского погрома общество ивритских писателей «Агудатсофримиврим», членами которого состояли А. Г. Гинцберг (Ахад ха-Ам), Х. Н. Бялик, М. Бен-Ами, С. М. Дубнов и И. Равницкий, опубликовало свое заявление по поводу погрома в Кишиневе. Это заяв-

ление, написанное Гинцбергом, начиналось со слов: «...это унижительно для пятимиллионного народа ...подставлять свои шеи для резни и звать на помощь, даже не пытаясь самостоятельно защитить свою собственность, достоинство и жизнь»^[1404]. Кстати, это утверждение не соответствовало действительности: в Кишинёве был отряд еврейской самообороны, причём, в отличие от погромщиков, вооружённый огнестрельным оружием, и он даже пытался действовать, но был разоружён полицией и армией^[1405].

Идею создания таких отрядов поддерживали различные еврейские политические партии и организации. Так, в 1903 г. нелегальная еврейская партия Бунд заявила, что на насилия надо отвечать с помощью силы. Различные сионистские организации призывали молодежь осваивать владение оружием для самозащиты. Эти призывы не остались без ответа: в 1903–1905 гг. отряды еврейской самообороны возникли во многих городах и местечках черты оседлости^[1406]. Весной 1903 г. иудейский духовный лидер И.-Л. Магнус организовал в Нью-Йорке огромную демонстрацию против Кишинёвского погрома и создал Общество самообороны, собирающее средство для закупки оружия и нелегальной переправки их в Россию для уже существующих еврейских отрядов^[1407]. Понятно, что у самого Магнуса средств для закупки оружия не было, он их получал от американско-еврейских банкиров. Это подтверждает и «Краткая еврейская энциклопедия», сообщающая, что Я. Шифф «оказывал щедрую

помощь группам еврейской самообороны и жертвам погромов 1903–1905 гг. в Российской империи»^[1408]. О том, что еврейская диаспора США активно поддерживала создание боевых отрядов в России и бралась их финансировать, свидетельствует выступление высокого чиновника Филадельфии Г. Лёба на антирусском митинге в 1912 г. «Учите юношей из нашего народа в той темной стране защищать себя своими собственными руками, – сказал Лёб, – и учите их ввозить контрабандой оружие, которым можно уничтожать трусливых убийц, посланных против них, и вы добьетесь большего для решения проблемы в России, чем принятие резолюций и аннулирование соглашений. Учите их, что русские евреи не запуганы и не боятся, а готовы бороться и пролить свою кровь, если потребуется, и русские солдаты и крестьяне не сунутся в гетто, в поисках неприятностей. Трусливая Россия, которую поставила на колени маленькая Япония, станет на колени снова перед богоизбранным народом»^[1409].

По данным лондонской еврейской хроники, сумма собранных на революцию денег составила: германские евреи – 115 тыс. фунтов стерлингов (1 150 тыс. рублей), английские – 149 341, американские – 240 тыс., французские и австрийские – 370 тыс.^[1410]

Начиная с 1902–1903 гг. на деньги американско-еврейских банкиров молодые представители богатейших еврейских семей – Гавронские, Гоцы, Высоцкие, Фондаминские – стали вступать в партию эсеров, а старшие жертвовали ей сот-

ни тысяч рублей. Партия социалистов-революционеров (эсеров) возникла во второй половине 1890-х годов из небольших народническо-социалистических групп и кружков Петербурга, Пензы, Полтавы, Воронежа, Харькова, Одессы. Часть их объединилась в 1900 году в «Южную партию социалистов-революционеров», другая в 1901-м – в «Союз эсеров». В конце 1901 г. они соединились, и в январе 1902 г. нелегальная газета «Революционная Россия» объявила о создании единой партии социалистов-революционеров. Эсеры, по их собственным словам, связывало идейное и тактическое сродство с бывшей «Народной волей». Сущность эсеровской идеологии составляла идея о возможности перехода России к социализму некапиталистическим путем. В программе эсеров значились типичные для революционных демократов цели: *«признание неотъемлемых прав человека и гражданина: полная свобода совести, слова, печати, собраний и союзов; свобода передвижения, неприкосновенность личности, равное избирательное право, демократическая республика»*^[1411]. Главную свою задачу эсеры видели в созыве Учредительного собрания. Однако это была, так сказать, теория, предназначенная для непосвященных. Главной своей задачей партия ставила уничтожение Самодержавия. Главным средством для осуществления этой цели эсерами был избран террор. В 1902 г. под руководством провизора Г. А. Гершуни была создана «Боевая организация» (БО), на которую было возложено приведение в исполнение

«приговоров» Центрального комитета партии эсеров. Фактически БО и стала партией.

Но нас в данном случае интересует не сама БО и не её кровавые исполнители. А то, на чьи деньги осуществляла она свои преступления и кто её использовал в своих целях. Руководитель Боевой организации эсеров Б. В. Савинков свидетельствовал: *«Член финской партии активного сопротивления Конни Циллиакус сообщил Центральному комитету, что через него поступило на русскую революцию пожертвование от американских миллионеров в размере миллиона франков, причем, американцы ставят условием, чтобы эти деньги пошли на вооружение народа и распределены были между всеми революционными партиями. Центральный комитет принял эту сумму, вычтя 100 000 франков на Боевую организацию»*^[1412].

Государь был информирован об участии еврейского капитала в разжигании революции. Он пытался войти в переговоры с лидерами еврейского международного капитала по поводу возможного соглашения о прекращении разжигания революции. 13 августа 1904 г. с одобрения Государя В. К. Плеве встретился с прибывшим в Россию лидером сионизма Теодором Герцлем. Во время беседы министр заявил: *«Утверждения, что русское правительство якобы причастно к организации погромов, или что оно относится к ним с пассивной терпимостью, причиняют Государю боль. Как Глава государства Его Величество относится ко*

всем своим подданным с одинаковой добротой. При его известной доброте ему особенно больно, когда его подозревают в чем-то негуманном»^[1413]. Далее Плеве сказал: «Не хочу отрицать, что положение евреев в Российской Империи не слишком завидное. Да, будь я евреем, я, вероятно, тоже был бы врагом правительства. Однако мы не можем поступать иначе, чем до сих пор, и поэтому для нас было бы весьма желательным создание самостоятельного еврейского государства, способного принять несколько миллионов евреев. Мы не питаем ненависти к евреям как таковым».

Герцль попросил Плеве облегчить положение евреев, остающихся в России, по крайней мере расширением черты оседлости и включением в нее Курляндии и Риги (Прибалтийского края Российской Империи), а также разрешением покупки земли для сельскохозяйственных надобностей внутри черты. Плеве обещал отнестись положительно к этому. Плеве обещал Герцлю сделать послабление сионистскому движению в России, если оно не будет заниматься внутренней политикой. Он также сказал, что русское правительство готово использовать свое влияние на турецкие власти, чтобы содействовать доступу евреев в Палестину. В качестве резюме Плеве вручил Герцлю письмо, которое могло рассматриваться как официальное правительственное заявление. Министр сообщил Герцлю, что показывал письмо Государю и получил согласие последнего на отправку этого письма адресату.

Герцль был очень доволен встречей с русским министром. Говорят даже, что он сказал Плеве, что еврейские банкиры финансируют революцию, но сионизм противник этого. В свою очередь, Плеве доложил об итогах встречи Государю и получил одобрение. Царь был готов оказать содействие сионизму, но лишь в смысле переселения части еврейского населения в Палестину, что, безусловно, смягчило бы революционную ситуацию, так как уже к 1903 г. евреи, составляя менее 5 % населения России, при этом давали 50 % революционеров.

Но сионизм был ещё очень слаб как политическая сила и к тому же сам сильно зависел от еврейского финансового капитала. Поэтому он был не в состоянии, даже если бы захотел, предотвратить начавшуюся против России войну еврейских финансовых воротил. К тому же Т. Герцль был осуждаем со стороны многих сионистов за сотрудничество с Плеве и вскоре умер (3 июля 1904 г.). Почти одновременно с ним был убит и В. К. Плеве. Вполне возможно, что эти две смерти не случайно последовали одна за другой.

По поручению верховной власти министр финансов С. Ю. Витте вышел на самого председателя Американского еврейского комитета Я. Шиффа. Контакт с Шиффом осуществлялся через сына купца 1-й гильдии Г. А. Виленкина, зятя американского финансиста А. Зелигмана, женатого на родственнице Шиффа. Финансовый магнат категорически отказался от предложения прекратить финансировать

русских революционеров, заявив, что *«дело зашло слишком далеко, и вообще, о мире с Романовыми не может быть и речи»*^[1414]. Подобным же провалом закончились попытки Витте договориться с Ротшильдами^[1415].

Глава 12. Загадка доктора Филиппа Низье

Имя французского целителя из Лиона Филиппа Низье использовалось в 1901–1904 гг. врагами Императора Николая II с целью его компрометации. Впоследствии таким же образом будет использоваться имя Григория Ефимовича Распутина. Между тем личность и деятельность Низье покрыты мраком неизвестности в гораздо большей степени, чем личность и деятельность последнего. Однако в нашем исследовании нас интересует прежде всего не сама личность Низье, а та причина, по которой он стал интересен Императору Николаю II. Сегодня в общественной и исторической мысли безраздельно господствует убеждение, что причинами этого интереса были духовные и целительские дарования Низье, которые большинство склонны считать шарлатанством. Главная мысль, которая господствует у большинства историков: Царь и Царица попали под влияние гипнотизёра и оккультиста, который манипулировал их сознанием. Иногда эта мысль приобретает совсем уж карикатурные формы. Так, С. В. Куликов в своем в целом весьма интересном исследовании, касаясь образования Николая II, договаривается до следующего: *«Вестернизированность (sic!) Николая не противоречила его религиозности, отличавшейся нетрадиционностью. Царь и его супруга Александра Федо-*

ровна были поклонниками западного оккультизма. Нетрадиционный дух религиозности императора выразился в посвящении Николая в мистическое масонство и общении монарха с его адептами – великим магистром ордена мартинистов Папюсом и Филиппом»^[1416]. Так, Русский Царь Божий Помазанник, святой мученик нашей Церкви, с лёгкой руки рязанского историка превращается в оккультиста, масона и западника. Причём г-н Куликов даже не считает нужным обозначить своё утверждение словами: «говорят», «предполагают», «по некоторым источникам». Он пишет об «оккультизме» и «масонстве» Государя так, словно это само собой разумеющийся и всем известный факт. Однако источники, на которые упирается Куликов, при ближайшем рассмотрении ровным счётом ничего не стоят. Так, в качестве доказательств «масонства» Николая II историк приводит письмо Государю магистра некой великой ложи розенкрейцеров «Мезори», датированное примерно 29 сентября 1905 г. Оно взято из фонда П. Е. Щеголева, одного из авторов подложного дневника А. А. Вырубовой. Содержание письма весьма своеобразное: в нём «магистр великой ложи» клеймит масонов как главных врагов Царя и Отечества, обвиняя их в развязывании Русско-японской войны и во «внутренней смуте». Указ о веротерпимости «масоны» «Мезори» считают наносящим удар по государственной религии – Православию, а «течение дел» в Государственной думе, по прогнозу авторов письма, должно перейти в руки «если не самих евреев»,

то «либеральной плутократии, поддерживаемой жидовскими капиталами, несмотря на кажущееся численное превосходство русского элемента, и особенно крестьянства, в Думе»^[1417]. Те, кто знает, насколько в подлинном франкмасонстве почитаются декларация о веротерпимости и иудеи как «старшие братья», поймут всю нелепость письма «магистра» «Мезори».

Далее, одним из главных врагов России в письме указывается действительно близкий к масонам Витте, который называется ставленником «еврейско-масонской» партии и в недалеком будущем «возможным канцлером Российской империи». Авторы письма указывали на «необходимость поддержать, во что бы то ни стало, начала, по коим до сих пор строилось и зиждилось благополучие и процветание Империи, а именно господство Православия, Самодержавия и народности»^[1418].

Доктор ист. наук А. А. Аврех справедливо считал письмо «Мезори» мистификацией^[1419]. Он указывал, что по целому ряду признаков письмо написано представителями какой-нибудь ультраправой организации, считавшей «главным виновником всех неприятностей Витте, которого они люто ненавидели и считали масоном». Для подлинной масонской переписки невозможно осуждение идей масонства, так же как и юдофобские высказывания, которыми изобилует «письмо» «Мезори». «В письме, – отмечал А. А. Аврех, – нет никаких внешних признаков масонского письма (стиль,

своеобразие формулировок, определенные штампы), которые легко узнаются и неспециалистами»^[1420].

Реакция Департамента полиции на письмо также указывает на его подделку: *«Он оставил письмо без всяких последствий – вещь также невозможная, если бы речь шла действительно о масонах, даже если последние придерживались бы того же profession de foi (исповедание веры), что и сами жандармы и охранники»*. Примечательно, что во все последующие годы ложа «Мезори» не проявила ни малейших признаков жизни». Аналогичного мнения придерживается и доктор ист. наук Б. В. Старков^[1421]. Читатель сам может судить, насколько так называемое «письмо» несуществующего магистра несуществующей ложи может служить «доказательством» принадлежности Государя к масонству. Однако Государя обвиняли ещё и в принадлежности мартинизму.

Главным основателем тайного оккультного учения – мартинизма является Жерар Анаклет Венсен Анкосс (оккультный псевдоним Папюс). Орден мартинистов уходит корнями в средневековое учение каббалистов, которое было развито и осовременено во времена Французской революции мистиком и оккультистом Л.-К. де Сен-Мартен, от имени которого и пошло название учения. В основе «мартинизма» лежало учение о способности обретения человеком прямого общения с Богом, которое достигалось путем медитации и внутренней «духовной алхимии». В конце XIX в. Папюс

ввел учение Сен-Мартена в организованные формы, создав орден мартинистов. Хотя орден своей структурой напоминал масонство, в нем существовали ложи и степени посвящения, регулярное масонство от него всячески открещивалось. Крупный отечественный исследователь масонства А. И. Серков указывает, что *«во Франции Папюс и его сторонники не находили признания среди вольных каменщиков. Великая ложа Франции и Великий Восток Франции решительно отвергали “регулярность” мартинистов»*^[1422].

Тем не менее многие исследователи склонны считать мартинизм масонством. К этому виду масонства, по мнению некоторых исследователей, якобы принадлежал Император Николай II. На поверку эти «сведения» являются такой же мистификацией, как и принадлежность Государя к «ложе» «Мезори». Причём они исходят исключительно из масонских источников. Так, крупный масон Л. Д. Кандауров сообщал: *«В числе членов ложи [мартинистов] был Император Николай II. Собрания открывались и закрывались молитвословиями. Ритуал был выработан собственный. Интересовалась ложа, главным образом, вопросами религиозно-нравственными. Как говорят, созыв первой Гаагской мирной конференции был вызван в значительной степени влиянием этой политики. Позднее Царь отвернулся от оккультизма и обратился к святому Серафиму Саровскому, перестав посещать ассоциацию»*^[1423]. Примечательно, что эту информацию Кандауров изложил в записке 1929 г. для

Парижской международной конференции верховных советов древнего и принятого шотландского обрядов^[1424]. Нечего говорить, автор и публикатор «заслуживают» доверия!

Другой масон, богатый предприниматель П. А. Бурышкин, сообщал, что Государь увлёкся мартинизмом около 1900 г. и стал главой ложи «Крест и Звезда»^[1425]. Бурышкин происходил из купеческого рода, близкого к крайне враждебному Царю кругу лиц: братьям Гучковым, А. И. Коновалову, А. Животовскому (дяде Л. Троцкого) и П. П. Рябушинскому.

Есть ещё два упоминания о мартинистской ложе в Царском Селе, но все они исходят от масонов, оказавшихся в эмиграции. Причины появления этих «сведений», несомненно, были вызваны стремлением компрометации памяти к тому времени уже убиенного Государя и противодействие росту монархических симпатий в эмиграции и подсоветском народе. Ни одного достоверного свидетельства о существовании ложи «Креста и Звезды» не существует. А туманные сведения очередных масонов Жана Брико и князя В. Л. Вяземского о том, что царскосельская ложа называлась «Роза и Крест», служит лишним доказательством эфемерности факта ее существования. Нельзя не согласиться с С. В. Фоминым: *«К сожалению, нередко записи подобных ни к чему не обязывающих разговоров в дневниках, письмах и воспоминаниях, служат ныне “подтверждением” гипотез учёных»*^[1426]. По этому поводу А. И. Серков заключает: *«Очевидно, что*

легенда о создании мартинистской ложи в Царском Селе с участием Императора не имеет под собой реальной основы. Тем не менее даже слухи способствовали успеху мартинизма в России: это создавало иллюзию безопасности и вызывало подражание»^[1427].

Однако что известно нам о связях основателя мартинизма Папюса с русскими правящими кругами? Оказывал ли он какое-либо влияние на них, и, в частности, на Государя и Государыню?

При исследовании личности Папюса трудно отделаться от мысли, что он мало походил на «традиционного» масона того времени. А. И. Серков пишет: *«Врач по профессии, Папюс практиковал в области гипноза (“животного магнетизма”) и являлся владельцем лечебницы. В 1887 г. вступил в Теософское общество, активно работал в группах при оккультных журналах; затем вместе со Станиславом де Гуайта стал основателем, а с 1888 г. членом Верховного Совета каббалистического Ордена Розы и Креста (Розенкрейцерского каббалистического общества). Однако Папюс не ограничивал свои интересы лишь розенкрейцерством и в 1890 г. создал также Орден мартинистов, в котором со времени образования и до кончины был Великим мастером Верховного Совета. <...> Папюс пытался соединить все “науки”, имевшие хотя бы оттенок «тайного», а потому мог одновременно быть масоном, каббалистом, розенкрейцером, тамплиером, теософом, гностиком и т. п., но при условии, что в*

каждом из “тайных” обществ ему предоставлялся руководящий или почётный пост»^[1428].

Папюс, сохраняя «братские отношения» и с Великой Сведенборгской ложей, и с испанским масонством, и с Великим Востоком Франции, и орденом розенкрейцеров, оставался от них независимым. В 1908 г. он вошёл в ложу обряда Мемфис-Мисраим и был назначен Великим мастером этого масонского устава для Франции. Не вызывает удивления, что во Франции Папюс и его сторонники не находили признания среди «вольных каменщиков»: Великая Ложа и Великий Восток Франции решительно отвергали «регулярность» мартинистов^[1429]. Великий Восток считал ложу Папюса «*раскольнической*»^[1430]. В свою очередь Папюс осуждал французские послушания Великого Востока и Великой Ложы, которые в 1899 г. отказали ему в посвящении^[1431]. Резко отрицательно относились мартинисты и к иудаизму. Ближайший ученик и сподвижник Папюса А. Шулер называл «ночных братьев» «*протокозлами иудаизма*». Между тем, по сведениям Л. А. Ратаева, Великий Восток Франции напрямую зависел от американско-еврейского олигархического сообщества^[1432].

Таким образом, Папюс, связанный со многими масонскими организациями и имеющий значительное влияние в широкой масонской среде, был своего рода «протестантом», критически относящимся к масонскому «папе» – Великому Востоку.

Между тем Великий Восток был одним из главных врагов

Самодержавного строя. По сведениям заграничной агентуры Охранного отделения: *«Можно ожидать от Великого Востока Франции самого широкого содействия противоправительственным планам русских революционных элементов. <...> По многим признаниям, Великий Восток уже пошёл по этому пути, держа все свои действия и решения в строжайшей тайне»*^[1433]. По тем же сведениям, «великий оратор» Великого Востока Сержан выразил уверенность, *«что русский народ “отправит международный капитализм, Царя и царизм на большое кладбище истории. Мы уверены, что в скором времени Свобода, Равенство и Братство будут царствовать в этой великой стране”*»^[1434].

В начале 1900-х гг. в своём сообщении глава заграничного бюро Л. А. Ратаев докладывал: *«Отличительная черта всех этих великих востоков, это полная ненависть к России, которая остаётся у них оплотом всех реакционных сил всей Европы»*^[1435].

С 1898 г. дочерние ложи Великого Востока начинают распространяться в России на полуполюгальном положении. К 1903 г. во французских ложах насчитывалось уже полтора десятка русских либералов^[1436]. Однако, как говорилось в годовом отчёте Великого Востока: *«Те несколько лож, которые существуют в России, изолированы и скрыты от взоров»*^[1437].

Папюс принял в орден мартинистов видных французских политических и общественных деятелей: министра

иностранных дел Т. Делькасе, министра колоний А. Гийена и социалиста Ж. Жореса^[1438]. Эти факты весьма важны для понимания причин, по которым мартинизм был интересен определённым правительственным кругам в России. Понятно, что эти интересы были обусловлены в первую очередь возможностями получения от Папюса важной информации и пользования его связями.

Между тем, когда и по каким причинам Папюс оказался в России, кто его туда пригласил, остаётся загадкой. Сведений об этом крайне мало, и все они скрыты за откровенными домыслами, мифами, а то и просто ложью. Как отмечает А. И. Серков: *«Если Филипп как предшественник Распутина неоднократно упоминается мемуаристами и исследователями, имени Папюса мы практически не встретим в свидетельствах современников»*^[1439].

Никаких достоверных сведений о встрече Государя с Папюсом нет. Его имя ни разу не встречается ни в дневниках Николая II, ни в его письмах. Тем не менее нельзя исключить, что Папюс представлял для него определённый интерес, только он не имел никакого отношения к «принадлежности» Царя мартинизму. Было бы нелепым предполагать, что Николай II отказывался от противодействия масонской подрывной деятельности, грозящей гибелью ему, Династии и России. То, что до нас дошло об этом крайне мало сведений, лишь свидетельствует о серьёзности этого противостояния. Конечно, его пик пришёлся на события 1905–

1907 г., но это вовсе не означает того, что Царь ничего не предпринимал для борьбы с этой силой с самого начала своего царствования. Государь нисколько не сомневался в масонском характере режима III Республики, который стал особенно враждебен царской власти, начиная с 1900-х гг. XX в. В связи с этим нельзя исключать определённых далеко идущих планов Николая II на случай непредвиденных событий во Франции. Начавшаяся беспощадная борьба республиканского режима с католической церковью, репрессии против её духовенства, усиление социалистической пропаганды вызвали в определённой консервативной части французского общества острое недовольство. Перед самым визитом Николая II в Дюнкерк 26 августа 1901 г. им было получено письмо от некоей француженки Луизы Бельма, в котором та предостерегала Царя как «Главу наиболее уважаемого и цивилизованного государства» от посещения Франции, где у власти стоят «бандиты». Бельма писала, что своим визитом Николай II невольно поддерживает преступный, по её словам, режим III Республики. Бельма давала характеристику всему руководству Франции: *«Господин Эмиль Лубе – президент Республики, ещё со времён Панамы тесно связан с коррумпированными членами нашего парламента, сам парламент демонстрирует сегодня преследования верующих, чья вина заключается только лишь в обожании Всемогущего Бога. Вальдек-Руссо – ренегат, Ланессан – предатель, который служит англичанам, нашим врагам, генерал*

Андре – дезорганизатор нашей национальной армии, Мильеран – социалист, разрушитель французской индустрии, наконец, Делькассе – организатор нашего провала в Фашиода. Остальные ныне действующие министры являются ужасными личностями, которые ведут нашу страну в пропасть бесчестия»^[1440].

В целях борьбы с разрушительными идеями масонства во Франции ещё в 1893 г. было основано «Assotiation Antimaçonique» («Антимасонское общество»). Около него группировались все католические и роялистские силы Франции. Среди членов общества были депутаты, сенаторы, генералы, адвокаты, офицеры и публицисты. Большинство членов, носящих название «sociétaires» («участники»), или «adhérents» («единомышленники»), были глубоко засекречены^[1441]. Во главе этой Антимасонской лиги стоял адмирал сенатор граф Ж.-М. де Кювервилль, но подлинным её руководителем был аббат Ж. Турмантен, занимавший скромную должность секретаря. По сообщениям Ратаева, Турмантену «всецело и безоговорочно доверяется вся сложная и трудная организация добывания обличающих масонство сведений. Аббату Турмантену служит громадная сеть рассыпанных по всей Франции и даже за границей агентов; некоторые намёки позволяют думать, что аббат имеет своих агентов и в России. В настоящее время состояние его агентуры блестящее, существуют ходы, даже к ультрасекретным постановлениям верховного масонства»^[1442].

Контакты доверенных лиц Императора Николая II с «Антимасонским обществом» точно зафиксированы начиная с 1905 г. Именно в этом году чиновник по особым поручениям МВД Б. К. Алексеев установил постоянный контакт с аббатом Ж. Турмантенем. Причём тот сказал Алексееву: *«Если русское Правительство придёт мне на помощь, я с удовольствием буду работать для России и для Царя, которого я очень люблю. Дайте мне средства, и я представлю Вам всю подноготную масонства»*^[1443]. Известно, что через «Антимасонское общество» Алексеев получал чрезвычайно важные сведения о подрывной деятельности масонских лож в России. Особые поручения, которые выполнял для Департамента полиции Б. К. Алексеев, заключались в аналитической разработке и выявлении деятельности масонских лож в высших эшелонах власти Российской Империи. Бывший директор департамента полиции С. П. Белецкий на допросе следственной комиссии Временного правительства рассказывал, что Б. К. Алексеев составлял для Государя доклады о масонстве, особенно по деятельности французских и германских лож^[1444].

Судя по всему, интерес Николая II к возможности противодействия масонству существовал до установления контактов с Антимасонским обществом. Однако дело не ограничивалось только добыванием сведений о масонской деятельности против России. По всей вероятности, предполагались контрмеры кардинального свойства. Большой интерес

представляет присутствие при особе Императора Николая II принца Луи Наполеона Жозефа Бонапарта, внучатого племянника Наполеона I. Помимо этого, принц был в родстве с Романовыми, так как его дед король Вестфалии Жером Бонапарт был женат на принцессе Екатерине Вюртембергской, родной племяннице Императрицы Марии Феодоровны, супруги Императора Павла I. В 1889 г. принц поступил на русскую службу в 44-й Драгунский Нижегородский полк. Император Александр III специально направил принца Наполеона в малоизвестное воинское подразделение, чтобы не создавать конфликта с республиканской Францией, которая могла бы расценить благоволение к представителю свергнутой династии как вмешательство в её внутренние дела. Согласно завещанию отца, принца Жозефа Бонапарта, Луи Наполеон получал все права престолонаследия по линии Бонапартов. С вступлением на престол Николая II карьера принца начала быстро расти. В 1895 г. ему присвоено звание полковника русской армии, в 1896 г. он назначен командиром 46-го Драгунского полка, в 1897 г. – командиром Лейб-гвардии Уланского Её Императорского Величества Государыни Императрицы Александры Феодоровны полка, в 1900 г. – присвоено звание генерал-майора, в 1903 г. – пожалован высший орден Российской империи Св. Апостола Андрея Первозванного. Без особых государственных заслуг им награждались только члены правящих династий, а Бонапарты таковыми не являлись. Принц Луи Наполеон был, по сути, причислен к бли-

жайшему родственному кругу Царя. Государь не мог не понимать, что тем самым он придаёт принцу особое политическое значение. В 1897 г. президент Феликс Фор во время своего визита в Петербург возвёл в рыцарскую степень ордена Почётного легиона всех офицеров Царской свиты, причём прикалывал орден к мундиру лично. Рыцарская степень является низшей, а высшую, пятую, Большого Креста, мог иметь только президент республики. Фор был потрясён, когда один из офицеров Свиты решительно отказался принять орден, заявив, что по праву рождения уже имеет высшую степень Почётного легиона. Этим офицером был принц Наполеон. Государь объяснил Фору, кто перед ним. Инцидент был исчерпан, но, по всей вероятности, со стороны Государя он не был случайностью.

Естественно, что в республиканских правительственных кругах Франции такое возвышение принца Бонапарта восторгов не вызывало. В Великом Востоке были уверены: *«Россия работает над гибелью французского республиканского правительства и над падением республики. Её мечта – возвести на престол Франции принца Луи Бонапарта, служащего в русской армии, и восстановить Империю в его пользу»*^[1445]. По мнению масонов, вступление на престол принца Наполеона было бы для России весьма выгодным и в плане финансовом. *«Через него она получила бы все займы, нужные для распространения её власти и территории на востоке»*.

По некоторым сведениям, Государь планировал назначить принца Бонапарта Наместником на Кавказе, куда он был направлен в 1902 г. Однако в результате усилившегося недовольства с французской стороны ему дали в командование 1-ю Кавказскую кавалерийскую дивизию. Командуя ею, генерал-майор Бонапарт беспощадно подавил мятеж в Кутаисе в 1905 г., затем был назначен губернатором Эриванской губернии. Николай II особо доверял принцу: на протяжении всей Первой мировой войны он был представителем Государя при итальянском Генеральном штабе.

Вполне возможно, что Николай II рассматривал своего приближённого и верного генерала возможным претендентом на французский престол. Кстати, эта комбинация в условиях тогдашней Франции была вполне бы удачной: реставрацию Бонапартов во французском обществе восприняли бы лучше, чем реставрацию Орлеанов. Таким образом, приближение Бонапарта, по мысли Государя, было призвано служить интересам России, а не наполеоновской династии.

Похоже, что и Папюс рассматривался Государем вовсе не как основатель мартинизма. В 1895 г. он принял в орден графа В. В. Муравьева-Амурского, который был полковником русской армии и занимал должность военного агента в Париже. Однако записки, посылаемые Муравьёвым лично Государю, непохожи на записки масона. Эти записки объединяет общая тема – деятельность в Париже центра некой всемирной тайной организации, направленной на подрыв эконо-

мического и политического могущества России. 14/27 сентября 1900 г. граф пишет: *«Рядом с франк-масонами, или, вернее, над ними, стоит другая тайная политическая сила, а именно еврейство. Оно покрывает уже невидимую сетью весь мир и постепенно надвигается на нас. Центр всего мирового еврейства, который руководит его действиями, а сам остаётся в тени, находится в Париже. Здесь пребывает тот тайный синедрион, который в тиши своих кабинетов и лабораторий изучает древние книги тайных наук, следит за развитием их в наше время, предаётся занятием магией, каббалой и другими непонятными для непосвящённых и кажущимися детскими для толпы науками. Эти учёные узнают будущее различными тайными способами и пользуются тем, что владеют силой тайной науки, соответственно регулируют деятельность мирового еврейства и всего того что так или иначе служит ему и к разряду чего относятся и масоны, и социалисты, и анархисты, и тому подобные более или менее открытые, или тайные сообщества и секты»*^[1446].

Муравьёв-Амурский весьма жёстко реагировал на некоторые события во Франции. Так, в 1899 г. он сделал резкое представление французскому военному министру генералу Л.-Ж. Андре по поводу изменения приговора А. Дрейфу-су^[1447], заявив, что этим *«нарушен договор о союзе»*, то есть русско-французская военная конвенция 1893 г.^[1448] Разумеется, без прямого указания Государя такой демарш был бы со

стороны графа невозможен. Между тем Дрейфус был своего рода масонским знаменем, кампанию по его защите яростно вели такие известные «вольные каменщики», как Жан Жорес, Жорж Клемансо, Эмиль Золя. Одновременно они были не менее яростными ненавистниками Императорской России.

В Петербург Муравьёв вернулся делегатом ордена мартинистов от России. Им была основана ложа «Аполлония», по другим сведениям, ложа уже существовала. Однако, возглавив ложу, Муравьёв фактически саботировал её деятельность. Число членов его кружка едва превышало 10 человек. Больше ни одной ложи Муравьёвым открыто не было, новых adeptов он посвящал сам безо всякого ритуала и часто сразу в третью степень. Возникшие на этой почве недоразумения Муравьева с Папюсом, которого он обвинил в люциферанстве, привели к тому, что граф вынужден был в 1907 г. оставить должность. Собственно, мартинизм (или неомартинизм, как именовали российскую ветку ордена) никогда не смог в России стать серьёзной единой организацией^[1449]. В 1910 г. Охранное отделение сообщало о 8 тыс. членов мартинистского ордена в России, но тут же оговаривалось, что цифра эта крайне завышена^[1450].

Таким образом, очевидно, что деятельность графа В. В. Муравьёва-Амурского была направлена против усиления и распространения в России идей мартинизма. Из писем графа Государю видно, что он резко отрицательно от-

носился к масонству и оккультизму, а потому почти наверняка его вступление в орден Папюса было санкционировано Николаем II. Древние римляне говорили: «если не можешь что-то не допустить, то – возглавь». Так поступал Император Александр I, пославший в масонскую ложу «Соединённых друзей» своего верного министра полиции А. Д. Балашова. В августе 1810 г. тот потребовал от руководителей масонских лож в России представить ему на просмотр акты, на основе которых осуществлялись их «работы»^[1451]. Таким образом, Балашов стал посвящённым в масонские планы, о которых постоянно сообщал Государю. Тем не менее до сих пор распространено ложное мнение, что Александр Благословенный был масоном. Но на самом деле тот, не имея до поры возможности запретить деятельность лож, пытался её минимизировать внешней благосклонностью и засылкой в масонские ряды верных людей, которые в силу своего высокого положения в государстве и близости к Императору становились на высокие же должности в руководстве лож, тем самым активно мешая их подрывной деятельности.

В большой степени такую политику в отношении масонства можно отнести и к Императору Николаю II. В чрезвычайно сложной ситуации начала XX в., когда против России складывался единый масонский фронт, опирающийся на могущественные финансовые и политические заграничные структуры, Николай II вёл против них тонкую игру, используя противоречия между ними и направляя в их ряды вер-

ных людей. Только так можно было обезвредить масонство или хотя бы ослабить его подрывные возможности.

Всё, что касается приездов Папюса в Россию, покрыто неизвестностью, домыслами, а то и сознательной неправдой. Остаётся неясным, кем впервые был приглашён Папюс в Петербург и исходило ли это приглашение от члена царствующей династии. П. А. Бурышкин утверждает, что Папюс во время пребывания Царской Четы в Париже написал ей приветственное письмо и получил любезный ответ^[1452]. На этом шатком и не подтверждённом документами основании делается вывод о «связи» Николая II с Папюсом аж с 1896 г.! Продолжением этого мифа является целый ряд небылиц, причём, так же как и в случае с «членством» Государя в мартинистской ложе, им свойственны путаница и взаимоисключающие выводы.

Французский исследователь Ж. Сонье в своей книге, посвящённой духовному наставнику Папюса известному оккультисту Жозефу Сент-Иву д'Альвейдру, приводит письмо от ученика учителю, написанное в январе 1901 г.: *«Мой дорогой Учитель! Я определённо еду в Петербург 27 января. Мне организовали три недели чтения лекций, большинство из которых пройдёт при Дворе, перед великими князьями. Таким образом, я хотел бы посвятить некоторые из них "Археометру"»*^[1453] *и Вашему творчеству. Эта возможность вряд ли будет для меня долгой, и я был бы весь Ваш, если бы Вы пожелали вооружить меня [дополнительными зна-*

ниями] для этого случая. Его Величество Царь чрезвычайно интересуется христианским эзотеризмом, и я надеюсь, что “Археометр” может его просветить. Если Вы найдёте возможным предоставить мне необходимые документы, я посвящу этому один или два четверга, так как я хочу сделать определённые шаги, чтобы добиться правительственного поручения»^[1454].

Это письмо Ж. Сонье приводит из книги сына Папюса Филиппа Анкосса^[1455], источника весьма ненадёжного, так как автор не приводит ни фотокопию письма, ни откуда оно у него появилось. Тем более что в самой книге Сонье много неверных сведений: например, что Цесаревич Алексей родился в 1905 г. (на самом деле в августе 1904 г.). Время приезда Папюса в Россию, указанное в письме, а именно январь 1901 г., расходится с другими свидетельствами. Так, А. И. Серков утверждает: «Через десять лет после образования ордена мартинистов, в 1900 г., Папюс отправился в Россию для чтения лекций по магнетизму и оккультизму (затем он побывал в России в 1905 и в 1906 гг.). Однако реальной целью поездки было привлечение влиятельных покровителей. Лекции Папюса в С.-Петербурге заинтересовали Великих Князей Николая Николаевича и Петра Николаевича и Великих Княгинь Милицу Николаевну и Анастасию Николаевну (“черногорок”))»^[1456].

Посол Франции в Петербурге Морис Палеолог утверждает в своём дневнике, что «в 1902 г. воскреситель французского

герметизма, маг Папюс, настоящая фамилия которого д-р Анкосс, приехал в Петроград, где он скоро нашел усердных поклонников»^[1457].

По сведениям Ю. К. Терапиано, «в бумагах Папюса сохранился портрет Николая Николаевича с личной надписью, датированной 1900 г.»^[1458], имеется также диплом «почетного доктора герметизма», якобы выписанного Папюсом на имя Великой Княгини Милицы Николаевны. Что касается поэта Терапиано, то его «откровениям» следует доверять с такой же осторожностью, как и творчеству Кандаурова, Бурышкина и иже с ними. Терапиано активно занимался оккультными «науками», тесно сотрудничал с масонским журналом «Гермес» и с такими видными масонами, как М. А. Волошин, Н. Н. Берберова, В. Ф. Ходасевич. В 30-х гг. был членом ложи «Юпитер», сотрудничал с ложей «Северная звезда» и многими другими. Его статья о Филиппе и Папюсе имеет ту же цель, что и «работы» Кандаурова и Бурышкина: дискредитацию Государя.

На поверку все сведения о якобы созданной в Царском Селе мартинистской ложе не имеют под собой никакого основания и относятся к области масонского мифотворчества. Сутью этого мифотворчества является выражение: «всем известно...». «Всем известна, – пишут мартинисты разных мастей, – роль, сыгранная Папюсом в России. Он там основал мартинистскую ложу, в которую действительно входили лица, имевшие доступ ко Двору»^[1459]. Заметим, что речь уже

не идёт ни о Государе, ни о членах Династии, а о каких-то людях, «имеющих доступ ко Двору». Само название ложи масоны и мартинисты никак запомнить точно не могут: то ли «Роза и Крест» (Ж. Брико, князь В. Л. Вяземский), то ли «Крест и Звезда» (Л. Д. Кандауров и П. А. Бурыйшкін). Договаривались до того, что монограмма Императорской Четы являлась символом этой мифической ложи. В общем, кроме сплетен и выдумок, миф о мартинистской ложе в Царском Селе ничего под собой не имеет. Для этого достаточно ознакомиться со следующими пассажами М. Палеолога: *«В начале октября 1905 г. Папюс был вызван в Санкт-Петербург несколькими высокопоставленными последователями, очень нуждавшимися в его совете ввиду страшного кризиса, который переживала в то время Россия. <...> Император пребывал в жестокой тревоге, будучи не в состоянии выбрать между противоречивыми и пристрастными советами, которыми ежедневно терзали его семья и министры, приближенные, генералы и весь его Двор. <...> В тот самый день, когда Папюс прибыл в Санкт-Петербург, Москва была терроризована восстанием, а какая-то таинственная организация объявила всеобщую железнодорожную забастовку. Маг был немедленно приглашен в Царское Село. После краткой беседы с Царем и Царицей он на следующий день устроил торжественную церемонию колдовства и вызывания духов усопших. Кроме Царя и Царицы на этой тайной литургии присутствовало одно только лицо: молодой адъютант*

императора, капитан Мандрыгга, теперь генерал-майор и губернатор Тифлиса. Интенсивным сосредоточением своей воли, изумительной экзальтацией своего флюидического динамизма духовному учителю удалось вызвать дух благочестивейшего Царя Александра III; несомненные признаки свидетельствовали о присутствии невидимой тени.

Несмотря на сжимающую его сердце жуть, Николай II задал отцу вопрос, должен он или не должен бороться с либеральными течениями, грозившими увлечь Россию. Дух ответил: “Ты должен во что бы то ни стало подавить начинающуюся революцию, но она ещё возродится и будет тем сильнее, чем суровее должна быть репрессия теперь. Что бы ни случилось, бодрись, мой сын. Не прекращай борьбы”».

Изумленные Царь и Царица еще ломали голову над этим зловещим предсказанием, когда Папюс заявил, что его логическая сила дает ему возможность предотвратить предсказанную катастрофу, но что действие его заклинания прекратится, лишь только он сам исчезнет “с физического плана”. Затем он торжественно совершил ритуал заклинания»^[1460].

То, что подобные «откровения» принадлежат такому политическому прохвосту, как Палеолог, неудивительно. Удивительно другое: они, эти «откровения», до сих пор смело используются в качестве исторических «фактов» многими исследователями. На самом деле Палеолог заимствовал свой рассказ из оппозиционного журнала «Освобождение»

1902 г., только там дух Александра III «вызывал» не Папюс, а Филипп Низье Вашо. При этом совершенно игнорируются воспоминания А. А. Вырубовой: *«Государь, как и его предок – Александр I, был всегда мистически настроен; одинаково мистически была настроена и Государыня. Но не следует путать (смешивать) религиозное настроение со спиритизмом, верчением столов, вызыванием духов и т. д. С первых дней моей службы с Государыней, в 1905 году, Государыня предупредила меня, что если я хочу быть ее другом, то я должна обещать ей никогда не заниматься спиритизмом, так как это “большой грех”»*^[1461].

Сегодня достоверно можно утверждать только то, что Папюс бывал в России, впрочем, сколько раз, неизвестно, и был около 1910 г. выслан по указанию Государя. Всё остальное не более чем домыслы. В делопроизводстве Охранного отделения нет ни оперативных дел наблюдения за Папюсом, ни сообщений о его высылке из пределов Империи. Те же немногие сведения, которые выдаются за справки Охранного отделения, совершенно не соответствуют стилю этого правоохранительного органа Императорской России и каждый раз неразрывно связаны с именем не Папюса, а Филиппа Низье Вашо.

С. В. Фомин убедительно считает сомнительным принадлежность Ф. Низье к ордену мартинистов и полагает, что его отношения с Папюсом носили скорее миссионерский характер: Низье пытался убедить «великого мартиниста» не зани-

маться магией и читать Евангелие^[1462]. Имеются также сведения, что Филипп остановил Папюса, когда тот собирался совершить со своими адептами магический обряд. Сын Папюса Ф. Анкосс утверждал, что именно «господин Филипп» пытался открыть его отцу, *«равнодушному к церкви интеллигенту, христианскую мистику и до конца своей жизни был его духовным наставником»*^[1463]. Действительно, Папюс в 1904 г. в своём письме Низье писал: *«Вы меня познакомили со Христом и научили Его любить»*^[1464]. Между прочим, и А. И. Серков полагает, что реальное влияние *«мэтра Филиппа на Орден мартинистов ограничивалось “духовными” вопросами»*^[1465].

По мнению С. В. Фомина, Филипп был глубоко верующим человеком, наделённым даром предвидения, лечившим людей молитвой и не бравшим за это деньги. Низье получил полное медицинское образование во Франции, но ему не выдали диплома именно из-за его христианского подхода к целительству. Нет сомнений, что большая часть сведений о Низье, как положительных, так и отрицательных, относятся к области мифологии. Не случайно Государь записал в своём дневнике: *«Вообще, о нём разносят такой вздор, что тошно слушать и не понимаешь, как люди могут верить чепухе, о которой сами болтают!»*^[1466] Во многом причиной таинственности, которой окутано имя Низье, является то, что Николай II и Александра Феодоровна самым тщательным образом скрывали свои с ним отношения. С дру-

гой стороны, нельзя не согласиться с С. В. Фоминым, что многие документы, касающиеся личности Филиппа, могли подвергнуться «*архивным чисткам, а возможно, и фальсификациям после февраля 1917 года*»^[1467]. До сих пор неясно, кто, при каких обстоятельствах и когда познакомил Государя с французским лекарем. Также невозможно объяснить явные нелепости и неточности в сведениях о личности Низье, которые отложились в справках Департамента полиции за 1906 г. По всей видимости, речь идёт о каких-то копиях непонятного происхождения. Эти справки хранились в Центральном государственном особом архиве СССР, который в 1992 г. был переименован в Центр хранения историко-документальных коллекций, а в 1999 г. слит с Российским государственным военным архивом (РГВА). Одним из главных богатств Особого архива была коллекция масонских документов, а также справок наблюдения за масонами со стороны различных спецслужб начала XX в., в том числе и Охранного отделения. Эту коллекцию во время Второй мировой войны нацисты вывезли из разных оккупированных европейских стран в Моравию, где А. Гитлер предполагал создать институт по изучению всемирного масонства. В 1945 г. эти архивы были захвачены советскими войсками, вошли в состав особого архива и были полностью засекречены^[1468]. В мае 1994 г. ельцинский режим передал масонские архивы Великому Востоку Франции, так как основной массив фонда составляли документы этой организации^[1469]. Тем не менее

некоторым исследователям удалось поработать в этом архиве. Один из них, О. А. Платонов, на основе справок Охранного отделения пишет о Филиппе Низье: *«Мартинизм в царствование Николая II связан с именем известного Филиппа, прибывшего в Россию из Лиона и организовавшего в 1895 году ложу «Крест и Звезда», председателем которой был сам Филипп, а после его смерти граф Мусин-Пушкин. Собрания носили тайный характер, принимались в нее и женщины. Для общего употребления Филипп создал духовный кружок, обсуждавший религиозные вопросы. Под влияние Филиппа одно время подпала даже сама Царица, однако ненадолго. Знакомство Филиппа с Царской семьей дало основание для слухов о том, что Николай II состоит в ложе мартинистов, хотя ничего подобного не было. После возвращения Филиппа во Францию, в Петербург прибыл гроссмейстер ордена мартинистов Папюс (доктор Анкокс), вскоре, однако, высланный из России»*^[1470].

Однако ни один из имеющихся источников не подтверждает приезда Филиппа Низье в Россию ранее 1901 г. Нет никаких свидетельств об этом и в дневнике Императора Николая II за 1895 г. Очевидно, что в это время Филипп не мог быть в Петербурге, так как весь год провёл в Лионе, где читал лекции по физиологии и анатомии^[1471]. Известный оккультист Ж. Брико утверждал, что Филипп прибыл в Россию в 1900 г., благодаря «рекламе» «лионского чудотворца», сделанной ему Папюсом во время пребывания того в Петербур-

ге: *«Все воспылали желанием увидеть этого человека. Великий Князь Владимир навестил его в Лионе и передал ему приглашение Царя прибыть к Русскому Двору»*^[1472].

П. А. Бурышкин называет датой знакомства Низье с Царской Четой сентябрь 1901 г. Согласно Бурышкину в начале 1900 г. герцогиня А. Н. Лейхтенбергская (Стана) по поручению Николая II посетила во Франции некоего «святого» старца Филиппа из Лиона, чтобы убедиться в его чудотворной силе. 20 сентября 1901 г. произошла личная встреча Николая II с Филиппом в Компьене, организованная все той же герцогиней Лейхтенбергской, после чего глубокой осенью того же года по личному приглашению Царя Низье прибыл в Царское Село, но пробыл там недолго (около двух месяцев)^[1473].

Однако это утверждение расходится с реальностью. Кроме того, сведений о встрече Анастасии Николаевны с Филиппом нет ни в одних даже самых одиозных мемуарах. Между тем из дневника Императора Николая II известна точная дата его первой встречи с Филиппом: 26 марта 1901 г. *«Вечером виделся с одним замечательным французом Mr Philippe! Долго разговаривал с ним. Аликс его тоже видела»*^[1474]. Встреча произошла в Петербурге, но ни у кого они встречались, ни о чём говорили, Государь в дневнике не сообщает. По всей видимости, Филипп был в России недолго. Встреча Николая II с Филиппом в Компьене имела место не 20 сентября, к этому времени Государь уже давно покинул

Францию, а 6 сентября^[1475]. В Петербург Филипп Низье действительно прибыл в ноябре 1901 г. со своей дочерью и зятем, пробыл там очень недолго и уехал в Лион.

Таким образом, сведения о знакомстве Государя с Филиппом Низье, обстоятельства и время его приезда в Россию полны противоречий и небылиц. Так, Кандауров утверждал, что Филипп появился в Петербурге в 1895 г. для основания мартинистской ложи. Бурышкин – что Низье познакомился с Государем в Компьене осенью 1901 г. Великий Князь Константин Константинович в своём дневнике 20 августа 1902 г. сообщает: *«Говорят, что у Милицы Их Величества познакомились с неким Филипповым, не то доктором, не то учёным, занимающимся прививкой или лечением различных болезней, между прочим сифилиса»*^[1476]. Некий документ, который выдаётся за справку Охранного отделения 1912 г., хранившуюся в Особом архиве: *«Оккультизм проник в Россию уже давно. Наиболее известными апостолами его в России за последние 10–15 лет являются Филипс (так!) и доктор Папюс. Оба эти лица принадлежат к боковой ветви масонства – оккультному ордену мартинистов, специализирующемуся на занятиях белой и чёрной магией»*. «Филипсом» называл Низье и генерал А. Н. Куропаткин: *«Филипс выписан в Крым и живёт теперь в Дюльбере»*, – писал он в дневнике 14 октября 1902 г. В другой справке Охранного отделения говорится о каком-то оккультном кружке, который действовал в 1904–1905 гг. через «аббата Филиппа»

и был близко допущен ко Двору. (Заметим, что Филипп Низье скончался 2 августа 1905 г. в Лионе.)

А. И. Серков пишет: *«Через десять лет после образования Ордена Мартинистов, в 1900 г., Папюс отправился в Россию для чтения лекций по магнетизму и оккультизму (затем он побывал в России в 1905 и в 1906 гг.). Однако реальной целью поездки было привлечение влиятельных покровителей. Лекции Папюса в С.-Петербурге заинтересовали Великих Князей Николая Николаевича и Петра Николаевича и Великих Княгинь Милицу Николаевну и Анастасию Николаевну (“черногорок”). Эта великосветская четверка также стала организатором встречи Императора с Филиппом в Компьене 20 сентября 1901 г., в результате которой этот лидер мартинистов был приглашён в Россию»*^[1477]. То есть А. И. Серков повторяет неверные сведения П. А. Бурышкина, которые, как мы уже писали, опровергаются дневником Государя за 1901 г. Таким образом, все сведения о Филиппе являются косвенными. Ни один из их авторов никогда не видел лионского доктора. Однако только А. А. Вырубова смогла честно признать, что, так как она лично не знала Низье, то *«не может о нем судить»*^[1478].

Единственным бесспорным источником являются личные документы Государя, Государыни и их ближайшего окружения. Однако из числа последнего Филиппа Низье, судя по дневнику Государя, видели Великие Князья Пётр и Николай Николаевичи, Великая Княгиня Милица Николаевна, её

сестра принцесса Анастасия Лейхтенбергская и один раз Великий Князь Константин Константинович. Их воспоминаний о Филиппе на сегодняшний день не имеется^[1479]. Остальные члены Дома Романовых пользовались слухами и сплетнями.

Сравнивая дневниковые записи Николая II, касающиеся его встреч с Филиппом Низье, с последующими через 5 лет записями о знакомстве с Григорием Распутиным, невозможно не поразиться их почти полному совпадению. Во второй раз Филипп упоминается в дневнике Государя 9 июля 1901 г.: «В 9 ½ поехали к Ренелле, где собрались: Милица, Стана, Николаша, Петюша и Юрий. Mr. Philippe был с нами, он сегодня приехал. Слушали его с умилением»^[1480]. Из этой записи ясно, что встреча произошла в Чайном домике, именуемом Ренелла, который находится в Знаменке на берегу Финского залива, недалеко от парка Александрия. Следующая запись за 10 июля: «Весь вечер провели в Релле, Mr. Philippe говорил и поучал нас. Что за чудные часы!!!!»^[1481] Первое, что обращает на себя внимание в этих дневниковых записях Государя, не свойственная им эмоциональность: «слушали его с умилением», «что за чудные часы!!!!» Такие высказывания Государь позволял себе в дневниках крайне редко и обычно в виде впечатлений от какого-либо события, а не от встречи с человеком. Но ещё более странно, что уже 11 июля Государь записывает в дневник: «Утром долго сидел у Мама. В 12 ½ был отслужен молебен. Всё наличное се-

мейство приехало и завтракало на Ферме. В это время “наш друг” сидел у Аликс и разговаривал с нею. Показали ему наших дочек и помолились с ним в спальне!»^[1482]

Первое, чтостораживает, это, несомненно, определение «наш друг». Таким же определением в Царской Семье будут называть Распутина, во всяком случае так принято считать. Странно, почему Государь, который ещё за день называл Филиппа «*Mr. Philippe*» вдруг стал называть его «наш друг»? Более того, больше в царском дневнике **ни разу** не появляется имени «*Mr. Philippe*», только – «наш друг». Здесь следует сказать несколько слов о терминологии выражения «наш друг». Конечно, это определение нельзя воспринимать в буквальном смысле слова. Никаким «другом» для Царской Семьи в общепринятом смысле ни Филипп Низье, ни даже Г. Е. Распутин не были. У Самодержавного Монарха друзей не может быть по определению. Дружба предполагает определённое предпочтение одного человека другим, а также определённое равенство, отсутствие границ в отношениях друг с другом. Между тем выражения «наш друг, наш брат, наш герой» во французском и английском языках часто могут означать: тот, о ком мы говорим, имярек, свой, кого нет необходимости или даже нежелательно называть. Не случайно в дневнике Государя выражение «наш друг» взято в кавычки.

Представляется довольно странным, чтобы Императрица Александра Феодоровна игнорировала молебен, на кото-

ром присутствовали Вдовствующая Императрица и сам Государь. Запись в дневнике о беседе Александры Феодоровны во время молебна с «нашим другом» могла быть вызвана либо стремлением Николая II подчеркнуть чрезвычайную важность темы этой беседы, либо, если дневник фальсифицировался, чьим-то стремлением подчеркнуть, что Царица предпочитала православным молебнам общение с «окультистом». Примечательно, что в «дневнике», изданном в «Слове» в 1923 г. в Берлине, записи о Филиппе вообще отсутствуют, что довольно странно, учитывая их особую значимость для врагов Государя, тогда уже убиенного.

Можно, правда, предположить, что под «нашим другом» имеется не Филипп Низье, а кто-то другой, но это опровергается дневником Николая II, который, находясь в Компьене 6 сентября 1901 г., отметил: *«Имели большое удовольствие видеть “нашего друга”, который приехал навестить нас из Лиона!»*^[1483]

Примечательно, что, несмотря на то что встречи Государя и Государыни с «г-ном Филиппом» происходили в течение 1901 г. по меньшей мере 10 раз и о них были осведомлены многие члены «Семьи», беспокойство с их стороны по поводу этих встреч началось только в 1902 г. Между тем почти открытая кампания по удалению Низье от Царя и Царицы началась в сентябре 1901 г., после окончания второго визита Николая II и Александры Феодоровны во Францию. Особенное беспокойство проявляла Великая Княгиня

Елизавета Феодоровна, передавшая его своему супругу Великому Князю Сергею Александровичу и Августейшей свекрови. В письме к Марии Феодоровне в августе 1902 г. Великая Княгиня писала: *«Думаю, мое сердце болит не меньше, чем у Тебя, и я жажду помочь, но вот ужасная вещь – бедная Аликс чувствует, что мы перестали доверять ей, и погрузилась в отчаяние. Я это поняла вчера – бедная она, бедная! Боюсь, я зашла слишком далеко, рассказывая ей о впечатлении, какое произвело повсюду это роковое пребывание^[1484]. Но я все время повторяла и доказывала, что семья ее любит, а слухи, которые расходятся по всей стране, приобрели такой размах только от того, что Черногорки окружили всё тайной и т. д. Ситуация серьёзная, но – бедная дитя, этого она не видит, а отголоски прежних недопониманий в разговоре о семье представили ей лишь в таком свете. <...> Если бы по пути в Кронштадт с Ники Ты ещё раз могла затронуть эту тему, с любовью и печалью о том, какая пагуба привнесена в страну – сближением с неизвестными людьми, окружёнными тайной; и, наверное, не стоит касаться семейной неприязни к Черногоркам. Может быть, теперь это его образумит»^[1485].*

Это письмо красноречиво свидетельствует о том духовно-нравственном кризисе, который охватил русскую правящую элиту к началу XX века. Произошла утрата понятия Самодержавия и Самодержца. Даже такие близкие люди, как Елизавета Феодоровна, не понимали, что обсуждать и осуж-

дать Самодержца, а уж тем более пытаться его «образумить» являлось вызовом не только ему, но и Самому Богу, исключительно перед Которым Самодержец нес ответ за свои действия. Для Семьи Государь оставался по-прежнему Ники, а не Императором Николаем II. Поэтому они из благих побуждений считали, что вправе давать ему советы и поучения. Когда же Государь ставил родственников на место, они в лучшем случае обижались, а в худшем – фрондировали. При этом представители Семьи не знали ни подлинных причин общения Царской Четы с Филиппом, ни тем более её бесед с ним. Так как ни Государь, ни Государыня не собирались делиться с Семьёй этими беседами, справедливо считая их своим внутренним делом, то многие обиженные её члены начинали распространять самые невероятные слухи, не задумываясь об их авторстве и не понимая, что тем самым они играют на руку врагам Династии. Так, Великий Князь Сергей Александрович, который уже неоднократно испытал на себе, что значат клевета и сплетни, в случае с Филиппом сам был готов им верить: *«Сергей утверждал, что Их Величества впали в мистическое настроение, что они в Знаменке молятся с Филиппом, что не могут дожидаться минуты ехать не Знаменку, проводят там долгие вечера и возвращаются оттуда в каком-то восторженном состоянии, как бы в экстазе, с просветлёнными лицами и блестящими глазами»*^[1486].

Нет сомнений, что Филипп Низье произвёл впечатление

на Государя и Государыню своей глубокой верой в Бога. Нет сомнений, что беседы с ним приносили Царской Чете духовную радость. После убийства Д. С. Сипягина 30 апреля 1902 г. Государь писал своей тетке Принцессе Марии Максимилиановне Баденской, что беседы с «нашим другом», побывавшим в Петербурге за 4 дня до убийства, значительно облегчили ему *«перенесение ниспосланных испытаний»*^[1487]. Но также нет никаких сомнений, что Государь и Государыня оставались верными чадами Русской Церкви, и на их верность Православию никак не влияли контакты с Филиппом. Те, кто повторял и повторяет сегодня бесчисленные небылицы о «влиянии» Низье на Царя, о «сеансах» гипноза, который он якобы проводил с Царской Четой, каких-то особенных «молитвенных бдениях», совершаемых ими вместе, — забывают одну простую вещь: Государь и Государыня были глубоко верующими людьми. Они регулярно причащались и исповедовались. Можно ли сомневаться, чтобы они утаили на исповеди свои встречи с Филиппом, и можно ли сомневаться, чтобы их духовник не воспротивился бы всей душой таким встречам, если бы понял, что они опасны для душ Венценосцев? На это указывал князь Н. Д. Жевахов, имея в виду отношения Царской Четы с Распутиным, что, конечно, справедливо и в случае с Низье: *«Знаю, что, прежде чем познакомиться с ним, а затем и в последующее время, после знакомства, Императрица, не доверяя собственному впечатлению, запрашивала отзывов о Распутине у своего духовни-*

ка, имевшего в ее глазах не только личный, но и церковный авторитет. Это обстоятельство упускается из виду или умышленно замалчивается, между тем имеет чрезвычайное значение. Авторитет духовника был в глазах Императрицы настолько высок, что связывал личную волю, исключая свободу личного мнения, обязывал к беспрекословному послушанию, был, словом, таким, каким и должен быть в глазах верующего православного, претворяющего религию в жизнь»^[1488]. Можно ли представить, чтобы в случае с Низье Государыня поступила иначе и не поинтересовалась бы мнением своего духовника? Тем более что утаить такие встречи было невозможно. Не случайно в обществе активно распространялся ложный слух, что «только Иоанн Кронштадтский спас Царскую Семью» от Филиппа, якобы написав Государю письмо^[1489]. Самое прискорбное, что эти слухи распространялись людьми, считавшими себя правыми монархистами, в частности Л. А. Тихомировым. Кстати, по имеющимся сведениям, летом 1902 г. отец Иоанн встречался с Филиппом в Знаменке, причём отнёсся к нему весьма благосклонно: «обнял и поцеловал его»^[1490].

Между прочим, в 1905 г. духовником Царской Четы стал архимандрит (с 1909 г. – епископ) Феофан (Быстров), который имел на неё большое духовное влияние и был ею глубоко почитаем. Однако никакого политического влияния владыка Феофан на Государя не имел. «Отец Феофан, – пишут его биографы, – не был политическим или административным

советником Царя, он был “совестью Царя”, гласом христианских традиций и хранителем православных заповедей, на которых строилось его служение»^[1491]. Тем более на Государя не оказывали никакого политического влияния ни Низье, ни Распутин. Поразительно, но до сих пор некоторые авторы продолжают создавать этот ложный миф о «подчинении» Царя «колдуном», приводя в качестве доказательств заведомо абсурдные доводы. Так, И. Зимин пишет: «Кроме этого, видимо, учитель вмешивался не только в личные дела царя. 22 июля 1902 г. императрица пишет царю, отбывавшему на яхте в Германию для встречи с императором Вильгельмом II: “Рядом с тобой будет наш дорогой друг, он поможет тебе отвечать на вопросы Вильгельма”. Видимо, лето 1902 г., когда императорская чета ожидала появления на свет “чудесно” зачатого мальчика-наследника, было временем наибольшего влияния Филиппа. И вновь необходимо подчеркнуть, что это влияние начало принимать политический характер»^[1492]. То есть Зимин всерьёз полагает, что на встрече Государя с императором Вильгельмом присутствовал Филипп Низье! Трудно сказать, чего больше в таком «предположении» – действительно полного незнания придворного этикета того времени или сознательного, настойчивого стремления убедить читателя в «политическом» влиянии французского «колдуна». Не говоря о том, что бумаги Царственных Мучеников, в том числе и их переписка, требуют самой тщательной экспертизы на предмет их возможной

частичной подделки. Фразу Императрицы о том, что «наш друг» будет помогать её Супругу при разговоре с Вильгельмом, конечно, нельзя принимать буквально. Следует отметить, что Филипп Низье покинул Россию 30 марта 1902 г., а вновь появился в Петербурге 11 августа того же года. Встреча же Государя с Вильгельмом II на рейде Ревеля состоялась с 24 по 27 июля. Причём встреча двух монархов проходила в открытом море на яхтах. Таким образом, месье Филипп мог попасть на «Штандарт», исключительно приплыв на него из Франции на байдарке. Помимо этого Николай II, даже если бы очень захотел, никогда не смог бы взять с собой на официальные переговоры неизвестно кого. В отличие от Иоанна Грозного, Петра Великого и даже Александра I, для которых не составляло труда сделать своими ближайшими соратниками безродных Басманова, Меншикова и Сперанского, для Николая II подобное было невозможно. Дело было не в его пресловутой «слабости», а в том, что, являясь Самодержцем силой титула, таинства Миропомазания, а также народного восприятия и самоощущения, он не являлся Самодержцем в сознании и восприятии русского общества, его элиты. Как точно отмечал А. Н. Боханов: *«К началу XX века понятие “Царь” не воспринималось больше сакральным символом, в “обществе” никто и не вспоминал, что “Царь – устройство Божие”. В Миропомазаннике видели только властителя, наделённого, как немалому числу людей казалось, слишком широкими полномочиями»*^[1493]. Поэтому Николай II

в принципе не мог включить в свое окружение Филиппа Низье, но, конечно, он этого делать и не собирался.

Филипп не был ни оккультистом, ни масоном, ни мартинистом, ни сектантом. Однако начиная с 1902 г. определенными силами делается всё возможное, чтобы представить его именно таковым. В большом Романовском семействе распространяются слухи о том, что Филипп «сатанист, предтеча дьявола», через которого масоны пытаются влиять на Государя. Этот слух подхватывался частью общества и приобретал все большие размеры. Примечательно, что авторами этих слухов были масоны. Так, один из них, мартинист Жан Брико, утверждал, что *«Царь советовался с Филиппом по разным вопросам государственного управления, и лионский кудесник зачастую присутствовал на заседаниях Совета министров, происходивших под председательством самого Царя»*^[1494]. А. А. Половцов, столь же высокопоставленный сановник, сколько и высокопоставленный масон, писал в дневнике летом 1902 г.: *«Руководствуясь исключительно сообщениями и назиданиями этого авантюриста [Филиппа], Государь ни с кем более ни о чем не советуется, а дает только приказания, им импровизированные, без предварительного обсуждения и согласия с обстоятельствами, с потребностями, с целями, сколько-нибудь обдуманнными»*^[1495].

То, что мартинисты и масоны рассказывали всякие небылицы про Филиппа и обвиняли его в «масонстве», не может не настораживать. Очевидно, что Низье им чем-то очень

мешал. Естественно, если бы Филипп влиял на Царя по масонской (мартинистской) указке, то никакой травли его со стороны последних не понадобилось. Она не понадобилась бы и в том случае, если бы Филипп «просто» вёл с Государем духовные беседы. Рассматривать Mr. Philippe, как и Г. Е. Распутина, только как собеседник Императора Николая II на духовные темы, представляется нам в корне неверным. Помимо своей духовной стороны они, безусловно, были частью той невидимой стратегии Государя, с помощью которой он противостоял могущественным враждебным силам. Государь хорошо понимал, что его окружение пропитано масонским влиянием, что влияние это проникло даже в Царствующий Дом и что он не может, говоря сегодняшним языком, обладать всей полнотой информации только из «открытых источников». Известный представитель либеральной оппозиции, член Прогрессивного блока и член масонской ложи «Масонский авангард» В. А. Маклаков отмечал, что Государь не доверял даже многим, им же назначенным министрам: *«Он предпочитал прибегать к услугам секретных и непризнанных советников»*^[1496]. Об этом же писал в дневнике Куропаткин: *«Государь хочет знать истину, но ищет её по коридорам, по закоулкам»*^[1497]. Великий Князь Константин Константинович занёс в свой дневник 19 августа 1902 г.: *«У Государя, несомненно, есть склонность к тайным неизвестным путям. Он нередко принимает у себя как бы тайно разных лиц, чуждых чиновным людям и админи-*

страшии; через этих людей он иногда даже делает распоряжения. Бывает, что министры получают Высочайшее повеление через каких-то неведомых личностей, нашедших доступ к Государю»^[1498]. В последних словах Великий Князь ошибался: не «неведомые личности» находили «доступ к Государю», а это Государь находил нужных ему людей, из которых формировал свою личную тайную разведку.

Одним из таких закулисных советников Николая II по разнообразным вопросам внутреннего самоуправления около двух десятков лет был титулярный советник А. А. Клопов. Впервые он был принят Государем 4 июня 1898 г. и командирован в местности, застигнутые неурожаем, чтобы доложить затем об истинном положении дел на местах. Так начались поездки А. А. Клопова по стране и его регулярные письма Николаю II, в которых он не только рисовал правдивую картину бедственного положения в губерниях с продовольствием, но и брал на себя смелость давать Императору те или иные советы^[1499].

Кстати, Николай II не был в этом первопроходцем. Такую же личную разведку имел Император Александр I, сумевший в борьбе с Наполеоном использовать в своих целях и масона высшей степени посвящения Фредерика Сезара Лагарпа, и мартиниста первой волны, видного представителя савойской знати Жозефа де Местра, и наполеоновского посла в России графа Армана де Коленкура, являвшегося фактически личным агентом Александра^[1500]. В опре-

делённый период на Александра I тайно работали и наполеоновский министр иностранных дел Шарль Морис Талейран, и императрица Жозефина Бонапарт, и маршал Жан Ба- тист Бернадот, из которого Наполеон сделал шведского ко- роля Карла XIV. Александр сумел создать в России из фран- цузских эмигрантов, ненавидевших революцию и Наполео- на, ценнейшие управленческие кадры, которые затем соста- вили костяк правительства при реставрации.

Безусловно, что отношения Государя и Филиппа Низье были вызваны в том числе и главным образом противо- стоянием Государя и масонского центра в Париже. Нико- лай II концентрировал вокруг себя тех людей, которые мог- ли, находясь во Франции, во-первых, предоставлять ему необходимую информацию, а во-вторых, в случае непред- виденных обстоятельствах стать той силой, на которую он мог положиться. В этом плане Низье представлял для Го- сударя особый интерес: он был крайне враждебен респуб- ликанскому режиму и имел обширные связи не только в мартинистской среде. Филипп был убежденным антидрей- фуссаром^[1501], придерживался роялистских и антимасонских взглядов. *«В политике он заделался реакционером»*, – писа- ли подконтрольные Великому Востоку французские газеты. Императрица Александра Феодоровна утверждала, что Фи- липп *«не принадлежит ни к какой секте, питает к ним от- вращение, вследствие чего они с ним во вражде»*^[1502].

Глава 13. Прославление Преподобного Серафима

Церковное прославление в лике святых старца Серафима Саровского в августе 1903 г., имело великое значение как в жизни Императора Николая II, так и в истории Русской Церкви. Не вызывает сомнений, что если бы Государем не было бы проявлено в этом вопросе столь сильной и упорной веры и воли, то прославление Серафима Саровского могло бы быть отсроченным на неопределённое время. Несмотря на то что канонизация Преподобного Серафима стала самым значительным духовным событием царствования Императора Николая II, оно не явилось каким-то исключением из правил. Государь всегда считал прославление святых угодников Божьих делом особой государственной важности. Известно, что при Николае II было прославлено 9 святых, больше, чем за все царствования «синодального периода»^[1503]: Преподобный Феодосий Черниговский (9 сентября 1896 г.), Священномученик Исидор Юрьевский и семьдесят два мученика, от латинян убиенных (8 января 1898 г.), Преподобный Серафим Саровский (19 июля 1903 г.), Благоверная Княгиня Анна Кашинская (11 апреля 1909 г.), Преподобная Евфросиния Полоцкая (23 мая 1910 г.), Святитель Иоасаф Белгородский (4 сентября 1911), Священномученик Патриарх Ермоген (12 мая 1913 г.), Святитель Питирим Тамбовский

(28 июля 1914 г.), Святитель Иоанн Тобольский (10 июня 1916 г.).

Однако прославление Преподобного Серафима, конечно, было особым, выдающимся явлением не только в жизни России, но и в жизни Царской Семьи. Именно с этой канонизацией связывают начало осознанного мученического пути, которым пошёл Император Николай II, утверждают, что именно этот путь был предсказан ему в письме Преподобного Серафима, переданном Царю накануне прославления. Вопрос этот не может быть, конечно, подвергнут анализу с духовной точки зрения. Молитвенное общение Государя с Богом и полученные им от Него откровения навсегда останутся тайной. Совершенно очевидно, что в жизни Императора Николая II есть прямые свидетельства того, что духовно прозорливые люди видели в нем святого Мученика ещё при его земной жизни и открыто свидетельствовали об этом после Екатеринбургского злодеяния (праведный Иоанн Кронштадтский, блаженная Паша Саровская, блаженная Мария Дивеевская, преподобный Кукушка Одесский, Л. А. Тихомиров, крымские старцы и другие). Однако прозрения этих людей о Царе выражались в конкретных словах, проповедях и дневниковых записях, авторство которых напрямую было связано с их именами. Между тем имеются сведения о предсказаниях мученического подвига Царской Семьи, которые основываются на легендах и преданиях, дошедших до неё из прошлых веков. По ряду воспоминаний и свидетельств эти

предания имеют под собой документальное подтверждение, а значит они, эти свидетельства, являются историческим источником, который можно подвергнуть историческому анализу на предмет их достоверности.

О первом таком свидетельстве, так называемом «предсказании» буддийского монаха Теракуто, мы уже писали и усомнились в его подлинности.

Другим свидетельством является письмо, якобы переданное Государю и Государыне 11 или 12 марта 1901 г., во время предполагаемого посещения ими Гатчинского дворца, в котором содержались какие-то сведения, тяжко их огорчившие. Письмо это якобы хранилось в Гатчинском дворце в специальном ларце, и к нему был приложена вложенная в конверт собственноручная записка Императора Павла I: *«Вскрыть потомку Нашему в столетний день моей кончины»*.

Сведения об этом письме и записке имеются в книгах двух духовных писателей начала XX в. – С. А. Нилуса^[1504] и П. Н. Шабельского-Борка, писавшего, уже в эмиграции, под псевдонимом Кирибеевич^[1505]. Нилус утверждал, что оберкамер-фрау Императрицы Александры Феодоровны М. Ф. Герингер рассказывала ему об обстоятельствах получения Императором и Императрицей «гатчинского» письма. Ни места, ни времени этого рассказа Нилус не указывает. Однако подчёркивает, что должность оберкамер-фрау соответствовала должности «спальных боярынь», некогда су-

ществовавших при царицах, которым «*было близко известна самая интимная сторона царской семейной жизни*», а по сему, по мнению Нилуса, рассказ Герингер представляется «*чрезвычайно ценным*». Здесь следует сказать, что Герингер действительно должна была быть чрезвычайно близким к Царской Семье человеком, так как разглашение даже мифа о грядущей мученической кончине Государя и гибели Российской Империи могло иметь самые тяжёлые политические последствия. Это хорошо понимали как Государь, так и Государыня. Прежде чем касаться рассказа М. Ф. Герингер, в пересказе С. А. Нилуса, два слова о ней самой. Мария Федоровна Герингер, урождённая Аделунг, – внучка известного русско-го немецкого историка, философа, библиографа, член-корреспондента Петербургской академии наук Ф.П. фон Аделунга (1768–1843). Нилус утверждает, что он был «*воспитателем Императора Александра II во время его детских и отроческих лет*», однако это неверно: Аделунг был воспитателем у будущего Императора Николая I и его брата Великого Князя Михаила Павловича^[1506]. Отец Марии Федоровны, генерал-майор Ф. Ф. Аделунг, во время декабристского мятежа 14 декабря 1825 г., будучи Лейб-гвардии поручиком, охранял кабинет Императора Николая I. Был участником Русско-турецкой войны 1828–1829 гг., Польской кампании 1830–1831 гг., награжден Золотой полусаблей с надписью «*За храбрость*», орденом Св. Анны 2-й ст. и Св. Георгия 4-й ст. Точную дату рождения М. Ф. Герингер установить

не удалось. Известно, что она вышла замуж за титулярного советника Н. Л. Герингера. В ГА РФ и ЦИАМ есть фонды М. Ф. Герингер, которые, однако, не содержат ничего связанного в той или иной степени с «гатчинским письмом». Следует также уточнить должность Герингер. Согласно «Придворным календарям» 1897 г., 1903 г. и 1911 г. она была камер-фрау, а не оберкамер-фрау Императрицы Александры Феодоровны^[1507]. Из имеющихся источников можно сделать вывод, что М. Ф. Герингер пользовалась большим доверием Царской Семьи. Когда с началом Первой мировой войны началась эвакуация из Петрограда драгоценностей из Бриллиантовой комнаты Зимнего дворца и ценностей, принадлежавших семье Императора Николая II на правах личной собственности, то по распоряжению Управляющего Кабинетом к сундукам допускались только два человека: помощник заведующего Камеральным отделением Бантышев и камер-фрау М. Ф. Герингер^[1508]. Поэтому если Нилус действительно передавал рассказ Герингер, то он заслуживает высокого доверия: *«В Гатчинском дворце, постоянном местопребывании Императора Павла I, когда он был наследником, в анфиладе зал была одна небольшая зала, и в ней посредине на пьедестале стоял довольно большой узорчатый ларец с затейливыми украшениями. Ларец был заперт на ключ и опечатан. Вокруг ларца, на четырех столбиках, на кольцах, был протянут толстый, красный шелковый шнур, преграждавший к нему доступ зрителю. Было известно, что*

в этом ларце хранится нечто, что было положено вдовой Павла I, Императрицей Марией Феодоровной, и что ею было завещано открыть ларец и вынуть в нем хранящееся только тогда, когда исполнится сто лет со дня кончины Императора Павла I и притом только тому, кто в тот год будет занимать царский престол России. В утро 12-го марта 1901-го года и Государь, и Государыня были очень оживлены, веселы, собираясь из Царского Александровского дворца ехать в Гатчину вскрывать вековую тайну. К этой поездке они готовились как к праздничной интересной прогулке, обещавшей им доставить незаурядное развлечение. Поехали они веселые, но возвратились задумчивые и печальные и о том, что обрели они в том ларце, никому, даже мне, с которой имели привычку делиться своими впечатлениями, ничего не сказали. После этой поездки я заметила, что при случае Государь стал поминать о 1918-ом годе как о роковом годе и для него лично, и для династии»^[1509].

В. А. Семёнов, долгое время проработавший на научной работе в музее Гатчинского дворца, в своём интересном и кропотливом исследовании, в ходе которого он проверил не только дневники Государя, но и камер-фурьерские журналы, пришёл к выводу, что «ни 11, ни 12 марта Николай II в Гатчину не приезжал. Кроме того, в существующих описях убранства дворца XIX века “не отмечено наличие запечатанного ларца”»^[1510]. Действительно, ни в дневниках Николая II, ни в камер-фурьерских журналах за март 1901 г.

нет ни слова о поездке в Гатчину. В первый раз о ней упоминается лишь 8 апреля^[1511]. Что касается камер-фурьерского журнала, то за 11 марта там помещена следующая информация: *«11 марта. Воскресенье. Присутствие Их Величеств в Александровском Царскосельском дворце. По утру Государь Император прогуливался в саду. ½ 11 часа утра в присутствии Их Величеств, Великой Княжны Ольги Александровны и сменившегося флигель-адъютанта Великого Князя Сергея Михайловича совершалась литургия в походной церкви, поставленной в угловой гостиной Александровского дворца. По окончании богослужения Его Величество принимал принца Константина Петровича Ольденбургского. К завтраку Их Величеств в 12 ч. приглашались Великий Князь Сергей Михайлович, Великая Княжна Ольга Александровна, статс-дама княгиня Голицина, фрейлина кн. Орбелиани, д. италмейстера Жуковский, протопресвитер Янышев, дежурный флигель-адъютант гр. Шереметев. В 4 часу Их Величества катались в экипажах и затем прогуливались в саду. В 8 часов за обеденным столом Их Величеств кушали Государь Наследник, Великая Княгиня Ольга Александровна, Принц Петр Александрович, дежурный флигель-адъютант гр. Шереметев»*^[1512].

В. А. Семёнов указывает, что на полях страницы журнала имеется запись: *«Столетие со дня кончины в Бозе почивающего Императора Павла I. Никаких распоряжений со стороны Высочайшего двора не было и повесток о панихиде не*

рассылалось. При литургии присутствовали свитские дамы Её Величества, проживающие в Царском Селе, и дежурный флигель-адъютант»^[1513]. По мнению В. А. Семёнова, эта приписка служит дополнительным доказательством того, что Царская Чета в Гатчине в марте 1901 г. не была и никакого письма не получала. Отсюда следует вывод: «*Крайне маловероятно (можно сказать, вообще невероятно), чтобы посещение 11-го или 12-го марта не нашло бы отражения в камер-фурьерском журнале и дневнике или хотя бы в одном из этих источников. Следовательно, сведения, приводимые С. А. Нилусом со слов М. Ф. Герингер, ошибочны*»^[1514]. Однако, на наш взгляд, всё может обстоять значительно сложнее. Во-первых, мы вовсе не уверены, что отсутствие сведений в дневнике и камер-фурьерском журнале обязательно означает, что Царская Чета не посещала Гатчинского дворца в марте 1901 г. Очевидно, что если бы Государь захотел сохранить свою поездку в тайне, то он бы ничего не записал в дневник и запретил писать об этом в камер-фурьерском журнале. Во всяком случае, один подобный случай в жизни Николая II известен, и мы уже о нем упоминали. Речь идёт о посещении Государем в бытность Цесаревичем в Томске мощей Праведного Феодора Козьмича в 1891 г. Факт этот – бесспорен и подтверждается, помимо прочего, таким осторожным и даже скептически настроенным исследователем, как Великий Князь Николай Михайлович^[1515]. Между тем ни в дневнике Цесаревича Николая Александровича, ни в официаль-

ных отчётах о поездке, ни в официальных «Томских епархиальных ведомостях» об этом посещении не было сказано ни слова. Во-вторых, весьма странным является то обстоятельство, что в камер-фурьерском журнале как бы специально подчёркивается, что по Императору Павлу не была отслужена панихида, а в дневнике Государя ни слова не говорится о 100-летию кончины Павла Петровича. Между тем Император Николай II глубоко почитал убиенного предка, хорошо знал его царствование. В дневниках несколько раз встречается упоминание, что Государь вслух читал Супруге письма и историю Павла I. Поэтому либо панихида по Павлу Петровичу была неофициальной, частной, либо Государь руководствовался иными соображениями. Ими могла быть, например, вера Николая II в святость своего Державного предка. Ведь имеются сведения, что Государь планировал поставить вопрос о канонизации Императора Павла Петровича. Товарищ обер-прокурора Святейшего Синода князь Н. Д. Жеванов вспоминал, что только революция 1917 г. прервала работы по канонизации Павла I. *«Дивные знамения благоволения Божия к Праведнику, творимые Промыслом Господним у его гробницы, в последние годы пред революцией не только привлекали толпы верующих в Петропавловский собор, но и побудили причт издать целую книгу знамений и чудес Божиих, изливаемых на верующих молитвами Благоверного Императора Павла I»*^[1516].

Между прочим, Государь мог знать о наличии «Гатчин-

ского письма» раньше 1901 г., так как он посещал вместе с Государыней личные апартаменты покойного Императора в Гатчине ещё в мае 1895 г. В записи от 22 мая читаем: «*Пошли осматривать комнаты Павла Петровича, кот. [орые] Аликс ещё не видала; побывали также в его библиотеке*»^[1517].

Если же 11 марта 1901 г. после литургии в Александровском дворце всё-таки была частная панихида (или лития) по Павлу I, то особенно интересными являются сведения о присутствии на ней «*свитских дам Её Величества*». Не была ли среди них и М. Ф. Герингер?

Теперь посмотрим, что рассказала камер-фрау Императрицы: утром 12 марта 1901 г. Государь с Государыней поехали в Гатчинский дворец вскрывать ларец. Поехали они в Гатчину в хорошем настроении, а приехали в подавленном. Что они узнали из содержимого ларца, ни с кем не поделились, а после этого случая Герингер заметила, что «*Государь стал поминать о 1918-ом годе как о роковом годе и для него лично, и для династии*». Как видим, рассказ предельно честен. Что было в ларце, Герингер не знает, как и был ли это ларец или какое иное хранилище, содержание письма ей неизвестно. Из отдельных слов Государя можно предположить, что в письме что-то говорилось о 1918 годе.

Совсем иное мы можем прочесть у В. Н. Шабельского-Борка (настоящая фамилия Попов). Последний как источник совершенно ненадёжен. На момент описываемых событий ему было 8 лет. Царской Семьи Шабельский не знал,

при Дворе не состоял, был храбрым офицером, героем Первой мировой войны, политически крайне ангажированным, что привело его в 30-х гг. в эмиграции в стан нацистов. Нельзя не согласиться с В. А. Семёновым, что к «историческим сказаниям» Шабельского-Борка *«не следует относиться как к серьёзной литературе, поскольку этот автор с невероятной лёгкостью обращается с историческим материалом и даёт полный простор своей фантазии»*^[1518]. Шабельский вводит в повествование и сведения о том, что письмо содержало предсказания монаха Авеля Вещего о грядущем мученичестве «Святого Царя Николая Второго, Иову Многострадальному подобного» и о том, что Государь поехал в Гатчину после литургии в Петропавловском соборе в сопровождении министра Двора барона Фредерикса и лиц Свиты и что, вскрыв ларец, Государь читал письмо несколько раз. *«Он уже знал Свою терновую судьбу, знал, что не даром родился в день Иова Многострадального. Знал, как много придется Ему вынести на Своих державных плечах, знал про близ грядущие кровавые войны, смуту и великие потрясения Государства Российского. Его сердце чуяло и тот проклятый черный год, когда Он будет обманут, предан и оставлен всеми»*^[1519]. То есть перед нами художественное произведение, окрашенное в «исторические» тона. Но именно это художественное творчество Шабельского-Борка весьма полюбилось частью нашей «православной» общественности с сектантским складом ума. Особенно популярно у этой

части общества «пророчества» о Николае II монахе Авеля. Такой монах, в миру Василий Васильев (1757–1841), действительно существовал и был известен своими предсказаниями, за которые неоднократно арестовывался^[1520]. Однако все они касались исключительно Императрицы Екатерины II, Императоров Павла I и Александра I. Первой он предсказал скорую смерть, второму – недолгое царствование и убийство, третьему – сожжение Москвы. Никаких предсказаний о грядущей мученической кончине Императора Николая II у Авеля нет. До царствования последнего Государя «пророчества» Авеля дошёл В. Н. Шабельский-Борк. Не будем предполагать, что легло в основание его очерка: чистый вымысел или какие-то легенды, действительно им слышанные. Безусловным представляется тот факт, что рассказ М. Ф. Герингер не имеет никакого отношения к пророчествам Авеля.

Таким образом, мы с большой долей вероятности можем утверждать, что события вокруг «Гатчинского письма», о которых рассказывает М. Ф. Герингер, в той или иной степени отражают реальные события, а всё, что написано В. Н. Шабельским-Борком, является в подавляющей части его литературным творчеством.

В отличие от «Гатчинского письма» «Письмо преподобного старца Серафима Саровского» подтверждается несколькими воспоминаниями и свидетельствами. Полковник Лейб-гвардии Финляндского полка Д. И. Ходнев утверждал:

«Незадолго до своей праведной кончины преп. [одобный] Серафим Саровский вручил запечатанный пакет верующей и богобоязненной женищине Е. И. Мотовиловой, наказав хранить его и передать тому Царю, который приедет в Саров “Особо обо мне молиться”. Через семьдесят лет, в 1903 году, этот пакет был вручен Государю во время прославления преп. [одобного] Серафима Саровского – открытия его св. мощей. Это была рукопись святого, в которой он подготовлял Государя к тяжким испытаниям. Тогда же и там же об этом устно поведала ему и блаженная Паша Саровская. Об этом рассказывал мой отец, который тогда, в 1903 году, командуя Фанагорийским гренадерским генералиссимуса Суворова полком, был на охране Царя в Сарове при открытии мощей святого»^[1521].

Л. А. Тихомиров в своём дневнике за 1 августа 1902 г. записал: *«По каким-то преданиям (Летопись Саровского монастыря), сам почивший Серафим предсказал, что его мощи будут открыты “при Царе Николае, в тяжёлое для России время”»^[1522].*

Со слов монахини дивеевской пустыни Серафимы (Булгаковой), Н. Л. Чичагова, дочь архимандрита Серафима (Чичагова), рассказывала ей, что когда во время Саровских торжеств Государю передали письмо, он принял его с благоговением и положил в свой нагрудной карман, сказав, что прочтёт позже. Когда Государь прочитал письмо, уже вернувшись в игуменский корпус, он горько заплакал. *«Придворные*

утешали его, говоря, что хотя батюшка Серафим и святой, но может ошибаться, но Государь плакал безутешно. Содержание письма осталось никому не известно»^[1523].

Княгиня Н. В. Урусова в своих воспоминаниях писала: «Познакомилась я в Посаде с семьей графа Ю. А. Олсуфьева, принявшей в нас сердечное участие, но они тоже были совсем разорены и хоть очень хотели бы, но мало чем могли помочь. Граф в то время заведовал архивом Лавры, стараясь что можно из ценных, исторических документов сохранить от варварских рук большевиков. Он принес мне однажды для прочтения письмо со словами: “Это я храню, как зеницу ока”. Письмо пожелтелое от времени, с сильно полинявшим чернилом, было написано собственноручно Святым Преподобным Серафимом Саровским – Мотовилову. В письме было предсказание о тех ужасах и бедствиях, которые постигнут Россию, и помню только, что было в нем сказано и о помиловании и спасении России. Года я не могу вспомнить, т. к. прошло 28 лет, и память мне может изменять, да и каюсь, что не прочла с должным вниманием, т. к. год указывался отдаленно, а спасения хотелось и избавления немедленно еще с самого начала революции»^[1524].

Граф Ю. А. Олсуфьев, выдающийся искусствовед и реставратор, в частности, он реставрировал знаменитую «Троицу» преподобного Андрея Рублёва. По имеющимся сведениям, когда стало известно о вывозе большевиками из Лавры мощей Преподобного Сергия Радонежского, то по благо-

словению Патриарха Тихона (Белавина) Олсуфьев вместе с П. А. Флоренским тайно хранил у себя дома честную Главу Преподобного. В Сергиевом Посаде он был заместителем председателя (с сентября 1919 по март 1920 г. – председателем) Комиссии по охране памятников искусства и старины Троице-Сергиевой лавры, главным хранителем её ризницы. 14 марта 1938 г. граф Олсуфьев был расстрелян на Бутовском полигоне по постановлению «тройки» при НКВД.

Наконец, о письме сообщал в своих воспоминаниях игумен Серафим (Кузнецов)^[1525]: *«Преподобным Серафимом ещё при жизни было написано по откровению Божию собственноручно письмо к тому Царю, которому суждено приехать в Саров и Дивеев, передав его своему другу Мотовилову, последний передал это письмо покойной игуменнии Марии, которая вручила его лично Государю Николаю II в Дивееве, 20 июля 1903 года. Что было написано в письме, осталось тайной»*^[1526].

Протоиерей Стефан Ляшевский, который в юные годы часто посещал Серафимо-Дивеевский монастырь и поддерживал связь с насельницами обители даже после ее закрытия в 1927 г., рассказывал, со слов монахинь, о встрече Государя и Государыни во время Саровских торжеств со знаменитой Дивеевской блаженной Пашей Саровской. По словам отца Стефана, Блаженная попросила всех выйти из её кельи: *«пусть только Царь с Царицей останутся»*. Дальнейшее повествование протоиерея Стефана идёт неизвестно с

чьих слов, так как все выполнили просьбу Блаженной, и она осталась наедине с Царской Четой. По рассказу Ляшевского, Паша Саровская сказала Царю и Царице сесть на пол, что те и сделали, это якобы слышала, выходя, игуменья обители. Далее священник продолжает: *«Она им сказала всё, что потом исполнилось, то есть гибель России, Династии, разгром Церкви и море крови. Беседа продолжалась очень долго, Их Величества ужасались. Государыня была близка к обмороку, наконец она сказала: “Я Вам не верю, это не может быть!” Это ведь было за год до рождения Наследника, и они очень хотели иметь Наследника, и Параскева Ивановна достала с кровати кусок красной материи и говорит: “Это твоему сынишке на штанишки, и, когда он родится, тогда поверишь тому, о чём я говорила вам”. С этого момента Государь начал считать себя обречённым на эти крестные муки»*^[1527].

Страшный характер повествования С. Ляшевского не сходится с другими воспоминаниями. Так, князь Н. Д. Жевахов, свидетель Саровского празднества, вспоминает, *«с каким воодушевлением Государь рассказывал о своих впечатлениях»* от свидания с Блаженной Пашей Саровской^[1528]. Вряд ли его смог бы воодушевить тот жуткий рассказ, какой описал нам отец Стефан. Сам Государь в дневнике оставил о свидании с Блаженной следующую запись от 20 июля: *«В 10 ½ приехали в Дивеевский женский монастырь. В домовый церкви настоятельницы матери Марии отслушали молебен. Затем*

все сели завтракать, а Аликс и я отправились к Прасковье Ивановне (блаженной). Любопытное было свидание с нею. Затем мы оба поели, а Мама с другими посетили её»^[1529]. Таким образом, из дневника Государя выясняется, что он и Государыня изначально пошли одни к старице. Кроме того, Государь называет встречу с ней «любопытной». Думается, что если бы он услышал те страшные предсказания, какие описывает отец Стефан Ляшевский, то, наверное, подобрал бы к ним иные определения. Но уже сам факт такого определения из уст Николая II значит много. К примеру, Великая Княгиня Елизавета Феодоровна назвала встречу с Блаженной «курьёзной». Однако какие-то предупреждения Государю о грядущих испытаниях блаженная Паша Саровская всё же сделала. Попечительница и директриса женской Школы Народного Искусства Императрицы Александры Феодоровны В. П. Шнейдер, сопровождавшая Царскую Семью в ее поездке в Дивеево, вспоминала, что вскоре после посещения монастыря она разговаривала с Императрицей Александрой Феодоровной. «Императрица спросила меня, видела ли я Саровскую Пашу? Я сказала, что нет. “Почему?” – “Да я боялась, что, прочтя как нервный человек в моих глазах критическое отношение к ней, она рассердится и что-нибудь сделает, ударит или тому подобное”. И осмелилась спросить, а правда это, что когда Государь Император хотел взять варенье к чаю, то Паша ударила его по руке и сказала: “Нет тебе сладкого, всю жизнь будешь горькое есть!” – “Да,

это правда”. – И раздумчиво Императрица прибавила: “Разве вы не знаете, что Государь родился в день Иова Много-страдального?”^[1530] Представляется, что приведенные выше слова Блаженной наиболее точно передают её предсказания, сделанные Государю.

То, что Паша Саровская предвидела мученическую кончину Царской Семьи, свидетельствуют воспоминания игумена Серафима (Кузнецова). В 1915 г. игумен лично приезжал в Саров и Дивеево и в праздник Успения Божией Матери служил Литургию в Дивеевском монастыре. Прямо из церкви он *«зашёл к старице Прасковье Ивановне, пробыв у неё больше часа, внимательно слушая её грядущие грозные предсказания, хотя выражаемые притчами, но все мы с её келейницей хорошо понимали и расшифровывали неясное. Многое она мне тогда открыла, которое я тогда понимал не так, как нужно было, в совершающихся мировых событиях. Она мне ещё тогда сказала, что войну затеяли наши враги с целью свергнуть Царя и разорвать Россию на части. <...> Прозорливица при мне несколько раз целовала портреты Царя и семьи, ставила их с иконами, молясь им как святым мученикам. Потом горько заплакала»*^[1531].

Имеющиеся данные позволяют сделать вывод о том, что во время Саровских торжеств Государю действительно передавали какое-то письмо, предположительно написанное Преподобным Серафимом Саровским, содержание которого остаётся неизвестным. Также не вызывает сомнений, что во

время встречи Царя и Царицы с блаженной Пашей Саровской ею им действительно были сообщены какие-то предсказания, касающиеся их будущего. Литературовед А. Н. Стрижёв, справедливо указывая на то, что вокруг «Письма Преподобного Серафима» создано много домыслов и апокрифов, сам впадает в другую крайность. Так, он пишет, что письмо Преподобного *«искали по требованию Императрицы Александры Федоровны, пожелавшей прочесть пророчества Преподобного Дому Романовых. Ведь об этом пророчестве настойчиво твердила молва, говорилось даже о некоем письме старца Серафима, адресованном лично Николаю II. Запрос Императрицы поступил к архивистам, и они стали искать. Никакого личного письма Старца к Императору Николаю Александровичу, прославившему “убогого Серафима”, не оказалось, зато отыскиались те самые письма Н. А. Мотовилова к Николаю I и Александру II, о которых упоминалось выше. Письма эти отложились в архиве Третьего отделения Канцелярии Его Императорского Величества (по Мельгунову – в архиве Жандармского корпуса). В письмах были подчеркнуты строчки, содержащие предречения Императору Николаю I, но, возможно, представлявшие интерес и для текущего царствования. Если все подчеркнутые строчки собрать, то получался единый текст, который при желании и неудержимой фантазии можно было бы назвать письмом святого Серафима Императору Николаю II. Назвать так при большом желании можно, но*

ответственные историки любят точность, и предречения, сделанные для другого Императора и для другого царствования, нельзя произвольно переносить из эпохи в эпоху»^[1532].

Сведения о том, что Императрица Александра Феодоровна поручила искать «Письмо», А. Н. Стрижёв почерпнул *«из книжки либерального историка С. П. Мельгунова “Последний Самодержец”, выпущенной в свет между Февралем и Октябрем 1917 года, в пору безудержного шельмования Государя Императора и его семьи»*^[1533]. Источник не менее сомнительный, чем справедливо критикуемые Стрижёвым. Никаких иных сведений о «поиске» Государыней письма не существует, а хранящиеся в ГА РФ письма Н. А. Мотовилова Императорам Николаю I и Александру II никакого отношения к «Дивеевскому письму» не имеют^[1534].

Не имеют под собой никаких оснований утверждения о «волюнтаристском» и самочинном решении Николая II, решившего вопреки всему и вся «прославить» Серафима Саровского и тем самым превысившего свою власть в церковных вопросах. Народное почитание «батюшки Серафима» началось ещё при его жизни. После смерти старца документально зафиксировано множество исцелений и чудес по молитвам этого угодника Божьего. Очень важно, что старец Серафим глубоко почитался и в семьях Императоров Николая I, Александра II и Александра III. Поэтому утверждения священномученика Серафима (Чичагова) о том, что Николай II узнал только в 1901 г. от него о Преподобном Сера-

фиме, неверны. Государь, конечно, слышал о святом старце от своего отца – Императора Александра III, в доме которого имелся его портрет, доставшийся Царю от его матери – Императрицы Марии Александровны, глубоко почитавшей Серафима Саровского^[1535].

27 января 1883 г. начальник московских женских гимназий Г. К. Виноградов в письме к обер-прокурору Синода К. П. Победоносцеву предложил ознаменовать предстоящую коронацию Императора Александра III *«открытием мощей благочестивого, всей Россией чтимого угодника»* Серафима, молитвы *«которого и при жизни были действенны, тем более теперь они будут благопоспешны для великого Государя, когда Серафим предстоит перед престолом Всевышнего в лике серафимовском»*^[1536]. Победоносцев отнёсся к предложению неодобрительно, так же как и большая часть членов Священного Синода.

Между тем почитание старца Серафима в народе с каждым годом росло. В 1891 г. по инициативе игумена Рафаила (Трухина), настоятеля Саровской обители, в Тамбовской епархии начат сбор сведений о жизни, подвигах и чудесной помощи Серафима Саровского специально для предоставления в Синод. В ответе Синода 1895 г. повелевалось продолжать сбор сведений о саровском подвижнике, но отказывалось в принятии дела на рассмотрение по причине отсутствия *«решимости начать дело прославления»*. В одном из синодальных заключений 1895 г. было заявлено, что в свиде-

тельствах о святости Серафима Саровского *«слишком много чудес»*. Синодальная следственная комиссия, закончившая в том же году работу по исследованию фактов этих чудес, оставила свои выводы безо всякого движения. Некоторые члены Династии воспринимали почитание Преподобного Серафима Царской Семьёй не только скептически, но даже враждебно.

В 1896 г. архимандрит Серафим (Чичагов) на аудиенции у Государя передал ему составленную владыкой *«Летопись Серафимо-Дивеевского монастыря»*, в которой было изложено жизнеописание отца Серафима, его поучения и предсказания. В одном из них старец поведал монахине Евпраксии, что Дивеевская обитель расцветёт: *«Какая великая радость-то будет! Среди лета запоют Пасху, радость моя! Приедет к нам Царь и вся Фамилия!»*^[1537] Кроме того, владыка передал Николаю II слова одной представившейся дивеевской монахини о предсказании старца Серафима, что *«в конце столетия в России будет царствовать Император Николай II, царствование которого будет славное, но трудное: в это-то царствование будут прославлены мощи его, Серафима Саровского, и совершатся великие чудеса»*^[1538].

Государь указал в личной беседе Победоносцеву в ближайшее время представить указ о канонизации Серафима Саровского. Обер-прокурор вновь высказал Государю своё скептическое отношение к столь *«поспешному»* решению.

В 1901 г. Синод поручил архиепископу Тамбовскому Ди-

митрию (Ковальницкому) обследовать могилу, гроб и останки старца Серафима, собрать весь материал к предстоящему его прославлению.

27 июля 1902 г. «Правительственный вестник» сообщил о том, что в день рождения старца Серафима Саровского Государь поминал его и что по Высочайшему повелению Святейший Синод продолжает работу по прославлению старца. В том же июле Императрица Александра Феодоровна направила в Саровскую пустынь дары: лампаду и церковные облачения. Лампада была зажжена перед иконой Пресвятой Богородицы Умиления в Успенском соборе, перед которой постоянно молился Серафим Саровский. Государыня просила служить молебен о здравии Их Величеств. Такие молебны стали отправляться ежедневно в часовне над могилой старца.

11 января 1903 г. комиссия под председательством митрополита Московского Владимира (Богоявленского) произвела освидетельствование останков старца Серафима. Его результаты дали основание на новое противодействие прославлению. В акте освидетельствования говорилось, что *«тело приснопамятного о. Серафима предалось тлению. Кости же его, будучи совершенно сохранившимися, оказались вполне правильно размещёнными»*^[1539]. Во время омовения честных мощей в алтаре стало распространяться ясно ощущаемое всеми присутствующими благоухание, запах цветов гвоздики и свежего липового меда.

Сразу же после predания гласности результатов осмотра могилы старца по Петербургу от имени какого-то «союза борьбы с православием» стали распространяться гектографированные листки, где Православие объявлялось вредным для блага русского народа. Вместе с этим заявлялось, что союз *«принял на себя во исполнение долга своего пред истиной и русским народом расследование дела о мощах Серафима Саровского и не остановится в случае надобности и пред вскрытием содержимого гроба»*^[1540].

В листовках кощунственно намекалось, что мощи преподобного подверглись тлению. Митрополиту Петербургскому Антонию (Вадковскому) пришлось выступить с заявлением в «Новом Времени» и в «Прибавлениях к Церковным Ведомостям». В своих выступлениях митрополит подчёркивал, что *«утверждение об обязательном “нетлении” мощей святых совершенно неправильно и не согласуется с всецерковным сознанием, по которому нетление мощей вовсе не считается общим непременным признаком для прославления святых угодников. Доказательство святости святых составляют чудеса, которые творятся при их гробах или от их мощей, целые ли это тела или только кости одни. Нетление мощей, когда оно есть, есть чудо, но только дополнительное к тем чудесам, которые творятся чрез их посредство. От старца Серафима остались в гробу только кости, остов тела, но как останки угодника Божия, человека святого, они суть мощи святые и износятся ныне при торже-*

ственном его прославлении из недр земли для благоговейного чествования их всеми притекающими к молитвенному предстательству его, преподобного старца Серафима»^[1541].

Возникшие сомнения и споры вокруг канонизации старца были уделом образованной части общества. Среди простого народа вера в святость и чудодейственность мощей Серафима Саровского, воды его источника была непоколебимой. Такой же она была и у Государя^[1542]. На докладе Синода о начале подготовки к прославлению Император Николай Александрович написал: *«Прочёл с чувством истинной радости и глубокого умиления»*. На другом докладе Синода Николай II своей резолюцией положил конец всем сомнениям, начертав: *«Немедленно прославить»*.

Началась подготовка к великому торжеству. Были пущены специальные «богомольческие» поезда, организовано снабжение паломников, медицинское обслуживание, построены гостиницы, приняты меры к охранению порядка. Был составлен специальный тщательный «Церемониал торжественного открытия Святых мощей преподобного отца Серафима, Саровского чудотворца». Для участия в торжествах в Саров прибыло более 500 человек духовенства, около 300 тысяч паломников.

15 июля вечером в Саров из Нового Петергофа выехал царский поезд. Государя и Государыню сопровождали Вдовствующая Императрица Мария Феодоровна, Великий Князь Сергей Александрович, Великая Княгиня Елизавета Фео-

доровна, Великая Княгиня Ольга Александровна, Великий Князь Николай Николаевич и другие члены Дома Романовых. В 11 часов утра 17 июля царский поезд прибыл в Арзамас, где Государя встречали губернатор В.Ф. фон дер Лауниц и все сословия. Николай II записал в своем дневнике: *«Очень живописны были крестьянки в своих нарядах и мордовки также. В 6 час. въехали в Саровскую обитель. Ощущалось какое-то особое чувство при входе в Успенский собор и затем в церковь Св. Зосимы и Савватия, где мы удостоились приложиться к мощам святого отца Серафима»*^[1543].

Генерал А. А. Мосолов вспоминал: *«Прибытие в Саров было удивительно торжественно. Колокольный звон, множество духовенства, толпы народа около Государя. Губернатор В. Ф. фон дер Лауниц получил указание от Государя не мешать народу находиться на царском пути. Организовать это было трудно, и были вызваны войска. Солдаты держали друг друга за руки, чтобы оставить свободный проход для Государя и духовной процессии. В купальне был отслужен молебен, после которого Государь со свитой, но без духовенства, отправился обратно в монастырь. Государь, не предупредив никого, свернул резко направо, прошел цепь солдат и направился на гору. Очевидно, он хотел вернуться по дощатой дорожке и дать, таким образом, большому количеству народа видеть его вблизи. Его Величество двигался медленно, повторяя толпе: “Посторонитесь, братцы”. Государя пропускали вперед, но толпа медленно*

сгущалась за ним, только Лауниц и я удержались за Царем. Пришлось идти все медленнее, всем хотелось видеть и если можно, то и коснуться своего Монарха. Все большие теснили нашу малую группу в три человека, и наконец мы совсем остановились. Мужики начали кричать: “Не напрягайте”, – и мы опять подвинулись вперед на несколько шагов. В это время толпа навалилась спереди, и он невольно сел на наши с Лауницем скрещенные руки. Мы подняли его на плечи. Народ увидел Царя, и раздалось громовое “ура!”»^[1544]

Князь В. М. Волконский вспоминал: «Было именно единение. Не кажущееся, а искреннее, полное; у всего собравшегося народа, у каждого человека, из какого бы слоя он ни был, было то настроение, которое, наверное, радовало Серафима; все были один другому близки, все были друг другу действительно друзья; иначе назвать это настроение как умилённым, я не могу; и эта умилённость, эта ласковость царила над всем Саровом и над всеми под его сень пришедшими. Хорошо было – очень!»^[1545]

Государь записал в дневнике 19 июля: «Подъём духа громадный и от торжественности события и от поразительного настроения народа»^[1546]. Крестьяне встречали Николая II у околиц своих деревень, и Император писал, что это – очень красивое зрелище, когда мужчины, женщины, юноши, девушки в национальных костюмах выходят из села и машут, приветствуют его.

В Успенском соборе прошла последняя панихида по от-

цу Серафиму, в которой он ещё не поминался как святой. После этого Царская Семья направилась осматривать места, связанные с земной жизнью Преподобного: ближнюю и дальнюю пустыньки, источник, камень, на котором он молился. В 6 часов вечера 18 июля состоялась кульминация всех торжеств – всенощная, во время которой произошло прославление Преподобного Серафима Саровского. Его Святые мощи были перенесены из Зосимо-Савватиевской церкви в Успенский собор. Раку с мощами чудотворца несли сам Николай II, великие князья и архиереи. *«Впечатление было потрясающее, видеть, как народ и в особенности больные, калеки и несчастные относились к крестному ходу. Очень торжественная минута была, когда началось прославление и затем прикладывание к мощам. Ушли из собора после этого, простояв три часа за всенощной»*, – записал Царь в дневнике^[1547].

19 июля Император Николай II и Императрица Александра Феодоровна искупались в источнике Святого Серафима. Великий Князь Сергей Александрович записал в своем дневнике: *«Жаркий чудный день. В 9 часов пошли к обедне – молились, как никогда! Ещё мы носили мощи кругом церковей. При нас излечилась немая девочка – умирительно. Около ½ мы пошли купаться к источнику: Alix, жена и Ольга, потом Ники и Петя, замыкания с Минни – не узнавали – ночь дивная. Я с Ники и Петей купались – также вернулись»*^[1548]. Николай II тоже отметил в своем дневнике: *«Слы-*

хали о многих исцелениях сегодня и вчера. В соборе во время обнесения св. мощей вокруг алтаря случилось также одно. Дивен Бог во святых Его. Великая неизреченная милость Его дорогой России: невыразимо утешительна очевидность нового проявления благодати Господней ко всем нам. На Тя Господи, уповахом да не постыдимся во век. Аминь!»^[1549]

Прославление святого Серафима Саровского в июле 1903 г. явилось убедительным свидетельством единения Царя, Церкви и Народа. Оно оказало огромное влияние на Николая II. Самым главным его последствием стало осознание Царем переживаемой эпохи **как преддверия грядущего Апокалипсиса**. Николай II ясно осознал, что отдалить Апокалипсис можно не силовыми человеческими методами, а в первую очередь духовным перерождением общества, возвращением его к христианскому мировоззрению и образу жизни. В связи с этим Царь еще больше укрепился в Православии. Между тем, несмотря на всеобщий духовный подъем в дни Саровских торжеств, Николай II не нашел всеобщей поддержки в осознании всей важности прославления Преподобного Серафима. Большинство современников этого не понимало, считая набожность Царя и его благоговейное отношение к святыням проявлением ретроградства и ханжества. Великий Князь Александр Михайлович писал в 1905 г., во время начавшейся войны с Японией: «Уходящие полки благословлялись иконой св. Серафима Саровского, которого недавно канонизировал Синод. Незнакомые черты его лица

очень угнетающе действовали на солдат. Уж если нужно было вовлекать Бога и святых в преступную дальневосточную бойню, то Ники и его епископы не должны были отказываться от верного и привычного Николая-угодника, который был с Российской империей все триста лет сражений. К концу Русско-японской войны я чувствовал прямо-таки отворачивание к самому имени Серафима Саровского. Хоть он и вел праведную жизнь, но в деле вдохновения русских солдат он потерпел полную неудачу»^[1550].

Главным в этих словах Александра Михайловича является его глубокая неприязнь к святому Серафиму Саровскому. Причины этой неприязни непонятны, так как объяснения, которые даёт Великий Князь, абсолютно неубедительны. Откуда Александр Михайлович знал, что Серафим Саровский «угнетающе действует на солдат»? Все эти домыслы Великого Князя отражают его неприятие самой канонизации святого Серафима Саровского, непонимание церковной политики Императора Николая II.

Глава 14. Война с Японией

Противостояние с Японией в 1904–1905 гг. является одной из самых оклеветанных страниц царствования Императора Николая II. Были извращены причины этого противостояния, цели России в войне, ход военных действий, причины преждевременного мира с Японией. Силы, нанешие воюющей России удар в спину, организовавшие и поддерживавшие всероссийскую смуту, стали авторами мифа о «ненужности» этой войны для нашего Отечества и о «страшном поражении», якобы полученном им от японцев.

Между тем Русско-японская война во многом явилась следствием противодействия ряда государств (Японии, Англии, США) стремлению Николая II реализовать Большую Азиатскую программу. «Азиатским» разворотом Николай II стремился предотвратить европейскую войну. Государь понимал, что цели, которые ставили его дед Александр II и отец Александр III – утвердить своё влияние на Балканах, силой занять проливы, противодействовать Австрии и Турции в Южной Европе, а Англии и Франции на Ближнем Востоке, – можно было достичь только путём кровопролитной войны. Между тем сама мысль о ней вызывала в Государе неприязнь^[1551]. К тому же обладание Босфором и Дарданеллами открывало для России лишь «форточку» в зал, который был заперт британскими «засовами». В этих условиях овла-

дение Проливами отходило у Государя на второй план. В беседе в Париже с премьер-министром Великобритании лордом Робертом-Артуром Солсбери Николай II заявил: *«Россия не хочет иметь Константинополь или иную часть турецкой территории на стороне Проливов. Она хочет только владеть дверью и иметь возможность укреплять её»*^[1552].

Государь искал для России выхода в Мировой океан в иных регионах. Новыми приоритетами Николая II стало развитие Сибири, Дальнего Востока и активное проникновение в Ближнюю Азию^[1553]. Николай II активно поддержал расширение русского влияния в Северном Китае, Маньчжурии и Корее. При этом Царь не собирался вести там войну, а стремился достигнуть компромисса со всеми государствами региона, в том числе и с Японией.

Д. И. Менделеев всегда горячо поддерживал эти планы Государя: *«Только неразумное резонерство спрашивало: к чему эта дорога? А все вдумчивые люди видели в ней великое и чисто русское дело – путь к океану – Тихому и Великому, к равновесию центробежной нашей силы с центростремительной, к будущей истории, которая неизбежно станет свершаться на берегах и водах Великого океана»*^[1554].

Путешествие по Дальнему Востоку и Сибири, а также знакомство Наследника Цесаревича Николая Александровича с Востоком привели его к убеждению, что Россия должна развиваться именно в этом направлении. Особое внимание Востоку уделял и Александр III, который поддержал идею

и практические мероприятия по распространению России на «монголо-тибетско-китайском Востоке при посредничестве активных торговых отношений из Забайкалья»^[1555].

Поэтому Большая Азиатская программа стала закладываться в планы Николая II ещё до его вступления на престол. Эта программа сводилась к обеспечению развития Сибири и Дальнего Востока, выходу к незамерзающим портам Тихого океана и закреплению там российского присутствия.

При этом в политике Николая II на дальневосточно-азиатском направлении отсутствовали «империалистические» цели: ни о каких разделах и расчленениях стран региона Государь не помышлял. С. Ю. Витте, который обладал удивительной способностью до крайности утрировать мысли людей, по тем или иным причинам ему не симпатичных, так обозначал, со слов генерала А. Н. Куропаткина, векторы Большой Азиатской программы: «У нашего Государя грандиозные в голове планы: взять для России Маньчжурию, идти к присоединению к России Кореи. Мечтает под свою державу взять и Тибет. Хочет взять Персию, захватить не только Босфор, но и Дарданеллы»^[1556].

Разумеется, Государь никогда не ставил задач прямого захвата Кореи и тем более Персии. Но в условиях быстрого усиления в Дальневосточном и Азиатском регионах ведущих европейских держав Россия не могла не стремиться к их опережению на этих направлениях геополитического влияния.

Негласный представитель Николая II на Дальнем Восто-

ке князь Э. Э. Ухтомский всячески подготавливал продвижение русского влияния в Бурятии, Китае, Верхней Монголии, Маньчжурии, устанавливал связи с Тибетом и Кореей. Ухтомский регулярно направлял отчёты Императору в Петербург, в которых передавал все важнейшие новости с Дальневосточного региона^[1557].

Князь сумел создать на Востоке разветвленную эффективную агентурную сеть. Главное, чем она занималась, было обеспечение ведущих позиций России во всей Центральной Азии. Главой этой агентуры был Пётр Александрович Бадмаев, носивший до крещения буддистское имя Жамсаран. Крестник Императора Александра III, Бадмаев был убеждён, что только Россия способна понять и спасти восточные народы от варварского господства Запада и поглощения Японией. 15 сентября 1895 г. П. А. Бадмаев шифром передавал Ухтомскому: *«Выезжаю верхом со 150 помощниками. Буду во всех важных пунктах до Кореи. Всюду разузнаю на месте сам как сподручнее провести на частные средства ближайшим путём железную дорогу из внутреннего Китая в Читу. Пространство между этими районами занято и охраняется монголами. Вхожу в соглашение со всеми их главными вождями. Народ за нас»*^[1558].

По имеющимся запискам, адресованным Императору, авторство которых не установлено, мы можем судить, насколько сильным было проникновение России в этом регионе к началу XX в. В 1896 г. неуполномоченный резидент сообщал:

«Вся Монголия готова без выстрела сейчас же перейти в подданство России. О Монголии, Маньчжурии и Тибете не стоит и разговаривать: факт присоединения этих стран к России можно считать фактом свершившимся»^[1559].

Одновременно с налаживанием связей с мировыми буддистскими лидерами под непосредственным контролем Царя на Дальнем Востоке развернулось создание русских школ для бурят и монголов, которые, по сообщениям резидента, сотнями просились в эти школы, заявляли о своём желании принять Православие.

Продвижение России на Восток и противодействие ему со стороны Японии и Англии

К концу XIX в. началось активное проникновение основных европейских держав в распадающуюся империю Цин, экономика которой находилась под контролем иностранного капитала. Запад домогался от китайского правительства монопольных прав внутри «сфер влияния» и возможно более надёжного исключения не только других иностранцев, но и самих китайцев из любого участия в контроле или управлении своими национальными богатствами^[1560]. Более всех стремилась занять господствующее положение в Китае Великобритания. Ещё в 1885 г. видный деятель консерваторов лорд Роберт Гаскойн Солсбери заявил: *«Держава, которая*

сможет лучше всех укрепиться в Китае, получит преобладание в мировой политике»^[1561].

На роль такой державы стала претендовать и Япония. Летом 1894 г. началась между нею и Китаем борьба за влияние в Корее на фоне начавшегося в этой стране мощного крестьянского восстания. Корейский король Коджон обратился к китайскому императору с просьбой о помощи против этого восстания, так как он сам с ним справиться не мог. Пекин согласился и послал в Корею войска, о чём Сеул официально сообщил в Токио, гарантировав, что китайцы немедленно покинут территорию Кореи сразу после подавления мятежа^[1562]. Однако в японской столице решили тоже поучаствовать в «помощи» корейскому королю и настойчиво стали ее предлагать китайцам. Для подкрепления своих «миролюбивых» намерений японское командование 10 июня 1894 г. доставило в Чемульпо 6 тыс. военнослужащих на десяти кораблях. Пекин заверил Токио, что восстание уже ликвидировано, никакой японской помощи не требуется, а сам он выводит из Кореи свои войска. В ответ японцы силой захватили королевский дворец в Сеуле и установили в столице оккупационный режим. 22 июля 1894 г. Китай отозвал своего посланника из Токио, а японцы внезапно начали против Китая военные действия на суше и на море.

Хорошо организованная и вооружённая японская армия изгнала китайцев из Кореи и вторглась на территорию Поднебесной империи, очистив большую часть Маньчжурии, по-

луостров Ляодун и порт Вэйхай. 1/13 апреля 1895 г. между Японией и Китаем был заключён Симоносекский мир, по которому Пекин должен был уплатить Японии огромную контрибуцию, признать независимость Кореи, отдать навечно остров Тайвань и весь Ляодунский полуостров.

Японские захваты стали прямым вторжением в зону геополитических интересов России. 25 марта/6 апреля 1895 г. князь А. Б. Лобанов-Ростовский писал Николаю II: *«Не подлежит сомнению, что из предложенных японцами условий мира окончательное занятие ими полуострова, на котором находится Порт-Артур, вызывает наиболее замечаний; <...> с точки зрения наших интересов, оно было бы фактом крайне нежелательным»*^[1563]. Князь указывал, что России нечего надеяться на помощь европейских держав против японской экспансии^[1564].

В этих условиях Лобанов-Ростовский предложил Государю договариваться с японцами о разделе Северо-Востоchnого Китая, в ходе которого Россия должна получить незамерзающий порт Лазарева в Корее и Северную Маньчжурию. Николай II решил принять окончательное решение по итогам Особого совещания, намеченного на 28 марта 1895 г. К этому моменту позиции европейских государств резко изменились против Японии. Французский посол Монтебелло сообщил Лобанову-Ростовскому: *«Так как для России занятие японцами Ляодунского полуострова (с портом Артур), а для Франции занятие Пескадорских островов представля-*

ются весьма нежелательными, то, если бы Япония не согласилась от них добровольно отказаться, можно было бы приступить к принудительным мерам»^[1565].

Лобанов-Ростовский был убеждён, что такая «внезапная перемена» объясняется коммерческими интересами Англии, Франции и Германии, «которые могли бы пострадать от усиления влияния Японии в Китае»^[1566].

11 апреля 1895 г. Россия, Франция, Англия и Германия потребовали от Токио отказаться от Ляодуна. Для усиления этого требования к берегам Японии была направлена европейская эскадра указанных государств. Перед лицом их военного вмешательства в Токио были вынуждены уступить, согласившись в качестве компенсации получить от Китая дополнительную контрибуцию. Когда опасность военного конфликта миновала, Николай II писал Лобанову-Ростовцеву: «Большая гора свалилась у меня с плеч, по получению Вашей телеграммы и о том, что Япония отказывается вовсе от Ляодунского полуострова. Сколько жизней и жертв спасено! <...> Меня несказанно радует это полюбовное окончание нашего вмешательства в японо-китайское столкновение»^[1567].

Помощь, оказанная Китаю в смягчении последствий войны с Японией, существенно улучшила позиции России в Поднебесной. 13 ноября 1895 г. Николай II в записке князю Лобанову указывал: «Я думаю, что теперь именно время на переговоры с Китаем для получения концессии на постройку

через Маньчжурию железной дороги из Забайкалья прямо на Владивосток»^[1568].

Между тем корейский король Коджон, стремясь избавиться от зависимости агрессивной Японии, стал склоняться к союзу с Россией. Главным проводником этой политики была жена Коджона, королева Мин.

8 октября 1895 г. группа вооружённых японцев, переодетых в корейское платье, ворвалась во дворец и убила королеву и министра двора^[1569]. Король и наследник в женских платьях едва успели скрыться в русской дипломатической миссии.

Николай II был весьма обеспокоен таким развитием событий, заметив, что возможный захват японцами Кореи *«ещё существеннее для нас, нежели захват ими Ляодунского полуострова»*^[1570].

В мае 1896 г. на коронацию Николая II было приглашено корейское посольство во главе с родственником короля Мин Ён Хваном. Он обратился к Государю с просьбой прислать русских военных инструкторов и советников, организовать личную гвардию короля, сформировать корейскую армию в 6 тыс. человек, оказать помощь в строительстве телеграфных линий и выделить королевству займ в размере 3 млн иен для погашения долга Японии^[1571]. Николай II согласился удовлетворить все эти просьбы. Вместе с тем на проекте полковника Д. В. Путяты по осуществлению вышеперечисленных мероприятий Николай II написал: *«На этом оста-*

новиться»^[1572]. Царь полагал, что более глубокое проникновение в Корею чревато осложнениями с другими странами, прежде всего с Японией.

Опираясь на помощь Петербурга, король Коджон сформировал прорусское правительство, отменил все договоры, навязанные ему японцами. 20 февраля 1897 г. король покинул русскую дипломатическую миссию и переселился во дворец Кенбоккун. 12 октября 1897 г. Коджон принял титул императора, тем самым подчеркивая свою независимость от Китая. Торжества по случаю коронации прошли на территории русской миссии. В 1897 г. Святейший Синод принял решение об учреждении Русской духовной миссии в Корее. 20 июня 1897 г. последовало Высочайшее соизволение на учреждение православной миссии в Сеуле и на сооружение здесь первого православного храма. Число корейцев, принимавших Православие, постоянно росло^[1573]. Известный русский публицист Н. Г. Гарин-Михайловский, который во время пребывания в Корее посетил город И-Чжоу, в своём дневнике от 18 октября 1898 г. приводил слова высокопоставленного местного чиновника: *«Имя русского в Корее священо. Слишком много для нас сделала Россия и слишком великодушна она, чтоб мы не ценили этого. Русский – самый дорогой наш гость»*^[1574].

5 декабря 1897 г. Николай II утвердил устав Русско-Корейского банка, который получал право делать займы без жёстких гарантий, приобретать концессии и финансировать

ветку КВЖД в Корею.

Усиление присутствия России в Корею вызвало сильное беспокойство в Лондоне. В ноябре 1899 г., во время визита в английскую столицу Вильгельма II, министр колоний сэр Джозеф Чемберлен предложил кайзеру союз, целью которого было остановить продвижение России в Передней Азии. В качестве приза Берлину предлагались часть Марокко и поддержка в строительстве Багдадской железной дороги^[1575]. Однако кайзер от предложения отказался, так как эта комбинация не соответствовала его планам переключения России с европейского на азиатское направление и ослабления Англии в азиатском регионе.

Занятие Россией Порт-Артура и Дальнего

21 мая 1896 г., во время пребывания в Москве Ли Хунчжана, «воспитателя наследника престола», а фактически министра иностранных дел цинского правительства, Россия заключила с Пекином союзный договор. Он предполагал, что в случае нападения Японии на Китай, Корею или восточно-азиатские владения Российской империи договаривающиеся стороны обязаны оказывать друг другу военную помощь. Пекин разрешил России провести через Маньчжурию до Владивостока железную дорогу, а русские суда получали свободный доступ в порты Китая^[1576].

Обстановка весьма благоприятствовала намерениям Ни-

колая II приобрести незамерзающий порт на Дальнем Востоке со свободным выходом в Мировой океан. По мнению Государя, такой порт должен был находиться либо в Корее, либо на Ляодунском полуострове. В ноябре 1897 г. Царь сказал товарищу министра иностранных дел графу В. Н. Ламздорфу: *«Я всегда был того мнения, что будущий наш открытый порт должен находиться или на Ляодунском полуострове, или в северо-восточном углу Корейского залива»*^[1577]. Намерение Николая II поддерживали адмиралы Ф. В. Дубасов и Е. И. Алексеев. Между тем международная обстановка требовала от Царя скорейшего принятия решения по этому вопросу. После захвата немцами Киао-Чао и отказа Пекина ему противодействовать у крупных европейских игроков возник соблазн тоже присвоить себе китайские порты. Русские дипломаты в Китае слали в Петербург весьма тревожные телеграммы: 25 ноября/7 декабря исполняющий должность поверенного в делах Российской империи в Китае А. И. Павлов сообщил из Пекина, что в Чифу ждут английскую эскадру, направляющуюся, по слухам, в Порт-Артур; 1/13 декабря военный агент полковник К. Н. Десино уведомил, что в Чифу грузятся 4 английских судна перед отправлением в Порт-Артур, а 2/14 декабря – что англичане уже заняли бухту Даляньвань. Об этом же ещё 1/13 декабря отправил телеграмму из Чифу в Петербург русский консул А. Н. Островерхов^[1578]. В. Н. Ламздорф предложил Государю *«воспользоваться первым удобным случаем, чтобы за-*

нять независимо какой-либо другой, более для нас выгодный порт»^[1579].

11/23 ноября министр М. Н. Муравьев представил Николаю II Записку, в которой предложил *«приступить, не теряя времени, к занятию судами нашей эскадры <...> Тальяньвана, то есть того порта, который в данную минуту <...> представляет несомненные видимые преимущества, или же иного порта»*^[1580]. 14/26 ноября Царь созвал Особое совещание для обсуждения этого вопроса. Военный министр генерал от инфантерии П. С. Ванновский поддержал идею Муравьева, в то время как министр финансов С. Ю. Витте и военный министр генерал от инфантерии А. Н. Куропаткин резко выступили против занятия Порт-Артура и Дальнего.

Витте вспоминал, что он *«предвидел в этом шаге – дело роковое, которое должно было кончиться ужасами»*^[1581]. Генерал Куропаткин считал, что *«Россия вместе с другими державами вынудила Японию покинуть завоеванный ею Квантунский полуостров с Порт-Артуром. Это составило первый и решительный шаг к тому, чтобы на Дальнем Востоке поставить Японию в ряды наших врагов»*^[1582]. Витте и Куропаткин категорично выступали вообще против русского присутствия в Южной Маньчжурии и Корее, из-за которой воевать с Японией, по мнению последнего, *«было бы большим бедствием для России»*^[1583].

Таким образом, Витте и Куропаткин противодействовали Азиатской программе Николая II. Куропаткин признавал в

своём дневнике: *«Мы, министры, задерживаем Государя в осуществлении его мечтаний»* (имелась в виду Корея)^[1584]. Перед самой войной, 20 марта 1903 г., военный министр писал в своём дневнике: *«Вчера сидел 2 часа у С. Ю. Витте. Витте просил высказать Государю трудности положения и попытался добиться обещания: 1) не развивать флот; 2) приостановить расходы на Дальний Восток»*^[1585]. Уже через два дня после этого разговора, 22 марта 1903 г., Витте и Куропаткин *«дружно убеждали Государя в необходимости приостановить расходы на флот и на Дальний Восток»*.

Какими соображениями руководствовались они при этом? Генерал-майор Генерального штаба Ф. П. Рерберг полагал: *«Начиная с 1900 года по наблюдении некоторых фактов, с которыми приходилось мне встречаться на служебном поприще, и знакомясь с известного рода литературой, я начал приходить к заключению, что среди высокопоставленных лиц, окружающих русского Императора, есть несколько человек, ненавидящих Государя и предающих его, а с ним и всю Россию. Лица эти находились в подчинении тайных интернациональных сил, и к первым таковым лицам я по целому ряду наблюдений относил генералов Куропаткина и Фредерикса, министров Витте и Ламздорфа»*^[1586].

По мнению Рерберга, Государь принял решение в пользу китайского, а не корейского порта, находясь под злонамеренным влиянием Витте и Куропаткина. Подобные утверждения, при всей их правдоподобности, упускают из виду,

что Государь не желал, чтобы русское присутствие в Корее привело к войне с Японией. Между тем очевидно, что занятие корейского порта сильно ухудшило бы русско-японские отношения. К тому же Николай II не стремился к аннексии Кореи. *«Я не хочу брать себе Корею, – писал Император ещё в 1901 г. принцу Генриху Прусскому, – но никоим образом не могу допустить, чтобы японцы там прочно обосновались. Это было бы casus belli. Столкновение неизбежно: но надеюсь, что оно произойдёт не ранее чем через четыре года – тогда у нас будет преобладание на море. Это наш основной интерес. Сибирская железная дорога будет закончена через 5–6 лет»*^[1587].

Государь решил, что занятие китайского, а не корейского порта будет менее опасным для России. На записке Ламздорфа, который полагал, что всякая попытка *«приобретения Россией военного порта на Корейском побережье»* неминуемо приведёт к *«окончательному разрыву с Японией»*, Государь написал: *«Согласен»*^[1588]. Обоснование России в китайском, а не корейском порту облегчило бы соглашение с Японией по корейскому вопросу. Кроме того, в самой Корее было беспокойно. 10 февраля 1898 г. прояпонский «Клуб Независимости», возглавляемый доктором Со Джэ Пхилем, получившим образование в США, в составленной петиции потребовал от императора Коджона удалить все русское из Сеула и выдать властям переводчика русской миссии Ким Пан Са, как *«человека, продающего Корею России и употреб-*

ляющего во зло доверие императора»^[1589]. В тот же день на Ким Пан Са состоялось нападение группы лиц, в результате которого он получил ранения. Представители английского и германского правительств в Сеуле не побрезговали лично отправиться в полицию и заявить, что нападение – дело рук самих русских, которые тем самым хотели припугнуть императора. В этих условиях, для того чтобы обеспечить занятие корейского порта, России сначала требовалось вмешаться во внутренние дела Кореи и столкнуться там с японцами и их союзниками.

2/14 декабря 1897 г. М. Н. Муравьев направил Государю записку, в которой указывал на необходимость срочного занятия Порт-Артура и Даляньваня, опираясь на дружественное разрешение китайского правительства русским судам заходить в закрытые для других иностранных держав порты. Николай II согласился с Муравьевым и приказал ввести боевые корабли в две бухты Ляодунского полуострова. 3/15 декабря последовал царский приказ о занятии Даляньваня. На сообщении командира группы кораблей, занявших Порт-Артур и Дальний, контр-адмирала М. А. Реунова, о том, что в указанных портах не было никого, кроме китайцев, Государь написал: *«Слава Богу! Я нахожу желательным, чтобы два наших крейсера были посланы в Талиенван, покуда англичане его не заняли. Прошу срочно сообщить об этом Дубасову. По занятии этих двух портов я буду спокойно относиться к дальнейшим событиям на Востоке»*^[1590].

15 марта 1898 г. Пекин подписал с Россией конвенцию, по которой он уступал ей в арендное пользование сроком на 25 лет порты Люйшунь (Порт-Артур) и Талиенван (порт Дальний) вместе с прилегающим к ним водным пространством^[1591]. 16 марта 1898 г. русская эскадра высадила в Порт-Артуре воинский десант. На соответствующем донесении контр-адмирала Ф. В. Дубасова Николай II начертал: *«Радуюсь благополучному окончанию высадки и занятию незамерзающего порта в Тихом океане»*^[1592].

В те дни Государь писал своему брату Великому Князю Георгию Александровичу: *«Очень пора нам стало сделаться сильными на море, в особенности теперь, когда пошла своего рода травля и погоня за китайскими портами. Слава Богу, что нам удалось занять Порт-Артур и Талиенвань бескровно, спокойно, почти по-дружески! Конечно, это было довольно рискованно, ну а прозевай мы эти гавани теперь, впоследствии, конечно, без войны нам бы не удалось вышибить засевших туда англичан или японцев! Да смотреть надо зорко, там на Тихом океане почти вся будущность развития России, и, наконец, мы имеем вполне незамерзающий открытый порт; а железная дорога туда ещё больше укрепит наше положение»*^[1593]. 24 марта 1898 г. Николай II разрешил спустить китайский флаг в Порт-Артуре^[1594].

Государь придавал большое значение, чтобы аренда Порт-Артура и Дальнего не была воспринята китайцами как посягательство на их права. В связи с этим контр-адмирал Ду-

басов в специальном послании известил местное население, что «русские власти будут всячески защищать благонамеренных людей и поддерживать порядок в стране»^[1595].

Российская военная мысль, в отличие от гражданской общественности, с большим пониманием встретила занятие Порт-Артура. Участник Русско-японской войны 1904–1905 гг. контр-адмирал Д. В. Никитин писал: «*Наше Правительство предприняло в 1898 году очень смелый, но вполне правильный и своевременный шаг: оно заняло военной силой Квантунский полуостров, получив на это согласие Китая. Оно ясно сознавало, что путь к владению Владивостоком лежит через Порт-Артур. Оставалось только по мере усиления Японии своей военной мощи соответственно увеличивать сухопутную и морскую оборону вновь занятой области. Самые крупные расходы, которые приходилось бы при этом нести, несомненно, являлись бы каплей в море по сравнению с тем, что стоило бы оборонять рядом крепостей грандиозной длины границу вдоль реки Амур. Нечего говорить и о том, что они представлялись бы прямо ничтожными, если учесть тот моральный и материальный ущерб, какой понесла бы Россия в результате неудачной войны. Но тут выступила на сцену так называемая русская общественность. Совершенно не разбираясь в стратегической обстановке на Дальнем Востоке, наши тогдашние газеты зашумели о безумной аванюре. В обществе стали говорить: “Швыряют миллионами, чтобы великим кня-*

зьям можно было наживаться на лесных концессиях на Ялу»»^[1596].

Занимаемая территория в Южной Маньчжурии получила название Квантунской области. Началось строительство ветки КВЖД, призванной соединить Читу с Владивостоком и Порт-Артуром. Был основан город Харбин, ставший на многие десятилетия столицей «русского Китая».

Занятие Порт-Артура вызвало сильное раздражение С. Ю. Витте. О своём крайнем недовольстве министр финансов неосторожно сообщил в самой резкой форме английскому послу сэру Николосу Родерику О'Конору и германскому послу князю Гуго Лешицу Радолину, назвав операцию в Порт-Артуре «ребячеством», которое «очень плохо кончится». Витте настолько потерял осторожность в своих высказываниях, что Николаю II пришлось его одёрнуть жёстким выговором^[1597].

Занятие Порт-Артура знаменовало собой ослабление русского присутствия в Корее. Главной причиной этого было стремление Государя договориться с Японией и не доводить дело до военного конфликта. В апреле 1898 г. в Токийском протоколе Россия признала за Японией решающую роль в торговле с Кореей.

Несмотря на подписанный союзный договор, отношения России и Китая трудно было назвать союзническими. Сразу из Петербурга Ли Хунчжан *«отправился благодарить за спасение Китая германского императора и французского*

президента. Подобная комбинация в высшей степени неприятна для нас по делам Востока. Немцы и французы ни в каком случае не спасли бы Китай, если бы наш Государь не принял бы решительных мер»^[1598].

В связи с этим в своём донесении Николаю II от 26 декабря 1896 г. резидент внес следующее предложение: Россия в Дальневосточном регионе должна «1) принудить Японию заключить договор с Китаем; 2) не допустить Японию до захвата на материке». Вместе с тем он предлагал, чтобы «Приамурское генерал-губернаторство было преобразовано в Наместничество, учреждён департамент по делам Дальнего Востока при МИДе, преобразован факультет восточных языков Санкт-Петербургского Университета»^[1599]. Кроме того, резидент указывал на необходимость «пригласить в Читу из Пекина знатоков китайского, маньчжурского и монгольских языков, которые должны переводить на русский язык законы Китая, Монголии и Тибета, чтобы ознакомиться с современным судебно-административным положением этих стран»^[1600].

Между тем С. Ю. Витте был горячим сторонником сближения на Востоке только с Китаем. При активном содействии министра финансов был создан Русско-Китайский банк, который «совершал для Китая заём между парижскими банкирами на бирже»^[1601]. Французы, которые на севере Китая имели значительно менее сильные позиции, чем на юге, надеялись с помощью Витте и Русско-Китайского банка

потеснить там своих английских и германских конкурентов. Витте считал, что России следует ограничиться исключительно финансовым проникновением в Китай, отказавшись в пользу Японии не только от Кореи, но и от Маньчжурии. Нетрудно заметить, что объективно деятельность Витте отвечала интересам французских и английских банкиров, не желавших глубокого проникновения России в Азию.

Неустановленный резидент напрямую обвинял Русско-Китайский банк в антирусской направленности. Обращаясь к Николаю II, он писал: *«Вы, Ваше Величество, окружены только одними теоретиками, высказывающими часто совершенно противоположные мнения по вопросам практической жизни. Я считаю, что теоретики почти погубили наше влияние на монголо-тибетско-китайский Восток. На место бескровного нашего там господства они вызывают потоки русской крови и вмешательство Европы. Всё это есть результат переговоров с Лихунчаном и антирусской деятельности Русско-Китайского банка»*^[1602].

Император Николай II и «Безобразовский кружок»: правда и вымыслы

Император Коджон, в соответствии с его прорусской ориентацией, начал широко предоставлять русским предпринимателям концессии на вырубку леса. Великий Князь Александр Михайлович писал Николаю II, что *«по докладу вер-*

нувшихся членов экспедиции, отправленной осенью 1898 г. в северную Корею для осмотра лесных богатств, оказывается, что русское обаяние в северной Корее очень сильно. Мысль, что мы должны её занять, совершенно обычна не только у престолярда, но и у чиновников»^[1603].

9 сентября 1896 г. по соглашению с корейским правительством была создана «Корейская лесная компания», которая получила преимущественное право вырубki в верховьях реки Туманган, в бассейне реки Ялу, а также на острове Уллындо сроком на 20 лет. В 1899 г. владелец концессии Ю. И. Бринер решил продать компанию и обратился с просьбой о посредничестве к и.о. русского консула в Корее Н. Г. Матюнину. Тот сообщил об этом своему давнему знакомому золотодобытчику В. М. Вонлярлярскому, а тот, в свою очередь, сенатору, статс-секретарю А. М. Безобразову, который входил в близкое окружение министра Императорского Двора и Уделов графа И. И. Воронцова-Дашкова.

У Безобразова родилась мысль использовать концессию Бринера для усиления военного и политического присутствия России в Корее под прикрытием охраны коммерческого предприятия. Для этого предполагалось на основе концессии Бринера создать «большую русскую промышленную компанию по образцу английских».

Идея А. М. Безобразова была поддержана графом И. И. Воронцовым-Дашковым, В. М. Вонлярлярским, Н. Г. Матюниным и В. К. Плеве, которых и принято назы-

вать «Безобразовским кружком». В советской историографии он долгое время считался чуть ли не главным виновником Русско-японской войны. На деле это не более чем очередной лживый миф, который был порождён ещё С. Ю. Витте. Это объяснялось тем, что его действия по устройству Русско-Китайского банка на Дальнем Востоке «безобразовцы» жёстко критиковали и считали опасными для влияния России в этом регионе. В своих мемуарах Витте всеми силами представлял «безобразовцев» коварными своекорыстными интриганам, поймавшими на свой крючок «доверчивого бедного Государя». На самом деле «Безобразовский кружок» своей государственнической позицией мешал своекорыстным интересам Витте, смотревшего на занятие Ляодунского полуострова исключительно с позиций личных меркантильных интересов, связанных с его участием в деятельности Русско-Китайского банка.

«Безобразовцы» выступали за активизацию действий России в Маньчжурии. Однако члены кружка понимали и всю опасность открытой её оккупации, которая могла спровоцировать войну с Японией. Не исключая, конечно, коммерческой выгоды от планируемой промышленной компании, члены кружка стремились прежде всего к усилению русского влияния на Дальнем Востоке, в Китае и Корее при сохранении по возможности мирных отношений с Японией.

По планам А. М. Безобразова предполагалось из небольшого частного предприятия по разработке леса создать боль-

шую Восточно-Азиатскую компанию по типу английской Ост-Индской, которая контролировала бы экономику и политику Кореи. Под видом служащих компании предполагалось ввести в места концессии 20 тыс. солдат и офицеров Российской армии. Компания, помимо заготовки леса, должна была заниматься топографией, стратегическими дорогами, складами. Таким образом, русское Правительство получало мощный военный центр в Восточной Азии, с помощью которого к тому же предполагалось сдерживать возможное продвижение Японии на континент.

С этой идеей Безобразов пришёл к министру иностранных дел графу М. Н. Муравьёву, но не нашёл в его лице поддержки. Тогда кружок решил обратиться со своими предложениями напрямую к Государю. Воронцовым-Дашковым была составлена пояснительная записка, которую он, втайне от Витте, 26 февраля 1898 г. передал Николаю II. В ней говорилось, что *«Восточно-Азиатская компания создается не для обогащения отдельных лиц, но для самого насаждения русских идей. В руках компании должно сосредоточиться все влияние на общий ход дел в Корее»*. «Безобразовский кружок» предлагал, чтобы компания находилась в государственном владении.

Николай II согласился с этими доводами и предложил выкупить концессию, указав, однако, что компания должна оставаться формально частной собственностью. Деньги на выкуп компании (200 тыс. фунтов) были отпущены из

личных средств Императора. Общий контроль за деятельностью компании был поручен Великому Князю Александру Михайловичу. Он писал Государю 5 марта 1899 г. в секретной записке: *«Является настоятельная необходимость поддержать наше влияние в северной Корее и не дать нашим противникам возможность подчинить своему влиянию эту часть страны. Если продолжать действовать так, как мы действовали до сегодняшнего дня, то несомненно, что через весьма короткое время, стараниями японцев и англичан, северная Корея окажется в сфере их коммерческих интересов, и нам придётся считаться в северной Корее не только с японцами, но и, что хуже, с англичанами. Время ещё не упущено, есть возможности, при помощи будущей Восточно-Азиатской компании, прочно утвердиться в северной Корее и подготовить совершенно мирный переход её в наши руки»*^[1604].

Главой предприятия должен был стать Н. Г. Матюнин, который дал личное обязательство вновь назначенному министру Императорского Двора барону В. Б. Фредериксу, что по первому требованию он должен передать права на концессию другому лицу, на которое укажет министр^[1605]. Таким образом, цели и задачи «Безобразовского кружка» полностью опровергают версии о личной заинтересованности Безобразова и об «откатах» великим князьям за лоббирование проекта.

Сразу же после образования Восточно-Азиатской про-

мышленной компании русское Правительство стало вести переговоры с китайским правительством о возможности эксплуатации также и правого берега реки Ялу. Николай II осознавал, что после очищения Маньчжурии русскими войсками согласно договору с Китаем заслон на Ялу приобретает особую важность в *«смысле предотвращения столкновений с Японией»*, которые уже неоднократно проходили на этом рубеже.

В связи с этим Царь приказал *«ныне же приступить к учреждению частного Общества для использования Маньчжурских и корейских концессий. Со взятием Порт-Артура и постройки Маньчжурской железной дороги Государю Императору благоугодно было указать, что устройство заслона в бассейне реки Ялу приобретает ещё большее стратегическое и политическое значение, как владение местностью, находящейся во фланге наших коммуникаций с Порт-Артуром»*^[1606]. Разрешение китайских властей было получено в 1903 г. Управление всей компанией поручили одному из богатейших людей России – лесопромышленнику И. П. Балашову.

8 августа 1903 г. А. М. Безобразов послал министру иностранных дел графу В. Н. Ламздорфу записку, в которой он *«резюмировал своё принципиальное понимание вопросов на Дальний Восток»*^[1607]. В записке Безобразов отмечал: *«Цель на Дальнем Востоке состоит в укреплении и обеспечении государственной границы, при условии наименьших затрат в*

настоящем и наибольшей выгоды в будущем. Следовательно, наша цель не завоевательная, а устроительная. <...> Наша административная задача сводится к тому, чтобы под нашим началом жителям жилось лучше, чем это было до прихода нашей власти. На Дальнем Востоке это вполне достижимо путём ограждения жизни и собственности жителей от царящего там традиционного произвола. Центральное китайское правительство (Пекин) должно совершенно утратить своё положение по существу, но сохранив его по форме. В этом отношении у нас имеются налицо две правительственные организации: Русско-Китайский банк и Китайская восточная железная дорога. Вокруг этих учреждений, как около позвоночника, следует собрать согласованную между собой всю экономическую правительственную деятельность»^[1608].

Таким образом, создание Восточно-Азиатской промышленной компании могло бы стать крупнейшей опорой Большой Азиатской программы. Однако этого не случилось из-за стремительного сползания Дальневосточного региона к войне с Японией. В условиях приближающейся войны смысл воздействия на регион посредством «коммерческой» компании утрачивался.

Одновременно с деятельностью «Безобразовского кружка» правительство использовало и иные меры расширения своего влияния в Китае и Корее. 21 октября 1898 г. указом Императора Николая II во Владивостоке был учреждён Ин-

ститут восточных языков, первым директором которого стал выдающийся востоковед, доктор монгольской и калмыцкой словесности, профессор А. М. Позднеев. Он был убеждённым монархистом, глубоко верующим православным человеком^[1609]. Под его руководством на Дальнем Востоке был создан крупнейший научный центр по изучению китайской, тибетской и монгольской культур, который сыграл значительную роль в деле распространения русского влияния в дальневосточном регионе. Программа института предусматривала подготовку специалистов-востоковедов со знанием английского и французского языков, а также, в зависимости от выбранного учебного отделения, китайского, японского, корейского, монгольского и маньчжурского языков. Позже был добавлен тибетский.

Кроме того, институт имел важное военно-разведывательное значение. В нём проходили обучение офицеры русской разведки. Всего за весь период обучения (1899–1911 гг.) было подготовлено 124 переводчика, многие из которых использовались также в качестве драгоманов, консулов и военных агентов. Главное управление Генерального штаба привлекало их к работе по сбору и обработке сведений о сопредельных странах^[1610].

Институт сыграл большую роль в налаживании союзнических отношений между Россией и буддистским миром. В 1898 г. директор Института восточных языков А. М. Позднеев направил своего лучшего ученика бурята Г. Ц. Цыбико-

ва в Тибет и Непал для установления связи с буддистскими религиозными лидерами. В столице Тибета Лхасе Цыбиков имел личную встречу с Далай-ламой.

Подавление восстания «боксёров» в Китае

Лето 1900 г. заставило Россию гораздо активнее принять участие в китайских делах. В ноябре 1899 г. лидер недавно возникшего движения ихэтуаней Ли Лай-чжун призвал китайский народ бороться с иностранцами и с династией Цин. «Ихэтуань» (в переводе «кулак, поднятый во имя мира и справедливости») вышло из китайских духовно-мистических сект. Поскольку все члены этого движения практиковали физические упражнения, напоминающие кулачный бой, европейцы стали называть их «боксёрами». Власти Китая сначала двинули против восставших свои войска. Но затем тётка царствующего богдыхана Гуансюя императрица Цыси встала на сторону ихэтуаней. Она свергла богдыхана и сама заняла престол. В обстановке социальных потрясений – поражение Китая в войне с Японией, эпидемия холеры и засилье иностранцев в стране – движение «боксёров» пользовалось сочувствием у большей части китайского населения. Главное острие пропаганды ихэтуаней было направлено не против иностранцев как таковых, а против христианских миссионеров и китайцев-христиан. 14/26 мая 1900 г. в Бэйгуане «боксёры» сожгли храм и школу Русской православ-

ной миссии.

11/23 июня ихэтуани захватили Пекин, где стали убивать всех иностранцев, особенно дипломатов, укрывшихся в Посольском квартале китайской столицы. Были убиты германский посол и японский дипломат. Цыси объявила войну европейским государствам, в том числе и России.

Против ихэтуаней было выдвинуто Уссурийское казачье войско под командованием наказного атамана генерал-лейтенанта Н. М. Чичагова. Россия, Япония, Великобритания, Германия, Франция, США, Италия, Австро-Венгрия, Бельгия и Нидерланды создали коалицию численностью до 35 тыс. человек при 106 орудиях. Русскими войсками командовал генерал-лейтенант Н. П. Линевич.

Тем временем в Пекине в ночь с 11/23 на 12/24 июня были убиты все христиане-китайцы, в том числе множество православных, которые причислены Русской Православной Церковью к лику святых и составляют Собор Новомучеников китайских.

24 июня/6 июля китайцы атаковали русские строительные отряды на строящейся КВЖД и принялись за разрушение железнодорожного полотна и станционных построек. Все русские военные, охранявшие строительство КВЖД во главе с поручиком П. И. Валевским, погибли в бою с китайцами. К июлю 1900 г. ихэтуани совместно с регулярными китайскими войсками и хунхузами полностью захватили КВЖД, осадили переполненный беженцами Харбин и нача-

ли артиллерийские обстрелы Благовещенска.

21 июля/3 августа русские войска в ходе контрнаступления деблокировали Харбин, а 23 июля/5 августа Забайкальская казачья пешая бригада под командованием генерал-майора Н. А. Орлова разбила значительный отряд китайцев при Онгуне и заняла город Хайлар. 21 июля/3 августа началось общее наступление коалиционных сил. 1/13 августа войска Линевича вышли к Пекину и после штурма овладели им.

4/22 августа русские войска разбили «боксёров» в районе Благовещенска и начали наступление в Маньчжурии. 25 августа/7 сентября императрица Цыси, видя поражение ихэтуаней, перешла на сторону коалиционных войск и издала указ о преследовании восставших. В октябре 1900 г. вся Маньчжурия была полностью занята русскими войсками.

Несмотря на активное участие в подавлении опасного восстания, Император Николай II был сторонником сохранения единого Китая. В беседе с французским послом Монтебелло 8 июля 1900 г. Царь сказал: *«Нужно исключить все идеи раздела Китая. Искать возможности восстановления внутреннего status quo в нынешних беспорядках, таким образом, чтобы центральное правительство смогло обеспечить общественную безопасность во всей стране»*^[1611].

В частном письме королеве Виктории Николай II писал: *«Всё, чего хочет Россия, – чтобы её оставили в покое и дали развивать свое нынешнее положение в сфере ее интере-*

сов, определяемой ее близостью к Сибири. Обладание нами Порт-Артуром и Маньчжурской железной дорогой для нас жизненно важно и нисколько не затрагивает интересы какой-либо другой европейской державы. В этом нет и никакой угрозы независимости Китая. Пугает сама идея крушения этой страны и возможности раздела её между разными державами, и я считал бы это величайшим из возможных бедствий»^[1612].

Посол России в Лондоне барон Е.Е. де Стааль так видел итоги подавления «боксёрского» восстания: «Возникшие в Китае события могли бы иметь крайне опасные последствия и повести к изменению основного взгляда Императорского правительства на дело лишь в том случае, если бы начался раздел владений Богдыхана. По счастью этого не случилось, благодаря именно твёрдому решению нашего Августейшего Монарха, при первом же известии о происшедших в Китае серьёзных осложнениях, открыто поставить в основу политической программы России охранение целостности Поднебесной империи и неприкосновенности её векового государственного строя»^[1613].

1903 г. стал последним годом мирного развития Большой Азиатской программы. В случае её успешного выполнения Россия имела все шансы стать первым государством в Дальневосточном регионе, её влияние могло распространиться глубоко в Азию, а обладание незамерзающими портами Желтого моря открыло бы ей ворота в Мировой океан, снимая

с повестки дня необходимость обладания Черноморскими проливами. Однако этим планам не суждено было сбыться. Тем не менее нельзя не согласиться с неустановленным советником Императора, который в начале XX в. сделал вывод: *«Николай II прорубил окно на Восток»*^[1614].

Обострение русско-японских отношений

В конце XIX в. Великобритания активно содействовала росту могущества Японии, рассчитывая, что та станет главным соперником России на Дальнем Востоке. Вступивший на японский престол в 1867 г. император (микадо) Муцухито (Мэйдзи) провёл в стране кардинальные реформы по европейскому образцу, перестроил государственную систему, армию, флот и экономику. В его царствование феодальная Япония совершила резкий скачок в капитализм, стремясь сравняться с европейскими государствами.

Николай II весьма серьёзно воспринял вступление Японии в борьбу за передел мира. Ещё до японо-китайской войны 17 августа 1894 г. Государь получил депешу посланника в Токио М. А. Хитрово, в которой тот писал: *«В лице Японии нарождается новая сила, которая будет иметь огромное влияние на дальнейшие судьбы Дальнего Востока. Я сознаю, что, может быть, это не укладывается в головы, но рано или поздно с этим придётся примириться»*^[1615]. Государь поставил на депеше помету: *«Совершенно правильно! И*

с этой силой придётся серьёзно считаться»^[1616].

Справедливость царских слов получила подтверждение уже в следующем, 1895 г., когда армия микадо нанесла серьёзное поражение китайской армии. Однако благодаря давлению европейских держав военный успех закончился для Японии ничтожным политическим результатом. В Токио всё больше росло стремление провести новую войну, которая привела бы к его гегемонии во всём азиатско-дальневосточном регионе. Главным конкурентом в этой части света японское руководство считало Россию.

В июне 1901 г. ушёл в отставку умеренный кабинет премьер-министра маркиза (косяку) Хиробуми Ито. Правительство возглавил крайний милитарист Таро Кацура. Тем же летом японское правительство возобновило переговоры с Англией о союзе. Одновременно по приказу микадо отставной министр Ито, сторонник мирного существования с Россией, совершил визит в Петербург. Посылая его в Россию, микадо и Кацура рассчитывали надавить на Англию и заставить её быстрее заключить союз с их страной.

Ито был принят в Петербурге на самом высоком уровне. Во время аудиенции у Императора Николая II японскому политику было заявлено, что главный интерес России в Корее заключается в свободе плавания по Цусимскому проливу. Если это условие будет принято, сказал Николай II, Россия без колебаний признает первостепенные политические и коммерческие интересы Японии в Корее. В обмен

Царь требовал признание русского преобладания в Маньчжурии и других областях Китая, примыкающих к русской границе. Государь настаивал, чтобы японцы отказались от всякого вмешательства в этих регионах, всецело предоставив их урегулирование России и Китаю. Русское правительство предлагало японцам, в случае их согласия на предложенные условия, устроить крупный финансовый заём в Париже. При этом Николай II заявил о необходимости военного паритета с Японией в Корее: *«России никак нельзя отказаться от прежнего её права содержать в Корее столько войска, сколько там находится японских»*^[1617].

Великий Князь Александр Михайлович убеждал Царя, что *«для более успешного ведения дел в Корее желательно соглашение с Японией, по которому Японии предоставляет южная Корея. <...> Это разделение Кореи не должно быть фактическим, т. е. ни Япония, ни Россия не имеют права ввести немедленно по соглашению ни своего управления, ни своих войск, но экономическое, т. е. раздача концессий, постройка портов, железных дорог»*^[1618].

Но японская военная партия всё больше набирала силу. Председатель «Национального союза» принц Коноёе заявил, что *«настоящее положение Маньчжурии несогласно с принципом сохранения целостности Китайской империи и является угрозой по отношению к Корее. Необходимо поэтому как можно скорее найти средство изменить это положение вещей»*^[1619].

Каким образом Япония стремилась «изменять» положение вещей и как она собиралась бороться за «независимость и целостность» Китая, хорошо видно из задач, которые ставились «партией войны» перед военно-политическим руководством (к слову сказать, этими же положениями японские агрессоры будут руководствоваться в ходе подготовки Второй мировой войны): *«Для того чтобы завоевать Китай, мы должны сначала завоевать Маньчжурию и Монголию. Для того чтобы завоевать мир, мы должны сперва завоевать Китай»*^[1620].

Окрылённая поддержкой, оказанной ей со стороны США и Великобритании, «военная партия» строила далеко идущие захватнические планы. Они были связаны с идеей создания «Великой Японии», которая должна была включить в свой состав Курильские острова, Сахалин, Камчатку, Тайвань, Корею, Маньчжурию и большую часть Восточной Сибири.

Один из ведущих представителей «военной партии», Такахаши Есио, в следующих словах высказал позицию сторонников войны с Россией: *«Прочно обосновываясь в Маньчжурии, Россия тем самым создаёт угрозу Корее. В конечном итоге дело дойдет до того, что сломленная Корея также вынуждена будет подчиниться диктату русского правительства. Следовательно, для государственной обороны Японии складывается очень опасное положение. Эта опасность даже больше, чем если бы сама Япония, захватив*

Корею, стала угрожать России»^[1621].

В 1902 г. между Японией и Англией был заключён военный союз, направленный против России. Он предусматривал право на противодействие «третьей державе» (имелась в виду Россия), *«угрожающей интересам Японии или Англии»*. Если бы Россия решила противодействовать японской агрессии в Корее, то это можно было бы подвести под статью англо-японского договора^[1622].

Англия предпринимала активные усилия, чтобы спровоцировать военное столкновение Японии с Россией. 3 июля 1903 г. японский посол в Лондоне Тадесу Хаяси заявил министру иностранных дел Великобритании лорду Генри Чарльзу маркизу Лансдауну, что *«следя с пристальным вниманием за развитием дел в Маньчжурии»*, японское правительство решило отказаться от позиции *«бдительной сдержанности»*, так как *«неограниченная постоянная оккупация Маньчжурии Россией создает положение, чрезвычайно пагубное для интересов, защита которых являлась целью при заключении англо-японского союза»*^[1623].

Англо-японский договор 1902 г. предоставлял Японии возможность начать войну с Россией будучи практически уверенной, что никто в Европе не окажет ей военной поддержки из-за опасения столкновения с Англией. Одновременно Токио был обеспечен английской финансовой поддержкой, поставками вооружения и возможностью строить на британских верфях боевые корабли.

В Петербурге надеялись, что союзная Франция сможет оказать влияние на Англию для достижения ею компромисса с Россией. Париж действительно убеждал Лондон отойти от активной помощи Токио и от противодействия России на Дальнем Востоке. Англичане, для которых намечающийся союз с Францией имел большое значение, были вынуждены делать вид, что идут навстречу мирным усилиям Парижа. Лондон убеждал Т. Делькассе, что не намерен поддерживать Японию в её возможном столкновении с Россией^[1624] и даже что он *«примирился бы с русской оккупацией в Маньчжурии»*, будь у него *«какой-нибудь правдоподобный довод для предъявления своим японским союзникам»*^[1625].

В 1903 г. в Лондоне при активном содействии Делькассе начались русско-английские переговоры. Англичане выдвинули жёсткие требования: Россия должна была отказаться от любых территориальных и экономических претензий в Афганистане, Тибете и большей части Персии^[1626]. При условии, что Россия дальше Маньчжурии не пойдёт, Англия заявляла о своей готовности признать особые интересы и особое положение России в этом регионе с оговоркой о принципе «открытых дверей» для английской торговли.

Английские заверения казались французской стороне убедительными, и Камбон доносил в Париж, что английского вмешательства в события на Дальнем Востоке не будет^[1627]. В последнем были убеждены не только в Париже. Германский посол в Петербурге граф Фридрих Иоганн фон Альвенсле-

бен сообщал, что он *«из самого осведомленного финансового источника заверен, будто Англия в Токио определенно заявила, что Япония ни в коем случае не может рассчитывать на финансовую поддержку Англии»*^[1628].

Поверив в искренность английских заверений, Париж в течение последних месяцев 1903 г. и в январе 1904 г. начал убеждать Петербург *«быть откровеннее»* в разговорах с Лондоном. Николай II был готов пойти на компромисс с англичанами в том случае, если те будут способствовать мирному исходу дела на Дальнем Востоке. Когда японцы, полагали в Петербурге, поймут, что они оказались в изоляции, *«благоразумие возьмёт верх»*. Ламздорф твёрдо заявил, что японцам не следует забывать, что *«на севере Кореи есть русские интересы»*^[1629].

Таким образом, русская политика относительно переговоров с Лондоном во многом исходила из заверений французских политиков о готовности Британии к компромиссу. Не доверяя англичанам, в России, тем не менее, полагали, что французы сумеют повлиять на них и не допустят развязывания военного конфликта на Дальнем Востоке. Поэтому англо-французское сближение в Петербурге приветствовали. Император Николай II в письме к президенту Э. Лубе от 15/28 октября 1903 г. с симпатией отмечал те усилия, с какими французское и английское правительства пытаются добиться мирного разрешения ситуации на Дальнем Востоке^[1630].

Император Вильгельм II, на словах выражая полную поддержку России, на деле рассчитывал увидеть её застрявшей в маньчжурских степях. В этом случае у кайзера появлялась надежда на разрыв России с Францией. США были полностью на стороне Японии.

При таких обстоятельствах Япония начала готовиться к войне, имея за спиной фактически союзников в лице Великобритании и США. Во время подготовки правительство микадо взяло в долг на иностранных рынках 282 млн американских долларов. Помимо этого Токио были предоставлены дополнительные займы американскими банками National City Bank of New York, National and Commercial bank, банковский дом Kuhn, Loeb & Co. Все эти банки принадлежали домам американо-иудейских банкиров, главным из которых был Якоб Генри Шифф, который был награждён благодарным микадо орденами Священного сокровища и Восходящего солнца. Накануне и во время войны США предоставили Японии четыре займа на общую сумму 200 млн долларов (или 725 млн йен)^[1631].

12 августа 1900 г. граф В. Н. Ламздорф уведомил иностранные посольства, что русские войска будут выведены из Маньчжурии, как только там будет восстановлен порядок. Однако Николай II приказал генералу А. Н. Куропаткину всячески затягивать вывод войск из Маньчжурии, стремясь заключить с Китаем соглашение об особом положении в ней России. В конце октября 1900 г. между наместником Кван-

тунской области адмиралом Е. И. Алексеевым и китайским губернатором Мукденской провинции было заключено соглашение, которое фактически устанавливало русский протекторат над этой провинцией^[1632].

Но под нажимом Токио и Лондона Пекин отказался от этого соглашения и потребовал от России немедленно очистить от своих войск Маньчжурию. 26 марта/8 апреля 1902 г. Россия обязалась вывести свои войска из Маньчжурии к октябрю 1903 г. Японское правительство пригрозило России, что в случае невыполнения этого соглашения армия микадо займёт Корею. В ответ Николай II довёл до сведения Токио, что он никогда этого не допустит. Петербург продолжал безуспешно оказывать давление на Пекин, требуя от него передачи Маньчжурии в аренду, что снимало необходимость вывода из неё русских войск. 24 июня 1902 г. в Ревеле, во время своей встречи с кайзером, Николай II заявил, что рассматривает усиление влияния России в Восточной Азии «как задачу именно своего правления».

Против твёрдой политики в отношении Японии и усиления позиций в Маньчжурии внезапно выступил С. Ю. Витте. Ранее он постоянно убеждал Государя в том, что господство России в Азии, Китае и Маньчжурии гарантировано. На Особом совещании 30 марта 1895 г. Витте объявил Японию «главным противником России» и заявил, что нужно любой ценой не допускать её на континент, даже путём «бомбардировки японских портов». Теперь же Витте заявил, что про-

никновение в Китай чревато опасностью ослабления России на Западе.

27 октября 1902 г. на совещании в Ялте под председательством Николая II Витте отверг целесообразность активности России даже в Маньчжурии, а для укрепления позиций на Дальнем Востоке предложил построить Амурскую железную дорогу исключительно по российской территории^[1633]. Нельзя не согласиться с мнением д. ист. н. И. В. Лукоянова, который отмечает, что Витте *«не мог предложить ничего иного кроме уступок и отступления по всем направлениям»*^[1634]. Не вызывает удивления, что Николай II всё меньше прислушивался к мнениям своего министра финансов по Дальневосточному вопросу.

5/18 апреля 1903 г. китайскому правительству была направлена российская нота, в которой говорилось, что дальнейший вывод войск обусловлен закрытием Маньчжурии для иностранной торговли. В ответ Англия, США и Япония заявили России протест против нарушения сроков вывода войск, а Китаю посоветовали не принимать никаких условий. Цинское правительство так и сделало, заявив, что будет обсуждать «любые вопросы о Маньчжурии» лишь «по эвакуации».

Одновременно японские власти заявили, что отказ от эвакуации русских войск из Маньчжурии является следствием антияпонской политики России. Государь по этому поводу заметил, что сожалеет о таком *«возбуждении умов в Японии»*.

Надеюсь, что подобные недоразумения прекратятся».

27 марта 1903 г. Николай II направил генерала А. Н. Куропаткина в Токио для зондажа относительно его согласия на приостановку вывода русских войск из Маньчжурии. Перед отъездом Куропаткин получил следующие указания Государя: *«В минимальный срок и не останавливаясь перед нужными расходами, поставить нашу боевую готовность на Дальнем Востоке в равновесие с нашими политико-экономическими задачами. Дать очевидное для всех доказательство решимости отстаивать наше право на исключительное влияние в Маньчжурии».*

В мае 1903 г. сотня русских солдат, переодетых в гражданскую одежду, была введена в Северную Корею. Под предлогом строительства лесных складов было начато строительство военных объектов. В Лондоне и Токио восприняли это как подготовку России к созданию постоянной военной базы.

Попытки Императора Николая II сохранить мир с Японией. Мероприятия по укреплению обороноспособности Дальневосточного региона

Несмотря на то что угроза войны с Японией постоянно возрастала, Николай II делал всё, чтобы её не допустить. 28 марта 1903 г. Государь заявил на совещании Комитета министров, что *«надо избегать повода к ссоре с Японией, что*

война с ней совершенно нежелательна»^[1635].

1 августа 1903 г. Царь окончательно решил не присоединять Маньчжурию к России, а войска отвести в полосу отчуждения КВЖД. Предполагалось отменить военное управление Маньчжурией, передать власть местной администрации в трёх китайских провинциях, воздерживаться от всякой активной политики в Корее. Осенью 1903 г. Николай II вновь повторил, что *«он не желает войны России с Японией и не допустит её»*^[1636].

Однако он был вынужден готовиться к противостоянию. В результате долгих переговоров Царю удалось обеспечить дружественный нейтралитет Германии и Австро-Венгрии. Одновременно на Востоке был усилен военный флот, которому Николай II придавал важнейшее значение. Военный историк кандидат ист. наук капитан 1-го ранга М. В. Московенко отмечает: *«Пожалуй, из всех российских императоров Николай II первым осознал огромные возможности броненосного флота в сдерживании агрессивных замыслов потенциальных противников России. Наверное, этим и объясняется его внимание к флоту, желание оказать содействие в принятии кораблестроительных программ, оснащении флота всем необходимым»*^[1637].

1/14 июля 1903 г. открылось движение по Транссибирской железной дороге (Транссиб) почти на всём её протяжении и далее по Китайско-Восточной железной дороге. Новая магистраль, соединившись с Транссибирской, обладала се-

рѣзным недостатком – единая трасса, связывавшая Порт-Артур с Россией, имела 160-километровый разрыв в районе озера Байкал. Перевозка по нему железнодорожных вагонов осуществлялась двумя парами-ледоколами ^[1638].

Строительство КВЖД велось прогрессивными методами. Мосты возводились из железа или камня. Всего было сооружено 1464 моста, проложено 9 туннелей, из них два протяженностью более трёх километров. Регулярное движение по всей магистрали началось 13 июля 1903 г. К январю 1904 г. по планам русского командования общая численность войск должна была достичь 150 тыс. человек, хотя это считалось явно недостаточным.

20 июля 1903 г. японский посланник в Петербурге Синитиро Курино по тайному согласованию с английским правительством передал графу В. Н. Ламздорфу «вербальную ноту» с сообщением, что «*правительство Японии желает удалить из отношений двух Империй любую причину недоразумения в будущем, по положению дел на Дальнем Востоке, где встречаются их, России и Японии, интересы*» ^[1639].

Японцы настаивали на следующих соглашениях: 1) о поддержании «*равного благоприятствования для торговли и промышленности всех наций в Китайской и Корейской империях*»; 2) о прокладке японской железной дороги из Кореи через КВЖД на соединение с железнодорожной линией на Пекин и 3) о признании лишь «*специальных интересов России в железнодорожных предприятиях в Маньчжурии*».

По существу, это было заранее неприемлемое для России предложение, так как оно предусматривало отказ её от своих геополитических планов на Дальнем Востоке. Курино, передавая проект соглашения В. Н. Ламздорфу, заявил, *«что чем более будет откладываться заключение соглашения, тем всё труднее будет, так как положение дел на Дальнем Востоке теперь более осложняется»*. Было ясно, что Япония готовится к войне, которую стремится начать как можно скорее, пока Россия не сосредоточила на Дальнем Востоке внушительные силы. Японский флот под предлогом учений вошёл в корейские воды.

Тем не менее 16 мая 1903 г. Николай II одобрил предложение В. Н. Ламздорфа попробовать договориться с японским правительством. 17 мая министр уполномочил посланника в Токио барона Р. Р. Розена искать договоренностей по Корее^[1640]. Но Государь поручил возглавить переговоры с Японией не Розена, а Наместника на Дальнем Востоке адмирала Е. И. Алексеева, подчёркивая тем самым особую важность компромисса с Японией^[1641]. Николай II напутствовал русскую делегацию пожеланием сделать всё, чтобы *«не было войны»*.

Японское правительство представило русской стороне проект двустороннего договора, предусматривавшего признание *«преобладающих интересов Японии в Корее и специальных интересов России в железнодорожных предприятиях в Маньчжурии»*. Таким образом, Япония отказывала Рос-

сии в её правах на Маньчжурию, соглашаясь лишь на признание КВЖД. 5 октября Россия предоставила Токио свой проект, в котором, с оговорками, выражала готовность признать за Японией преобладание её интересов в Корее в обмен на признание Маньчжурии, лежащей вне сферы японского влияния.

Ламздорф полагал, что позиция барона Розена излишне мягкая. Министр считал, что Россия должна быть значительно более жёсткой, особенно в отношении возможного захвата японцами Кореи, в противном случае переговоры надо прервать. Николай II ответил Ламздорфу: *«Благодарю Вас, граф, за откровенно высказанное мнение. Тем не менее остаюсь при своём убеждении. Из продолжения переговоров, мне кажется, ясно видно миролюбие России и желание её прийти к какому-либо соглашению с обезумевшей Японией»*^[1642].

В ноябре 1903 г. – декабре 1904 г. Наместник на Дальнем Востоке адмирал Е. И. Алексеев указывал на нежелание японской стороны идти на какие-либо компромиссы. В январе 1904 г. адмирал телеграфировал Государю: *«Переданные 31 декабря ответные предложения Японии, по существу, ещё более притязательны и самоуверенные, чем прежде. Продолжение переговоров в этом направлении, по видимому, не только не может привести к примирению обоюдных интересов и, следовательно, к достижению той цели, которой они были начаты, но напротив, ведёт к постепенному обострению отношений и к более вероятному раз-*

рыву»^[1643]. На эту телеграмму Николай II ответил: *«Желаю, чтобы переговоры с Японией продолжались в дружественной форме»*^[1644].

Алексеев полагал, что схватка неизбежна, поэтому лучше нанести удар первыми. Однако он получил телеграмму от Государя с категорическим предупреждением: войны он не желает и не допустит. Царь запретил Алексееву проводить в Наместничестве любую мобилизацию, оставив это право за собой^[1645]. Николай II справедливо считал, что оттягивание всеми силами войны идёт только на пользу России. *«Время – лучший союзник России. Каждый год нас усиливает»*, – говорил Государь^[1646]. Это понимали и в Японии. Однако Царь видел, что положение становится крайне угрожающим. 27 декабря 1903 г. он писал Великому князю Сергею Александровичу: *«Душевное беспокойство у меня относительно поганой Японии. <...> Тем не менее я всё ещё убеждён, что войны не будет, конечно если японцы сами её не объявят. Но велик Бог земли русской!!!»*^[1647]

Император Николай II и предвоенная ситуация

24 декабря 1903 г. адмирал Алексеев телеграфировал Николаю II, что, по полученным им сведениям, более нельзя сомневаться в намерении Японии занять Корею и установить над нею протекторат. В Чемульпо и Сеул прибыли японские офицеры, туда же доставлены боевые и продоволь-

ственные запасы. Японцы зафрахтовали значительное число транспортных судов, посадки на которые ждут готовые японские дивизии^[1648]. Государь ответил: *«Высадка отряда японских войск в Корею не будет вызовом России. О нападении же на Порт-Артур или Владивосток, по-моему, и речи быть не может»*^[1649]. Николай II полагал, что, заняв часть Кореи, японцы удовлетворяют свои амбиции, «нарыв лопнет» и в ближайшем будущем войны с Японией не будет. Через год-другой, считал Николай II, Россия укрепитя на Дальнем Востоке настолько, что никакая война ей будет не страшна^[1650]. Государь указал Е. И. Алексееву, *«что надо приложить все усилия к тому, чтобы избежать войны, так как для России каждый год мирного времени составляет огромную выгоду; что политика твёрдая, но вежливая по форме и не придиричивая в вопросах не существенных, — лучше всего достигнет цели; поэтому, отклоняя переговоры об эвакуации Маньчжурии, так как это дело касалось только Китая и России, Наместнику указано было не считать за casus belli оккупацию японцами Кореи»*^[1651].

Тем не менее 15 января 1904 г. Николай II в беседе с участниками Особого совещания заявил: *«Мы должны в ограждение наших интересов положить известный предел их захватам на этом пространстве... С военно-морской точки зрения такая граница должна обнять Северную Корею, имевшую для России серьёзное стратегическое значение. Если мы не добьемся её нейтрализации, то, без со-*

мнения, на фланге Порт-Артура мы будем иметь сильно-го врага, который разрежет связь между Южно-Усуйским краем и Квантунской областью, будет господствовать над Маньчжурией и вскоре уничтожит возможность существования в Порт-Артуре»^[1652].

По распоряжению Николая II русская делегация была готова идти на самые большие уступки японцам. Во время переговоров японская сторона выступила против русского предложения о нейтральной зоне в Корее. Несмотря на то что для России эта нейтральная полоса была очень важна, она была готова отказаться от этой статьи договора в обмен на признание японцами статьи об отказе их притязаний на Маньчжурию^[1653].

21 января 1904 г. Николай II в письме В. Н. Ламздорфу изложил свой взгляд на решение этой проблемы: *«Сегодня утром мне пришла следующая мысль: так как мы не можем отказаться от нейтральной полосы, а Япония, наверное, не согласится на неё, следует испробовать последний способ, а именно предложить Японии то же самое, но в виде тайной статьи. Этим способом их самолюбие и ответственность правительства перед страной будут удовлетворены, а наши интересы сохранены»^[1654].*

Однако надежды Государя сохранить мир всё более уступали пониманию неизбежности войны. А. Н. Куропаткин писал: *«Государь продолжает верить в мирный исход конфликта и продолжает быть настроенным миролюбиво. Но*

несомненно и то, что в нём всё растёт и растёт всеобщее враждебное чувство к Японии. Он скрывает его от нас с удивительным самообладанием. Растёт неприязнь и к Англии»^[1655].

1 января 1904 г., надеясь на сохранение мира, Государь заявил японскому послу С. Курино, *«что Россия есть не только великая страна, но и часть света и что у такой державы, несмотря на всё миролюбие, может наступить предел терпения»*^[1656].

В конце февраля 1904 г. Курино получил через Ламздорфа указание Николая II о том, что *«на высадку японских войск в северной Корее Россия посмотрит как на весьма недружелюбное действие»*^[1657].

Японцы требовали, чтобы Россия допустила их к совместному контролю над Маньчжурией, на что посол Р. Р. Розен отвечал, что все вопросы по Маньчжурии Россия будет решать только с Китаем^[1658].

25 сентября/8 октября 1903 г. истекал срок, в который Россия должна была вывести свои войска из Маньчжурии. Так как этого не произошло, Япония заявила протест. В ответ Россия указала на несоблюдение Китаем условий эвакуации и на то, что китайские войска концентрируются возле линии КВЖД. Зная, что от цинского правительства можно ожидать каких угодно провокаций, Николай II велел резко заявить Пекину, что *«если он не прекратит немедленно посылки войск к району возможных боевых действий, Мань-*

чжурия будет присоединена к России немедленно»^[1659]. Одновременно Япония заявила протест против действий России в Корее.

В течение всего предшествовавшего войне января японцы вели постоянные консультации с США. 4/16 января 1904 г. барон Розен сообщал в Петербург, что *«между Токио и Вашингтоном в течение последних трёх недель происходит оживлённый ежедневный обмен телеграммами»*^[1660].

5/18 января 1904 г. та же информация содержалась в секретной телеграмме посла в Вашингтоне графа А. П. Кассини: *«Япония всё время осведомляла и продолжает осведомлять Хей³³ о ходе наших с нею переговоров. <...> Симпатии нынешнего вашингтонского кабинета ныне бесспорно на стороне Японии»*^[1661].

22 января/5 февраля 1904 г. японский министр иностранных дел Масахико Комура приказал главе японской делегации прервать *«настоящие бессодержательные переговоры»*, а 24 января/6 февраля 1904 г. Япония объявила о разрыве дипломатических отношений с Россией.

25 января Николай II впервые высказался о возможности войны с Японией, заявив: *«Надо скорее выяснить вопрос о войне, воевать так воевать; мир так мир. А эта неизвестность становится томительной»*^[1662].

Поздно вечером 25 января в Петербурге была получена нота японского посланника Синитиро Курино, в которой он

³³ Джон Мильтон Хей – государственный секретарь США (1898–1905).

сообщал, что ему приказано покинуть Петербург со всей японской миссией. Той же ночью Государь велел отозвать русскую миссию из Токио.

26 января у Царя состоялось совещание по японскому вопросу^[1663]. На совещании Николай II поставил перед министрами вопрос: следует ли допустить высадку японцев в Корею или принудить их силой отказаться от этого замысла?^[1664] Ламздорф и Куропаткин считали, что нужно делать всё, чтобы войны избежать, на что Государь ответил: «*Разумеется*», но, когда тот же Ламздорф стал говорить о посредничестве, Николай II перебил его: «*Поздно. Японцы уже высказали мнение, что не примут посредничество. Они действовали теперь глупым образом*»^[1665].

Тем не менее поздно вечером 26 января Государь разрешил русскому послу в Лондоне графу А. К. Бенкендорфу обратиться к английскому министру иностранных дел лорду Лансдауну с просьбой о посредничестве для предотвращения конфликта. Об этом же Лансдауна просил и французский посол. Британский министр ответил, что Япония не желает ничьего посредничества и уже поздно что-либо изменить.

Вечером 26 января Николай II послал адмиралу Е. И. Алексееву телеграмму, в которой говорилось: не допускать высадки японцев на западном берегу Кореи выше 38 параллели. Высадку в Южной Корее и Чемульпо – допускать. Если японские войска начнут движение в сторону Северной

Кореи, то это не считать за открытие военных действий^[1666].

Таким образом, Николай II сделал всё от него зависящее, чтобы избежать войны с Японией. Царь был готов идти на самые большие компромиссы с микадо. Фактически Японии отдавалась большая часть Кореи, учитывались её интересы и в Китае. От японской стороны требовалось признание русских интересов в Маньчжурии и на Ляодунском полуострове. Но Япония не допускала никакой возможности компромиссов с Россией. Микадо нужна была война, в результате которой он рассчитывал заполучить не только Корею, но и Китай с Маньчжурией.

В ночь с 26 на 27 января 1904 г. японский военный флот внезапно атаковал русские боевые корабли, стоявшие на внешнем рейде Порт-Артура. Историк С. С. Ольденбург справедливо замечал: *«Подобный образ действий токийского правительства, не выждавшего даже передачи ему отпавленного на днях ответа Императорского правительства, возлагает на Японию всю ответственность за последствия»*^[1667].

27 января корабли отряда японского контр-адмирала Сотокити Уриу блокировали крейсер 1-го ранга «Варяг» и канонерскую лодку «Кореец» в бухте Чемульпо, которую называли «морскими воротами» Сеула. Помимо русских кораблей в Чемульпо находились военные суда Франции, Англии, Италии и США. Невзирая на их присутствие, японские солдаты стали высаживаться в Чемульпо. Официально

Корея была нейтральным государством, и действия японцев были прямой агрессией. Японский адмирал предъявил русским ультиматум: немедленно покинуть Чемульпо, угрожая в случае отказа потопить их прямо в бухте. Преимущество японцев было подавляющим: 14 японских кораблей во главе с мощным броненосным крейсером «Акаси» против двух.

Командир крейсера «Варяг» капитан 1-го ранга В. Ф. Руднев отказался сдаваться и вместе с командиром канонерской лодки «Кореец» капитаном 2-го ранга Г. П. Беляевым принял решение пробиваться из Чемульпо. Руднев собрал личный состав и обратился к нему с короткой речью: *«Мы идём на прорыв и вступим в бой с эскадрой врага, как бы сильна она ни была. Не сдадим крейсера и будем сражаться до последней возможности, до последней капли крови. Каждый снаряд должен нанести вред неприятелю. Смело в бой за Царя и Отечество, за честь нашего флага!»*.

Во время прохода «Варяга» и «Корейца» мимо иностранных судов оркестры последних заиграли гимн «Боже, Царя храни!», а выстроенные на палубах команды отдали честь. В 11 час. 45 мин. 27 января 1904 г. начался неравный бой «Варяга» и «Корейца» с японской эскадрой, который длился 50 минут. Огнём «Варяга» был потоплен 1 миноносец и повреждены 4 японских крейсера, противник потерял около 30 человек убитыми и около 200 человек ранеными. «Варяг» получил 11 попаданий с пяти японских крейсеров, лишившись 10 орудий. Потери в личном составе были 33 че-

ловека убитыми и 100 ранеными. Тяжело ранен был и сам капитан 1-го ранга В. Ф. Руднев. Русские корабли были вынуждены вернуться в Чемульпо. На рейде Руднев убедился в невозможности продолжения боя и после краткого военного совета с офицерами принял решение уничтожить корабли. «Кореец» был взорван, а «Варяг» затоплен открытием клапанов и кингстонов.

Экипажи, состав и охрана русской миссии в Сеуле были приняты на борт иностранных судов. Только командир американской канонерки «Виксберг» отказал в помощи даже раненым русским матросам. Таким образом, русские моряки избежали плена и через несколько месяцев прибыли на Родину.

27 января Николай II записал в своём дневнике: *«Получил от Алексеева телеграмму с известием, что этой ночью японские миноносцы произвели атаку на стоявших на внешнем рейде “Цесаревич”, “Ретвизан”, “Палладу” и причинили им пробоины. Это – без объявления войны! Господь да будет нам в помощь!»*^[1668]

Государь и война

27 января 1904 г. Николай II в своём манифесте объявил о начале войны с Японией: *«В заботах о сохранении дорогого сердцу Нашему мира Нами были приложены все усилия для упрочения спокойствия на Дальнем Востоке. В сих*

миролюбивых целях Мы изъявили согласие на предложенный Японским Правительством пересмотр существующих между обеими Империями соглашений по Корейским делам. Возбуждённые по сему предмету переговоры не были, однако, приведены к окончанию, и Япония, не выждав даже получения последних ответных предложений Правительства Нашего, известила о прекращении переговоров и разрыве дипломатических сношений с Россиею. Не предуведомив о том, что перерыв таковых сношений знаменует собой открытие боевых действий, Японское Правительство отдало приказ своим миноносцам внезапно атаковать Нашу эскадру, стоявшую на внешнем рейде крепости Порт-Артур. По получении о сем донесения Наместника Нашего на Дальнем Востоке Мы тотчас же повелели вооруженною силою ответить на вызов Японии. Объявляя о таком решении Нашем, Мы с непоколебимою верою в помощь Всевышнего и в твёрдом уповании на единодушную готовность всех верных наших подданных встать вместе с Нами на защиту Отечества, призываем благословение Божие на доблестные Наши войска армии и флота»^[1669].

Начавшаяся война подчинила себе всю внешнюю и внутреннюю политику государства. Хотя она шла за тысячи километров от Петербурга и Москвы и даже вообще не на территории Российской империи, её влияние ощущалось всем русским обществом. 30 января большая толпа студентов с национальными флагами подошла к Зимнему дворцу и на-

чала петь гимн «Боже, Царя храни!». Государь с Государыней вышли в Белый зал и кланялись толпе из окна^[1670]. Не успела толпа студентов уйти, как на Дворцовой набережной с криками «ура!» появилась другая толпа. Николай II отметил в дневнике: *«Трогательные проявления народных чувств и в полном порядке!»*^[1671]

С первых же дней Императрица Александра Феодоровна приняла активное участие в помощи фронту. По её инициативе в Эрмитаже был создан огромный цех для обеспечения санитарных поездов одеждой, тёплым бельём и медицинскими материалами. Государыня ежедневно появлялась в своем цеху, проходила по всем его залам, разговаривая с разными работниками, затем приступала к непосредственным работам^[1672]. Царица, которая была на восьмом месяце беременности, писала своей сестре Виктории: *«Большое утешение иметь возможность хоть в чём-то немного помочь бедным страждущим»*^[1673].

В скорой победе над «желтолицыми пигмеями» в обществе не сомневались. Однако Государь знал, что противник упорен, храбр и решителен. Император Николай II писал об этом кайзеру Вильгельму уже во время войны: *«японцы прекрасные и храбрые солдаты»*^[1674].

С первых же дней войны Государю пришлось испытывать горечь потерь. 29 января минный транспорт «Енисей» натолкнулся на русскую же мину, взорвался и затонул, погибли его командир капитан 2-го ранга В. А. Степанов, 3 офицера

и 92 матроса. В тот же день, 29 января, таким же образом на mine погиб бронепалубный крейсер II ранга «Боярин», потерь, правда, удалось почти избежать. 1 февраля Николай II записал в дневнике: *«Досадно и больно за флот и за то мнение, которое может о нём составить в России!»*^[1675]

1 февраля Николай II назначил вице-адмирала С. О. Макарова командующим Тихоокеанской эскадрой. Помимо этого Государь указал в приказе о назначении, что *«ввиду возможности перерыва сообщений между Порт-Артуром и главной квартирой»* вице-адмиралу Макарову предоставляются *«все права командующего флотом и права главного командира портов Тихого океана»*. 4 февраля Николай II принял Макарова в Аничковом дворце перед отправкой его в Порт-Артур^[1676]. Через десять дней, 24 февраля, адмирал прибыл в крепость. *«С его приездом, – писал участник событий, – эскадра ожила и зашевелилась»*^[1677].

3 февраля 1904 г. Император Николай II назначил генерал-адъютанта генерала от инфантерии А. Н. Куропаткина главнокомандующим Маньчжурской армией, освободив его от должности военного министра^[1678]. Назначая Куропаткина командующим армией в Маньчжурии, Государь в рескрипте на его имя писал: *«Алексей Николаевич. <...> Пробыл час, когда Мне суждено было призвать часть Моей доблестной армии на защиту достоинства России и ее державных прав на Дальнем Востоке. Зная Ваши блестящие военные дарования, стратегическую подготовку и выдающуюся*

боевую опытность, Я признал за благо верить Вам ответственное командование Моей армией, действующей в Маньчжурии против японцев, освободив Вас для сего от обязанностей военного министра. Да поможет Вам Бог успешно совершить возлагаемый мною на Вас тяжёлый, с самоотвержением принятый Вами подвиг»^[1679].

Современники ценили в генерале Куропаткине, бывшем в войну 1877–1878 гг. начальником штаба у знаменитого генерала М. Д. Скобелева, усидчивость и военные способности, но при этом отмечали отсутствие в нём большого полководческого таланта, харизмы военного вождя. Однако у генерала были «недостатки» куда более опасные, чем отсутствие полководческого гения. Накануне Русско-японской войны А. Н. Куропаткин, будучи военным министром, не сообщил Государю важнейшую информацию о подготовительных планах Японии к войне. В 1903 г. капитан В. Ф. Субботин передал Куропаткину свой анализ ситуации на Дальнем Востоке. Этот анализ имел важное значение для планирования там будущих боевых действий. Но А. Н. Куропаткин не проинформировал Государя об этой работе^[1680].

Военный агент в Японии полковник В. К. Самойлов сообщал Куропаткину важнейшие сведения о японской армии. Самойлов постоянно доносил, что японская армия сильна, хорошо снабжена. Ни один из этих докладов также не был доложен Императору^[1681]. Подобные действия Куропаткина до сих пор труднообъяснимы.

Что же касается стратегии Куропаткина во время Русско-японской войны, то она вовсе не была лишена смысла и исходила из стратегического плана, принятого русским командованием накануне войны. Составленный в Главном штабе в сентябре – октябре 1903 г. план войны с Японией предусматривал сосредоточение главных сил в районе Ляоян, Хайчен и ведение оборонительных боев до тех пор, пока не будет создано значительное численное превосходство над противником, достаточное для перехода в наступление. Оно должно было привести к вытеснению японских войск из Маньчжурии и Кореи. Предполагалось, что главные силы противника будут брошены или против Порт-Артура, или против Маньчжурского отряда. План не учитывал возможности одновременного наступления японцев на двух направлениях. Не предусматривалась и возможность высадки противника в Корею ещё до объявления войны.

Главные военные цели русского командования были: не допустить высадки японских войск в Маньчжурии, разгромить японский флот и заставить Токио либо пойти на компромисс с Россией, либо вообще вытеснить Японию из Маньчжурии и Кореи. Важнейшее значение в расчётах русского командования придавалось выигрышу времени для сосредоточения и развертывания основных сил. Генерал А. Н. Куропаткин докладывал Царю: *«Мы должны держаться против Японии оборонительного способа действия. Хотя мы и выдвинем свои войска на линию Мукден, Ляо-*

ян, Хайчен, но отстоять Южную Маньчжурию в первом периоде войны, если туда вторгнется вся японская армия, не можем. Мы должны готовиться, что Порт-Артур будет отрезан на довольно продолжительное время, и, не допуская наши войска до частного поражения, должны отступить по направлению к Харбину до тех пор, пока прибывшими с тыла подкреплениями не будем усилены настолько, что получим возможность, перейдя в наступление, разгромить японцев»^[1682].

Куропаткин также полагал, что «невзирая на благоприятные для Японии стратегические условия, мы, с течением времени, успеем сосредоточить на театре военных действий столь значительные силы, что превосходство их над силами противника вполне обусловит собою несомненность нашей над японцами победы»^[1683].

Те же мысли излагал ещё в мае 1903 г. начальник Главного штаба генерал-лейтенант В. В. Сахаров: «Наш вероятный враг, Япония, – в случае вооруженного с нами столкновения будет первое время иметь значительное превосходство в силах... Поэтому до прибытия подкрепления из Сибирского [военного] округа и из Европейской России мы на Дальнем Востоке должны будем занимать строго выжидательное положение, и главнейшая наша задача будет клониться к тому, чтобы не дать противнику возможности сколько-нибудь серьёзных над нами успехов. Только по сосредоточению достаточных сил мы будем вправе приступать

к решительным действиям и искать боевых столкновений, дабы одержать успех, лишить противника всех достигнутых им выгод. <...> За это время мы можем понести значительные жертвы до потери Порт-Артура включительно»^[1684]. В марте 1904 г. Куропаткин прибыл в Ляоян и вступил в командование армией.

4 февраля Государь во дворе Аничкова дворца в первый раз провожал на войну 3-й батальон 1-го Восточно-Сибирского Его Императорского Величества Стрелкового полка, благословив его иконой Преподобного Серафима Саровского. 3 марта Государь вместе с Великим Князем Михаилом Александровичем посетил санкт-петербургские верфи, где осмотрел строящиеся военные корабли: броненосцы «*Бородино*», «*Орёл*» и «*Андрей Первозванный*». Николай II был доволен увиденным. «*Работа кипит!*» – записал он в дневнике^[1685]. 5 марта Царь снова осматривал строящиеся корабли и подводные лодки на Балтийском заводе.

25 февраля 1904 г. пришла весть о подвиге миноносца «*Стерегущий*» под командованием лейтенанта А. С. Сергеева. Будучи атакован шестью японскими миноносцами и крейсерами, «*Стерегущий*» вместе с миноносцем «*Решительным*» принял неравный бой, в ходе которого были убиты почти все члены экипажа, включая командира и офицеров. Сам «*Стерегущий*» от полученных повреждений затонул. 26 апреля 1911 г. в присутствии Императора Николая II на Каменноостровском проспекте Петербурга был открыт памят-

ник «*Стерегущему*». На нём были изображены двое матросов, открывающих кингстоны для затопления корабля. И хотя к моменту открытия памятника, было известно, что «*Стерегущий*» затонул от повреждений, Государь приказал изобразить на памятнике именно самозатопление судна, в память героев «*Варяга*» и «*Корейца*».

31 марта как громом поразила скорбная весть: погиб С. О. Макаров! Адмирал на броненосце «*Петропавловск*» вышел вместе с эскадрой на внешний рейд Порт-Артура и подорвался на первой японской мине. Что произошло дальше, докладывал Государю в телеграмме адмирал Е. В. Алексеев: «*В 9 час. 43 мин. у правого борта “Петропавловска”, последовал взрыв, затем второй под мостиком более сильный, с густым высоким столбом желто-зелёного дыма, причём фок-мачта, труба, мостик и башня поднялись кверху. Броненосец накренился на правый борт, корма приподнялась, оголив работавший на воздухе винт, и “Петропавловск”, объятый весь пламенем, не более чем через 2 минуты, потонул, погрузившись носом. Часть людей спаслась, из которых много погибло под винтом. <...> Удалось спасти Его Императорское Высочество Великого князя Кирилла Владимировича^[1686] и 47 человек команды. Всего спасено 7 офицеров, 73 нижних чинов». Всего погибли 650 человек.*

Император Николай II писал Великому Князю Николаю Михайловичу: «*Какое ужасное несчастье с “Петропавловском” и гибелью стольких людей с бедным Макаровым во*

главе!»^[1687] Скорбью пронизаны строки и Царского дневника: «Утром пришло тяжелое и невыразимо грустное известие о том, что при возвращении нашей эскадры к П.-Артуру, брон.[еносец] “Петропавловск” наткнулся на мину, взорвался и затонул, причем погибли – адм. Макаров, большинство офицеров и команды. Кирилл, легко раненый, Яковлев – командир, несколько офицеров и матросов – все раненые – были спасены. Целый день не мог опомниться от этого ужасного несчастья!»^[1688] 1 апреля Государь присутствовал на панихиде по погибшим на «Петропавловске».

16 апреля Император Николай II в Зимнем дворце чествовал команды «Варяга» и «Корейца». Для них был дан Высочайший завтрак. За бой при Чемульпо офицеры и матросы были награждены памятными медалями, орденами Святого Георгия и знаками Георгиевского креста. Командиры «Варяга» и «Корейца» капитан 1-го ранга В. Ф. Руднев и капитан 2-го ранга Г. П. Беляев были награждены орденами Св. Георгия 4-й ст. Кроме этого, Руднев был произведён во флигель-адъютанты. Государь обратился к героям Чемульпо с речью: «Я счастлив, братцы, видеть вас всех здоровыми и благополучно вернувшимися. Многие из вас своей кровью занесли в летопись нашего флота дело, достойное подвигов наших предков, дедов и отцов, которые совершили их на “Азове” и “Меркурии”. Теперь и вы прибавили своим подвигом новую страницу в истории нашего флота, присоединили к ним имена “Варяга” и “Корейца”. Они также станут

бессмертными. Уверен, что каждый из вас до конца своей службы останется достойным той награды, которую я вам дал. Вся Россия и я с любовью и трепетным волнением читал о тех подвигах, которые вы явили при Чемульпо. От души спасибо вам, что поддержали честь Андреевского флага и достоинство Великой Святой Руси. Я пью за дальнейшие победы нашего славного флота. За ваше здоровье, братцы!»^[1689]

Во время приёма в Зимнем дворце впервые была исполнена ставшая сразу же знаменитой песня «*Врагу не сдаётся наш гордый “Варяг”*», написанная австрийцем Рудольфом Грейнце, переведённая затем на русский язык Е. М. Студенской и положенная на музыку А. С. Турищева. Свои впечатления от этой встречи Николай II отразил в дневнике: «Из Севастополя прибыли командиры, офицеры и команды “Варяга” и “Корейца”. Их встречали торжественно, как подобает героев: по всему Невскому шпалерами стояли войска и военно-учебные заведения. В 11 ½ они прибыли к Зимнему; я их обошел и затем они прошли церем.[ониальный] марш. Наверху в Белой зале приняли всех офицеров. Молебен был отслужен в Георгиевской зале. Обед для нижних чинов был приготовлен в Николаевской зале на 620 чел. Обойдя столы, пошли в Концертную к завтраку. После этого долго разговаривали с офицерами. Разошлись в 3 ½. Подъем духа был большой»^[1690]. В 15 час. в Народном доме Императора Николая II в присутствии всей Царской Семьи состоялся тор-

жественный спектакль в честь героев «*Варяга*» и «*Корейца*». По приказу Государя летом 1904 г. была учреждена серебряная медаль в память подвига русских моряков.

Между тем известия с Маньчжурского фронта вызывали у Государя чувство тревоги. Николай II самым внимательным образом следил за обстановкой на фронте. Нельзя не заметить, что, в отличие от командования Маньчжурской армией, Император верно определил угрозы со стороны противника. 3 апреля он телеграфировал Куропаткину: *«Признавая за Харбином исключительно важное стратегическое значение, нахожу, что оставление его под охраной одного батальона крайне рискованно. К тому же допуская возможность осуществления японцами, приписываемого им по доходящим из различных источников сведениями о намерении, высадив одну из армий в Уссурийском крае или Северной Корее, предпринять наступление в наши пределы или Харбин. Мне представляется вполне соответствующим иметь резерв, который мог бы, смотря по надобностям, быть направлен как на восток, так и на юг»*^[1691].

Предупреждения Государя не были учтены Куропаткиным. II Сибирский корпус генерал-лейтенанта М. И. Засулича оборонял реку Ялу, естественную преграду на границе Кореи и Китая, и должен был не дать японцам переправиться через неё. При этом части корпуса были разбросаны на значительном расстоянии друг от друга и не могли обеспечить взаимодействие. 17 апреля перед лицом многократного

превосходства противника (45 тыс. японцев против 18 тыс. русских) в бою под Тюренченом Засулич был вынужден отступить. Японская армия вторглась в Маньчжурию.

21 апреля Государь писал в дневнике: *«От Куропаткина пришло несколько донесений с подробностями боя 19 апр., в кот. участвовало 5 стрелковых полков с 4 батареями и более 3-х дивизий японцев с большим количеством артиллерии. После полного обхода нашего левого фланга отряду ген. Капиталинского пришлось отступить. К сожалению, кроме огромных потерь людьми – орудия и пулеметы были оставлены на позиции, ввиду того, что все лошади были перебиты. Тяжело и больно!»*^[1692]

24 апреля Государь получил от Куропаткина *«сведение, что телеграфное сообщение с П.-Артуром прервано»*. 27 апреля Николай II отправил телеграмму генералу Куропаткину, где указывал на опасность положения и приказывал предпринять все усилия для помощи Порт-Артуру: *«Из доложенной мне военным министром Вашей телеграммы, я усматриваю, что указания Наместника относились к тому времени, когда наши войска занимали ещё линию Ялу. С тех пор обстоятельства резко переменились: Восточный отряд, неся большой урон, отступил, и неприятель продвинулся за Фынху, чем Порт-Артур – отрезан. Поэтому теперь вопрос может идти не о поддержке Порт-Артура, а о его выручке. Я признаю сосредоточение армии в кратчайший срок из того положения, которое оно ныне занимает и ко-*

торое мне представляется крайне опасным. Не говоря уже об отрядах у Санцяцзы, Даляня, Гайджоу, Инкоу, Дашицзо, удаленных от главных сил на 50–80 вёрст, малочисленный отряд генерала Зыкова, выдвинутый слишком на полтораста верст, рискует подвергнуться не только участи отряда генерала Засулича, но и совершенному уничтожению, как бы осторожен он ни был. Предприняв решительные меры к сосредоточению, мы сможем исправить наше стратегическое положение, нарушенное последними событиями, и в этих видах Мною вместе с сим даются указания Наместнику. Наша конница, будучи сосредоточена, могла бы, пользуясь своим превосходством, проявить более полезно вмешательство в ход дел»^[1693].

Получив от Царя приказ прорвать осаду Порт-Артура, Куропаткин в свою очередь приказал командиру I Восточно-Сибирского корпуса генералу барону Г. К. Штакельбергу прорваться к крепости. Однако Куропаткин в свойственной ему манере не конкретизировал поставленную задачу, указав только «не доводить дела до решительного столкновения». В результате допущенного промедления японцы сосредоточили крупные силы и перешли в наступление. Решительный бой произошёл 14 июня 1904 г. у железнодорожной станции Вафангоу, где генерал Штакельберг сутки отражал натиск превосходящего противника, а затем отступил на север, понеся тяжёлые потери^[1694].

5 мая 1904 г. II японская армия генерала Ясуката Оку

начала высадку на Ляодунском полуострове. Русские войска общей численностью в 17 тыс. человек не могли оказать японцам действенного сопротивления. 13 мая 1904 г. произошёл бой у г. Цзиньчжоу, позиции которого прикрывали Порт-Артур. Несмотря на многократное превосходство противника, русские трижды отбивали его атаки, нанеся ему тяжёлые потери. Японцы потеряли 10 % участвовавших в атаке: 4,3 тыс. человек. Потери русских составили 1,5 тыс.^[1695]. Однако противнику удалось захватить Цзиньчжоу, открыв тем самым путь на Порт-Артур. 17 мая Государь записал в дневнике, что японцы взяли штурмом Цзинчжоускую позицию, и тем самым Порт-Артур *«совсем отрезан с сухого пути»*^[1696].

Однако с Дальнего Востока приходили и хорошие вести. 15 мая два японских броненосца попали на выставленные русским заградителем «Амур» минные поля и затонули. В период с 12 по 17 мая японский флот потерял ещё семь боевых судов и два судна были вынуждены уйти на ремонт^[1697]. 7 июня Николай II записал в дневнике: *«Получил приятное известие, что наши крейсера благополучно вернулись во Владивосток, потопив несколько японских транспортов с войсками и военным грузом»*^[1698].

С 26 июня по 3 июля Государь в сопровождении Великого Князя Михаила Александровича совершил большую поездку по России, в ходе которой делал смотр уходящим на фронт войскам. Накануне поездки Император и Императри-

ца лично отобрали «образа для войск, идущих на Дальний Восток»^[1699].

В 13 час. 26 июня Император Николай II отбыл из Петергофа и в 8 час. утра следующего дня был в Коломне Московской губернии, где ему представились V и VI Восточно-Сибирские саперные батальоны, а также 5-й мортирный артиллерийский полк.

В 17 час. Императорский поезд прибыл в г. Моршанск. Основная часть горожан встречала Государя возле Свято-Троицкого собора, где городской голова А. И. Рымарев поднёс ему хлеб-соль. По окончании службы Государь высказал духовенству и мирянам свое восхищение собором, заявив: *«Не ожидал я в российской глубинке встретить такой чудесный столичный храм. Если бы мог, то забрал бы его с собой в Петербург»*. В тот же день Николай II посетил и другой Софийский собор, где приложился к образу Моршанской Чудотворной иконы Феодоровской Божьей Матери. После возложения венка к памятнику Екатерине Великой Николай II отправился на Кочетовский луг, который позднее горожане стали называть Царским, где Государю представлялись 219-й Юхновский, 220-й Епифанский, 287-й Тарусский и 288-й Куликовский полки. Своё впечатление о них Царь занёс в дневник: *«Выправка, равнение, тишина в строю и церем. [ониальный] марш были поразительны – радостно было смотреть»*^[1700].

Утром 28 июня Николай II прибыл в Пензу. Принимая

приветствия городских властей и представителей сословий, Государь объявил цель своего визита: *«Я прибыл сюда благословить войска, отправляющиеся на Дальний Восток, чтобы довести войну к благополучному и достойному России концу»*^[1701]. Затем Император произвел смотр и благословил отправляющиеся на Дальний Восток 213-й Оровайский, 216-й Инсарский, 281-й Дрисский и 284-й Чембарский полки. Очевидцы рассказывали, во время парада они видели *«Царя-отца, благословляющего на смерть своих детей; его искаженное страданиями лицо, его слезы, которые он несколько раз смахивал с глаз»*^[1702].

В тот же день Николай II посетил г. Кузнецк, относившийся в то время к Саратовской губернии. Там Государь познакомился с главой губернии П. А. Столыпиным, который среди прочих *«имел счастье представляться Его Величеству»*^[1703]. Государь также принял депутацию от пензенской еврейской общины во главе с раввином Е. М. Перельштейном, который в приветственном слове заявил: *«Благословен Господь, что мы дожили до сего счастливого дня видеть здесь священную особу Вашего Императорского Величества. Держаем, Государь, повергнуть к стопам Вашего Императорского Величества верноподданнические чувства пензенской еврейской общины, готовой пожертвовать кровью и состоянием своим на благо престола и Отечества. Благоволите, Государь, принять в дар священную сию Тору в память радостного для нас пребывания Вашего Император-*

ского Величества. Благословен Твой приезд и благословлены все дальнейшие пути Твои! Аминь!»^[1704] Выслушав раввина, Государь сказал: *«Благодарю вас и прошу передать мою благодарность еврейской общине».*

29 июня, следуя в Уфу, Государь сделал остановку на станции Раевка. После принятия хлеба-соли, приветствий и рапортов от властей, духовенства и сословий Николай II вернулся в поезд и, став у окна, подал знак приблизиться к вагону огромной массе народа, желавшего увидеть и проводить своего Императора. Поезд отходил под несмолкаемые крики «Ура!».

Около 16 час. Императорский поезд под перезвон всех церквей подошёл к Уфе и остановился у фланга почетного караула. Губернатор Н. Е. Богданович был приглашен в вагон с рапортом о состоянии вверенной ему губернии. После чего Государь и Великий Князь Михаил Александрович вышли на перрон. Приняв соответствующие приветствия от представителей губернии и города, Царь перешёл через вагон на вторую платформу, где стоял поезд с ранеными солдатами, возвращавшимися домой с Дальнего Востока. Николай II лично их поприветствовал и выразил благодарность за верную службу.

Утром 30 июня Государь прибыл в Златоуст, который стал самым восточным пунктом царской поездки^[1705]. С вокзала Император проследовал сразу на смотр. Вдоль шоссе, по пути следования царского кортежа на плац, сплошной стеной

стояли толпы народа. На плацу побатальонно выстроились 214-й Мокшанский и 282-й Чернойарский пехотные полки, которые прошли мимо Николая II церемониальным маршем. После смотра Государь обратился к войскам, благословив каждый полк от своего имени и от имени Государыни Императрицы святыми иконами: 282-му Чернойарскому полку Николай II передал образ Святого Николая Чудотворца, а 214-му Мокшанскому полку – икону Спасителя. Затем Николай II отбыл на молебен в Троицкий собор, после чего отправился в обратный путь. Тысячи людей, не только златоустовцев, но и прибывших из Кусинского, Миасского заводов, окрестных сел и деревень приветствовали Императора. В помещении вокзала от Златоустовской оружейной фабрики и Кусинского заводов была устроена выставка золотых изделий, оружия, военных снарядов, изящное чугунное литье. Выйдя на перрон, Николай II осмотрел эшелон подвижной артиллерийской мастерской Маньчжурской армии и выстроенные тут же Бессарабский и Екатеринославский отряды Красного Креста. Покидая Златоуст, Государь оставил в дневнике следующую запись: «В 10 ½ уехали из Златоуста – остался очень доволен этим местом»^[1706].

1 июля Государь посетил Самару, где принял смотр 215-му Пехотному Бузулукскому и 283-му Бугульминскому полкам, а 2 июля – город Тамбов, где Государю представились 217-й пехотный Кромской, 218-й Борисоглебский, 285-й Мценский и 286-й Кирсановский полки.

3 июля Государь вернулся в Петергоф с *«отрадным чувством от всего виденного и с умиленным благодарением Господу Богу за все Его милости»*^[1707].

Между тем положение на фронте по-прежнему оставалось тяжёлым. Особенно волновало Государя положение Порт-Артура. 19 мая 1904 г. в своей телеграмме он указал Куропаткину, что *«необходимо принять энергичные меры для противодействия японцам и для выручки Порт-Артура»*^[1708]. Николай II, не вмешиваясь в конкретные действия главкома, совершенно ясно осознавал необходимость активизации боевых действий для помощи осаждённой крепости. 22 мая Наместник адмирал Е. В. Алексеев получил Высочайшую телеграмму, в которой говорилось: *«Участь Порт-Артура возбуждает серьёзные опасения, почему Я признаю, безусловно необходимым принять самые серьёзные меры для отвлечения от него удара японских войск. Не указывая ни способа, ни направления, ни средств для осуществления дела при помощи Порт-Артуру, так как это принадлежит власти облеченного полномочиями Главнокомандующего, но считаю, что переход Маньчжурской армии к активной деятельности является по сложившимся обстоятельствам вполне назревшим, ибо дальнейшее ожидание подкреплений может повести к тому, что к началу периода дождей мы все будем в выжидательном положении и Порт-Артур никакого содействия со стороны армии не получит. Передайте генерал-адъютанту Куропаткину, что ответ-*

ственность за участь Порт-Артура Я возлагаю всецело на него. НИКОЛАЙ»^[1709].

Примечательно, что Николай II крайне нетерпимо относился к любому безделью на фронте, особенно если это касалось членов Царствующего Дома. С началом Русско-японской войны в распоряжение Наместника на Дальнем Востоке адмирала Е. И. Алексеева был назначен Великий Князь Борис Владимирович, который состоял при генерале А. Н. Куропаткине без конкретной должности и обязанностей. Когда до Государя дошли эти сведения, он был сильно разгневан и 7 июня 1904 г. направил Алексееву следующую телеграмму: *«Желаю знать Ваше мнение о поведении Великого Князя Бориса Владимировича. Имеет ли он какие-либо определённые обязанности. Если таковых не имеет, считаю необходимым, чтобы он был назначен на соответствующую его чину должность в штабе или строю»*^[1710].

8 июля Николай II сообщал Е. И. Алексееву о посланных ему серьёзных подкреплениях и высказывал своё мнение о ходе дальнейших действий: *«Отправленные на театр войны 1-й армии, V-й и VI-й Сибирские корпуса, 4-я Донская дивизия и шесть горных скорострельных батарей, поступают в ваше распоряжение. <...> Мне, казалось бы, предпочтительным организовать войска в крупные соединения, дабы иметь возможность обеспечить себе серьёзный успех, нанося удары противнику значительными силами в районе наибольшего его сосредоточения»*^[1711].

Однако в то же время Царь поддерживал оборонительную тактику Алексеева и Куропаткина. 27 июля он писал Наместнику: *«Временно мы должны ограничиться обороной и может быть дальнейшим отступлением, прикрывая наше сосредоточение и не предпринимая бесцельных и дорогостоящих боёв»*^[1712].

Куропаткин решил перейти к обороне, опираясь на позиции и форты Ляояна. 11 августа 1904 г. японцы яростно атаковали Ляоян, но, понеся тяжёлые потери, были вынуждены остановиться. В этот момент генерал Куропаткин получил разведдонесение о том, что армия генерала Куруки движется в тыл его позициям и опасаясь угрозы окружения, отдал приказ отойти к Мукдену. Русские отошли в полном порядке. Несмотря на то что сражение не было проиграно русской армией, отступление вызвало в войсках глубокое разочарование^[1713]. *«Тяжело и непредвиденно!»* – отреагировал в дневнике Государь по поводу Ляояна^[1714].

Между тем Куропаткин попытался прорваться к осаждённому Порт-Артуру. 22 сентября 1904 г. Восточный отряд генерала барона Г. К. Штакельберга, Забайкальская казачья дивизия генерал-майора П.К. фон Ренненкампа и Западный отряд генерал-лейтенанта барона А.А. фон Бильдерлинга начали общее наступление, в ходе которого японцы были оттеснены к реке Шахе. Но 27 сентября маршал Ояма нанёс мощный удар по Западному отряду, сильно потеснив его. После чего сражение приняло встречный и крайне ожесточённый характер.

сточённый характер, стоившее обеим сторонам больших потерь. После операции на реке Шахе на фронте установилось позиционное затишье, продолжавшееся до конца 1904 г.^[1715]

Рождение Наследника Цесаревича Алексея Николаевича

Хотя Царь и Царица радовались рождению дочерей, но мысль об отсутствии сына тяготила их. Кроме того, это было опасно для стабильности Империи, особенно если учитывать инцидент во время болезни Николая II осенью 1901 г. Во время прославления Преподобного Серафима Государыня трижды окуналась в святой источник в Дивеево, моля Бога о даровании сына. Ровно через год, посреди тяжёлых и горьких обстоятельств Маньчжурской кампании, 30 июля/12 августа 1904 г., у Царской Четы родился долгожданный, выстраданный, вымоленный Наследник Цесаревич Алексей Николаевич. Государыня говорила А. А. Вырубовой, что из всех её детей это были самые лёгкие роды, хотя младенец был довольно крупным – 4 кг 660 г, длиной 58 см^[1716]. По утверждению А. А. Вырубовой: *«Императрица едва успела подняться из маленького кабинета по витой лестнице к Себе в спальню, как родился Наследник. Сколько было радости, несмотря на все тяжести войны; кажется, не было того, чего Государь не сделал бы в память этого дорогого дня»*^[1717].

В этот день Николай II записал в дневнике: *«Незабвенный*

великий для нас день, в кот.[орый] так явно посетила нас милость Божья. В 1 ¼ дня у Аликс родился сын^[1718], кот.[орого] при молитве нарекли Алексеем. Все произошло замечательно скоро – для меня, по крайней мере. Утром побывал, как всегда, у Мама́, затем принял доклад Коковцова и раненого при Вафрангоу арт.[иллерийского] офицера Клепикова и пошёл к Аликс, чтобы завтракать. Она уже была наверху, и полчаса спустя произошло это счастливое событие. Нет слов, чтобы уметь достаточно благодарить Бога за ниспосланное нам утешение в эту годину трудных испытаний! Дорогая Аликс чувствовала себя очень хорошо. Мама приехала в 2 часа и долго просидела со мною, до первого свидания с новым внуком. В 5 час. поехал к молебну с детьми, к кот.[орому] собралось все семейство. Писал массу телеграмм. Миша приехал из лагеря; он уверяет, что подал “в отставку”. Обедал в спальне»^[1719].

Общепринято считать, что своё имя родившийся Цесаревич получил в память Царя Алексея Михайловича. Однако командир Лейб-гвардии Кирасирского Его Величества полка полковник Г. О. Раух^[1720] вспоминал, как на следующий день после рождения Наследника он был принят Николаем II: «Я спросил Государя, решил ли Он, какое имя будет дано Наследнику, на что Государь ответил мне следующими словами: “Императрица и я решили дать Наследнику имя Алексей; надо же нарушить эту линию Александров и Николаев”»^[1721].

По мнению П. Савченко: *«Есть все основания утверждать, что имя свое Наследник получил не только в память Тишайшего Царя, личность которого была всегда так душевно близка Государю, но и в память глубоко чтимого Царской Семейей преподобного Серафима Саровского, в миру Алексия»*^[1722].

30 июля был объявлен Высочайший Манифест, в котором сообщалось, что *«любезнейшая Супруга Наша Государыня Императрица Александра Феодоровна благополучно разрешилась от бремени рождением Нам Сына, нареченного Алексеем. Приемля сие радостное событие, как знаменование благодати Божией, на нас и Империю Нашу изливаемой, возносим вместе с верными Нашими подданными горячие молитвы ко Всевышнему благополучном возрастании и преуспевании Нашего Первородного Сына, призываемого быть Наследником Богом врученной Нам Державы и великого Нашего служения»*. В том же Манифесте, на основании Основных государственных законов Российской империи, Великий Князь Михаил Александрович освобождался от титула Наследника. Отныне Наследником Цесаревичем *«со всеми сопряжёнными с ним правами»* становился новорождённый Алексей Николаевич^[1723]. 1 августа 1904 г. Николай II издал ещё один манифест, по которому Правителем государства до совершеннолетия Цесаревича Алексея *«на случай кончины Нашей назначается Нами Любезнейший Брат Наш, Великий Князь Михаил Александрович»*^[1724].

С 1 по 8 августа в газетах печатались бюллетени о состоянии здоровья Императрицы и Наследника. В них отмечалось, что «состояние здоровья *Наследника Цесаревича во всех отношениях удовлетворительно*». Подчеркивалось, что Государыня сама кормит грудью Наследника. 8 августа было напечатано, что «*кормление Наследника Цесаревича Самой Августейшей Родительницей идёт успешно*»^[1725].

Однако за оптимистическими бюллетенями пряталось тщательно скрываемое родительское беспокойство о состоянии здоровья Новорождённого. Уже 1 августа 1904 г. Николай II писал Великой Княгине Милице Николаевне: «*Дорогая Милица. Пишу тебе со слов Аликс: слава Богу, день прошел спокойно. После перевязки в 12 часов и до 9 часов 30 мин. вечера не было ни капли крови. Доктора надеются, что так будет продолжаться. Коровин остается на ночь. Федоров уезжает в город и вернется завтра. Он нам обоим чрезвычайно нравится! Маленькое “сокровище” удивительно спокойно, а когда ему делают перевязку, или оно спит, или лежит и смеется. У родителей теперь немного отлегло от сердца. Федоров говорит, что по приблизительному исчислению потеря крови за двое суток составляет от 1/8 до 1/9 всего количества крови*»^[1726].

По всей видимости, Венценосные Родители были готовы к возможному кровотечению и знали, что у родившегося младенца есть опасность тяжёлого недуга – гемофилии.

Гемофилия – это передающееся по наследству заболева-

ние, характеризующееся резким замедлением свёртываемости крови вследствие отсутствия в ней некоторых так называемых факторов свёртывания. В результате при малейших ушибах возникают длительные, трудноостанавливаемые кровотечения. Наиболее характерными симптомами гемофилии наряду с кровотечениями являются кровоизлияния в крупные суставы, сопровождающиеся сильнейшими болями, лихорадкой, невозможностью самостоятельно двигаться. Попав внутрь сустава, кровь разрушает кости и хрящи. Меняется структура костной ткани, суставы становятся негнущимися, деформированными. Из-за повторяющихся кровоизлияний в суставы и кости у больных развиваются тяжелые артрозы, остеопороз костей, контрактуры, атрофии мышц конечностей, что делает их полными инвалидами, вынужденными пользоваться костылями, а то и полностью обездвиженными. Кровоизлияния нередко вызывают сдавление нервных стволов, крупных сосудов и внутренних органов, причиняющие сильнейшие боли и нарушение функций организма. Подчас небольшой порез или неглубокая рана способны привести к смерти. Гемофилией может болеть только мужчина, а передаётся она через женщин – носительниц патологического гена. Основным клиническим её симптом, кровоточивость, появляется очень рано, в большинстве случаев в первые годы жизни, иногда уже при перевязке пуповины^[1727].

К моменту рождения Цесаревича медицинская наука уже

была хорошо знакома с гемофилией, первые описания которой как самостоятельного заболевания появились в конце XVIII – начале XIX в. Прогноз в отношении жизни неблагоприятный: только 12 % больных достигают зрелого возраста, остальные погибают от кровотечений в детстве. Гемофилия была болезнью гессенского рода, и Императрица Александра Феодоровна была знакома с ней не понаслышке: в её гессенской семье она унесла жизни дяди, брата и двух племянников. Только весной 1904 г. у сестры Государыни принцессы Прусской Ирен умер от гемофилии четырёхлетний сын Генрих.

По-видимому, знал об этой угрозе и Государь. Однако в глубине души Родители надеялись, что эта опасность минует их долгожданного сына. Поэтому они с такой радостью отметили, что у младенца кровь из пуповины перестала течь. 3 августа Государь отмечал в дневнике: *«Аликс себя чувствовала очень хорошо, маленький Алексей тоже. Удивительно спокойный ребенок, почти никогда не плачет»*^[1728]. Казалось, что надежды Родителей оправдались: кровотечений не было, маленький Алексей чувствовал себя хорошо.

11 августа 1904 г. в церкви Большого Петергофского дворца над Цесаревичем было совершенно таинство святого Крещения в память Святителя Алексия, Митрополита Московского. Как отмечала баронесса С. К. Буксгевден: *«Начиная с XVII столетия еще ни один Наследник Престола в России не родился именно как Наследник, поэтому церемо-*

ния крестин должна была подчеркнуть своим величием важность этого события»^[1729].

Государь описал этот день в своём дневнике: «Знаменательный день крещения нашего дорогого сына. Утро было ясное и теплое. До 9½ перед домом по дороге у моря стали золотые кареты и по взводу Конвоя, Гусар и Атаманцев. Без пяти 10 шествие тронулось. Через полчаса поехал в Коттедж. Увидел у Мама́ Кристиана, только что прибывшего от имени Апапа. С Мишей отправился в Большой дворец. Крестины начались в 11 час. Потом узнал, что маленький Алексей вел себя очень спокойно. Ольга^[1730], Татьяна^[1731] и Ирина^[1732] с другими детьми были в первый раз на выходе и выстояли всю длинную службу отлично»^[1733].

Восприемниками были Вдовствующая Императрица Мария Феодоровна и Великий Князь Алексей Александрович. Почётными восприемниками – император Германский Вильгельм, король Английский Эдуард, король Датский Христиан, великий герцог Гессенский и Рейнский Эрнст-Людвиг. Кайзер, английский и датские короли сами на крестины не приехали, но прислали своих представителей. Вильгельма II представлял его брат принц Генрих Прусский, короля Эдуарда VII – принц Уэльский Георг, короля Христиана IX – наследный принц Христиан. Крестины Цесаревича стали поводом для встречи представителей ведущих европейских царствующих домов. Они могли бы помочь разрядить всё более сгущающиеся тучи англо-русских противо-

речий. Однако родственные монархические связи не смогли возобладать над существующими противоречиями между державами.

Помимо царствующих особ, Государь пожелал, чтобы все войска на Дальневосточном фронте были тоже в числе восприемников новорожденного Цесаревича, о чем и было дано знать на фронт.

Радость крестин «дорогого Сокровища» перевешивала у Государя в те дни все иные чувства. Как вспоминал князь Гавриил Константинович: *«Государь приехал весёлый и довольный, в голубом атаманском мундире, то есть в мундире полка Наследника, с бриллиантовой Андреевской звездой и бриллиантовым орденом Андрея Первозванного, висевшим на Андреевской цепи. Государь и Великие Князья надевали бриллиантовую звезду и орден лишь в самых торжественных случаях»*^[1734].

Другой «Константинович», князь Олег, которому в 1904 г. не исполнилось 12 лет, писал в своём дневнике: *«Входит шествие. Впереди Государь с Императрицей Марией Феодоровной. Мы выстроились <...> Государь улыбнулся и поздоровался. Все было очень интересно. Наконец, – княгиня Голицына с подвязанной к шее подушкой, а на подушке – Алексей. Началось богослужение. Сослужили: митрополит Антоний*^[1735]*, отец Янышев и отец Иоанн Кронштадтский; были еще два архимандрита, два диакона и два псаломщика, – все в золотых ризах. Государь был в форме атаманцев. Дру-*

гие были в парадных мундирах. Все дамы в русских платьях. Татиана также в русском платье из розовой парчи, с розовыми сапожками»^[1736].

В церковь Цесаревича внесла обер-гофмейстерина княгиня М. М. Голицына. С. К. Буксгевден вспоминала: *«Ребенок лежал на подушке из золотой материи, которая крепилась к плечам княгини широкой золотой лентой. Он был укрыт тяжелой золотой мантией, подбитой горностаем»*^[1737]. Мантию с одной стороны поддерживал главный церемониймейстер Двора князь А. С. Долгорукий, а с другой – гофмаршал граф П. К. Бенкендорф.

Согласно русскому обычаю Государь и Государыня не присутствовали при крещении, однако сразу после таинства Император Николай II приехал в храм. По словам Буксгевден: *«Он и Императрица признавались, что всегда чувствовали в этих случаях сильное беспокойство, опасаясь, что княгиня Голицына может поскользнуться, или же отец Янышев, который уже был очень стар, уронит ребенка в купель»*^[1738].

В честь великого события был дан артиллерийский салют из 301 залпа. После чего Государь Император возложил рядом с колыбелью младенца высший орден Российской империи – Святого Апостола Андрея Первозванного. В этот момент маленький Наследник заплакал.

Через три дня после крестин Император Николай II покинул Петергоф, отбыв к отправляющимся на Дальневосточ-

ный фронт войскам. Императрица писала ему: *«Господь Бог действительно щедр, послав нам сейчас этот Солнечный лучик, когда он нам всем так нужен. Пусть Он нам даст силы воспитать хорошо ребёнка, чтобы он был для Тебя, когда вырастет, настоящим помощником и товарищем»*^[1739].

Беда нагрянула внезапно. 8 сентября в дневнике Государя появляется следующая запись: *«Аликс и я были очень обеспокоены кровотечением у маленького Алексея, которое продолжалось с перерывами до вечера из пуповины! Пришлось выписать Коровина и хирурга Федорова; около 7 час. они наложили повязку. Маленький был удивительно спокоен и весел! Как тяжело переживать такие минуты беспокойства!»*^[1740] Кровотечение продолжалось и утром следующего дня: *«Утром опять на повязке была кровь; с 12 час. до вечера ничего не было. Маленький спокойно провел день, почти не плакал и успокаивал нас своим здоровым видом!»*^[1741] Ни 10, ни 11 сентября кровотечения не было, и Государь облегчено отметил: *«Слава Богу, у дорогого Алексея кончилось кровотечение уже двое суток. Так и просветлело на душе!»*^[1742] Но с этих дней страшная болезнь Наследника словно дамоклов меч будет висеть над Царской Семьёй. *«Вся жизнь маленького Наследника, – писала А. А. Вырубова, – красивого ласкового мальчика, была одним сплошным страданием»*^[1743].

Болезнь ребенка сразу же приобрела характер государственной тайны, и даже ближайшие родственники далеко не сразу узнали об этом страшном заболевании^[1744]. Великий

Князь Константин Константинович только в январе 1909 г. записал в дневнике о наследнике: *«У него болит нога, поговаривают, что это воспаление коленного сустава, но наверно не знаю»*^[1745].

А. А. Вырубова свидетельствовала: *«Первый год Императрица скрывала болезнь сына даже от меня. Я случайно узнала о ней. Однажды – это было в Царском Селе, мы с Государыней играли в четыре руки. Наследник сидел возле нас на складном стуле со столиком, какие обычно бывают у маленьких детей. Неожиданно кто-то пришел, и Императрица оставила меня с мальчиком. Я встала, чтобы взять его на руки, но он сначала расплакался, а потом стал кричать, как раненый зверек. Государыня прибежала с криком: “Оставьте его, оставьте, его нога застряла в стуле!” Я не могла понять, в чем дело. “Я сейчас объясню вам”, – сказала Государыня. Понемногу ей удалось успокоить сына, но я заметила, что ножка Наследника посинела и опухла. Царица в слезах рассказала мне об ужасной болезни»*^[1746].

Болезнь Наследника крайне удручающе подействовала на Государыню. Чувство вины перед Россией за больного Царевича не покидало ее. Это чувство сочеталось с постоянным страхом за его жизнь. Но как истинные христиане, Царь с Царицей восприняли это испытание как Божий Промысл, который они смиренно приняли. Это отразилось как на жизни самой Семьи, так и на жизни Двора. Были прекращены пышные, грандиозные и дорогие увеселения, балы и маскарады.

Император Николай II и Императрица Александра Феодоровна проявляли удивительное безразличие к изысканности и богатству, никогда не имевших для них никакого самоценного значения. Дорогие фрукты и сладости, тонкие вина и чудеса кулинарного искусства можно было встретить на царском столе только в дни официальных приёмов и торжеств.

Всё это вызывало в обществе пересуды, критику, неприятие, клевету, большей частью относившихся к Государыне. А. А. Вырубова: *«Императрица ежедневно сама купала Наследника и так много времени уделяла детской, что при Дворе стали говорить, что она не Царица, а только мать. Конечно, сначала не знали и не понимали серьезности положения Наследника. Их Величества скрывали болезнь Алексея Николаевича от всех, кроме самых близких родственников и друзей, закрывая глаза на возрастающую непопулярность Государыни. Она бесконечно страдала и была больна, а о ней говорили, что она холодна, горда и неприветлива. Таковой она осталась в глазах придворных и петербургского света даже тогда, когда узнали о ее горе»*^[1747]. Государыня воспринимала всё это как тяжкий крест, который она должна нести во имя Христа, своего венценосного Супруга и России.

Порт-Артур, Мукден и Цусима

13 июля III японская армия (60 тыс. человек при 180 ору-

диях) под командованием генерал-лейтенанта барона (дан-сяку) Марэсуке Ноги начала наступление на дальних подступах к Порт-Артуру. Однако трёхдневные бои не принесли японцам успеха и были отражены защитниками цитадели. 16 июля Император Николай II в телеграмме на имя генерал-лейтенанта А. М. Стесселя писал: *«От имени Моего и от лица всей России поручаю вам поздравить гарнизон, войска, моряков и жителей Артура с одержанным успехом в боях 13, 14 и 15 июля. Я твёрдо уверен в их полной готовности поддержать своей беззаветной храбростью боевую славу нашего оружия»*^[1748].

Однако 26 июля японцам удалось прорвать русскую оборону и выйти на исходные позиции Порт-Артура. В ходе кровопролитного сражения противнику удалось вытеснить русских только из двух редутов. При этом его потери составили 1 280 человек против 450 русских. Первый штурм Порт-Артура 6 августа 1904 г. стоил японцам 20 тыс. человек убитыми и ранеными, то есть половины армии. В числе убитых были двое сыновей генерала Ноги. Русские потери составили 3 тыс. человек. Японцы были вынуждены перейти к осаде крепости^[1749].

24 августа Государь повелел зачесть защитникам Порт-Артура службу: месяц – за год. Комендант крепости генерал А. М. Стессель докладывал, что это решение вызвало в осаждённой крепости *«восторг, слёзы умиления и громовое “ура!”»*^[1750].

10 сентября 1904 г. генерал Стессель докладывал Государю: *«Имею счастье всеподданнейшие донести Вашему Императорскому Величеству, что четырёхдневные штурмы японцев героическими войсками отбиты с громадной потерей»*^[1751].

Эту сообщение Государь почему-то получил лишь 21 сентября, о чём записал в дневнике: *«Из Порт-Артура получил телеграмму от Стесселя об удачно отбитом 4-х дневном штурме японцев, с огромными для них потерями»*^[1752].

18 сентября 1904 г. на Порт-Артур был обрушен огонь 11-дюймовых японских гаубиц, которые пробивали бетонные бункеры и укрепления. Положение осаждённых с каждым днём ухудшалось. В крепости не хватало продуктов, началась цинга. Потери от этой болезни были больше, чем от огня противника.

17 октября 1904 г. японцы, после мощной трёхчасовой артподготовки, начали третий штурм Порт-Артура, который также был отбит. 13 ноября генерал Ноги повёл свои войска на четвёртый штурм. Противник сосредоточил свой удар на штурме горы Высокая, которая доминировала над Порт-Артуром. Генерал Стессель докладывал Государю: *«Японцы ведут жестокую бомбардировку и непрерывно штурмуют большими силами Высокую гору. Штурмы их были отбиты. Наши потери очень велики. К вечеру все штурмы отбиты»*^[1753].

19 ноября Стессель вновь докладывал Николаю II: *«Две-*

надцатидневный штурм окончательно отбит сегодня ночью. Счастлив донести, что сделать это могли только героические войска Вашего Императорского Величества. Такого штурма ещё не было. Главные деятели по отбитию этого штурма: Кондратенко, Никитин, Горбатовский»^[1754].

Однако ценой невероятных потерь (12 тыс. человек убитыми и ранеными) к концу ноября японцам удалось захватить Высокую. На ней они установили тяжёлую артиллерию и начали беспощадный обстрел русских боевых кораблей и самого порта. *«Вчера с семи часов утра, – сообщал Императору Стессель, – японцы, стянув все свои силы, начали штурмы Высокой горы. <...> Жестокий бой шёл весь день, мы отбили три штурма. К вечеру японцы захватили вершину горы и тотчас установили два пулемёта. Наша контратака на Высокую не удалась. <...> Убыль у нас очень большая. <...> Под ружьём у меня теперь не более 12 тысяч с моряками»^[1755].*

С падением высоты Высокая сопротивление Порт-Артура теряло смысл. Хотя в крепости ещё оставалось достаточное количество обороняющихся, японцам уже не было надобности держать вокруг крепости большое количество войск. Они могли перебрасывать войска из-под Порт-Артура на соединение с войсками северного фронта. Дальнейшая оборона крепости привела бы только к увеличению потерь обороняющихся. Сильно пострадало бы и гражданское население города. Кроме того, в крепости была острая нехватка сна-

рядов и боеприпасов. Резко возросли потери среди старших офицеров. Среди них был и погибший 2 декабря 1904 г. генерал-майор Р. И. Кондратенко, который был душой обороны крепости. Именно он сумел организовать взаимодействие сухопутных и морских сил для отражения японских атак. Генерал пользовался большой популярностью среди защитников крепости. 3 декабря генерал Стессель сообщил Государю *«печальную новость: вчера в 9 часов вечера на форте, вторым попавшим 11-ти дюймовым снарядом убиты: герой и гордость наша генерал Кондратенко, командующий 28-м полком подполковник Науменко. Смерть генерала Кондратенко произвела потрясающее впечатление. 28-го ноября с занятием японцами Высокой все суда на внутреннем рейде потоплены 11-ти дюймовыми снарядами. <...> Японцы расстреливают 11-ти дюймовыми снарядами наши госпитали. Офицеров очень мало. За октябрь-ноябрь выбыло более 200 человек. Произвожу фельдфебелей и унтер-офицеров взамен прапорщиков, служат они геройски. Ходатайствую об оставлении их на службе с производством в подпоручики. Без них я бы не выжил»*^[1756].

20 декабря 1904 г. генерал А. М. Стессель заявил о своём намерении вступить в переговоры о сдаче крепости, вопреки мнению Военного совета. О чём в тот же день послал Николаю II телеграмму: *«Великий Государь, Ты прости нас. Сделали мы всё, что могли. Почти одиннадцать месяцев непрерывной борьбы истощили наши силы. Лишь одна четверть*

защитников, из них половина больных, занимает 27 вёрст крепости без помощи, даже без смены для малого хотя бы отдыха. Люди стали теньями»^[1757].

23 декабря 1904 была заключена капитуляция, согласно которой гарнизон в составе 23 тыс. человек (считая с больными) сдавался военнопленными со всеми запасами боевого снаряжения. Офицеры могли вернуться на Родину, дав честное слово, что не будут участвовать в военных действиях.

Реакция Николая II нашла отражение в его дневнике за 21 декабря: *«Получил ночью потрясающее известие от Стесселя о сдаче Порт-Артура японцам ввиду громадных потерь и болезненности среди гарнизона и полного израсходования снарядов! Тяжело и больно, хотя оно и предвиделось, но хотелось верить, что армия выручит крепость. Защитники все герои и сделали более того, что можно было предполагать. На то значит воля Божья!»*^[1758]

Однако общество не разделяло Царского понимания происходящего: оно требовало крови. Стессель был обвинён в сознательной государственной измене. Уволенный в 1906 г. со службы, генерал на следующий год предстал перед военным трибуналом, который признал бывшего коменданта Порт-Артура виновным в неподчинении приказам верховного командования и сдаче крепости на невыгодных и унижительных для России условиях, вопреки мнению военного совета, не исчерпав всех доступных средств к обороне. На самом деле Стессель руководствовался исключительно

гуманными соображениями, о правильности которых можно спорить. Но, разумеется, никакого умысла на «измену» в его действиях не было. Считая дальнейшую оборону Порт-Артура бесполезной, Стессель полагал преступным обрекать его защитников на бессмысленную, по его мнению, гибель. Примечательно, что, по оценке русского Генерального штаба, падение Порт-Артура, хотя и влекло за собой бесспорное усиление противника, тем не менее *«не внесло никаких существенных изменений в стратегических условиях, определяющих собою ход военных операций в Маньчжурии»*^[1759]. 7 февраля 1908 г. Стессель был приговорен к расстрелу, замененному на 10-летнее заключение в крепости. Интересно, что в числе судей, вынесших приговор, был генерал-лейтенант Н. В. Рузский, впоследствии один из главных предателей Государя и участников его свержения. Обвинение на суде представлял А. М. Гурский, которого потом Временное правительство назначило Председателем Главного военного суда^[1760]. 6 мая 1909 г. Николай II помиловал Стесселя. Государь никогда не считал его предателем. 17 января 1905 г. в царском дневнике можно прочесть: *«Приехал Стессель – герой Порт-Артура и завтракал с нами»*^[1761].

1 января 1905 г. Император Николай II отдал приказ по армии и флоту, в котором говорилось: *«Доблестные войска мои и моряки! Да не смущает вас постигшее горе. Враг наш смел и силен, беспримерна трудна борьба с ним вдали, за десяток вёрст от источников нашей силы. Но Россия могуча.*

Со всею Россией верю, что настанет час нашей победы, и что Господь Бог благословит дорогие Мне войска и флот дружным натиском сломить врага и поддержать честь и славу нашей Родины»^[1762].

Участь плененных в Порт-Артуре русских воинов всё время волновала Государя. В канун праздника Святой Пасхи Николай II направил пленным «унтер-офицерам, нижним чинам русских войск и морякам» пасхальное приветствие: *«Христос Воскресе, братцы! Государыня Императрица и Я от души благодарим вас, доблестных защитников Порт-Артура от имени вашего Крестника за посылаемый вами ему свой наградной крест. Да благословит вас Господь! Да облегчит Он вам тягость пленения и да даст России возможность скорее приветствовать храбрых сынов своих на родной земле. НИКОЛАЙ»*^[1763].

Читая это пасхальное послание Царя своим пленным воинам, невольно сравниваешь разницу в отношении к пленным до и после 1917 года, особенно во время Великой Отечественной войны. Возможно ли представить подобное обращение Сталина к пленным красноармейцам, которые фактически были сведены в ранг «предателей» или, по крайней мере, лиц, «не вызывающих доверия», со всеми вытекающими выводами?

Между тем падение Порт-Артура позволило японскому командованию начать переброску высвободившихся войск в Маньчжурию против армии Куропаткина. В свою очередь,

тот решил разбить армию Оямы до прибытия подкреплений. 12 января 1905 г. у небольшого населённого пункта Сандепу, в 60 км от города Мукдена, разыгралось решительное сражение. Мощным внезапным ударом I-й Сибирский корпус генерала Штакельберга захватил Хейгоутай – главный опорный пункт армии генерала Оку. Японцы спешно перебросили под Хейгоутай резервы. Куропаткин приказал Штакельбергу отступать, но тот не выполнил приказа и продолжал успешное наступление. Тем временем командующий 2-й Маньчжурской армией, генерал от инфантерии О. К. Гриппенберг, приказал командиру X армейского корпуса отважному генерал-лейтенанту К. В. Церпицкому произвести атаку на Сяотайцзы, что тот блестяще и исполнил, обойдя Сандепу с северо-востока. Японской армии, охваченной с двух сторон корпусами генералов Штакельберга и Церпицкого, грозило окружение. Но в этот критический для противника момент Куропаткин не воспользовался своим численным превосходством и не поддержал наступавших, а предписал отступить на исходные позиции.

Желая свалить отход на «самовольство» генерала Штакельберга, Куропаткин отстранил его от командования корпусом и просил Государя суда над ним. Однако Николай II не дал на это своего согласия, потребовав от адмирала Алексева подробностей о ходе боя и поведении в нём барона Штакельберга.

Отход русских войск от Сандепу позволил двум японским

армиям соединиться. Теперь общие силы японцев насчитывали 270 тыс. штыков и сабель при 1 тыс. орудий и 200 пулемётах. Маршал Ояма планировал окружить и уничтожить русские войска в районе Мукдена. Японцам была нужна громкая победа, чтобы принудить русских начать переговоры о мире.

Русские войска были разделены на три армии общей численностью 293 тыс. человек при 1 494 орудиях и 56 пулемётах. Генерал Куропаткин планировал отбросить японцев и выйти на утерянные позиции под Сандепу.

6 февраля 1905 г. японцы начали наступление. Им удалось прорвать оборону, ворваться в Мукден, продвинуться далеко на северо-запад, создав угрозу для единственной железной дороги, соединяющей Маньчжурию с Россией. Куропаткин, видя грозящую опасность окружения, отдал приказ отойти на заранее приготовленные Сыпингайские позиции в 175 км севернее Мукдена.

Японцы, которые понесли огромные потери (примерно 70–72 тыс. человек), не смогли преследовать русские войска. Таким образом, выполнить поставленную задачу, окружить и уничтожить русскую армию, японскому командованию не удалось. Потери русской армии в Мукденском сражении убитыми и ранеными составили около 60 тыс. человек^[1764]. После Мукдена японская армия утратила всякую способность к продолжению активных боевых действий.

Государь был крайне недоволен действиями генерала

А. Н. Куропаткина. 25 февраля, под впечатлением Мукдена, Николай II записал в дневнике: *«Опять скверные известия с Дальнего Востока: Куропаткин дал себя обойти и уже под напором противника с трех сторон принужден отступить к Телину. Господи, что за неудачи»*^[1765].

Дальнейшее продолжение тактики генерала Куропаткина, особенно в условиях начавшейся в стране серьёзной смуты, Государь более не считал возможным. 28 февраля в Царском Селе под председательством Николая II состоялось совещание, которое приняло решение освободить Куропаткина с должности главнокомандующего вооружёнными силами на Дальнем Востоке. 2 марта 1905 г. Николай II направил Куропаткину следующую телеграмму: *«Повелеваю Вам сдать командование армиями и немедленно выехать из армии»*. Одновременно Государь повелел генералу от инфантерии Н. П. Линевичу *«вступить в командование Маньчжурской армией, не стесняясь выбором Начальника штаба. Благослови Бог Вас и молодецкие войска»*^[1766]. При этом Государь внял горячим просьбам Куропаткина и разрешил ему остаться в армии. *«Снисходя к Вашей горячей просьбе, – говорилось в Высочайшей телеграмме, – остаться в армии, а также во внимание к ходатайству генерала Линевича назначаю вас командиром Первой маньчжурской армией. Уверен, что вы из всех сил будете стараться и на этом посту служить пользе и славе Нашего оружия. НИКОЛАЙ»*^[1767].

Между тем Государя ждало ещё одно тяжёлое несчастье.

Неудачный прорыв русской эскадры из Порт-Артура во Владивосток в июне 1904 г. привёл к господству флота противника в Жёлтом море^[1768]. Необходимо было это господство перехватить. Для этого Государь решил послать в Тихий океан сформированную на Балтике 2-ю Тихоокеанскую эскадру под командованием вице-адмирала З. П. Рожественского. В эскадру вошли семь эскадренных броненосцев, из них пять новых, шесть крейсеров, пять вспомогательных крейсеров и семь эскадренных миноносцев. 25 августа 1904 г. на совещании у Николая II в Фермерском дворце Петергофа 2-й Тихоокеанской эскадре была поставлена следующая главная задача: *«Достигнуть Порт-Артура и соединиться с первой эскадрой для совместного затем овладения Японским морем...»*^[1769] Для этого эскадра должна была осуществить самый сложный переход из Балтики в Тихий океан.

На следующий день, 26 августа, Государь лично осмотрел корабли эскадры, стоявшие в порту Кронштадта, готовые выйти в Ревель, а оттуда начать своё движение на Дальний Восток. 25 сентября Николай II прибыл в Ревель, чтобы лично проводить эскадру в далекое плавание. Всё это говорит о том важном значении, какое уделял Николай II поставленной перед Рожественским задаче.

После вынужденной стоянки 14 октября 1904 г. в испанском порту Виго у Танжера эскадра разделилась на два отряда. Один из них, состоявший из новых броненосцев, пошел в Жёлтое море вокруг Африки, минуя мыс Доброй Надежды,

второй повернул от испанских берегов в Средиземное море и взял курс на Суэц. Оба отряда соединились возле Мадагаскара. Там Рождественский узнал, что Порт-Артур пал. Теперь база русского флота оставалась только во Владивостоке. В связи с этим вице-адмирал отправил Государю телеграмму, в которой спрашивал, не изменилась ли поставленная ему задача. Ответ Государя, изложенный в телеграмме, не вызывал сомнений: *«Возложенная на Вас задача не состоит в том, чтобы с некоторыми судами прорваться во Владивосток, а в том, чтобы завладеть Японским морем...»*^[1770]

После получения этой телеграммы Рождественский продолжил поход и взял курс к берегам французского Индокитая.

26 марта 1905 г. корабли эскадры миновали Сингапур. Государь записал в дневнике: *«Вечером пришли телеграммы с известием, что эскадра Рождественского прошла Малаккским проливом мимо Сингапура. Никто не ожидал, что она пойдет именно этим путем! Господи, помоги нашим морякам!»*^[1771]

Несмотря на полученный от Государя приказ завладеть господством в Японском море, Рождественский решил всеми силами прорываться во Владивосток^[1772]. Осуществить такой прорыв можно было через один из проливов – Корейский, Сангарский или Лаперуза. Японский флот, имея преимущество в скорости хода, мог развернуть свои броненосные силы на любом из этих направлений. Рождественский выбрал для прорыва самый кратчайший путь – через Корей-

ский, а затем Цусимский проливы.

Японский адмирал Хэйхатири Того верно предугадал, что русская эскадра проследует именно мимо Цусимы. В ночь на 14 мая русские корабли вошли в Цусимский пролив, где их поджидала эскадра Того. Там и произошла трагическая битва между русским и японским флотами. Несмотря на героическое видение боя, сражение русскими было полностью проиграно. Потери русской эскадры составили: 21 судно затоплено, 7 кораблей захвачено в плен, 6 судов интернировано. Потери в личном составе составили: 5 045 убитыми, 803 ранеными. Японцам сдался эскадренный миноносец «Бедовый», на борту которого находился тяжело раненый вице-адмирал З. П. Рожественский. Известие о Цусимской беде до глубины души потрясло Государя. Первое известие о ней поступило Николаю II 16 мая 1905 г. В этот день Царь записал в дневник: *«Сегодня стали приходить самые противоречивые вести и сведения о бое нашей эскадры с японским флотом – все насчет наших потерь и полное умолчание о их повреждениях. Такое неведение ужасно гнетёт!»*^[1773] 17 мая характер записей становится тревожной: *«Тяжелые и противоречивые известия продолжали приходить относительно неудачного боя в Цусимском проливе»*^[1774]. 18 мая новых известий о Цусимском бое не поступало, на душе Государя *«тяжело, больно, грустно»*^[1775]. 19 мая в царском дневнике появляется запись, полная тяжкого горя: *«Теперь окончательно подтвердились ужасные известия о гибели почти всей эскад-*

ры в двухдневном бою. Сам Рождественский раненый взят в плен!!»^[1776] Позже была пущена ложь, что во время получения телеграммы о Цусимском сражении Николай II играл в теннис и, прочитав депешу, он скомкал ее и, сунув себе в карман, продолжил игру. Великая Княгиня Ольга Александровна утверждала: *«Это ложь! Такая же, как и тысячи других! Я это знаю, потому что была во Дворце, когда поступило это донесение. Мы с Аликс находились у Ники в кабинете. Он смертельно побледнел, задрожал и схватился за стул, чтобы не упасть. Аликс не выдержала и зарыдала. В этот день весь Дворец погрузился в траур»*^[1777].

Император Николай II направил пленному адмиралу телеграмму: *«Генерал-адъютанту Рождественскому. От души благодарю Вас и всех тех чинов эскадры, которые честно исполнили свой долг в бою, за самоотверженную их службу России и Мне. Волею Всевышнего не суждено было увенчать Ваши подвиг успехом, но беззаветным мужеством Вашим Отечество всегда будет гордиться. Желаю Вам скорого выздоровления и да укрепит вас всех Господь. НИКОЛАЙ»*^[1778].

Непосредственным результатом Цусимы стала отставка Великого Князя Алексея Александровича с должности Главного начальника флота и морского ведомства^[1779].

В советской и либеральной историографии стало общепринятым обвинять Государя и за сданный Порт-Артур, и за Мукден, и за Цусиму. На самом деле вина лежала не на

Государе, а на доставшейся ему в наследство кадровой политике и военно-политическом потенциале. Николай II не мог заранее предвидеть, как и никто на его месте, что многочисленный военный флот, доставшийся ему от отца, усиленный новейшими броненосцами и возглавляемый наиболее компетентными адмиралами Империи, продемонстрирует полную неподготовленность к современной войне. Безусловно, Великий Князь Алексей Александрович, генерал Куропаткин и адмирал Рожественский также оказались к такой войне недостаточно готовы. Но это были лучшие кадры Российской империи, других у Государя просто-напросто не было.

Гулльский инцидент

Во время крестин Цесаревича Алексея между Императором Николаем II и английским военно-морским деятелем принцем Людвигом Баденбергским состоялась дружественная беседа. Во время разговора Государь пытался донести через принца, близкого к лондонским правительственным кругам, свою готовность остановить рост холодной войны между Англией и Россией. Однако, несмотря на всю внешнюю любезность принца, переговоры успеха не имели, а вскоре обе державы оказались на пороге войны «горячей».

2 октября 1904 г. из Либавы вышли основные силы эскадры вице-адмирала З. П. Рожественского, направлявшейся в Японское море. Исходя из рапорта Рожественского, в ночь

с 8 на 9 октября в Северном море, недалеко от английского порта Гулль, корабли его эскадры были атакованы миноносцами, чью принадлежность установить не удалось, так как они шли с потушенными фонарями в условиях сильного тумана^[1780]. Опасаясь нападения, Рождественский приказал открыть ответный огонь, посчитав их за японские. На следующий день английские телеграфные агентства сообщили всему миру, что русская эскадра напала на английские рыболовецкие суда.

Изучение имеющихся источников позволяет сделать более чем вероятный вывод о том, что в Северном море против русской эскадры была осуществлена англо-японская провокация, причём с использованием действительно японских или английских миноносцев, которые двигались в окружении рыбацких баркасов. Присутствие последних стало понятно только после того, как они были освещены прожекторами русских кораблей. В этот момент эскадра уже открыла ответный огонь по миноносцам. При обнаружении баркасов Рождественский отдал приказ по ним огонь не вести. Вся стрельба продолжалась менее десяти минут^[1781].

18 ноября 1904 г. министр внутренних дел князь П. Д. Святополк-Мирский представил Николаю II записку, в которой доложил о расследовании *«сведений о нападении, произведённом в Северном море на суда 2-й Тихоокеанской эскадры»*^[1782]. Святополк-Мирский отмечал, что за шесть дней до выхода 2-й эскадры в поход в районе будущего столк-

новения английский лоцман парохода «*Титания*» видел два миноносца без флагов и огней. При попытке парохода приблизиться к ним миноносцы на высокой скорости ушли.

В день столкновения в том же районе капитан французского корабля *Saint-André* Жан Батист Эсноль видел стоящий в море миноносец, без флага и с потушенными огнями^[1783]. Удалось также установить, что в канун и в момент инцидента в Гулле с тайной миссией находились японские подданные, бывшие, по всей видимости, представителями разведки.

Таким образом, японские, а может быть и английские миноносцы, пользуясь сильным туманом, без опознавательных знаков, под прикрытием рыбацкого флота подошли в непосредственную близость к русской эскадре и спровоцировали её корабли на открытие огня, после чего скрылись. Видимый результат инцидента, о котором вскоре узнал весь мир, – два убитых английских рыбака, шесть раненых и потопленный рыбацкий траулер.

10 октября английское агентство «Рейтер» сообщило о «*нападении русской эскадры на английских рыбаков*», причём число убитых было увеличено вдвое. «*Нападение на рыбаков, – писал английский историк Р.-М. Каннегтон, – было воспринято как покушение на статус и достоинство Англии, владычицы морей и великой державы*»^[1784]. Пресса всего мира заговорила о почти неизбежной войне между Россией и Англией. Особенно яростной была антирусская кампания в британской прессе. Николай II заметил по этому пово-

ду: «*Какие мерзости, в смысле лжи и клеветы, распространяют английские газеты про Россию!*»^[1785]

Английские газеты действовали в унисон с японскими, которые, отрицая факт посылки в Северное море своих кораблей, утверждали: «*Позволять себе подобное насилие над международно-признанными нормами может только тот, кто не имеет ничего общего с цивилизованными народами. Этот вопиющий инцидент не мог быть следствием простой ошибки. Нет сомнений, что правительство пострадавшей стороны примет против России адекватные меры*»^[1786].

Николай II направил английскому Эдуарду VII телеграмму со словами сожаления и соболезнования. То же самое сделал в устной форме посол в Лондоне граф А. К. Бенкендорф. Тем не менее от официальной оценки Царь воздержался до получения сведений от Рождественского. Когда же 14 октября эти сведения были получены, оказалось, что картина событий в корне иная. Рождественский утверждал, что «*случай в Немецком море был вызван двумя миноносцами, шедшими в атаку без огней под прикрытием темноты*»^[1787].

Премьер-министр Великобритании лорд Артур Бальфур назвал слова Рождественского «*чистой фантазией*» и добавил: «*Всякий флот, который понимает свои права так, как понял их русский адмирал, надо было бы преследовать и уничтожить*»^[1788].

Николай II был уверен, что инцидент в Немецком море был преднамеренной провокацией Англии в пользу Японии.

Государь писал Ламздорфу: «Прочитывая агентские телеграммы за последние дни, я обратил внимание на те известия о встречах эскадры Рождественского с английскими военными судами, которые эти последние давали по приходе в первый порт. Имена этих английских судов “Iphigenia” и “Sutley” – оба крейсера. Мне очень было бы интересно знать, что ответит Вам Гардинг³⁴ на Ваш вопрос: согласны ли с нейтралитетом подобные оповещения на весь мир военным судом о движении одной из воюющих держав и полное замалчивание сведений относительно местопребывания флота другой стороны»?^[1789]

The Times писала в те дни: «Война может быть вопросом нескольких часов, Англии остаётся лишь один путь»^[1790]. Ещё в середине 1904 г. английский генеральный штаб разработал планы нападения на Россию^[1791]. В русском МИДе также знали, что готовится английский десант на кавказское побережье России^[1792].

В этой связи для России была принципиально важна позиция, которую займёт Франция. 20 октября/2 ноября 1904 г. министр иностранных дел России граф В. Н. Ламздорф общал послу в Париже А. И. Нелидову: «Необходимо во что бы то ни стало поставить категорично вопрос: что будет делать Франция в случае разрыва Англии с Россией? Это поставит французское правительство перед очень серьёзным испытанием, тогда как было бы очень самонадеянно с на-

³⁴ Барон Чарльз Гардинг – в 1904–1906 гг. посол Великобритании в России.

шей стороны оставить этот вопрос неопределённым»^[1793]. Французы никаких чётких ответов не давали, пускаясь, как они часто это делали, в пространные заверения в своей преданности подписанному союзу, но в Петербурге не очень-то им доверяли. Русский военный агент полковник В. П. Лазарев сообщал в своей шифрограмме от 24 октября 1904 г.: *«Франция ни в каком случае не окажет вооруженное содействие нам в борьбе с Англией»*^[1794]. В этот момент Вильгельм II предложил Государю свою идею о совместном союзе.

Император Николай II и кайзер Вильгельм: кто кого переиграл в Бьёрке? Русско-германская дипломатическая игра. Осень 1904 – лето 1905 г.

В советской историографии прочно утвердилось мнение, что политическая игра кайзера Вильгельма II осенью 1904 – летом 1905 г. вокруг предложенного им Императору Николаю II проекта так называемого союза Центральных держав стала крупным дипломатическим успехом Германии. Академик Е. В. Тарле утверждал, что Вильгельму II удалось *«заставить царя подписать»* Бьёркский договор^[1795]. Советский историк Б. А. Романов также считал, что *«во время пресловутой бьёркской встречи»* Николай II *«под хмельком»* подписал с Вильгельмом договор об оборонительном союзе, не читая его, в том виде, как средактировал его Виль-

гельм»^[1796]. В свою очередь д. ист. н. В. К. Шацилло повторяет тезис о том, что Николай II дезавуировал Бьёркский договор, — «*под давлением премьер-министра С. Ю. Витте и министра иностранных дел В. Н. Ламздорфа был дезавуирован российской стороной*»^[1797].

Собственно, эта позиция советских историков базировалась на мнении некоторых государственных деятелей дореволюционной России. Так, А. П. Извольский, бывший в 1906–1910 гг. министром иностранных дел, утверждал в своих воспоминаниях, что в Бьёрке план кайзера «*великолепно оправдался. Россия пострадала больше, чем кто-либо мог предвидеть*»^[1798]. Другой министр иностранных дел (1901–1906 гг.), граф В. Н. Ламздорф, утверждал, что именно ему «*удалось воспрепятствовать*» грубой попытке кайзера навязать Императору Николаю II союзный договор^[1799].

Таким образом, общее представление как о самом Бьёркском договоре, так и о предшествующей ему дипломатической игре русского и германского монархов сводится к простому выводу: Вильгельм II хотел разбить франко-русский союз и заставить Россию идти в германском политическом фарватере; Николай II на соглашение с Германией в целом согласился, но под давлением своих министров в конце концов от него отказался, чем поставил своих дипломатов в крайне затруднительное положение. В связи с чем одна часть критиков обвиняет Николая II в некомпетентности как государственного деятеля, а другая ставит в вину Государю то,

что он отверг «мудрые» предложения кайзера о военном союзе, пренебрёг интересами России во имя союза с Францией и тому подобное.

Однако анализ исторических источников приводит нас к совершенно иным выводам. Между тем подлинная обстановка вокруг Бьёркского договора свидетельствует о жесткой дипломатической игре двух монархов, в ходе которой каждый пытался использовать ситуацию в свою пользу.

Проект «союза» был предложен кайзером России в очень тяжелой для неё обстановке. Война с Японией на Дальнем Востоке была отягощена осенью 1904 г. так называемым Гульским инцидентом.

Вильгельм II решил, что настал благоприятный момент втянуть Россию в фарватер своей политики, отстранить от европейских дел, полностью захватить русский внутренний рынок и разорвать франко-русский союз. К этому времени кайзер счёл уничтожение русской армии настолько вероятным, что готов был поздравлять микадо с победой. Канцлеру Бернхарду фон Бюлову, однако, удалось отговорить своего повелителя от такого поспешного и неблагоприятного шага^[1800]. Тем не менее Вильгельм II от своей цели в отношении России не отказался.

После Гульского инцидента, когда Англия стала открыто готовиться к войне против России, Вильгельм II решил, что настал благоприятный момент для реализации своих планов. 14/27 октября 1904 г. в телеграмме Николаю II кайзер пред-

ложил создать «мощную комбинацию трёх наиболее сильных континентальных держав», а именно России, Германии и Франции, на которую англо-японской группе придется не раз подумать, «прежде чем напасть»^[1801].

В ответной телеграмме Николай II поблагодарил кайзера за предложение и согласился, «чтобы Германия, Россия и Франция пришли к соглашению уничтожить англо-японское высокомерие и нахальство. Как только он будет нами принят, Франция должна будет присоединиться к своей союзнице. Этот план приходил мне часто в голову, он принесёт мир и спокойствие всему миру»^[1802].

По мнению Государя, предлагаемая Вильгельмом комбинация могла стать для России большим успехом. Она позволяла решить сразу несколько задач. В случае заключения договора с немцами Царь, естественно, должен был сообщить о нём французам. Согласно изменениям в русско-французской конвенции 1901 г., Франция и Россия обязаны были вступаться друг за друга в случае нападения Англии на одного из союзников. Если бы Франция согласилась примкнуть к русско-германскому союзу, она, в случае нападения Англии на Россию, была бы вынуждена объявить войну Англии и воевать с англичанами в союзе с русскими и немцами. Но Николай II понимал, что для Франции, которая только наладила союзные отношения с Англией, такой расклад событий был бы крайне нежелателен и что Франция сделает всё от неё зависящее, чтобы отговорить Англию от войны с Россией.

На наш взгляд, начиная дипломатическую игру с кайзером, Николай II преследовал следующие цели: 1) предотвратить вступление Англии в войну против России, 2) заставить Францию, под угрозой объединения с Германией и совместной войны с Англией, вынудить её оказать давление на Лондон, 3) втянув Германию в активную антианглийскую деятельность, не допустить все еще имеющиеся возможности Германии и Англии договориться между собой против России.

Граф Ламздорф цели Государя не понял и поэтому с тревогой докладывал ему 16/29 октября 1904 г.: «*В предложениях германского правительства постоянное стремление его расстроить дружеские отношения между Россией и Францией*»^[1803]. Ламздорф предлагал Императору указать послу в Берлине графу Н. Д. Остен-Сакену «*на необходимость крайней осторожности в столь щекотливом вопросе*»^[1804].

Однако Николай II стремился именно к тому, чего так боялся Ламздорф. Царь хотел добиться наибольшего эффекта от известия о русско-германском сближении. Для выхода из крайне опасной ситуации, сложившейся после Гулььского инцидента, ему необходимо было заставить призадуматься как Англию, так и Францию. Поэтому Николай II ответил Ламздорфу, что не согласен с ним: «*Вы увидите из моего ответа на телеграмму Императора Вильгельма, что я сильно стою в настоящее время за такого рода соглашения с Гер-*

манией и Францией. Это избавит Европу от чрезмерного нахальства Англии и будет весьма полезно в будущем»^[1805].

Вильгельм II воспринял согласие Николая II как большой дипломатический успех. В своей следующей телеграмме он, не скрывая чувств радости, писал: *«Дорогой Ники! Твоя милая телеграмма доставила мне удовольствие, показав, что в трудную минуту я могу быть Тебе полезным. Пусть будет так, как Ты говоришь. Будем вместе»*^[1806].

Дальнейшие строки Вильгельма II свидетельствуют, что кайзер действовал в согласии с влиятельными кругами США. Дело в том, что они, сделав всё, чтобы развязать Русско-японскую войну, к началу 1905 г. стали опасаться, как бы успехи англо-японской коалиции, в случае вступления Англии в войну на стороне Японии, не привели к её чрезмерному усилению в Дальневосточном регионе. Военное поражение России, по мнению американских политико-финансовых кругов, должно было привести не к усилению Англии и Японии, а к ослаблению России и усилению США. Союз кайзера и Царя не мог остановить продвижение японцев, но совершенно определённо мог остановить англичан. Поэтому Вильгельм II в своём письме сообщал Николаю II: *«Очень важно, чтобы Америка не видела для себя угрозы в нашем соглашении»*^[1807].

Вильгельм II убеждал Николая II в бесполезности и ненужности союза с Францией, не подкреплённого союзом с Германией^[1808]. Мысль германского императора сводилась к

следующему: Россия заключает с Германией союзный договор, до поры ничего не сообщая об этом Франции. Это никоим образом не мешало вовлечь Англию в войну с Россией. Когда же Франция окажется поставленной перед фактом русско-германского союза, она будет вынуждена либо прикнуть к нему, что крайне маловероятно, либо выступить против России и Германии на стороне Англии и Японии, что означало бы полный развал франко-русского союза. Но даже в случае присоединения Франции к русско-германскому союзу она попадала в зависимость от Германии и утрачивала независимость своей политики. Таким образом, Германская империя становилась главной державой в Европе. Таковы были планы императора Вильгельма, когда он посылал проект союзного договора Николаю II. Смысл этих планов удачно выразил В. Н. Ламздорф: *«Истинные цели Императора Вильгельма – совершенно разрушить франко-русский союз и получить возможность окончательно скомпрометировать нас в Париже и Лондоне. Россия изолированная и неизбежно зависимая от Германии – вот его давняя мечта»*^[1809].

Проект договора содержал в себе три статьи, предусматривавших взаимную военную помощь в случае нападения третьей страны на одного из союзников, оказание политического давления на Францию в плане исполнения ею своего союзнического долга в отношении России и отказ договаривающихся сторон от заключения сепаратного мира^[1810].

Николай II с самого начала хорошо понимал истинные це-

ли кайзера. Сразу после получения от кайзера проекта договора Царь писал Ламздорфу 20 октября/2 ноября 1904 г.: *«Только сегодня получил письмо с проектом “Соглашения” от Императора Вильгельма. Читая его, я рассмеялся. Содержание трёх единственных статей более всего касается Франции. Срок договора – длительность нашей войны с Японией. Последний пункт касается именно предмета неудовольствия германского правительства действиями Англии относительно угольной операции. Но это – частное дело обоих государств»*^[1811].

Все действия Николая II при подготовке проекта договора с Германией говорят о том, что он не собирался жертвовать союзом с Францией и пускаться в авантюрный союз с Германией. Полная переориентация на Берлин заставила бы Россию уступать ему в вопросах Ближнего Востока и в обладании проливами, а агрессивный германский капитал еще активнее начал бы вторжение на русский рынок.

По распоряжению Государя Ламздорф внёс значительные коррективы в проект договора. Так, в первую статью было вписано следующее дополнение: *«Его Величество Император Всероссийский предпримет необходимые шаги для того, чтобы ознакомить Францию с этим договором и побудить ее присоединиться в качестве союзницы»*^[1812].

Тогда же было составлено конфиденциальное сообщение французскому правительству. В нём Император Николай II сообщал, что *«враждебная и вызывающая политика, кото-*

рой всё чаще и чаще считает нужным придерживаться к другим державам британское правительство», заставляет его и императора Вильгельма прибегнуть к серьёзным шагам по организации отпора английской агрессии путем заключения союзного договора. Об этом он, Николай II, в силу союзнических обязательств, сообщает французскому правительству для выяснения мнения последнего по этому поводу^[1813].

Одновременно Государь сообщил германскому императору, что *«было бы разумным показать французам черновик договора»*, в связи с чем он просит Вильгельма *«согласия ознакомить правительство Франции с этим проектом»*^[1814]. По существу, это заранее означало провал так называемого союза Центральных держав³⁵, так как весь план кайзера строился именно на том, чтобы поставить Францию пред свершившимся фактом состоявшегося русско-германского союза.

Предложение Царя вызвало у Вильгельма II крайнее негодование. Он писал Бюлову: *«Его Величество начинает прошибать холодный пот из-за галлов, и он такая тряпка, что даже этого договора с нами не желает заключить без их разрешения, а значит, не желает его заключать также и против них. По моему мнению, нельзя допустить, чтобы Париж что-нибудь узнал, прежде чем мы получим подпись "царя-батюшки". Ибо если до подписания текст договора*

³⁵ Такое название договору предлагал Вильгельм II.

сообщить Делькассе, то он даст телеграмму Камбону, и в тот же день её напечатают “Times” и “Figaro”, а тогда делу конец. Первая неудача, которую я лично испытываю!»^[1815]

С плохо скрываемым раздражением кайзер сообщал об этом же Николаю II 26 ноября 1904 г.: «Было бы, несомненно, опасно уведомлять Францию, прежде чем мы с Тобой не подпишем договора; последствия этого были бы диаметрально противоположны нашим желаниям. <...> Если Франция узнает, что русско-германский договор только в проекте, но ещё не подписан, она тотчас предупредит своего друга (если не тайного союзника) Англию, с которой её связывает “Entente Cordiale”, и осведомит её немедленно»^[1816].

Вильгельм рисовал Николаю II страшные последствия от ознакомления Парижа с проектом договора: «Результатом такой информации будет, без сомнения, моментальное нападение двух союзных держав, Англии и Японии, на Германию в Европе, равно как и в Азии. Громадное превосходство их морских сил скоро бы покончило бы с моим небольшим флотом, и Германия на время осталась бы калеккой. Это нарушило бы мировое равновесие в ущерб нам с Тобой, и позднее, когда Ты начнёшь переговоры о мире, оставило бы Тебя один на один с нежным попечением Японии и её торжествующих подавляюще могучих друзей»^[1817].

Но Николай II знал, что ничего подобного не произойдёт и что нагнетание обстановки кайзером преследует одну лишь цель: добиться подписания выгодного только для Гер-

мании договора. Николай II стремился к тому, чего так не хотел кайзер: добиться того, чтобы Франция предупредила Англию о готовящемся подписании русско-германского союза и тем самым заставила её отказаться от войны с Россией. Он понимал, что для Франции было крайне невыгодно ни оказаться в союзе с Германией, ни вступать с ней в войну. А именно к одному из этих двух вариантов привёл бы Париж русско-германский договор.

Государь не ошибся в своих расчётах. Весть о готовящемся русско-германском союзе сильно встревожила Париж. Примкнуть к договору означало для него фактический отказ от статуса Франции как ведущей державы Европы. С другой стороны, отклонить договор и продолжать занимать прежнюю позицию в отношении Петербурга означало разрыв с Россией и объединение её с Германией. В этом случае Париж ставил себя в крайне опасное положение: он оставался один на один со старым врагом при весьма сомнительной помощи Англии.

Неудивительно поэтому, что французские правящие круги сразу начали оказывать ощутимое давление на британское правительство. 28 октября/10 ноября 1904 г. посол Франции в Лондоне Поль Камбон во время аудиенции у министра иностранных дел Генри-Чарльза Лэнсдауна пригрозил, что, в случае если Англия нападёт на Россию, может последовать изъятие из лондонских банков значительных французских капиталов^[1818]. Если учесть, что долг Великобрита-

нии Парижу составлял тогда около 1,5 млрд франков, угроза французского посла была более чем весомой и грозила катастрофой лондонскому Сити. Поэтому Лондон поспешил согласиться на русское предложение передать Гульский конфликт на разрешение международной конвенции. 12/25 ноября 1904 г. была принята русско-английская декларация, в которой обе стороны соглашались поручить международной следственной комиссии вопрос о мирном разрешении международных столкновений, которые касались происшествия в Северном море^[1819].

Таким образом, Император Николай II удачно использовал намерения кайзера по расколу франко-русского союза для предотвращения военного столкновения с Великобританией. Примечательно, что Вильгельм II, узнав об изменении позиции Англии, прекратил все переговоры о «братском единении», лишний раз продемонстрировав, что подлинная его цель не имела ничего общего с желанием подлинного союза с Царём.

Однако вскоре дипломатическая игра вокруг русско-германского союза разгорелась с новой силой. Не успела ещё закончиться война России с Японией, как Европа оказалась втянутой в Марокканский кризис. На обладание этой североафриканской страной настойчиво претендовали Германия и Франция. Только в этих условиях стала понятна правота Николая II, отказавшегося осенью 1904 г. от проекта «союза Центральных держав», который так настойчиво предлагал

ему кайзер Вильгельм. Пойди Россия на подписание союзного договора с Германией, одним из обязательств которого было участие в войне на ее стороне, и она могла быть легко в неё втянута из-за совершенно чуждого русским интересам марокканского вопроса.

31 марта 1905 г. Вильгельм II прибыл в марокканский город Танжер. Его встреча вылилась в демонстрацию германской силы, фактически потребовав от Парижа отказа от прав на Марокко^[1820]. Душой сопротивления германским требованиям стал французский министр иностранных дел Теофиль Делькассе. Он был уверен, что Германия блефует и не начнёт войны из-за Марокко^[1821]. Но весной 1905 г. Делькассе не нашел понимания со стороны многих французских политиков, в частности председателя совета министров Мориса Рувье^[1822]. С Германией, полагал Рувье, следует идти на договоренности, а не воевать^[1823]. Французский премьер предлагал немцам полный доступ на французский рынок и двусторонний франко-германский дележ Марокко без участия Англии^[1824].

В Берлине были согласны, но требовали немедленной отставки Делькассе. Цель Вильгельма II в отношении Франции была той же, что и в отношении России, – навязать Парижу «союзный» договор, оторвать её от России и полностью подчинить интересам германской политики.

Рувье, под прямым давлением Германии и заручившись поддержкой президента Эмиля Лубе, 6 июня 1905 г. добился

отставки Делькассе и сам встал во главе министерства иностранных дел. Это была крупная дипломатическая победа Берлина, который, чувствуя слабость позиции французского правительства, стал требовать от него полной капитуляции в Марокко^[1825]. Вильгельм II полагал: для того чтобы развить успех и заставить Францию отказаться от всякого сопротивления, её необходимо поставить в условия полной изоляции, когда помощи ждать будет неоткуда. Для этого надо во что бы то ни стало оторвать её от России. Стремясь осуществить свой замысел, Вильгельм II вновь вернулся к идее заключения с Россией секретного союзного договора, к которому, после его подписания, предполагалось присоединить Францию.

Тем временем в 1905 г. Россия переживала грозные события. К неудачам Русско-японской войны, прибавилась общероссийская смута. Кроме того, к лету 1905 г. Россия фактически вновь оказалась в международной изоляции, так как будущее союза с Францией после отставки Делькассе представлялось в Петербурге весьма туманным. Осенью 1904 г. Париж стал местом проведения конференции российских оппозиционных и революционных сил, а после событий 9 января 1905 г. в Петербурге – центром яростной антицарской пропаганды.

В этих условиях кайзер, который в этот момент возвращался морским путём в Германию по Балтике, направил Императору Николаю II телеграмму с приглашением о встре-

че^[1826]. Царь сразу же ответил согласием и предложил встретиться «в Биорке-зунд, недалеко от Выборга, на борту наших яхт»^[1827]. Это предложение было положительно встречено Вильгельмом.

8 июля 1905 г. в письме к Ламздорфу Николай II отметил, что считает предстоящее свидание с германским императором «очень полезным и важным». При этом Государь указал Ламздорфу не сопровождать его в поездке, «так как Бюлов не находится в плавании с Императором»^[1828].

Царь специально не взял с собою Ламздорфа, максимально засекретив свою встречу с кайзером. Объяснения Николая II, что он не берёт с собой министра иностранных дел, потому что с кайзером не будет рейхсканцлера Бюлова, нельзя признать убедительными, так как на борту «Гогенцоллерна» находился граф Генрих фон Чиршки-Бёгендорф, бывший сотрудник германского посольства в Петербурге, влиятельное лицо германской дипломатии. По свидетельству А. П. Извольского, «в царской свите не было никого равного по рангу и по осведомлённости» Чиршки^[1829].

Несомненно, что это было сделано Николаем II сознательно, для того чтобы, в случае подписания любого договора, можно было в будущем его легко дезавуировать ввиду отсутствия подписи Ламздорфа.

Свидание двух императоров состоялось 10/23–11/24 июля 1905 г. в финских шхерах около острова Бьёркё. На этой встрече Вильгельм II предложил Государю вернуться к про-

екту договора 1904 г. На этот раз кайзер был уверен в успехе. Опасность того, что Царь заранее ознакомит французское правительство с проектом союзного договора, его больше не беспокоила, так как новый кабинет Рувье делал всё, чтобы не раздражать германского повелителя. Вильгельм II начал встречу с Николаем II, заявив, что теперь можно возвратиться к прошлогоднему проекту, так как с Рувье легко находить общий язык.

Николай II согласился. Текст договора был тот же самый, что и в 1904 г. А. П. Извольский утверждал, что, по словам Царя, *«договор был подписан за несколько минут до отъезда Императора Вильгельма, после завтрака, который состоялся на борту «Гогенцоллерна»»*^[1830].

Николай II делал всё, чтобы убедить немцев в своём крайнем к ним расположении и стремлении как можно скорее подписать договор. Находящийся в свите кайзера граф Гельмут Мольтке вспоминал: *«Император представлял нас Царю. Тот выглядел серьёзным, но не подавленным, как его часто описывали. Ко всем нам он обращался по-немецки, мне сказал: “Очень рад снова вас видеть”. – Как только представление завершилось, мы вернулись на “Гогенцоллерн”, куда вскоре прибыли и оба монарха с русской свитой. Потом на “Гогенцоллерне” давали обед. Царь крайне удивил меня. Чем дольше мы сидели за столом, тем более он оттаивал и наконец совсем развеселился, много смеялся и вёл оживлённую беседу; было заметно, что ему комфортно в том окру-*

жениши, где он чувствует себя уверенно. Он, как и все господа его свиты, был изысканно любезен; все враз заговорили по-немецки, их было просто не узнать. После трапезы Царь долго беседовал с каждым из нас по отдельности. По-немецки он говорил совершенно бегло – когда и как он научился этому, для меня загадка. – Когда он со своей свитой отправился на “Полярную звезду”, было три часа ночи»^[1831].

Эта видимая лёгкость, с какой Государь подписал договор, дала потом повод различным писателям утверждать, что он находился «под хмельком». Как писал Извольский, то было «вульгарное утверждение, которое легко могло бы быть устранено, если бы кто-нибудь из них имел случай, как это бывало со мной, часто присутствовать на подобных завтраках»^[1832].

Кайзер настаивал, чтобы договор был контрассигнован. С германской стороны это сделал Чиршки, с русской – вице-адмирал А. А. Бирилёв, причём Государь закрыл для него текст договора рукой и приказал адмиралу поставить свою подпись, что тот и сделал, не зная, что подписывает.

Почему же Николай II, который отказался подписывать секретный договор в 1904 г., сделал это летом 1905 г.? Советская историография считала, что Царь пошёл на поводу у германского императора. На Западе часто можно было слышать суждения, что Россия и Германия подписали что-то вроде сепаратного мира, и тем самым Россия чуть ли не предала Францию. Однако при тщательном рассмотрении во-

проса Бьёркского соглашения вырисовывается совершенно иная картина.

Для понимания того, что произошло в Бьёркё, надо рассматривать в совокупности всю ситуацию, военную, внутреннюю и международную, в которой оказалась Российская империя и лично Николай II к лету 1905 г.

Начавшаяся в январе 1905 г. смута охватила всю страну, от рук террористов ежедневно гибли десятки людей. Не менее тяжёлым было внутривластительное давление на Государя. Промышленные и либеральные круги упорно требовали от него прекращения войны и введения в стране парламентского строя. К этому давлению добавлялось давление извне.

Но самым тяжёлым было финансовое положение дел. 29 апреля/12 мая 1904 г. Россия подписала в Париже контракт о займе на 800 млн франков (300 млн рублей), которые пошли на нужды войны^[1833]. Революция привела к громадным дополнительным затратам. Русской просьбе о новом займе в размере 300 млн рублей Париж отказал.

Когда Государь направлялся на встречу с кайзером в Бьёрке, он уже знал, что Лондон и Париж готовы выделить России заём только при окончании войны; позиция России в отношении Англии должна перестать быть враждебной; внутри страны должен установиться порядок вещей, *«способный внушить доверие»*^[1834]. Советский историк Б. А. Романов писал, что вокруг Николая II *«замыкалось кольцо, за которое не было хода»*^[1835].

Прорывом из этого «кольца» во многом стало Бьёркское свидание. Николай II понимал, что необходимо заключать мирный договор с Японией. Дальнейшее продолжение войны без необходимых финансовых средств, в условиях набирающей силу смуты было крайне опасным. Царю было известно, что революционные силы, имеющие влиятельных союзников как за рубежом, так и в верхних эшелонах российской власти, вынашивали планы его устранения и уничтожения монархии. Государь знал также, что Франция, Германия и США, каждый по своим соображениям, были настроены против продолжения войны России с Японией.

Поэтому Николай II вновь стремился использовать хитроумную комбинацию кайзера в свою пользу, добившись от него поддержки в заключении приемлемого для России мира. Именно для этого в 3-ю статью договора по настоянию Николая II была внесена поправка: *«настоящий договор войдёт в силу тотчас по заключении мира между Россией и Японией»*.

Эта поправка была главным достижением Николая II. Государь понимал, что Берлин, весьма заинтересованный, чтобы договор скорее вступил в силу, окажет всё имеющееся у него давление на Японию с целью скорейшего прекращения войны. Кроме того, в своих письмах кайзер не раз намекал Царю на желательность мирного посредничества президента США Теодора Рузвельта, который, по словам Вильгельма, один может повлиять на японцев и *«побудить их быть*

благоразумными в своих требованиях». Если только Николай II пожелал бы, заявлял кайзер, он мог бы частным образом снестись с Рузвельтом, *«потому что мы с ним большие приятели»*^[1836].

Идея Рузвельта сводилась к простой формуле: *«Надо будет радоваться, если результат войны сведётся к тому, что русские и японцы останутся лицом к лицу, уравнивая друг друга, те и другие – ослабленные»*^[1837]. Это вполне устраивало и кайзера, который предложил американскому президенту сразу же после заключения мира начать активно действовать в Китае^[1838].

Николай II знал, что Рузвельту, как и Вильгельму II, выгоден скорейший мир на Дальнем Востоке. Ради этого они готовы были поддержать Россию на мирных переговорах с Японией. Поэтому Царь с такой лёгкостью и подписал Бьёркский договор с Вильгельмом, заранее зная, что его постигнет судьба проекта 1904 г. С. Ю. Витте справедливо писал по этому поводу, что в интересах императора Вильгельма *«было ещё более обессилить Россию, а раз были Биорки, его интерес также заключался в том, чтобы в Портсмуте дело кончилось миром. Не мог же он тогда думать, что Биорки потом провалятся»*^[1839].

Через две недели после подписания договора Царь уведомил о нём Ламздорфа, который принялся сокрушаться по поводу «поспешности» заключения договора. Николай II подыграл своему министру и, как бы соглашаясь с тем, что

он совершил ошибку, попросил графа сделать так, чтобы этот договор был признан ничтожным, чем Ламздорф энергично и занялся. Но перед этим Николай II распорядился сообщить о договоре в Париж и выяснить его отношение к возможности присоединения Франции к русско-германскому союзу. Разумеется, в Париже известие о новой возможности заключения русско-германского союза, к которому его приглашали примкнуть, произвело весьма тягостное впечатление. Было понятно, что вместо союза с Россией французам предлагался фактический союз с Германией. Для Франции подобные запросы Царя стали сигналом к прекращению политики уступок Германии и к возобновлению активного союза с Петербургом. Рувье заявил, что Франции вполне достаточно союза с Россией, которому она остаётся верна^[1840].

Перспектива русско-германского союза сильно встревожила и Великобританию, в которой всё более набирали силу антигерманские настроения и все более крепло убеждение в необходимости нормализовать свои отношения с Россией.

Таким образом, известие о свидании в Бьёрке и подписанном там договоре между Царём и кайзером резко изменило международную обстановку в пользу России. Результатом стало возобновление активного франко-русского сотрудничества и начало русско-английского сближения. Непосредственно после Бьёркского свидания начинается активная посредническая деятельность президента США Т. Рузвельта по организации мирных переговоров России и Японии.

Известие об отказе Франции участвовать в русско-германском союзе пришло из Парижа, когда Портсмутский мир был подписан и ждал своей ратификации. После неё должен был автоматически вступить в силу Бьёркский договор. Как писал Витте, Вильгельм II *«уже не сомневался, что его дело в шляпе – война ослабила Россию и ему развязала руки с Востока, теперь же Портсмут и Биорки послужат ему к успокоению, а возможно и к возвеличиванию Германии при помощи России и Запада. И всё это без пролития капли крови и затраты хотя бы одного германского пфеннига. Но человек полагает, а Бог располагает»*^[1841].

Не дожидаясь ратификации мирного договора, Николай II послал Вильгельму II письмо, в котором сообщал, что *«Бьёркский договор не должен быть проводим в жизнь до тех пор, пока мы не узнаем, как к нему отнесётся Франция»*^[1842].

Царь был готов ратифицировать договор с Германией, но с одной оговоркой: поскольку Франция пока не собирается примыкать к союзу России и Германии, то статья 1-я договора о военной взаимопомощи между двумя странами не будет выполняться Россией в отношении Франции в случае войны её с Германией. Берлин занял по этому вопросу непримиримую позицию, настаивая на том, что договор должен соблюдаться в том варианте, каким он был подписан, безо всяких изменений. Тем самым Вильгельм II продемонстрировал, что его истинными целями являлось насилие над Фран-

цией, к которому он хотел привлечь и Россию.

Николай II знал о ненадежности характера германского императора и подписывал с ним «союз», изначально рассматривая его как необходимый тактический ход. Все предположения о том, что на разрыв союза повлияли царские министры (Ламздорф и Витте), строятся на недостаточном понимании русской самодержавной власти. Следует помнить, что Царь держал все нити управления внутренней и внешней политикой в своих руках и принимал решения единолично по всем вопросам.

Вторая по счёту неудача Вильгельма II в создании «союза Центральных держав» стала его крупным дипломатическим поражением. Пытаясь спасти лицо, он, по своему обыкновению, пустился в эмоциональные телеграммы, в которых заклинал Николая II: *«Мы подали друг другу руки и дали свои подписи перед Богом. Что подписано, то подписано»*^[1843]. Однако эти телеграммы не трогали Государя, и он их прочитывал с полным спокойствием.

Долгое время в советской историографии считалось, что политическая игра немцев осенью 1904 –летом 1905 г. вокруг союзного договора с Россией была крупным дипломатическим успехом Германии, уловкой, на которую поддались русские политики, осознавшие затем пагубность для России этого договора и отказавшиеся от него. Однако на самом деле всё было наоборот: в ходе этой дипломатической игры именно Царь переиграл германского императора. Это был

крупный успех дипломатии Николая II.

Портсмутский мир

Несмотря на Цусимское сражение, война складывалась не в пользу Японии. Её войска овладели Кореей и Южной Маньчжурией, но Центральная и Северная находились под русским контролем. Командование русской армии возвело близ Сыпингая мощную линию укреплений. Как признавался японский главнокомандующий сухопутными частями в Манчжурии маршал Ивао Ояма, его армия, одержав с большим трудом победу под Мукденом, физически и психологически «надорвалась» и уже не в силах была вести наступательные операции^[1844]. Хотя, конечно, у армии микадо имелись ещё возможности для ведения войны. Кроме того, потеря флота самым пагубным образом отражалась на возможности боевых действий русской армии, обороны Владивостока и дальневосточного побережья.

Несмотря на это, Император Николай II осознал необходимость прекращения войны с Японией сразу после гибели 2-й Тихоокеанской эскадры. В телеграмме генералу Н. П. Линевичу Государь требовал: *«Сообщите Мне совершенно откровенно, как отразилась на настроении всех чинов армии потеря Тихоокеанской эскадры, какие изменения она должна вызвать в дальнейших действиях армии, а также обеспечена ли оборона Владивостока, Сахалина и*

всего нашего побережья при имеющихся средствах»^[1845].

При встрече с В. Н. Коковцовым Царь сказал, что *«не видит теперь надежды на скорую победу и думает только о том, что нужно тянуть войну, доводить японцев до истощения и заставить их просить почётного для нас мира»*^[1846].

На Всеподданнейшей записке графа В. Н. Ламздорфа, испрашивающего мнение о возможности заключения мира, Николай II написал: *«Я готов кончить миром не мною начатую войну, если только предложенные условия будут отвечать достоинству России. Я не считаю нас побеждёнными, наши войска целы, и я верю в них»*^[1847]. Государь был готов идти на уступки в Корее, так как *«это не русская земля»*^[1848].

Осознание необходимости заключения мира с Японией далось Государю крайне тяжело. Рушилась одна из главных задач его царствования: «прорубить окно в Азию». Причём рушилась не столько в силу поражения вооружённых сил – обстановка на фронте вполне позволяла продолжать войну, а в первую очередь по причине смуты, опасности гибели государства. Второй причиной была финансовая удавка, которую напустили на Россию западные державы. Избавиться от неё, не прекращая войны, было невозможно.

Между тем реакция русского общества была непредсказуемой в случае заключения позорного мира с Японией (с потерями территорий и контрибуциями). Впрочем, такого мира Государь не собирался заключать ни при каких усло-

виях. На петиции Оренбургского духовенства с просьбой не заключать позорного мира с Японией Николай II написал: *«Русские люди могут положиться на меня. Я никогда не заключу позорного или недостойного великой России мира»*^[1849].

На Особом совещании 24 мая 1905 г. Николай II выслушал мнения своих военачальников, многие из которых были категорически против заключения мира. Член Государственного совета генерал от инфантерии Х. Х. Рооп заявил: *«Я не могу согласиться с тем, чтобы немедленно просить мира. Попытка предложить мирные условия есть уже сознание бессилия. Ответ будет слишком тягостным»*. Генерал-адъютант адмирал Ф. В. Дубасов: *«Несмотря на тяжёлые поражения на суше и в особенности на море, Россия не побеждена. Мало того, Россия, продолжая борьбу, непременно должна победить врага. Наше движение на восток есть движение стихийное – к естественным границам; мы не можем здесь отступить, и противник наш должен быть опрокинут и отброшен»*. По существу, за заключение мира высказались великие князья Владимир Александрович и Алексей Александрович. Последний заявил, что *«в случае продолжения войны положение Владивостока, устья Амура и Камчатки будет весьма опасное; нет сомнений, что японцы обратят туда всё своё внимание, и положение армии будет тяжёлое, так как она не в состоянии будет помочь»*^[1850].

Следует отметить, что дискуссия о продолжении войны шла на фоне революции и наметившегося серьёзного раскола русского общества. Лучшие его представители понимали всю значимость для России победы над Японией. Так, Д. И. Менделеев писал: *«Всё, что известно об Японии, показывает, что ей долго терпеть жестокую войну не по силам. Бояться нам нужно только рановременного окончания войны, вмешательства посредников и своего благодушия, которое может спешливо пойти на мир, если нас о нём попросят»*^[1851].

Однако в то же время российское общество было охвачено и совсем иными настроениями. Как отмечал С. С. Ольденбург, *«если адмирал Ф. В. Дубасов возмущался мыслью о том, что Россия может кончить войну на Мукдене и Цусиме, то широкие круги русского общества именно этого и желали. Даже те, кто не радовался поражениям, считали, что из них следует “извлечь пользу” для освободительного движения. Требования прекращения войны стали открыто раздаваться везде; и все, кто пытались протестовать против мира, подвергались озлобленным нападкам или осмеянию»*^[1852].

В начале июня в Петергофе состоялась встреча Николая II с представителями оппозиционного общества. Выступивший от имени делегации князь С. Н. Трубецкой сказал: *«Мы знаем, Государь, что Вам тяжелее нас всех... Крамола сама по себе не опасна... Русский народ не утратил веру в*

Царя и несокрушимую мощь России... Но народ смущен военными неудачами: народ ищет изменников решительно во всех – и в генералах, и в советчиках Ваших, и в нас, и в господах вообще... Ненависть неумолимая и жестокая поднимается и растёт, и она тем опаснее, что вначале она облекается в патриотические формы»^[1853].

22 мая кайзер передал своему «приятелю» президенту Рузвельту, что он *«признает положение России настолько серьёзным, что <...> жизнь Царя окажется в опасности»*^[1854].

Вообще в этот период Вильгельм II проявлял такую «обеспокоенность» за жизнь Николая II, что невольно напрашивается подозрение, а не намекал ли германский Император на возможность убийства царя в случае отказа пойти на мирные переговоры?

В те дни кайзер и президент действовали заодно. 24 мая, через два дня после письма Вильгельма II Рузвельту, американский посол в Петербурге Джордж Мейер по поручению Рузвельта добился аудиенции у Государя. Американский посол убеждал царя в необходимости созыва конференции по условиям мира с Японией. Николай II согласился на проведение конференции при условии, что в её работе не будут участвовать посредники, а требования Японии будут известны заранее^[1855].

Необходимость заключения мира с Японией ставила перед Императором Николаем II задачи чрезвычайной сложности. Трудно было рассчитывать, что японцы согласятся на

приемлемые для России условия. Ведь в России ничего не было известно о том, что Япония находится на грани экономического коллапса и остро нуждается в мире. Сама же Япония громогласно требовала от России большой контрибуции и внешне была настроена воинственно. Её в этом поддерживала Англия, не зная, что Япония уже обратилась к США о посредничестве в заключении мира с Россией. 22 мая/4 июня Рузвельт запросил у Лондона мнения о возможных мирных условиях и получил холодный ответ, что *«правительство Его Величества ещё не получило никакого указания относительно условий мира, каких Япония будет ожидать теперь»* и *«что было бы бесполезно выражать мнение, основанное на предположениях»*^[1856].

27 мая/9 июня 1905 г. Эдуард VII заявил: *«Россия, возможно, будет ещё раз побита, и японцы, вероятно, возьмут Владивосток... Контрибуция Японии причитается, как победителю, по обычаю»*^[1857]. 29 июня/11 июля Япония получила в Лондоне новый заём в 30 млн фунтов, что в финансовом отношении на какое-то время развязывало ей руки для продолжения войны с Россией. Рузвельт через германского посла в США передал кайзеру для русской стороны: *«Царь должен отчётливо понять, что эта война проиграна, мир должен быть подписан с ясным осознанием того, что японцы – победители»*^[1858].

Местом мирных переговоров русская делегация выбрала сначала Вашингтон, а затем американский Портсмут^[1859].

Николай II предложил возглавить делегацию послу в Париже А. И. Нелидову, затем, когда тот отказался, послу в Риме Н. В. Муравьёву, который тоже отказался, сославшись, как и Нелидов, на болезнь. В конце концов Государь назначил главой делегации С. Ю. Витте. В данном случае это был очень удачный выбор. Витте слыл в США «убеждённым либералом» и прогрессивным государственным деятелем. Кроме того, Витте имел довольно тесные контакты с Америкой, неплохо понимал американский менталитет и знал общественную жизнь. 29 июня Государь вызвал к себе Витте и объявил ему о назначении Главным уполномоченным по ведению переговоров с Японией^[1860]. При этом Николай II сказал, что *«он желает искренно, чтобы переговоры пришли к мирному решению, но только он не может допустить ни хотя бы одной копейки контрибуции, ни уступки одной пяди земли»*^[1861]. Перед отъездом в Портсмут Витте получил от Государя руководящие указания^[1862].

6 июля 1905 г. русская делегация выехала в США на мирные переговоры с японцами. По дороге Витте остановился в Париже и встретился там с М. Рувье, сказав ему, что России срочно понадобятся деньги или для продолжения войны, если мир не удастся заключить, или для ликвидации последствий войны, если мир заключить удастся. Рувье, однако, ответил, что в настоящее время Франция дать денег России не может. Деньги могут быть выделены только после заключения мира, но, так как Япония наверняка потре-

бует большую контрибуцию, Франция поможет России выплатить эту контрибуцию. На парижских улицах русскую делегацию встречали либо равнодушно, либо с насмешками и злорадством^[1863].

28 июля 1905 г. в адмиралтейском дворце Портсмута начались переговоры о мире. Японская сторона выдвинула свои требования: 1. Россия признаёт за Японией преобладающие политические, военные и экономические интересы в Корее. 2. Россия полностью эвакуирует Маньчжурию и отказывается от всех территориальных преимуществ и привилегий в этой области. 3. Япония обязуется вернуть Китаю, если будет дана гарантия, что будет реформировано и улучшено управление, все те части Маньчжурии, которые ею оккупированы, за исключением районов, на которые распространяется аренда Ляодунского полуострова. 4. Япония и Россия взаимно обязуются не противиться никаким общим мерам, касающимся всех стран, какие Китай может принять для развития торговли и промышленности в Маньчжурии. 5. Сахалин и все острова, к нему принадлежащие, и все государственные предприятия и собственность уступаются Японии. 6. Аренда Порт-Артура, Талиена и прилежащих к ним территорий и территориальных вод, включая все права, привилегии, концессии и льготы, приобретенные Россией у Китая, должны быть переданы Японии. 7. Россия обязуется передать Японии железную дорогу между Харбином и Порт-Артуром, включая все права, привилегии и собственность,

сюда принадлежащие, и все угольные копи, принадлежащие железной дороге или ею эксплуатируемые. 8. Россия сохраняет за собой и эксплуатирует трансманьчжурскую железную дорогу при условии, что она будет использоваться исключительно в торговых и промышленных целях. 9. Россия возмещает Японии действительные расходы войны. 10. Все русские военные корабли, которые вследствие повреждений, полученных в бою, искали убежища в нейтральных портах и были там интернированы, должны быть переданы Японии, как законный приз. 11. Россия обязуется ограничить ее морские силы в водах Дальнего Востока. 12. Россия предоставит японским подданным неограниченные права на рыбную ловлю вдоль берегов и в заливах, гаванях, бухтах в реках, находящихся в ее владениях в Японском, Охотском и Беринговом морях^[1864].

Выполняя инструкцию Царя, Витте в самом начале мирной конференции подчеркнул: в войне нет победителей и побежденных, а есть обоюдное стремление прекратить кровопролитие^[1865]. Как верно пишет академик А. Н. Сахаров, *«ход переговоров убедительно показал, что Портсмутский мир вырос на почве общей заинтересованности непобедившей Японии и не проигравшей войну России»*^[1866].

Перед главой японской делегации Дзютаро Комурой микадо тайно поставил жёсткую задачу: заключить мир любой ценой. Государь такой задачи Витте не ставил. Получив 29 июля 1905 г. телеграммой японские требования, Николай II

целиком вычеркнул пункты 5, 7, 9, 10, 11, а пункт 8, начиная от слов: *«при условии...»*. Николай II написал на полях телеграммы: *«Конечно, эти условия неприемлемы, те, которые мною отчёркнуты»*^[1867].

Тем временем японская делегация настаивала на своих требованиях. 5 августа стало ясно, что конференция зашла в тупик.

Президент Рузвельт вновь обратился к кайзеру Вильгельму с просьбой о посредничестве. 7 августа в телеграмме к Николаю II Вильгельм посоветовал передать вопрос о войне и мире на обсуждение Государственной думы, о созыве которой Царь только что издал указ. *«Если бы она (Дума) высказалась за мир, то Ты был бы уполномочен нацией заключить мир на условиях, предложенных в Вашингтоне твоим делегатом... Никто в твоей армии, или стране, или в остальном мире не будет иметь права Тебя порицать... Если Дума сочтёт предложение неприемлемым, то сама Россия чрез посредство Думы призывает тебя, своего Императора, продолжать борьбу, принимая на себя ответственности за все последствия»*^[1868].

Ответ Императора Николая II был твёрдым и однозначным: *«Всякий порядочный русский согласен продолжать войну до конца, если Япония будет настаивать на двух пунктах: ни пяди нашей территории, ни одного рубля вознаграждения за военные расходы. А именно в этом Япония не желает уступить. Меня же никто не заставит согласиться*

на эти два требования. Поэтому нет надежды на мир в настоящее время. Ты знаешь, как я ненавижу кровопролитие, но всё же оно более приемлемо, нежели позорный мир, когда вера в себя, в своё Отечество была бы окончательно разбита»^[1869].

10 августа уговорить Государя прибыл американский посол Джордж Мейер, два часа убеждавший Николая II согласиться на выплату Японии контрибуции и передачу ей Сахалина. Николай II стоял на своём: *«Россия – не побеждённая нация, она не находится в положении Франции 1870 года. Если понадобится, я сам отправлюсь на фронт»*. При этом Николай II заметил, что в виде крайней уступки он готов согласиться на отдачу южной части Сахалина, при условии, что японцы обязуются не укреплять её, а северную половину вернуть без всякого вознаграждения^[1870]. Согласие отдать южную часть Сахалина Государь дал *«на том основании, что она принадлежит России только 30 лет³⁶, а потому на нее можно смотреть как на Порт-Артур, а не как на исконную русскую территорию»^[1871]*.

Напрасно Рузвельт посылал новую телеграмму Мейеру, обращая внимание Царя на то, что Россия рискует потерять Владивосток и всю Восточную Сибирь, напрасно Витте советовал, что следует согласиться на предложения Рузвельта, – Николай II оставался непреклонен. Как писал С. С. Ольден-

³⁶ Остров Сахалин был передан России Японией в 1875 г. в обмен на все Курильские острова.

бург: «Государь верил в Россию, и Он готов был продолжать войну; в этом была Его сила. Он не считал, что Россия побеждена, и, соглашаясь на мирные переговоры, всегда имел в виду возможность их разрыва»^[1872].

12 августа Николай II написал письмо графу Ламздорфу, в котором дал окончательные указания по поводу условий мира: «Необходимо окончить происходящие переговоры, ясно и категорически объяснив Президенту, что Россия далее того, что я сказал г. Мейеру, не пойдёт. И так уже, в моих глазах, сделана огромная уступка в том, что я соглашаюсь на удержание Японией южной половины Сахалина, но, разумеется, без малейшей уплаты денег за сохранение в нашей власти северной половины. Я допускаю широкое возмещение нами Японии расходов её по содержанию наших пленных, широкое, но разумное. Настаивать же на других денежных обязательствах напрасно – мною сказано последнее слово и от него я ни за что не отступлю. Представляю Президенту и всему миру судить, насколько благородно желание японцев во что бы то ни стало добиться получения денег – даже путём продолжения войны. Конечно, важно щадить самолюбие Президента, но для меня неизмеримо важнее и дороже заботиться и стоять на страже пользы и достоинства России.

Передайте всё изложенное статс-секретарю Витте, с тем чтобы он заявил наш ответ завтра японским делегатам. Рузвельту тоже заготовить ответ в этом смысле.

НИКОЛАЙ»^[1873].

В ночь на 16/29 августа российская делегация получила резолюцию Государя: *«Пошлите Витте мое приказание завтра во всяком случае окончить переговоры. Я предпочитаю продолжать войну, нежели дожидаться милостивых уступок со стороны Японии»*^[1874].

13 августа в Портсмуте Витте в беседе с двумя видными журналистами предположительно сказал, что Россия может заплатить 200–300 млн долларов за возвращение Северного Сахалина. В тот же день ему пришлось срочно опровергать свои собственные слова, так как пришла телеграмма с вышеизложенными повелениями Государя.

16 августа русская делегация выдвинула японской стороне свои условия мира: никакой контрибуции, только уплата за содержание русских пленных в Японии, готовность уступить южную часть Сахалина при условии безвозмездного возвращения северной, обязательств не возводить на острове укреплений и гарантировать свободу плавания по Лаперузову проливу. А. Н. Сахаров пишет, что русской делегации не было известно о готовности Япония отказаться от Южного Сахалина. По тайному наказу своего правительства Комура должен был поступиться и Южным Сахалином, и Курильскими островами (это стало известно лишь в наши дни)^[1875].

«Российские уполномоченные имеют честь заявить, по приказу своего Августейшего Повелителя, что это – последняя уступка, на которую Россия готова пойти с единствен-

ной целью прийти к соглашению»^[1876]. Россия также отвергла японские требования о выдаче судов, укрывшихся в нейтральных портах, и об ограничении своего флота на Дальнем Востоке.

Наступила длинная пауза. Затем глава японской делегации Комура ровным голосом объявил, что японское правительство в целях восстановления мира принимает эти условия. Как пишет С. С. Ольденбург: *«Присутствующие, – и в том числе сам Витте, – были ошеломлены. Никто не ожидал, что японцы откажутся от контрибуции и согласятся безвозмездно возвратить половину захваченного ими острова! Витте весьма быстро освоился с положением и уже в беседе с журналистами умело приписывал себе всю заслугу этого успеха. Между тем внезапное решение японской делегации только показало, насколько Государь более правильно оценивал шансы сторон. Его готовность продолжать войну была реальной, в то время как со стороны японцев было немало “блефа”»*^[1877].

16 августа Витте направил Николаю II следующую телеграмму: *«Всеподданнейшие доношу Вашему Императорскому Величеству, что Япония приняла Ваши требования относительно мирных условий и, таким образом, мир будет восстановлен, благодаря мудрым и твердым решениям Вашим и в точности согласно предначертаниям Вашего Величества. Россия останется на Дальнем Востоке великой державой, каковою она была до днесь и останется во веки»*^[1878].

Было решено, что прекращение огня и подписание мирного договора будут осуществлены одновременно 23 августа. В связи с этим Николай II телеграфировал генералу Н. П. Линевичу: *«Ввиду того, что перемирие будет заключено одновременно с подписанием мирного договора, нахожу продолжение активных действий наших передовых частей правильным. Повторяю, будьте готовы на всё. НИКОЛАЙ»*^[1879].

Мирный договор был подписан 23 августа/5 сентября 1905 г. Россия уступила Японии свои арендные права на Ляодунский полуостров и Южно-Маньчжурскую железную дорогу, соединявшую Порт-Артур с Китайско-Восточной железной дорогой. Россия также признала Корею японской зоной влияния.

Несмотря на кажущиеся успехи, приобретения Японии от войны были минимальными. Её потери убитыми, умершими от ран и болезней составили 261 тыс. 429 человек. Примерно 1,5 млн чел. за время войны были оторваны от производительного труда. Государственный долг возрос с 600 млн иен до 2400 млн. Курс иены резко упал. Известия о мире вызвали в японском обществе чувство глубокой горечи. В стране был траур, среди офицеров были часты случаи самоубийства (харакири).

Для Императора Николая II согласие японской стороны на русские условия было так же неожиданным, как и для членов делегации. Наверное, в глубине души Государь надеялся,

что японцы отклонят эти предложения, и война, победа в которой была столь нужна России, продолжится. *«Ночью пришла телеграмма от Витте, — записал Царь в своём дневнике 17 августа, — что переговоры о мире приведены к окончанию. Весь день ходил как в дурмане»*^[1880]. Николай II в своих мыслях постоянно возвращался к тому, что произошло в Портсмуте: *«Сегодня только начал осваиваться с мыслью, что мир будет заключён, и что это вероятно хорошо, потому что должно быть так»*^[1881].

Произошло, казалось бы, немыслимое: Россия, которой все пророчествовали страшное поражение, потерю территорий, полную утрату влияния в мире, вышла из войны непобеждённой. Заслуга в этом принадлежит Императору Николаю II, который своей непоколебимой решительной верой в Россию спас её от позора и унижения. В. Н. Коковцов писал, что *«соглашение это состоялось главным образом потому, что Государь проявил величайшую настойчивость»*^[1882]. По мнению д. ист. н. И. В. Лукоянова, *«относительно почетными условиями Портсмутского мира Николай II был обязан прежде всего себе, проявленной им незаурядной твердости духа, которая позволила ему не поддаться на уговоры и угрозы ни Витте, ни Рузвельта, ни Вильгельма II»*^[1883].

Заслуга С. Ю. Витте заключалась в том, что он смог полностью выполнить данные ему царские указания. 25 сентября 1905 г. Император Николай II составил на имя Витте свой рескрипт, в котором говорилось: *«Действуя твёрдо и с по-*

добающим России достоинством, вы достигли справедливых уступок, доказав неприемлемость тех условий, которые могли бы оскорбить патриотическое сознание русского народа или нанести ущерб жизненным интересам Родины. Признав в должной мере последствие успехов, достигнутых противником, вы отклонили, однако, следуя Моим указаниям, уплату в какой бы то ни было форме расходов на ведение войны, не Россией начатой, и согласились лишь на возвращение Японии принадлежащей ей до 1875 года южной части Сахалина. Таким образом, на общее благо успешно завершилось дело восстановления мира на Дальнем Востоке. Высоко ценя проявленное вами умение и государственный опыт в воздаяние первостепенной, великой заслуги вашей перед Отечеством, жалуя вам графское Российской империи достоинство. Пребываю к вам неизменно благосклонный и искренно благодарный НИКОЛАЙ»^[1884].

Однако этот рескрипт Государь Витте не послал, а когда тот вернулся из Портсмута, направил ему следующую телеграмму: «Приветствую Вас с возвращением из Вашингтона, после блестящего выполнения воли Моего поручения первостепенной важности. Приглашаю Вас прибыть ко Мне в Биорке-зунд на яхту “Полярная Звезда”. По Моему повелению яхта “Стрела” будет послана в Ваше распоряжение»^[1885]. Государь принял Витте в своей каюте на «Полярной звезде». Он сердечно и искренно благодарил его за успешное окончание крайне тяжелого поручения и за точное

не только по букве, но и по духу выполнение данных ему инструкций^[1886]. О встрече с Витте Царь сообщал в письме к Вдовствующей Императрице Марии Феодоровне: «*В Биорке к нам явился Витте – он был прост и весьма интересен. После длинного разговора с ним, когда я ему объявил о графском титуле, с ним почти случился “столчок” и затем он три раза старался поцеловать мне руку*»^[1887].

Но русское общество встречало именно Витте как «спасителя России», и новоиспечённый граф сам в это быстро уверовал. В. Н. Коковцов писал, что в мемуарах Витте «*не нашлось места слову справедливости в пользу Государя, а всё приписано себе*»^[1888].

18 августа 1905 г. Император Николай II издал манифест об окончании войны с Японией. «*16 августа японское правительство уступило по всем предъявленным Нам условиям и настаивало лишь на возвращение ему той захваченной японскими войсками южной части острова Сахалина, которая уже принадлежала Японии до 1875 года и была уступлена России по взаимному договору того же года. По долгу совести Моей перед Богом и перед лицом всей России Я не признал возможным подвергать испытанные доблестные войска Мои и дорогую Нам Родину, бесконечным ужасам и жертвам войны, ради сохранения части отдалённого острова, уступленного Нам Японией в 1875 году, особенно ввиду обязательств, которые японское правительство взяло на себя по отношению этого острова*»^[1889].

Потери России в войне погибшими и умершими от ран составили 194 тыс. 959 человек. Экономика России практически не испытала на себе влияния войны. Курс рубля был по-прежнему высок. Как верно пишет современный писатель К. Б. Раш: *«Император Николай II проложил к берегам Сибири стальной путь и создал Сибирскую флотилию и Тихоокеанский флот. Царь спешил и рвался к Тихому океану, среди взрывов бомбистов. Но тайные враги России решили, во что бы то ни стало, опередить Царя, не дать ему твердо закрепиться на Русском Востоке своей державы.*

Русские войска, вопреки клеветникам, не были разгромлены ни в одном из восьми сражений на суше. Они несли потери, стратегически отступали по воле Куропаткина, изматывая противника и накапливая силы. Русская армия преодолела тяготы и сосредоточилась для решающего удара. Нанести его не позволили те страны, которые будут лже-союзниками России в Первой мировой войне»^[1890].

Тем не менее война закончилась для России весьма невыгодно. Большая Азиатская программа, на которую Император Николай II возлагал столь большие надежды, была надолго остановлена, международные позиции России оказались подорванными, её влияние на Дальнем Востоке значительно ослабло. Русско-японская война показала также, что назрела необходимость в коренном реформировании русской армии. Она нуждалась в современной тактике, стратегии, в новых инициативных командирах.

Революционеры и оппозиция раздували миф о «поражении царизма» и о «национальном позоре», постигшем Россию, хотя именно их подрывная деятельность вынудила Царя пойти на переговоры и закончить войну.

Часть III

В схватке с революцией (1905–1907)

Глава 1. В преддверии суровых испытаний

Причины революции

Революция 1905–1907 гг. стала одной из наиболее тяжёлых страниц царствования Императора Николая II. По степени сложности, опасности и судьбоносности для России эту смуту можно сравнить только с событиями так называемого отречения Государя в феврале – марте 1917 г.

В 1905 г. Николаю II в разгар войны с внешним врагом пришлось столкнуться с ещё более опасным врагом – внутренним, ставившим своей целью уничтожение существующего строя, а вслед за ним и самого Российского государства путём открытого вооружённого мятежа и массового террора. Этот враг руководствовался совершенно иными, чем общепринятые тогда, принципами морали и методами ведения войны. Если быть точнее, у него таковых принципов не было

вообще. На примере революции 1905–1907 гг. мы впервые сталкиваемся с явлением, которое сегодня получило широкое распространение и которое принято называть «цветными» («оранжевыми», «бархатными», «розовыми») революциями. По этому принципу революцию 1905–1907 гг. вполне можно назвать «красной» – как по количеству пролитой крови, так и по тому цвету, что доминировал в символике врагов Царя.

Главной особенностью подобных революций, как в 1905 г., так и сейчас, является создание путем политической провокации такой обстановки в стране, при которой никакая жизнедеятельность государства и общества становится невозможной. На фоне всеобщей забастовки, ежедневного террора, разгула уголовной преступности определенные силы выдвигают Власть политические требования, которые с каждой уступкой становятся всё более и более радикальными. Они продолжаются до тех пор, пока Власть, потеряв все возможные способы к сопротивлению и не находя ни в чем опоры, вынуждена самоустраниться. Если Власть всё же не идет на уступки и пытается подавить революцию, то такие попытки встречают организованное противодействие со стороны тайных организаторов, большей частью иностранных, и их агентов влияния внутри страны. Организуется яростная кампания в СМИ, в ходе которой революционеры, террористы и преступники выставляются «борцами за свободу», а Правительство, войска и полиция – её «душителями». Ра-

зумеется, главная цель организаторов таких революций диаметрально противоположна тем лозунгам, какие бросают народу революционные боевики, большая часть которых является либо профессиональными провокаторами, либо психопатами. Эти небольшие группы манипулируют огромными массами народа, увлекая его, часто против его воли, в противоправные и даже преступные действия. Именно с такой революцией столкнулся Император Николай II в 1905 г.

Несомненно, что Государь был не готов к такого рода событиям. Для него стало потрясением не только степень подготовленности и организованности сил революции, но и степень вовлеченности в неё государственных чиновников высокого ранга и даже военных. Особенно его потрясли случаи перехода на сторону мятежников военнослужащих его армии и флота.

Трагически не готовым к революции оказалось Российское государство в целом. Органы политического сыска, Охранное отделение и Отдельный корпус жандармов продолжали работать в обычном режиме. Доктор ист. наук З. И. Перегудова отмечает: *«Вплоть до 1905 года никаких структурных изменений в Департаменте полиции не произошло. <...> Революция 1905–1907 годов, её сила, размах вскрыли слабость полицейской службы в России и вызвали замешательство в высоких сферах»*^[1891].

Директор Департамента полиции (в 1912–1914 гг.) С. П. Белецкий свидетельствовал, что *«события 1905 г. –*

результат непринятия своевременно решительных мер, что в своё время было результатом неосведомлённости розыскных органов вследствие неудовлетворительной постановки политического сыска, почему все подготовительные работы революционеров прошли незамеченными или были учтены недостаточно серьёзно местными розыскными органами»^[1892].

Революция с особой силой высветила процессы моральной деградации общества, корни которого уходили в глубь предшествующих столетий. Она также показала Царю, что круг его верноподданных помощников крайне узок, кроме того, террористами на них была организована настоящая охота. Притом что круг малодушных, трусливых, двурушных оказался слишком широк. Негласный советник Государя А. А. Клопов писал ему ещё в начале 1904 г.: «Теперь желают войны, мало того, желают, чтобы Россия потерпела фиаско в надежде, что это великое несчастье послужит толчком к радикальному изменению нынешней внутренней политики. До такого болезненного состояния доведена Россия. И все это говорится в царствование несомненно доброго, гуманного, любящего Россию Монарха, желающего на каждом шагу делать добро и в глубине души питающего доверие к народу. <...> Но люди, исполняющую Вашу волю, книжники и фарисеи, в силу непонимания нужд России, узкости и заскорузлости чиновничьих взглядов, не исполняют Ваших желаний, идут совершенно к обратному, и каждая

возвещаемая реформа не только не возбуждает надежды на проведение ее в жизнь, но заранее вызывает недоверие к себе, и каждый день все ждут чего-нибудь худшего»^[1893].

С началом Русско-японской войны Император Николай II резко изменил характер как своей работы, так и работы губернских администраций. Рабочий день Государя составлял теперь 10 и более часов: отчёты министров, губернаторов, разработка указов, законов, аудиенции, сменяющие одна другую^[1894]. Государыня писала своей сестре принцессе Виктории: *«Ники работает как негр. Иногда ему даже не удастся выйти подышать свежим воздухом – разве что уже в полной темноте. Он страшно устает, но держится молодцом и продолжает уповать на Господа»^[1895]*. Огромная Империя, вступившая в полосу структурного кризиса, с большим трудом управлялась из находящегося на окраине Петербурга. Чтобы преодолеть опасный разрыв столицы и провинции, Николай II постоянно совершал разъезды по стране на большие расстояния. Государь перевёл центральную и региональную администрацию в режим оперативного управления^[1896]. Во время поездок Императорский поезд останавливался в губернских центрах, где Государь прямо на платформе принимал губернаторов, приглашая их к себе в вагон, и они сопровождали его до границ другой губернии, делясь своими успехами и проблемами. Когда не было подобных попутчиков, во время следования поезда Николай II с раннего утра закрывался в своём кабинете и рабо-

тал до позднего вечера^[1897]. 22 сентября 1904 г. Николай II писал Императрице Марии Феодоровне: «*За все мои поездки по России в этом году я провёл 24 ночи в вагоне и сделал почти 17 тыс. верст, то есть мог доехать до Владивостока и обратно*»^[1898]. Везде Государя встречали восторженные толпы народа, везде чувствовалась искренняя неподдельная народная любовь к нему.

Но что тогда стало причиной «красной» революции? Каким образом она распространилась по стране с такой скоростью и охватила все жизненно важные органы государственного организма? В советской, либеральной и подавляющей части западной историографии принято называть этой главной причиной социальные проблемы Российской империи. Действительно, они имелись и были обострены начальным периодом капитализации и индустриализации русской экономики. Но, несмотря на то что в Российской империи было множество социальных и сословных противоречий, ни одно из них не могло само по себе стать достаточным поводом для революции.

Революция 1905 г., следствием которой стало изменение государственно-политической системы Российской империи, была вызвана не только внутренними, но и внешними причинами. Социальное недовольство и напряжённость, явившиеся следствием бурного развития российской экономики начала XX в., были умело использованы некоторыми западными кругами для попытки устранения России как

опасного промышленного конкурента, для чего они финансировали российские революционные группировки и оппозицию.

Угроза превращения России в энергетическую сверхдержаву вызывала сильную обеспокоенность промышленных кругов Запада, прежде всего США и Великобритании. В 1903 г. на нефтяных приисках Баку начались забастовки рабочих. Они продолжились и в декабре 1904 г., в разгар Русско-японской войны, под лозунгом увеличения заработной платы рабочим. За кулисами этих беспорядков стояли английские нефтяные конкуренты России, нефтяная компания *Shell Transport and Trading Company* английского бизнесмена баронета Маркуса Семюэля, *Standard Oil* американского бизнесмена Джона Рокфеллера и английского клана Ротшильдов, представителем которых был промышленник Лесли Уркварт. Несомненно, также их «человеком» был и главный организатор беспорядков в Баку Иосиф Джугашвили (он же Коба, он же Сталин). В результате бакинских беспорядков 1903–1905 гг. две трети от общего числа нефтяных вышек было уничтожено, а экспорт оказался сведен к нулю^[1899].

Однако было бы неправильно считать, что поддержка этими кругами «красной» революции была вызвана исключительно борьбой за рынки сбыта. Не менее важную роль играла духовно-мистическая цель тайного сообщества, ставшего в начале XX в. влиятельной политической силой, имевшей своим центром США. В него входили представители круп-

нейших американских банкирских домов и финансово-промышленных кругов: промышленники Джон Пирпонт Морган, Чарльз Ричард Крейн, банкиры Якоб Генри Шифф, Соломон Лёб, Отто Кан, Пол Варбург^[1900]. Главной стратегической целью этого сообщества было создание мирового правительства и нового мирового порядка, который предусматривал постепенное уничтожение национальных, в особенности монархических, государств. Второй влиятельный центр глобалистского сообщества находился в Лондоне и назывался *«Круглый Стол»*. Это общество стало одной из самых влиятельных сил в формировании и осуществлении британской имперской и внешней политики начала XX в.^[1901] *«Круглый Стол»* был создан в 1891 г. на средства Ротшильдов в Лондоне и первым его администратором был Сесил Джон Родес. Среди членов-основателей – лорд Лайонел Ротшильд, лорд Реджинальд Эшер, лорд Альфред Мильнер, граф Артур Джеймс Бальфур и сэр Джордж Бьюкенен^[1902], все – видные государственные деятели Англии. Основной задачей группы было распространение британского господства на весь мир («объединение всего мира под господством Англии»), а также введение английского языка в качестве всемирного^[1903]. На самом деле Англия рассматривалась ими только как плацдарм для осуществления главной цели общества – создания единого мирового правительства и нового мирового порядка.

Американское и английское сообщества были тесно свя-

заны друг с другом и фактически представляли два направления единой организации. Помимо установления нового мирового «порядка», в планах этого сообщества было предусмотрено свержение христианских монархий. Для достижения этих целей важная роль отводилась франкмасонству. Состоявшийся в 1892 г. в Брюсселе масонский съезд провозгласил своей главной целью создание «Всемирной Республики»^[1904]. Уже в докладной записке Департамента полиции 1895 г. говорилось: *«Ныне боевой аппарат масонства усовершенствован и формы грядущего натиска откристаллизовались. Испытанным боевым оружием масонства уже послужил экономический фактор – капитализм. Разжигание бессознательной ненависти в народной толще против всех и вся – таков второй и главный наступательный ход, выдвинутый ныне масонством в России. Этой мутной волной намечено потопить Царя не только как Самодержца, но и как Помазанника Божия, а тем самым забрызгать и последний нравственный устой народной души – Православного Бога. Пройдет всего каких-нибудь десять – двадцать лет, спохватятся, да будет поздно: революционный тлен уже всего коснется. Самые корни векового государственного уклада будут подорваны»*^[1905].

В сообщениях Заграничному бюро Охранного отделения главы заграничной агентуры Л. А. Ратаева в 1904–1905 гг. сообщалось: *«Великий Восток Франции преследует одну главную цель – установление всемирной республики. Во*

исполнение этого, Великий Восток Франции деятельно ведёт пропаганду своих разрушительных идей во всех государствах»^[1906].

Вскоре эта цель будет уже чётко обоснована на масонской конференции во всё том же Брюсселе. Выступая на ней, «Мастер стула» логи «Друзья-человеколюбцы» бельгийский сенатор Онри Ляфонтен заявил: *«Человечество идёт к всемирной международной организации, <...> из которой впоследствии могут возникнуть международные правительственные организации. В недалёком будущем человечество придёт к идее необходимости создать орган международного законодательства, международного парламентского союза»*^[1907].

Современный российский исследователь доцент Т. В. Грачёва полагает: *«Цель создания глобального государства, это цель духовного и религиозного характера. Для того чтобы её достичь, нужно до основания уничтожить священную государственность, даже идею о ней, даже память о ней, полностью скомпрометировать её историю»*^[1908]. Главным из таких государств, конечно, была Православная Самодержавная Россия. Как сообщал Л. А. Ратаев: *«Причиной ненависти масонства к России является то, что её считают самым надёжным оплотом христианства. Ведь, рассматривая деятельность масонов, никогда не надо упускать из виду, что прежде всего это не просто безбожники, это – сектанты»*^[1909].

С 1898 г. масонские ложи начали быстро распространяться по России на полулегальном положении. В Петербурге появились ложи «Пирамида» и «Карма», в Саратове, Казани, Нижнем Новгороде – ложа розенкрейцеров, в Полтаве – ложа «Кирилл и Мефодий», в Киеве и Феодосии – ложа «святого Иордана». К 1900-м годам во французских ложах насчитывалось уже полтора десятка русских либералов^[1910].

14 ноября 1901 г. в Париже открылась Русская высшая школа общественных наук, которая находилась под контролем масонской ложи «Космос». Цель школы, помимо просветительской, состояла в том, чтобы подготовить в масонском духе будущих участников борьбы за «освобождение России»^[1911]. В 1903 г. число слушателей школы достигло 300 человек, среди них был член Великого Востока А. В. Луначарский, будущий большевистский нарком просвещения. Среди преподавателей школы были такие известные французы, как Эмиль Золя, Леон Буржуа, и не менее известные русские: И. И. Мечников, М. М. Ковалевский, Е. В. Аничков. Одновременно все они были посвящены в разные ложи Великого Востока Франции^[1912]. Несколько раз выступал в этой Школе с лекциями и Ленин. Школа издавала свой журнал, одним из редакторов которого был поэт М. А. Волошин (член ложи с 1905 г.).

В самой России вокруг масонских структур начинают быстро формироваться земские либеральные кружки, такие как «Беседа», объединивший сторонников конституци-

онной монархии: князя Д. И. Шаховского, князя Г. Е. Львова, В. А. Маклакова. Созданный в 1903 г. оппозиционный «Союз освобождения» возглавлялся все теми же масонами во главе с членом ложи П. Б. Струве. В 1905 г. во французскую ложу «Масонский авангард» вступил лидер кадетов П. Н. Милюков^[1913]. Кроме него, в ложе были приняты многие будущие кадеты, члены Государственной думы первого созыва. Будущий её председатель профессор С. А. Муромцев также был масоном^[1914]. По сообщениям Л. А. Ратаева, русские либеральные масоны *«ещё с конца XIX в. группировались вокруг профессора Сергея Муромцева»*^[1915]. 30 сентября 1904 г. в Париже в рамках общепозиционной конференции состоялась встреча русских «конституционалистов» (князь Н. Д. Долгорукий, П. Н. Милюков, В. Я. Яковлев-Богучарский) с представителями революционного крыла и националистических групп Финляндии и Польши. Между ними было выработано взаимодействие в предстоящей революции в России. Кроме того, на конференции были приняты как основные принципы: 1) уничтожение Самодержавия, 2) замена Самодержавного строя демократическим режимом^[1916]. Большая часть как «конституционалистов», так и их новых союзников были членами масонских лож.

Во время революции 1905 г. в полной мере выявилось глубокое проникновение масонства в самые высшие сферы власти. Так, например, масоны, состоявшие членами военно-полевых судов, специально выносили мягкие и оправдательные

приговоры террористам. Видный масон А. И. Браудо получал от высшего чиновничества сведения о секретных совещаниях у Государя, а также секретные документы^[1917].

Император Николай II был серьёзно обеспокоен ростом влияния масонства на русское общество и участием масонских лож в революционном движении. В разгар революции Государь вызвал к себе начальника Департамента полиции А. В. Герасимова, который оставил воспоминания о разговоре с Царём: *«Государю Императору Николаю было тогда 36 лет. Его красивый облик, умные доброжелательные глаза, спокойный и серьёзный вид произвели на меня глубокое впечатление. Царь весьма интересовался вопросом о масонской ложе. Он слышал, что существует тесная связь между революционерами и масонами»*^[1918]. По непонятным причинам Герасимов был склонен преуменьшать роль масонов, фактически отрицая их участие в революции. Он пытался уверить в этом Царя, но его информация *«явно не убедила Государя, ибо он дал мне поручение передать Столыпину о необходимости представить исчерпывающий доклад о русских и зарубежных масонах»*^[1919].

Большую роль в революции 1905 г. сыграл так называемый раскольничий капитал, чьё участие в «красной» революции будет непонятно, если не учесть его принадлежности к тайным структурам, характер которых до сих пор не исследован. В данном случае речь идёт не о масонах, которые не представляли собой единой организации. Харак-

тер этого тайного сообщества трудно определить. Иногда его называют «старообрядческим сообществом», что, конечно, неверно. «Старообрядцами» себя называли самые разные религиозные направления, в том числе не имевшие никакого отношения к русской православной традиции. Многие из представителей этого тайного сообщества были выходцами из беспоповских согласий. Раскольники-беспоповцы не признают церковных таинств, церковной иерархии, имеют существенные отклонения от догматов Православия, а некоторые из них фактически переродились в опасные секты. Никакого отношения к Православию старого обряда беспоповцы не имели. Поэтому правильнее было бы именовать членов этого сообщества протестантами восточного обряда. В начале XX в. враги императорского строя делали ставку на тесное взаимодействие со структурами, имеющими конфликтные отношения с законом и социально-религиозным устройством Российской империи. Идеальным для проникновения разрушительных идей в самую гущу народных масс являлось сектантство. Расшатав религиозные устои общества, дезориентировав широкие слои населения, оторвав их от Православия, сектанты пытались лишить власть, имеющую в России сакрально-религиозный характер, главной её опоры: широкой поддержки народных масс. Современники отмечали необычайный рост сектантских общин и интереса к ним в конце XIX – начале XX в.

В начале XX в. ранее разрозненное сектантство стало при-

обретать организованные черты. Протестанты Запада и протестанты Востока искали возможность поддержать друг друга. Кроме того, произошло объединение тайных организаций Запада, русского сектантского сообщества и оппозиционно-революционных организаций России. В 1904 г. в США под эгидой Чарльза Крейна прошла встреча между будущим лидером кадетской партии П. Н. Милюковым и главой российских баптистов И. С. Прохановым, который был выходцем из секты молокан^[1920]. Милюков сказал, что «*Россия нуждается в доброй революции*». Проханов добавил: «*Россия нуждается в доброй реформации*»^[1921]. Революция и реформация, то есть уничтожение самодержавного строя и Русской Православной Церкви, – вот что объединяло баптистов и кадетов.

Говоря о причинах революции, конечно, нельзя не отметить роли спецслужб императорской Японии, чьё тяжёлое военно-экономическое положение ко второму году войны с Россией давало ясно понять правящим кругам Страны восходящего солнца, что её до крайности истощённые армия и экономика не выдержат дальнейшего противостояния. В этих условиях Токио делал ставку на поддержку революции в России. Ещё в 1903 г. японский резидент в России полковник Мотодзиро Акаси установил контакт с финскими оппозиционерами в Стокгольме и с их помощью контакт с эсерами. В 1904 г. японцы через народоволку В. И. Засулич установили в Париже и Швейцарии связь с лидером большевист-

ского крыла РСДРП В. И. Ульяновым (Лениным) и признанным лидером российской социал-демократии Г. В. Плехановым. Однако последний, несмотря на то что считал поражение России в войне «наименьшим из зол», отверг возможность сотрудничества с японским правительством. В отличие от него Ленин проявил к японским предложениям живейший интерес. Со своей стороны Акаси высоко оценил организаторские способности Ленина, о чём сообщал в Токио: *«Он пойдёт на всё ради своей доктрины. Ленин – это личность, способная вызвать революцию»*^[1922]. Согласно западным источникам, ссылающимся на японцев, Акаси выделил Ленину 50 тыс. иен^[1923]. В мае 1904 г. большевик В. Д. Бонч-Бруевич обратился в газету японских социалистов *«Хэймин Симбун»* с просьбой помочь в переправке социал-демократической литературы русским военнопленным. Согласие было немедленно получено, и русским пленным стала поступать большевистская литература и листовки.

В феврале 1904 г. японская разведка установила контакт с польскими социалистами, которые были готовы взаимодействовать с ней в организации беспорядков в Царстве Польском, воздействии на солдат польского происхождения в Маньчжурии, склоняя их к дезертирству. Тесно был связан с японскими спецслужбами польский социал-демократ Юзеф Пилсудский^[1924]. В мае 1904 г. он совместно с лидером *«Лиги Народовой»* Романом Дмовским находился в Токио, где получил от японской разведки 20 тыс. фунтов стерлингов для

проведения разведывательной работы, диверсий в тылу русской армии^[1925].

Осенью 1904 г. японская разведка через полковника Акаси финансировала объединенную конференцию в Париже российских оппозиционных сил, принявшую резолюцию о свержении Самодержавия. На встречах с лидерами российской революционной эмиграции Акаси настаивал на организации вооруженных повстанческих отрядов численностью до 100 тыс. человек. Японское правительство готово было вооружить эти отряды и снабдить их всем необходимым.

4 января 1905 г. на японские деньги большевики выпустили первый номер газеты «*Вперёд*»^[1926]. В этой связи «пораженчество» Ленина приобретает смысл не только политического убеждения. Уже в ходе революции, в феврале 1905 г., в Париже Ульянов встретился с несостоявшимся лидером рабочих бывшим священником Г. А. Гапоном. Они договорились об объединении сил большевиков и эсеров в подготавливаемом вооруженном восстании в Петрограде. Гапон говорил о необходимости переброски в столицу большого количества оружия, которое было решено закупить на средства японцев. Как стало известно русской разведке, такая закупка имела место весной 1905 г.

Наконец, следует назвать и социально-экономические причины революции. Они заключаются прежде всего в проблемах рабочего класса и крестьянства, которые были крайне политизированы силами, готовящими революцию.

К началу XX в. русский пролетариат из небольшой прослойки населения, каким он был в 60–70-е гг. XIX столетия, превратился в один из основных классов российского общества. К 1900 г. численность рабочих достигла 12 181 200 человек. Индустриализация России, стремительные темпы развития экономики приводили к строительству новых фабрик и заводов, что, в свою очередь, требовало увеличения числа рабочих, которое в основном восполнялось за счёт выходцев из деревни^[1927]. Многие рабочие поддерживали с ней постоянную связь, сохраняя во многом крестьянское мышление. Так, ещё в конце XIX в. на некоторых фабриках Московской губернии до 80 % рабочих летом уходили на полевые работы. Число таких «отхожих» рабочих постоянно росло, составив в 90-е гг. около 7 млн человек^[1928].

Попав в город, рабочие пытались копировать привычные формы хозяйствования, создавая рабочую артель наподобие крестьянской общины. Как и крестьянский мир, артель выбирала из своей среды старост, старшин и других выборных. Со временем она становилась влиятельным органом рабочего самоуправления на производстве. Но это самоуправление встречало непонимание и противодействие со стороны большинства владельцев заводов и их управляющих, которые вели производство по западному образцу. Таким образом, бывший крестьянин становился как бы придатком станка. Условия замкнутого пространства (фабрики), отсутствие привычной связи с природой, жёсткие временные рамки ра-

боты, царящая на заводах дисциплина – всё это угнетало вчерашнего крестьянина. Неудовлетворенность таким положением вызывала у рабочего человека чувство протеста, что нередко приводило к саботажу, пьянству, прогулам, забастовкам^[1929].

Именно в нравственно-бытовых проблемах, а не в «жесткой эксплуатации» таилось главное недовольство рабочего класса. Его материальное положение было нелёгким, но не катастрофическим, к тому же оно имело чёткую тенденцию к улучшению. При Императоре Николае II в 1897 г. был установлен нормированный рабочий день, который не должен был превышать в будние дни 11 часов, а в праздничные дни – 10 часов в сутки. Законодательно рабочий день был ограничен лишь в четырёх государствах Европы: Франции, России, Австрии и Швейцарии. Если сравнивать продолжительность рабочего дня в России и вышеназванных государствах в 1900–1903 гг., то эти цифры вполне сопоставимы. Так, во Франции рабочий день равнялся 10,5 часа, в Австрии и Швейцарии – 11 часам^[1930]. Правда, регламентация рабочего дня в России касалась только фабрично-заводских рабочих, то есть 21 % от общей численности рабочего класса. Остальные группы рабочих всецело зависели от хозяина. В 1898 г. на заводах вводится бесплатная медицинская помощь, в 1903 г. – должность рабочего старосты, разрешены забастовки. Молодой пролетариат, с его тяжёлой работой, только формирующейся системой социальной защиты, ста-

новился удобной средой для революционной агитации, что зачастую приводило к волнениям и даже столкновениям с войсками и полицией.

Представители революционных группировок старались примкнуть к любой забастовке, любому митингу, выдвигая политические лозунги и подстрекая рабочих на новые стачки и забастовки. Их число неуклонно росло: в 1893 г. на заводах, контролируемых Инспекцией труда, было 68 забастовок, в 1896-м – 118, в 1897-м – 145, в 1899-м – 189, в 1900-м – 125^[1931]. Неуклонно росла и численность рабочих, вызванная курсом Правительства на индустриализацию. Одновременно с ним росла и социальная напряженность в городах, особенно Петербурге и Москве.

7 мая 1901 г. на Обуховском военном заводе близ Петербурга^[1932] социал-демократическими и эсеровскими кружками, действовавшими под видом вечерне-воскресных школ, была спровоцирована забастовка, которая закончилась столкновениями рабочих с полицией и войсками, в ходе которых было убито и ранено 11 рабочих и 17 полицейских.

В марте 1903 г. в Златоусте рабочие местного завода, опять-таки при подстрекательстве социалистов, отказались принимать введенные по всей России трудовые книжки нового образца. Уфимский губернатор Н. М. Богданович пытался мирно разрешить конфликт, но огромная толпа двинулась на резиденцию горного начальника. Войска были вынуждены применить оружие, в результате было убито 42 ра-

бочих и членов их семей. Однако ленинская «Искра» из Швейцарии лгала о 250 убитых и назвала события «Златоустовской бойней». Эсеры приговорили Н. М. Богдановича к смерти. 6 мая 1903 г., в день рождения Императора Николая II, во время ежедневной прогулки губернатора в Ушаковском парке Уфы он был убит эсеровским боевиком Егором Дулебовым.

Таким образом, к 1905 г. в рабочей среде накопилось ярко выраженное недовольство, не связанное, однако, с конкретными требованиями. При умелой агитации было достаточно самого ничтожного повода, чтобы это недовольство выплеснулось наружу.

Другой социальной острой проблемой, о которой мы уже упоминали, было малоземелье крестьян европейской части России. На этом фоне появление в деревне фабричных рабочих, вчерашних односельчан, могущих позволить себе в материальном плане гораздо больше, чем крестьянин, вызвало у последнего чувство зависти и несправедливости. Между тем эсеровская агитация называла его главным врагом – помещика, который якобы владел во много раз большими наделами земли, чем крестьянин. Революционеры создавали у крестьян иллюзию, что, отобрав помещичью землю, они решат свою проблему малоземелья.

Подходил к концу 1904 г., полный трагизма и грядущей неизвестности, заканчивалось первое десятилетие царствования Императора Николая II. За этот срок удалось сде-

лать очень многое в области финансов, экономики, развития промышленности, улучшения жизни народа. Причём все реформы были проведены без надрыва, без ломки народного порядка жизни. Постепенность была главной чертой Императора Николая II как преобразователя: ведь решать приходилось важнейшие, фундаментальные задачи, от которых зависела не только жизнь каждого подданного, но и будущее всей необъятной Российской империи. Государь понимал, что любые преобразования неминуемо сопровождаются ошибками, недочётами, упущениями. Чем мягче и постепеннее эти преобразования осуществляются, тем легче и с меньшими жертвами удаётся эти ошибки и упущения исправлять. Нет сомнений, что эта единственно возможная в тех условиях тактика смогла бы найти оптимальные решения по всем вопросам государственной и хозяйственной жизни России. Но для этого требовалось время, терпение и единение всего русского общества, его действенная бескорыстная помощь Царю в его тяжелейшей миссии. Таких помощников было крайне мало, а непонимающих, критикующих, возмущающихся – слишком много. Увлечение немыслимыми реформами ради реформ, уверенность в благости западных образцов политического устройства, фрондирование и даже заигрывание с революцией – становились всё более популярными в русском обществе.

Известный художник А. Н. Бенуа вспоминал: «Я, многогрешный, нередко подливал масла в огонь, наслаждаясь

своим же собственным “священным негодованием” (против Правительства. – П. М.). Так было ещё когда царствовал не любивший шутки шутить Александр III, так продолжалось в усиленном тоне в дни его сына. Бывало, что такая беседа сбивалась и на более “революционный” лад – отчего было не поиграть с чем-то, столь далеким и непостижимым, как “ниспровержение существующего строя”?»^[1933] Как говорится – доигрались в 1905 г. Но никаких выводов не сделали, и «доигрались» во второй раз, уже окончательно, в 1917 г.

В обществе росла уверенность, что Самодержавие устарело, что оно не нужно и должно быть заменено «прогрессивными» формами государственного устройства. В своей борьбе с Самодержавием, большей частью словесной, общество не заметило, как оно начало воевать с Россией, злорадствуя по поводу ее военных неудач на фронте японской войны и всё более растущего политического террора. С другой стороны, на Государя давили правоконсервативные круги, требующие усиления полицейского давления, отказа от диалога с обществом, недопущения любых форм выборного представительства. Однако, кроме запретительных мер, ничего серьёзного эта часть общества также не предлагала. Начальник Канцелярии министра Императорского двора генерал-лейтенант А. А. Мосолов вспоминал: «Все признавали необходимость реформ, но почти никто не отдавал себе отчета в том, в чем они должны выразиться. Одни высказывались за введение либеральной конституции, другие – за назначение

совещательного органа, третьи – за диктатуру по назначению, а четвертые считали, что порядок и умиротворение должны быть водворены Государем диктаторскими приемами»^[1934]. К 1905 г. русское общество было расслабленным и нравственно расколотым. Этим не преминули воспользоваться силы революции.

1 января 1905 г. Государь записал в своем дневнике: «*Да благословит Господь наступивший год, да дарует Он России победоносное окончание войны, прочный мир и тихое безмолвное житие!*»^[1935] В тот день, когда Император Николай II делал эту запись, ему было не дано знать, что ничего из того, что он пожелал в 1905 г., исполнено не будет. До событий 9 января оставалось восемь дней.

В первые дни января 1905 г. обстановка внутри Империи всё более осложнялась. В Баку уже почти месяц шла всеобщая забастовка, которая наносила сильный урон русской нефтедобыче. Когда 4 января она закончилась, до Государя дошли сведения о готовящихся массовых беспорядках в Петербурге. На этом фоне Великий Князь Сергей Александрович заявил, что больше не может осуществлять обязанности генерал-губернатора Москвы. Мотивы подобного поступка со стороны Великого Князя до сих пор не очень ясны. Принято считать, что он категорически был не согласен с планами Святополка-Мирского ввести в России выборное представительство. Кроме того, Великий Князь, как генерал-губернатор, якобы должен был подчиняться министру внут-

ренных дел, а он этого делать не желал. На самом деле эти объяснения малоубедительны. Сергей Александрович прекрасно знал отрицательную позицию своего Августейшего племянника по поводу выборного представительства: именно опираясь на помощь своего дяди, Государь отверг пункт о выборном представительстве, и он не попал в Указ от 12 декабря 1904 г. Что касается Святополка-Мирского, то, разумеется, ни о каком подчинении ему дяди Государя речи быть не могло. Не подтверждается фактами и склонность Великого Князя Сергея Александровича к политике репрессий и запретов. Будучи генерал-губернатором Москвы, он старался опираться на «зубатовские» организации, идею которых горячо поддерживал, и на оказание большой социальной помощи рабочим, а не на казачьи нагайки и солдатские штыки. 15 января 1905 г. Сергей Александрович писал Великому Князю Константину Константиновичу: *«Рабочие и фабричные в Москве представляют элемент менее податливый революционной пропаганде, ибо я старался для них сделать всё, что мог в эти 4 года, устраивая кассы самопомощи, разрешая собрания в народных домах общ [ества] трезвости и целый ряд лекций в разных аудиториях, куда часто и сам ездил»*^[1936].

В принятии решения об отставке могли сыграть роль некоторые черты характера Великого Князя, как раз противоположные «жестокости» и приверженности силовым мерам. Дело в том, что отставка 1905 г. была далеко не первой

его попыткой покинуть свою должность, которой он явно тяготился. Первый раз Сергей Александрович пытался уйти в отставку после Ходынки, второй раз – после студенческих волнений 1901 г. и, наконец, в конце 1904 г. Каждый раз, кроме последнего, от отставки его отговаривал Государь, который хорошо знал, что, несмотря на благородство, мужество и высокую порядочность своего дяди, тот перед лицом политических трудностей склонен впадать в депрессивные, почти панические состояния. Между тем обстановка конца 1904 г. становилась всё более напряжённой и выход из неё многим виделся только в насильственно-полицейских мерах. В начале декабря 1904 г. в Москве прошли студенческие выступления. По словам С. Ю. Витте, в глазах властей *«центральным местом проявления смут, или, выражаясь более современно, революционного настроения, революционного движения была всё время Москва»*^[1937]. Страх перед тем, что ему, Великому Князю, возможно, придётся применять силу против народных и студенческих выступлений в его любимой тихой Москве, мог ввергнуть Сергея Александровича в растерянность и подавленность. Однако нельзя исключать и того, что со своего поста Сергей Александрович ушел по просьбе Государя, который сильно беспокоился за жизнь своего дяди. А. В. Богданович сообщает в своём дневнике 8 декабря 1904 г., что, по словам Эстляндского губернатора А. В. Бельгарда, *«Великий Князь Сергей Александрович не останется больше в Москве. Его там не по-*

жалеют»^[1938]. Об этом же писал в то время адъютант Великого Князя капитан В. Ф. Джунковский: «*Террористические акты в России стали учащаться, угрозы со стороны революционных комитетов сыпались на лиц, занимавших административные посты. Великий Князь Сергей Александрович также не избег этой участи – его систематически травил. Под впечатлением от всего этого в высших правительственных сферах нашли неудобным и опасным оставлять на посту московского генерал-губернатора Великого Князя Сергея Александровича, да и сам Великий Князь очень тяготился генерал-губернаторством*»^[1939]. Понятно, что под «высшими правительственными сферами» имеется в виду Государь.

Как бы там ни было, но накануне событий января 1905 г. Великий Князь Сергей Александрович находился не у дел. Правда, ему была сохранена должность Главнокомандующего войсками Московского военного округа. 1 января Николай II Высочайшим Указом учредил «*временное управление Московской столицей*». Должности генерал-губернатора и его помощника оставались временно незамещёнными, вместо Обер-полицмейстера вводилась должность Московского Градоначальника^[1940].

29 декабря в Первопрестольной было назначено собрание Общества распространения технических знаний. Было известно, что на нём собираются провозглашать противоправительственные требования. Великий Князь Сергей Алек-

сандрович не решился сам запретить это собрание, а обратился за этим к Святополку-Мирскому. Тот в свою очередь уклонился от этого шага, а между тем на собрании раздавались крики «Долой Самодержавие!» Государь был разгневан и 3 января написал Святополк-Мирскому строгое письмо, в котором говорилось, что *«теперешнее бездействие вполне равносильно преступному попустительству»*. 4 января Николай II вызвал Мирского и потребовал от него общего запрета на собрания. Мирский пустился в свою обычную демагогию, что *«для этого нужно всех запереть, объявить осадное положение»*. Государь прервал его словами: *«Ну что же, может быть, и придётся объявить»*. Святополк-Мирский снова запросил об отставке, на что Николай II заявил, что она произойдёт через неделю или две^[1941]. Таким образом, накануне революционных событий помимо Великого Князя Сергея Александровича испрашивали отставки министр юстиции Н. В. Муравьёв и министр внутренних дел князь П. Д. Святополк-Мирский.

Глава 2. Несостоявшаяся «весна» П. Д. Святополка- Мирского: «конституционалисты» и эсеры против Царя

Утром 15 июля 1904 г. министр внутренних дел В. К. Плеве выехал на Варшавский вокзал. Он должен был поездом в 9 час. 30 мин. отправиться в Царское Село для доклада Государю. Согласно имеющейся информации, в портфеле Плеве находились компрометирующие Витте бумаги, доказывающие связь последнего с революционным движением^[1942]. В. Н. Коковцов категорически опровергал эти слухи, утверждая, что после убийства Плеве в портфеле покойного *«не было найдено ни одной строчки, посвященной графу Витте»*. Тем не менее Коковцов признавал, что в письменном столе Плеве был найден Всеподданнейший доклад, к которому были приложены выписки из перлюстрации без указаний на авторов и адресатов. *«В одном из писем говорилось, что Витте состоит в самом тесном общении с русскими и заграничными революционными кругами и чуть ли не руководит ими, в другом же неизвестный корреспондент выражает своему адресату прямое удивление, каким образом правительство не знает об отношении человека, занимающего высший административный пост, к личности Царя,*

проникнутого самой нескрываемой враждебностью и даже близкого к заведомым врагам существующего государственного строя, и терпит такое явное безобразие. Обе эти выписки, несомненно, прочитанные Государем, были им возвращены Плеве без всякой резолюции и с простым знаком, удостоверяющим факт их прочтения»^[1943]. Начальник Департамента полиции А. А. Лопухин, однако, утверждал, что резолюция Государя на докладе Плеве была, и в ней с горечью признавалось, «как тяжело разочаровываться в своих министрах»^[1944].

Следует признать, что действия Витте во время событий, предшествующих 9 января 1905 г., и в особенности в октябрьские дни того же года, заставляют отнести к этим сведениям со всей серьёзностью. До сих пор не выяснена его причастность, косвенная или прямая, к организации убийства Плеве 15 июля 1904 г. на площади Варшавского вокзала эсеровским боевиком Е. Созоновым, бросившим в карету министра бомбу. Непосредственно организацией убийства Плеве руководил один из главарей «Боевой организации» Евно Азеф, являвшийся секретным сотрудником Охранного отделения и знакомый со многими представителями негласного полицейского начальства. Хорошо знал он и С. В. Зубатова, которому Витте, по крайней мере один раз, предлагал устранить Плеве. С другой стороны, имеются сведения об участии в убийстве министра внутренних дел другого сотрудника Охранного отделения, бывшего главы Заграничной

агентуры П. И. Рачковского, к тому времени находившегося не у дел, но сохранявшего тесные связи со своими агентами, в том числе и Азефом. В 1902 г. Рачковский был уволен Государем с поста главы Заграничной агентуры за многочисленные должностные злоупотребления именно по докладу Плеве, который указывал на особое покровительство Рачковским ряду иностранных коммерческих предприятий в России и его тесные связи с французскими политическими кругами и полицией^[1945].

Кроме того, Николаю II были известны связи Рачковского с Великим Востоком Франции и та деятельность, какую он вёл по противодействию планам Государя в борьбе с этой масонской организацией. Кстати, вполне возможно, что активная деятельность Рачковского против доктора Филиппа Низье была вызвана именно этим обстоятельством. Понятно, что Рачковский был сильно настроен против Плеве и в декабре 1902 г. писал Дворцовому коменданту генерал-лейтенанту П. П. Гессе: *«Вообще, я сильно ошибся в Плеве. Многие факты убеждают меня, что этот человек стремится к диктатуре, и, если его своевременно не оборвут, он причинит много бед Монархии и России!!..»*^[1946]

В январе 1904 г. Рачковский встретился в Варшаве с Азефом и посоветовал ему для поднятия своего авторитета среди революционеров совершить громкое политическое убийство высокопоставленного чиновника. При этом Рачковский сообщил, что: *«Плеве сумел убедить Государя Императора,*

что мои тайные агенты – это вовсе не агенты полиции, а только фиктивное прикрытие для настоящих революционеров. Он, в частности, ссылаясь на Вашу деятельность, и утверждал, что Азефа давно пора повесить»^[1947]. Тем самым бывший шеф Заграничного бюро дал понять провокатору, что Плеве опасен для них обоих. После встречи со своим негласным начальником Азеф приступил к организации покушения. Правда, сам Азеф категорически отрицал как своё знакомство с Рачковским, так и встречу с ним в Варшаве. Также сомневался в ней и новый начальник Заграничного бюро Л. А. Ратаев. Это позволило В. С. Брачеву сделать вывод, что, *«несмотря на пикантность версии о причастности Рачковского к убийству Плеве, каких-либо оснований для её поддержки не имеется»*^[1948]. Однако в этой встрече были убеждены агент эсеров в Охранном отделении М. Е. Бакай, проверявший его информацию о встрече Рачковского с Азефом, известный «разоблачитель» провокаторов В. Л. Бурцев и влиятельный эсер В. К. Агафонов^[1949]. Так что «пикантность» в этом деле остаётся.

В этой связи интересны оценки, какие давал Рачковскому Витте, называвший его *«одним из самых умных и талантливых полицейских, с которыми мне приходилось встречаться»*^[1950]. Если учесть, что Витте патологически не умел говорить ничего хорошего о ком-либо, кроме самого себя, такие комплименты в адрес Рачковского «дорогого стоят». Нет сомнений, что Витте и Рачковского связывали, по словам

А. В. Герасимова, «давнишние связи»^[1951]. Рачковский не раз выполнял для Витте различные деликатные поручения, связанные с хищениями *«без ведома своего начальства документов, относящихся к финансовым делам»* конкурентов Витте^[1952].

Не менее интересен факт, что именно Рачковский в 1905 г. установил связь с Г. А. Гапоном, что заставляет внимательнее отнестись к его роли в революционных событиях. Во всяком случае, вряд ли случайной была резолюция Государя на донесении начальника Департамента полиции П. Н. Дурново 24 января 1905 г.: *«Желаю, чтобы вы приняли серьезные меры к прекращению сношений Рачковского с французской полицией раз навсегда. Уверен, что вы исполните приказание мое быстро и точно»*^[1953].

Несомненно, что деятельность В. К. Плеве была в одинаковой степени опасной как для Витте, так и для Рачковского, по всей вероятности, по той причине, что министр слишком близко подошёл к их тайной деятельности, направленной на устранение видных деятелей Империи, а может быть, и самого Государя.

Император Николай II очень тяжело переживал убийство В. К. Плеве. В его дневнике от 15 июля 1904 г.: *«Утром П. П. Гессе принёс тяжёлое известие об убийстве Плеве, брошенною бомбою, в Петербурге против Вари[авского] вокзала. Смерть была мгновенной. Кроме него убит его кучер и ранены семь чел[овек], в том числе командир моей ро-*

ты Семёновского полка кап[итан] Цвецинский – тяжело. В лице доброго Плеве я потерял друга и незаменимого министра вн[утренних] д[ел]. Строго Господь посещает нас Своим гневом. В такое короткое время потерять двух столь преданных и полезных слуг! На то Его святая воля!»^[1954]

18 июля Государь присутствовал на отпевании В. К. Плеве. Невольно его мысль переносилась на два года назад, когда был убит другой его сподвижник, предшественник Плеве – Д. С. Сипягин. Между тем представители общества спешили выразить свою радость и удовлетворение по поводу убийства министра внутренних дел. Лев Толстой отозвался на преступление словами «это целесообразно», театральный критик А. В. Амфитеатров считал убийство «положительным фактом», С. Ю. Витте, не скрывая, «светился» от счастья, П. Б. Струве по поводу убийства устроил в Берлине праздничный обед^[1955]. Американский историк доктор Ричард Пайпс справедливо замечает по этому поводу: «Струве и другим либералам еще пришлось раскаяться за столь неосторожные высказывания, ибо очень скоро стало очевидно, что для террористов террор был образом жизни и направлен он был не только против самодержавия, но и против “путей к легальному и постепенному политическому развитию”. Но тогда, в той напряженной атмосфере, когда политика стала делом всякого наблюдателя, террористы вызывали широкое восхищение как борцы за свободу»^[1956]. Примечательно, что не только известные представи-

тели элиты рукоплескали злодеянию. Лидер земского движения «почвенник» Д. Н. Шипов, во многом являвшийся оппонентом Плеве, но, как христианин, глубоко возмущённый его убийством, вспоминал, как в день преступления один знакомый врач прислал ему по этому поводу письмо-поздравление, *«которое дышало радостью»*^[1957]. Известный журналист и инженер Н. А. Демчинский писал Государю: *«Ужас охватывает при мысли о том, что мы живём среди такой обстановки, когда после убийства служат благодарственные молебны вместо панихид, когда рознь между Правительством и обществом дошла до таких размеров, что несчастье ближнего становится предметом общей радости, если этот ближний принадлежал к противоположному лагерю!»*^[1958]

Убийство Плеве было очередным звеном в цепи политических терактов, которые подготавливала так называемая «партия социалистов-революционеров». На 1904 г. её «Боевая организация» во главе, которой стоял Б. В. Савинков, должна была осуществить убийства министра юстиции Н. В. Муравьёва, Великого Князя Сергея Александровича, Великого Князя Николая Николаевича и самого Императора Николая II. Нет сомнений, что зарубежные спонсоры эсеровской партии торопили Савинкова обезглавить русское государство накануне организованного мятежа. Савинков подгонял боевиков, игнорируя санкции эсеровского ЦК.

Между тем встал вопрос о назначении нового министра

внутренних дел. На Царя началось мощное давление со стороны так называемого либерального крыла, которое, конечно, хотело бы видеть в этом кресле С. Ю. Витте. Сам Витте был уверен, что станет министром внутренних дел, и уже готовил свою программу. И. И. Колышко много лет спустя, уже после смерти Витте, уязвлённый тем, как тот изобразил его в своих мемуарах, писал, обращаясь к умершему: «*Убили Плеве. Я никогда не видел Вас счастливее. Торжество так и случилось из Вас. Вы решили сами стать министром внутренних дел*»^[1959]. 4 августа 1904 г. министр юстиции Н. В. Муравьёв сказал Государю, что положение в стране «*отчаянное*» и что без «*общества управлять нельзя*»^[1960].

Николаю II было необходимо выбирать: либо назначать министром Витте, чего он крайне не желал, либо искать подходящую для общества фигуру, учитывая при этом, что большая часть элиты категорически была не согласна с продолжением курса Плеве. Так, высшее общество встретило в штыки намерения Государя назначить на должность министра внутренних дел Б. В. Штюмерера именно потому, что считало его «твердолобым консерватором». Особенно сильное давление шло со стороны окружения Вдовствующей Императрицы Марии Фёдоровны. Государь был вынужден с ним считаться, но не только потому, что любил и уважал свою мать. Как свидетельствуют источники, он с 1902 г. фактически игнорировал ее политические советы. Генерал В. А. Сухомлинов свидетельствовал, что Государь «отно-

сил ся к Марии Федоровне с большим вниманием и почетом. Вместе с тем, однако, сколько это мне было видно, к делу управления государством она не имела никакого отношения»^[1961]. Однако окружение Вдовствующей Императрицы имело сильные рычаги воздействия на многих влиятельных сановников Империи. Государь постепенно заменял их своими людьми, но почти каждый раз их убивали. Таким образом, Самодержавие Государя со стороны общества постоянно умахалося.

Поэтом у Николай II долго выбирал наиболее приемлемую фигуру на должность главы ключевого министерства, именно приемлемую, а не желанную. Наконец, его выбор остановился на генерал-адъютанте князе П. Д. Святополк-Мирском. Тот был известен тем, что в 1902 г. покинул пост товарища министра внутренних дел и шефа жандармов, так как считал некоторые репрессивные меры излишними^[1962]. По мнению Святополка-Мирского, «следовало проводить различие между подпольными революционерами и теми общественными элементами, которые возражали не против существующего порядка в целом, а лишь против произвола властей»^[1963]. Князь пользовался популярностью не только в либеральных и земских кругах, но и при Дворе Вдовствующей Императрицы Марии Феодоровны.

Только 25 августа Государь принял Святополка-Мирского и предложил ему должность министра внутренних дел. При этом Николай II рассматривал это назначение как меру вре-

менную, пока он не определится с дальнейшим внутривла-
дическим курсом^[1964]. На встрече с Государем князь преду-
предил его: *«Вы меня мало знаете, может быть, Вы счи-
таете меня единомышленником с двумя предшествовавшими
министрами; но я, наоборот, совершенно противных воззре-
ний; несмотря на мою дружбу с Сипягиным, я ведь должен
был уходить из товарищей министра по несогласию с поли-
тикой Сипягина. Положение вещей так обострилось, что
можно считать Правительство во вражде с Россией, необ-
ходимо примириться, а то скоро будет такое положение,
что Россия разделится на поднадзорных и надзирающих, и
тогда что?»*^[1965]

Государь молча слушал сентенции Мирского, лишь изред-
ка вставляя незначительные фразы. Так, когда князь сказал,
что он не умеет говорить и боится, что это может отрица-
тельно сказаться на его репутации в Государственном Совете,
Николай II заметил: *«Я тоже не умею говорить»*. В кон-
це аудиенции Святополк-Мирский заметил, что его главной
целью является покончить с противопоставлением «мы» и
«они», то есть «власть» и «общество». Государь на это отве-
тил: *«И я так думаю»*^[1966].

Мирский сразу попытался, впрочем, вполне искренно,
изобразить дело так, словно Царь предоставил ему самые
широкие полномочия по проведению нового курса. Собрав
отечественных и иностранных журналистов, князь заявил
им: *«Мы дадим земствам самую широкую свободу»* и фак-

тически поддержал идею созыва легального земского съезда. Сильное впечатление произвело его обращение к чиновникам министерства внутренних дел, опубликованное в прессе, в котором он говорил, что на своем опыте убедился, *«что плодотворность правительственного труда основана на искренно благожелательном и истинно доверчивом отношении к общественным и сословным учреждениям и к населению вообще»*^[1967]. В обществе сразу заговорили о наступившей «весне». Для усиления своих заявлений Мирский просил Государя помиловать высланных Плеве тверских земцев. На это Николай II ответил: *«Я должен Вам сказать, что все, что делалось по отношению тверского земства, сделано по личному моему желанию. Они конституционалисты, и я не хочу их миловать»*. Напрасно министр пытался уверить Государя, что *«конституционалисты совершенно не опасны»*, Царь своего решения не изменил^[1968].

Тогда князь решил опереться на «почвенное» крыло земского движения и предложил его лидеру Д. Н. Шипову подготовить программу съезда, поставив условием, что речь на нём должна идти только о земской хозяйственной работе. Государь на такой съезд своё согласие дал. Более того, он высказал свое положительное отношение к земству, сказав: *«Я земству вполне доверяю, они все хорошие, кроме тверского, московского и екатеринславского»*^[1969]. Однако при этом Николай II предложил Мирскому отложить съезд на 3–4 месяца, рассчитывая, что ему удастся найти больше консерватив-

ных и честных земцев-депутатов. Между тем все более ухудшающаяся обстановка на фронте делала проведение съезда опасным. Великий Князь Сергей Александрович и князь В. П. Мещерский убеждали Государя в пагубности политики Святополка-Мирского и убеждали в необходимости не проводить земский съезд. Но, с другой стороны, та же тяжёлая обстановка на фронте требовала от Правительства какого-то жеста в сторону умеренной земской оппозиции. Поэтому Николай II одобрил проведение съезда.

Однако той же осенью 1904 г. собравшиеся в Париже земцы-«конституционалисты» под влиянием П. Н. Милюкова и П. Б. Струве решили, не поставив «почвенников» в известность, принять на земском съезде антиправительственную резолюцию. Более того, «конституционалисты» решили использовать земский съезд как начало кампании по введению в стране конституции. 16 сентября 1904 г., совершенно неожиданно для Д. Н. Шипова, член Оргбюро съезда Ф. А. Головин поставил в повестку дня вопросы об общих условиях государственной жизни и о желательных в ней изменениях. Был также поставлен вопрос о необходимости введения конституции и основных гражданских свобод^[1970]. Несмотря на протесты Шипова, Оргбюро приняло эти вопросы в повестку дня. Шипову пришлось доложить об этом Святополку-Мирскому. Министр заявил о невозможности для власти дать разрешение на проведение съезда, а о других формах земского собрания он обещал сообщить после

аудиенции у Императора.

1 ноября министр заявил Государю, что *«охранительные интересы диктуют необходимость удовлетворения требований»* либеральной оппозиции. Он сказал, что *«по его мнению, обязательно участие выборных в законодательстве»*. На это Государь ответил: *«Да, это необходимо, вот им можно будет разобрать ветеринарный вопрос»*. Тогда князь переменил линию и рекомендовал не разрешать земского съезда, на что получил царское согласие, но разрешил земцам собраться на частное совещание. Об этом Святополк-Мирский сообщил в тот же день Шипову. Во все редакции журналов и газет был разослан циркуляр по личному приказу министра внутренних дел, запрещающий всякое упоминание о съезде в печати, а всем газетам был разослан специальный циркуляр, извещающий о запрете съезда^[1971].

Частное совещание состоялось 6–9 ноября, и практически сразу тон на нем задали сторонники *«Союза освобождения»* князь Д. И. Шаховской, князь П. Д. Долгоруков, князь С. Н. Трубецкой, князь Е. Н. Трубецкой, которые находились в родстве со многими высшими сановниками Российской Империи (они были родными братьями предводителя Московского губернского дворянства князя П. Н. Трубецкого, двоюродными братьями директора Департамента полиции А. А. Лопухина, находились в родстве с князьями А. Д. и Н. Д. Оболенскими, первый из которых был при Сипягине товарищем министра внутренних дел, а второй – управляю-

щим кабинетом Государя и близким к нему человеком) ^[1972]. Фактически против Самодержавной власти Государя Императора выступил цвет русской аристократии! Член Государственного Совета Н. А. Павлов дал весьма точное определение земскому съезду: *«Под флагом земства, частью из его среды, явочным порядком, никем не избранная, выделяется группа, созванная в Москве Шиповым (в числе 107 лиц): земцы приглашены без ведома земств. Это не оппозиция, а заговор. <...> Этот заговор организован придворными, титулованными, с ведома бюрократии»* ^[1973].

Николай II был прав, когда сказал Мирскому, что *«предводители дворянства тоже попали под влияние этого земского съезда»* ^[1974]. Они повели речь об изменении существующего строя. Собрание приняло постановление в пользу введения конституции и парламента. Так, по словам д. ист. наук А. Ф. Смирнова, *«западник англоман П. Н. Милюков восторжествовал над почвенником Д. Н. Шиповым, идея европейского парламентаризма взяла верх над принципами земской соборности»* ^[1975].

Сразу же после собрания земцев «освобожденцы» Милюкова и Струве организовали кампанию по преданию гласности его решений. Текст принятой резолюции, в котором требовалось ограничение Самодержавной власти, распространялся по многочисленным общественным и частным организациям, которые собирались для выработки своей позиции по государственным вопросам, и среди них студенты по-

чти всех высших учебных заведений России. Чтобы решения земского «съезда» распространились как можно более широко, «Союз освобождения» развернул кампанию банкетов (т. н. «банкетная кампания»), на которых поднимались то-сты за свободу, конституцию и Учредительное собрание^[1976]. Некоторые участники открыто восторгались террористиче-скими актами против Сипягина и Плеве. Д. Н. Шипов при-знавал, что *«агрессивное, воинствующее настроение, про-явившееся на банкетах, вступало в резкое противоречие с стремлением земского совещания к доброжелательному со-глашению с властью»*^[1977].

После провала Святополка-Мирского с земским съездом, князь заявил Государю, что это исключительно его, Свя-тополка-Мирского, вина. Николай II отнёсся к сообщению своего министра внешне спокойно, но потребовал циркуляр Мирского о запрете съезда. Когда Царь вернул его, то на нём была оставлена такая неодобрительная царская помета, что Мирский попросил своей отставки. Государь отставки не принял, заявив Мирскому, что ему случалось писать на бу-магах *«вещи гораздо хуже»*. Через два дня Мирский вновь обратился к Государю с просьбой об отставке, одновременно о ней же попросил и министр юстиции Н. В. Муравьёв. Ни-колай II записал в дневнике: *«Получил сразу две просьбы об увольнении от должности – от Муравьёва и Мирского. Вто-рое меня очень рассердило!»*^[1978] 22 ноября Царь в очередной раз принял Мирского, которому заявил своё недовольство,

что тот распустил печать и проводит свою политику^[1979]. Николай II был недалёк от истины. Святополк-Мирский, провалив земский съезд, решил составить свою программу преобразований и представить ее Государю во время доклада. Для этого он, прикрываясь якобы полученным царским согласием, 4 ноября поручил начальнику Главного управления по делам местного хозяйства МВД С. Е. Крыжановскому составить Всеподданнейший доклад с *«программой преобразования внутреннего строя Империи»*. Крыжановский не строил иллюзий по поводу того, кто был единственным инициатором этой программы – сам Святополк-Мирский, действовавший по собственному почину. Мирский настойчиво советовал Крыжановскому избегать в докладе слов, которых не любит Государь, в частности слово «интеллигенция». Над докладом работали две недели, но работа эта стала известна Николаю II, о чём он и высказал Мирскому.

Между тем Царь понимал, что на брошенный Правительству вызов земских «банкетов» надо реагировать. Ситуация, в которой прошли земский «съезд» и «банкетная кампания», была для государства очень опасной. Неудачи на Маньчжурском фронте лишь усугубляли её. Сначала Николай II решил пресечь возникшие в связи с «весной» и земским съездом иллюзии. 16 ноября 1904 г. он дал поручение князю Мещерскому: *«Составь мне проект рескрипта на имя Мирского – твёрдого и ясного. Главное, на что я желаю обратить внимание»* – это крест[ьянский] вопрос и губернская местная

реформа. Относительно земства нужно напомнить мою речь в Курске 1902 г. земству»^[1980]. В 1902 г. Николай II, обращаясь к представителям Курского земства, подчеркнул: «Земское хозяйство – дело первейшей важности, и Я надеюсь, что вы посвящаете ему все ваши силы. Я рад буду оказать вам всякое попечение, заботясь в то же время об объединении всех властей на местах. Помните, что признание ваше – местное устройство в области хозяйственных нужд. Успешно выполняя это призвание, вы можете быть уверены в сердечном Моём к вам благоволении»^[1981].

То есть Николай II ясно указал на недопустимость вмешательства земств в вопросы управления государством. То же самое он хотел повторить и в своём рескрипте 1904 г. Однако Государь от рескрипта в конце концов отказался. Обстановка требовала более осторожного подхода, иначе она могла выйти из-под контроля. Поэтому 18 ноября Царь согласился с предложением Мирского провести совещание для обсуждения политического курса, хотя и выразил своё сомнение в его эффективности^[1982].

Было намечено два совещания, целью которых, по словам Государя, было обсуждение мер, «которые надлежит принять, чтобы прекратить смуту последних месяцев»^[1983]. Первое состоялось 2 декабря^[1984] в Царском Селе и длилось два часа. На нём присутствовали: Великий Князь Михаил Александрович, С. Ю. Витте, К. П. Победоносцев, князь П. Д. Святополк-Мирский, В. Н. Коковцов, Н. В. Муравьёв,

А. С. Ермолов, князь М. И. Хилков, граф В. Н. Ламздорф, генерал В. В. Сахаров. Примечательно, что вначале Николай II не хотел присутствия на совещаниях К. П. Победоносцева и С. Ю. Витте. Первый, по словам Государя, *«будет говорить всё то же, что он говорит постоянно»*, а *«относительно второго отозвался, что Витте – франкмасон и ничего конкретно не скажет»*^[1985]. В конце концов Царь согласился на участие Витте в совещании, уступая просьбам Святополка-Мирского. Однако Государь немедленно уравнивал присутствие Витте на совещании участием в нём Победоносцева, которого просил *«помочь разобраться в этом хаосе»*^[1986].

Открывая совещание 2 декабря, Николай II спросил у участников совещания их мнение: какие меры надлежит принять в смысле удовлетворения желаний умеренного и благоразумного общества и вообще стоит ли идти навстречу этому обществу? Витте полагал, что *«самый вопрос, поставленный на совещании, для меня был признаком того, что Государь далеко ушёл в своём политическом мировоззрении, ибо ранее, когда мне приходилось при докладе говорить: таково общественное мнение, то Государь иногда с сердцем говорил: – А мне какое дело до общественного мнения»*^[1987]. На самом деле Витте, по обыкновению, лукавил, ибо дело было не в изменившемся «политическом мировоззрении Государя», а в том, что он осознал, что так называемое «общественное мнение» прочно срослось не только с либеральной оп-

позицией, но и со многими влиятельными представителями правящего слоя, не считаться с которыми Николай II не мог. Витте лукавит в своих мемуарах и дальше, живописуя, как он поддержал *«выборное представительство»*^[1988]. На самом деле, по меткому определению П. Д. Святополка-Мирского, Витте на совещании, по своему обыкновению, *«ви-лял»* и нельзя было понять его отношение к обсуждаемому вопросу^[1989]. Против выборочного представительства резко выступил К. П. Победоносцев, который указал, что *«Самодержавие имеет не только политический, но и религиозный смысл, и что Государь не в праве ограничивать свою власть, возложенную на него Божественным промыслом»*^[1990].

Выслушав все доводы участников совещания, большинство которых склонялось к учреждению выборного органа для обсуждения законов, Николай II предложил ограничиться собранием выделенных представителей земств и городов^[1991]. На этом был сделан перерыв, продлившийся четыре дня.

Обсуждение вопроса продолжилось утром 8 декабря и длилось четыре часа. К присутствующим на прошлом совещании присоединились Великие Князья Владимир, Алексей, Сергей Александровичи, барон В. Б. Фредерикс и управляющий канцелярией Комитета министров барон Б. Э. Нольде^[1992]. Великий Князь Сергей Александрович заявил, что Основные законы Империи не дают право Императору изменять государственный строй. В этом Великого Князя поддер-

жал Н. В. Муравьев и В. Н. Коковцов. Резким противником какого-либо представительства снова выступил С. Ю. Витте, заявивший, что «*Самодержавие с земством – несовместимы*»^[1993]. П. Д. Святополк-Мирский, А. С. Ермолов, член постоянной палаты Международного третейского суда со стороны России Э. В. Фриш и член Государственного Совета граф Д. М. Сольский выступили за введение выборного учреждения, которое бы занималось обсуждением законопроектов до прохождения их через Государственный Совет. Мнение этих участников поддержал в свою очередь и Великий Князь Владимир Александрович. Согласился с ним и Государь. Было решено включить в проект готовящегося Указа пункт 3 в следующей редакции: «*Установить способы привлечения местных и выбранных ими из своей среды лиц к участию в разработке законодательных предначертаний Наших до рассмотрения их Государственным Советом*»^[1994]. Граф А. А. Бобринский поспешил записать в дневнике, что «*на этом совещании решена полуконституция, созыв представителей страны, участие выборных в Государственном Совете и целый цикл либеральных реформ*»^[1995].

Между тем Государь не был уверен в правильности принятого им решения. Создание выборного органа, с неясными полномочиями и явно либеральной ориентацией, ломало вековую самодержавную основу без достаточной подготовки и слишком резко. Помимо этого, Царь не мог не замечать подозрительную активность Витте, стремившегося, как пред-

седатель Комитета министров, взять всё руководство по реформе в свои руки. Было ясно, что патологически властолюбивый председатель использует предоставленные ему полномочия лишь для укрепления своей власти. До Государя дошли слова Витте, сказанные им одному из великих князей: *«То, что в субботу будет опубликовано (Указ о введении выборного органа. – П. М.) удовлетворило бы публику три месяца назад, теперь – нет»*^[1996]. Поразительно, но точь-в-точь этими же словами будет объяснять в марте 1917 г. недостаточность введения Ответственного министерства и необходимость отречения Государя от престола председатель Государственной думы М. В. Родзянко. Цель Витте была многоходовой: взяв подготовку Указа в свои руки, оттеснить тем самым Святополка-Мирского, добившись его отставки, а затем добиться и отмены пункта о выборном представительстве, зная насколько Государь противится ему в душе. Таким образом, Витте возвращался во власть в качестве министра внутренних дел, «опоры престола». А. В. Богданович точно определила, что Витте стремится *«крепко захватить власть в руки»*^[1997]. Князь С. Н. Трубецкой писал в те дни, что у Витте *«только два двигателя: личное честолюбие и личная ненависть к Царю...»*^[1998]

Между тем Вдовствующая Императрица Мария Феодоровна *«была очень встревожена пунктом о выборных»*. В этом с ней был полностью солидарен Великий Князь Сергей Александрович. 11 декабря Государь вызвал Витте к 6 час.

вечера в Царское Село *«по вопросу об установлении окончательной редакции известного Вам указа»*^[1999]. Когда Витте прибыл к Государю, у него уже был Великий Князь Сергей Александрович. В его присутствии Николай II заявил, что его смущает пункт о выборных. Витте предложил, чтобы их рассмотрению подлежали лишь те вопросы, которые укажет Государь. Император заменил положение 3-го пункта об участии выбранных представителей в *«разработке законодательных предначертаний наших»* на слова *«по делам, нами указываемым»*. Но Николая II продолжали смущать слова *«общественные учреждения»*, и «потом», добавил он, по рассказу Витте, *«лучше не выборные, а по назначению»*. Тут Витте предложил вовсе исключить пункт о представительстве. *«Да, это самое лучшее будет»*, – сказал Государь и при одобрении Сергея Александровича зачеркнул пункт целиком^[2000]. При этом Николай II заявил: *«Я никогда, ни в каком случае не соглашусь на представительный образ правления, ибо я его считаю вредным для вверенного мне Богом народа, и поэтому я последую вашему совету и пункт этот вычеркну»*^[2001]. Разумеется, надо помнить, что вышеизложенные обстоятельства почерпнуты из воспоминаний Витте, источника крайне ненадёжного. Вполне возможно, что прав Р. Ш. Ганелин, который предполагал, что *«судьба п. 3 была решена ещё 9-го»*, во время встречи Государя, Вдовствующей Императрицы и Великого Князя Сергея Александровича, а Витте поставили уже перед свершившимся фактом^[2002].

Чем руководствовался Государь, отвергая положение о представительном органе? Тем, что Николай II ясно понимал, что на самом деле речь шла не о создании представительного органа для помощи Царю, а готовилась попытка введения парламентаризма и конституции, в пагубности которых для России Николай II не сомневался. Закрывая 8 декабря работу совещания, Государь: *«Не для меня, конечно, не для меня – для России, я признал, что конституция привела бы сейчас страну в такое положение, как Австрию. При малой культурности народа, наших окраинах, еврейском вопросе и т. д. Одно Самодержавие может спасти Россию. Притом мужик конституции не поймет, а поймет только одно, что Царю связали руки, а тогда – “Я вас поздравляю, господа!..”»*^[2003]

Обнародованный 14 декабря^[1904] г.^[2004] Высочайший указ Правительствующему Сенату не содержал положения о представительном выборном органе, но зато в нем было много важнейших нововведений по расширению прав и свобод подданных. Во вступлении к Указу говорилось: *«По священным заветам Венценосных предков Наших, непрестанно помышляя о благе вверенной Нам Богом Державы, Мы, при непрременном сохранении незыблемости основных законов Империи, полагаем задачу правления в неусыпной заботливости о потребностях страны, различая все действительно соответствующее интересам народа от нередко ошибочными и преходящими обстоятельствами навеянных*

стремлений. Когда же потребность той или другой перемены оказывается назревшею, то к совершению ее Мы считаем необходимым приступить, хотя бы намеченное преобразование вызывало внесение в законодательство существенных нововведений»^[2005]. Далее, в восьми пунктах указывалось на необходимость «принять действительные меры к охранению полной силы закона», «предоставить земским и городским учреждениям возможно широкое участие в заведывании различными сторонами местного благоустройства», «на фабричных заводах и промыслах, озаботиться введением государственного их страхования», пересмотреть «узаконения о правах раскольников, а равно лиц принадлежащих инославным и иноверным исповеданиям», принять «ныне же в административном порядке соответствующие меры к устранению в религиозном быте всякого, в законе не установленного, стеснения»^[2006].

Непосредственным результатом Указа было значительное усиление роли Комитета министров, который сделал «большой шаг на пути к объединённому министерству». Таким образом, неожиданно сильно возросла роль ранее малозначимого председателя Комитета. С учётом того, что этим председателем был С. Ю. Витте, такое усиление было явно опасно для Государя. Несмотря на ограниченные возможности Комитета министров, Витте на посту его председателя «взялся за дело со свойственной ему неудержимой энергией и страстностью». Он проводил «чуть не ежедневные экс-

тренинговые заседания» Комитета министров с участием Высочайших особ и приглашенных специалистов^[2007]. А. В. Богданович отметила в те дни: *«Идет такой разговор, что Витте ненавидит Царя, что он желает, чтобы Царь был убит, и к этому ведет политику, чтобы, когда Царя не станет, он, Витте, явился бы самодержавным»*^[2008].

Следует отметить, что изъятие из Указа пункта о представительстве всколыхнул умеренное консервативно-монархическое крыло, которое, так же как и либерально-земское, мечтало о народном представительстве, только не в западной, а в русской форме Земского собора. Разговоры о необходимости его созыва не прекращались с первых лет царствования Императора Николая II, что вызывало в правомонархической среде резкое отторжение. Ещё весной 1903 г. Н. А. Демчинский убеждал Императора Николая II в том, что *«Россия должна быть монархией и притом монархией абсолютной»*, а никакой Земский собор не нужен. Позже он писал Государю: *«Самое мощное сейчас слово – это Земский собор, но оно нам не нужно и, если бы оно было принято теперь, то в ближайшем будущем повело бы нас к кровавому террору. <...> Не Собор нам нужен, а сейчас, сию минуту нужны люди опыта, нужно вызвать из недр “земли” национальное творчество. <...> Нам нужно не собрание сословий как таковых, а собрание “богатырей” страны, именно богатырей, способных поднять на свои рамена тяжесть предстоящей им задачи»*^[2009]. Собрание этих «богатырей» Дем-

чинский предлагал назвать «Государева Земская Дума», при помощи которой *«Великий Государь хочет с Землей совет держать»*^[2010].

Не лишённые интереса предложения Демчинского, может быть, и получили бы дальнейшее развитие, если бы их автор не хвастался в широкой аудитории «царской милостью» и не давал бы для прочтения разным людям отрывки из своих проектов. В результате Государя рассердила чрезмерная огласка деятельности новоявленного «советника», и он потребовал от Плеве: *«Объявите Демчинскому, что я весьма недоволен тем обстоятельством, что он себе позволил распространять по городу его письмо ко мне “О проекте Земского собора”*. Разрешаю ему писать мне только по метеорическим вопросам, а, чтобы с остальным бы он ко мне не лез»^[2011]. Впрочем, это не помешало Демчинскому продолжать предлагать проекты государственного переустройства и дальше.

Выступали против идеи Земского собора и другие представители правомонархических кругов. Один из будущих лидеров «Союза русского народа», редактор «Московских ведомостей» В. А. Грингмут, считал попытку реанимировать Земский собор грубой ошибкой тогдашних славянофилов, которых он обвинял в политическом романтизме и безответственности. Грингмут писал: *«Они держатся не реальной, а какой-то именно мистической или эстетической политики: им хоть на 5 минут увидеть Царя в московском Кремле сре-*

ди Земского собора, а там хоть вся Россия провались!»^[2012]

Идею Земского собора активно поддерживали знаменитый издатель А. С. Суворин и секретарь Петербургского отделения общества любителей духовного просвещения генерал-лейтенант А. А. Киреев. Последний полагал, что для России есть два пути: *«или опрокинуться в конституцию, в правовой порядок и погибнуть, или вернуться домой»*, к Самодержавию и Земскому собору. Поддерживал идею Земского собора и философ В. В. Розанов, который был уверен, что, как только народ и Царь встретятся на Земском соборе лицом к лицу, *«тут же возродятся в любви к могуществу»*^[2013]. А. С. Суворин вообще считал созыв Земского собора панацеей от всех бед: *«Земский Собор соберёт всю русскую землю перед лицом Государя. Он услышит её искренний любящий голос. Как скоро образуется народное представительство, образуется единое и сильное правительство, чуткое к народным нуждам и к своей солидарности между собой и представительством. Мировой престиж русской монархии поднимется тотчас же»*^[2014].

Малопонятные и во многом утопические предложения по Земскому собору, не имевшие под собой никаких реальных механизмов реализации, не могли всерьёз восприниматься Властью.

Глава 3. Николаю II объявляют войну

6 января 1905 г. Церковь отмечала Праздник Крещения Господня. В 9 час. утра Император и Императрица покинули Царское Село и отправились в Петербург для участия в праздничном богослужении в Зимнем дворце. После него по вековой традиции Царь присутствовал при торжественном чине освящения воды. В Зимнем дворце имелся специальный Иорданский подъезд, к которому вела знаменитая великолепная Иорданская лестница. Через них Государь выходил к Неве, во льду которой возле Дворцовой набережной проби- валась специальная крестообразная полынья, а на самой на- бережной водружался царский шатёр. Водосвятие в присут- ствии Государя сопровождалось артиллерийским салютом с бастиона Петропавловской крепости и площади возле зда- ния Биржи. В 11 час. 45 мин., по окончании Божественной литургии, Николай II в сопровождении духовенства и сви- ты проследовал «на Иордань». Когда митрополит Антоний (Вадковский) совершал водосвятие, то в момент погружения креста по сигналу ракеты загредел салют артиллерийских батарей. В этот момент *«непостижимым образом в одном из холостых зарядов оказалось несколько патронов с пулями старого образца, которые перелетели Неву, осыпали часть Иордани, коробку подъезда и колонны Зимнего дворца, оста- вив на них заметные следы. Одной пулей ранило городского,*

две пули пробили верхние стёкла Николаевского зала и залетели в самый зал, упав под хорами»^[2015].

Присутствующий на водосвятии в качестве камер-пажа А. И. Верховский^[2016], стоявший непосредственно за спиной Императора, вспоминал, что, когда раздались залпы артиллерийского салюта, *«почти одновременно в окнах дворца слышался звон битого стекла, довольно сильный треск в куполе беседки, и к ногам Царя упал довольно крупный обломок дерева. <...> Великий Князь Владимир прошёл на ту сторону и, вернувшись, шепнул Императору, что во время салюта со стороны Васильевского острова по водосвятию и дворцу были произведены выстрелы, одним из которых перебило знамя Морского корпуса: никто из присутствующих в здании беседки ранен не был, но одному из городских, стоявших неподалеку от входа, пулей выбило глаз»^[2017].*

Обстрел картечью мог закончиться трагически, и Государь был на волосок от смерти: перебитое пулей знамя Морского корпуса находилось прямо за его спиной. Николай II встретил сообщение совершенно спокойно, осмотрел поврежденное знамя, отказался, как ему советовали, удалиться во дворец, и достоял весь церковный чин до конца. По его окончании Царь, не ускоряя шага, вместе с крестным ходом вернулся к себе. *«Я помню, – вспоминал А. И. Верховский, – что мне стало страшно жутко за него. Салют в 101 выстрел не прерывался, и каждую минуту можно было ждать новых попаданий. Но всё обошлось благополучно»*

но»^[2018].

Другой очевидец, начальник канцелярии МВД камергер Д. Н. Любимов, наблюдал за происшедшим из окон Николаевского зала Зимнего дворца: *«При третьем или четвертом выстреле в нашем окне наверху раздался треск разбитых стёкол. В то же время что-то ударило о боковую стену окна, отскочило и покатилось по паркету зала. Дамы посольства, стоявшие впереди, были осыпаны мелким стеклом. Они вскрикнули и бросились назад. В следующем окне произошло то же самое. Кто-то поднял один из катившихся шариков – это оказалась картечь. Нарядная публика сразу отхлынула от окон. <...> В окнах видны были круглые отверстия, не оставляющие сомнений относительно их характера: выстрелы были боевыми. Салют между тем продолжался. <...> Во дворце была паника. <...> К счастью, всё это происходило всего несколько минут, пока салют не прекратился»^[2019]. Из-за того, что народ отхлынул от окон, Любимов смог увидеть, что происходит на Иордани. К его удивлению и радости, там все было спокойно. *«Государь стоял окружённый великими князьями и военными; шествие начало двигаться обратно, несли знамёна и штандарты мимо Государя. Только сбоку было заметно какое-то замешательство в группе, где был градоначальник. Там под руки вели городского. Он был, видимо, ранен»^[2020].**

Из воспоминаний присутствующего на торжестве английского посла сэра Чарльза Гардинга и официального отчёта о

происшедшем стало известно имя раненого: городской Лесного участка Пётр Романов^[2021]. Вообще иностранных представителей было на церемонии много. Любимов вспоминает, что от волнения вся Николаевская зала говорила сразу почти на всех языках, кроме японского. По окончании богослужения, Государь вернулся в Зимний дворец. *«Он шёл в пальто, – вспоминал Любимов, – совершенно спокойный. Рядом с ним Великий Князь Владимир Александрович, что-то, волнуясь, ему докладывал».*

Сам Николай II 6 января оставил лаконичную запись в своём дневнике: *«Вышли к Иордани в пальто. Во время салюта одно из орудий моей 1-й конной батареи выстрелило картечью с Васильев[ского] остр. и обдало ею ближайшую к Иордани местность и часть дворца. Один городской был ранен. На помосте нашли несколько пуль: знамя Московского корпуса было пробито»*^[2022].

Между тем фактически речь шла о покушении на жизнь Государя. Примечательно, что камер-фурьерский журнал сразу 6 января определил происшедшее как *«несчастный случай»*^[2023]. Между тем официальное расследование, проведенное специальной комиссией под руководством Великого Князя Сергея Михайловича, установило, что выстрелы были произведены батареями дивизиона Гвардейской Конноартиллерийской бригады, которым командовал полковник И. М. Гаспарини. Непосредственно выстрел боевой картечью был произведён вторым орудием 1-го взвода 1-й Его Ве-

личества батареи, которой командовал капитан Г. А. Давыдов-2-й, а взводом поручик Н. А. Рот^[2024]. В результате дело было признано несчастным случаем и халатностью, капитан Давыдов и поручик Рот были переведены из Гвардии в армию. На этом «репрессии» и закончились.

Правда, многие сомневались в «несчастном случае» происшедшего. Л. А. Тихомиров в своём дневнике 8 января 1905 г. писал: *«Все военные единогласно высказываются, что события 6 января явное покушение, и что никакой такой случайности не могло быть. В публике почему-то есть слух, будто и это покушение идёт из самого Царствующего Дома, который-де крайне недоволен и говорит, что Государь погубит всех их»*^[2025].

А. И. Верховский также признавал: *«В обществе, несмотря на результаты расследования, осталось убеждение, что следствие умышлено скрыло следы произведённого покушения, так как невозможно было объяснить редчайшим совпадением случайностей всё, вплоть до того, что именно заряженное орудие оказалось наведённым на самую церемонию водосвятия»*^[2026].

Примечательно также и поведение министра внутренних дел князя П. Д. Святополка-Мирского. Сам он «по нездоровью» во время церемонии во дворце не был. Но когда Д. Н. Любимов, сразу же после завершения Иордани, прибыл к нему на квартиру с сообщением о случившемся, то застал князя взволнованно расхаживающим по кабинету. На сооб-

щения Любимова и прибывшего А. А. Лопухина министр встревоженно несколько раз повторил: *«Вот до чего довели!»*^[2027] К кому относились эти слова, Любимов не понял. На следующий день Мирский испробовал на своей легковой супруге отработанную им легенду о происшедшем, заявив, *«что неудивительно, что война так идёт, если 1-я Гвардейская батарея Собственная Его Величества стреляет по Государю по недосмотру. Пушки старого образца, новые отобранные и посланы на войну, картечь отдельно от заряда вкладывается, было накануне учение, и забыли вынуть картечь»* и так далее в том же духе^[2028].

Между тем в ГА РФ имеется любопытный документ: письмо к В. К. Плеве от 27 декабря 1903 г. некоего «преданного читателя “Нового времени”», в котором он указывал о возможности покушения на Государя во время чина освящения воды. «Читатель» писал, что *«выбранное для Иордани место в течение года не охраняется»*^[2029]. Этот же «преданный читатель» в 1908 г. в письме к П. А. Столыпину утверждал, что *«охраняющие Государя Императора не проявили должной предусмотрительности и допустили совершиться тому, что свершилось, то есть выстрел на Иордани. После этого Государь переехал на постоянное местожительство в Царское Село»*^[2030].

Если учесть, что 3 января 1905 г. в Петербурге началась забастовка на Путиловском заводе, ставшей застрельщицей событий, приведших к Кровавому воскресенью, а до него са-

мого оставалось неполных три дня, версия покушения на Государя в день Крещения Господня становится наиболее вероятной.

В январе 1905 г. готовила убийство Государя и группа Савинкова. Покушение подготавливалось ещё в конце 1904 г. Осуществить его должна была дочь якутского вице-губернатора и член БО эсеров психически неуравновешенная Т. А. Леонтьева. В начале января 1905 г. руководитель петербургского отряда террористов М. И. Швейцер доложил Савинкову, что *«положение Татьяны Леонтьевой в большом свете укрепилося настолько, что ей было сделано предложение продавать цветы на одном из придворных балов, на которых бывает царь. Бал этот должен был состояться в 20-х числах декабря. Леонтьева предложила убить царя на балу, и Швейцер согласился на это. Бал, однако, был отменён»*^[2031]. Выслушав Швейцера, Савинков заявил: *«Царя следует убить даже при формальном запрещении Центрального комитета»*^[2032]. Вполне вероятно, что Николай II получил информацию о повторении попыток покушения, и поэтому отбыл в Царское Село. Именно с января 1905 г. Александровский дворец Царского Села, расположенный в 20 верстах от Петербурга, стал постоянной резиденцией Царской Семьи^[2033].

Глава 4. Император Николай II и события 9 января 1905 г.

Покровители, организаторы и провокаторы

События 9 января 1905 г. в Петербурге вошли в историю под названием Кровавого воскресенья. Кстати, этот термин придумал английский журналист Эмиль Джозеф Диллон^[2034], в 1905 г. работавший постоянным корреспондентом в Daily Telegraph^[2035]. Как часто бывает, мы, увы, продолжаем пользоваться терминологией врага. Кстати, этот Диллон был *«большим другом»* С. Ю. Витте, которого он сопровождал в Портсмут во время переговоров о мире с Японией^[2036].

Кровавое воскресенье, наряду с Ходынкой и Ленским расстрелом, традиционно ставится в вину Императору Николаю II. Хотя к сегодняшнему дню вышли уже десятки исторических исследований и научных статей, полностью опровергающие рассказы большевиков о *«запланированной расправе коварного царя над несчастными рабочими»*, этот лживый миф по-прежнему продолжает жить в умах и представлениях многих людей как в России, так и за её пределами. Вот уже более ста лет памятью убитых петербургских рабочих, обманом заманенных в политическую ловушку, про-

должают спекулировать разного рода проходимцы от истории и политики, часто являющиеся и теми и другими одновременно. Они продолжают обслуживать изрядно замусоленный лживый миф, получая за это научные степени, звания и должности. На этом же мифе продолжают паразитировать некоторые политические партии и объединения. Циничная и подлая провокация эсеров, их заграничных и отечественных покровителей, стремившихся при ее помощи ниспровергнуть Самодержавный строй, и сегодня служит делу разрушения нашего Отечества. Точно так же, как революция 1905 г. стала первым «оранжевым» методом свержения власти, так же и 9 января стало первым в истории «Майданом». Невозможность «мирного» свержения Николая II путём навязывания ему всякого рода «конституционных» проектов привела врагов строя к неизбежности революции, начать которую решено было с провокации. Цель её была двойной: с одной стороны, она должна была послужить сигналом для начала мятежей по всей стране, а с другой нанести сокрушительный удар по мистическому восприятию Царя в народе.

Когда Государь 6 декабря 1905 г. покинул Петербург и отправился в Царское Село, подготовка к этой провокации уже давно шла в столице. Сценарий предстоящих событий начал прорабатываться ещё в марте 1904 г. Возникает вопрос: кто бы его автором? Известно, что главной движущей легальной силой 9 января было «Собрание русских фабрич-

но-заводских рабочих г. Санкт-Петербурга» во главе которого стоял иерей Г. А. Гапон. До 1902 г. он был главным священником Второго убежища Московско-Нарвского отделения Общества попечения о бедных и больных детях («Синий крест») и законоучителем детского приюта для трудолюбия святой Великой Княгини Ольги. Однако осенью 1902 г. из-за конфликта со священноначалием и за несданные экзамены в Духовной академии Гапон был исключен со своих должностей. Главной причиной увольнения стало тайное сожительство Гапона с одной из воспитанниц приюта А. Уздалевой. Несмотря на это вопиющее каноническое преступление, Гапон пользовался неизменной поддержкой митрополита Антония (Вадковского), кстати, весьма близкого к Витте. Именно благодаря владыке священник не только не был лишён сана, но и восстановлен в Духовной академии, которую успешно закончил в 1903 г. В том же году он получил должность священника при тюремной церкви Святого Князя Михаила Черниговского. Поздней осенью 1902 г. Гапон был приглашен в Департамент полиции, где его познакомили с заведующим Особым отделом С. В. Зубатовым. По словам последнего, с Гапоном ему предложила познакомиться местная администрация, которая «протезировала» батюшке, *«подавшему в градоначальство записку о желательности организации босяков»*^[2037]. В результате Зубатов предложил Гапону сотрудничество, на что священник согласился. На основании этого общепринятым стало утверждение о том, что Га-

пон был платным агентом Охранного отделения. На самом деле никаким агентом, в смысле платного осведомителя, Гапон не был, а Зубатов, судя по всему, видел роль популярного священника совсем в ином качестве. Объективный анализ событий как самого 9 января, так и предшествующих приводит к весьма вероятному предположению, что, помимо революционных сил и их заграничных спонсоров, в подобном развитии событий были заинтересованы и влиятельные силы петербургских верхов. Прежде всего это касается С. Ю. Витте и П. Д. Святополка-Мирского. Первый мог рассматривать эти события как прямой путь к окончательному приходу к власти, второй – как свою реабилитацию в глазах земской и либеральной оппозиции после провала «весны». При этом к началу 1905 г. Мирский полностью утратил свою самостоятельную роль и попал в полное подчинение к Витте, который, как и стоящие за ним силы, был недоволен политикой Николая II и теми реформами, которые он проводил в интересах большинства, а не какой-либо социальной или экономической группы. В этой связи роль Зубатова, как в той или иной степени «человека» Витте, не кажется нелепой. В секретной справке Охранного отделения Департаменту полиции, датированной приблизительно 1912 г., говорилось, что «Зубатов, тайно от министра внутр.[енних] дел^[2038], имел неоднократные сношения с гр. [афом] Витте, с которым велись собеседования по вопросам государственного устройства»^[2039]. В одном из писем В. Л. Бурцеву в 1906 г. Зубатов

признавал: *«Несомненно, я оставил много хороших людей на верхах административной лестницы, и они остались верными своей совести на своей дальнейшей службе. Трепов, князь Святополк-Мирский, граф Витте явились первоисточниками переживаемого движения»*^[2040].

Как бы там ни было, после опалы Зубатова именно С. Ю. Витте стоял у истоков создания гапоновской организации, выделив на ее создание испрошенные Гапоном деньги. В апреле было учреждено легальное общество под названием *«Собрание русских фабрично-заводских рабочих в г. С.-Петербурге»*. Число его членов стремительно росло: если в ноябре 1903 г. в организации Гапона состояло 30 человек, то в конце мая 1904 г. – 750 человек, а к осени этого же года – уже 1 тыс. 200 человек^[2041]. К концу 1904 г. в Петербурге и его окрестностях открылось 11 отделов «Собрания», в которых насчитывалось около 10 тыс. рабочих^[2042]. По существу, это была самая крупная пролетарская организация в России. Официально её целью было отвлечение рабочих от революционной деятельности, улучшение их быта, чтение религиозной литературы, борьба с пьянством и так далее. Разумеется, это вполне устраивало Департамент полиции, и он помогал Гапону деньгами и иным содействием. Однако, как позже признавался Гапон: *«Я с самого начала, с первой минуты водил их всех*^[2043] *за нос. Иначе ничего нельзя было бы сделать!.. На этом был весь мой план построен!..»*^[2044] В марте 1904 г. Гапон сосредоточил всю власть в

«Собрании» в руках так называемой «тайной пятерки». В состав этой «пятёрки», помимо самого Гапона, вошли наиболее ему преданные рабочие: Н. М. Варнашев, И. В. Васильев, А. Е. Карелин и В. И. Кузьмин. В основном это были социал-демократы. В марте 1904 г. Гапон представил «пятёрке» так называемую «Программу пяти». Она состояла из трех пунктов, каждый из которых состоял из несколько параграфов: первый пункт перечислял меры против невежества и бесправия русского народа; второй – меры против нищеты народной, а третий – меры против гнета капитала над трудом. Огласив эту программу, Гапон привлек на свою сторону влиятельных революционно настроенных рабочих, укрепив тем самым свою организацию. Тогда же Гапоном была выдвинута идея петиции к Царю, передать которую надлежало посредством огромного шествия рабочих Петербурга к Зимнему дворцу. Н. Варнашев вспоминал, что петиция *«рассматривалась как программа руководящей группы “Собрания”. Разработав программу своей организации, “пятерка” решила держать её в секрете и вести дальнейшую работу под флагом этой программы, не высказывая ее прямо, а постоянно при всяком удобном случае внедрять ее в сознание собиравшихся рабочих»*^[2045].

Сама идея о шествии вряд ли принадлежала одному Гапону. Она, зародившись у него в начале 1904 г., «совпала» с появлением на Путиловском заводе в качестве руководителя инструментальной мастерской П. М. Рутенберга, который

не только познакомился со знаменитым священником, но и стал его ближайшим соратником^[2046]. Рутенберг был членом ЦК партии эсеров (партийный псевдоним Мартын), близким товарищем главы «Боевой организации» Б. В. Савинкова, который и познакомил его с Гапоном. Сам факт того, что Гапон ко времени январских событий уже знал одного из самых кровавых террористов начала XX в., говорит о многом. Не вызывает сомнений, что это «знакомство» было специальным манёвром эсеров по установлению своего контроля над «Собранием фабричных рабочих». Здесь следует отметить, что Витте имел обширную агентуру среди эсеров. На это ещё В. К. Плеве указывал Государю, утверждая, что «*Витте красный, что все недовольные элементы в своей противоправительственной работе находят поддержку и опору в Витте*»^[2047]. И. И. Колышко уверял, что Витте имел выход на Гапона через чиновника для особых поручений Департамента полиции И. Ф. Манасевича-Мануйлова: «*При Гапоне Ванечка Мануйлов был в роли менеджера: возил его в редакции газет и в министерские приемные, сблизил Гапона с Тимирязевым и с Витте. Тимирязев, сыгравший в отношении Гапона роль Плеве в отношении Зубатова, поощрил развитие влияния ловкого попа на бунтовавших рабочих; а Витте притворился уверовавшим, что под сенью иконы и царского портрета рабочие явятся в руках Гапона и власти покорными овечками*»^[2048].

Изначально существовало две петиции: одна, написанная

Гапоном, была выдержана в «верноподданническом» стиле, а вторая, написанная группой Рутенберга, – в революционном. Помимо самого Рутенберга, её авторами были: видный деятель «Союза освобождения», один из авторов плехановской «Искры», активной участник зарубежной конференции в Париже масон В. Я. Богучарский (Яковлев), член руководящего органа «Союза освобождения» масон С. Н. Прокопович (руководил ложей, названной его фамилией), писатель масон В. Г. Богораз^[2049]. С Гапоном эти люди познакомились примерно тогда же, когда и Рутенберг – в начале ноября 1904 г., – самом начале января 1905 г.

Незадолго до событий 9 января инженер М. К. Парадовский был поражён, когда в беседе с ним Рутенберг *«только и твердил, что чем хуже Царю, тем лучше всем его подданным. Когда я сказал ему, что верноподданные Царя – это русский народ, и не Гапону быть представителем народа, Рутенберг рассмеялся и сказал: “Гапон – это пешка, и весь вопрос, кто эту пешку двигает”»*^[2050].

Смысл эсеровско-гапоновского плана заключался в следующем: прикрываясь легальностью «Собрания фабрично-заводских рабочих» и тем доверием, которым Гапон пользовался как у властей, так и среди рабочих, организовать многотысячное шествие к Царю якобы с целью вручения ему петиции-прошения об улучшении жизни рабочего люда. Тайно же петиция-прошение накануне выступления должна была быть заменена ультиматумом с радикальными эсеровски-

ми политическими требованиями. При этом основная масса рабочих не должна была знать об их существовании. Начавшись как православно-монархическое, шествие должно было закончиться столкновением с властью, в ходе которого со стороны рабочих были бы неминуемы жертвы. Результатом всего этого должно было стать всеобщее восстание, вождём которого был бы Гапон, а главной движущей силой – партия эсеров.

События, приведшие к трагическим событиям 9 января, начали развиваться постепенно. Начальник Петербургского охранного отделения подполковник Л. Н. Кременецкий докладывал директору Департамента полиции А. А. Лопухину, что во время рождественских праздников среди рабочих Путиловского завода распространился слух, что администрацией, по представлению мастера вагонной мастерской Тетявкина, уволено с завода без всякого предупреждения четверо рабочих якобы за то, что они принадлежали к гапоновскому «Собранию». 27 декабря его члены с Путиловского завода созвали экстренное собрание. Главным его инициатором был состоявший на учёте в Департаменте полиции рабочий Алексей Ребрантов. На собрании, на которое собрались 350 человек, было решено просить администрацию об увольнении Тетявкина и об обратном приеме на завод уволенных рабочих. Для этого посылались три делегации: к Градоначальнику, фабричному инспектору и директору завода^[2051]. Было также решено собраться 2 января на новое экстренное со-

бране для обсуждения результатов, достигнутых депутациями.

Следует отметить, что в конце декабря директор Путиловского завода С. И. Смирнов действительно уволил за недобросовестную работу рабочего Сергунина. Другой рабочий, Субботин, имел неоднократные прогулы, в связи с чем от него администрация завода потребовала оправдательный документ, но приказа об его увольнении не издавалось. Третий рабочий, Уколов, за систематические прогулы и нарушения трудовой дисциплины был на пороге увольнения, но, так как он дал обещание исправиться, был оставлен на заводе. Четвертый рабочий, Федоров, работал на заводе и увольнению или иному взысканию не подлежал. Однако рабочие директору не поверили и решили начать забастовку до тех пор, пока не будет уволен Тетявкин. Никаких других, тем более политических, требований рабочие не выдвигали. Когда среди них стали появляться агитаторы, предлагавшие идти делегациям под красными флагами, рабочие их сразу выгнали.

3 января около 13 час. на Путиловский завод приехал Гапон и привез с собой уже готовый проект требований к администрации завода: 1) восьмичасовой рабочий день, 2) работа в три смены, 3) повышение платы чернорабочим и женщинам, 4) улучшение санитарной части на заводе, 5) бесплатная врачебная помощь заводских врачей заболевшим работникам.

5 января 1905 г. министр финансов В. Н. Коковцов сооб-

щал в докладе Государю, что «вышеизложенные требования представляются незаконными, а отчасти и невыполнимыми для заводчиков. Рабочие не могут требовать сокращения рабочего времени до 8 часов, так как закон представляет заводчику право занимать рабочих занятиями до 11½ часов днём и до 10 часов ночью; в частности, для Путиловского завода, выполняющего экстренные и ответственные заказы для Маньчжурской армии, установление 8-часового рабочего дня и по техническим условиям едва ли допустимы»^[2052].

О противозаконности требований рабочих заявил на встрече с ними директор завода С. И. Смирнов. С этого момента, пользуясь недовольством рабочих, Гапон и его эсеровские подельники начинают стремительно раскручивать события. 3 января прекратили работу 12 тыс. 500 рабочих Путиловского завода, 4 января – 6 тыс. рабочих Франко-Русского и Судостроительного заводов, 700 рабочих Невской и Екатерингофской бумагопрядильных фабрик. 6 января уже бастовало 26 тыс. рабочих, 7 января – 105 тыс., 8 января – 111 тыс. рабочих. Главной силой всех забастовок было гапоновское «Собрание». Его активисты внимательно следили за тем, чтобы забастовки не прекращались, используя насилие против тех рабочих, которые призывали к их прекращению.

5 января митрополит Санкт-Петербургский Антоний дважды вызывал к себе Гапона, требуя объяснения относительно его деятельности, несовместимой с саном священника.

Однако Гапон не явился ни к митрополиту Антонию, ни в Санкт-Петербургскую Духовную консисторию.

6 января Гапон призвал рабочих пойти с петицией к Царю, но вновь скрыл от них революционный дух требований. Допрошенный в качестве свидетеля по обстоятельствам событий 9 января 1905 г. член «Собрания» кронштадтский мещанин В. А. Ямов показал: *«6 января Гапон стал убеждать рабочих идти в воскресенье 9 января на Дворцовую площадь, чтобы изложить свои просьбы Государю Императору. 7 и 8 числа у нас в собрании проходило ознакомление рабочих с содержанием петиции на Высочайшее имя, при чём редакция петиции неоднократно изменялась священником Гапоном, и только к вечеру 8 числа в ней появились требования политического характера»*^[2053].

Внесение в петицию политической составляющей произошло после совещания Гапона с представителями эсеров и социал-демократов. В окончательном виде текст петиции представлял собой политическую прокламацию самого радикального содержания: немедленный созыв Учредительного собрания, отделение Церкви от Государства, прекращение войны и т. д.

Всё это происходило на фоне странного бездействия властей и прежде всего министра внутренних дел Святополка-Мирского. С самого начала забастовок (заметим: на военных заводах во время войны) и вплоть до их трагического исхода министр не направил Градоначальству *«ни одной бу-*

маги или предписания по рабочему вопросу», более того, все время «вплоть до 7 января включительно» столичная полиция «руководилась взглядом министра внутренних дел о невмешательстве в эту забастовку ввиду ее мирного течения и отсутствия насильственных действий»^[2054]. Профессор Николаевской академии Генерального штаба Н. А. Богуславский сообщал в Департамент полиции: «Многие рабочие желают работать, но не смеют, опасаясь нападений забастовщиков. Полиция же им в охране отказала»^[2055].

7 января прокурор Петербургской судебной палаты Э. И. Уиич докладывал министру юстиции Н. В. Муравьеву: «На некоторых вышеперечисленных заводах и фабриках сегодня утром рабочие хотели приступить к работам, но к ним приходили партии рабочих с соседних заводов и убеждали прекратить работы, после чего и начиналась забастовка. В 4-м участке Спасской части арестовано 6 человек за подстрекательство рабочих к забастовке (по объяснению прокурора Санкт-Петербургского окружного суда преследование возбуждать не предполагается и задержанные подлежат немедленному освобождению). Рабочие держат себя на забастовавших заводах и фабриках совершенно тихо и спокойно»^[2056]. Поражает «законопослушная» беспечность окружного прокурора – прямое пособничество революционерам. В этот же день в районе 4-го участка Спасской части несколько большевистских агитаторов разбрасывали листовки «Долой войну!». На получаемые от прокуроров сведения

Муравьёв никак не реагировал.

Между тем Гапон продолжал усыплять власти и рабочих, скрывая от них свои истинные намерения. Он говорил своим революционным подельникам вечером 8 января: *«Завтра идём, но не выставляйте ваших красных флагов, чтобы не придавать нашей демонстрации революционного характера. Если хотите, идите впереди процессии. Когда я пойду в Зимний дворец, я возьму с собой два флага, один белый, другой красный. Если Государь примет депутацию, то я возведу об этом белым флагом, а если не примет, то красным, и тогда вы можете выкинуть свои красные флаги и поступайте, как найдете нужным»*^[2057].

Таким образом, по замыслу Гапона и революционеров, рабочие должны были стать массовой в преступном спектакле. 8 января Э. И. Вуич докладывал Н. В. Муравьёву, что гапоновское «Собрание» *«объявляет, что 9-го сего января, в 2 часа дня, все рабочие должны собраться у Зимнего дворца, где будет подана Его Величеству Государю Императору просьба о содействии к удовлетворению рабочих нужд»*^[2058].

Однако Департамент полиции уже имел агентурные данные, что готовится вооружённый мятеж. 8 января подполковник Кременецкий в секретной записке А. А. Лопухину сообщал: *«По полученным агентурным сведениям, предполагаемым на завтра, по инициативе отца Гапона, шествием на Дворцовую площадь забастовавших рабочих, намерены воспользоваться революционные организации сто-*

лицы для производства противоправительственных демонстраций. Для этой цели, сегодня, изготавливаются флаги с преступными надписями причем флаги эти будут скрыты до того момента, пока против шествия рабочих не станет действовать полиция; тогда, воспользовавшись замешательством, флагоносцы вынут флаги, чтобы создать обстановку, что рабочие идут под флагами революционных организаций. Затем социалисты-революционеры намерены воспользоваться беспорядком, чтобы разграбить оружейные магазины по Большой Конюшенной улице и Литейному проспекту»^[2059].

Накануне 9 января большевик С. И. Гусев в письме к Ленину сообщал: «События развиваются со страшной быстротой. Гапон революционизировал массу. Забастовка расширяется и, вероятно, станет общей. На воскресенье Гапон назначил шествие к Зимнему дворцу и подачу петиции с требованиями, вполне соответствующими программе-максимум (политической части)³⁷. Гапон предполагает, что будет 300 000 человек и предполагает запастись оружием»^[2060].

8 января Гапон составил письмо Николаю II, в котором говорилось, что «рабочие и жители г. Петербурга, веря в Тебя, бесповоротно решили явиться завтра в 2 часа пополудни к Зимнему дворцу, чтобы представить Тебе свои нужды и нужды всего русского народа». При этом Гапон призы-

³⁷ Имеется в виду «программа-максимум» партии большевиков.

вал Царя выйти к народу, предупреждая, что в противном случае *«прольется неповинная кровь»* и *«порвется та нравственная связь, которая до сих пор еще существует между Тобой и Твоим народом»*^[2061].

Гапон уверял, что послал в Царское Село двух рабочих, которые должны были передать его Царю. Разумеется, ни о письме, ни о каких-либо попытках его доставить в Александровский дворец никаких сведений нет. Во всяком случае, Государю никто ничего не передавал.

Одновременно с письмом Царю Гапон написал письмо Святополку-Мирскому приблизительно такого же содержания, в котором он призывал министра немедленно сообщить Государю о готовящемся шествии и ознакомить того с рабочей петицией.

А что же все это время делали власти? Они продолжали пребывать в бездействии и встречались с Гапоном. 7 января мятежный священник явился к Н. В. Муравьеву в особняк Шувалова на Итальянской улице, где находилось министерство юстиции, и заявил: *«Страна переживает серьезный политический и экономический кризис, каждое сословие предъявляет свои требования, жалуется на свои нужды, выражая их в своих петициях к Царю; настал момент, когда и рабочие, жизнь которых очень тяжела, желают также изложить свои нужды Царю»*^[2062]. После чего он вручил Муравьеву «эсеровский» вариант петиции. Весьма любопытно, что, к удивлению Гапона, у Муравьева уже был её дубли-

кат. Прочитав её, Муравьев воскликнул: «*Но ведь вы хотите ограничить Самодержавие!*» На что Гапон ответил утвердительно, заявив, «*что это ограничение было бы на благо как для самого Царя, так и его народа*»^[2063]. Поразительно, но министру юстиции почему-то не пришло в голову немедленно арестовать обнаглевшего смутьяна. А. В. Богданович записала в своем дневнике: «*Гапон был у Муравьева и держался там так развязно и нахально, что всех возмутил. Какое это у нас правительство, что не арестовало этого нахала, сколько жертв ещё у нас будет из-за этого анархиста в рясе!*»^[2064]

Расставаясь с Муравьёвым, Гапон патетически воскликнул: «*Немедля напишите Государю письмо, чтобы, не теряя времени, он явился к народу и говорил с ним. Мы гарантируем ему безопасность. Падите ему в ноги, если надо, и умоляйте его, ради него самого, принять депутацию*». А вот как Гапон разъяснял в узком кругу, как он собирался «гарантировать безопасность» Государя. На вопрос одного из его сподвижников: «*Ну, отче Георгий, <...> Вы знаете, как много говорили о событиях 9 января и как часто можно слышать суждение, что, прими Государь депутацию честь-честью, выслушай депутатов ласково, все обошлось бы по-хорошему. Ну, как вы полагаете, о. Георгий, что было бы, если бы Государь вышел к народу?*» совершенно неожиданно, но искренним тоном Гапон ответил: «*Убили бы в полминут, полсекунд!*»^[2065] Это же Гапон подтвердил уже в эмиграции

П. И. Рачковскому. На вопрос последнего *«верно ли, что 9 января был план застрелить Государя при выходе его к народу, Гапон ответил: “Да, это верно. Было бы ужасно, если бы этот план осуществился. Я узнал о нём гораздо позднее. Это был не мой план, но Рутенберга. Господь его спас”»*^[2066].

Вечером 7 января под председательством командира 1-го Гвардейского корпуса генерал-адъютанта князя С. И. Васильчикова состоялось совещание городских властей с гвардейскими офицерами и полицеймейстерами *«о совместном действии полиции и воинских частей»*^[2067]. Город был разбит на восемь районов. В Петербург поспешно были введены батальоны Лейб-гвардии Гренадерского, Преображенского, Финляндского, Семёновского, Уланского, Казачьего, Павловского, Егерского полков, а также 198-го пехотно-резервного святого Великого Князя Александра Невского полка. Они взяли под контроль электростанции, газовые заводы, Путиловский завод, фабрику Сыромятникова, мосты, перекрыли улицы и площади столицы. Однако войск и полиции было явно недостаточно для сдерживания толпы таких масштабов. По подсчётам большевика В. Д. Бонч-Бруевича, в войсках Петербургского гарнизона, призванных в город, находилось около 22 278 человек, а в войсках, прибывших на подкрепление, – около 8550 человек, итого около 30 828 человек пехоты и кавалерии. Примерно 31 тыс. против 300 тыс.! К тому же перед войсками не ставилось никаких конкретных задач, кроме обычного в таких случаях *«поддер-*

жания порядка».

На следующий день, 8 января, Гапон встретился с Петербургским Градоначальником генерал-адъютантом И. А. Фуллоном. Встреча происходила в здании Петербургского Градоначальства на углу Адмиралтейского проспекта и Гороховой улицы. На встрече Гапон представил Фуллону окончательный «эсеровский» вариант петиции. Градоначальник, так же как за сутки до этого министр юстиции, внимательно просмотрел резолюцию и, дойдя до пункта *«равенство перед законом всех без исключения»*, воскликнул: *«Но это настоящая революция! Вы угрожаете спокойствию столицы!»* ^[2068] При этом у Фуллона, как ранее и у Муравьёва, решимости задержать Гапона не нашлось, и тот свободно покинул здание Градоначальства.

Вечером 8 января 1905 г., после того как Гапон скрылся в неизвестном направлении, товарищем министра внутренних дел генерал-лейтенантом К. Н. Рыздзевским был подписан ордер за № 182 об аресте священника и *«о препровождении его для содержания под стражей в С.-Петербургскую крепость»* ^[2069]. Однако этот приказ не был выполнен. Когда генерал А. А. Мосолов в 20 час. позвонил по телефону К. Н. Рыздзевскому, чтобы узнать, как обстоят дела, тот сообщил, что только что вернулся с совещания у Святополка-Мирского, где принято решение Гапона арестовать, а манифестантов ко дворцу не пускать. Поздно ночью Мосолов вновь позвонил Рыздзевскому, чтобы узнать арестован ли Га-

пон. Рыдзевский сказал, что нет, так как «он засел в одном из домов рабочего квартала и для его ареста пришлось бы принести в жертву не менее 10 человек полиции. Решено его арестовать на следующее утро, при его выступлении. Услышав, вероятно, в моём голосе несогласие с моим мнением, он мне сказал: “Что же ты хочешь, чтобы я взял на свою совесть 10 человеческих жизней из-за этого поганого попа?” На что мой ответ был, что я бы на его месте взял на свою совесть и все 100, так как завтрашний день, по моему мнению, грозит большими человеческими жертвами»^[2070].

Итак, вечером 8 января власти уже чётко знали, что на следующий день предвидится огромное шествие народа в центр столицы. Знали они и о том, что руководящей силой этого шествия являются революционеры. Что сообщать Государю, что делать с Гапоном, как остановить шествие многотысячной толпы и, самое главное, как объяснить Царю своё столь долгое бездействие? Между тем Святополк-Мирский продолжал фактически способствовать успеху мятежников. Вечером 8 января на совещании у себя в министерстве, на набережной Фонтанки, он предложил допустить рабочих на Дворцовую площадь при условии, что они согласятся избрать депутацию. Против этого энергично выступили Муравьёв и Коковцов, назвав Гапона «ярким революционером»^[2071]. Витте на встрече у Мирского не присутствовал, но был информирован, что «на основании совещания, которое происходило 8 января вечером, было решено, чтобы ра-

бочих-манифестантов, или эти толпы рабочих, не допускать далее известных пределов, находящихся близ Дворцовой площади»^[2072]. Никакого приказа стрелять в рабочих не было. Одновременно была предпринята попытка запретить само шествие, в связи с чем было напечатано обращение к жителям столицы. Но так как вследствие забастовки работала всего одна типография, тираж этого обращения был ничтожно мал. В конце совещания Мирский успокоил собравшихся, заявив, что так как Государя в столице нет, то он, Святополк-Мирский, даст указание полиции заблаговременно предупредить об этом рабочих, поэтому все движение будет остановлено и никакого скопления на площади Зимнего Дворца не произойдет^[2073]. Как известно, министр этого не сделал.

Неясной, тёмной представляется в этих событиях роль С. Ю. Витте. Но не вызывает сомнений, что она была одной из ключевых. Как отмечал в те дни граф А. А. Бобринский: *«Из всего внутреннего хаоса выплывает карельская, хитрая, вероломная и умная фигура Витте»*^[2074]. В своих воспоминаниях Витте демонстрирует по поводу событий вокруг 9 января полную потерю памяти и незнание происходившего. Так, он не знал, встречался ли Гапон с Муравьёвым и Святополком-Мирским, ничего не ведал о приготовлениях властей, не знал точно содержание гапоновской петиции, копию которой, между прочим, он получил за несколько дней до 9 января^[2075]. На совещание к министру внутренних дел Вит-

те не пригласили, так как «Коковцов просил Мирского» его туда не приглашать. Между тем сам В. Н. Коковцов утверждал: *«Витте не мог не знать обо всех приготовлениях, так как кн. Святополк-Мирский советовался с ним буквально о каждом своем шаге. У С. Ю. Витте, несомненно, была чрезвычайно развитая агентура, освещавшая ему положение среди рабочих»*^[2076].

Поздно 8 января к Витте прибыла депутация представителей общественности: Максим Горький, Н. В. Пешехонов, Н. Ф. Анненский, И. В. Гессен и др. Они уговаривали председателя Комитета министров отменить распоряжение министра внутренних дел о воспрепятствовании силой движению рабочих к Зимнему дворцу. Однако Витте принялся долго объяснять, что он сейчас «не у дел», что он не имеет рычагов власти, что он в немилости у Государя и вообще всё это дело «не его ведомства». На прощанье Витте предложил им обратиться к Святополку-Мирскому и связался при них с ним по телефону. Но Мирский ответил, что ему всё известно и во встрече нет необходимости. Впоследствии многие из делегатов высказывали сомнение в искренности Витте. Известный чиновник И. И. Колышко, хорошо знавший Витте, так определил его роль в событиях 9 января: *«Быть может, шествие рабочих за справедливостью к Царю и не было задумано в “белом доме”*^[2077] *на Каменноостровском. Но Витте о нем знал и в предстоявшей свалке умыл руки – сомнения нет. И в роли председателя Комитета министров, и в*

качестве друга кн[язя] Мирского Витте мог до этой свалки не допустить»^[2078].

Тем временем Рутенберг и Гапон готовили город именно к боевым действиям с властью. Вечером 8 января на встрече с Гапоном Рутенберг достал из кармана карту Петербурга со сделанными на ней отметками и предложил свой план. Он состоял в том, чтобы строить баррикады, громить оружейные магазины и пытаться прорваться к Зимнему дворцу. План был одобрен Гапоном. Заранее были сформированы отряды эсеровских боевиков, которым было роздано оружие. Помимо эсеров, активно готовились к выступлению и большевики. Они сколачивали отряды, каждый из которых состоял из знаменосца, агитатора и «ядра», их защищающего, то есть тех же боевиков. Все члены РСДРП должны были явиться к местам сбора с транспарантами *«Долой Самодержавие!»*, *«Да здравствует революция!»*, *«К оружию, товарищи!»*. Большевики должны были находиться в колоннах и *«в подходящий момент призвать рабочих к решительной борьбе с Самодержавием»^[2079]*. В этот же день была принята вполне откровенная прокламация Петербургского комитета РСДРП: *«Такой тяжелой ценой, как одна петиция, хотя бы поданная от имени рабочих, свободу не покупают. Свобода покупается кровью, свобода завоевывается с оружием в руках, в жестоких боях. Не просить царя и даже не требовать от него, не унижаться пред нашим заклятым врагом, а сбросить его с престола и выгнать вместе с ним всю са-*

модержавную шайку – только таким путем можно завоевать свободу»^[2080]. Нечего сказать, весьма «мирным» должно было стать шествие 9 января!

В последние часы Гапон, Рутенберг и эсеровские агитаторы вели активную работу среди рабочих, убеждая их «стоять на смерть» за свои требования, до тех пор, пока Царь их не примет. Из воспоминаний одного из членов гапоновского «Собрания», на организованных митингах выступал только один оратор, другим говорить не позволяли. *«Он читал петицию, которая, по его словам, будет принята и на других собраниях. <...> Государь выйдет для принятия резолюции на Дворцовую площадь. Требуется немедленное прекращение войны, тайное и прямое голосование, ответственность правительства перед народом, общее обучение на государственственный счёт и Государь должен это сегодня подписать. <...> К оратору подошёл один из рабочих и сказал, что Государь уехал в Царское Село. “Ничего, вытребуем его”, – был ответ. На [моё] замечание, что это приведёт лишь к избитию толпы, был получен ответ, что я должен подчиниться постановлению»*^[2081].

Вопросы по поводу отсутствия Государя в столице рабочие задавали и Гапону. *«На одном из митингов одна старушка спросила меня: “А что если Царь-Батюшка долго к нам не выйдет? Мне сказали, что его нет в Петербурге?” “Да, ответил я, но он не далеко, в получасе езды от Петербурга. Мы должны ожидать его до глубокой ночи”»*^[2082].

Но Гапон заранее знал, на что он ведет людей: *«Великий момент наступает для всех нас, сказал я, не горюйте, если будут жертвы не на полях Манчжурии, а здесь на улицах Петербурга. Пролитая кровь сделает обновление России»* [2083]. Один из близких соратников Гапона, А. Е. Карелин, открыто признавал: *«Надо сказать, что ни у Гапона, ни у руководящей группы не было веры в то, что Царь примет рабочих и что даже их пустят до площади. Все хорошо знали, что рабочих расстреляют, а потому, может быть, мы брали на свою душу большой грех»* [2084].

Что знал Государь о происходящих событиях в Петербурге?

Имеющиеся документальные источники свидетельствуют, что Император Николай II вплоть до трагического дня 9 января не знал ни о масштабах, ни о целях готовящейся в столице акции. Причём однозначно можно сделать вывод, что Государя намеренно держали в неведении. Здесь надо остановиться на одном недоразумении, которое иногда можно встретить в научной и околону научной литературе. Оно заключается в том, что якобы в преддверии январских событий Император Николай II ввёл в Петрограде военное положение. Например, доктор ист. наук И. М. Пушкарёва утверждает, что *«6 января сразу же после инцидента, когда боевой снаряд, скорее всего по ошибке чуть было не попал в импе-*

раторский шатер у Зимнего дворца, начальник штаба войск и Санкт-Петербургского военного округа получил в устной форме распоряжение объявить в столице военное положение»^[2085]. Согласно И. М. Пушкарёвой, этот приказ был Николаем II сразу же отменён, так как «(видимо, еще до отъезда царя в тот же день в Царское Село) Коковцов успел сказать Николаю, что это может привести к обвалу курса русских ценных бумаг на европейских биржах». На примере творчества г-жи Пушкарёвой (доктор ист. наук!) мы можем наблюдать, как фальсифицируется история. Во-первых, в Российской Империи приказы о военном положении, даже Царём, «устно» не отдавались. Если бы Николай II счёл нужным объявить военное положение, он издал бы по этому поводу Высочайший указ, но такого указа в январе 1905 г. не было. Что касается утверждения о том, что Коковцов ещё до отъезда Царя в Царское Село успел убедить его в том, что военное положение может привести к обвалу курса русских ценных бумаг, то оно основано на откровенной компиляции документов. Во-первых, никаких сведений, что Государь принимал Коковцова 6 января, нет (не на ходу же он с ним обсуждал такие важные моменты). Сам Коковцов ни слова нигде об этом не говорит, тем более что он был у Государя 7 января, где принимал участие в совещании по поводу закупки военных кораблей. Во-вторых, эти «сведения» почерпнуты Пушкарёвой из дневника княгини Е. А. Святополк-Мирской, которая, касаясь поездки своего супруга в Царское Се-

ло поздним вечером 8 января, писала: «У П[епки]^[2086] было совещание с Муравьевым, Коковцовым и другими о мерах, которые следует принять, потом в 10 ч. П. поехал в Царское, чтобы просить, чтобы Петербург не был объявлен на военном положении, так как Фредерикс перед обедом приезжал передать об этом Высочайшее повеление. П. говорит, что ничего этим не достигается и только ужасное впечатление произвело бы. Коковцов в ужас пришел. Он говорит, что и без этого курс пал так, как ни разу за всю войну, и что в Париже все русские бумаги на предложении и никто не покупает»^[2087]. Таким образом, очевидно, что «ужас» Коковцова по поводу «биржевых бумаг», в интерпретации Святополк-Мирской, относятся не к 6 января, а к вечеру 8-го и говорил Коковцов их не Царю, а Святополку-Мирскому.

Далее, Пушкарёва продолжает передёргивать факты. Она пишет, что якобы после отмены военного положения 6 января, по словам Коковцова, решили, что «Государь не проведет воскресенье в городе, а полиция сообщит об этом заблаговременно рабочим и, конечно, все движение будет остановлено, и никакого скопища на площади у Зимнего дворца не произойдет». То есть, по Пушкарёвой, отменяя военное положение, «Николай знал, что в столицу уже вызваны войска и обстановка военного времени позволяет применять вооруженную силу в случае массовых беспорядков». Этим Пушкарёва хочет сказать, что на самом деле «военного отношения» не отменялось, а Царь был «готов к расправе» над ра-

бочими. На самом деле приводимый ею отрывок также относится не к 6, а к вечеру 8 января, и относится он опять-таки к совещанию у Святополка-Мирского, когда тот, обращаясь к участникам, в числе которых был и Коковцов, сказал: *«Еще в четверг^[2088], на его Всеподданнейшем докладе было решено, что Государь не проведет этого дня в городе, а выедет в Гатчину, полиция сообщит об этом заблаговременно рабочим, и, конечно, все движение будет остановлено и никакого скопления на площади Зимнего Дворца не произойдет»^[2089]*. Приведённые выше сведения полны неточностей и несуразностей. Во-первых, нет никаких сведений, что 6 января Святополк-Мирский был у Николая II со Всеподданнейшим докладом. Об этом молчат и камер-фурьерский журнал, и дневник Государя. Да и времени у Царя на этот приём не было: в 9 ч. утра он выехал из Царского Села, в 10 ½ был выход на Иордань, чуть не стоивший ему жизни, затем был торжественный обед, после него приём послов и посланников, затем отъезд в Царское Село. *«Обедали вдвоём и легли спать рано»*, – заканчивает свою дневниковую запись Государь. Затем непонятен пассаж с Гатчиной, в которую Николай II в те дни не собирался и не ездил, находясь безвыездно в Царском Селе. Непонятны и сведения о каком-то дне, в который Государь не собирался приезжать в город (надо понимать Петербург). Этим днём могло быть только 9 января, на которое было намечено шествие рабочих. Но дело в том, что 6 января эту дату Гапон назвал в первый раз среди членов

своего «Собрания», и о ней вряд ли знали даже в полиции. В общем, если Коковцов ничего не напутал, вся эта риторика использовалась Мирским для отвода глаз от его все более откровенного бездействия.

Теперь проанализируем дневниковую запись супруги Мирского^[2090]. Весьма сомнительными, если не попросту ложными, являются ее утверждения, что *«П. поехал в Царское, чтобы просить, чтобы Петербург не был объявлен на военном положении, так как Фредерикс перед обедом приезжал передать об этом Высочайшее повеление»*. Где это «повеление»? Почему о нём никто ничего не знал, кроме неё самой и, вероятно, её мужа? Вот отрывок из воспоминаний В. Н. Коковцова о совещании у Святополка-Мирского, на котором якобы было объявлено «военное положение»: *«Это было около 9-ти – 9½ часов вечера. Я застал в приемной министра: Градоначальника генерала Фуллона, товарища министра Трепова, Начальника штаба войск Гвардии и Петербургского округа генерала Мешетича,ждали еще В. И. Ковалевского, как директора Департамента торговли и мануфактуры, но его не оказалось дома, и он не участвовал в совещании. Да и совещание то было чрезвычайно коротким и имело своим предметом только выслушать заявление генералов Фуллона и Мешетича о тех распоряжениях, которые сделаны в отношении воинских нарядов для разных частей города, с целью помешать движению рабочих из заречных частей города и с Шлиссельбургского*

тракта по направлению к Зимнему дворцу. <...> Все совещание носило совершенно спокойный характер. Среди представителей Министерства внутренних дел и в объяснениях Начальника штаба не было ни малейшей тревоги. На мой вопрос: почему же мы собрались так поздно, что я даже не могу осветить дела данными фабричной инспекции, кн. Святополк-Мирский ответил мне, что он думал первоначально совсем не “тревожить” меня, так как дело вовсе не имеет серьезного характера»^[2091]. Где же Фредерикс с «Высочайшим повелением» о военном положении, где «пришедший в ужас» Коковцов? Что касается Фредерикса, то в дневнике Государя за 8 января отмечается только то, что он с ним завтракал. Между тем есть четкое свидетельство, что В. Б. Фредерикс не принимал никакого участия в обсуждении ситуации с гапоновским шествием. Когда генерал А. А. Мосолов утром 11 января прибыл к нему домой с докладом, то «нашел министра в сравнительно спокойном состоянии духа, так как за эти три дня он не выходил и не был осведомлен об истинном положении вещей»^[2092]. Очевидно, что ни о каком «военном положении» министр Двора даже не слышал.

О введении военного положения утверждает и покойный кандидат ист. наук С. Н. Семанов, который относит его введение аж к 7 января, когда «правительство совершенно неожиданно для себя оказалось перед лицом решительного выступления народных масс. <...> Утром к Фуллону явился начальник штаба войск Гвардии генерал-лейтенант

Н. Ф. Мешетич и заявил, что *“Петербург объявляется на военном положении и высшая власть переходит к князю Васильчикову”*»^[2093]. Опять-таки это утверждение не находит никаких документальных подтверждений. Князь Васильчиков не получил никакой высшей власти, и всё оставалось без изменений в руках Святополка-Мирского. Поэтому следует отнести утверждения о введении Николаем II военного положения в Петербурге к несостоятельным домыслам.

Здесь следует опровергнуть ещё одно недоразумение, о том, что приказ «о расстреле рабочих» отдал Великий Князь Владимир Александрович. Этот вздорный миф является сегодня «общепризнанным фактом». Надо сказать, что он зародился ещё в 1905 г., когда возмущенные художники В. А. Серов и В. Д. Поленов после январских событий написали заявление, требуя освободить Великого Князя от занимаемой должности Главнокомандующего войсками Гвардии и Санкт-Петербургского военного округа. Когда эти два живописца предложили подписать их заявление И. Е. Репину, то тот письмом ответил: *«Я бы с удовольствием подписался под Вашим заявлением, если б не знал, как далеко оно от правды. Войска в экстренных случаях выдаются в полное распоряжение полиции. И Великий Князь ничего не знал о том, что будет, – это уже не его компетенция»*^[2094].

Первые реальные сведения, которые получил Николай II по поводу событий в Петербурге, был доклад В. Н. Коковцова от 5 января. Что Николай II из него узнал? То, что в

столице бастуют несколько тысяч рабочих, в том числе и на военных заводах, требующих невыполнимых и противозаконных условий, что организатором этих забастовок является священник Гапон и «Собрание фабрично-заводских рабочих Санкт-Петербурга». Далее Коковцов сообщал, что считает эти события весьма тревожными и опасными, особенно после недавних событий в Баку. В связи с этим Коковцов предлагал 6 января собрать промышленников и обсудить с ними обстоятельства дела, дать им *«указания благоразумного, спокойного и беспристрастного рассмотрения всех предъявляемых рабочими требований»*. Что касается гапоновского «Собрания», то Коковцов высказал своё намерение обратиться по этому поводу к министру внутренних дел^[2095]. Николай II согласился с этими предложениями министра финансов. Собственно, этого было достаточно для начала запрашиваемых Коковцовым действий. Разумеется, никаких сведений о готовящемся шествии в докладе Коковцова нет, да он о нём ещё и не знал. Вообще, доклад Коковцова в целом был вполне успокоительным.

7 января Николай II с утра и до обеда (завтрака) руководил совещанием по вопросу приобретения аргентинских и чилийских крейсеров, чтобы усилить русский флот на Дальнем Востоке. Вплоть до позднего вечера 8 января Николай II ничего о масштабах забастовок не знал. Здесь следует отметить, что причиной этому была не только злая воля отдельных лиц. В Российской Империи было четкое разделе-

ние компетенций министерств и ведомств, и представитель одного из них не должен был вмешиваться в дела другого. Забастовки и демонстрации, если они не носили угрожающего характера, находились в компетенции министров внутренних дел и юстиции. Другое дело, что эти министры изначально знали, что подготовляемое Гапоном шествие представляет вопрос государственной безопасности, и молчали об этом.

Только поздно вечером князь Святополк-Мирский отправился в Царское Село. Камер-фурьерский журнал свидетельствует: *«Его Величество изволили принимать от 11 ч. 40 м. вечера министра внутренних дел Святополк-Мирского»*^[2096].

С чем министр приехал к Царю? Доложил ли он Государю о надвигающейся социальной буре? Ничего подобного, наоборот, всячески пытался представить ситуацию в Петербурге как незначительную, не стоящую внимания. Скорее всего, слова княгини Е. А. Святополк-Мирской о просьбе супруга просить Царя не вводить военное положение следует понимать в том смысле, что Мирский уверял Царя, что все находится под полным контролем и военного положения не требуется: *«В 10 ч. П. поехал в Царское, чтобы просить, чтобы Петербург не был объявлен на военном положении... П. тоже возил петицию Гапона и компании. Она касается почти исключительно политических вопросов, между прочим, чтобы по воле народа был заключен мир, и чтобы церковь была отделена от государства, чтобы был общественный*

контроль над правительством и т. д.; кончается тем, чтобы Государь сделал все это, а не только говорил, чтобы он принял из рук самих рабочих их петицию – “обещайся и поклянись, а то прольется кровь”. П. тоже получил письмо от них приблизительно того же смысла. П. говорит, что Государь совершенно беззаботен, согласился не объявлять военного положения, был очень любезен с П. и боялся, что он простудился. П. вернулся около 12-ти»^[2097]. Весьма сомнительно, чтобы Мирский возил Царю петицию Гапона, потому что если бы Николай II действительно ее прочел, то он бы не был так «беззаботен», как нас пытается уверить княгиня Мирская. Не вызывает сомнений, что вместо получения от Царя срочной санкции на самые решительные действия Святополк-Мирский, вводя Государя в заблуждение, просил его о мерах, которые создавали максимально благоприятные условия для кровопролития. Если бы Мирский сообщил реальную ситуацию в Петербурге, Николай II начал бы предпринимать конкретные шаги по предотвращению ситуации. Но этого как раз совершенно не хотели ни министр внутренних дел, ни его тайный руководитель С. Ю. Витте. Доклад Мирского Государю был вызван сознательным стремлением его дезинформировать, успокоить, убедить, что всё находится под контролем. Поэтому Государю было доложено та информация, которую он записал в дневнике, видимо, сразу после того, как переговаривал с Мирским: «Со вчерашнего дня в Петербурге забастовали все заводы и фабрики. Из

окрестностей вызваны войска для усиления гарнизона. Рабочие до сих пор вели себя спокойно. Количество их определяется в 120.000 чел. Во главе рабочего союза какой-то священник-социалист Гапон. Мирский приезжал вечером для доклада о принятых мерах»^[2098].

Как видим, в царском дневнике нет ни слова о готовящемся шествии, о петиции, её содержании, революционных боевиках, строящихся баррикадах, всего того, что знал и что обязан был доложить, но не доложил Святополк-Мирский. Дезинформировали Государя и по поводу 120 тыс. рабочих: это было чисто бастующих, в шествии же, по подсчётам полиции, должно было принять участие не менее 300 тыс. человек. Нельзя не согласиться с выводом Ф. Лурье: «Святополк-Мирский обманул Монарха. Он счел необходимым убедить Николая II, что в столице наступило спокойствие»^[2099]. Ещё точнее сказано в выводах Синодальной комиссии по канонизации святых Русской Православной Церкви в 2000 г.: «Доклад министра внутренних дел, ставивший своей целью добиться от Государя отмены военного положения в Петербурге, имел успокоительный характер и не давал представления об остроте и сложности положения в столице накануне беспрецедентного по масштабу и радикальности политических требований массового выступления рабочих».

Накануне событий 9 января Николай II оказался в полной информационной блокаде, организованной его ближай-

шим окружением. Если бы Император знал о выступлении рабочих заранее, он смог бы каким-то образом его предотвратить. Но, не имея никакой возможности этого сделать, он был обречен стать главной мишенью для обвинений со стороны революционеров, общества и обманутого, так же как и он, простого русского народа.

События в Петербурге 9 января 1905 г.

Утром 9 января 1905 г. началось шествие рабочих к Зимнему дворцу. С раннего утра люди стали приходить на заранее назначенные гапоновцами сборные пункты. Многие пришли с царскими портретами, были одеты аккуратно, даже нарядно. В Путиловской часовне отслужили молебен за здравие Государя. Около 11 час. началось движение колонн.

В этот момент перед своими боевыми отрядами выступил Рутенберг: *«Если нас не станут пропускать вперёд или будут делать нам притеснения, бросайтесь в сторону, ломайте оружейные лавки и с оружием в руках следуйте своей цели»*^[2100]. По распоряжению Рутенберга на Васильевском острове началось сооружение баррикад, которыми непосредственно руководил некий С. Н. Рехтзаммер. По сообщениям Охранного отделения, он утром 9 января занимался *«устройством баррикад на Малом проспекте Васильевского острова. Вызвал толпу на разграбление оружейной фабрики Шаффер, организовал разрушение телефонного и теле-*

графного сообщения, организовал нападение на Управление участка»^[2101]. Одновременно Гапон «подумал, что хорошо было бы придать всей демонстрации религиозный характер и немедленно отослал рабочих в ближайшую церковь за хоругвями и образами, но там отказались дать нам их. Тогда я послал 100 человек взять их силой, и через несколько минут они принесли их»^[2102].

Характерно, как вели себя в «религиозной процессии» революционные демонстранты: «Процессия двигалась под мощное пение “Спаси Господи люди Твоя”, причём, когда доходило до слов “Императору нашему Николаю Александровичу”, то представители социалистических партий неуместно заменяли их словами “Спаси Георгия Аполлоновича”, а другие повторяли “свобода или смерть”»^[2103]. По бокам колонн шли эсеровские и социал-демократические дружинники с целью не дать полиции оттеснить толпу и рассеять ее.

Первое столкновение рабочих с войсками и полицией произошло в 12 час. дня возле Нарвских ворот. Толпа в три тысячи человек двигалась к воротам, «неся с собой портреты Их Величеств, кресты и хоругви, насильственно, как оказывается, и самовольно взятые из часовни. Вышедшие ей навстречу чины полиции напрасно уговаривали не идти в город, предупреждали неоднократно, что в противном случае войска будут стрелять по ним. Когда все увещевания не привели ни к каким результатам, был послан эскадрон Конно-Гренадерского полка, чтобы заставить рабочих воз-

вернуться назад. В этот момент был тяжело ранен рабочим помощник пристава Петергофского участка поручик Жолткевич, а околоточный надзиратель убит. Толпа при приближении эскадрона раздалась по сторонам, а затем с ее стороны были произведены 2 выстрела из револьвера. <... Кроме того, одним из рабочих был нанесен удар крестом взводному унтер-офицеру»^[2104].

Как видно из рапорта начальника Нарвско-Коломенского района командира II бригады 1-й Гвардейской пехотной дивизии генерал-майора К. А. Рудановского начальнику дивизии генерал-лейтенанту А. Е. Зальца, первые выстрелы были сделаны не войсками, а по войскам, причем стреляли из толпы. Первыми жертвами 9 января стали не рабочие, а чины полиции и армии. Но даже после вооруженного нападения войска не открыли огонь. После того как эскадрон, встретив вооружённое сопротивление, отошёл, командующий двумя ротами 93-го пехотного Иркутского полка капитан А.Л. фон Гейне подал сигнал стрелять, который он повторял трижды. Не обращая на это внимания, толпа двинулась на войска и оказалась от них в расстоянии 200 шагов. Только после этого по толпе было дано пять оружейных залпов, в результате которых было убито и ранено более 40 человек. Толпа немедленно рассеялась. Раненым была немедленно оказана медицинская помощь, и они были отправлены в больницы.

Огонь по войскам был открыт и в другой части Петербурга, на Васильевском острове. Там отряд полковника Лейб-

гвардии Финляндского полка А. А. Скопинского-Штрика натолкнулся в самом конце Среднего проспекта на 10 баррикад, главная из которых была *«высотой около 1 ½ сажени»* и посередине неё развевался красный флаг. В 150 м от этой баррикады были устроены проволочные заграждения. Вокруг скопилась агрессивная толпа. Подойдя к баррикаде на расстояние 75 м, Скопинский, обращаясь к толпе, приказал разойтись, предупредив, что в противном случае он будет вынужден открыть огонь. В ответ послышалась нецензурная брань и призывы к солдатам перейти на сторону восставших. Скопинский дал команду солдатам готовиться к стрельбе, после чего многие с баррикады сбежали, но большинство осталось. Был дан залп по баррикаде, после чего отряд двинулся вперед. В этот момент из толпы по солдатам раздался револьверный огонь, в ответ на который отряд отвечал оружейными залпами^[2105]. Командир Лейб-гвардии Финляндского полка генерал-майор П. М. Самгин докладывал, что в ходе разгона толпы на Васильевском острове и разбора там баррикад *«войсками было задержано за вооруженное сопротивление 163 человека»*^[2106].

Две другие плотные колонны рабочих следовали к центру со стороны Выборгской и Петербургской сторон. В 12 час. у Нарвских ворот им перегородили путь 2 эскадрона гвардейских улан, которые пытались без применения силы оттеснить толпу назад. Однако она, пропустив кавалерию вперед, обошла её по бокам и продолжала следование к Троицкой

площади, где находились выстроенные 13-я, 14-я и 16-я роты Лейб-гвардии Павловского полка. Пристав 1-го участка Петербургской части подполковник Крылов, выступив вперед, обратился к толпе с призывом прекратить движение и повернуть назад. Толпа остановилась, но продолжала стоять. Тогда роты, сомкнув штыки, двинулись на толпу с криками «ура!». Толпа стала быстро расходиться, никаких жертв среди нее не было.

Самая внушительная колонна двигалась по Каменноостровскому проспекту в сторону Троицкого моста и подошла к ротам подполковника Крылова. Он приказал толпе остановиться и не двигаться вперед, но толпа продолжала двигаться в его сторону. Крылов трижды повторял предупреждение, что будет открыт огонь, что не возымело успеха. Тогда был дан приказ открыть огонь на поражение, и войска произвели выстрелы, убив и ранив свыше 40 человек. По рапорту Крылова: *«Немедленно мною было потребовано из пожарной команды Петровской части двое саней, на которых был отправлен на место случая врач Соболев вместе с фельдшером. Врач лично сообщил, что доставил в больницу 5 умерших, 10 смертельно раненых и остальных более или менее тяжело раненых, а всего между 50 и 60 человек»*^[2107].

К Дворцовой площади первая часть толпы вышла уже к 12 час. дня. Народ скапливался вокруг площади по прилегающим улицам и набережным, а также возле Александровского сада. Однако вплоть до 14 час. эти скопления удава-

лось рассеивать без применения оружия, действиями кавалерии и пехоты. Около 14 час. толпа стала значительно больше. Как докладывал командир Особого Гвардейского отряда генерал-майор Д. Г. Щербачев: *«Масса народа вела себя особенно вызывающе, не уступая никаким увещаниям и требованиям разойтись и отвечала бранью и насмешками на угрозы действовать оружием»*^[2108]. Только после неоднократных уговоров преображенцами было дано два залпа по толпе, в которой было убито 20 человек. Одновременно пришлось применить оружие и на Невском проспекте, где, по свидетельству солдат Лейб-гвардии Семёновского полка, по офицерам из толпы было произведено несколько выстрелов из револьверов.

Следует отметить, что войска всюду пытались предотвратить кровопролитие, действовать уговорами. Там, где не было революционных подстрекателей, всегда удавалось избежать жертв. Так, в районе Александро-Невской лавры, Рождественской и Московской частей никаких столкновений не было.

К вечеру все было закончено. По данным Департамента полиции, 9 января 1905 г. было убито 96 человек (в том числе 1 полицейский) и до 333 чел. ранено, включая помощника пристава^[2109]. 19 января в Официальном сообщении давались более уточненные цифры: *«Число пострадавших во время уличных беспорядков в Петербурге, по дополнительным сведениям, следующее: убитых было 96, а из числа 333*

раненых по настоящее время умерло 32 человека, из остальных 53 оказана была амбулаторная помощь, 17 человек уже выписалось из больниц и 231 остаются ещё в больницах, из них 19 числится в загородной Путиловской больнице и 215 раненых находятся в столичных больницах»^[2110]. Большевик В. И. Невский (Кривобоков), которого в симпатиях к монархии не заподозришь, писал, что убитых было не более 150–200 человек^[2111].

Однако с первого же дня после трагедии либерально-революционная, а затем и большевистская пропаганда, включая её т. н. историографию, лгали о «тысячах убитых». Ленин, для которого ложь была естественным и неотъемлемым состоянием личности, писал в газете «Вперед» 18 января 1905 г.: «По последним газетным известиям, журналисты 13-го января подали министру внутренних дел список 4600 убитых и раненых, список, составленный репортерами. Конечно, и эта цифра не может быть полной, потому что и днем (не говоря уже о ночи) невозможно было подсчитать всех убитых и раненых при всех стычках. Победа самодержавия над безоружным народом стоила не меньше жертв, чем большие сражения в Маньчжурии»^[2112].

Иосиф Сталин возвел вымышленное ленинское число в догму, и лакействующая советская историография вплоть до смерти «вождя всех народов» была вынуждена повторять эту ложь. Не брезгают этим и некоторые сегодняшние историки с докторскими степенями, являющиеся продолжате-

лями дела «великого Ленина». Так, уже цитируемая нами И. М. Пушкарёва пишет: *«Расстрел рабочей манифестации 9 января 1905 г. привел к гибели более 1 200 человек, а число раненых превысило 3 тыс. При этом власти стремились всячески преуменьшить количество жертв (сообщалось о 96 убитых и 333 раненых). Уточненные данные о погибших и раненых, превосходившие официальную статистику в 10 раз, собрала комиссия столичных присяжных поверенных, опрашивая очевидцев событий, работников больницы, посетив столичные кладбища. Причем нет никаких оснований подозревать ее членов в сознательной подтасовке данных об этом преступлении царских властей, ставшем результатом поразительного переплетения безответственности, равнодушия как самого монарха, так и аппарата государственной власти»*^[2113]. Доктору Пушкарёвой не дано понять, что царская власть отличалась от советской, что присущие для последней фальсификации, подписки и подчистки были немыслимы для русской статистики, считавшейся самой объективной в мире. И. М. Пушкарёва, как типичный представитель современной советско-большевистской школы, в очередной раз прибегая к её недостойным методам, отвергает не только официальную статистику, но и подсчёты своего духовного предшественника большевика Невского, ссылаясь при этом на некую *«комиссия столичных присяжных поверенных»*, которой читатель должен почему-то обязательно полностью доверять. Говоря об этой странной

«комиссии», Пушкарёва ссылается на книгу, в которой она сама же и является автором^[2114]! В том же опусе, касаясь подсчётов «комиссии присяжных поверенных», она ссылается на «*Красную летопись*»^[2115], а затем опускается до откровенного цинизма, когда пишет: «*Характерно, что ни один солдат или офицер в эти дни не погиб*»^[2116]. То есть для Пушкарёвой убитые и раненые полицейские и жандармы не являются людьми? Вот список сотрудников правоохранительных органов, убитых и раненых до 20 час. 9 января 1905 г.: 1) околоточный надзиратель Шорников: убит, 2) помощник пристава Петергофского участка поручик Жолткевич: тяжело ранен в спину, скончался от ран 10 января 1905 г., 3) рядовой жандармского дивизиона Горячев: тяжело ранен, 4) городской Еохан: тяжело избит^[2117]. Это жертвы только первого дня, а сколько их погибло ещё, неизвестно, так как «комиссия присяжных поверенных» точно так же, как и Пушкарёва, полицейских и жандармов за людей не считала, а потому в список жертв и не вносила, а нагло врала, что полицейские были «*убиты войсками, стрелявшими им в спину*». Собственно, удивляться этому вранью не приходится, когда читаешь фамилии «кристально» чистых членов комиссии: председатель комиссии – адвокат А. Н. Турчанинов, защитник на процессах всех террористов и царевбийц, начиная от Каракозова, нечаевцев, Соловьева и заканчивая «Народной волей»; М. М. Винавер, адвокат, будущий лидер партии кадетов, в 1904 г. читал лекции в Парижской высшей школе

общественных наук, масон^[2118]; О. О. Грузенберг, адвокат, выступал защитником Максима Горького, П. Н. Милюкова, Л. Д. Бронштейна (Троцкого), будущий видный деятель партии кадетов, масон; А. Я. Пассовер, адвокат, рвался защищать А. И. Ульянова, обвиняемого за подготовку убийства Императора Александра III, но брат Ленина от защиты отказался. Список этой «кристально чистой» команды адвокатов, государственных преступников и террористов можно продолжать, но смысла не имеет. Всё и так предельно ясно, так же как и с объективностью И. М. Пушкарёвой как историка. Вообще же после моря крови, которую пролили большевики после 1917 г., расстрелов ими рабочих демонстраций в защиту Учредительного собрания (Петроград, 1918), в Ижевске и Воткинске (1918), с требованием выдачи хлеба (Астрахань, 1919), с просьбой повышения заработной платы (Новочеркасск, 1962), уже не говоря о человеконенавистническом характере режима в целом, должно быть стыдно писать о «преступлении» 9 января. Но стыд явно не в чести у сторонников «марксизма-ленинизма» ни вчера, ни сегодня.

События 9 января 1905 г., конечно, были трагедией всероссийского масштаба. Их тайные высокие покровители, организаторы, провокаторы и исполнители полностью достигли своих целей. Цели покровителей наиболее точно выразила княгиня Святополк-Мирская: *«Брешишь пробита, и Государь, при всём нежелании изменить существующей строй, или если не он, то его заместитель должны будут это*

сделать»^[2119]. Цели организаторов выразил их «пешка» Георгий Гапон: *«Зверь Царь! Зверь Царь! Пули царских солдат, убивших за Нарвской заставой рабочих, нёсших царские портреты, прострелили и убили нашу веру в Царя. Так отомстим же братья проклятому народом Царю, всему его змеиному царскому отродью. <...> Смерть им всем! Стройте баррикады, громите царские дворцы и палаты, уничтожайте ненавистную народом полицию!»*^[2120] Цели провокаторов – эсер по кличке Огнедышащий: *«Какое величие замысла, использовать веру в Царя и Бога для революции»*^[2121].

Но 9 января 1905 г., как и Ходынская трагедия, отразила всё более набирающий силу духовный процесс деградации русского общества в целом, включая простой люд. Это очень точно подметил историк Д. Струков: *«В первый день русской революции воочию сказалась слабость религиозного сознания столичных рабочих. Обрядовая сторона для многих из них подменила реальную духовную жизнь. <...> Таким образом, 9 января, как и другие революционные события, было не закономерным и просчитываемым результатом социальных и классовых противоречий, а проявлением духовного кризиса»*^[2122].

Реакция Императора Николая II на события 9 января и принятые им меры

Государь узнал полную информацию о том, что произо-

шло в Петербурге 9 января в 22 час. 20 мин., от приехавшего с докладом Святополка-Мирского^[2123]. Николай II был потрясен, и в его дневнике в тот день появилась запись: *«Тяжелый день! В Петербурге произошли серьёзные беспорядки вследствие желания рабочих дойти до Зимнего дворца. Войска должны были стрелять в разных районах города, было много убитых и раненых. Господи, как больно и тяжело!»*^[2124] Еще накануне Мирский докладывал ему, что в городе сохраняется спокойная обстановка! Теперь тот же Святополк-Мирский говорил о многотысячном шествии, десятках убитых.

А. А. Мосолов вспоминал, что 10 января *«Петербург имел совершенно необычайный вид. На Невском проспекте ходила толпа оборванцев, видимо, из всех подвальных помещений окраин. Магазины были закрыты; электричество, почта, трамвай не действовали. На перекрестках улиц находились посты из нескольких нижних чинов. Эти посты были все как бы облеплены прохожими, сильно жестикулировавшими. Дворы больших зданий на ведущих к Невскому улицах были заняты пехотою, а за нею виднелась кавалерия, — одним словом, полная картина военного положения»*^[2125]. В секретных сводках Департамента полиции сообщалось: *«Озлобление во всех слоях общества страшное: им пользуются революционеры всех оттенков и склоняют народ вооружаться»*^[2126]. Полным ходом шли грабежи оружейных магазинов, была разгромлена оружейная мастерская «Шаф-Сыновья».

В Кирпичном переулке толпа напала на городских, на Морской улице избит генерал-майор Ф. М. Эльрих, на Гороховой избит капитан, на Невском проспекте толпа избивала мальчишку-юнкера, проезжавшего на санях. На Васильевском острове продолжали строить баррикады. По городу шныряли провокаторы, сыпавшие проклятиями в адрес Царя. Их подхватывала «вечно оппозиционная» интеллигенция. Поэт О. Э. Мандельштам писал: *«Любая детская шапочка, рукавичка, женский платок, жалко брошенный в этот день на петербургских снегах, оставались памятной меткой того, что Царь должен умереть, что Царь умрёт. Урок девятого января – цареубийство – настоящий урок трагедии: нельзя жить, если не будет убит Царь»*^[2127]. Интересно, вспоминалась ли ему эта фраза 27 декабря 1936 г., когда он умирал от голода и тифа в санчасти отдельного лагпункта СВИТЛ НКВД?

По сообщениям генерала И. А. Фуллона: *«Полиция совершенно выбилась из сил и положительно справиться с подавлением беспорядков не может. Каждые полчаса получают известия о том, что открываются новые очаги беспорядков. Помощь войск настолько неумелая, что мне вовсе не помогает. Есть причина опасаться, что часть крамольников может отправиться в Царское Село»*^[2128]. Князю Васильчикову шли доклады от командиров частей, что нельзя исключать волнения и в войсках.

Николай II понимал, что его министры не только не спра-

вились со своей задачей, но и вводили его в заблуждение. Повсюду таилась измена и малодушие, почти в каждом нельзя было быть уверенным полностью. Императрица Александра Феодоровна писала в те дни своей сестре принцессе Виктории Баттенбергской: *«Крест моего бедного Ники очень тяжёл, тем более, тем более, что у него нет никого, на кого он мог бы вполне положиться и кто мог бы быть для него реальной помощью. Он пережил много разочарований, но остаётся мужественным и полным веры в Божие милосердие. Он так старается, он работает с таким упорством, но велика нехватка людей, которых я называю “настоящими”»*^[2129]. В этом письме Императрица прямо говорит о тех, кого Государь считал своими врагами: *«У нас есть два умных человека, но оба слишком опасны и нелояльны. Министр внутренних дел наносит большой вред – он заявляет о великих делах, не подготовившись к ним. <...> Реформы надо проводить мягко, с большой осторожностью и продумано. <...> Все эти беспорядки происходят от его неприспособленной глупости, и он не верит тому, что говорит ему Ники, не соглашается с его точкой зрения»*^[2130]. Имя второго министра Государыня не раскрывает, но из контекста письма очевидно, что это – Витте. Продолжая письмо, Императрица обращает внимание на жуткий кадровый голод, который испытывает Царь: *«Если бы его отец (Александр III. – П. М.) встречался с большим количеством людей, которые могли бы занять необходимые посты; а теперь у нас только*

старики или очень молодые, некого привлечь. Его дяди бесполезны: Михаил всё ещё милое дитя»^[2131]. А. А. Мосолов полностью подтверждает эти мысли Государыни, когда пишет: «Оскудение в России в эту эпоху государственно мыслящими и работоспособными людьми было прямо катастрофическим. Я помню раз, после одного из посещений императора Вильгельма, Государь рассказал, что Вильгельм ему рекомендовал при назначении всякого лица на высшую должность одновременно вписывать в секретный список лицо, могущее его заменить. При этом Государь выразился так: “Хорошо ему говорить об этом. Когда я, после больших потуг, нахожу лицо, более или менее подходящее на высокий пост, то уже второго никак не найду. Видимо, в Германии больше лиц, подготовленных для занятий высоких должностей”»^[2132].

Первым делом Царю надо было избавиться от нелояльных министров и по возможности их ставленников. Однако делать это надо было очень осторожно, максимально ослабив позиции главного интригана С. Ю. Витте, формально не отстраняя его от должности, но подчинив военному диктатору.

11 января вышел Высочайший Указ, в котором говорилось: «События последних дней в Санкт-Петербурге указали на необходимость прибегнуть к исключительным по обстоятельствам времени мерам, в видах охранения государственного порядка и общеизвестной безопасности. С этой целью Мы признали учредить должность С.-Петербургско-

го Генерал-губернатора»^[2133]. Ему подчинялись Петербург и Петербургская губерния, все местные гражданские управления и учебные заведения, все жандармские и полицейские власти, все казенные фабрики и заводы. Накануне, 10 января, Николай II в дневнике так и обозначил задачу генерал-губернатора: *«объединить действия по прекращению беспорядков в Петербурге»*. На должность генерал-губернатора Государь назначил Свиты генерал-майора Д. Ф. Трепова. С. С. Ольденбург характеризовал его как *«человека твёрдого, глубоко преданного Государю, обладавшего бесстрашием и здравым смыслом, хотя и мало искушенного в политических вопросах»*^[2134].

11 января Государь принял генерала Трепова в Царском Селе, объявил ему о назначении, а затем долго обсуждал с ним меры по наведению порядка в Петербурге. Назначение Д. Ф. Трепова тем более примечательно, что, несмотря на свою личную преданность Государю, он был сторонником конституции. Во время приёма при назначении генерал сказал Николаю II, что *«считает необходимым систематическою строгостью восстановить порядок в России, но одновременно с этим вводит постепенно и последовательно либеральные мероприятия, клонящиеся к установлению конституционного порядка»*^[2135]. Однако Николая II совсем не коробили подобные высказывания «диктатора», так как он им не придавал никакого значения, в преданности же Трепова себе лично Царь был уверен. Устоявшийся миф о генера-

ле Д. Ф. Трепове, которого называли чуть ли не соправителем Государя в годы первой революции, опровергается, помимо прочего, письмом Императора Николая II Вдовствующей Императрице Марии Феодоровне. Царь писал, что *«Трепов для меня незаменимый секретарь. Он опытен, умен и острожен в советах»*^[2136]. С. В. Фомин отмечает: *«Обладая значительной властью, Д. Ф. Трепов был ограничен волей Царя, всегда оставаясь одним из подданных. Приписывая диктаторскую роль Трепову (как затем и П. А. Столыпину), современники и позднейшие исследователи не учитывали решающий фактор – позицию самого Николая II. Этот последний русский Венценосец, о котором существует устойчивое мнение как о нерешительном, подверженном влияниям человеку, на самом деле практически никогда не шёл на противоречащие его убеждениям меры. Он быстро и навсегда отделял от себя людей, пытавшихся давать неприемлемые для него советы»*^[2137]. Для обеспечения безопасности нового генерал-губернатора Николай II выделил ему квартиру в Зимнем дворце.

Введение Государем должности Градоначальника и назначение на неё Д. Ф. Трепова, вызвали страшное негодование Витте и открытый протест его ставленников. Когда Трепов потребовал от начальника полиции А. А. Лопухина *«к следующему утру прислать доклад о всех распоряжениях, сделанных за январь, и впредь держать его в курсе своих распоряжений»*, то Лопухин ответил, что не считает себя впра-

ве исполнить это требование Трепова. Тогда Градоначальник *«заявил ему, что в таком случае он завтра утром представит министру внутренних дел требование об исполнении вышесказанного на основании имеющегося у него на то Высочайшего повеления, добавив к этому, что делает Лопухина лично ответственным за то, что он, Трепов, доедет благополучно до Зимнего дворца»*^[2138].

Между Государем и Градоначальником сразу сложились доверительные отношения. А. А. Мосолов: *«Император, дав Трепову эти полномочия при самом его назначении, повелел держать его, Царя, в постоянном курсе своей деятельности. Это Трепов в точности исполнял. Мне известно, что почти ежедневно Трепов писал Государю собственноручные письма с докладами о более или менее значительных своих распоряжениях, и Император ему отвечал обыкновенно краткими записками, а иногда присылал для сведения доклады и других министерств, каковые, равно как и все записки Государя, Трепов на следующий день возвращал Царю. Когда я после смерти Трепова по Высочайшему повелению разбирал все оставшиеся после него бумаги как на его квартире, так и в управлении дворцового коменданта, я не нашел ни одной записки Царя или копии с таковой»*^[2139].

Витте почувствовал, что столь тщательно выстраиваемая им комбинация в который раз рушится волей Императора. В своих мемуарах он не скупился на оскорбительные и уничижительные оценки Д. Ф. Трепова: *«вахмистр по воспита-*

нию», «погромщик по убеждению»^[2140]. Впрочем, Витте признавал, что новый Градоначальник был «честный и порядочный человек», и давал понять, что его ненависть к нему объясняется не личной враждой, а тем, что он был его враг «и едва ли не главным элементом, поставившим меня почти в безвыходное положение после 17 октября»^[2141], то есть тогда, когда окончательно рухнули планы Витте стать первым человеком в России. За злобными нападками на Трепова Витте прячет ненависть к главному «виновнику» своих неудач – Императору Николаю II.

Вступив в должность, Д. Ф. Трепов на следующий же день, 12 января, стал выполнять две главные задачи: с одной стороны, успокаивать рабочих и промышленников, а с другой – самым решительным образом давать понять революционерам и смутьянам, что с ними церемониться не будут. В Петербурге были произведены массовые аресты как в среде либеральной интеллигенции, так и среди рабочих. В ходе следствия всё больше выяснялась масштабность готовящихся событий. После того как полицией были арестованы и заключены в Петропавловскую крепость все участники депутации, ходившей 8 января к Святополку-Мирскому, у одного из них, Максима Горького, при обыске было найдено воззвание, содержащее призывы к свержению Самодержавия, а у одного из депутатов – список «временного правительства». Кроме того, как позднее признавал Горький, у него на квартире хранились некие «реликвии» 9 января и красное знамя

Выборгского района, которые незадолго до обыска сжёг слуга его любовницы М. Ф. Андреевой^[2142].

Одновременно Д. Ф. Трепов обратился к рабочим, заявив, что драматические события 9 января стали *«последствием преступной агитации»*, которая привела к *«неизбежным в таких случаях вмешательствам вооруженной силы»*. Градоначальник отмечал, что *«порождая смуту, злонамеренные лица не остановились перед затруднениями, переживаемыми нашей Родиной в тяжелое военное время. В руках их трудящийся люд петербургских фабрик и заводов оказался слепым орудием»*. Д. Ф. Трепов указывал, что для начала деятельности Правительства по удовлетворению заявлений рабочих, *«как справедливы они бы ни были, необходимо восстановление порядка и возвращение рабочих к обычному труду. Рабочие должны облегчить правительству лежащую на нем задачу по улучшению их быта, и можно сделать это одним путем: отойти от тех, кому нужна одна смута, кому чужда истинная польза рабочих, как чужды истинные интересы Родины, и кто выставил их как предлог, чтоб вызвать волнения, ничего общего не имеющие с этими пользами»*. Градоначальник заверил, что нужды рабочих *«близки сердцу Государя Императора, так же, как и нужды всех его верноподданных»*, что *«министерство финансов готово приступить к разработке закона о дальнейшем сокращении рабочего времени и таких мер, которые бы дали рабочему народу законные способы объявлять и заявлять о сво-*

их нуждах». В конце своего обращения генерал заявил, что *«Правительство оградит тех, кто желает и готов трудиться, от преступных посягательств на свободу их труда злонамеренных лиц, громко взывающих к свободе, но понимающих ее только как свое право не допускать путем насилия работы своих же товарищей, готовых вернуться к мирному труду»*^[2143].

Справедливость слов Градоначальника стала доходить и до многих рабочих. Один из них, слесарь-монтёр А. И. Агапов, участник шествия 9 января, писал в «Новое время», обращаясь к революционерам: *«Вы обманули нас и сделали рабочих, верноподданных Царя – бунтовщиками. Вы подвели нас под пули намеренно, вы знали, что это будет. Вы знали, что написано в петиции якобы от нашего имени изменником Гапоном и его бандой. А мы не знали, а если бы знали, то не только никуда бы не пошли, но разорвали бы вас в клочья вместе с Гапоном, своими руками»*^[2144].

Трепов вёл постоянные совещания как с фабрикантами, так и с депутациями рабочих, фактически доводя до них смысл своего обращения. Действия Градоначальника сразу же возымели успех. 12 января Трепов принял трёх рабочих с Путиловского завода, не принимавших участия в шествии, которые заявили, что большинство их товарищей хотят прекратить забастовку и выйти на работу^[2145]. В тот же день, 12 января, сестра Ленина большевичка Е. И. Елизарова с сожалением писала в газету «Вперёд»: *«Сегодня настроение,*

видимо, падает, и город принимает свой обыкновенный вид. Конки пошли почти всюду, газ и электричество горят, многие магазины отбили уже доски, заколоченные окна»^[2146]. Николай II записал в дневнике 12 января: «День относительно прошёл спокойно, были попытки на нескольких фабриках стать на работу»^[2147]. Об этом же свидетельствует и В. Ф. Джунковский: «С 13 января рабочие стали вступать на работу, и в течение ближайших дней забастовка сразу пошла на убыль и прекратилась»^[2148]. К 18 января полностью возобновил работу Путиловский завод и все предприятия Петергофского полицейского участка. Неработающими оставались только несколько фабрик и заводов на Выборгской стороне.

Между тем накануне министр финансов В. Н. Коковцов в письме к Николаю II убеждал его, что одних только полицейских и репрессивных мер недостаточно. «Моя совесть и правдивая оценка переживаемых нами событий, – писал Коковцов, – приводят меня к единственному выводу, что внести успокоение в столице и предупредить неизбежное распространение волнений и на другие местности Вашей Империи, может только Державное Слово Вашего Императорского Величества. <...> Вашему слову поверят рабочие, что не в заманчивых обещаниях их вожakov, а только в Милости Вашей найдёт рабочий люд источник всякого добра и попечений»^[2149]. На этом докладе Государь поставил резолюцию: «Разделяю Ваши мысли».

18 января состоялось совещание министров по поводу происшедших событий под председательством С. Ю. Вите. Было выдвинуто предложение манифеста, в котором выражались бы скорбь в связи с трагедией 9 января, а также указывалось бы, что Государь не знал о предполагавшемся шествии народа к дворцу и что войска действовали не по его приказу. Однако Николай II согласился с мнением графа Сольского, утверждавшего, что войска не могут действовать не по приказу Царя. Государь не хотел снимать с себя ответственности и отверг идею манифеста. Николай II повелел собрать в Александровском дворце депутацию от рабочих, с тем чтобы он мог через неё обратиться ко всем рабочим России. Отбор рабочих был возложен на генерала Трепова. Разумеется, выборы не имели ничего общего с той пошлой ложью, которую распространяли революционеры и сплетники от интеллигенции. От каждого завода Петербургского района было назначено определенное количество уполномоченных в избирательное собрание, которое выбрало из своей среды 30 человек депутатов для представления Государю^[2150].

Впоследствии либеральная и интеллигентская публицистика, не говоря уж о революционной, потратила немало усилий для самого уничижительного описания этой встречи. Депутатов-де на неё набирали принудительно, с помощью полиции, жандармы хватали наиболее благонадежных, иногда просто дворников с работы, обыскивали, переодева-

ли и, запретив, разговаривать друг с другом и тем более с Царём, силком тащили в Царское Село, где Николай II, не глядя на рабочих, по бумажке, произнес что-то невнятное и ушел. Примечательно, что сегодня эту чушь продолжают цитировать как историческую действительность, причём источником этой «действительности» является анархо-синдикалистская газета «Голос труда», начавшая издаваться только в 1911 г. в Нью-Йорке, то есть спустя 6 лет после событий. На самом деле, несмотря на то, что об этой встрече имеется очень мало объективной информации, те немногие её крупницы дают совершенно иную картину, чем та, которая вот уже больше века признана за безоговорочную истину. Отбор рабочих для встречи с Царём действительно проходил на Путиловском заводе и действительно отбирали наиболее благонадёжных, что, конечно, является абсолютно нормальным явлением, как говорится, «для всех времён и народов». Пьяниц, дебоширов, лентяев, уголовников – никто к главе государства никогда не пошлёт, будь то Царь, генеральный секретарь или президент. 19 января Николай II принял в Александровском дворце делегацию столичных рабочих в количестве 34 человек, *«которым сказал несколько слов по поводу последних беспорядков»*^[2151]. Историк Д. Струков, приводя подробности встречи рабочих с Николаем II, опубликованные в иностранной прессе, к сожалению, не даёт ссылки на источник. Сначала Царь обратился к рабочим с заранее подготовленной речью, в которой заявил: *«Я вызвал вас*

для того, чтобы вы могли лично от Меня услышать слово Мое и непосредственно передать его вашим товарищам. Прискорбные события с печальными, но неизбежными последствиями смуты произошли от того, что вы дали себя вовлечь в заблуждение и обман изменниками и врагами нашей родины. Приглашая вас идти подавать Мне прошение о нуждах ваших, они поднимали вас на бунт против Меня и Моего Правительства, насильственно отрывая вас от честного труда в такое время, когда все истинно-русские люди должны дружно и не покладая рук работать на одоление нашего упорного внешнего врага. Стачки и мятежные сборища только возбуждают безработную толпу к таким беспорядкам, которые всегда заставляли и будут заставлять власти прибегать к военной силе, а это неизбежно вызывает и неповинные жертвы.

Знаю, что не легка жизнь рабочего. Многого надо улучшить и упорядочить, но имейте терпение. Вы сами по совести понимаете, что следует быть справедливым и к вашим хозяевам и считаться с условиями нашей промышленности. Но мятежною толпою заявлять Мне о своих нуждах — преступно. В попечениях Моих о рабочих людях озабочусь, чтобы все возможное к улучшению быта их было сделано, и чтобы обеспечить им впредь законные пути для выяснения назревших их нужд. Я верю в честные чувства рабочих людей и в непоколебимую преданность их Мне, а потому прощаю им вину их.

Теперь возвращайтесь к мирному труду вашему, благословясь, принимайтесь за дело вместе с вашими товарищами, и да будет Бог вам в помощь»^[2152].

После речи Государь неожиданно пригласил рабочих высказывать свои пожелания и просьбы. Ободренные приёмом, рабочие стали просить Царя, чтобы предприниматели поделились с ними частью прибыли. Николай II объяснил, что сделать этого не может, так же как и самим рабочим никто не может приказывать брать меньшую плату или не работать. Это дело частного соглашения двух сторон. Далее зашёл разговор о сокращении рабочего дня. Государь спросил: *«Что вы станете делать со свободным временем, если будете работать не более 8 часов? Я, Царь, работаю сам девять часов в день, и моя работа напряжённее, ибо вы работаете для себя только, а я работаю для вас всех. Если у вас будет свободное время, то будете заниматься политикой; но я этого не потерплю. Ваша единственная цель – ваша работа»*^[2153].

Вот что писала по поводу встречи Николая II с рабочими американская газета The Call: *«Император Николай II принял в Царском Селе делегацию рабочих. Он спросил каждого человека о характере деятельности его работы и количества часов занятости. Император выразил удовлетворение теми рабочими, кто добросовестно выполнили свой долг и сказал, что он надеется лично посетить Путиловский завод. Государя сопровождали министр финансов Кокцов и князь*^[2154] *Сольский. Император просил рабочих пе-*

передать благодарность от его имени их товарищам, кто хорошо делает свою работу на службе государства. В заключение встречи, Царь разрешил рабочим делегатам посетить дворец, а потом их накормили обедом»^[2155].

Это же подтвердил и Коковцов, который скептически относился к идее встречи Царя с рабочими: *«Государь очень ласково поговорил почти с каждым из них, задавая им вопросы откуда кто родом; чем занимался до поступления на завод и каково семейное положение каждого. Угостили всех делегатов чаем и сандвичами, и все разъехались по домам»*^[2156].

Император и Императрица назначили из собственных средств 50 тыс. руб. для оказания помощи членам семей *«убитых и раненых во время беспорядков 9-го сего января в С.-Петербурге»*. Эта сумма выплачивалась вплоть до Февральского переворота 1917 г. События 9 января настолько повлияли на Государя, что, по имеющимся сведениям, он в начале 1905 г. исповедовался у иеромонаха Гефсиманского скита Свято-Троицкой лавры старца Варнавы (Меркулова), который, по преданию, предсказал Государю мученический венец^[2157].

Сразу же после событий 9 января начались отставки тех, кто, по мнению Николая II, несли ответственность за кровавые события. Первым 14 января лишился своего поста министр юстиции Н. В. Муравьев, впрочем, как уже говорилось, он изъявил желание покинуть свой пост ещё в кон-

це 1904 г. На его место был назначен профессиональный юрист сенатор С. С. Манухин. Министр внутренних дел князь П. Д. Святополк-Мирский попросил у Государя отправить его в отставку на следующий же день после трагедии. Однако Николай II сделал это только через 8 дней, 18 января, с формулировкой *«по расстроенному здоровью»*. При этом Николай II дал ясно понять Мирскому, что считает его виновным в том, что произошло, и не доверяет ему. Князь был просто выгнан со службы, без традиционного благодарственного именного рескрипта, награждения орденом и нового назначения. По большому счёту Мирский заслуживал предания суду, но это означало усугублять противоборство с Витте, чьё положение значительно возросло и которое в связи с этим становилось чрезвычайно опасным для стабильности государства. Княгине Е. А. Святополк-Мирской, впрочем, хватило совести записать в своём дневнике: *«Государь ловко сумел ошельмовать П., выжидал минуту, когда мог со скандалом отпустить. Боялся [его] популярности <...> и по шапке без благодарности, без Государственного совета, как мошенника и вдобавок без гроша содержания»*^[2158].

Новым министром внутренних дел Государь назначил А. Г. Булыгина, бывшего до этого помощником Московского генерал-губернатора Великого Князя Сергея Александровича.

Ещё один ответственный за бездействие полиции, её начальник А. А. Лопухин, будет оправлен в отставку 4 марта

1905 г., после убийства Великого Князя Сергея Александровича.

Возможности главного врага Витте были сильно урезаны «диктатурой» Трепова, но вовсе не устранены. Слишком сложная система связей была у этого человека, слишком влиятелен был он в заграничных и отеческих сферах. 28 января Николай II в письме к С. Ю. Витте изложил ему свое видение первоочередных мер по рабочему вопросу: *«Всесторонне взвесив вопрос о рабочих, я пришёл к заключению о необходимости учреждения вневедомственной комиссии под председательством члена Государственного Совета. Она должна состоять из всех заинтересованных в рабочем вопросе ведомств, фабрикантов и выборных рабочих. Задача этой комиссии – исследовать причины неудовольствия рабочих и изыскать меры к устранению таковых в будущем. Сегодня, во время заседания Комитета Министров, объявите мое повеление в изложенном смысле»*^[2159].

По свидетельству Коковцова: *«Витте выступил со своим предложением поручить это дело члену Государственного Совета Н. В. Шидловскому. Худшего выбора сделать было невозможно. Необычайно высокого о себе мнения, не знавший административной жизни, способный только на глубокомысленную критику всех и вся, никогда не стоявший около какого бы то ни было живого, практического дела и помешанный на одних тонкостях редакционного искусства по его многолетней и исключительной службе в Государствен-*

ной Канцелярии, — он буквально не знал, что делать, с какого конца приступить к делу»^[2160]. Вместо того чтобы приступить к обсуждению нужд рабочих, Шидловским был выставлен ряд политических требований, в частности возобновления гапоновского «Собрания фабрично-заводских рабочих». Комиссия сенатора Шидловского так и не приступила к работам, а сам ее глава «не начавши своего обследования, дотянул его до лета, а затем уехал к себе в деревню, в Воронежскую губернию. По правде сказать, ничего иного он и сделать не мог»^[2161].

Николай II с болью осознавал, что большую часть государственных и общественных деятелей больше волнуют их политические амбиции, чем интересы государства. Тяжёлым моральным ударом стало для Государя то обстоятельство, что на дворянском собрании Московской губернии его консервативному крылу удалось не допустить резолюцию о необходимости Учредительного собрания всего 219 голосами против 147. В. Ф. Джунковский вспоминал: «22 января состоялось в Москве чрезвычайное дворянское собрание. Брожение, царившее повсюду, не могло не отразиться и на общественных кругах. Дворянское собрание прошло с огромным оживлением, так как еще до собрания были составлены две записки противоположного характера и содержания. Одна записка была составлена группой дворян во главе с А. Д. Самариным и высказывалась за необходимость твердой власти и незыблемость принципов Самодержавия,

другая была составлена группой дворян во главе с князем С. Н. Трубецким, отражая на себе настроение либеральных кругов, высказывалась за необходимые реформы в конституционном духе. Большинством голосов прошел адрес группы Самарина, который и был послан Государю Императору»^[2162]. Против принятой собранием резолюции, которая заканчивалась словами «Царствуй в сознании своей силы Самодержавный Государь!» была организована кампания в русской печати, её подхватили студенты Петербургского университета, объявившие забастовку, пока не будет созвано Учредительное собрание^[2163]. Красная революция на-
двигалась на Россию.

Глава 5. Кровавый 1905 год

Реформы, крамола и террор

Сразу после событий 9 января начались крупные беспорядки в других городах. Министр земледелия А. С. Ермолов сообщал: *«Волнения перекинулись в большую часть городов, везде их приходится усмирять вооруженной силой»*^[2164].

11 января в Риге социал-демократы и Бунд организовали всеобщую забастовку и многотысячную демонстрацию, в процессе которой произошли столкновения с войсками и полицией. Сначала армия применяла холостые патроны, и её действия большого успеха не имели^[2165]. Революционные агитаторы стали вступать в переговоры с солдатами, агитировать их переходить «на сторону народа». Беспорядки приняли угрожающий характер. Лишь применение огня унтер-офицерским батальоном спасло положение. В результате погибло 22 человека, ранено 60. Пламя мятежа охватило Курляндию, Эстляндию и Лифляндию. Число сожженных и разграбленных усадеб в Лифляндской и Курляндской губерниях составило 459, сумма убытков составила 775 тыс. рублей^[2166].

18 января всеобщая политическая и экономическая забастовка началась в Тифлисе. Она была организована на япон-

ские деньги грузинским социал-федералистом Г. Деканозовым (Деканозишвили). Организаторы забастовки направили своих боевиков на железнодорожные станции с целью помешать нормальному движению поездов. Однако смелые действия двух рот пехоты смогли их остановить. 23 января в районе Ереванской площади толпа рабочих в 200 человек с пением «Марсельезы» и красными знаменами вышли на площадь и стали кричать «Долой самодержавие!» Войска и полиция пытались пресечь противоправное сборище. Военнослужащим помогали дворники. Произошло столкновение, причем, по воспоминаниям большевика В. К. Таратуты, *«войска и полиция действовали шашками и нагайками, дворники – дубинками, а рабочие отвечали выстрелами из револьверов и ударами камней и палок. Началось форменное сражение»*^[2167]. По сведениям Таратуты из боевиков трое было ранено тяжело, 30 легко, а из полицейских: один ранен тяжело пулевыми ранениями и 6 получили легкие ранения.

Кроме Тифлиса, беспорядки прокатились в Батуме, Сухуме, Баку и Кутаисе. Так же как и в Тифлисе, целью беспорядков было прервать железнодорожное сообщение, что не могло не сказаться на движении войск и подвозе военных грузов.

Общественность прочно увязывала эти беспорядки с необходимостью введения выборного представительства. Несмотря на то что никаких объективных причин для подобных выводов не существовало, это требование либералов

находило поддержку у все большего числа представителей высшего чиновничества. В январе 1905 г. министр земледелия статс-секретарь А. С. Ермолов предпринял две попытки убедить Государя в необходимости представительских реформ. 17 января, во время встречи с Николаем II, Ермолов действовал весьма осторожно. Он начал с того, что после силового разгона шествия 9 января революционеры могут перейти к покушениям на жизнь членов Царского Дома и прежде всего на жизнь Императора. На это Николай II ответил: *«Я смерти не боюсь, верю в Промысл Божий, но знаю, что не имею права рисковать своей жизнью»*^[2168]. Видя, что на Государя страх личной безопасности не действует, Ермолов заявил, что нельзя опираться только на войска, а нужно опираться *«только на народ, но для этого надо, чтобы народ мог в Вас верить и продолжать видеть в Вас своего защитника»*. Затем Ермолов признал, что в том, что произошло 9 января, виноваты они, министры, но тут же нашел этому оправдание: *«Что же мы могли сделать при настоящем строе нашей государственной организации?»* Ермолов верно указал на то, что правительство не представляет собой единой команды, что самым отрицательным образом сказалось во время событий 9 января. Государь согласился с Ермоловым и сказал, что он хочет соединить Совет министров^[2169] с Комитетом^[2170]. В конце беседы Ермолов перешёл к главному: *«Я позволю себе вернуться к тому, что я высказывал в обсуждении под Вашим председательством проекта Указа*

12 декабря – о необходимости привлечения к участию в законодательной работе представителей населения, но только теперь надо пойти в этом вопросе далее. Мы живём быстро и того, что было достаточно 1 ½ месяца тому назад, теперь уже слишком мало. Теперь уже нельзя ограничиться теми слабыми формами участия выборных представителей в подготовительной разработке отдельных законопроектов, о которых была речь тогда. Теперь нужно непосредственное прямое общение между Царём и народом»^[2171]. Не вдаваясь в обсуждение форм, которые будут обеспечивать это общение, Ермолов попросил у Государя изволения повелеть Витте созвать Совет министров для обсуждения в том числе и дальнейших мероприятий, «*направленных к той же цели, что и Указ 12 декабря, но идущих далее реформ им возвещённых*»^[2172]. Такое согласие от Николая II было получено.

Не дожидаясь созыва Совета министров, А. С. Ермолов 31 января 1905 г. обратился к Императору Николаю II с Всеподданнейшей запиской. «*Нужно, – писал Ермолов, – вся Россия ждёт, чтобы с высоты Престола раздалось Царское Слово, в торжественной ли форме Манифеста, в форме ли надписания Вашим Величеством на одном из поступающих к Вам верноподданнических адресов, непреложного решения Вашего выслушать голос русского народа и для сего созвать, в ту пору, когда Вы признаете сие благовременным, свободно избранных представителей от всех сословий Русской Земли, в виде всенародной земской думы*»^[2173].

3 февраля по повелению Императора Николая II был созван Совет министров. В заседании 3 февраля под председательством Николая II приняли участие Великий Князь Александр Михайлович, граф С. Ю. Витте, Государственный контролёр П. Л. Лобко, Главноуправляющий Собственной Его Императорского Величества канцелярией камергер А. С. Танеев, Главноуправляющий канцелярией прошений на Высочайшее имя барон А. А. Будберг, управляющий делами Комитета министров барон Э. Ю. Нольде. Главный вопрос заседания заключался в обсуждении преодоления смуты и созыва местных выборных представителей. Открывая совещание, Государь заявил, что смута увеличивается, а мнения по способам ее преодоления самые противоречивые. В связи с этим, сказал Государь, он мучается, «мечется направо и налево», между оставлением в неприкосновенности Самодержавной власти и привлечением выборных представителей. Введение выборных представителей, сказал Николай II, он считает опасным в данное время и не знает, своевременный ли этот акт. Можно потерять всё. Государь спрашивал мнение сановников, какой путь лучше избрать, и просил высказываться всех откровенно и искренно^[2174]. По словам С. Ю. Витте, А. С. Ермолов, С. С. Манухин, А. Г. Булыгин и В. Н. Коковцов поддержали созыв выборных, причём Булыгин мотивировал это внутренним положением страны, а Коковцов – необходимостью новых заграничных займов. Сам Витте, по его словам, молчал. Результатом совещания стало

решение о Высочайшем рескрипте на имя министра внутренних дел о подготовке совещания по вопросу выборных лиц по обсуждению вопросов законодательства^[2175]. Однако подготовка этого рескрипта была прервана убийством 4 февраля Великого Князя Сергея Александровича.

2 января 1905 г. Великий Князь отправился поездом в Петербург для встречи с Государем по поводу своей отставки с поста генерал-губернатора. На перроне Николаевского вокзала Сергей Александрович стал свидетелем покушения на провожавшего его генерала Д. Ф. Трепова. Молодой человек, как выяснилось позже психически больной девятнадцатилетний воспитанник торговой школы А. А. Полторацкий, трижды выстрелил в генерала, но неудачно. На Великого Князя Сергея Александровича это подействовало угнетающе: «Ужасное впечатление. Помилуй, Бог!!» – записал он в своём дневнике^[2176]. 3 января в Царском Селе Великий Князь был принят Государем, который пожаловал ему портрет Императора Александра III для ношения на груди. В дневнике Великого Князя было отмечено: «Гулял с Никки – хорошо мог говорить. Он бодр, снова энергично настроен»^[2177]. Вернувшись в Москву, Сергей Александрович 9 января узнал о кровавых событиях в Петербурге. В Москве тоже было беспокойно. У одного из задержанных рабочих при обыске был обнаружен план с указанием дорожек, по которым гулял Великий Князь. Охрана убедительно просила Сергея Александровича покинуть Нескучное и переехать

в Кремль, где, казалось, легко было обезопасить его пребывание^[2178]. Великий Князь с неохотой исполнил эту просьбу и 11 января с Елизаветой Феодоровной и маленькими воспитанниками^[2179] перебрался в Николаевский дворец Кремля. 16 января Великий Князь писал Государю: *«Дорогой Ники. Слава Богу, до сих пор у нас здесь все было спокойно, несмотря на то, что на некоторых фабриках и бастовали рабочие; на других же снова принялись за работу. Таким образом, только колебания, но нет единства в забастовках. Я старался помогать ген[ералу] Рудневу (помощнику градонач[альника]), и я думаю, предупредительными мерами, вовремя посылая войска то на эту фабрику, то на другую – удалось нам до сих пор удержать равновесие. Фабричные видели, что с ними шутить не будут, а вместе с тем я этим старался предупредить серьёзного столкновения»*^[2180].

4 февраля 1905 г. в 14 час. 45 мин. Сергей Александрович выехал из Николаевского дворца в генерал-губернаторский дом на Тверской улице в карете с кучером, без охраны^[2181]. Великий Князь в последнее время ездил даже без адъютанта, не желая подвергать никого опасности. Не доезжая десятка метров до Никольских ворот, возле ворот Окружного суда, член эсеровской БО Иван Каляев подбежал к карете Великого Князя и бросил в неё бомбу. Взрыв был настолько силен, что в зданиях Судебных установлений и Арсенала вылетели окна. Тело Великого Князя Сергея Александровича было разорвано на куски (сердце убитого было обнаружено

на крыше Арсенала). В. Ф. Джунковский писал: *«Когда рассеялся дым, то представилась ужасающая картина: щепки кареты, лужа крови, посреди коей лежали останки великого князя. Можно было только разглядеть часть мундира на груди, руку, закинутую вверх, и одну ногу. Голова и все остальное были разбиты и разбросаны по снегу»*^[2182].

Оглушенного, но неврежденного убийцу сразу схватили. Общеизвестно, что он выполнял личное задание Савинкова. Однако причины убийства Сергея Александровича гораздо более глубокие, чем просто очередной теракт эсеровских боевиков. Великий Князь Сергей Александрович пользовался, как генерал-губернатор, большим авторитетом среди рабочих, городской бедноты и солдат московского гарнизона. Особенно горячо Великий Князь *«принимал к сердцу умственные и нравственные интересы рабочих»*^[2183]. Сергей Александрович поддержал предложение начальника Московского охранного отделения С. В. Зубатова, который, стремясь развернуть рабочее движение в легальное русло, выдвинул идею, согласно которой полиция должна выступать посредником между рабочими и их работодателями. Только благодаря поддержке Великого Князя Сергея Александровича эта необычная и смелая идея получила возможность реализоваться. Так, в течение 48 часов по полицейскому предписанию выдворили из России крупного московского фабриканта гражданина Франции Ю. П. Гужона, принципиально не желавшего удовлетворять справедливые требования

своих рабочих^[2184]. Такая позиция московского градоначальника вызывала резкую неприязнь как со стороны фабрикантов, так и со стороны революционеров, видевших в этом подрыв своих позиций. По сути, Великий Князь оказался опасным «конкурентом» революционеров. Его нововведения в Москве, проводимые силой власти, оказались во многом созвучны программным требованиям эсеров, что в немалой степени послужило причиной яростной охоты террористов за Великим Князем. К тому же Сергей Александрович, будучи человеком честным и преданным Государю, стремился превратить Москву в оплот монархии. Он *«старался поднять нашу древнепрестольную столицу в различных отношениях, особенно в смысле хранения в ней, как исконно русского центра, ее национально-исторических преданий. И поникшее было в прежнее время, под воздействием чуждых нам влияний, значение ее святынь, исторических достопримечательностей, самого уклада жизни московской при нем поднялось, возвысилось и стало виднее во всех концах России»*^[2185].

Кроме того, Сергей Александрович вызывал резкое недовольство со стороны московского купечества, во главе которого стоял представитель так называемого «раскольничьего капитала» С. Т. Морозов. Это недовольство было вызвано установкой Великого Князя Сергея Александровича на усиление роли государства как арбитра в сфере социальных отношений, в частности промышленника и рабочего, при осо-

бом отстаивании интересов последнего. Кандидат ист. наук Д. М. Софьин пишет: *«Если московское общество в целом можно назвать строптивым, то московское старообрядческое купечество следует назвать строптивым вдвойне. Оно было не менее, а может, и более влиятельной силой, чем даже старая московская аристократия. В свое время купечество приняло активное участие, если не было главным действующим лицом, в кампании, приведшей к смещению князя Долгорукова^[2186] и последовавшей затем высылке лиц иудейского вероисповедания – потенциальных конкурентов на рынке»^[2187]*. Как известно, эсеры имели тесные связи с купцами-раскольниками, а Савва Морозов активно спонсировал революционные группировки. Таким образом, фабриканты были возмущены ущемлением своих прав, а социал-демократы с ужасом наблюдали, как их влияние в рабочей среде катастрофически падает. Это не могло не объединить их усилия против политики Великого Князя^[2188].

Государь узнал об убийстве своего дяди во второй половине 4 февраля. По словам рейхсканцлера Германии Бернхарда фон Бюлова, принц Фридрих-Леопольд Прусский, который в день убийства находился при русском Дворе, был поражен реакцией Николая II на убийство Великого Князя. *«Принц рассказывал мне, – вспоминал Бюлов, – по своему возвращении, что известие о совершенном в Москве преступлении, было получено в Петергофе, где тогда пребывал Царь, за два часа до обеда. Принц осведомился состоится ли обед*

или Император, сражённый таким ударом судьбы, захочет остаться один. Принц получил ответ, что он может спокойно приходить к обеду. Императрица, правда, не появлялась, но Император и бывший, кстати, при этом его зять Великий Князь Александр Михайлович были в прекрасном настроении. Об убийстве Великого Князя вообще не было речи. После обеда Император и его зять развлекались тем, что перед изумленными глазами немецкого гостя сталкивали друг друга с узкого и длинного дивана»^[2189]. Это воспоминание немецкого принца в пересказе Бюлова и в советском переводе полно неточностей, гротескного преувеличения, которое очень походит на откровенную ложь. Во-первых, Государь находился в описываемые события не в Петергофе, а в Царском Селе. Во-вторых, Фридрих-Леопольд находился там же не в качестве праздного гостя. Николай II записал 4 февраля 1905 г. в дневнике: «В 10 час. утра приехал принц Фридрих-Леопольд, отправляющийся на войну состоять при нашей армии. Он завтракал и обедал с нами и вечером уехал обратно в Берлин»^[2190]. Запись эта весьма странная и в ней явно сделана ошибка либо самим Государем, что крайне маловероятно, либо составителями или издателями дневника. Дело в том, что принц Фридрих-Леопольд был направлен императором Вильгельмом II состоять при русской штаб-квартире в Маньчжурии. Мы можем проследить время пребывания германского принца в России по данным русской разведки. В ее отчете за 1905 г. сообщалось:

«Между иностранными военными представителями находился принц Фридрих Леопольд Прусский, командированный на театр военных действий германским Императором Вильгельмом II. Его Королевское Высочество прибыл в Главную Квартуру, на ст. Годзядян, 16 мая с. г., совершив путешествие через Монголию по маршруту: Пекин – Калган – Урга – Кяхта – Верхнеудинск – Чита – Харбин, так как предполагаемое следование принца по кратчайшему пути, т. е. по Синминтинской железной дороге, не могло состояться, в силу нахождения названной линии в руках японцев. <...> 31 августа с. г. принц Фридрих Леопольд Прусский покинул Главную Квартуру и, посетив крепость Владивосток и г. Хабаровск, отбыл с театра военных действий в г. С-Петербург»^[2191].

Таким образом, 4 февраля 1905 г. принц представлялся Государю по поводу своего отбытия на Дальний Восток, и он никак не мог после встречи с Царем вернуться в Берлин, а значит, никакого разговора с Бюловым у него быть тогда не могло. 31 августа Фридрих-Леопольд отправился в обратный путь и 2 октября прибыл в Санкт-Петербург. Об этом Николай II записал в дневнике: «К 12 час. дядя Владимир привез из города Фридриха Леопольда, который вернулся с Дальнего Востока. Они завтракали у нас»^[2192]. 5 октября принц присутствовал на празднестве именин Цесаревича Алексея, на котором были многие представители Дома Романовых, и вполне возможно и Великий Князь Александр Михайлович. Кстати, его имя в дневниковой записи

Царя за 4 февраля ни разу не упоминается, хотя Государь всегда отмечал тех, кто обедал вместе с ним, особенно, когда дело касалось родственников. Так, 29 января, 9 февраля, 11 февраля и 18 февраля он называл среди присутствующих на обеде имя Александра Михайловича, а 4 февраля, почему-то этого не сделал. Почти наверняка по той причине, что Александра Михайловича в тот день за обедом не было. Таким образом, скорее всего, в записи царского дневника каким-то непонятным образом произошло совмещение событий 4 февраля и 5 октября 1905 г. Из царского дневника известна и точная дата отбытия германского принца в Берлин: 11 октября 1905 г.^[2193]

В-третьих, разумеется, внешнее безразличие Николая II, если оно было в действительности, перед лицом иностранного принца было политически оправданно. Руководству рейха и Вильгельму II совершенно незачем было знать подлинные чувства горя и подавленности, которые испытывал Государь^[2194]. А то, что убийство Великого Князя Сергея Александровича подействовало на него самым тяжелым образом, не вызывает никаких сомнений. 4 февраля он записал в своем дневнике: *«Ужасное злодеяние случилось в Москве: у Никольских ворот дядя Сергей, ехавший в карете, был убит брошенной бомбою, а кучер смертельно ранен. Несчастная Элла, благослови и помоги ей, Господи!»*^[2195]

4 февраля Император Николай II издал манифест, в котором говорилось: *«Провидению угодно было поразить Нас*

тяжелую скорбю: любезнейший дядя Наш, Великий Князь Сергей Александрович скончался в Москве, в 4-й день сего февраля, на 48 году от рождения, погибнув от дерзновенной руки убийц, посягавших на дорогу для Нас жизнь его. Оплакивая в нем Дядю и друга, коего вся жизнь, все труды и попечения были непрерывно посвящены на службу Нам и Отечеству, Мы твердо уверены, что все Наши верные подданные примут живейшее участие в печали, постигшей Императорский Дом Наш»^[2196]. 6 февраля Государь получил телеграмму от протоиерея Иоанна Кронштадтского: «Скорбь Ваша неопишима. Скорбь Спасителя в Гефсиманском саду за грехи мира была безмерна, присоедините Вашу скорбь к Его скорби: в ней найдете утешение. Верноподданный протоиерей Иоанн Сергеев»^[2197].

Государь не ошибся: злодеяние всколыхнуло простой народ, который 8 февраля, во время панихид по Великому Князю, заполнил собою весь Кремль. В. Ф. Джунковский вспоминал, что «народ ежедневно в известные часы допускался поклониться праху; пропускали зараз по 100 человек. Панихиды служились все время, почти без перерыва, с утра до вечера»^[2198].

Совместно с Сергеем Александровичем поминалось и имя его кучера А. А. Рудинкина, скончавшегося от полученных ран в Яузской больнице. По Высочайшему повелению отпевание было совершено 10 февраля 1905 г. в церкви Святого Алексея Чудова монастыря в Кремле, в этом же хра-

ме Великий Князь и был погребён. Тысячные толпы пришли поклониться праху убиенного. В Москве был объявлен глубокий траур, многие магазины были закрыты. Выступая с пастырским словом во время панихиды по убиенному Великому Князю, протоиерей Иоанн Восторгов обратился к народу: *«Люди русские! Одумаемся! Суд при дверях. Господь близ. Жертвы кровавые перед нами. Поминая молитвою эту новую и страшную жертву – убиенного Великого Князя Сергея Александровича, восплачем о нем, восплачем о растерзанном сердце Царя, о несчастной терзаемой России, восплачем и о себе самих!»*^[2199]

Однако далеко не все восприняли этот призыв священника, далеко не все ужаснулись злодеянию. В делах Московского охранного отделения сохранились отклики на убийство Великого Князя, прозвучавшие днем 4 февраля 1905 г. из уст представителей разных социальных слоев, в разных местах Москвы^[2200]. Мещанка Е. К. Сиволапова: *«Давно пора, так как из-за него пострадали на Ходынке, это так не окончится, еще будет. <...> Князь обобрал Красный Крест, кутил в Яру, и, как сапожник, ничего не понимает»*. Отзыв из студенческой среды: *«Убили Великого Князя Сергея Александровича, но его еще мало, будут еще убийства, убьют Вдовствующую Императрицу и вообще весь Дом Романовых»*. Крестьянин И. В. Бояркин: *«Мало убили Сергея Александровича, мы всех их перебьем»*. Разговор двоих неизвестных на бульваре: *«И Николая, и Алексея, всех перебить надо,*

как *Сергея*». Ссылный, нелегально вернувшийся в Москву и случайно задержанный на улице: *«Убили Великого Князя, убьют и Государя, перебьют и всю полицию»*.

Конечно, эти высказывания не надо представлять, как это делает Р. С. Закиров, чуть ли не как голос народа. На самом деле это был голос не народа, а его выроdkов. Тем более что Охранное отделение занималось не социологическим «опросом» населения, а добывало оперативным путём только те высказывания, которые носили криминальный характер. Одновременно можно найти множество выражений скорби и ужаса перед лицом злодейского убийства. Так, командир 51-го Драгунского Черниговского Ее Императорского Высочества Великой Княгини Елисаветы Феодоровны полка полковник В. С. Зенкевич, сообщая полку об убийстве Великого Князя, не выдержал и расплакался. *«До чего мы дожили, о, россияне? Что видим, что делаем?»*^[2201] Многочисленные толпы народа, пришедшие проститься с Великим Князем в Кремль, говорили сами за себя. Великий Князь Константин Константинович писал в дневнике: *«Стали пускать поклоняться гробу народ. Он шел во множестве, чинно, сосредоточенно, в большом порядке и благоговейно»*^[2202].

Нельзя не согласиться с Д. М. Софьиным: *«Часть московского общества восприняла это событие с показным равнодушием. Есть свидетельства о том, что вечером того же дня как ни в чем не бывало в московских ресторанах играла веселая музыка. Ряд исследователей на основании этого*

делали вывод, что в таком поведении проявилось отношение всей Москвы к нелюбимому генерал-губернатору. Однако погребение Великого Князя и панихиды по нему, несмотря на холод и угрозу со стороны террористов, прошли при огромном стечении народа. Бесчисленное количество москвичей желало поклониться праху Сергея Александровича. Если часть московского общества и была настроена против него, то многие жители первопрестольной, как показали события, искренне любили и уважали своего августейшего генерал-губернатора»^[2203].

Но в том-то и дело, что голоса вырождающихся становились все более усиливающимся камертоном в жизни российского общества. Нормальных, порядочных людей было в Российской Империи большинство, но это большинство в нравственном плане было пассивным.

Приближался день похорон Великого Князя. Государь хотел ехать в Москву проститься со своим Дядей. Однако генерал Д. Ф. Трепов настойчиво советовал ему не делать этого. Трепов указывал, что имеется информация о готовящихся покушениях и что нельзя в такой ситуации подвергать опасности жизнь Главы Государства и Царствующего Дома. Одновременно вдова убиенного Великая Княгиня Елизавета Феодоровна послала своей сестре Императрице Александре Феодоровне несколько телеграмм, в которых настойчиво просила ее не приезжать в Москву, чтобы не подвергать опасности маленького Цесаревича^[2204]. Великая

Княгиня Ксения Александровна отмечала в своем дневнике: «Аликс, конечно, хочет ехать. Мама́ тоже, но им отсоветовали — нельзя так рисковать, хотя это ужасно оставлять бедную Елла одну — просто больно думать о ней»^[2205].

В конце концов Государь согласился: Царский Дом должен был представлять на похоронах один Великий Князь Константин Константинович, который писал в своём дневнике: «Государь и обе Императрицы неутешны, что не могут отдать последнего долга Покойному; покинуть Царское им слишком опасно. Все Велик[ие] Князья уведомлены письменно, что не только им нельзя ехать в Москву, но запрещено бывать на панихидах в Казанском или Исаакиевском соборе. Об этом, т[о] е[сть] об опасности для всех нас, Трепов докладывал Государю, после чего и было отдано это распоряжение»^[2206].

10 февраля Николай II записал в дневнике: «День отпевания дорогого дяди Сергея в Чудовом монастыре. В 11 ч. в церкви Большого дворца была торжественная заупокойная обедня...»^[2207] На заупокойной службе в Царском Селе кроме Государя присутствовали обе Императрицы, братья убиенного Великие Князья Владимир и Алексей Александровичи, члены Государственного Совета, дипломатический корпус. 10 февраля Государь послал Великой Княгине Елизавете Феодоровне телеграмму соболезнования. К сожалению, письма Николая II Елизавете Феодоровне дошли до сегодняшнего дня в крайне малом количестве. Скорее все-

го, их уничтожила сама Великая Княгиня. Но из её ответов Николаю II можно судить о содержании его писем. Отвечая Царю на телеграмму соболезнования, Елизавета Феодоровна писала: *«Всегда Твое верное чуткое сердце знает, как утешить. Благослови Тебя Бог»*^[2208].

Между тем обстановка в стране продолжала ухудшаться. 17 февраля началась массовая забастовка в Полтаве, возобновилась стачка в Ревеле, Риге, где перед угрозой насилия со стороны революционеров прекратило работу Управление Риги-Орловской железной дороги. В тот же день под влиянием социал-демократов начались массовые забастовки в Ростове, Белостоке, Двинске, Астрахани, Лысьве. 18 февраля в Баку произошли крупные беспорядки на межнациональной почве между русскими и кавказскими татарами^[2209], с одной стороны, и армянами – с другой, в результате которых погибло несколько тысяч человек, многие поселения были сожжены и разрушены. Указом Сенату Николай II объявил Баку на военном положении^[2210], в город были введены войска.

На этом фоне давление на Государя со стороны высшего чиновничьего аппарата Империи, с настойчивой просьбой объявить о создании выборного органа, заметно усилилось. По утверждению видного правого общественного деятеля В. А. Грингмута *«министры грозили революцией, финансами (Коковцов) и иностранными осложнениями»*^[2211]. Между тем Николай II продолжал всеми мерами противиться любым изменениям Самодержавной власти.

Для Николая II Самодержавие было не самоцелью, не реализацией собственного властолюбия, а той единственной силой, которая была гарантом целостности и независимости России. Именно так и понимал Самодержавную власть Император Николай II, и именно этого не могли понять его политические и общественные оппоненты. Государю пытались навязать какие-то изменения в этой Богом установленной системе, причём по совершенно надуманным причинам. Государь был уверен, что желание «конституционных» экспериментов исходит исключительно от верхушки общества, полностью оторванной от русского народа. Царь приходил к выводу, что эта верхушка не очень-то стремится и к усмирению смуты, так как она приближает столь им желанный конституционный строй. 11 февраля Государь прямо заявил об этом на вторично созванном Совете министров: *«Общество наше, воспитанное на западноевропейских доктринах, видит спасение наше в насильственной пересадке на нашу почву чуждых русской истории и духу нашего народа совсем не русских форм: конституции и парламентаризма. Европейские конституции, заменившие собою феодальную систему, в основе своей имеют вековое недоверие народа к своему правительству и правительства к своему народу, и так называемый правовой порядок конституционных государств Европы в сущности есть юридический договор между правительством и народом, взаимно друг другу не доверяющими. На Руси никогда не было феодализма, всегда существовало*

доверие и единение Царя с народом, а потому и нет логической причины устанавливать теперь между этими двумя началами конституционный договор. Если в наши дни, к сожалению, и чувствуется некоторое недоверие и даже высказывается неудовольствие общества, то лишь по адресу некоторого несовершенства правительственного механизма, который, несомненно, и подлежит возможному усовершенствованию, но непременно в духе развития исконных русских начал, а не навязывания нам западноевропейских образцов»^[2212].

Видя, что его слова не воспринимаются большей частью министров и зная настроения в так называемом «передовом обществе», Николай II в Манифесте решил напрямую обратиться к русскому народу. На следующий день после заседания Совета министров, 12 февраля, Государь дал поручение князю В. П. Мещерскому: *«Набросай мне проект манифеста в духе манифеста моего отца 29 апреля 1881 года. Следует в нем, по-моему, упомянуть об убийстве Великого Князя Сергея Александровича, о войне и о призыве к единению для подавления внутренней крамолы. Надеюсь на твой карамзинский слог, чтобы заставить всех пошевелиться»^[2213].*

Одновременно Николай II решил пойти навстречу пожеланиям учреждения выборного «представительства» *«в духе развития исконных русских начал»*, а именно созыва местных представителей для участия в рассмотрении законопроектов, вносимых в Государственный Совет^[2214]. Об этом

должно было быть объявлено в Высочайшем рескрипте на имя министра внутренних дел А. Г. Булыгина. Разработка этих мер должна была начаться только после окончания войны.

Манифесту Государь придавал первоочередное значение. Накануне его опубликования Николай II записал в дневнике: *«Господи, благослови обнародование завтра моего манифеста»*^[2215]. К рескрипту Николай II относился гораздо более сдержанно: *«Дай Бог, чтобы эта важная мера принесла России пользу и преуспевание»*^[2216].

18 марта 1905 г. был опубликован Высочайший Манифест, в котором говорилось, что *«в то время как доблестные сыны России, с беззаветной храбростью сражаясь, самоотверженно полагают жизнь свою за веру, Царя и Отечества, в самом Отечестве нашем поднялась смута на радость врагам нашим и к великой сердечной Нашей скорби. Ослепленные гордынею злоумышленные вожди мятежного движения дерзновенно посягают на освященные Православной Церковью и утвержденные законами основные устои Государства Российского, полагая разорвать естественную связь с прошлым, разрушить существующий государственный строй, и вместо одного учредить новое управление страной на началах Отечеству нашему несвойственных»*. Государь заявлял, что *«со смирением принимая все сии ниспосланные Правосудием Божиим испытания, Мы почерпаем силы и утешения в твёрдом уповании на Милосердие Господа, от века Державе*

Российской являемое, и в известной Нам исконной преданности Престолу верного народа Нашего». Заканчивался Манифест призывом: «Да станут же крепко вокруг Престола Нашего все Русские люди, верные заветам родной старины, радея честно и совестливо о всяком Государевом деле в единомыслии с Нами»^[2217].

В тот же день последовал ещё один важный Царский Указ Правительствующему Сенату. События 9 января продемонстрировали, что бюрократическая громоздкая система государственного управления Российской Империи не соответствовала вызовам новой эпохи. Становилось понятным, что необходимо создать какой-то механизм, который бы позволил населению общаться с государством, высказывать ему свои пожелания и предложения. В Указе Николая II от 18 февраля говорилось: *«В неустанном попечении об усовершенствовании государственного благоустройства и улучшении народного благосостояния Империи Российской, признали Мы за благо облегчить всем Нашим верным подданным, радеющим об общей пользе и нуждах государственных, возможность быть Нами услышанными. В виду сего повелеваем: Возложить на Совет Министров, сверх дел ему ныне подведомственных, рассмотрение и обсуждение поступающих на Имя Наше от частных лиц и учреждений видов и предложений по вопросам усовершенствования государственного благоустройства и улучшения народного благосостояния»^[2218].*

Этот шаг Царя нашёл глубокий отклик со стороны народа. Оказалось, что люди давно ждали этой возможности. Писали все: профессора, чиновники, священники, учителя, врачи, общественные деятели, крестьяне, даже оппозиционеры. Письма были самые разные: умные, проникновенные, благоговейные, вздорные, дерзкие, осуждающие, но не было ни одного равнодушного. Потрясает другой факт: Император Николай II не пропускал ни одного такого письма, а их были сотни, о чем говорят его личные пометы и резолюции, а после прочтения отправлял для дальнейшего всестороннего изучения в соответствующие ведомства. Так, крестьянин Московской губернии Можайского уезда Поречной волости деревни Ново-Поречья Трофим Давыдов Лаврин писал Царю: *«Необходимо дать крестьянам возможность самим, без всякого влияния других сословий и чинов, высказываться о своих правах и привлекать крестьян к участию в предварительной разработке и обсуждению законодательных предложений»*^[2219]. На документе имеется надпись: *«Рассмотрено Государем Императором 15.04. [1905]»*.

Вот фрагмент письма отставного действительного статского советника Михаила Васильевича Родевича от 25 марта 1905 г.: *«Русь привыкла вторить почти Божественному всемогуществу Царского слова, слово это – на радость и счастье наше – произнесено, но повисло в густоте тлетворно-бюрократического воздуха и, поэтому, осуществление его едва мерцает»*^[2220].

Письмо присяжных поверенных Одесской судебной палаты, согласно помете Государя, традиционно «глупо и нахально»: *«Должны быть приглашены представители всего населения для выработки избирательного закона, основывающегося на праве прямой, тайной, равной и всеобщей подачи голосов. Как необходимое условие возможности предстоящей работы, должны быть населению обеспечены неприкосновенность личности и жилища, представлены свобода убеждений, слова и собраний, объявлена амнистия по всем политическим и религиозным преступлениям»*^[2221].

Мещанин Андрей Васильев Александров писал Царю 15 апреля 1905 г.: *«Великий Государь! Тебе угодно было издать 16-го февраля сего года указ, в котором Ты ввиду бедствий, постигших наше Отечество, предоставляешь каждому Твоему верноподданному высказать свое мнение по вопросам, касающимся общей пользы. Хотя я лично чувствую свое недостойнство, чтобы высказывать Тебе, Великий Государь, свои мнения, но так как Тебе было на то угодно изъяснить Свое желание, то только поэтому я и беру на себя смелость, чтобы подать свой голос для общего блага <...> Пока воры будут воровать, пока блудники будут блудодействовать, пока убийцы будут убивать, пока богачи будут роскошествовать, пока лицемеры будут лицемерить, пока все мы не раскаемся, не оставим своих злых дел, не обратимся на путь истинный, на путь Христов, пока мы не примиримся со Святой Православной Церковью и пока не будут*

строго соблюдаться все ее уставы, до тех пор никакие меры не усовершенствуют государственного благоустройства и не улучшат народного благосостояния»^[2222].

18 февраля 1905 г. Николай II издал рескрипт на имя министра внутренних дел А. Г. Булыгина, в котором поручалось созвать Особое совещание для разработки основ «думской» избирательной системы. После этого Совещание должно было передать результаты своей работы в Совет министров.

Это шаг, которого с такой надеждой ждали как в правительственных кругах, так и либеральной русском обществе, не принес никакого успокоения. Начиная с марта 1905 г. сводки МВД запестрели сообщениями о происходящих по всей территории Империи чрезвычайных происшествиях и преступлениях явно экстремистского характера, которым сопутствовал разгул уголовщины. Каждый день приносил тревожные вести.

30 марта в г. Люблине на улице, в 4 часа дня, неизвестные злоумышленники застрелили из пистолетов «браунинг» местного обывателя Борковского, которому исполнилось 14 лет. При этом пострадали также прохожие, из которых один был убит и двое ранены^[2223]. 30 марта в г. Нижнем Новгороде в квартиру содержателя почтовой станции Шубинского ворвались десять вооруженных револьверами неизвестных лиц, которые похитили пять тысяч рублей и затем беспрепятственно скрылись^[2224]. 31 марта в г. Томске обнару-

жена хорошо оборудованная подпольная типография местной социал-демократической группы. При обыске найдено 4 пуда шрифта и денежная касса с 300 рублями. Арестованы четыре человека, из них две женщины, все с подложными паспортами^[2225]. 31 марта, вечером, городской Гончаров преследовал подозрительного прохожего, несшего чемодан. Преследуемый внезапно открыл огонь по Гончарову из пистолета «браунинг», ранив полицейского в бедро. Несмотря на рану, Гончаров бросился на преступника и, сбив с ног шашкой, сумел задержать. В чемодане, изъятом у неизвестного, было обнаружено огнестрельное оружие и большое количество революционных воззваний^[2226]. 1 апреля 1905 г. в г. Владикавказе чинами полиции обнаружена тайная типография, рукописи и отпечатанные тексты революционных воззваний военной организации Терско-Дагестанского комитета^[2227]. 5 апреля, ночью, в пределах Терской области неизвестными преступниками были убиты помощник начальника Веденского округа подполковник Добровольский и подъесаул Нецветаевский, ехавшие со станции Ведено в г. Грозный^[2228]. 6 апреля в г. Тифлисе около 11 час. утра в местное общество сельскохозяйственного кредита явилась группа неизвестных, по наружности кавказцев, вооруженных револьверами, кинжалами и бомбой. Они похитили из кассы банка 7 тыс. рублей наличными и процентных бумаг на сумму 12 тыс. рублей. Директор общества Ганзелин, пытаясь воспрепятствовать грабежу, был застрелен грабителями.

14 марта французская газета Echode Paris поместила статью своего корреспондента Гастона Дрю, в которой тот сообщал, что на состоявшемся «в последнюю субботу» у Царя военном совещании, на котором обсуждалась деятельность генерала Куропаткина в должности главкома, Николай II, получив накануне сообщения, что перед сражением под Мукденом его армия девять дней была без снабжения и подкреплений, а также доклады о начале крестьянских беспорядков в Витебской и Курской областях, а также на Кавказе, обвинил министров в том, что они скрывают от него правду о положении дел в стране. Дрю уверял, что Николай II находился в таком состоянии гнева, в котором его никто до этого не видел. По словам французского репортера, один только Витте возразил Царю, сказав, что в таком случае министрам трудно будет выполнять свои обязанности. На что Николай II резко заявил: *«Вы уйдёте только тогда, когда получите свою отставку!»*^[2229]

Статья Дрю типична для французской журналистики, когда какие-то отголоски реальных событий смешиваются с вздором и фантазией. Во-первых, совещание в Царском Селе по поводу судьбы Куропаткина действительно имело место, но не в субботу, а 28 февраля, в понедельник. Во-вторых, это было военное совещание, о чем Государь записал в своём дневнике: *«У меня происходило военное совещание по вопросу о Куропаткине. Приняли участие: д[ядя] Алексей, Николаша, Драгомиров, гр. Воронцов, Фредерикс, Гессе,*

Сухомлинов, Рооп и Комаров»^[2230]. Как видим, никаких министров на совещании не было, как и не было «невозмутимого» Витте. Не говоря уже о том, что случаев открытого и несдержанного проявления гнева со стороны Николая II история не зафиксировала.

Однако сведения о нарастающем конфликте Государя и его министров имели под собой определенное основание, так же как и усиленные просьбы некоторых членов Правительства о своей отставке. В мае 1905 г. о ней попросил А. Г. Булыгин, на что получил строгий ответ Николая II: *«Возвращаю прошение ваше об увольнении от должности. Мы живем в России, а не в какой-нибудь республике, где министры ежедневно подают прошения об отставке. Когда Царь находит нужным уволить министра, тогда только последний уходит со своего поста. Мое доверие к вам несколько не поколеблено: вы мне еще нужны, и поэтому вы останетесь»*^[2231].

Революция 1905 г. продемонстрировала, что среди правящей элиты были сторонники революции. Кроме того, многие представители правящих кругов настолько испугались размаха революции, что не спешили организовывать её подавление. Император Николай II оказался перед фактом прямого саботажа со стороны высших государственных чиновников. Вице-адмирал З. П. Рожественский писал в те дни, что Государь *«лихорадочно ищет людей правды и совета и не находит их»*^[2232].

Успехи революционеров почти всегда были обусловлены нерешительностью или попустительством местных властей. Зачастую её представители больше боялись прослыть «душителями свободы», чем защитниками монархии. Причем это проявилось на всех уровнях, включая некоторых великих князей. Так, Великий Князь Александр Михайлович в самый разгар революционной смуты сбежал в свое имение Ай-Тодор в Крыму и планировал оттуда на своей яхте бежать за границу. Когда Великий Князь Александр Михайлович и его супруга, спустя почти год своего отсутствия в России, посетили 30 января 1906 г. Царскую Чету, Государыня *«пустила шпильку»*, по выражению Ксении Александровны, в их адрес, по поводу проявленной ими паники и бегства за границу. Великая Княгиня пыталась рассуждать *«о всех пережитых»* ею и её супругом *«ужасах»*, на что Императрица Александра Феодоровна возразила: *«Только те, кто был здесь, действительно знают, что это было»*^[2233].

В целом ряде губерний местная власть почти без боя сдавалась горсткам бунтовщиков, заигрывала с ними, а порой сама была связана с революционным движением. Генерал-квартирмейстер Варшавского военного округа генерал-лейтенант С. А. Воронин доносил Царю: *«Город Ревель, за последнее время, был очагом эстонского революционного движения, весьма энергично поддерживаемого городской управой Ревеля и частью гласных из эстонцев. Прокламации самого возмутительного содержания на эстонском и рус-*

ском языках наполнили город. Эстонская дума в своих постановлениях открыто шла против войск»^[2234].

В Риге бунтовщики напали на отряд драгун, среди которых имелись жертвы. Власти города, вместо твердого отпора мятежникам, начали вести с ними переговоры, фактически расписываясь в своей беспомощности. Николай II с возмущением указывал генерал-губернатору Риги: *«Генерал-губернатору Риги. Гнусное нападение на драгун в Риге обязывало вас вместо переговоров с бунтовщиками проявить полную энергию в действиях с применением к мятежникам самой решительной репрессии на месте совершения злодейского преступления. НИКОЛАЙ»*^[2235].

Полную беспомощность и попустительство революции проявил губернатор Минска граф А. А. Мусин-Пушкин. В Минске в антиправительственной молодежной демонстрации участвовал сын губернатора и дети представителей городских властей. Государь, узнав об этом, немедленно отправил Мусина-Пушкина в отставку.

Еще большую растерянность и бездарность проявили власти города Баку во время возникших там беспорядков на национальной почве в феврале 1905 г. Губернатор М. А. Накашидзе имел все возможности прекратить беспорядки, но настолько растерялся, что только просил о помощи. Николай II на докладе Витте о беспорядках в Баку написал: *«Весьма неприглядная картина беспомощности власти»*^[2236].

Осознавая всю опасность такого отношения властей к сво-

им прямым обязанностям, Николай II на мемории Совета министров от 18 февраля 1905 г. написал: *«Требую самой энергичной и единогодушной деятельности местных административных и судебных чинов»*^[2237].

Вдовствующей Императрице Государь писал: *«У хороших и честных губернаторов везде было спокойно; но многие ничего не предпринимали, а некоторые даже сами ходили впереди толпы с красным флагами; такие, конечно, уже сменены. В Петербурге менее всего видно смелости власти и это, именно производит странное впечатление какой-то боязни и нерешительности, как будто Правительство не смеет открыто сказать, что можно и чего нельзя делать»*^[2238].

Не доверяя всем губернаторам, Николай II сосредоточил власть на местах в руках назначенных им лиц, которых он наделил чрезвычайными полномочиями. В Петербурге это был генерал Д. Ф. Трепов, в Москве – адмирал Ф. В. Дубасов, на Кавказе – граф И. И. Воронцов-Дашков. В октябре 1905 г. Император Николай II направил в охваченные мятежом губернии своих генерал-адъютантов с чрезвычайными полномочиями. В Тамбовскую губернию был направлен генерал от кавалерии А. П. Струков, в Саратовскую губернию – генерал-лейтенант В. В. Сахаров, для *«расследования причин, возникших в оных беспорядков и принятия, от имени Его Императорского Величества, немедленного мер для прекращения таковых»*^[2239]. К новому году полностью была сломлена попытка вооруженного мятежа в Харькове, губернатором

Саратовской губернии П. А. Столыпиным были прекращены аграрные волнения. В этих волнениях заметно не только социальное недовольство крестьян, но и наметившийся в их среде нравственный разлом. П. А. Столыпин в письме к своей жене от 30 октября 1905 г. сообщал: *«Пугачевщина растёт – всё жгут, уничтожают, а теперь уже и убивают. Во главе шаек лица, переодетые в мундиры с орденами. Войск совсем мало, и я их так мучаю, что они скоро все слягут. Всю ночь говорим по аппарату телеграфному с разными станциями и рассылаем пулеметы . <...> Вчера в селе Машиновка осквернили Божий храм, в котором зарезали корову и испражнялись на образе Николая Чудотворца. Другие деревни возмутились и вырезали 40 человек»*^[2240].

Летом 1905 г. Севастопольская городская дума, вместо организации отпора начавшегося мятежа, приняла требование революционеров не допускать против них применение военной силы и установила с ними лояльные отношения. На донесении об этом Государь оставил помету: *«Удивлён вмешательством севастопольской городской думы не в свои дела. Приведение восставших к покорности возложено на военную власть. О принятии каких-то требований, предъявляемых мятежниками речи быть не может. Одно это уже возмущает душу не только военных, но и всякого русского человека. С ними будет поступлено, как с клятвопреступниками и изменниками»*^[2241].

25 июля 1905 г., при подавлении мятежа в г. Балашове,

казаки, конвоировавшие врачей, активно помогавших революционным боевикам, *«раздраженные беспорядком и угрожающим жестом одного из сопровождаемых ими, нанесли им несколько ударов нагайкой»*. По воинским уставам казакам полагалось дисциплинарное взыскание. Но Николай II на донесении оставил следующую свою помету: *«Очень хорошо сделали. Н.»*^[2242].

Добрый и милосердный от природы, Государь требовал от своих подчиненных самых жестоких мер в борьбе с мятежом. Впрочем, они не выходили за рамки обычных правил войны, а в России в прямом смысле слова шла война с революционным подпольем. *«Много банд уничтожено, – писал Николай II матери, – дома их и имущества сжигаются. На террор нужно отвечать террором»*^[2243]. В июне 1905 г. в Феодосии барабанщик 52-го пехотного Виленского полка, тайный член Бунда, Иосик Могидлобер, пытаясь помешать своим сослуживцам не допустить захвата матросами-бунтовщиками с «Потёмкина» корабля с углём, выстрелил неудачно три раза из винтовки в командира полка полковника А. А. Герцыка, ранив при этом нескольких солдат^[2244]. На докладе об этом полковника Герцыка Николай II написал: *«Судить военно-полевым судом»*^[2245]. 6 октября Могидлобер был приговорен к смертной казни и повешен^[2246].

О том, какая неразбериха, паника и малодушие владели порой властными структурами, свидетельствует письмо землевладельцев Горьцкого уезда на имя Государя: *«Повергаем*

к стопам Его Императорского Величества Государя Императора наше ходатайство о назначении генерал-губернатора: положение отчаянное, последняя военная сила отзывается, не исполнив возложенного на неё поручения». Николай II запросил Витте: «Почему отзываются войска и куда?»^[2247] Благодаря вмешательству Государя ситуация была выяснена, войска возвращены и помощь людям была оказана.

В Новороссийске группа революционеров захватила власть, выпустила манифест о создании «Новороссийской республики» и переходе власти в руки временного правительства. Губернатор и все законные власти бежали. Революционеры обложили все имущие классы непомерными «налогами», создали свои «войска», запретили все партии, кроме «революционных», ввели цензуру. Все это время губернатор отсиживался в безопасном месте, мятежникам не было оказано никакого сопротивления. В декабре, когда в город вошли правительственные войска, «правительство» новой «республики» немедленно сбежало.

В Красноярске социал-демократы провозгласили «Красноярскую республику». На огромном митинге было принято решение о созыве Учредительного собрания. Власти города в страхе отсиживались. «Республика» была разогнана небольшим воинским подразделением. Можно понять душевное состояние Государя, когда он на полях одного из докладов об очередном факте малодушия местных властей на-

писал: *«Где мои верноподданные слуги?»*^[2248]

В письме к Вдовствующей Императрице Николай II чётко объяснил причину успехов революционеров и паралича общества: *«Конечно, мне нелегко, но Господь Бог даёт мне силы трудиться и спокойствие духа, что самое главное. Именно это спокойствие душевное, к сожалению, отсутствует у многих русских людей, поэтому угрозы и запугивания кучки анархистов, так сильно действует на них. Без того у нас вообще мало людей с гражданским мужеством, ну, а теперь его почти не видно»*^[2249].

Революционеры развернули против верных Царю чиновников кровавый террор. От рук боевиков в годы революции были убиты: в 1905 г. – Великий Князь Сергей Александрович, московский градоначальник граф П. П. Шувалов, генерал-адъютант В. В. Сахаров, тамбовский вице-губернатор Н. Е. Богданович; в 1906 г. – начальник Пензенского гарнизона генерал-лейтенант В. Я. Лисовский, начальник штаба Кавказского военного округа генерал-майор Ф. Ф. Грязнов, тверской губернатор П. А. Слепцов, петербургский градоначальник В.Ф. фон дер Лауниц, командующий Черноморским флотом вице-адмирал Н. Е. Чухнин, самарский губернатор И. Л. Блок, пензенский губернатор С. А. Хвостов, генерал-губернатор генерал-майор К. С. Старынкевич, главный военный прокурор В. П. Павлов; в 1907 г. – пензенский губернатор С. В. Александровский, генерал-губернатор генерал-майор К. А. Карангозов, начальник Главного тю-

ремного управления А. М. Максимовский. Всего с 1901 по 1911 г. жертвами революционного террора стали около 17 тысяч человек (из них 9 тысяч приходятся непосредственно на период революции 1905–1907 гг.)^[2250]. По данным полиции, только с февраля 1905 г. по май 1906 г. было убито: генерал-губернаторов, губернаторов и градоначальников – 8, вице-губернаторов и советников губернских правлений – 5, полицеймейстеров, уездных начальников и исправников – 21, жандармских офицеров – 8, генералов (строевых) – 4, приставов и их помощников – 79, околоточных надзирателей – 125, городских – 346, урядников – 57, стражников – 257, жандармских нижних чинов – 55, агентов охраны – 18, гражданских чинов – 85, духовных лиц – 12, сельских властей – 52, землевладельцев – 51, фабрикантов и старших служащих на фабриках – 54, банкиров и крупных торговцев – 29^[2251].

В канун Святой Пасхи, 30 апреля 1905 г., был раскрыт заговор на Государя. Два члена террористической организации, замаскированные под певчих, должны были пробраться в хор, который пел в Дворцовой церкви Екатерининского дворца и при появлении Царской Семьи взорвать спрятанные под одеждой бомбы. Государь, хотя и знал о готовящемся заговоре, вместе с Семьёй пошел на пасхальную службу. Заговорщики были арестованы^[2252].

Первой жертвой революционеров стали полицейские. Их убивали на улицах, дома, на службе. В них стреляли, за-

калывали кинжалами, обливали серной кислотой, взрывали бомбами. Двинского полицмейстера И. В. Васютовича убили выстрелом в затылок; красноярского полицмейстера О. Ю. Дитмара убили на глазах у жены и дочери; городского Яковлева убил бундовец А. Гиршев, во время конвоирования арестованных; пешего урядника Козелецкого уезда И. М. Носача убили на ярмарке на глазах у жены и двухлетней дочери тремя выстрелами в спину, когда он собирался купить дочке куклу^[2253].

Так называемое «революционное движение» было самым тесным образом связано с обыкновенной уголовщиной. В Одессе революционная шпана убила женщину, которая продавала на улице лимоны, а в Петербурге другая банда анархистов «экспроприировала» деньги у кассира, которые являлись зарплатой фабричных рабочих. В Туруханском крае группа ссыльных анархо-коммунистов убила и ограбила полицейского, который вёз деньги для таких же ссыльных, как они сами^[2254]. Широко использовали «революционеры» вымогательство, заложничество, пытки и истязания. Старика крестьянина И. А. Бирюкова из с. Лукина Кирсановского уезда, участника Русско-турецкой войны, не побоявшегося осудить преступные действия революционеров, они убили вечером в спину, на глазах семьи.

Летом 1905 г. произошло событие, подействовавшее на Государя сильнее, чем революционные выступления. На кораблях Черноморского флота – эскадренных броненосцах

«Князе Потёмкине-Таврическом» и «Георгии Победоносце», а также на миноносце № 267 произошли вооружённые мятежи команд. Поводом для мятежа, как позднее было установлено следствием, полностью надуманным, стало якобы несвежее мясо, поданное команде на обед. Позже, по агентурным данным, было известно, что «мятеж на “Потёмкине” был исподволь подготовлен революционной партией»^[2255]. Император Николай II сразу понял чрезвычайную опасность этих восстаний. 12 июня 1906 г., узнав о случаях бунта в Севастополе и на этих броненосцах, Царь послал телеграмму Главному командиру Черноморского флота и портов Чёрного моря вице-адмиралу Г. П. Чухнину, в которой приказывал: *«Примите самые жёсткие решительные меры к подавлению восстания как на Потёмкине, так и среди населения порта. Каждый час промедления может в будущем стоить потоков крови»*^[2256].

После расправы над офицерами, в ходе которой был убит командир броненосца капитан I ранга Е. Н. Голиков^[2257], взбунтовавшиеся матросы захватили корабль и направились на нём к берегам Румынии искать политического убежища. По приказу Николая II товарищ министра внутренних дел генерал Д. Ф. Трепов срочно направил В. Н. Ламздорфу телеграмму: *«На броненосце черноморской эскадры “Князь Потёмкин-Таврический” произошло восстание нижних чинов, которые, умертвив часть офицеров, а других, высадив на берег, завладели судном и с присоединившимся миноносцем*

взяли курс из Одессы в море, по-видимому, направляясь к Константинополю. Сообщая о сем, имею честь покорнейше просить, Ваше Сиятельство, не отказать немедленно войти с представлениями к правительствам Турции, Румынии и Болгарии о недопущении на берег кого-либо из лиц на указанном броненосце и миноносце»^[2258].

Соответствующие послания были направлены Ламздорфом в указанные государства, в том числе и правительству Румынии, в чей порт Констанцу мятежный броненосец прибыл 20 июня 1905 г.

В этот день Николай II записал в дневник: «*Чёрт знает, что происходит в Черноморском флоте. Три дня тому назад команда “Георгия Победоносца” присоединилась к “Потёмкину”, но скоро опомнилась, просила командира и офицеров вернуться и, раскаявшись, выдала 68 зачинщиков. “Потёмкин” очутился сегодня перед Констанцей в Румынии. На “Пруте” тоже были беспорядки, прекращенные по приходе транспорта в Севастополь. Лишь бы удалось удержать в повиновении остальные команды эскадры! Зато надо будет крепко наказать начальников и жестоко мятежников*»^[2259].

Румынские власти отказали команде «*Потёмкина*» в заправке броненосца углём, топливом и водой, а затем предложили потёмкинцам высадиться на берег и стать политическими эмигрантами^[2260]. Таким образом, румынское правительство ответило отказом на просьбу Николая II выдать бунтовщиков как уголовных преступников. 22 июня 1905 г.

«Потёмкин» пришёл в Феодосию, команда сошла на берег, матросы стали вести революционные речи, устраивать митинги. Местные власти фактически капитулировали перед мятежниками и согласились выполнить все их требования. На броненосец властями города было доставлено: хлеб, мука, мясо и четыре живых быка^[2261]. Николай II писал Г. П. Чухнину: *«Какие меры предположены Вами к прекращению шатания “Потёмкина” по портам? Очень пора покончить с этим невыносимым положением»*^[2262].

Между тем осмелевшие от своей безнаказанности мятежники были атакованы во время похищения угля из частных шхун ротой солдат под командованием полковника А. А. Герцыка. Потеряв несколько человек убитыми, потёмкинцы поспешили обратно на броненосец, который в 11 ч. ушёл в открытое море и снова направился к румынским берегам, рассылая повсюду прокламации, что он *«ведёт войну против России, но не будет нападать на иностранные города или корабли»*^[2263]. Броненосец второй раз прибыл в Констанцу. Мятежники опять рассчитывали на благосклонность румынских властей, тем более что общественное европейское мнение было не на стороне русского Правительства. Подталкиваемый западными державами, турецкий султан Абдул-Гамид II обратился к Царю с просьбой не наказывать строго мятежников и оказать им снисхождение. Подобные же голоса раздавались из Румынии. Николай II резко реагировал на подобные просьбы. Д. Ф. Трепов пи-

сал В. Н. Ламздорфу: *«Что касается предполагаемого султаном прощения от имени Государя Императора взбунтовавшейся команде, то о таковой мере и речи быть не может»*^[2264].

Румыния согласилась предоставить убежище мятежникам с «Потёмкина». 24 июня мятежные команды сошли на берег и сдались румынским властям, которые предоставили им статус эмигрантов. Потёмкинцы разворовали судовую кассу и разбрелись по Европе. Сам броненосец румынские власти вернули русским властям. Позднее некоторые из членов команды все же предстали перед русским судом и получили соответствующее законодательству того времени наказание.

Манифест 17 октября 1905 г.

Рескрипт на имя А. Г. Булыгина, в котором Государь предлагал начать вдумчивую, постепенную работу по созданию эффективного представительского учреждения, совершенно не удовлетворил ни большую часть министров, ни общество. 1 апреля 1905 г. А. А. Клопов писал Государю о грядущих кошмарах, ожидающих Россию, и предупреждал: *«В самом близком будущем, на Пасхе, на Фоминой, особенно если появится холера, надвигающаяся гроза разразится ужаснейшим ураганом, который охватит собой огромные пространства»*^[2265]. По мнению Клопова, *«для спасения Вас*

Государь, и для избавления страны от ужасов и пролития массы крови, необходимо сдвинуть возведенное нам 18 февраля с мёртвой точки»^[2266]. То есть, говоря иным языком, Клопов убеждал Николая II ввести выборное представительство ускоренными темпами.

23 мая 1905 г. подготовленные Булыгиным «Соображения» были переданы Императором Николаем II в Совет министров, который одобрил предлагавшуюся избирательную систему, внося ряд поправок. Окончательный проект был утвержден на совещаниях под председательством Николая II. Государь принял *«прямое, непосредственное и весьма активное участие в преобразованиях, в создании Положения о Государственной Думе и закона о выборах. Как свидетельствуют участники дела, Император встречался с разработчиками проектов, проводил под своим руководством обсуждение важнейших правовых актов в Совете министров на особых совещаниях и комиссиях, обнаружив при этом хорошую осведомленность в документах, в которых легко и точно разбирался»*^[2267].

По решению Царя не позднее середины января 1906 г. должна была собраться законосовещательная Государственная дума. Она получила право обсуждать все законопроекты, бюджет, отчет Государственного контроля, давать по их поводу заключения, которые передавались в Государственный Совет. После чего законопроекты с заключениями Думы и Совета представлялись на «Высочайшее благоволение» (за

исключением законопроектов, отклоненных двумя третями членов Думы и Совета). Дума должна была избираться на 5 лет. В выборах не участвовали женщины, лица моложе 25 лет, учащиеся, воинские чины, состоявшие на действительной военной службе, иностранные подданные. Кроме того, избирательных прав не имели находившиеся под судом или следствием, подвергшиеся несостоятельности, лишенные духовного сана или исключенные из обществ и дворянских собраний, уклонявшиеся от воинской повинности, совершившие уголовные преступления, а также (в течение 3 лет) лица, осужденные за должностные преступления. В выборах не участвовали губернаторы, вице-губернаторы, градоначальники и их помощники, полицейские чины – в пределах подведомственных им местностей. Выборы проводились по губерниям и областям и отдельно по столицам и 23 крупным городам. Выборы предполагалось установить четырехстепенные (для крестьян), трехстепенные (для мелких землевладельцев), двухстепенные (для крупных землевладельцев и городских избирателей). Вводился также имущественный ценз.

6 июня 1905 г. Николай II принял в Петергофе депутацию земских и городских деятелей во главе с их предводителем князем С. Н. Трубецким, которым заявил: *«Отбросьте сомнения: Моя воля – воля Царская – созывать выборов от народа – непреклонна. Пусть установится, как было встарь, единение между Царём и всею Русью, общение меж-*

ду Мною и земскими людьми, которое ляжет в основу порядка, отвечающего самобытным русским началам. Я надеюсь, что вы будете содействовать в этой работе»^[2268]. 21 июня Николай II принял представительство от правых общественных групп, предводитель которых граф А. А. Бобринский призвал Государя выслушивать совет выборных только из «освященных историей бытовых групп» дворянства и крестьянства. Царь ответил: *«Мне особенно отрадно, что вами руководит чувство преданности к родной старине. Только то государство сильно и крепко, которое свято хранит заветы прошлого. Мы сами против этого погрешили, и Бог за это, может быть, нас и карает»*^[2269].

Заслуживает внимание, что Николай II, говоря о выбранном представительстве, употреблял такие выражения, как «единение Царя и народа», «самобытные русские начала», «родная старина», «заветы прошлого». Не случайно Николай II твердо настаивал на широком представительстве в будущей Думе крестьян. Генерал А. А. Мосолов указывал, что Государь *«видел в депутатах Думы представителей не народа, а просто интеллигентов. Совсем другое – крестьянские делегации. Царь встречался с ними охотно и подолгу говорил, без утомления, радостно и приветливо»*^[2270]. Во время обсуждения проекта Думы 26 июля 1905 г., критикуя один из первых вариантов избирательной системы, Государь заявил: *«Я не убежден в том, что, в случае утверждения статьи 48, по мнению большинства членов Сове-*

та министров, в Думу вообще попадут крестьяне. К этому мнению требуется поправка, надо дополнить эту статью, как предложил министр финансов, правилом, что от каждой губернии крестьянскими выборщиками избирается отдельно не менее одного крестьянина»^[2271]. При этом Николай II практически ничего не говорил о присутствии в Думе дворянства. Во многом это было вызвано тем, что Государь не мог уже так доверять дворянству, как прежде, из-за большого числа среди его предводителей сторонников оппозиции и конституционалистов. В этом с Николаем II был солидарен Великий Князь Владимир Александрович. Когда действительный тайный советник сенатор А. А. Нарышкин заявил, что при смешанной, а не сословной системе в Думу будет тяжело пройти не только крестьянам, но и дворянам, Владимир Александрович резко прервал его: «Позвольте Вас спросить: к какому сословию принадлежат князья Долгорукие, Трубецкие, Голицыны, Шаховские, Кузьмины-Караваевы, Петрункевичи? Они дворяне. А что говорят и пишут?» А. А. Нарышкин был вынужден признать, что «они заражены ложными и превратными мнениями». Однако при этом он подчеркнул, что хотя «названные лица принадлежат, конечно, к дворянскому сословию, но они люди другого направления, нежели большинство дворян. Дворянство не выбрало бы их своими представителями в Думу, если бы выборы были, как мы предлагаем, сословными. При смешанной же системе выборов, которая предлагается рас-

смастриваемым нами проектом, они имеют все шансы проникнуть в состав Думы»^[2272]. Однако Великого Князя Владимира Александровича этот ответ не удовлетворил: «Какие могут быть разговоры о сословном духе, традициях дворянского сословия после всего того, что произошло! Если бы дворянство было бы мало-мальски объединено и сплочено, то такие дворяне, как Петрункевич, были бы давно исключены по приговорам дворянских собраний из состава дворян и не были бы никуда приняты»^[2273]. В ходе совещания Николай II ещё раз подчеркнул: «крестьяне с цельным мировоззрением внесут в дело больше здравого смысла и житейской опытности»^[2274].

6 августа последовало Высочайшее утверждение Государственной думы^[2275]. Между тем либеральные оппозиционные круги стремились установить в России чуждые ей учреждения, созданные по западным образцам, хотели видеть во главе государства конституционного бесправного Монарха. Оппозиция и революционеры прекрасно понимали, что, если Государственная дума будет введена волей Царя и согласно его предначертаниям, их шансы на захват власти станут ничтожны. Именно поэтому «Освобождение» с ходу отвергло учреждение Думы, назвав его «белым флагом, символом трусости и слабости. Нужно только навалиться всей силой на колеблющееся Самодержавие, и оно рухнет»^[2276]. Созыв «Булыгинской думы» давал России шанс организованно соединить принципы монархической государственности

и народного представительства. Однако подрывная деятельность врагов России опрокинула этот шанс. Вместо законосовещательной думы при Царе России был навязан чуждый ее исторической традиции орган – законодательная Государственная дума^[2277].

Ответом революционеров и оппозиции на введение Царем Думы стала всеобщая стачка, которая началась 10 октября 1905 г. и вскоре парализована всю Россию. От Варшавы до Урала бездействовали железные дороги и заводы, у причалов стояли неразгруженные суда. Всеобщая забастовка наносила тяжёлый удар по экономике, парализовала жизнь городов, подрывала их моральный дух, сеяла страх и панику. Организаторы забастовок беспощадно расправлялись с теми рабочими и служащими, кто всё-таки начинал трудовую деятельность. Л. А. Тихомиров писал: «*Что такое “всеобщая забастовка”, Россия теперь очень хорошо узнала на практике. Она остановила движение железных дорог, почт, телеграфов, погрузила города во тьму, остановила подвоз съестных припасов, прекратила работу фабрик и заводов, прекратила занятие науками, лишила население всей страны возможности добывать средства к существованию, отняла у больных помощь врачей и аптек и так далее. Личность потеряла право даже на труд, на свободное передвижение, на какое бы то ни было действие, даже на исполнение нравственного долга*»^[2278]. Стачка проходила на фоне непрекращающегося террора. Николай II очень точно оце-

нил сложившуюся ситуацию: *«Мы находимся в полной революции при дезорганизации всего управления страной – в этом главная опасность»*^[2279].

12 октября был создан Петербургский совет рабочих депутатов, бастовали все заводы и фабрики города. Николай II вызвал к себе генерала Д. Ф. Трепова и поручил ему восстановить в Петербурге порядок, не допускать незаконных соборщ: *«Революционные проявления не могут больше быть терпимы, вместе с тем не должно дозволяться самоуправство толпы»*^[2280]. Всё это происходило при полном параличе власти. Николай II писал о происходящем в Петрограде: *«Господа министры, как мокрые курицы, собирались и рассуждали о том, как сделать объединение всех министерств, вместо того, чтобы действовать решительно. Когда на “митингах” (новое модное слово) было открыто решено начать вооружённое восстание, и я об этом узнал, тотчас Трепову были подчинены все войска Петроградского гарнизона, я ему предложил разделить город на участки, с отдельным начальником в каждом участке. В случае нападения на войска было предписано действовать немедленно оружием. Только это остановило революцию»*^[2281]. Об этом же свидетельствовал и генерал А. А. Мосолов, когда писал, что *«под влиянием непрерывных террористических актов и объявленной всеобщей забастовки растерянность в правительственных кругах достигла высшей точки»*^[2282].

Энергичный и волевой Трепов, издав знаменитый приказ

«Холостых залпов не давать, патронов не жалеть!», сумел добиться успокоения в столице без пролития крови. Помимо всеобщей стачки, давления либералов и революционного терроризма, перед Николаем II встала ещё одна чрезвычайно трудная и опасная проблема, которая заключалась в катастрофическом положении с финансами. Внутренний кризис вызвал падение курса российских государственных облигаций, вынудив правительство выплачивать по ним высокие проценты. В ходе революции 1905–1907 гг. облигации, обращавшиеся в Западной Европе, существенно упали в цене. Напуганные ростом революционного движения, представители российских деловых кругов и другие состоятельные люди стали в срочном порядке переводить золотые рубли в заграничные банки и тем самым еще более усложнили финансовое положение России. Появилась реальная угроза, что денежная система золотого обращения рубля может рухнуть.

На этом фоне началась активная деятельность С. Ю. Витте по введению в России конституции. Ранее он старался либо отмалчиваться, либо высказываться очень осторожно по поводу изменений государственного строя. В октябре 1904 г. Витте заявил «освобожденцу» И. И. Петрункевичу, что предан Самодержавию *«не за страх, а за совесть»*^[2283]. Однако после возвращения из Портсмута в сентябре 1905 г. Витте предстал в глазах русского общества не только как «спаситель отечества», но как «великий либерал». Обществу не было дела до того, что ни первым, ни вторым Витте не яв-

лся, но в 1905 г. российское общество уже страдало тяжелым духовным недугом. С. Ю. Витте, окрыленный внезапно свалившейся на него популярностью, стал использовать политический кризис для собственной выгоды. Приняв по возвращении из Портсмута образ «либерала», он теперь «*связывал свою судьбу с либеральной реформой, рассчитывал получить повышение, стать несменяемым*»^[2284]. Но Витте продолжал контактировать не только с либеральной средой. Генерал Г. О. Раух писал, что несомненны связи и отношения Витте со «*многими деятелями крайне левой направленности, до революционеров включительно*»^[2285]. Раух вполне допускал, что Витте «*это изменник, ведущий нарочно страну к анархии*», и его главная цель стать президентом России^[2286].

11 октября к Витте пришла депутация рабочих требовать Учредительного собрания на основе всеобщего, тайного и равного голосования, отмены военного положения, а также 8-часового рабочего дня. Витте свободно давал обещания исполнить их требования, за исключением Учредительного собрания, которое он считал ненужным. 14 октября Витте стал уверять Государя в необходимости скорейшего создания выборного народного представительства и введения политических свобод. Витте заявил, что «*Россия переросла ныне существующий строй*»^[2287].

9, 10 и 14 октября в Петергофе, во время приемов С. Ю. Витте, Государь заслушивал от него постоянные заверения, что в России необходимо введение конституцион-

ного правления. В своей записке на Высочайшее имя от 9 октября Витте писал: *«Наступил момент кризиса. Долг верноподданного обязывает это честно и открыто признать. Выбора нет: или стать во главе охватившего страну движения, или отдать ее на растерзание стихийных сил. Казни и потоки крови только ускорят взрыв»*^[2288].

Николай II писал своей матери: *«В течение этих ужасных дней, я виделся с Витте постоянно, наши разговоры начинались утром и кончались вечером при темноте. Представлялось избрать один из двух путей: назначить энергичного военного человека и всеми силами раздавить крамолу; затем была бы передышка, и снова пришлось через несколько месяцев действовать силой. Другой путь – предоставление гражданских прав населению – свободы слова, печати, собраний, союзов и неприкосновенность личности. Кроме того, обязательство проводить всякий законопроект через Государственную Думу – это, в сущности, и есть конституция. Витте горячо отстаивал этот путь, говоря, что, хотя он и рискованный, тем не менее, единственный в настоящий момент. Он прямо объявил, что если я хочу его назначить председателем Совета Министров, то надо согласиться с его программой и не мешать действовать»*^[2289]. Программа Витте предполагала введение широких «демократических» свобод и создание законотворческого выборного парламента. Витте заверял Императора, что принятие его программы внесет раскол в ряды оппозиции и революционеров, и насту-

пит успокоение. При этом Витте хотел, чтобы реформа была оформлена как «Программа Витте», а не как манифест Императора Николая II. Цели Витте вполне понятны: в случае если бы введение гражданских свобод было бы связано с его именем, а не именем Государя, то это придавало бы графу дополнительную популярность. На возражение Государя, что реформы можно проводить *«только при спокойном течении государственной жизни»*, Витте настаивал на её немедленном проведении.

По существу, это был своего рода ультиматум, поставленный Витте Государю. Сегодня трудно сказать, что было бы, если бы Царь от него отказался. Ведь Витте обладал тогда реальными возможностями как влиять на внутриполитическую ситуацию в стране, так и на организацию силовой акции типа дворцового переворота. Во всяком случае Николай II понимал, что прямое столкновение с Витте в тех условиях грозит самыми непредсказуемыми последствиями. Тем более что самые верные, как он считал, ему люди поддерживали программу Витте. 16 октября 1905 г. генерал Д. Ф. Трепов, которого всего за несколько часов до этого Николай II называл *«единственным из слуг»*, на которого он может *«совершенно положиться»*^[2290], писал Государю, что *«необходимо оказывать теперь гр. Витте полное доверие»*^[2291]. Другим человеком, которому Государь тоже доверял и на которого надеялся, был Великий Князь Николай Николаевич-младший. Николай II вызвал Великого Кня-

зя в Петергоф, куда тот прибыл 15 октября. Перед Высочайшей аудиенцией барон В. Б. Фредерикс сказал Николаю Николаевичу, что Государь хочет назначить его диктатором. Реакция Великого Князя была неадекватной: он *«будучи в каком-то неестественном возбуждении, выхватил револьвер и закричал: “Если Государь не примет программы Витте и захочет назначить меня диктатором, я застрелюсь у него на глазах из этого самого револьвера”»*^[2292]. Как писал военный министр, генерал-лейтенант А. Ф. Редигер: *«При таком настроении у Великого Князя, мысль о назначении его диктатором отпадала и, по приезду графа Витте, манифест был подписан»*^[2293]. Позднее Николай Николаевич уверял, что поддержал Витте только потому, что считал его *«единственным человеком, который способен был провести реформы. В ту минуту положение было таково, что кроме него никого подходящего не было, а реформы были нужны»*^[2294]. Имел Витте серьёзную поддержку и в лице Вдовствующей Императрицы Марии Феодоровны, которая убеждала Августейшего сына: *«Теперь, наверное, единственный человек, который может Тебе помочь и принести пользу, это Витте, так как теперь он, наверное, благожелательно настроен – это гениальный человек с ясной головой»*^[2295].

Так что, откажись Государь от программы Витте, полагаться ему было бы не на кого. В своём письме Д. Ф. Трепову 16 октября Николай II, признавая, что России даруется конституция, отмечал: *«Немного нас было, которые бо-*

ролись против неё. Но поддержки в этой борьбе ни откуда не пришло, всякий день от нас отворачивалось всё большее количество людей и в конце концов случилось неизбежное!»^[2296] При этом Государь понимал, что большая часть народа не желает ограничения Самодержавия. Министр внутренних дел П. Н. Дурново писал, что *«вся смута происходит не от народа, а от образованного общества, с которым нельзя не считаться: государством управляет образованное общество»*^[2297]. Николай II в известной степени зависел от этого общества. Государь понимал, что, не уступи он, и общество свергнет страну и народ в невиданные испытания, и ни один государственный деятель, ни одна политическая сила не воспротивится этому. Приходилось идти на временный компромисс с рвущимся к власти временщиком. Но это не означало, что Николай II собирался ему сдавать Россию.

13 октября Николай II направил Витте депешу, в которой объявлял, что назначает его председателем Совета министров *«для объединения действий всех министров»*^[2298]. 15 октября 1905 г. в 11 час. утра Император Николай II собрал в Петергофе комиссию для обсуждения разработки законоположения о новом государственном устройстве. При этом Государь указал, что нововведения должны быть облечены не в форме «Программы Витте», а Высочайшим Манифестом, проект которого Николай II поручил составить Витте. 15 октября Николай II записал в дневнике: *«Весьма занятой день. Утром прибыл Николаша. Имел с ним, Витте, Рихте-*

ром и Фредериксом длинное совещание по тому же вопросу о реформах. Оно продолжалось до 4 час»^[2299]. Как вспоминал военный министр генерал А. Ф. Редигер, у которого в этот день был Высочайший доклад, совещание «по-видимому, было бурным, так как в приемной комнате из-за двери кабинета подчас были слышны громкие голоса. Был почти час, когда оно закончилось, и меня тотчас позвали в кабинет. Государь стоял у письменного стола и, поздоровавшись, предложил мне пройти на обычное место к окну, сам он остался у письменного стола, где, кажется, укладывал папиросы. Он был взволнован, лицо покраснелось, голос был неровен»^[2300].

На совещании Витте попытался вновь добиться у Царя оформления государственной реформы в виде программы, а не в виде манифеста. Князь А. Д. Оболенский вспоминал: «Гр. Витте доложил, что программа менее свяжет Государя и что лучше было бы манифеста не составлять»^[2301]. Эту мысль Витте повторял неоднократно. В конце совещания «Его Величество отпустил всех, положил проект манифеста в стол и поблагодарил графа Витте, сказав, что помолится Богу, еще подумает и скажет ему, решится ли он на этот акт или нет»^[2302].

Для Николая II теперь главным было опередить Витте, поставить его перед свершившимся фактом уже готового манифеста. Для этого надо было придать манифесту более радикальный характер, чем он был у «Программы». Так, в

ней провозглашалось, что *«Его Величеству благоугодно повелеть Своему Правительству озаботиться проведением в жизнь»* реформ государственного управления и введения свобод, а так как во главе этого Правительства стоял Витте, то понятно, кто бы «проводил в жизнь» все преобразования. В манифесте же Николая II реформы и свободы объявлялись уже дарованными Высочайшей милостью. Накануне опубликования манифеста, 17 октября, барон В. Д. Фредерикс объявил Витте, что вопрос о провозглашении реформы в манифесте решен Государем *«бесповоротно»*^[2303]. В очередной раз Николай II обошёл «гениального» Витте, и тот едва смог сдержать своего раздражения перед Фредериксом, заявив тому, что он, Витте, ясно сознаёт, что со стороны *«Его Величества в основу отношения к нему несомненно легло»* чувство недоверия^[2304].

Однако и Николаю II приходилось считаться с Витте. Тем более что, прибыв утром 17 октября в Петергоф, Великий Князь Николай Николаевич в очередной раз выразил Царю *«своё полное сочувствие проекту Витте и доложил о невозможности, за недостатком войск, прибегнуть к военной диктатуре»*^[2305]. 17 октября в 18 час. на Нижнюю дачу приехал Витте, и в его присутствии Николай II подписал манифест и утвердил программу.

17 октября 1905 г. вышел Высочайший Манифест, в котором объявлялось: *«Смуты и волнения в столицах и во многих местностях империи Нашей великой и тяжкой скор-*

бью преисполняют сердце Наше. Благо Российского Государя неразрывно с благом народным и печаль народная Его печаль. От волнений, ныне возникших, может явиться глубокое нестроение народное и угроза целостности и единству Державы Нашей. Великий обет Царского служения повелевает Нам всеми силами разума и власти Нашей стремиться к скорейшему прекращению столь опасной для государства смуты. Повелев надлежащим властям принять меры к устранению прямых проявлений беспорядка, бесчинств и насилий, в охрану людей мирных, стремящихся к спокойному выполнению лежащего на каждом долга, Мы для успешного выполнения общих предназначаемых Нами к умиротворению государственной жизни мер, признали необходимость объединить деятельность высшего Правительства. На обязанность правительства возлагаем Мы выполнение непреклонной Нашей воли: 1) Даровать населению незыблемые основы гражданской свободы на началах действительной неприкосновенности личности, свободы совести, слова, собраний и союзов. 2) Не останавливая предназначенных выборов в Государственную думу, привлечь теперь же к участию в Думе, в мере возможности, соответствующей кратности остающегося до созыва Думы срока, те классы населения, которые ныне совсем лишены избирательных прав, предоставив за сим дальнейшее развитие начала общего избирательного права вновь установленному законодательному порядку, и 3) Установить как незыблемое правило, чтобы никакой за-

кон не мог воспринять силу без одобрения Государственной думы и чтобы выборным от народа обеспечена была возможность действительного участия в надзоре за закономерностью действий поставленных от Нас властей.

Призываем всех верных сынов России вспомнить долг свой перед Родиною, помочь прекращению сей неслыханной смуты и вместе с Нами напрячь все силы к восстановлению тишины и мира на родной земле»^[2306].

Таким образом, Манифест был далёк от того, что хотел Витте. Свободы и Дума провозглашались Царской волей и сочетались с жестким наведением порядка. Однако сам Николай II хорошо осознавал всю серьёзность и тяжесть принятого им решения. 17 октября 1905 г. он записал в дневнике: «Подписал манифест в 5 час. После такого дня голова сделалась тяжелою и мысли стали путаться. Господи помоги нам, спаси и умири Россию!»^[2307] Когда Витте сказал Государю, что в лице Думы он нашел верного помощника и опору, тот, плохо скрывая раздражение, заметил: «Не говорите мне этого Сергей Юльевич, я отлично понимаю, что создал себе не помощника, а врага, но утешаю себя мыслью, что мне удастся воспитать государственную силу, которая окажется полезной для того, чтобы в будущем обеспечить России путь спокойного развития, без резкого нарушения тех устоев, на которых она жила столько времени»^[2308]. В условиях всеобщего и чрезвычайного кризиса Царь сохранил главное: целостность России и самобыт-

ную основу русской государственности. Учреждение Думы и дарование свобод, при всей революционности этого шага, не затрагивали основ Самодержавия. Оценивая значение реформы 17 октября 1905 г., С. Ю. Витте на закате своих лет писал Царю: *«Как бы ни судили современники о настоящем, беспристрастная история внесет в свои скрижали великие дела Ваши на пользу Богом вверенного Вашему Величеству народа. В Ваше царствование Россия получила прочную железную систему, в Ваше царствование расцвела отечественная промышленность и железнодорожное строительство, в Ваше царствование с народа сняты многие тяготы – уничтожены выкупные платежи и круговая порука и проч., и проч. Но что русский народ никогда не забудет, пока будет жить – это то, что Император Николай II призвал народ свой к совместным законодательным трудам. Это Ваша бессмертная заслуга перед русским народом и человечеством!»*^[2309]

Реформы в условиях революционного хаоса

19 октября 1905 г. указом Государя для общего *«управления и объединения действий главных начальников ведомств по предметам, как законодательства, так и высшего государственного управления»* взамен прежнего Кабинета министров был образован Совет министров, председателем которого был назначен С. Ю. Витте. Было установлено как об-

щее правило, что *«все министерства и главные управления составляют единое управление и ни одно из них не может отделяться от других ни ввиду управления, ни в общей его цели»*^[2310].

Из ведения Совета министров были выделены дела, относящиеся к ведомству Императорского Двора, государственной обороны и внешней политики. Эти дела относились исключительно к компетенции Императора и могли вноситься на обсуждение Совета министров только по Высочайшему повелению. Статья 123 указа устанавливала принцип, что как Совет министров, так и отдельные министры отвечают *«перед Государем Императором не только за свои личные действия и распоряжения, но и за общий ход государственного управления»*.

В своём письме к Марии Феодоровне от 27 октября Николай II писал: *«У меня каждую неделю заседает Совет. <...> Говорят много, но делают мало. Все боятся действовать смело, мне приходится всегда заставлять их и самого Витте быть решительнее. Никто у нас не привык брать на себя, и все ждут приказаний, которые затем не любят исполнять»*^[2311].

Убеждая Государя в необходимости утверждения его программы, Витте говорил, что, как только она будет принята, в стране наступит мир и порядок. Николай II сказал по этому поводу *«С Витте всегда так. Ему трудно возражать, но в его словах редко чувствуется искренность»*^[2312]. Сразу

же после 17 октября всем стало ясно, что обещанное Витте успокоение оказалось блефом. Государь писал матери 10 ноября 1905 г.: *«Витте мне говорил ещё в Петергофе, что как только манифест 17 октября будет издан, Правительство не только может, но должно решительно проводить реформы и не допускать насилий и беспорядков. А вышло как будто наоборот. Повсюду пошли манифестации, затем еврейские погромы и, наконец, уничтожение имений помещиков»*^[2313].

Уже 18 октября по случаю опубликования Манифеста в Петербурге состоялся многотысячный митинг возле Университета, на котором выступил Троцкий, заявивший, что *«полупобеда ненадежна, что враг непримирим, что впереди западня»*^[2314]. Петербургский совет рабочих депутатов потребовал полной амнистии политическим заключенным. Войска были вынуждены стрелять в вооруженные толпы возле Путиловского завода, на Сампсониевском проспекте и на Гороховой улице. Массовые митинги шли в Киеве, Екатеринославе, Одессе, где революционные боевики силой освободили из тюрем своих подельников. В Москве образовалась первая либеральная партия конституционных демократов (кадетов), во главе которой стал давний враг Царя профессор П. Н. Милюков. По всей стране в октябре 1905 г. зафиксировано 219 крестьянских выступлений. В ноябре настоящие бои между бунтовщиками и правительственными войсками вспыхнули в Кронштадте, который находился в непо-

средственной близости от Императорской резиденции в Петергофе. 8 ноября из Швейцарии в Россию вернулся опасный государственный преступник Ульянов (Ленин).

11 ноября в Севастополе начался организованный социал-демократами вооруженный мятеж, который охватил часть солдат 49-го пехотного Брестского полка и матросов Флотского экипажа. Мятежники арестовывали офицеров, предъявляли политические и экономические требования властям. 12 ноября Государь записал в своём дневнике: *«В Севастополе возникли беспорядки в морских казармах и даже в некоторых частях гарнизона»*^[2315]. Николай II немедленно послал телеграмму вице-адмиралу Чухнину: *«Не теряйте бодрости духа. Употребите все меры, чтобы вразумить мятежников, напомнив им от моего имени, что, восстав против власти они нарушают долг присяги и позорят честь России. Объявите им, что если они не образумятся, то я с ними поступлю, как с клятвопреступниками и изменниками»*^[2316].

Во время бесконечных митингов в Севастополе среди ораторов выделялся бывший лейтенант флота П. П. Шмидт. К моменту его участия в мятеже он был уже уволен со службы по состоянию здоровья в звании капитана II ранга в отставке^[2317]. Когда Шмидт начал участвовать в антиправительственных действиях, он незаконно представлял себя в этом звании. Он произносил речи, в которых обвинял Царя в неполноте дарованных свобод, требовал освобождения

политических заключенных. Воспользовавшись мятежом на бронепалубном крейсере «Очаков» и тем, что все офицеры покинули его, Шмидт вместе со своим 16-летним сыном самочинно явился на крейсер и объявил, что принимает на себя командование эскадрой. На сторону мятежников перешли миноносец «Свирепый» и три номерных миноносца. Всех захваченных офицеров Шмидт объявил заложниками. Затем по его приказу был захвачен пассажирский пароход «Пушкин», пассажиров которых лейтенант собрал на палубе «Очакова», над которым был поднят красный флаг. Шмидт дал сигнал: *«Командую флотом – Шмидт»*. Но мятеж на «Очакове» не был поддержан командами других кораблей, с которых Шмидту кричали: *«Мы служим Царю и Отечеству, а ты, разбойник, заставляешь себе служить!»*^[2318] Тем временем в Севастополь вошел VII армейский корпус под командованием генерал-лейтенанта барона А. Н. Меллер-Закомельского, который быстро восстановил в городе порядок. Большая часть Брестского полка осталась верной присяге и приняла активное участие в подавлении бунта. 19 ноября Император Николай II в телеграмме на имя генерала Меллер-Закомельского выражал свою благодарность *«за энергичное и быстрое подавление мятежа. Объявите Брестскому полку, кровью своею запечатлевшему верность долгу, что я возвращаю ему доверие и благоволение и сохраняю ему знамя. Передайте частям оставшимся верными присяге и долгу, и их начальникам Мою сердечную*

благодарность за доблестную службу»^[2319].

Береговая артиллерия севастопольской крепости открыла огонь по «Очакову». Мятежный корабль обстреляли также верные присяге корабли эскадры. Шмидт полностью утратил хладнокровие и одним из первых бежал с крейсера, за ним последовала мятежная команда. Вскоре незадачливо-го «диктатора» нашли спрятавшимся на одном из кораблей и арестовали. «Очаков» поднял белый флаг. Меллер-Закомельский докладывал Государю: *«Шмидта перевели в крепость Очаков. Несмотря на свою многочисленность и отличное вооружение, мятежники обнаружили в военных действиях полное малодушие и неумелость»*^[2320]. Сам Николай II сообщал в письме к матери: *«Вчера ген. Меллер-Закомельский энергично покончил с мятежом; морские казармы взяты Брестским полком, и крейсер “Очаков” сдался после стрельбы с “Ростислава” и артиллерии на берегу. Сколько убитых и раненых, я ещё не знаю. Подумать страшно, что это всё свои люди!! Какой-то прогнанный со службы бывший лейтенант Шмидт провозгласил себя командиром “Очакова”, но после боя бежал, переодетый матросом, и был пойман. Его, конечно, придётся расстрелять»*^[2321].

Шмидта и его подельщиков судил Черноморский военно-морской суд, который в марте 1906 г. приговорил их к смертной казни через повешение, замененное расстрелом. Примечательно, что Витте пытался спасти Шмидта и в письме к Николаю II осторожно сообщал, что *«приговоренный к*

смертной казни, психически больной человек и что его преступные действия объясняются только его болезнью»^[2322]. Однако Николай II на полях этого письма написал: «У меня нет ни малейшего сомнения в том, что если бы Шмидт был душевно больным, то это было бы установлено судебной экспертизой»^[2323].

В последние недели осени особую силу приобрело революционное движение в Прибалтике. 29 ноября Государь назначил генерала от инфантерии В. У. Соллогуба временным Прибалтийским генерал-губернатором, которому дал чёткий приказ: «*Подавите беспорядки в Феллинском и Перновском уездах. Вообще, желательно проявление отдельными отрядами большой инициативы, деятельности и самостоятельности*»^[2324]. Николай II не боялся поддерживать тех, кто шел во имя наведения порядка на жесткие, порой жестокие меры. На докладе Витте о том, что Соллогуб расстрелял и повесил несколько революционных вожakov, Государь поставил резолюцию: «*Молодец!*»^[2325]

В конце 1905 г. угрожающе осложнилась обстановка в Москве. Витте докладывал Царю: «*Агитация, предпринятая революционерами в Петербурге, не увенчалась успехом. Совершенно в иных условиях оказался город Москва, где агитация, предпринятая революционерами, нашла широкую поддержку среди рабочих и вылилась в форме открытого восстания*»^[2326]. Пользуясь безнаказанностью, революционеры принялись формировать «боевые дружины», которые были

хорошо вооружены револьверами, винтовками и бомбами.

Император Николай II назначил генерал-губернатором Москвы адмирала Ф. В. Дубасова, который 6 декабря объявил город на Положении чрезвычайной охраны. В ночь на 9 декабря 1905 г. в московском саду «Аквариум» собрался огромный митинг, на котором присутствовало 10 тыс. человек. В выступлениях ораторов слышались призывы к захвату власти и аресту губернатора. В тот же день реальное училище И. И. Фидлера, где находился тренировочный лагерь и штаб эсеровских боевиков, подверглось обстрелу и штурму правительственными войсками, в ходе которого было изъято большое количество оружия и боеприпасов, 113 боевиков было арестовано^[2327].

9 декабря исполком рабочих депутатов принял решение о всеобщем восстании, которое началось в 18 час. Была отключена электроэнергия, город погрузился в темноту. По улицам передвигались вооруженные иностранным оружием дружинники, убивая солдат и офицеров, выгоняя из домов людей и заставляя их возводить баррикады. Начались грабежи магазинов, убийство лавочников и простых обывателей. В результате уголовного террора на глазах малолетних детей боевиками был схвачен у себя дома и расстрелян в подъезде начальник сыскной полиции А. И. Войлошников. Дружинники стреляли по войскам из окон домов, а потом скрывались, войска отвечали артиллерийским огнем, в результате которого гибли мирные люди. Боевики планировали захва-

тить Николаевский вокзал и прервать сообщение Москвы с Санкт-Петербургом. В связи с этим 9–10 декабря по всему городу начались бои с применением артиллерийского и ружейного огня. 11 декабря Государь записал в дневнике: «*Вчера в Москве произошло настоящее побоище между войсками и революционерами*»^[2328].

В организации восстания были замешаны богатые предприниматели из среды раскольников-беспоповцев Н. П. Шмидт и С. Т. Морозов. Либеральные круги через газету «Русские ведомости» передавали значительные пожертвования «борцам за свободу». На фабрике Шмидта на Пресне революционеры устроили свой штаб. К 12 декабря большая часть города, все вокзалы, кроме Николаевского, в котором располагались войска, были в руках мятежников. Правительственные войска удерживали лишь центр города. Наиболее упорные бои велись в Замоскворечье, Рогожско-Симоновском районе, центре старообрядчества, и на Пресне, которая стала опорным пунктом революционеров. Весь город покрылся сетью баррикад. Пользуясь поддержкой служащих, мятежники захватили железнодорожные станции по линии Люберцы – Перово Московско-Казанской железной дороги, которая стала базой, питающей бунтовщиков оружием и людьми^[2329]. На 13 декабря в Москве было убито 80 человек и ранено – 320^[2330]. Сводный воинский отряд под командованием генерал-майора С. Е. Дебеша, находившийся в распоряжении Дубасова, не смог овладеть положени-

ем. Многие солдаты гарнизона оказались неблагонадёжными, были разоружены и заперты в казармах. Против мятежников Дубасов смог двинуть лишь около 5 тыс. человек. Тем временем вооружённых боевиков только на начало мятежа было около 2 тыс. человек, а в ходе боев это число выросло до 4 тыс. человек^[2331]. Адмирал Дубасов был вынужден сообщить Государю, что сил для подавления мятежа не хватает.

14 декабря Николай II приказал командиру Лейб-гвардии Семёновского полка полковнику Г. А. Мину возглавить сводный отряд и двинуться с ним в Москву для подавления восстания. Государь отдал приказ войскам действовать жёстко и решительно, отвечая на выстрелы мятежников *«выстрелами же и сокрушать малейшее поползновение вооружённого восстания»*^[2332]. Вторая часть отряда Семёновского полка под командованием полковника Н. К. Римана должна была очистить от боевиков железнодорожный путь от Перово до Люберец и восстановить по нему прохождение составов. 15 декабря Николай II писал адмиралу Ф. В. Дубасову: *«Надеюсь, что Семёновский полк поможет вам раздавить окончательно революцию вместе с славными Гренадерскими полками»*^[2333].

15 декабря отряд полковника Г. А. Мина прибыл в Москву. Революционных главарей охватила паника: победа семёновцев в Москве могла означать применение их в других городах. Перетрусивший большевик В. Бонч-Бруевич предлагал петербургскому комитету «партии» захватить *«парочку*

великих князей» в качестве заложников, спрятать их в тайное место и держать в постоянном страхе неотвратимой и немедленной казни, если хоть одна «капля пролетарской крови» будет пролита в Москве^[2334].

Однако подобные истерики не могли остановить Семёновский полк. Он быстро подавил в Москве очаги сопротивления, разбирая баррикады, арестовывая и расстреливая на месте зачинщиков и бунтовщиков. В результате решительных и успешных действий Семёновского полка весь Пресненский район Москвы был очищен от мятежников, все пункты их сосредоточения и баррикады уничтожены. При подавлении московского мятежа было убито и ранено 175 военнослужащих сводного отряда, а также жандармов и полицейских^[2335].

Высоко оценивая действия Семёновского полка в Москве, Император Николай II писал в телеграмме на имя Ф. В. Дубасова: *«С особым удовольствием выражаю Вам и Вашим подчиненным Мою сердечную благодарность за беззаветно верную службу. Радуюсь, что Мои славные Семёновцы показали себя теперь молодцами. Надеюсь скоро получить от Вас донесение о повсеместном истреблении крамольников. НИКОЛАЙ»*^[2336]. Государь торопил Дубасова как можно скорее вернуть отряд Мина в Петербург, где требовалась надёжная и верная воинская сила. Царь телеграфировал Дубасову: *«Когда вы думаете отпустить Семёновский полк? Прошу его не задерживать в Москве»*^[2337].

Одновременно Государь направил большую денежную по-

мощь москвичам, пострадавшим от мятежа. С. Ю. Витте сообщал московскому генерал-губернатору: *«Государь Император повелеть соизволил отпустить в распоряжение Вашего Превосходительства 100 000 рублей для выдачи пособий пострадавшему и неимущему населению города Москвы»*^[2338]. В ходе московского восстания было убито и ранено 831 гражданское лицо^[2339]. Николай II телеграфировал Дубасову: *«Сумма в 100 тысяч рублей отпущена в ваше распоряжение для раздачи исключительно местному населению, пострадавшему при подавлении мятежа»*^[2340].

Принимая 21 ноября в Петергофе парад вернувшегося из Москвы Лейб-гвардии Семёновского полка, Государь обратился к нему с приветственным словом: *«Семёновцы! Как в походах, так и в мирное время, вы всегда радовали своих Шефов своею славною службой, и в настоящие смутные дни вы честно и предано служите Престолу и Отечеству, верные своему долгу и старым преданиям полка. Искреннее и душевное спасибо вам за вашу примерную службу. Храните всегда также свято заветы вашего Основателя Великого Петра, и продолжайте служить также верно, честно и доблестно, как ваши прадеды, деды и отцы. За ваше здоровье, братцы, за славу и процветание Лейб-Гвардии Семёновского полка!»*^[2341]

В 1906 г. Николай II произвел Г. А. Мина в генерал-майоры, наградил орденом Св. Владимира 3-й ст., назначил своим флигель-адъютантом и зачислил в свою Свиту.

Тем временем отряд полковника Н. К. Римана в кратчайший срок, не потеряв ни одного человека, полностью очистил от мятежников стратегически важный участок железнодорожного пути Перово – Люберцы Московско-Казанской железной дороги. К январю 1906 г. мятеж в Москве был подавлен. Через пять лет после кровавых событий 1905 г. против Н. К. Римана был инспирирован судебный процесс по обвинению его в «применении оружия против мирного населения». Суд оправдал полковника, справедливо посчитав, что эти меры были вызваны исключительно сложившейся ситуацией и применялись против лиц, либо участвовавших в мятеже, либо активно помогавших ему. 2 декабря 1911 г. Император Николай II поставил свою резолюцию на докладе о решении суда: *«Согласен. Если бы все военные начальники действовали по примеру полковника Римана, то Россия не пережила бы тяжелой и постыдной години 6 лет тому назад»*^[2342]. Государь приказал дело в отношении полковника Н. К. Римана и его отряда при подавлении беспорядков 1905 г. дальнейшим производством прекратить^[2343].

В эти тревожные дни Николай II уделяет особое внимание воинским частям, особенно Лейб-гвардии. Стали особенно частыми встречи Государя с офицерами в неформальной обстановке, смотры полкам, во время которых Царь благодарил солдат и офицеров за верную службу и обращался к ним с призывом сокрушить крамолу. 30 ноября 1905 г. Николай II отмечал в дневнике: *«Обедали все офицеры Л.-*

Гв. Московского полка, пришедшего сегодня из города. Разговаривали с ними до 10 ¼»^[2344]; 1 декабря: «В 10 ½ поехал в экзерциргауз, где произвел смотр Московскому полку, который представился блестяще. Снялись группой с офицерами на подъезде»^[2345]; 2 декабря: «Сегодня пришел Преображенский полк. Обедали в 8 час. с офицерами»^[2346]; 3 декабря: «В 10 ½ поехал с Мишей к Большому дворцу; на площадке произошел блестящий смотр Преображенцам. Аликс взяла с собою маленького Алексея, который в первый раз присутствовал на параде»^[2347]. Появление маленького Цесаревича перед войсками производило на них сильное впечатление. Государь в письме к матери: «3-го дня был очередной смотр Преображенцам. Погода была тёплая, и Аликс взяла с собой маленького, который смотрел со ступенек подъезда перед дворцом. Полк был очень рад видеть его»^[2348]. Представляя его Преображенскому полку, Государь сказал им: «Преображенцы всегда были Мне утешением, а в особенности в эти трудные дни. И вам братцы сердечное спасибо за вашу славную, верную и преданную России и Мне службу. Уверен, что и молодые преображенцы, когда они вступят в ряды полка, будут служить также верно, как служили их деды и отцы»^[2349]. 12 декабря Николай II в Царском Селе принимал парад Лейб-гвардии Финляндского полка, на котором снова присутствовал Наследник. Военный министр генерал А. Ф. Редигер вспоминал: «Наследник был шефом Л.-Гв. Финляндского полка. Государь впервые показал полку

его Шефа 12 декабря 1905 года на полковом празднике: во время окропления полка святой водой, он его пронес вдоль фронта, идя за протопресвитером; наследник был одет во все белое; ему было почти полтора года. При тогдашних обстоятельствах эта сцена произвела большое впечатление, так же как и слова Государя, сказанные потом полку, чтобы полк служил своему шефу также верно, как он служил ему в эти трудные времена. На следующий день у меня был личный доклад, и я спросил Государя, не очень ли он устал? Он сказал, что под конец отекала рука; я сказал, что в будущем уже нельзя будет нести, а придется вести за руку. Он вспомнил про картину, изображавшую, как во время декабрьского бунта (1825) Николай Павлович вынес своего семилетнего Наследника и вверил его Павловскому полку. Я заметил, что Наследник был удивительно спокоен и не пугался массы лиц, Государь сказал, что “маленький” очень любит его и с ним охотно и спокойно идет, но что он принял одну предосторожность: чтобы полк не кричал ура и не испугал “маленького”, он его обнес вдоль фронта в такую минуту, когда никакого крика не приходилось опасаться»^[2350].

Обращаясь к финляндцам, Государь вновь подчеркнул традиционно-верную службу полка Престолу и Отечеству, поблагодарил за неё, а затем сказал, имея в виду Цесаревича: «Сегодня вы видели своего Шефа. Уверен, что будущие финляндцы будут также верно служить Ему, как вы служите теперь Мне»^[2351]. В ответ прозвучало громовое «ура!».

31 декабря Николай II в Царском Селе сделал смотр Лейб-гвардии Казачьему полку, с офицерами которого он и Государыня накануне вместе обедали^[2352]. По словам Царя, Лейб-гвардии Казачий полк «представился блестяще»^[2353]. Обращаясь по окончании смотра к чинам полка, Николай II заявил: *«Лейб-казаки! В течение 100 лет вы твердо и верно служите своим Царям, Шефам, Отечеству. <...> Теперь в эти смутные дни, что Господь ниспослал России, вы и все войско донское служите честно, верно и беззаветно Мне и России. В вашем лице благодарю донских казаков, а всем вам верным Моим казакам, сердечное спасибо за службу»*^[2354]. В знак особой милости к полку Государь зачислил его командира генерал-майора А. В. Родионова в свою Свиту^[2355]. 14 января 1906 г. Николай II провел смотр Лейб-гвардии Атаманского полка. Царь, держа на руках полугодовалого Цесаревича Алексея, обошел строй войск, а затем передал сына командиру полка генерал-майору А. Л. Вершинину, который отнес его Императрице Александре Феодоровне. После чего Царь, обращаясь к полку, сказал: *«Вот, братцы, ваш Шеф и Атаман»*^[2356]. Эти встречи сыграли большую роль в укреплении верноподданнических чувств солдат и офицеров, в том, что армия во время смуты осталась в целом верна Престолу.

В конце 1905-го – начале 1906 г. тревожная ситуация сложилась не только в Москве, но и в районе, непосредственно расположенном от линии фронта, – на Великом Сибирь-

ском пути, где созданные революционерами стачечные комитеты полностью контролировали дорогу. Сибирь фактически оказалась отрезанной от Европейской России. Правительственный телеграф бездействовал, железнодорожный находился в руках стачкомов. На всём протяжении железнодорожного пути образовалось несколько революционных опорных пунктов.

Пользуясь беспомощностью властей, революционерам удалось обмануть общественное мнение и представить ситуацию так, словно власть в России перешла в руки революционного правительства. Эта пропаганда была настолько успешна, что командование на Дальнем Востоке растерялось. Главнокомандующий Маньчжурской армией генерал-лейтенант Н. П. Линевич даже вступил в переговоры с мятежниками по поводу эвакуации запасных и заявил генералу А. Н. Куропаткину, что *«не признаёт нужным бороться против крайних партий»*^[2357]. Кроме того, возникла ещё одна проблема: возвращающиеся из японского плена солдаты попадали под влияние революционной пропаганды и примыкали к беспорядкам. Николай II жёстко потребовал от генерала Н. П. Линевича: *«Пленные никоим образом не должны быть направляемы иначе, чем через Владивосток. Проявление бунта и массовое нарушение дисциплины должны быть караемы с величайшей строгостью. Уполномочьте во Владивостоке начальника и, если нужно назначьте части, которые понимая важность возложенного на них поручения*

и чувства долга перед Престолом и Родиной сумели бы обуздать с первых шагов преступное своеволие возвратившихся из плена людей. Примите все меры, чтобы порядок был восстановлен среди бывших пленных. Пока порядок среди них и притом надёжный, восстановлен не будет, отправлять их на родину не следует, а необходимо отдавать предпочтение раненым, находящимся в армии, и не бывших в плену»^[2358].

Тем временем в некоторых частях бывшей Маньчжурской армии, возвращавшихся домой, начались волнения, подстрекаемые революционными агитаторами, солдаты стали митинговать, поговаривать о «ненужности войны». Чита фактически перешла под контроль мятежников. Дошло до того, что губернатор И. В. Холщевников назвал эсеров «партией порядка». В руках революционеров находились вагоны с 30 тыс. винтовок. Министр внутренних дел П. Н. Дурново докладывал Государю: *«По донесениям военных властей из города Красноярска в названном городе господствует анархия, причём во главе бунтовщиков находится железнодорожный батальон. Верными долгу и присяге остались приблизительно три сотни чинов запасного батальона и казаков»^[2359].*

Для наведения порядка на Транссибе Николай II направил двух генералов: генерал-лейтенанта барона А. Н. Меллера-Закомельского и генерал-лейтенанта П.К. фон Ренненкампа, который был назначен главой экспедиции. Передавая генералу Линевичу о чрезвычайных полномочиях назна-

ченного им военачальника, Государь писал: *«Передайте Ренненкампу, что Я и Россия ожидаем от него энергичной деятельности быстрого и окончательного выхода из тяжелого и ненормального положения, в котором находится в настоящее время эта важнейшая государственная линия, благодаря смуте железнодорожных служащих и подстрекательствах извне. Мои повеления приведите в исполнение безотлагательно. НИКОЛАЙ»*^[2360].

Генералу А. Н. Меллеру-Закомельскому было приказано двигаться из Петербурга на Читу и соединиться там с отрядом генерала П. К. Ренненкампа, который должен был следовать со своим отрядом с Маньчжурского фронта, где он командовал Забайкальской казачьей дивизией. Отряд генерала Меллера-Закомельского выступил из Петербурга в новогоднюю ночь 1906 г. с отрядом Лейб-гвардии Литовского полка, численностью в 200 человек при двух орудиях. Ему противостояли многочисленные вооруженные отряды мятежников и толпы митингующих солдат. 4 января в телеграмме на имя Государя генерал Меллер-Закомельский сообщал: *«Водворяю по возможности порядок. Сожалею, что не был послан двадцатью днями раньше, мог бы устранить многое»*^[2361].

Прибыв на станцию Узловая, Меллер-Закомельский застал там поезд с распустившимися запасными. Генерал выстроил их на платформе и громовым голосом приказал опуститься на колени. Запасные беспрекословно выполнили его приказ. Несмотря на рассказы большевиков о «чудовищ-

ных злодействах карателя Меллера-Закомельского», на расстоянии 5 тыс. верст было расстреляно всего 7 человек, из которых пять оказали вооруженное сопротивление. Кроме того, был расстрелян машинист, отказавшийся вести поезд Меллера-Закомельского и призывавший солдат к неповиновению, а также телеграфист, который не пропускал телеграмм, имевших государственное значение. Эти расстрелы, произведённые без колебаний, возымели большое моральное и устрашающее значение и сохранили жизнь тысячам людей, ибо после них порядок на железной дороге немедленно водворялся. 3 января отряд Меллера-Закомельского полностью очистил от революционеров и мятежных солдат Красноярск. В городе правительственными войсками было изъято 400 винтовок, 9 револьверов и 14 тыс. патронов^[2362].

Генерал П. К. Ренненкампф действовал не столь энергично, как генерал Меллер-Закомельский, и часто отправлял в Петербург жалобы на Меллера-Закомельского, что тот действует слишком жестоко, «нарушая закон». Это вызвало неудовольствие Николая II, который сказал начальнику главного управления Генерального штаба генерал-лейтенанту Ф. Ф. Палицыну: *«Ренненкампф излишне рассуждает. Меллер больше действует»*^[2363]. Но 20 января 1906 г. Ренненкампф полностью очистил Читу от революционеров, расстреляв их наиболее активных руководителей, включая большевика И. В. Бабушкина.

Со взятием Читы Транссибирская магистраль была сво-

бодна. Военный министр А. Ф. Редигер писал: *«Заслуга Меллера-Закомельского была громадна: он восстановил связь с армиями, восстановил порядок на протяжении нескольких тысяч верст железнодорожного пути! Задача, казавшаяся столь трудной и опасной, была разрешена гладко и просто, с ничтожными силами»*^[2364]. Как писал историк С. С. Ольденбург, *«экспедиция генерала Меллера-Закомельского показала, как порой суровость, примененная вовремя, может предотвратить большое кровопролитие»*^[2365].

Большой проблемой для русского Правительства стала борьба с незаконным ввозом из-за границы оружия, предназначенного для революционеров и террористов. Активную роль в этом играли японские спецслужбы, а также американские финансовые круги. Оружие завозилось в основном через Финляндию. 24 ноября 1905 г. Великий Князь Николай Николаевич докладывал Царю: *«Донесения наших военных агентов за границей устанавливают существование тайного ввоза оружия в Империю через Финляндию, принявшего за последние месяцы массовый характер»*^[2366]. Император Николай II писал Вдовствующей Императрице: *«Вооружение у подлецов отличное – английское и швейцарское. Морская граница у нас длинная и охранять её от ввоза оружия крайне трудно»*^[2367].

В Департамент полиции поступали сведения о завозе оружия из Гамбурга на пароходах через Белоостров. *«В Россию, – говорилось в донесении, – ввозится незначительная*

часть; большинство остаётся в Финляндии и предназначается на случай партизанской войны с Россией»^[2368]. 24 ноября 1905 г. по приказу Императора Николая II Правительство приняло решение о запрете ввоза оружия и боеприпасов в Россию^[2369]. Этим был нанесен серьёзный удар по снабжению революционных группировок оружием.

2 декабря Правительство запретило участие в забастовках служащим железных дорог, телеграфов, телефонных станций, важнейших государственных объектов. Виновных в подстрекательстве к забастовкам ждало тюремное заключение^[2370]. Революция не обошла стороной, казалось бы, далёкое от внутренней политики министерство иностранных дел. МИДу пришлось принимать участие в борьбе с революцией. Правда, не все сотрудники МИД были готовы это делать. 28 декабря 1905 г. по ведомству министерства иностранных дел был разослан циркуляр № 31 министра графа В. Н. Ламздорфа, который, выполняя Высочайшее повеление, сообщал: *«Недопустимо, чтобы должностные лица, получающие полномочия от Государственной власти и действующие в силу её поручений, являлись скрытыми врагами существующего государственного порядка, противодействовали начинаниям Правительства и поддерживали враждебные ему стремления. <...> Правительство не потерпит на службе чиновников, оказывающих противодействие его видам и неповинующихся законной власти»*^[2371].

Глава 6. Обновление Империи и победа над революцией

Государь и народ против революции

Усилившаяся после подписания Манифеста 17 октября смута, а также растерянность перед нею Правительства и лично Витте заставили Императора Николая II уже в конце 1905 г. задуматься над корректировкой Манифеста. В первую очередь Государь был убежден в необходимости довести до народа, что Царское Самодержавие сохранилось и после реформы 17 октября. Ограничение полноты власти Монарха было со стороны Императора Николая II вынужденным шагом, в целесообразность которого он не верил. Беспокойство Николая II по этому поводу усиливалось, помимо собственных убеждений, огромным количеством писем и телеграмм, в которых простые люди выступали против ограничения Самодержавной власти. *«Я получаю много телеграмм отовсюду, – писал Николай II Императрице Марии Феодоровне, – трогательного свойства, с благодарностью за дарованные свободы, но с ясным указанием на то, что желают сохранения Самодержавия. Зачем они молчали раньше – добрые люди?»*^[2372] Нельзя не согласиться с док-

тором ист. наук А. Н. Бохановым, когда он пишет, что *«Николай II понимал то, что иные в расчёт не принимали: реальные условия России, психологию народной среды, уровень политической зрелости основных масс будущих избирателей»*^[2373].

Революция 1905 г. началась в монархической стране, причем в данном случае речь идёт не только о государственном устройстве, но и о тех духовных началах, которыми веками жила подавляющая часть России. И. Л. Солоневич называл эти начала «монархическим инстинктом» русского народа^[2374]. В преддверии революции и в ее начале отношение к ней народа было большей частью заинтересованное. Особенно это касалось крестьянства, наиболее социально проблемного сословия Империи. Заманчивые посулы эсеров о разделе земли, об отнятии у помещиков «избытка» зерна находили отклик у значительной части сельских жителей. Отсюда – неоднократные аграрные беспорядки, охватившие страну в 1903–1906 гг. Но эти беспорядки в подавляющем своем большинстве не носили антимонархического характера. Крестьянин, подымаясь на бунт, часто думал или хотел думать, что действует с разрешения и одобрения Царя. Эсеровские агитаторы, призывая крестьян жечь помещичьи усадьбы, убеждали, что это *«Царь разрешил»*. Мятежный лейтенант Шмидт понимал, что *«без имени Царя тёмные массы за ним не пойдут»*^[2375].

Поэтому Манифест 17 октября не встретил негативной

реакции большей части народа. Как вспоминал В. В. Шульгин: *«Русская толпа, в значительной мере по старине монархическая, думала, что раз Государь дал манифест, то значит, так и надо, значит надо радоваться. Подозрителен был, конечно, красный карнавал. Но ведь теперь у нас конституция. Может быть, так и полагается»*^[2376]. Однако «красный маскарад» становился всё более агрессивным. Среди революционеров было много инородцев, которые начали сжигать царские портреты, глумиться над Православием, объявлять всевозможные «республики» и созывать «учредительные собрания». Тот же Шульгин вспоминал, что творилось в Киевской городской думе: *«Толпа, среди которой наиболее выделялись евреи, ворвалась в зал заседаний и в революционном неистовстве изорвала все царские портреты, висевшие в зале. Некоторым императорам выкалывали глаза, другим чинили всякие издевательства. Какой-то рыжий студент-еврей, пробив головой портрет царствующего Императора, носил на себе пробитое полотно, исступленно крича: – Теперь я – царь!»*^[2377]

То же самое произошло в Архангельской думе. Там был устроен революционный митинг, на котором выступили профессор М. Ю. Гольдштейн, политический ссыльный Х. Ф. Шапиро и присяжный поверенный А. С. Тартаковский. Они заявили о «ложности» Манифеста и призывали к свержению Царя. По окончании речи раздались крики «долой портреты». После чего несколько человек бросилось снимать

висевшие на стене портреты Николая II и Александра III, несмотря на протест большей части публики. Когда портреты в рамках были сорваны, часть протестовавших бросилась защищать портреты. В результате этого завязалась борьба, во время которой портреты были выбиты из рам, а портрет Императора Николая II оказался надорванным и пробитым палкой^[2378]. В ответ несколько тысяч рабочих с царскими портретами и иконами, с пением гимна прошли по городу, но были атакованы революционерами. Тем не менее монархическая толпа заставила их бежать. Гольдштейн, пытавшийся вновь призвать к свержению монархии, был избит рабочими и от побоев скончался. В Москве член ЦК РСДРП и «специалист» по экспроприациям Н. Э. Бауман, вышедший 8 октября на свободу из Таганской тюрьмы, где он был единственным «политзаключенным», остальные уголовники, возглавил вооруженное шествие, требуя «разгромить русскую Бастилию», то есть ту самую Таганскую тюрьму. Бауман ехал на пролётке, держа в руках транспарант *«Долой Самодержавие!»* и скандируя: *«Долой Царя!»* и *«Теперь я ваш царь и бог!»* На углу ул. Немецкой и Денисовского пер., недалеко от фабрики П. П. Щапова, стояла небольшая группа, наблюдавшая за шедшей во дворе игрой «в бабки». Дальнейшее описал в своем докладе Государю в 1908 г. министр юстиции И. Г. Щегловитов: *«18 октября 1905 года в г. Москве, во время происходивших в те дни противоправительственных демонстраций, на Немецкой улице во главе толпы, шед-*

шей с красными флагами в руках, появился ветеринарный врач Николай Эрнестович Бауман. Выхватив из рук одного из участников шествия красный флаг, Бауман сел в извозчичью пролетку и, держа означенный флаг в руках, быстро поехал по направлению к Покровке. В это время стоявший на тротуаре, среди публики, Михалин подбежал к пролетке и замахнулся бывшей у него в руках железной палкой на Баумана, но последний успел соскочить с пролетки и бросился бежать. Тогда Михалин погнался за убегающим и, настигнув его посреди улицы, нанес Бауману той же палкою удар по голове, а когда тот упал на мостовую, еще несколько раз ударил его палкою по голове, раздробив потерпевшему череп, от каковых повреждений Бауман в тот же день скончался. Вслед за этим Михалин добровольно явился во второй полицейский участок Басманной части и чистосердечно сознался в учиненном им преступном деянии, объяснив, что, возмущенный действиями революционных партий, он убил Баумана, видя в нем врага правительства»^[2379].

Следует отметить, что демонстранты открыли беспорядочную стрельбу по нападавшему, но тому удалось скрыться. Несмотря на это, убийца Баумана добровольно явился в полицейский участок. Им оказался Н. Ф. Михалин, уроженец Козловского уезда Тамбовской губернии, рабочий фабрики Щапова. Он заявил, что лишил жизни Баумана из ненависти ко всем, кто ходит с красными флагами, и намерен таких людей и в дальнейшем убивать. Михалин также показал,

что он потребовал, чтобы Бауман убрал флаг, а тот в ответ выстрелил в него из револьвера, и тогда рабочий его ударил. Ранее Михалин служил в Лейб-гвардии Конногвардейском полку и незадолго до описываемых событий уволился в запас. Примечательно, что к стенам суда требовать освободить арестованного Михалина пришла огромная толпа, после чего прокурор был вынужден исполнить это требование. Тем не менее суд признал убийцу Баумана виновным и 13 марта 1907 г. приговорил его к отдаче в исправительное арестантское отделение на 1 год и 6 месяцев. В своём докладе Щегловитов просил Государя помиловать Михалина, на что сразу же получил Монаршее согласие^[2380].

В большинстве городов стали организовываться народные митинги в защиту Царя и Самодержавия. Оскорбленное монархическое чувство народа не хотело мириться с глумлением над Царем и над своими святынями. «Монархический инстинкт», спасавший Россию при Минине и Пожарском, при нашествии Наполеона, спас Россию и в 1905–1907 гг. Народ начал давать отпор революции.

Николай II в письме к Императрице Марии Феодоровне от 27 октября 1905 г. так описывал эту народную реакцию: *«В первые дни после манифеста нехорошие элементы сильно подняли головы, но затем наступила сильная реакция и вся масса преданных людей воскресла. Результат случился понятный и обыкновенный у нас: народ возмущился наглостью и дерзостью революционеров и социалистов, а так как*

9/10 из них жиды, то вся злость обрушилась на тех, отсюда еврейские погромы. Поразительно, с каким единодушием и сразу это случилось по всей России и Сибири. В Англии, конечно, пишут, что эти беспорядки были организованы полицией. Как всегда – старая знакомая басня! Но не одним жидам пришлось плохо, досталось и русским агитаторам, инженерам, адвокатам и всем другим скверным людям»^[2381].

В декабре 1905 г. возникло народное движение «Союз русского народа». Это было истинно народное движение, возникшее стихийно. Как позднее сообщал Департамент полиции: «Союз Русского Народа – единственная политическая партия в России, которая имеет соприкосновение с действительною массою простого, серого люда. Вот в чем кроется и действительная сила Союза, и его живучесть. С религией и верой в Монархию шутить нельзя»^[2382]. Кстати, даже Ленин был вынужден признавать: «В нашем черносотенстве есть одна чрезвычайно оригинальная и чрезвычайно важная черта, на которую обращено недостаточно внимания. Это – тёмный мужицкий демократизм, самый грубый, но и самый глубокий»^[2383].

Возникший первоначально стихийно, СРН вскоре был оформлен в организацию и получил поддержку Государя. Николай II первым надел на себя и на Наследника значок этой организации, на котором под восьмиконечным православным крестом имелась надпись: «За Веру, Царя и Отечество». Принимая 23 декабря 1905 г. представителей от «Со-

юза русского народа», Император сказал, обращаясь ко всему народу: *«Объединяйтесь, русские люди. Я рассчитываю на вас. Я верю, что с вашей помощью Мне и русскому народу удастся победить врагов России»*^[2384].

Но Николай II прекрасно понимал, что одними репрессиями нельзя добиться успокоения: *«Это стоило бы потоков крови и, в конце концов, привело бы неминуемо к теперешнему положению, т. е. авторитет власти был бы показан, но результат оставался бы тот же самый и реформы не могли бы осуществляться»*^[2385]. Зато растерявшийся Витте полностью утратил свой либеральный дух и начал открыто призывать к беспощадным расправам. *«Витте после московских событий резко изменился, – писал Николай II матери, – теперь он хочет всех вешать и расстреливать. Я никогда не видал такого хамелеона»*^[2386].

Сохранение Самодержавия

Государь находился в невероятно сложном положении: с одной стороны, нужно было претворять в жизнь положения Манифеста 17 октября, с другой – сохранить Самодержавную власть, не дать превратить Россию в некое подобие британской монархии. Поэтому, принимая 1 декабря 1905 г. депутацию именно правых организаций, Николай II подчеркнул: *«Не сомневаюсь, что вы пойдёте не по-иному, как только Мною предначертанному пути; поэтому и призываю вас*

передать всем любящим дорогую нашу родину, что Манифест, данный Мною 17 октября, есть полное и убежденное выражение Моей непреклонной и непреложной воли и акт, не подлежащий изменению»^[2387].

Но, уже принимая 23 декабря представителей «Союза русского народа», Государь заявил: *«Возложенное на Меня в Кремле Московском бремя власти Я буду нести Сам, и уверен, что русский народ поможет Мне. Во власти Я отдам отчёт перед Богом»*^[2388].

16 февраля 1906 г., принимая депутацию Иваново-Вознесенской монархической партии, Государь как бы соединил два предыдущих заявления: *«Передайте всем уполномочившим вас, что реформы Мною возведенные 17 октября, будут осуществлены неизменно, и права, которые Мною даны одинаково всему населению, неотъемлемы: Самодержавие же Мое останется таким, каким оно было встарь»*^[2389].

Однако очень многим в Правительстве хотелось пойти навстречу обществу и как можно сильнее «демократизировать» страну, другие слишком трепетно относились к мертвой букве закона, забывая, что тем самым они убивают живой организм Русского государства.

Уже в конце октября 1905 г. Витте, во время встречи с лидером новоиспеченной партии кадетов профессором П. Н. Милюковым, горячо поддержал предложение последнего о формировании «делового кабинета» из кадетов. *«Вот, наконец, я слышу первое здоровое слово, – воскликнул*

Витте, протягивая руку Милюкову. — *Я так и решил сделать*»^[2390]. Милюков призвал Витте: *«Позовите кого-нибудь сегодня и велите перевести на русский язык бельгийскую или, еще лучше, болгарскую конституцию, завтра поднесите ее Царю для подписи, а послезавтра опубликуйте»*^[2391]. От такой прыти даже Витте пришёл в замешательство и был вынужден ответить, что камень преткновения заключается в позиции Государя, не желающего конституции^[2392]. Зная это, Витте на открытых совещаниях Совета министров постоянно подчеркивал, что 17 октября в России не было введено конституции. *«Прежде всего, у нас нет присяги на верность устанавливаемому строю. Государь Император вводит этот строй по собственной инициативе. Какая же это конституция?»*^[2393] Разумеется, эти речи предназначались для Императора Николая II, которые, однако, производили у того обратный эффект, лишь убеждая во мнении, что Витте невиданный «хамелеон».

Отношения Императора Николая II и председателя Совета министров С. Ю. Витте становились день ото дня всё хуже. Витте, который считал, что после Манифеста 1917 г. и назначением его главой Правительства он «станет несменяемым», с явным раздражением воспринимал вмешательство Царя в деятельность Правительства. Витте же полагал, что теперь он будет сам им руководить. Однако 2 февраля 1906 г. Государь заявил, что *«роль председателя Совета министров должна ограничиваться объединением деятельности мини-*

стров; вся же исполнительная работа остаётся на обязанности подлежащих министров»^[2394]. Это означало, что вся деятельность Правительства по-прежнему определялась Государем.

Ещё одним камнем преткновения между Николаем II и Витте стала поддержка Императором петиции правых деятелей против предложения Главноуправляющего земледелием Н. И. Кутлера провести отчуждение части помещичьих земель (сдаваемой в аренду) в пользу малоземельного крестьянства. Предложение это было явно популистским и бесполезным, так как ни в какой мере не решало проблемы безземелья российского крестьянства. Витте поддержал проект, а Государь написал на нем: «*Не одобряю*». Николай II отказался назначать Кутлера в Сенат, на чем настаивал Витте. Против главы Правительства была составлена петиция, поданная Государю, в которой Витте обвинялся в том, что хочет перенести неудавшуюся в города революция в деревню. Разъяренный Витте, утратив осторожность, в своем письме к Государю намекнул, что инициатива петиции исходит от Престола, и заявил, что, конечно, он мог бы при желании узнать, кто является автором этой петиции, но очевидно, что это «*черная сотня Государственного совета*», под нею Витте имел в виду своих противников из правого лагеря И. Л. Горемыкина, графа А. П. Игнатьева, Б. В. Штюрмера, контр-адмирала А. М. Абаза и других. Государь, прочитав письмо Витте 3 февраля в Царском Селе, не без сарказма на-

писал на полях: «*Осерчал граф*»^[2395]. Через несколько дней Витте, по предварительному сговору с министрами, отказался утверждать в качестве министров выдвиженцев Государя: А. В. Кривошеина вместо Н. И. Кутлера и С. В. Рухлова (министром торговли и промышленности) вместо В. И. Тимирязева. 12 февраля Витте, собрав министров на совещание, пригрозил своей отставкой, если Совет не откажется признавать в качестве министров царских кандидатов. Совет министров уступил требованию Витте. Однако тот, несмотря на внешний свой успех, перешёл красную черту в отношениях с Николаем II и predetermined свою скорую отставку. Во-первых, глава Правительства нарушил полномочия Совета министров, которые не позволяли ему заниматься назначением своих членов, это была прерогатива исключительно Императора. Во-вторых, вызывающая форма, в которой Совет министров отверг царские кандидатуры, окончательно убедила Николая II, что с Витте иметь никакого дела нельзя. Вл. И. Гурко отмечал, что «*во время состояния Витте председателем Совета министров чувства Государя к Витте превратились в определённо неприязненные. За это время Николай II пришёл к убеждению, что Витте не только не отличался той лояльностью, которую он вправе был ожидать от своего первого министра, а, наоборот, способен и готов его продать в любую минуту*»^[2396].

20 февраля Николай II издал манифест, который как бы регулировал Манифест 17 октября. Был четко определен со-

став и устройство Государственной думы и предмет её ведения^[2397]. В тот же день Именным Высочайшим Указом Сенату был преобразован Государственный Совет. До Указа он являлся законосовещательным органом при Императоре и имел только право подавать ему *«мнения по вопросам законодательства»*. Император также назначал и увольнял членов Совета, его председателя и вице-председателя. Теперь, согласно Указу, Государственный Совет образовывался из членов, Высочайше в него назначенных, и членов выбранных, причём количество назначенных, не должно было превышать числа выбранных^[2398].

7, 9 и 12 апреля 1906 г. в Царском Селе прошли совещания по пересмотру Основных законов Империи. Главным обсуждался один вопрос: должна ли быть изменена формулировка о самодержавной и неограниченной власти Царя. Витте предложил сохранить упоминание о самодержавной власти, но изъять из Императорского титула определение *«Неограниченный»*, оставив термин *«Самодержавный»*. Он мотивировал свое предложение тем, что в Древней Руси *«Самодержавный»* являлось синонимом суверенитета, следовательно, не шло в разрез с существованием выборных законодательных органов, тогда как термин *«Неограниченный»* вступает в противоречие с Манифестом 17 октября^[2399]. Однако Николай II прямо заявил: *«Всё это время Меня мучает чувство, имею ли Я перед Моими предками право изменить пределы власти, которую Я от них получил. Борьба*

во Мне продолжается. Я еще не пришел к окончательному выводу. Искренне говорю вам, верьте, что, если бы Я был убежден, что Россия желает, чтобы Я отрёкся от самодержавных прав, я для блага ее сделал бы это с радостью. Акт 17 октября дан мною вполне сознательно, и Я твёрдо решил довести его до конца. Но Я не убежден в необходимости при этом отречься от Самодержавных прав и изменить определение Верховной власти, существующее в статье 1 основных законов уже 109 лет. Моё убеждение, что по многим соображениям крайне опасно изменять эту статью и принять новое ее изложение. <...> Могут сказать, что это отступление от обещаний, данных 17 октября. Я это знаю и понимаю... Но надо уразуметь, с чьей стороны будет укор. Он, конечно, последует со стороны всего так называемого образованного элемента, пролетариев, третьего сословия. Но Я уверен, что 80 % русского народа будет со Мною...»^[2400] Государь был прав в своем предвидении, так же как и в том, что он полностью отверг предложения о всеобщих выборах. Ещё 8 декабря 1905 г. в письме к матери он писал: «Ал. Оболенский с некоторыми лицами предлагал всеобщие выборы, но я вчера это убеждение отклонил. Бог знает, как у этих господ разыгрывается фантазия»^[2401]. 12 апреля 1906 г. Государь заявил, что «идти слишком большими шагами нельзя. Сегодня всеобщее голосование, а затем недалеко и до демократической республики. Это было бы бессмысленно и преступно»^[2402].

Николая II безоговорочно поддержал лишь И. Л. Горемыкин, заявивший, что «*все зиждется на понятии Неограниченной и Самодержавной власти*»^[2403]. Витте, по обыкновению, занял невнятную позицию. Но большинство заявило, что если Государь твердо намерен придерживаться положений своего Манифеста 17 октября, то слово «Неограниченный» следует удалить из Императорского титула.

Николай II сказал, что скажет своё окончательное мнение в конце совещания. Когда этот момент наступил, статс-секретарь граф Д. М. Сольский спросил Государя, к чему же он в конце концов склонился? Николай II ответил: «*Я решил остановиться на редакции Совета министров*». Сольский спросил: «*Следовательно, исключить слово “Неограниченный”*», на что Государь ответил: «*Да, исключить*»^[2404]. В результате ст. 4 главы 1 свода Основных государственных законов Российской Империи в новой редакции гласила: «*Императору Всероссийскому принадлежит Верховная Самодержавная Власть. Повиноваться власти Его не только за страх, но и за совесть Сам Бог повелевает*»^[2405]. Статья 7 этой же главы приобрела следующую трактовку: «*Государь Император осуществляет законодательную власть в единении с Государственным Советом и Государственной Думой*»^[2406], однако ст. 9 оговаривала: «*Государь Император утверждает законы, и без Его утверждения никакой закон не может иметь своего совершения*»^[2407]. Все остальные прерогативы Императора, предусмотренные старой ре-

дакцией Основных законов, фактически остались без изменений. Кроме того, было специально оговорено, что пересмотр Основных законов допускается только по почину Государя^[2408]. Таким образом, Император Николай II, которому прочили в лучшем случае остаться в качестве декоративного конституционного монарха, а то и вовсе потерять корону, сумел практически полностью сохранить полноту власти в своих руках.

Отставка С. Ю. Витте и возглавляемого им Совета министров. Назначение нового Правительства

22 апреля 1906 г. Витте был уволен со своей должности с оставлением его членом Государственного Совета в звании статс-секретаря. Поводом для этого стало настойчивое почти требование председателя Совета министров к Государю уволить в отставку министра внутренних дел П. Н. Дурново, с которым у Витте были принципиальные разногласия по поводу внутренней политики. После того как Николай II отказал Витте в его настойчивой просьбе, последний представил Государю прошение о своей отставке. При этом, по словам Вл. И. Гурко, Витте исходил *«несомненно, из никогда не покидавшего его убеждения, что он сам незаменим и что в ответ на поданное им прошение Государь его не отпустит, а Дурново уволит»*^[2409]. Витте настолько был уверен в

этом, что за три дня до своей отставки продолжал говорить, как нужно будет Правительству держать себя по отношению к Думе, а тем временем, пишет Вл. И. Гурко, «в Собственной Его Величества канцелярии уже составлялся прощальный рескрипт Витте»^[2410]. Помощник главы Совета министров, член его канцелярии П. П. Менделеев вспоминал, что Витте «до самой последней минуты в голову не приходило, что Государь решится расстаться с ним в столь важный момент»^[2411]. Узнав о своей отставке Витте, по словам Вл. И. Гурко, «пришел в бешенство»^[2412]. Стараясь скрыть свои чувства, он сказал посетившему его В. Н. Коковцову: «Перед Вами счастливейший из смертных. Государь не мог мне оказать больший милости, как увольнением меня от каторги, в которой я просто изнывал. Я уезжаю немедленно за границу лечиться, ни о чем больше не хочу и слышать и представляю себе, что будет разыгрываться здесь. Ведь вся Россия – сплошной сумасшедший дом, и вся пресловутая передовая интеллигенция не лучше всех»^[2413].

Перед отставкой Витте был награждён орденом Святого Благоверного Великого князя Александра Невского с бриллиантами. Государь милостиво принял его и пообещал в ближайшем времени должность посла в одной из европейских стран^[2414]. Но на самом деле для Николая II Витте умер как государственный деятель. «Никогда, пока я жив, не поручу я этому человеку самого маленького дела», – напишет о Витте Государь 2 ноября 1906 г.^[2415] Ту же мысль он вы-

разил В. Н. Коковцову, принимая его в апреле в Царском Селе: *«Я окончательно расстался с гр. Витте, и мы с ним больше уже не встретимся»*^[2416]. Николай II своему решению не изменил: до конца своих дней в 1915 г. С. Ю. Витте оставался не у дел. Вместе с ним в отставку ушел и весь состав Совета министров. Наиболее неожиданной была отставка с поста министра внутренних дел главного противника Витте П. Н. Дурново. Этой отставкой Государь, с одной стороны, как бы показывал, что изменения в Правительстве не означают отхода от Манифеста 17 октября и намеченных им реформ, а с другой – Дурново собирался, чтобы снять с себя «клеймо» реакционера, представить Государственной думе свою программу либеральных мероприятий, подкрепленных соответствующими законопроектами^[2417]. Разумеется, что такие политические «кульбиты» Дурново не могли понравиться Государю.

Главой Правительства Император назначил И. Л. Горемыкина, заявив в разговоре с Коковцовым: *«Для меня главное то, что Горемыкин не пойдет за Моею спиною ни на какие соглашения и уступки во вред Моей власти, и Я могу ему вполне доверять, что не будет приготовлено каких-либо сюрпризов, и Я не буду поставлен перед совершившимся фактом, как было с избирательным законом, да и не с ним одним»*^[2418].

В новый состав Совета министров вошли: министр иностранных дел А. П. Извольский, военный министр ге-

герал-лейтенант А. Ф. Редигер, министр внутренних дел П. А. Столыпин, министр финансов В. Н. Коковцов, министр народного просвещения П.М. фон Кауфман-Туркестанский, Главноуправляющий землеустройством и земледелием А. С. Стишинский, министр юстиции И. Г. Щегловитов, министр путей сообщения генерал-лейтенант Н. К. Шауфус, обер-прокурор Святейшего Синода князь А. А. Ширинский-Шихматов.

Главное, из чего исходил Государь: эти люди были новой формации, не принимавшие до этого участие в управлении государством на столь высоких должностях. При этом почти каждый из них проявил себя высоким профессионалом. В. Н. Коковцов перед самым назначением вернулся из Европы, где в неимоверно трудных условиях сумел добиться положительного решения по «Российскому государственному займу» на общую сумму 2 млн 250 французских франков. Займ был заключен сроком на 56 лет и должен был быть погашен до 1956 г. Это был крайне выгодный для России выход из крайне тяжёлого финансового положения. Император Николай II в телеграмме на имя В. Н. Коковцова писал: «*Вы оказали огромную услугу России и Мне. Я никогда не забуду*»^[2419].

Уход в отставку графа В. Н. Ламздорфа с должности министра иностранных дел означал, по словам барона Б. Э. Нольде, то, что «*классическая традиция русской Императорской дипломатии была исчерпана*»^[2420]. Перед новым

министром А. П. Извольским Государь ставил исключительно новые направления внешнеполитической деятельности: нахождение компромисса с Великобританией и отказ, любыми способами, от блоковой зависимости, которая неминуемо привела бы к участию России в войне на стороне того или иного блока. Назначая Извольского министром иностранных дел, Николай II знал, что тот является *«одним из самых горячих сторонников министерства из лиц “общественного доверия”»*^[2421]. Но Николай II знал об Извольском как о профессионале своего дела, а потому его политические пристрастия Государя волновали мало.

Конечно, самым главным выбором Государя стало назначение министром внутренних дел П. А. Столыпина, бывшего до этого Саратовским губернатором. В первый раз он представлялся Николаю II 8 марта 1904 г. Сообщая в письме к жене об этой встрече, Столыпин писал, что Государь *«был крайне ласков и разговорчив: говорили про губернию, про пробудившийся патриотизм. <...> Закончил уверенностью, что все в губернии пойдет хорошо»*^[2422].

При Столыпине Саратовская губерния выдвинулась в один из крупнейших отечественных центров промышленности и торговли, была реорганизована система управления губернии, была заложена Мариинская женская гимназия, ночлежный дом, строились учебные заведения, больницы, началось асфальтирование саратовских улиц, устройство водопровода, газового освещения, модернизация телефонной се-

ти.

Однако всё это было прервано начавшейся в 1905 г. смутой. Во время революционных беспорядков 1905 г. Столыпин успешно боролся с крестьянскими бунтами. Причём он действовал не только с помощью военной силы, но и личным убеждением. В селе Большая Капель крестьяне *«дерзко начали предъявлять Столыпину такие невероятные требования, главным образом по съёму земли в экономии княгини Гагариной, что Столыпин, наконец, не выдержал и разразился относительно их бранью, называя негодьями и мерзавцами. Крестьяне, видимо, не ожидали этого и сразу опешили»*^[2423]. Столыпин взывал к царелюбивой душе русского крестьянина, объясняя ему, что, участвуя в погромах, он выступает против Царя: *«Не в погромах дело, а в Царе, без Царя вы все будете нищими, а мы все будем неправы!»*^[2424] 6 августа 1905 г. Д. Ф. Трепов докладывал Николаю II: *«В Саратовской губернии благодаря энергии, полной распорядительности и весьма умелым действиям губернатора, камергера Двора Вашего Императорского Величества Столыпина порядок восстановлен»*^[2425]. За подавление бунтов в вверенной ему губернии Столыпин получил личную благодарность Государя.

25 апреля 1906 г. Государь решил назначить П. А. Столыпина министром внутренних дел и велел ему прибыть в Александровский дворец вечером 26 апреля в 18 час. Николай II принял Столыпина в присутствии Горемыкина. В

тот же день Столыпин в письме к супруге описал своё назначение министром внутренних дел: *«В конце беседы я сказал Государю, что умоляю избавить меня от ужаса нового положения, что я ему исповедовался и открыл всю мою душу, пойду только, если он, как Государь, прикажет мне, так как обязан и жизнь отдать ему, и жду его приговора. Он с секунду промолчал и сказал: “Приказываю Вам, делаю это вполне сознательно, знаю, что это самоотвержение, благословляю Вас – это на пользу России”. Говоря это, он обеими руками взял мою и горячо пожал. Я сказал: “Повинуюсь Вам”, – и поцеловал руку Царя. У него, у Горемыкина, да, вероятно, у меня были слезы на глазах. Жребий брошен, сумею ли я, помогут ли обстоятельства, покажет будущее»*^[2426]. В этом же письме Столыпин описал чувства, переживаемые им: *«Вчера судьба моя решилась! Я министр внутренних дел в стране окровавленной, потрясённой, представляющей из себя шестую часть шара, и это в одну из самых трудных исторических минут, повторяющихся раз в тысячу лет. Человеческих сил тут мало, нужна глубокая вера в Бога, крепкая надежда на то, что Он поддержит, вразумит меня. Господи, помоги мне»*^[2427].

Созыв и роспуск Первой Государственной думы

27 апреля 1906 г. состоялась церемония торжественного открытия работы Государственной думы. Утром Император

Николай II и Императрица Александра Феодоровна прибыли в Петербург на Императорской яхте. Государь посетил Петропавловскую крепость и долго молился у гробницы своего отца – Императора Александра III.

Сама церемония проходила в Георгиевском тронном зале Зимнего дворца. На троне, стоящем в центре зала под золото-красным балдахином с изображением государственного герба, живописными складками покоилась императорская горностаевая порфира. Её собственноручно уложила на трон Императрица Александра Феодоровна. В комнате рядом с Тронным залом стоял караул Преображенского полка под командой поручика Г. Г. Дена. Ему было приказано защищать Государя в случае нападения или какой-нибудь выходки со стороны депутатов^[2428].

Вдоль белых с позолотою стен были отведены места для членов законодательных палат: Государственного Совета и Государственной думы. В. Н. Коковцов вспоминал: *«Странное впечатление производила в эту минуту тронная Георгиевская зала, и думалось мне, что не видели еще ее стены того зрелища, которое представляла собою толпа собравшихся. Вся правая половина от трона была заполнена мундирною публикою, членами Государственного Совета и – дальше – Сенатом и Государевою свитою.*

По левой стороне, в буквальном смысле слова, толпились члены Государственной Думы и среди них – ничтожное количество людей во фраках и сюртуках, подавляющее же ко-

личество их, как будто нарочно, демонстративно занявших первые места, ближайшие к трону, – было составлено из членов Думы в рабочих блузах, рубашках-косоворотках, а за ними толпа крестьян в самых разнообразных костюмах, некоторые в национальных уборах, и масса членов Думы от духовенства»^[2429].

Некоторые депутаты были специально одеты вызывающим образом. Будущий дворцовый комендант В. Н. Воейков вспоминал, что один из депутатов, дворянин Тверской губернии, был одет в лиловый костюм с короткими брюками и красным галстуком, на ногах были толстые чулки и горные ботинки, а в руках он держал соломенное канотье^[2430]. Великая Княгиня Ксения Александровна отмечала в дневнике, что среди депутатов Думы выделялось несколько человек с *«препротивными лицами и нахальными презрительными выражениями! Они не крестились, не кланялись, стояли, держа руки за спиной, а некоторые в карманах, и мрачно смотрели на всех и все»^[2431]*. Однако та же Ксения Александровна указывала, что *«среди крестьян были такие славные лица, несколько солдат – Георгиевские кавалеры, казаки и т. д.»^[2432]*

Высочайший выход начался с исполнения государственного гимна. В зал вошли скороходы в старинных одеяниях, за ними высшие сановники несли государственные регалии, привезенные из Москвы: государственное знамя, государственный меч, скипетр, державу и императорскую корону.

Затем появился Государь в сопровождении обеих Императриц, великих князей и княгинь и придворных. После молебна Император Николай II один прошёл к трону, *«неторопливо поднялся на ступени; повернулся лицом к присутствующим, и торжественно, подчёркивая медлительностью движения, значение совершающегося, воссел на трон. С полминуты он сидел неподвижно в молчании, слегка облокотившись на левую ручку кресла. Зала замерла в ожидании»*^[2433]. Министр Императорского Двора барон В. Б. Фредерикс подал Царю написанное на бумаге приветственное слово. Государь, облаченный в порфиру, поднялся с трона и громко произнёс его: *«Всевышним Промыслом врученное Мне попечение о благе отечества, побудило Меня призвать к содействию в законодательной работе выборных от народа. С пламенной верой в светлое будущее России Я приветствую в лице вашем тех лучших людей, которых Я повелел возлюбленным Моим подданным выбрать от себя. Трудная и сложная работа предстоит вам. Верю, что любовь к родине, горячее желание послужить ей воодушевит и сплотит вас. Я же буду охранять непоколебимыми установления, Мною дарованные, с твердой уверенностью, что вы отдадите все свои силы на самоотверженное служение отечеству для выяснения нужд столь близкого Моему сердцу крестьянства, просвещения народа и развития его благосостояния; памятуя, что для духовного величия и благоденствия государства необходима не одна свобода, необходим порядок на основе права. Да*

исполнятся горячие Мои желания видеть народ Мой счастливым и передать Сыну Моему в наследие государство крепкое, благоустроенное и просвещенное. Господь да благословит труды, предстоящие Мне в единении с Государственным советом и Государственной думою. И да знаменуется день сей, отныне днём обновления нравственного облика Земли Русской – днём возрождения её духовных сил. Приступите с благоговением к работе, на которую Я вас призвал, и оправдайте достойно доверие Царя и народа. Бог в помощь Мне и вам»^[2434].

Во время чтения речи Вдовствующая Императрица Мария Феодоровна с трудом сдерживала слезы. Императрица Александра Феодоровна, напротив, была внешне невозмутимой, спокойной, но глубоко сосредоточенной^[2435].

Речь Государя тронула почти всех присутствующих, даже его противников. Кадет Ф. И. Родичев вспоминал, что царская речь «хорошо написанная, была ещё лучше произнесена, с правильными ударениями, с полным пониманием каждой фразы, ясно и искренне. Речь, безусловно, понравилась»^[2436]. А. С. Муромцев заметил: «Государь настоящий оратор, у него прекрасно поставленный голос»^[2437].

Великий Князь Константин Константинович записал в дневнике: «Чем дольше Он читал, тем сильнее овладевало мною волнение; слезы лились из глаз. Слова речи были так хороши, так правдивы, и звучали так искренне, что ничего нельзя было добавить или убавить»^[2438]. П. А. Столыпин

писал своей жене: «Государь свою речь (которую сам сочинил) сказал с таким чувством, что надо быть каменным, чтобы не расчувствоваться. Это была не речь, а пламенная молитва»^[2439]. Великая Княгиня Ксения Александровна писала, что Государь прочёл речь «стоя, громким спокойным голосом – каждое слово проникало в душу, слёзы подступали к горлу. Эмоции испытывали мы все неописуемые. <...> Он так хорошо сказал и именно то, что следовало, прося всех прийти ему на помощь и приложить все старания помочь родине. Когда он кончил грянуло ура – подхваченное всеми и в других залах, что звучало великолепно. На хорах играли гимн»^[2440]. Вдовствующая Императрица Мария Фёдоровна после церемонии жаловалась В. Н. Коковцову на депутатов: «Они смотрели на нас, как на своих врагов, и я не могла отвести глаз от некоторых типов, – настолько их лица дышали какою-то непонятною мне ненавистью против нас всех»^[2441].

Свои впечатления об открытии Государственной думы Николай II оставил в дневнике 27 апреля 1906 г.: «Знаменательный день приема Госуд.[арственного] Совета и Госуд.[арственной] Думы и начала официального существования последней. Мама́ приехала в 8 час. из Гатчины и отправилась с нами морем в Петербург. Погода была летняя и штиль. На “Петергофе” пошли к крепости и оттуда на нем же к Зимнему. Завтракали в 11 ½. В час и ¾ начался выход в Георгиевскую залу. После молебна я (сказал) прочел привет-

ственное слово. Госуд. Совет стоял справа, а Дума слева от престола. Вернулись тем же порядком в Малахитовую. В 3 часа сели на паровой катер и, перейдя на “Александрю”, пошли обратно. Приехали домой в 4 ½. Занимался долго, но с облегченным сердцем, после благополучного окончания бывшего торжества»^[2442].

В день открытия Первой Государственной думы в «Новом Времени» появилась статья В. В. Розанова: «Государь страдал», – говорилось в ней. «На Нем много отразилось. Мыши из подполья разбежались, – поели сыра и были таковы. А Государь – Он все остается, и на Нем мучительнее, чем на ком-либо, отразилось все происшедшее за 1904, 1905, 1906-й года...»^[2443] Член Государственного Совета граф Д. А. Олсуфьев, присутствовавший на встрече Императора Николая II с депутатами, вспоминал: «Государь поразил меня своим видом. Цвет лица у него был необычный: какой-то мертвенно-желтый; глаза неподвижно устремлены вперёд и несколько кверху; видно было, что он внутренне страдает»^[2444].

С. С. Ольденбург весьма точно подметил причину этого страдания: «Государь считал, что неограниченное Самодержавие, в идеале, выше и совершеннее. Но годы правления создали в нем убеждение, что в России начала XX-го века, и, прежде всего, – в русском образованном обществе, этот строй не находит достаточного числа убежденных, не за страх, а за совесть, исполнителей монаршей воли. Оппо-

зиция земств, неудача “зубатовского” движения, перебои и медлительность государственного аппарата во время японской войны, — все это объяснялось, в конечном счете, той же причиной — недостатком идейно преданных строю образованных людей. Этого недостатка не могла восполнить преданность народной массы, в которую Государь глубоко продолжал верить.

Чтобы облегчить русскому обществу работу на пользу Отечества, Государь вступил на путь реформы, опасность и отрицательные стороны которой он все время живо ощущал. Ни на минуту его не оставляло сознание ответственности за Россию, — не только за собственные ошибки или упущения, но и за какое-либо попустительство. Безответственность конституционного монарха либеральной доктрины показалось бы ему преступным умыванием рук; и Государь поэтому тщательно заботился о том, чтобы всегда оставлять за собою возможность последнего решения»^[2445].

Государственная дума расположилась в Таврическом дворце Петербурга. С первых же дней она стала штабом революции, заменив собою деятельность революционных партий. Недаром ЦК партии эсеров накануне открытия Государственной думы принял решение о снятии с повестки дня лозунга вооруженного восстания как ближайшую задачу и временного приостановления террора. Враги монархии попытались захватить власть, используя легальный депутатский ста-

тус. Связь большинства «Думы народного гнева» с революцией была слишком прочна^[2446]. В. Н. Коковцов писал: *«С первого же дня после открытия Думы и выбора Президиума с подавляющим единодушием, подготовленным задолго вожаками всего оппозиционного движения в лице вошедших в состав Думы, членов кадетской партии и её закулисных руководителей, в лице центрального комитета партии, которые и были истинными хозяевами положения до самого дня роспуска Думы, — началась осада правительства, штурм его и стремление смести все, что было создано за полгода деятельности правительства гр. Витте, и заставить власть принять предложенный партией новый чисто парламентский государственный строй»*^[2447]. Великая Княгиня Ксения Александровна уже 30 апреля записала в своем дневнике: *«Дума — это такая мерзость, такое гнездо революционеров, что противно и стыдно за остальную Россию перед всем миром!»*^[2448]

На заседаниях верховодили партия кадетов, «Трудовая группа», т. н. трудовики, состоявшая из крайне левых деятелей, включая отказавшихся признавать «парламент» эсеров, фракции социал-демократов и автономистов (представители поляков, финляндцев и прибалтов). Более-менее лояльная к Правительству фракция октябристов была в абсолютном меньшинстве. Кадеты и левые потребовали от Правительства признания их программы, выраженной в ответном адресе на речь Государя при открытии Думы, которая

включала в себя немедленную отставку Правительства, введение всеобщего равного избирательного права при тайном голосовании, упразднение Государственного Совета, проведение аграрной реформы с отчуждением части помещичьих земель, полную политическую амнистию террористам и убийцам^[2449]. Последнее прозвучало на фоне убийства 1 мая 1906 г. неизвестным преступником ударом в спину начальника Петербургского порта вице-адмирала К. П. Кузьмича. Когда Николаю II доложили об этом убийстве, он воскликнул: *«После всех этих убийств смеют еще говорить об амнистии!»*^[2450]

Составленный на основаниях этих требований Всеподданнейший адрес Государю был на самом деле давно уже изготовлен вне стен Государственной думы. Он был почти единогласно принят всем её составом под гром рукоплесканий. Дума решила 6 мая послать особую депутацию к Государю для вручения ему адреса^[2451]. 8 мая И. Л. Горемыкин уведомил А. С. Муромцева, что депутация принята не будет и что адрес следует вручить председателю Совета министров, который и передаст его Государю^[2452]. По мнению В. Н. Коковцова: *«С этого дня нужно считать, что конфликт между Думою и Правительством и даже самим Государем принял уже окончательную форму, и каждый следующий день только углублял и расширял его»*^[2453].

На заседаниях слышались враждебные выпады депутатов не только в отношении Правительства, но и самого Го-

сударя. Ф. И. Родичев заявил: *«Мы знаем, сколько преступлений прикрито священным именем Монарха, сколько крови скрыто под горностаевой мантией, покрывающей плечи Государя Императора»*^[2454]. Октябрист М. А. Стахович пытался урезонить левое большинство: *«Крестьяне избрали меня в Думу, наказывали мне: “не задевайте Царя, помогите Ему замирить землю, поддержите Его”»*^[2455]. Стахович предложил включить в адрес слова: *«Государственная Дума выражает твердую надежду, что ныне, с установлением конституционного строя, прекратятся политические убийства и другие насильственные деяния, которым Дума выражает самое решительное осуждение, считая их оскорблением нравственного чувства народа и самой идеи народного представительства»*^[2456].

Однако большая часть Думы отказалась поддержать Стаховича. *«Это – не церковная кафедра! – возразил Стаховичу Родичев. – Наше ли дело выносить нравственное осуждение поступков?.. Мы, господа, не посредники между Государем и народом... В нашем лице перед Государем сам народ стоит. В России нет правосудия! В России закон обращен в насмешку! В России нет правды»*. Ещё более определённо заявлял 13 мая депутат кадет И. Л. Шраг: *«Нет, не можем мы осуждать тех, кто жизнь свою положил за други своя! Кто сделались народными героями, кто является во мнении народном жертвами за его свободу и великими страдальцами»*^[2457].

13 мая Правительство выступило с декларацией в Думе, требуя от неё не выходить за рамки своих прав, четко ограниченных Основными законами. В декларации было указано, что думское предложение по аграрному вопросу «совершенно недопустимо», равно как и требование упразднить Государственный Совет, что амнистия – это прерогатива Монарха, а в условиях беспорядка и анархии «благо страны» несовместимо с помилованием террористов и убийц^[2458]. Правительство твёрдо заявило Думе, что оно *«считает, что благу страны не отвечало бы, в настоящее смутное время, помилование преступников, участвовавших в убийствах, грабежах и насилиях»*.

В ответ кадет В. Д. Набоков заявил: *«Мы... не допустим такого правительства, которое намеревается быть не исполнителем воли народного представительства, а критиком и отрицателем этой воли. Выход может быть только один: власть исполнительная да покорится власти законодательной!»*^[2459] Дума не только отказалась осудить террор, но и оправдывала продолжающиеся террористические акты. Буквально на следующий день после декларации Правительства, 14 мая 1906 г., во время неудачного покушения на коменданта Севастопольской крепости генерал-лейтенанта В. С. Неплюева, осуществленного Севастопольским комитетом партии социалистов-революционеров, погибло 8 человек, в том числе двое детей, и десятки были ранены^[2460]. В Думе на это преступление заявили, что необходимо не до-

пустить казни схваченных террористов. Газета «Народный вестник» писала: *«Когда остынут первые впечатления, и сами раненые, и близкие погибших поймут, что они явились жертвой случая, что не против них был направлен удар»*^[2461].

Царь неоднократно говорил министрам, что все, что происходит в Думе, его крайне огорчает и что все это так долго длиться не может^[2462]. Тем не менее Государь сказал Кокцову, имея в виду поиск контактов с Думой: *«Не будем, впрочем, забегать вперед, бывает, что и самая безнадежная болезнь проходит каким-то чудом, хотя едва ли в таких делах бывают чудеса»*^[2463]. Не желая полагаться только на свое мнение и допуская, что он может ошибаться, Государь поручил генералу Д. Ф. Трепову сделать *«глубокую разведку в неприятельском лагере»* и выяснить возможность формирования Правительства на основе думского «центра».

Трепов активно принялся вести переговоры и вскоре представил Государю список предполагаемого «думского» правительства: председатель Совета министров – А. С. Муромцев, министр внутренних дел – П. Н. Милюков или И. И. Петрункевич, министр юстиции – В. Д. Набоков или И. И. Петрункевич, министр иностранных дел – П. Н. Милюков или А. П. Извольский, министр финансов – М. Я. Герценштейн, министр земледелия – Н. Н. Львов, государственный контролер – Д. Н. Шипов, министры военный, морской, Двора – *«на усмотрение Его Величества»*^[2464]. Этот список

Николай II передал В. Н. Коковцову со словами: *«Я очень прошу вас высказать Мне ваше мнение с вашею обычною откровенностью»*^[2465].

Самому Государю о многих «кандидатах» было уже известно многое. Так, про Муромцева Николай II знал, что тот масон с большими заграничными связями, к слову, это же можно было сказать почти о всех, кто был в списке, и человек абсолютно непригодный к какой-либо государственной работе. Что же касается Милюкова, то Государь уже ранее испытывал его, когда в 1904 г. поручил В. К. Плеве предложить молодому профессору, выпущенному из тюрьмы за участие в антиправительственной демонстрации, министерский портфель народного просвещения. Милюков тогда дерзко отказался, заявив, что готов занять лишь пост, занимаемый Плеве, то есть министра внутренних дел^[2466]. За прошедшее с тех пор время Милюков если и изменился, то в более радикальную сторону: обещав, в случае назначения кадета министром внутренних дел, ставить *«гильотины на площадях и беспощадно расправляться со всеми, кто ведёт борьбу против опирающегося на народное доверие правительства»*^[2467].

Одновременно с Треповым Государь поручил поиски думских кандидатов П. А. Столыпину. По его рекомендации 20 июля Николай II встретился с лидером партии октябристов А. И. Гучковым и депутатом от Самарской губернии Н. Н. Львовым. После разговоров с ними Государь писал

Столыпину: «Принял Львова, Гучкова. Говорил с каждым по часу. Вынес глубокое убеждение, что они не годятся в министры сейчас. Они не люди дела, то есть государственного управления, в особенности Львов. Поэтому приходится отказать от старания привлечь их в Совет министров. Надо искать ближе. Нечего падать духом»^[2468]. В письме Вдовствующей Императрице Марии Феодоровне Николай II писал: «Вчера я принимал Львова (Саратовской губ.) и Гучкова. Столыпин им предлагал места министерские, но оба отказались. <...> У них собственное мнение выше патриотизма вместе с ненужной скромностью и боязнью скомпрометироваться»^[2469].

Сам П. А. Столыпин с горечью говорил Коковцову, «что все его попытки привлечь в состав правительства общественных деятелей, развалились об их упорный отказ, так как одно дело критиковать правительство и быть в безответственной оппозиции ему и совсем другое – идти на каторгу, под чужую критику, сознавая заранее, что всем все равно не угодить. <...> Он закончил свою фразу словами “им нужна власть для власти и еще больше нужны аплодисменты единомышленников, а пойти с кем-нибудь вместе для общей работы, – это совсем другое дело”»^[2470].

Между тем В. Н. Коковцов, изучив данный им Государем список, при личной встрече ответил ему, что в случае назначения этих людей министрами, он, Государь, передаст им всю полноту исполнительной власти, а сам останется без неё.

«Эта группа, — продолжал Коковцов, — в своем стремлении захватить власть слишком много наобещала крайним левым элементам и слишком явно попала уже в зависимость от них, чтобы удержаться на поверхности. Она сама будет сметена этими элементами, и я не вижу на чем и где можно остановиться. Я вижу без всяких прикрас надвигающийся призрак революции и коронную ломку всего нашего государственного строя. Если Государь разделяет мои опасения, то не остается ничего иного, как готовиться к роспуску Думы»^[2471].

Николай II внимательно выслушал Коковцова, долго стоял молча, а потом пожал ему руку и сказал: *«Многое из того, что Вы сказали мне, Я давно пережил и перестрадал. Я люблю слушать разные мнения и не отвергаю сразу того, что Мне говорят, хотя бы Мне было очень больно слышать суждения, разбивающие лучшие мечты всей моей жизни, но верьте Мне, что я не приму решения, с которым не мирится Моя совесть и, конечно, взвешу каждую мысль, которую Вы мне высказали, и скажу Вам на что Я решусь. До этой же поры не верьте, если Вам скажут, что Я уже сделал этот скачок в неизвестное»^[2472].*

Не вызывает сомнений, что переговоры о создании «думского кабинета», помимо всего прочего, являлись тактическим шагом Николая II, уже тогда пришедшего к убеждению о необходимости роспуска такой Думы. Разумеется, у Государя и в мыслях не было идти на авантюру с «кадетским»

кабинетом. Планы о его создании, которые якобы вынашивал Государь, усыпили бдительность представителей «думы народного гнева». Они даже не подозревали, что на самом деле готовится разгон «лучших людей».

Это подтверждается воспоминаниями Коковцова: *«На следующем моем Всеподданнейшем докладе Государь встретил меня, как только я вошел, словами: “То, что так смутило Вас прошлую пятницу, не должно больше тревожить Вас. Я могу сказать Вам теперь с полным спокойствием, что я никогда не имел в виду пускаться в неизвестную для Меня даль, которую Мне советовали испробовать. Я не сказал этого тем, кто предложил Мне эту мысль, конечно, с наилучшими намерениями, но не вполне оценивая, по их неопытности, всей неопытности, и хотел проверить Свои соответственные мысли, спросивши тех, кому Я доверяю, и могу теперь сказать Вам, что то, что Вы мне сказали, – сказали также почти все с кем Я говорил за это время, и теперь у Меня нет более никаких колебаний, да их и не было на самом деле, потому что Я не имею права отказаться от того, что Мне завещано моими предками и что Я должен передать в сохранности Моему сыну”»*^[2473].

Дума выразила Правительству недоверие. Министрам при каждом их выступлении стали кричать «в отставку!» 4 июля 1906 г. Дума приняла постановление по аграрному вопросу, в котором было заявлено, она, Дума, «от принудительного отчуждения частновладельческих земель не от-

ступит, отклоняя все предположения, с этим “несогласованные”».

6 июля 1906 г. Государь во время долгой беседы с И. Л. Горемыкиным и министром внутренних дел П. А. Столыпиным объявил им о своем решении распустить Думу. Государь был совершенно спокоен и начал с того, что сказал ему, что роспуск Государственной думы стал, по его глубокому убеждению, делом прямой необходимости и не может быть более отсрочиваем, иначе, сказал Он, *«все мы и Я, в первую очередь, понесем ответственность за нашу слабость и нерешительность. Бог знает, что произойдет, если не распустить этого очага призыва к бунту, неповиновения властям, издевательства над ними и нескрываемого стремления вырвать власть из рук правительства, которое назначено Мною, и, захватить ее в свои руки, чтобы затем тотчас же лишить Меня всякой власти и обратить в послушное орудие своих стремлений, а при малейшем несогласии Моем просто устранить и Меня. Я не раз говорил Горемыкину, что ясно вижу, что вопрос идет просто об уничтожении Монархии и не придаю никакого значения тому, что во всех возмутительных речах не упоминается Моего имени, как будто власть – не Моя, и Я ничего не знаю о том, что творится в стране. Ведь от этого только один шаг к тому, чтобы сказать, что и Я не нужен и Меня нужно заменить кем-то другим, и ребенку ясно, кто должен быть этот другой. Я обязан перед Моею совестью, перед Богом и*

перед родиною бороться и лучшие погибнуть, нежели без сопротивления сдать всю власть тем, кто протягивает к ней свои руки»^[2474].

Эти слова весьма примечательны и отражают подлинное отношение Николая II к своему монаршему долгу, ответственности перед Богом за врученную Им власть перед Россией и народом. Приведенные выше слова Государя необходимо обязательно учитывать, когда нас пытаются убедить в пассивной нерешительности Николая II во время так называемого его «отречения» от престола.

Николай II указал Столыпину, что должно быть отражено в манифесте о роспуске Думы: 1) краткое объяснение причин роспуска, 2) осуждение грабежей и поджогов, 3) заявление, что все дальнейшие заботы Царя *«как отца о своих детях будут направлены к справедливому обеспечению крестьян землёй»^[2475]*. Петербургский градоначальник В.Ф. фон дер Лауниц заверил Николая II, что никаких серьезных волнений в столице роспуск Думы не вызовет. Между тем в самой Думе наблюдалось заметное охлаждение депутатов к своим прямым обязанностям. Они массово не посещали пленарные заседания, нередко зал настолько пустел, что Муромцеву приходилось прерывать заседания из-за отсутствия кворума^[2476]. Интерес к Думе со стороны общества, а тем более народа, неуклонно падал.

Накануне роспуска Государственной думы, 8 июля 1906 г., Николай II назначил председателем Совета ми-

нистров решительного П. А. Столыпина, сохранив за ним должность министра внутренних дел.

В тот же день Государь подписал Именной Высочайший Указ Правительствующему Сенату, опубликованный в воскресенье 9 июля, который гласил: *«На основании статьи 105 свода Основных Государственных законов, издания 1906 года, повелеваем: Государственную Думу распустить, с назначением времени созыва вновь избранной Думы на 20-е февраля 1907 года. О времени производства новых выборов в Государственную Думу последует от Нас особое указание»*^[2477].

Высочайший Манифест от 9 июля изъяснял причины роспуска Думы: *«Во всех отраслях народной жизни намечены были Нами крупные преобразования и на первом месте всегда стояла главнейшая забота Наша рассеять темноту народную светом просвещения и тяготы народные облегчением условия земельного труда. Ожиданием Нашим ниспослано тяжкое испытание. Выборные от населения, вместо работы строительства законодательного, уклонились в не принадлежащую им область и обратились к расследованию действий поставленных от Нас местных властей, к указаниям Нам на несовершенства Законов Основных, изменения которых могут быть предприняты лишь Нашею Монаршею волею, и к действиям явно незаконным, как обращение от лица Думы к населению. Смущенное же таковыми непорядками крестьянство, не ожидая законного улучшения свое-*

го положения, перешло в целом ряде губерний к открытому грабежу, хищению чужого имущества, неповиновению закону и законным властям. Но пусть помнят Наши подданные, что только при полном порядке и спокойствии возможно прочное улучшение народного быта. Да будет же ведомо, что Мы не допустим никакого своеволия или беззакония и всею силою государственной мощи приведем ослушников закона к подчинению Нашей Царской воле. Призываем всех благомыслящих русских людей объединиться для поддержания законной власти и восстановления мира в Нашем дорогом Отечестве»^[2478].

Здание Думы было закрыто и оцеплено войсками, чтобы депутаты не попытались оказать сопротивление. Протестуя против роспуска Думы, часть её депутатов (около 120 чел.), в основном кадеты, выехали в Выборг и там обратились к народу с «Выборгским воззванием», в котором призывали прекратить платить налоги и не идти в армию. В ответ Правительство лишило всех подписантов возможности баллотироваться в Думу следующих созывов. 16 июля 1906 г. против подписантов было возбуждено уголовное дело «за распространение в пределах России по предварительному между собой уговору воззвания, призывающего население к противодействию закону и законным распоряжениям властей». Этими действиями партии кадетов был нанесён сокрушительный удар, от которого она никогда не смогла полностью оправиться. Никакой народной, крестьянской поддержки, в

которой были уверены кадеты, они не получили.

Введение военно-полевых судов

С началом 1906 г. кровавая революционная анархия достигла своего апогея. Убийства полицейских, военных и государственных служащих стали обыденным явлением. В мае 1906 г. террористами всех революционных организаций было убито 122 человека. В июне эта цифра уже составила 127 человек^[2479].

18 и 19 июля в Свеаборге и Кронштадте вспыхнули матросские мятежи, организованные эсерами. В Кронштадте мятеж начался с убийства двух офицеров и их семей, включая 90-летнюю старуху. Бунтовщики-матросы завладели крепостными батареями.

Чтобы понять, с кем государству приходилось иметь дело, достаточно привести отрывок из воспоминаний сына П. А. Столыпина, А. П. Столыпина, которому во время революции было три года: *«Мать получила анонимное письмо о том, что я (трёхлетний сын) приговорен к смерти путем отравления (в течение долгих месяцев это стало для неё кошмаром)»*^[2480].

12 августа 1906 г. на жизнь председателя Совета министров П. А. Столыпина было совершено покушение: двое террористов, переодетых в форму жандармских офицеров, проникли в министерскую дачу на Аптекарском острове, где

жил Столыпин, взорвали две бомбы, заложенные в портфели. Два сильных взрыва буквально разнесли дачу. Сами революционеры погибли на месте. Двое детей председателя Совета министров, пятнадцатилетняя дочь Наталья и трёхлетний сын Аркадий, были тяжело ранены. Результатом теракта явилась смерть более чем 30 человек (из них 27 было убито на месте, 32 ранено, из которых 6 умерло на другой день). В числе погибших оказались бывший пензенский губернатор, крупный чин МВД С. А. Хвостов и управляющий канцелярией московского генерал-губернатора А. А. Воронин. Кроме них, погибли и были тяжело ранены случайные люди, пришедшие к главе Правительства со своими прошениями: женщина на восьмом месяце беременности и вдова вместе с маленьким сыном. Сам Столыпин совершенно не пострадал. После покушения он и его семья по распоряжению Царя переехали на жительство в Зимний дворец.

13 августа 1906 г. в начале 9 час. вечера командир Лейб-гвардии Семёновского полка генерал-майор Свиты Его Величества Г. А. Мин в сопровождении жены и дочери собирался сесть в поезд на станции Новый Петергоф, чтобы следовать в Петербург. Когда подошёл поезд и генерал Мин направился к вагону, к нему подошла неизвестная молодая женщина и произвела три выстрела в упор из револьвера. Генерал Мин был убит на месте, женщину сразу же задержала полиция. На первом допросе она назвалась Софьей Ивановной Ларионовой, на самом деле за этим псевдони-

мом скрывалась дочь отставного унтер-офицера Лейб-гвардии Гатчинского полка, член БО эсеров Зинаида Конопляникова^[2481].

Израильский историк Л. Г. Прайсман считает: «Убийство Мина потрясло Николая II как мало какое другое событие в стране»^[2482]. В этот день Николай II записал в своем дневнике: «Вечером на станции в Нов. Петергофе убит добрый Мин, командир Семеновского полка»^[2483]. На следующий день Государь записал: «В 8 час. поехали в Луцино на дачу семейства Мин – на панихиду. Больно и грустно смотреть на их горе»^[2484].

В день похорон генерала Г. А. Мина командир Гвардейского корпуса генерал-адъютант В. Н. Данилов издал приказ: «Клянусь и призываю всю старую Императорскую Гвардию поклясться со мной, так же, как и ты, храбро и безбоязненно соблюдать верность нашему природному Государю и Родине. А если бы кому и пришлось пережить минуты случайного колебания – пусть придёт в храм Лейб-гвардии Семёновского полка помолиться у твоего праха и почерпнуть новые несокрушимые силы для исполнения своего долга. Семёновская церковь приобрела для нас особое значение исцеления от самого ужасного недуга – колебания»^[2485].

Именно убийство генерала Мина стало той последней каплей, которая побудила Николая II привести действующее уголовное законодательство в соответствие с переживаемым моментом. Ещё в декабре 1905 г., под влиянием москов-

ских событий, Государь поручил Совету министров рассмотреть вопрос о возможности привлечения лиц, виновных в совершении тяжких преступлений, к военному суду. Согласно российскому законодательству, к военным судам могли привлекаться лица, виновные в совершении воинских преступлений и только военнослужащие. Совет министров под председательством Витте, рассмотрев вопрос о привлечении к военным судам лиц гражданских, признал их нецелесообразным. В мемории Совета министров посчитали, что *«учреждение это, вводилось бы с исключительной целью постановления приговоров о смертной казни»*^[2486]. Против привлечения гражданских лиц к военно-полевым судам высказывался и адмирал В. Ф. Дубасов, который полагал, что *«в интересах ограждения авторитета судебного приговора над виновными от всяких упреков и нареканий, представлялось бы желательным предать дела о виновниках вооруженных восстаний в г. Москве на рассмотрение гражданского суда»*^[2487]. Министр юстиции М. Г. Акимов был не согласен с Дубасовым и докладывал Николаю II, что так как *«от военного суда возможно ожидать скорейшей и притом наиболее строгой репрессии по отношению к мятежникам»*, он считает более необходимым *«передать все дела о лицах, изобличенных в участии в вооруженном восстании в г. Москва на рассмотрение военного суда»*^[2488]. Тогда, в декабре 1905 г., Николай II решил сохранить существующий порядок, выразив уверенность, что МВД и местные начальники *«будут*

в настоящее смутное время пользоваться во всей полноте предоставленными им по закону полномочиями», ограждая тем самым жизни полицейских и должностных лиц^[2489].

Однако летом 1906 г. стало очевидно, что гражданское судопроизводство и законы мирного времени не могут сбить волну кровавого террора. Для этого были необходимы иные меры. 14 августа, на следующий день после убийства генерала Мина, Государь писал П. А. Столыпину: *«Непрекращающиеся покушения и убийства должностных лиц и ежедневные дерзкие грабежи приводят страну в состояние полной анархии. Не только занятие честным трудом, но сама жизнь людей находится в опасности. <...> Посему предписываю Совету министров безотлагательно представить Мне: какие меры признаёт он безотлагательно принять для точного исполнения Моей непреклонной воли об искоренении крамолы и водворения порядка. По-видимому, только исключительный закон, изданный на время, пока спокойствие не будет восстановлено, даст уверенность, что Правительство приняло решительные меры и успокоило всех»*^[2490].

Тогда же Николай II заявил военному министру генерал-лейтенанту А. Ф. Редигеру, что *«смертная казнь, к сожалению, является неизбежной, но необходимо, чтобы лица, совершившие преступления, караемые смертной казнью, не томились долгие сроки в ее ожидании, и чтобы приговоры в этих случаях постановлялись и применялись не позже 48 часов после совершения преступления»*^[2491]. Редигер до-

вёл эту волю Государя до П. А. Столыпина, а тот в свою очередь до министра юстиции И. Г. Щегловитова. Таким образом, очевидно, что инициатива временного изменения действующего уголовного законодательства путём введения военно-полевых судов исходила от Императора Николая II, а не от Столыпина, как это принято считать.

24 августа 1906 г. был опубликован правительственный указ о введении военно-полевых судов. Они рассматривали дела в ускоренном порядке – за 48 часов. Приговор (как правило, смертная казнь) должен был приводиться в исполнение сразу же после его вынесения. В работе этих судов не принимали участие ни прокурор, ни адвокат, ни свидетели обвинения. Участь подсудимого решалась тремя офицерами суда.

Военно-полевому суду подлежали рассмотрению уголовные дела по обвинению как военнослужащих, так и гражданских лиц в попытке свержения государственного строя Империи, шпионаже, террористических и диверсионных актах, убийстве должностных лиц, грабежах, разбоях и поджогах в отношении государственного и частного имущества. При этом отмечалось, что *«военно-полевому суду передаются дела в тех случаях, когда преступление и виновность обвиняемого вполне очевидны»*^[2492]. Вводя в действие военно-полевые суды, Николай II потребовал их неукоснительного применения. Первый смертный приговор военно-полевой суд вынес убийце генерала Г. А. Мина – З. В. Коноплянниковой:

26 августа её повесили в Шлиссельбургской крепости.

Количество казненных по приговорам военно-полевых судов, несмотря на их относительную массовость, намного уступало количеству жертв революционного террора. Так, в 1906 г. террористами было убито 768 и ранено 820 чел., за тот же период к смертной казни военно-полевыми судами было приговорено 450 чел., а казнено лишь 144 человека. Всего же военно-полевыми судами за все время их существования, с августа 1906-го по апрель 1907 г., было приговорено к смертной казни 683 человека^[2493].

Военно-полевые суды стали эффективным механизмом борьбы с революцией. Теперь за убийства и грабежи революционеров ждал не публичный суд с присяжными, на котором они могли произносить свои зажигательные речи, а короткая и быстрая расправа. Введя в действие военно-полевые суды, Николай II потребовал их неукоснительного применения. Генерал Редигер писал Столыпину 5 сентября 1906 г.: *«Приличном докладе моем 28 минувшего августа, Государь Император Высочайшие повелеть соизволил объявить командующим войскам, что Он требует безусловного применения нового закона о военно-полевых судах по всем преступлениям, предусмотренным в правилах о сих судах. Командующие войсками и генерал-губернаторы, которые допустят отступление от этого высочайшего повеления, будут за это ответственны лично перед Его Величеством. Командующие войсками должны быть озаботиться, чтобы по этим де-*

лам не представлялись Государю телеграммы о помиловании»^[2494].

Уверенность Николая II в необходимости военно-полевых судов нашла своё отражение в письме к адмиралу Ф. В. Дубасову, который просил помиловать покушавшихся на него террористов. Государь писал адмиралу 4 декабря 1906 г., что понимает *«нравственное побуждение, руководившее»* просьбой адмирала, но он не может разделить его точку зрения по данному случаю. *«С озверевшими людьми другого способа борьбы нет и быть не может. Вы меня знаете, я незлобив, пишу вам совершенно убежденный в своей правоте моего мнения. Это больно и тяжело, но верю, что к горю и сраму нашему, лишь казнь немногих предотвратит море крови — и уже предотвратила!»*^[2495]

При этом Государь, даже в самые тяжкие годы революции, не упускал любой возможности спасти человека, приговоренного к смерти, если были основания считать, что он раскаялся и отказался от своей преступной деятельности. Флигель-адъютант Государя генерал-майор П. П. Орлов вспоминал, как во время своего дежурства в Петергофе в 1908 г. около полуночи во флигель-адъютантский дом на Разводной площади пришла молодая женщина, *«вся в слезах»*, которая умоляла быть допущенной до дежурного. Орлов успокоил ее и спросил, что случилось. Женщина рассказала, что она является невестой студента, больного чахоткой, который, войдя в партию эсеров, не мог выпутаться и выйти из партии и

против своей воли сделался членом «Боевой организации». Организация была арестована, и её жених в том числе. Он осужден на смертную казнь и завтра должен быть казнен. Девушка умоляла доложить Государю, просить его помиловать ее жениха, чтобы он мог бы умереть собственной смертью, так как ему недолго осталось жить.

Мольбы женщины подействовали на генерала Орлова, и он поехал в Александрию, где находился Император Николай II, и, разбудив его камердинера, просил о себе доложить. Государь вышел и спокойно спросил: «Что случилось?» Орлов доложил и подал прошение женщины. Прочитав его, Николай II сказал: *«Я очень благодарю вас за то, что вы так поступили. Когда можно спасти жизнь человеку, не надо колебаться. Слава Богу, ни ваша, ни моя совесть не смогут нас в чем-либо упрекнуть»*. После этих слов Царь вышел и, вернувшись, передал Орлову две телеграммы: одну на имя министра юстиции и коменданта Петропавловской крепости: *«Задержите казнь такого-то. Ждите приказаний. Николай»*. *«Бегите, – прибавил Государь, – на Дворцовый телеграф, отправьте телеграммы и одновременно телефонируйте министру юстиции и коменданту, что телеграммы посланы и что они должны принять меры»*. Орлов исполнил приказание и, вернувшись в дежурную комнату, сообщил женщине результаты. Узнав о них, молодая женщина лишилась чувств.

Год спустя генерал Орлов, не зная, что стало с помило-

ванным студентом, получил от его невесты письмо из Ялты. В нём она сообщала, что ее жених по приказанию Государыни был осмотрен придворным врачом и послан за счет Императрицы в Крым. Там он совсем поправился, и они поженились. Женщина просила об этом довести до сведения Государя, поблагодарить его еще раз, что он спас жизнь ее мужу и они счастливы. *«Что бы ни случилось, мы готовы отдать свои жизни за Государя»*, – оканчивала она свое письмо. Орлов доложил о письме Николаю II, который сказал: *«Vidime, как Вы хорошо сделали, что послушались Votre Inspiration^[2496]. Вы ошастливили двух людей»^[2497]*.

Между тем жизнь самого Императора Николая II и всей Царской Семьи находилась в постоянной опасности. Царь оставался мишенью № 1 для террористов. В 1906 г. при Петербургском охранном отделении была создана служба Дворцовой охранной агентуры. Это специальное подразделение обеспечивало негласную физическую (личную) охрану Государя, его Семьи и членов Императорской Фамилии. В ней служили около 300 человек: заведующий, 4 офицера Отдельного корпуса жандармов, 8 чиновников особых поручений и 275 агентов. Последние вербовались на службу в основном из унтер-офицеров Гвардейских полков. На вооружении этого отряда состояло не только короткоствольное огнестрельное, но и холодное оружие. Сотрудники Дворцовой агентуры умели вести наружное наблюдение, владели методикой распознавания потенциальных террористов и могли

определять наиболее опасные участки маршрутов охраняемых лиц. Агенты сопровождали членов Императорской Семьи во всех поездках по России и за границу в составе специальных отрядов секретной охраны^[2498]. Заведовал Дворцовой охранной агентурой подполковник А. И. Спиридович.

Государь, как и большинство офицеров того времени, относился к сотрудникам специальных служб с известной долей пренебрежения. Как показывает история охранного дела, взаимоотношения сотрудников службы безопасности со своими подопечными (особенно высокопоставленными) – один из важнейших и наиболее сложных факторов в организации охраны. Император Николай II вынужден был согласиться на присутствие сыщиков вокруг дворца (одетых в штатское, но всегда выдававших себя новыми перчатками, зонтиком и калошами), но они раздражали его. В 1905 г., когда политические волнения только начинались, барон Фредерикс, заметив, что Государь катается верхом в сопровождении одного казака, попросил брать с собой хотя бы еще дежурного флигель-адъютанта, но Николай II выразил неудовольствие, сказав, что тогда пропадет вся прелесть прогулки^[2499].

Подобное бесстрашие проявляли далеко не все члены Царствующего Дома. Так, Великий Князь Александр Михайлович летом 1906 г. бежал из России во Францию, где поселился на Лазурном Берегу. Много лет спустя он не постыдился описать в мемуарах своё недостойное поведение: «*Мне*

было стыдно перед самим собой, но я не мог ничем помочь. “Я должен бежать. Должен бежать”». Эти слова как молоты, бились в моём мозгу и заставляли меня забывать об обязанностях перед Престолом и Родиной. Но всё это потеряло для меня смысл. Я ненавидел такую Россию. Я покинул Россию без тени сожаления. Вся семья, слава Богу, со мною»^[2500]. На Ривьере он проводил время в кругу семьи, вечерами, по собственному признанию, «всецело отдавался удовольствиям и развлечениям»^[2501].

Летом 1906 г. члены Центрального боевого отряда эсеров установили связь с военнотружашим личным Конвоем Императора. Дворцовой охране стало известно о готовящемся покушении боевой группы на жизнь Государя. Николай II писал в письме к матери: «После убийства бедного Мина, ободренные этим успехом для них, мерзавцы анархисты приехали в Петергоф, чтобы охотиться на меня, Трепова, Орлова»^[2502]. Руководство охраны настояло, чтобы в целях безопасности Царская Семья безвыездно жила в Петергофе. Это «сидение» сильно раздражало Государя. 27 августа он написал П. А. Столыпину: «На последнем докладе вы мне сказали, что к воскресенью, то есть к сегодняшнему дню, будут арестованы те лица в Петергофе, которые готовят террористические акты. Между тем я узнал от Трепова, что ещё ничего не сделано. Считаю своё невольное заключение в Александрии не только обидным, но и прямо позорным. 30 августа будет парад в моем присутствии, и к это-

му дню Петергоф должен быть обезврежен. Невозможно дольше ждать с ликвидацией здешней “облавы” – иначе случится или новое покушение, или анархисты ускользнут. И то, и другое будет вящим скандалом перед всем миром»^[2503].

30 августа заговорщики были арестованы, и многочисленный парад состоялся^[2504]. Тем не менее в тот же день Николай II писал матери: *«Мы сидим здесь запертыми в Александрии, такой стыд и позор говорить об этом! <...> Я краснею и от стыда за нашу родину и от негодования, что такая вещь могла случиться у самого Петербурга!»^[2505]*

Роспуск «Думы народного гнева», введение военно-полевых судов и объявление Государем готовящейся большой аграрной реформы нанесли революции тяжелые удары. 31 августа Царская Семья в первый раз смогла на короткое время отдохнуть в финских шхерах. Государь должен был вернуться к 7 сентября, для проведения парада Лейб-гвардии Кавалергардского полка в Петергофе, однако полиции стало известно, что готовится новый заговор: бомбисты должны были во время парада закидать Царскую Семью бомбами. Столыпин в телеграмме убедил Николая II перенести парад и не возвращаться в Петергоф^[2506].

21 сентября, по возвращении из путешествия, Николай II принял П. А. Столыпина. О своих впечатлениях от разговора с ним Государь писал матери: *«Со времени нашего приезда я уже видел Столыпина. Слава Богу, его впечатления, вообще хорошие: мои тоже. Замечается отрезвление, реак-*

ция в сторону порядка и порицания всем желающим смуты. Конечно, будут повторяться отдельные случаи нападения анархистов, но это было и раньше, да оно ничего не достигает. Полевые суды и строгие наказания за грабежи, разбои и убийства, конечно, принесут свою пользу. Это тяжело, но необходимо, и уже производит нужный эффект. Лишь бы власти исполняли свой долг честно, и не страшась ничего. В этом условии главный залог успеха»^[2507].

11 октября Николай II в очередном письме к Императрице Марии Феодоровне сообщал: «Слава Богу, всё идёт к лучшему и к успокоению. Это всем ясно и все это чувствуют. <...> Сразу после бури большое море не может успокоиться»^[2508].

Те же настроения заметны и у П. А. Столыпина: «Революция? Нет, это уже не революция, – писал он. – Осенью в прошлом году можно было говорить с некоторой правдоподобностью о революции. Теперь употребление громких слов, как анархия, жаскерия, революция, – мне кажется преувеличением».

Созыв и роспуск Второй Государственной думы и поражение революции

Государственная дума второго созыва начала свою работу 20 февраля 1907 г. Её открытие не вызвало такого интереса, как открытие первой Думы. Великий Князь Константин Константинович записал 21 февраля в свой дневник: «На

улицах близ Таврического дворца скопился народ, ходили с красными флагами и пением революционных песен, но вскоре были разогнаны. В общем, открытие второй думы прошло спокойнее, чем ожидалось»^[2509]. Революция была почти преодолена, политика успела порядочно надоесть обывателю. Император Николай II писал матери: *«Я несколько раз видел Столыпина. Он доволен общим настроением внутри, видно всем надоели беспорядки и волнения»*^[2510].

Правительство чётко дало понять, что, если вторая Дума пойдёт по пути первой и будет заниматься политиканством, а не законотворчеством, она будет распущена. Избирательная кампания во вторую Думу носила также иной характер: при выборах в первую Думу никто не защищал Правительство, теперь же у Правительства появились активные сторонники. Состоятельные слои населения, особенно крестьянства, целиком повернулись против революции.

Состав второй Думы был социально ниже первой: больше полуграмотных крестьян и полуинтеллигенции. Октябрист граф В. А. Бобринский назвал её *«Думой народного невежества»*^[2511]. Всего было избрано 518 депутатов.

Председателем Думы стал избранный от Московской губернии правый кадет Ф. А. Головин. Николай II сразу продемонстрировал свою готовность к сотрудничеству с новой Думой. 21 февраля он приветливо принял в Царском Селе Ф. А. Головина, подал ему руку, поздравил с избранием, завёл разговор *«о распределении членов Думы по фракци-*

ям», о перспективе создания работоспособного центра, напомнил о «целом ворохе законов», которые внесены в Государственную думу правительством. Государь особо подчеркнул о необходимости Думе дружно работать с Правительством, чего требуют интересы государства. В конце разговора Царь заключил: *«Всё в Манифесте дарованное народу не подлежит отмене, все обещанное должно быть осуществлено»*^[2512]. Насколько позитивной, содержательной и конструктивной была речь Государя, настолько пустыми, бессодержательными и безответственными были слова Головина. Он стал говорить, что взгляды Правительства и Думы различны, позволил себе коснуться вопросов, не входящих в компетенцию Думы, заявил, что проектов законов ещё не читал, а затем «скромно» заявил, что лучшим доказательством работоспособности Думы является его избрание ее председателем. В общем, Николай II имел все основания сказать о Головине то, что он высказал 21 февраля в письме к Вдовствующей Императрице: *«Головин-председатель представился мне на другой день открытия. Общее впечатление моё, что он inenulité complète*^{[2513]!}*»*^[2514] *«Скоро станет ясно, – писал в том же письме Николай II, – пожелает ли Дума серьёзно заняться своим делом, или начнёт терять время и свой небольшой престиж болтовнёй и ругательствами»*^[2515].

6 марта 1907 г. П. А. Столыпин в своём выступлении на заседании Думы развернул обширный план реформ и в то же

время заявил, что Правительство будет беспощадно бороться с любым экстремизмом и не даст вновь погрузить страну в пучину хаоса: *«Правительство задалось одною целью – сохранить те заветы, те устои, те начала, которые были положены в основу реформ Императора Николая II. Борясь исключительными средствами в исключительное время, правительство вело и привело страну во вторую Думу. Я должен заявить, и желал бы, чтобы мое заявление было услышано далеко за стенами этого собрания, что тут волею Монарха нет ни судей, ни обвиняемых, и что эти скамьи не скамьи подсудимых – это место правительства. (Аплодисменты.) Правительство будет приветствовать всякое открытое разоблачение какого-либо неустройства – но иначе оно должно отнестись к нападкам, ведущим к созданию настроения, в атмосфере которого должно готовиться открытое выступление. Эти нападки рассчитаны на то, чтобы вызвать у власти паралич и мысли и воли, все они сводятся к двум словам – “руки вверх”. На эти два слова, господа, правительство с полным спокойствием, с сознанием своей правоты может ответить только двумя словами: “не запугаете”»*^[2516].

Оценивая эту речь, Николай II писал Марии Феодоровне: *«Ты, конечно, прочитала в газетах о речи Столыпина в Думе и об ответе его на разные дерзости в том же заседании. Все слышавшие, как он говорит остались очень довольны, я очень рад за него, что он имел такой успех. Это подбодрит*

всех хороших и даст ему самому энергию и уверенность в себе»^[2517].

Реакция второй Думы на выступление Столыпина продемонстрировала, что она оказалась ещё более радикальной, чем её предшественница. Однако думским радикалам успешно противостоял растущий авторитет Правительства. Главными ораторами в Думе стали не представители оппозиции, а председатель Совета министров П. А. Столыпин и министр финансов В. Н. Коковцов. Государь писал Вдовствующей Императрице Марии Феодоровне: *«Престиж правительства высоко поднялся благодаря речам Столыпина, а также Коковцова. С ними никто в Думе не может сравниться, они говорят так умно и находчиво, а главное одну правду»*^[2518].

Депутаты от левых фракций вели резкую атаку на Правительство, требуя отменить военно-полевые суды. Но и здесь левые получили от Столыпина твёрдый отпор. 13 марта, выступая в Думе, он заявил: *«Россия сумеет отличить кровь, о которой здесь так много говорилось, кровь на руках палачей, от крови на руках добросовестных врачей, которые применяли, быть может, самые чрезвычайные меры, но с одним упованием, с одной надеждой – исцелить трудноболящего!»*^[2519]

10 мая в Думе прозвучали ставшие историческими столыпинские слова: *«Противникам государственности хотелось бы избрать путь радикализма, путь освобождения от*

исторического прошлого России, освобождения от культурных традиций. Им нужны великие потрясения, нам нужна великая Россия»^[2520].

Осознав, что в открытой дискуссии им не одолеть Правительства, депутаты от левых фракций образовали отделы и комиссии для предварительной подготовки дел, подлежащих рассмотрению в Думе, которые приступили к разработке многочисленных законопроектов: аграрная реформа, продовольственный вопрос, вопрос о призыве новобранцев, об отмене военно-полевых судов. В ходе рассмотрения вопросов кадеты проявляли уступчивость, призывая «беречь Думу» и не давать Правительству повода для её роспуска.

Основным предметом дебатов в Думе весной 1907 г. стал вопрос о принятии чрезвычайных мер против революционеров. Правительство стремилось заставить Думу чётко определиться в своём отношении к террору, встать на сторону Правительства в борьбе с ним. Однако Дума Правительство не поддержала и 17 мая 1907 г. проголосовала против «незаконных действий» полиции, то есть против решительной борьбы с террористами.

16 апреля 1907 г., во время обсуждения вопроса о контингенте новобранцев на следующий год, социал-демократ А. Г. Зурабов в своём выступлении заявил, что *«армия будет великолепно воевать с нами, и вас, господа, разгонять, и будет всегда терпеть поражения на востоке»*^[2521]. Правые фракции восприняли эти слова как оскорбление. Зура-

бову было сделано замечание, и он был лишён слова. Однако Столыпин требовал более строгого наказания для Зурабова, напомнив Головину, что Государь особенно чувствительно относится ко всему, что касается чести армии. Столыпин также указал, что *«в каждом иностранном парламенте такого Зурабова разорвали бы на клочки или, по крайней мере, отхлестали бы»*^[2522]. Кадетское большинство, по существу, поддержало Зурабова, после чего правая пресса начала активную кампанию за роспуск Думы. *«Отовсюду, – писал Государь матери, – мне посылаются телеграммы и адреса с просьбой распустить Думу. Но это ещё рано, нужно дать ей договориться до глупости, или до гадости и тогда – хлопнуть»*^[2523].

Такую «глупость» и «гадость» представители второй Думы совершили весной 1907 г. 31 марта была арестована группа революционеров в количестве 28 чел., готовивших *«посягательство на Священную Особу Государя Императора и совершение террористических актов, направленных против Великого Князя Николая Николаевича и Председателя Совета Министров, причем членами этого сообщества предприняты были попытки к изысканию способов проникнуть в Дворец, в коем имеет пребывание Государь Император. Но попытки эти успеха не имели»*^[2524]. По оперативным данным, с этой группой были связаны представители социал-демократической фракции Государственной думы.

4 мая 1907 г. на квартире рижского депутата, социал-де-

мократа И. П. Озоля полицией была застигнута сходка социал-демократов и солдат петербургского гарнизона. Были обнаружены доказательства того, что Озоль является членом военно-революционного комитета, готовившего мятежи в войсках. На совещании у Озоля присутствовало несколько членов Государственной думы от социал-демократической фракции, тоже, как позже выяснило следствие, бывших членами военно-революционного комитета^[2525].

1 июня 1907 г. Столыпин потребовал от Думы лишения депутатской неприкосновенности депутатов, которых следствие собиралось привлечь в качестве обвиняемых в подготовке *«ниспровержения государственного строя»*^[2526]. В случае отказа, заявил Столыпин, Правительство будет поставлено *«в невозможность дальнейшего обеспечения спокойствия и порядка в государстве»*^[2527]. Дума отказалась выполнять требование Правительства.

2 июня Столыпин получил недвусмысленный приказ Государя: *«Дума должна быть завтра в воскресенье утром распущена. Решимость и твёрдость, вот, что нужно показать России»*^[2528]. В тот же день последовало правительственное сообщение: *«5 мая 1907 г. полиция г. Петербурга получила сведения, что помещение члена Думы г. Озоля, в котором проходили фракционные заседания членов социал-демократической партии, посещают члены военно-революционной организации. Сведения эти, подтвержденные затем арестами некоторых членов указанной революцион-*

ной организации, дали повод провести в помещении Озоля обыск, которым были обнаружены многочисленные документы, что 55 членов Думы, образовавшие социал-демократическую фракцию Думы, составили преступное сообщество для насильственного ниспровержения посредством народного восстания, установленного Основным законом образа правления и для учреждения демократической республики и о привлечении указанных 55-ти членов Государственной Думы к ответственности»^[2529].

Утверждение Манифеста о роспуске Думы и введении закона о новых правилах выборов в неё прошло в обстановке строжайшей секретности. Один из главных составителей закона, товарищ министра внутренних дел С. Е. Крыжановский, вспоминал: «2 июня закон и все таблицы были готовы и отправлены в Петергоф с бывалым человеком, передавшим их камердинеру Государя для представления Его Величеству. Вечером утвержденный Его Величеством закон был уже у Столыпина в Елагинском дворце. Всё было сделано с полным соблюдением тайны и чрезвычайной быстротой. В 8 часов вечера новый закон был уже утверждён Его Величеством, который вернул его с весьма решительной запиской (она гласила “пора треснуть”), а в 10 часов сдан в сенатскую типографию и утром продавался уже на улице»^[2530].

3 июня 1907 г. вышел Высочайший Манифест о роспуске Государственной думы, в котором говорилось: «К прискорби Нашему, значительная часть состава второй Госу-

дарственной думы не оправдала ожиданий Наших. Не с чистым сердцем, не с желанием укрепить Россию и улучшить ее строй, приступили многие присланные от лиц к работе, а с явным стремлением увеличить смуту и способствовать разложению государства»^[2531]. В связи с этим Император указывал на невозможность в таких условиях продолжения работы Думы. Более того, Государь признавал невозможность более избрания Государственной думы по прежнему закону. «Оставляя в силе все дарованные подданным Нашим Манифестом 17 октября 1905 года и Основными законами права, восприяли Мы решение изменить лишь самый способ призыва выборных от народа в Государственную Думу, дабы каждая часть народа имела в ней своих избранных»^[2532]. По новому законодательству избирательными правами обладали все (только в отношении Средней Азии было признано, что эта область еще «не созрела» для выборов). Существенно менялся удельный вес отдельных групп населения. 65 % выборщиков избирались теми слоями населения, которые участвовали в земских и городских выборах и таким образом имели более долгий опыт общественной деятельности. Было сокращено представительство окраин: Польши с 36 до 12 (2 депутата от русского населения), Кавказа с 29 до 10. Манифест указывал, что «Государственная Дума должна быть русской и по духу. Иные народности входящие в состав Державы Нашей, должны иметь в Государственной Думе представителей нужд своих, но не должны и

не будут являться в числе, дающем им возможность быть веришителями вопросов чисто русских»^[2533]. Кроме того, Государь указывал, что «только Власти, даровавшей первый избирательный закон, исторической Власти Русского Царя, довлеет право отменить оный и заменить его новым»^[2534].

Введение Николаем II нового избирательного закона от 3 июня 1907 г. советская, а вслед за ней и современная российская историография определяет как «третьеиюньский государственный переворот», а последующий за ним период истории императорской России вплоть до Февральской революции – «режимом третьеиюньской монархии». Как и многие положения советской историографии, это определение лукаво и неверно. Советская историография, определяя роспуск второй Думы государственным переворотом, объясняла это тем, что, согласно Манифесту от 20 февраля 1906 г., Император имел право вводить или менять законы в обход Думы только в перерывах между её сессиями. Отсюда, делали вывод советские историки, в России было восстановлено Самодержавие в полном объёме. Однако при этом забывалось, что Император Николай II всегда оставался Самодержавным Царём. Сама Государственная дума и законы, по которым она действовала, были введены его самодержавной волей, и эта воля, безусловно, могла менять и устанавливать другие законы. Кроме того, новый закон о выборах был необходим для окончательного подавления революции в России, установления в ней мира и спокойствия. Государь принял

решение об изменении законодательства в условиях, когда большая часть второй Думы была настроена не на позитивную созидательную работу на благо России, а на продолжение революции. В этих условиях её деятельность по старым правилам, дающим революционерам возможность продолжать осуществлять свою подрывную деятельность, прикрываясь депутатскими мандатом и неприкосновенностью, была невозможна.

Манифест от 3 июня 1907 г. окончательно определил новый русский государственный строй, чётко закрепил право Государя на роспуск Думы и права утверждать и отменять законы Российской Империи в том случае, если спасение государства не может быть достигнуто на обычном законодательном пути. Манифест разъяснял: *«Все эти изменения в порядке выборов не могут быть проведены обычным законодательным путем через ту Государственную Думу, состав коей признан Нами неудовлетворительным, вследствие несовершенства способа избрания ее членов. Только Власть, даровавшей первый избирательный закон, исторической Власти Русского Царя, довлеет право отменить оный и заменить его новым. От Господа Бога вручена Нам Власть Царская над народом Нашим, перед Престолом Его Мы дадим ответ за судьбы Державы Российской. В сознании этого черпаем Мы твердую решимость довести до конца начатое Нами великое дело преобразования России, и даруем ей новый избирательный закон»*^[2535]. Таким обра-

зом, Манифест провозглашал, что историческая власть Царя остается основой русского государства.

Согласно указу Государя, новые выборы в Думу должны быть проведены 1 сентября 1907 г., а созыв новой Думы был назначен на 1 ноября того же года^[2536]. При этом все депутаты социал-демократической фракции, которые не успели скрыться, были арестованы. Остальные депутаты второй Думы разъехались по домам. Как и ожидал Царь, никакой революционной вспышки не последовало. Как писал С. С. Ольденбург: *«Государь как был, так и остался Верховным Вождём страны. Он вывел её из войны и смуты, и манифестом 3 июня Он довел до конца “великое дело преобразования”: в России утвердился новый строй – Думская монархия»*^[2537].

В невероятно тяжелых условиях Императору Николаю II удалось победить «красную революцию». Новая, Третья Государственная дума, выбранная по новым законам, стала первой работоспособной. Благодаря жестким репрессиям в отношении террористов и мятежников удалось сбить пламя революционного пожара. Нормализация отношений с Великобританией, происшедшая в 1907 г., резко сократила иностранную помощь революционному подполью. Известный русский мыслитель В. В. Розанов считал всё это великим Царским подвигом. Он писал ещё в 1906 г.: *«Государю виднее. Да, трон выше всего. И много видно с него, чего не видно с кресел, стульев, трибун и кафедр. Не забудем этого. Госу-*

дарь знает гораздо больше каждого из нас, знает уже в силу своего положения и таких особенных сведений, которые никогда не коснутся и края уха обыкновенного подданного или “гражданина”. Дай же, Боже, Государю и впредь этой ясности, и высоты суждения, этого спокойствия и простоты решений, какие Им выказаны были в эти “страдные” для трона два с четвертью года. <...> Стремление к человеческому добру, готовность к состраданию – Его глубокая врожденная черта. <...> Возблагодарим Его. А если и не сумеет теперешнее поколение, в торопливости мятущихся дней, оценить величие и индивидуальность подвига Государя, то тем выше, в поправление настоящего, поднимет Его имя историк»^[2538].

Глава 7. Император Николай II и вопрос о возрождении Патриаршества

История Русской Православной Церкви в эпоху Императора Николая II являет собой крайне противоречивую картину. С одной стороны, наивысший расцвет её благосостояния, строительство храмов и монастырей, прославление невиданного до сих пор числа угодников Божьих, с другой — духовное оскудевание среди иерархов, рост богоборческих и атеистических тенденций в семинариях и духовных академиях, стремление значительной части духовенства к реформам в Церкви и богослужении, вовлечение духовенства в политическую, причём часто противоправительственную, деятельность. Это эпоха преподобного Иоанна Кронштадтского, мученика за веру протоиерея Иоанна Восторгова, ревнителей Самодержавия архиепископа Никона (Рождественского), митрополита Макария (Невского), митрополита Нестора (Анисимова), и в то же самое время расстриги и святотатца Труфанова (Илиодора), революционера и провокатора Георгия Гапона, масонствующего митрополита Антония (Вадковского), откровенного сторонника революции, будущего еретика-обновленца епископа Антонина (Грановского).

Духовный кризис русского общества начала XX в., при-

ведший к революции 1905 г., не мог не коснуться и Российской Православной Церкви. Об этом, кстати, в 1905 г. писал не кто иной, как Ленин: *«Наличность либерального реформаторского движения, среди некоторой части молодого русского духовенства не подлежит сомнению: это движение нашло себе выразителей и на собраниях религиозно-философского общества и в церковной литературе. Это движение даже получило свое название: “новоправославное движение”»*^[2539].

Некоторые иерархи все больше начинали вмешиваться в мирские вопросы, стремились освободиться «от опеки» государства и тем самым неминуемо оказывались вовлеченными в политику. Духовные академии и семинарии все чаще выпускали не священнослужителей, а в лучшем случае равнодушных к вере людей, никак не связанных с Церковью, а в худшем – революционеров. Из года в год уменьшалось число выпускников, принимающих священнический сан. Митрополит Евлогий (Георгиевский) вспоминал: *«Наши духовные семинарии не давали достаточного числа кандидатов-священников. Во многих епархиях отмечался их недостаток; многие семинаристы, особенно в Сибири, не хотели принимать священнического сана. Благовещенская семинария за 10 лет не выпустила ни одного священника»*^[2540].

Те же процессы происходили и в Духовных академиях. Митрополит Антоний (Храповицкий) писал 22 ноября 1907 г. митрополиту Флавиану (Городецкому): *«Духовные*

академии так низко пали, так далеко отошли от своей задачи, что хоть Архангела Гавриила посылай туда ректором – всё равно толку не будет. Конечно, Вам, Владыко, известно, что 50 студентов с учащимися попами ходили по пещерам Киево-Печерской лавры, и никто ни к одним мощам не приложился; на сходке вотировали отмену постов в академии, а попы перед служением литургии едят колбасу с водкой при всех»^[2541].

Стремление некоторой части духовенства идти «в ногу со временем», политизация его приводили к постепенной утрате авторитета в народе. Будущий митрополит Вениамин (Федченков) считал, что многие православные иереи и иерархи в начале XX в. переставали быть «соленой солью» и не могли «осолить» других. Не отрицая поразительные примеры святых людей из духовенства, митрополит Вениамин с сожалением констатировал, что «большой частью мы становились “требоисполнителями”, а не горящими светильниками»^[2542].

Эти слова полностью совпадают с мнением Императрицы Александры Феодоровны, которая в беседе с князем Н. Д. Жеваховым говорила о растущем разрыве между пастырями и паствой: «Духовенство не только не понимает церковно-государственных задач, но не понимает даже веры народной, не знает народных нужд и потребностей. Особенно архиерей. Я многих знаю; но все они какие-то странные, очень мало образованы, с большим честолюбием. Это ка-

кие-то духовные сановники; но служители Церкви не могут и не должны быть сановниками. Народ идет не за сановниками, а за праведниками. Они совершенно не умеют привязать к себе ни интеллигенцию, ни простой народ. Их влияние ни в чем не сказывается, а между тем, русский народ так восприимчив. Я не могу видеть в этом наследие исторических причин. Раньше Церковь не была во вражде с государством; раньше иерархи помогали государству, были гораздо ближе к народу, чем теперь»^[2543].

Российский епископат начала XX в., являвшийся, по мнению кандидата ист. наук Ю. Н. Белоноговой, «самым образованным за всю русскую историю»^[2544], являлся одновременно и самым политизированным, не считая, конечно, патриарха Никона. Разумеется, речь идет далеко не о всех епископах и даже не о всех членах Святейшего Синода. Фактически в начале XX в. в Церкви складываются предпосылки будущего обновленчества, подспудно зреют идеи полного реформирования церковных жизни и уклада, главной из которых было все более растущее стремление отделения Церкви от государства, то есть от Самодержца, и восстановление патриаршества. Эти настроения полностью соответствовали настроениям в некоторых правящих и оппозиционных кругах Империи, так как совпадали с их стремлением ограничить, ослабить Самодержавие.

Здесь следует особо выделить роль митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского Антония (Вадковского). Этот

глубоко образованный, умный и крайне властолюбивый иерарх стал центром скрытой оппозиции Государю. Митрополит Антоний покровительствовал всем либеральствующим, обновленческим и оппозиционно настроенным представителям духовенства, некоторые из которых сыграли зловещую роль в истории Церкви и России. Так, именно митрополит Антоний покрывал блудные «подвиги» Гапона, именно по рекомендации владыки воспитанник иезуитов граф А. М. Дю-Шайла (будущий секретный сотрудник ВЧК и ОГПУ) был внедрен в Оптиную пустынь якобы для «изучения опыта Русской Церкви»^[2545], именно благодаря владыке духовенству было запрещено учредить *«Общество для защиты отца Иоанна Кронштадтского от клеветы»*^[2546]. Особое покровительство митрополит оказывал откровенно революционно-обновленческим группам, таким как «Группа 32-х», епископ Антонин (Грановский), в 1905 г. отказавшийся помянуть на литургии Государя как Самодержавнейшего, дававший революционерам деньги на организацию забастовок и призывавший убивать жандармов и полицейских.

Митрополит Антоний (Вадковский) был одним из главных сторонников восстановления патриаршества. К началу XX в. стремление восстановить допетровский уклад Русской Православной Церкви поддерживало множество представителей как духовенства, так и мирян. Среди епископата, помимо Антония (Вадковского), убеждёнными сторонниками такого шага были епископ Волынский и Житомирский Анто-

ний (Храповицкий), епископ Таврический и Симферопольский Михаил (Грибановский), почивший в 1898 г., епископ Алеутский и Аляскинский Тихон (Белавин). Но, в отличие от остальных, Антоний (Вадковский) был не просто сторонником восстановления патриаршества, он *«желал освободиться от опеки государственной власти путем восстановления Патриаршества»*^[2547]. Ради достижения этой цели владыка поддерживал связи и с масонскими структурами. Так, Департамент полиции располагал сведениями о том, что в оккультно-масонском кружке действительного статского советника и редактора журнала «Вестник Европы» К. К. Арсеньева в 1906–1907 гг. разрабатывался *«вопрос об отделении Патриаршества»*^[2548]. Митрополит Антоний был связан с этим кружком через архимандрита Михаила (Семёнова), пропагандировавшего социализм^[2549]. В связи с этим нельзя не согласиться с С. В. Фоминым, который утверждает, что *«борьба за восстановление канонического строя Русской Церкви (Патриаршества) в ту пору (независимо от личных устремлений ее участников) была по сути своей борьбой политической, борьбой, в конечном счёте, за уничтожение Богоустановленной Самодержавной Монархии в России, борьбой за устранение Русского Православного Царя, не только в Церкви, но и в государстве»*^[2550].

Но это вовсе не означало, что восстановление патриаршества было не нужно. Более того, в условиях глубочайшего духовного кризиса начала XX в. оно было просто необ-

ходимо. Лучше всех это понимал Император Николай II, как понимал он и то, что это восстановление должно было исходить от Самодержца, который тем самым восстанавливал симфоническое единство власти. Восстановление патриаршества должно было усилить, укрепить власть Самодержавную, чтобы вместе преодолеть смертельно опасный кризис. Представители же священноначалия, ратуя за восстановление патриаршества, стремились как раз к обратному, к ослаблению власти Самодержца, а значит, к углублению кризиса. Разумеется, причиной этих стремлений в подавляющем числе случаев была не «революционность» иерархии и не их злая воля. Причиной была потеря многими иерархами дара чувствовать Божественную мистику происходящих событий, то чувство, которое в полной мере было присуще Государю Николаю Александровичу. Архимандрит Киприан (Керн) писал о митрополите Антонии (Храповицком), что тот *«не был мистиком и не признавал мистики в духовной жизни. Это странно при его уме и правильности восприятия церковной жизни. Но между тем это так. <...> Рационализм и морализм были основными координатами его богословствования. <...> Это было основной слабостью владыки»*^[2551]. Эта же слабость была присуща и многим другим представителям священноначалия.

В марте 1903 г. митрополит Антоний (Вадковский) писал Государю: *«Мне всегда казалось, что при усиливающемся развитии русского самосознания, само собой – рано или*

поздно – наступит время, когда общественное мнение вынуждено будет сказать, что стыдно и невозможно Руси Святой жить при таком ненормальном строе церковного управления. Когда настанет этот желанный час, нам не дано знать. Это знает только Всевышний Бог. Но мы все должны молиться, чтобы Господь призрел с Небеси Милостию Своею на Свое достояние – Церковь Свою Православную и на Русь нашу Святую и Великую, судьбы которых, по воле Всемогущего Бога, вверены теперь заботам Вашего Величества»^[2552].

Впоследствии ряд видных иерархов обвинял Императора Николая II в нежелании этого созыва. Так, митрополит Антоний (Храповицкий), бывший с 1920 по 1936 г. первоиерархом Русской Православной Церкви за границей, писал после событий 1917 г.: *«Господь наказал Государя и Государыню, как некогда праведнейшего Моисея, отняв у них царство за то, что они противились Его воле, ясно выраженной Вселенскими Соборами касательно Церкви»^[2553]*. Архимандрит Киприан (Керн), хорошо знавший владыку, свидетельствовал, что тот *«ревновал о Патриаршестве, о независимости Церкви от государства, мечтал о Никоне и о Фотии»^[2554]*, и почти не вызывает сомнений, что под этим новым «Никоном» он видел себя самого. Именно в первую очередь досадой, несостоявшимися амбициями стать во главе Церкви были вызваны подобные заявления. Но если мотивация митрополита Антония (Храповицкого) хотя бы понятна,

то чем руководствуется ныне живущий протоиерей Георгий Митрофанов, когда дерзновенно и лукаво пишет, что отказ от созыва Собора *«является, безусловно, виной последнего нашего Императора по отношению к Церкви. Он не делал того, что нужно ему было делать, как православному христианину: он не восстанавливал каноническое устройство в Церкви»*^[2555], неясно. Митрополит Антоний был участником тех далеких событий и, как современник их, мог многого не знать. Но Георгий Митрофанов, живущий сто лет спустя после этих событий, не может не понимать, что написал ложь.

Государь не только не противился идее созыва Поместного Собора, но, наоборот, считал его крайне необходимым. Николай II прекрасно понимал, что вначале должны быть залечены глубокие духовные раны, которые мешают восстановить бывшее мировоззренческое единство народа, единство его нравственных и религиозных идеалов, его национально-го самосознания и чувства долга. Единственной силой, способной на это, была Православная Церковь. Государь считал, что сперва должны быть восстановлены соборные начала в церковной жизни, а затем уж, опираясь на ее мощную духовную поддержку, – и в общественно-государственной области. Сначала Собор Церковный, а уж затем – Земский: таковы были планы Императора Николая II^[2556]. Уже в 1904 г. в письме К. П. Победоносцеву Государь отмечал, что само собой *«возникает мысль о Всероссийском Церковном Соборе, мысль о котором давно уже таится в моей душе. Мне ка-*

жется, <...> по многим <...> вопросам нашей церковной жизни обсуждение их поместными соборами внесло бы мир и успокоение, притом правильным историческим путем в полном соответствии с преданиями нашей Православной Церкви»^[2557]. Митрополит Антоний (Вадковский) после разговора с В. К. Плеве в 1904 г. был уверен, что «Государь этим вопросом серьезно занят»^[2558]. Более того, Николай II вполне терпимо относился к идее восстановления автокефалии Грузинской Православной Церкви, независимость которой была упразднена Александром I в 1811 г.

Однако, вопреки воле Царя, активная «борьба за восстановление канонического строя Русской Церкви» началась в 1905 г., в ходе начавшейся революции. Инициатором её выступил С. Ю. Витте, до этого весьма далёкий от проблем Русской Православной Церкви. В феврале 1905 г. он образовал при Комитете министров Особое совещание по церковным вопросам, в которое вошли епископ Ямбургский, викарий Санкт-Петербургской епархии Сергей (Старгородский) и группа профессоров Духовных академий: Н. А. Заозерский, П. В. Тихомиров, А. С. Павлов и Н. С. Суворов. В документах Особого совещания Синодальная система называлась неканоничной, ставился вопрос о немедленном созыве Поместного Собора с участием приходского духовенства и мирян, предлагался ряд мер, направленных на децентрализацию управления, реформу Духовных школ^[2559].

В феврале 1905 г. по указанию митрополита Антония

(Вадковского) была составлена записка-меморандум, в которой был изложен проект возможных преобразований в сфере церковного управления. Митрополит настаивал, чтобы Православная Церковь вернулась к тому устройству, какое было у неё до замены Петром Великим патриаршества на синодальное управление^[2560]. Подобное «совпадение» взглядов митрополита Антония и Витте не было вовсе случайностью. По сведениям Особого отдела Департамента полиции, оба в 1905–1906 гг. посещали тайное общество «Денница», на заседаниях которого оба высказывали требование отделения Церкви от государства и введение патриархата^[2561].

Не случайно также, что и митрополит Антоний, и Витте практически одновременно подали Государю записки о необходимости реформ в церковном управлении. Записка митрополита называлась *«Вопросы о желательных преобразованиях в постановке у нас Православной Церкви»*. Записка Витте: *«О современном положении Православной Церкви»*^[2562]. В записке митрополита предлагалось созвать совещание архиереев с участием представителей приходского духовенства и мирян для обсуждения насущных вопросов русской церковной жизни. Владыка Антоний подчеркивал, что никто из членов Правительства присутствовать на этом совещании не должен. То есть речь шла о созыве Поместного Собора.

В свою очередь обер-прокурор К. П. Победоносцев категорически возражал против восстановления патриарше-

ства. В своих «*Соображениях по вопросам о желательных преобразованиях в Православной Церкви*», поданных им Государю, обер-прокурор Синода утверждал, что патриаршество противоречит церковной соборности и что оно неминуемо приведет к определенной форме папизма^[2563]. 13 марта Николай Пповелел изъять вопрос о церковной реформе из Особого совещания и передать в ведение Святейшего Синода^[2564]. Победоносцев был уверен, что сможет убедить Синод в ненужности и вредности их требований. Однако обер-прокурору пришлось убедиться, что его мнение отвергается подавляющей частью священноначалия. Когда в начале 1905 г. Святейший Синод разослал среди епископов анкеты о желательности преобразований и реформ в Церкви, большинство епископов категорично выступило за них. Причём требование отмены обер-прокурорской системы сочеталось у них с весьма опасными тенденциями. Так, восемь из 28 епископов были за использование во время богослужений русского, а не церковнославянского языка, 18 полагало, что церковнославянский язык «надо сильно модернизировать» и лишь 2 считали, что вопрос требует тщательного обсуждения. При этом полностью в защиту церковнославянского языка не выступил ни один епископ^[2565].

17 марта 1905 г. в № 11 «Церковного Вестника» появилась записка, подписанная тридцатью двумя священниками, которая позже стала известна под названием «Записка 32-х». Она легла в основу идеологии возникшего позднее «Союза и

Братства церковного обновления». Авторы записки поддерживали идеи преобразований в Церкви, в частности, выдвигались требования о лишении духовенства наград, зависимость пастыря от мнения паствы, выборности епископата и духовенства. Все вышеназванные требования лягут в 1920-х гг. в идеологию обновленцев-раскольников. С началом революции в семинариях и академиях начались беспорядки, причем главными их организаторами были профессора, требовавшие «свободы преподавания», то есть, говоря словами владыки Антония (Храповицкого), *«права отрицать в своих курсах Божество Иисуса Христа и вообще Символ Веры»*^[2566].

Поэтому не случайно, что Император Николай II 23 марта 1905 г. в резолюции на Всеподданнейшем докладе Синода признал *«невозможным совершить в переживаемое ныне тревожное время столь великое дело, требующее и спокойствия, и обдуманности, каково созвание Поместного Собора. Предоставляю Себе, когда наступит благоприятное время, по древним примерам Православных Императоров, дать сему великому делу движение и созвать собор Всероссийской Церкви для канонического обсуждения предметов веры и церковного управления»*^[2567].

Во время московского восстания в декабре 1905 г. с некоторых колоколен при попустительстве духовенства, а иногда при его помощи по правительственным войскам стреляли боевики. Дело приняло такой оборот, что полковник

Г. А. Мин был вынужден предупредить приходское духовенство, что *«если будет произведен выстрел с колокольни, то они будут лишены дохода с церкви на первый раз, а на второй – лишены места»*^[2568].

12 марта 1906 г. в домово́й церкви Московской Духовно́й академии студент П. А. Флоренский произнес проповедь, ставшую известной под названием *«Вопль крови»*^[2569]. Она была произнесена вскоре после известия о казни лейтенанта Шмидта. Флоренский призывал к прекращению взаимного кровопролития и отмене смертной казни. Проповедь была восторженно встречена революционизированным студенчеством. В марте 1906 г. новый ректор Санкт-Петербургской Духовной академии архимандрит Сергей (Тихомиров), отслужил панихиду по лейтенанту Шмидту^[2570]. А. В. Богданович отмечала 10 марта 1906 г.: *«Петербургская духовная академия заставила vikaria Сергея служить панихиду по казненному лейтенанту Шмидту. Не Богу эти будущие отцы молились, а протестовали этим против правительства»*^[2571].

Не готова было к возобновлению исторического бытия и Грузинская Церковь. Формы борьбы грузинских афтокефалистов становились все более агрессивными. В 1908 г. ими был убит Экзарх Грузии архиепископ Никон (Софийский)^[2572].

В западных губерниях резко усилилась агитация католических радикалов, склонявших православное население к

отказу от Православия и переходу в католичество. Митрополит Евлогий (Георгиевский) вспоминал, что после Манифеста 17 октября 1905 г. *«все деревни были засыпаны листовками, брошюрами с призывом переходить в католичество. Агитацию подкрепляли ложными слухами, низкой клеветой: Царь уже перешел в католичество – переходите и вы! Иоанн Кронштадтский уже перешел в католичество – следуйте его примеру! и т. д. Народ растерялся. <...> Признаюсь, администрация и мы, представители Православной Церкви, растерялись»*^[2573].

В годы опасной смуты Самодержец получил поддержку в первую очередь не Синода, а отдельных пастырей. Лучшие иерархи Церкви единодушно выступили с разоблачением и осуждением революции, в поддержку Государя. В первую очередь речь идет о святом праведном отце Иоанне Кронштадтском. Ярким и самоотверженным борцом за веру православную и за Царя был протоиерей Иоанн Восторгов. Он писал, что *«если бы случилось так, что сила и власть Царя будут умалены, если Царь стал бы ограниченным, бесильным и несвободным, тогда беспрепятственно придут враги в достояние Божие и будут наносить Церкви Божией удар за ударом»*^[2574]. Епископ Саратовский Гермоген (Долганов) в 1905 г. обратился к народу с призывом: *«Не оскорбляй ты Божиих даров, так щедро поданных тебе Богом Царской рукой. Не гнушайся этой святейшей воли Божьей и волею Царя, бойся гнева Божия, гнева Царского. Не слушай-*

ся тех речей змеиных, которые зовут тебя к мятежам и смуте; они влекут тебя к ужасным преступлениям и к гибели твоих родных и близких!»^[2575] Правящий архиерей Владивостокско-Камчатской епархии епископ Евсей (Никольский) во время беспорядков во Владивостоке вышел во главе крестного хода против бесчинствующей толпы. Видя шествие с епископом во главе, мятежники смирились, влились в крестный ход и мирно прошли с пением молитв. Епископ Евсей был награжден Императором орденом Св. Анны I степени и Св. Блгв. Князя Александра Невского^[2576].

Но позиция Святейшего Синода в первый год революции оставалась весьма двусмысленной. Несмотря на то, что 22 января 1905 г. митрополит Антоний (Вадковский) после молебна на Путиловском заводе заявил рабочим, что революция совершается на иностранные деньги, и высказал молитвенное пожелание, чтобы Господь *«потребил от нас все неистовые крамолы супостатов и утвердил в земле мир и благочестие»*^[2577], в обоих посланиях Синода от 22 и 28 октября 1905 г. отсутствовала оценка революционного движения, мирянам не запрещалось под страхом отлучения от Церкви становиться членами революционных партий и движений^[2578]. Более того, 22 октября 1905 г. Синод фактически поддержал левую прессу, приняв определение, согласно которому духовенство приглашалось поучать паству лишь *«действовать в духе христианского всенародного братолюбия»*. Архиепископ Никон (Рождественский), который в сво-

ей статье в «Московских ведомостях» подверг гневному обличению революционеров и призвал русский народ сплотиться вокруг Царя и Родины, по распоряжению митрополита Антония (Храповицкого) был выслан из Москвы. 19 ноября 1905 г. в официальном печатном органе Русской Православной Церкви был опубликован ряд поучений епископов различных городов, основной темой которых было осуждение еврейских погромов. При этом о необходимости противодействия антиправительственным демонстрациям не говорилось ничего. Подобная позиция была занята Синодом на фоне массового террора в отношении духовенства и мирян. Сотни священников пострадали от рук революционеров. 29 декабря 1905 г. в Ялте, на глазах жены и малолетних детей, был заколот кинжалами священник Владимир Троепольский, осуждавший в своих проповедях революционный террор. 30 ноября 1906 г. в селе Городищи Царицынской губернии в своем доме революционерами был убит настоятель храма в честь иконы Пресвятой Богородицы «Всех Скорбящих Радости» священник Константин Хитров со всей семьей, включая матушку Капитолину и малолетнего сына Николая, которым были проломлены головы^[2579]. И по этому поводу Синод хранил поразительное молчание.

Представители правых монархических организаций писали о позиции Синода в те дни: *«Революционеры, деятельность которых осталась без оценки со стороны Святейшего Синода, тем самым получили могущественную поддерж-*

ку со стороны этого высокого церковного учреждения для распространения и осуществления на деле их разрушительных лжеучений»^[2580].

Осенью 1905 г. в адрес Синода пришло письмо, подписанное «Русские люди», в котором говорилось, что он *«утрачивает свое звание Святейшего и отныне заслуживает титул Подлейшего»*^[2581]. Это крайне резкое по своей форме письмо отражало настроения многих патриотически настроенных людей, которые не понимали пассивности Синода в сопротивлении революции.

Однако все усиливающаяся в стране смута вынуждала Императора Николая II всеми мерами искать пути решения ее преодоления. Важнейшую роль в этом Государь усматривал в усилении роли Церкви. 17 декабря 1905 г. Император принял митрополита Антония (Вадковского), митрополита Московского Владимира (Богоявленского) и митрополита Киевского Флавиана (Городецкого) и обсудил с ними вопрос о созыве Поместного Собора. Император заявил, что ничего не имеет против его созыва и посоветовал создать при Святейшем Синоде Особое присутствие из представителей церковной иерархии и других, духовных и светских, лиц, которое должно обсудить все вопросы, подлежащие рассмотрению на будущем Поместном Соборе^[2582]. По результатам встречи *«Его Величество Всемилоостивейше повелеть соизволил приложить особое старание к исполнению всего, что требуется для созвания Собора в ближайшее по*

возможности время»^[2583].

27 декабря 1905 г. Государь вновь принял тот же состав иерархов, что и 17 декабря. Во время этой аудиенции Николай II «благоволил выразить свою волю, чтобы произведены были некоторые преобразования в строе нашей отечественной Церкви на твердых началах вселенских канонов для вящего утверждения Православия»^[2584]. В Высочайшем рескрипте на имя митрополита Антония (Вадковского) от 27 декабря 1905 г. говорилось: «Ваше Высокопреосвященство, Церковная власть, в лице Святейшего Синода, весною настоящего года, заявила Мне о необходимости созвать, для устройства дел церковных, чрезвычайный всероссийский поместный собор. Тяжелые обстоятельства на Дальнем Востоке не дали Мне возможности тогда привести в исполнение это благое намерение. Ныне же Я признаю вполне благовременным произвести некоторые преобразования в строе нашей отечественной Церкви, на твердых началах вселенских канонов, для вящего утверждения православия.

А посему предлагаю вам, Владыко, совместно с митрополитами: Московским – Владимиром и Киевским – Флавианом, определить время созвания этого, всеми верными сынами Церкви ожидаемого собора. Поручаю Себя вашим молитвам. НИКОЛАЙ»^[2585].

16 января 1906 г. Государь утвердил состав Предсоборного присутствия во главе с митрополитом Антонием (Вадковским). Оно открылось 6 марта 1906 г. в Александро-Нев-

ской лавре Санкт-Петербурга. В своем вступительном слове митрополит Антоний сказал: *«России угрожают новые враги, которые хотят отравить ее, угрожают Царю и Святой Православной вере, что делает еще более важным Предсоборное совещание»*^[2586]. На совещании была зачитана телеграмма Государя, в которой он желал Божьей милости членам Присутствия и напоминал о серьезной ответственности, которую они несут. Царь надеялся, что Присутствие станет объединяющим и умиротворяющим событием в русской жизни. Но этого не случилось. Работа Предсоборного присутствия проходила под давлением как левых, так и правых радикалов. Отказ председательствующего на заседаниях митрополита Антония от безусловной поддержки «Союза русского народа» стал поводом для резких статей в крайне правых печатных органах с обвинением митрополита в измене Царю.

Никакого единства, вдумчивой работы в Присутствии не наблюдалось. Она фактически свелась к настойчивому требованию восстановить патриаршество и вывод Церкви из-под контроля государственной власти, то есть Самодержца. Присутствие считало необходимым изменить существующие Основные законы Российской Империи, касающиеся Церкви. Согласно им, Верховное управление Церковью принадлежало Государю Императору. Статья 64 Основных законов Российской Империи определяла: *«Император, яко Христианский Государь, есть верховный защитник и*

хранитель догматов господствующей веры, и блюститель правоверия и всякого в Церкви святой благочиния. В сем смысле Император, именуется Главою Церкви»^[2587]. Присутствие предлагало заменить эту формулировку на следующую: «Император, как Православный Государь, является верховным покровителем Православной Церкви и охранителем ее благопорядка»^[2588]. Таким образом, согласно участникам Присутствия, роль Самодержца сводилась к роли полицейского надзирателя, который должен «охранять церковный благопорядок и покровительствовать ему». Павел Флоренский, один из немногих, кто понимал неразрывность Православия и Самодержавия, писал: «Православие крепко и внутренне связано с политической историей – через Самодержавие. Вера в Царское Самодержавие, мистическое к нему отношение – это один из непременных элементов Православия»^[2589].

Разумеется, Николай II понимал это, как понимал он и то, что восстановление патриаршества в условиях непонимания подавляющей части иерархии значения и смысла симфонии властей, то есть одинаковой значимости для православной Империи как Самодержавной, так и Патриаршей власти, будет иметь исключительно отрицательные последствия как для Церкви, так для государства. Протоиерей РПЦЗ Лев Лебедев отмечал: «Для Государя Николая II воссоздание Патриаршества не было делом простой перемены формы церковного управления. “Просто Патриарх” вместо Синода –

это ничего не дает <...> Глубоко изучивший историю Патриаршества и принявший идеи взаимоотношений церковной и царской власти Святейшего Патриарха Никона, Царь Николай II понимал, что вся суть дела в том, чтобы Патриарх был таким же главою России, как Царь, только – в духовной области жизни страны, чтобы вместе они отвечали за судьбы России, имея каждый преимущество в своей сфере»^[2590].

Вступление на патриарший престол амбициозного, властолюбивого архиерея типа Антония (Вадковского) или Антония (Храповицкого) усилили бы Церковь как человеческий институт, но ослабили бы ее как Институт Божественный, изменив главному значению Церкви как Телу Христову. Одновременно ослабла бы и власть Самодержца, который также бы потерял свои духовные прерогативы. То есть это был губительный путь католичества. Государь таким путем идти не мог и не хотел. С. В. Фомин верно отмечает: «По-нашему мнению, две причины заставляли Царя-Мученика медлить с открытием Собора. Прежде всего, речь идет о протестантских тенденциях епископата, которые Государю стали ясны после ознакомления с изданным в начале 1906 года четырехтомником “Отзывами епархиальных иереев по вопросу о церковной реформе”, впоследствии выразившиеся в так называемом “обновленчестве”, явных приверженцев которого было много меньше по сравнению с подлинным числом сторонников и просто сочувствующих. Не

менее сильное впечатление, вероятно, получил он от журналов и протоколов Предсоборного присутствия 1906 года. Дальнейшие события лишь подтвердили верность позиции Императора Николая II. Имеем в виду поведение священноначалия в феврале-марте 1917 года, решения Собора 1917–1918 гг., к счастью для Церкви, так и оставшегося лишь на бумаге, и, наконец, пресловутое “обновленчество”» ^[2591].

Государь продолжал быть убежденным сторонником восстановления патриаршества. Он мучительно искал выхода из создавшегося положения, понимая, что никто из возможных претендентов на патриарший сан не понимает всей тяжести лежащей на него ответственности. Как отмечал протоиерей Лев Лебедев: «Самым важным должен был стать первый переходный период этого грандиозного преобразования. Во главе Церкви, Патриархом, должен был стать человек, пользующийся бесспорным единодушным признанием народа, имеющий опыт ведения больших государственных дел и имеющий реальную власть вести и эти и церковные дела. В среде русских архиереев такого человека не было» ^[2592].

В этих условиях, как свидетельствуют некоторые источники, Император Николай II такой выход нашёл, предложив священноначалию себя в качестве Патриарха. Первое по времени сведение о таком намерении Государя относится к зиме 1904–1905 гг. Как уже упоминалось, к этому же периоду относятся и сведения о встрече Николая II со старцем Варнавой (Меркуловым). В журнале, издаваемом в эмигра-

ции правым монархистом Ф. В. Винбергом «Луч», в 1921 г. был приведён рассказ Б. Потоцкого. Тот свидетельствовал, что ему один его знакомый, имени которого Потоцкий не называет, бывший в начале XX в. студентом Петербургской духовной академии, рассказал, что в 1904-м или начале 1905 г. он по поручению своего начальства наводил порядок в библиотеке митрополита Антония (Вадковского). В конце каждого рабочего дня студент должен был являться к митрополиту с докладом о результатах своей дневной работы по разборке книг. Так было и в тот памятный для него день, когда он вошел в комнату, где ежедневно докладывал о своих изысканиях в богатом книгохранилище. Увлеченный успехом своих занятий в тот день, он не обратил внимания на то, что митрополит находился не один, был не в скуфейке, как обыкновенно, а в белом клобуке, который он надевал лишь в официальных случаях. Студент начал было докладывать владыке о проделанной работе, но, к его изумлению, тот, обычно с интересом слушавший его доклады, на этот раз прервал его словами: *«Потом расскажете, разве не видите, что у меня гости?»* Тут только студент заметил офицера и даму, сидевших напротив митрополита. Однако, считая свой дневной труд в книгохранилище особо выдающимся по результатам изыскания, он рискнул еще раз привлечь внимание митрополита на свой доклад, но на этот раз был строго остановлен: *«Вы не узнаете, кто у меня?»* На лице студента ясно выразилось недоумение; тогда митрополит добавил:

«*Это Их Величества – Государь и Государыня*». Молодой человек крайне смутился и, раскланиваясь, растерянно произнес: «*Очень приятно*». Государь и Государыня переглянулись и, улыбнувшись, ответили на приветствие. Вслед за тем митрополит встал, повернул студента за плечи кругом и, направляя его к двери, сказал: «*Идите, после расскажете*».

Далее Потоцкий, в пересказе Винберга, неизвестно на каких основаниях, утверждал, что «*Государь приезжал просить благословения на отречение от прародительского Престола, в пользу недавно перед тем родившегося Наследника Цесаревича Алексея Николаевича, с тем, чтобы по отречении постричься в монахи в одном из монастырей. Митрополит отказал Государю в благословении на это решение, указав на недопустимость строить свое личное спасение на оставлении без крайней необходимости своего Царственного долга, Богом ему указанного, иначе его народ подвергнется опасностям и различным случайностям, кои могут быть связаны с эпохой регентства во время малолетства Наследника. По мнению митрополита, лишь по достижении Цесаревичем совершеннолетия Государь мог бы оставить свой многотрудный пост*»^[2593].

О Потоцком известно, что он в 1917–1918 гг. входил в группу Н. Е. Маркова-2, известной своими попытками, истинными или мнимыми, освободить Государя и его Семью из Тобольска^[2594]. Руководство этой группы было тесным образом связано с германскими военными кругами, и не вы-

зывает удивления, что местом своей эмиграции они выбрали именно Германию. Тем не менее близость этих людей в дореволюционной России к влиятельным монархическим и церковным кругам, а также их поздние тесные контакты с не менее влиятельными эмигрантскими кругами, в том числе и высшей иерархией РПЦЗ, делали их людьми весьма осведомленными. Поэтому отмахиваться от информации Б. Потоцкого было бы совершенно неверно. Тем более что она была подтверждена племянником митрополита Антония (Вадковского) М. В. Вадковским в 1916 г., опубликовавшего в «Историческом вестнике» свои воспоминания о дяде^[2595]. В них М. В. Вадковский писал: *«Интересен также случай, рассказанный дядей, касательно посещения его покоев некими весьма почетными Гостями. Когда Владыка сам угощал их в столовой чайком, студент Духовной академии Лебедев (из Орла) в смежной комнате, ничего не зная о Посетителях, занимался приведением в порядок книг огромной библиотеки Владыки (завещанной им родной Тамбовской семинарии); закончив свою работу, студент идет в столовую (как проходную комнату), чтобы уйти из покоев, подходит на прощанье к Владыке под благословение, смотрит на Гостей и столбенеет. – Знаете ли вы, кто это? – спросил Владыка растерявшегося юношу. – Знаю! – еле ответил тот в смущении, готовый провалиться сквозь землю. – Сделайте же поклон и отправляйтесь в Академию, – заключил Владыка. Студент неловко расшаркался, поклонился чуть не до зем-*

ли, и пустился бежать домой. А о случае том, наверное, будет рассказывать не только своим детям, но и внукам, и правнукам (конечно, если не пойдет в монахи)»^[2596]. Понятно, что в 1916 г. М. В. Вадковский не мог прямо указать, кто были гостями митрополита.

Комментируя статью Потоцкого, бывший товарищ обер-прокурора Святейшего Синода князь Н. Д. Жевахов писал: *«Вскоре после описанного случая Государь Император сделал и другой раз попытку принять иноческий сан, но тоже неудачно. Об этом последнем факте, какой передаю по рассказам иерархов и других лиц, у меня сохранились такие воспоминания. Принимая депутацию духовенства, в лице его высших представителей, ходатайствующих о созыве Всероссийского Собора для избрания Патриарха, Государь Император спросил, имеется ли у иерархов намеченный кандидат на патриарший престол. Этот вопрос озадачил депутацию, какая не была к нему подготовлена... После некоторого замешательства последовал отрицательный ответ. Тогда Его Величество осведомился у депутации, согласились бы иерархи, чтобы на патриарший престол Государь Император выставил бы Свою собственную кандидатуру? Произошло еще большее замешательство, а на вопрос Государя последовало гробовое молчание»*^[2597].

Свидетельство князя Жевахова особенно компетентно, так как он имел непосредственное отношение к высшим церковным кругам последнего царствования и обладал, несо-

мненно, очень ценной и обширной информацией.

Воспоминания Жевахова дополнил С. А. Нилус, который ссылался на рассказ своего близкого знакомого, бывшего в 1904 г. иеродиакonom при *«весьма тогда популярном архиерее одной из епархий юга России»*. Со слов этого владыки, он, являясь членом Святейшего Синода, по окончании его зимней сессии в 1904 г., был в синодальной делегации во главе с митрополитом Антонием (Вадковским), которая по традиции явилась к Государю *«преподать ему на дальнейшие труды благословение»*. Перед встречей с Царём синодалы решили, что намекнут ему о необходимости и желательности восстановления патриаршества в Русской Церкви. К их изумлению, Император Николай II сам первым начал разговор на эту тему, заявив, что он *«пришел к заключению, что время назрело, и что для России, переживающей новые смутные дни, Патриарх и для Церкви, и для государства необходим»*. При этом Император поинтересовался мнением архиереев, на что они ответили полным согласием. Государь поинтересовался, есть ли у архиереев свой кандидат в патриархи? Те замаялись и ответили молчанием. Тогда Император Николай II сказал, что предлагает себя в патриархи: *«По соглашению с Императрицей я оставляю престол моему сыну и учреждаю при нем регентство из Государыни Императрицы и брата моего Михаила, а сам принимаю монашество и священный сан, с ним вместе, предлагая себя вам в Патриархи. Угоден ли я вам, и что вы на это скажете?»* Архиереи

вновь замялись и снова ничего Государю не ответили. Тогда, окинув владык пристальным и негодующим взглядом, Государь поклонился и удалился. Рассказывающий этот случай митрополит сокрушался: *«Нам нужно было бы ему в ноги поклониться, преклоняясь пред величием принимаемого им для спасения России подвига, а мы... промолчали!»* ^[2598]

Этот рассказ Нилуса позже нашел подтверждение у участника беседы с Царем владыкой Антонием (Храповицким), а также, независимо от него, у флигель-адъютанта Государя графа Д. С. Шереметева, с которым Царь лично делился своим замыслом. Кроме того, профессор М. В. Зызыкин в газете «Наша Страна» в номере за 21 января 1950 г. сообщил о встрече Николая II с синодалами со ссылкой на мемуары очевидца события – товарища (заместителя) обер-прокурора Синода того времени ^[2599].

Помимо этого, С. А. Нилус уже в 1916 г. рассказывал о встрече Царя со священноначалием Л. А. Тихомирову, который оставил об этом запись в своем дневнике. В этой записи Тихомиров называет имя «популярного владыки» митрополита Антония (Храповицкого).

Таким образом, имеющиеся исторические источники делают сведения о намерении Императора Николая II принять патриарший сан вполне реальными. Между тем значение этого намерения Государя, в случае его осуществления, стало бы, без преувеличения сказать, важнейшим событием русской истории. Как писал Л. А. Тихомиров: *«Мысль Госу-*

даря – это была бы единственная комбинация, при которой Патриаршество восстало бы из могилы в небывалом величии»^[2600]. Не вызывает сомнений, что подобный шаг Государя сделал бы революцию в России в принципе невозможной, ибо свержение малолетнего Императора и его отца-патриарха было не под силу даже революционным экстремистам ни с моральной, ни с практической точек зрения. Но Император Николай II и в этом своем жертвенном служении оставался трагически одинок на фоне жестокого и маловерного российского общества.

Часть IV

Человек на престоле

Глава 1. Император Николай II: свойства личности

Основы личности

К моменту вступления на престол Император Николай Александрович представлял цельную состоявшуюся личность. Между тем о Государе сложилось мнение как о человеке слабом, недалеком, подверженном различным влияниям, и в то же время коварном и злопамятным. Это мнение базируется на весьма ограниченном числе высказываний либо врагов Государя, либо людей, его совсем не знавших, либо знавших крайне мало. Их высказывания, как правило, не имеют никакого отношения к действительности, являются большей частью домыслами, идущими либо от невежества, либо от злонамеренности. Так, известный юрист А. Ф. Кони самоуверенно утверждал, что *«поручение надзора за воспитанием ребенка какому-то матросу под наблюдением пси-*

хопатической жены и отсутствие заботы о воспитании дочерей заставляют сомневаться в серьезном отношении» Государя к обязанностям отца^[2601]. Объективный исследователь, который даже поверхностно знаком с жизнью Императора Николая II, знает, что в подобных сентенциях нет ни слова правды. Также лживы и другие рассуждения знаменитого юриста о «трусости и предательстве» Царя, его «подчинении жене», «отсутствии сердца» и т. п. При этом следует учесть, что в дневнике Николая II имя А. Ф. Кони не упоминается ни разу^[2602]. Сам Кони, вспоминая открытие Первой Государственной думы в 1906 г., писал, что он не видел (!) Государя «близко с 1898 г.», то есть почти десять лет^[2603]. Возможно было несколько Всеподданнейших докладов Кони в бытность его сенатором. То есть общение его с Царём было минимальным, и тем не менее они убедили правоведа в том, «что это человек, несомненно, умный» и образованный^[2604]. Вот эти впечатления, собственно говоря, и являются единственной ценностью воспоминаний А. Ф. Кони о Николае II. Всё остальное – плод фантазий нравственно нездоровой души. Таковыми же фантазиями являются, например, «сведения» о Николае II генеральши А. В. Богданович («безвольный малодушный»)^[2605], или председателя второй Государственной думы Ф. А. Головина («хитрый, двуличный, трусливый»)^[2606], или генерала А. И. Деникина («Государь нико-го не любил, разве только сына»)^[2607]. Известный художник А. Н. Бенуа за свою жизнь удостоился два или три раза ви-

деть Государя и один раз сопровождать его по художественной выставке. Тем не менее Бенуа с самонадеянным апломбом писал: *«Николай II был “милым человеком”, но и слишком обыденным человеком, полным добрых намерений, но лишенным способностей проводить их в жизнь. И главное – Николаю II не хватало тех данных, которые только и позволяют играть с достоинством роль вождя исполинского государства»*^[2608].

Бывший министр торговли и промышленности князь В. Н. Шаховской писал в эмиграции, что *«удивительную и исключительную»* личность Императора Николая II не могли оценить *«лица, не имевшие с ним соприкосновения, но всячески распространявшие о Нём ложные слухи для возбуждения общественного мнения и для преступных революционных целей»*^[2609].

Между тем Богданович, если и видела Николая II, так только на великосветских приемах, Головин – на нескольких аудиенциях, данных ему как председателю Думы, а Деникин – пару раз на фронте. Но именно на подобных безапелляционных домыслах строили и строят свою клевету сотни проходимцев от истории, начиная от большевистского фальсификатора академика М. Н. Покровского, фельетониста С. Любоша (Любошица), несостоявшегося историка М. К. Касвинова и заканчивая совершенно уж неприличным, по степени бессовестности, Е. С. Радцигом^{[2610][2611]}.

Вообще, не побоимся этого слова, плебейское хамство

ещё до революции было свойственно такому значительно-
му числу многих «верноподданных» с «громкими» имена-
ми, обласканных последним Государем, что о нем можно го-
ворить как об отличительной черте последнего царствова-
ния. Так, знаменитый учёный П. П. Семёнов-Тян-Шанский
был награжден Николаем II высшим орденом Российской
Империи Святого Апостола Андрея Первозванного и зва-
нием статс-секретаря. Однако Тян-Шанский звание прини-
мать отказался, сочтя его *«уж слишком лакейским»*, а орден
принять соблаговолил, но ехать за награждением к Госуда-
рю отказался, считая, что тот мог бы, учитывая 84-летний
возраст награждаемого, догадаться приехать к нему сам^[2612].
При этом следует помнить, что самой своей знаменитой фа-
милией Тян-Шанские обязаны Императору Николаю II, да-
ровавшему ее в мае 1906 г. П. П. Семёнову за уникальное
исследование Тянь-Шаня.

Другой пример. Певцу Ф. И. Шаляпину в благодарность
за участие в концерте 1903 г. для Царской Семьи были Вы-
сочайше пожалованы золотые часы. Однако возмущенный
Шаляпин отказался их принимать по причине, которую он
объяснил сам: *«Однажды мне присылают из Министерства
Двора футляр с царским подарком – золотыми часами. По-
смотрел я часы, и показалось мне, что они недостаточ-
но отражают широту натуры Российского Государя. Я бы
сказал, что эти золотые с розочками часы доставили бы
очень большую радость заслуженному швейцару богатого*

дома... Я подумал, что лично мне таких часов вообще не надо – у меня были лучшие, а держать их для хвастовства перед иностранцами – вот-де, какие Царь Русский часы подарить может! – не имело никакого смысла; хвастаться ими как раз и нельзя было. Я положил часы в футляр и отослал их милому Теляковскому^[2613] при письме, в котором вполне точно объяснил резоны моего поступка. Получился “скандал”. В старину от царских подарков никто не смел отказываться, а я... В. А. Теляковский отправился в Кабинет Его Величества и вместе со своими там друзьями без огласки инцидент уладили. Через некоторое время я получил другие часы – на этот раз приличные. Кстати сказать, они хранятся у меня до сих пор»^[2614].

В 1900 г. художник В. А. Серов писал портрет Николая II, ставший одним из лучших портретов Императора («в тужурке»). В ходе работы Серов попросил у Николая II помочь журналу «Мир искусства», который после разорения своего главного мецената С. И. Мамонтова находился в крайне плачевном финансовом положении. Государь с готовностью поддержал просьбу Серова и выдал из своей «собственной шкатулки» 10 тыс. рублей, что спасло «Мир искусства» от неминуемого разорения и закрытия. Между Николаем II и Серовым установились хорошие отношения. Как писал А. Н. Бенуа, «Государь в обществе прямолинейного, абсолютного искреннего Серова чувствовал себя лучше, нежели в обществе людей, от которых так или иначе страда-

ло его самолюбие и в общении с которыми ему не удавалось побороть свою природную стеснительность»^[2615]. После этой сентенции о Государе, о душевных качествах которого Бенуа не имел никаких представлений, художник поведал о поведении своего коллеги Серова. «Когда художник счёл свой портрет законченным, Николай II пожелал его показать Императрице, но она, привыкшая к лизанной законченности Ф. А. Каульбаха, Ф. Фламенга и других модных заграничных художников, откровенно в присутствии Серова, но по-английски, выразила свое мнение в словах: “Но портрет еще не закончен”. Это больно кольнуло нашего друга, и так как он еще продолжал держать палитру и кисти в руке, то он протянул их Государыне со словами: “Тогда кончайте Вы”»^[2616]. Разумеется, ни Бенуа, ни самого «нашего друга» Серова не посетила мысль о плебействе такого поведения. Не случайно Серов потом «прославится» в карикатурах на Государя и воспевании революции 1905 г. Понятно, что от таких людей ждать объективных и достоверных воспоминаний об Императоре Николае II не приходится.

Говоря о личности Николая II, следует учитывать прежде всего воспоминания и свидетельства людей, близко его знавших или долго с ним общавшихся, и на них, вкупе с иными источниками, делать соответствующие выводы о том, каким был в действительности Государь как личность. В этом плане достойны уважения слова бывшего военного министра Российской Империи генерала от кавалерии В. А. Сухомлино-

ва, сказанные им о Николае II в эмиграции: *«Если бы в настоящее время я сказал, что этого Монарха действительно знал глубоко по существу и всесторонне, я бы уклонился от истины. Я не принадлежал к числу тех немногих, как например, граф Фредерикс, граф Шувалов, которые принимались на положении друзей Царской фамилии и в повседневной жизни находились в условиях общечеловеческих взаимоотношений с Царём и Наследником. Мы виделись, когда это было вызвано служебной необходимостью»*^[2617]. Отметим, что слова Сухомлинова особенно показательны и ценны, так как он, будучи военным министром, встречался по долгу службы с Государем несопоставимо чаще, чем тот же Кони. Тем не менее он не считал себя вправе рассуждать о свойствах личности Императора Николая II, хотя имел субъективные основания держать обиду на него: генерал в 1916 г. семь месяцев провел в одиночке Петропавловской крепости по обвинению в государственной измене. Однако честь не позволяла Сухомлинову заниматься порочащими фантазиями.

Николай II как русский православный человек

Государь как личность сложился под сильным влиянием своих Державных Родителей, от которых он *«унаследовал ничем не поколебимую веру в Бога, глубокое благочестие, преданность и покровительство Св. Православной Церкви, осознание своего священного долга как Монарха как главного*

правителя и первого слуги Богом вверенного Его попечению народа российского»^[2618].

Не вызывает сомнений, что Император Николай II был тем, кто, по определению писателя Ивана Шмелёва, «никогда не забывает, что он русский. Кто знает родной язык, великий русский язык, данный великому народу. Кто знает свою историю, русскую историю, великие ее страницы. Кто читает родных героев. Кто знает родную литературу, русскую великую литературу, прославленную в мире. Кто неустанно помнит: ты – для России, только для России! Кто верит в Бога, кто верен Русской Православной Церкви: Она соединяет нас с Россией, с нашим славным прошлым. Она ведет нас в будущее; Она – водитель наш, извечный и верный»^[2619]. Государь «был настолько истинно русским, что начинал тосковать по дому через три или четыре недели нахождения вне страны»^[2620].

Генерал А. А. Мосолов свидетельствовал: «Царь был большим знатоком родного языка, замечал малейшие ошибки в правописании, а, главное, не терпел употребления иностранных слов. <...> – Русский язык так богат, – говорил Царь, – что позволяет во всех случаях заменять иностранные выражения русскими. Ни одно слово не славянского происхождения не должно было бы уродовать нашего языка»^[2621].

Вера в Бога составляла основу личности Императора Николая II. Святитель Иоанн Шанхайский отмечал, что Госу-

дарь «всегда начинал и заканчивал свой день молитвой. В великие церковные празднества он всегда приобщался, причем смешивался с народом, приступавшим к Великому Таинству, как это было при открытии мощей преподобного Серафима. Он был образец целомудрия и глава образцовой православной семьи, воспитывал своих детей в готовности служить русскому народу и строго подготавливал их к предстоящему труду и подвигу. <...> Говорят, что он был доверчив. Но великий Отец Церкви св. Григорий Великий говорил, что чем чище сердце, тем оно доверчивее»^[2622].

По словам протопресвитера Георгия Шавельского, религиозность Государя «была искренней и прочной. Государь принадлежал к числу тех счастливых натур, которые веруют, не мудрствуя и не увлекаясь, без экзальтации, как и без сомнений»^[2623]. Генерал Ю. Н. Данилов признавал: «Император Николай был глубоко верующим человеком. В его личном вагоне находилась целая молельная из образов, образков и всяких предметов, имевших отношение к религиозному культу. При объезде в 1904-м году войск, отправлявшихся на Дальний Восток, он накануне смотров долго молился перед очередной иконой, которой затем благословлял уходившую на войну часть. Будучи в Ставке, Государь не пропускал ни одной церковной службы. Стоя впереди, он часто крестился широким крестом и в конце службы неизменно подходил под благословение»^[2624]. Министр торговли и промышленности князь В. Н. Шаховской: «Глубоковерующий христианин,

всем умом и сердцем любивший Россию, постоянно пекущийся о благополучии своего народа, прекрасный семьянин, бесконечная доброта, удивительная чуткость – вот главные черты Императора Николая II»^[2625].

Оппозиционный публицист Д. В. Философов писал: *«Николай II – верный сын Церкви. Просто, не мудрствуя, он верит в православного Бога. Для него религия является частью уклада и привычек жизни, и он добросовестно выполняет все религиозные обряды»*^[2626].

Иерарх Русской Православной Церкви за границей митрополит Анастасий (Грибановский) указывал: *«Это был подлинно Царь православный, в котором воплотились многие евангельские добродетели и прежде всего те, за которые ублажает Христос-Спаситель Своих последователей в Нагорной Проповеди. Во главе их поставлена нищета духовная, то есть смирение сердца, которым наш Самодержавный Государь обладал в такой степени как никто другой из венценосцев»*^[2627].

Любовь ко Христу, верность Православию были у Николая II, исконно-русскими, народными. Ещё В. В. Розанов точно подметил: *«Кто любит русский народ – не может не любить Церкви. Потому что народ и его Церковь – одно»*^[2628]. Вот этот-то подлинно народный характер государственной веры никак не могла понять большая часть его современников, даже из ближнего окружения.

Протоиерей Иоанн Восторгов указывал, что православие

Царя это «не маска, не уловка тонкого политика, ибо религиозность и набожность его давняя, видимая без расчёта, потому что они давно с первых пор у всех своих и чужих “интеллигентов” вызывали и вызывают, или глумление, или пожимание плечами. Этот видимый минус популярности Царя есть громадная заслуга его перед Богом и Русским Народом и лучший залог лучших времён»^[2629].

Оторванные от русского народа и традиций, не понимающие ни его веры, ни его идеалов, причащающиеся раз в год по карьерным соображениям, представители зарождающейся новой либеральной «элиты» брали на себя смелость судить и определять верующую христианскую натуру Государя. Так, генерал Ю. Н. Данилов утверждал: «Рядом с религиозностью, суеверием и мистикой в натуре Императора Николая II уживался и какой-то особый восточный фатализм, присуций, однако, и всему русскому народу. Чувство это отчетливо выразилось в народной поговорке: “От судьбы не уйдешь!” Эта покорность “судьбе” несомненно была одною из причин того спокойствия и выдержки, с которыми Государь и его семья встретили тяжёлые испытания, впоследствии выпавшие на их личную долю»^[2630]. Данилову, конечно, не дано было понять, что люди верующие во Христа идут за Ним в том числе и на смерть, и никакая «судьба» и «мистицизм» здесь ни при чём. Данилов этого не знал, а Государь и русский православный народ – знали очень хорошо. Люди типа Данилова не могли осмыслить и понять ни душу

Государя, ни душу своего народа, поэтому обманывались по поводу обоих.

Император Николай II воспринимал и политику с позиций нравственности, и от своих подчиненных ждал такой же ответственности за судьбы Родины. Своим примером Николай II полностью опровергает расхожее представление о том, что «политика – грязное дело». Оно становится грязным тогда, когда его вершат грязными руками. Уже в детстве Николай II начал задумываться о суетности этого мира, понимать, что земная слава царей приходяща и только исполнение ими Высшего Промысла является истинным величием.

Величие русского Царя, по глубокому убеждению Императора Николая II, заключалось не в войнах и победах, не в реформах и законодательстве, не в богатстве и славе. Оно заключалось в служении Христу и России. России не только сегодняшней, земной и материальной, но и России духовной, вселенской, России будущего века. Спасти христианскую душу России для вечности – вот одна из главнейших задач Государя. Заслуга Государя Николая II в том, что он осуществил смысл истории как тайны Воли Божьей^[2631].

Эта Воля указывала Царю оставаться верным христианской миссии России, ее народа; оставаться верным вопреки и наперекор всему, и Царь был ей верен до конца. Его личная жизнь была жизнью благочестивого христианина, и такой же была его государственная политика, неотделимая от личной жизни. *«Для Николая II не было разницы между исполнени-*

ем личного христианского долга и служением Государя»^[2632].

В самые тяжелые моменты своей жизни Император Николай II неизменно уповал на Господа. 10/22 июля 1899 г., отправляясь на похороны своего брата Великого Князя Георгия Александровича, Государь писал Супруге: *«Мы должны, как обычно, собрать своё мужество и терпеливо нести свой крест, как велит нам Иисус Христос»*^[2633]. 2/15 марта 1918 г. в Тобольске, за 4 месяца до мученической кончины, Государь записал в своём дневнике: *«Сколько времени будет наша несчастная Родина терзаема внешними и внутренними врагами? Кажется, иногда, что долгие терпеть нет сил, даже не знаешь, на что надеяться, чего желать? А всё-таки никто как Бог, да будет воля Его Святая!»*^[2634]

Во все праздничные и воскресные дни и накануне их Государь всегда посещал церковь. Пропуски были чрезвычайно редки и всегда были вызваны особыми причинами. Николай II говорил Шавельскому, что *«тяжело бывает на душе, когда не сходишь в праздник в церковь»*^[2635]. Г. Шавельский вспоминал: *«Государь выслушивал богослужение всегда со вниманием, стоя прямо, не облакачиваясь и никогда не при-сидая на стул. Очень часто осенял себя крестным знамением, а во время пения “Тебе поем” и “Отче наш” на литургии, “Слава в вышних Богу” на всенощной становился на колени, иногда кладя истовые земные поклоны. Всё это делалось просто, скромно, со смирением»*^[2636].

С. Я. Офросимова, часто присутствовавшая на богослуже-

ниях в Феодоровском Государевом соборе, когда там молилась Царская Семья, вспоминала: *«При первых звуках “Отче наш” Царь опускался на колени, а за ним все молящиеся . . . »* Меня всегда глубоко волновало то мгновенье, когда Государь и вся Царская Семья подходили к кресту. Государь сходил со своего возвышения и подходил к священнику со скрещенными на груди руками. Глубоко запечатлелся в моей памяти взгляд его синих добрых глаз, когда он обращался к священнику, ожидая его благословения»^[2637].

Император Николай II был большим ценителем и знатком древней русской иконописи. Они с Государыней дарили друг другу древние иконы, поиск которых они поручали большому знатоку русского искусства камергеру Высочайшего Двора князю А. А. Ширинскому-Шихматову. Он собирал по всей России старинные иконы и сортировал их. Особо ценные в плане письма и сохранности он направлял в Патриаршую ризницу, Синодальную библиотеку. Остальные иконы отправлял на реставрацию, для раздачи их потом по бедным монастырям и храмам. Так сотни икон были найдены, отреставрированы и возвращены в храмы для поклонения.

19 марта 1901 г. Государь учредил Комитет попечительства о русской иконописи под председательством графа С. Д. Шереметева, но который находился под непосредственным покровительством самого Императора. В первой части Высочайшего Указа говорилось: *«Благолепие храмов Божиих, и украшающих оные святых икон, издревле составля-*

ет Предмет душевной потребности Православного Русского народа. В Монарших заботах о процветании русской иконописи охранения в ней плодотворного влияния художественных образцов нашей старины, признали Мы за благо учредить под непосредственным покровительством Нашим Комитет попечительства о русской иконописи»^[2638]. Его целью было изыскание мер к обеспечению развития русской иконописи, сохранение в ней плодотворного влияния художественных образов русской старины и Византии. Комитету предоставлялось право открывать иконописные школы, создавать при них артели иконописцев, открывать иконные лавки, организовывать выставки, музеи.

Под руководством Комитета в Палехе, Мстере и Холуе были открыты иконописные школы. Заботы Николая II о Церкви Христовой простирались далеко за пределы России. Во многих храмах Греции, Болгарии, Сербии, Румынии, Черногории, Турции, Египта, Палестины, Сирии, Ливии имеется тот или иной дар Государя. Дарились целые комплекты дорогих облачений, иконы и богослужебные книги, не говоря уже о щедрых денежных субсидиях на их содержание^[2639]. 3 сентября 1911 г., освещая в присутствии Государя собор Святителя Василия Великого в Овруче, митрополит Антоний (Храповицкий) сказал: *«К сожалению, только в последние годы русской жизни, лучшие представители искусства обратились к воспроизведению в нем благоговейно умиленных приемов древнерусского зодчества и живописи. И это*

новое дело своим распространением обязано Твоему, Государь, Державному участию, точнее – Твоему благословенному начинанию»^[2640].

Николай II очень любил церковное пение. В отношении него он *«отличался большим консерватизмом. Из композиторов он признавал Бортнянского, Турчанинова, Львова, к которым с детства привыкло его ухо»*^[2641]. Особенно любил Царь бывать на московских службах. В Страстную неделю он и Государыня приезжали в Первопрестольную и там *«в ночь Страстной Пятницы неожиданно смешивались с толпой во время выноса Плащаницы в Успенском соборе. Здесь Российский Император и Императрица стояли рядом с простыми подданными с зажженными свечами в руках»*^[2642]. Сохранение истоков этого особого пути и дальнейшее его развитие позволили русскому церковному пению занять одно из почетных мест в мировой музыкальной культуре. После одного из духовных концертов Синодального хора в присутствии Государя, как вспоминает исследователь истории синодальных училищ протоиерей Василий Металлов, Николай II сказал: *«Хор достиг самой высшей степени совершенства, дальше которого трудно себе представить, что можно пойти»*^[2643].

Но, живя церковной литургической жизнью, Государь никогда не сводил её к чему-то мёртвому, казенному, фарисейскому. С. Я. Офросимова вспоминала, как она, будучи маленькой девочкой, после перенесённой тяжелой болезни

присутствовала на службе в Феодоровском соборе Царского Села. «Прислонившись к стенке от слабости, я напряженно ожидаю приезда Государя... Вдруг скрипнула боковая дверь и широко распахнулась. Вошёл Государь с Великой Княжной Ольгой Николаевной. Они становятся на своём обычном месте. В церкви становится всё жарче: кафельный дым вьётся клубами под низкими сводами. Крупные капли пота выступают на бледном лбу Государя. Он подзывает к себе адъютанта и тихо просит открыть боковую дверь. <...> Моя мать, напуганная моей болезнью, с тревогой накидывает на меня шубу и озабочено спрашивает, не холодно ли мне. Государь оборачивается на мой кашель и замечает, что моя мать меня укутывает. Его глаза с лаской и участием останавливаются на мне. Затем он снова подзывает адъютанта, и я слышу тихо, но чётко, сказанные им слова: “Закройте дверь, этой девочке холодно”. Его приказание исполняется. Мы стоим несколько минут растроганные и взволнованные и затем уходим из церкви, чтобы дать возможность Государю снова открыть дверь»^[2644].

Император Николай Александрович, как и его отец, придавал большое значение развитию церковно-приходских школ, против которых вела потом кампанию Государственная дума. В 1912 г. в этих школах воспитывалось почти 2 млн детей^[2645].

Неоценим вклад Государя в дело развития и укрепления Русской Православной Церкви. За период 1894–1912 гг.

в России было построено 7 тыс. 546 храмов (не считая большого числа часовен и молитвенных домов), открыто 211 новых мужских и женских монастырей, сооружено 17 храмов за рубежом. Почти половина всех монастырей Российской Империи была основана в годы царствования Императора Николая II. К 1917 г. в Русской Православной Церкви осуществляли своё служение около 150 епископов, более 115 тыс. священников и диаконов и около 30 тыс. монашествующих, на её территории действовали более чем 67 тыс. храмов и часовен и около 1 тыс. монастырей^[2646].

Любовь к Богу распространялась у Государя и на весь Божий мир. 20 марта 1908 г. он писал матери: *«Дни стоят ослепительные светлые душу радующие. Ещё с детства я страстно любил природу и каждый год в это время я чувствую возбуждение и жизнерадостность»*^[2647].

Веротерпимость Николая II

Глубокая православная вера не мешала Государю с большим уважением относиться к другим религиям своего многочисленного народа. Любой искренне верующий в Бога человек, пытающийся соблюдать Его заповеди, вызывал в Государе чувство расположения. По мнению большинства исследователей, Император Николай II на всем протяжении царствования являлся сторонником терпимости в делах веры. Почти каждый год на Светлой пасхальной седмице Го-

сударь христосовался со старообрядцами. Решая государственные вопросы, он общался с представителями инославных и иноверных религиозных организаций (1895 г. – с армянским католикосом Мкртычем, в 1898, 1900, 1901 и 1906 гг. – с доверенным лицом XIII Далай-ламы первым цанит-хамбо Агваном Доржиевым)^[2648].

С детских лет Императора Николая II связывала трогательная дружба с Бухарским эмиром Саидом Алимханом. Бухара входила в состав Российской Империи на основе унии, формально оставаясь независимой от России, ограничиваясь в отношении Империи *«союзом младшего брата со старшим»*. Но личные встречи и переписка Царя и эмира свидетельствуют о чувствах, бывших гораздо глубже обычной дипломатии. Благодетельный Государь находил в эмире далекой Бухары родственную душу. Саид Алимхан получил блестящее европейское образование, но остался ревностным мусульманином, глубоко верующим человеком. Эмир хорошо понимал ту духовную атмосферу, в которой приходилось царствовать Императору Николаю II. Сам Саид Алимхан страдал от ненависти бухарской элиты, охваченной, так же как и русская, стремлением к революционным преобразованиям (недаром именно из Бухары вышло большинство революционных лидеров Туркестана). Встречи Императора Николая II и эмира Бухарского всегда отличались особой теплотой и сердечностью. Бухарский эмир несколько раз посылал на нужды русской армии большие денежные средства. За

свою патриотическую деятельность эмир Саид Алимхан получил из рук Государя Николая II высокую награду Российской Империи – орден Святого Благоверного Великого Князя Александра Невского. В этом видится символическое значение, ведь завет святого князя Александра Невского был: крепить оборону на Западе и искать друзей на Востоке. К намечавшемуся приезду Императора Николая II в Бухару, по приказу эмира в городе Коканде построили собор в честь Святителя Николая Мирликийского, а по просьбе эмира Бухарского 10 февраля 1910 г. в Санкт-Петербурге была заложена большая соборная мечеть^[2649].

Известно, что Император Николай II всегда очень чутко относился к религиозным нуждам своих подданных. Так на возведение мечети в Тверской губернии, где вначале XX в. уже проживало немало мусульман, Государь выделил часть собственных средств. В Самодержавной православной России все дети мусульман были обязаны посещать медресе, где получали начальное и среднее образование. Экстремистских сект среди российских мусульман никогда не было. Но, конечно, Государь всячески покровительствовал и тем мусульманам, которые перешли в православие. Так на личные средства Императора содержались школы для крещеных татар города Казани.

В 1899 г. батумские евреи обратились к Императору Николаю II с прошением разрешить им на собственные средства построить хоральную синагогу, чтобы они могли мо-

литься Единому Богу. До этого все обращения иудеев к военному губернатору Кутаиса генерал-майору Ф. К. Гершельману не имели никакого успеха. Государь на прошении оставил резолюцию «*Разрешая. НИКОЛАЙ*». В 1906 г. Николай II разрешил открыть хоральную синагогу и в Москве.

23 июня 1901 г. XIII Далай-лама направил в Россию делегацию буддийских монахов, передавшую Государю подлинные одежды Будды и священную мандалу. Дар Далай-ламы свидетельствовал о глубочайшем почитании Царя со стороны буддистов России и Азии, которые считали Николая II «Чакравартином» (Царь Мира в буддийской традиции). Государь планировал создание «Великой буддийской конфедерации», опиравшейся на культурно-экономическую перспективу взаимодействия Российской Империи с Тибетом и Монголией. В 1900 г. Николай II дал согласие на строительство в Петербурге буддийского храма, который был построен в 1913–1915 гг.

Мировоззрение Государя. Отношение его к людям

Мировоззрение Императора Николая II было мировоззрением христианского монарха, в котором Православие, Самодержавие и Россия прочно соединялись в одно единое целое. Верность этой Триаде была для Государя важнее власти и даже царского венца. Вл. И. Гурко отмечал про Нико-

лая II: «Главной отличительной чертой его характера была всепроникающая самоотверженная преданность исполнению того, что он почитал своим Царским Делом. Даже ежедневными своими прогулками, которыми, судя по тому же дневнику, он особенно дорожил, он часто жертвовал для исполнения своих разнообразных царских обязанностей. Исполнял он эти обязанности и занимался государственными делами с необыкновенной усидчивостью и добросовестностью, но делал это из принципа, почитая своим священным долгом перед врученной ему Богом державой посвящать служению ей все свое время, все свои силы»^[2650].

Когда 25 июля министр иностранных дел А. П. Извольский делал свой доклад Николаю II в Петергофе, с Кронштадтской крепости, которая находилась всего в 15 км от петергофской Нижней Дачи, была слышна канонада: мятежники захватили артиллерийские батареи. Извольского поразило полное спокойствие Царя, и он выразил ему своё изумление. Государь, «подняв на меня глаза, полные той чрезвычайной мягкости, которая столь часто описывалась, произнёс слова, глубоко врезавшиеся в мою память: “Если вы видите меня столь спокойным, то это потому, что я имею твёрдую уверенность, что судьба России, точно также как судьба моя и моей семьи, находится в руках Бога, который поставил меня на моё место. Что бы ни случилось, я склоняюсь пред Его Волей, полагая, что никогда не имел другой мысли, как только служить той стране, которую Он мне

вверил”»^[2651].

Николай II писал П. А. Столыпину 23 октября 1907 г.: *«Я имею всегда одну цель перед собой, благо Родины: перед этим меркнут в моих глазах мелочные чувства отдельных личностей»*^[2652]. А. А. Вырубова утверждала: *«Всем существом своим Государь любил Родину и никогда не задумался бы принести себя в жертву на благо России. Больно вспоминать о его доверии к каждому, в частности, и ко всему русскому народу. Слишком много забот было возложено на одного человека»*^[2653]. А. Н. Боханов пишет, что Николай II запечатлел словом, делом и собственной жизнью свою *«преданность Православию, своё Самодержавие, удостоверяемое абсолютным благочестием»*^[2654].

Отсюда вытекало особое отношение Николая II к своему служению как к жертве, мученичеству во имя России. Французский посол Морис Палеолог в своих воспоминаниях приводит со ссылкой на княгиню Ольгу Палей слова Государя, сказанные им при принятии Верховного командования в 1915 г.: *«Быть может, необходима искупительная жертва для спасения России. Я буду этой жертвой. Да свершится воля Божья!»*^[2655]

Полковник Е. Э. Месснер утверждал, что Император Николай II *«был Мучеником, был Великомучеником с первого дня царствования (с Ходынки) и до последнего дня (отречения во Пскове). Каково величие души: царствовать в сознании обреченности и под мученичеством безнадежности*

выполнять свой царский долг, нести бремя державности! Пусть упрекают Государя люди, не способные оценить подвиг мученичества на Троне, подвиг, совершившийся на протяжении двадцати и двух лет. Мы же благоговейно склоняем головы перед этим подвигом, перед Царским подвижничеством, перед красотой державности Императора Николая Александровича»^[2656].

Архимандрит Константин (Зайцев): «Государь, как человек церковно-верующий, сознавал себя Помазанником и Царём в том высоком и ответственном понимании этих обозначений, которые присущи учению Церкви. Образованное общество, иногда и правое, было занято выяснением проблемы “абсолютизма” и “конституционных” ограничений этого абсолютизма. Этим исчерпывалось его уразумение отношения подданных к Царю. Этих “проблем” в глазах Императора вообще не существовало. Их не существовало и в глазах подлинно церковного русского человека, и даже человека, далекого от точного учения Церкви, но для которого было ясно русское, историческое, юридическое понимание вопроса. Русский Царь не был и не мог стать “абсолютным” монархом в понимании Запада. Он был Царем самодержавным – по самой природе своей власти не поддающимся никаким формальным ограничениям ни с чьей стороны»^[2657].

Николай II глубоко верил, что для стомиллионного русского народа царская власть была и остается священной. Отсюда следовало, что Царь и Царица должны быть ближе к

народу, чаще видеть его и больше доверять ему. Государь всегда с удовольствием беседовал с крестьянами, многие отмечали, что эта часть русского народа была ему ближе всего. Флигель-адъютант А. А. Мордвинов писал про Императора Николая II: *«Его простую, незлобивую, беспритязательную, глубоко верующую, застенчивую натуру тянуло более к бесхитростным людям, с душой простого русского человека. Во внутреннем мире крестьянства, составлявшем три четверти его подданных, Государь, видимо искал все те черты, которые были ему дороги и которые он так редко встречал в окружающей его среде»*^[2658]. Во время празднования 300-летия Династии множество крестьян прибыло в Петербург с целью повидать Царя «вблизи», что, конечно, чисто технически было сделать очень трудно. Николай II написал записку обер-гофмаршалу Высочайшего Двора графу П. К. Бенкендорфу: *«Ея Величество и Я решили сделать так: собрать их [крестьян] (около 1000 чел.) в Николаевском зале по времени обеда и Мы со всей Императорской Фамилией пройдем мимо них. Будьте добры уведомить министра внутренних дел необходимым распоряжением. НИКОЛАЙ»*^[2659]. Крестьяне окружали Царя и в каждодневной жизни. Монархист и правый деятель профессор Б. В. Никольский говорил Государю в 1905 г.: *«Приезжаешь к Вашему Величеству. Кто первый у входа? Часовой. Входишь в прихожую – часовые. Входишь в приёмную – часовые. Кто они? Да простые мужики, взятые от сохи. А они Вам вернейшая*

охрана. И они, простые мужики, они здесь, у Царя во Дворце – вполне дома. Они отлично знают всё, что им делать, и как, и когда»^[2660].

Государю, так же как и его покойному отцу, было дорого и любимо народное творчество. 21 марта 1902 г. Николай II писал министру Императорского Двора барону В. Б. Фредериксу: *«Старик-крестьянин Олонецкой губернии пропел у нас только что несколько былин. Я разрешил сопровождающему его представителю министерства народного просвещения написать Вам о награждении старика золотой медалью на Станиславской ленте. Кроме того, выдать ему же золотые часы с орлом. НИКОЛАЙ»*^[2661].

Общение Государя с простым народом, к сожалению, было недостаточным и всячески ограничивалось душевной бюрократической атмосферой, царившей в Российской Империи последнего периода, с присущей ему духовной индифферентностью большей части российского чиновничества. Император Николай II всеми силами пытался изменить это состояние, но оно уже пустило такие глубокие корни, что Государю одному их выкорчевать было не под силу. Между тем прямое общение Царя и народа всегда давало самые положительные результаты. После издания на Пасху 1906 г. царского Указа о веротерпимости, *«все деревни были засыпаны листовками, брошюрами с призывом переходить в католичество. Агитацию подкрепляли ложными слухами, низкой клеветой: Царь уже перешел в католичество... – переходя-*

те и вы»^[2662]. Для того чтобы дать отпор этой католической пропаганде, по инициативе епископа Евлогия (Георгиевского) в Петербург была направлена делегация, которая должна была встретиться с Царем и убедиться в ложности его измены Православию. В делегацию входило 6–7 крестьян. Их сначала принял министр внутренних дел А. Г. Булыгин, который на пасхальное приветствие крестьян: «Христос Воскресе!» ответил молчанием. Присутствовавший при встрече владыка Евлогий вспоминал: *«Когда мы вышли из министерства, настроение у нас было подавленное. Мужики понурили головы и говорят: “Значит верно: он тоже католиком стал – на “Христос Воскресе!” не ответил...” Я был рассержен неудачей. Лучшее было бы к министру делегатов и не водить...»*^[2663]. Через два дня Государь согласился принять епископа и бывшую настоятельницу одного из монастырей Холмщины, про крестьян в ответе ничего не было, и охрана не пустила их в Александровский дворец. Епископ Евлогий, доложив обстановку в епархии, сообщил Государю о том, что с ним прибыли крестьяне. *«Где же они? – спросил Государь. – Их не пускают... – Скажите адъютанту, чтобы их пустили. Но адъютант впустить наших спутников отказался. Тогда Государь пошел сам отдать приказание. – По долгу присяги я не имею права пускать лиц вне списка, – мотивировал адъютант свою непреклонность. – Я приказываю, – сказал Государь. Мужиков пустили. Шли они по гладкому паркету дворцовых зал неуверенной поступью (“як*

по стеклу шли”, рассказывали они потом), но все же громко стуча своими подкованными сапогами. Удивились, даже испугались, увидав у дверей арапов-сорокоходов. Не черти ли? Подошли, потрогали их: “Вы человек, чи ни?” Те стоят, улыбаются. Распахнулась дверь, – и мои мужики ввалились в гостиную. – Христос Воскресе! – дружно воскликнули они. – Воистину Воскресе, братцы! – ответил Государь. Что случилось с нашими делегатами! Они бросились к ногам Царя, целуют их, наперебой что-то лепечут, не знают, как свою радость и выразить... “Мы думали, что ты в католичество перешел... мы не знали... нас обманывали...” – Да что вы... я вас в обиду не дам. Встаньте, будем разговаривать, – успокаивал их Государь. Тут полились безудержные рассказы. Наболевшее сердце только этого мгновения и ждало, чтобы излить все, что накопилось. Говорили откровенно, горячо, в простоте сердечной не выбирая слов, каждый о том, что его наиболее волновало... <...> Я слушаю и волнуясь: в выражениях не стесняются, не вырвалось бы “крепкое словцо”. Государь их обласкал; Государыня мне вручила коробку с крестиками для раздачи населению, – и аудиенция окончилась. <...> Аудиенция произвела на крестьян неизгладимое впечатление. Отныне они были моими главными “миссионерами”. Стоило кому-нибудь сослаться на лживые брошюры католиков, и побывавший у Царя делегат кричал: “Я сам Царя видел! Я сам во дворце был!”»^[2664]

Лейб-казак Императора Т. К. Ящик, бывший родом с Ку-

бани, вспоминал, что после страшного урагана с наводнением, случившегося 28 февраля 1914 г. на Дону и Кубани, Государь подробно расспрашивал его о том, что пишут о случившемся его станичники. Ящик подробно рассказал ему обо всем. *«Как только Царь убедился в правдивости официальных докладов, – вспоминал Т. К. Ящик, – он и его Супруга проявили свою доброту по отношению к потерпевшим и пожертвовали им по 25 тыс. рублей каждый»*^[2665].

Посещая морские верфи, Император Николай II подробно осматривал различные мастерские и разговаривал запросто не только с инженерами, но и с простыми рабочими. В 1915 г., при посещении судостроительных заводов в г. Николаеве, в одном из горячих цехов Император следил за искусной работой мастеров. Наконец, сказав что-то одному из лиц Свиты и подойдя к одному из мастеров, собственноручно дал ему золотые часы. Мастер, не ожидавший такой Царской милости, совершенно опешил, на его глазах выступили слезы, и он нервно бормотал: *«Ваше Превосходительство... Ваше превосходительство...»* Государь, глубоко тронутый волнением старого рабочего, смутился тоже и, подойдя к нему, отечески похлопал по плечу, по грязной рабочей блузе и сердечным образом произнес: *«Ну что Вы, что Вы... Я только полковник...»*^[2666]

Офицер с яхты «Штандарт» лейтенант Н. Д. Семёнов-Тян-Шанский вспоминал: *«В обращении с матросами и нижними чинами чувствовалась неподдельная, искренняя*

любовь к простому русскому человеку. Это был поистине отец своего народа»^[2667].

Терпение и тактичность были отличительными чертами Государя при общении его с людьми без различия их социального положения. Однажды, во время своего отдыха в Ливадии, он в кругу своей Семьи и в сопровождении командира Императорской яхты «Штандарт» контр-адмирала И. И. Чагина совершал прогулку в окрестностях Ялты. Когда Государь и его спутники возвращались обратно в Ливадийский дворец, им встретилась пожилая графиня Унгерн-Штернберг, урожденная Палина. В своем письме Вдовствующей Императрице Государь так описывал эту встречу: *«Недалеко от дома нас встретила толстая женщина, которая приняла Чагина за меня. После некоторого конфуза, она мне сказала, что она мать владельца имения, и желает показать дом и парк и потом угостить нас чаем. Пришлось соглашаться, хотя видно было, что мы очень опоздаем с возвращением домой, так как назад надо было снова пять верст. Было жарко. Она повела нас к берегу моря по тропинке, и мы сели там на камни и любовались действительно красивым видом. Наша хозяйка болтала без умолку по-французски и про своего покойного мужа, про путешествия, романы, поэзию, песни, придворный этикет и т. д. Я едва успевал вставить несколько слов»*^[2668].

Е. С. Боткин говорил своей дочери Татьяне: «Это такая доброта, такая бесконечная доброта – наш Царь, что я те-

бе и сказать не могу. <...> Господи! Да я разве мог рассчитывать на такое счастье, чтобы каждое утро гулять с Государем?! Да я каждую прогулку считаю за особый праздник, а не то что думаю, будто у меня что отняли, когда я не попадаю на нее... Между тем и Царь, и Царица заботятся, чтобы я непременно попал: Ея Величество меня пораньше принимает и торопит на прогулку или, если не может принять меня до нее, посылает гулять и принимает меня потом по возвращении, а Государь видимо поджидает иногда – раз даже подъехал на автомобиле за мной к нашему домику... Подумай, какой Он добрый...»^[2669]

Генерал В. А. Сухомлинов вспоминал: «При отзывчивости Николая Александровича на все доброе, помощь, оказываемая многим лицам из собственных, личных средств Государя, была и существенна и дискретна. Когда меня назначили начальником Генерального штаба, вместо содержания, доходившего в Киеве в общем до 60 тысяч рублей в год, я перешел всего на 10 тысяч в Петербурге. Во время бытности уже министром, пришлось докладывать подобный же случай, и так как это делалось для пользы службы, то я ходатайствовал о сохранении того содержания, которое человек уже получал, ибо назначение новое ему предстоит не в наказание. Государь посмотрел на меня с недоумением и сказал:

– Ну, конечно, но ведь это же так и полагается?

Я доложил, что именно не полагается и что проведению

такого закона воспротивится министр финансов – энергично.

– *Но Вам ведь сохранили то, что Вы получали в Киеве?* – спросил меня Государь.

Когда я доложил, что не сохранили, то выражение лица бедного моего Государя было до того страдальчески-виноватое, что я пожалел о том, что это обстоятельство не доложил с большею осторожностью. Ходатайство мое было уважено, но тем дело не кончилось.

На очередном докладе, в следующий раз, я видел ясно, что Государь что-то надумал, какая-то мысль была у него на уме. Так и оказалось. Когда я принимал из рук Его Величества ежедневно подписываемый им Высочайший приказ, Николай Александрович с какою-то точно застенчивостью, не глядя на меня, стал мне говорить, что считает несправедливым то материальное положение, в которое я попал по какому-то недоразумению, и что он решил исправить это помощью из личных своих средств. Заметив мое полное недоумение, Государь поспешил добавить:

– Будьте покойны, Владимир Александрович, этого никто знать не будет, и я это делал многим, а Вам считаю не только справедливым, но и своим долгом это сделать.

Правая рука Государя при этом протягивалась к ящику письменного стола, где, по всей вероятности, лежала более или менее крупная сумма. Но я запротестовал всеми силами и решился высказать Его Величеству мысль о том, что он

может помочь вообще всем министрам, которые получали тогда ежегодного пособия в размере 6 тысяч рублей из 10-миллионного фонда.

– *Хорошо, – сказал Государь и действительно так и сделал, мы получили прибавку в 18 тысяч, т. е. наше содержание, таким образом, удвоилось*»^[2670].

Жизнь человека, пусть даже самого маленького, просто-го, имела в глазах Государя величайшую ценность. Относясь к своей смерти с полным спокойствием, как и подобает христианину, он всегда тяжело переживал смерть других. 31 июля 1897 г. Николай II присутствовал на учениях артиллерии. Во время переезда с одной позиции на другую случайно в зарядном ящике взорвалась граната, в результате чего погиб солдат. По этому случаю Николай II писал в дневнике: *«Для меня нет ничего хуже, чем подобные несчастья, когда гибнут люди даром!»*^[2671] В тот же день в письме к матери Государь делился своими переживаниями: *«Ужасно грустно, тяжело и больно за убитого – только что видели его здоровым и весёлым, и вдруг лежит бедняга на земле без движения»*^[2672].

Николай II органически не переносил фальшь, предательство и лень. По свидетельству С. С. Фабрицкого: *«Его Величество не любил фальшивых людей, льстецов, прислуживающихся и вообще не допускал возможности лгать, так как сам абсолютно не был способен на какую-либо малейшую фальшь или ложь»*^[2673]. Когда человек совершал какую-то

подлость, непорядочность, он моментально для Государя переставал существовать. В этой связи показателен эпизод со строительством решетки вокруг сада Зимнего дворца. Им руководил начальник Петербургского дворцового управления генерал-майор С. И. Сперанский, который пользовался милостивым благоволением Государя. Само строительство осуществлял подрядчик Э. Ф. Мельцер. Когда приступили к закладке фундамента, то Сперанский приказал ввиду экономии закладывать его на глубине примерно 1 м. Мельцер, считая такую глубину недостаточной по техническим соображениям, настоял на создании особой комиссии, которая подтвердила его опасения и указала на опасность закладки фундамента на такой малой глубине из-за угрозы обрушения решётки. Сперанский не согласился с мнением комиссии и продолжал настаивать на исполнении работ по его указаниям. Тогда Мельцер, сознавая всю лежащую на нём ответственность, выразил намерение доложить об этом Государю, но Сперанский приказал двум охранникам наблюдать за Мельцером, чтобы не допустить осуществить его намерения. Всё-таки подрядчику удалось получить у Государя аудиенцию, которая продолжалась около двух часов. Приказом Николая II решетку установили по расчетам Мельцера. Государь лично осмотрел работу и крепко пожал Мельцеру руку. На присутствующего при осмотре генерала Сперанского Государь не обратил никакого внимания^[2674].

С. Ю. Витте писал, что «*отличительные черты Нико-*

лая II заключаются в том, что он человек очень добрый и чрезвычайно воспитанный. Я могу сказать, что я в своей жизни не встречал человека более воспитанного, нежели ныне царствующий Император Николай II»^[2675]. Это мнение подтверждает Начальник канцелярии министерства Императорского Двора генерал А. А. Мосолов: «Царь был не только вежлив, но даже предупредителен и ласков со всеми теми, кто приходил с ним в соприкосновение. Он никогда не обращал внимания на возраст, должность или социальное положение того лица, с которым говорил. Как для министра, так и для последнего камергера, у Царя было равное и вежливое обращение»^[2676]. Баронесса С. К. Буксгевден утверждала, что Государь «был исключительно вежлив со всеми. Мою служанку он приветствовал, так же, как и меня словами: “Доброе утро, Юлия Егоровна”, – он использовал отчество, обычно не применяемое при обращении к прислуге»^[2677].

Генерал А. Ф. Редигер описывал один случай, когда он по окончании Всеподданнейшего доклада шел пешком на железнодорожную станцию Царского Села, чтобы возвращаться в Петербург. «Недалеко от станции меня обогнал в санях на чудной лошади молодой офицер в форме Императорских стрелков, отдавший мне честь». По своей близорукости Редигер Государя не узнал и лишь приложил руку к козырьку. «Уже после его проезда я заподозрил, что это может быть был Государь? На станции я узнал, что это действи-

тельно был он. Вечером я послал Государю записку: “Все-подданнейшие прошу извинения, что я сегодня, по близорукости, не узнал Вашего Императорского Величества, когда Вы проехали мимо меня в Царском Селе”. Я ее получил обратно с резолюцией Государя: “Мы оба соблюдали воинскую честь, приложивши руки к козырьку – это все, что требуется”»^[2678].

Эти любезность, доброжелательность и простота в общении создавали у людей, мало знавших Императора Николая II, ложное представление о его мягкости и доступности. Однако скоро им приходилось убедиться в ошибочности этого мнения. А. А. Вырубова вспоминала, что она, несмотря на то, что во время путешествий и в Ливадии видела Государя целыми сутками, тем не менее никогда «за двенадцать лет не могла настолько привыкнуть, чтобы не замечать его присутствия. В нем было что-то такое, что заставляло никогда не забывать, что он Царь, несмотря на его скромность и ласковое обращение»^[2679].

С. К. Буксгевден подчеркивала, что Царь, «простой в обращении, безо всякой аффектации, имел врожденное достоинство, которое никогда не позволяло забывать, кто Он»^[2680].

Военный министр генерал А. Ф. Редигер вспоминал: «В обращении Государь был до того прост и любезен, что, не зная его, легко можно было впасть в ошибку. Такую ошибку я сделал при одном из первых моих докладов; по окончании

его он мне сказал: “Вот еще несколько просьб”. По его тону я думал, что он мне хочет приказать что-либо, но облакает это в такую мягкую форму, и с готовностью ответил: “Прикажите”. На его лице появилась полуулыбка, он мне передал несколько поступивших к нему прошений, — и я увидел, что дал маху, но не подал виду. При следующем докладе происходит то же, но я тем же тоном спросил: “Прикажете что-нибудь?” Он мне ответил, что нет, что он мне лишь передает на рассмотрение, но мне показалось, что он был доволен таким разъяснением недоразумения »^[2681]. В то же время Николай II имел «слегка сентиментальный, очень честный и иногда довольно простодушный склад ума, как у старомодных русских господ, какие описаны Тургеневым »^[2682].

Стиль царской работы. Рабочий день Государя

Николай II относился к несению обязанностей Монарха как к священному долгу. Ежедневно он просматривал сотни поступавших к нему документов, касавшихся самого широкого круга вопросов, начиная от здравоохранения и заканчивая вопросами внешней политики. По каждому из этих вопросов Государь принимал решение. О том, с какой ответственностью относился Николай II к своему царскому труду, видно из воспоминаний военного министра генерала А. Ф. Редигера: «Иногда Государь оставлял у себя какой-либо доклад на один-два дня, чтобы его обдумать или лично

переговорить о нем. <...> В начале 1908 года, я заговорил о мерах к сокращению пьянства среди нижних чинов (запрещение продажи водки в полковых лавочках). Он отнесся к этому вполне отрицательно, говоря, что нижние чины люди взрослые и не институтки, но все же потребовал бывшую у меня с собою (для памяти) записку почтового формата по этому вопросу и оставил ее у себя; месяцев шесть-восемь о записке этой не было речи, но осенью того же года он ее вынул из ящичка и спросил меня – узнаю ли я ее? Я ее сейчас же узнал. Он мне сказал, что положил ее в портфель с бумагами для размышления, которые он осматривает раза два в месяц; она с ним ездила в Петергоф и в ихеры, он много раз ее обдумывал и теперь согласен с моим предложением» ^[2683].

А ведь речь шла далеко не о вопросе первостепенной важности! Достаточно посмотреть архивные фонды различных министерств и ведомств, сотни бумаг, на которых рукой Государя синим карандашом стоит знак «просмотрено», не говоря уже о бумагах, где стоят его личные резолюции, чтобы понять какой титанический труд совершал он ежедневно.

Николай II обладал также незаурядной работоспособностью. Свет в его туалетной комнате зажигался всегда ранее восьми часов утра. Выпив стакан чаю, выкурив папиросу, он выходил в парк на короткую прогулку со своими «колибри» (породистые собачки). Император Николай II был весьма вынослив; только в самые холодные дни он надевал пальто, обычно выходил на прогулку в военной тужурке. Прото-

пресвитер Георгий Шавельский вспоминал: «Государь обладал удивительным здоровьем, огромной физической выносливостью, закаленностью и силой. Он любил много и быстро ходить. Лица свиты с большим трудом поспевали за ним, а старшие были не в силах сопровождать его. Государь не боялся простуды и никогда не кутался в теплую одежду. Я несколько раз видел его зимою при большой стуже прогуливающимся в одной рубашке, спокойно выстаивавшим с открытой головой молебствие на морозе и т. п.»^[2684]

Военный министр генерал А. Ф. Редигер вспоминал про Государя: «Он любил одеваться легко и говорил мне, что иначе потеет, особенно, когда нервен. Вначале он охотно носил дома белую туужурку морского фасона, а затем, когда стрелкам императорской фамилии вернули старую форму с малиновыми шелковыми рубашками, он дома почти всегда носил ее, притом в летнюю жару – прямо на голом теле»^[2685]. В 9 часов Государь пил кофе с Государыней, то есть, по понятиям нашего времени, завтракал. Завтрак Царской Четы, как правило, проходил в личных апартаментах и состоял из бутербродов, овсяной каши, чашки чая или шоколада с молоком. К столу также подавались масло, разные сорта хлеба, ветчина, бекон, яйца. Существовала старинная традиция, свято соблюдаемая Николаем II и Александрой Федоровной: к завтраку непременно готовились калачи. Существовала легенда, активно поддерживаемая булочниками, что настоящий калач может быть приготовлен только на те-

сте, замешанном на воде из Москвы-реки. Были изготовлены специальные цистерны, в которых везли московскую воду туда, где находилось Августейшее семейство. Калач обязан был быть горячим, поэтому тарелку накрывали подогретой салфеткой^[2686].

Ровно в 10 час. Император Николай II начинал принимать доклады министров, каждого из которых принимал отдельно. Пунктуальность Николая II была исключительной. Дворцовый комендант В. Н. Воейков вспоминал: *«Если Государь назначал время своего прибытия, то по его приезду можно было проверять часы»*^[2687]. Генерал А. Ф. Редигер подробно рассказывал, как проходили доклады Государю: *«Из кабинета выходил камердинер и приглашал в кабинет; Государь встречал у письменного стола, затем садился за стол и предлагал сесть докладчику за придатком к тому же столу. До начала доклада Государь всегда говорил о чем-либо постороннем; если не было иной темы, то о погоде, о своей прогулке, о пробной порции, которая ему ежедневно подавалась перед докладами, то из Конвоя, то из Сводного полка. <...> Поговорив несколько минут о постороннем, он прекращал разговор и знаком головы или словом “Пожалуйста”, предлагал начать доклад. <...> Во время всего доклада Государь курил одну папироску за другой, слушал очень внимательно, переспрашивал подробности, вспоминал прежнее – это не было сухим докладом, а скорее деловым разговором. По вопросам простым он лишь кивал головой или говорил:*

“Можно” или “Хорошо”»^[2688].

Во время доклада Николай II выслушивал докладчика, хотя по кабинету взад и вперёд^[2689]. Министры приносили с собой пачки бумаг, которые Государь оставлял у себя для внимательного чтения. На каждом документе он ставил свои заметки карандашом и зачастую просиживал до поздней ночи, чтобы ознакомиться со всеми бумагами^[2690]. Военный министр А. Ф. Редигер вспоминал: *«Аккуратность его была невероятная. <...> Ни одна бумага у него не затерялась. <...> Он находил время читать “Русский Инвалид” и “Таймс”, часто заглядывал в “Разведчика” и у него всегда были на столе “Новое время” и “Гражданин”»*^[2691]. А. А. Вырубова так описывала стиль работы Николая II: *«У Государя были комнаты с другой стороны большого коридора: приёмная, кабинет, уборная с бассейном, в котором он мог плавать, и бильярдная. В приёмной были разложены разные книги. Кабинет Государя был довольно тёмный. Государь был очень аккуратен и педантичен. Каждая вещь на его письменном столе имела своё место, и не дай Бог что-нибудь сдвинуть. “Чтобы в темноте можно было найти”, – говорил Государь. На письменном столе стоял отрывной календарь; на нём он помечал лиц, которым был назначен приём»*^[2692].

Рабочий день Николая II заканчивался очень поздно: в 23–24 часа. Однако Государь никогда не работал ночью. Он вообще внимательно следил за своим здоровьем, видимо, помня внезапную кончину своего отца в 49 лет^[2693].

Баронесса С. К. Буксгевден вспоминала, как однажды поздним вечером она сопровождала Великих Княжон из Царского Села в Петербург. Государь также ехал в столицу. Беседуя с ним, Буксгевден, посмотрев на часы, сказала, что они будут во дворце не скоро, а потому она ляжет спать только после часа ночи. На это Николай II ей ответил: *«Вы счастливая женщина! У меня же масса работы, которую я ещё должен сделать. Должен просмотреть министерские донесения, а уже в девять часов я должен принять X., так что вставать мне придётся в семь часов утра!»*^[2694]

Николай II не имел секретарей, так как *«желал быть одним пред своею совестью»*^[2695].

Государь не сразу обрёл привычку к бесчисленным публичным выступлениям и к появлению на людях в качестве первого лица государства. Поначалу он испытывал от этого глубокое волнение. Однако со временем навык был приобретён, но, тем не менее, несмотря на его внешнее спокойствие и «непрошибаемость», он, как и всякий человек, нервничал^[2696]. Генерал Ю. Н. Данилов вспоминал: *«Император Николай встречал лиц, являвшихся к нему, хотя и сдержанно, но очень приветливо. Он говорил не спеша, негромким, приятным грудным голосом, обдумывая каждую свою фразу, отчего иногда получались почти неловкие паузы, которые можно было даже понять, как отсутствие дальнейших тем для продолжения разговора. Впрочем, эти паузы могли находить себе объяснение и в некоторой застенчивости и*

внутренней неуверенности в себе. Эти черты Государя выявлялись и наружно нервным подергиванием плеч, потиранием рук и излишне частым покашливанием, сопровождавшимся затем безотчетным разглаживанием рукою бороды и усов»^[2697].

Постепенно Император Николай II выработал определённую «защитную» манеру поведения, ставшую частью его делового стиля. *«Все жесты и движения Императора Николая II были очень размеренны, даже медленны. Эта особенность была ему присущей; и люди, близко знавшие его, говорили, что Государь никогда не спешил, но никуда не опаздывал»^[2698].*

Свойства личности, характера, и интересы

Все современники, знавшие Государя, независимо от своего к нему отношения, отмечали его природный ум. С. Ю. Витте: *«Император Николай II – человек, несомненно, очень быстрого ума и быстрых способностей; он вообще всё быстро схватывает и все быстро понимает»^[2699].* А. П. Извольский свидетельствовал: *«Был ли Николай II от природы одаренным и умным человеком? Я, не колеблясь, отвечаю на этот вопрос утвердительно. Меня всегда поражала легкость, с которой он ухватывал малейший оттенок в излагаемых ему аргументах, а также ясность, с которой он излагал свои собственные мысли»^[2700].* Вл. И. Гурко: *«Обла-*

дал Николай II исключительной памятью. Благодаря этой памяти, его осведомленность в разнообразных вопросах была изумительная»^[2701]. Баронесса С. К. Буксгевден: «Николай II был умным. Он долго обдумывал и был медлительным в принятии решений, но оценка политической ситуации была у него быстрой. С. Д. Сазонов и мой отец говорили мне об этом в связи с иностранной политикой, а П. Л. Барк – в отношении сложных финансовых советов»^[2702]. Генерал А. А. Мосолов: «Царь схватывал на лету главную суть доклада, понимал иногда с полуслова, нарочито недосказанное, оценивал все оттенки изложения»^[2703]. Главноуправляющий канцелярией по принятию прошений на Высочайшее имя В. И. Мамантов: «Когда мне пришлось часто докладывать Государю, я убедился, что Его Величество удивительно быстро схватывал сущность того, что подвергалось на его усмотрение и что, казалось бы, требовало подробных объяснений. Память у Государя была поразительная»^[2704]. А. Ф. Кони: «Мои личные беседы с Царём убеждают меня в том, что это человек, несомненно, умный»^[2705]. Генерал-лейтенант флигель-адъютант барон П. Н. Врангель: «Ум Государя был быстрый, он схватывал мысль собеседника с полуслова, а память его была совершенно исключительная. Он не только отлично запоминал события, но и карту»^[2706]. Полковник Е. С. Кобылинский, начальник Отряда особого назначения, охранявшего Царскую Семью в Царскосельском и Тобольском заточении: «Государь был человек умный, об-

разованный, весьма интересный собеседник, с громадной памятью»^[2707].

Суммируя эти свидетельства, историк С. С. Ольденбург делает вывод: *«Император Николай II обладал живым умом, быстро схватывающим существо докладываемых ему вопросов – все, кто имел с ним деловое общение, в один голос об этом свидетельствуют. У него была исключительная память, в частности на лица»*^[2708].

Император Николай II был скрытным человеком. Ещё в 1892 г. Великий Князь Константин Константинович записал в дневнике, что Ники *«не слишком общителен и даже скрытен. У него нет несчастной потребности высказываться перед многими»*^[2709]. Государь был особенно замкнут, когда дело касалось государственных вопросов. А. Д. Протопопов на допросе ВЧСК говорил: *«Нужно сказать, что Царь бывший, он ужасно мало говорил. Он был очень мил, любезен. Но про дела никогда не говорил сам. Он скажет: “да”, “так”, “я думаю”. Он очень был осторожный на слова человек, очень осторожный»*^[2710]. Внутренний духовный мир Николая II был закрыт для постороннего взора. Недаром генерал граф А. А. Игнатьев называл его «сфинксом», а генерал Ю. Н. Данилов *«очень сложной натурой, разгадать и описать которую еще никому не удалось»*^[2711]. Эта скрытность проявлялась у Царя даже в мелочах. Старший офицер Императорской яхты «Штандарт» Н. П. Саблин вспоминал: *«Кроме портсигаров, кои у Государя менялись, и были один луч-*

ше другого (но никогда Государь не оставлял портсигара на столе, чтобы можно было видеть, что на нем написано), Государь имел золотые часы с короткой цепочкой и с какой-то медалью, которую тоже никогда никто из нас не мог рассмотреть поближе»^[2712]. Однако «скрытность» была у Николая II не проявлением неискренности, а нежеланием позволять посторонним вторгаться в свой духовный мир, знакомить их с тем, что было особо ему дорого.

Одновременно со скрытностью Государю была присуща застенчивость. В письмах к Императрице Александре Фёдоровне он называл эту застенчивость «*проклятой*». Флигель-адъютант С. С. Фабрицкий вспоминал, что «*в тех немногих случаях, когда Государю приходилось говорить с дамами, всегда чувствовалось, что Он конфузится, стесняется и тяготится разговором*»^[2713].

Император Николай II был чрезвычайно бережливым и скромным в привычках, вкусах и одежде. Полковник Е. С. Кобылинский свидетельствовал про Государя: «*В своих потребностях он был очень скромен. Вытертые штаны, износившиеся сапоги на нём я видел ещё в Царском*»^[2714].

По утверждению генерала Д. Н. Дубенского, Государь «*человек в высшей степени мужественный, и никакой физической опасности он, безусловно, не боится. Я его видел, когда он объезжал войска в Галиции. Он, безусловно, храбрый человек*»^[2715].

Одним из самых распространенных лживых мифов явля-

ются утверждения о «слабоволии» Николая II. Этот миф базируется на неверном представлении «о воле» как об обязательно насильственном, резком и жестоком образе действий. Между тем как раз подобные черты часто присущи людям слабовольным, прячущим за внешними «волевыми» поступками свою неспособность к проведению решений иными методами. Такие «волевые» решения далеко не всегда отвечают интересам дела и тем более далеко не всегда справедливы. В проведении каждодневной государственной деятельности постоянные «волевые» решения, «сотрясания кулаком» приводят только к издерганности и страху государственного аппарата и общества. Какое-то время, как временное вынужденное явление, такая система может давать результаты, но, когда она становится основой жизнедеятельности государства, ее результатом всегда будет последующая катастрофа.

Множество тенденциозных воспоминаний современников Николая II говорят о его «слабоволии», подверженности различным влияниям. Но чаще всего сами мемуаристы опровергают свои же утверждения. Так, генерал Мосолов пишет о «слабохарактерности» Николая II, о различных влияниях на него. Но в тех же воспоминаниях генерал свидетельствует, что Государь не имел секретарей, так как *«секретарь мог бы классифицировать корреспонденцию, наблюдать за ходом дел, принимать входящие и т. п. <...> Царь недолюбливал доверять свои мысли посторонним. Вдобавок была и другая опасность: секретарь стал бы расти в значе-*

нии, сделался бы необходимым, влиял бы на Монарха. Влиять на того, кто желал слушаться лишь своей совести! Одна эта возможность должна была сама по себе встревожить Николая II»^[2716].

О каких же «решающих влияниях» на Николая II может идти речь, если решение даже малозначительных вопросов он предпочитал принимать самостоятельно, оставаясь «*один пред своей совестью*»? Часто приводят примеры, когда по одному и тому же вопросу Царь соглашался с различными, порой взаимоисключающими мнениями разных министров, а затем объявлял свое решение. Такое поведение обычно объясняется подверженностью Императора различным влияниям. На самом деле оно свидетельствует о другом свойстве Государя, о котором опять-таки пишет Мосолов: «*Спорить было противно самой природе Царя. <...> Он отвечал за свои действия только перед совестью и Всевышним. Царь отвечал перед своей совестью и руководился интуицией, инстинктом, тем непонятным, которое ныне зовут подсознанием (и о котором не имели понятия в XVI веке, когда московские Цари ковали свое Самодержавие). <...> Министры же основывались на одних доводах рассудка. Они говорили о цифрах, прецедентах, сметах, исчислениях, докладах с мест, примерах других стран и т. д. Царь и не желал, и не мог оспаривать таких оснований. Он предпочитал увольнять в отставку лиц, переставших преследовать одну с ним цель*»^[2717].

Как писал С. С. Ольденбург: *«Государь имел упорную и неустойчивую волю в осуществлении своих планов. Он не забывал их, постоянно к ним возвращался, и зачастую, в конце концов, добивался своего. Иное мнение было широко распространено потому, что у Государя, поверх железной руки, была бархатная перчатка»*^[2718].

Император Николай II был чрезвычайно выдержанным человеком. *«Долготерпение Государя принималось за слабость»*, — отмечал генерал П. Г. Курлов, помощник П. А. Столыпина. Военный министр генерал А. Ф. Редигер свидетельствовал: *«Мне пришлось видеть Государя в тяжёлые годы несчастной войны с Японией и последовавшей за нею внутренней смуты. Несмотря на выпадавшие на его долю тяжёлые дни, он никогда не терял самообладания, всегда оставался ровным и приветливым, одинаково усердным работником. Он мне говорил, что он оптимист, и действительно, он даже в трудные минуты сохранял веру в будущее, в мощь и величие России. Всегда доброжелательный и ласковый, он производил чарующее впечатление»*^[2719].

Министр иностранных дел С. Д. Сазонов утверждал: *«Что бы ни происходило в душе Государя, он никогда не менялся в своих отношениях к окружающим его лицам. Мне пришлось видеть его близко в минуту страшной тревоги за жизнь единственного сына, в котором сосредоточивалась вся его нежность, и, кроме некоторой молчаливости и ещё большей сдержанности, в нём ничем не сказывались пережи-*

тые им страдания»^[2720].

Эти качества Государя часто вводили плохо знавших его людей в заблуждение: Царь казался им мягким и доступным влияниям. Но это впечатление было обманчивым, что ещё в детстве сразу понял товарищ детских игр Николая II В. Оллонгрен: *«Он меня потряс, этот мальчуган, чистенький, хорошенький, с блестящими глазками: на первый взгляд – девочка. Смотрит прямо, улыбается, испуга не обнаруживает. Опыт Псковской улицы мне показал, что вот такие девчонко-мальчики оказываются в бою иногда серьезными бойцами, и я с первой минуты намотал это себе на ус»*^[2721].

Государь был именно серьёзным бойцом, не останавливавшимся, если требовали этого обстоятельства, от решительных, порой жестких действий. Он отнюдь не был интеллигентом-всепрошенцем, и ему была присуща в том числе и воля «внешняя». Но Император хорошо понимал, что Россия переживает такой период своей истории, когда одними репрессиями и насилием не только ничего не решишь, но и можно, напротив, седлать невозможным процесс преобразований, порвать тонкую нить согласия в обществе и тем самым толкнуть страну в пропасть анархии. Об этом хорошо сказал протоиерей Александр Шаргунов: *«Нам иногда кажется, что в активности проявляются воля, характер человека. Но требуется несравненно большее мужество, чтобы тот, кто “не напрасно носит меч”, принял повеление Божие “не противиться злему”, когда Бог открывает, что*

инного пути нет. А политик, которым движет только инстинкт власти, и жажда ее сохранить, во что бы то ни стало, по природе очень слабый человек»^[2722].

Наиболее полно раскрыла характер Государя его Супруга, Императрица Александра Феодоровна, которая сказала своей подруге Ю. А. Ден: *«Его обвиняют в слабости. Как же плохо люди знают своего Монарха! Он самый сильный, а не самый слабый. Уверяю Вас Лили, какого громадного напряжения воли стоит ему подавлять в себе вспышки гнева, присущие всем Романовым. Он преодолел непреодолимое – научился владеть собой – и это называется слабостью! Люди забывают, что самый великий победитель – это тот, кто побеждает самого себя»*^[2723].

Особенность воли Императора Николая II заключалась в том, что она, как и вся его жизнь, была хриstopодражательной. Когда Спасителя предают в руки стражи, апостол Петр пытается его спасти, защищая мечом. *«Но Иисус сказал Петру: вложи меч в ножны; неужели Мне не пить чаши, которую дал Мне Отец?»* (Ион. 18: 11). Следуя за Спасителем, Государь испил свою чашу до конца. Проявление же с его стороны «воли», в ее человеческом понимании, там, где он явно осознавал, что она идёт вопреки исполнению Воли Божьей, являлось, по мнению Государя, губительным своеволием, за которое предстояло бы держать ответ не только ему, но и всей России.

Личность Императора Николая II

Во внешности Николая II не было ничего броского. В отличие от высоких ростом Николая I, Александра II и Александра III рост Государя был 1 м 70 см (5 фут. и 7 дюймов), который в то время считался средним. Генерал Н. Н. Обручев писал, что стройная фигура Императора Николая II *«пропорциональностью своего сложения была безукоризненной, блистала исключительной элегантностью своего врожденного изящества, которое в соединении с военной выправкой, спортивным совершенством, мягкой плавностью движений Государя являла собой внешний облик Его царственного величия и царственной простоты»*^[2724]. А. П. Извольский, ненавидящий Государя за свой позорный провал в Бухлау, утверждал, что Николай II *«совершенно не обладал теми качествами, которые обыкновенно импонируют толпе, и только на близком расстоянии он казался если и не высоким, то во всяком случае хорошо сложенным, элегантным в своих движениях и более стройным, чем он казался на расстоянии»*^[2725].

Волосы Государя были *«золотисто-рыжевато-го цвета: несколько темнее была Его всегда тщательно подстриженная холёная борода»*^[2726]. Николай II был вторым Императором из Династии Романовых, после Императора Александра III, который носил бороду. В дневниковой записи от

24 июля 1892 г., ещё будучи Цесаревичем, Николай Александрович отметил: *«Теперь уже месяц, как я перестал бриться, и на подбородке выросло какое-то подобие бороды»*^[2727].

Сила Императора Николая II была прежде всего духовной, и эту силу признавали все, даже враги. По свидетельству А. А. Вырубовой: *«Люди, предубежденные против него, и те при первом взгляде Государя чувствовали присутствие Царя и бывали сразу им очарованы. Помню приём в Ливадии земских деятелей Таврической губернии: как двое из них до прихода Государя подчеркивали свое неуважение к моменту, хихикали, переешептывались, — и как они вытянулись, когда подошел к ним Государь, а уходя, расплакались. Говорили, что и рука злодеев не подымалась против него, когда они становились лицом к лицу перед Государем»*^[2728].

Одна из классных дам царских дочерей, К. М. Битнер, последовавшая с Царской Семьёй в Тобольск, вспоминала: *«Государь производил на меня чарующее впечатление. Он был человек образованный и весьма начитанный. <...> В нём не было ни малейшей надменности, заносчивости. <...> Это был замечательно выдержанный и спокойный человек»*^[2729]. А. А. Вырубова: *«В нем [в Государе] не было ни честолюбия, ни тщеславия, а проявлялась огромная нравственная выдержка, которая могла казаться людям, не знающим Его, равнодушием»*^[2730].

Камердинер Императрицы Александры Феодоровны А. А. Волков вспоминал: *«Государь был милый, мягкий, ров-*

ный. Он был очень добрый человек. Сколько лет я жил около него и ни одного раза я не видел его в гневе. Всегда он был ровный, спокойный. Был он прост и не горд»^[2731]. Однажды, в беседе с одним из приближенных, когда разговор коснулся свойственной некоторым людям раздражительности, Государь, слегка улыбнувшись, сказал: «О, эту черточку я уже давно подавил в себе»^[2732]. Министр народного просвещения А. Н. Шварц писал, что Государь Николай II «не сердился, как будто, никогда. Ни сам я гнева его никогда не видел, и от других о проявлениях его никогда не слышал»^[2733]. Но А. А. Вырубова вспоминает, что, несмотря на то, что Государь никогда не гневался, его гнева боялись: «Несмотря на доброту Государя, великие князья Его побаивались. В одно из первых моих дежурств я обедала у Их Величеств; кроме меня, обедал дежурный флигель-адъютант, Великий Князь. После обеда Великий Князь стал жаловаться на какого-то генерала, что он в присутствии других сделал ему замечание. Государь побледнел, но молчал. От гневного вида Государя у Великого Князя невольно тряслись руки, пока он перебирал какую-то книгу. После Государь сказал мне: «Пусть он благодарит Бога, что Ее Величество и Вы были в комнате, иначе бы Я не сдержался!»^[2734]

На людей, хотя бы раз видевших Николая II, производили впечатление его глаза, которые полковник Ф. В. Винберг называл «необыкновенными», выдававшими «многое из душевных переживаний», выпавших на его долю. «Глаза большие,

лучистые, глубокие, часто рассеянные, как будто думают свою особую думу; обыкновенно ласковые, всегда очень-очень добрые, порой чуть-чуть насмешливые, мудрые, задумчивые, печальные глаза. Смотря на эти глаза, часто делалось и очень трогательно, и вместе с тем, почему-то и очень жутко: ибо проглядывала через эти глаза какая-то беспредельная, как будто что-то предвидевшая, печаль. Необыкновенные глаза! Я в жизни больше таких глаз и не видел, которые производили бы такое сложное, знаменательное впечатление...»^[2735] Генерал Ю. Н. Данилов: «Император Николай II <...> имел серо-зеленые спокойные глаза, отличавшиеся какой-то особой непроницаемостью, которая внутренне всегда отделяла его от собеседника»^[2736]. Писатель С. А. Нилус, видевший Николая II в 1904 г. в Мценске: «О, этот взгляд! Вовек не забыть мне его! <...> Я имел радость, более того, восторг видеть глаза и взгляд Государя. Передать его выражение ни словами, ни кистью невозможно»^[2737]. А. П. Извольский утверждал, что глаза Государя полны чрезвычайной мягкости. Полковник Е. Э. Месснер отмечал, что при царском смотре войскам «в строю всем казалось, что Царь на него посмотрел. Неизвестно, как Он создавал это потрясающее впечатление»^[2738]. Князь С. А. Щербатов: «Его простота, ласковый взгляд незабываемых серых глаз меня завораживали и оставили память на всю жизнь. Очень многое было в этом взгляде»^[2739]. Флигель-адъютант Императора полковник А. А. Мордвинов:

«Кому удавалось, как мне, видеть глаза Государя, обычно задумчиво-грустные, глубокие даже в минуты, когда кругом все было непринужденно весело, тот поймет, что глаза эти не отражали в себе душу обыкновенного поверхностного человека. Помимо глубины в них было что-то такое, что заставило его мать, когда она впервые увидела портрет Серова, тут же на выставке расплакаться»^[2740]. Подруга Императрицы Ю. А. Ден: «Внешне Его Величество был поразительно похож на короля Георга V. Но у него были незабываемые глаза. Глаза его двоюродного брата, хотя и красивые, но лишены того неповторимого выражения, которое было свойственно Императору. В них сливались воедино грусть, доброта, смирение и трагизм. Казалось, что Николай II предвидел и свое трагическое земное будущее, и грядущее Царствие Небесное. Он был избранником Божиим»^[2741]. С. Я. Офросимова: «У Государя были глаза, которых нельзя забыть тому, кто хоть раз с ними встретился взглядом»^[2742]. Н. Н. Обручев: «Украшением Его красивого продолговатого лица, на котором часто была очаровательная улыбка, были его голубые глаза. Всех, кто имел счастье когда-либо видеть Государя, поражала бездонная глубина этих чудных глаз, в которых, как в зеркале, отражалась его прекрасная душа»^[2743]. Капитан И. В. Степанов, находившийся на излечении в Царскосельском госпитале: «Глядя на Государя, хотелось забыть себя, жить только для него. Не быть. В нем быть. Только он... Как описать на-

строение, охватившее нас после отъезда Государя! Я плакал самыми счастливыми горячими слезами. Кто не испытал этих чувств, тот никогда этого не поймет»^[2744]. Полковник Д. И. Ходнев: «Достаточно было видеть глаза Государя, чтобы понять и убедиться, как необычайно был он добр и мягок. Этих его чудеснейших глаз, мне никогда не забыть! Они так привлекали и притягивали к себе, излучали такую ласку, такую бездну доброты и любви, что каждый невольно начинал восторженно обожать Царя. Как будто это было не 62 года тому назад, а лишь вчера, так ясно вижу перед собой доброе лицо Государя, его чарующую улыбку, его полные ласки серо-синие глаза, слышу его голос!!!!»^[2745]

Примечательно, что сам Государь придавал большое значение взгляду собеседника. Он говорил князю В. Н. Шаховскому, что ни А. И. Гучков, ни князь Г. Е. Львов никогда не смотрят при разговоре в глаза. По этому поводу Государь заметил: *«Если одного из этих лиц, которые не смотрят в глаза, я однажды назначу министром – значит, я сошёл с ума»^[2746].*

Император Николай II верил в доброе начало в человеке и всегда изначально думал о нем хорошее, а не плохое. Один из правых членов Государственной думы сблизился с депутатом-трудовиком. У них установились очень хорошие личные отношения, основанные на взаимном уважении и общности многих точек зрения. Как-то раз правый депутат в разговоре с Государем рассказал ему об этой стран-

ной близости, установившейся между ними. Государь ответил: «*“Ничего странного в этом случае не вижу. Все произошло у вас вполне нормально и естественно. Встретились два порядочных человека и сумели освободиться от партийных перегородок. Эти перегородки всегда чрезвычайно искажают простые, искренние человеческие взаимоотношения. В результате оба оценили друг друга, и, наверное, оба выиграли от своего общения не только, как вообще хорошие люди, но и как политические деятели”*. На следующий день правый депутат рассказал об этом трудовику, который дико посмотрел на него и отошел, но через день, волнуясь, сказал: *“Вы вчера всю душу мне перевернули. Я всю ночь проплакал; какую хорошую и глубокую мысль высказал Государь. Как жалко, что мы, левые, так мало знаем. Как жалко, что мы имеем такие превратные сведения”*»^[2747].

Занятия и увлечения

Военное дело было одним из самых любимых занятий Императора Николая II. Любовь к армии, к военному человеку, офицеру, воспитанная с юности, осталась у Государя на всю жизнь. Царь любил офицерское общество: *«Я чувствую себя дома, когда нахожусь среди войск»*^[2748]. В 1898 г., после учений, Николай II писал гофмаршалу графу П. К. Бенкендорфу: *«Приглашаю сегодня всех офицеров Стрелковой роты, которые вследствие пожара в их кухне лишены своего обе-*

да»^[2749]. Генерал Мосолов писал: *«Царь считал себя военным, первым профессиональным военным своей Империи, не допуская в этом отношении никакого компромисса. Долг его был долгом всякого военнослужащего»*^[2750]. Мосолов вспоминает, что после того, как Государь прошел сорок верст для проверки новой солдатской формы, *«командир полка, форму которого в этот день носил Император, испросил в виде милости зачислить Николая II в первую роту и на переключке вызывать его как рядового. Государь на это согласился и потребовал себе послужную книгу нижнего чина, которую собственноручно заполнил. В графе для имени написал: “Николай Романов”, о сроке службы – “до гробовой доски”»*^[2751].

Николай II хорошо знал историю полков Российской Императорской армии, *«очень любил старину и всегда охотно шёл навстречу просьбам, которые касались полковой старины, бывшей отражением Славы Российской»*^[2752].

Прирожденный военный, Государь не имел привычки носить гражданскую одежду, особенно шляпы и цилиндры, которые, по воспоминаниям В. И. Мамантова, были у него *«не лучшего качества и формы»*. Один раз, во время нахождения Государя за границей, Мамантов заметил ему, что *«Ваше Величество могли бы иметь более лучший цилиндр и носить его несколько иначе, чтобы скрыть Вашу непривычку к этому головному убору»*. Моё замечание, смелости которого я сам испугался, по-видимому задело Государя за живое. Он быстро снял свою шляпу и начал ее рассматривать. “Не

понимаю, – сказал он, – что Вы находите нехорошего в моем цилиндре; прекрасная шляпа, которую я купил перед самым отъездом у Brunot^[2753] и очень ею доволен. Ваше замечание не больше, как простая придирка штатского военному”»^[2754].

Государь весьма интересовался техническим прогрессом и всегда пользовался его новшествами. Прекрасный наездник, он с не меньшим удовольствием любил езду на автомобиле («моторе», как тогда его называли). У Николая II был самый большой автомобильный парк (гараж) в Европе. К 1916 г. он насчитывал 56 машин, среди которых были ведущие марки того времени: «Mercedes», «Роллс-Ройс», «Рёно», «Руссо-Балт», «Дэмлер» и другие. Руководителем гаража был заядлый автомобилист флигель-адъютант князь В. Н. Орлов, который пригласил на пост технического директора понравившегося ему специалиста 28-летнего француза Адольфа Кегресса. Он же был личным водителем Императора. Кегресс великолепно справлялся с управлением автомобилем, ездив с необычайной для тех лет скоростью в 65–75 км/ч, при максимальной скорости около 130 км/ч. Собственно, быстрая езда являлась требованием Государя. Главным автомобилем был эксклюзивный вариант «Дэлоне-Бэльвилль-70», который носил аббревиатуру «SMT» («Sa Magestè le Tsar» – «Его Величество Царь»). На капоте автомобиля красовался любимый знак Государыни – грамматический крест, более известный под названием «свастика»^[2755]. Автомобиль был сделан по спецзаказу в 1912 г., мощность дви-

гателей составляла 70 лошадиных сил. Шестицилиндровый мотор был очень большого по тому времени объема – около 12 литров.

Николай II и спорт

Государь Николай II был прекрасно физически развит и на протяжении всей своей жизни занимался спортом. Каждый день он делал гимнастические упражнения, возле его кабинета был установлен турник, на котором он совершал сложные физические упражнения: например, по многу раз «крутил солнышко». Особенно Император любил плавание и греблю на байдарке. Она помогала Николаю II остаться наедине с природой, отрешиться от подчас неприятной повседневности и забот. Байдарочный сезон обычно начинался для Государя в холодном апреле и продолжался вплоть до ноября. Как вспоминал Н. Д. Семенов-Тянь-Шанский: *«Государь очень хорошо плавал и любил купаться. После продолжительной гребли на двойке в финских ихерах мы причаливали к какому-нибудь островку и купались»*^[2756].

Император Николай II был прекрасным наездником. По воспоминаниям генерала В. А. Сухомлинова: *«Государь вел очень регулярную жизнь, много ходил, ездил верхом, грёб, любил вообще всякий спорт и охоту. <...> На первоклассных лошадях, и при своей тренировке, Государю не трудно было закатывать репризы в 12–14 верст безостановочно. А так*

как он при этом никогда не обращивался, то и не видел, что его свита обыкновенно уже растягивалась на несколько верст и под конец добрая половина ее оставалась совсем назади. Некоторые всадники даже скорее висели, а не сидели на лошадях и обнимали лошадей за шею, чтобы облегчить страдания»^[2757].

Государь увлекался шахматами и хорошо в них играл. Очень любил игру в большой теннис, часто играл с абсолютным чемпионом в этом виде спорта графом М. Н. Сумароковым-Эльстоном. Любил Николай II также и игру в бильярд, который стоял у него в рабочем кабинете в Царском Селе, а в Ливадийском дворце была специальная бильiardная комната.

Николай II много сделал для развития российского спорта. В частности, знаменитый шахматный турнир памяти М. И. Чигорина в 1909 г. большей частью был проведен именно на его деньги. Впервые в истории шахмат Николай II наградил титулом гроссмейстера победителей этого турнира, а будущему чемпиону мира А. А. Алёхину пожаловал драгоценную вазу. Государь оказал содействие в создании Всероссийского шахматного союза (1914 г.), а также в проведении 4 всероссийских шахматных турниров, 2 международных конгрессов и 2 международных соревнований по шахматам в России.

В годы царствования Императора Николая II в России получили мощное развитие тяжёлая и лёгкая атлетика, плава-

ние, конькобежный спорт, гребля, борьба, бокс, образовались сотни спортивных обществ и клубов, впервые проведены чемпионаты. В 1566 гимназиях была введена гимнастика как учебная дисциплина.

Государь придавал огромное значение военно-прикладным видам спорта, поддерживал авиационные состязания. В 1898 г. при содействии Царя прошли первые в России соревнования по автогонкам и испытательные пробеги на мотоциклах. Николай II живо интересовался зарождавшимся в войсках спортом, неоднократно посещал занятия гимнастической команды в Царском Селе и благожелательно отнесся к мысли Дворцового коменданта В. Н. Воейкова учредить главную офицерскую гимнастическо-фехтовальную школу. В 1912 г. Россия была впервые приглашена участвовать в международных Олимпийских играх в Стокгольме. Представители русских спортивных организаций постановили образовать русский Олимпийский комитет. Николай II поддержал эту идею и назначил представителем России на международных Олимпийских играх 1912 г. В. Н. Воейкова. Государь прислал в Стокгольм серебряную ладью, которую вручили российской команде-победительнице в соревнованиях по десятиборью. По возвращении последнего из Стокгольма Государь выразил ему свое желание создать орган для объединения в России всех вопросов, связанных со спортом, и повелел представить ему об этом письменное предположение. 7 июня 1913 г. Николай II назначил В. Н. Воейкова

Главнаблюдающим за физическим развитием народонаселения Российской Империи^[2758].

Государь всемерно поддержал проведение первых российских олимпиад в Киеве (1913) и Риге (1914). На нужды последней Государь выделил 5 тыс. рублей. На этих олимпиадах в общей сложности состязались 1489 спортсменов и 50 спортивных организаций. 12 июля 1914 г. в ответ на выражение верноподданнических чувств по случаю открытия второй Олимпиады Николай II ответил Лифляндскому губернатору гофмейстеру Н. А. Звягинцеву следующей телеграммой: *«Передайте Мою искреннюю благодарность всем участникам Второй российской Олимпиады. Желаю им самого полного успеха для дальнейшего развития столь необходимого молодым поколениям спорта в России. НИКОЛАЙ»*^[2759].

Отношение к истории и литературе

С юных лет Государь любил и знал историю, в особенности историю России. С. К. Буксгевден утверждает: *«Николай II знал русскую историю как историк, и также прекрасно знал русскую литературу»*^[2760]. Николай II продолжил линию своего отца по оказанию исторической науке самой высокой государственной поддержки и принял почётную должность председателя Исторического общества. Государь относился к ней со всей серьёзностью. Великий

Князь Константин Константинович описывал в дневнике одно из заседаний общества 27 февраля 1896 г.: *«Заседание Исторического общества. Председательствует Государь. Присутствовали: Князь Лобанов, Великий Князь Владимир, К. Ф. Кобека, А. Н. Куломзин, К. Н. Бестужев-Рюмин, Н. Ф. Дубровик, Штендман, Половцов. Половцов прочитал отчёт о деятельности общества за 1894–1895 гг. Затем следовал доклад Бестужева о Карамзине. Генерал Дубровин читал краткую биографию Императора Николая I, составленную им по поводу наступающего столетия со дня рождения Николая Павловича. Очень любопытный был доклад Мартенса о сношениях России с Англией в 1832–1840. После прочитанных биографий Александра I и Александра II, составленных для исторического словаря, был избран в члены Общества А. Н. Майков, Извольский и генерал Шильдер»*^[2761].

В 1907 г. Государь утвердил устав Военно-исторического общества, целью которого было изучение военно-исторического прошлого русского народа во всех его проявлениях, разрешив называться ему Императорским и приняв на себя должность Почётного председателя. В благодарственном адресе Николаю II правление общества писало: *«Благоволив принять на Себя звание Почётного Председателя нашего Общества, и соизволив даровать ему высокое наименование Императорского, Вы, Государь, не только поощрили и одобрили всех будущих деятелей, но и осветили предсто-*

ящий им путь радостной надеждой на полный успех их начинаний»^[2762]. Военно-историческое общество сыграло большую роль в изучении и популяризации военной истории России. Обществом издавались журнал и «Труды».

Из исторических деятелей Николай II больше всего почитал Царя Алексея Михайловича. С глубокой симпатией относился к Императору Павлу Петровичу. 14 февраля 1909 г. в своем дневнике Николай II отметил, что *«после обеда читал Аликс вслух письма Императрицы Марии Федоровны к Павлу Петровичу во время Шведской войны в 1788 г.»*^[2763] Очень интересовался личностью Императора Александра I. В разговоре с А. А. Половцовым 28 января 1898 г. Николай II выразил своё негативное отношении к тому, что историк Н. К. Шильдер изображает Императора Александра *«в невыгодном свете»*. Государь согласился с Половцовым, что *«отличительная черта Императора Александра – это самопожертвование; пожертвование своего самолюбия на пользу Отечества»*^[2764]. Император Николай II лично руководил и контролировал исследовательскую работу Великого Князя Николая Михайловича по созданию монографий об Александре I. Государь разрешал Великому Князю пользоваться личными архивами Династии и лично цензурировал им написанное. Кроме этого, Николай II сам живо интересовался темой исследования. 1 октября 1909 г. Государь писал Великому Князю Николаю Михайловичу: *«Любезный Николай. Посылаю тебе краткую опись текстов государ-*

ственного архива, представленную мне в отсутствие Извольского, товарищем его Сазоновым. Как ты увидишь, там не содержится ничего прямо относящегося до интересующего Тебя вопроса об Императоре Александре I, Аракчееве и госпоже Крюденер»^[2765]. 12 сентября 1910 г. Государь писал Николаю Михайловичу по поводу подготовленной им переписки Александра I с его сестрой Великой Княгиней Екатериной Павловной: «С увлечением и вниманием прочёл прилагаемые письма. Твоё предисловие написано сжато и определённо»^[2766]. То же самое Царь писал Марии Феодоровне: «Николай Михайлович написал новую книгу и посылал мне это время корректурные листы её – это переписка Александра I с сестрою Екатериной Павловной³⁸. В конце приложения: отзывы из воспоминаний княгини Ливен в Лондоне, ещё разные письма Марии Феодоровны³⁹, принца Ольденбургского⁴⁰ и завещание Екатерины Павловны. Всё очень интересно, и я прочёл книгу с большим удовольствием. Зимой она будет издана и, наверное, Тебе очень понравится»^[2767].

Однако Царь сомневался, следует ли обнародовать подробности семейной жизни Александра Павловича и его супруги Елизаветы Алексеевны⁴¹. 12 февраля 1909 г. Госу-

³⁸ Великая Княгиня Екатерина Павловна (1788–1819), сестра Императора Александра I.

³⁹ Императрица Мария Феодоровна (1759–1828), супруга Императора Павла I.

⁴⁰ Принц Георгий Петрович Ольденбургский (1784–1812), первый супруг Екатерины Павловны.

⁴¹ Большую часть своей жизни Император Александр I и Императрица Елиза-

дарь прямо указывал Великому Князю, что «биография Елизаветы Алексеевны будет полна и весьма обстоятельная без существования тайной главы. Поэтому я нахожу желательным, чтобы ты уничтожил существующие экземпляры»^[2768]. При этом Николай II полагал, что «долг последующих поколений по отношению к предкам заключается в том, чтобы бережно хранить их память»^[2769].

Когда «Новое Время» поместила статью о генерале М. Д. Скобелеве с резкими высказываниями автора о представителе России на Берлинском конгрессе графе П. А. Шувалове, реакция Государя была очень резкой. В письме к министру внутренних дел П. К. Плеве Николай II писал: «Обращаю Ваше внимание на статью “Воспоминания о Скобелеве” в сегодняшнем № “Нового Времени”. Нельзя допускать подобной брани в газетах и скверных нападок на умерших крупных деятелей. Я вовсе не поклонник графа Петра Андреевича Шувалова, но эта статья, в особенности, отмеченные мною места, меня взорвали. Видно, что автор её самоуверенный и самодовольный хам. Н.»^[2770]

Особое отношение Николая II было к Императору Петру Алексеевичу. С. Д. Шереметев вспоминал, что Александр III «дорожил всеми воспоминаниями о Петре Великом. Он был большой его поклонник»^[2771]. Николай II был куда более осторожен в оценках первого русского Императора. По воспоминаниям генерала А. А. Мосолова, Государь в разговоре с ним

вета Алексеевна не жили друг с другом, имея незаконные семьи.

сказал: *«Конечно, я признаю много заслуг, за моим знаменитым предком, но сознаюсь, что был бы неискренен, ежели бы вторил вашим восторгам. Это предок, которого менее других люблю за его увлечение западною культурою и попираание всех чисто русских обычаев. Нельзя насаждать чужое сразу, без переработки. Быть может, это время, как переходный период, и было необходимо, но мне оно не симпатично»*^[2772].

Когда известный профессор истории академик С. Ф. Платонов в присутствии Государя выступил с хвалебной речью о Петре Великом, то Николай II возразил ему: *«Царь Пётр, расчищая ниву русской жизни и уничтожая плевелы, не пощадил и здоровые ростки, укреплявшие народное самосознание. Не всё в допетровской Руси было плохо, не все на Западе было достойно подражания»*^[2773].

Однако в то же время, когда, поздравляя Государя по случаю рождения Цесаревича Алексея, генерал Раух напомнил, *«что имя Алексея носил один из великих собирателей Земли Русской из Дома Романовых, Царь Алексей Михайлович, царствование которого было славно для России»*, Николай II сказал: *«Да, Вы правы; я же со своей стороны желаю лишь одного, это – чтобы Наследник дал России в лице Своего сына второго Петра Великого»*^[2774].

Знание истории являлось сильной стороной Царя как руководителя. Мировоззрение Государя точно отражали его слова: *«Только то государство и сильно и крепко, кото-*

рое свято хранит заветы прошлого»^[2775]. Эту непреходящее значение Царя хорошо понял В. В. Розанов: «Государь один и исключительно смотрит на вещи не с точки зрения “нашего поколения”, но всех поколений Отечества, и бывших и будущих»^[2776].

Государь очень любил читать. А. А. Вырубова вспоминала: «Одно из самых светлых воспоминаний – это уютные вечера, когда Государь бывал менее занят и приходил читать вслух Толстого, Тургенева, Чехова и так далее. Любимым Его автором был Гоголь. Государь читал необычайно хорошо, внятно, не торопясь, и это очень любил. Последние годы Его забавляли рассказы Аверченко и Тэффи, отвлекая на несколько минут Его воображение от злободневных забот»^[2777]. Круг и уровень интересов Императора Николая II можно оценить по той литературе, которую он прочёл в Тобольской и Екатеринбургской ссылке: Л. А. Кассо «История Византийской империи»; Ф. И. Успенский «Россия на Дунае»; генерал А. Н. Куропаткин «Задачи Русской армии»; Е. Н. Квашнин-Самарин «Морская идея в русской земле»; О. Иегер «Всеобщая история»; К. М. Голодников «Тобольск и его окрестности»; С. А. Нилус «Близ есть при дверях»; Дж. Р. Грен «История Великобритании»; Н. К. Шильдер «Император Павел I». Кроме того, Николай II читал русскую классику: Лермонтова, Гоголя, Толстого, Тургенева, Салтыкова-Щедрина, Лескова, Апухтина, Мельникова-Печерского, Данилевского, а также произведения Мережковского, Со-

ловьева, Виктора Гюго, Метерлинка.

Особенно хочется остановиться на отношении Императора Николая II к знаменитому писателю графу Л. Н. Толстому. Как известно, последний, начиная с конца XIX в., отпал от Православия. Он отвергал учение о Пресвятой Троице, церковные таинства, Воскресение Господа Иисуса Христа и Его Божественность. По этому поводу Святитель Феофан Затворник писал: *«У этого Льва никакой веры нет. У него нет Бога, нет души, нет будущей жизни, а Господь Иисус Христос – простой человек. В его писаниях – хула на Бога, на Христа Господа, на Св. Церковь и её таинства. Он разрушитель царства истины, враг Божий, слуга сатанин... Этот бесов сын дерзнул написать новое евангелие, которое есть искажение евангелия истинного. И за это он есть проклятый апостольским проклятием»*^[2778].

Толстой пытался создать свое лжеучение, вошедшее в историю под названием «толстовства». Ещё при жизни Императора Александра III К. П. Победоносцев и члены Святейшего Синода ставили вопрос об отлучении Льва Толстого от Церкви. Однако Император отвечал, что *«не желает прибавлять к славе Толстого мученического венца»*^[2779]. Николай II придерживался по этому вопросу мнения покойного отца. Хотя терпеть зловедную деятельность великого писателя становилось всё труднее. Под влиянием идей Л. Н. Толстого в конце XIX в. образовалась секта «толстовцев». Несмотря на то что сам Толстой от них отмежевывал-

ся, на деле он имел на них непосредственное влияние. Бывший друг Льва Толстого, полностью порвавший с ним из-за еретических воззрений писателя, религиозный мыслитель Н. Ф. Федоров в своей статье «*Резюме философии Л. Толстого*» писал: «*Это безусловная нирвана, новый нигилизм, самая злая нетовщина*^[2780]. Однако к ней, ко всему отрицательному, ведут его наставления. Студентам он говорит: “*Не учись!*”, чиновнику: “*Не служи!*”, призываемому к воинской повинности: “*Откажись!*”, подданным: “*Не платите податей!*” Под выставку “хорошо бы подложить динамитцу”; музеи и библиотеки “*надо бы сжечь!*”; музеи и храмы – “*хуже кабаков!*”!»^[2781]

А. С. Суворин писал в своем дневнике 29 мая 1902 г.: «*В России два царя: Николай Второй и Лев Толстой. Который сильнее? Николай Второй ничего не может сделать Толстому, а Толстой непрерывно расшатывает трон Николая Второго*»^[2782].

Разрушительную роль Толстого признавал его сын Л. Л. Толстой: «*Во Франции говорится часто, что Толстой был первой и главной причиной русской революции, и в этом есть много правды. Никто не сделал более разрушительной работы ни в одной стране, чем Толстой. Русское правительство, несмотря на все свои усилия, не могло рассчитывать на необходимое содействие и поддержку со стороны общества. Отрицание государства и его авторитета, отрицание закона и Церкви, войны, собственности, семьи. Что мог-*

ло произойти, когда эта трава проникла насквозь в мозги русского мужика и полунинтеллигента, и прочих русских элементов»^[2783].

Начиная с 1895 г. «толстовцы» стали тесно взаимодействовать с религиозной сектой «духоборов». Именно в 1895 г. под влиянием толстовского учения до этого вполне терпимая с точки зрения безопасности государства секта стала требовать от своих адептов отказа от службы в армии, исполнения приказов Царя, уплаты налогов^[2784]. «Толстовцы», князь Д. А. Хилков и А. Н. Бодянский, отбывавшие ссылку в Закавказье, стали писать письма Л. Толстому о «подвигах» духоборов. В августе 1895 г. на Кавказ прибыл один из ближайших сподвижников графа П. И. Бирюков, который встретился с духоборами и отвез собранные им рассказы Льву Толстому, а тот написал ряд статей в защиту секты, которые были напечатаны за границей^[2785]. Толстой написал воззвание, которое его дочь Т. Л. Толстая перевела на французский язык и отправила за границу, где оно было распространено в Италии, во Франции и Испании. Вскоре оттуда Толстому пошли «пожертвования» для «угнетаемых» духоборов, которые к началу 1896 г. составили 30 тыс. французских франков^[2786]. В 1897 г. другой «толстовец», англичанин Артур С. Джон, привёз для духоборов на Кавказ более 7 тыс. рублей^[2787]. Вокруг самого Толстого образовался круг его ближайших сподвижников – откровенных врагов Царя. Ими в первую очередь были В. Г. Чертков и ад-

вокат Н. К. Муравьев, будущий председатель ЧСК Временного правительства. Толстовцы активно создавали на Западе образ «преследуемых» духоборов и способствовали их эмиграции в Канаду. Она шла под непосредственным контролем В. Г. Черткова и князя Д. А. Хилкова. Им активно содействовал большевик В. Д. Бонч-Бруевич, который специально поступил на службу к канадскому правительству, чтобы непосредственно помогать эмиграции духоборов. В оперативных материалах Главного жандармского управления и Охранного отделения говорилось: *«Названный Бонч-Бруевич, с 1896 по 1905 год проживал за границей, причём имел тесные сношения с тамошними социал-демократами, принимал непосредственное участие в различных революционных изданиях и, между прочим, занимался пропагандой лжеучения графа Льва Толстого. В 1899 году Бонч-Бруевич сопровождал из Константинополя в Канаду русских духоборов»*^[2788].

Тем не менее Николай II не был сторонником строгих репрессий и запретов в отношении Льва Толстого, хотя и понимал, что не реагировать на все усиливающуюся антиправославную и антигосударственную риторику графа – невозможно. Ни Государь, ни Синод не хотели громкого скандала и не считали нужным привлекать большое внимание к толстовским заблуждениям. Все понимали: Толстой – это настолько значимая фигура, что любое жесткое определение такого рода может вызвать общественный скандал^[2789]. Однако Толстой не просто продолжал упорствовать в своем

еретическом учении, но активно его проповедовал, впадая в самое страшное богохульство и кощунство над таинствами Православной Церкви. Профессор С. Н. Булгаков вспоминал о своей беседе с Л. Н. Толстым в Гаспре, в Крыму: *«Я имел неосторожность в разговоре выразить свои чувства к “Сикстинской Мадонне” Рафаэля, и одного этого упоминания было достаточно, чтобы вызвать приступ задыхающейся, богохульной злобы, граничащей с одержанием. Глаза его загорелись недобрый огнем, и он начал, задыхаясь, богохульствовать»*^[2790]. Однажды на прогулке по Москве с одним из воронежских сектантов Толстой, указывая на Иверскую икону Божией Матери, сказал: *«Она – презлая»*^[2791]. Последней каплей для Синода стал роман «Воскресение», в котором автор особо кощунствовал над Святой Евхаристией. Священный Синод был вынужден реагировать на эти кощунства.

22 февраля 1901 г. К. П. Победоносцев посетил Государя в Зимнем дворце и пробыл у него около часа. Имеется мнение, что обер-прокурор уже привез Николаю II окончательный текст резолюции Определения Священного Синода в отношении графа Л. Н. Толстого, в которой констатировалось, что писатель по своей воле отпал от Церкви Христовой. 24 февраля 1901 г. это Определение было опубликовано в официальном органе Синода «Церковные ведомости»^[2792]. Однако оно было утверждено Синодом, но не Николаем II, что видно из письма К. П. Победоносцева ему от 25 фев-

раля 1901 г., то есть на следующий день после опубликования Определения. Победоносцев пишет: *«Я очень несчастлив, что мог единственный раз в течение всей своей службы навлечь на себя гнев Вашего Императорского Величества и всеподданнейше прошу в том прощение, что не испросил согласия Вашего Величества на самую редакцию послания Синода. <...> Для того, главным образом, я и испрашивал разрешение представиться Вашему Величеству в прошлую пятницу, чтобы доложить о сем предположении Синода и объяснить его. Я докладывал, что Синод вынужден к сему смутною, происходящую в народе и многочисленными просьбами о том, чтобы высшая церковная власть сказала своё слово; что послание составляется в кротком и примирительном духе, о чем прилагается забота»*^[2793]. То есть Государь был недоволен тем, что окончательная редакция Определения принята без его утверждения, и очевидно, что он хотел как можно больше смягчить её формулировки. Николай II говорил, что оно должно быть написано *«умно, умеренно и так как подобает Церкви относиться к заблудшему»*^[2794].

Царь понимал, что создавать вокруг имени писателя нездоровый ажиотаж, придавать ему ореол гонимого мученика и правдолюбца не менее опасно для государства, чем деятельность самого графа. Николай II осознавал, что сам Толстой во многом является игрушкой в руках темных сил, которые только и ждут различных на него гонений. Более того, Государь высоко ценил Льва Толстого как писателя, ча-

сто читал вслух своей Семье его рассказы и повести. Толстой пытался воздействовать на Государя, даже написал ему 16 января 1902 г. письмо, начинавшееся обращением «Любезный брат», но так его и не отправил. Видимо, чувствовал, что Государь, которого он называл в письме «человеком разумным и добрым», не сможет не понять всё безумие и всю гордыню толстовских предложений. Однако Толстой все же сделал попытку донести их Николаю II через своего сына Льва Львовича. 27 января 1905 г. Государь записал в своем дневнике: «В 2 ½ принял гр. Льва Толстого — сына»^[2795]. Николай II беседовал с ним 1,5 часа. Поводом для встречи стало письмо Толстого-младшего Государю, в котором тот предлагал созвать Земский Собор, реформировать русскую общину, реформировать Православную Церковь в «рациональном смысле», даровать России социальные свободы^[2796]. Л. Л. Толстой показал письмо своему отцу, который его одобрил. Кроме того, генерал Свиты граф А. Л. Олсуфьев, который и передал письмо Л. Л. Толстого Государю, сделал множество копий с письма и разослал их членам Правительства и придворным. Государь по своей инициативе пригласил Л. Л. Толстого для обсуждения поставленных им в письме вопросов. Царь сразу отметил, что воспринимает совет реформировать Православную Церковь «чудовищным». Затем Николай II заявил, что хочет создать парламент в «русском духе» и что для него важнее всего интересы крестьянства. Царь просил Л. Л. Толстого пи-

сать ему. Однако письма Толстого-младшего, которые стали поступать Государю от Толстого-сына в разгар смуты, были далеки от благостной проповеди непротивления злу насилием, которой придерживался его отец. 13 декабря 1905 г. Толстой-сын писал Николаю II: *«Нам нужен порядок, Ваше Величество, – прежде всего. <...> Пока надо очистить несчастную Россию от всего вредного, злого, опасного для неё. Надо запрещать всякое проявление революционных стремлений, уничтожать их при возникновении, вырывать с корнем больную, сорную траву. Суд должен карать печать моментально, должен карать всё противное общественному благу, всё злое, которое никогда не может быть законным, никогда не должно быть терпимым. <...> Правительство призвано карать свободу злую и вознаграждать свободу добрую. Пресекать первую и поощрять вторую»*^[2797].

В конце своей жизни Л. Н. Толстой был окончательно запутан и введён в обман В. Г. Чертковым и стоящими за ним силами. Пользуясь почти беспомощным состоянием Л. Н. Толстого, Чертков убедил его завещать все права на свои издания «на общую пользу», а в объяснительной записке к завещанию писатель указывал, что после его смерти все рукописи и бумаги для их пересмотра, выборки и подготовки к изданию должны быть переданы В. Г. Черткову. Завещание было составлено Н. К. Муравьёвым. Л. Л. Толстой писал про своего отца, что в последние недели жизни *«он легко и всецело, как ребёнок, подпал под влияние своего учени-*

ка и “духовного” друга Черткова, который внушил ему, во-первых, что ему надо отдать права на все его сочинения в публичное пользование. Во-вторых, Чертков уверил его, что ему надо было оставить Ясную, жену и семью и кончить жизнь в уединении, в согласии со своими взглядами. В-третьих, что все семейные его, особенно его жена и сыновья — дурные злые люди и его злейшие враги, заслуживавшие всякого презрения, а что он, Чертков, достоин его любви»^[2798].

Фактически революционно-масонская группа Черткова, Муравьева и Бонч-Бруевича получила от Толстого огромный источник дохода, так как именно Чертков после смерти писателя мог определять, какое издательство и за какие гонорары будет печатать его произведения. Вдова же Льва Толстого оставалась без всякого дохода, ей грозила нищета. При чем писатель не предупредил ни её, ни детей о принятом решении. Исключение представляла младшая дочь Толстого и его любимица А. Л. Толстая, которая также всецело попала под влияние Черткова. Тем не менее в душе писателя шла тяжелая борьба. Он чувствовал весь ужас своего отпадения от Церкви и делал попытки повидаться перед смертью с оптинскими старцами. Однако переступить порог Оптиной пустыни он так и не смог. Государь, узнав о тяжелой болезни Льва Толстого в Астапово, направил туда епископа Тульского и Белёвского Парфения (Левицкого), чтобы тот помог умирающему примириться с Церковью^[2799]. Когда 7 ноября 1910 г. Л. Н. Толстой скончался, Государь написал на докла-

де министра внутренних дел: *«Душевно сожалею о кончине великого писателя, воплотившего во время расцвета своего дарования в творениях своих образы одной из славных годин русской жизни. Господь Бог да будет ему Милосердный Судия»*^[2800].

Между тем в Ясной Поляне узнали о содержании толстовского завещания. В отчаянии вдова писателя графиня С. А. Толстая, спустя пять дней после кончины супруга, обратилась 12 ноября 1910 г. с письмом к Императору Николаю II: *«Ваше Величество! – писала она. – С одра болезни и скорби прибегаю к Вашему Императорскому Величеству и прошу защиты против людей, разлучивших меня с любимым моим мужем и подчинившим волю ослабевшего престарелого мужа моего под деспотический гнёт и гипноз неверующим и недоброжелательным к семье людей. Уполномачиваю сына моего Льва объяснить причину беспокойства причиняемой Вашему Величеству и уповаю на чуткое сердце Ваше в деле оскорбления к вопиющей несправедливости к моей многочисленной семье. Вашего Императорского Величества верноподданная графиня С. Толстая»*^[2801].

О том, что Государь не оставил без внимания просьбу несчастной вдовы, свидетельствует ее же письмо Николаю II от 12 марта 1914 г.: *«Ваше Императорское Величество! Каждый день в душе своей мысленно приношу горячую благодарность Вашему Величеству за милостиво дарованную мне пенсию, дающую мне возможность дожить безбедно*

мои старческие годы»^[2802].

Революционные и оппозиционные силы пытались использовать похороны Льва Толстого для антиправительственных демонстраций. Однако этого не произошло и прощание с писателем прошло без эксцессов. Николай II писал Вдовствующей Императрице: *«Как Ты слышала Толстой умер. Об этой смерти говорят и пишут много, слишком много. К счастью его похоронили очень скоро, поэтому сравнительно немного народа успело наехать в Ясную Поляну, и там всё прошло спокойно. Но все ждали демонстраций и беспорядков и теперь удивлены, что их не случилось»*^[2803].

Пристрастия и привычки

Государь не оставил нам своих воспоминаний, на которые были столь щедры его противники, практически не делился своими мыслями на политические события со своим окружением. В первый день нового, 1882 г. будущий Император начал вести каждодневные записи, и в толстой тетради отметил: *«Мой дневник, я начал писать с 1го января 1882»*^[2804]. С этого дня он будет вести его до последнего мгновения земной жизни. Сколько копий будет сломано, чтобы на основании этого дневника доказать ограниченность, примитивность Царя как государственного деятеля и человека! Между тем дневники Государя представляют собой краткие отчёты о происшедших событиях за день, они практически ли-

шены личностной оценки этих событий и не объясняют мотивацию поступков его автора. Нужно помнить, что дневник государственных деятелей, особенно дневник царствующих особ, отличается от дневника институтки, актёра или домохозяйки. Последние могут писать в своих дневниках все, что им вздумается, мало заботясь о последствиях своих записей, так как они предназначены почти исключительно для них же самих. Когда же речь идёт о дневнике Монарха, то он рано или поздно становится достоянием широкой общественности, а одна скопированная запись из такого дневника может привести к самым тяжёлым внешнеполитическим последствиям. Поэтому дневники Царей и Цариц, даже Великих Князей, являлись не отображением на бумаге своих личных впечатлений и переживаний, а строгой констатацией происшедших за день событий. Для сравнения приведём отрывки из «Памятных книжек» Императора Александра III за 1893 г.: **«Суббота, 17.** Гулял, тепло, отличная погода. Занимался и доклады. Завтракали: дети, Жуковский, Митя, В. Н. Фредерикс. Занимался. В 3¼ гуляли и катались в море на шлюпках; **Воскресенье, 18.** Занимался. В 11 ч. обедня в малой церкви, душно. Завтракали на ферме на балконе с музыкой. Занимался и читал. В 3 ч. гулял один и с Мишей до 5 ч. Чай с братьями. Поспал; **Понедельник, 19.** Гулял, жара страшная, чудесная погода. Доклады и приёмы до ½ ч. Завтракали с детьми, Оболенский, Жуковский, Елена Шереметьева. В 3 ч. поехали с визитом в Знаменское к Милице»^[2805].

Как видим, дневник Императора Александра III практически ничем не отличается от дневников его сына: всё та же сухая констатация второстепенных с точки зрения «великой политики» событий. Однако такой сухой стиль изложения был свойственен не только Царям. Вот несколько записей из дневника П. И. Чайковского: *«Дождь. Пошел в город. Попал сначала в Армянскую церковь, потом в Сионский Собор. В первой был поражен новостью зрелища и безобразным пением; во второй видел Экзарха и слышал его проповедь. Дома завтракал с Василием Васильевичем. Гости. Ушел к себе. Коля Переслени, Карнович. Визит целой компанией к Гончаровым. Возвратившись домой, ходил с Паней и Колею по галерее. Свинкин. Читал...»*^[2806]

Что касается дневниковых записей Императоров, то иногда в дневник заносили сведения сознательно дезинформирующего характера, так как Августейший автор прекрасно понимал, что его дневник может быть прочитан, и прочитан недругом. Поэтому зачастую в дневнике использовались термины, известные только автору дневника. Например, Император Николай II часто использовал в своём дневнике слово «читать». Причём, «читал» Государь, иногда с середины дня и глубоко за полночь. До сих пор приходится встречаться с возмущёнными репликами, что вот, мол, Царь-то романы почитывал, вместо того чтобы государственными делами заниматься. Между тем, как свидетельствовал флигель-адъютант Н. П. Саблин: *«После общего чая Государь уходил “чи-*

тать”, как он говорил, и постоянно упоминает в своём дневнике, и это было чтение не романов или книг, а государственных дел»^[2807]. Засекреченность, иносказательность, а то и прямая дезинформация, несомненно, применялась Царской Семьёй в тревожный страшный период марта 1917 – июля 1918 гг. Подавляющая часть людей близкого круга Николая II, от которых можно было бы их узнать, погибла вместе с Государем.

Император Николай II, как и его отец, любил всё русское. Это проявлялось как в пище, одежде, так и во внешнем виде.

С юности Николай II был безразличен к ювелирным изделиям и вообще всяким украшениям. По словам С. К. Буксгевден: *«Николай II был очень прост в своих личных привычках. Он не носил никаких драгоценностей. Его ежедневной одеждой была повседневная форма полковника. Он ел и пил умеренно и никогда не увлекался дорогими удовольствиями»*^[2808].

Исключение он делал только для тех драгоценностей и ювелирных изделий, которые были связаны с дорогими и любимыми им людьми. Н. П. Саблин вспоминал: *«Государь носил вместе с обручальным кольцом, только крупный сапфир»*⁴². *«...» При купании мы видели на простой цепочке из круглых колечек гладкий крестильный крест. Никаких ключей, амулетов, бумажников, спичечниц у Государя не было»*^[2809].

⁴² Подарок Государыни при обручении.

Николай II был весьма умеренным в еде. По свидетельству графини С. К. Буксгевден, он *«предпочитал простые блюда, простые жаркие и кур»*^[2810]. Также Николай II любил жареные пельмени, каши, щи, борщ, картошку, которую, случалось, сам запекал в саду Аничкова сада. Из напитков Николай II предпочитал минеральную воду («Боржом», «Ессентуки») и квас. Государь крайне мало употреблял алкоголь. Протопресвитер Г. Шавельский, имевший возможность часто наблюдать Царя за обеденным столом, утверждал: *«Государь за завтраками и обедами выпивал одну-две рюмки водки, один-два стакана вина. Я не только никогда не видел Государя подвыпившим, но никогда не видел его и сколько-нибудь выведенным алкоголем из самого нормального состояния»*^[2811]. Полковник Лейб-гвардии Финляндского полка Д. И. Ходнев свидетельствовал: *«Обычно за завтраком или обедом Государь выпивал одну рюмку любимого им красного портвейна или мадеры, а за закуской иногда чарку водки, чаще всего “сливовицы”. Бывая изредка совершенно запросто в офицерских собраниях, Государь любил послушать полковых песельников, балалаечников; любил задушевную беседу с офицерами; но пил всегда очень мало»*^[2812]. Полковник Е. С. Кобылинский: *«Вина он [Государь] почти не пил. За обедом ему подавался портвейн или мадера, и он выпивал за обедом не большие рюмки. Он любил простые русские блюда: борщ, щи, каша»*^[2813].

Даже такой враг Государя, как член Прогрессивного бло-

ка сенатор Вл. И. Гурко, признавал: «*К тому, что называется кутежом, у Николая II не было склонности даже в самые молодые годы. Привлекали его офицерские собрания царствовавшей в них непринужденностью, отсутствием тягостного придворного этикета: любил он и беседы, которые там велись об охоте, о лошадях, о мелочах военной службы; нравились ему солдатские песни, весёлые рассказы, смешные анекдоты*^[2814], до которых он был охотник; во многом Государь до пожилого возраста сохранил детские вкусы и наклонности. В его дневнике перечисляются любимые им развлечения и все они ребячески наивны»^[2815]. Последними строками Гурко хотел умалить Государя, но на деле лишь засвидетельствовал чистоту его души. Спаситель сказал: «*Истинно говорю вам, если не обратитесь и не будете как дети, не войдёте в Царствие Небесное*» (Мф. 18: 1–4).

С. К. Буксгевден свидетельствовала, что Николай II «*пил очень мало вина, маленькую рюмочку водки перед завтраком и небольшую рюмку мадеры во время еды*»^[2816]. Генерал Ю. Н. Данилов: «*Довольно распространено мнение, что Император Николай II злоупотреблял спиртными напитками. Я категорически отрицаю это на основании довольно долгих личных наблюдений. Еще в 1904-м году, во время частых железнодорожных путешествий Государя по России, равно как в различные периоды мировой войны, мне приходилось много раз быть приглашаемым к Царскому столу, за которым картина была всегда одинаковой. Государь подходил к*

закусочному столу; стоя, выпивал он, по русскому обычаю, с наиболее почетным гостем одну или много две чарки обыкновенного размера особой водки «сливовицы»; накоротке закусывал, и, после первой же чарки, приглашал всех остальных гостей следовать его примеру. Дав время всем присутствовавшим закусить, Император Николай II переходил к обеденному столу и садился посередине такового. <...> Государь за столом ничего не пил и только к концу обеда отливал себе в особую походную серебряную чарку один-два глотка, какого-то особого хереса или портвейна из единственной бутылки, стоявшей на столе вблизи его прибора»^[2817].

Вл. И. Гурко подтверждал: «Гнусная, кем-то пущенная клевета, что Николай II имел пристрастие к вину и чуть ли не страдал алкоголизмом – абсолютная ложь»^[2818].

Государь не любил азартные игры, редко играл в карты и никогда не присутствовал на бегах и скачках.

Д. В. Философов писал: «Николай II – образцовый отец и муж. За ним не числится ни пороков, ни страстей, ни увлечений. Он живёт относительно скромно. Его обращение просто и приветливо. Его улыбка обаятельна. Его добрый и искренний взгляд хорошо известен. Его большие, ясные, подернутые грустью глаза придают его лицу благородство»^[2819].

Единственной вредной привычкой Николая II было курение. Курил Государь много, преимущественно папиросы, набитые первоклассным турецким (египетским) табаком. В

списке Императорских поставщиков с 1895 г. значились подданные турецкого султана, специализировавшиеся именно на поставках табака для русского Царя^[2820]. Когда Османская империя вступила в войну с Россией в 1914 г., Государь шутил: *«Я очень рад, что новый запас табака был мне привезен в Крым от султана незадолго до начала войны, и, таким образом, я оказался в этом отношении в довольно благоприятных условиях»*^[2821].

Следует сказать, что заядлыми курильщиками были дед и отец Государя. Иногда любили выкурить сигарету мать и даже супруга. Однако следует сказать, что отношение к курению в XIX – нач. XX в. было совсем не таким, как сейчас. На табак смотрели скорее как на пищевую добавку, не очень, может быть, полезную, но и не опасно вредную. Святитель Феофан Затворник считал, что *«курение, это не грех, это греховное пристрастие»*^[2822]. Достаточно сказать, что долгие годы курил Святитель Николай Японский^[2823], любил иногда выкурить сигарету Праведный Иоанн Кронштадтский, хотя всегда считал курение грехом и боролся с ним^[2824], по прежней армейской привычке курил трубку священномученик митрополит Серафим (Чичагов). Курили многие священники того времени. Так что курение, конечно порицаемое, всё же не являлось в общественном сознании тем абсолютным злом, каким оно сделалось сегодня. Да и культура курения была иной. Курили, как правило, после обеда, одну две сигареты или папиросы, за разговором или кофе. На

улице, в движении курили редко, это считалось дурным тоном. Кроме того, считалось, что табак лечит боль в зубах, улучшает мозговые процессы, успокаивает нервы.

Другим пристрастием Николая II была охота, которая была определённым спортом того времени и вовсе не означала жестокости к животным. Цари строго следили о недопустимости охоты в брачный период как животных, так и птиц, не убивали самку с детёнышами. Животных никогда не «прикармливали» для облегчения их убийства, как это делалось в советские времена^[2825]. При Императорах Александре III и Николае II охота в основном проходила в Беловеже и в окрестностях Петергофа. Вместе с Государем в охоте принимало участие большое число приглашённых. Так, в августе 1905 г. Государь записал в своём дневнике: «8 августа началась охота. Участвовали: д. Владимир, д. Алексей, Николаша и Петя»^[2826]. Речь идёт о великих князьях, у которых в свою очередь были сопровождающие лица свиты и т. д. Приглашение на Высочайшую охоту считалось знаком великой милости и расположения монарха. Охота продолжалась несколько дней, после чего составлялся отчёт о результатах охоты, а в конце каждого года составлялось красочно оформленное общее число убитой дичи. Причём речь шла о зверях, убитых не только Государем, но всеми участниками охоты. Что же касается личного участия Государя в охоте, то выводы об этом мы можем сделать из дневниковых записей Императора Николая II. Так, в дневниках за 1907 г. мы читаем:

«30 октября. Вторник. В 8 часов отправился по железной дороге в Петергоф на охоту. <...> Всего убито: 557. Мною: 37. 1 тетерев, куропаток 16, сова, козёл, 3 русака, 15 белок»^[2827]. «24 октября. Всего убито: 225, мною: 20. Тетеревов – 8, зайцев – 12»^[2828]. «19 октября, пятница. Убито: 214. Мною: 11. Фазанов – 3, зайцев – 8». «25 сентября. Охота вышла удачная. Всего убито 32. Тетерева 23, семь зайцев и 2 глухаря. Мною – 5 тетеревов»^[2829]. «3 сентября. Всего убито 5 рябчиков, тетерев и 4 зайца. Я не стрелял».

Кстати, если сравнить эти охотничьи трофеи Николая II с показателями его отца Александра III, то мы увидим, что они вполне сопоставимы. Например, в памятной книжке Александра III на 1884 г. читаем: «Сентябрь 7. Пятница. Скерневицы-Любохна. В 10 часов отправились всей компанией в Любохну на охоту. Прибыли в дом лесничего, где будем жить, в 12 сели завтракать. Потом поехали на охоту на кабанов. Убили 13 штук и 1 козла. Сентябрь 9. Воскресенье. Любохна. Все эти дни выезжали в 8 ч. утра на охоту и возвращались в 7 ч. вечера домой. Погода стояла чудная, жаркая и только 2 раза был дождь, и то к вечеру и ночью... Убили за все эти дни: оленей – 10, кабанов – 31, диких коз – 10, самок ланей – 2, лисиц – 1, зайцев – 1»^[2830]. Из памятной книжки Александра III за 1888 г.: «Сентябрь 6–9. Спала. В эти дни с 8 ч. утра и до 7 вечера были на охотах... Погода стоит чудная. Днем жарко, а ночи очень свежие и по утрам даже заморозки. Убито за все эти дни: оленей – 27, коз – 60,

кабанов – 53, лисиц – 14, зайцев – 74, 1 тетерев, 1 рябчик, 1 сова, 2 куницы»^[2831].

Естественно, что охотничьи трофеи Государя были всегда гораздо скромнее, чем общие. Поэтому утверждения некоторых недобросовестных авторов о «бойнях», которые якобы устраивал на охоте Николай II, являются неправдой или сознательным преувеличением. Эти недобросовестные авторы берут годовые результаты всей Императорской охоты и приписывают их одному Государю. Один из излюбленных приёмов авторов о «садистской жестокости» Николая II-охотника заключается в том, что они помещают фотографию Государя возле убитых оленей или зубров и утверждают, что это результат охоты именно Царя, умалчивая, что на самом деле это общий результат охоты. Между тем правила Императорской охоты были выработаны при Александре III и в своих главных принципах не менялись. Эти принципы становятся понятны из воспоминаний о царской охоте в Беловеже Гродненского начальника почт и телеграфов Н. К. Полевого: *«Зубров убивали редко; условлено было щадить их. Многочисленнее всего были козы, олени и особенно кабаны. Олени красные были очень крупны, с ветвистыми рогами. Всю эту дичь красиво раскладывали у крыльца дворца; на каждом животном была привязана записка, кто убил его»*^[2832].

Таким образом, зубров и оленей убивал не один Государь, а все участники. Таким же вздором являются утверждения о якобы тысячах убитых Николаем II кошках. Во-

обще в дневниковых записях Государя посвящённых охоте, кошка в качестве трофея встречается крайне редко. За весь 1905 г. об убитой кошке говорится один раз: «*Гулял с Дмитрием в последний раз, убил кошку*»^[2833]. Все остальные тысячи кошек, приводимые в годовых отчётах, были убиты ведомством Императорской охоты, но никак не Императором. А это ведомство чётко руководствовалось «Правилами об охоте» Российской Империи, принятыми 3 февраля 1892 г. Статья 19 этих Правил указывала: «*Истреблять хищных зверей и птиц, птенцов их и гнезда, а также убивать на полях и в лесах бродячих кошек и собак дозволяется в течение всего года, всякими способами, кроме отравы. Начальникам губерний и областей предоставляется дозволять употребление отравы для истребления хищных зверей в виде общей меры или выдавать на то разрешения отдельным лицам и обществам охотников*»^[2834]. То есть речь шла об отстреле тех диких и бродячих животных, которые были опасны для человека (угроза бешенства и т. д.). Императорская охота занималась отстрелом этих бродячих животных в пределах императорских угодий.

Но кроме этого слово «кошка» вовсе не всегда обозначало домашнюю кошку, которой просто неоткуда было взяться, да ещё в таком количестве в лесу. Ведь Государь охотился в лесах Беловежской Пуши и Петергофа. В лесу Царь мог встретить только дикую хищную кошку или лесную дикую европейскую кошку. Кстати, в «Правилах об охоте» среди

хищных животных, подлежащих уничтожению, упоминается «дикая кошка»^[2835].

Если все охотничьи личные трофеи Государя за год собрать воедино, то получится весьма скромная среднестатистическая цифра, которая ничуть не превышала годовые успехи германского императора, итальянского короля или американского президента. Например, наследник австро-венгерского престола эрцгерцог Франц Фердинанд за свою жизнь убил на охоте 274 тыс. 889 птиц и животных, английский король Эдуард VII ежегодно убивал около 7 тыс. фазанов в окрестностях своего поместья в Сандрингеме, британский вице-король Индии Джордж Фредерик 1-й маркиз Рипон за свою охотничью карьеру добыл 556 тыс. 813 голов дичи^[2836]. Президент США Теодор Рузвельт не ограничивался охотой у себя на родине на зубров, оленей и антилоп, а ездил в Африку охотиться на львов и слонов. В конце XIX в. в Англии и США для охоты на уток использовались такие варварские орудия, как «дакган» («уточницы»), которые представляли собой ружья огромного калибра (50 мм). Они были столь длинными и тяжёлыми, что их приходилось укладывать в несколько рядов и закреплять на носу лодки, образуя некое подобие артиллерийской батареи. Лодка подплывала с заряженными ружьями к стае уток. Идеальным вариантом было попадание в снимающуюся стаю (иногда для этого намеренно пугали уток). Конечно, больше одного выстрела сделать не удавалось, но большой угол разлета дробы

и ее плотность позволяли «положить» за раз до 50 уток^[2837].

Император Николай II был прекрасным наездником. Вот как описывал Цесаревича генерал Н. А. Обручев: *«Государь был прекрасным наездником; Его посадка на лошади отличалась необыкновенным кавалерийским изяществом. Вид Царственного всадника, слитого воедино с лошадыю, являл образ совершенной красоты»*^[2838]. Личная царская конюшня всегда состояла из самых породистых и выносливых животных. Вот их перечень на 1915 г.: *«Верховые лошади под седло: 1. Сильва, кобыла серая, 15 л., Арбер – мерин, серый, 15 лет; Эклерер, мерин, рыжий, 12 лет; Гардемарин, мерин, рыжий, 10 лет. Новые лошади: 1. Ласка, кобыла гнедая, 7 лет; Рита, кобыла вороная, 6 лет; Гамлет, мерин рыжий, 6 лет. Под казачье седло: 1. Принц, мерин, вороной, 10 лет; Калмык, мерин, 7 лет»*^[2839].

Император Николай II с юности сохранил любовь к театру. В 1896 г. он писал *«Милая Мама! Извини, пожалуйста, за наше дерзкое бегство в театр. Но в ½ восьмого дают Ревизора. Сандро и Сергей очень звали туда. Я два раза старался попасть в него, но ни разу не удавалось»*^[2840]. В другой записке: *«Милая Мама, мне очень хочется поехать сегодня в балет Чайковского “Лебединое озеро”, поэтому извини нас, если не придем к Тебе к обеду. Не думаешь ли Ты тоже поехать в театр?»*^[2841]

Из иностранных композиторов Николай II очень любил Рихарда Вагнера, который не пользовался популярностью у

русских театральных постановщиков, да и у высшего света. Только благодаря Государю в России на Императорской сцене были возобновлены постановки *«Лоэнгрина»*⁴³ (1902 г.) и *«Кольца Нибелунгов»* (полностью 1907 г.)^[2842]. Любимой вагнеровской оперой Николая II была *«Гибель богов»*^[2843]. Оценивая оперу Вагнера *«Тангейзер»*, её он слушал в первый раз, Император записал только одно слово: *«Прелестно!»*^[2844] 5 апреля 1899 г. в Мариинском театре состоялась премьера первой русской постановки *«Тристана и Изольды»*. Немаловажную роль в успехе этого вагнеровского творения на петербургской сцене, несомненно, сыграло то обстоятельство, что оно имело высокого покровителя в лице Николая II^[2845]. Однако с началом Великого Поста Государь переставал посещать любые театральные представления.

Кинематограф, в отличие от театра, Государь не любил, не признавал за искусство и считал общественно-опасным явлением. Когда 3 мая 1908 г. ему доложили, что в кинотеатрах Киева было найдено множество революционных воззваний, Николай II оставил на докладе следующую резолюцию: *«Факт печальный. Я неоднократно указывал, что кинематографические балаганы – опасные заведения. Там негодяи могут черт знает что натворить, благо народ, говорят, толпами валит туда, чтобы смотреть всякую ерунду. Не знаю, что бы придумать против таких балаганов»*^[2846].

Летом 1913 г. при перлюстрации цензурой письма из Нью-

⁴³ Не ставился на русской сцене после единственной постановки 1889 г.

Йорка в Петербург на имя члена Государственной думы Ф. А. Родичева от некоего А. В. Ольшера обратила на себя внимание приложенная к письму вырезка статьи из какой-то американской газеты, посвященной судьбам кинопромышленности в России. Автор статьи скептически относится к ней, подчеркивая, что препятствует этому целый ряд политических и цензурных причин. С письма и приложенной к нему статьи были сняты копии, которые цензоры переслали в особый отдел Департамента полиции. Оттуда статью и письмо Ольшера представили Государю для осведомления. Император Николай II оставил на полях следующую помету: *«Я считаю, что кинематография пустое, никому ненужное и даже вредное развлечение. Только ненормальный человек может ставить этот балаганный промысел в уровень с искусством. Все это вздор и придавать значения таким пустякам не следует»*^[2847].

Протопресвитеру Георгию Шавельскому Государь говорил: *«Кинематограф, показывая по большей части сцены грабежа, воровства, убийств и разврата, особенно вредное влияние оказывает на нашу молодежь»*^[2848]. Но опять-таки это мнение Николая II о кинематографе относилось исключительно к его социально-культурной стороне и ни в коей мере не означало пренебрежение им. Царская Семья часто снималась в кинохронике, как официальной, так и домашней.

Глава 2. Император Николай II как семьянин

Биографы Императора Николая II порой диаметрально расходятся в оценке его как государственного деятеля, но практически все единодушны в том, что он был хороший семьянин. Часто это утверждение звучит как снисходительная похвала, словно речь идёт о какой-то пустячной и лёгкой вещи. При этом забывается, что благочестивая семейная жизнь является одной из главных христианских добродетелей, которая даётся далеко не каждому. Нельзя не согласиться с писательницей М. В. Кравцовой, которая справедливо пишет: *«Когда люди говорят про святого Царя Николая, что он якобы не был хорошим правителем, будучи лишь семьянином, им почему-то не приходит в голову, что настоящий христианин, будучи замечательным семьянином, не может, если он на то поставлен, быть плохим правителем. Если человек не может навести порядок в семье, как наведет он порядок в государстве? Если же он глава семьи в христианском понимании этого слова, то множеством детей – своих подданных он будет управлять разумно»*^[2849].

Очень малый круг лиц мог непосредственно общаться с Государем в неофициальной обстановке. Все знавшие его отмечали удивительную простоту, взаимную любовь и согласие, царившие в Царской Семье. Генерал-лейтенант

М. К. Дитерихс, глубоко изучивший её жизнь и уклад в ходе расследования Екатеринбургского злодеяния, писал: «*Весь внешний и духовный уклад домашней жизни Царской Семьи представлял собой типичный образец чистой, патриархальной жизни простой русской религиозной семьи. Вставая утром от сна или ложась вечером, каждый из членов семьи совершал свою молитву, после чего утром, собравшись по возможности вместе, мать или отец громко прочитывали прочим членам положенные на данный день Евангелие и Послания. Равным образом, садясь за стол или вставая из-за стола после еды, каждый совершал положенную молитву и только тогда принимался за пищу или шел к себе. Никогда не садились за стол, если отец чем-нибудь задерживался: ждали его. Когда кто-нибудь из Детей обращался к Матери, по вопросам касающихся воспитания, образования или отношений внешнего свойства, Мать всегда отвечала: “Я поговорю с Отцом”. Когда к Отцу обращались с вопросом того или другого внутреннего или хозяйственного распорядка, или с вопросом касающимся всей Семьи, Он неизменно отвечал: “как Жена, Я поговорю с Нею”. Оба поддерживали авторитет друг друга и оба по вере сознательно проводили идею: “единой плоти и единого духа”»^[2850].*

Камердинер А. А. Волков, чудом избежавший смерти от рук большевиков, свидетельствовал: «*Я не умею рассказывать про характеры Царской Семьи, потому что я человек не ученый, но я скажу, как могу. Я скажу про них: это была*

самая святая, чистая Семья»^[2851].

Особую, ничем не заменимую роль в жизни Государя играла его жена – Императрица Александра Феодоровна. Человек исключительного ума и благородства, Государыня в жизни воплотила христианское учение о женщине – супруги и матери. Государь всегда ощущал, что она является его самым первым и главным Другом. Перед ней Государь мог раскрыть свою душу, делиться своими переживаниями, снимать ту нечеловеческую усталость, которая тяжким грузом ложилась на его плечи. После тяжёлых событий 1905 г. Николай II признался, имея в виду Императрицу: *«Если бы не она, я бы ничего не вынес»*^[2852]. 31 декабря 1915 г. Император Николай II писал Александре Феодоровне: *«Спасибо за всю Твою любовь. Право, не знаю, как бы я выдержал всё это, если Богу не было бы угодно дать мне в жёны и друзья Тебя»*^[2853]. Те же чувства в письме Государыни: *«Мой любимый, трудно быть более счастливыми, чем мы были, это и дало нам силу перенести много горестей!»*^[2854]

Великая Княгиня Ольга Александровна вспоминала, что Императрица Александра Феодоровна *«была удивительно заботлива по отношению к Ники. <...> Не удивительно, что Ники всегда называл жену “Солнышко” – её детским именем. Безо всякого сомнения, Алики оставалась единственным солнечным лучом во все сгущавшемся мраке его жизни. Я довольно часто приходила к ним пить чай. Помню, как появлялся Ники – усталый, иногда раздраженный – после бес-*

численных приёмов и аудиенций. Алики никогда не произносила ни одного лишнего слова и никогда не допускала ни одной оплошности. Мне нравилось наблюдать за ее спокойными движениями»^[2855]. С. К. Буксгевден свидетельствовала, что у Императрицы Александры Феодоровны для Государя «*всегда была готова приветливая улыбка, когда бы он ни входил в комнату. Она любила его страстно, даже фанатично и безгранично восхищалась его чудесной добротой, самоотречением, терпением и чувством долга*»^[2856]. Подруга Государыни Юлия Ден констатировала: «*Как супруги они составляли одно целое*»^[2857]. Анна Вырубова: «*Никогда, за все двенадцать лет моего общения с ними, между Императором и Императрицей не приходилось мне слышать ни одного сказанного с раздражением слова, видеть ни одного сердитого взгляда. Для него она всегда была “Солнышко” или “Родная”, и он входил в ее комнату, задрапированную розовато-лиловым, как входят в обитель отдыха и покоя. Все заботы и политические дела оставались за порогом, и нам никогда не разрешалось говорить на эти темы*»^[2858]. Об этом же у Софьи Буксгевден: «*Император Николай II и Императрица Александра Феодоровна были друг для друга всем и оставались преданы друг другу всю жизнь*»^[2859].

Царь и Царица скучали друга без друга даже в течение дня. 10/22 июля 1899 г. Государь, уезжая в Москву на похороны своего брата Великого Князя Георгия Александровича, писал: «*Моя милая, родная Женишка, кажется странным*

писать Тебе, когда я сижу внизу в своей комнате, а Ты, я знаю, на балконе. Но завтра я буду далеко и не хочу, чтобы даже один день прошел у Тебя без весточки от Твоего супруга, без слов – сказанных или написанных – о том, как он Тебя любит, Тебя и троих малышей! Моя дорогая, на этот раз мы разлучаемся ненадолго, так что не унывай, спокойно занимайся детишками. <...> Я обладаю таким сокровищем, как Ты, моя любимая Аликс, и у меня уже трое маленьких херувимов. От всего своего сердца благодарю Бога за то, что по милости своей Он дал мне всё это и сделал мою жизнь лёгкой и счастливой. Труд и приходящие печали для меня ничто, раз Ты со мною рядом. Может быть, не могу выразить, но я глубоко это чувствую»^[2860].

Поразительно, но именно чистота их чувств вызывала неприятие у многих представителей российского общества начала XX в., которые не брезговали пускать в ход откровенную ложь. «Великосветская чернь, – свидетельствовала Юлия Ден, – никогда не пыталась понять подлинную натуру Её Величества. Ослеплённые гордыней, аристократы ополчались на неё, не зная никакого снисхождения»^[2861]. Царская Чета выделялась на фоне большей части тогдашней аристократии своей глубокой религиозностью. Все члены Семьи жили в соответствии с традициями православного благочестия. Обязательные посещения богослужений в воскресные и праздничные дни, говенье во время постов были неотъемлемой частью их быта. Личная религиозность Цар-

ской Четы была не простым следованием традициям. Она посещала храмы и монастыри во время своих многочисленных поездок, поклонялась чудотворным иконам и святым мощам, совершала паломничества по святым местам. Краткие богослужения в придворных храмах не удовлетворяли Императора и Императрицу. Специально для них совершались богослужения в Царскосельском Феодоровском соборе, построенном в древнерусском стиле. Императрица Александра Феодоровна молилась здесь перед аналоем с раскрытыми богослужебными книгами. Утешение и крепость в перенесении скорбей Царской Чете давало духовное чтение, молитва, богослужение, причащение Святых Христовых Тайн. *«Они оба, – вспоминал флигель-адъютант Николая II А. А. Мордвинов, – и Государь, и Императрица, носили в своей душе это стремление к Богу, и вся их внутренняя интимная жизнь была полна религиозным содержанием. Как истинные носители религиозного света, они были носителями не показными, а тихими, скромными, почти незаметными для большинства»*^[2862].

Лейб-медик Царской Семьи Е. С. Боткин писал своей дочери в 1914 г.: *«В четверг мы все приобщались, и я не мог удержать слёз умиления, когда Царь и Царица клали земные поклоны, кланялись нам многогрешным, и вся Царская Семья приобщалась»*^[2863]. Принятие Святых Христовых Тайн Царская Семья совершала часто, особенно на фоне современного им общества, когда считалось достаточным прича-

щаться один раз в год. *«Как важно иметь возможность причаститься, – писала Императрица Александра Феодоровна Супругу в 1914 г., – и как хотелось бы помочь другим вспомнить о том, что Бог даровал это благо всем – не только как нечто обязательное раз в году во время поста, но и для тех случаев, когда душа жаждет этого и нуждается в подкреплении!»*^[2864]

Множество раз в письмах Государыни говорится о духовной жизни ее и других членов Семьи: *«В молитве утешение: жалею я тех, которые находят не модным, не нужным молиться...»*^[2865] В другом письме она пишет: *«Господи, помоги тем, кто не вмещает любви Божией в ожесточенных сердцах, которые видят только все плохое и не стараются понять, что пройдет все это; не может быть иначе, Спаситель пришел, показал нам пример. Кто по Его пути следом любви и страдания идет, понимает все величие Царства Небесного»*^[2866].

Но придворная среда считала религиозность и благотворительность Императрицы по меньшей мере странностью, а то и просто ханжеством.

Император Николай II, от природы замкнутый, чувствовал себя хорошо и свободно прежде всего в узком семейном кругу. Императрица не любила светского общения, балов. Великая Княгиня Ольга Александровна вспоминала, что, несмотря на то, что Государь *«любил танцевать и был превосходным танцором, Алики терпеть не могла такого*

рода увеселений»^[2867]. Её строгому воспитанию была чужда моральная распущенность, царившая в придворной среде. Императрица Александра Федоровна искреннее желала быть полезной России и русскому народу. А. А. Вырубова писала: *«Воспитанной в Англии и Германии, Императрице не нравилась пустая атмосфера петербургского света, и она все надеялась привить вкус к труду. С этой целью она основала “Общество рукоделия”, члены которого, дамы и барышни, обязаны были сработать не менее трех вещей в год для бедных. Сначала все принялись работать, но вскоре, как и ко всему, наши дамы охладели, и никто не мог сработать даже трех вещей в год. Не взирая на это, Государыня продолжала открывать по всей России дома трудолюбия для безработных, учредила дома призрения для падших девушек, страстно принимая к сердцу все это дело»*^[2868].

В Царском Селе Государыня основала «Школу нянь», в которой молодые девушки и матери обучались уходу за детьми. Государыня была также старшей покровительницей национальных школ, находящихся в Петербурге. 13 ноября 1911 г. Императрица Александра Федоровна открыла организованную ею «Школу народного искусства» для обучения кустарному делу крестьянских девушек^[2869]. К 1909 г. под патронажем Государыни находились 33 благотворительных общества: Дом призрения для увечных воинов, Императорское женское патриотическое общество, Попечительство о трудовой помощи, Петергофское общество вспоможения

бедным, Братство во имя Императрицы Небесной для призрения эпилептиков и другие^[2870].

В письмах Государыни Александры Феодоровны раскрывается вся глубина ее религиозных чувств. Кому бы она ни писала, она находила слова поддержки и утешения. Эти письма – настоящие свидетельства христианской веры. Как отмечал князь Н. Д. Жевахов: *«Войдя в лоно Православия, Императрица прониклась не только буквой, но и духом его, и, будучи, верующей протестанткой, привыкшей относиться к религии с уважением, выполняла её требования не так, как окружавшие её люди, любившие только “поговорить о Боге”, но не признававшие за собою никаких обязательств, налагаемых религией»*^[2871]. В связи с этим примечательны слова доктора ист. наук А. Н. Боханова: *«Императрица Александра Феодоровна явила пример русскости, не имея ни капли русской крови. И она стала русской полностью и окончательно. Что такое русскость? Русскость – это явление духовности. В русский Дом можно было попасть и поступать, проникнуть различными путями, но самый верный путь и навсегда – это через Храм, через Православие. Государыня была больше предана ценностям Православия, а значит, ценностям исконным историческим России, больше, чем коренные русаки, которые вели род от Рюрика»*^[2872].

Пресловутое влияние Императрицы Александры Феодоровны на Императора Николая II является очередным лжи-

вым мифом, которые окружают последнюю Царскую Чету. Опровержением его может служить хотя бы письмо графа В. Б. Фредерикса своему зятю Дворцовому коменданту генералу В. Н. Воейкову от 29 ноября 1914 г., в котором граф сообщал: *«Государь Император разрешил военному министру устроить платный вход для осмотра трофеев в Михайловском манеже. Государыня Императрица по этому поводу высказала мнение, что признаёт платный вход для обозрения трофеев, взятых ценой крови нашей доблестной армии – нежелательным. И желала бы, чтобы Его Величество изменил своё первоначальное решение в том смысле, чтобы разрешить только поставить в манеже кружки для сбора добровольных пожертвований для раненых под покровительством Их Величеств Государынь Императриц, что и сказал бы военному министру. Вполне разделяя мнение Её Величества, считаю своим долгом довести об этом до сведения Его Величества, несмотря на то, что Государыня Императрица изволила высказать желание остаться совсем в стороне в этом деле. По докладу содержания этой телеграммы сообщу мне взгляд Его Величества; обращаю твоё внимание на то, что Государыне Императрице угодно, чтобы решительно никто об этом не знал»*^[2873]. Если уж Императрица не решалась навязывать Императору своё мнение даже в таком третьестепенном вопросе, то что же говорить о вопросах большой политики! Государыня была совершенно чужда вмешательству в них. А. А. Вырубова вспоминала,

что Государыня не решалась беспокоить своего Августейшего Супруга не только по политическим, но даже по житейским вопросам: *«Императрица держала свои тревоги при себе. Она никогда не поддавалась искушению поделиться с ним своими тревожениями, рассказать о глупых интригах ее фрейлин или даже о более мелких заботах, касающихся образования и воспитания детей. “Ему надо думать обо всем народе”, – часто говорила она»*^[2874].

В личном плане взгляды на жизнь, вкусы и интересы Императора и Императрицы в главном всегда совпадали. С. К. Буксгевден полагает, что изначально *«их характеры были совершенно разные, но они возрастали в гармонии друг с другом, пока не достигли того совершенства во взаимопонимании, при котором вкусы и привычки одного переходили и продолжались в другом»*^[2875]. Как и Государь, Александра Феодоровна не любила роскоши, была равнодушна к драгоценностям, надевая их прежде всего по обязанности своего положения Императрицы Всероссийской. Государыня никогда не делала маникюра, носила платья простого покроя. Её никак нельзя было отнести к числу модниц. Подруга Государыни Юлия Ден вспоминала: *«Причёсывалась и одевалась Её Величество чрезвычайно скромно, в чём снова проявлялось влияние Викторианской эпохи. <...> Ей претило всё броское, театральное как при выборе белья, так и убранстве спальни. <...> Её рыжевато-золотистых волос никогда не касались щипцы для завивки, причёску она предпочита-*

ла самую простую и лишь для праздников и важных приёмов изменяла своей привычке и позволяла себе более замысловатую»^[2876]. Государыня очень много читала, главным образом серьёзную литературу и Библию «знала от корки до корки»^[2877].

Семья была главной заботой Государыни. Муж целиком доверял ей все семейные дела. В детской Императрица чувствовала себя надёжно, уверенно, спокойно. Здесь она полностью раскрывалась, здесь всё ей было интересным. В своём дневнике Государыня писала: «Важный труд, который человек может делать для Христа – это то, что он может и должен делать в своём доме. У мужчин своя доля, она важна и серьёзна, но истинным творцом дома является мать. То, как она живёт, придаёт дому особую атмосферу. Бог впервые приходит к детям через её любовь»^[2878].

Вот что писала Императрица Александра Федоровна своей старшей дочери Ольге на Новый, 1909 г.: «Старайся быть примером того, какой должна быть хорошая, маленькая, послушная девочка. Ты у нас старшая и должна показывать другим как себя вести. Учись делать других счастливыми, думай о себе в последнюю очередь. Будь мягкой и доброй, никогда не веди себя грубо и резко. В манерах и речи будь настоящей леди. Будь терпелива и вежлива, всячески помогай сёстрам. Когда видишь кого-нибудь в печали, старайся подарить солнечной улыбкой. Ты бываешь такой милой и вежливой со мной, будь такой же и с сёстрами. По-

кажи своё любящее сердце. Прежде всего, научись любить Бога всеми силами души, и Он всегда будет с тобой. Молись Ему от всего сердца. Помни, что Он всё видит. Молись Ему от всего сердца. Помни, что Он всё видит и всё слышит. Он нежно любит Своих детей, но они должны научиться исполнять Его волю. Пусть Бог пребудет с тобой и хранит тебя Пресвятая Богородица»^[2879].

Родители всегда отвечали на письма своих детей, даже находясь в отъезде: «Папа́ и Мама́ очень-очень нежно целуют своих милых маленьких девочек и очень грустят, что они должны их оставить. Старайтесь быть золотыми, а Ольга обязательно телеграфируй каждый день, как вы там все поживаете. До свидания и благословит вас Бог».

В другом письме Ольге Николаевне Императрица внушала: «Из всех сил старайся быть как можно лучше, терпеливее и любезнее во время святого Поста – серьёзно вслушайся в прекрасные молитвы в церкви». Когда весной 1917 г., накануне Пасхи, Царские Дети исповедовались у священника Афанасия Беляева, раньше их близко не знавшего, то батюшка был потрясён их нравственной чистотой: «Дай Бог, – писал он в своём дневнике, – чтобы все дети были нравственно так высоки, как Дети бывшего Царя. Такое незлобие, смирение, покорность родительской воле, преданность безусловная воле Божией, чистота в помышлениях и полное незнание земной грязи, страстной и греховной, меня привело в изумление».

С. Я. Офросимова вспоминала: «Жизнь Княжон не была ни веселой, ни разнообразной. Воспитывались они в строгом патриархальном духе, в глубокой религиозности. Это и воспитало в них ту веру, ту силу духа и смирения, которые помогли им безропотно и светло вынести тяжёлые дни заточения и принять мученическую смерть. Государыня не позволяла княжнам ни одной секунды сидеть без дела. Они должны были быть всегда занятыми, всегда находиться в действии. Чудные работы и вышивки выходили из-под их изящных, быстрых ручек. Внешне однообразную свою жизнь Княжны наполняли весельем своих жизнерадостных и живых характеров. Они умели находить счастье и радость в малом. Они были юны не только своими годами, но были юны в самом глубоком смысле этого слова – их радовало все: солнце, цветы, каждая минута, проведенная с отцом, каждая короткая прогулка, во время которой они могли посмотреть на толпу; они радовались каждой улыбке незнакомых или прохожих; они сияли всем лаской и яркими красками цветущих русских лиц. Везде, где они появлялись, звучал их веселый звонкий смех. Никто и никогда не чувствовал себя с ними стесненно, их простота делала всех такими же простыми и непринужденными, какими они были сами»^[2880].

Император Николай II и Императрица Александра Фёдоровна всегда прививали своим детям простоту, аккуратность и обязательность во всём. Они должны были всегда ясно понимать, что такое «хорошо» и что такое «плохо». Они

ни на минуту не должны были забывать о своём царскородном происхождении, но именно это происхождение обязывало царских детей быть великодушными, внимательными и сердечными. А. А. Вырубова вспоминала, как во время ее пребывания в Гамбурге, где она ухаживала за проходившим там лечение больным отцом, туда приехал с частным визитом Император с двумя Дочерьми: *«Дали знать, чтобы я их встретила. Мы более часу гуляли по городу. <...> Идя перулком по направлению к парку, мы столкнулись с почтовым экипажем, с которого неожиданно свалился на мостовую ящик. Государь сейчас же сошел с панели, поднял с дороги тяжёлый ящик и подал почтовому служащему; тот его едва поблагодарил. На мое замечание, зачем он беспокоится, Государь ответил: “Чем выше человек, тем скорее он должен помогать всем и никогда в обращении не напоминать своего положения; такими должны быть и мои дети!”»*^[2881] Они выросли удивительно деликатными, добросердечными, лишёнными малейших признаков чванства, которое так было распространено в высшем свете. Как писал в своих мемуарах Дворцовый комендант В. Н. Воейков, *«если кто-нибудь встретил Великих Княжон, не зная кто они такие, то судя по их скромности и приветливости, никто никогда бы не поверил, что это дочери – Царя»*^[2882]. Воспитательница Царских детей фрейлина Императрицы Александры Феодоровны С. И. Тютчева описывает случай, хорошо рисующий нравственный облик Великой Княжны Ольги Николаевны:

«В торжественные дни обедню служили в церкви Большого Екатерининского дворца в Царском Селе. Дети стояли со мной на хорах. В день рождения государя, 6 мая, я приехала с девочками во дворец. Государя ещё не было, и до его прихода служба не начиналась. Внизу, в церкви, собрались высокопоставленные лица, генералитет и придворные. Посмотрев на Ольгу Николаевну, я заметила, что она хмурится и выражает признаки неудовольствия. “Что с вами, Ольга?” – спросила я. “Я возмущаюсь, что все эти господа громко разговаривают в церкви, один только Пётр Аркадьевич Столыпин да вот этот батюшка стоят как должно”, – ответила она. Я взглянула вниз. “Этот батюшка епископ Арсений Новгородский”, – сказала я. “Так отчего же он их не остановит?” – “Он не считает себя хозяином этой церкви, это дело настоятеля, протопресвитера Благовещенского”, – пояснила я. Ольгу Николаевну это не удовлетворило: “Батюшка Благовещенский сейчас в алтаре совершает проскомидию, к тому же он старенький и глухой. Это не потому, Саванна, он просто боится. А когда придет Папа, все сразу замолчат. А кто выше? Бог или Папа? Ведь митрополит Филипп не боялся говорить правду самому Иоанну Грозному!”»^[2883]

Императрица всецело занималась вопросом образования детей. Пьер Жильяр, вспоминая первые свои уроки с Великими Княжнами Ольгой и Татьяной, которым было тогда соответственно десять и восемь лет, так описывал отношение Государыни к учебным занятиям дочерей: «Импе-

ратрица не упускает ни одного моего слова; у меня совершенно ясное чувство, что это не урок, который я даю, а экзамен, которому я подвергаюсь. <...> В течение следующих недель Императрица регулярно присутствовала на уроках детей... Ей часто приходилось, когда ее дочери оставляли нас, обсуждать со мной приемы и методы преподавания живых языков, и я всегда поражался здравым смыслом и проницательностью ее суждений»^[2884]. Жильяр «сохранил совершенно отчетливое воспоминание о крайнем интересе, с каким Императрица относилась к воспитанию и обучению своих детей, как мать, всецело преданная своему долгу. Вместо высокомерной, холодной Царицы, о которой мне столько говорили, я к величайшему удивлению, нашёл женщину, просто преданную своим материнским обязанностям»^[2885]. Императрица Александра Феодоровна внушала дочерям внимательность к наставникам, «требуя от них порядка, который составляет первое условие вежливости... Пока она присутствовала на моих уроках, я всегда при входе находил книги и тетради старательно расположенными на столе перед местом каждой из моих учениц. Меня никогда не заставляли ждать ни одной минуты»^[2886]. С. К. Буксгевден свидетельствовала, что Императрице «нравилось присутствовать на уроках, обсуждать с учителями направление и содержание занятий».

Императрица Александра Феодоровна приучила своих дочерей вести дневник и писать письма, лишь только они

начинали постигать азы грамоты. Так, юные Великие Княжны учились связанно излагать мысли и впечатления, овладеть эпистолярным жанром. Когда девочки подросли, то в своих письмах отцу и матери они стали излагать свои самые сокровенные мысли, которые не решались высказать вслух. Типичный образец таких писем записка Великой Княжны Анастасии Николаевны своей матери от 7 мая 1915 г.: *«Моя дорогая милая Мама! Надеюсь, что Ты не слишком устала, Мы стараемся не ссориться, не спорить и не драться, так что Ты спи спокойной. Да хранить тебя Бог! Твоя любящая дочь Настенька»*^[2887].

Государь также очень любил проводить время с детьми, играя и развлекаясь с ними. Пьер Жильяр писал, что отношения Государя с детьми *«были прелестны. Он был для них одновременно Царём, отцом и товарищем. Чувства, испытываемые ими к нему, видоизменялись в зависимости от обстоятельств. Они никогда не ошибались, как в каждом отдельном случае относиться к отцу и какое выражение данному случаю подобает. Их чувство переходило от религиозного поклонения до полной доверчивости и самой сердечной дружбы. Он ведь был для них то тем, перед которым почти-тельно преклонялись министры, высшие церковные иерархи, великие князья и сама их мать, то отцом, сердце которого с такой добротой раскрывалось навстречу их заботам или огорчениям, то, наконец, тем, кто вдали от нескромных глаз умел при случае так весело присоединиться к их моло-*

дым забавам»^[2888].

Однако «Государю было нелегко справиться с живыми Князьями и с шалуном Цесаревичем, нелегко было сдерживать проявления их живости. Что-то особенно трогательное было в его озабоченном виде, когда он находился в кругу своих детей и когда не знал, на кого из них построже посмотреть, за кем следить, чувствуя, что все они готовы на самые отчаянные шалости»^[2889].

П. Жильяр пишет: «Во время дневных прогулок Государь, любивший много ходить, обыкновенно обходил парк с одной из дочерей, но ему случалось также присоединяться к нам, и с его помощью мы однажды построили огромную снеговую башню, которая приняла вид внушительной крепости и занимала нас в продолжение нескольких недель»^[2890].

В памяти С. Я. Офросимовой осталась следующая картина: «По дорожке Царскосельского парка идет Государь с Великими Князьями... Они возвращаются с длинной прогулки вдоль озера среди высоких, опушенных снегом елей. Все, кто встречается им в пути, почтительно кланяются, и ни один из этих поклонов не остается незаметным и безответным. Лицо Государя оживлено, на нем нет обычной грусти и бледности. Он идет легким и бодрым шагом в кругу своих дочерей. Все они красивы, сильны и молоды; от них веет здоровьем и жизнью. Они идут без всякой чинности, они, быть может, с точки зрения строгого этикета даже слишком громко смеются и болтают, слишком быстро пе-

регоняют друг друга, слишком тесно окружают отца... Великая Княжна Ольга Николаевна идет с ним под руку и с любовью смотрит ему в лицо. Она что-то слушает и смеется. Великая Княжна Татьяна Николаевна идет под руку с другой стороны и тоже крепко сжимает руку отца и что-то быстро-быстро говорит. Младшие княжны то забегают вперед, то идут позади. Их глаза лукаво горят, а самая младшая придумывает новую шалость, забивая снег за отвороты своей бархатной шубки. Государь радостно смотрит на них. Он словно гордится ими перед встречными, он рад, что ими любят. Его синие добрые глаза словно говорят всем: «Посмотрите, какие у меня славные Дочери. Они не только мои, но и ваши; они русские»»^[2891].

Особое место занимал в Царской Семье единственный и долгожданный сын – Наследник Цесаревич Алексей Николаевич. Императрица писала Государю в 1904 г.: «Господь Бог действительно щедр, послав нам сейчас этот солнечный лучик, когда он нам всем так нужен. Пусть Он нам даст силы воспитать хорошо ребёнка, чтобы он был для тебя, когда вырастет настоящим помощником и товарищем»^[2892]. Пьер Жильяр вспоминал: «Я впервые увидел Наследника Цесаревича, когда Ему было полтора года. Мы кончали урок, когда Императрица вошла в комнату с Наследником на руках. Она вся сияла беспредельной радостью матери, заветная мечта которой, наконец, осуществилась. Она была счастлива и гордилась красотой Своего ребенка. Царе-

вич был действительно чудесный мальчик с красивыми белокурыми локонами и большими серо-синими глазами, оттененными длинными ресницами. У Него был свежий цвет лица здорового ребенка, и когда Он улыбался, две ямочки показывались на Его щечках. Он смотрел на меня серьезно и застенчиво... Императрица неоднократно прижимала Сына к груди, точно охраняя Его или боясь за Его жизнь»^[2893].

Отец и мать души не чаяли в своём сыне. Тем более тяжёл был для них удар, когда стало известно об его опасной неизлечимой болезни – гемофилии. «Вся жизнь маленького Наследника, – писала А. А. Вырубова, – красивого ласкового мальчика, была одним сплошным страданием»^[2894]. Тяжёлые страдания ребёнка привели к тому, что он был несколько избалован, в отличие от своих сестёр. Жильяр вспоминал, что ему вначале было довольно тяжело установить контакт с ребёнком, но, когда это произошло и Цесаревич стал более откровенным с ним, наставник стал «лучше отдавать себе отчёт в богатстве его натуры и убеждался в наличии у него счастливых дарований»^[2895]. По воспоминаниям Жильяра, вкусы Цесаревича были очень скромны, и он совсем не кичился тем, что был Наследником престола. Его самым большим счастьем было играть с двумя сыновьями матроса Деревенько, которые были не намного младше Наследника. У него была большая живость ума и суждения и много вдумчивости. Он поражал иногда вопросами выше его возраста, которые свидетельствовали о деликатной и чуткой душе^[2896].

Несмотря на то, что Родители постоянно беспокоились за жизнь сына, но никогда, ни словом, ни жестом, не выдавали своих душевных мук. Более того, когда однажды на уроке у Жильяра Цесаревич влез на скамейку и упал с нее, после чего у него начался сильный приступ гемофилии, в результате которого он не смог ходить и сильно страдал, *«ни Государь, ни Государыня, – вспоминал Жильяр, – не сделали мне даже тени упрёка»*^[2897].

Осенью 1912 г. ещё более сильный приступ болезни случился с Наследником в Спале, жизнь его висела на волоске. В этот день у Государя и Государыни был официальный приём. Никто из присутствующих не знал о тяжёлом недуге царского сына. *«Я мог видеть Царицу в первом ряду, – писал Жильяр. – Она улыбалась и весело говорила с кем-то из рядом сидящих. Когда официальная часть была закончена, я вышел через служебную дверь в коридор напротив комнаты Алексея Николаевича, оттуда доносились громкие стоны. Вдруг я увидел Царицу – она бежала, неловко подхватив руками мешающее ей бежать платье. Я прильнул к стене, а она промчалась, не заметив меня. Взгляд у неё был отчаянный, полный ужаса. Несколько минут спустя, Царица появилась снова. На лице – светская улыбка. Она мило улыбалась гостям, обступившим её»*^[2898].

Тяжёлая неизлечимая болезнь Цесаревича Алексея требовала постоянного нахождения в его окружении лиц, ответственных за его физическую безопасность и здоровье. К

нему была назначена русская няня М. И. Вишнякова (бывшая при нём до исполнения ему 7 лет). Однако, несмотря на болезнь, Цесаревич Алексей рос очень подвижным ребёнком, женский персонал не мог во всех случаях поспевать за ним. Когда Цесаревичу было 7 лет, во время путешествия Царской Семьи на яхте «*Полярная Звезда*» к нему был представлен в качестве «дядьки» матрос А. Е. Деревенько, который нянчил Наследника и был взят к нему во дворец. В помощь Деревенько были назначены матросы: в качестве второго дядьки – К. Г. Нагорный и лакей – Л. И. Седнев. Простые русские люди были, таким образом, ближайшими спутниками Наследника Престола в его детском мире, где постепенно складывался его душевный облик, а общим фоном и солнцем этого мира была редкая по сплоченности, душевной привязанности и чистоте Царская Семья^[2899]. Примечательно, что, находясь в Ставке вместе с Державным отцом, Цесаревич любил общаться с простым народом, интересовался его жизнью.

Пьер Жильяр время от времени вывозил Наследника покататься по окрестностям. Во время этих поездок Алексей имел возможность разговаривать с крестьянами, наблюдать за их работой. И крестьяне *«отвечали ему со свойственными русскому мужику добродушием и простотой, совершенно не подозревая, с кем они разговаривали»*^[2900].

26 сентября в письме к матери Цесаревич рассказывал, как он *«объехал весь базар и смотрел, что покупают кре-*

стьяне. Много всякой всячины, тут и обувь и ленты, и другие товары»^[2901]. Однажды крестьяне одной из центральных губерний России пришли поднести подарки Наследнику Цесаревичу и по приказу боцмана Деревенько опустились перед Алексеем Николаевичем на колени, чтобы вручить ему свои подношения. От смущения мальчик побагровел. Оставшись наедине с Жильяром, он сказал, что ему было очень неприятно видеть этих людей перед собою на коленях. Жильяр «переговорил по этому поводу с боцманом», и Наследник был в восторге, что «его освободили от того, что было для него настоящей неприятностью»^[2902].

У Цесаревича было очень развито чувство сострадания. Георгий Шавельский вспоминал, что Наследнику, не избалованному общением со сверстниками, приглянулся мальчик его лет по имени Шура. Цесаревич захотел с ним подружиться и спросил у Шавельского, чем тот мальчик занят по вечерам? Шавельский ответил: «Учит уроки, ухаживает за матерью: у него очень больная мать». Наследник сразу смолк и задумался. «Наверно, Вы хотите ближе познакомиться с Шурой?» – спросил Шавельский. Наследник ответил утвердительно. «Тогда назначим час для встречи, и я скажу Шуре, чтобы он пришел в сад. Хорошо?» – спросил протопресвитер. Дальнейшее настолько тронуло Шавельского, что он продолжил свои воспоминания с нескрываемым волнением: «“Хорошо, – как-то нерешительно сказал Наследник, а потом, помолчав минутку, прибавил: – А, может быть, ему

нужно быть около больной матери?»

Я глядел на него и любовался той чистой, неподдельной скорбью, которая в это время отражалась на его прекрасном личике. Он, конечно, теперь мысленно представлял себе несчастную больную мать и горе ее сына»^[2903].

С. Я. Офросимова свидетельствовала, что все учителя Наследника говорили ей «о выдающихся способностях Цесаревича, об его большом пытливом уме, и о трудных вопросах им задаваемых. Все восхищались благородством его характера, добротой и отзывчивостью его сердца. Один из самых близких к нему учителей говорил мне в интимной искренней беседе: “В душе этого ребёнка не заложено ни одной скверной или порочной черты”»^[2904].

Маленький Цесаревич очень трепетно и нежно относился к своим Родителям и сестрам. Особенно это видно из его писем к матери в период Первой мировой войны, когда он вместе с отцом ездил в Ставку. 7 мая 1915 г. Наследник писал Императрице Александре Феодоровне: «Милая моя Мама́. Я крещу Тебя на сон грядущий. Спи сладко и не беспокойся. Поцелуй сестричек. Да хранит вас Господь! Крепко целую, Алексей»^[2905]. В письме от 7 октября того же года читаем: «Дорогая Мама́. Вчера мною получено Твое письмо. Папа́ всегда мне читает Твои письма»^[2906]. Ещё одно письмо: «Милая Мама́, дорогая, Я каждый день молюсь Боженьке. От всего сердца. Крепко люблю и целую»^[2907]. Особенно трогательно Цесаревич относился к своим сестрам, которым посылал

«украденные» им со стола маленькие бисквиты и которых в конце писем всегда целовал и «давил (то есть обнимал) *по миллиону раз*». Нельзя без особого волнения читать короткую записочку 12-летнего Наследника Императрице: «*Надеюсь, что Ты не устала. Я засыпаю. Целую, Алексей*»^[2908].

Между Императором Николаем II и его сыном сложились особенные отношения, полные любви, нежности, уважения. По утрам перед выходом Государя к утреннему чаю Алексей Николаевич становился с ружьем «на часах» у входа в палатку, отдавал по-военному честь входившему Государю и оставался на часах, пока тот пил чай. При выходе его из палатки Наследник снова отдавал честь и уже после этого снимался с «часов»^[2909].

Когда Цесаревич болел, он просил отца сесть к нему на кровать и рассказывать о государственной работе, полках, Шефом которых он был и по которым очень скучал. Цесаревич внимательно слушал рассказы Государя из русской истории. Наследник во всем хотел подражать своему отцу, во всем хотел быть на него похожим. Во время нахождения в Ставке в Могилеве Алексей Николаевич посещал вместе с Государем все смотры, награждения и госпиталя. В письмах к Императрице Александре Феодоровне Наследник постоянно упоминал об этих посещениях. 18 ноября 1915 г.: «*Вчера Я и Папа́ принимали 9 солдат, которые опоздали на Георгиевский праздник и первый из них был Кузьма Крючков*»^[2910]. Было очень интересно»^[2911]. 26 ноября 1915 г.: «*Сегодня в*

10 часов утра был парад. Я и Папа обошли офицеров, которые стояли в 2 шеренги, потом обошли солдат и потом был молебен под дождём. Потом все прошли мимо нас. Потом солдаты пошли завтракать. <...> Папа сказал им речь, и мы ушли под криками «ура!». Папа завтракал с офицерами. Солдаты прислали мне ихнюю порцию»^[2912].

Жильяр вспоминал, как в могилёвской Ставке Государь «после смотра подошёл к солдатам и вступил в простой разговор с некоторыми из них, расспрашивая их о жестоких боях, в которых они участвовали. Алексей Николаевич шаг за шагом следовал за отцом, слушая со страстным интересом рассказы этих людей, которые столько раз видели близость смерти. Его обычно выразительное и подвижное лицо было полно напряжения от усилия, которое он делал, чтобы не пропустить ни одного слова из того, что они рассказывали»^[2913].

Конечно, тяжёлая болезнь наложила отпечаток на его воспитание. Наследник был более избалован, чем его сёстры. Но эта избалованность никак не влияла на его душевные качества. Как вспоминал о Наследнике его преподаватель английского языка Сидней Гиббс: «Он был весёлого нрава, резвый мальчик. Он очень любил животных и имел доброе сердце. На него можно было действовать, только через его сердце. Требования мало на него действовали. Он подчинялся только Императору. Он был умный мальчик, но не особенно любил книги. Мать любила его безумно. Она старалась

быть с ним строгой, но не могла. Он большую часть своих желаний проводил через мать. Неприятные вещи он переносил молча, без ропота»^[2914].

Шаловливый, весёлый, резвый характер Наследника чувствуется из его писем. Находясь в Ставке в Могилеве, он чем-то легко заболел желудком, по описанию, скорее всего это был ротавирус, и весь день 13 октября 1916 г. чувствовал себя неважно, температурил. Однако 14-го Наследник уже почувствовал себя лучше: *«Утром сегодня 36,6. Чувствую себя чудно. Здоров! Ура! Храни Бог! Ваши Алексей»*^[2915]. 15 октября он совсем выздоровел: *«Сегодня Я совсем выздоровел. То 36,6. Завтракать буду со всеми. Жрать хочу, как 100 волков!!!!»*^[2916] Можно не сомневаться, что словечко «жрать», даже исходящее от одного «из ста волков», не вызывало восторга у его Родителей, никогда не допускавших в своей речи таких слов. А маленький Алексей это словечко явно любил и иногда вставлял его в своих письмах как в отношении себя, так и других. Цесаревич любил подшучивать над своими воспитателями, особенно над Жильяром (Жиликом), которого по-доброму ставил в неловкие ситуации. Так, после очередной шалости Алексей писал матери: *«Жилик в ужасе, что я Тебе написал, но надо пошутить иногда»*^[2917].

Но если Императрица Александра Феодоровна, по вполне понятным причинам, не могла быть строгой с сыном, то Государь резко пресекал его шалости, когда они выходили за рамки дозволенного. С. К. Буксгевден вспоминала, как од-

нажды «Цесаревич, будучи в шаловливом настроении, вытащил у меня зонтик и бросил его в реку. Великая Княжна Ольга и я старались зацепить его палками и ветками, но так как он был раскрыт, то течением и ветром его подхватило, и не было под рукой ни лодки, ни плота, с которого можно было бы его поймать. Неожиданно появился Государь. “Что это за представление?” – спросил он, удивленный нашими упражнениями около воды. “Алексей бросил ее зонтик в реку, и это такой стыд, так как это ее самый лучший”, – ответила Великая Княжна, стараясь безнадежно зацепить ручку большой корявой веткой. Улыбка исчезла с лица Государя. Он повернулся к своему сыну: “Так в отношении дамы не поступают, – сказал он сухо. – Мне стыдно за тебя, Алексей. Я прошу извинения за него, – добавил он, обращаясь ко мне, – и я попробую исправить дело и спасти этот злополучный зонтик”. К моему величайшему смущению, Император вошел в воду. Когда он дошел до зонтика, вода была ему выше колен. Он передал его мне с улыбкой: “Мне все же не пришлось плыть за ним! Теперь я сяду и буду сушиться на солнце”. Бедный маленький Царевич, красный от отцовского резкого замечания, расстроенный, подошел ко мне. Он извинился, как взрослый. Вероятно, Государь позже поговорил с ним, так как после этого случая он перенял манеру отца, подчас забавляя нас неожиданными старомодными знаками внимания по отношению к женщинам. Это было очаровательно»^[2918].

Болезнь Наследника, которую из-за государственных интересов тщательно скрывали от посторонних, заставляла Царскую Чету отгораживаться от общества. Были прекращены пышные, грандиозные и дорогие царские увеселения, дорогие фрукты и сладости, тонкие вина и чудеса кулинарного искусства можно было встретить на царском столе только в дни официальных приёмов и торжеств.

Всё это вызывало в обществе пересуды, критику, неприятие, клевету. Особенная клевета была направлена против Императрицы Александры Феодоровны. Её называли «злым гением» России, обвиняли в том, что она управляет «безвольным мужем», «спаивает» его и в прочих мерзостях. Примечательно, что клевета на Государыню как две капли воды была похожа на ту, что распространяли масоны накануне Французской революции 1789 г. в отношении супруги Короля Людовика XVI Королевы Марии-Антуанетты. Весной 1902 г., во время своего визита в Россию, французский президент Эмиль Лубе подарил Государыне гобелен с портрета художницы Э.-Л. Виже-Лебрэн, изображающий Марию-Антуанетту с детьми. Если учесть, что во время пребывания Царской Четы в Париже в 1896 г. Императрице Александре Феодоровне предоставили в Версале бывшие покои мученически убиенной Королевы, то приходится сомневаться, что подобные «намекы» делались без тайного умысла со стороны французских правящих кругов, подавляющая часть которых были членами Великого Востока. Впрочем, сама Императри-

ца с благодарностью принимала эти подарки: она глубоко почитала Марию- Антуанетту и интересовалась ее трагической судьбой^[2919]. Подарок Лубе разместили в апартаментах Большого Царскосельского дворца, где его можно видеть до сих пор.

С 1912 г. начинается новый этап клеветы и травли Государыни: придворные сплетники, думские враги Государя, а вслед за ними и чернь всё чаще начинают связывать ее имя с именем сибирского мужика Григория Ефимовича Распутина.

Глава 3. Григорий Ефимович Распутин

Приступая к главе, посвященной Г. Е. Распутину, мы сразу предупреждаем читателя, что она не будет содержать в себе ни исследования его биографии, ни споров вокруг его личности, о которой в последнее время создано немало как научных, так и публицистических исследований. Читателей, интересующихся именно личностью Г. Е. Распутина, мы отсылаем к трудам доктора ист. наук А. Н. Боханова и много- томным исследованиям С. Ф. Фомина. Последние, правда, скорее являются хрестоматиями по изучению времени, в котором жил Г. Е. Распутин, так как содержат, помимо сведений о нем, огромный массив информации, никакого отношения к Распутину не имеющей. Массив этот часто бессистемен и переполнен перекрестными ссылками, а те порой уводят читателя в бескрайние дали, откуда вернуться к жизни самого Распутина бывает очень сложно. Вообще, *«все что знаю, о том и пишу»*, независимо от того, относится это к теме исследования или нет, давно стал «фирменным» стилем С. В. Фомина. Тем не менее материал им собранный во многом бесценен и является своеобразным хранилищем разных фактов, на основании которых читатель может составить себе представление как о самом Г. Е. Распутине, так и о той эпохе, в которой он жил.

Однако наш труд посвящен не Г. Е. Распутину, а Императору Николаю II, в жизни которого сибирский крестьянин сыграл, несомненно, важную, но вовсе не исключительную роль, какую ему приписывают некоторые его современные апологеты. Само по себе восстановление доброго имени Г. Е. Распутина, мученически убиенного 17 декабря 1916 г., создание его правдивой биографии могут только приветствоваться. Долгие десятилетия в отношении Распутина господствовали лживые мифы. Сочиненные ещё думскими врагами Царя, они были подхвачены затем большевиками, создав вокруг имени Распутина образ «темной силы», хитрого и ловкого распутного мужика, пользовавшегося «слабостью» Царя и «фанатичностью» Царицы. С их помощью он якобы делал назначения на министерские посты и увольнения с них. Этой примитивной ложью не брезговали пользоваться даже люди с учеными степенями, что уж говорить про людей творческих! Грязная эстафета «распутиниады» передавалась от Алексея Толстого к Элему Климову, Валентину Пикулю и Эдварду Радзинскому. Создавался распутинский миф, имеющий своей целью опорочить имя последнего Государя и его Семьи. В своем исследовании А. Н. Боханов справедливо пишет: *«Ни в какой иной теме по истории России, как в теме о Распутине, вульгарная заданность сочинителей всех мастей не проступает так наглядно. “Распутиниада”, “распутинщина” давно стали обиходным мифом, питаемым не только историческим невежеством произво-*

дителей и потребителей, но и неприкрытым коммерческим расчётом»^[2920].

Труды доктора А. Н. Боханова и иных авторов убедительно доказали, что многочисленные утверждения об огромном влиянии Г. Е. Распутина на государственные дела, о каком-либо контроле его над Государем и Государыней, а также пьяные дебоши и половая разнузданность являются домыслами и клеветой.

Однако помимо серьёзной исторической литературы, дающей объективное жизнеописание сибирского крестьянина из села Покровское, конец XX – начало XXI в. ознаменовались созданием его апологетики, в которой значение личности Г. Е. Распутина приобретало совершенно исключительный характер. Согласно этой апологетике, Распутин был не просто духовно одаренным человеком и молитвенником, вымаливавшим жизнь тяжело больного Наследника Цесаревича, но и великим старцем, провидцем и святым, которому Бог открывал решение политических и государственных вопросов и которого поэтому слушались Царь и Царица. Появилась группа православных людей, священников и мирян, глубоко почитающих «старца Григория» и настаивающих на его немедленном прославлении в лике святых. Убежденность в необходимости этой канонизации принимает порой у некоторых ее сторонников совершенно неканонические формы. Факты народного почитания и чудес практически не собираются и не исследуются, а стремление к прославлению

нию Распутина выражается в своего рода кликушестве и в требованиях к церковному священноначалию «немедленно-го прославления». Изучение личности Распутина сводится у этих людей к совершенно некритическому славословию, когда любой человек, заподозренный в «нелюбви» к старцу, сразу же зачислялся в списки «нехороших людей». Подобная тенденция получила особенное развитие у С. В. Фомина. Так, например, он подверг очернению память лейб-медика Государя Е. С. Боткина, принявшего мученическую смерть в подвале Ипатьевского дома и причисленного РПЦЗ к лику святых. Так как с мая 2007 г. РПЦЗ объединилась с Русской Православной Церковью, то верные слуги, убитые вместе с Царской Семьей, являются и ее местночтимыми святыми. Выпад Фомина против памяти Е. С. Боткина произошел только потому, что, по воспоминаниям дочери лейб-медика Т. Е. Мельник (Боткиной), ее отец критически отзывался о Распутине. С. Фомин позволил себе усомниться в правильности канонизации Е. С. Боткина и даже заявил, что *«среди части верующих, в основном, придерживавшихся монархической точки зрения, оно вызвало непонимание и даже неприятие»*^[2921]. Видимо, к этой категории верующих относится только сам С. Фомин, так как для православных христиан подвиг Е. С. Боткина, как и всех верных слуг Государя, не подлежит никакому сомнению. В своей статье *«Боткины: свет и тени»* С. Фомин дописался до того, что прямо оскорбил память мученика Е. С. Боткина. Описывая, со слов дочери

доктора Татьяны, что ее отец отказался исполнить просьбу Государыни оказать медицинскую помощь Распутину на дому и поехал к нему сам, Фомин дерзает писать: *«Такова на деле была верность этих господ (имеется в виду Е. С. Боткин. – П. М.) боготворимым ими якобы Государю и Государыне. Лишь в искореженном воображении автора мемуаров да некоторых современных сомнительного разлива монархистов подобное поведение слуги, столь дерзко отвечающего на ясно высказанную волю своего Господина, может почитаться за какую-то чуть ли не даже заслугу»*^[2922]. Вообще слабым местом С. Фомина является анализ источников. Он совершенно не задумывается о степени правдивости, точности, непредвзятости мемуаров Т. Е. Мельник, которая интерпретирует слова и поступки своего отца. Вполне возможно, что они ею сильно искажены или мотивация действий Боткина была вызвана вовсе не стремлением не выполнить распоряжение Государыни. Приводимые Фоминым в этой же статье выписки из дневника Е. С. Боткина, которые исполнены любви к Царской Семье, опровергают ни на чем не основанные сомнения Фомина в верности ей лейб-медика. Об этих сомнениях человеку, называющему себя православным и монархистом, конечно, стыдно даже говорить, не то что писать: Е. С. Боткин до конца был с Царственными Мучениками и отдал за них свою жизнь, поставив долг царского служения выше своих горячо им любимых детей. Даже если воспоминания Татьяны Мельник истинны и Е. С. Бот-

кин действительно по тем или иным обстоятельствам не жаловал Распутина, то это никак не уменьшает ни его мученического подвига, ни его преданности Царю.

Задавшись в свое время благой целью очистить от клеветы имя Г. Е. Распутина и других верных Царской Семье (Г. Е. Распутина, А. А. Вырубовой) и во многом в этом преуспев, С. В. Фомин, к сожалению, в последнее время стал заниматься поисками реальных и мнимых врагов именно Г. Е. Распутина, внося их в свой «черный список». Не разбираясь в подлинности или мнимости этих высказываний, обстоятельствах, в которых они были произнесены, С. Фомин сразу же зачисляет их авторов «во враги», забывая подчас, что еще недавно высказывался о них весьма положительно. Так, в статье про Боткиных он возмущен, в каком то-не Татьяна Мельник (Боткина) отзывалась о Пьере Жильяре. Но при этом сам С. Фомин забывает, что в очередной своей работе «Свидетельство верных?» он облил грязью как самого Пьера Жильяра, назвав его «либеральным швейцарцем», преследующим коварные цели в отношении Царской Семьи, так и другого наставника Цесаревича, преподавателя английского языка Сиднея Гиббса. Последнего Фомин обвинил в гомосексуализме, ссылаясь на такого «авторитета», как О. Шишкин. Видимо, понимая в душе, что некрасиво оскорблять людей, разделивших с Царской Семьей последний год ее земной жизни и чудом избежавших смерти, С. Фомин пытается прикрыться борьбой за истину: *«Высоко ценя*

поведение и поступки этих людей после 1917 г., мы, одновременно, не имеем права предавать забвению и такого рода “неудобные” факты. Ведь главным делом для нас является поиск Истины, а значит, во главе угла для нас находится Бог и Его святые – Святые Царственные Мученики»^[2923]. Однако это лукавство, и в данном случае вовсе не «поиск Истины» и не любовь к Царственным Мученикам движет С. Фоминым, а неприятие критики Жильяром и Гиббсом в адрес Г. Е. Распутина. Вместо того чтобы спокойно разбираться в причинах этой критики, автор копается в «грязном белье», забывая, что точно так же поступали клеветники Распутина, когда стряпали «дневники» его наружного наблюдения. Нам совершенно неинтересно знать о грехах, мнимых и реальных, Сиднея Гиббса, тем более что он после всего пережитого в России перешел в Православие и принял монашество, до конца своих дней находясь в молитвенном подвиге. Но все же хочется уточнить, что вышеупомянутое сообщение Охранного отделения, которое С. Фомин называет «бесспорным доказательством», почерпнуто из «Особо важных справок по делам лиц связи “Темного”», то есть Г. Е. Распутина^[2924]. Автор этих строк работал с этими источниками. На обложке папки, в которую они собраны, имеется штамп Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства, куда эти «справки» поступили 27 апреля 1917 г. Нет сомнений, что большая часть из них изготовлена на кухне самой ЧСК с целью опорочить тех или иных лю-

дей, прежде всего самого Г. Е. Распутина. «Справки» представляют собой не результаты конкретных наблюдений агента Охранного отделения, а набор сплетен и домыслов. В этом же духе составлена и «справка» на С. Гиббса, в которой говорится: *«По полученным нелегальным путем сведениям, от бывшей прислуги Гиббса, крестьянки Витебской губернии, Режицкого уезда Агаты Донатовой Васильевской, 35 лет – Гиббс, якобы, человек весьма извращенный в половом отношении и его посещали много солдат под видом покупки у него книг. На самом деле Гиббс никаких книг не продавал: находящаяся в данное время у Гиббса прислуга Щеголева высказалась, что она отучила солдат и мальчишек ходить к Гиббсу и что Гиббс в недалеком будущем намерен жениться»*^[2925]. Как мы видим, ничего конкретного из этой «справки» узнать невозможно. По словам бывшей прислуги, наверняка уволенной, то есть имеющей «зуб» на бывшего хозяина, Гиббс – «якобы» извращенец, к которому ходит «множество солдат». Что-то не верится, чтобы в Российской Императорской армии было такое множество солдат-гомосексуалистов, которые могли свободно шататься, нарушая службу, для удовлетворения своих утех по городу, да еще к слушающему Императорского Двора. А сам Гиббс не мог, что ли, найти «клиентов» менее скандальных и заметных, чем роту солдат? А откуда вдруг появились вместе с солдатами «мальчишки», которых другая прислуга «повыгоняла»? Все эти «сведения» не выдерживают никакой критики, а их рас-

пространители типа С. Фомина не принимают во внимание ту степень осведомлённости, какую имел Николай II об интересующих его людях, особенно когда речь шла о человеке, преподающем его дочерям и Наследнику! Не вызывает сомнений, что, если бы даже доля информации, сообщённой в «справке» была бы правдой, Гиббс был бы немедленно уволен Государем. Учитывая, что больше никаких доказательств гомосексуальности Гиббса не существует, мы можем смело отнести «беспорные доказательства» О. Шишкина к обычновенным сплетням или дезинформации с целью опорочить окружение Царской Семьи и тем самым бросить тень на нее саму. Между прочим, этим же самым методом враги Царя действовали и в отношении Г. Е. Распутина, о чем в «справках» можно найти множество примеров. Почему же С. Фомин с радостью подхватывает грязные сплетни о Гиббсе и полностью игнорирует такие же сплетни о Распутине, справедливо доказывая фальшивый их характер?^[2926] Ответ простой: необъективность и ангажированность С. В. Фомина как исследователя.

Кроме Боткина, Жильяра, Гиббса, С. В. Фомин не останавливается даже перед нападкамии на Вдовствующую Императрицу Марию Феодоровну – мать святого Царя-Мученика. Она обвиняется автором и в потворстве датским интересам в ущерб русским, и в либерализме, и в тщеславии, и в умелом вкладывании денег и получении от них дивидендов во время господства Временного правительства; Фомин опу-

кается даже до того, что намекает на «планы» Марии Феодоровны сместить своего Августейшего сына с престола. Об этом нелепом вздоре пишет в своих мемуарах А. А. Вырубова, именно как *«говорили, что...»*. Но С. Фомина это не смущает: *«Тут есть всё-таки о чем подумать»*, – глубокомысленно заключает он^[2927]. Если и есть здесь «о чем задуматься», так лишь о степени потери элементарного такта и уважения к Матери Государя. Причём зарвавшийся «правдолюб» даже не хочет задуматься, а как бы реагировали на такие его эскапады святые Царственные Мученики, особенно Император Николай II, столь любивший свою Матушку? Причем, мы подчеркиваем, у С. Фомина речь не идет об объективном изучении жизни Императрицы Марии Феодоровны: это именно нападки, в которых элемент объективной оценки полностью подавляется эмоциональным негодованием за нелюбовь Вдовствующей Императрицы к Г. Е. Распутину. Особым курьезом выглядят одновременное написание С. Фоминым всех слов, касающихся Августейших особ, в том числе и Марии Феодоровны, с заглавной буквы (Государыня, Которая и т. д.). Так не писали о царях даже до революции, подобное написание относилось только к Господу Богу.

Восхваление Г. Е. Распутина и А. А. Вырубовой становится для их апологетов самоцелью, принимает даже некие нездоровые сектантские оттенки и в конце концов зачистую смыкается, невольно, конечно, с либерально-больше-

вистской клеветой на Николая II. Вот до чего дописался почитатель А. А. Вырубовой Ю. Ю. Рассулин. Помещая в своей книге интервью с ней американской корреспондентки Риты Чайлд Дорр в 1917 г., Рассулин приводит следующие слова якобы Вырубовой: *«Император на самом деле иногда слишком много пил. Хватало других людей, которые были живо заинтересованы в том, чтобы Император подольше оставался одурманенным, они постоянно играли на этой его слабости. Его жена всегда боролась за него, делал все возможное, чтобы ограничить его от этих людей»*^[2928]. Разумеется, что настоящая А. А. Вырובה такую ложь о Государе, образ жизни которого она прекрасно знала, сказать не могла. Поэтому, скорее всего, клевету вставила в интервью сама Рита Дорр, известная суфражистка, сотрудничавшая с масонской У.М.С.А. (Другой, но практически невероятной причиной могло стать то, что Вырובה смалодушничала и солгала американке.) В любом случае этими словами на Государя в очередной раз была возведена подлая клевета, много раз полностью опровергаемая даже его крайними недоброжелателями. Между тем Ю. Рассулин в своих комментариях, вместо того чтобы в свою очередь опровергнуть эту клевету, пустился в следующие рассуждения: *«Утверждать, что Николай II вёл строго аскетический образ жизни и не употреблял спиртных напитков, было бы не только нелепо, но и смешно. А если так, то что же здесь удивительного, что в какие-то моменты жизни он мог позволить себе рассла-*

биться немного более того, что требовал от него неумолимый этикет. Например, в офицерском собрании, среди однополчан? <...> Кто знает женскую психологию, особенно люди женатые, легко согласятся со мною, что женская реакция в известных вопросах бывает несколько преувеличена. Трудно винить женщин за это свойство, которое является, по-видимому, врожденным у любой нормальной женщины и является инстинктивным желанием оградить своего мужа от безрассудного упивания вином. Но, как уже было сказано, не таков был наш Государь и опасения Государыни были во многом напрасны»^[2929]. Разумеется, и мы согласимся, что напрасны, так как в действительности никаких «опасений» подобного рода у Государыни не существовало и в помине. Что же касается рассулинских рассуждений о «женской психологии» и «расслаблений» Государя, то они есть типичный пример переноса на жизнь русского общества начала XX века и тем более на жизнь Царской Семьи психологии современного выпивохи, который прячет заначку от сварливой и драчливой жены. Не умея, так же как и С. Фомин, работать с источниками, Рассулин слепо доверяет тексту интервью «Вырубовой» и, сам того не желая, клеветает на святого Царя.

Неоправданное выпячивание мнимой «гигантской» роли, какую якобы играл Г. Е. Распутин при русском Дворе, неминуемо умаляет подлинную роль Государя. Не следует забывать, что это Распутин жил в эпоху Императора Николая II, а не наоборот. Это Распутин выполнял волю Самодержца,

а не наоборот. Поэтому выглядит курьёзом, когда тот же С. Фомин пишет, что в 1915 г. Распутин стал разрушителем планов Великого Князя Николая Николаевича по организации государственного переворота. Видимо все-таки опомнившись, что не Распутин сидел на троне в Петрограде, а Николай II, Фомин милостиво дополняет: *«Нет, осуществлял их, безусловно, Государь»*, но *«увидел опасность и благословил на ее преодоление именно он, – простой русский крестьянин»*^[2930]. Никаких серьёзных доказательств, кроме пафоса, при этом не приводится, утверждение повисает в воздухе.

Наши критические замечания в адрес С. В. Фомина во все не ставят своей целью перечеркнуть всю проделанную им большую и весьма ценную работу, особенно в той ее части, в какой она касается Царственных Мучеников. Однако мы не можем не заметить эти, на наш взгляд, опасные тенденции, которые все больше проявляются в его творчестве.

Большую негативную роль в этом вопросе играет то обстоятельство, что к апологетам Распутина стали примыкать различные сектантские группы и сообщества, для которых «почитание» Г. Е. Распутина является лишь поводом для нападков на Русскую Православную Церковь и компрометацию любых форм почитания Г. Е. Распутина^[2931]. С другой стороны, реакция высшей иерархии Московского Патриархата на появившуюся среди верующих положительную оценку Г. Е. Распутина, была несправедливой и недальновидной. Она заключалась в повторении о старце ещё дореволюцион-

ных сплетен и домыслов, давно опровергнутых и политически ангажированных. Особенно это проявилось в докладе митрополита Крутицкого и Коломенского Ювеналия (Пояркова) на Архиерейском Соборе 2004 г. В том же году митрополит Смоленский и Калининградский Кирилл (Гундяев), сегодня Патриарх Московский и всея Руси, попытался смягчить положения доклада, касающиеся Иоанна Грозного и Распутина, заявив, что в Церкви *«не против исторической реабилитации этих личностей на основе достоверных фактов и свидетельств»*^[2932]. Однако это здоровое заявление не смогло переломить ситуацию в отношении Г. Е. Распутина, которая сегодня в основном сводится к вопросу: «святой – несвятой».

Мы не будем дерзать пытаться рассуждать, кем был Г. Е. Распутин с точки зрения православного понимания святости. Однако следует отметить, что беспристрастное исследование о нем даёт однозначный ответ: Распутин был человеком глубоко верующим, самобытным, духовно одарённым и лично совершенно бескорыстным. Великая Княгиня Ольга Александровна вспоминала, что когда она в первый раз увидела Распутина, *«то почувствовала, что от него исходит мягкость и доброта. Все дети, казалось, его любили. Они чувствовали себя с ним совершенно свободно. Я помню, как они смеялись, когда маленький Алексей, изображая кролика, прыгал взад и вперёд по комнате. А потом Распутин вдруг схватил его за руку и повёл в спальню. Мы трое пошли*

следом. Наступила такая тишина, как будто мы оказались в церкви. В спальне Алексея лампы не горели; свет исходил только от лампад, горевших перед несколькими красивыми иконами. Ребёнок стал очень тихо рядом с этим великаном, склонившим голову. Я поняла, что он молится. Это произвело сильное впечатление. Я поняла, что мой маленький племянник, тоже начал молиться. Я не могу это описать, но я почувствовала в тот момент величайшую искренность этого человека»^[2933].

Кем был для Царской Семьи и лично для Императора Николая II Григорий Ефимович Распутин? Конечно, как мы уже писали, он не был их другом в прямом понимании этого слова^[2934]. Для простой человеческой дружбы они были слишком разными по происхождению, образованию, положению. Мы знаем, что у Государя был преданный друг юности князь А. А. Орлов. Когда он в 1908 г. скончался от скоротечной чахотки горла, Государь с глубокой скорбью писал матери: «Нужно же, чтобы одного из моих немногих и лучших друзей постигла такая болезнь! Такой честный строгий к себе человек, говорящий одну правду! Я с ним разговаривал обо всем, и он был мне особенно полезен в военных вопросах»^[2935]. Никогда Государь так не писал и не говорил о Распутине. По словам Императора Николая II, Распутин «хороший, простой, религиозный русский человек. В минуты сомнения и душевной тревоги я люблю с ним беседовать, и после такой беседы мне всегда на душе делается легко и спо-

койно»^[2936]. Не вызывает сомнений, что после молитв Распутина улучшалось состояние здоровья Наследника Алексея Николаевича даже тогда, когда он был на волосок от смерти. Безусловно, духовные дары Распутина играли большую роль в причине общения с ним Государя и Государыни, особенно последней, учитывая тяжелую болезнь Цесаревича.

Однако это общение было вызвано не только, а у Государя и не столько, духовным даром Распутина. В самом деле, если бы миссия последнего сводилась только к горячей молитве за Наследника и к роле духовного советника Государя, то старца нужно было бы всячески изолировать от публичного общества. Скрытый от общих глаз неподалеку от Императорской резиденции, Распутин мог бы точно так же оказывать молитвенную и духовную помощь Царской Семье. Тем более известно, что Распутин тяготился своей известностью и не стремился к ней.

На деле мы видим, казалось, делалось всё, чтобы придать Распутину известность: он жил почти в центре Санкт-Петербурга, был у всех на виду, посещал различные общественные и официальные учреждения, ездил по стране, принимал у себя целые толпы посетителей, среди которых были самые разные люди, начиная от простых крестьян и заканчивая высокопоставленными особами.

Что все эти люди искали у него? Высокого политического покровительства, составления протекции? Объективные факты убедительно свидетельствуют, что этого покровитель-

ства и этой протекции Распутин оказать не мог, да и не стремился. Положим, этого могли не знать простые или малопо-свящённые люди, но генералы жандармерии, политические деятели, крупные финансисты и даже иностранные дипло-маты, которые встречались с Распутиным, этого не знать не могли. Может быть, их влекла к Распутину жажда духовно-го просвещения, простое любопытство посмотреть на этого человека, который был известен своим целительным и про-роческим даром? Конечно, полностью исключать эти причи-ны нельзя, но совершенно очевидно, что этих причин для объяснения контактов Распутина с верхушкой русского об-щества и Церкви недостаточно.

Кроме того, мы знаем, что к помощи Распутина Царь и Царица прибегали в крайних случаях, когда обычная меди-цина была бессильна, а жизнь Цесаревича Алексея висела на волоске. Причём часто личного присутствия Распутина и не требовалось, как, например, в 1912 г. в Спале, когда выздо-ровление Наследника началось после получения распутин-ской телеграммы. В остальных же случаях Наследника ле-чили ведущие доктора медицины лейб-медик Е. С. Боткин, лейб-хирург С. П. Фёдоров, лейб-педиатр К. А. Раухфус и другие.

Для того чтобы понять подлинную роль, какую играл в жизни Императора Николая II Г. Е. Распутин, и в чем она заключалась, надо внимательно остановиться на характере отношений между ними. Государь познакомился с Распути-

ным 1 ноября 1905 г., о чем в царском дневнике сказано: «В 4 часа поехали на Сергиевку. Пили чай с Милицей и Станой. Познакомились с человеком Божиим – Григорием из Тобольской губернии»^[2937].

Таким образом, первая встреча Николая II и Григория Распутина состоялась в усадьбе герцогов Лейхтенбергских, в присутствии Великой Княгини Анастасии Николаевны, супруги герцога Г. М. Лейхтенбергского, и ее сестры Великой Княгини Милицы Николаевны. Но как простой сибирский мужик смог туда попасть? Общепринятая версия заключается в том, что склонные ко всякого рода мистицизму «Черногорки» много рассказывали Императрице Александре Фёдоровне о Распутине, так же как ранее это было с Филиппом Низье. Но при каких обстоятельствах сами «Черногорки» познакомились с Распутиным? Вот здесь и начинается весьма запутанная история.

Г. Е. Распутин прибыл в Санкт-Петербург зимой 1905 г. из Казани, имея рекомендательное письмо на имя инспектора Санкт-Петербургской Духовной академии архимандрита Феофана (Быстрова) от епископа Чебоксарского, викария Казанской епархии Хрисанфа (Щетковского). Что было сказано в том письме, до сих пор неизвестно. Существует даже предание, будто бы Распутин в ранней юности, работая ямщиком, вёз молодого иеромонаха Феофана, и тот предрек сибирскому мужику великое духовное будущее. Принято считать, что именно Феофан и «Черногорки» ввели Рас-

путина в Императорский дворец. Убежденность в этом высказывали многие весьма влиятельные люди (Вл. И. Гурко, М. В. Родзянко, митрополит Евлогий). Однако объективные факты опровергают эти утверждения. В первую очередь их опровергал сам владыка Феофан (Быстров), возведённый в 1909 г. в сан епископа. Он утверждал, что познакомился с Г. Е. Распутиным у епископа Ямбургского, викария Санкт-Петербургской епархии Сергия (Старгородского), который *«познакомил впервые меня, нескольких монахов и студентов с прибывшим к нему Божьим человеком или “братом Григорием”, как мы тогда называли Распутина... Он поразил всех нас психологической проникновенностью. Лицо у него было бледное, глаза необыкновенно проницательные, вид постника. И впечатление производил сильное»*^[2938]. Также епископ Феофан категорически отрицал свое участие в знакомстве Распутина с Царской Семьей: *«Каким образом Распутин познакомился с семьей бывшего Императора, мне совершенно не известно. И я решительно утверждаю, что в этом я никогда ему ничем не содействовал. Догадываюсь, что Распутин проник в Царскую Семью не совсем прямым путем... Сам Распутин об этом не говорил никогда, несмотря на то, что он вообще достаточно разговорчив...»*^[2939] Что это был за «путь», Феофан не уточнял, но то, что владыка не имел никакого отношения к знакомству Государя и Государыни с Распутиным, подтверждает ближайший сподвижник архимандрита, в ту пору стипендиат Духовной академии, буду-

ций митрополит Вениамин (Федченков): *«В некоторых кругах думали, будто архимандрит Феофан сам провел Распутина в царский дворец. Это неверно. Он познакомил его, разумеется, как человека Божия, с одной великокняжеской семьей, ему близко знакомой духовно. А оттуда его уже познакомили со дворцом Царя»*^[2940]. Тем не менее интересно, что через 12 дней после своей первой встречи с Распутиным Николай II принял 13/26 ноября 1905 г. архимандрита Феофана и предложил ему стать духовником Царской Семьи.

Не вызывает сомнений, что Распутин познакомился с Царем и Царицей через Великих Княгинь Анастасию и Милицу Николаевн. Но они стали лишь тем последним звеном, которое позволило Царской Чете встретиться с Распутиным, что вовсе не означает, что «Черногорки» были инициаторами этого знакомства. Дворец в Сергиевке стал наиболее удобной «площадкой», на которой Николай II мог увидеть «Божьего человека» без лишних свидетелей и без лишних вопросов.

Но зачем Николаю II понадобилось знакомство с Распутиным? Да, конечно, Государь тянулся к верующим русским людям, особенно из простого народа. Да, ему духовно было отраднo общение с ними. Не надо также забывать, что знакомство с Распутиным произошло осенью 1905 г., в разгар страшной революции, когда многие представители церковной иерархии оказались если не в оппозиции к Самодержцу, то во всяком случае перестали быть ему безусловной опорой. Но такие встречи с духоносными подвижниками Государь

предпочитал с глазу на глаз или совместно с Государыней. Об этих встречах мы практически ничего не знаем, так как они, по всей видимости, носили одноразовый характер. Так, о встрече с известным Христа ради юродивым Митей Козельским (Дмитрием Поповым) мы узнаем из записи в дневнике Государя от 14 января 1906 г.: *«В 4 часа к нам пришел человек Божий Дмитрий из Козельска, около Оптиной пустыни. Он принёс образ, написанный согласно видению, кот[орый] он недавно имел. Разговаривали с ним около полутора часа»*^[2941]. Больше о встречах с Митей Козельским в царском дневнике нет ни строчки, и, по всей видимости, они никогда больше не встречались. Хотя протопресвитер Георгий Шавельский в своих воспоминаниях писал, что отношения Царской Семьи с Митей были прерваны после того, как тот написал Государю бестактное письмо на бланке епископа Гермогена (Долганёва), что свидетельствовало о непосредственном влиянии на Митю со стороны последнего^[2942]. Шавельский источник малонадежный, но еще более ненадежна революционная газета «Русская Воля», которая 11 марта 1917 г. передавала слова Мити, что он очень любит Царевича Алексея, который всегда встречал его словами *«Мика. Дядя»*^[2943]. О встречах Царской Четы с другими «Божьими людьми» известно ещё меньше, то есть практически ничего. Известная петербургская блаженная Матрона Босоножка, по словам А. А. Вырубовой, один раз вручила в Петергофе Государю икону, а известный странник В. Ф. Ткаченко удосто-

ился чести во время Саровских торжеств облобызать руки Государынь Императриц Александры и Марии Феодоровн. Встречи Царской Четы с Пашей Саровской и позднее встреча Государыни со старицей Марией Михайловной происходили также одноразово и с глазу на глаз. Даже к праведному Иоанну Кронштадтскому, по сведениям «некоего монаха», Государь приезжал несколько раз ночью и об этом нет ни слова в его дневнике^[2944].

В случае с Г. Е. Распутиным все было по-иному. Во-первых, первые встречи Царя и Царицы с Распутиным проходили всегда в присутствии посторонних лиц, а во-вторых, они постепенно стали хотя и нечастыми, но регулярными. Причем иногда Государь встречался с Распутиным в течение нескольких дней подряд, а потом не виделся с ним месяцами. Так, после первой встречи 1 ноября 1905 г. Государь повидался с Распутиным только 18 июля 1906 г., опять на Сергиевке и опять в присутствии «Черногорок». Потом Распутин представлялся 13 октября 1906 г., когда подносил Царской Чете икону св. праведного Симеона Верхотурского, а затем лишь 6 апреля 1907 г.

Общепринято утверждение, что знакомство и встречи Царской Четы с Г. Е. Распутиным были вызваны состоянием здоровья Цесаревича. Однако это не так. А. Н. Варламов справедливо пишет, что *«болезнь Наследника всерьёз проявилась после того, как Распутин был ведён во Дворец и, совершенно очевидно, что не она была причиной первых встреч*

крестьянина с Августейшей Четой»^[2945].

С момента первой встречи, больше года, Император Николай II и Императрица Александра Феодоровна виделись с Распутиным от случая к случаю, почти всё время в присутствии посторонних людей. А между тем приступы гемофилии уже были у Наследника постоянным явлением. Только в 1907 г. начинаются встречи Царской Семьи с Распутиным в царскосельском домике А. А. Вырубовой. Впрочем, и они были не частыми, иногда в присутствии третьих лиц. Тем не менее из характера дневниковых записей Николая II видно, что эти встречи его очень интересовали. Мы убеждены, что встреча Государя и Г. Е. Распутина не была случайной и не была вызвана только духовными вопросами. Для того чтобы выяснить, что же было её причиной, надо прояснить, кто и зачем прислал Распутина в Петербург.

Мы уже упоминали рекомендательное письмо от епископа Хрисанфа, с которым сибирский крестьянин прибыл в столицу Российской Империи. Доктор богословия епископ Хрисанф был широко известен тем, что с юных лет хорошо знал буддийский Восток, а с 1900 по 1904 г. в сане архимандрита возглавлял первую русскую духовную миссию в Корее. Несмотря на краткость своего пребывания на корейской земле, отец Хрисанф оставил яркий след в истории Православия в Корее. Были выстроены дом для миссионеров, колокольня, дом для переводчиков, здание школы с комнатами для преподавателей и подсобные помещения. 17 апреля 1903 г.

состоялось торжественное освящение в центре Сеула церкви во имя Святителя Николая. Архимандрит издал Новый Завет на корейском языке. О его популярности в Корее говорит тот факт, что его принимал лично корейский император Коджон. Большую поддержку оказывал Корейской миссии святой Иоанн Кронштадтский. Верующие православные корейцы до сих пор почитают владыку Хрисанфа своим патриархом^[2946].

Епископ всячески благоволил к Г. Е. Распутину, так же как и другой видный церковный деятель Казанской епархии, архимандрит Андрей (в миру князь Александр Алексеевич Ухтомский). Последний тоже активно занимался миссионерской деятельностью. В 1897 г. иеромонах Андрей был назначен на должность инспектора Александровской духовной семинарии в осетинском селе Ардон и занимался духовным просвещением осетин. В 1899 г. Андрей был назначен наблюдателем Миссионерских курсов при Казанской Духовной академии. Как и владыка Хрисанф, архимандрит Андрей глубоко почитал отца Иоанна Кронштадтского, которого знал лично. Помимо миссионерской деятельности, архимандрит, а затем и епископ Андрей (Ухтомский) был активным сторонником примирения со старообрядцами, так же как и его брат академик А. А. Ухтомский. Следует также сказать, что владыка Андрей приходился двоюродным братом князю Э. Э. Ухтомскому, одному из главных проводников Большой Азиатской программы Императора Николая II.

С 1900 г. князь Э. Ухтомский стал одним из лидеров Соловьевского общества, регулярно обсуждавшего «наболевшие вопросы иноверия и инородчества», в том числе необходимость уравнивания прав и прекращения репрессий в адрес духоборов и молокан, евреев и армян^[2947]. Нет сомнений, что это общество существовало с тайного одобрения Государя.

Как известно, князь Э. Ухтомский пользовался в старообрядческой среде определённым уважением. Если учесть, что князь, безусловно, был связан с личной разведкой Императора Николая II, то не вызывает сомнений, что, кроме историко-культурного интереса, буддисты и старообрядцы интересовали Э. Ухтомского и с точки зрения интересов государства. Князь замечал и выделял тех людей, которые могли бы, имея влияние на ту или иную религиозную группу или сообщество, добиваться их примирения или сотрудничества с Верховной властью.

Архимандрит Андрей (Ухтомский) настолько заинтересовался личностью Распутина, что познакомил его со своим братом – выдающимся учёным князем А. А. Ухтомским, жившим в Петербурге. А. А. Ухтомский хорошо знал Э. Э. Ухтомского и почти наверняка познакомил Распутина со своим двоюродным братом. Примерно в это же время происходит сближение Распутина с Бадмаевым. Очевидно, что у них было какое-то общее дело. А всё, что касалось деятельности Бадмаева, разумеется, не могло проходить мимо Э. Ухтомского.

Таким образом, следует отметить, что люди, отправившие Г. Е. Распутина в Петербург, принадлежали, во-первых, к кругу православных миссионеров, чье проповедничество было связано либо с Востоком, либо со старообрядцами, а во-вторых, были тесно связаны с негласной разведкой Николая II. Чем заинтересовал этих людей Г. Е. Распутин? Каким образом он, безызвестный сибирский мужик, мог иметь влияние на раскольников и сектантов, остается загадкой. Но то, что эта сторона присутствовала в его деятельности, для нас представляется бесспорным.

Наконец, было еще одно обстоятельство, связывающее Распутина с большинством вышеназванных лиц: они так или иначе были связаны с отцом Иоанном Кронштадтским. Кстати, и сам Г. Е. Распутин был большим почитателем праведного Иоанна, от которого получил личное благословение (по словам Распутина, Кронштадтский пастырь ему «пути указал»).

Между тем Император Николай II считал важнейшими задачами своего царствования превращение буддистского Востока в опору Российской Империи и преодоление последствий церковного раскола XVII века. В 1904 г. Государь направляет в Тибет тайную экспедицию, состоящую из офицеров и агентов русской военной разведки. Причём сам лично инструктировал их перед началом экспедиции. Николай II придавал столь важное значение этой экспедиции, что 14 января 1904 г. записал в дневнике: *«В 3 часа принял двух*

донских калмыков – офицера Уланова и ламу Ульянова, которые отправляются в Тибет»^[2948]. Интересно и то, что и представители некоторых старообрядческих сект (например, «корабельники») направляли в Тибет свои экспедиции. Начальником одной такой экспедиции был глава «корабельников» «старец» Никитин, который, «*пройдя курс наук, благополучно вернулся в родную Кострому и принёс с собой многие тайные знания и древние документы из Тибета*»^[2949]. Кстати, имеются легенды современных духовных наследников «старца» Никиты, что Г. Е. Распутин поддерживал контакты с «корабельниками»^[2950]. О самой секте толком ничего не известно, но если Распутин и поддерживал с ней какие-то контакты, то это были именно контакты, а не принадлежность к секте. Там же, в Тибете, действовали английские и германские военно-разведывательные и оккультные миссии. Таким образом, Тибет становится площадкой для широкой идеологической игры, а также геополитического соперничества. Выходцы из тибетских школ начинали играть немалую роль в европейской политике и в европейской, в том числе и российской, духовной жизни. Николаю II было необходимо иметь в этом регионе своих людей, способных как получать оттуда информацию, так и воздействовать на попавших туда русских сектантов, раскольников и эзотериков.

После неудачи войны с Японией и договоренности с Англией о разделе сфер влияний 1907 г. русская активность на тибетском направлении значительно снизилась. Зато ста-

рообрядческий вопрос обострялся все сильнее. Духовный кризис русского общества, который более всего сказался на его элите, приводил к ослабеванию влияния Православной Церкви и усилению роста и влияния множества ересей, сект и раскольничьих групп. Естественно, что враги Самодержавия стремились использовать сектантов и раскольников для разрушения Православной Церкви. Те, кто планировал крушение Российской Империи, видели две составляющие грядущего переворота: революционно-социальную и революционно-реформаторскую. Революция социальная должна была уничтожить монархический строй, революция реформаторская – покончить с Русской Православной Церковью, как нового, так и старого обрядов. В результате этой религиозной революции должна была возникнуть новая реформаторская лжецерковь, что и произошло в 20-е гг. XX в. в виде обновленчества. Сектантское сообщество выработало идею создания некой сектантской лжецеркви. Именно с этой целью шло создание единой сектантской идеологии, которая смогла бы преодолеть различия между отдельными сектами. Фактически происходило объединение западных и восточных тайных оккультных сектантских течений в один сектантский интернационал.

В этой связи не вызывает сомнений, что Г. Е. Распутин поддерживал тесные связи со старообрядцами самых различных толков. Эти связи позволили врагам Распутина обвинять его в принадлежности к секте хлыстов. На самом де-

ле ни к каким хлыстам Распутин никогда не принадлежал, что было доказано специально проведенным расследованием Тобольской духовной консистории с 1907 по 1912 г., вывод которой был однозначен: *«Вопрос о принадлежности кр. [естьянина] сл.[ободы] Покровской Григория Распутина-Нового к секте хлыстов внимательно рассмотрен Его Преосвященством, Преосвященнейшим Алексием, Епископом Тобольским и Сибирским по данным следственного дела, на основании личного наблюдения кр. Гр. Нового и на основании сведений, полученных о нем от людей его хорошо знающих, и что по таком личном обследовании этого дела Его Преосвященство считает кр. Григория Нового православным христианином, человеком духовно настроенным и ищущим правды Христовой»*^[2951].

Сопоставление имеющихся источников заставляет сделать более чем вероятное предположение, что миссия Г. Е. Распутина заключалась в том числе в примирении старообрядцев с царской властью, для чего он и контактировал с раскольниками. Точно так же, но только с другими целями большевик В. Д. Бонч-Бруевич был тесно связан с сектантами, изучал их, помогал и покровительствовал им, что во все не означало его принадлежности к сектам, а стремление использовать их в деле революции. Распутин был в самых добрых, сердечных отношениях с епископом Тобольским и Сибирским Варнавой (Накропиным), который даже приезжал к Распутину в Покровское. Епископ Варнава пользовал-

ся большим почётом у староверов, которые часто приезжали к нему за советом и духовной помощью и встречались с Г. Е. Распутиным^[2952].

Следует также отметить, что активная деятельность Г. Е. Распутина начинается сразу вскоре после кончины святого праведного Иоанна Кронштадтского. А. А. Вырубова свидетельствовала перед ЧСК, что Государь и Государыня *«очень уважали священника Иоанна Кронштадтского. После его смерти Распутин занял его место. Во всех невзгодах жизни, во время частых заболеваний Наследника престола, <...> к Распутину обращались за поддержкой, и бывший Царь, и бывшая Царица просили его молитв»*^[2953]. То есть Царской Четой Распутин воспринимался как своего рода духовный преемник почившего Всероссийского батюшки. Вполне возможно, что именно он и указал на Распутина как на возможного духовного советника и молитвенника. Впрочем, как мы уже писали, дело было не только в молитвах. По всей видимости, Г. Е. Распутин также стал негласным наблюдателем Государя за деятельностью церковной иерархии, многие члены которой не вызывали у Царя доверия. По всей видимости, именно этой деятельностью Распутина была вызвана та необъяснимая ненависть к нему со стороны многих владык. Именно они первыми начали травлю Г. Е. Распутина. Эта травля началась вовсе не сразу, а в 1909–1911 гг. До этого периода все высказывания ее организаторов о Распутине полны самых восторженных эпитетов. Так, владыка

Феофан (Быстров) называл Распутина не иначе как *«старцем необыкновенной святости и прозорливости»*, силы молитвы которого он *«нигде не встречал. Он знает все и читает по лицам прошлое и будущее каждого человека. Этого он достиг постами и молитвой»*^[2954]. Епископ Гермоген (Долганёв) ещё в 1910 г., говоря о Распутине, уверял князя Н. Д. Жевахова *«Это раб Божий: Вы согрешите, если даже мысленно его осудите»...*^[2955] Владыки Феофан и Гермоген были очень близки к Распутину. В этой связи примечательно, что Гермоген значительное внимание уделял борьбе с сектантством и раскольниками.

Отношение вышеназванных лиц начало меняться в 1909 г. Причиной этому стал конфликт саратовского иеромонаха Илиодора (Труфанова) и стоявшего за ним правящего архиерея епископа Гермогена с местными губернскими властями. Илиодор (в миру Сергей Михайлович Труфанов) был любимцем архимандрита Феофана (Быстрова), а пострижен в монахи епископом Сергием (Старгородским) вопреки воле родителей и предсказаний особо почитаемого в Петербурге Мити Блаженного. На самом деле огульная критика губернских властей и самого губернатора графа С. С. Татищева был лишь предлогом для атаки на власть. Вскоре Илиодор в своих проповедях уже нападал на председателя Совета министров П. А. Столыпина, а затем дошел до того, что заявил: *«Бог давал мне право увещевать не только Столыпина, но и Царя, если я думаю, что он действует*

не согласно Божией воле и Священному Писанию»^[2956]. Сейчас весьма трудно сказать, какие цели преследовал епископ Гермоген, фактически поощряя бесноватого Илиодора, будущего расстригу, в его антиправительственной риторике. Как верно пишет С. В. Фомин: *«Только поддержка Гермогеном своего младшего собрата позволяла последнему на виду у всей России в течение многих лет продолжать совершенно бесстыдно безобразничать»*^[2957]. Конечно, Гермоген не мог не понимать всей опасности этих «безобразий» для существующего государственного порядка.

Российская Империя только оправилась от страшной смуты, начало которой положил священник-революционер Георгий Гапон, кстати, учившийся вместе с Илиодором в Санкт-Петербургской Духовной академии, только курсом старше. Гапон и Илиодор знали друг друга, более того, были друзьями и состояли вместе в *«неформальной группе студентов-богословов»*^[2958]. Речи Илиодора, имевшие огромную популярность у экзальтированной толпы, могли привести к новой смуте, которую могли возглавить или использовать революционные силы. Так же как у Гапона покровителем долгое время был митрополит Антоний (Вадковский), у Илиодора таковым являлся епископ Гермоген (Долганёв). Государь не обольщался тем, что Илиодор выступал перед народом с радикально-монархическими проповедями и обращениями. Гапон до поры поступал так же, пока не сменил свою «верноподданническую» риторику на революцион-

ную. Не было никаких сомнений, что Илиодор может поступить подобным же образом, что, кстати, и произошло позже. С. В. Фомин верно подмечает: *«То, что не удалось произвести Гапону слева, Илиодор решил сделать справа»*^[2959]. С. С. Ольденбург писал об этой ситуации: *«В Саратовской губернии были большие нелады между церковными и гражданскими властями. Властный епископ Гермоген с амвона обличал губернатора, гр. С. С. Татищева, открыто критиковал политику правительства. Иеромонах Илиодор, еще молодой инок, обладавший редким демагогическим даром, собирал в Царицыне огромные толпы последователей и в еще более резкой форме нападал как на правительство, так и на частных лиц; называл министров “жидомасонами”»*^[2960]. Генерал-лейтенант П. Г. Курлов, который занимал в описываемые события должность товарища министра внутренних дел, заведующего полицией и командира Отдельного корпуса жандармов, вспоминал: *«Саратовский губернатор граф Татищев вынужден был оставить свой пост вследствие невозможных отношений между ним и епископом Гермогеном, который позволял себе ряд бестактных и недопустимых выходов, направленных против начальника губернии. Его преемник П. П. Стремоухов тоже жаловался на поведение преосвященного Гермогена, прикрывавшего свои неприличные поступки фразами о монархизме и религиозности. Как умный человек, архиерей не доводил своих выходов до крайности, инспирируя и пользуясь для этого иеромонахом*

Илиодором. Последний произносил в Царицыне прямо революционные проповеди, убеждая народ не признавать властей, так как они – еретики и изменники Государю. <...> Мне было ясно, что иеромонах Илиодор – тип появившегося в последние годы духовного карьериста, не останавливающегося в целях популярности среди народа ни перед какими средствами, и что всякая надежда воздействовать на него разумным путем являлась совершенно тщетною»^[2961].

Поэтому ситуация требовала крайне осторожного разрешения. Тем более что и Гермогена, и Илиодора активно поддерживали черносотенные организации. П. А. Столыпин обратился к обер-прокурору Святейшего Синода с просьбой, чтобы высшая духовная коллегия через посредство епископа Гермогена воздействовала на Илиодора. Однако успеха это воздействие не возымело, и думается, не случайно.

По повелению Николая II Илиодора сослали из Саратова в Царицын, но так как Илиодор и там не успокоился, продолжая свои нападки на Столыпина, то его запретили в служении и велели выехать в Минск. Иеромонах туда не поехал, а отправился в Петербург искать помощи у своего духовного отца владыки Феофана (Быстрова).

На этом этапе в этой истории появляется фигура Г. Е. Распутина. Его участие в конфликте Илиодора, за которым стоял епископ Гермоген, воспринималось исключительно из пошлых либерально-большевистских установок, а-ля Пиккуль. Распутин-де помог своему давнему «друзжку» Илиодо-

ру выпутаться из сложной истории, заступившись за него перед Царем и Царицей. Больше всех этот миф распространял сам расстрига-Илиодор, когда сбежал из России. Однако исторические факты неопровержимо свидетельствуют против этих мифов. Вся эта история обстоятельно изложена у С. В. Фомина, и мы не будем на ней подробно останавливаться. Укажем только, что Распутин до 1909 г. вовсе не был близок с Илиодором и по-настоящему познакомился с ним именно в разгар саратовско-царицынского дела. (Мимолетная встреча их в 1905 г. никакого значения не имела.)

Когда Илиодор обратился за помощью к епископу Феофану (Быстрову), тот категорически отказался ему помогать. Как вспоминал сам Илиодор: *«Феофан сидел напротив меня и молчал, словно его тяготило мое присутствие. Вдруг в прихожей раздался звонок. Не прошло и минуты, как в столовую, где мы сидели, вошел человек. То был Распутин. – Ну как ты? Как поживаешь, дорогой? Не беспокойся; все уладится.*

Григорий сел рядом со мной, напротив Феофана. Они смотрели друг на друга, не говоря ни слова. Было очевидно, что между ними возникло какое-то непонимание»^[2962].

Таким образом, очевидно, что епископ Феофан явно не желал ходатайствовать за Илиодора перед Государем, и за это взялся Григорий Распутин. При этом его приход на квартиру к Феофану был для последнего неожиданным и рушил какие-то его планы, в которые был посвящен и Распутин, по-

чему между ними и возникло «непонимание». Но Распутин пришел к Феофану не сам по себе. 29 марта 1909 г. он был у Государя. Было Светлое Христово Воскресение, и само по себе появление Распутина в этот день как будто не является чем-то необычным. Но Государь в своем дневнике от 25 марта записал, что «*посидели с Григорием, кот. [орый] **неожиданно*** (выделено нами. – П. М.) *приехал*»^[2963]. Скорее, всего он доложил Государю ситуацию вокруг Илиодора и о планах епископа Феофана в отношении него.

3 апреля 1909 г. Государыня приняла Илиодора в доме А. А. Вырубовой и строго заявила ему: «*Вы не должны нападать на наших министров и губернаторов. Нельзя. Это несправедливо. Им достаточно нападений Наших врагов. По крайней мере, Наши друзья не должны на них нападать*»^[2964]. Государыня взяла с Илиодора слово, что он больше не будет нападать на министров, и велела ему во всем слушать Распутина. После чего последовал приказ Государя, разрешающий иеромонаху Илиодору «*возвратиться в Царицын на испытание и в последний раз*». Несомненно, что Императрица Александра Феодоровна принимала Илиодора не по своей инициативе, а по воле Государя. Сразу же после встречи с Царицей епископ Феофан и Г. Е. Распутин отправились к Николаю II, который записал в дневнике: «*В 6 час. приехали Феофан и Григорий. Посидели вместе около часа*»^[2965]. Очевидно, что речь шла об Илиодоре и о том, как с ним вести себя дальше. Думается, что Николай II указал

Феофану, что главной фигурой в этом вопросе будет Распутин. Это не могло не задеть духовника Царской Семьи и епископа, и, по всей вероятности, именно тогда в отношении Распутина у него появляется чувство неприязни. Генерал-лейтенант П. Г. Курлов отмечал, что *«каких бы то ни было указаний на влияние Распутина в придворных сферах я в то время по службе не имел и наткнулся на него только в деле Саратовского епископа Гермогена и иеромонаха Илиодора»*^[2966].

Не вызывает сомнений, что Распутин, помогая Илиодору, выполнял волю Государя, который полагал, что можно решить ситуацию с мятежным монахом, направив его неукротимую энергию, так сказать, в «мирное русло». Сделать это должен был Распутин, который, разумеется, сам был сторонником такого решения вопроса. Илиодор внешне с этим согласился, и началась его «дружба» с Распутиным, который ездил к Илиодору в гости в Царицын, а затем вместе с ним и к себе на родину в Покровское. Там Распутин и Илиодор встречались с крестьянами, ловили рыбу, вели беседы на богословские темы. Казалось, что сибирский климат и умиротворяющее влияние Г. Е. Распутина подействовали на Илиодора в лучшую сторону. Он стал мягче, во многом соглашался с мыслями гостеприимного хозяина. Было решено вернуться в Петербург, где Илиодор хотел встретиться с руководителями «Союза русского народа», а Распутин должен был встретиться с Государем. По словам дочери Г. Е. Распутина

Матрены, как раз в это время в Покровское пришло письмо от Государыни, в которой она сообщала о возобновлении приступов гемофилии у Цесаревича^[2967]. Следует сказать, что вышеизложенная информация о приступах гемофилии у Наследника в этот период не подтверждается другими источниками, помимо А. А. Вырубовой, которая, описывая свое пребывание в Ливадии в 1909 г., пишет, что «осенью заболел Наследник. Все во дворце были подавлены страданием бедного мальчика. Ничто не помогало ему, кроме ухода и забот его матери»^[2968]. Однако в своих воспоминаниях, написанных много лет спустя описываемых событий, Вырубова часто путается. Так, сообщая о болезни Наследника осенью 1909 г., она тут же пишет: «Мы прожили до середины декабря; стало холодно, в горах выпал снег. Государь уехал в Италию, в Ракошиджи, к королю итальянскому». На самом деле Николай II уехал в Италию 6 октября, а вернулся через 10 дней, 16 октября. Ни одного упоминания о болезни Цесаревича за осень-зиму 1909 г. в дневнике Государя нет.

Что же касается М. Г. Распутиной, то к ее всякого рода воспоминаниям следует относиться с большой осторожностью⁴⁴. По непонятным причинам М. Г. Распутина и в своих показаниях следователю Н. А. Соколову, и в своих (или яко-

⁴⁴ Поясним здесь, что мы, конечно, имеем в виду прижизненное издание воспоминаний М. Г. Распутиной на французском языке (*Solovieff-Raspoutine Marie. Mon père Grigory Raspoutine. Mémoires et notes. – Paris: J. Povolozky&Cie Editeurs, 1925.*), а не фальшивку: Распутина Матрёна. Распутин. Воспоминания дочери. М.: Захаров, 2002.

бы своих) воспоминаниях часто сообщала откровенно ложные сведения. Здесь у нас нет возможности останавливаться на природе и анализе этой лжи. Частично такой анализ был проведён в нашем труде об убийстве Царской Семьи^[2969]. Опять-таки со слов Матрены, ее отец по душевной простоте или по иным причинам прочитал письмо Илиодору. Если это было действительно так, то Распутин совершил серьёзный проступок независимо от того, какими стремлениями при этом он руководствовался. Илиодор, видя, куда Распутин положил письмо Царицы, взломал замок ящика и его. Позже в своей лживой книжонке Илиодор будет сочинять о десятках писем от Царской Семьи и великих князей, написанные Распутину, которые тот ему якобы показывал и даже подарил несколько из них! Сам Распутин рассказал о краже письма только в 1914 г., после своего тяжелого ранения Хивронией Гусевой. Тогда он сказал следователю: «*Был Илиодор у меня года четыре назад в Покровском, где похитил важное письмо, которое и передал высшим властям*»^[2970]. Собственно, сегодня мы до конца не можем быть уверены, что похищенное письмо было именно от Государыни. В 1916 г. отрекшийся от Церкви и бежавший из России за границу Сергей Труфанов (бывший Илиодор) пытался шантажировать Царскую Семью публикацией имеющихся у него «компрометирующих» её писем. Однако 31 августа 1916 г. посол Российской Империи в Вашингтоне Г. П. Бахметев, докладывая о результатах своей встречи с Труфановым, писал: «Он (Или-

одор. — П. М.) утверждает, что никаких подлинных Высочайших писем у него не имеется, и что последние были им переданы 2 марта 1916 года министру внутренних дел»^[2971]. Г. Е. Распутин утверждал, что похищенное у него письмо Илиодор передал «высшим властям» в 1914 г. Эти слова подтверждаются тем, что в книге Илиодора никаких подлинных писем членов Царской Семьи Распутину нет.

По дороге в Петербург Распутин и Илиодор заехали в Саратов к владыке Гермогену. Последний был весьма доволен тем, что опасная ситуация с бунтарскими проповедями Илиодора, которая могла вполне коснуться и его, успешно завершилась при помощи Распутина. Поэтому ему был оказан владыкой самый милостивый приём. Когда же через два дня Илиодор и Распутин прибыли в Царицын, то, благодаря постоянным восхвалениям иеромонаха, сибирского старца встречали с великими почестями. Илиодор сообщил, что Григорий Ефимович намеревается построить в Царицыне женский монастырь. В Петербург Распутина провожала полуторатысячная толпа во главе с Илиодором.

Между тем в начале 1910 г. против Г. Е. Распутина началась настоящая травля. С. В. Фомин пишет, что ее «открыла пресса»^[2972]. Однако это не совсем так. Тайным организатором травли Распутина был епископ Феофан (Быстров). Его отношение к «брату Григорию» внезапно изменилось, и он стал считать его «искусителем», человеком, находящемся в «духовной прелести», и т. д. Писатель И. В. Евсин справед-

ливо вопрошает: *«Что же такое могло случиться, чтобы владыка Феофан переменил свое мнение о Распутине на прямо противоположное?»*^[2973] По нашему мнению, подлинной причиной такого изменения стало то, что Феофан был сильно уязвлен тем, что вопрос о ходатайстве за Илиодора перед Государем, который он, духовник Царской Семьи, отказался решать, был успешно решен без него каким-то сибирским мужиком! Более того, этот мужик был определен самим Государем как «куратор» Илиодора, встречен с почетом епископом Гермогеном и с восторгом царицынскими почитателями мятежного иеромонаха. Владыка Феофан не мог не понимать, что в лице Распутина появилась сила, на которую он не мог никак влиять, но которая была независима, подконтрольна одному Императору. В начале 1910 г. Николай II регулярно встречается с Распутиным. Только за январь он принял его 10 раз, в феврале 4 раза. Предполагать, что темой их разговоров были только душеспасительные речи на духовные темы, было бы по меньшей мере наивно.

Такая сила в лице Распутина была опасна для епископа Феофана, и его надо было отстранить от Царя. Именно в январе 1910 г. владыка поручил своему ученику иеромонаху Вениамину (Федченкову) собирать на Распутина «компромат». Конечно, это не было сделано в прямой форме, то есть «пылкая и метущаяся» натура отца Вениамина искренне верила в те «письма» и «исповеди», которые поступили против Распутина зимой – весной 1910 г. Тогда же владыка Феофан

написал письмо епископу Гермогену с требованием поддержать его в борьбе с Распутиным: *«Когда нехорошие поступки Распутина стали раскрываться, – показывал Феофан на допросе ЧСК, – Гермоген долго колебался, не зная, как отнестись к этому. Но я написал ему письмо, чтобы он выяснил свое отношение к Распутину. Ибо если мне придется выступить против Распутина, то тогда и против него»*^[2974]. Сам епископ Гермоген вспоминал: *«В начале 1910 года, времени точно не помню, я получил письмо от владыки Феофана. В письме этом последний сообщал мне, что Григорий Распутин оказался совершенно недостойным человеком. Владыка приводил мне целый ряд фактов, порочающих Распутина, как человека развратной жизни. Получив это письмо, я при встрече с Распутиным указал ему недостойность его поведения. Полученное мною письмо, а также мои личные неблагоприятные Распутину наблюдения за ним послужили поводом к резкому изменению моего отношения к Распутину, которого я даже перестал принимать»*^[2975]. В то же время иеромонах Вениамин (Федченков) в письме обрабатывал Илиодора: *«Дорогой отец Илиодор! По поручению Владыки Феофана я пишу вам о следующем. Мы оба умоляем вас не защищать Григория. <...> На исповеди у Владыки Феофана открылись его пакостные дела. Дамы, им обиженные, и девицы В. и Т., им растленные, свидетельствуют против него. <...> Поверьте нам и не защищайте больше его»*^[2976]. По словам Вениамина, к владыке Феофану пришла светская моло-

дая девушка и на исповеди *«рассказала, как Распутин соблазнил ее. И не ее одну»*^{[2977][2978]}. Илиодор, хотя и не сразу, примкнул к антираспутинской кампании.

Таким образом, нельзя не согласиться с мнением А. Н. Варламова, что против Распутина сложился *«союз двух епископов»*^[2979]. Причина этого союза, кроме той, какую мы называли выше, была приоткрыта епископом Гермогеном уже после убийства Г. Е. Распутина его зятю Б. Н. Соловьеву в начале 1919 г.: *«Ты отлично знаешь историю моих отношений с покойным Григорием! Я его любил и верил в него, вернее, в его миссию внести что-то новое в жизнь России, что должно было укрепить ослабевшие связи между Царём и народом на пользу и благо последнего! Но его самовольное отступление от нашей программы, противоположный путь, по которому он пошел, его нападки на аристократию и на таких людей, как Великий Князь Николай Николаевич, которых я всегда считал опорой Трона, заставило вначале отвернуться от него, а затем, видя его усилившееся влияние при Дворе и учитывая, что при этом условии его идеи будут еще вредоноснее, я начал энергичную кампанию против него»*^[2980]. Заметим, ни слова о «несчастных изнасилованных девицах», «пьяных дебошей», а отход от какой-то программы, нападки на Великого Князя Николая Николаевича, который, к слову сказать, всегда был тайно оппозиционен Государю. То есть у владык была своя программа, к которой они привлекли Распутина, но тот быстро понял, что

программа эта не имеет ничего с волей и желанием Самодержца. Распутин, будучи настоящим, а не декларативным верноподданным, сказал Царю правду и стал действовать согласно его воле, а не епископской. Именно это и послужило поводом с их стороны начать травлю Распутина.

Обеспечив себе поддержку со стороны главных «союзников» Распутина (владыки Гермогена и иеромонаха Илиодора), епископ Феофан написал Государю письмо, в котором утверждал, что Распутин *«не только находится в состоянии духовной прелести, но является преступником в религиозном и нравственном смысле, ибо, как следовало из исповеди, отец Григорий соблазнял свои жертвы»*^[2981].

В то же самое время владыка Феофан поспешил к Государыне, у которой он был духовным отцом, и доложил о слышанном, нарушив тем самым тайну исповеди. Игумен Серафим (Кузнецов) отмечал, что этим поступком епископ Феофан *«показал свою неопытность духовную, на слово поверил этой женищине, которая, впоследствии оказалась невинной; но это еще ничего: он доложил Царице, что ему на исповеди такая-то открыла нехорошее по отношению к поведению Григория. Каково же было глубоко верующей Императрице слышать от своего духовника то, что ему было открыто на исповеди! Значит, сегодня он будет говорить одно, завтра другое. Царице было известно каноническое постановление о строжайшем наказании духовников, которые дерзают нарушить тайну исповеди. Этим своим*

поступком, недопустимым для духовника, он решительно оттолкнул от себя так преданную доселе духовную дочь – Царицу, которая чуть-чуть совершенно не потеряла веры в подобных епископов-духовников. Подобному доносу своего духовника Императрица не только не поверила, а сочла его поступок самым недостойными и преступным против церковных канонов»^[2982].

На все «доказательства» епископа Феофана Государыня отвечала: «*Это – клевета*». Здесь следует отметить, что, по словам Великой Княгини Ольги Александровны, «*Ники и Аликс прекрасно знали о прошлом Распутина. Совершенно неверно говорить, что они считали его святым, не способным на грех. Я говорю это опять, и я имею право так говорить: они не были одурачены Распутиным*»^[2983]. Поэтому Царица руководствовалась в своем ответе не «слепой верой» в непогрешимость Распутина, а точными сведениями о лживости той информации, какую изложил ее духовник.

Однако владыку Феофана вовсе не смутила реакция Императрицы. Он стало активно организовывать кампанию против Распутина, в которую вскоре оказались втянуты, в той или иной мере, не только церковные иерархи, но и представители общественности, государственные деятели и придворные, в том числе П. А. Столыпин и Великая Княгиня Елизавета Феодоровна. Масштабы травли Распутина росли день ото дня, приобретая грандиозные размеры. Они приобретали не только антираспутинские, но главным образом ан-

тицарские черты. Главными ее «застрельщиками» по-прежнему были епископ Гермоген и иеромонах Илиодор, которые все больше времени проводили в столице. 16 декабря 1911 г. в Петербурге на Ярославском синодальном подворье епископ Гермоген и тогда еще иеромонах Илиодор пригласили Распутина якобы для беседы, а затем пытались в храме (!) оскопить Распутина. При этом они требовали от него перестать без их разрешения «переступать порог царских дворцов». С большим трудом Распутину удалось вырваться и убежать от них^[2984]. Во всем этом веет неким ритуальным действием, и если уж принято безо всяких на то оснований связывать Распутина с хлыстами, то почему, исходя из этого эпизода с попыткой оскпления, не связать епископа Гермогена и Илиодора со скопцами или иными сектантскими сообществами? Тем более что, по имеющимся сведениям, владыка Гермоген совершил в юности над собой акт самооскопления^[2985]. А если учесть, что вторая попытка оскпления была совершена над Распутиным в июне 1914 г., опять-таки по наущению Илиодора, с помощью кинжала, предположение о том, что против Распутина действовало некое тайное сообщество, вполне имеет право на существование.

В начале 1912 г. Святейший Синод приказал Гермогену вернуться в епархию, но тот не подчинился, прося по телеграфу приема у Государя, чтобы открыть ему «одну тайну». На это Николай II лаконично ответил: «*Ни о какой тайне я знать не желаю*». Тогда же Государь выразил уверенность,

что «*Святейший Синод убедит епископа Гермогена уехать из Петербурга в Саратов*»^[2986].

Понадобились страшные годы революции, Гражданской войны, большевистского террора и крушение Российского государства, чтобы епископ Феофан (Быстров) и епископ Гермоген (Долганёв) поняли, какую опасную игру они затеяли в начале 1910 г. и как страшно ошибались в отношении Г. Е. Распутина. К их чести стоит отметить, что они оба покаялись, а владыка Гермоген принял мученическую смерть от рук большевиков. Ныне оба владыки предстанут в лике Новомучеников и исповедников Российских.

Мы убеждены, что Распутин был тайным помощником Государя, человеком, оказывающим ему неоценимые услуги в тех задачах, где требовалось присутствие неофициальных уполномоченных. Не занимая никаких официальных постов, Распутин пользовался несравненно большей свободой, чем любой полицейский чиновник. Он мог делать Государю такие сообщения, на которые не отважился бы ни один министр. Это подтверждается характером его отношений с уже упоминаемым нами чиновником для особых поручений Департамента полиции Б. К. Алексеевым. Особые поручения, которые выполнял для Департамента полиции Б. К. Алексеев, заключались в аналитической разработке и выявлении деятельности масонских лож в высших эшелонах власти Российской Империи. Бывший Директор департамента полиции С. П. Белецкий на допросе следственной комиссии Времен-

ного правительства рассказывал, что Алексеев составлял для Государя доклады о масонстве, особенно по деятельности французских и германских лож^[2987]. Алексеев был хорошо знаком с Распутиным и по его запискам посещал многих видных сановников. Например, имеется письмо Б. К. Алексеева к Дворцовому коменданту В. Н. Воейкову от 9 февраля 1915 г. В этом письме Алексеев пишет, что *«Григорий Ефимович Распутин сказал мне, что он уже говорил Вашему Превосходительству обо мне, наблюдал меня собственноручным к Вам письмом и приказал мне быть у Вашего Превосходительства в один из ближайших дней»*^[2988]. Эти встречи Алексеев совершал не с корыстной целью, а для передачи им конфиденциальной информации по вопросам, касавшимся государственной безопасности. Причём делал он это по распоряжению Распутина.

Раскольничьи и сектантские сообщества были тесно связаны со многими ведущими лидерами российского крупного капитала, представители которого были ведущими деятелями думского и оппозиционного лагеря. Опасен был Распутин и российским либералам, так как опровергал их демагогию о том, что к Царю «простой человек» не может попасть, что Царь «страшно далёк от народа» и т. п. Распутин, имя которого все больше становилось известным среди простого народа, являлся убедительным опровержением этих домыслов. Поэтому такие враги Николая II, как октябрист А. И. Гучков и кадет П. Н. Милюков, несмотря на свои политические и

партийные разногласия, выступали сообща против Распутина и принимали активное участие в его травле.

Именно окружением Милюкова фабриковались так называемые «письма», «телеграммы» Г. Е. Распутина, а также его «фотографии» с Царской Семьей. Они, как и десятки других, являют собой образцы яростной кампании по дискредитации Распутина. Кем и как велась эта кампания, видно из письма некоего Афанасия Худоносова П. Н. Милюкову от 24 февраля 1912 года: *«Премногоуважаемый Павел Николаевич. Уведомляю Вам: при мне есть фотографическая карточка на одной трое личностей Григория Распутина, епископа Гермогена и иеромонаха Илиодора. Внизу под каждой своеручная роспись, от которых Вы бы могли заключить, что нужно, из поз и над почерком Григория Распутина можно подивиться, лично доказывает малограмотность»*^[2989].

Из этого письма ясно следует, что Милюков собирал любые материалы о Распутине, которые можно было использовать в качестве компрометирующих его свидетельств. А так как этих свидетельств не было, их приходилось придумывать.

Занимался сбором фотографий и автографов Распутина и А. И. Гучков. Об этом свидетельствует письмо некоего Г. Карпова какому-то Николаю Петровичу: *«26 марта 1912 г. Глубокоуважаемый Николай Петрович! Зная Вашу страсть сообщить всякие автографы, я выпросил у А. И. Гучкова письмо от Распутина. Может быть, Вам бу-*

дет приятно заключить эту достопримечательность в Вашу коллекцию. Письмо это является ответом на появление первого письма в виде факсимиле в газетах»^[2990].

Среди этих фальшивок хорошо известна «фотография», где Распутин стоит рядом с Государыней в окружении Царских детей и их няни, а также еще одна «фотография», на которой «запечатлено» совместное чаепитие Царицы с Распутиным. Но если «чаепитие» давно признано всеми серьезными исследователями подделкой, настолько грубо оно смонтировано, то первую до сих пор все издания любят приводить в качестве подлинной. После нашего утверждения о фальшивости этой «фотографии» в книге «Николай II. Отречение, которого не было» С. В. Фомин поспешил заявить: *«Свою лепту в поиски фальшивых фотографий Григория Ефимовича попытался внести и П. В. Мультипли, пишущий в одной из своих книг о “фотомонтажах”»*, далее Фомин утверждает, что фотография Распутина с Царскими детьми самая настоящая, *«пусть и плохого качества, подлинность которых доказывается тем, что Государыня опять-таки Собственными руками вклеила их в один из Своих альбомов, хранящихся ныне в Государственном архиве Российской Федерации»*^[2991]. Вообще выражение: *«вклеила их в один из Своих альбомов, хранящихся ныне в Государственном архиве Российской Федерации»*, не является ссылкой на источник. Если С. В. Фомин настолько уверен в подлинности фотографии, то он должен дать точную ссылку на альбом из

ГА РФ. Кроме того, само по себе присутствие фотографии в фотоальбоме Императрицы вовсе не означает подлинности снимка. Главное определение подлинности – это время вклеивания и что изображено на снимке. Тем более что С. В. Фомин в качестве ссылки приводит не источник из ГА РФ, а книгу «Николай II. Семейный альбом»^[2992], где на стр. 66 приводится упомянутый снимок. Фотографии для этой книги были действительно отобраны сотрудниками ГА РФ, но вот никаких данных, что снимок «Распутина с детьми» был «вклеен» Государыней в свой альбом, там нет. Вообще, что касается качества комментариев сотрудников ведущего Российского исторического архива, то он заставляет желать много лучшего (яркий пример этому комментарии к «Дневникам Императора Николая II. 1894–1918», изданного ГА РФ в издательстве «РОССПЭН», которые изобилуют ошибками, неточностями и просто вопиющими ляпами). Что касается фотографии Распутина, то ее якобы фотокопия была обнаружена автором этих строк в ГА РФ, но не в альбоме Императрицы, а в фонде Г. Е. Распутина, причём дело называется: *«Фотокопии с опубликованных фотографий Г. Е. Распутина, Сергея Труфанова, карикатур на Распутина, заметок о нем в прессе»*^[2993]. Один крупный ученый-историк, имени которого мы не будем здесь раскрывать, рассказывал нам, как появилась эта «подлинная фотография». В ГА РФ имелось два снимка, совершенно нечетких, лица изображенных узнать было нельзя. Фотографии были переданы известному

японскому специалисту по восстановлению фотографий, который после долгой обработки их «специальной» технологией представил имеющиеся снимки с Распутиным, в том числе и с Царскими Детьми, в том виде, в каком мы их видим сегодня. Между тем при внимательном изучении фотографии видно, что лицо Г. Е. Распутина выделяется особой четкостью по сравнению с другими лицами, а лица непосредственно окружающих его людей (Государыни, Цесаревича, Великой Княжны Анастасии) гораздо более четкие, чем лица тех, кто сидит внизу. Создается полное впечатление, что лица людей «сверху» вмонтировали с каких-то других фотографий^[2994]. Особенно хочется остановиться на девочке, которая стоит у зеркала, над головой Распутина. Кто это? Если лица Великих Княжон Марии и Анастасии легко узнаются, то «девочка у зеркала» остается загадкой. Больше всего она похожа на Великую Княжну Ольгу Николаевну, но изображение настолько сильно отретушировано, что это скорее угадываешь, чем узнаешь. Далее совершенно непонятно, как помещаются Цесаревич со своими сестрами на таком узком комод? Куда пропадают их ноги, так как видно, что комод стоит впритык к стене, от которой он почему-то отделен непонятным белым фоном. Нижнее же очертание комода плавно переходит в колени Анастасии Николаевны и в фигуру Распутина. При внимательном рассмотрении мы увидим, что у Распутина в правой руке между пальцами зажато что-то белое, очень похожее на сигарету. Естественно, Распутин не

курил, зато курил Государь, который любил держать сигарету в пальцах именно таким образом. Невозможно себе представить, чтобы Государыня фотографировалась с Распутиным на таком близком от него расстоянии, почти прижимаясь к нему, причем ее правая рука заходит за спину Распутина, а левой нету вообще. Государыня была слишком умна, чтобы не представлять, каким оружием против ее Августейшего Супруга может стать подобная фотография, попади она в руки его врагов. Ещё одно обстоятельство, которое не может не дать повод для серьезного сомнения в подлинности этой фотографии: больше нет ни одного снимка членов Царской Семьи с Распутиным, кстати, как и не существует снимков, на которых Императрица Александра Феодоровна была изображена в такой непосредственной близости с мужчиной в отсутствие своего Супруга. Наконец, еще один важный вопрос: где был сделан этот снимок? Нас уверяют, что это произошло в 1908 г. в Царском Селе, надо понимать – Александровском дворце. Но среди многочисленных дореволюционных фотографий покоев Александровского дворца ни в одном из них нельзя узнать интерьеры, хотя бы отдаленно похожие на изображенный на фотографии. Более того, нам неизвестно больше ни одной фотографии, где бы члены Царской Семьи снимались в комнате с таким интерьером. Все вышеизложенное убедительно свидетельствует в пользу заключения о фотомонтаже.

Что касается так называемого «дневника» Г. Е. Распути-

на, который был недавно издан под видом подлинного, то в самой описи ГА РФ слово «дневник» взято в кавычки и указано, что он фальшивый^[2995].

На сегодняшний день бесспорным является факт, что подлинных дневников агентурного наблюдения за Распутиным – нет. Это косвенно признаёт и ведущий специалист исторического архива доктор ист. наук З. И. Перегудова: «В ГА РФ сохранилось довольно много дневников наружного наблюдения за Распутиным за 1910–1916 гг., клички наблюдения за ним были “Русский”, “Тёмный”. Особенностью этих дневников является то, что они представляют собой машинописные копии филёрских наблюдений. Оригиналов рукописных филёрских дневников, которыми бы следовало бы пользоваться, обнаружить не удалось. Поэтому существует точка зрения, что эти дневники – более поздняя фальсификация. Некоторые исследователи считают, что наблюдение не велось, а всё это – сочинение полиции»^[2996].

З. И. Перегудова убеждена, основываясь на воспоминаниях генерала К. И. Глобачёва, что наблюдение за Распутиным велось, а имеющиеся в архиве копии предназначались для министра внутренних дел. Правда, при этом непонятно все-таки, где же подлинники самих дневников. Кроме того, отношение самого генерала Глобачёва к Распутину было весьма далеко от объективного. По существу, это повторение слухов, а то и просто фантазии. Чего стоит, например, этот пассаж из его рассуждений о Распутине: «Искренней любви ни

к одной из его многочисленных любовниц у него не было. Его просто влекло к женскому телу чувство похоти и разврата»^[2997]. Разве это стиль оперативного сотрудника, высокопоставленного руководителя органов государственной безопасности?

Развязанная в 1910 г. газетная травля против Г. Е. Распутина набирала обороты и в 1912 г. приняла характер настоящей кампании. А. А. Амальрик в своем незаконченном труде о Г. Е. Распутине писал, что газетную травлю поддержал А. И. Гучков при благословении епископа Феофана (Быстрова) при непосредственном исполнении «двух ренегатов»: правого монархиста Л. А. Тихомирова, бывшего народовольца, и православного миссионера М. Н. Новоселова, бывшего толстовца^[2998]. Граф В. Н. Коковцов вспоминал, что *«в газетах все чаще и чаще стало упоминаться имя Распутина, сопровождаемое намёками на его близость ко Двору. <...> Газетная кампания не предвещала ничего доброго. Она разрасталась все больше»*^[2999].

Император Николай II и Императрица Александра Фёдоровна весьма болезненно реагировали на кампанию против Г. Е. Распутина. Причина этой реакции заключалась не в том, что они слепо верили «в святость» сибирского старца, а в том, что у них имелось множество доказательств лживого клеветнического характера этой кампании. Не надо забывать, что по приказу Николая II неоднократно проводились проверки о принадлежности Г. Е. Распутина к хлыстам, о его

пьяных выходках, якобы имевших место, о его распутстве. Всякий раз эти проверки доказывали полную несостоятельность этих обвинений. Кроме того, Государь хорошо понимал, что стрелы, выпускаемые в Распутина, предназначены прежде всего для него. Когда министр Двора граф В. Б. Фредерикс, по наущению графа В. Н. Коковцова и обер-прокурора Святейшего Синода В. Б. Саблера, пытался убедить Николая II в необходимости высылки Распутина из Петербурга, то Государь выразил свое крайнее недовольство самим фактом обсуждения этой темы, заявив, что все это происки Гучкова при «недопустимой слабости» министра внутренних дел А. А. Макарова, от которого Царь еще в 1910 г. не первый раз требовал *«раз навсегда прекратить травлю Распутина»*^[3000]. Николай II понимал, что *«сегодня требуют отъезда Распутина, а завтра не понравится кто-либо другой, и потребуют, чтобы и он уехал»*^[3001]. В. Н. Коковцову Государь указывал на недопустимость газетной травли Распутина, заявив, что *«нужно действительно пресечь эту гадость в корне, и я приму к тому решительные меры»*^[3002]. Однако даже Царь был бессилен что-либо сделать, когда застрельщиками этой клеветы, помимо старых врагов из Государственной думы, оставались такие люди, как Л. А. Тихомиров, М. Н. Новоселов, Б. В. Никольский, В. М. Пуришкевич, заверявшие себя в почитании самодержавной монархии и в приверженности чуть ли не к черносотенству. Причем в своих нападках на Распутина эти правые монархисты были

более агрессивны, чем их либеральные союзники (например, журналист А. А. Столыпин (брат П. А. Столыпина), постоянный сотрудник «Нового времени» и один из ведущих лидеров партии октябристов). Поэтому нельзя не согласиться с Государем, который на заданный ему в 1908 г. В. Н. Кокцовым вопрос: *«Ваше Величество, хотите по-видимому опираться на крайне правых?»* – ответил: *«Нет, я отлично знаю крайне правых»*^[3003]. Газеты изымались, тиражи арестовывались, от каждого такого действия подымался новый гвалт «по поводу незаконности» действий Правительства, и статьи выходили в других газетах, за подписью других авторов. Поэтому вопрос Государя к А. А. Макарову: *«Неужели нет никакой возможности исполнить Мою волю?»* – был совсем не риторическим. В отпадающем от Бога обществе личность Самодержца, его воля, защита его интересов отходили на второй план, а то и вовсе становились совершенно необязательными. Примечательно, что поднятая прессой волна клеветы и сплетен против Распутина накрыла с головой многих людей, даже очень близких к Государю, которые были готовы верить всему вздору, что печатался на страницах газет. При этом почти все те, кто находился в ужасе от «страшного Гришки», ни разу его даже в глаза не видели! Классическая фраза митрополита Евлогия (Георгиевского): *«Распутина я никогда в глаза не видел, хоть и не раз имел возможность с ним встретиться, но от встречи с ним я всячески уклонялся»*^[3004]. То есть и не видел, и не общался, и

не хотел общаться, но сплетням и слухам верил. Такой подход был характерен не только для владыки Евлогия, но и для подавляющего числа «обвинителей» Распутина.

26 января 1912 г. по инициативе А. И. Гучкова вопрос об антираспутинских публикациях был вынесен на заседании Думы. Так как Распутин являлся лицом неофициальным, то запрос о его «злодеяниях» был предъявлен под видом запроса о конфискации московской газеты братьев Гучковых за небольшую заметку о старце^[3005]. Дума почти единогласно приняла *«спеиный запрос в правительство о законности требований к прессе не печатать статьи по поводу Распутина»*. То есть, по существу, Дума поставила вопрос о законности требований Государя Императора! Заметим, что в Государственной думе 3-го созыва было немало крайне правых депутатов, постоянно деклариовавших о своем монархизме и черносотенстве, но против запроса проголосовал только правый октябрист барон Н. Г. Черкасов^[3006]. В антираспутинскую кампанию была включена даже Вдовствующая Императрица Мария Феодоровна, которой В. Н. Кокцов «вероноподданнически» передавал «ужасные» сведения, по существу, ни на чем не основанные сплетни. 16 февраля 1912 г. Император Николай II и Императрица Александра Феодоровна принимали у себя Вдовствующую Государыню. Мария Феодоровна настоятельно советовала им «отпустить» Распутина «теперь, когда в Думе ждут ответа». Государь на это ответил, что он не знает, как это возможно, а

Императрица Александра Феодоровна заявила, что «*нельзя уступать*»^[3007]. 17 февраля 1912 г. убеждал Государя удалить Распутина уже сам В. Н. Коковцов. 18 февраля 1912 г. Распутин выехал из Петербурга в Покровское. Сделал ли он по повелению Государя, или это было его собственное решение – неизвестно. Между тем в кампании против Распутина активную роль начал играть председатель Государственной думы камергер М. В. Родзянко, который в разговорах с Императрицей Марией Феодоровной продолжал нагнетать обстановку вокруг мнимых «похождений» Распутина. Однако, когда Мария Феодоровна попросила камергера предоставить ей документы, обличающие «развратника», особенно письмо ему Царицы, которое, по утверждению Родзянко, было у него на руках, последний исполнить просьбу Вдовствующей Императрицы отказался, отделившись каким-то путаным вздором^[3008].

26 февраля 1912 г., на приеме у Государя, Родзянко сделал доклад о «страшном» поведении «хлыста» Распутина, «орудия в руках темных сил». Государь выслушал Родзянко и неожиданно поручил ему произвести расследование по делу Распутина, для чего повелел дворцовому коменданту генерал-адъютанту В. А. Дедюлину выдать из Синода председателю Государственной думы все секретные дела по этому вопросу: «*Пусть он хорошенько все разберет и Мне доложит. Но пусть об этом никто не будет знать*»^[3009]. При этом С. С. Ольденбург отмечает, что Николай II, отдавая по-

ручение Родзянко проверить дела в отношении Распутина в хлыстовстве, сам в них не верил, а *«Государыня вообще видела в них сплошную клевету»*^[3010]. Ю. Рассулин верно отмечает: *«Повеление, сделанное Государем, как и его реакция на доклад Родзянко, еще раз позволяет увидеть необыкновенные качества души Императора Николая II. Зная отношение Михаила Родзянко к Григорию Распутину, вновь можно подивиться смелости и открытости Государя. Он верил в людей, в их искренность и здравомыслие»*^[3011]. Однако Николаю II пришлось в который раз убедиться в двурушничестве и подлости многих представителей высших сановников его Империи. Получив распоряжение Государя, Родзянко не только нарушил взятое перед ним обязательство хранить результаты расследования в тайне, но тут же привлек к «расследованию» депутатов А. И. Гучкова и октябриста Н. П. Шубинского. 9 марта 1912 г. Гучков на заседании Государственной думы пустился в патетическую демагогию и клевету: *«Хочется кричать, хочется кричать, что Церковь в опасности и в опасности государство. Вы все знаете, какую тяжёлую драму переживает Россия. В центре этой драмы – загадочная, трагикомическая фигура, точно выходец с того света, или пережиток темноты веков, странная фигура в освещении XX века. Какими путями этот человек достиг центральной позиции, захватив такое влияние, перед которым склоняются высшие носители государственной и церковной власти? Вдумайтесь только – кто же хозяини-*

чает на верхах, кто вертит ту ось, которая тащит за собой и смену направлений, и смену лиц, падение одних, возвышение других?»^[3012] Речь Гучкова должна была стать прелюдией к докладу Родзянко Николаю II о Распутине. Родзянко «*послал Государю письменную просьбу о приеме по текущим делам Думы*». Прошло достаточно времени, но никаких распоряжений из Царского Села не поступало, Государь хранил молчание. Родзянко в первых числах марта отправился к Коковцову, чтобы спросить совета Коковцова, как ему поступить. В разгар их беседы Коковцову из Царского Села пришел большой пакет от Государя, в котором помимо других бумаг находилось письменное прошение Родзянко об аудиенции с наложенной на нем резолюцией Николая II: «*Я не желаю принимать Родзянко, тем более, что всего на днях он был у меня. Скажите ему об этом. Поведение Думы глубоко возмутительно, в особенности отвратительна речь Гучкова по смете Св. Синода. Я буду очень рад, если мое неудовольствие дойдет до этих господ, не все же с ними раскланиваться и только улыбаться*»^[3013]. Коковцов почему-то ничего не сказал Родзянко о полученной им резолюции Императора и, отложив пакет в сторону, продолжил разговор. По словам Коковцова, Родзянко уехал от него успокоенный. Здесь нельзя не согласиться с Ю. Рассулиным, который пишет: «*Помимо раскрытия существа дела описанный Родзянко эпизод свидетельствует еще и о следующем. Коковцов в вопросе о Распутине занимал сторону Родзянко,*

поддерживал Родзянко, старался смягчить, прежде всего, для Родзянко остроту ситуации, чтобы не допустить закрытия Думы, взявшей курс конфронтации с Царским правительством, не допустить решительных действий Государя, а вдруг Царь эту Думу в очередной раз разгонит»^[3014].

15 марта 1912 г. Царская Семья уехала в Ливадию, куда прибыла 18 числа того же месяца. В начале мая 1912 г. из Покровского в Петербург возвратился Г. Е. Распутин.

Ещё одной важной темой, которой занимался Распутин, несомненно, по повелению Государя, было так называемое дело имяславцев. Начало этому делу положил богословский спор, начавшийся в 1907 г. в Русской Православной Церкви, по вопросу «Имяславия». В том году схимонах Иларион (Домрачёв), проживший в Пантелеимоновом монастыре на святой горе Афон, а потом направленный на Кавказ в Ново-Афонский монастырь, написал книгу «На горах Кавказа». В ней старец поведал о своём духовном опыте Иисусовой молитвы как доказательстве того, что имя Божие есть сам Бог и может творить чудеса. Книга стала чрезвычайно популярной среди русских монахов на Афоне. Некоторые из этих монахов утверждали, что имена вещей существовали до появления самих вещей и, таким образом, Имя Бога должно было быть предсоздано до сотворения мира и не может быть не чем иным, как самим Богом. Другая часть русских афонских монахов (среди них иеромонах Алексей (Киреевский) и инок Хрисанф (Минаев)), сочла это учение пантеизмом,

несовместимым с христианством. Сторонников имяславия стали называть имяславцами, а противников стали называть имяборцами. Иеросхимонах Андреевского скита Афонской горы Антоний (в миру гвардейский офицер А. К. Булатович) стал одним из главных сторонников учения и главным защитником «имяславия»^[3015].

Наиболее авторитетным противником нового учения в России был архиепископ Волынский Антоний (Храповицкий), который рассматривал имяславие как ересь и разновидность секты хлыстов. В 1912 г. решением Святейшего Синода книга «На горах Кавказа» была запрещена в России. В сентябре 1912 г. книга была осуждена в послании Вселенского Патриарха Иоакима III настоятелю русского монастыря св. Пантелеимона, в котором имяславие было названо «бессмысленным и богохульным» и увещевало его сторонников *«отстать от душевредного заблуждения и перестать спорить и толковать о вещах, которых не знают»*^[3016].

В мае 1913 г. состоялось заседание Синода под председательством митрополита Санкт-Петербургского Владимира (Богоявленского), в котором было заслушано три независимо подготовленных доклада: архиепископа Антония (Храповицкого), архиепископа Никона (Рождественского) и канониста Сергея Троицкого. Все доклады признавали учение «имябожников» неправославным. По итогам заседания единогласно было принято синодальное постановление, осуждающее учение «имябожников». Было издано соответствующее

щее Послание, составленное архиепископом Сергием (Старгородским).

По монастырям России была разослана бумага с осуждением «имябожия». В соответствии с предписанием Святейшего Синода 4 июня 1913 г. яхта «Донец» доставила архиепископа Вологодского Никона Рождественского и профессора Троицкого на гору Афон с целью «усмирения монашеского бунта» (11 июня к ним на помощь подошёл пароход «Царь» с 5 офицерами и 118 солдатами). В течение июня архиепископ Никон вёл переговоры с имяславцами и пытался заставить их поменять свои убеждения добровольно, но потерпел неудачу.

3 июля 1913 г. прибыл пароход «Херсон», направленный с целью выдворения монахов с Афона. Российский консул в Константинополе А. Ф. Шебунин отдал приказ солдатам 6-й роты 50-го Белостокского полка взять «мятежников» приступом, но без кровопролития. Монахи оказывали активное сопротивление, ввиду чего некоторых из них поливали водой из 2 пожарных шлангов (согласно некоторым имяславским источникам, были раненые и даже убитые). После взятия Пантелеимонова монастыря монахи из Андреевского скита сдались добровольно. В Россию с Афона было выслано 833 монаха, 40 из которых были отправлены в тюрьмы, а остальные лишены духовного сана и сосланы в различные области Российской Империи. Основного руководителя имяславцев на Афоне, Антония Булатовича, сослали в его

родовое имение в село Луцыковка Харьковской губернии.

Разгром имяславия на Афоне в 1913 г. свидетельствовал о глубоком кризисе, в котором находилась Церковь накануне революции. Нанеся удар по русскому афонскому монашеству, Святейший Синод подставил под удар и себя, и всю Российскую Церковь^[3017].

Николай II сначала доверился мнению священноначалия о еретической сущности имяславия, но затем картина стала становиться всё более сложной, а вся история вокруг выселения русских монахов с Афона явно сильно вредила престижу России и ослабевала русское духовное присутствие на Святой горе. 17 июля Государь встретился с обер-прокурором В. К. Саблером и заслушал его доклад о выселении имяславцев с Афона^[3018]. В тот же вечер Государь встретился с Г. Е. Распутиным по этому же вопросу. Сам Г. Е. Распутин полностью сочувствовал имяславия, что подтверждал С. П. Белецкий: *«Распутин, <...> из его слов объяснения мне существа разномыслия, происшедшего на Афоне, и из его горячей поддержки их мнения, было очевидно, что он сам был сторонником этого течения в монашеской среде; при этом, когда я ему прямо поставил вопрос, верует ли он так же как и они, он мне прямо ответил утвердительно и добавил, что не только на Афоне монахи придерживаются этого толкования Имени Божия, но и в других старых монастырях, которые он посещал, и что спор этот давний. Затем впоследствии, как я уже говорил, Распутин все время отстаивал*

имябожцев»^[3019].

В сентябре 1913 г. Император принял наместника Афонского Свято-Пантелеимонова монастыря иеромонаха Иакинфа и иеромонаха Мелитона, которым выразил пожелание, чтобы впредь не повторялись такие печальные события. Приблизительно в это же время Государь принял вернувшегося с Афона секретаря русского посольства в Константинополе П. Б. Мансурова, который подробно доложил Николаю II об обстоятельствах выселения афонских монахов. При этом Мансуров отметил, что действия архиепископа Никона были слишком поспешными и крутыми. Государь на это промолчал, но отметил, что знает Булатовича как «лихого офицера» и вообще *«говорил об имяславцах сочувственно»*^[3020]. Вскоре после этого Государь повелел Синоду покончить дело миром в связи с приближающейся Светлой Пасхой: *«В этот Праздник Праздников, – писал он синодалам, – когда сердца верующих стремятся любовью к Богу и ближним, душа Моя скорбит об афонских иноках, у которых отнята радость приобщения Святых Тайн и утешение пребывания в храме. Забудем распрю: не нам судить о величайшей святыне – Имени Божию, и тем навлекать гнев Господень на Родину; суд следует отменить и всех иноков, по примеру митрополита Флавиана, разместить по монастырям, вернуть монашеский сан и разрешить священнослужение»*^[3021].

Косвенным доказательством недовольства Государя действиями владыки Никона было то, что он так и не принял его

с отчётом о событиях на Афоне, между тем как с группой имяславцев он встретился зимой 1914 г. На встрече присутствовала Императрица Александра Феодоровна, которая не смогла сдержать слёз, слушая о печальных событиях в афонском монастыре. Царь и Царица были с монахами весьма милостивыми, а Государь сказал, что вопрос об Имени Божиим будет рассмотрен на Церковном Соборе^[3022]. 7 мая 1914 г. под председательством митрополита Московского Макария (Невского) Московская Синодальная Контора произвела суд над руководителями имяславия. Суд этот не пришёл ни к каким определённым выводам, но после него Святейший Синод позволил имяславцам занимать посты в Православной Церкви без формального покаяния, но определил, что само учение нужно всё ещё считать ересью. Митрополит Макарий снял канонические запрещения с имяславцев. 27 августа 1914 г. иеромонах Антоний (Булатович) попросил послать его, как военного священника, в действующую армию, и его просьба была одобрена Святейшим Синодом.

Общественное мнение было склонно приписывать помилование имяславцев Г. Е. Распутину, который «убедил» в этом Царя. Между тем Распутин лишь предоставил Государю полную историю старого богословского спора, то есть сделал то, что не смогли сделать богословы-митрополиты и епископы из Святейшего Синода. Последние уподобились иудейским фарисеям, считавшим, что только они могут быть «толкователями» Закона. Своей гордыней они по-

ставили Церковь, и так находившуюся в тяжелом духовном положении, на грань очень серьезных разногласий, грозивших расколом. Христианский поступок Государя, несомненно, предотвратил его. Между тем гордыня владык, виновных в расправе с имяславцами, не давала им возможность, с одной стороны, понять свою вину и ответственность за случившиеся, а с другой – разуместь того, что Государь в своих действиях руководствовался христианской любовью и милосердием. Не в силах понять этого, синодалы обвиняли во всем Г. Е. Распутина, приписывая ему исключительное влияние на Государя. Их раздражало, что «неграмотный» мужик, якобы ничего не понимающий в предмете спора, значит в глазах Государя больше, чем они. О том, что Распутин не понимал тему спора, пишет и А. Н. Варламов: *«Едва ли сибирский странник глубоко разбирался в подоплеке того сложного богословского спора, который велся между архиереями русской Церкви и монахами Пантелеймонова монастыря и который по сей день можно считать не до конца решенным. Скорее всего, Григорий просто сочувствовал потерпевшей стороне»*^[3023].

Однако подобные выводы совершенно не учитывают глубокие познания Распутина в Священном Писании и в православном богословии. Показания Белецкого как раз свидетельствуют, что Распутин хорошо и давно знал предмет спора, посещая разные обители и старцев. Именно это обстоятельство учёл Государь, когда выслушивал доводы Распути-

на.

Говоря о роли Г. Е. Распутина в жизни Царской Семьи, конечно, невозможно обойти вниманием важнейшую и главную для нее, а именно значение Распутина как человека, чьими молитвами не раз была спасена жизнь Наследника Цесаревича Алексея Николаевича.

Первое облегчение болезни Наследника по молитвам Распутина произошло в конце 1907 г. По словам Марии Распутиной: *«У Цесаревича Алексея был сильный приступ гемофилии. Обессиленный от потери крови, он лежал на кровати с закрытыми глазами. Рядом с ним на коленях стояла Государыня и горько рыдала. Вошел Распутин. Он повелительным тоном потребовал, чтобы все присутствующие опустили на колени и молились. Сам же устремил свой пронзительный взгляд на больного ребенка и положил руку ему на голову. Цесаревич слегка вздохнул и открыл глаза. Он не испугался, увидев около себя чужого бородатого человека, а улыбнулся. Это был знак того, что жизнь стала возвращаться к больному. Кровотечение остановилось, кризис прошел, и Цесаревич стал поправляться»*^[3024]. Слова М. Г. Распутиной подтверждаются воспоминаниями Великой Княгини Ольги Александровны: *«Первый кризис произошёл, когда Алексею едва исполнилось три года. Он упал в Царскосельском парке. Малыш не заплакал, на ножке почти не осталось ссадины, но произошло внутреннее кровоизлияние, и несколько часов спустя ребёнок корчился от невыно-*

симой боли. <...> Бедное дитя так страдало, вокруг глаз появились тёмные круги, тельце его как-то съезжилось, ножка до неузнаваемости распухла. От докторов не было совершенно никакого проку. Перепуганные больше нас, они все время перешептывались. По-видимому, они просто не могли ничего сделать. Прошло уже много часов, и врачи оставили всякую надежду. Было уже поздно, и меня уговорили пойти к себе в покои. Тогда Аликс отправила в Петербург телеграмму Распутину. Он приехал во дворец около полуночи, если не позднее, и к тому времени я была уже в своих апартаментах.

На следующее утро Алики позвала меня в спальню Алексея. Я глазам своим не поверила. Мальши был не только жив, но и здоров. Он сидел на постели, жар, словно рукой сняло, от опухоли на ножке не осталось и следа, глаза ясные, светлые. Ужас вчерашнего вечера казался невероятным, далёким кошмаром. Впоследствии я узнала от Алики, что Распутин даже не прикоснулся к ребёнку, он только стоял в ногах постели и молился»^[3025].

10 марта 1912 г. Великая Княгиня Ксения Александровна записала в своем дневнике: «В вагоне Ольга (Великая Княгиня Ольга Александровна. – П. М.) нам рассказала про свой разговор с ней (Императрицей Александрой Феодоровной. – П. М.). Она в первый раз сказала, что у бедного мальчика эта ужасная болезнь и оттого она сама больна и никогда окончательно не поправится. Про Григория она сказала,

что как ей не верить в него, когда она видит, что маленькому лучше, как только тот около него и за него молится»^[3026].

В начале сентября 1912 г. Царская Семья поехала в Беловежскую Пушу, а оттуда в Спалу. В Беловеже Наследник неудачно прыгнул в лодку и, потеряв равновесие, получил растяжение в верхней части левой ноги. Ссадина была столь незначительной, что на нее вначале никто не обратил внимания. В официальном сообщении о болезни Наследника Цесаревича, подписанного ведущими профессорами медицины, говорилось: *«В первых числах истекшего сентября месяца, на первых днях пребывания в Беловеже, Его Императорское Высочество Наследник Цесаревич, прыгая в лодке, сделал очень широкий шаг. Первое время после этого не наблюдалось никаких болезненных явлений, ни сколько-нибудь уловимых изменений в общем состоянии Его Высочества»*^[3027].

Но в результате растяжения у мальчика произошло внутреннее кровоизлияние, которое усугубилось 28 сентября в результате падения Цесаревича. 2 октября в Спале состояние его здоровья резко ухудшилось: в паху образовалась кровяная опухоль. Император Николай II отметил в своем дневнике 5 октября 1912 г.: *«Невесёлые именины провели мы сегодня, бедный Алексей уже несколько дней страдает вторично от внутреннего кровоизлияния. Первый раз это случилось в Беловеже. Проф. Федоров вчера приехал. Слава Богу он нашел известное улучшение»*^[3028]. Однако здоровье На-

следника продолжало ухудшаться, его уложили в постель. Когда температура Цесаревича поднялась выше 39,6°, граф В. Б. Фредерикс попросил Государя опубликовать бюллетень о болезни сына. Государь согласился, и бюллетени стали выходить регулярно. Первый из них был отослан в Петербург 8 октября, где он был напечатан в «Правительственном вестнике», «Новом времени» и других газетах. В Спале не было храма, и в парке дворца, в палатке, была устроена походная церковь, где священник совершал молебны о здравии и исцелении Царственного ребенка, на которые собирались сотни окрестных крестьян. Молебствия начались и во всех церквях России.

А. А. Вырубова вспоминала, что в течение трех недель Наследник *«находился между жизнью и смертью, день и ночь он кричал от боли; окружающим его было тяжело слышать его постоянные стоны, так что проходя его комнату мы затыкали уши. Государыня всё это время почти не раздевалась, не ложилась и почти не отдыхала, часами просиживая у кровати своего маленького больного сына, который лежал на боку с поднятой ножкой, часто без сознания. Ногу эту Алексей Николаевич потом ещё долго не мог выпрямить. Крошечное, восковое лицо с заострённым носиком было похоже на покойника, взгляд огромных глаз был бессмысленный и грустный. Как-то раз, войдя в комнату сына и услышав его отчаянные крики, Государь выбежал из комнаты и, запершись у себя в кабинете, расплакался. Однажды*

Алексей Николаевич сказал своим родителям: “Когда я умру, поставьте мне в парке маленький каменный памятник”. <...> Раз, сидя за завтраком, Государь получил записку от Государыни. Побледнев, он знаком показал врачам встать из-за стола: Императрица писала, что страдания маленького Алексея Николаевича настолько сильны, что можно ожидать самого худшего»^[3029].

Период с 6 по 10 октября был самым критическим. Государь в письме к своей матери, Вдовствующей Императрице Марии Феодоровне, писал: «Несчастный Маленький страдал ужасно, боли схватывали его спазмами и повторялись почти каждые четверть часа. От высокой температуры он бредил и днём, и ночью, садился в постели, а от движения тотчас же начиналась боль. Спать он почти не мог, плакать тоже, только стонал и говорил: “Господи помилуй”»^[3030].

Есть несколько свидетельств, которые утверждают, что в критическую минуту болезни Наследника Государыня послала Григорию Распутину телеграмму. А. А. Вырубова: «Государыня повторяла, что ей не верится, чтобы Господь их оставил. Они приказали мне послать телеграмму Распутину. Он ответил: “Болезнь не опасна, как это кажется. Пусть доктора его не мучают”»^[3031]. Великая Княгиня Ольга Александровна: «Императрица Александра Феодоровна послала срочную телеграмму Григорию Распутину в Покровское. От него сразу же последовал ответ: “Бог

увидел Ваши слёзы и услышал Ваши молитвы. Не печальтесь. Маленький не умрёт. Не давайте докторам мучить его слишком много”»^[3032].

В письме матери, Вдовствующей Императрице Марии Фёдоровне, Государь ничего не писал о телеграмме Распутина, сообщив только о том, что *«10 октября мы решили причастить Алексея, и сейчас же ему сделалось лучше»^[3033]*. То же самое читаем в дневнике Николая II: *«Сегодня слава Богу, наступило улучшение в состоянии здоровья дорогого Алексея, температура спустилась до 38,2°. После обедни, отслуженной законоучителем детей о. Васильевым, он принёс Св. Дары к Алексею и причастил его. Такое утешение для нас. После этого Алексей провёл день совсем спокойно и бодро»^[3034]*.

Однако это вовсе не означает, что телеграммы Распутина не было. Государь мог не сообщать матери об этой телеграмме, считая её исключительно внутренним делом семьи. Пьер Жильяр подтверждает, что обмен телеграммами между Распутиным и Вырубовой был во время болезни Наследника весьма активным. *«Как и во время прежних отлучек Распутина, довольно частый обмен телеграмм происходил при посредстве 2-жи Вырубовой, между селом Покровским и различными резиденциями, в которых Царское семейство последовательно проживало в течение 1912 года»^[3035]*.

Ещё один случай исцеления Цесаревича по молитвам Г. Е. Распутина произошёл 17 июля 1913 г. Накануне Цеса-

ревич от усиленных движений во время игры растянул правую руку, и вскоре у него началось внутреннее кровоизлияние. Вечером того же дня Государь принимал Г. Е. Распутину по вопросу имяславцев. Помимо этого, старец поговорил с Государыней и Великими Княжнами, а также посетил больного Цесаревича, после чего уехал. После этого в дневнике Государя записано: *«Скоро после его отъезда боль в руке у Алексея стала проходить, он сам успокоился и начал засыпать»*^[3036].

В 1915 г. с Цесаревичем Алексеем произошло кровоизлияние носом, которого все очень боялись, так как при плохой свертываемости крови оно могло кончиться смертельным исходом. Кровоизлияние произошло в поезде по дороге в Ставку. Доктор Деревенко, отчаявшись остановить кровь, просит вернуть поезд в Царское Село. Только вмешательство Распутина в тот день смогло предотвратить трагедию. Рассказывает Вырубова: *«С огромными предостережениями перенесли его из поезда. Я видела его, когда он лежал в детской: маленькое восковое лицо, в ноздрях окровавленная вата. Профессор Федоров и доктор Деревенко возились около него, но кровь не унималась. Федоров сказал мне, что он хочет попробовать последнее средство – это достать какую-то железку из морских свинок. Императрица стояла на коленях около кровати, ломая себе голову, что дальше предпринять. Вернувшись домой, я получила от нее записку с приказанием вызвать Григория Ефимовича. Он приехал во*

дворец и с родителями прошел к Алексею Николаевичу, по их рассказам, он, подойдя к кровати, перекрестил наследника, сказав родителям, что серьезного ничего нет и им нечего беспокоиться, повернулся и ушел. Кровотечение прекратилось. Государь на следующий день уехал в Ставку. Доктора говорили, что они совершенно не понимают, как это произошло. Но это – факт»^[3037].

Глава 4. Династический кризис в Императорском Доме

Благочестивая семья Императора Николая II была почти исключением в многочисленном Императорском Доме. Кроме нее, высокую планку принадлежности Династии Романовых на высоте держала только семья Великого Князя Константина Константиновича. Представители других ветвей Царствующего Дома всё чаще забывали о долге перед его Главой и Россией, ставя свои личные интересы выше их. Причём эти процессы затронули ближайших после Николая II и Цесаревича Алексея претендентов на престол.

27 сентября 1902 г. Великий Князь Павел Александрович, дядя Николая II, женился в нарушение слова, данного им Государю, на разведенной Ольге Валерьяновне Пистолькорс, с которой он сожительствовал с 1897 г. По этому поводу Николай II писал Вдовствующей Императрице Марии Феодоровне: *«Ещё весной я имел с ним (Великим Князем Павлом Александровичем. – П. М.) крутой разговор, кончившийся тем, что я предупредил о последствиях, которые его ожидают. Ко всеобщему огорчению, ничего не помогло... Как все это больно и тяжело, и как совестно перед всем светом за наше семейство! Какое теперь ручательство, что Кирилл не сделает того же завтра или Сергей Михайлович поступит так же послезавтра? И целая колония Русской Импе-*

раторской Фамилии будет жить в Париже со своими полужаконными или незаконными женами? Бог знает, что такое за время, когда один только эгоизм царствует над всеми другими чувствами: совести, долга и порядочности»^[3038].

Когда Государь писал эти строки, он скорее всего не догадывался, насколько они станут пророческими, причем в самое ближайшее время. Не успел он запретить Павлу Александровичу въезд в Россию, как в Императорской Фамилии начался новый скандал. В 1900 г. Великий Князь Кирилл Владимирович, на тот момент четвертый в очереди на право престолонаследования, увлёкся своей двоюродной сестрой (урождённой принцессой Саксен-Кобургской Викторией-Мелитой), бывшей к тому же замужем за Великим Герцогом Гессен-Дармштадтским Эрнстом-Людвигом – родным братом Императрицы Александры Феодоровны. В 1901 г. вздорная и расточительная Виктория-Мелита, которую кайзер Вильгельм II метко называл «злючкой», развелась с мужем. По этому поводу Николай II писал Марии Феодоровне: *«Вчера получили телеграмму от Эрни, что всё решено. Я очень огорчён, и мне жаль бедную Аликс. Она пытается скрыть свою печаль. Лучше смерть близкого человека, чем позор развода»^[3039]*. Ещё состоя в браке, герцогиня Виктория сошлась с Великим Князем Кириллом Владимировичем, с которым уехала на Лазурный Берег. С легкой руки Виктории-Мелиты стала распространяться грязная клевета на бывшего ее супруга Великого Герцога о его якобы

гомосексуализме, который-де и стал причиной развода. Эта сплетня смаковалась Великими Князьями Кириллом, Андреем и Борисом Владимировичами. Наличие у великогерцогской четы двоих детей в расчет не принималось.

Между тем Великий Князь Кирилл уже открыто говорил о своем грядущем браке с Викторией-Мелитой. Император Николай II счёл необходимым предупредить кузена в письме от 26 февраля 1903 г.: *«Милый Кирилл. Посылаю Бориса с этими строками, чтобы он Тебе на словах дополнил их. Ты вероятно догадываешься в чем дело. Я уже давно слышал о твоём злосчастном увлечении и признаюсь, надеялся, что за время двухлетнего плавания чувства твои улягутся. Ведь ты хорошо знаешь, что ни церковными установлениями, ни нашим фамильным законом браки между двоюродными братьями и сестрами не разрешаются. Ни в каком случае и ни для кого я не сделаю исключения из существующих правил, до членов Императорской Фамилии касающихся. Пишу Тебе с тою целью, чтобы Тебе был вполне ясен мой взгляд. Искренне советую Тебе покончить с этим делом, объяснив письменно или через Бориса, что я безусловно запрещаю Тебе жениться на ней. Если же тем не менее Ты настоял бы на своем и вступил бы в незаконный брак, то предупреждаю, что я лишу Тебя всего – даже великокняжеского звания. <...> Поверь мне, Ты не первый проходишь через подобные испытания, многие также, как и Ты, надеялись и желали брака с двоюродными сестрами, однако должны*

были приносить в жертву свои личные чувства существующим законоположениям»^[3040].

Отец Кирилла Великий Князь Владимир Александрович, конечно, тоже не желал этого брака. 30 октября 1902 г. Император Николай II писал, что разделяет надежду своего дяди, что *«строгая кара, постигшая бедного Павла, подействовала отвращающе на Кирилла»*^[3041].

6 марта 1903 г. испуганный перспективой лишения титула Великого Князя, Кирилл Владимирович писал Государю: *«Борис привез мне Твое письмо. Конечно я не пойду против Твоего желания и ясно сознаю невозможность этого брака. Но прошу Тебя об одном, разреши мне видеть Дуску и лично с ней переговорить о Твоем решении. Нам обоим будет легче, и Ты поймешь дорогой Ники, что после Твоего письма мне нужно ее видеть. Только я один могу ее поддержать в эту тяжелую для нас минуту, в которую рушатся все дорогие мечты о счастье. Мы нуждаемся теперь во взаимной поддержке. Мне, все-таки, Ники очень, очень тяжело. Глубоко Тебе преданный Кирилл»*^[3042].

Однако, написав это письмо, Великий Князь Кирилл Владимирович не спешил возвращаться в Россию, наслаждаясь со своей Даки^[3043] свободой и *«строя планы на будущее»*^[3044]. Эта беспечная жизнь закончилась в январе 1904 г., с началом Русско-японской войны, когда Великий Князь Кирилл Владимирович был вынужден вернуться в Россию и отправился в Порт-Артур под начало адмирала С. О. Макаро-

ва. 13 апреля 1904 г. Кирилл находился вместе с адмиралом на эскадренном броненосце «*Петропавловск*», при взрыве которого он едва не погиб. Надо сказать, что Великий Князь сразу же после своего спасения оставил Порт-Артур и ближайшим транссибирским экспрессом помчался в Петербург. 26 апреля он был принят Государем, который, по всей видимости, был недоволен малодушием своего кузена, столь поспешно покинувшего поле боя и проявившего стремление как можно скорее отпустить его за границу «*для поправки здоровья*». Странно, что при этом Кирилла удивило, что «*усталый и озабоченный*» Николай II ничего его не расспрашивал «*ни о гибели “Петропавловска”, ни об адмирале Макарове*», ни вообще о ходе войны. О чём было говорить Царю с этим, по существу, дезертиром? «*Разговор ограничился обменом обычными любезностями*», затем Государь разрешил Великому Князю выехать за границу, как только доктора сочтут возможным^[3045]. Кирилл Владимирович немедленно отправился в Кобург, где его уже ждала Виктория. Началось открытое ухаживание Великого Князя за разведенной герцогиней. Пока Государь и его армия вели тяжелую войну с японцами, Кирилл Владимирович лечил нервы в санатории близ Мюнхена и в обществе Виктории наслаждался спокойной и тихой жизнью. 8 октября 1905 г., в разгар революционной смуты, когда будущее монархии и Государя висело на волоске, Кирилл и Виктория обвенчались в домашней православной церкви. Сделано это было «*без разрешения*

Государя, и нарушив свое обещание ему», а также в нарушение церковных канонов, запрещавших «вступать в брак» с «разведенной, неправославной»^[3046].

Не вызывает сомнения, что этот незаконный брак, сопровождаемый клятвопреступлением Кирилла, был совершен с согласия его родителей, которые смирились с этой свадьбой. Когда через несколько дней после неё Кирилл возвратился в Петербург, то его отец Великий Князь Владимир Александрович принял это «известие с радостью» и горячо поздравил сына. Однако Николай II реагировал на брак Кирилла Владимировича быстро и кардинально. В тот самый момент, когда отец сжимал сына в объятиях и желал ему семейного счастья, во дворец Владимира Александровича прибыл министр Двора барон В. Б. Фредерикс, который объявил государеву волю: Великий Князь Кирилл Владимирович лишен всех наград, исключен из состава армии и флота и обязан в течение 48 часов покинуть Россию. Ни Владимир Александрович, ни Кирилл Владимирович, привыкшие к своей безнаказанности, явно не ожидали такого развития событий. На следующий день возмущенный Великий Князь Владимир Александрович отправился к Императору Николаю II с почти требованием изменить принятое решение. Однако Государь заявил, что это невозможно. Тогда Владимир Александрович демонстративно подал прошение об отставке с поста Главнокомандующего Санкт-Петербургским гарнизоном и военным округом, которая была принята Государем. Роди-

тели Кирилла пытались представить дело таким образом, что действия Государя являются следствием мести Императрицы Александры Феодоровны. Великая Княгиня Мария Павловна-старшая лгала в письме своему дяде принцу Генриху Прусскому: *«Последние четыре года мы делали все возможное, чтобы помешать этому браку, но их любовь устояла перед всеми попытками их разлучить. В конце концов мы решили, что для чести и доброго имени Кирилла будет лучше, если они пожениятся. Мы знали, что в России это не сойдет легко с рук. И были готовы к некоторым осложнениям. Но мстительность и злоба молодой Царицы превзошли все, что только могло себе представить самое необузданное возмущение. Подчинив своему влиянию бесхарактерного Супруга, она сделала все, чтобы отомстить бывшей невестке за союз с ее избранником. Все было обставлено так, как будто бы совершилось чудовищное преступление, заслуживающее соответствующего наказания»*^[3047].

Доктор ист. наук А. Н. Боханов справедливо пишет по поводу последних строк этого письма: *«Да, было совершено преступление, и Михень^[3048] это было известно. Был нарушен Династический закон, была проигнорирована ясно выраженная Воля Самодержца. И Марии Павловне надлежало это знать. Конечно, она всё это знала, но полагала, что закон хоть и существует, но не для нее и ее отпрысков»*^[3049].

4 декабря 1906 г. Государь чётко обозначил свою позицию на Журнале совещания о возможности признания брака

Кирилла Владимировича: *«Признать брак Вел. Кн. Кирилла Владимировича Я не могу. Великий Князь и могущее произойти от него потомство лишаются прав на престолонаследие. В заботливости в Своей об участи потомства Великого Князя Кирилла Владимировича, в случае рождения от него детей, дарую сим последним фамилию Князей Кириловских, с титулом Светлости»*^[3050]. Это решение 16 января 1907 г. было направлено через министра Двора Великому Князю Кириллу Владимировичу. Таким образом, лишение его прав на престол стало свершившимся фактом^[3051]. Однако Кирилл Владимирович письменно отказался отречься от своих прав на престол. В связи с этим понадобилось новое совещание для *«всестороннего подробного обсуждения всех вопросов, касающихся имеющей общегосударственное значение Высочайшей воли Его Величества об устранении Великого Князя Кирилла Владимировича от престолонаследия, и в целях установления порядка приведения в исполнение сего Высочайшего повеления»*^[3052]. Члены этого Совещания также решили, что Законы *«не оставляют сомнения в том, что ожидаемое от брачного союжения Великого Князя с бывшею Великою Герцогинею Гессенскою Викториею-Мелитою потомство, как происходящее от незаконного недозволенного Вашим Императорским Величеством брака и не могущее вследствие сего принадлежать Императорскому Дому, права на наследование Всероссийского Престола иметь не будет»*^[3053].

В январе 1909 г. Император Николай II издал Указ, в котором «*снисходя к просьбе Любезнейшего Дяди Нашего, Его Императорского Высочества, Великого Князя Владимира Александровича*», повелел именовать супругу Великого Князя Кирилла Владимировича Великою Княгиней Викторией Феодоровной. Однако права потомства Кирилла Владимировича на престол признаны не были, а самому ему был запрещён въезд в Россию. М. В. Назаров считает, что этот Указ Государь был подписал «*под давлением родственников*»^[3054]. Однако на самом деле «давление» здесь было ни при чём. Конечно, внешне Указ Государя выглядел как желание выполнить волю умирающего дяди – Великого Князя Владимира Александровича (он скончался 4 февраля 1909 г.). В какой-то мере, наверное, это так и было. Но главная причина заключалась в другом. Морганатические браки и любовные интриги обрушились на Императорский Дом, как некая эпидемия. В 1906 г. ей оказался подвержен родной брат Государя – Великий Князь Михаил Александрович. Он влюбился во фрейлину своей сестры Великой Княгини Ольги Александровны Александру (Дину) Владимировну Косиковскую. Великий Князь Константин Константинович писал в своем дневнике: «*Любовь эта взаимная. <...> Теперь опасаются, что Миша твердо задумал жениться. <...> Мы боимся, что Миша устроит свадьбу где-нибудь за границей 30 или 31 июля. Как наша семья сама вредит себе и подрывает значение Государя и Царствующего Дома! Чем дальше,*

тем хуже»^[3055]. Николай II категорично объявил брату, что он ему не разрешит жениться на Коссиковской *«ни под каким видом»*^[3056]. Государь писал матери: *«Три дня назад Миша написал мне, что он просит моего разрешения жениться... Разумеется, я никогда не дам согласия моего на этот брак... Несравненно легче согласиться, нежели отказать. Не дай Бог, чтобы из-за этого грустного дела в нашей семье вышли недоразумения»*.

Но Михаил Александрович своих намерений не оставлял, и даже *«нашёл священника, который согласился за большие деньги»* их с Коссиковской обвенчать^[3057]. Государю пришлось прибегнуть к решительным мерам: по его тайному приказу А. В. Коссиковская была задержана в Италии, где влюбленные хотели тайно обвенчаться, и ее убедили уехать на время в Англию.

Таким образом, вполне реальной становилась ситуация, когда за границей оказались бы высланные Императором три Великих Князя, двое из которых были ближайшими в очереди по престолонаследию, со своими морганатическими женами! То есть предвидение Государя о *«колонии Русской Императорской Фамилии за границей»* начинало сбываться. Не вызывает сомнений, что такое положение вещей наносило тяжелейший имиджевый удар по Царствующему Дому как в России, так и за ее пределами. В этих условиях надо было каким-то образом смягчать ситуацию. В 1907 г. Виктория-Мелита приняла православие, поэтому признание ее Великой

Княгиней и легализация брака Кирилла Владимировича становились не столь скандальными. Однако, и это главное, вынужденные шаги Николая II по смягчению наказания Кириллу Владимировичу, признание его личных прав на престол, и дарование титула Великой Княгини Виктории Феодоровне не означало признание прав на престол их потомства. Кроме того, признание брака на государственном уровне в лице Императора не означало церковного признания. Не случайно имя Виктории Феодоровны отсутствовало в списке членов Царствующего Дома в церковных книгах^[3058]. Стремясь предупредить очередную волну скандалов, связанных с морганатическими браками, Император Николай II в августе 1911 г. в примечании к ст. 188 «Основных законов» сохранил полный запрет на неравнородные браки только для Великих Князей и Великих Княжон.

Однако впереди Государя ждал самый тяжелый удар со стороны его родного брата Великого Князя Михаила Александровича. Любвеобильный, возвышенно-благородный и одновременно слабохарактерный, легко поддающийся влияниям, Михаил Александрович недолго переживал разлуку с фрейлиной А. В. Коссиковской. В 1908 г. он познакомился с замужней Наталией Сергеевной Вульферт, урожденной Шереметьевской. Её муж поручик В. В. Вульферт был однополчанином Великого Князя по Лейб-гвардии Кирасирскому Её Величества Государыни Императрицы Марии Феодоровны полку (т. н. Синие кирасиры). К тому времени Н. С. Вуль-

ферт уже успела побывать замужем за музыкантом С. И. Мамонтовым. С первым супругом она развелась в 1905 г.

Невинный флирт вскоре перерос у Великого Князя в серьезные отношения. Ситуация была более чем пикантной не только из-за династических вопросов, но и также нарушения Великим Князем офицерской этики, не допускавшей ухаживания за женами товарищей по полку. Н. С. Вульферт заявила мужу, что должна пожить одна, и выехала за границу, но обещала вскоре вернуться и с ним *«начать новую жизнь»*^[3059]. Всё это время она продолжала вести с Михаилом Александровичем обмен телеграммами и переписку, выслав ему 377 телеграмм и получив от него в ответ более ста писем, полных любви и страсти. Однако Н. С. Вульферт, в отличие от Великого Князя, была женщиной расчётливой и целеустремленной. Она не раз намекала Михаилу Александровичу, что быть просто его возлюбленной не собирается, ей *«нужно все или ничего»*. Пользуясь тем, что Великий Князь совсем потерял от неё голову, она настойчиво требовала от него оказывать все возможное давление на ее супруга с целью добиться от него развода. Михаил Александрович согласился на это малосимпатичное занятие, действуя на поручика Вульферта через министра Двора барона В. Б. Фредерикса. Однако Вульферт на все предложения отвечал: *«Если жена не вернется ко мне, то я в таком случае застрелюсь, у меня готовы письма Его Величеству и для Михаила»*^[3060].

Однако, когда его супруга вернулась в Россию и потребо-

вала развода, В. В. Вульферт стреляться не стал, а поехал к Великому Князю и заявил, что он даст на расторжение брака своё согласие только в двух случаях: 1) если Михаил обещает оставить его жену, 2) если Михаил обещает на ней жениться. Но Вульферт категорически отказался давать развод, если Великий Князь собирается жить с его женой «просто так». В этом случае, он заявил, что будет драться с Михаилом Александровичем на дуэли, конечно, поставив об этом в известность Государя^[3061]. Дело становилось все более скандальным, а положение Великого Князя все более неприглядным. Михаил Александрович решил тайно обвенчаться с Н. С. Вульферт по такому же плану, каким он хотел жениться на А. В. Коссииковской. Это стало известно Николаю II, который приказал Дворцовому коменданту генералу В. А. Дедюлину не допустить этого. Начальник Петербургского охранного отделения полковник А. В. Герасимов приказал доставить ему священника, который согласился венчать влюбленных, и заявил ему: *«Вам обещали не то 5, не то 15 тысяч, если вы обвенчаете Великого Князя Михаила Александровича. Вы знаете, что Государь запретил этот брак. Вы идёте против Его личной воли. Так знайте же, вам это будет стоить очень дорого»*. При этом Герасимов указал священнику на виднеющуюся в окно его кабинета Петропавловскую крепость и пригрозил, что он его там *«сгноит»*^[3062]. Впрочем, доктор ист. наук В. М. Хрусталеv сомневается как в точности слов Герасимова, так и в самом факте

этого разговора^[3063].

Во всяком случае, Государь приказал брату принять командование над Черниговским гусарским полком, который располагался в Орле. Н. С. Вульферт было запрещено там даже появляться. Между тем переписка влюбленных не сокращалась, правда, в строках Вульферт все больше чувствовались требовательные нотки. Это видно из ответов Великого Князя на её письма: *«Наташа, моя ненаглядная, маленькая девочка, мне досадно, так совестно и грустно, что не мог Тебе написать до сих пор длинного письма. Меня так угнетает мысль, что Ты недовольна мной, моим отношением к Тебе, что я не исполняю ничего того, что Ты меня просишь. <...> Милая моя, Ты говоришь, что я ничего не сделаю для себя и для Тебя, нет, Ты ошибаешься, так как для Тебя я сделаю все, и я никогда не дам никому Тебя обидеть или сделать какую-нибудь неприятность. Ты напрасно накинулась на меня за то, что нашего будущего ребёнка будто бы отберут, или что у него не будет фамилии – разве я могу его отдать кому-нибудь. <...> Наташа мой Ангел нежный, Ты знаешь, что я никогда, никогда, не сержусь на Тебя ни в чём и всегда сделаю для Тебя всё»*^[3064]. Строки эти свидетельствуют, что Михаил Александрович все больше попадал под влияние хитрой и своекорыстной женщины, строящей далеко идущие планы, далёкие от «чистой и светлой» любви. Впрочем, планы на Великого Князя строила не только она, но и ее ближайшее окружение, оставав-

шеся в тени, но внимательно следившее за перипетиями романа. Государь знал об этом окружении, и оно его чрезвычайно волновало. Николай II писал Вдовствующей Императрице, что Михаила Александровича *«следует оградить постепенно от неё и от “них”, они опасны, хитры и способны на всякие мерзости. Разумеется, бедный Миша ничего об этом не знает и является в их руках жертвою»*^[3065]. В другом письме Марии Феодоровне Царь выражал надежду, что скоро наступит тот день, когда *«они попадутся и их игра, или интрига, будет раскрыта»*^[3066]. Кем были эти «они», можно с большой степенью уверенности догадаться. Отец Н. С. Вульферт (Шереметьевской), известный адвокат С. А. Шереметьевский, имел отношение к «Товариществу мануфактур П. М. Рябушинского», в котором по современной терминологии занимал должность главного юриста и был доверенным лицом самого П. П. Рябушинского, крупнейшего представителя раскольниковьего капитала, одного из тайных спонсоров революционного движения, а в будущем одного из активных участников заговора 1917 г. Первый муж Н. С. Шереметьевской был представитель другого раскольниковьего купеческого клана Мамонтовых – С. И. Мамонтов, который приходился двоюродным племянником купцу-миллионеру С. И. Мамонтову. Шереметьевская-Вульферт даже после развода сохраняла с Мамонтовыми тесные отношения. Так что характер «этих» можно себе представить, зная тесные связи раскольниковьего капитала с масонами и революци-

онерами. Примечательно, что Н. С. Вульферт была совершенно лишена каких-либо иных чувств, кроме своих узкокорыстных интересов. Прекрасно осознавая, что ее положение находится на «волоске» и что в любой момент ее может ждать судьба фрейлины Коссовской, она всячески давила на Великого Князя, требуя от него скорейшей легализации, в любом виде, их отношений: *«Ах, Миша, вот это-то мне и больно, потому что я на Твоем месте перед всеми бы отвоевала себе это ничтожное право на счастье и на то, чего Ты так долго был лишен в жизни. От Тебя так безжалостно отнимали до сих пор всё, что Ты любил и мне кажется, что если меня пока оставили в покое, то потому, что решили, что Тебе может быть для здоровья вредно продолжать ту жизнь, что ты вел до 30 с лишним лет. Но они, конечно, не сомневаются, зная Твою бесхарактерность, что, когда им нужно будет, они и меня отнимут, и Ты также беспрекословно подчинишься»*^[3067].

29 марта 1910 г. Михаил Александрович сообщил Государю, что у них с Наталией Сергеевной будет ребенок. Щекотливость положения, помимо всего прочего, заключалась в том, что Вульферт не была еще разведена, и ребенок, которому предстоять появиться на свет, был бы незаконнорожденным или его отцом должен был быть объявлен поручик В. В. Вульферт. В письме к Николаю II Великий Князь просил, чтобы к моменту рождения ребенка окончился развод Н. С. Вульферт. *«Я хлопочу о разводе Наталии Сергеевны*

только из-за ребенка, жениться же на ней, как я Тебе уже сказал, я намерения не имею – даю Тебе в этом слово»^[3068]. Верил ли сам Михаил Александрович в то, что он писал? Это уже мы никогда не узнаем. Во всяком случае, Государь поверил ему. Когда 24 июля 1910 г. у Н. С. Вульферт родился мальчик Георгий, названный в честь покойного Великого Князя Георгия Александровича, поручик Вульферт получил 200 тыс. рублей и подписал документ, что он не является отцом ребенка. Более того, Николай II пошел на просьбу младшего брата и 13 августа 1910 г. подписал Указ, возводящий *«сына, состоящей в разводе Наталии Сергеевны Вульферт, Георгия»* в дворянское достоинство, предоставив ему фамилию Брасов, а отчество Михайлович^[3069]. Таковую же фамилию было разрешено носить Н. С. Вульферт, когда она выезжала за границу. Это была большая милость Государя, вызванная не только его любовью к брату, но и стремлением ограничить его отношения с Вульферт рамками тайной незаконной семьи.

Между тем положение Н. С. Вульферт продолжало оставаться весьма неопределенным. Великий Князь Михаил Александрович был назначен командиром Кавалергардского полка. Офицерская спайка до революции была очень сильной, и негласная жена его встречала со стороны офицеров холодное презрение, ни один из них не делал визита к ней. Н. С. Вульферт дома устраивала Михаилу Александровичу «сцены», полные самых негативных эмоций в адрес русских

аристократов.

В конце концов Великий Князь Михаил Александрович, вопреки данному им Государю слову, решил жениться на Н. С. Вульферт. С этой целью он провел самую настоящую оперативную комбинацию. Выхав осенью 1912 г. в курортный германский Киссинген, официально для лечения, он вскоре объявил сопровождающим, что решил съездить в Канны, о чем он сообщил Государю телеграммой 14 октября 1912 г.^[3070] Своему окружению Великий Князь сказал, что прислуга поедет на поезде в Париж, а он с Н. С. Вульферт в Канны на автомобиле. Эта информация предназначалась для агентов негласного наблюдения, чтобы сбить их с толку. Сам Великий Князь и его спутница в Париж не поехали, а отправились в Вюрцбург, где пересели на поезд в Вену. Там они поехали в сербскую церковь, находящуюся под юрисдикцией Сербского патриарха, где и обвенчались. Сделано это было с той целью, чтобы Святейший Синод не мог расторгнуть брак. Церковь была выбрана не случайно. Подготовительную работу провел зять Н. С. Вульферт, помощник присяжного поверенного А. С. Матвеев. Так что «они», как и опасался Государь, сыграли самую непосредственную роль в роковом бракосочетании. Кстати, этот Матвеев станет личным секретарем Великого Князя и сыграет не последнюю роль в истории с его так называемым отказом от престола 3 марта 1917 г.

1 ноября 1912 г. Великий Князь Михаил Александрович

писал Императору Николаю II: *«Дорогой Ники, я знаю, что мое письмо принесет Тебе большое горе, и я прошу Тебя заранее выслушай и пойми меня, как Твоего брата. Мне тем более тяжело огорчить Тебя теперь, когда Ты и без того так озабочен болезнью Алексея, но именно это обстоятельство и мысль, что меня могут разлучить с Наталией Сергеевной Брасовой, заставили меня обвенчаться с ней. <...> Я знаю, что меня ждет наказание за мой поступок, и заранее готов перенести его, только одно прошу Тебя: прости меня как Государь, перед которым я нарушил формальный закон, и пойми меня, как брат, которого я горячо люблю всем своим сердцем. Твой Миша»*^[3071].

Наверно, ничто так не оскорбило Государя, как это письмо Великого Князя. Дело было даже не в том, что тот нарушил законы Империи, а в том, что он обманул своего Брата, который верил ему и делал всё, чтобы максимально смягчить ему ту трудную ситуацию, в которую Михаил Александрович втянул себя сам. *«Единственный брат и тот нарушил данное слово!!»* – записал Государь в своём дневнике 7 ноября 1912 г.^[3072] Кроме того, особо цинично прозвучали слова в письме слова Михаила Александровича о том, что поспешность брака была вызвана болезнью маленького Наследника. То есть Михаил четко дал понять, что женитьба на Вульфферт ему дороже всех своих обязательств перед Богом, Царем и Россией. В письме матери Николай II писал: *«Я ему безгранично верил! Что меня особенно возмущает, – это его*

ссылка на болезнь бедного Алексея, которая его заставила поторопиться с его безрассудным шагом! Ему дела нет ни до Твоего горя, ни до нашего горя, ни до скандала, который это событие произведёт в России»^[3073]. Государь писал, что между ним и Великим Князем Михаилом Александровичем «всё кончено»^[3074].

Великая Княгиня Ольга Александровна очень точно описывала то состояние, в каком оказался Император Николай II в связи с поведением его родственников по Царствующему Дому: «Михаил был единственным братом, который у него остался. Он мог бы оказать Ники большую помощь. Снова повторяю, виноваты мы все. <...> Не было никого из членов нашей фамилии, которые могли оказать поддержку Ники, за исключением, может быть, Сандро, моего зятя, да и там со временем начались нелады: между Сандро и Ксенией появились серьёзные разногласия. Какой же пример могли мы дать своим соотечественникам?»^[3075]

Своим поступком Михаил Александрович чрезвычайно обострил династический вопрос. Только что едва не умер от приступа гемофилии 8-летний Цесаревич Алексей. В случае его смерти Наследником престола должен был по закону снова стать Михаил Александрович. Теперь это становилось весьма проблематично.

Император Николай II запретил брату въезд в Россию и предложил ему добровольно отречься от всех прав на престол. Однако Михаил Александрович под влиянием окруже-

ния своей жены отказался этого делать, что было еще одним бесчестным поступком в отношении Николая II. Причем дело заключалось не только в отказе самого Михаила Александровича. 16 ноября 1912 г. в своём письме Императору Николаю II Великий Князь Николай Михайлович писал: *«Много я передумал о том положении, которое создаётся от брака Миши. Если он подписал или подпишет акт отречения, то это весьма чревато последствиями и вовсе не желательными. Ведь Кирилл, как женатый на двоюродной сестре, тоже уже потерял свои права на престол, и в качестве Héritier présomptif⁴⁵ явится Борис⁴⁶ (Великий Князь Борис Владимирович. – П. М.). Если это будет так, то я прямо-таки считаю положение в династическом смысле угнетающим. Если я позволяю себе говорить и излагать на бумаге такого рода соображения, то единственно потому, что возможное отречение от престола Миши я считаю просто опасным в государственном отношении»*^[3076].

⁴⁵ Заранее назначенного наследника (франц.).

⁴⁶ Великий Князь Борис Владимирович, как и его старший брат Великий Князь Андрей Владимирович, до революции не был женат, что считалось весьма нежелательным для Наследника престола, тем более для вступившего на престол императора. К тому же у Бориса Владимировича была связь с дочерью полковника С. А. Рашевского, погибшего в Порт-Артуре, З. С. Рашевской, на которой Великий Князь уже после революции женился морганатическим браком. Его примеру последовал и Великий Князь Андрей Владимирович, женившийся, тоже после революции, морганатическим браком на балерине М. Ф. Кшесинской, с которой он сожительствовал ещё до революции. Таким образом, эти Великие Князья утратили свои права на престол.

Несмотря на эти соображения, Указом Государя 15 ноября 1912 г. Великий Князь Михаил Александрович был лишён содержания из уделов и исключён из военной службы. 30 декабря 1912 г. вышел Высочайший Манифест, в котором было объявлено, что с Великого Князя снимаются обязанности Правителя государства, возложенные на него до совершеннолетия Наследника Цесаревича Алексея Николаевича в случае кончины Императора Николая II^[3077]. Но свои личные права на престол Великий Князь Михаил Александрович сохранял. В этих условиях, когда возможная смерть самого Государя и Наследника Цесаревича могла привести к жесточайшему династическому кризису, Император Николай II был вынужден смягчить наказание для Великого Князя Кирилла Владимировича.

Клятвопреступный брак Великого Князя Михаила Александровича не принес ему счастья. С началом Первой мировой войны Государь разрешил ему вернуться в Россию. Его морганатическая супруга получила титул графини Брасовой. Однако права на управление государством Великому Князю Михаилу Александровичу возвращены не были, а его дети, разумеется, никаких прав на престол не имели. С каждым годом властолюбивая Брасова все больше брала власть над своим мужем. Между тем Михаил Александрович, обиженный на своего Августейшего брата, на сестёр и даже на мать, буквально боготворил свою супругу. Он писал ей с фронта: *«Ты не можешь не знать, не видеть, не чувствовать, что я*

тебя больше всего и больше всех на свете люблю» ^[3078]. Властная и честолюбивая Н. С. Брасова преследовала далеко идущие цели, главной из которых было добиться своего признания при Дворе. Она постоянно внушала это мужу в своих письмах ему на фронт, постоянно обвиняя его в слабости и бездеятельности. Трудно перенося разлуку, страдая от язвы желудка, нервный и мнительный Великий Князь Михаил Александрович всё больше попадал под влияние оппозиционной пропаганды. Раз нарушив данное Царю слово и не раскаявшись в этом, Михаил Александрович невольно находил единомышленников у тех, кто беспощадно критиковал Правительство. Храбрый воин, кавалер ордена Св. Георгия 4-й степени, не раз смотревший в глаза смерти, лично водивший своих «всадников» в атаки, Великий Князь имел слабое представление о верноподданническом долге. В письмах Михаила Александровича второй половины 1916 г. стремление избавиться от постоянного пребывания на фронте прочно сочеталось с критикой внутренней политики, проводимой Правительством, читай Государя.

Естественно, что такие настроения всячески подыгрывались теми, кто хотел использовать Великого Князя Михаила Александровича в своих целях государственного переворота. Исполдволь началась кампания по созданию идеалистического образа Великого Князя: с одной стороны, члена Династии, отважного воина, а с другой – либерально мыслящего «прогрессивного» человека. Безусловно, этот образ про-

тивнопоставляли образу Государя, которого всячески опорочивали.

В результате Великий Князь был самым подлым образом обманут Родзянко и заговорщиками в феврале 1917 г., а затем злодейски убит большевиками 13 июня 1918 г. Его супруга графиня Н. С. Брасова была вынуждена эмигрировать в Париж, где жила в полной нищете, снимая комнату у жадной француженки. Дочь Брасовой от первого брака Наталия (Тата) занималась исключительно личной жизнью, несколько раз выйдя замуж. Ей было не до матери, которую она никогда не навещала. Незаконно провозгласивший себя в эмиграции императором клятвопреступник Великий Князь Кирилл Владимирович «даровал» Брасовой сначала титул Княгини, а затем и Светлейшей Княгини. Но это не уберегло ее ни от одиночества, ни от материнского горя, ни от нищеты, ни от смертельной болезни. Единственный ее сын и надежда, граф Г. М. Брасов, 19 июля 1931 г. в возрасте 20 лет разбился, управляя автомобилем в парижском пригороде Санс. Когда Н. С. Брасова заболела раком, хозяйка квартиры указала ей на дверь. Две добрые француженки подобрали в парке, где она ночевала, несчастную старуху в рваной одежде и доставили ее в богадельню для нищих и бездомных. На вопрос врачей, кто она, последовал ответ: *«Я графиня Наталия Сергеевна Брасова, вдова Великого Князя Михаила Александровича»*. Скончалась Н. С. Брасова 26 января 1952 г. и похоронена на парижском кладбище Пасси, рядом с могилой своего

безвременно ушедшего сына.

Иллюстрации

Император Александр III – отец Николая II

Императрица Мария Феодоровна – мать Николая II

Цесаревич Александр Александрович и Цесаревна Мария
Феодоровна с сыном Николаем. 1869 г.

Великому Князю Николаю Александровичу 3 года

Цесаревна Мария Феодоровна с сыном Николаем. 1871 г.

Семья Цесаревича Александра Александровича. На коленях у отца сидит Великая Княжна Ксения, за его спиной стоит Великий Князь Николай Александрович, на коленях у Цесаревны Марии Феодоровны сидит Великий Князь Георгий

Александрович. 1878 г.

Великий Князь Николай Александрович за учебными занятиями. Рисунок

Наследник Цесаревич Николай Александрович после принятия присяги

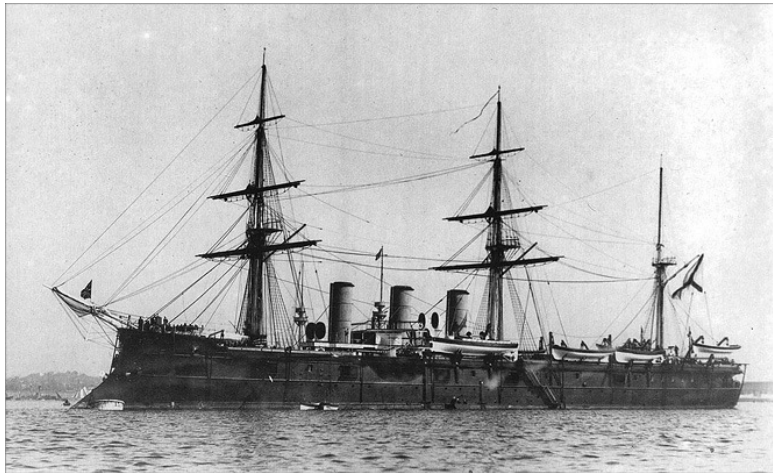
Цесаревич с братьями Великими Князьями Георгием,
Михаилом и сестрой Великой Княжной Ксенией

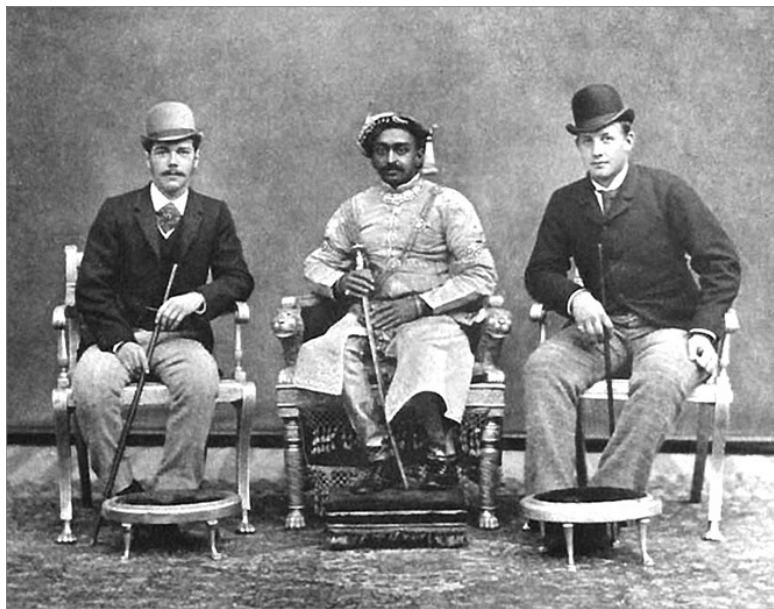
Наследник Цесаревич Великий Князь Николай Александрович

Семья Императора Александра III: на коленях Государя Великая княжна Ольга Александровна, затем справа налево: Великий Князь Георгий Александрович (сидит), Великая Княжна Ксения Александровна, Наследник Цесаревич Николай Александрович, Императрица Мария Феодоровна, Великий Князь Михаил Александрович. 1888 г.

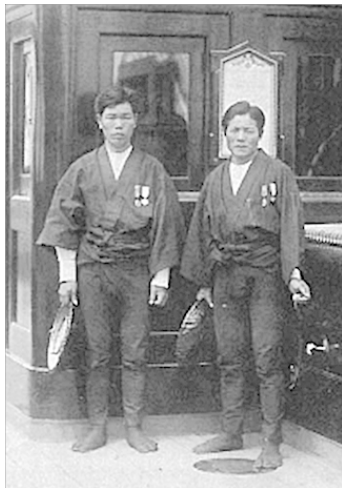
Броненосец «Память Азова», на котором Цесаревич совершил плавание в 1890-1891 гг.

Цесаревич Николай и принц Георгий Греческий в гостях у махараджи Бенаресского. Январь 1891 г.

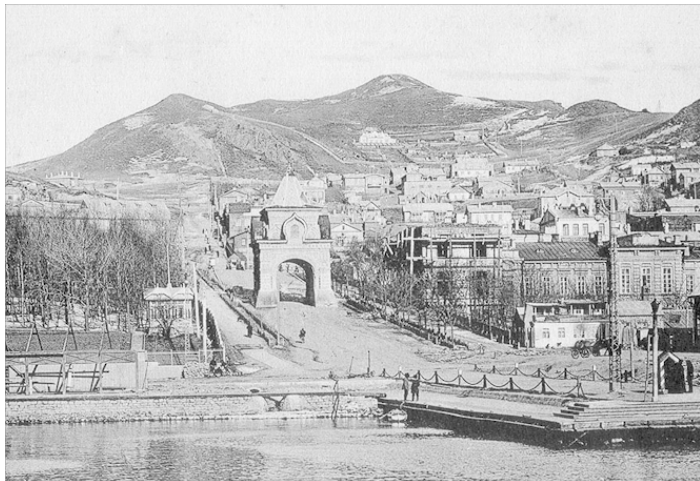
Цесаревич Николай Александрович во время пребывания в Нагасаки. 1891 г.

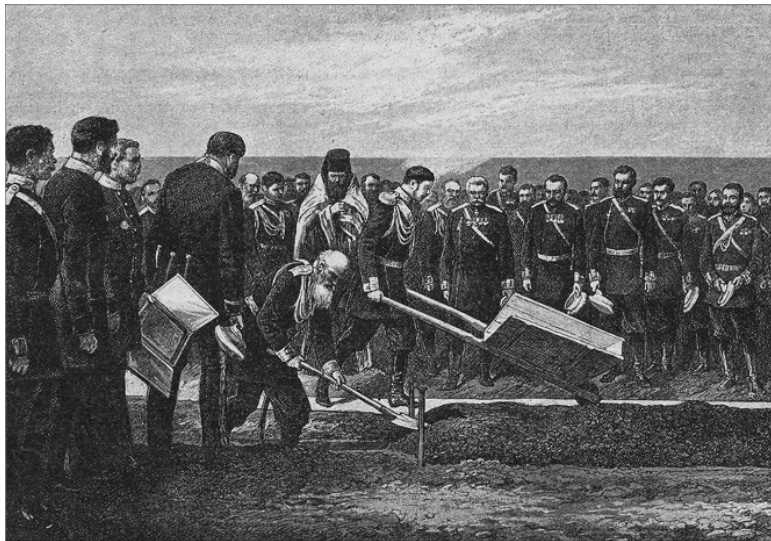
Японцы-джинрикши, спасшие цесаревича при покушении в Оцу. 1891 г.

Принц Георг Греческий. 1891 г.

Владивосток. Адмиральская пристань. Вдали триумфальная арка цесаревича Николая Александровича. 1890-е гг.

Участие цесаревича в торжественной церемонии начала строительства уссурийского участка Транссибирской железнодорожной магистрали. 19 мая 1891 г.

Цесаревич Николай Александрович при посещении офицерского собрания Лейб-гвардии Измайловского полка. 1892 г.

Цесаревич Николай Александрович. 1894 г.

Принцесса Гессен-Дармштадтская Алиса. 1894 г.

Замок Эдинбург в Кобурге, где состоялась помолвка Алисы Гессенской и Цесаревича Николая. 1890-е гг.

Цесаревич Николай Александрович и Принцесса Алиса
Гессенская-Кобург. 1894 г.

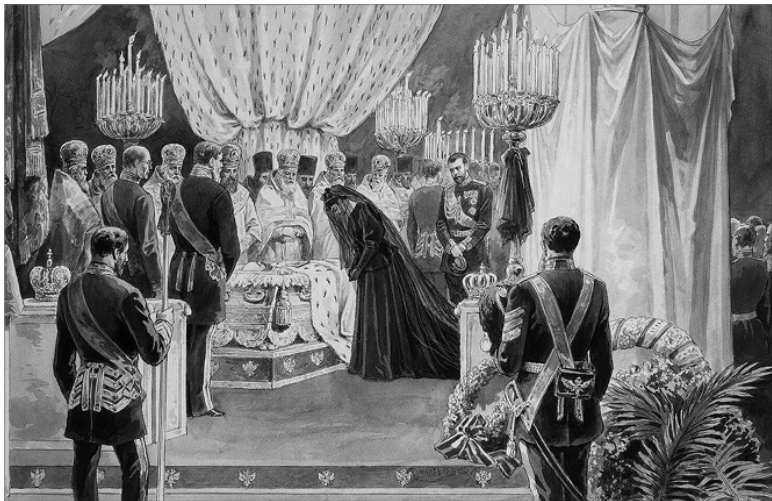
Алиса Гессенская в гостях у сестры Елизаветы Федоровны. Фото начала 1890-х гг.

Цесаревич Николай Александрович и Принцесса Алиса в день помолвки

Последние месяцы жизни Императора Александра III. Императрица Мария Феодоровна с тревогой смотрит на тяжело-больного супруга. Петергоф, август 1894 г.

Прощание Вдовствующей Императрицы Марии Феодоровны и Императора Николая II с Почившим Александром III. Петропавловский собор, ноябрь 1894 г.

Похоронная процессия с гробом Императора Александра III 7 ноября 1894 г. Николай II идет за катафалком

Венчание Императора Николая II с Великой Княжной Александрой Феодоровной. Храм Зимнего дворца. Ноябрь 1894 г. С картины Л. Туксена

Торжественный въезд Императора Николая II в Москву
на коронацию

Причащение Святых Таинств Императора Николая II во время коронации 14 мая 1896 г. в Успенском соборе Московского Кремля. Художник К. В. Лебедев. 1896 г.

Коронованный Император Николай II держит в руках символы самодержавной власти: скипетр и державу. Рисунок из коронационного сборника

Императрица Александра Феодоровна после коронации.

С портрета И. С. Галкина

Шествие коронованного Государя в Большой Кремлевский дворец

Народ на Ходынском поле. В ожидании подарков

Прием Императором Николаем II и Императрицей Александрой Федоровной французской делегации. Большой Кремлевский дворец, 1896 г.

Император Николай II за рабочим столом. Нескучный дворец. 1896 г.

Николай II за чтением газеты «Петербургские ведомости»

Царская Чета с Великой Княжной Ольгой Николаевной в гостях у королевы Виктории. Балтимор, 1896 г.

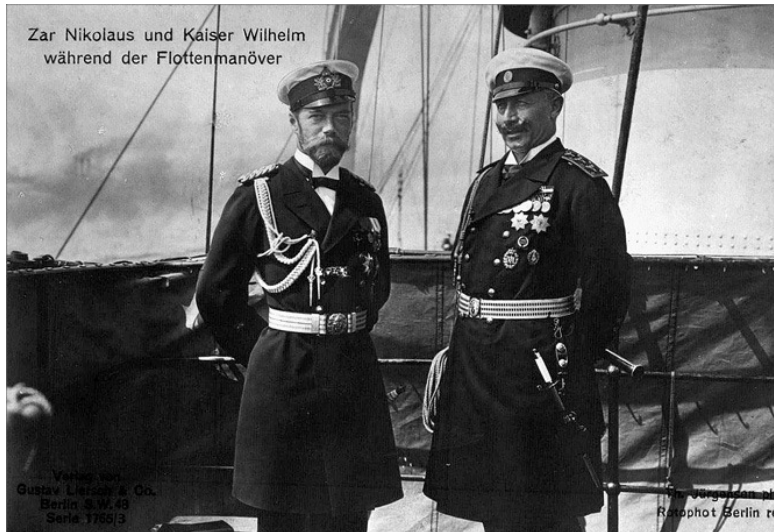

Визит Царской Четы в Париж. 1896 г.

Визит французского президента Феликса Фора в Петербург. Слева направо: император Николай II, Великий Князь Владимир Александрович и Ф. Фор. 1897 г.

Zar Nikolaus und Kaiser Wilhelm
während der Flottenmanöver

Verlag von
Gustav Liesner & Co.
Berlin S.W. 43
Serie 1755/3

Die Jorgensen
Reliophot Berlin re

Император Николай II и кайзер Вильгельм II во время
встречи в Петергофе. 1897 г.

Император Николай II – инициатор первой мирной конференции по разоружению в Гааге. 1899 г.

Император Николай II и король Сиам (Таиланда) Рама V.
1897 г.

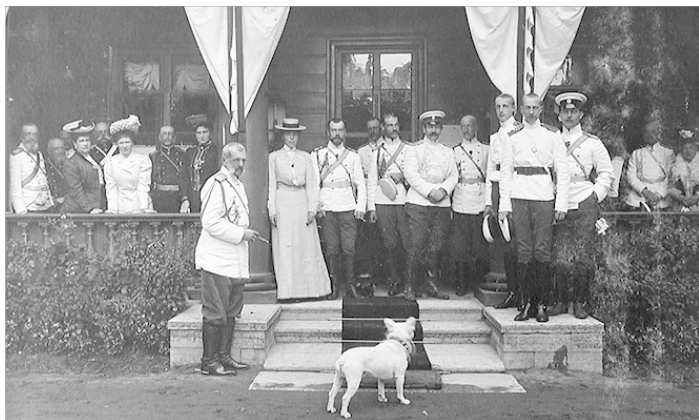
Император Николай II выздоравливает после тифа. Ливадия, 1901 г.

Императрица Александра Федоровна с дочерью – Великой Княжной Ольгой. 1901 г.

Великий князь Георгий Александрович

Император Николай II в окружении членов династии Романовых. На переднем плане с сигарой в руке Великий Князь Владимир Александрович, слева от Государя его младшая сестра Великая Княжна Ольга Александровна, справа – его младший брат Великий Князь Михаил Александрович, слева от Ксении Александровны, на переднем плане: Императрица Александра Феодоровна, Великая Княгиня Елизавета Маврикиевна, Великая Княгиня Мария Павловна, Великий Князь Михаил Николаевич. Справа от Михаила Александровича – Великий Князь Борис Владимирович, Великий Князь Димитрий Константинович, Князь Императорской крови Иоанн Константинович, Князь Императорской крови Гавриил Константинович, которому положил руку на плечо Великий Князь Андрей Владимирович

Торжественное заседание Государственного совета 7 мая 1901 года. С картины И. Е. Репина

Император Николай II. На правой лобной части Государя хорошо видны следы от удара японского меча в 1891 г.

Император Николай II и Великий Князь Николай Николаевич несут раку с мощами Преподобного Серафима во время крестного хода. Саров, июль 1903 г.

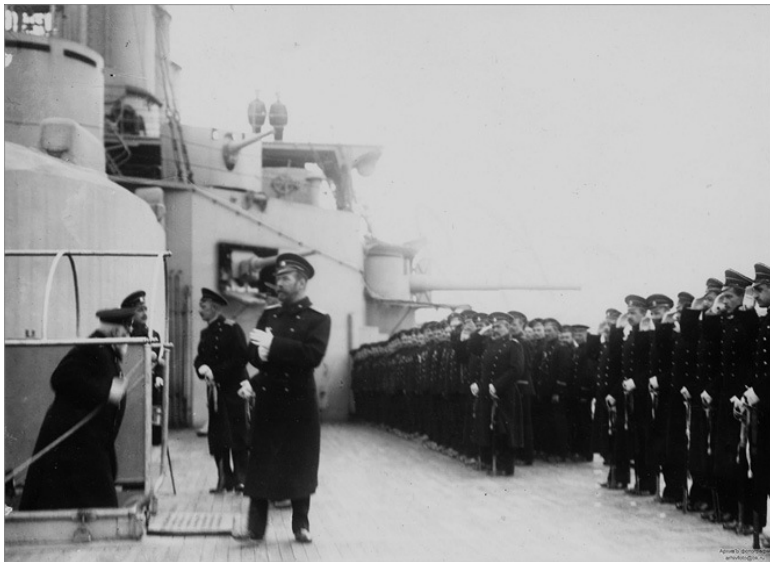
Император Николай II прикладывается к раке с мощами Преподобного Серафима Саровского

Император Николай II благословляет иконой Спасителя офицеров и солдат Каспийского 148-го пехотного полка, уходящего на войну с Японией

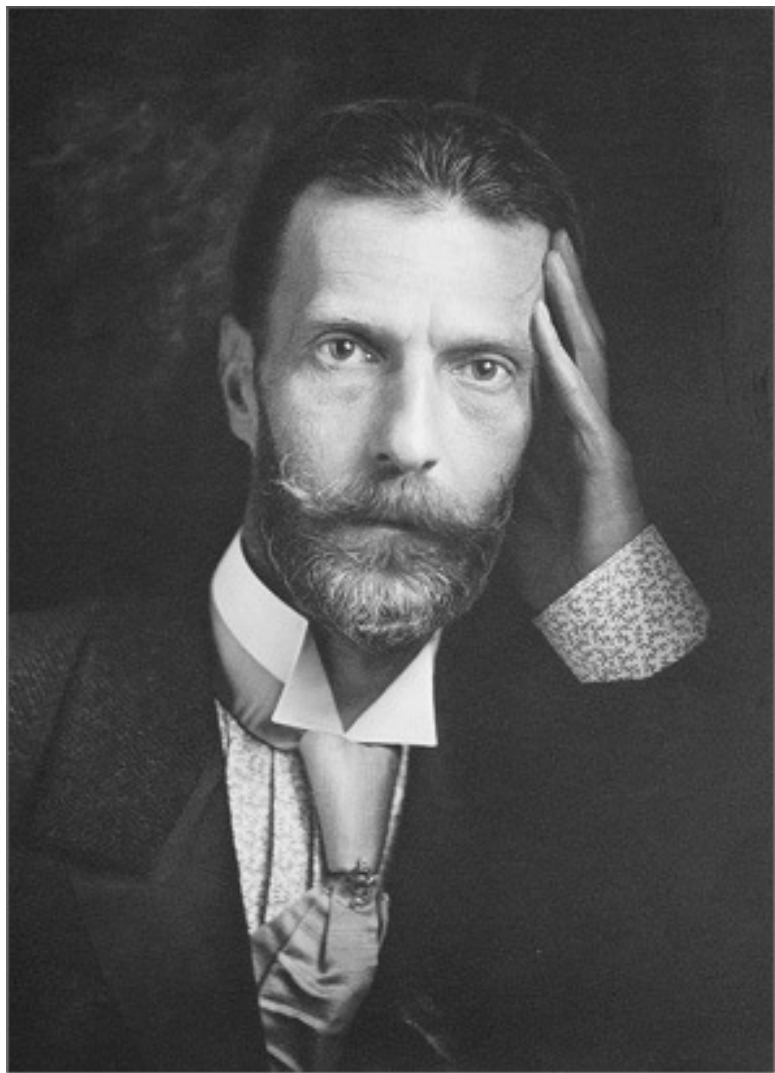
Император Николай II принимает депутацию крестьян во время объезда им Центральной России

Император Николай II на борту броненосца «Евстафий»

Император Николай II с новорожденным сыном Цесаревичем Алексеем на руках. Осень 1904 г.

Великий Князь Сергей Александрович, убитый террористом-эсером 4 февраля 1905 г.

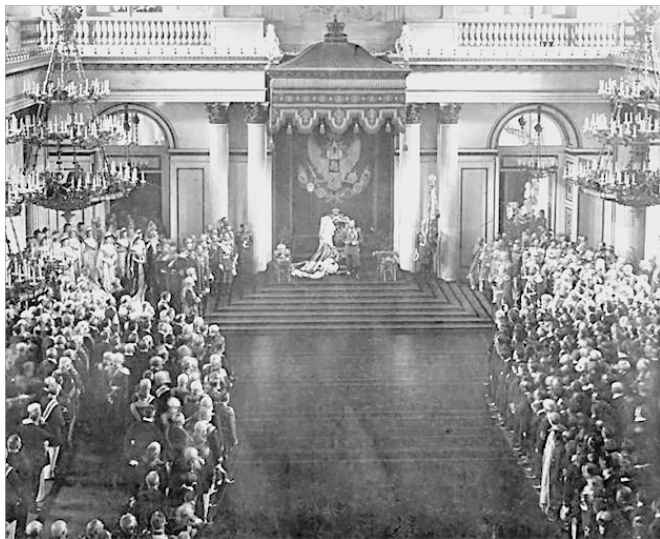
Остатки кареты, в которой был убит Великий Князь Сергей Александрович

Торжественный выход Государя на Иордань

Николай II принимает депутацию рабочих после событий 9 января 1905 г.

Император Николай II обращается к депутатам избранной Государственной думы перед ее открытием. 27 апреля 1906 г.

Кабинет Николая II в Зимнем дворце

Император Николай II, английский король Эдуард VII и вдовствующая Императрица Мария Феодоровна. 1908 г.

Комментарии

1.

Шенталинский В. Рабы свободы. В литературных архивах КГБ. М.: Парус, 1995. С. 139–142.

2.

Русская Православная Церковь и коммунистическое государство. 1917–1941. Документы и фотоматериалы. М.: Изд-во Библейско-Богословского Института Св. Апостола Андрея, 1996. С. 144.

3.

Жучковский Александр. Маркер русскости // <http://www.segodnia.ru/content/164378>

4.

Горемыка Антон. Николай II: Его личность, интимная жизнь и правление. Лондон, 1905.

5.

Обнинский В. П. Последний Самодержец. Очерк жизни и царствования императора России Николая II. Berlin: Eberhard Frowein Verlag, 1910.

6.

Любош С. Последние Романовы. Репринтное издание 1924 г.

М., 1990.

7.

Василевский И. М. (Не-Буква). Николай II. М. – Пг.: Петроград, 1924.

8.

Архимандрит Тихон (Шевкунов): интервью (2:12/45:14–2:34/45:14) // Художественно-публицистический фильм «Николай II. Сорванный триумф». БФ «Русский предприниматель» (Екатеринбург), 2008. Авт. сц. Мультатули П. В., режиссер Крылов Е. Е.

9.

Протоиерей Валентин Асмус. «Господи, спаси Царя (Пс. 19: 10): молитва о Царе в православном богослужении» // Ежегодная богословская конференция Православного Свято-Тихоновского Богословского Института: Материалы 2000 г. М., 2000. С. 100.

10.

Решетников Л. П. Духовно-нравственные причины национальной катастрофы // Русский Исход как результат национальной катастрофы. К 90-летию окончания Гражданской войны на европейской территории России. Материалы международной конференции. М., 2010. С. 21.

11.

Боханов А. Н. Российская империя. Образ и смысл. М.: ФИВ, 2012. С. 550.

12.

Мережковский Д., Гиппиус З., Философов Д. Царь и революция. М.: ОГИ, 1999.

13.

Миронов Б. Н. Причины русских революций. Парадигма модернизации // Родина. № 12. 2009. С. 93.

14.

Протоиерей Дмитрий Смирнов об отречении Царя Николая II // <http://www.youtube.com/watch?v=YE-KNmd17SI>

15.

Розанов В. В. Уединённое. М., 1990. С. 395.

16.

Решетников Л. П. Вернуться в Россию... Третий путь, или Тупики безнадежности. М.: ФИВ, 2012.

17.

Миронов Б. Н. Причины русских революций. Парадигма модернизации // Родина. № 12. 2009. С. 96.

18.

Боханов А. Н. Николай II. М.: Вече, 2008. С. 5.

19.

Краснов П. Н. Тихие подвижники. Венок на могилу неизвестного солдата Императорской Российской армии. М., 1992.

20.

Это вовсе не отрицает глубокого изучения советскими историками отдельных периодов царствования Николая II. (Примеч. авт.)

21.

Патриарх Кирилл: правда о жертвенном подвиге Государя Императора Николая II проросла через железобетонную плиту, которая была положена на его имени // <http://www.pravmir.ru/patriarh-kirill-pravda-o-zhertvennom-podvige-gosudarya-imperatora-nikolaya-ii-prorosla-cherez-zhelezobetonnyuyu-plitu-kotoraya-byila-polozhena-na-ego-imeni/>

22.

Боханов А. Н. Николай II. М.: Молодая гвардия, ЖЗЛ, 1998.

23.

Боханов А. Н. Николай II. М.: Вече, 2008. С. 4.

24.

Боханов А. Н. Российская империя. Образ и смысл. С. 582.

25.

Православная энциклопедия / Под ред. Патриарха Московского и всея Руси Кирилла. М., 2001. Т. 3. С. 75.

26.

Павлов Н. А. Его Величество Государь Николай II. Paris, 1927. С. 14–15.

27.

Солоневич И. Л. Великая фальшивка февраля. М.: Алгоритм, 2007. С. 285.

28.

Солоневич И. Л. Указ. соч. С. 107–108.

29.

«Чистота» крови для определения национальности важна лишь для иудаизма. В 30-х гг. XX в. это понятие было

основой национал-социалистической идеологии. (Примеч. авт.)

30.

<http://aquilaaquilonis.livejournal.com/2308.html>

31.

Brandenburg Erich. Die Ahnen Augusts des Starken (Abhandl. der Saechs. Akademie der Wissenschaften, Phil.-hist. Klasse, Bd. 43, Nr. 5). Leipzig, 1937.

32.

Славянские предки Царя-Мученика // <http://aquilaaquilonis.livejournal.com/545636.html>

33.

Боханов А. Н. Николай II. С. 7.

34.

Дневник Цесаревича Александра Александровича. Запись за 6 мая 1868 г. // ГА РФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 301. Л. 168–169.

35.

Дневник Цесаревича Александра Александровича. Июль 1867 г. // ГА РФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 300. Л.

36.

К. П. Победоносцев – Наследнику Цесаревичу Александру Александровичу. 7 мая 1868 // Письма Победоносцева Александру III. М.: Новая Москва, 1926. С. 6.

37.

Высочайший манифест от 6 мая 1868 г. // Полное собрание законов Российской Империи. Собрание 2. СПб., 1873. Т. XLIII. № 45814. С. 546.

38.

Высочайший Указ Его Императорского Величества Святейшему Правительствующему Синоду 21 мая 1868 г. // Вологодские епархиальные ведомости, № 12, июнь 1868. С. 258.

39.

Ольденбург С. С. Император Николай II. Опыт биографии // Русская Летопись. Кн. 7. Париж: Издание «Русского очага», 1925. С. 3.

40.

Татищев С. С. Император Александр II. Его жизнь и царствование. Т. 2. СПб.: Издание А. С. Суворина, 1903. С. 32.

41.

Боханов А. Н. Последний Царь. М.: Вече, 2006. С. 10.

42.

Князь В. П. Мещерский – Цесаревичу Александру Александровичу. Май 1868 г.// Мещерский В. П. Письма к Великому Князю Александру Александровичу. 1863–1868. М.: Новое литературное обозрение, 2011. С. 473.

43.

Зимин И. Указ. соч. С. 55.

44.

Фомин С. В. Кровь и молоко // Русский Вестник, 12 июля 2008.

45.

Дневник Великого Князя Александра Александровича. Запись за 20 мая 1868 г. // ГА РФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 301. Л. 173.

46.

Там же.

47.

Боханов А. Н. Великие исторические персоны. Мария

Федоровна. М.: Вече, 2013. С. 183.

48.

Зимин И. Повседневная жизнь Российского Императорского Двора. Детский мир Императорских резиденций. Быт монархов и их окружение. М. – СПб.: Центрполиграф; Мим-Дельта, 2010. С. 44.

49.

Дневник Великого Князя Александра Александровича. Запись за 20 мая 1868 г. // ГА РФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 301. Л. 173.

50.

Боханов А. Н. Мария Федоровна. С. 281.

51.

Боханов А. Н. Александр III. М.: Вече, 2007.

52.

Витте С. Ю. Воспоминания. М.: Издательство социально-экономической литературы, 1960. Т. 1. С. 408.

53.

Забелин И. Е. Дневники, записные книжки. М., 2006. С. 151.

54.

Константин Петрович Победоносцев и его корреспонденты. Тайный правитель России. Письма и записки, 1866–1895. Статьи, очерки, воспоминания. М., 2001. Т. 1. С. 43.

55.

Ключевский В. О. Памяти в Бозе почившего Государя Императора Александра III. Речь, произнесённая в заседании Императорского Общества истории и древностей Российских при Московском университете 28 октября 1894 г. М.: Университетская типография, 1894. С. 4.

56.

Александр Третий. Воспоминания. Дневники. Письма. СПб.: Изд-во «Пушкинского фонда», 2001. С. 201.

57.

Шереметев С. Д., граф. Мемуары. Федеральная архивная служба России. М.: Индрик, 2001.

58.

Цит. по: Кудрина Ю. В. Александр III и история // Русская история, № 4 (18) 2011.

59.

Полное собрание законов Российской империи. Собрание 3.

60.

Кудрина Ю. В. Александр III и история // Русская история, № 4 (18) 2011.

61.

Шереметев С. Д., граф. Мемуары.

62.

Татищев С. С. Детство и юность Великого Князя Александра Александровича // Великий князь Александр Александрович. Сборник документов. М., 2002. С. 317.

63.

Шереметев С. Д., граф. Мемуары // Александр Третий. Воспоминания. Дневники. Письма. С. 332–333.

64.

Александр Третий. Воспоминания. Дневники. Письма. С. 211.

65.

Шереметев С. Д., граф. Мемуары.

66.

Вельяминов Н. А. Воспоминания об Императоре Александре III // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв.: Альманах. М.: Студия ТРИТЭ; Рос. Архив, 1994. С. 305. Т. V. С. 265.

67.

Дневник В. Н. Ламздорфа за февраль 1892 г. // ГА РФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 34. Л. 55.

68.

Лили Ден, Йен Воррес. Подлинная Царица. Последняя Великая Княгиня. Воспоминания очевидцев. СПб.: Издательский дом «Нева», 2003. С. 198.

69.

Собственноручные Высочайшие резолюции и словесные Высочайшие повеления в Бозе почившего Императора Александра III по всеподданнейшим докладам ходатайств об оказании Монаршей милости. СПб, 1901. С. 17.

70.

Боханов А. Н. Мария Федоровна. С. 281.

71.

Императрица Мария Феодоровна – Императору Александру III 24 апреля 1892 г. // Император Александр III

и Императрица Мария Феодоровна. Переписка: 1884–1894. Авт. – сост. А. Н. Боханов, Ю. В. Кудрина. М.: Русское слово, 2001. С. 217.

72.

Императрица Мария Феодоровна – Императору Александру III 10 мая 1894 г. // Император Александр III и Императрица Мария Феодоровна. Переписка. С. 220.

73.

Александр Третий. Воспоминания. Дневники. Письма. С. 211.

74.

Император Александр III – Императрице Марии Феодоровне 22 мая 1884 г. // Император Александр III и Императрица Мария Феодоровна. Переписка. С. 102.

75.

Там же.

76.

Александр Третий. Воспоминания. Дневники. Письма. С. 183.

77.

Дневник Цесаревича Николая Александровича за 1882 г. // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 217(1). Л. 8.

78.

Буксгевден Софья, баронесса. Жизнь и трагедия Александры Федоровны, Императрицы России. Воспоминания фрейлины. М.: Лепта; Гриф; Вече, 2012. С. 725.

79.

Там же, с. 725–726.

80.

Великий Князь Георгий Александрович.

81.

Сургучев И. Детство Императора Николая II. С. 12.

82.

Император Николай II – Императрице Марии Феодоровне. 3 ноября 1897 г. // ГА РФ. Ф. 642. Оп.1. Д. 2324. Л. 25.

83.

Лили Ден, Йен Воррес. Подлинная царица. Последняя великая княгиня. Воспоминания очевидцев. СПб.: Издательский дом «Нева», 2003. С. 67.

84.
Шереметев С. Д., граф. Указ. соч. С. 112.

85.
Император Александр III и Императрица Мария Феодоровна. С. 56.

86.
Великий Князь Николай Александрович – Цесаревичу Александру Александровичу // ГА РФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 919(1). Л. 62.

87.
Там же, л. 63–64.

88.
Цесаревич Александр Александрович – Великому Князю Николаю Александровичу 2 октября 1877 // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1139. Л. 5–6.

89.
Лили Ден, Йен Воррес. Указ. соч. С. 45.

90.
Цит. по: Кудрина Ю. В. Императрица Мария Федоровна и

Император Николай II. М.: Вече, 2013. С. 18.

91.

Цит. по: Кудрина Ю. Мать и сын (Императрица Мария Федоровна и Император Николай II). М.: Глаголь, 2004. С. 25.

92.

Кудрина Ю. Мать и сын. С. 25.

93.

Великий Князь Николай Александрович – Императрице Марии Феодоровне // ГА РФ. Ф. 642. Оп. 1. Д. 2325. Л. 25.

94.

Великий Князь Николай Александрович – Императрице Марии Феодоровне. 14 ноября 1877 г. // ГА РФ. Ф. 642. Оп. 1. Д. 2321. Л. 2.

95.

Цесаревич Николай Александрович – Императрице Марии Феодоровне 21 июля 1887 г. // ГА РФ. Ф. 642. Оп. 1. Д. 2321. Л. 47.

96.

Цесаревич Николай Александрович – Императрице Марии

Феодоровне 9 января 1891 г. // ГА РФ. Ф. 642. Оп. 1. Д. 2321. Л. 118.

97.

Цесаревич Николай Александрович – Императору Александру III // ГА РФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 919(4). Л. 190.

98.

Цесаревич Николай Александрович – Императрице Марии Феодоровне ГА РФ. Ф. 642. Оп. 1. Д. 2322.

99.

Зимин И. Детский мир императорских резиденций. Быт монархов и их окружение.

100.

Бабель И. Собрание сочинений. В 4 т. Т. 3. Одесские рассказы. М.: Время, 2005.

101.

Сургучев Илья. Детство Императора Николая II. СПб., 1999. С. 67.

102.

Лили Ден, Йен Воррес. Указ. соч. С. 56.

103.

Боханов А. Н. Последний Царь. С. 12.

104.

Лили Ден, Йен Воррес. Указ. соч. С. 54.

105.

Зимин И. Указ. соч. С. 70.

106.

М. С. Воробьева – Наследнику Цесаревичу Николаю Александровичу. 2 мая 1891 г. // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1209. Л. 1–2.

107.

Ольденбург С. С. Император Николай II. Опыт биографии // Русская Летопись. Кн. 7. С. 4.

108.

Фабрицкий С. С. Указ. соч. С. 15.

109.

Обручев Н. Подлинный облик Царя-Мученика, как Человека, Христианина и Монарха // Николай II в воспоминаниях и свидетельствах. М.: Вече, 2008. С. 231.

110.

Ольденбург С. С. Император Николай II. Опыт биографии // Русская Летопись. Кн 7. С. 4.

111.

Дневники Императора Николая II. 1894–1918. Т. 1. 1894–1904. М.: РОССПЭН, 2011. С. 43.

112.

Дневник Цесаревича Николая Александровича за 1884 г. Запись за 6 февраля // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 219 (1). Л. 37.

113.

Дневник Цесаревича Николая Александровича за 1884 г. Запись за 15 февраля // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 219 (1). Л. 50.

114.

Дневник Цесаревича Николая Александровича за 1888 г. Запись за 1 января // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 222 (1). Л. 5.

115.

Дневники Императора Николая II. 1894–1918. Т. 1. 1894–1904. С. 253.

116.

Там же. С. 249.

117.

Цит. по: Боханов А. Н. Последний царь. С. 30.

118.

Император Александр III – Императрице Марии Феодоровне
21 мая 1884 г. // Императрица Мария Феодоровна –
Императору Александру III. Переписка.

119.

Татищев С. С. Детство и юность Великого Князя
Александра Александровича // Великий князь Александр
Александрович. Сборник документов. С. 430.

120.

Великий Князь Александр Александрович – Императрице
Марии Александровне // ГА РФ. Ф. 641. Оп. 1. Д. 115. Л. 14.

121.

Цит. по: Кудрина Ю. Императрица Мария Федоровна и
Император Николай II. С. 24.

122.

Император Николай II – Марии Феодоровне // ГА РФ. Ф.
642. Оп. 1 Д. 2321. Л. 18.

123.

Цит. по: Кудрина Ю. Мать и сын. С. 29.

124.

Шереметев С. Д. Указ. соч. С. 78.

125.

Дневник Великого Князя Александра Александровича // ГА РФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 302. Л. 34.

126.

Цесаревич Александр Александрович – Цесаревне Марии Феодоровне. С. 67.

127.

Сургучев И. Д. Указ. соч. С. 88–89.

128.

Царственные Мученики в воспоминаниях верноподданных. М.: Сретенский монастырь; Новая книга; Ковчег, 1999. С. 15.

129.

Дневник Цесаревича Николая Александровича. Запись за 20 февраля 1884 // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 219 (1). Л. 55.

130.

Дневник Цесаревича Николая Александровича. Запись за 24 февраля 1884 // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 219(1). Л. 59.

131.

Дневник Цесаревича Николая Александровича. Запись за 25 февраля 1884 // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 219(1). Л. 60.

132.

Наследник Цесаревич Николай Александрович – Императрице Марии Феодоровне // ГА РФ. Ф. 642. Оп. 1. Д. 2321. Л. 164.

133.

Цесаревич Николай Александрович – Императору Александру III // ГА РФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 919(5). Л. 207.

134.

Государыня Императрица Александра Феодоровна Романова. Дивный свет. С. 189–191.

135.

Лили Ден, Йен Воррес. Указ. соч. С. 212.

136.

Буксгевден Софья, баронесса. Жизнь и трагедия Александры Феодоровны, Императрицы России. Воспоминания фрейлины. С. 726.

137.

Великий Князь Сергей Александрович: биографические материалы. Кн. 1: 1857–1877. М., 2006. С. 295.

138.

Русский Вестник. Журнал литературный и политический, издаваемый М. Катковым. Т. 152. М., 1881. С. 1.

139.

Александр Михайлович, Великий Князь. Указ. соч. С. 66.

140.

Буксгевден Софья, баронесса. Жизнь и трагедия Александры Федоровны, Императрицы России. Воспоминания фрейлины. С. 727–726.

141.

Александр Михайлович, Великий Князь. Воспоминания Великого Князя. В двух томах. М.: Захаров; АСТ. Т. 1.

142.

Высочайший манифест от 1 марта 1881 г. //

Русский Вестник. Журнал литературный и политический, издаваемый М. Катковым. Т. 152. М., 1881. С. XXXVI.

143.

Мученическая кончина Царя-Освободителя Императора Всероссийского Александра II. М., 1881. С. 47.

144.

Фирсов С. Л. Николай II. Пленник самодержавия. М.: Молодая гвардия, ЖЗЛ, 2010. С. 30.

145.

Шереметев С. Д. Указ. соч. С. 123.

146.

Фирсов С. Л. Указ. соч. С. 30.

147.

Grunwald Constantin. Op. cit. P. XVII.

148.

Высочайший манифест 14 марта 1881 г. // ГА РФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 52. Л. 1.

149.

Твардовская В. А. Александр III // Романовы. Исторические

портреты. Т. 2. С. 319.

150.

Кустова Т.А, Рыженко, И.Э., Фарафонова А. Н. Царские дети в Гатчине. СПб.: Абрис, 2004.

151.

Там же.

152.

Вельяминов Н. А. Воспоминания об Императоре Александре III // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв.: Альманах. М.: Студия ТРИТЭ; Рос. Архив, 1994. С. 249–313. Т. V.

153.

Правительственный Вестник. 20 октября 1888 г.

154.

Дневник Цесаревича Николая Александровича за 1888 г. Запись за 17 октября // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 222(2). Л. 295.

155.

ГА РФ. Ф. 642. Оп. 1. Д. 27. Л. 1–140.

156.

Половцов А. А. Дневник государственного секретаря: в 2 т. М.: Центрполиграф, 2005. Т. 2. 1887–1892. С. 105.

157.

Лили Ден, Йен Воррес. Указ. соч. С. 191.

158.

Витте С. Ю. Указ. соч. Т. 1. С. 198.

159.

Грубе В. Ф. Воспоминания об Императоре Александре III. СПб., 1898. С. 12.

160.

Грубе В. Ф. Указ. соч. С.15.

161.

Грубе В. Ф. Указ. соч. С. 4.

162.

Шереметев С. Д. Указ. соч. С. 124.

163.

Грубе В. Ф. Указ. соч. С. 9.

164.

Витте С. Ю. Указ. соч. Т. 1. С. 194.

165.

Там же.

166.

Эдельман О. Крушение царского поезда // Отечественные записки, № 2, 2002.

167.

Витте С. Ю. Указ. соч. Т. 1. С. 197.

168.

Половцов А. А. Дневник государственного секретаря. Т. 2. С. 106.

169.

Мироненко С. В., Перегудова З. И., Андреев Д. А., Хрусталёв В. М. Дневники Императора Николая II: история изучения, публикации // Дневники Императора Николая II 1894–1918. Т. 1. 1894–1904. М.: РОССПЭН, 2011. С. 14.

170.

Лансон Г. Воспитание Царя Николая II // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 215. Л. 2 [пер. с фр.].

171.

Обручев Н. Подлинный облик Царя-Мученика, как Человека, Христианина и Монарха // Николай II в воспоминаниях и свидетельствах. С. 230.

172.

Цит. по: Кудрина Ю. В. Императрица Мария Федоровна и Император Николай II. С. 20.

173.

Зимин И. Указ. соч. С. 155.

174.

Минченков Я. Д. Воспоминания о передвижниках. Л.: Художник РСФСР, 1965. С. 98.

175.

Расписание занятий Государя Наследника Цесаревича за 18 марта 1883 г. // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 160. Л. 23.

176.

Лансон Г. Воспитание Царя Николая II // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 215. Л. 6.

177.

Там же.

178.

Генерал Г. Г. Данилович – Наследнику Цесаревичу Александру Александровичу // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 160. Л. 4.

179.

Мосолов А. А., генерал. При Дворе последнего императора. Воспоминания начальника дворцовой канцелярии. 1906–1916. СПб.: Наука, Ленинградское отд., 1992.

180.

Лансон Г. Воспитание Царя Николая II // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 215. Л. 6.

181.

Leudet Maurice. Nicolas II intime. Paris F. Juven, éditeur. P. 51.

182.

Александр Михайлович, Великий Князь. Указ. соч. С. 45.

183.

Leudet Maurice. Op. cit. P. 51.

184.

Лансон Г. Воспитание Царя Николая II // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 215. Л. 6–7, 8–9 об.

185.

Г.Г. Данилович – Наследнику Цесаревичу Николаю Александровичу // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1241. Л. 5.

186.

Лили Ден, Йен Воррес. Указ. соч. С. 197.

187.

Зимин И. Указ. соч. С. 155.

188.

Дневник Цесаревича Николая Александровича за 1888 г. Запись за 24 января // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 222. Л. 24.

189.

Шереметев С. Д. Указ. соч. С. 212.

190.

Половцов А. А. Дневник государственного секретаря. Т. 1. С. 319.

191.

Дневник Цесаревича Николая Александровича за 1884 г.

Запись за 1 марта // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 219 (1). Л. 65.

192.

Г.Г. Данилович – Наследнику Цесаревичу Николаю Александровичу // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1241. Л. 12.

193.

Там же.

194.

Там же. Л. 10.

195.

Степанов В. Л. Самодержец на распутье: Николай II между К.П. Победоносцевым и Н. Х. Бунге // Власть, общество и реформы в России в XIX – начале XX века: исследование, историография, источниковедение. СПб.: Нестор-история, 2009.

196.

Дневник А. А. Половцова // Ф. 583. Оп. 1. Д. 47. Л. 5.

197.

Половцов А. А. Дневник государственного секретаря. Т. 1. С. 188.

198.

Половцов А. А. Дневник государственного секретаря. Т. 2.
С. 7.

199.

Половцов А. А. Дневник государственного секретаря. Т. 1.
С. 477.

200.

Шавельский Г. И. Указ. соч. С. 348.

201.

Дневник Цесаревича Николая Александровича за 1882 г.
Запись за 11 сентября // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 217 (2).
Л. 258.

202.

Дневник Цесаревича Николая Александровича за 1882 г.
Запись за 11 октября // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 217 (2). Л.
288.

203.

Зимин И. Повседневная жизнь Российского Императорского
двора. Детский мир Императорских резиденций. С. 153.

204.

Там же. С. 156.

205.

Извольский А. П. Воспоминания. Пер. с англ. А. Сперанского. Пг.–М.: Петроград, 1924.

206.

Наша Страна, 29 марта 1952.

207.

Боханов А. Н. Последний царь. С. 18–19.

208.

Обручев Н. Подлинный облик Царя-Мученика, как Человека, Христианина и Монарха // Николай II в воспоминаниях и свидетельствах. С. 231.

209.

Ученические тетради Великого Князя Николая Александровича по военной топографии // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 175.

210.

Ученические тетради Великого Князя Николая Александровича по фортификации // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 178.

211.

Епанчин Н. На службе трёх императоров. Воспоминания. М.: Издание журнала «Наше наследие» при участии ГФ «Полиграфресурсы», 1996. С. 123.

212.

Бубнов А. Д. В Царской Ставке. М.: Вече, 2008. С. 129.

213.

Дневник Цесаревича Николая Александровича за 1888 г. Запись за 1 января // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 222(1). Л. 15.

214.

Высочайший манифест о совершеннолетию Наследника Цесаревича Великого Князя Николая Александровича и о принесении им присяги // ГА РФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 73. Л. 1.

215.

Зимин И. Царская работа. XIX – XX века. Повседневная жизнь Российского Императорского Двора.

216.

Дневник Цесаревича Николая Александровича за 1884 г. Запись за 6 мая // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 219(1). Л. 131.

217.

Дневник Великого Князя Константина Константиновича за 1884 г. Запись за 6 мая // ГА РФ. Ф. 660. Оп. 1. Д. 24.

218.

Боханов А. Н. Последний Царь. С. 26.

219.

Дневник Цесаревича Николая Александровича за 1889 г. Запись за 26 мая // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 223(2). Л. 198.

220.

Дневник Цесаревича Николая Александровича за 1889 г. Запись за 17 июля // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 223(2). Л. 202.

221.

Дневник Цесаревича Николая Александровича 1889. Запись за 1 августа // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 223(2). Л. 217.

222.

Воспоминания о службе Государя Наследника Цесаревича Николая Александровича, ныне благополучно царствующего Государя Императора, 2 января 1893–20 октября 1894 гг. Записано командиром полка генерал-майором Великим Князем Константином Константиновичем в 1896 г. // ГА РФ. Ф. 660. Оп. 2. Д. 5.

Л. 1.

223.

Дневники Императора Николая II. 1894–1918. Т. 1. 1894–1904. С. 60.

224.

Дневник Великого Князя Константина Константиновича // ГА РФ. Ф. 660. Оп. 1. Д. 41. Л. 6.

225.

Обручев Н. Подлинный облик Царя-Мученика, как Человека, Христианина и Монарха // Николай II в воспоминаниях и свидетельствах. С. 236.

226.

Епанчин Н. Указ. соч. С. 123.

227.

Дневник Цесаревича Николая Александровича за 1884 г. Запись за 6 февраля // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 219 (1). Л. 35.

228.

Сухомятинов В. Воспоминания. Берлин, 1924. С. 395.

229.

Сухомлинов В. Указ. соч. С. 397.

230.

Дневник Великого Князя Константина Константиновича за 1894 г. // ГА РФ. Ф. 660. Оп. 1. Д. 41. Л. 4.

231.

Половцов А. А. Дневник Государственного секретаря в двух томах. М.: Центрполиграф, 2005. Т. 2. 1887–1892.

232.

Ухтомский Э. Э., князь. Путешествие на Восток Его Императорского Высочества Государя Наследника Цесаревича. 1890–1891. СПб. – Лейпциг: Брокгауз, 1893. Т. 1. С. 15.

233.

Ухтомский Э. Э., князь. Путешествие на Восток Его Императорского Высочества Государя Наследника Цесаревича. Т. 1. С. 38.

234.

Г.Г. Данилович – Великому Князю Николаю Александровичу. 12 сент. 1890 // ГА РФ. Ф. 601. Оп.1 Д. 1241. Л. 35.

235.

Ухтомский Э. Э., князь. Путешествие на Восток Его Императорского Высочества Государя Наследника Цесаревича. Т. 1. С. 105.

236.

Дневник Цесаревича Николая Александровича за 1890 г. Запись за 11 декабря // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 224. Л. 349.

237.

Император Александр III – Цесаревичу Николаю Александровичу. 18 декабря 1890 г. // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1139. Л. 30.

238.

Цесаревич Николай Александрович – Императору Александру III. 12 ноября 1890 г. // ГА РФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 919 (3). Л. 124.

239.

Цесаревич Николай Александрович – Императору Александру III. 1 декабря 1890 г. // ГА РФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 919 (3). Л. 128.

240.

Цесаревич Николай Александрович – Императору

Александрю III. 20 января 1891 г. // ГА РФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 919 (3). Л. 142.

241.

Цесаревич Николай Александрович – Императору Александрю III. 20 января 1891 г. // ГА РФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 919 (3). Л. 144.

242.

Цесаревич Николай Александрович – Императору Александрю III. 7 марта 1891 г. // ГА РФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 919 (3). Л. 156.

243.

Цесаревич Николай Александрович – Великому Князю Александрю Михайловичу. 20 февраля 1891 г. // Боханов А. Н. Николай II. С. 418.

244.

Король Чулалонгкорн – Цесаревичу Николаю Александровичу 18 февраля 1891 г. // Ухтомский Э. Э. Путешествие Государя Императора Николая II на Восток (в 1890–1891). СПб., 1897. Т. 2. С. 5.

245.

Цесаревич Николай Александрович – Великому Князю

Александрю Михайловичу. 20 февраля 1891 г. // Боханов А. Н. Николай II. С. 419.

246.

Ухтомский Э. Э. Путешествие Государя Императора Николая II на Восток (в 1890–1891). СПб., 1897. Т. 2. С. 60–61.

247.

Из инструкции МИД России А.Е. Оларовскому при назначении его русским поверенным в делах и генеральным консулом в Таиланде. 21 февраля 1898 г. // Из истории русско-тайландских отношений (конец XIX – начало XX века) // Исторический архив, № 6. 1957. С. 120.

248.

Цесаревич Николай Александрович – Императору Александру III. 20 марта 1891 г. // ГА РФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 919 (3). Л. 157.

249.

Великий Князь Николай Александрович – Императрице Марии Феодоровне // ГА РФ. Ф. 642. Оп. 1. Д. 2321. Л. 163.

250.

Цесаревич Николай Александрович – Императрице Марии

Феодоровне. // ГА РФ. Ф. 642. Оп. 1. Д. 2321. Л. 164.

251.

Великий Князь Николай Александрович – Императрице Марии Феодоровне // ГА РФ. Ф. 642. Оп. 1. Д. 2321. Л. 168.

252.

Великий Князь Николай Александрович – Императрице Марии Феодоровне // ГА РФ. Ф. 642. Оп. 1. Д. 2321. Л. 163.

253.

Митрофан (Зноско), епископ. Хроника одной жизни. К шестидесятилетию пастырского служения IX.1935 – IX.1995. М., 1995. С. 294.

254.

Митрофан (Зноско), епископ. Указ. соч. С. 294–297.

255.

Ухтомский Э. Э. Путешествие Государя Императора Николая II на Восток (в 1890–1891). СПб., 1897. Т. 3. С. 24.

256.

Митрофан, епископ. Указ. соч. С. 39.

257.

Ухтомский Э. Э. Путешествие Государя Императора Николая II на Восток (в 1890–1891). С. 41.

258.

Великий Князь Николай Александрович – Императрице Марии Феодоровне // ГА РФ. Ф. 642. Оп. 1. Д. 2321. Л. 176.

259.

Великий Князь Николай Александрович – Императору Александру III // ГА РФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 919 (4). Л. 185–190.

260.

Великий Князь Николай Александрович – Императрице Марии Феодоровне // ГА РФ. Ф. 642. Оп. 1. Д. 2321. Л. 174–177.

261.

Ухтомский Э. Э. Путешествие Государя Императора Николая II на Восток (в 1890–1891). С. 42.

262.

Великий Князь Николай Александрович – Императору Александру III // ГА РФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 919(4). Л. 185–190.

263.

Князь В. А. Барятинский – Императору Александру III 2 мая 1891 г. // Источник, приложение к журналу «Родина». № 6, 1994.

264.

Император Александр III – Цесаревичу Николаю Александровичу 6 мая 1891 г. // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII – XX вв.: Альманах. М.: Студия ТРИТЭ; Рос. архив, 1999. С. 236. Т. IX.

265.

Великий Князь Михаил Александрович – Цесаревичу Николаю Александровичу // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1301. Л. 169–170.

266.

Дневник Великого Князя Николая Александровича за 1891. // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 226. Л. 17.

267.

Витте С. Ю. Избранные воспоминания 1849–1911 гг. М., 1991. С. 288.

268.

Великий Князь Николай Александрович – Императрице

Марии Феодоровне // ГА РФ. Ф. 642. Оп. 1. Д. 2321. Л. 163.

269.

Великий Князь Николай Александрович – Императрице Марии Феодоровне. // ГА РФ. Ф. 642. Оп. 1. Д. 2321. Л. 176.

270.

Император Александр III – Цесаревичу Николаю Александровичу 6 мая 1891 г. // Российский архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII – XX вв.: Альманах М.: Студия ТРИТЭ; Рос. архив, 1999. С. 236. Т. IX.

271.

А. Н. Майков – Императору Александру III // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1486. Л. 1.

272.

Именной Высочайший Указ Правительствующему Сенату от 17 апреля 1891 // Ухтомский Э. Э. Путешествие Государя Императора Николая II на Восток (в 1890–1891). СПб., 1897. Т. 3. С. 114–115.

273.

Ухтомский Э. Э. Путешествие Государя Императора Николая II на Восток (в 1890–1891). Т. 3. С. 123.

274.
Фонды музея-архива Д. И. Менделеева. СПГУ.

275.
Цесаревич Николай Александрович – Императору Александру III // ГА РФ. Ф. 674. Оп. 1. Д. 919 (4). Л. 196.

276.
Цесаревич Николай Александрович – Великому Князю Александру Михайловичу // Боханов А. Н. Николай II. С. 234.

277.
Дневник Великого Князя Николая Александровича за 1891 г. // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 226. Л. 71.

278.
Ухтомский Э. Э. Путешествие Государя Императора Николая II на Восток (в 1890–1891). Т. 3. С. VII.

279.
Десять лет на Императорской яхте «Штандарт» // Морские записки. The Naval Records. Издание бывших морских офицеров в Америке. Нью-Йорк, 1947. Т. 5. № 2. С. 37.

280.

Ухтомский Э. Э. Путешествие Государя Императора Николая II на Восток (в 1890–1891). Т. 3. С. 123.

281.

Великий Князь Николай Александрович – Императрице Марии Феодоровне // ГА РФ. Ф. 642. Оп. 1. Д. 2321. Л. 192.

282.

Ухтомский Э. Э. Путешествие Государя Императора Николая II на Восток (в 1890–1891). СПб., 1897. Т. 3.

283.

Ухтомский Э. Э. Путешествие Государя императора Николая II на Восток. Т. 3.

284.

Слишком все было ясно для народа. Исповедь палача // Источник. 1993. № 0. С. 108.

285.

Николай Михайлович, Великий Князь. Легенда о кончине Императора Александра I в Сибири в образе старца Феодора Кузьмича. СПб., 1907. С. 9.

286.

Громыко М. М. Святой праведный Феодор Кузьмич – Александр I Благословенный. М.: Паломник, 2007. С. 408.

287.

Лебедев М., священник. Путешествие Наследника Цесаревича по Подольской епархии в 1891 году. Тобольск, 1892. С. 4.

288.

Дневник Цесаревича Николая Александровича за 1891 г. // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 226. Л. 20.

289.

Речь Преосвященного Иустина при встрече Его Императорского Высочества, Государя Наследника Цесаревича и Великого Князя Николая Александровича, в Тобольском кафедральном соборе, 10 июля 1891 года // Тобольские епархиальные ведомости. № 13–14, 1891. С. 26.

290.

Лебедев М., священник. Указ. соч. С. 5.

291.

Дневник Цесаревича Николая Александровича за 1891 г. // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 226. Л. 112.

292.

Встреча и пребывание Его Императорского Высочества, Благоверного Государя, Наследника Цесаревича и Великого Князя Николая Александровича в пределах Оренбургской епархии, в июле сего года: О посещении Его Императорским Высочеством Наследником Цесаревичем Тургайской области // Оренбургские епархиальные ведомости. 1891. № 17 (ч. неофиц.). С. 540.

293.

Император Александр III – Цесаревичу Николаю Александровичу. 25 июля 1891 г. // Российский Архив. История Отечества в свидетельствах и документах XVIII – XX вв.: Альманах. М.: Студия ТРИТЭ; Рос. архив, 1999. Т. IX. С. 241.

294.

Цесаревич Николай Александрович – Великому Князю Александру Михайловичу // Боханов А. Н. Николай II. С. 235.

295.

Дневник Цесаревича Николая Александровича за 1892 г. Запись за 4 апреля // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 228. Л. 38.

296.

Дневник Цесаревича Николая Александровича за 1890 г.
Запись за 31 декабря // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 224 (2). С. 369.

297.

Дневник Цесаревича Николая Александровича за 1894 г.
Запись за 9 июня // Дневники Императора Николая II. 1894–1904. М.: РОССПЭН, 2011. Т. 1. С. 82.

298.

Дневник Цесаревича Николая Александровича за 1892 г.
Запись за 27 июля // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 228. Л. 188.

299.

Вельяминов Н. А. Воспоминания об Императоре Александре III // Российский архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв.: Альманах. М.: Студия ТРИТЭ; Рос. архив, 1994. С. 249–313. [Т.] V.

300.

Великий Князь Георгий Александрович – Императору Николаю II // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1221. Л. 55.

301.

Танеева (Вырубова) А.А. Страницы моей жизни // Русская летопись. Париж, 1922. Кн. 4. С. 24.

302.

Великая герцогиня Алиса – королеве Виктории 31 мая 1865 // Жевахов Н. Д. Указ. соч. Т. 1.

303.

Великая герцогиня Алиса – королеве Виктории 24 июля 1865 // Жевахов Н. Д. Указ. соч. Т. 1.

304.

Императрица Александра Феодоровна – А.В. Сыробоярскому 28 мая 1917 г. // Письма Царской Семьи из заточения. М.: Вече, 2013. С. 33.

305.

Великая герцогиня Алиса – королеве Виктории // Жевахов Н. Д. Указ. соч. Т. 1.

306.

Ден Лили, Воррес Йен. Указ. соч. С. 36.

307.

Скорбный ангел. С. 11.

308.

Фомин С. В. «Венценосная голубица» // Скорбный ангел. С.

11.

309.

Скорбный ангел. С. 13.

310.

Ден Лили, Воррес Йен. Указ. соч. С. 87.

311.

Скорбный ангел. С. 14

312.

Дневник Цесаревича Николая Александровича за 1884 г. // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1.

313.

Цит. по: Боханов А. Н. Николай II. М.: Вече, 2008. С. 59.

314.

Государыня Императрица Александра Феодоровна Романова. Дивный свет. Дневниковые записи, переписка, жизнеописание. Пер. с англ. Сост. монахиня Нектария (Мак Лиз). М.: Издательский дом «Русский Паломник»; Валаамское общество Америки, 2009. С. 21.

315.

Государыня Императрица Александра Феодоровна
Романова. Дивный свет. С. 20.

316.

Дневник Цесаревича Николая Александровича за 1889 г.
Запись за 18 января // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 223. Л. 22.

317.

Великая Княгиня Елизавета Феодоровна – Цесаревичу
Николаю Александровичу 19 июня 1889 г. // ГА РФ. Ф. 601.
Оп. 1. Д. 1253. Л. 7–8 [на англ. языке].

318.

Великая Княгиня Елизавета Феодоровна – Цесаревичу
Николаю Александровичу 18 сентября 1890 г. // ГА РФ. Ф.
601. Оп. 1. Д. 1253. Л. 15–16 [на англ. языке].

319.

Дневник Цесаревича Николая Александровича за 1890 г.
Запись за 20 августа // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 225. С. 236.

320.

Цит. по: Боханов А. Н. Мария Федоровна. С. 262.

321.

Дневник Цесаревича Николая Александровича за 1891 г.

Запись за 21 декабря // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 227. С. 108.

322.

Великая Княгиня Елизавета Феодоровна – Цесаревичу Николаю Александровичу 29 августа 1890 г. // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1253. Л. 13–14 [на англ. языке].

323.

Цит. по: Письма Преподобномученицы Великой Княгини Елизаветы Феодоровны. М.: Православное сестричество во имя Преподобномученицы Елизаветы. 2011. С. 132.

324.

Цит. по: Письма Преподобномученицы Великой Княгини Елизаветы Феодоровны. С. 146–147.

325.

Цит. по: Боханов А. Н. Мария Федоровна. С. 264.

326.

Боханов А. Н. Александра Федоровна. С. 45.

327.

Дневник Великого Князя Константина Константиновича за 1892 г. // ГА РФ. Ф. 660. Оп. 1. Д. 41. Л. 44.

328.

Принцесса Алиса Гессенская – Цесаревичу Николаю Александровичу 8 ноября 1893 г. // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1147. Л. 3–5 [на англ. яз.]

329.

Дневник Великого Князя Константина Константиновича за 1892 г. // ГА РФ. Ф. 660. Оп. 1. Д. 41. Л. 53.

330.

Боханов А. Н. Мария Федоровна. С. 266.

331.

Алферьев Е. Указ. соч. С. 18.

332.

Дневник Цесаревича Николая Александровича за 1894 г. Запись за 5 апреля // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 233. С. 96.

333.

Наследник Цесаревич Николай Александрович – Императрице Марии Феодоровне 10 апреля 1894 г. // ГА РФ.

334.

Дневник Цесаревича Николая Александровича за 1894 г. Запись за 8 апреля // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 233. С. 101.

335.

Дневник Цесаревича Николая Александровича за 1894 г.
Запись за 10 апреля // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 233. С. 103.

336.

Дневник Цесаревича Николая Александровича за 1894 г.
Запись за 12 апреля // Дневник Императора Николая II. Т. 1. С. 67.

337.

Император Александр III – Цесаревичу Николаю Александровичу 14 апреля 1894 г. // Ф. 601. Оп. 1. Д. 1139. Л. 20.

338.

Боханов А. Н. Александра Федоровна. С. 78.

339.

Наследник Цесаревич Николай Александрович – Императрице Марии Федоровне 18 апреля 1894 г. // ГА РФ.

340.

Боханов А. Н. Александра Федоровна. С. 72.

341.

Дневник Цесаревича Николая Александровича за 1894 г.
Запись за 19 апреля // Дневник Императора Николая II. Т. 1. С. 70.

342.

Боханов А. Н. Александра Федоровна. С. 72.

343.

Государыня Императрица Александра Феодоровна Романова. Дивный свет.

344.

Мультиатули П. В. Внешняя политика Императора Николая II. С. 144.

345.

Дневник Великого Князя Константина Константиновича за 1894 г. Запись за 28 апреля // ГА РФ. Ф. 660. Оп. 1. Д. 41. Л. 60.

346.

Дневник Цесаревича Николая Александровича за 1894 г. Запись за 25 апреля // Дневник Императора Николая II. Т. 1. С. 71.

347.

Государыня Императрица Александра Феодоровна
Романова. Дивный свет. С. 95.

348.

Цит. по: Государыня Императрица Александра Феодоровна
Романова. Дивный свет. С. 97.

349.

Императрица Александра Феодоровна – А. А. Вырубовой 20
марта 1918 г. // Письма Царской Семьи из заточения. С. 166.

350.

Государыня Императрица Александра Феодоровна
Романова. Дивный свет. С. 75.

351.

Скорбный ангел. С. 187.

352.

Скорбный ангел. Царица-Мученица Александра Новая в
письмах, дневниках и воспоминаниях. Сост. С. Фомин. М.:
Общество Святителя Василия Великого, 2005. С. 21.

353.

Государыня Императрица Александра Феодоровна
Романова. Дивный свет. С. 70.

354.

Мейлунас А., Мироненко С. Николай и Александра. Любовь и жизнь. М.: Прогресс, 1998. С. 86.

355.

Дневник Цесаревича Николая Александровича за 1894 г. Запись за 8 июня. // Дневники Императора Николая II. Т. 1. С. 81.

356.

Дневник Цесаревича Николая Александровича за 1894 г. Запись за 11 июля // Дневники Императора Николая II. Т. 1. С. 95.

357.

Наследник Цесаревич Николай Александрович – Императрице Марии Феодоровне.

358.

Будущий король Георг V (1910–1936).

359.

Дневник Цесаревича Николая Александровича за 1894 г. Запись за 13 июня // Дневники Императора Николая II. Т. 1. С. 83.

360.

Дневник Цесаревича Николая Александровича за 1894 г.
Запись за 3 июля // Дневники Императора Николая II. Т. 1.
С. 91.

361.

Боханов А. Н. Сердечные тайны Дома Романовых. М.: Вече,
2013. С. 236.

362.

Дневник Цесаревича Николая Александровича за 1894 г.
Запись за 13 июня // Дневники Императора Николая II. Т. 1.
С. 83.

363.

Дневник Цесаревича Николая Александровича за 1894 г.
Запись за 3 июля // Дневники Императора Николая II. Т. 1.
С. 83.

364.

Государыня Императрица Александра Феодоровна
Романова. Дивный свет. С. 101–102.

365.

Там же. С. 105.

366.

Дневник Цесаревича Николая Александровича за 1894 г. Запись за 11 июля // Дневники Императора Николая II. Т. 1. С. 96.

367.

Дневник Наследника Цесаревича Николая Александровича за 1894 г. Запись за 16 января // Дневник Императора Николая II. Т. 1. С. 45.

368.

Шереметев С. Д., граф. Мемуары // Александр Третий. Воспоминания. Дневники. Письма. С. 339.

369.

Вельяминов Н. А. Воспоминания об Императоре Александре III // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв.: Альманах. М.: Студия ТРИТЭ; Рос. Архив, 1994. С. 249–313. [Т.] V.

370.

Правительственный Вестник. 17 января 1894 г.

371.

Вельяминов Н. А. Воспоминания об Императоре

Александре III // Российский архив. [Т.] V.

372.

Там же.

373.

Цесаревич Николай Александрович – Императрице Марии Феодоровне // ГА РФ. Ф. 642. Оп. 1. Д. 2322. Л. 11.

374.

Лили Ден, Йен Воррес. Указ. соч. С. 223–224.

375.

Витте С. Ю. Воспоминания. Т. 1. С. 401.

376.

Лили Ден, Йен Воррес. Указ. соч. С. 226.

377.

Дневник Цесаревича Николая Александровича за 1894 г. Запись за 11 августа // Дневники Императора Николая II. Т. 1. С. 107.

378.

Наследник Цесаревич Николай Александрович – Принцессе Алисе Гессенской. 7/19 августа 1894 г. // Государыня

Императрица Александра Феодоровна Романова. Дивный свет. С. 142.

379.

Наследник Цесаревич Николай Александрович – Принцессе Алисе Гессенской. 9/21 августа 1894 г. // Государыня Императрица Александра Феодоровна Романова. Дивный свет. С. 143.

380.

Полевой Н. К. Император Александр III в Беловеже // Александр Третий. Воспоминания. Дневники. Письма. С. 238–239.

381.

Наследник Цесаревич Николай Александрович – Принцессе Алисе Гессенской. 1/13 сентября 1894 г. // Государыня Императрица Александра Феодоровна Романова. Дивный свет. С. 159.

382.

Полевой Н. К. Император Александр III в Беловеже // Александр Третий. Воспоминания. Дневники. Письма. С. 244.

383.

Там же. С. 242.

384.

Наследник Цесаревич Николай Александрович – Принцессе Алисе Гессенской. 1/13 сентября 1894 г. // Государыня Императрица Александра Феодоровна Романова. Дивный свет. С. 160.

385.

Там же.

386.

Дневник Великого Князя Константина Константиновича за 1894 г. // ГА РФ. Ф. 660. Оп. 1. Д. 41. Л. 122.

387.

Наследник Цесаревич Николай Александрович – Принцессе Алисе Гессенской. 3/15 сентября 1894 г. // Государыня Императрица Александра Феодоровна Романова. Дивный свет. С. 163.

388.

Дневник Цесаревича Николая Александровича за 1894 г. Запись за 3 сентября // Дневники Императора Николая II. Т. 1. С. 112.

389.

Полевой Н. К. Император Александр III в Беловеже // Александр Третий. Воспоминания. Дневники. Письма. С. 244–245.

390.

Вельяминов Н. А. Воспоминания об Императоре Александре III // Российский архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв.: Альманах. М.: Студия ТРИТЭ; Рос. архив, 1994. С. 249–313. [Т.] V.

391.

Там же.

392.

Дневник Цесаревича Николая Александровича за 1894 г. Запись за 8 сентября // Дневники Императора Николая II. Т. 1. С. 113.

393.

Наследник Цесаревич Николай Александрович – Принцессе Алисе Гессенской. 7/19 сентября 1894 г. // Государыня Императрица Александра Феодоровна Романова. Дивный свет. С. 173.

394.

Дневник Цесаревича Николая Александровича за 1894 г.
Запись за 14 сентября // Дневники Императора Николая II.
Т. 1. С. 115.

395.

Наследник Цесаревич Николай Александрович – Принцессе Алисе Гессенской. 16/28 сентября 1894 г. // Государыня Императрица Александра Феодоровна Романова. Дивный свет. С. 178.

396.

Дневник Цесаревича Николая Александровича за 1894 г.
Запись за 15 сентября // Дневники Императора Николая II.
Т. 1. С. 115.

397.

Там же.

398.

Там же.

399.

Там же.

400.

Цесаревич Николай Александрович – Принцессе Алисе

Гессенской // Государыня Императрица Александра Феодоровна Романова. Дивный свет. С. 179.

401.

Принцесса Алиса Гессенская – Наследнику Цесаревичу Николаю Александровичу. 16/28 сентября 1894 г. // Государыня Императрица Александра Феодоровна Романова. Дивный свет. С. 178.

402.

ГА РФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 39. Л. 7.

403.

Наследник Цесаревич Николай Александрович – Принцессе Алисе Гессенской. 17/29 сентября 1894 г. // Государыня Императрица Александра Феодоровна Романова. Дивный свет. С. 185.

404.

Правительственный Вестник. 19 сентября 1894 г.

405.

Вельяминов Н. А. Воспоминания об Императоре Александре III // Российский Архив. С. 305. [Т.] V.

406.

Александр Третий. Воспоминания. Дневники. Письма. С. 196.

407.

Буксгевден С., баронесса. Жизнь и трагедия Александры Федоровны, Императрицы Всероссийской. С. 64.

408.

Кинг Г. Императрица Александра Федоровна. Биография. М.: Захаров, 2000. С. 86.

409.

Дневник Цесаревича Николая Александровича за 1894 г. Запись за 8 октября // Дневники Императора Николая II. Т. 1. С. 119.

410.

Последние дни Императора. Из дневника А. Е. Комаровской // Московский журнал. 1998. № 7.

411.

Скорбный Ангел. С. 77.

412.

Королева эллинов Ольга (1851–1926), до замужества Великая Княгиня Ольга Константиновна, приходилась

двоюродной сестрой Императору Александру III.

413.

Великая Княгиня Александра Иосифовна (1830–1911),
вдова Великого Князя Константина Николаевича.

414.

Правительственный Вестник. 12/24 октября 1894 г. № 221.

415.

Вельяминов Н. А. Воспоминания об Императоре
Александре III // Российский архив. Т. V. С. 305.

416.

Шереметев С. Д. Мемуары // Александр Третий.
Воспоминания. Дневники. Письма. С. 338.

417.

Дневник Цесаревича Николая Александровича за 1894 г.
Запись за 9 октября // Дневники Императора Николая II. Т.
1. С. 121.

418.

Иоанн Сергиев, протоиерей. Последние часы жизни
Императора Александра III // Памяти Императора
Александра III. Сборник «Московских новостей» (известия,

статьи, перепечатки). Издание С. Перовского. М., 1894.

419.

Дневник Цесаревича Николая Александровича за 1894 г.
Запись за 10 октября // Дневники Императора Николая II. Т.
1. С. 120.

420.

Иоффе Н. А. Время назад: моя жизнь, моя судьба, моя эпоха.
М.: Биологические науки, 1992. С. 11.

421.

Скорбный Ангел. С. 103.

422.

Там же. С. 105.

423.

Лили Ден, Йен Воррес. Указ. соч. С. 230.

424.

Последние дни Императора. Из дневника
А. Е. Комаровской // Московский журнал. 1998. № 7.

425.

Дневник Цесаревича Николая Александровича за 1894 г.

Запись за 12 октября // Дневники Императора Николая II. Т. 1. С. 121.

426.

Правительственный Вестник. 18 октября 1895 г.

427.

Дневник графа В. Н. Ламздорфа. Запись за 18 октября 1894 г. // ГА РФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 39. Л. 14.

428.

Вельяминов Н. А. Воспоминания об Императоре Александре III // Российский архив. С. 305. Т. V.

429.

Последние часы жизни Императора Александра III // Памяти Императора Александра III. Сборник «Московских новостей» (известия, статьи, перепечатки). Издание С. Перовского. М., 1894. С. 7.

430.

Вдовствующая Императрица Мария Феодоровна – королеве Дании Луизе 20 октября 1894 г. // Дневники Императора Николая II. Т. 1. С. 174.

431.

Иоанн Янышев, протопресвитер. Последние часы жизни Императора Александра III // Памяти Императора Александра III. С. 12–14.

432.

Письмо Великой Княгини Марии Павловны неустановленному лицу о последних днях жизни Императора Александра III [на фр. яз.] // ГА РФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 97. Л. 1.

433.

Последние часы жизни Императора Александра III. С. 26.

434.

Иоанн Сергиев, протоиерей. Последние часы жизни Императора Александра III // Памяти Императора Александра III. С. 14.

435.

Письмо Великой Княгини Марии Павловны неустановленному лицу о последних днях жизни Императора Александра III [на фр. яз.] // ГА РФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 97. Л. 1–2.

436.

Иоанн Сергиев, протоиерей. Последние часы жизни

Императора Александра III // Памяти Императора Александра III. С. 14.

437.

Попов А. Д. Император Александр III. СПб.: Синодальная типография, 1908. С. 238.

438.

Попов А. Д. Указ. соч. С. 238.

439.

Вдовствующая Императрица Мария Феодоровна – королеве Дании Луизе 20 октября 1894 г. // Дневники Императора Николая II. Т. 1. С. 174.

440.

«Правительственный Вестник». 20 октября 1895 г.

441.

Шереметев С. Д. Мемуары // Александр Третий. Воспоминания. Дневники. Письма. С. 340–341.

442.

Боханов А. Н. Указ. соч. С. 164.

443.

Ламздорф В. Н. Обзор внешней политики России за время царствования Императора Александра III [черновик] // ГА РФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 53. Л. 1.

444.

ГА РФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 37. Л. 116.

445.

Военные соглашения России с иностранными государствами до войны. М.: Военно-историческое общество, 1919. С. 97.

446.

Оль П. В. Иностранные капиталы в народном хозяйстве довоенной России. Л., 1925. С. 15.

447.

Констант С. Фердинанд Лисицата. Цар на България. София, 1992. С. 7–8.

448.

Трубецкой Г. Н., князь. Русская дипломатия в 1914–1917 гг. Война на Балканах. Монреаль, 1983. С. 46.

449.

Краткая история Болгарии. Отв. редактор Г. Г. Литаврин. М.: Наука, 1987. С. 258.

450.

Дневник графа В. Н. Ламздорфа. Вкладки в дневнике. Резолюция Императора Александра III на письме магараджи Дулин Сингха // ГА РФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 82. Л. 2.

451.

Письмо магараджи Дулин Сингха Императору Александру III. 16 мая 1887 г. // ГА РФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 80. Л. 1 [копия].

452.

Депеша Гренвилля, министра иностранных дел Англии, от 24 января 1873 г. // Афганское разграничение: Сборник дипломатических документов. СПб., 1886. С. 42.

453.

Помета императора Александра III на записке министра иностранных дел Н. К. Гирса. // ГА РФ. Ф. 667. Оп. 1. Д. 473. Л. 6.

454.

Ключевский В. О. Памяти в Бозе почившего Государя Императора Александра III. Речь произнесённая в заседании Императорского Общества истории и древностей Российских при Московском университете 28 октября

1894 г. М.: Университетская типография, 1894. С. 5–6.

455.

Берштейн Б. И. Три слова, сказанные житомирским общественным раввином Б. И. Берштейном. 17 ноября 1894 г., на 18-й день кончины Императора Александра III. Житомир, 1896. С. 3–4.

456.

Цит. по: Хрусталёв В. М. Великий князь Михаил Александрович. М.: Вече, 2008. С. 83.

457.

Павлов Н. А. Его Величество Государь Николай II. С. 15–20.

458.

Степанов В. Л. Самодержец на распутье: Николай II между К.П. Победоносцевым и Н. Х. Бунге // Власть, общество и реформы в России в XIX – начале XX века: исследование, историография, источниковедение. СПб: Нестор-история, 2009. С. 151.

459.

Епанчин Н. А. На службе трех императоров // Александр Третий. Воспоминания. Дневники. Письма. С. 195.

460.

Павлов Н. А. Его Величество Государь Николай II. С. 18.

461.

Епанчин Н. А. На службе трех императоров. С. 187.

462.

Татищев С. С. Указ. соч. Т. 2. С. 652.

463.

Былое. 1918. Кн. 4–5. Апрель – май. С. 162–166.

464.

Епанчин Н. А. На службе трех императоров. С. 187.

465.

К. П. Победоносцев и его корреспонденты: Письма и записки / С предисловием Покровского М.Н. Т. 1. М. – Пг., 1923, полутом 1-й. С. 8.

466.

Епанчин Н. А. На службе трех императоров. С. 186.

467.

Там же. С. 287.

468.

Твардовская В. А. Александр III // Романовы. Исторические портреты. Т. 2. С. 370.

469.

Перетц Е. А. Дневник. М.–Л., 1927. С. 38–40.

470.

Игнатъев Н. П. Земский собор. СПб. – Кишинёв, 2000.

471.

К. П. Победоносцев – Императору Александру III 11 марта 1883 г. // Письма Победоносцева к Александру III. М., 1926. Т. II. С. 12.

472.

Дневник А. А. Киреева // РГБ Ф. 126. Д. 14. Л. 184 об.

473.

Под «конституцией» А. А. Киреев имел в виду Манифест 17 октября 1905 г.

474.

Смирнов А. Ф. Государственная Дума Российской Империи. 1906–1917. Историко-правовой очерк. М.: Книга-бизнес, 1998. С. 23.

475.

Витте С. Ю. Воспоминания. Т. 1. С. 369.

476.

«Управлять – значит предвидеть!» (фр.)

477.

Александр Третий. Воспоминания. Дневники. Письма. С. 215.

478.

Там же. С. 336.

479.

Дронов И. Е. Сильный, державный. Жизнь и царствование Александра III. М.: Русский издательский центр, 2012. С. 448.

480.

Дронов И. Е. Указ. соч. С. 448.

481.

ГА РФ. Ф. 564. Оп. 1. Д. 202 (1). Л. 15.

482.

Смертная казнь: Сборник статей / Таганцев Н. С. СПб.: Гос. Тип., 1913.

483.

Витте С. Ю. Воспоминания. Т. 2. С. 13–14.

484.

Шереметев С. Д. Мемуары // Александр Третий. Воспоминания. Дневники. Письма. С. 338.

485.

Боханов А. Н. Мария Федоровна. С. 249–250.

486.

Там же. С. 250.

487.

Там же.

488.

Лили Ден, Йен Воррес. Указ. соч. С. 284.

489.

Павлов Н. А. Указ. соч. С. 11.

490.

Врангель Н. Е. Воспоминания: от крепостного права до большевиков. М.: Новое литературное обозрение, 2003.

491.

Мережковский Д., Гиппиус З., Философов Д. Царь и революция. М.: ОГИ, 1999. С. 71–72, 93.

492.

Дневник Императора Николая II за 1894 г. Запись за 20 октября // Дневники Императора Николая II. Т. 1. С. 123.

493.

Боханов А. Н. Николай II. С. 78.

494.

Вельяминов Н. А. Воспоминания об Императоре Александре III // Российский архив. Т. V. С. 309.

495.

Лили Ден, Йен Воррес. Указ. соч. С. 232.

496.

Александр Михайлович, Великий Князь. Воспоминания. Две книги в одном томе. М.: Захаров; Аст, 1999. С. 164.

497.

Вельяминов Н. А. Воспоминания об Императоре Александре III // Российский архив. Т. V. С. 309.

498.

Витте С. Ю. Воспоминания. Т. 1. С. 435.

499.

Витте С. Ю. Воспоминания. Т. 2. С. 7.

500.

Гурко В. И. Черты и силуэты прошлого: Правительство и общественность в царствование Императора Николая II в изображении современника / Подготовка текста и комментарии Н. П. Соколов. М.: НЛО, 2000. С. 29.

501.

Фирсов С. Л. Указ. соч.

502.

Лили Ден, Йен Воррес. Указ. соч. С. 233.

503.

В Мариинском дворце на Исаакиевской пл. Петербурга с 1884 по 1917 г. размещался Государственный Совет Российской Империи.

504.

Государственный Совет. 1801–1901. Составлено в Государственной Канцелярии. СПб.: Государственная Типография, 1901. С. 189.

505.

Дневник Наследника Цесаревича Николая Александровича за 1890 г. Запись за 8 января // Дневник Императора Николая II. 1890–1906. Берлин: Слово, 1923. С. 13.

506.

Дневник Наследника Цесаревича Николая Александровича за 1890 г. Запись за 30 января // Дневник Императора Николая II. 1890–1906. С. 16.

507.

Дневник Наследника Цесаревича Николая Александровича за 1890 г. Запись за 5 февраля // Дневник Императора Николая II. 1890–1906. С. 17.

508.

Дневник Наследника Цесаревича Николая Александровича за 1892 г. Запись за 20 февраля // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 2418. Л. 2.

509.

Дневник Наследника Цесаревича Николая Александровича за 1892 г. Запись за 28 февраля // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 2418. Л. 2.

510.

Дневник Наследника Цесаревича Николая Александровича за 1892 г. Запись за 4 марта // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 2418. Л. 29.

511.

Дневник Наследника Цесаревича Николая Александровича за 1892 г. Запись за 23 марта // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 2418. Л. 28.

512.

Дневник Наследника Цесаревича Николая Александровича за 1892 г. Запись за 24 марта // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 2418. Л. 29.

513.

Дневник Наследника Цесаревича Николая Александровича за 1894 г. Запись за 24 января // Дневник Императора Николая II. Т. 1. С. 43–47.

514.

Боханов А. Н. Николай II // Исторические портреты.

Романовы.

515.

Ухтомский Э. Э. Путешествие Государя Императора Николая II на Восток (в 1890–1891). Т. 3. С. 114.

516.

Саблер С. В., Сосновский И. В. Сибирская железная дорога в ее прошлом и настоящем. СПб., 1903. С. 130.

517.

Дневник Наследника Цесаревича Николая Александровича за 1892 г. // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 229. Л. 188.

518.

Витте С. Ю. Воспоминания. Т. 1. С. 435–434.

519.

Боханов А. Н. Николай II // Исторические портреты. Романовы.

520.

Кривошеин Н. В. Голод 1891–1892 гг. и тамбовская миссия графа А. А. Бобринского // Записки ЛОКО. Вып. V. Липецк, 2006.

521.

Круглов В. Царь-голод? // <http://www.apn.ru/>

522.

Боханов А. Н. Николай II // Исторические портреты. Романовы.

523.

Наследник Цесаревич Николай Александрович – Великому Князю Александру Михайловичу.

524.

Дневник Наследника Цесаревича Николая Александровича за 1894 г. Запись за 20 января // Дневник Императора Николая II. Т. 1. С. 46.

525.

Дневник Наследника Цесаревича Николая Александровича за 1894 г. Запись за 24 января // Дневник Императора Николая II. Т. 1. С. 47.

526.

К. П. Победоносцев – Великому Князю Сергею Александровичу 26 сентября 1894 г. // Письма Победоносцева Александру III. С. 353.

527.

Дневник Наследника Цесаревича Николая Александровича за 1894 г. Запись за 7 октября // Дневник Императора Николая II. Т. 1. С. 119.

528.

Ламздорф В. Н. Дневник, 1894—1896. М.: Международные отношения, 1991. С. 72.

529.

Дневник Великого Князя Константина Константиновича за 1894 г. Запись за 7 декабря // ГА РФ. Ф. 660. Оп. 1. Д. 41. Л. 312.

530.

Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. Т. XIV. 1894. СПб., 1898. С. 625.

531.

Кривенко В. С. В Министерстве двора: Воспоминания. СПб., 2006. С. 226.

532.

Новое время, 20 октября 1894 г.

533.

К. П. Победоносцев – Императору Николаю II. 20 октября 1894 г. // Письма Победоносцева Александру III. Т. 2. С. 302–303.

534.

Полное собрание законов Российской империи. Т. XIV. С. 626.

535.

Дневники Императора Николая II: 1894–1918. Т. 1. 1894–1904. Запись за 21 октября 1894 г. С. 124.

536.

Дневник В. Н. Ламздорфа. 1894–1896. С. 78.

537.

Дневник Императора Николая II за 1894 г. Запись за 21 октября // Дневник Императора Николая II. Т. 1. С. 124.

538.

Правительственный Вестник за 23 октября 1894 г.

539.

Памяти Императора Александра III. С. 32.

540.

Дневник Императора Николая II за 1894 г. Запись за 25 октября // Дневник Императора Николая II. Т. 1. С. 125.

541.

Московские Ведомости. 1894. № 296.

542.

Дневник Императора Николая II за 1894 г. Запись за 27 октября // Дневник Императора Николая II. Т. 1. С. 125.

543.

Московские Ведомости. 1894. № 297.

544.

Дневник Императора Николая II за 1894 г. Запись за 27 октября // Дневник Императора Николая II. Т. 1. С. 125.

545.

Великая Княгиня Ксения Александровна (1875–1960), сестра Императора Николая II.

546.

Великий Князь Александр Михайлович (1866–1933), дядя Императора Николая II.

547.

Великий Князь Михаил Александрович (1878–1918), брат Императора Николая II.

548.

Великая Княжна Ольга Александровна (1882–1960), сестра Императора Николая II.

549.

Александра, принцесса Уэльская (1844–1925), урождённая принцесса Датская, жена наследника английского престола Альберта-Эдуарда, сестра Императрицы Марии Феодоровны.

550.

Альберт-Эдуард, принц Уэльский, будущий король Великобритании Эдуард VII (1841–1910).

551.

Великий Князь Алексей Александрович (1850–1908), брат Императора Александра III, дядя Императора Николая II.

552.

Королева эллинов Ольга (1851–1926), урождённая Великая Княжна Ольга Константиновна, дочь Великого Князя Константина Николаевича, внучка Императора Николая I.

553.

Дневник Великого Князя Георгия Александровича за 1894 г. Запись за 27 октября // ГА РФ. Ф. 675. Оп. 1. Д. 2. Л. 300.

554.

Дневник Императора Николая II за 1894 г. Запись за 29 октября // Дневник Императора Николая II. Т. 1. С. 126.

555.

Великая Княжна Александра Феодоровна – Т. Беккер. 14 ноября 1894 г. // Briefe Der Zarin Alexandra Von Russland: An Ihre Jugend freundin Toni Becker-Bracht. Authors: Lotte Hoffmann-Kuhnt. Books On Demand. 2009. S. 94.

556.

Отец будущего Председателя Совета министров П. А. Столыпина.

557.

Памяти Императора Александра III. С. 93.

558.

Памяти Императора Александра III. С. 87–88.

559.

Памяти Императора Александра III. С. 90.

560.

Дневник Императора Николая II за 1894 г. Запись за 31 октября // Дневник Императора Николая II. Т. 1. С. 126.

561.

Дневник Императора Николая II за 1894 г. Запись за 31 октября // Дневник Императора Николая II. Т. 1. С. 126.

562.

Боханов А. Н. Прощание с государем // Аргументы и факты, январь, 1998 г.

563.

Дневник Императора Николая II за 1894 г. Запись за 1 ноября // Дневник Императора Николая II. Т. 1. С. 126–127.

564.

Дневник Императора Николая II. Т. 1. С. 175.

565.

Свечин М. А. На рубеже XIX – XX столетий. Служба Царю и Родине // Николай II в воспоминаниях и свидетельствах. М.: Вече, 2008. С. 44.

566.

Памяти Императора Александра III. С. 124.

567.

Докладные записки без подписи Императору Николаю II по мероприятиям по похоронам Императора Александра III // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 2119. Л. 2.

568.

Несин В. Зимний дворец в царствования последнего Императора Николая II (1894–1917). СПб.: Нева; Летний Сад, 1999. С. 75.

569.

Полное собрание речей Императора Николая II. 1894–1906. Составлено по официальным данным Правительственного вестника. СПб.: Друг народа, 1906. С. 5.

570.

Боханов А. Н. Мария Федоровна. С. 305.

571.

Дневник Императора Николая II за 1894 г. Запись за 7 ноября // Дневник Императора Николая II. Т. 1. С. 129.

572.

Дневник Императора Николая II. Т. 1. Комментарии. С. 127.

573.

Лили Ден, Йен Воррес. Указ. соч.

574.

Великая Герцогиня Гессенская и Рейнская Алиса (1843–1878), мать Императрицы Александры Феодоровны и Великой Княгини Елизаветы Феодоровны.

575.

Миллер Л. Святая мученица Российская Великая Княгиня Елизавета Феодоровна. М., 1994. С. 79.

576.

Витте С. Ю. Воспоминания. Т. 2. С. 4.

577.

Ламздорф В. Н. Дневник 1894–1896. С. 59.

578.

Приносящую несчастье (фр.).

579.

Богданович А. В. Три последних самодержца. М.–Л.: Изд-во Л.Д. Френкель, 1924. С. 204.

580.

Цит. по: Боханов А. Н. Александра Федоровна. М.: Вече, 2008. С. 91.

581.

Великая Княгиня Мария Павловна-старшая, супруга Великого Князя Владимира Александровича.

582.

Эта чопорная англичанка! (фр.).

583.

Скорбный ангел. С. 29.

584.

Гавриил Константинович, Князь. В Мраморном дворце. Из хроники нашей семьи. С. 142.

585.

Боханов А. Н. Александра Федоровна. С. 90–91.

586.

Императрица Александра Феодоровна – Императору Николаю II 16 декабря 1916 // Платонов О. Терновый венец России. Император Николай II в секретной переписке. М., 1996.

587.

Танеева (Вырубова) А.А. Указ. соч. // Русская летопись. Париж, 1922. Кн. 4. С. 25.

588.

Кривенко В. С. Из рукописи «в министерстве императорского двора» // Николай II. Воспоминания. Дневники. СПб.: Пушкинский фонд, 1994. С. 34.

589.

Фирсов С. Л. Указ. соч. С. 92.

590.

Там же. С. 92–93.

591.

Там же. С. 93.

592.

Там же.

593.

Митрофанов Г. Политические неудачники часто становятся святыми // <http://www.kiev-orthodox.org/site/spiritual/1879/>

594.

Дневник Императора Николая II за 1894 г. Запись за 13 ноября // Дневник Императора Николая II. Т. 1. С. 131.

595.

Цит. по: Буксгевден Софья, баронесса. Жизнь и трагедия Александры Федоровны, Императрицы России. С. 66.

596.

Великий Князь Георгий Александрович – Императору Николаю II 9 ноября 1894 г. // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1221. Л. 56.

597.

Император Николай II – Великому Князю Георгию Александровичу // ГА РФ. Ф. 675. Оп. 1. Д. 55.

598.

Буксгевден Софья, баронесса. Жизнь и трагедия Александры Федоровны, Императрицы России. С. 66–67.

599.

Апрелева В. А. Государь Император Николай II в мировоззрении и деятельности русской военной эмиграции во Франции. Гренобль-Тюмень, 2011. С. 123.

600.

Несин В. Указ. соч. С. 81.

601.

Апрелева В. А. Указ соч. С. 122–123.

602.

Несин В. Указ. соч. С. 101.

603.

Зимин

604.

Дневник Великого Князя Константина Константиновича за 1894 г. // ГА РФ. Ф. 660. Оп. 1. Д. 41.

605.

Цит. по: Апрелева В. А. Указ. соч. С. 124.

606.

Серафим (Кузнецов), игумен. Православный Царь-Мученик. М., 1997. С. 153.

607.

Дневник Великого Князя Константина Константиновича за 1894 г. // ГА РФ. Ф. 660. Оп. 1. Д. 41.

608.

Дневник Императора Николая II за 1894 г. Запись за 14 ноября // Дневник Императора Николая II. Т. 1. С. 131.

609.

Ольденбург С. С. Царствование Императора Николая II. СПб.: Петрополь, 1991. С. 45.

610.

Вдовствующая Императрица Мария Феодоровна – Великому Князю Георгию Александровичу. 16 ноября 1894 г. // ГА РФ. Ф. 675. Оп. 1. Д. 45.

611.

Цит. по: Буксгевден Софья, баронесса. Жизнь и трагедия Александры Федоровны, Императрицы России. С. 68.

612.

Там же.

613.

Боханов А. Н. Сердечные тайны Дома Романовых. С. 162.

614.

Там же. С. 163.

615.

Полный свод законов Российской империи. 1894 г. Т. XIV. СПб., 1898. № 11033. С. 634.

616.

Там же. С. 634–643.

617.

Цит. по: Боханов А. Н. Сердечные тайны Дома Романовых. С. 160.

618.

Цит. по: Буксгевден Софья, баронесса. Жизнь и трагедия Александры Федоровны, Императрицы России. С. 68.

619.

Император Николай II – Великому Князю Георгию Александровичу // ГА РФ. Ф. 675. Оп. 1. Д. 55.

620.

Дневник Императора Николая II за 1894 г. Запись за 27 ноября. Вставка рукой Императрицы Александры Федоровны // Дневник Императора Николая II. Т. 1. С. 134.

621.

Решетников Л. П. Вернуться в Россию... Третий путь, или Тупики безнадёжности. М.: ФИВ, 2013. С. 28.

622.

Катков Г. М. Февральская революция. Париж: YMCA-PRESS, 1984. С. 350.

623.

Смолин М. Б. Церковь, государство и революция. М.: Российский институт стратегических исследований, 2013. С. 38.

624.

Решетников Л. П. Вернуться в Россию... С. 28.

625.

Казанский П. Е. Власть Всероссийского Императора. М., 1999. С. 47.

626.

Смолин М. Б. Церковь, государство и революция. С. 48.

627.

Там же. С. 44.

628.

Иван IV Грозный. Сочинения. СПб.: Азбука классики, 2000. С. 65.

629.

Боханов А. Н. Российская империя. Образ и смысл. М.: ФИВ, 2012. С. 181.

630.

Решетников Л. П.

631.

Боханов А. Н. Российская империя. Образ и смысл. М.: ФИВ, 2012. С. 181.

632.

Черняев Н. И. Мифы, идеалы и поэзия Русского Самодержавия. М., 1998. С. 58.

633.

Дитерихс М. К. Заветы монархическому движению // Генерал Дитерихс. Военно-историческая серия «Белые воины». М.: Посев, 2004. С. 549.

634.

Боханов А. Н. и др. История России. В 3 томах. Книга 3. XXвек. М.: АСТ, 2001.

635.

Зимин И. Царская работа. XIX – начало XX века. Повседневная жизнь Российского Императорского двора. М. – СПб.: Центрполиграф; Русская тройка-СПб, 2011. С. 97–98.

636.

Степанов В. Л. Самодержец на распутье: Николай II между К.П. Победоносцевым и Н. Х. Бунге // Власть, общество и реформы в России в XIX – начале XX века: исследование, историография, источниковедение. СПб.: Нестор-история, 2009. С. 151.

637.

Записка петербургского градоначальника «О назревших нуждах столицы» 12 марта 1898 // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 838. Л. 3.

638.

Дневник Императора Николая II за 1894 г. Запись за 17 ноября // Дневник Императора Николая II. Т. 1. С. 132.

639.

Цит. по: Буксгевден Софья, баронесса. Жизнь и трагедия Александры Федоровны, Императрицы России. С. 68.

640.

Император Николай II – Великому Князю Сергею Александровичу. 10 апреля 1895 г. // ГА РФ. Ф. 648. Оп. 1. Д. 70. Л. 97.

641.

К. П. Победоносцев – Н. К. Гирсу. 25 октября 1894 г. [копия] // ГА РФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 39. Л. 15а.

642.

Ольденбург С. С. Указ. соч. С. 45.

643.

Цит. по: Степанов В. Л. Самодержец на распутье. С. 158.

644.

Полное собрание речей Императора Николая II. С. 5.

645.

Дневник Императора Николая II за 1894 г. Запись за 10 декабря // Дневник Императора Николая II. Т. 1. С. 137.

646.

Витте С. Ю. Воспоминания. Т. 2. С. 18.

647.

Там же. С. 24.

648.

Там же. С. 118.

649.

Там же. С. 118.

650.

Мосолов А. А. Указ. соч. С. 90.

651.

Дневник графа В. Н. Ламздорфа за 1894 г. Вложение к дневнику № 244. Император Николай II – Н. К. Гирсу. // ГА РФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 39. Л. 78.

652.

Там же. Л. 72.

653.

Там же.

654.

Там же.

655.

Там же. Л. 79.

656.

Там же. Л. 43.

657.

Император Николай II – Вдовствующей Императрице Марии Феодоровне. 1896 г. // ГА РФ. Ф. 642. Оп. 1. Д. 2322. Л. 31.

658.

Император Николай II – Великому Князю Владимиру Александровичу 26 ноября 1896 г. // Красный архив. Исторический журнал. М.–Л., 1926. № 4(17). С. 220.

659.

Александр Михайлович, Великий Князь. Указ. соч. С. 150.

660.

Боханов А. Н. Николай II. М.: Вече, 2008. С. 438.

661.

Великий Князь Георгий Александрович – Императору Николаю II // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1221. Л. 86.

662.

Витте С. Ю. Воспоминания. Т. 2. С. 18.

663.

Судя по дневнику Государя, это было 11 ноября 1894 г.

664.

Федоров П. В. Романов-на-Мурмане в правительственных документах Российской империи // III Ушаковские чтения. Сборник научных статей. Мурманск, 2006. С. 13.

665.

Фёдоров П. Вторые Дарданеллы // Родина, 2008. № 6. С. 84.

666.

Витте С. Ю. Воспоминания. Т. 2. С. 8.

667.

Дневник Великого Князя Константина Константиновича за 1894 г. Запись за 24 июля // ГА РФ. Ф. 660. Оп. 1. Д. 41. Л. 102.

668.

Там же.

669.

Витте С. Ю. Воспоминания. Т. 2. С. 8.

670.

Там же. С. 10.

671.

Мурманская железная дорога. Краткий очерк постройки железной дороги на Мурман с описанием её района. Петроград, 1916. С. 15.

672.

О сооружении порта Императора Александра III в Либаве. Публичные лекции, читанные в Кронштадтском морском собрании, в зале Морского музея и в Институте инженеров путей сообщения инспектором морской строительной части Д. Жаринцовым. СПб., 1895. С. 24.

673.

Полное собрание законов Российской империи. 1894 г. № 11107. СПб., 1898. С. 667.

674.

Полное собрание законов Российской империи. 1899 г. Т. XIX. № 17123. СПб., 1902. С. 678.

675.

Дневник Императора Николая II за 1894 г. Запись за 22 и 23

ноября // Дневник Императора Николая II. Т. 1. С.

676.

Игнатъев А. А. Пятьдесят лет в строю. М., 1954. С. 51.

677.

Витте С. Ю. Воспоминания. Т. 2. С. 15.

678.

Боханов А. Н. Николай II. С. 168, 225.

679.

Куликов С. В. Император Николай II как реформатор: к постановке проблемы // Российская история. № 4. 2009. С. 45.

680.

Цит. по: Кобылин Виктор. Анатомия измены. Император Николай II и генерал-адъютант М.В. Алексеев / Под ред. Л.Е. Болотина. Истоки антимонархического заговора. СПб., 1998. С. 30.

681.

О Возрождении России. С. 17.

682.

Павлов Н. А. Указ. соч. С. 47.

683.

Степанов В. Л. Самодержец на распутье.

684.

Н. П. Ашешов (1866–1923), журналист и редактор. Был известен своим вольнодумством, состоял под наблюдением полиции, был первым редактором молодого Максима Горького.

685.

Колышко И. И. Великий распад. Воспоминания. СПб.: Нестор-история, 2009. С. 39–40.

686.

Суворов В. В. Политические убеждения Э. Э. Ухтомского // Известия Саратовского университета. Серия история. Международные отношения. Т. 11. Выпуск 2. Ч. 2. 2011. С. 32.

687.

Там же.

688.

Там же.

689.

Там же.

690.

Шелаева А. А. Петербург в русской культуре XX века (1900–1917). Учебно-методическое пособие. СПб., 2010. С. 32.

691.

Куликов С. В. Бюрократическая элита Российской империи накануне падения старого порядка (1914–1917). Рязань, 2004.

692.

Бюлов Б., фон. Воспоминания. М.–Л., 1935. С. 74.

693.

Цит. по: Степанов В. Л. Самодержец на распутье. С. 154

694.

Куликов С. В. Указ. соч.

695.

Цит. по: Степанов В. Л. Самодержец на распутье. С. 153.

696.

Куликов С. В. Указ. соч. С. 35.

697.

Энциклопедический словарь. Издатели: Ф. А. Брокгауз и И. А. Ефрон. Т. XVII. СПб., 1896. С. 632.

698.

Лист Всеобщей переписи 1897 г., заполненный Императором Николаем II за себя и свою семью 28 января 1897 г. [подлинный и копия] // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 2. Л. 1.

699.

Картавцов Е. Э. Николай Христианович Бунге: Биографический очерк // Вестник Европы. 1897. № 5. С. 37.

700.

Степанов В. Л. Самодержец на распутье. С. 152.

701.

Там же. С. 153.

702.

Цит. по: Степанов В. Л. Самодержец на распутье. С. 154.

703.

Соловьев Ю. Б. Начало царствования Николая II и роль Победоносцева в определении политического курса самодержавия // Археографический ежегодник за 1972 год. М., 1974. С. 316–318.

704.

Ольденбург С. С. Царствование Императора Николая II. С. 98.

705.

Текст речи Императора Николая II, обращённой к земской депутации (о «бессмысленных мечтаниях») // РГИА. Ф. 919. Оп. 2. Д. 609. Л. 1 [подчёркивания в тексте сделаны рукою Николая II].

706.

Великая Княгиня Ксения Александровна – Великому Князю Георгию Александровичу 21 января 1895 г. // ГА РФ. Ф. 675. Оп. 1. Д. 177. Л. 9.

707.

Там же.

708.

Дневник Императора Николая II за 1895 г. Запись за 17 января // Дневник Императора Николая II. Т. 1. С. 182.

709.

Куликов С. В. Указ. соч. С.

710.

Алферьев Е. Е. Указ. соч. С. 14.

711.

Текст речи Императора Николая II, обращённой к земской депутации (о «бессмысленных мечтаниях»). [Текст – рукой Николая II] // РГИА. Ф. 919. Оп. 2. Д. 609. Л. 1.

712.

Из последних исследований см.: Андреев Д. А. Как мечтания из «безумных» стали «бессмысленными»: к истории речи Императора Николая II 17 января 1895 года // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 4. Ист. 2011. № 2 (20). С. 36–44.

713.

Павлов Н. А. Указ. соч. С. 65.

714.

Богданович А. В. Указ. соч. Запись за 18 декабря 1896 г. С. 218.

715.

Тарле Е. В. Граф С. Ю. Витте. Опыт характеристики внешней политики // Тарле Е. В. Сочинения в 12 томах. Т. 5. М.: Изд-во АН СССР, 1958. С. 536.

716.

Николай П. Воспоминания. Дневники. СПб.: Пушкинский фонд, 1994. С. 43.

717.

К. П. Победоносцев – Великому Князю Сергею Александровичу 2 февраля 1895 г. // Письма Победоносцева Александру III. С. 356.

718.

Ольденбург С. С. Царствование Императора Николая II. С. 191.

719.

Ольденбург С. С. Император Николай II. Опыт биографии // Русская Летопись. Кн. 7. Париж: Издание «Русского очага», 1925. С. 22.

720.

Боханов А. Н. Николай II. С. 168.

721.

Сурин Л. И. История экономики и экономических учений. Учебно-метод. пособие. М.: Финансы, 1998.

722.

Братченко Т. М., Синявский А. С. Раннеиндустриальная модернизация дореволюционной России // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Т. 9. № 2. 2007. С. 315.

723.

Всеподданнейший доклад министра финансов С. Ю. Витте Императору Николаю II о государственной росписи доходов и расходов на 1900 г. // Историк-марксист, 1935, № 2/3, С. 131–139.

724.

Всеподданнейший доклад министра финансов С. Ю. Витте о необходимости установить и затем непреложно придерживаться определённой программы торгово-промышленной политики Империи // ГА РФ. Ф. 601. Оп.1. Д. 1026. Л. 5.

725.

Всеподданнейший доклад министра финансов С. Ю. Витте Императору Николаю II о государственной росписи доходов

и расходов на 1900 г. // Историк-марксист. 1935. № 2/3. С. 131–139.

726.

Степанов В. Л. Самодержец на распутье. С. 166.

727.

Полное собрание законов Российской империи. 1896 г. № 12777. С. 289–290. Т. XVI. Отд. 1. СПб., 1899.

728.

Менделеев Д. И. К самопознанию России. СПб.: Издание А. С. Суворина, 1907.

729.

Дневник Императора Николая II за 1895 г. Запись за 3 июня // Дневник Императора Николая II. Т. 1. С. 206.

730.

Дневник Императора Николая II за 1895 г. Запись за 5 июня // Дневник Императора Николая II. Т. 1. С. 206.

731.

Рябов Ю. А. Россия на рубеже XIX – XX веков. Часть 1. Государственность, основные сословия и классы в России в конце XIX – начале XX века. СПб., 1998. С. 126.

732.

Павлов Н. А. Указ. соч. С. 25.

733.

Рябов Ю. А. Указ. соч. С. 127.

734.

Трубецкой С. Н., князь. Собрание сочинений. Т. 1. М., 1906. С. 466–468.

735.

Мещерский В. П. Дневник, 9 июля // Гражданин. 1901. 12 июля. № 52. С. 21.

736.

Смирнов А. Ф. Указ. соч. С. 12.

737.

Миронов Б. Н. Социальная история России. СПб., 1990. Т. 2. С. 227.

738.

Leslie's Illustrated, 1895. Т. 90.

739.

Витте С. Ю. Воспоминания. Т. 2. С. 93–96.

740.

Там же. С. 96–97.

741.

Братченко Т. М., Синявский А. С. Раннеиндустриальная модернизация дореволюционной России // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Т. 9. № 2. 2007. С. 321.

742.

РГИА. Ф. 22. Оп. 4. Д. 175. Л. 3.

743.

Кадырли А. М. История развития дореволюционной бакинской нефтеперерабатывающей промышленности. Баку, 1970.

744.

Полное собрание законов Российской империи. Собр. третье. Т. XII. 1892. СПб., 1895. № 8659.

745.

Кононкова Н. В. Государственно-правовое регулирование иностранного предпринимательства и инвестиционной

деятельности в Российской империи // Вестник АМГУ. № 58. 2013. С. 37.

746.

Манько А. Из истории экспорта нефтепродуктов // Нефтяное хозяйство. 2000. № 1.

747.

Ферро М. Николай II. М.: Международные отношения, 1991. С. 88.

748.

Братченко Т. М., Синявский А. С. Раннеиндустриальная модернизация дореволюционной России // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Т. 9. № 2. 2007. С. 323.

749.

Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1. А – З. СПб.–М.: Товарищество М. О. Вольфа, 1903. С. 535.

750.

Шеин И.В., Плотников Н.В. С.Ю. Витте и государственная питейная монополия // Центр разработки национальной алкогольной политики // <http://www.alcomarket.info/>

751.

Корелин А.П., Степанов С.А. С.Ю. Витте – финансист, политик, дипломат. М.: ТЕРРА – Книжный клуб, 1998.

752.

Свечин М. Записки старого генерала о былом. Ницца, 1964. С. 17.

753.

Briefe Der Zarin Alexandra Von Russland... S. 98.

754.

Там же. S. 104.

755.

Дневник Императора Николая II за 1895 г. Запись за 3 июня // Дневник Императора Николая II. Т. 1. С. 234.

756.

Дневник Великого Князя Сергея Александровича за 1894 г. Запись за 3 ноября // ГА РФ. Ф. 648. Оп. 1. Д. 31. Л. 311.

757.

Цит. по: Буксгевден Софья, баронесса. Жизнь и трагедия

Александры Федоровны, Императрицы России. С. 79.

758.

Император Николай II – Великому Князю Георгию Александровичу 5 ноября 1895 г. // ГА РФ. Ф. 675. Оп. 1. Д. 55.

759.

Мейлунас А., Мироненко С. Указ. соч. С. 144.

760.

Несин В. Указ. соч. С. 128.

761.

Мосолов А.А. Указ. соч. С. 80.

762.

Полный свод законов Российской империи. Собрание третье. Т. XV. № 12022. СПб., 1899. С. 549.

763.

Дневник Императора Николая II за 1895 г. Запись за 3 июня // Дневник Императора Николая II. Т. 1. С. 244.

764.

Полное собрание законов Российской империи. Собрание

третье. Т. XVI. № 12355. 1896 г. СПб., 1899. С. 1.

765.

Филарет (Дроздов), святитель (1782– 1867 гг.). Избранные труды, письма, воспоминания. М.: Православный Свято-Тихоновский Богословский институт, 2003. С.150–155.

766.

Левенсон А. Дни Священного Коронования. М., 1896. С. 83–84.

767.

Энгельгардт Б.А. Торжественный въезд в Москву Государя Императора Николая II // Николай II в воспоминаниях и свидетельствах. С. 10–11.

768.

Левенсон А. Указ. соч. С. 129.

769.

Коронационный сборник с соизволения Его Императорского Величества Государя Императора. Издан министерством Императорского Двора. Составлен под редакцией В.С. Кривенко. Т. 1. СПб.: Экспедиция заготовления государственных бумаг, 1899. С. 179–180 [Далее – Коронационный сборник].

770.

Дневник Императора Николая II за 1895 г. Запись за 3 июня // Дневник Императора Николая II. Т. 1. С. 270.

771.

Там же. С. 271.

772.

Коронационный сборник. Т. 1. С. 194.

773.

Энгельгардт Б.А. Торжественный въезд в Москву Государя Императора Николая II // Николай II в воспоминаниях и свидетельствах. С. 13.

774.

Маннергейм К.-Г. Мемуары. М.: Вагриус, 1999. С. 16.

775.

Мольтке Х., фон. Русские письма. Пер. с нем. М.Ю. Некрасова. СПб.: Изд-во им. Н.И. Новикова, 2008. С. 68.

776.

Дневник Императора Николая II за 1896 г. Запись за 9 мая // Дневник Императора Николая II. Т. 1. С. 272.

777.

Барятинская М. Моя русская жизнь. Воспоминания великосветской дамы. 1870–1918. М.: Центрполиграф, 2006.

778.

Николай II. Воспоминания. Дневники. С. 90.

779.

Дневник А.С. Суворина за 1896 г. Запись за 9 мая // Суворин А.С. Дневник. С. 100.

780.

Сегодня в Александринском дворце (Москва, Ленинский пр., д. 14) располагается Президиум Российской академии наук.

781.

Левенсон А. Указ. соч. С. 156.

782.

Дневник Императора Николая II за 1895 г. Запись за 3 июня // Дневник Императора Николая II. Т. 1. С. 273.

783.

Барятинская М. Указ. соч.

784.

Волков А.А. Рядом с Царской Семьёй. М.: Частная фирма «Анкор», 1993.

785.

Коронационный сборник. Т. 1. С. 353.

786.

Там же. С. 259.

787.

Там же. С. 260.

788.

Там же. С. 261–262.

789.

Николай II. Воспоминания. Дневники. С. 90.

790.

Дневник Императора Николая II за 1896 г. Запись за 14 мая // Дневник Императора Николая II. Т. 1. С. 273.

791.

Джунковский В.Ф. Коронационные торжества 1896 года в

Москве // Отечественная история. М., 1997. № 4. С. 13.

792.

Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. Т. XVI. Отделение 1. № 12793. СПб., 1899. С. 294.

793.

Полное собрание законов Российской Империи. Собрание третье. Т. XVI. Отделение 2. Приложения. Л. 14 [Рисунок креста].СПб., 1899.

794.

Диплом ордена «Тернового венца» (Нью-Йорк) Императору Николаю II // ГА РФ. Ф. 01. Оп. 1. Д. 16. Л. 1–9.

795.

Николай II. Воспоминания, дневники. С. 48.

796.

Витте С.Ю. Воспоминания. Т. 2. С. 68–69.

797.

Извольский А.П. Воспоминания: Пер. с англ. 2-е изд. М.: Международные отношения, 1989. С. 166.

798.

Дневник Великого Князя Константина Константиновича за 1896 г. Запись за 14 мая // ГА РФ. Ф. 660. Оп. 1. Д. 43. Л. 60.

799.

Дневник А.С. Суворина за 1896 г. Запись за 14 мая // Дневник А.С. Суворина. [Редакция, предисловие и примечание Мих. Кричевского]. М. – Пг.: Изд-во Л.Д. Френкель, 1923. С. 103.

800.

Шереметев С.Д. Картина была потрясающая / Из дневника С.Д. Шереметева о Коронации Николая II. Публ. Л.И. Шохина //Отечественные архивы. 1996. № 1. С. 86.

801.

Серафим (Кузнецов), игумен. Указ. соч. С. 24.

802.

Дневник А.С. Суворина за 1896 г. Запись за 22 мая // Дневник А.С. Суворина. С. 110.

803.

Галенин Б.Г. Неизвестная Ходынка // На службе у России. Великий Князь Сергей Александрович. Материалы научных конференций 2011–2012. М. – СПб.: Фонд памяти Великого Князя Сергея Александровича, 2013. С. 96–127.

804.

Джунковский В.Ф. Коронационные торжества 1896 года в Москве // Отечественная история. М., 1997. № 4. С. 13–24.

805.

Галенин Б.Г. Неизвестная Ходынка // На службе у России. С. 101.

806.

Джунковский В.Ф. Коронационные торжества 1896 года в Москве // Отечественная история. М., 1997. № 4. С. 16.

807.

Галенин Б.Г. Неизвестная Ходынка // На службе у России. С. 105.

808.

Джунковский В.Ф. Коронационные торжества 1896 года в Москве // Отечественная история. М., 1997. № 4. С. 16.

809.

О террористическом кружке И. Распутина // ГА РФ. Ф. 102. Д-5. 1896 г. Д. 38. Ч. 1. Л. 3–30.

810.

Народный праздник по случаю Священного Коронования Их Императорских Величеств Государя Императора Николая Александровича и Государыни Императрицы Александры Феодоровны. Описание увеселений на праздник. М.: Товарищество А.А. Левенсона, 1896. С. 4.

811.

Куропаткин А.Н. Из дневников 1896 г. Запись за 19 мая // Николай Второй: Воспоминания. Дневники. С. 45–57.

812.

Гиляровский В.А. Воспоминания о Ходынке.

813.

Джунковский В.Ф. Коронационные торжества 1896 года в Москве // Отечественная история. М., 1997. № 4. С. 18.

814.

Куропаткин А.Н. Из дневников 1896 г. Запись от 21 мая.

815.

Галенин Б.Г. Неизвестная Ходынка // На службе у России. С. 110.

816.

Суворин А.С. Дневник. Запись от 19 мая. С. 128–129.

817.

Постановление по делу о Ходынской катастрофе 7 июня 1896 года.

818.

Мельник В.И. Князь-Мученик Сергей Александрович // Императорское Православное Палестинское общество // <http://www.ippo.ru/osnovateli-i-podvizhniki-ippo/knyazj-muchenik-sergey-aleksandrovich.html>

819.

Гиляровский В.А. Москва газетная // Гиляровский В.А. Собр. соч. в 4 томах. М.: 1999. Том 3.

820.

Джунковский В.Ф. Коронационные торжества 1896 года в Москве // Отечественная история. М., 1997. № 4. С. 18.

821.

Дневник Императора Николая II за 1896 г. Запись за 18 мая // Дневник Императора Николая II. Т. 1. С. 274.

822.

Боханов А.Н. Николай II. С. 181.

823.

Вдовствующая Императрица Мария Феодоровна – Великому Князю Георгию Александровичу // ГА РФ. Ф. 675. Оп. 1. Д. 45.

824.

Правительственный вестник. 19 мая 1896, № 108. С. 3 (телеграммы).

825.

1000 русских рублей образца 1896 г. соответствуют сейчас примерно сумме в 1 млн российских рублей.

826.

Джунковский В.Ф. Коронационные торжества 1896 года в Москве // Отечественная история. М., 1997. № 4. С. 16.

827.

Волков А.А. Указ. соч. С. 40.

828.

Барятинская М.С. Указ. соч. С. 58.

829.

Дневник Великого Князя Сергея Александровича за 1896 г. // ГА РФ. Ф. 648. Оп. 1. Д. 31.

830.

Мейлунас А., Мироненко С. Николай и Александра. Любовь и жизнь. С. 157.

831.

Александр Михайлович, Великий Князь. Указ. соч. С. 114.

832.

Епанчин Н.А. Указ. соч. С. 159.

833.

Ден Л., Воррес И. Указ. соч. С. 245.

834.

Епанчин Н.А. Указ. соч. / Научное редактирование А.Г. Кавтарадзе. См. примечание на с. 554.

835.

Исмаил-Заде Д.И. И.И. Воронцов-Дашков. Кавказский наместник. М.: Центрполиграф, 2005. С. 103.

836.

Епанчин Н.А. Указ. соч. Примечание к С. 233, 554.

837.

Извольский А.П. Указ. соч. С. 134.

838.

Ден Л., Воррес И. Указ. соч. С. 245.

839.

Правительственный вестник. 1896. № 278. 21 декабря. С. 11.

840.

Великая Княгиня Елизавета Феодоровна – Императору Николаю II. 22 декабря 1896 г. // Письма Преподобномученицы Великой Княгини Елизаветы Феодоровны. С. 151.

841.

Полный текст «Постановления» приведен в Приложении.

842.

Дневник Императора Николая II за 1896 г. Запись за 11 июля // Дневники Императора Николая II. Т. 1. С. 284.

843.

Указ Императора Николая II Правительствующему Сенату о происшествии на Ходынском поле // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 158. Л. 1.

844.

Степанов М.П. Село Ильинское. Исторический очерк. М.: Синодальная Типография, 1900.

845.

Дневник Императора Николая II за 1896 г. Запись за 26 мая // Дневники Императора Николая II. Т. 1. С. 276.

846.

Дневник Императора Николая II за 1896 г. Запись за 6 июня // Дневники Императора Николая II. Т. 1. С. 278.

847.

Дневник Императора Николая II за 1896 г. Запись за 18 июня // Дневники Императора Николая II. Т. 1. С. 280.

848.

Дневник Императора Николая II за 1897 г. Запись за 29 мая // Дневники Императора Николая II. Т. 1. С. 343–344.

849.

Великий Князь Георгий Александрович – Императору Николаю II 2 июня 1897 г. // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1221. Л. 96.

850.

Ольденбург С.С. Указ. Соч. С. 70.

851.

Игнатъев А.В. Внешняя политика России. 1907–1914. М.: Наука, 2000. С. 26–27.

852.

Игнатъев А.В. Указ. соч. С. 35.

853.

Ламздорф В.Н. Дневник. 1894–1896. С. 224.

854.

Тихомиров Л.А. Из дневника 1900 г. М.: Директ-Медиа, 2012.

855.

Marmouget M. La visite du tsar Nicolas II à Paris 5–9 octobre 1896. Paris, X Nanterre, 1997.

856.

Documents Diplomatique Français (DDF). 1 série, Paris 1957. V. XI. № 267.

857.

Рыбачёнок И.С. Союз с Францией во внешней политике

России в конце XIX века. М., 1993. С. 17.

858.

Президент Казимир Перье – Императору Николаю II 12 ноября 1894 г. [на фр. языке] // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1323. Л. 1.

859.

DDF, № 284.

860.

Мультиатули П.В. Внешняя политика Императора Николая II. 1894–1917. М.: ФИВ, 2012. С. 45.

861.

Ольденбург С.С. Указ. соч. С. 64.

862.

Paléologue (Maurice). Guillaume II et Nicolas II. Paris: Plon, 1935. P. 19.

863.

Ольденбург С.С. Указ. соч. С. 65.

864.

Мультиатули П.В. Внешняя политика Императора Николая II.

С. 47.

865.

Император Николай II – Великому Князю Георгию Александровичу // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1221. Л. 6.

866.

Belon et Gers. Les souverains russes en France. Paris, 1896.

867.

Записка неустановленного автора о пребывании Императора Николая II во Франции [на фр. яз.] // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 783. Л. 4.

868.

AN. Fond Félix Faure, 460 AP.

869.

Дневники Императора Николая II 1894–1918. Т. 1. 1894–1904. Запись за 24 сентября 1896 г. С. 299.

870.

Император Николай II – Вдовствующей Императрице Марии Феодоровне. 2 октября 1896 г. // ГА РФ. Ф. 642. Оп. 1. Д. 2324. Л. 54.

871.

Полное собрание речей Императора Николая II. 1894–1906.
С. 11.

872.

Рыбачёнок И.С. Россия и Франция: союз интересов и союз сердец. 1891–1897. Русско-французский союз в дипломатических документах, фотографиях, рисунках, карикатурах, стихах, тостах и меню. М.: РОССПЭН, 2004.
С. 131.

873.

Мамантов В.И. На Государевой службе. Воспоминания.
Таллин, 1926.

874.

Дневник Великого Князя Константина Константиновича.
Запись за 11 августа 1897 г. // ГА РФ. Ф. 660. Оп. 1. Д. 44.
Л. 78.

875.

Там же. Л. 81.

876.

Тост Императора Николая II, произнесённый за завтраком на борту «Потюо». 14/26 августа 1897 г. // АВПРИ. Ф.

Канцелярия. Оп. 470. 1897 г. Д. 42. Л. 293.

877.

Император Николай II – Великому Князю Николаю Михайловичу 7 января 1907 г. // ГА РФ. Ф. 670. Оп. 1. Д. 197. Л. 6.

878.

L. Montebello au Président F. Faure. 30 Mai 1898 // AN Fond Félix Faure 460 AP 8.

879.

Un livre noir. Diplomatie d'avant-guerre d'après les documents des archives russes. Paris, s/d. T. 1. P. 1.

880.

Донесение военного агента полковника В.П. Лазарева // РГВИА. Ф. 440. Оп. 1. Д. 209. Л. 25.

881.

Фейгина Л. Бьоркское соглашение. Из истории русско-германских соглашений. М.: Издание М. и С. Сабашниковых, 1928. С. 11.

882.

T. Delcassé au Président E. Loubet // DDF. 1-éreserie. T. XV.

883.

Сборник договоров России с другими государствами. 1856–1917 гг.

884.

Un Tsar à Compiègne Nicolas II. 1901. Paris: Editions de la Reunion des musees nationaux, 2001. P. 45.

885.

Neue Freie Presse. Nachmittagblatt. 1. Januar, 1910.

886.

Переписка министра иностранных дел с французским послом в России относительно предстоящей поездки Императора Николая II во Францию [на фр. яз.] // ГА РФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 170. Л. 1.

887.

Президент Э. Лубе – Императору Николаю II 8 августа 1901 г. // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1283. Л. 1.

888.

В.Н. Ламздорф – Императору Николаю II 19 июля 1901 г. // ГА РФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 170. Л. 1.

889.

AN. Fonds Emile Loubet, 473 AP 7.

890.

AN. Fonds Combarieu AP410/1 // Mémoires d'Abel Combarieu.

891.

Note pour le Cabinet du Ministre l'Etat-Major de l'Armée // SHAT. 7 № 1937.

892.

Переписка министра иностранных дел. Обзор печати, посвященный поездкам императора Николая II во Францию, Германию и т. д. // ГА РФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 245. Л. 16.

893.

Мосолов А.А. Указ. соч. С. 211.

894.

Le Gaulois, 21 septembre 1901.

895.

МАЕ, Bibl. 21F3.

896.

897.

AN, 410/1AP, Fonds Combarieu.

898.

Combarieu (Abel). Sept ans à l'Elysée avec le président Loubet. Paris: Hachette, 1932. P. 144–145.

899.

AN, 410/1AP, Fonds Combarieu.

900.

Депеши русских дипломатических представителей за границей. Депеша князя Л.П. Урусова из Парижа // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 735. Л. 2.

901.

Доклад посла князя Л.П. Урусова Императору Николаю II // АВПРИ. Ф. 187. Оп. 524. Т. 27. Д. 2439. Л.

902.

См. подробнее: Ratchiskiy André. Napoléon et Alexandre I. La guerre des idées. Paris, 2001.

903.

A. Nisard, Ambassadeur de France à Rome (Saint-Siège) à T. Delcassé. // DDF. 1-ère série. DDF. T. 16. P. 149.

904.

Григулевич И.Р. Папство век XX. М.: Политиздат, 1981. С. 244.

905.

Bompard (Maurice), ambassadeur de France. Mon Ambassade en Russie (1903–1908). Paris: Plon, 1937. P. XIV.

906.

Донесение полковника В.П. Лазарева // РГВИА. Ф. 440. Оп. 1. Д. 209. Л. 1.

907.

Менделеев Д.И. К самопознанию России. СПб.: Издание А.С. Суворина, 1907. С. 45.

908.

Император Николай II – П.А. Столыпину. 23 октября 1907 г. // Красный архив. Исторический журнал. М., 1924. Т. 5(5). С. 115.

909.

Комаровский Л.А., граф. Гаагская мирная конференция

1899 года. М., 1905. С. 3.

910.

Письмо Императора Александра I княгине Софии Сергеевне Мещерской. 23 октября 1820 г. С предисловием Н. Барсукова // Русский архив. 1886. № 10–12. С. 406. [Пер. с фр.].

911.

Хайцман В.М. Идеи и общества мира в России конца XIX в. // Дипломатический ежегодник. М., 1995. С. 147–148.

912.

Резолюция Императора Александра III на записке барона Е.Е. де Стааля. 20 апреля 1894 г. // ГА РФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 37. Л. 91.

913.

Бовыкин В.И. Очерки истории внешней политики России. Конец XIX – нач. XX в. М., 1960.

914.

Рыбачёнок И.С. Россия и Первая конференция мира 1899 года в Гааге. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2005. С. 20.

915.

Ferro (Marc). Nicolas II. Une vision de l'empire et de la paix // Diplomatie. Affaires Stratégiques et relations internationales. № 5. Octobre-novembre, 2011. Géopolitique de la Russie. P. 12.

916.

J.-J. Jusserand à T. Delcassé. Le 31 mars 1899 // Documents Diplomatiques Français (DDF). 1-série. T. XVI. P. 196.

917.

Записка Ф.Ф. Мартенса на Высочайшее имя // ГА РФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 45. Л. 4.

918.

Циркулярная нота министра иностранных дел графа М.Н. Муравьёва. 12 августа 1898 г. // Ольденбург С.С. Царствование Императора Николая II. СПб., 1991. С. 56.

919.

Barrère, Ambassadeur à Rome à T. Delcassé. 7/20 mai 1899 // DDF. 1-série. T. XVI. P. 302.

920.

Мультиатули П.В. Внешняя политика Императора Николая II. 1894–1917 гг. М.: Российский институт стратегических исследований; ФИБ, 2012.

921.

Новое время. Август 1898 г.

922.

Николаев Н.Ю. Германия и Гагская мирная конференция 1899 // Вестник ВолГУ. Серия 4. Выпуск 10. 2005. С. 43.

923.

Die Große Politik der Europäischen Kabinette 1871–1914. 15. Band. Berlin, 1924. № 4320. S. 306.

924.

Бюлов Б. Воспоминания. М.–Л., 1935. С. 126.

925.

Из письма военного агента в Брюсселе и Гааге подполковника Е.К. Миллера. 17/30 марта 1901 г. // Красный архив. Исторический журнал. Англо-бурская война в донесениях русского военного агента.

926.

Энгдаль Уильям Ф. Боги денег. Уолл-стрит и смерть американского века. СПб., 2011. С. 77.

927.

Милорадовић Горан и др. Концентрациони логори (Историја феномена масовне изолације) // Андрићев институт. Историјские свеске. Андрићевград, 15 март, 2014, 36.

928.

Резолуција Императора Николая II на Всеподданнейшей записке министра иностранных дел графа В.Н. Ламздорфа. 3 июля 1901 г. // ГА РФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 83. Л. 7 [копия].

929.

Рыбачёнок И.С. Россия и Первая конференция мира 1899 года в Гааге. С. 115.

930.

Там же.

931.

АВПРИ. Ф. 340. Оп. 787. Д. 5. Л. 14.

932.

Император Николай II – графу М.Н. Муравьёву. 27 августа 1898 г. // ГА РФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 661. Л. 30.

933.

Записка генерала Куропаткина от 31 октября 1898 г. // Красный архив. Исторический журнал. М., 1932. Т. 1–2.

934.

L. Montebello à T. Delcassé. Le 22 avril 1899. // DDF. 1-série. T. XVI. P. 239.

935.

ГА РФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 661. Л. 37.

936.

Рыбачёнок И.С. Россия и Первая конференция мира. С. 232.

937.

АВПРИ. Ф. 187. Оп. 524. Д. 2507. Л. 64– 64об.

938.

Рыбачёнок И.С. Россия и Первая конференция мира.

939.

Елец Ю.Л. Император Менелик и война его с Италией. По документам и походным дневникам Н.С. Леонтьева. СПб., 1898. С. 11.

940.

АВПРИ. Ф. 151. Оп. 482. Д. 157. Л. 53–54.

941.

Елец Ю.Л. Указ. соч. С. 29.

942.

Jesman Czesław. The Russian in Ethiopia. An Essay in Futility. London: Chatto and Windus, 1957. P. 88.

943.

Высочайшее соизволение о награждении членов эфиопской дипломатической миссии. // АВПРИ. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 2013. Т. 4–5об.

944.

Елец Ю.Л. Указ. соч.

945.

Давидсон А.Б. Гумилёв в Абиссинии // Новая и новейшая история. № 6. 2001.

946.

Там же.

947.

Раса Маконен – Императору Николаю II. 17 июля 1896 г. // Материалы архива внешней политики России. Некоторые новые документы о русско-эфиопских отношениях. (Конец XIX – начало XX века) // Проблемы востоковедения. № 1.

1960.

948.

Российское телеграфное агентство, понедельник 4/16 октября 1896 г.

949.

Давидсон А.Б., Филатова И.И. Англо-бурская война и Россия // Новая и новейшая история. № 1. 2000.

950.

Император Николай II – Великому Князю Сергею Александровичу. 22 октября 1899 г. // ГА РФ. Ф. 648. Оп. 1. Д. 70. Л. 37.

951.

Николай Романов об англо-бурской войне // Красный архив. Исторический журнал. 1934. Том 2 (63). С. 125–126.

952.

История дипломатии. Т. 1.

953.

ГА РФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 82. Л. 15–16.

954.

Россия и Восток: Учебное пособие. СПб.: Издательство СПГУ, 2000 // Мельниченко Б.Н. Россия и Сиам (Таиланд). С. 428–451.

955.

Император Николай II – Великому Князю Сергею Александровичу. 23 июня 1897 г. // ГА РФ. Ф. 648. Оп. 1. Д. 70.

956.

Мультиатули П.В. Внешняя политика Императора Николая II (1894–1917). М.: ФИВ, 2012. С. 216.

957.

Подгорнова Н.П. Россия – Марокко: история связей двух стран в документах и материалах (1777–1916). М.: Институт Африки, 1999.

958.

Подгорнова Н.П. Указ. соч. С. 67.

959.

Сборник договоров России с другими государствами. 1856–1917. С. 272.

960.

Князь Лобанов-Ростовский – Императору Николаю II.
5 июля 1896 г. // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 692. Л. 1–2.

961.

Император Николай II – королеве Виктории. 10/22 мая
1895 г. // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1111. Л. 25 [на англ. яз.].

962.

Jefferson (M.). Lord Salisbury's Conversations with the Tzar
at Balmoral, 27 and 29 September // The Slavonic and East
European Review. 39 (N 92) Dec. 1960. P. 218.

963.

Jefferson (M.). Op. cit. P. 218.

964.

Император Вильгельм II – Императору Николаю II. 26 апр.
1895 г. // Переписка Вильгельма II с Николаем II. М., 2007.
С. 268.

965.

Дневник Императора Николая II. Запись за 18 сентября
1895 г. // Дневники Императора Николая II. Т. 1. С. 8.

966.

Император Вильгельм II – Императору Николаю II 26

октября 1895 г. // Переписка Вильгельма II с Николаем II.
С. 275.

967.

Prince de Lobanov à G. Hanotaux // DDF. 1-ère série. T. XII.
№ 172.

968.

Дневник графа В.Н. Ламздорфа за 1895 г. [на фр. яз.] // ГАРФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 42. Л. 65.

969.

Тирпиц А. Воспоминания. М.: Воениздат, 1957.

970.

Записка Великого Князя Алексея Александровича по поводу брошюры Кази: «Русский военный флот, его современное состояние и ближайшие задачи». С пометами Императора Николая II // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 440. Л. 8.

971.

Kaiser Nikolaus II. von Rußland an Kaiser Wilhelm II. Le 25 Mai 1896. // Die Große Politik der Europäischen Kabinette 1871–1914. Berlin, 1927. Band 11. S. 347.

972.

Hansen (Jules). Ambassade à Paris du baron de Mohrenheim. Paris, s/d. P. 169.

973.

Остапенко Г.С. Наследники королевы Виктории и первые британские монархи XX века: Эдуард VII и Георг V. Конституционные полномочия и реальные права монархов XX в. // Новая и новейшая история. № 6. 1999.

974.

Император Николай II – Вдовствующей Императрице Марии Феодоровне 23 июля 1897 // ГА РФ. Ф. 642. Оп. 1. Д. 2320. Л. 13.

975.

Дневник Великого Князя Константина Константиновича. Запись от 25 июля 1897 г. // ГА РФ. Ф. 660. Оп. 1. Д. 44. Л. 71.

976.

Bülow B. Mémoires du chancelier Prince de Bülow. T. 1. 1897–1902. Paris: Plon, 1930. P. 74.

977.

Игнатъев А.В. Последний царь и внешняя политика // Вопросы истории. № 6. 2001. С. 5.

978.

Приветственная речь императора Вильгельма II на приёме у Императора Николая II. 27 июля 1897 г. // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 710. Л. 2.

979.

Дневник Великого Князя Константина Константиновича. Запись от 25 июля 1897 г. // ГА РФ. Ф. 660. Оп. 1. Д. 44. Л. 71–72.

980.

Дневник графа В.Н. Ламздорфа за 1895 г. Вложение в дневник № 248. Князь А.Б. Лобанов-Ростовский – Императору Николаю II. 19 ноября 1895 г. // ГА РФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 82. Л. 31.

981.

Витте С.Ю. Воспоминания. Т. 2. С. 91.

982.

Там же.

983.

Там же.

984.

Bülow B. Op. cit. P. 5.

985.

Захват Германией Киао-Чао в 1897 г. // Красный архив. Исторический журнал. № 2 (87). 1938.

986.

Там же.

987.

Император Вильгельм II – Императору Николаю II 4 января 1898 // Переписка Вильгельма II с Николаем II. С. 284.

988.

Die Grosse Politik. Berlin, 1927. Bd. XIV. T. 1. S. 73.

989.

Сергеев Е.Ю. Указ. соч. С. 34.

990.

Захват Германией Киао-Чао в 1897 г. // Красный архив. Исторический журнал. № 2 (87). 1938.

991.

Записка М.Н. Муравьева Императору Николаю II 2 ноября

1897 г. // РГИА. Ф. 1622. Оп. 1. Д. 121. Л. 2.

992.

Ольденбург С.С. Указ. соч.

993.

Нигметзянов Т.И. Российско-германские отношения в правления императоров Николая II и Вильгельма II // II Романовские чтения. Центр и провинция в системе российской государственности: материалы конференции. Кострома, 26–27 марта 2009 г. / Сост. и науч. ред. А.М. Белов, А.В. Новиков. Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова. 2009.

994.

Вильгельм II о занятии царской Россией Порт-Артура // Красный архив. Исторический журнал. № 3 (58). 1933.

995.

L. Montebello à T. Delcassé. 18 janvier 1899 // DDF. 1-ère série. T. 15. P. 41.

996.

Королева Виктория – Императору Николаю II // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1194. Л. 23 [на англ. яз.].

997.

Император Николай II – королеве Виктории. // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1111. Л. 24 [на англ. яз.].

998.

История дипломатии. Т. 2.

999.

Fischer (Fritz). Op. cit. P. 37.

1000.

Император Вильгельм II – Императору Николаю II. 28 авг. 1899 г. // Переписка Вильгельма II с Николаем II. С. 291.

1001.

Lieutenant-Colonel Moulin au Général de Galliffet // DDF. 1-ère série. P. 447.

1002.

Die Große Politik. Bd. XIV. T. II. № 4022. S. 554.

1003.

L. Montebello à T. Delcassé. 29 janvier 1899 // DDF. 1-ère série. T. 15. P. 83.

1004.

Свидетельство и сообщение о смерти министра иностранных дел графа М.Н. Муравьева. 8 июня 1900 г. // ГА РФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 237. Л. 3.

1005.

Дневник В.Н. Ламздорфа. Август – октябрь 1895 г. [на фр. яз.] // ГАРФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 42. Л. 4.

1006.

Télegramme du 21 mai 1901 de Delcassé à Montebello.// МАЕ, NS Russie. Vol. 35.

1007.

Шишов А.В. Указ. соч. С. 65.

1008.

Записка Великого Князя Алексея Александровича по поводу брошюры Кази: «Русский военный флот, его современное состояние и ближайшие задачи». С пометами Императора Николая II // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 440. Л. 8.

1009.

Император Николай II – королеве Виктории 10/22 мая 1895 г. // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1111. Л. 25 [на англ. яз.].

1010.

Там же.

1011.

Коренные интересы России глазами её государственных деятелей, дипломатов, военных и публицистов: Док. публ. // Российская академия наук, Институт российской истории; сост. И.С. Рыбачёнок. М., 2004.

1012.

Император Александр III – генералу Н.Н. Обручеву. 1885 г. // Красный архив. Т. 3. (46). 1931 С. 180–181.

1013.

Дурылин С. Град Софии. Царьград и Святая София в русском народном религиозном сознании. М., 1915.

1014.

Киракосян А.-Дж. Великобритания и армянский вопрос. 90-е годы XIX в. Ереван: Айастан, 1994. С. 64.

1015.

Тимашев И. Политическая судьба Константинополя, балканских народов и отношение их к России и западноевропейским державам. СПб., 1887. С. 92.

1016.

Киравосян А.-Дж. Указ. соч. С. 73.

1017.

Там же. С. 77.

1018.

Дневник графа В.Н. Ламздорфа за 1895 г. Вложение в дневник. Докладная записка князя А.Б. Лобанова-Ростовского Императору Николаю II. 11 ноября 1895 г. // ГА РФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 82. Л. 20 [подчёркивания сделаны Императором Николаем II].

1019.

Дневник графа В.Н. Ламздорфа за 1895 г. Вложение в дневник. Докладная записка князя А.Б. Лобанова-Ростовского Императору Николаю II. 23 ноября 1895 г. // ГА РФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 82. Л. 40.

1020.

Дневник графа В.Н. Ламздорфа за 1895 г. Вложение в дневник. Резолюция Императора Николая II на докладной записке князя А.Б. Лобанова-Ростовского. 23 ноября 1895 г. // ГА РФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 82. Л. 40.

1021.

Дневник графа В.Н. Ламздорфа за 1895 г. Запись за 13

декабря. // ГА РФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 82. Л. 44.

1022.

Киракосян А.-Дж. Указ. соч. С. 86.

1023.

История дипломатии, Т. 2. С. 336.

1024.

Киракосян А.-Дж. К вопросу о константинопольской резне // Литературная Армения. № 4. 1989. С. 99.

1025.

Там же. С. 100.

1026.

Grenville J.A. S. Op. cit. P. 75–76.

1027.

Grenville J.A. S. Op. cit. P. 196.

1028.

Проект захвата Босфора в 1896 г. // Красный архив. Исторический журнал. № 4–5 (47–48). 1931.

1029.

Jefferson M. Lord Salisbury's Conversations with the Tzar at Balmoral. P. 218.

1030.

Там же.

1031.

Там же.

1032.

Там же.

1033.

Там же.

1034.

АВПРИ. Фонд Канцелярии, 1896. Д. 29.

1035.

Рыбачёнок И.С. Союз с Францией во внешней политике России. М., 1993. С. 123.

1036.

DDF. XII. № 215.

1037.

АВПРИ. Фонд Канцелярии, 1896. Д. 29. Л. 18.

1038.

Проект захвата Босфора в 1896 г. // Красный архив. 1932. Т. 4–5. С. 53.

1039.

Там же.

1040.

Император Николай II – графу М.Н. Муравьёву [копия] // ГА РФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 46. Л. 24.

1041.

Император Николай II – графу В.Н. Ламздорфу. 9 июня 1897 г. // ГА РФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 661. Л. 20.

1042.

АВПРИ Ф. Секретный архив министра. Д. 447/466 Л. 43.

1043.

Генерал-адъютант П.С. Ванновский – А.И. Нелидову. 14 января 1897 г. // ГА РФ Ф. 568. Оп. 1. Д. 156.

1044.

Там же. Л. 6.

1045.

Там же. Л. 8.

1046.

Резолюция Императора Николая II на телеграмме А.И. Нелидова. // ГА РФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 45. Л. 54.

1047.

ГА РФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 45. Л. 42.

1048.

Мультатули П.В. Внешняя политика Императора Николая II. С. 185.

1049.

Дипломатический словарь.

1050.

Мультатули П.В. Внешняя политика Императора Николая II. С. 186.

1051.

Записка графа В.Н. Ламздорфа Императору Николаю II // ГА РФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 53. Л. 6.

1052.

История дипломатии. Т. 1. С. 58.

1053.

Остальцева А.Ф. Англо-русское соглашение 1907 года. Влияние русско-японской войны и революции 1905–1907 гг. на внешнюю политику царизма и на перегруппировку европейских держав. Саратов: Издание Саратовского университета, 1977. С. 78.

1054.

Георгиев В.А., Киняпина Н.С. и др. Восточный вопрос во внешней политике России (конец XVIII – начало XX в.). М., 1978. С. 288.

1055.

Витте С.Ю. Воспоминания. Т. 1.

1056.

Гавриил Константинович, Великий Князь. Указ. соч.

1057.

Дневник А.Н. Куропаткина. С. 17.

1058.

Сборник договоров России с другими государствами. 1856–

1917 гг. С. 303.

1059.

Там же. С. 304.

1060.

Там же. С. 308.

1061.

Нольде Б.Э., барон. Далёкое и близкое. Исторические очерки. Париж: Современные записки, 1930. С. 55.

1062.

Лиманская Т.О. В.Н. Ламздорф (министр иностранных дел России с 1900 по 1906 г.) // Дипломатический вестник. Сентябрь, 2001.

1063.

Там же.

1064.

Силянов Хр. Освободителнитъ борбина Македония. София, 1933. Т. 1.

1065.

Ямбаев М. Мне сердечно жаль македонских славян, но... //

Профессор С.А. Никитин и его историческая школа. Материалы международной научной конференции. М., 2004. С. 297–307.

1066.

Силянов Хр. Ор. Cit. С. 186.

1067.

Сборник договоров России с другими государствами. 1856–1917 гг. С. 329–322.

1068.

Дипломатическая переписка. Реформы в Македонии 1902–1903 гг. СПб., 1906. Т. 2. С. 39.

1069.

Бьюкенен Джордж. Мемуары дипломата. М.: АСТ; Минск: Харвест, 2001. С. 44.

1070.

Дневник графа В.Н. Ламздорфа. 1895 г. Вложение в дневник № 246 // ГА РФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 39. Л. 95–97.

1071.

Полное собрание речей Императора Николая II. С. 30–31.

1072.

Амфитеатров А.В. В моих скитаниях. Балканские впечатления. СПб., 1903 // Русские о Сербии и сербах. Т. 1: Письма, статьи, мемуары. СПб., 2006. С. 456.

1073.

АВПРИ. Ф. 192. Миссия в Софии. Оп. 527/1. 1905. Д. 10. Л. 183, 291.

1074.

Сквозняков А.Н. Македония в конце XIX – начале XX столетия: «яблоко раздора» на Балканах // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Т. 9. № 2. 2007.

1075.

Формулярный список Н.В. Чарыкова // РГИА. Ф. 1405. Оп. 528. Д. 230. Л. 217.

1076.

Чернов О.А. Из истории русско-сербских отношений нач. XX в. // Самарский край в контексте российской и славянской истории и культуры. Самара: Издательство «Универс-групп», 2004.

1077.

АВПРИ. Ф. 366. Миссия в Белграде. Оп. 508/11. Д. 52. Л. 16.

1078.

Там же.

1079.

Чернов О.А. Из истории русско-сербских отношений нач. XX в.

1080.

АВПРИ. Ф. 151. Политархив. Оп. 482. 1903 г. Д. 496. Л. 264.

1081.

АВПРИ. Ф. 180. Посольство в Константинополе. Оп. 517/2. Д. 2021. Л. 66–68.

1082.

Новости дня. 7/20 июня 1903 г.

1083.

Дневники Императора Николая II 1894–1918. Т. 1. 1894–1904. Запись за 14 июня 1899 г. С. 476.

1084.

Там же.

1085.

Шуленбург В.Э. Воспоминания об Императрице Александре Феодоровне. Париж, 1928.

1086.

Мейлунас А., Мироненко С.В. Указ. соч. С. 219.

1087.

Дневник Великого Князя Константина Константиновича за 1902 г. Запись за 19 августа // ГА РФ. Ф. 660. Оп. 1. Д. 47. Л. 7.

1088.

Дневники Императора Николая II 1894–1918. Т. 1. 1894–1904. Запись за 27 июня 1899 г. С. 478.

1089.

Великий Князь Алексей Александрович (1850–1908).

1090.

Айканов Артемий Михайлович (1848–1904), доктор медицины, действ. стат. сов., врач Наследника Цесаревича Георгия Александровича.

1091.

Дневники Императора Николая II 1894–1918. Т. 1. 1894–

1904. Запись за 28 июня 1899 г. С. 478.

1092.

Нива. № 30 за 1899 г.

1093.

Цит. по: В Бозе Почивший Наследник Цесаревич и Великий Князь Георгий Александрович. Его жизнь и погребение. М.: Издание Н.И. Короткова, 1899. С. 19.

1094.

Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. Т. XIV. 1894. СПб., 1898. С. 625.

1095.

Дневник Великой Княгини Ксении Александровны за 1899 г. Запись за 2 июля // ГА РФ. Ф. 662. Оп. 1. Д. 13. Л. 84.

1096.

Завадский С.В. На великом изломе // Архив русской революции. Т. 8. С. 23.

1097.

К.П. Победоносцев – Великому Князю Сергею Александровичу 14 июля 1899 г. // Письма Победоносцева Александру III. С. 357.

1098.

Там же.

1099.

Мейлунас А., Мироненко С. Указ. соч. С. 193–194.

1100.

Княгиня Александра Александровна Оболенская (урожд. Апраксина) (1851–1943), жена князя В.С. Оболенского, фрейлина Императрицы Марии Феодоровны, подруга Великой Княгини Ксении Александровны.

1101.

Дневник Великой Княгини Ксении Александровны за 1899 г. Запись за 3 июля // ГА РФ. Ф. 662. Оп. 1. Д. 13. Л. 109.

1102.

Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. 1899. Отделение 1. Т. XIX. СПб., 1902 г. № 17402. С. 876.

1103.

Мосолов А.А. Указ. соч. С. 148.

1104.

J. Jusserand à T. Delcassé // DDF. 1-èresérie. T. 16. P. 195.

1105.

J. Jusserand à T. Delcassé // DDF. 1-èresérie. T. 16. P. 196.

1106.

Линия поведения (фр.).

1107.

Там же.

1108.

Братченко Т.М., Синявский А.С. Раннеиндустриальная модернизация дореволюционной России // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Т. 9. № 2. 2007. С. 323.

1109.

Политическая история XX века. Сборник документов и материалов. Вып. 1. М.: 1991. С. 63.

1110.

Петров Ю.А. Российская экономика в начале XX века // Гражданин. Периодический политический журнал. № 3. 2003.

1111.

Ткаченко Я.А. «Династический кризис» в России осенью 1900 г. // Из глубины веков. 2005. № 13. С. 4–5.

1112.

Там же. С. 3.

1113.

Богданович А.В. Указ. соч. С. 78.

1114.

Цит. по: Ткаченко Я.А. «Династический кризис» в России осенью 1900 г. // Из глубины веков. 2005. № 13. С. 6.

1115.

Дневники Императора Николая II 1894–1918. Т. 1. 1894–1904. Запись за 30 сентября 1900 г. С. 560.

1116.

Дневник Великого Князя Константина Константиновича за 1900 г. // ГА РФ. Ф. 660. Оп. 1. Д. 47.

1117.

В своих мемуарах С.Ю. Витте уверяет, что в Дании он был осенью 1900 г. Но переписка Вдовствующей Императрицы

Марии Феодоровны со своей дочерью Ксенией доказывает, что Витте посетил Копенгаген в августе 1900 г.

1118.

Цит. по: Ткаченко Я.А. «Династический кризис» в России осенью 1900 г. // Из глубины веков. 2005. № 13. С. 28.

1119.

Витте С.Ю. Воспоминания. Т. 2. С. 154.

1120.

Ткаченко Я.А. «Династический кризис» в России осенью 1900 г. // Из глубины веков. 2005. № 13. С. 28.

1121.

Бенуа А.Н. Мои воспоминания. В пяти книгах. Кн. 1–3. М.: Наука, 1990. С. 74.

1122.

Reusner M. von. Die russischen Kämpfe um Recht und Freiheit. Halle, a.S. Gebauer-Schwetschke Druckerei und Verlag, 1905. S. 34.

1123.

Ткаченко Я.А. «Династический кризис» в России осенью 1900 г. // Из глубины веков. 2005. № 13. С. 28.

1124.

Цит. по: Ткаченко Я.А. «Династический кризис» в России осенью 1900 г. // Из глубины веков. 2005. № 13. С. 3.

1125.

Дневник Императора Николая II за 1900 г. Запись за 25 октября 1900 г. // Дневники Императора Николая II. Т. 1. С. 564.

1126.

Цит. по: Ткаченко Я.А. «Династический кризис» в России осенью 1900 г. // Из глубины веков. 2005. № 13. С. 6.

1127.

Правительственный вестник. 29 октября 1900 г.

1128.

Отношения министра Императорского Двора о болезни Императора Николая II // ГА РФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 238. Л. 2.

1129.

Дневник Великой Княгини Ксении Александровны за 1900. Запись за 29 октября // ГА РФ. Ф. 662. Оп. 1. Д. 15.

1130.

Витте С.Ю. Воспоминания. Т. 2. С. 156.

1131.

Там же.

1132.

Отношения министра Императорского Двора о болезни Императора Николая II // ГА РФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 238. Л. 7.

1133.

Бунин К.В. Инфекционные болезни. М.: Медицина, 1972.

1134.

Видаля реакция // Большая медицинская энциклопедия, в 35 томах. Под ред. Н.А. Семашко. М.: Государственное словарно-энциклопедическое издательство «Советская энциклопедия», 1929. Т. 5. С. 26.

1135.

Дневники Императора Николая II 1894–1918. Т. 1. 1894–1904. Запись за 25 октября 1900 г. С. 564.

1136.

Отношения министра Императорского Двора о болезни Императора Николая II // ГА РФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 238. Л. 7.

1137.

Дневники Императора Николая II 1894–1918. Т. 1. 1894–1904. Запись за 30 ноября 1900 г. С. 564.

1138.

Ткаченко Я.А. «Династический кризис» в России осенью 1900 г. // Из глубины веков. 2005. № 13. С. 14.

1139.

Дневник Великой Княгини Ксении Александровны за 1900 г. Запись за 29 октября // ГА РФ. Ф. 662. Оп. 1. Д. 15.

1140.

Дневники Императора Николая II 1894–1918. Т. 1. 1894–1904. Запись за 2 декабря 1900 г. С. 564.

1141.

Ткаченко Я.А. «Династический кризис» в России осенью 1900 г. // Из глубины веков. 2005. № 13. С. 10.

1142.

Император Николай II – Вдовствующей Императрице Марии Феодоровне 24 ноября 1900 г. // ГА РФ. Ф. 642. Оп. 1. Д. 2326. Л. 90.

1143.

Ткаченко Я.А. «Династический кризис» в России осенью 1900 г. // Из глубины веков. 2005. № 13. С. 10.

1144.

Императрица Александра Феодоровна.

1145.

Великая Княгиня Ксения Александровна – княгине А.А. Оболенской 16 ноября 1900 г. // Российский архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв.: Альманах. М.: Студия ТРИТЭ: Рос. архив, 2005. Т. XIV. С. 496.

1146.

Мосолов А.А. Указ. соч. С. 30–31.

1147.

Отношения министра Императорского Двора о болезни Императора Николая II // ГА РФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 238. Л. 9.

1148.

Ткаченко Я.А. «Династический кризис» в России осенью 1900 г. // Из глубины веков, 2005, № 13. С. 25.

1149.

Витте С.Ю. Воспоминания. Т. 2. С. 193.

1150.

Ткаченко Я.А. «Династический кризис» в России осенью 1900 г. // Из глубины веков. 2005. № 13. С. 25.

1151.

Витте С.Ю. Воспоминания. Т. 2. С. 192.

1152.

Ткаченко Я.А. «Династический кризис» в России осенью 1900 г. // Из глубины веков. 2005. № 13. С. 26.

1153.

Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Том I. С 12 декабря 1825 по 1827. СПб., 1830. № 557. С. 889.

1154.

Ткаченко Я.А. «Династический кризис» в России осенью 1900 г. // Из глубины веков. 2005. № 13. С. 26.

1155.

Мосолов А.А. Указ. соч. С. 30.

1156.

Романов Б.А. Очерки дипломатической истории Русско-

японской войны (1895–1907). М.–Л.: Издательство АН СССР, 1947. С. 368.

1157.

Дневники Императора Николая II 1894–1918. Т. 1. 1894–1904. Запись за 5 мая 1901. С. 599.

1158.

Озеров Н. Император Николай II и первое десятилетие Его царствования. Могилёв, 1904. С. 28.

1159.

Сапрыкин Д.Л. Образовательный потенциал Российской империи. М., 2009. С. 103.

1160.

Боголепова Екатерина. Николай Павлович Боголепов. Попечитель Московского учебного округа // Русский архив. № 6. 1906. С. 459.

1161.

Цит. по: Соловьев Ю.Б. Самодержавие и дворянство в конце XIX в. Л., 1973. С. 148.

1162.

Горев (Гольдман) Б.И. Марксизм и рабочее движение в

Петербургe четверть века назад. (Воспоминания). С. 100 // <http://www.ruthenia.ru/sovlit/j/100.html>

1163.

Ольденбург С.С. Указ. соч. С. 141.

1164.

Бразоль Б.Л. Царствование Императора Николая II в цифрах и фактах. Минск, 1991. С. 10.

1165.

Ольденбург С.С. Указ. соч. С. 141.

1166.

Орлов В.В. Студенческое движение Московского университета в XIX столетии. М., 1934. С. 291.

1167.

Боголепова Екатерина. Николай Павлович Боголепов. Попечитель Московского учебного округа // Русский архив. № 6. 1906. С. 452.

1168.

Дневник Императора Николая II за 1898 г. Запись за 20 января // Дневники Императора Николая II. Т. 1. С. 389.

1169.

Томсин В.А. Николай Павлович Боголепов (1846–1901). Биографический очерк // Боголепов Н.П. Учебник Римского права. М.: Зерцало, 2004. С. 28.

1170.

Сапрыкин Д.Л. Указ. соч. С. 104.

1171.

Там же. С. 104–105.

1172.

Аврус А.И. История российских университетов. Очерки. М., 2001. С. 18.

1173.

Ольденбург С.С. Указ. соч. С. 144.

1174.

Горев (Гольдман) Б.И. Указ. соч. С. 101.

1175.

Озеров Н. Указ. соч. С. 28.

1176.

Полное собрание законов Российской империи. Собрание

третье. Т. XIX. 1899. Отд. 1. СПб., 1902. № 17484. С. 935.

1177.

Дневник Императора Николая II за 1901 г. Запись за 14 февраля // Дневники Императора Николая II. Т. 1. С. 582.

1178.

Некрасов П.А. Николай Павлович Боголепов // Русский вестник. 1902. Кн. 2. С. 564–579.

1179.

Дневник А.С. Суворина. С. 256.

1180.

Рескрипты Императора Николая II о реформе народного образования // РГИА. Ф. 1276. Оп. 1. Д. 147. Л. 11.

1181.

Там же.

1182.

Там же. Л. 12

1183.

Цит. по: Боханов А.Н. Николай II. С. 444.

1184.

Император Николай II – Вдовствующей Императрице Марии Феодоровне 7 марта 1901 г. // ГА РФ. Ф. 642. Оп. 1. Д. 2327. Л. 71.

1185.

Цит. по: Боханов А.Н. Николай II. С. 444.

1186.

Проекты рескрипта Императора Николая II генерал-адъютанту П.С. Ванновскому в связи с назначением его министром народного просвещения. Черновики с замечаниями Императора Николая II // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1080. Л. 2.

1187.

Император Николай II – министру внутренних дел Д.С. Сипягину 17 сентября 1901 г. // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 2109. Л. 2 [копия].

1188.

Яковлев В.П. Политика русского самодержавия в университетском вопросе (1905–1911): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1971. С. 19.

1189.

Император Николай II – Великому Князю Сергею Александровичу.

1190.

Император Николай II – Вдовствующей Императрице Марии Феодоровне [б/д] // ГА РФ. Ф. 642. Оп. 1. Д. 2320. Л. 10.

1191.

Император Николай II – Вдовствующей Императрице Марии Феодоровне 7 марта 1901 г. // ГА РФ. Ф. 642. Оп. 1. Д. 2327. Л. 76.

1192.

Рескрипты Императора Николая II о реформе народного образования // РГИА. Ф. 1276. Оп.1. Д. 147. Л. 14.

1193.

Дневник Императора Николая II за 1902 г. Запись за 8 июня // Дневники Императора Николая II. Т. 1. С. 666.

1194.

Рескрипты Императора Николая II о реформе народного образования // РГИА. Ф. 1276. Оп. 1. Д. 147. Л. 13.

1195.

Там же. Л. 14.

1196.

Озеров Н. Указ. соч. С. 32.

1197.

Бразоль С.Л. Указ. соч. С. 10.

1198.

Рескрипты Императора Николая II о реформе народного образования // РГИА. Ф. 1276. Оп. 1. Д. 147.

1199.

Сапрыкин Л.Д. Указ. соч. С. 119.

1200.

Аврус А.И. Указ. соч. С. 32.

1201.

Ольденбург С.С. Царствование Императора Николая II. С. 67.

1202.

Озеров Н. Указ. соч. С. 40.

1203.

Герасимович Л.К. А.М. Позднеев (1851–1920) // Российские

МОНГОЛОВЕДЫ (XVIII – начало XX в.). Улан-Удэ, 1997. С. 79–86.

1204.

Вашурина З.П., Шишканов А.И. Родословная военных переводчиков // Независимое военное обозрение, 19.05.2000.

1205.

Сапрыкин Д.Л. Указ. соч. С. 129.

1206.

Там же.

1207.

Vernadsky G. A History of Russia. N.Y.: New Home Library, 1944. P. 205.

1208.

Романов Борис. Император, который знал свою судьбу, и Россия, которая не знала... СПб.: БХВ-Петербург, 2012. С. 470.

1209.

Там же. С. 480.

1210.

Сапрыкин Д.Л. Указ. соч. С. 127.

1211.

Schwarz (H.-P.). Das Gesicht des Jahrhunderts-Monster, Retter und Mediokritäten: Berlin, Siedler Verlag, 1998.

1212.

Музафаров А. Забытые битвы империи. М.: Вече, 2013.

1213.

Шиловский П. Акты, относящиеся к политическому положению Финляндии. СПб., 1903. С. 139.

1214.

Михайлов С.К. Юридическое положение Финляндии. Заметки по поводу отзыва сейма 1899 года. СПб., 1901. С. 3.

1215.

Там же. С. 57.

1216.

Тризна Д.С. Финляндия за 100 лет в составе России (1809–1909). СПб., 1911.

1217.

Бородкин М. Справки о «конституции» Финляндии. СПб.: Воен. тип., 1900. С. 99.

1218.

Витте С.Ю. Воспоминания. Т. 3. С. 258.

1219.

Сборник постановлений Великого Княжества Финляндского. 1889. № 16. С. 1.

1220.

Сборник постановлений Великого Княжества Финляндского. 1889. № 33. С. 10.

1221.

Бородкин М. Краткая история Финляндии. СПб., 1911. С.171.

1222.

Таганцев Н.С. Высочайший Манифест 1/13 декабря 1890 г. и финляндское уголовное уложение. СПб., 1910. С. 8.

1223.

Там же. С. 7.

1224.

Бородкин М.М. Справки о «конституции» Финляндии. С. 106.

1225.

Истинные причины очередных домыслов С.Ю. Витте вполне банальны: он вёл самые активные интриги против генерал-губернатора Н.И. Бобрикова, главного проводника политики Николая II в Финляндии.

1226.

Бородкин М.М. Из новейшей истории Финляндии. Время управления Н.И. Бобрикова. СПб.: Товарищество Р. Голикса и А. Вильборга, 1905. С. 5.

1227.

Там же. С. 67.

1228.

Там же. С. 68.

1229.

Нива. 1904. № 24. С. 480.

1230.

Бородкин М.М. Из новейшей истории Финляндии. Время управления Н.И. Бобрикова. С. 71.

1231.

Бахтурина А.Ю. Николай Иванович Бобриков // http://www.stolypin.ru/proekty-fonda/entsiklopediya-petr-arkadevich-stolypin/?ELEMENT_ID=273

1232.

Николай II и Финляндия // Красный архив. Исторический журнал. М.–Л., 1927. С. 229.

1233.

Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. Т. XIX. Отделение 1. № 16447. СПб., 1902. С. 97–98.

1234.

Н.И. Бобриков – Императору Николаю II // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1178 (2). Л. 27–28.

1235.

Донесения начальника Финляндского жандармского управления Н.И. Бобрикову // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1178 (2). Л. 50.

1236.

Николай II и Финляндия // Красный архив. М.–Л., 1927. С. 230.

1237.

Донесения начальника Финляндского жандармского управления Н.И. Бобрикову // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1178 (2). Л. 52.

1238.

Там же. Л. 50.

1239.

Там же.

1240.

Там же. Л. 51.

1241.

Ольденбург С.С. Указ. соч. С. 139.

1242.

Бородкин М.М. Из новейшей истории Финляндии. Время управления Н.И. Бобрикова. С. 107.

1243.

Бахтурина А.Ю. Николай Иванович Бобриков // <http://www.stolypin.ru/proekty-fonda/entsiklopediya-petr-arkadevich-stolypin>

1244.

Император Николай II – Н.И. Бобрикову // Николай II и Финляндия // Красный архив. Исторический журнал. М.–Л., 1928. Т. 2 (27). С. 229.

1245.

Император Николай II – Н.И. Бобрикову // Николай II и Финляндия // Красный архив. Исторический журнал. М.–Л., 1928. Т. 2 (27). С. 229–230.

1246.

Дневник А.Н. Куропаткина. С. 18.

1247.

Там же.

1248.

Дневник А.Н. Куропаткина. Нижполиграф, 1923. С. 13.

1249.

Кудрина Юлия. Императрица Мария Федоровна (1847–1928 гг.). Дневники, письма, воспоминания. М.: Олма-Пресс, 2000. С. 98.

1250.

Витте С.Ю. Воспоминания. Т. 3. С. 254.

1251.

Великий Князь Николай Михайлович – Великому Князю Михаилу Николаевичу 7 апреля 1902 г. // Российский Императорский Дом. Дневники. Письма. Фотографии. М.: Перспектива, 1992. С. 165.

1252.

Донесения начальника Финляндского жандармского управления // ГА РФ. Ф. 494. Оп. 2. Д. 13. Л. 28.

1253.

Бородкин М.М. Из новейшей истории Финляндии. Время управления Н.И. Бобрикова.

1254.

Дневник Императора Николая II за 1904 г. Запись за 3 июня // Дневники Императора Николая II. Т. 1. С. 808.

1255.

Дневник Императора Николая II за 1904 г. Запись за 4 июня // Дневники Императора Николая II. Т. 1. С. 808.

1256.

Из архива С.Ю. Витте. Воспоминания. В трех томах. СПб.:

Дмитрий Буланин, 2003. Т. 2. С. 538.

1257.

Доклады С.Ю. Витте Императору Николаю II по положению дел в Финляндии // Красный архив. Исторический журнал. Т. 4 (11)–5 (12). М.–Л., 1925. С. 146.

1258.

РГИА. Ф. 1276. Оп. 1. Д. 85. Л. 4.

1259.

Фомин С. Григорий Распутин: расследование. «А кругом широкая Россия...».

1260.

Дневник А.А. Половцова // Красный архив. Исторический журнал. Т. 3. М., 1923. С. 99.

1261.

Ананьич Б.В., Ганелин Р.Ш. Указ. соч. С. 83.

1262.

Там же. С. 83–84.

1263.

Петров Ю.А. Российская экономика в начале XX века //

Гражданин. Периодический политический журнал. № 3. 2003.

1264.

Там же.

1265.

Дневник графа В.Н. Ламздорфа за 1894 г. // Ламздорф В.Н. Дневник, 1894–1896. С. 75.

1266.

Цит. по: Фомин С. Григорий Распутин: расследование. «А кругом широкая Россия...». С. 216.

1267.

Степанов Ю.Г. Обер-прокурор под прицелом // Освободительное движение в России: Межвуз. сб. науч. тр. Саратов, 2001. Вып. 19. С. 52–53.

1268.

Мемуары графа С.Д. Шереметева. Т. 2 / Сост. К.А. Ваха и Л.И. Шохина. М.: Индрик, 2005.

1269.

Витте С.Ю. Воспоминания. Т. 2. С. 196.

1270.

Карпачев С.П. Масоны и масонство России XVIII – XXI век. Ступени масонского мастерства. (Древний и принятый Шотландский ритуал). М.: В.П. Быстров, 2007.

1271.

Амфитеатров А.В. Господа Обмановы. Берлин: Издание Иоанна Рэде, 1902. С. 2–4.

1272.

Дневник А.С. Суворина. С. 278.

1273.

Письма А.П. Чехову его брата Александра Чехова. М., 1939. С. 401–402.

1274.

С.А. Рачинский – К.П. Победоносцову // ОР РГБ. Ф. 230. Карт. 4418. Ед. хр. 3. Л. 14.

1275.

Горький А.М. Письма к К.П. Пятницкому. М., 1954. С. 72.

1276.

Дневник А.С. Суворина. С. 282.

1277.

3 мая 1902 г. Балмашёв был повешен – это была первая смертная казнь в царствование Императора Николая II.

1278.

Крыжановский С.Е. Воспоминания. Из бумаг С.Е. Крыжановского последнего Государственного секретаря Российской империи. Берлин: Петрополис, 1938. С. 189.

1279.

Сапрыкин Л.Д. Указ. соч. С. 127.

1280.

Дневник Императора Николая II за 1902 г. Запись за 2 апреля // Дневники Императора Николая II. Т. 1. С. 655.

1281.

Император Николай II – Вдовствующей Императрице Марии Феодоровне 4 апреля 1902 г. // ГА РФ. Ф. 642. Оп. 1. Д. 2327.

1282.

Мемуары графа С.Д. Шереметева. Т. 2. С. 485.

1283.

Вельяминов Н.А. Воспоминания Н.А. Вельяминова о Д.С. Сипягине / Публ. [вступ. ст. и примеч.] О.Ю. Щербаковой //

Российский архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв.: Альманах. М.: Студия ТРИТЭ; Рос. Архив, 1995. С. 391.

1284.

Там же.

1285.

Прайсман Л.Г. Террористы и революционеры, охранники и провокаторы. М.: РОССПЭН, 2001. С. 28.

1286.

Великая Княгиня Елизавета Феодоровна – Императору Николаю II 3 апреля 1902 г. // Письма Преподобномученицы Великой Княгини Елизаветы Феодоровны. С. 160–161.

1287.

Император Николай II – Вдовствующей Императрице Марии Феодоровне 4 апреля 1902 г. // ГА РФ. Ф. 642. Оп. 1. Д. 2327.

1288.

Цит. по: Пронкин С.В. «Незаменимый министр внутренних дел»: В.К. Плеве // МГУ. Учёные труды. Выпуск 6: Управление вызовов и стратегий в XXI в. М.: Университет, Книжный дом, 2007. С. 130.

1289.

Гурко В.И. Черты и силуэты прошлого. С. 76.

1290.

Там же.

1291.

Цит. по: Фомин С. Григорий Распутин: расследование. «А кругом широкая Россия...». С. 250.

1292.

Вонлярлярский В.М. Мои воспоминания. 1853–1939. Берлин: Русское национальное издательство, 1939. С. 147.

1293.

Там же.

1294.

Гурко В.И. Черты и силуэты прошлого. С. 76.

1295.

О волнениях крестьян в Полтавской и Харьковской губерниях // РГИА. Ф. 1284. Оп. 241. Д. 221. Л. 76.

1296.

Ольденбург С.С. Царствование Императора Николая II. С.

178.

1297.

Там же.

1298.

Спиридович А.И. Революционное движение в России. Выпуск 2-й. Партия социалистов-революционеров и её предшественники. Пг., 1916. С. 109.

1299.

Цит. по: Дронов И.Е. Князь Владимир Петрович Мещерский // Вопросы истории, 2001. № 10. С. 80.

1300.

В.П. Мещерский – В.К. Плеве 14 июля 1902 г. // ГА РФ. Ф. 586. Оп. 1. Д. 904. Л. 157–159.

1301.

В.П. Мещерский – В. К. Плеве 30 сентября 1902 г. // ГА РФ. Ф. 586. Оп. 1. Д. 904. Л. 157–159.

1302.

Цит. по: Дронов И.Е. Князь Владимир Петрович Мещерский // Вопросы истории. 2001. № 10. С. 81.

1303.

Рябов Ю.А. Указ. соч. С. 102.

1304.

Там же. С. 102–103.

1305.

Хоскинг Дж. Указ соч. С. 417.

1306.

Рябов Ю.А. Указ. соч. С. 111.

1307.

Фроянов И.Я. Октябрь семнадцатого. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 1997. С. 28–35.

1308.

Кириллов А.К. Переселение и крестьянское налогообложение в Сибири // Сибирский плавающий котёл: социально-демографические процессы в Северной Азии XVI – начала XX в. Новосибирск, 2004. С. 215–220.

1309.

Маркс А.Ф. Географический и статистический карманный атлас России. СПб.: Издание Т-ва А.Ф. Маркса, 1907. С. 9.

1310.

Дронов И.Е. Князь Владимир Петрович Мещерский // Вопросы истории. 2001. № 10. С. 81.

1311.

Полное собрание речей Императора Николая II. С. 32.

1312.

Ольденбург С.С. Царствование Императора Николая II. С. 164.

1313.

Дневник А.С. Суворина. С. 282.

1314.

Куликов С.В. Император Николай II как реформатор: к постановке проблемы // Российская история. № 4. 2009. С. 48.

1315.

Там же. С. 49.

1316.

Пирумова Н.М. Земское либеральное движение. Социальные корни и эволюция до начала XX века. М.: Наука, 1977. С. 199.

1317.

Доклад министра внутренних дел В.К. Плеве Императору Николаю II о происходившем в Москве в мае 1902 г. съезде земских деятелей, носящем либеральный характер [копия] // РГИА. Ф. 919. Оп. 2. Д. 608. Л. 1.

1318.

Там же.

1319.

Пирумова Н.М. Указ. соч. С. 200.

1320.

Доклад министра внутренних дел В.К. Плеве Императору Николаю II о происходившем в Москве в мае 1902 г. съезде земских деятелей, носящем либеральный характер [копия] // РГИА. Ф. 919, Оп. 2. Д. 608. Л. 4.

1321.

Там же. Л. 5.

1322.

Там же. Л. 5.

1323.

Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. Т. XXIII. 1903. Отделение 1. СПб., 1905. № 22581. С. 113.

1324.

Леонов Л.М. «Тайный и оборонительный союз» при дворе Николая II // Известия Академии управления: теория, стратегии, инновации: теоретический и научно-методический журнал. Самара: Изд-во «Самарский муниципальный институт управления», 2011. № 2 (3).

1325.

Кириллов А.К. Переселение и крестьянское налогообложение в Сибири.

1326.

Куликов С.В. Император Николай II как реформатор: к постановке проблемы // Российская история. № 4. 2009. С. 45–60.

1327.

Бузмакова О.Г. Судебная власть в Сибири в конце XIX – начале XX в. Дис.... канд. ист. наук: 07.00.02: Томск, 2004. 241 с. РГБ ОД, 61:04-7/506.

1328.

Куликов С.В. Император Николай II как реформатор: к постановке проблемы // Российская история. № 4. 2009.

1329.

Высочайший рескрипт на имя министра юстиции Н.В. Муравьёва // Правительственный вестник. 1899. 1 (13) июля.

1330.

Куликов С.В. Император Николай II как реформатор: к постановке проблемы // Российская история. № 4. 2009.

1331.

Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. Т. XXIII. 1903. Отд. 1. № 22704. СПб., 1905.

1332.

Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. Т. XXIII. 1903. Отд. 1. № 22703. СПб., 1905. С. 175.

1333.

Вестник Европы. Том II. Март 1906 г. С. 432–436.

1334.

Спиридович А.И. Записки жандарма. Харьков: Пролетарий, 1928. С. 24.

1335.

Витте С.Ю. Воспоминания. Т. 2. С. 218.

1336.

Лопухин А.А. Отрывки из воспоминаний (по поводу «Воспоминаний» гр. С.Ю. Витте). М. – Пг.: Госиздат, 1923. С. 72.

1337.

Там же. С. 73.

1338.

Дневник А.С. Суворина С. 465.

1339.

Там же.

1340.

О масонской фракции «Денница» // ГА РФ. Ф. 102 ДП ОО. 1906. Д. 1038. Л. 1–2.

1341.

Николай II и самодержавие в 1903 г. С. 205.

1342.

Дневник А.Н. Куропаткина. С. 44.

1343.

Спиридович А.И. Записки жандарма. С. 39.

1344.

Гурко Вл. И. Черты и силуэты прошлого. С. 275.

1345.

Коковцов В.Н., граф. Из моего прошлого. Воспоминания 1903–1919. Т. 1. Париж: Издание журнала «Иллюстрированная Россия», 1933. С. 67.

1346.

Витте С.Ю. Воспоминания. Т. 2. С. 242.

1347.

Коковцов В.Н. Указ. соч. Т. 1. С. 9.

1348.

Витте С.Ю. Воспоминания. Т. 2. С. 242.

1349.

Там же. С. 244.

1350.

Коковцов В.Н. Указ. соч. Т. 1. С. 12.

1351.

Там же.

1352.

Лопухин А.А. Указ. соч. С. 73.

1353.

Перегудова З.И. Политический сыск России (1870–1917). М.: РОССПЭН, 2000.

1354.

Спиридович А.И. Записки жандарма. С. 18.

1355.

Дневник А.Н. Куропаткина. С. 70.

1356.

Половцов А.А. Дневник. Запись за 1 января 1903 г. // Красный архив. Исторический журнал. Л., 1923. С. 167.

1357.

Дневник А.Н. Куропаткина. Запись за 31 декабря 1902 г. // Красный архив. Исторический журнал. Л., 1922. № 2(2). С. 17.

1358.

Дневники Императора Николая II. 1894–1918. Т. 1. 1894–1904. С. 709.

1359.

Там же. С. 713.

1360.

Александр Михайлович, Великий Князь. Указ. соч.

1361.

Дневники Императора Николая II. 1894–1918. Т. 1. 1894–1904. С. 712.

1362.

Дневники Императора Николая II. 1894–1918. Т. 1. 1894–1904. Запись за 9 марта 1903 г. С. 717.

1363.

Дневник А.Н. Куропаткина. С. 48.

1364.

Николай II и самодержавие в 1903 г. из итогов перлюстрации // Былое. 1918. № 2 (30). С. 199.

1365.

Там же. С. 200.

1366.

Там же. С. 201.

1367.

Дневник А.Н. Куропаткина. С. 11.

1368.

Там же. С. 88.

1369.

Там же. С. 87.

1370.

Дневник А.А. Половцова // Красный архив. Исторический журнал. Т. 3 (3). М.–Л., 1923. С. 99.

1371.

Цит. по: Фомин С.В. Григорий Распутин: расследование. «А кругом широкая Россия...». С. 140.

1372.

Дневник А.Н. Куропаткина. С. 69.

1373.

Старков Б.А. Охотники на шпионов. Контрразведка Российской империи 1903–1914. СПб., 2006.

1374.

Там же. С. 80.

1375.

Там же. С. 78.

1376.

Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. Т. XXIII. 1903. Отд. 1. № 22520. СПб., 1905. С. 82.

1377.

Куликов С.В. Император Николай II как реформатор: к постановке проблемы // Российская история. № 4. 2009.

1378.

Дневник А.Н. Куропаткина. С. 98.

1379.

Ананьич Б.В. Банкирские дома в России 1860–1914. Очерки истории частного предпринимательства. М.: Наука, 1991.

1380.

Там же.

1381.

Там же.

1382.

Там же.

1383.

Там же.

1384.

Дикий Андрей. Евреи в России и в СССР. Исторический очерк. Новосибирск: Благовест, 1994. С. 42.

1385.

Солженицын А.И. 200 лет вместе. Часть 1. В дореволюционной России. 1795–1995 гг. М.: Русский путь, 2001. С. 167.

1386.

Там же.

1387.

Там же.

1388.

Рахманова Н. Еврейский вопрос в политике В.К. Плеве // Вестник Еврейского университета. 1995. № 1(8). С. 87.

1389.

Россия и евреи. Сборник первый. Берлин, 1924. С. 83–85.

1390.

Прайсман Л.Г. Указ. соч. С. 68.

1391.

Дичев Т., Николов Н. Зловещий заговор. Ургенч, 1992. С. 99.

1392.

Шульгин В.В. «Что нам в них не нравится...». М.: Русская книга, 1994. С. 69.

1393.

Солженицын А.И. Указ. соч. С. 164.

1394.

Кожин В. Россия век XX. 1901–1991. М., 1998.

1395.

Бернштейн-Коган. Книга о погроме. С. 127–128.

1396.

Easter in Kishinev: Anatomy of a Pogrom. N-Y-Press, 1995. P. 42–47.

1397.

Маор И. Указ. соч. С. 71.

1398.

Кишинёвский погром 1903 года. Сборник документов и материалов. Кишинёв: Ruxanda, 2000. С. 27–28.

1399.

Кишинёвский погром 1903 года. Сборник документов и материалов.

1400.

Кроль М. Кишиневский погром 1903 года и Кишиневский погромный процесс // Еврейский мир. Сборник II. Нью-Йорк: Союз русских евреев в Нью-Йорке, 1944. С. 372.

1401.

Солженицын А.И. Указ. соч. С. 57.

1402.

Приходился племянником И.Л. Горемыкину.

1403.

Кишиневский погром 1903 года. Сборник документов и материалов. С. 30.

1404.

Self-defense; Haffkine, Waldemar Mordecai // Encyclopaedia Judaica. CD-ROM Edition. Judaica Multimedia (Israel) LTD.

1405.

Прайсман Л. Погромы и самооборона // Журнал «22», Тель-Авив. Декабрь 1986 – январь 1987. № 51.

1406.

Хитерер Виктория. Еврейские погромы и самооборона в Российской империи // Институт иудаики // <http://www.judaica.kiev.ua/>

1407.

Самооборона, еврейская // Краткая Еврейская энциклопедия. Иерусалим, 1994. Т. 7. Кол. 645–651.

1408.

Шифф Джейкоб Генри // КЭИ. Иерусалим, 2001. Т. 10. Кол. 221–223.

1409.

Philadelphia Record, 1912, 19 Febr.

1410.

Jewish Chronicle.

1411.

Программы политических партий России / Под ред. и с предисл. И.В. Владиславлева. М., 1917. С. 48.

1412.

Савинков Борис. Воспоминания террориста. Лениздат, 1990.

1413.

Герцль Т. Избранное. Иерусалим: Библиотека-Алия, 1974.

1414.

Хереш Э. Николай II. Ростов-на-Дону: Феникс, 1998. С. 144.

1415.

РГИА. Ф. 1276. Оп. 1. Д. 147.

1416.

Куликов С.В. Бюрократическая элита Российской империи накануне падения старого порядка (1914–1917). С. 30.

1417.

Цит. по: Старков Б.В. Указ. соч. С. 230.

1418.

Цит. по: Аврех А. Масоны и революция. М.: Политиздат, 1990. С. 225.

1419.

Там же. С. 226.

1420.

Там же.

1421.

Старков Б.В. Охотники на шпионов. Контрразведка Российской империи 1903–1914. СПб., 2006. С. 229.

1422.

Серков А.И. История русского масонства 1845–1945. СПб., 1997. С. 68.

1423.

Цит. по: Брачев В.С. Масоны в России: от Петра I до наших дней. СПб.: Стомма, 2000.

1424.

Соловьев О. Русские масоны. От Романовых до

Березовского. М.: Эксмо; Яуза, 2004.

1425.

Бурыйшкін П.А. Филипп – предшественник Распутина // Новый журнал. Кн. 40. Нью-Йорк, 1955. Март.

1426.

Фомин С.В. «А кругом широкая Россия...». С. 671.

1427.

Серков А.И. История русского масонства 1845–1945. М.: Изд-во имени Н.И. Новикова, 1997. С. 20.

1428.

Там же. С. 19.

1429.

Там же. С. 20.

1430.

Rapus et la Maçonnerie. l'Acacia. Janvier 1907. PP. 29–30.

1431.

Caillet (S.) La Franc-Maçonnerie égyptienne de Memphis-Misraïm. Paris: Dervy, 2003.

1432.

Старков Б.А. Указ. соч. С. 233.

1433.

О масонах // ГА РФ. Ф. 102 ДП ОО Оп. 1905. Ч.12.2(2) Л. 3.

1434.

Записка генерала П.Г. Курлова о действиях в Европе масонских и антимасонских организаций // ГА РФ. Ф. 601.Оп. 1. Д. 771. Л. 7.

1435.

О масонах // ГА РФ. Ф. 102 ДП ОО. 1905. Ч. 12.2 (1). Л. 1.

1436.

Брачев В.С. Русское масонство XVIII – XX веков. СПб.: Стома, 2000. С. 244.

1437.

Щёголев П.Е. Охранники и авантюристы. Секретные сотрудники и провокаторы. Гос. публ. ист. б-ка России. М.: [ГПИБ], 2003. С. 75.

1438.

Соловьёв О.Ф. Масонство в мировой политике XX века. М.: РОССПЭН, 1998. С. 54.

- 1439.**
Серков А.И. Указ. соч. С. 23.
- 1440.**
Письмо Луизы Бельма Императору Николаю II от 26 августа 1901 [на фр. яз.] // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1170. Л. 1–2.
- 1441.**
ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 771. Л. 5.
- 1442.**
ГА РФ. Ф. 102 ДП ОО. 1905. Ч. 12.2. Л. 4.
- 1443.**
ГА РФ. Ф. 102. ДПОО. 1905. Ч. 12.2. Л. 4–5об.
- 1444.**
Допрос С.П. Белецкого // ГА РФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 231 (1).
Л. 66–67.
- 1445.**
Щёголев П.Е. Охота за масонами или похождения ассессора
Алексеева // Былое. 1917. № 4. С. 144.
- 1446.**

Граф В.В. Муравьев-Амурский – Императору Николаю II 14/27 сентября 1900 г. // Российский архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв.: Альманах. М.: Студия ТРИТЭ; Рос. архив, 1999. Т. IX. С. 410–411.

1447.

Капитан французской армии А. Дрейфус был приговорён к пожизненной ссылке в заморские владения за шпионаж в пользу Германии. За его освобождение «Великим Востоком» и союзными ему структурами (например, Социалистической партией) была организована яростная кампания. В 1899 г. Дрейфус был помилован, а в 1906 г. – оправдан.

1448.

Фомин С.В. «А кругом широкая Россия...». С. 577.

1449.

Брачев В.С. Указ. соч. С. 185.

1450.

Платонов О. Указ. соч. С. 124.

1451.

Брачев В.С. Указ. соч. С. 87.

1452.

Бурьшкин П.А. Указ. соч. С. 184.

1453.

«Археометр» – название оккультной книги Ж. Сент-Ив д'Альвейдра, написанной во многом под влиянием Каббалы, в которой он разработал «универсальную модель» алфавита, «объясняющую» происхождение языка древних культур. Книга состоит из трех частей: теоретического введения, детального описания «ключа ко всем мировым религиям и наукам», а также раздела, посвященного его оперативному применению.

1454.

Saunier Jean. Saint-Yves d'Alveydre ou une synarchie sans énigme. Paris, Dervy-Livres, 1981. P. 416.

1455.

Encausse Philippe. Sciences occultes ou 25 années d'occultisme occidental. Papus. Savie, son oeuvre. Paris: OCIA, 1949. P. 316.

1456.

Серков А.И. Указ. соч. С. 20.

1457.

Палеолог М. Царская Россия накануне революции. М. – Пг.: Госиздат, 1923. С. 110.

1458.

Терапиано Ю. Филипп и Папюс при русском Дворе // Русская мысль. 1956. 6 октября.

1459.

Цит. по: Фомин С.В. Их первый Друг // «А кругом широкая Россия...». С. 684.

1460.

Палеолог М. Царская Россия накануне революции. С. 110.

1461.

Верная Богу, Царю и Отечеству. СПб.: Царское Дело, 2005. С. 114.

1462.

Фомин С. Их первый Друг // «А кругом широкая Россия...». С. 545–719.

1463.

Там же. С. 676.

1464.

Lettre de Papus Gerard Encausse à Maître Philippe
1904 // <http://www.philippedelyon.fr/lettre-de-papus-gerard-encausse-a-maitre-philippe-947/>

1465.

Серков А.И. Указ. соч. С. 19.

1466.

Дневник Императора Николая II за 1902 г. Запись за 21 августа // Дневники Императора Николая II. 1894–1904. Т. 1. С. 678.

1467.

Фомин С.В. «А кругом широкая Россия...». С. 559.

1468.

Серков А.И. Судьба масонских собраний в России // 500 лет гнозиса в Европе. Гностическая традиция в печатных и рукописных книгах: М. – СПб.: Каталог выставки во Всероссийской государственной библиотеке иностранной литературы, Москва и Всероссийском музее А.С. Пушкина; СПб. – Амстердам: Ин де Пелиkaan, 1993. С. 27–34.

1469.

Платонов О. Русское сопротивление. Война с антихристом. В двух томах. Т. 2. М.: Столица-Принт, 2010. С. 622.

1470.

Платонов О.А. Терновый венец России. Тайная история масонства 1731–1996. 2-е изд., испр. и доп. М.: Родник, 1996.

1471.

Vie et Paroles du Maître Philippe. Témoignage d'Alfred Haehl. Paris: Paul Derain, 1959.

1472.

Bricaud J. Le Mysticisme à la Cour de Russie. Paris, 1921. P. 14.

1473.

Бурышкин П.А. Указ. соч. С. 65.

1474.

Дневники Императора Николая II. 1894–1904. Т. 1. 1894–1904. Запись за 26 марта 1901 г. С. 588.

1475.

Дневники Императора Николая II. 1894–1904. Т. 1. 1894–1904. Запись за 7 сентября 1901 г. С. 617.

1476.

Цит. по: Фомин С.В. «А кругом широкая Россия...». С. 664.

1477.

Серков А.И. Указ. соч. С. 20.

1478.

Вырубова А. Указ. соч. С. 45.

1479.

Воспоминания Великого Князя Константина Константиновича о Филиппе ограничились следующей дневниковой записью: «Ездили в Знаменку на танцкласс; наши дети учатся там танцевать. У них был знаменитый Филипп; после танцкласса мы пили чай у Милицы и увидели его» (ГА РФ. Ф. 660. Оп. 1. Д. 48).

1480.

Дневники Императора Николая II. 1894–1904. Т. 1. 1894–1904. Запись за 26 марта 1901 г. С. 588.

1481.

Дневники Императора Николая II. 1894–1904. Т. 1. 1894–1904. Запись за 10 июля 1901 г. С. 605.

1482.

Дневник Императора Николая II за 1901 г. Запись за 11 июля // Дневники Императора Николая II. 1894–1904. Т. 1.

С. 605.

1483.

Дневники Императора Николая II. 1894–1904. Т. 1. 1894–1904. Запись за 6 сентября 1901 г. С. 617.

1484.

Имеется в виду пребывание Филиппа Низье в Петербурге в 1902 г.

1485.

Великая Княгиня Елизавета Феодоровна – Вдовствующей Императрице Марии Феодоровне август 1902 г. // Письма Преподобномученицы Великой Княгини Елизаветы Феодоровны. С. 71.

1486.

Дневник Великого Князя Константина Константиновича //

1487.

Император Николай II – Принцессе Марии Баденской 30 апреля 1902 г. // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1107. Л. 1.

1488.

Жевахов Н.Д., князь. Указ. соч. Т. 1. С. 237.

1489.

Цит. по: Фомин С.В. «А кругом широкая Россия...». С. 554.

1490.

Николай II. Воспоминания. Дневники. С. 63.

1491.

Бэттс Ричард (Фома), Марченко Вячеслав. Духовник Царской Семьи. Архиепископ Феофан Полтавский (Быстров). М.: Данилов мужской монастырь, 2010. С. 35.

1492.

Зимин И. Детский мир императорских резиденций. С. 26.

1493.

Боханов А.Н. Российская империя. Образ и смысл. С. 550.

1494.

Цит. по: Фомин С.В. «А кругом широкая Россия...». С. 719.

1495.

Дневник А.А. Половцова // Красный архив. Исторический журнал. Т. 3. М., 1923. С. 161.

1496.

La chute du régime tsariste. Interrogatoires des ministres,

conseillers, généraux, hauts fonctionnaires de la Cour Impériale Russe par la Commission Extraordinaire du Gouvernement Provisoire de 1917. Comptes rendus sténographiques. Préface de V. Maklakoff. Paris: Payot, 1927. P. 84.

1497.

Дневник А.Н. Куропаткина // Красный Архив. Исторический журнал. Пг.–М., 1922. Т. 2. С. 11.

1498.

Дневник Великого Князя Константина Константиновича за 1902 г. Запись за 19 августа // ГА РФ. Ф. 660. Оп. 1. Д. 48. Л. 8.

1499.

Крылов В.М., Травин В.И. Тайный советник императора. СПб.: Санкт-Петербург-XXI век, 2002. С. 54.

1500.

Ratchiskiy André. Op. cit. P. 149.

1501.

Сторонники обвинительного приговора капитану французской армии Альфреду Дрейфусу, осужденному за шпионаж, но впоследствии помилованному, а затем, в 1906 г., оправданному. Так как Дрейфус был евреем,

процесс над ним резко расколол французское общество и был крайне политизирован.

1502.

Великая Княгиня Елизавета Феодоровна – Вдовствующей Императрице Марии Феодоровне 4 сентября 1902 г. // Письма Преподобномученицы Великой Княгини Елизаветы Феодоровны. С. 75.

1503.

За 175 лет, начиная с петровских времён и до коронации Николая II, а именно с 1721 по 1896 г., было канонизировано всего пять святых.

1504.

Нилус С.А. На берегу Божьей реки. СПб.: ОЮ-92, 1996. С. 504–505.

1505.

Кирибеевич. Вещий инок. Историческое сказание // Хлеб небесный: Духовно-нравственный православный журнал. Харбин. 1–31 мая 1932. № 5. С. 28–31.

1506.

Никонова Н.Е. В.А. Жуковский и его немецкие друзья: новые факты из истории российско-германского

межкультурного взаимодействия первой половины XIX века. Томск: Изд-во Томского ун-та, 2012.

1507.

Придворный календарь на 1897 г. С. 236; Придворный календарь на 1903 г. С. 259; Придворный календарь на 1911 г. С. 334.

1508.

Зимин И. Царские деньги. Доходы и расходы Дома Романовых. С. 206–207.

1509.

Нилус С.А. На берегу Божьей реки. С. 504–505.

1510.

Семёнов В.А. 11 марта 1901 года: миф или реальность (пророчества Авеля и Гатчинский дворец). Материалы научной конференции. СПб., 2004 // http://gatchinapalace.ru/special/publications/mif%20or%20not.php#_ednref8

1511.

Дневники Императора Николая II. Записи за 11, 12 марта и 8 апреля 1901. Т. 1. С. 586–590,

1512.

Семёнов В.А. Указ. соч. // Ссылка на камер-фурьерский журнал за 1901 г. // РГИА. Ф. 516. Оп. 1 (219/2728). Д. 12. Л. 217.

1513.

Там же.

1514.

Семёнов В.А. 11 марта 1901 года: миф или реальность (пророчества Авеля и Гатчинский дворец).

1515.

Николай Михайлович, Великий Князь. Легенда о кончине Императора Александра I в Сибири в образе старца Феодора Козьмича. СПб., 1907. С. 9.

1516.

Жевахов Н.Д. Указ. соч. Т. 2. С. 273.

1517.

Дневники Императора Николая II. Т. 1. Запись за 22 мая 1895 г. С. 203.

1518.

Семёнов В.А. 11 марта 1901 года: миф или реальность (пророчества Авеля и Гатчинский дворец).

1519.

Кирибеевич. Вещий инок. Историческое сказание // Хлеб небесный: Духовно-нравственный православный журнал. Харбин. 1–31 мая 1932. № 5. С. 29.

1520.

Розанов Н.П. Предсказатель монах Авель в 1812–1826 гг. // Русская старина. 1875. Т. 12. № 4. С. 815–819.

1521.

Православная Русь. 1967. № 10. С. 3–4.

1522.

Дневник Л.А. Тихомирова // ГА РФ. Ф. 634. Оп. 1. Д. 14. Л. 9.

1523.

Дивеевские предания. История Серафимо-Дивеевского монастыря. Сборник. М.: Скит-Ставрополь, 1992. С. 29.

1524.

Урусова Н.В. Материнский плач Святой Руси. М.: Русский паломник, 2014.

1525.

В некоторой литературе и интернете бесспорное авторство этого воспоминания владыки Серафима (Кузнецова) приписывают некому игумену Серафиму (Путятину), о существовании которого ничего не известно. Была игуменья Серафима (Путятин) (1901–1969), никакого отношения к Дивеевскому письму не имевшая, но хорошо знавшая владыку во время его службы в Иерусалиме.

1526.

Дивеевские предания.

1527.

Календарь Комитета русской православной молодёжи на 1993 год. 25-е юбилейное издание. Нью-Йорк, 1992. С. 31.

1528.

Жевахов Н.Д. Указ. соч. Т. 1. С. 213.

1529.

Дневники Императора Николая II 1894–1918. Т. 1. 1894–1904. Запись от 20 июля 1903 г. С. 741–742.

1530.

Великая Княгиня Елисавета Феодоровна и Император Николай II. Документы и материалы (1884–1909 гг.). СПб.: Алетейя, 2009. С. 648.

1531.

Дивеевские предания.

1532.

Стрижёв А. Чего не изрекал Преподобный Серафим. К вопросу о псевдоцерковном мифотворчестве // Благодатный огонь. № 11.

1533.

Там же.

1534.

Записки Н.А. Мотовилова, служки Божией Матери и преподобного Серафима. М.: Отчий дом, 2009.

1535.

Дневник Л.А. Тихомирова // ГА РФ. Ф. 634. Оп. 1. Д. 14. Л. 9.

1536.

К.П. Победоносцев и его корреспонденты. Т. I. С. 358.

1537.

Священномученик Серафим (Чичагов). Летопись Серафимо-Дивеевского монастыря. Нижний Новгород:

Братство Св. Александра Невского, 2005.

1538.

Дневник Л.А. Тихомирова // ГА РФ. Ф. 634. Оп. 1. Д. 14. Л. 9.

1539.

РГИА. Ф. 796. Оп. 205. Д. 247. Л. 1–3.

1540.

Богданович А.В. Три последних самодержца. С. 98.

1541.

Прибавления к «Церковным ведомостям». 1903. № 2. С. 984.

1542.

Пчелов Е.В. Канонизация святых в период царствования Государя Императора Николая II // Православная жизнь. № 3(626). Март 2002. С. 12–13.

1543.

Дневники Императора Николая II 1894–1918. Т. 1. 1894–1904. Запись за 17 июля 1903 г. С. 740.

1544.

Царственные Мученики в воспоминаниях верноподданных.

С. 252–253.

1545.

Там же. С. 253.

1546.

Дневники Императора Николая II 1894–1918. Т. 1. 1894–1904. Запись за 19 июля 1903 г. С. 741.

1547.

Дневники Императора Николая II 1894–1918. Т. 1. 1894–1904. Запись за 18 июля 1903 г. С. 741.

1548.

Великая Княгиня Елизавета Феодоровна и Император Николай II. Документы и материалы (1884–1909 гг.). СПб., 2009. С. 646–647.

1549.

Дневники Императора Николая II 1894–1918. Т. 1. 1894–1904. Запись за 19 июля 1903 г. С. 741.

1550.

Александр Михайлович, Великий Князь. Указ. соч. С. 210.

1551.

Jefferson (M.). Lord Salisbury's Conversations with the Tzar at Balmoral, 27 and 29 September // The Slavonic and East European Review. 39 (№ 92) Dec. 1960. P. 218.

1552.

Jefferson (M.). Op. cit. P. 218.

1553.

Журнал «Золотой Лев» № 227–228, издание русской консервативной мысли.

1554.

Менделеев Д.И. Заветные мысли. М.: Голос-Пресс, 2009. С. 183.

1555.

Записки, депеши и письма без подписей, адресованные Императору Николаю II о политике России на Дальнем Востоке, в Китае и Монголии // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 700. Л. 1.

1556.

Дневник А.Н. Куропаткина // Красный архив. Исторический журнал. Пг.–М., 1922. Т. 2. С. 31–32.

1557.

Князь Э.Э. Ухтомский – Императору Николаю II. 14 декабря 1894 г. // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 137. Л. 8.

1558.

Князь Э.Э. Ухтомский – Императору Николаю II. 15 сентября 1895 г. // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 137. Л. 26–27.

1559.

Записки, депеши и письма без подписей, адресованные Императору Николаю II о политике России на Дальнем Востоке, в Китае и Монголии // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 700. Л. 1.

1560.

Сергеев Е.Ю. Политика Великобритании и Германии на Дальнем Востоке. 1897–1903. М., 1998. С. 67.

1561.

Сергеев Е.Ю. Указ. соч. С. 67.

1562.

Нозиков Н. Японо-китайская война 1894–1895 гг. М.: Воениздат НКО СССР, 1939. С. 9.

1563.

Всеподданнейшая записка министра иностранных дел князя

А.Б. Лобанова-Ростовского. 25 марта/6 апреля 1895 г. // Красный архив. Исторический журнал. М., 1932. Т. 3(52). С. 75.

1564.

Там же. С. 77.

1565.

Всеподданнейшая записка министра иностранных дел князя А. Б. Лобанова-Ростовского. 2/14 апреля 1895 г. // Красный архив. Исторический журнал. М., 1932. Т. 3 (52). С. 77.

1566.

Журнал Особого Совещания. 30 марта/11 апреля 1895 г. // Красный Архив. Исторический журнал. М., 1932. Т. 3(52). С. 79.

1567.

Император Николай II – князю А.Б. Лобанову-Ростовцеву. 23 апреля 1895 г. // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 117. Л. 15.

1568.

Дневник графа В.Н. Ламздорфа за 1895 г. Вложение в дневник № 248. Император Николай II – князю А.Б. Лобанову-Ростовскому. 13 ноября 1895 г. // ГА РФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 82. Л. 28.

1569.

Секретная телеграмма действительного статского советника Вебера. Сеул, 27 сентября 1895 г. // АВПРИ. Фонд Японский стол. Оп. 494. 1895–1896 гг. Д. 6. Л. 57.

1570.

Дневник графа В.Н. Ламздорфа за 1895 г. Вложение в дневник // ГА РФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 42. Л. 137.

1571.

Записка полковника Путяты о Корее от 6 ноября 1897 г. [Копия] // АВПРИ. Ф. 150. Японский стол. Оп. 493. 1898 г. Д. 8. Л. 332.

1572.

АВПРИ. Ф. 191. Миссия в Сеуле. Оп. 768. Д. 6. Л. 91.

1573.

Боровской Г.В. Россия и Корея: обзор церковных связей // Миссионерское обозрение, № 3, 2004.

1574.

Больбух А.В. Н.Г. Гарин-Михайловский на Дальнем Востоке // Дальний Восток. 1973. № 4. С. 142–145.

1575.

История дипломатии. Т. 2. С. 137–144.

1576.

Сборник договоров России с другими государствами. 1856–1917. М., 1952. С. 292–294.

1577.

Конспект Всеподданнейшего доклада графа В.Н. Ламздорфа 4 ноября 1897 г. // Красный архив. Исторический журнал. М., 1932, № 3(52). С. 102.

1578.

Лукоянов И.В. «Не отстать от держав...». Россия на Дальнем Востоке в конце XIX – начале XX вв. СПб.: Нестор-история, 2008. С. 307–308.

1579.

Конспект всеподданнейшего доклада В.Н. Ламздорфа. 4 ноября 1897 г. // ГА РФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 58. Л. 64.

1580.

Цит. по: Лукоянов И.В. Порт-Артур в политике России (конец XIX в.) // Вопросы истории. № 4. 2008.

1581.

Витте С.Ю. Воспоминания. Т. 2. С. 112.

1582.

Куропаткин А.Н. Русско-японская война, 1904–1905: Итоги войны. СПб.: Полигон, 2002.

1583.

Записка генерала А.Н. Куропаткина Императору Николаю II // ГА РФ. Ф.601. Оп. 1. Д. 514. Л. 14.

1584.

Дневник А. Н. Куропаткина // Красный архив. Исторический журнал.

1585.

Там же.

1586.

Цит. по: Галенин Б. Цусима – знамение конца русской истории. Скрываемые причины общеизвестных событий. М.: Крафт, 2009. Т. 1. С. 692.

1587.

Ольденбург С.С. Указ. соч. С. 98.

1588.

Докладная записка министра иностранных дел графа В.Н. Ламздорфа Императору Николаю II. // Красный архив. Исторический журнал. Т. 2 (63). М., 1934. С. 53.

1589.

Галенин Б.Г. Цусима – знамение конца русской истории. Т. 1. С. 327.

1590.

Морской министр адмирал П.П. Тыртов – вице-адмиралу Ф.В. Дубасову. [С резолюцией Императора Николая II.] // РГА ВМФ. Ф. 417. Оп. 1. Д. 1710. Л. 79.

1591.

Сборник договоров России с другими государствами. 1856–1917. С. 157.

1592.

Резолюция Императора Николая II на донесении контр-адмирала Ф.В. Дубасова из Порт-Артура. 16 марта 1898 г. // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 716. Л. 1.

1593.

Император Николай II – Великому Князю Георгию Александровичу // ГА РФ. Ф. 675. Оп. 1. Д. 56. Л. 100.

1594.

Телеграмма контр-адмирала Ф.В. Дубасова управляющему Морским министерством вице-адмиралу П.П. Тыртову. 24 марта 1898 г. [с резолюцией Императора Николая II] // Русско-японская война 1904–1905 гг. Действия флота. Документы. Отдел 1. Книга 2. Занятие Порт-Артура и Квантунской области. СПб.: Издание исторической комиссии по описанию действий флота в войну 1904–1905 гг., 1912. № 314.

1595.

Извещение контр-адмирала Ф.В. Дубасова // Русско-японская война 1904–1905 гг. № 367.

1596.

Цит. по: Шишов А.В. Россия и Япония. История военных конфликтов. М.: Вече, 2001. С. 50.

1597.

Конспект Всеподданнейшего доклада графа В.Н. Ламздорфа, 16 ноября 1897 // ГА РФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 58. Л. 77–78.

1598.

Записки, депеши и письма без подписей, адресованные Императору Николаю II о политике России на Дальнем

Востоке, в Китае и Монголии // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 700.
Л. 5.

1599.

Там же. Л. 1.

1600.

Там же. Л. 5.

1601.

Витте С.Ю. Воспоминания. Т. 2. С. 140.

1602.

Записки, депеши и письма без подписей, адресованные Николаю II и С.Ю. Витте о политике России на Дальнем Востоке в Китае и Монголии // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 700.
Л. 13.

1603.

Записка Великого Князя Александра Михайловича Императору Николаю II. 5 марта 1899 г. // ГА РФ. Ф. 601.
Оп. 1. Д. 720. Л. 1.

1604.

Там же. Л. 1–2.

1605.

Павлов Д. Русско-японская война 1904–1905 гг. М.: Материк, 2004. С. 274.

1606.

Переписка В.Н. Ламздорфа с русскими посланниками в Японии [копии] // ГА РФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 180. Л. 22.

1607.

А.М. Безобразов – графу В.Н. Ламздорфу. 8 августа 1903 г. // ГА РФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 320. Л. 7.

1608.

Записка А.М. Безобразова по задачам на Дальнем Востоке, приложенной к письму В.Н. Ламздорфу от 8 августа 1903 г. // ГА РФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 320. Л. 9.

1609.

Герасимович Л.К. А.М. Позднеев (1851– 1920) // Российские монголоеды (XVIII – начало XX в.). Улан-Удэ, 1997. С. 79–86.

1610.

Вашурина З.П., Шишканов А.И. Родословная военных переводчиков // Независимое военное обозрение. 19.05.2000.

1611.

L. Montebello à T. Delcassé. 8 juillet 1900. // DDF. 1-ère série.
T. XVI. P. 330.

1612.

Император Николай II – королеве Виктории // ГА РФ. Ф. 601.
Оп. 1. Д. 1111. [на англ. яз.].

1613.

Барон Е.Е. де Стааль – графу М.Н. Муравьеву. // ГА РФ. Ф.
568. Оп. 1. Д. 82. Л. 19.

1614.

Записки, депеши и письма без подписей, адресованные
Николаю II и С.Ю. Витте о политике России на Дальнем
Востоке // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 700. Л. 13.

1615.

ГА РФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 39. Л. 77.

1616.

Там же.

1617.

Записка министра иностранных дел графа В.Н. Ламздорфа

Императору Николаю II. 22 ноября 1901 г. // Красный архив. Исторический журнал. М., 1934. С. 30.

1618.

Записка Великого князя Александра Михайловича Императору Николаю II. 5 марта 1899 г. // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 720. Л. 1–2.

1619.

Депеша посланника в Токио А.П. Извольского графу В.Н. Ламздорфу 18 декабря 1900 г. // Красный архив. Исторический журнал. М, 1934. С. 7.

1620.

Романов Б.А. Очерки дипломатической истории Русско-японской войны (1895–1907). С. 16.

1621.

Шишов А.В. Указ. соч. С. 52.

1622.

История дипломатии. Т. 2. С. 537.

1623.

British Documents. Vol. II. № 237, 238.

1624.

British Documents. Vol. II. № 254.

1625.

MAE, Correspondance politique et commerciale. V. 35.
Alliance franco-russe. 1892–1904.

1626.

British Documents. Vol. IV. P. 186–188.

1627.

P. Cambon à T. Delcassé // DDF. Vol. IV. № 246.

1628.

Die Große Politik. 19. Band. № 5929.

1629.

АВПРИ. Фонд Канцелярии, 1903 г.

1630.

L'Empereur Nicolas II au Président E. Loubet. 28 oct. 1901 // AN. Fonds Emile Loubet, AP 473/7.

1631.

Писчикова Н.П. Финансовая помощь России и Японии со стороны США в 1904–1905 гг. // Известия Российского

государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. № 43-1. Т. 17. 2007. С. 272.

1632.

История дипломатии. Т. 2. С. 153.

1633.

По разнородной переписке // РГИА. Ф. 560. Оп. 26. Д. 326. Л. 163–164.

1634.

Лукоянов И. Последние русско-японские переговоры перед войной 1904–1905 гг. (взгляд из России) // Acta Slavica Japonica. №. 23, 2006. С. 1–36.

1635.

Дневник А.Н. Куропаткина. С. 47.

1636.

Там же. С. 93.

1637.

Московенко М.В. Государство Российское и флот. М.: Изд-во «Акционер и К°», 2003. С. 190.

1638.

Шишов А.В. Указ. соч. С. 49.

1639.

Нота С. Курино В.Н. Ламздорфу. 20 июля 1903 г. // АВП РИ. Фонд Канцелярии.

1640.

В.Н. Ламздорф – Р.Р. Розену 17 мая 1903 г. // АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 1519. Л. 133, 139.

1641.

Лукоянов И. Последние русско-японские переговоры перед войной 1904–1905 гг. (Взгляд из России) // Acta Slavica Japonica, Tomus 23. С. 18.

1642.

Император Николай II – графу В.Н. Ламздорфу. 20 декабря 1903 г. // ГА РФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 661. Л. 95.

1643.

Телеграмма генерал-адъютанта Е.И. Алексеева на Имя Его Императорского Величества из Порт-Артура. 3 января 1904 г. // ГА РФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 661. Л. 160.

1644.

Резолюция Императора Николая II на записке В.Н.

Ламздорфа о письме адмирала Е.И. Алексеева. // ГА РФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 661. Л. 50.

1645.

Дневник А.Н. Куропаткина. С. 93.

1646.

Там же. С. 144.

1647.

Император Николай II – Великому Князю Сергею Александровичу. 27 декабря 1903 г. // ГА РФ. Ф. 648. Оп. 1. Д. 70. Л. 78.

1648.

Из истории Русско-японской войны 1904–1905 гг.: Сборник материалов к 100-летию со дня окончания войны. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2005. С. 40.

1649.

Император Николай II – барону Р.Р. Розену // АВПРИ. Ф. 150. Оп. 493. Д. 189. Л. 113.

1650.

Дневник А.Н. Куропаткина. С. 116.

1651.

Из истории русско-японской войны 1904–1905 гг. С. 42.

1652.

Игнатьев А.В. Последний Царь и внешняя политика // Вопросы истории. 2001. № 6. С. 3–24.

1653.

Телеграммы министра иностранных дел, русских посланников в Японии и Китае // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 514. Л. 24.

1654.

Император Николай II – графу В.Н. Ламздорфу. 21 января 1904 г. // ГА РФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 661. Л. 77.

1655.

Дневник А.Н. Куропаткина. С. 123.

1656.

Лукоянов И. Последние русско-японские переговоры перед войной 1904–1905 гг. (Взгляд из России) // Acta Slavica Japonica, Tomus 23.

1657.

Император Николай II – графу В.Н. Ламздорфу. 21 января

1904 г. // ГА РФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 661. Л. 77.

1658.

Р.Р. Розен – в МИД 20 июня/3 июля 1903 г. // АВПРИ. Ф. 150. Оп. 493. Д. 188. Л. 65–66.

1659.

Император Николай II – графу В.Н. Ламздорфу // ГА РФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 661. Л. 83.

1660.

Телеграммы министра иностранных дел, русских посланников в Японии и Китае, журнал Особого совещания и другие документы, относящиеся к переговорам с Японией перед Русско-японской войной. [Копии] // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 514. Л. 63.

1661.

Граф А.П. Кассини – графу В.Н. Ламздорфу. 5/18 января 1904 г. // ГА РФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 180. Л. 161.

1662.

Дневник А.Н. Куропаткина. С. 128.

1663.

Дневник Императора Николая II. Запись за 26 января

1904 г. // ГАРФ. Ф. 600. Оп. 1. Д. 247. Л. 18.

1664.

Дневник А.Н. Куропаткина. С. 128.

1665.

Там же. С. 131.

1666.

Там же. С. 132.

1667.

Ольденбург С.С. Указ. соч. С. 102.

1668.

Дневники Императора Николая II. 1894–1918 // Т. 1. 1894–1904. Запись за 27 января 1904 г.

1669.

Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. Том XXIV. 1904 г. Отделение 1. № 23936. С. 78. СПб., 1907.

1670.

Дневники Императора Николая II. 1894–1918. Т. 1. 1894–1904. Запись 30 января 1904 г. С. 787.

1671.

Там же..

1672.

Буксгевден Софья, баронесса. Жизнь и трагедия Александры Федоровны, Императрицы России. С. 119–120.

1673.

Там же... С. 121.

1674.

Император Николай II – Императору Вильгельму II. 19 мая 1904 г. // Переписка Николая II с Вильгельмом II. С. 329.

1675.

Дневники Императора Николая II. 1894–1918. Т. 1. 1894–1904. С. 788.

1676.

Дневники Императора Николая II. 1894–1918. Т. 1. 1894–1904. Запись за 4 февраля 1904 г. С. 788.

1677.

Островский Б. Степан Осипович Макаров. Л.: Молодая Гвардия, 1971. С. 112.

1678.

Дневники Императора Николая II. 1894–1918. Т. 1. 1894–1904. С. 788.

1679.

Высочайший рескрипт на имя генерал-адъютанта А.Н. Куропаткина // Летопись войны с Японией. СПб., 1904. № 1. С. 17–18.

1680.

Телеграммы министра иностранных дел, русских посланников в Японии и Китае, журнал Особого совещания и другие документы, относящиеся к переговорам с Японией перед Русско-японской войной. [Копии] // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 514. Л. 24.

1681.

Никольский Е. А. Записки о прошлом. М.: Русский путь, 2007. С. 87–89.

1682.

Генерал А.Н. Куропаткин – Императору Николаю II // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 514. Л. 21.

1683.

Там же. Л. 23.

1684.

Генерал В.В. Сахаров – Императору Николаю II // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 514.

1685.

Дневники Императора Николая II. 1894–1918. Т. 1. 1894–1904. Запись от 31 марта 1904 г. С. 797.

1686.

Великий Князь Владимир Александрович настаивал перед Государем на немедленной отправке своего сына Кирилла за границу для отдыха и заграничного лечения. Это произвело на Николая II тяжёлое впечатление: «Уезжать теперь за границу!» (Дневники Императора Николая II. 1894–1918. Т. 1. 1894–1904. Запись от 30 апреля 1904 г. С. 802).

1687.

Император Николай II – Великому Князю Николаю Михайловичу // ГА РФ. Ф. 670. Оп. 1. Д. 193. Л. 1.

1688.

Дневники Императора Николая II. 1894–1918. Т. 1. 1894–1904. С. 788.

1689.

Летопись войны с Японией. № 6. С. 103.

1690.

Дневники Императора Николая II. 1894–1918. Т. 1. 1894–1904. Запись за 16 апреля 1904 г. С. 800.

1691.

Телеграмма Императора Николая II генерал-адъютанту А.Н. Куропаткину 3 апреля 1904 г. // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 522. Л. 3.

1692.

Дневники Императора Николая II. 1894–1918. Т. 1. 1894–1904. Запись за 21 апреля 1904 г. С. 801.

1693.

Телеграмма Императора Николая II главнокомандующему Маньчжурской армии генералу А.Н. Куропаткину // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 522. [б/н.]

1694.

Шефов Н. Битвы России. Военно-историческая библиотека. М., 2002.

1695.

Третьяков Н.А. 5-й Восточно-Сибирский стрелковый полк на Кинджоу и в Порт-Артуре. СПб., 1909.

1696.

Дневники Императора Николая II. 1894–1918. Т. 1. 1894–1904. Запись за 17 мая 1904 г. С. 805.

1697.

Крестьянинов В.Я. Минные заградители типа «Амур» (1895–1941). СПб.: Издатель ООО ИТД «ЛеКа», 2008.

1698.

Дневники Императора Николая II. 1894–1918. Т. 1. 1894–1904. Запись за 7 июня 1904 г. С. 809.

1699.

Дневники Императора Николая II. 1894–1918. Т. 1. 1894–1904. Запись за 20 июня 1904 г. С. 810.

1700.

Дневники Императора Николая II. 1894–1918. Т. 1. 1894–1904. Запись за 27 июня 1904 г. С. 812.

1701.

Пензенские епархиальные ведомости. № 14. 1904. 16 июля.

Часть неоф. С. 519–524.

1702.

Пензенские губернские ведомости. № 138. 1909. 2 июля.
Часть неоф. С. 3.

1703.

Саратовские губернские ведомости. № 51. 4 июля. 1904 г.
Часть неоф. С. 4.

1704.

Пензенские губернские ведомости. № 199. 1904. 21 июля. С.
3.

1705.

Антипин Н.А., Семенов В.Г. Русско-японская война // Челябинская область: энциклопедия: В 7 т. / Гл. ред. К.Н. Бочкарев. Т. 5. Челябинск, 2006. С. 661–663.

1706.

Дневники Императора Николая II. 1894–1918. Т. 1. 1894–1904. Запись за 30 июня 1904 г. С. 812–813.

1707.

Дневники Императора Николая II. 1894–1918. Т. 1. 1894–1904. Запись за 3 июля 1904 г. С. 813.

1708.

Император Николай II – генералу А.Н. Куропаткину 19 мая 1904 г. // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 522.

1709.

Император Николай II – адмиралу Е.В. Алексееву 22 мая 1904 г. // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 522. Л. 8.

1710.

Император Николай II – адмиралу Е.В. Алексееву 7 июня 1904 г. // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 522. Л. 10.

1711.

Император Николай II – адмиралу Е.В. Алексееву 8 июля 1904 г. // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 522. Л. 11.

1712.

Император Николай II – адмиралу Е.В. Алексееву 27 июля 1904 г. // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 522. Л. 16.

1713.

Русско-японская война 1904–1905 гг. Т. 3. Ч. 2. С. 257–270.

1714.

Дневники Императора Николая II. 1894–1918. Т. 1. 1894–

1904. Запись за 21 августа 1904 г. С. 821.

1715.

Керсновский А.А. История Русской армии. Т. 1–4. М.: Голос, 1994. Т. 3. С. 145.

1716.

Зимин И. Повседневная жизнь Российского Императорского Двора. Детский мир Императорских резиденций. С. 29.

1717.

Танеева (Вырубова) А.А. Страницы моей жизни // Верная Богу, Царю и Отечеству. С. 23.

1718.

Подчеркнуто Государем. – П. М.

1719.

Дневники Императора Николая II. 1894–1918. Т. 1. 1894–1904. Запись за 30 августа 1904 г. С. 817.

1720.

С апреля 1905 г. генерал-майор.

1721.

Раух Г.О. 30 июля 1904 года // Возрождение. № 436. Париж,

1926. 12 августа. С. 2.

1722.

Савченко П. Светлый отрок // Сборник воспоминаний о святом Царственному мученике Цесаревиче Алексии. М.: Ладан, 2001. С. 6.

1723.

Высочайший манифест // Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. Том XXIV. 1904 г. Отделение 1. № 24986. С. 832. СПб., 1907.

1724.

Высочайший манифест // Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. Том XXIV. 1904 г. Отделение 1. № 24995. С. 838–839. СПб., 1907.

1725.

Зимин И. Повседневная жизнь Российского Императорского Двора. Детский мир Императорских резиденций. С. 29.

1726.

Император Николай II – Великой Княгине Милице Николаевне // ГА РФ. Ф. 669. Оп. 1. Д. 94. Л. 1–3.

1727.

Большая медицинская энциклопедия. В 35 томах / Под ред. Н.А. Семашко. М.: Государственное словарно-энциклопедическое издательство «Советская энциклопедия», 1929. Т. 7.

1728.

Дневники Императора Николая II. 1894–1918. Т. 1. 1894–1904. Запись за 3 августа 1904 г. С. 818.

1729.

Буксгевден Софья, баронесса. Жизнь и трагедия Александры Федоровны, Императрицы России.

1730.

Великая Княжна Ольга Николаевна.

1731.

Великая Княжна Татьяна Николаевна.

1732.

Княжна Императорской крови Ирина Александровна (1895–1970), дочь Великого Князя Александра Михайловича и Великой Княгини Ксении Александровны. Будущая супруга князя Ф.Ф. Юсупова, графа Сумарокова-Эльстона.

1733.

Дневники Императора Николая II. 1894–1918. Т. 1. 1894–1904. Запись за 11 августа 1904 г. С. 819.

1734.

Гавриил Константинович, князь. Указ. соч. С. 112.

1735.

Митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский Антоний (Вадковский) (1846–1912).

1736.

Дневник князя Олега Константиновича // ИРЛИ РАН (Пушкинский Дом). Ф. 214. Д. 2. Л. 5.

1737.

Буксгевден Софья, баронесса. Жизнь и трагедия Александры Федоровны, Императрицы России.

1738.

Там же.

1739.

Императрица Александра Феодоровна – Императору Николаю II // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1148. Л. 77.

1740.

Дневники Императора Николая II. 1894–1918. Т. 1. 1894–1904. Запись за 8 сентября 1904 г. С. 824.

1741.

Дневники Императора Николая II. 1894–1918. Т. 1. 1894–1904. Запись за 9 сентября 1904 г. С. 824.

1742.

Дневники Императора Николая II. 1894–1918. Т. 1. 1894–1904. Запись за 11 сентября 1904 г. С. 824.

1743.

Танеева (Вырубова) А.А. Страницы моей жизни. Париж, 1922. С. 98.

1744.

Зимин И. Повседневная жизнь Российского Императорского Двора. Детский мир Императорских резиденций. С. 167.

1745.

Цит. по: Зимин И. Повседневная жизнь Российского Императорского Двора. Детский мир Императорских резиденций.

1746.

Неопубликованные воспоминания А.А. Вырубовой // Новый

журнал. Нью-Йорк, 1978. Кн. 130. С. 117.

1747.

Танеева (Вырубова) А.А. Страницы моей жизни.

1748.

Император Николай II – генерал-лейтенанту А.М. Стесселю // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 522. Л. 14.

1749.

Колчигин Б., Разин Е. Оборона Порт-Артура в Русско-японскую войну 1904–1905 гг. М.: Воениздат НКО СССР, 1939.

1750.

Генерал А.М. Стессель – Императору Николаю II. 24 августа 1904 г. // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 516. Л. 46.

1751.

Генерал А.М. Стессель – Императору Николаю II. 10 сентября 1904 г. // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 516. Л. 120.

1752.

Дневники Императора Николая II. 1894–1918. Т. 1. 1894–1904. Запись за 21 сентября 1904 г. С. 826.

1753.

Генерал А.М. Стессель – Императору Николаю II. 15 ноября 1904 г. // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 516. Л. 131.

1754.

Генерал А.М. Стессель – Императору Николаю II. 19 ноября 1904 г. // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 516. Л. 132.

1755.

Генерал А.М. Стессель – Императору Николаю II. 23 ноября 1904 г. // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 516. Л. 133.

1756.

Генерал А.М. Стессель – Императору Николаю II. 3 декабря 1904 г. // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 516. Л. 126.

1757.

Генерал А.М. Стессель – Императору Николаю II. 20 декабря 1904 г. // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 516. Л. 145.

1758.

Дневники Императора Николая II. 1894–1918. Т. 1. 1894–1904. Запись за 21 декабря 1904 г. С. 839.

1759.

ГА РФ. Ф. 601. Оп.1.Д. 514. Л. 32.

1760.

Зыкин Д. Спасти генерала Стесселя // Однако // <http://www.odnako.org/>

1761.

Дневники Императора Николая II. 1894–1918. Т. 2. 1905–1918. Ч. 1. 1905–1913. Запись за 17 января 1905 г. С. 16.

1762.

Приказ по армии и флоту // Летопись войны с Японией. 1905. № 41. С. 791.

1763.

Пасхальное поздравление Императора Николая II русским унтер-офицерам, нижним чинам и морякам, взятым в плен в Порт-Артуре // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 522. Л. 59.

1764.

Россия и СССР в войнах XX века. Потери вооружённых сил. Статистическое исследование. М.: Олма-Пресс, 2011. С. 51.

1765.

Дневники Императора Николая II. 1894–1918. Т. 2. 1905–1918. Ч. 1. 1905–1913. Запись за 25 февраля 1905 г. С. 22.

1766.

Император Николай II – генералам А.Н. Куропаткину и Н.П. Линевичу 22 мая 1904 г. // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 522.

1767.

Император Николай II – генералам А.Н. Куропаткину и Н.П. Линевичу 22 мая 1904 г. // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 522. Л. 37.

1768.

Русско-японская война 1904–1905 гг. Работа исторической комиссии по описанию действий флота в войну 1904–1905 гг. при Морском Главном Штабе. Т. 3. Пг., 1915.

1769.

Золотарёв В.А., Козлов И.А. Три столетия Российского флота, XIX – начало XX века. М.: АСТ; СПб.: Полигон, 2004.

1770.

Шишов А.В. Россия и Япония. История военных конфликтов. С. 314.

1771.

Дневники Императора Николая II. 1894–1918. Т. 2. 1905–1918. Ч. 1. 1905–1913. Запись за 26 марта 1905 г. С. 27.

1772.

Золотарев В.А., Козлов И.А. Указ. соч. С. 586.

1773.

Дневники Императора Николая II. 1894–1918. Т. 2. 1905–1918. Ч. 1. 1905–1913. Запись за 16 мая 1905 г. С. 35.

1774.

Дневники Императора Николая II. 1894–1918. Т. 2. 1905–1918. Ч. 1. 1905–1913. Запись за 17 мая 1905 г. С. 35.

1775.

Дневники Императора Николая II. 1894–1918. Т. 2. 1905–1918. Ч. 1. 1905–1913. Запись за 18 мая 1905 г. С. 35.

1776.

Дневники Императора Николая II. 1894–1918. Т. 2. 1905–1918. Ч. 1. 1905–1913. Запись за 19 мая 1905 г. С. 36.

1777.

Воррес Й. Указ. соч. С. 126.

1778.

Император Николай II – генерал-адъютанту вице-адмиралу З.П. Рожественскому // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 522. Л. 40.

1779.

Высочайший рескрипт на имя Великого Князя Алексея Александровича // Летопись войны с Японией. № 62. С. 1245.

1780.

Строевой рапорт командующего 2-й эскадрой флота Тихого океана вице-адмирала Рожественского в Морское министерство. 15 октября 1904 г. // Павлов Д. Русско-японская война 1904–1905 гг. Секретные операции на суше и на море. М.: Материк, 2004. С. 389.

1781.

Там же. С. 390.

1782.

Всеподданнейшая записка министра внутренних дел князя П.Д. Святополка-Мирского от 18 ноября 1904 г. // Павлов Д. Указ. соч. С. 396.

1783.

Там же. С. 399.

1784.

Connaughton R.-M. Rising Sun and Tumbling Bear: Russia's

War with Japan. Cassel, 2007. P. 247.

1785.

Император Николай II – графу В.Н. Ламздорфу. 15 января 1905 г. // ГА РФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 661. Л. 102.

1786.

Павлов Д. Указ. соч. С. 98.

1787.

Там же. С. 99.

1788.

Теплов В. Происшествие в Северном море // Русский вестник. 1905 г. Март № 3.

1789.

Император Николай II – графу В.Н. Ламздорфу. 15 января 1905 г. // ГА РФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 661. Л. 106.

1790.

Теплов В. Происшествие в Северном море // Русский вестник. 1905 г. Март № 3.

1791.

Данилов О.Ю. Пролог «великой войны». 1904–1914 гг. Кто

и как втягивал Россию в мировой конфликт. М.: Поколение, 2010. С. 35.

1792.

Данилов О.Ю. Указ. соч. С. 36.

1793.

Граф В.Н. Ламздорф – А.И. Нелидову // ГА РФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 150. Л. 74.

1794.

Доклад военного агента полковника В.П. Лазарева. 24 октября 1904 г. // РГВИА. Ф. 440. Оп. 1. Д. 209.

1795.

Тарле Е.В. Европа в эпоху империализма: 1871–1919 // Тарле Е.В. Собрание сочинений в 12 т. Т. 8. М.: Изд. Академии наук СССР, 1958. С. 145.

1796.

Романов Б.А. Очерки дипломатической истории Русско-японской войны (1895–1907). М.–Л.: Издательство Академии наук СССР, 1947. С. 375.

1797.

Шацилло В. Первая мировая война 1914–1918. Факты,

документы. М.: Олма-Пресс, 2003. С. 110.

1798.

Извольский А.П. Воспоминания. Пер. с англ. А. Сперанского. Пг.–М.: Петроград, 1924. С. 45.

1799.

Цит. по: Тарле Е.В. Европа в эпоху империализма. С. 145.

1800.

Романов Б.А. Указ. соч. С. 369.

1801.

Император Вильгельм II – Императору Николаю II. 14 октября 1904 г. // Красный архив. Исторический журнал. М., 1924. Т 5. С. 5–6.

1802.

Император Николай II – императору Вильгельму II. Не позднее 16 октября 1904 г. // Переписка Николая II с Вильгельмом II. С. 341–342.

1803.

Доклад графа В.Н. Ламздорфа Императору Николаю II. 16 октября 1904 г. // Красный архив. Исторический журнал. М., 1924. Т. 5. С. 6.

1804.

Доклад графа В.Н. Ламздорфа Императору Николаю II. 16 октября 1904 г. // Красный архив. Исторический журнал. М., 1924. Т. 5. С. 7.

1805.

Помета Императора Николая II на докладе графа В.Н. Ламздорфа // Красный архив. Исторический журнал. М., 1924. Т. 5. С. 6.

1806.

Император Вильгельм II – Императору Николаю II. 17/30 октября 1904 г. // Переписка Николая II с Вильгельмом II. М., 2007. С. 342.

1807.

Там же. С. 343.

1808.

Там же. С. 344.

1809.

Красный архив. Исторический журнал. М., 1924. Т. 5. С. 6.

1810.

Проект договора 17/30 октября 1904 г. // Переписка Николая II с Вильгельмом II. С. 345.

1811.

Император Николай II – графу В.Н. Ламздорфу. 20 октября/2 ноября 1904 г. // Красный архив. Исторический журнал. Т. 5. С. 12–13.

1812.

Доклад графа В.Н. Ламздорфа Императору Николаю II 22 октября 1904 г. // Красный архив. Исторический журнал. Т. 5. С. 13.

1813.

Красный архив. Исторический журнал. Т. 5. С. 13.

1814.

Телеграмма Императора Николая II императору Вильгельму II // Переписка Николая II с Вильгельмом II. С. 354.

1815.

Die Große Politik, 19. Bd. Т. 1, № 6126. S. 408.

1816.

Император Вильгельм II – Императору Николаю II. 13/26 ноября 1904 г. // Переписка Николая II с Вильгельмом II. С.

355.

1817.

Там же.

1818.

P. Cambon à T. Delcassé // DDF. 2-ème série. Vol. V. P. 475–476.

1819.

Декларация // Летопись войны с Японией. 1904. № 37. С. 211.

1820.

История дипломатии / Под ред. академика В.П. Потёмкина. 3 т. М.: ОГИЗ, 1945. Т. 2. С. 568.

1821.

Zorgbibe (Charles). Delcassé. L'inconnu du Quai d'Orsay. Paris: Olbia Eds, 2001. P. 108.

1822.

Renouvin (Pierre). La crise Européenne (1904-1914) et la Grande Guerre. Paris, 1939. P. 71–72.

1823.

1824.

Hamann (O.) Zur Vorgeschichte des Weltkrieges. Berlin, 1919. S. 214.

1825.

MAE, 12–15. Négociations secrètes. Janvier 1902 – novembre 1905. Agent Barrère. 2. (microfilm). Lettres de Barrère. La chute de Delcassé.

1826.

Das Telegramm des Kaisers an den Zar. 18 juli 1905 // Die Große Politik. 19. Bd. № 6202. S. 435.

1827.

Der Reichskanzler Fürst von Bülow, z. Z. in Norderney, an das Auswärtige Amt // Die Große Politik. 19. Bd. № 6202. S. 435.

1828.

Император Николай II – графу В.Н. Ламздорфу 8 июня 1905 г. // ГА РФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 661. Л. 112.

1829.

Извольский А.П. Воспоминания. Пер. с англ. А. Сперанского. Пг.–М.: Петроград, 1924. С. 44.

1830.

Там же. С. 43.

1831.

Мольтке Г., фон. Русские письма. Пер. с нем. М.Ю. Некрасова. СПб.: Изд-во им. Н.И. Новикова, 2008. С. 137.

1832.

Извольский А.П. Указ. соч. С. 43.

1833.

АВПРИ. Фонд Секретный архив, 1904 г. Д. 224/225. Л. 60.

1834.

Романов Б.А. Очерки дипломатической истории Русско-японской войны (1895–1907). М.-Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1947. С. 366.

1835.

Там же.

1836.

Император Вильгельм II – Императору Николаю II. 13 июня 1905 г. // Переписка Николая II с Вильгельмом II. С. 379.

1837.

Jusserain à Delcassé // DDF. 3-série. P. 38.

1838.

Die Große Politik. 19. Bd. № 6285.

1839.

Витте С.Ю. Воспоминания. С. 34.

1840.

AN, AP 473/7 Fonds Loubet, Alliance Franco-Russe, Guerre russo-japonaise.

1841.

Витте С.Ю. Воспоминания. Т. 1. С. 381.

1842.

Император Николай II – императору Вильгельму II. [б/д] // Переписка Николая II с Вильгельмом II. С. 400.

1843.

Император Вильгельм II – Императору Николаю II. 29 сентября 1905 г. // Переписка Николая II с Вильгельмом II. С. 402.

1844.

Сахаров А.Н. Размышления о Русско-японской войне 1904–1905 гг. // Вопросы истории. 2007. № 4.

1845.

Император Николай II – генералу Н.П. Линевичу // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 522. Л. 37.

1846.

Коковцов В.Н., граф. Из моего прошлого. Воспоминания 1903–1919. 2 т. Париж: Издание журнала «Иллюстрированная Россия», 1933. Т. 1. С. 69.

1847.

Коковцов В.Н. Указ. соч. С. 76.

1848.

Там же.

1849.

Летопись войны с Японией. № 69. С. 1370.

1850.

Конец Русско-японской войны // Красный архив. Исторический журнал. М., 1928. № 3(28). С. 200.

1851.

Менделеев Д.И. Указ. соч. С. 204.

1852.

Ольденбург С.С. Указ. соч. С. 201.

1853.

Там же.

1854.

Die Große Politik. Bd. 19/II. S. 425.

1855.

Уткин А. Теодор Рузвельт. Политический портрет. Свердловск: Издательство Свердловского университета, 1989. С. 166.

1856.

Dennett (T.) Roosevelt and the Russo-Japanese War. New York, 1925. P. 210–211.

1857.

Романов Б.А. Указ. соч. С. 379.

1858.

Уткин А. Теодор Рузвельт. С. 170.

1859.

Там же.

1860.

Витте С.Ю. Воспоминания. Т. 1. С. 324.

1861.

Там же.

1862.

Коковцов В.Н. Указ. соч. С. 77.

1863.

Витте С.Ю. Воспоминания. Т. 1. С. 324.

1864.

Романов Б.А. Указ. соч. С. 461.

1865.

Сахаров А.Н. Размышления о Русско-японской войне 1904–1905 гг. // Вопросы истории. 2007. № 4.

1866.

Там же.

1867.

Романов Б.А. Указ. соч. С. 461.

1868.

Император Вильгельм II – Императору Николаю II. 7/20 августа 1905 г. // Переписка Николая II с Вильгельмом II. С. 385–386.

1869.

Император Николай II – Императору Вильгельму II // Переписка Николая II с Вильгельмом II. С. 387.

1870.

Ольденбург С.С. Указ. соч. С. 210.

1871.

Цит. по: Лукоянов И.В. Портсмутский мир // Вопросы истории. 2007. № 2. С. 16–33.

1872.

Ольденбург С.С. Указ. соч. С. 219.

1873.

Император Николай II – графу В.Н. Ламздорфу. 12 августа 1905 г. // ГА РФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 661. Л. 117–117а.

1874.

Лукоянов И.В. Портсмутский мир // Вопросы истории. 2007. № 2. С. 16–33.

1875.

Сахаров А.Н. Размышления о Русско-японской войне 1904–1905 гг. // Вопросы истории. 2007. № 4.

1876.

Ольденбург С.С. Указ. соч. С. 211.

1877.

Там же. С. 213.

1878.

Всеподданнейшая телеграмма статс-секретаря Витте 16 августа 1905 г. // Летопись войны с Японией. № 73. С. 1444.

1879.

Император Николай II – генералу Н.П. Линевичу 21 августа 1905 г. // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 522. Л. 46.

1880.

Дневник Императора Николая II. 1894– 1918. Т. 2. Ч. 1. 1905–1913. Запись за 17 августа 1905 г. С. 53.

1881.

Там же. Запись за 18 августа 1905 г. С. 53.

1882.

Коковцов В.Н. Указ. соч. С. 79.

1883.

Лукоянов И.В. Портсмутский мир // Вопросы истории. 2007. № 2. С. 16–33.

1884.

Высочайший рескрипт на имя председателя Комитета министров статс-секретаря графа Витте // Летопись войны с Японией. 1905. № 79. С. 1540.

1885.

Император Николай II – С.Ю. Витте // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 522. Л. 76.

1886.

Витте С.Ю. Воспоминания. Т. 1. С. 386.

1887.

Император Николай II – Вдовствующей Императрице Марии Феодоровне. 29 сентября 1905 г. // ГА РФ. Ф. 642. Оп. 1. Д. 2328. Л. 5.

1888.

Коковцов В.Н. Указ. соч. С. 77.

1889.

Высочайший Манифест об окончании войны с Японией // Ф. 601. Оп. 1. Д. 522.

1890.

Раш Кавад. Война за сердце России. (Уроки Цусимы) // <http://www.rospisatel.ru/voina>

1891.

Перегудова З.И. Политический сыск в России в 1880–1917. М.: РОССПЭН, 2000. С. 41.

1892.

Допрос С.П. Белецкого // Падение царского режима. (Стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства). Л.: ГИЗ, 1925. Т. 3.

1893.

А.А. Клопов – Императору Николаю II 25 января 1904 г. // Крылов В.М., Травин В.И. Указ. соч. С. 60.

1894.

Струков Д. Столыпин на пути к великой России. М.: Вече, 2012. С. 114.

1895.

Цит. по: Буксгевден Софья, баронесса. Жизнь и трагедия Александры Федоровны, Императрицы России. С. 197.

1896.

Струков Д. Указ. соч. С. 114–115.

1897.

Мосолов А.А. Указ. соч. С. 250.

1898.

Император Николай II – Вдовствующей Императрице Марии Феодоровне 22 сентября 1904 г. // ГА РФ. Ф. 642. Оп. 1. Д. 2328.

1899.

Шевякин А. Кто готовил развал СССР. М.: Алгоритм, 2014.

1900.

Шамбаров В.Е. Оккультные корни Октябрьской революции. М.: Алгоритм, 2006.

1901.

Caroll Quigley. The Anglo-American Establishment. New York. 1981.

1902.

Epiphanius. Мазоннерие et sectes secrites: le сфтй cachй de l'Histoire. Publications du «Courrier de Rome». Nouvelle edition 2005. P. 229.

1903.

The Times. 25 July 1925.

1904.

ГА РФ. Ф. 102 ОО ДП. 1905. Ч. 12.2 (2). Л. 40.

1905.

Иоанн, митрополит. Одоление смуты. Слово русскому народу. СПб.: Царское Дело, 1995. С. 23–24.

1906.

ГА РФ. Ф. 102 ОО ДП. 1905. Ч. 12. Д. 2 (1). Л. 44.

1907.

Там же. Д. 2 (2). Л. 43.

1908.

Грачёва Татьяна. Невидимая Хазария. Алгоритмы

геополитики и стратегии тайных войн мировой закулисы. Рязань, 2009. С. 10.

1909.

ГА РФ. Ф. 102 ДП ОО. 1905. Д. 12. Ч. 2.2. Л. 142.

1910.

Брачев В.С. Русское масонство XVIII–XX веков. СПб., 2000. С. 244.

1911.

Там же. С. 245.

1912.

Там же. С. 225.

1913.

ГА РФ. Ф. 102 ОО ДП. 1905. Ч. 12.2 (1). Л. 194.

1914.

Там же. Л. 176.

1915.

Там же. Л. 177.

1916.

Там же. Л. 194.

1917.

Старцев В.И. Тайны русских масонов. СПб.: Д.А.Р.К, 2004. С. 283.

1918.

Герасимов А.В. На лезвии с террористами. М.: Т-во русских художников, 1991. С. 98.

1919.

Герасимов А.В. Указ. соч. С. 98.

1920.

Проханов И.С. В котле России (1869–1933). Чикаго, 1992. С. 146.

1921.

Проханов И.С. Указ. соч. С. 148.

1922.

Уткин А. Японский бен-Ладен // Литературная газета, 19 мая 2004.

1923.

Там же.

1924.

В 1918–1935 гг. фактически диктатор Польского государства.

1925.

Павлов Д. Русско-японская война 1904–1905 гг. М.: Материк, 2004. С. 120.

1926.

Наш современник. 1992. № 9. С. 192.

1927.

Рябов Ю.А. Указ. соч. С. 135.

1928.

Платонов Олег. Указ. соч. С. 61.

1929.

Там же. С. 63.

1930.

Большая энциклопедия / Под ред. С.Н. Южакова. СПб., 1904. Т. 19. С. 101.

1931.

Бразоль Б.Л. Царствование Императора Николая II в цифрах и фактах (1894–1917). Нью-Йорк: Исполнительное бюро Общероссийского монархического фронта, 1959. С. 9.

1932.

Сейчас в черте города – проспект Обуховской обороны.

1933.

Бенуа А. Мои воспоминания. В пяти книгах. Кн. 4–5. М.: Наука, 1990.

1934.

Мосолов А.А. Указ. соч.

1935.

Дневники Императора Николая II. 1894–1918. Т. 2. Ч. 1. 1905–1913. Запись за 1 января 1905 г. С. 14.

1936.

Великий Князь Сергей Александрович – Великому Князю Константину Константиновичу 15 января 1905 г. // ГА РФ. Ф. 660. Оп. 2. Д. 255. Л. 129–130.

1937.

Витте С.Ю. Воспоминания. Т. 2. С. 355.

1938.

Богданович А.В. Указ. соч. С. 112.

1939.

Джунковский В.Ф. Воспоминания. 2 т. М.: Изд-во Сабашниковых, 1997. Т. 1.

1940.

Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. Том XXV. 1905 г. Отд. 1. № 25605. С. 1. СПб., 1908.

1941.

Ганелин Р.Ш. Указ. соч. С. 60.

1942.

Коковцов В.Н. Указ. соч. Т. 1. С. 46.

1943.

Там же.

1944.

Начало первой русской революции: документы и материалы / Отв. ред. Н.С. Трусов. М.: Изд-во АН СССР, 1955. С. 676.

1945.

Брачев В.С. Богатыри русского политического сыска. СПб.,

2002. С. 54.

1946.

П.И. Рачковский – генералу П.П. Гессе 29 декабря 1902 г. // Былое. Пг., 1918. № 2 (24). С. 213–215.

1947.

Жухрай В.М. Тайны царской охраны: авантюристы и провокаторы. М.: Политиздат, 1991. С. 65.

1948.

Брачев В.С. Богатыри русского политического сыска. С. 55.

1949.

Пайпс Р. Русская революция: В 3 кн. Кн. 1. Агония старого режима. 1905–1917. М.: Захаров, 2005. С. 23.

1950.

Витте С.Ю. Воспоминания. Т. 2. С. 167–169.

1951.

Герасимов А.В. Указ. соч. С. 36.

1952.

Сватигов С.Г. Русский политический сыск за границей. М., 2002. С. 138.

1953.

Карьера П.И. Рачковского // Былое. 1918. № 2. С. 78–80.

1954.

Дневники Императора Николая II. 1894–1918. Т. 1. 1894–1904. Запись за 15 июля 1904 г. С. 815.

1955.

Прайсман Л.Г. Террористы и революционеры, охранники и провокаторы. М.: РОССПЭН, 2001. С. 84–85.

1956.

Пайпс Р. Указ. соч. Кн. 1. С. 26.

1957.

Шипов Д.Н. Воспоминания и думы о пережитом. М.: Изд-во М. и С. Сабашниковых, 1918. С. 238–239.

1958.

Н.А. Демчинский – Императору Николаю II 2 июля 1902 г. // Российский архив. История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв.: Альманах. М.: Студия «Тритэ»; Рос. архив, 2005. [Т. XIV]. С. 605.

1959.

Кольшко И.И. Указ. соч. С. 67.

1960.

Суворин

1961.

Сухомлинов В.А. Указ. соч. С. 98.

1962.

Ганелин Р.Ш. Указ. соч. С. 7.

1963.

Там же. С. 8.

1964.

Крылова Е.Н. Петр Дмитриевич Святополк-Мирский и деятельность министерства внутренних дел // Автореф. дис.... канд. ист. наук. СПб., 2006.

1965.

Ганелин Р.Ш. Указ. соч. С. 9.

1966.

Смирнов А.Ф. Государственная Дума Российской Империи. 1906–1917. Историко-правовой очерк. М.: Книга-бизнес, 1998. С. 26.

1967.

Шипов Д.Н. Воспоминания и думы о пережитом. М., 1918.
С. 240.

1968.

Ганелин Р.Ш. Указ. соч. С. 12.

1969.

Там же.

1970.

Шипов Д.Н. Указ. соч. С. 261–263.

1971.

Крылова Е.Н. Петр Дмитриевич Святополк-Мирский и деятельность министерства внутренних дел // Автореф. дис.... канд. ист. наук. СПб., 2006.

1972.

Ганелин Р.Ш. Указ. соч. С. 21.

1973.

Павлов Н.А. Указ. соч. С. 52.

1974.

Крылова Е.Н. Петр Дмитриевич Святополк-Мирский и деятельность министерства внутренних дел // Автореф. дис.... канд. ист. наук. СПб., 2006.

1975.

Смирнов А.Ф. Указ. соч. С. 27.

1976.

Пайпс Р. Указ. соч. Кн. 1. С. 29.

1977.

Шипов Д.Н. Указ. соч. С. 283.

1978.

Дневники Императора Николая II. 1894–1918. Т. 1. 1894–1904. Запись за 21 ноября 1904 г. С. 835.

1979.

Дневник княгини Е.А. Святополк-Мирской за 1904–1905 гг. // Исторические записки. М., 1965. Т. 77. С. 270.

1980.

Ганелин Р.Ш. Указ. соч. С. 26.

1981.

Царские дни в г. Курске // Нива. № 37. 1902. С. 739.

1982.

Шипов Д.Н. Указ. соч. С. 287.

1983.

Дневники Императора Николая II. 1894–1918. Т. 1. 1894–1904. Запись за 2 декабря 1904 г. С. 837.

1984.

Даты совещаний мы приводим по дневнику Императора Николая II, о которых имеются записи от 2 и 8 декабря. Вопрос об указе 12 декабря обсуждался Царем с Витте и Великим Князем Сергеем Александровичем 11 декабря (Дневники Императора Николая II. Т. 1. С. 837–838). Между тем Д.Н. Шипов в своих воспоминаниях называет датами совещания 4 и 7 декабря, а С.Ю. Витте вообще пишет об одном дне совещания, не называя его точную дату («в ноябре 1904 г.»).

1985.

Шипов Д.Н. Указ. соч. С. 287.

1986.

Там же.

1987.

Витте С.Ю. Воспоминания Т. 2. С. 328.

1988.

Там же. С. 331.

1989.

Шипов Д.Н. Указ. соч. С. 288–289.

1990.

Там же. С. 288.

1991.

Ананьич Б.В., Ганелин Р.Ш. Сергей Юльевич Витте и его время. С. 141.

1992.

Дневники Императора Николая II. 1894–1918. Т. 1. 1894–1904. Запись за 8 декабря 1904 г. С. 838.

1993.

Ананьич Б.В., Ганелин Р.Ш. Сергей Юльевич Витте и его время. С. 142.

1994.

Там же. С. 141.

1995.

Дневник А.А. Бобринского. Запись за 8 декабря 1904 г. // Красный архив. Исторический журнал. Т. 1(26). М.–Л., 1928. С. 130.

1996.

Суворин А.С. Дневник. С. 330.

1997.

Богданович А.В. Указ. соч. С. 318.

1998.

Трубецкая О.Н., княгиня. Князь С.Н. Трубецкой (Воспоминания сестры). Нью-Йорк, 1953. С. 97.

1999.

Император Николай II – С.Ю. Витте 11 декабря 1904 г. // РГИА. Ф. 1622. Оп. 1. Д. 41. Л. 1 [Копия].

2000.

Витте С.Ю. Воспоминания. Т. 2. С. 334.

2001.

Там же. С. 335.

2002.

Ганелин Р.Ш. Указ. соч. С. 38.

2003.

Трубецкая О.Н. Князь С.Н. Трубецкой (Воспоминания сестры). С. 95.

2004.

Указ был подписан Царём 12 декабря и вошел в историю под этим числом, но в печати он появился только 14 декабря.

2005.

Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. Т. XIV. 1903. Отд. 1. № 25496. СПб., 1907. С. 1197–1198.

2006.

Там же.

2007.

Ананьич Б.В., Ганелин Р.Ш. Сергей Юльевич Витте и его время. С. 155.

2008.

Богданович А.В. Указ. соч. С. 212.

2009.

Н.А. Демчинский – Императору Николаю II // Российский архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв.: Альманах. М.: Студия «Тритэ»; Рос. архив, 2005. [Т. XIV]. С. 605. В данном случае цитируется наиболее яркий отрывок из письма Демчинского февраля 1905 г., но смысл предыдущих писем по поводу форм выборного представительства был полностью идентичным.

2010.

Н.А. Демчинский – Императору Николаю II // Российский архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв.: Альманах. С. 605.

2011.

Император Николай II – В.К. Плеве 14 марта 1903 г. // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 862. Л. 3.

2012.

Лукоянов И.В. Вступительная статья // Переписка А.А. Киреева и Ф.Д. Самарина / Публикация, вступительная статья и комментарии И.В. Лукоянова // Журнал истории и культуры России и Восточной Европы «НЕСТОР». № 3. 2000. С. 12.

2013.

Лукоянов И.В. Вступительная статья // Переписка А.А.

Киреева и Ф.Д. Самарина. С. 14.

2014.

Там же.

2015.

Новое время. 6 января 1905 г.

2016.

Будущий военный министр Временного правительства и красный комбриг.

2017.

Верховский А.И. На переломе жизни. Воспоминания 1905 года // Былое. 1924. № 27–28. С. 160–162.

2018.

Верховский А.И. Указ. соч. С. 162.

2019.

Любимов Д.Н. Гапон и 9 января // Вопросы истории. М., 1965. № 8. С. 123.

2020.

Там же.

2021.

Hardinge (Charles). Old Diplomacy. The reminiscences of Lord Hardinge of Penshurst. London, 1947. P. 112–113.

2022.

Дневники Императора Николая II. 1894–1918. Т. 2. Ч. 1. 1905–1913. Запись за 6 января 1905 г. С. 15.

2023.

Камер-фурьерский журнал за январь 1905 г. // РГИА. Ф. 516. Оп. 2. Д. 188. Л. 1.

2024.

Струмилло Б. Выстрел по Зимнему дворцу 6 января 1905 г. // Каторга и ссылка. М., 1935. № 1 (116). С. 87.

2025.

25 лет назад (Из дневников Л. Тихомирова) // Красный архив. Исторический журнал. М., 1930. № 2(39). С. 56.

2026.

Верховский А.И. Указ. соч. С. 162.

2027.

Любимов Д.Н. Гапон и 9 января. С. 124.

2028.

Дневник Е.А. Святополк-Мирской. С. 273.

2029.

Письмо неустановленного лица В.К. Плеве 27 декабря 1903 г. // ГА РФ. Ф. 102. ДП ОО. 1908. Д. 12. Л. 27.

2030.

Письмо неустановленного лица П.А. Столыпину 18 апреля 1908 г. // ГА РФ. Ф. 102. ДП ОО. 1908. Д. 12. Л. 25.

2031.

Прайсман Л.Г. Указ. соч. С. 91.

2032.

Гейфман А. Революционный террор в России. 1894–1917. М.: Крон-Пресс, 1997. С. 79.

2033.

Жильяр П. Указ. соч. С. 21.

2034.

Emile Joseph Dillon (1854–1933).

2035.

Романов Б. Император, который знал свою судьбу, и Россия,

которая не знала. СПб.: БХВ-Петербург, 2012. С. 53.

2036.

Harcave (Sidney). Count Sergei Witte and the Twilight of Imperial Russia: A Biography. N.-Y., Armonk, M.E. Sharpe, 2004. P. 145.

2037.

Былое. 1917. № 4. С. 169.

2038.

Имеется в виду В.К. Плеве.

2039.

Справка о служебной деятельности отставного надворного советника С.В. Зубатова // ГА РФ. Ф. 1695. Оп. 1. Д. 40. Л. 2–3.

2040.

Там же. Л. 5.

2041.

Кавторин В. Первый шаг к катастрофе. Л., 1992. С. 264.

2042.

ГА РФ. Ф. 102. ДП ОО 1905. Ч. 4 (1). Л. 158.

2043.

Имеется в виду полиция. – Примеч. авт.

2044.

Ан-ский С.А. Моё знакомство с Гапоном // Ан-ский С.А. Собрание сочинений. СПб., 1913. Т. 5. С. 326.

2045.

Историко-революционный сборник. Вып. I. Л.: Ленгиз, 1924. С. 198.

2046.

В апреле 1906 г. он станет и его убийцей.

2047.

Красный архив. Исторический журнал. Т. 2. 1922 г.

2048.

Колышко И.И. Великий распад. Воспоминания. СПб.: Нестор-история, 2009. С. 146.

2049.

Матюшенский А.И. За кулисами гапоновщины. (Исповедь) // Красное знамя. Париж, 1906. № 2.

2050.

Ардаматский В. Перед штормом. М.: Политиздат, 1989. С. 285–286. Несмотря на то что эти слова Рутенберга весьма правдоподобны, укажем, что их единственный на сегодняшний день известный источник – полухудожественный-полудокументальный опус киносценариста и писателя В. Ардаматского, который не брезговал сочинять целые исторические сцены, никогда в действительности не имевшие места. Исследователь О.А. Платонов некритически использовал эту цитату как исторический источник.

2051.

Начало первой русской революции. Январь – март 1905 года / Под ред. Н.С. Трусовой. М.: Изд-во АН СССР, 1955. С. 3.

2052.

Начало первой русской революции. С. 14.

2053.

Допрос В.А. Ямова 13 января 1905 г. ротмистром М.Ф. фон Котеном // ГА РФ. Ф. 102. ОО ДП. 1905. Ч. 4. (1). Л. 115.

2054.

Валк С.Н. Петербургское градоначальство и 9 января //

Красная летопись. 1925. № 1 (12). С. 38.

2055.

Записка профессора Н.А. Богуславского // ГА РФ. Ф. 102 ДП
ОО. 1905. Ч. 4. (1). Л. 84.

2056.

Красный архив. Исторический журнал. № 1 (68). М., 1935.
С. 42.

2057.

Гапон Г. История моей жизни. Л.: Прибой, 1926. С. 100–101.

2058.

Красный архив. Исторический журнал. Т. 1 (68). М., 1935.

2059.

Начало первой русской революции. С. 25.

2060.

Там же. С. 10.

2061.

Гапон Г. Указ. соч. С. 95.

2062.

Там же. С. 97.

2063.

Там же.

2064.

Богданович А.В. Указ. соч. С. 220.

2065.

Максимов А. Признание Гапона // Двуглавый орёл. 1930. № 37. С. 1785.

2066.

Герасимов А.В. Указ. соч. С. 64.

2067.

Начало первой русской революции. С. 19–20.

2068.

Гапон Г. Указ. соч. С. 87.

2069.

ГА РФ. Ф. 102. ДП ОО 1905. Д. 5.

2070.

Мосолов А.А. Указ. соч. С. 43.

2071.

Валк С.Н. Петербургское градоначальство и 9 января // Красная летопись. С. 43.

2072.

Витте С.Ю. Воспоминания. Т. 2. С. 448.

2073.

Коковцов В.Н., граф. Из моего прошлого. Воспоминания 1903–1919. 2 т. Т. 1. Париж: Издание журнала «Иллюстрированная Россия», 1933. С. 52.

2074.

Дневник А.А. Бобринского // Красный архив. Исторический журнал. Т. 2(26). М.–Л., 1928. С. 131.

2075.

Витте С.Ю. Воспоминания. Т. 2. С. 341.

2076.

Коковцов В.Н., граф. Указ. соч. Т. 1. С. 112.

2077.

Особняк С.Ю. Витте в Санкт-Петербурге (Каменноостровский пр., д. 5).

2078.

Кольшко И.И. Указ. соч. С. 146.

2079.

Ленин и революция: 1905 год / Сост. В.И. Старцев. Л.: Лениздат, 1980. С. 78.

2080.

Прокламация Петербургского Комитета РСДРП 8 января 1905 г. // Красная летопись. Л., 1922. № 1.

2081.

ГА РФ. Ф. 102 ДП ОО. 1905. Ч. 4. (1). Л. 183–184.

2082.

Гапон Г. Указ. соч. С. 101.

2083.

Там же. С. 102.

2084.

Карелин А.Е. Девятое января и Гапон // Красная летопись. № 1. 1922.

2085.

Пушкарёва И.М. Была ли альтернатива у «Кровавого воскресенья»? // Отечественная история. 2005 г., сент. – окт. (№ 5). С. 17–24.

2086.

Интимное имя князя Петра Дмитриевича Святополка-Мирского, данного ему супругой.

2087.

Дневник княгини Е.А. Святополк-Мирской. Запись за 9 января 1905 г. // Исторические записки.

2088.

То есть 6 января.

2089.

Коковцов В.Н. Указ. соч. Т. 1. С. 53.

2090.

Доктор ист. наук Р.Ш. Ганелин полагал, что Святополк-Мирский «вел свой дневник в форме дневника жены, начатого с момента назначения на министерский пост и лишь после увольнения, потерявшего характер регулярных записей, производившихся со слов министра» (Ганелин Р.Ш. «Битва документов» в среде царской бюрократии 1899–1901 гг. // Вспомогательные

исторические дисциплины. Л., 1985. Т. 17. С. 215).

2091.

Дневник княгини Е.А. Святополк-Мирской. Запись за 9 января 1905 г. // Исторические записки.

2092.

Мосолов А.А. Указ. соч. С. 113.

2093.

Семанов С.Н. «Кровавое воскресенье» как исторический феномен // Вопросы истории. 1991. № 6. С. 182–188.

2094.

Барковец О., Крылов-Толстиков А. Великий князь Владимир Александрович: страницы биографии. СПб.: Абрис, 2010.

2095.

Доклад В.Н. Коковцова Императору Николаю II 5 января 1905 г. // Красный архив. Исторический журнал. Т. 4–5 (11–12). М.–Л., 1926. С. 3–4.

2096.

Камер-фурьерский журнал за январь 1905 г. // РГИА. Ф. 516. Оп. 2. Д. 188.

2097.
Дневник княгини Е.А. Святополк-Мирской. Запись за 9 января 1905 г. // Исторические записки. М., 1965. Т. 77.

2098.
Дневники Императора Николая II. 1894–1918. Т. 2. Ч. 1. 1905–1913. Запись за 8 января 1905 г. С. 15.

2099.
Лурье Ф. Указ. соч. С. 56.

2100.
ГА РФ. Ф. 102 ДП ОО. 1905. Ч. 4. (1). Л. 132.

2101.
ГА РФ. Ф. 102 ДП ОО. 1905. Ч. 4. (1). Л. 77.

2102.
Гапон Г. Указ. соч. С. 107.

2103.
Там же.

2104.
Начало первой русской революции. С. 51.

2105.

Красный архив. Исторический журнал. М., 1925. № 4–5 (11–12). С. 445–446.

2106.

Начало первой русской революции. С. 58.

2107.

Там же.

2108.

Там же. С. 62.

2109.

ГА РФ. Ф. 102 ДП ОО. 1905. Ч. 4. (1). Л. 115.

2110.

Официальное сообщение // Санкт-Петербургские ведомости. 1905, 19 января. № 11.

2111.

Красная летопись. Пг. 1922. Т. 1. С. 55–57.

2112.

Ленин В.И. Что происходит в России? // Полн. собр. соч. 5-

е изд. Т. 9. С. 205–209.

2113.

Пушкарёва И.М. Была ли альтернатива у «Кровавого воскресенья»? // Отечественная история. 2005. Сент. – окт. (№ 5).

2114.

Первая революция в России, взгляд через столетие. М.: Памятники исторической мысли, 2005.

2115.

Доклад Комиссии, избранной общим собранием присяжных поверенных 16 января 1905 г. по поводу событий 9–11 января // Красная летопись. 1922. № 1.

2116.

Первая революция в России, взгляд через столетие. С. 178.

2117.

ГА РФ. Ф. 102 ДП ОО. 1905. Ч. 4. (1). Л. 42.

2118.

Протасов. Г. Люди Учредительного собрания: портрет в интерьере эпохи. М.: РОССПЭН, 2008.

2119.

Дневник княгини Е.А. Святополк-Мирской. Запись за 9 января 1905 г. // Исторические записки. Т. 77.

2120.

ГА РФ. Ф. 102 ДП ОО. 1905. Ч. 4. (1). Л. 168–170.

2121.

Платонов О.А. История царевубийства. С. 169.

2122.

Струков Д. Указ. соч. С. 111.

2123.

Камер-фурьерский журнал за январь 1905 г. // РГИА. Ф. 516. Оп. 2. Д. 188.

2124.

Дневники Императора Николая II. 1894–1918. Т. 2. Ч. 1. 1905–1913. Запись за 9 января 1905 г. С. 15.

2125.

Мосолов А.А. Указ. соч.

2126.

ГА РФ. Ф. 102 ДП ОО. 1905. Ч. 4. (1). Л. 168.

2127.

Мандельштам О.Э. Собр. соч. в 2 т. М.: Художественная литература, 1990. Т. 2. С. 267–268.

2128.

Мосолов А.А. Указ. соч. С. 38.

2129.

Цит. по: Буксгевден Софья, баронесса. Жизнь и трагедия Александры Федоровны, Императрицы России. С. 127.

2130.

Там же.

2131.

Там же. С. 128.

2132.

Мосолов А.А. Указ. соч. С. 38.

2133.

Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. Том XXV. 1905 г. Отделение 1. № 25642. С. 24. СПб., 1907.

2134.

Ольденбург С.С. Указ. соч. С. 269.

2135.

Мосолов А.А. Указ. соч. С. 37.

2136.

Император Николай II – Вдовствующей Императрице Марии Феодоровне. 25 января 1905 г. // ГА РФ. Ф. 642. Оп. 1. Д. 2328. Л. 40.

2137.

Фомин С. Григорий Распутин: расследование. «А кругом широкая Россия...». М.: Форум, 2008. С. 429.

2138.

Мосолов А.А. Указ. соч. С. 40.

2139.

Там же. С. 41.

2140.

Витте С.Ю. Воспоминания. Т. 2. С. 352.

2141.

Там же.

2142.

Гернет М.Н. История царской тюрьмы. 4 т. М., 1963. Т. 4. С. 165.

2143.

Цит. по: Джунковский Д.Ф. Воспоминания. Т. 1. С. 67.

2144.

Избиваем действительных хулиганов. Неопубликованное письмо московского слесаря / Публикация А. Алексеева // Источник. Приложение к историко-публицистическому журналу «Родина». 1997. № 1. С. 67.

2145.

Красный архив. Исторический журнал. Т. 20. М., 1927. С. 241.

2146.

Начало первой русской революции. С. 147.

2147.

Дневники Императора Николая II. 1894–1918. Т. 2. Ч. 1. 1905–1913. Запись за 12 января 1905 г. С. 16.

2148.

Джунковский Д.Ф. Воспоминания. Т. 1. С. 67.

2149.

В.Н. Коковцов – Императору Николаю II 11 января 1905 г. // Красный архив. Исторический журнал. Т. 4–5 (11–12). М., 1925. С. 5–6.

2150.

Коковцов В.Н. Указ. соч. Т. 1. С. 57.

2151.

Дневники Императора Николая II. 1894–1918. Т. 2. Ч. 1. 1905–1913. Запись за 19 января 1905 г. С. 17.

2152.

Ведомости Санкт-Петербургского градоначальства.
Прибавление к № 16 от 20 января 1905 г.

2153.

Струков Д. Указ. соч. С. 112–113.

2154.

На самом деле граф Сольский.

2155.

The Call. San Francisco, February 4, 1905. Т. 97. № 66.

2156.

Коковцов В.Н. Указ. соч. Т. 1. С. 57.

2157.

Варнава (Меркулов), преподобный // Православная энциклопедия. Т. 6. С. 646.

2158.

Дневник Е.А. Святополк-Мирской. С. 87.

2159.

Император Николай II – графу С.Ю. Витте 28 января 1905 г. // РГИА. Ф. 1622. Оп. 1. Д. 43. Л. 1 [копия].

2160.

Коковцов В.Н. Указ. соч. Т. 1. С. 58.

2161.

Там же.

2162.

Джунковский В.Ф. Указ. соч. Т. 1. С. 38, 40.

2163.

Ольденбург С.С. Указ. соч. С. 270.

2164.

Там же. С. 269.

2165.

Первый штурм самодержавия. М.: ИПЛ, 1989. С. 42.

2166.

Красный архив. Исторический журнал. М., 1926. Т. 18. С. 280.

2167.

Первый штурм самодержавия. С. 69.

2168.

Красный архив. Исторический журнал. М., 1925. Т. 8. С. 51.

2169.

Совет министров был учрежден в 1857 г. и существовал параллельно с Комитетом министров. Он рассматривал дела, которые требовали не только утверждения Императора, но и личного его присутствия при их обсуждении. Его заседания не были регулярными и назначались каждый раз Императором. До января 1905 г. Совет министров практически не созывался. Николай II, так же как и его отец, предпочитал встречаться с министрами по отдельности во

время Всеподданнейших докладов.

2170.

Красный архив. Исторический журнал. М., 1925. Т. 8. С. 55.

2171.

Там же. С. 57.

2172.

Там же. С. 57.

2173.

Там же. С. 66.

2174.

Заседание Совета министров России 3 и 11 февраля 1905 г.: Записи Э.Ю. Нольде / Подгот. Р.Ш. Ганелин // Археографический ежегодник 1989 г. М., 1990. С. 296–297.

2175.

Витте С.Ю. Воспоминания. Т. 2. С. 375.

2176.

Дневник Великого Князя Сергея Александровича за 1905 г. Запись за 2 января // ГА РФ. Ф. 648. Оп. 1. Д. 40. Л. 5.

2177.

Дневник Великого Князя Сергея Александровича за 1905 г.
Запись за 3 января // ГА РФ. Ф. 648. Оп. 1. Д. 40. Л. 7.

2178.

Джунковский В.Ф. Указ. соч. Т. 1. С. 34.

2179.

Великий Князь Сергей Александрович и Великая Княгиня Елизавета Феодоровна воспитывали двух детей Великого Князя Павла Александровича, Великую Княжну Марию и Великого Князя Димитрия, так как их отец был женат второй раз морганатическим браком и ему был запрещён въезд в Россию.

2180.

Великий Князь Сергей Александрович – Императору Николаю II 16 января 1905 г. // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1341. Л. 155.

2181.

Доклад министра юстиции С.С. Манухина Императору Николаю II об убийстве Великого Князя Сергея Александровича // ГА РФ. Ф. 124. Оп. 67. Д. 591а. Л. 1.

2182.

2183.

Неоцененной памяти скончавшегося мученической смертью Великого Князя Сергея Александровича. Издание Комиссии по устройству чтений для рабочих. М., 1905.

2184.

На Московском металлургическом заводе, где главным пайщиком и, по существу, владельцем являлся Гужон, из-за низкого качества технического оборудования рабочие постоянно получали травмы и увечья, в связи с чем в рабочей среде завод называли «костоломным».

2185.

Неоцененной памяти скончавшегося мученической смертью Великого Князя Сергея Александровича.

2186.

Князь Владимир Андреевич Долгоруков (1810–1891) в 1865–1891 гг. – генерал губернатор Москвы.

2187.

Софьин Д.М. Управление Великого Князя Сергея Александровича Москвой как политико-административный феномен Российской империи рубежа XIX – XX

веков // Русская народная линия: интернет-сайт.
2010.06.10. URL: [http://ruskline.ru/analitika/2010/10/07/
upravlenie_velikogo_knyazya_sergeya_aleksandrovicha_moskvo](http://ruskline.ru/analitika/2010/10/07/upravlenie_velikogo_knyazya_sergeya_aleksandrovicha_moskvo)
(дата обращения 18.11.2014).

2188.

Софьин Д.М. Управление Великого Князя Сергея Александровича Москвой... // Русская народная линия: интернет-сайт. 2010. 06. 10. URL: [http://ruskline.ru/analitika/2010/10/07/
upravlenie_velikogo_knyazya_sergeya_aleksandrovicha_moskvo](http://ruskline.ru/analitika/2010/10/07/upravlenie_velikogo_knyazya_sergeya_aleksandrovicha_moskvo)
(дата обращения 18.11.2014).

2189.

Бюлов Б. Указ. соч. С. 309.

2190.

Дневники Императора Николая II. 1894–1918. Т. 2. Ч. 1. 1905–1913. Запись за 4 февраля 1905 г. С.

2191.

Деревянко И. Русская разведка и контрразведка в войне 1904–1905 гг. Документы. М.: Эксмо; Яуза, 2005.

2192.

Дневники Императора Николая II. 1894– 1918. Т. 2. Ч. 1.

1905–1913. Запись за 2 октября 1905 г. С. 63.

2193.

Николай II 10 октября 1905 г. записал в дневнике: «Завтракали: Фридрих-Леопольд и Чагин (деж.). Простились с первым, завтра он уезжает» (Дневники Императора Николая II. 1894–1918. Т. 2. Ч. 1. 1905–1913. Запись за 10 октября 1905 г. С. 64).

2194.

Что касается нелепого рассказа о якобы имевшей место странной «игре» на диване, то она слишком мало походит на стиль Бюлова и очень на стиль советских «переводчиков» того времени.

2195.

Дневники Императора Николая II. 1894–1918. Т. 2. Ч. 1905–1913. Запись за 4 февраля 1905 г. С. 19.

2196.

Полное собрание законов Российской империи. Собр. третье. Т. XXV. 1905. Отд. 1. СПб., 1908. № 25788. С. 92.

2197.

Протоиерей Иоанн Кронштадтский – Императору Николаю II и Императрице Александре Феодоровне // ГА РФ. Ф.601.

Оп. 1. Д. 1431. Л. 4.

2198.

Джунковский В.Ф. Указ. соч. Т. 1. С. 102.

2199.

Иоанн Восторгов, протоиерей. Полн. собр. соч. в 5 т. СПб.: Царское дело, 1995. Т. 2.

2200.

Закиров Р.С. Общественное мнение об убийстве Великого Князя Сергея Александровича в 1905 г. (ссылки на ГА РФ. Ф. 63, 102, 124) // Императорское православное палестинское общество. Интернет-сайт: URL: <http://ippro.ru/history/pred/sa/9/9/> (момент обращения 19.12.2014).

2201.

Великая Княгиня Елисавета Феодоровна и Император Николай II. Документы и материалы (1884–1909) / Авт. – сост. А.Б. Ефимов, Е.Ю. Ковальская. СПб.: Алетейя, 2009. С. 725.

2202.

Дневник Великого Князя Константина Константиновича за 1905 г. Запись за 7 февраля // Ф. 660. Оп. 1. Д. 56. Л. 51.

2203.

Софьин Д.М. Управление Великого Князя Сергея Александровича Москвой как политико-административный феномен Российской империи рубежа XIX – XX веков // Русская народная линия: интернет-сайт. 2010.06.10. URL: http://ruskline.ru/analitika/2010/10/07/upravlenie_velikogo_knyazya_sergeya_aleksandrovicha_moskvo (дата обращения 18.11.2014).

2204.

Буксгевден Софья, баронесса. Жизнь и трагедия Александры Федоровны, Императрицы России. С. 130.

2205.

Дневник Великой Княгини Ксении Александровны за 1905 г. Запись за 4 февраля // ГА РФ. Ф. 662. Оп. 1. Д. 23. Л. 90–91.

2206.

Дневник Великого Князя Константина Константиновича за 1905 г. Запись за 9 февраля // Ф. 660. Оп. 1. Д. 56. Л. 41–42.

2207.

Дневники Императора Николая II. 1894–1918. Т. 2. Ч. 1. 1905–1913. Запись за 10 февраля 1905 г. С. 20.

2208.

Великая Княгиня Елизавета Феодоровна – Императору Николаю II 10 февраля 1905 г. // Письма Преподобномученицы Великой Княгини Елизаветы Феодоровны... С. 164.

2209.

Этот народ сегодня неверно называют азербайджанцами.

2210.

Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. Том XXV. 1905 г. Отд. 1. № 25854 С. 133.

2211.

Цит. по: Ганелин Р.Ш. Указ. соч. С. 78.

2212.

Заседание Совета министров России 3 и 11 февраля 1905 г.: Записи Э.Ю. Нольде / Подгот. Р.Ш. Ганелин // Археографический ежегодник 1989 г. М., 1990. С. 297.

2213.

Цит. по: Ганелин Р.Ш. Указ. соч. С. 78.

2214.

Дневники Императора Николая II. 1894–1918. Т. 2. Ч. 1905–

1913. Запись за 18 февраля 1905 г. С. 21.

2215.

Дневники Императора Николая II. 1894–1918. Т. 2. Ч. 1905–1913. Запись за 17 февраля 1905 г. С. 21.

2216.

Дневники Императора Николая II. 1894–1918. Т. 2. Ч. 1905–1913. Запись за 18 февраля 1905 г. С. 21.

2217.

Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. Том XXV. 1905 г. Отд. 1. № 25852. С. 132–133. СПб., 1908.

2218.

Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. Том XXV. 1905 г. Отд. 1. № 25853. С. 133.

2219.

РГИА. Ф. 1276. Оп. 1. Д. 7. Л. 19.

2220.

Там же. Л. 26.

2221.

Там же. Л. 23.

2222.

Там же. Л. 30.

2223.

Там же. Л. 32.

2224.

Там же. Л. 34.

2225.

Там же. Л. 34.

2226.

Там же. Л. 32.

2227.

Там же. Л. 34.

2228.

Там же. Л. 35.

2229.

Dru (Gaston). Une sortie du tsar // «Echo de Paris». Journal littéraire et politique du matin. Mardi, 14 mars 1905. № 7086.

Р. 3.

2230.

Дневники Императора Николая II. 1894–1918. Т. 2. Ч. 1905–1913. Запись за 28 февраля 1905 г. С. 23.

2231.

Император Николай II – министру внутренних дел А.Г. Булыгину 22 мая 1905 г. // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв.: Альманах. М.: Студия «Тритэ»; Рос. архив, 1994. С. 188.

2232.

Государь Император Николай Александрович. Сборник памяти 100-летия со дня рождения. Нью-Йорк: Всеславянское издательство, 1968. С. 79.

2233.

Мейлунас А., Мироненко С. Николай и Александра. Любовь и жизнь. М.: Прогресс, 1998. С. 290.

2234.

Царизм в борьбе с революцией. С. 161.

2235.

Телеграмма Императора Николая II генерал-губернатору

Риги // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 522. Л. 66.

2236.

Красный архив. Исторический журнал. Т. XI–XII. 1925. С. 435.

2237.

РГИА. Ф. 1276. Оп. 1. Д. 5.

2238.

Император Николай II – Вдовствующей Императрице Марии Феодоровне. 8 декабря 1905 г. // ГА РФ. Ф. 642. Оп. 1. Д. 2328. Л. 25.

2239.

РГИА. Ф. 1276. Оп. 1. Д. 74.

2240.

П.А. Столыпин – О.Б. Столыпиной 30 октября 1905 г. // РГИА. Ф. 1662. Оп. 1. Д. 231. Л. 64–65.

2241.

Красный архив. Исторический журнал. М.–Л., 1926. Т. 4–5 (11–12). С. 434–435.

2242.

Там же. С. 435.

2243.

Император Николай II – Вдовствующей Императрице Марии Феодоровне. 25 декабря 1905 г. // ГА РФ. Ф. 642. Оп. 1. Д. 2328. Л. 31.

2244.

Королев В.И. Бунт на коленях. Политические партии в Таврической губернии 1905–1907. Симферополь: Таврия, 1993. С. 28.

2245.

Красный архив. Исторический журнал. М., 1926. Т. 4. С. 223–225.

2246.

Там же. С. 225.

2247.

РГИА. Ф. 1276. Оп. 1. Д. 83.

2248.

Красный архив. Исторический журнал. М.–Л., 1926. Т. 4–5 (11–12). С. 434.

2249.

Император Николай II – Вдовствующей Императрице Марии Феодоровне. 8 декабря 1905 г. // ГА РФ. Ф. 642. Оп. 1. Д. 2328. Л. 23.

2250.

Гейфман Анна. Указ. соч. С. 31–32.

2251.

Там же.

2252.

Мария Павловна, Великая Княгиня. Мемуары. М.: Захаров, 2003. С. 69.

2253.

Платонов Олег. Николай II. С. 163.

2254.

Гейфман Анна. Указ. соч. С. 211.

2255.

Красный архив. Исторический журнал. М., 1926. Т. 5–6 (11–12). С. 238.

2256.

Император Николай II – вице-адмиралу Г.П. Чухнину // ГА
РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 2109. Л. 16.

2257.

При осмотре тела убитого Е.Н. Голикова следствием было обнаружено около десятка огнестрельных и колотых ран.

2258.

Д.Ф. Трепов – графу В.Н. Ламздорфу // Красный архив.
Исторический журнал. 1925. Т. 4–5 (11–12). С. 195–196.

2259.

Дневники Императора Николая II. 1894–1918. Т. 2. Ч. 1.
1905–1913. Запись за 20 июня 1905 г. С. 41.

2260.

Гаврилов Б.И. В борьбе за свободу: восстание на броненосце
«Потёмкин». М.: Мысль, 1987. С. 44.

2261.

Гаврилов Б.И. Указ. соч. С. 134.

2262.

Император Николай II – вице-адмиралу Г.П. Чухнину // ГА
РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1050. Л. 9.

2263.

Флот в 1905 г. I. Восстание броненосца «Потемкин-Таврический» // Красный архив. Исторический журнал. М., 1925. № 4–5 (11–12). С. 199.

2264.

Д.Ф. Трепов – В.Н. Ламздорфу // Красный Архив. Исторический журнал. М., 1925. № 4–5 (11–12). С. 197.

2265.

Цит. по: Ганелин Р.Ш. Указ. соч. С. 122.

2266.

Там же. С. 122.

2267.

Смирнов А.Ф. Указ. соч. С. 46.

2268.

Полное собрание речей Императора Николая II. С. 57–58.

2269.

Там же. С. 58.

2270.

Мосолов А.А. Указ. соч. С. 184.

- 2271.**
Петергофские совещания о проекте Государственной думы.
2-е изд. Пг., 1917. С. 78–161.
- 2272.**
Там же.
- 2273.**
Там же.
- 2274.**
Там же.
- 2275.**
Полное собрание законов Российской империи. Собрание
третье. Том XXV. 1905 г. Отд. 1. № 26661. С. 640–645. СПб.,
1908.
- 2276.**
Освобождение. № 67. Март 1905.
- 2277.**
Святая Русь. Энциклопедический словарь русской
цивилизации / Сост. О.А. Платонов. М.: Энциклопедия
русской цивилизации, 2000.

2278.

О возрождении России. Сборник статей. М., 1906. С. 6–7.

2279.

Император Николай II – Вдовствующей Императрице Марии Феодоровне. 19 октября 1905 г. // ГА РФ. Ф. 642. Оп. 1. Д. 2328. Л. 15.

2280.

Красный архив. Исторический журнал. Т. 4–5 (11–12). М., 1925. С. 435–436.

2281.

Император Николай II – Вдовствующей Императрице Марии Феодоровне. 19 октября 1905 г. // ГА РФ. Ф. 642. Оп. 1. Д. 2328. Л. 11.

2282.

Мосолов А.А. Указ. соч. С. 217.

2283.

Милуков П.Н. Воспоминания. М.: Политиздат, 1991.

2284.

Ольденбург С.С. Указ. соч. С. 121.

2285.

Дневник Г.О. Рауха // Красный архив. Исторический журнал. М., 1926. № 6 (19). С. 90.

2286.

Там же. С. 91.

2287.

Дневниковые записи С.Д. Шереметева о С.Ю. Витте / Публ. Л.И. Шохина // Отечественная история. 1998. № 2. С. 160.

2288.

Всепоподданнейшая записка С.Ю. Витте 9 октября 1905 г. // Красный архив. Исторический журнал. М., 1925. Т. 4–5 (11–12). С. 61.

2289.

Император Николай II – Императрице Марии Феодоровне // ГА РФ. Ф. 642. Оп. 1. Д. 2328. Л. 17.

2290.

Вы единственный из моих слуг, на которого я могу совершенно положиться. Из переписки Николая II и Д.Ф. Трепова. 1905–1906 гг. / Глебова И.И. // Исторический архив: Научно-публикаторский журнал. 07/2003. № 4. С.

181.

2291.

Там же. С. 171–183.

2292.

Мосолов А.А. Указ. соч. С. 54.

2293.

Редигер А.Ф. Указ. соч. Т. 1. С. 472–473.

2294.

Данилов Ю.Н. Великий Князь Николай Николаевич. Париж, 1930 С. 78.

2295.

Вдовствующая Императрица Мария Феодоровна – Императору Николаю II // Ф. 642. Оп. 1. Д. 2328. Л. 17.

2296.

Вы единственный из моих слуг, на которого я могу совершенно положиться. Из переписки Николая II и Д.Ф. Трепова. 1905–1906 гг. С. 177.

2297.

Цит. по: Ферро Марк. Николай II. М.: Международные

отношения, 1991. С. 127.

2298.

Красный архив. Исторический журнал. М., 1925. Т. 4–5 (11–12). С. 72.

2299.

Дневники Императора Николая II. 1894–1918. Т. 2. Ч. 1. 1905–1913. Запись за 15 октября 1905 г. С. 65.

2300.

Редигер А.Ф. Указ. соч. Т. 2. С. 472.

2301.

Красный архив. Исторический журнал. М., 1925. Т. 4–5 (11–12). С. 74.

2302.

Там же.

2303.

Там же. С. 75

2304.

Там же.

2305.

Там же.

2306.

Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. Том XXV. 1905 г. Отд. 1. № 26803. С. 754–755. СПб., 1908.

2307.

Дневники Императора Николая II. 1894–1918. Т. 2. Ч. 1. 1905–1913. Запись за 17 октября 1905 г. С. 65.

2308.

Крыжановский С.Е. Из бумаг С.Е. Крыжановского, последнего Государственного секретаря Российской империи. Берлин: Петрополис, 1938. С. 66.

2309.

Монархия перед крушением. 1914–1917. Бумаги Николая II и другие документы. Статьи В.П. Семенникова. М.–Л.: Госиздат, 1927. С. 100–101.

2310.

Основные законы Российской империи.

2311.

Император Николай II – Вдовствующей Императрице Марии Феодоровне. 27 октября 1905 г. // ГА РФ. Ф. 642. Оп. 1. Д. 2328. Л. 17–18.

2312.

Смирнов А.Ф. Указ. соч. С. 56.

2313.

Император Николай II – Императрице Марии Феодоровне. 10 ноября 1905 г. // ГА РФ. Ф. 642. Оп. 1. Д. 2329. Л. 18.

2314.

Троцкий Л. Моя жизнь. Т. 1. С. 206.

2315.

Дневники Императора Николая II. 1894–1918. Т. 2. Ч. 1. 1905–1913. Запись за 12 ноября 1905 г. С. 70.

2316.

Император Николай II – вице-адмиралу Г.П. Чухнину. 12 ноября 1905 г. // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1052. Л. 2.

2317.

РГА ВМФ. Ф. 1025. Оп. 2. Д. 45.

2318.

Там же. Д. 40.

2319.

Император Николай II – генералу А.Н. Меллер-Закомельскому 19 ноября 1905 г. // Полное собрание речей Императора Николая II. № 147. С. 61.

2320.

Генерал А.Н. Меллер-Закомельский – Императору Николаю II // Ф. 601. Оп. 1. Д. 1052. Л. 28.

2321.

Император Николай II – Вдовствующей Императрице Марии Феодоровне 17 ноября 1905 г. // Красный архив. Исторический журнал. Т. 3 (22). М., 1927. С. 174.

2322.

С.Ю. Витте – Императору Николаю II 21 февраля 1906 г. // Красный архив. Исторический журнал. Т. 4–5 (11–12). М., 1925. С. 158.

2323.

Резолюция Императора Николая II на письме С.Ю. Витте по поводу невменяемости П.П. Шмидта. 23 февраля 1906 г. // Красный архив. Исторический журнал. Т. 4–5(11–12). М., 1925. С. 158.

2324.

Император Николай II – генерал-губернатору В.У. Соллогубу 19 декабря 1905 г. // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 522. Л. 65.

2325.

Красный архив. Исторический журнал. Т. 4–5 (11–12). М., 1925. С. 437.

2326.

Там же. С. 164.

2327.

Платонов Олег. Николай II. С. 160.

2328.

Дневники Императора Николая II. 1894–1918. Т. 2. Ч. 1. 1905–1913. Запись за 11 декабря 1905 г. С. 75.

2329.

Красный архив. Исторический журнал. Т. 4–5 (11–12). М., 1925. С. 399.

2330.

РГА ВМФ. Ф. 9. Оп. 1. Д. 428.

2331.

Декабрь на Красной Пресне. Сборник статей и воспоминаний. М., 1925.

2332.

РГА ВМФ. Ф. 9. Оп. 1. Д. 413.

2333.

Красный архив. Исторический журнал. Т. 4–5 (11–12). М., 1925. С. 441.

2334.

Цит. по: Гейфман А. Указ. соч. С. 135.

2335.

РГА ВМФ. Ф. 9. Оп. 1. Д. 428.

2336.

Там же. Д. 413.

2337.

Красный архив. Исторический журнал. Т. 4–5 (11–12). М., 1925. С. 437.

2338.

2339.

Там же. Д. 428.

2340.

Красный архив. Исторический журнал. Т. 4–5 (11–12). М., 1925. С. 437.

2341.

Полное собрание речей Императора Николая II. № 148. С. 61.

2342.

Красный архив. Исторический журнал. Т. 4–5 (11–12). М., 1925. С. 419.

2343.

Там же.

2344.

Дневники Императора Николая II. 1894–1918. Т. 2. Ч. 1. 1905–1913. Запись за 30 ноября 1905 г. С. 73.

2345.

Дневники Императора Николая II. 1894–1918. Т. 2. Ч. 1.

1905–1913. Запись за 1 декабря 1905 г. С. 73.

2346.

Дневники Императора Николая II. 1894–1918. Т. 2. Ч. 1.
1905–1913. Запись за 2 декабря 1905 г. С. 73.

2347.

Дневники Императора Николая II. 1894–1918. Т. 2. Ч. 1.
1905–1913. Запись за 3 декабря 1905 г. С. 73.

2348.

Император Николай II – Вдовствующей Императрице Марии
Феодоровне 8 декабря 1905 // Красный архив. Исторический
журнал. С. 181.

2349.

Полное собрание речей Императора Николая II. № 153. С.
65.

2350.

Редигер А. Указ. соч. Т. 1. С. 550.

2351.

Полное собрание речей Императора Николая II. № 154. С.
65.

2352.

Дневники Императора Николая II. 1894–1918. Т. 2. Ч. 1. 1905–1913. Запись за 30 декабря 1905 г. С. 78.

2353.

Дневники Императора Николая II. 1894–1918. Т. 2. Ч. 1. 1905–1913. Запись за 31 декабря 1905 г. С. 78.

2354.

Полное собрание речей Императора Николая II. № 156. С. 67.

2355.

Там же.

2356.

Полное собрание речей Императора Николая II. № 158. С. 69.

2357.

Ольденбург С.С. Указ. соч. С. 334.

2358.

Император Николай II – генералу Н.П. Линевичу // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 522. Л. 56.

2359.

Красный архив. Исторический журнал. М., 1922. Т. 1. С. 336.

2360.

Там же. С. 331.

2361.

Там же. С. 335.

2362.

Революционное движение в армии в годы первой русской революции. Сборник статей. М., 1955. С. 339.

2363.

Редигер А.Ф. Указ. соч. Т. 1. С. 522.

2364.

Там же.

2365.

Ольденбург С.С. Указ. соч. С. 335.

2366.

О запрещении хранения, продажи и ввоза из-за границы огнестрельного оружия // РГИА. Ф. 1276. Оп. 1. Д. 85. Л. 1–5.

2367.

Император Николай II – Вдовствующей Императрице Марии Феодоровне. 15 декабря 1905 г. // ГА РФ. Ф. 642. Оп. 1. Д. 2328. Л. 28.

2368.

ГА РФ. ДП ОО. Оп. 1908. Д. 321 (1). Л. 24.

2369.

РГИА. Ф. 1276. Оп. 1. Д. 75.

2370.

Там же.

2371.

Циркуляр по ведомству МИД. № 31, 28.12.1905, Санкт-Петербург.

2372.

Император Николай II – Вдовствующей Императрице Марии Феодоровне. 27 октября 1905 г. // ГА РФ. Ф. 642. Оп. 1. Д. 2328. Л. 15.

2373.

Боханов А.Н. Николай II. С. 127.

2374.

Солоневич И.Л. Народная монархия. М.: Издательская и рекламно-информационная фирма «Феникс» ГАСК СК СССР, 1991. С. 403.

2375.

РГА ВМФ. Ф. 11025. Оп. 2. Д. 40.

2376.

Шульгин В.В. Дни. М.: Современник, 1989. С. 12.

2377.

Там же. С. 15.

2378.

Федотова Е.Д. Революционное движение в Архангельской губернии в годы первой русской революции (1905–1907). Архангельск, 1955.

2379.

Красный архив. Исторический журнал. М., 1925. Т. 4–5 (11–12). С. 443.

2380.

Там же.

2381.

Император Николай II – Вдовствующей Императрице Марии Феодоровне. 27 октября 1905 г. // ГА РФ. Ф. 642. Оп. 1. Д. 2328. Л. 15.

2382.

Цит. по: Острцов В. Черная сотня и красная сотня. М., 1993. С. 3.

2383.

Ленин В.И. О черносотенстве // Ленин В.И. Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 24. С. 18.

2384.

Полное собрание речей Императора Николая II. № 155. С. 66.

2385.

Император Николай II – Вдовствующей Императрице Марии Феодоровне. 27 октября 1905 г. // ГА РФ. Ф. 642. Оп. 1. Д. 2328. Л. 20.

2386.

Там же. Л. 19.

2387.

Полное собрание речей Императора Николая II. № 152. С. 64.

2388.

Полное собрание речей Императора Николая II. № 155. С. 66.

2389.

Полное собрание речей Императора Николая II. № 166. С. 73.

2390.

Милюков П.Н. Указ. соч. С. 218.

2391.

Там же. С. 220.

2392.

Корелин А.П. Первая революция в России: взгляд через столетие. Рос. акад. наук. Ин-т рос. истории. М.: Памятники ист. мысли, 2005. С. 396.

2393.

Корелин А.П. Указ. соч. С. 396.

2394.

Ананьич Б.В., Галенин Р.Ш. Указ. соч. С. 288.

2395.

Красный архив. Исторический журнал. М., 1925. Т. 4–5 (11–12). С. 157.

2396.

Гурко В.И. Черты и силуэты прошлого. С. 109.

2397.

Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. Т. XXVI. 1906. Отдел. 1. № 27424. СПб., 1909. С. 150–154.

2398.

Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. Т. XXVI. 1906. Отдел. 1. № 27425. СПб., 1909. С. 154.

2399.

Таганцев Н.С. Пережитое: Вып. I: Учреждение Государственной думы в 1905– 1906 гг. Пг., 1919. С. 89.

2400.

Там же. С. 193.

2401.

Император Николай II – Вдовствующей Императрице Марии Феодоровне 8 декабря 1905 г. // ГА РФ. Ф. 660. Оп. 1.

2402.

Таганцев Н.С. Пережитое: Вып. I: Учреждение Государственной думы в 1905– 1906 гг. Пг., 1919. С. 192.

2403.

Таганцев Н.С. Указ. соч. С. 193.

2404.

Там же. С. 194.

2405.

Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. Т. XXVI. 1906. Отдел. 1. № 27805. СПб., 1909. С. 457.

2406.

Там же.

2407.

Там же.

2408.

Ольденбург С.С. Указ. соч. С. 341.

2409.

Гурко В.И. Черты и силуэты прошлого. С. 112.

2410.

Там же.

2411.

Цит по: Смирнов А.Ф. Указ. соч. С. 197.

2412.

Гурко В.И. Черты и силуэты прошлого. С. 111.

2413.

Коковцов В.Н. Указ. соч. Т. 1. С. 166.

2414.

Ананьич Б.В., Галенин Р.Ш. Указ. соч. С. 349.

2415.

Император Николай II – Вдовствующей Императрице Марии Феодоровне 2 ноября 1906 г. // Красный архив. Исторический журнал. Т. 3 (22). М., 1927. С. 208.

2416.

Коковцов В.Н. Указ. соч. Т. 1. С. 168.

2417.

Гурко В.И. Черты и силуэты прошлого. С. 114.

2418.

Коковцов В.Н. Указ. соч. Т. 1. С. 169.

2419.

Там же. С. 162.

2420.

Нольде Б.Э. Указ. соч. С. 36.

2421.

Коковцов В.Н. Указ. соч. Т. 1. С. 208.

2422.

П.А. Столыпин – О.Б. Столыпиной 8 марта 1904 г. // РГИА.
Ф. 1662. Оп. 1. Д. 230. Л. 13–14.

2423.

Степанов С.А. Загадка смерти Столыпина. М.: Прогресс-
Академия, 1995. С. 20.

2424.

Бок (Столыпина) М. Указ. соч. С. 43.

2425.

Зырянов П.Н. Пётр Аркадьевич Столыпин // Россия на рубеже веков: исторические портреты. М.: Изд-во полит. лит., 1991. С. 53–54.

2426.

П.А. Столыпин – О.Б. Столыпиной // РГИА. Ф. 1662. Оп. 1. Д. 231. Л. 83.

2427.

РГИА. Ф. 1662. Оп. 1. Д. 231. Л. 82.

2428.

Гавриил Константинович, Великий Князь. Указ. соч. С. 45–46.

2429.

Коковцов В.Н. Указ. соч. Т. 1. С. 173.

2430.

Воейков В.Н. Указ. соч. С. 62.

2431.

Мейлунас А., Мироненко С. Указ. соч. С. 291.

2432.

Там же.

2433.

Олсуфьев Д.А., граф. Впечатления члена Гос. Совета по выборам // Газета «Голос Правды».

2434.

Полное собрание речей Императора Николая II. № 170. С. 74–75.

2435.

Коковцов В.Н. Указ. соч. Т. 1. С. 174.

2436.

Родичев Ф.И. Воспоминания и очерки о русском либерализме. Newtonville, MA. 1982.

2437.

Цит. по: Ольденбург С.С. Указ. соч. С. 346.

2438.

Дневник Великого Князя Константина Константиновича.

2439.

РГИА. Ф. 1662. Оп. 1. Д. 231. Л. 84.

2440.

Мейлунас А., Мироненко С. Указ. соч. С. 291–292.

2441.

Коковцов В.Н. Указ. соч. Т. 1. С. 174.

2442.

Дневники Императора Николая II. 1894–1918. Т. 2. Ч. 1. 1905–1913. Запись за 27 апреля 1906 г. С. 127.

2443.

Розанов В.В. Государь и Государственная дума // Розанов В.В. Собр. соч.: 30 т. / Под общей ред. А.Н. Николюкина. Т. 15. М.: Республика, 2003. С. 63.

2444.

Олсуфьев Д.А., граф. Впечатления члена Гос. Совета по выборам // Голос Правды: ежедневная газета, 1906 г.

2445.

Ольденбург С.С. Указ. соч. С. 346.

2446.

Смирнов А.Ф. Указ. соч. С. 226.

2447.

Коковцов В.Н. Указ. соч. Т. 1. С. 188.

2448.

Мейлунас А., Мироненко С. Указ. соч. С. 292.

2449.

Смирнов А.Ф. Указ. соч. С. 226.

2450.

Богданович А.В. Указ. соч. С. 387–388.

2451.

Коковцов В.Н. Указ. соч. Т. 1. С. 181.

2452.

Там же.

2453.

Там же.

2454.

Цит. по: Ольденбург С.С. Указ. соч. С. 351.

2455.

Цит. по: Там же.

2456.

Цит. по: Там же. С. 352.

2457.

Речь. № 62. 13 мая 1906. С. 1.

2458.

Смирнов А.Ф. Указ. соч. С. 227.

2459.

«Дума народного гнева». Избранные места из речей, произнесенных в первой русской Думе / Сост. М. Гурлянд. СПб.: Тип. «Освобождение», 1907.

2460.

Прайсман Л.Г. Указ. соч. С. 101.

2461.

Цит. по: Прайсман Л.Г. Указ. соч. С. 101.

2462.

Коковцов В.Н. Указ. соч. Т. 1. С. 195.

2463.

Там же. С. 186.

- 2464.**
Милюков П.Н. Указ. соч. С. 253.
- 2465.**
Коковцов В.Н. Указ. соч. Т. 1. С. 198.
- 2466.**
Милюков П.Н. Указ. соч. С. 144.
- 2467.**
Герасимов А.В. Указ. соч. С. 67.
- 2468.**
Император Николай II – П.А. Столыпину // Красный архив. Исторический журнал. Т. 5(5). М., 1924. С. 102.
- 2469.**
Император Николай II – Вдовствующей Императрице Марии Феодоровне 21 июля 1906 г. // ГА РФ. Ф. 642. Д. 2328. Л. 45.
- 2470.**
Коковцов В.Н. Указ. соч. Т. 1. С. 208.
- 2471.**
Там же. С. 199.

2472.

Там же. С. 200.

2473.

Там же. С. 201.

2474.

Там же. С. 213.

2475.

Император Николай II – П.А. Столыпину // Красный архив. Исторический журнал. М., 1924. № 5(5). С. 102.

2476.

Смирнов А.Ф. Указ. соч. С. 231.

2477.

Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. Отд. 1. Т. XXVI. 1906 г. СПб., 1909. № 28103. С. 738.

2478.

Там же. № 28105. С. 738.

2479.

Прайсман Л.Г. Указ. соч. С. 79.

2480.
Сидоровин Г.П. Жизнь за Отечество. М.: Терра-Книжный клуб, 2002.

2481.
ГА РФ. Ф. 102. ДП ОО. 1906. 1а. Д. 312. Л. 8–15.

2482.
Прайсман Л.Г. Указ. соч. С. 220.

2483.
Дневники Императора Николая II. 1894–1918. Т. 2. Ч. 1. 1905–1913. Запись за 13 августа 1906 г. С. 148.

2484.
Дневники Императора Николая II. 1894–1918. Т. 2. Ч. 1. 1905–1913. Запись за 14 августа 1906 г. С. 148.

2485.
Цит. по: Прайсман Л.Г. Указ. соч. С. 221.

2486.
РГИА. Ф. 1276. Оп. 1. Д. 92.

2487.

РГА ВМФ. Ф. 9. Оп. 1. Д. 430.

2488.

Там же.

2489.

РГИА. Ф. 1276. Оп. 1. Д. 5.

2490.

Император Николай II – П.А. Столыпину 14 августа 1906 г. // Красный архив. Исторический журнал. М., 1924. Т. 5. С. 103–104.

2491.

Генерал А.Ф. Редигер – П.А. Столыпину // РГИА. Ф. 1276. Оп. 1. Д. 92.

2492.

РГИА. Ф. 1276. Оп. 1. Д. 92.

2493.

Прайсман Л.Г. Указ. соч. С. 222.

2494.

РГИА. Ф. 1276. Оп. 1. Д. 92.

2495.

Император Николай II – адмиралу Ф.В. Дубасову 4 декабря 1906 г. // Красный архив. Исторический журнал. Т. 4–5 (11–12). М., 1925. С. 441–442.

2496.

Вашего внутреннего голоса (фр.).

2497.

Из воспоминаний генерала П.П. Орлова // Царственные мученики в воспоминаниях верноподданных. М.: Сретенский монастырь; Новая книга; Ковчег, 1999. С. 266–267.

2498.

Чуркин С., Линдер И. Спецслужбы России за 1000 лет. М.: Литагент «Рипол», 2008.

2499.

Там же. С. 54.

2500.

Александр Михайлович, Великий Князь. Указ. соч. С. 221–222.

2501.

Там же. С. 223.

2502.

Император Николай II – Императрице Марии Феодоровне 30 августа 1906 г. // Красный архив. Исторический журнал. М.–Л., 1927. Т. 3(22). С. 198.

2503.

Император Николай II – П. А. Столыпину 27 августа 1906 г. // Красный архив. Исторический журнал. М., 1924. Т. 5(5). С. 104.

2504.

Дневники Императора Николая II. 1894–1918. Т. 2. Ч. 1. 1905–1913. Запись за 30 августа 1906 г. С. 151.

2505.

Император Николай II – Вдовствующей Императрице Марии Феодоровне 30 августа 1906 г. // ГА РФ. Ф. 642. Оп. 1. Д. 2329. Л. 5–6.

2506.

Мейлунас А., Мироненко С. Указ. соч. С. 295.

2507.

Император Николай II – Вдовствующей Императрице

Марии Феодоровне 27 сентября 1906 г. // Красный архив. Исторический журнал. С. 202.

2508.

Император Николай II – Вдовствующей Императрице Марии Феодоровне 11 октября 1906 г. // Красный архив. Исторический журнал. М.–Л., 1927. Т. 3 (22). С. 204.

2509.

Мейлунас А., Мироненко С. Указ. соч. С. 298.

2510.

Император Николай II – Вдовствующей Императрице Марии Феодоровне // ГА РФ. Ф. 642. Оп. 1. Д. 2330. Л. 30.

2511.

Ольденбург С.С. Указ. соч. С. 376.

2512.

Смирнов А.Ф. Указ. соч. С. 305–306.

2513.

Полное ничтожество (фр.).

2514.

Император Николай II – Вдовствующей Императрице Марии

Феодоровне // ГА РФ. Ф. 642. Оп. 1. Д. 2330. Л. 3.

2515.

Там же.

2516.

Разъяснение П.А. Столыпина, сделанное после думских прений, 6 марта 1907 г. // Петр Аркадьевич Столыпин. Полное собрание речей в Государственной думе и Государственном совете: 1906–1911. Нам нужна великая Россия. М.: Молодая гвардия, 1991. С. 63–64.

2517.

Император Николай II – Вдовствующей Императрице Марии Феодоровне 8 марта 1907 г. // ГА РФ. Ф. 642. Оп. 1. Д. 2330. Л. 6.

2518.

Император Николай II – Вдовствующей Императрице Марии Феодоровне // ГА РФ. Ф. 642. Оп. 1. Д. 2330. Л. 12.

2519.

Петр Аркадьевич Столыпин. Полное собрание речей в Государственной думе и Государственном совете: 1906–1911. С. 77.

2520.

Там же. С. 96.

2521.

РГИА. Ф. 1278. Оп. 1 (2-й созыв). Д. 162; Д. 570. Л. 6.

2522.

П.А. Столыпин – Императору Николаю II 17 апреля 1907 г. // ГАРФ. Ф. 543. Оп. 1. Д. 515. Л. 76.

2523.

ГА РФ. Ф. 642. Оп. 1. Д. 2330. Л. 12.

2524.

Петр Аркадьевич Столыпин. Полное собрание речей в Государственной думе и Государственном совете: 1906–1911. С. 84.

2525.

Там же. С. 97.

2526.

Там же. С. 97.

2527.

Там же. С. 97.

2528.

ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1125. Л. 3.

2529.

Русское слово. № 125. 2 июня 1907.

2530.

Крыжановский С.Е. Воспоминания. Берлин, 1938.

2531.

Полное собрание законов Российской империи. № 29240.
Собрание третье. Т. XXVII. 1907. СПб., 1910. С. 319–320.

2532.

Там же. С. 320.

2533.

Там же.

2534.

Там же.

2535.

Там же.

2536.

Полное собрание законов Российской империи. № 29241. Т. XXVII. 1907. СПб., 1910. № 29240. С. 321.

2537.

Ольденбург С.С. Указ. соч. С. 383.

2538.

Розанов В.В. Государь и Государственная дума // Розанов В.В. Собр. соч. Т. 15. С. 63.

2539.

Ленин В.И. Революционные дни // Ленин В.И. Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 9. С. 206.

2540.

Евлогий, митрополит. Путь моей жизни. С. 184.

2541.

Цит. по: Фомин С. Григорий Распутин: Расследование. «Боже! Храни своих!» М.: Форум, 2009. С. 64.

2542.

Цит. по: Фирсов С.Л. Православная церковь и государство в последнее десятилетие существования самодержавия в России. СПб.: Изд-во Русского Христианского

гуманитарного института, 1996. С. 71.

2543.

Жевахов Н.Д., князь. Воспоминания: В 2 т. М.: Царское Дело, 1993. Т. 1. С. 71.

2544.

Белоногова Ю.Н. Отношения иерархов Русской Православной Церкви и государственной власти в начале XX века // Ежегод. богослов. конф. Православного Свято-Тихон. богослов. ин-та. М., 2002. С. 140.

2545.

Фомин С.В. Григорий Распутин: Расследование. «А кругом широкая Россия...». С. 487.

2546.

Там же.

2547.

Там же. С. 488.

2548.

ГА РФ. Ф. 102. ДП ОО. 1905. Д. 12. Ч. 2. Л. 6–15.

2549.

Фомин С.В. Россия без Царя // Серафим (Кузнецов), игумен. Православный Царь-Мученик. Сост. С.В. Фомин. М., 1997. С. 692–693.

2550.

Фомин С.В. Григорий Распутин: Расследование. «А кругом широкая Россия...». С. 488.

2551.

Киприан (Керн), архимандрит. Воспоминания. М., 2002. С. 26.

2552.

РГИА. Ф. 1579. Оп. 1. Д. 36. Л. 1–2.

2553.

Жевахов Н.Д. Указ. соч. Т. 2.

2554.

Киприан (Керн), архимандрит. Указ. соч. С. 13.

2555.

Митрофанов Георгий, протоиерей. Указ. соч. С. 42.

2556.

Иоанн (Снычев), митрополит. Указ. соч. С. 78.

2557.

Император Николай II – К.П. Победоносцеву 23 сентября 1904 г. // РГИА. Ф. 1579. Оп. 1. Д. 35. Л. 22.

2558.

РГИА. Ф. 1579. Оп. 1. Д. 36. Л. 2.

2559.

Митрофанов Георгий, протоиерей. История Русской Православной Церкви. С. 11.

2560.

Савва (Тутунов), игумен. У истоков Предсоборного присутствия 1906 года: церковно-общественные дискуссии и отзывы архиереев Московская епархия Русской Православной Церкви. 2011. URL: // <http://www.mepar.ru/library/vedomosti/56/990/> (дата обращения: 17.01.2015).

2561.

ГА РФ. Ф. 102 ДП ОО. 1906. Д. 1038. Л. 1–2 об.

2562.

Савва (Тутунов), игумен. У истоков Предсоборного присутствия 1906 года: церковно-общественные дискуссии и отзывы архиереев Московская епархия Русской

Православной Церкви. 2011. URL: // <http://www.mepar.ru/library/vedomosti/56/990/> (дата обращения: 17.01.2015).

2563.

Кузнецов Н.Д. Преобразования в Русской Церкви. Рассмотрение вопроса по официальным документам и в связи с потребностями жизни. М., 1906.

2564.

Там же. С. 16.

2565.

Мейендорф Павел. Литургический путь Православной церкви. Лекция памяти о. А. Шмемана, читанная в Петербурге в 1996 г.

2566.

Всеволод, инок. Охранительство. Сб. статей. Джорданвиль – М., 2004. С. 15.

2567.

Церковные ведомости. 1905. № 14. С. 99.

2568.

РГА ВМФ. Ф. 9. Оп. 1. Д. 428.

2569.

Андроник, игумен. Гомилетическое наследие священника Павла Флоренского // Ныне и присно. № 23–24, 2006. С. 153–184.

2570.

Бабкин М. Российское духовенство и свержение монархии в 1917 году. С. 389.

2571.

Богданович А.В. Указ. соч. С. 112.

2572.

Патриарх Тихон и история русской церковной смуты. Кн. 1. СПб.: Сатись, 1994. С. 115.

2573.

Евлогий (Георгиевский), митрополит. Путь моей жизни. М.: Московский рабочий, 1994. С. 140–141.

2574.

Николай II. Венец земной и небесный. С. 99.

2575.

Острцов В. Чёрная сотня и красная сотня. М., 1991. С. 21.

2576.

Вениамин, архиепископ Владивостокский и Приморский, Прозорова Г.В. О первом правящем архиерее Владивостокско-Камчатской епархии // Интернет-сайт: Владивостокской епархии. Приморская митрополия Русской Православной Церкви. 2008. URL: <http://www.vladivostok-eparhia.ru/eparhia/history/?ID=2036> (дата обращения: 22.01.2015).

2577.

Прибавления к Церковным ведомостям. СПб., 1905. № 5. С. 185–186.

2578.

Бабкин М.А. Указ. соч.

2579.

Платонов О. Указ. соч. С. 166.

2580.

ГА РФ. Ф. 550. Оп. 1. Д. 202. Л. 1–2.

2581.

РГИА. Ф. 796. Оп. 205. Д. 250.

2582.

Смолич И.К. История Русской Церкви 1700-1917. Ч. 1. М., 1996. С. 239.

2583.

«Церковные ведомости», 1906 г. № 1.

2584.

Смолич И.К. Указ. соч. Ч. 1. С. 239.

2585.

Там же.

2586.

Там же.

2587.

Свод законов Российской империи. Том первый. Часть I. Свод Основных Государственных Законов. СПб., 1906.

2588.

Митрофанов Георгий, протоиерей. Указ. соч. С. 40.

2589.

Флоренский П. Православие // Флоренский П. Вопросы религиозного самопознания. М.: АСТ, 2004. С. 183–184.

2590.

Лев Лебедев, прот. Великороссия: жизненный путь. СПб., 1999. С. 395–398.

2591.

«...И даны будут жене два крыла». К 50-летию С.В. Фомина. М.: Паломник, 2002. С. 528.

2592.

Лебедев Лев, протоиерей. Указ. соч. С. 398.

2593.

Потоцкий Б. К материалам новейшей истории // Луч света. Литературно-политическое издание. Кн. IV. Мюнхен, 1922. С. 393–394.

2594.

Подробнее об этом см.: Мультиатули П.В. Крестный путь Царской Семьи. Екатеринбургская голгофа.

2595.

Вадковский М.В. Мои воспоминания о митрополите Антонии // Исторический вестник. Т. 143. 1916. № 2. С. 195–220.

2596.

Там же. С. 201.

2597.

Жевахов Н.Д. Указ. соч. Т. 2. С. 387–388.

2598.

Нилус С.А. На берегу Божьей реки.

2599.

Фомин С.В. Царь в саккосе.

2600.

«...И даны будут жене два крыла». С. 541.

2601.

Кони А.Ф. Николай II (Воспоминание) // Кони А.Ф. Собрание сочинений в восьми томах. М.: Юридическая литература, 1966. Т. 2. С. 378.

2602.

В дневниках Государя часто можно встретить упоминание имени Кони, но к А.Ф. Кони оно не имеет никакого отношения. Так называли в Царской Семье принца Константина Петровича Ольденбургского.

2603.

Кони А.Ф. Указ. соч. Т. 2. С. 358.

2604.

Там же. С. 377.

2605.

Богданович А.В. Указ. соч. С. 371.

2606.

ГА РФ. Ф. 1625. Оп. 1. Д. 12. Л. 57.

2607.

Деникин А.И. Очерки Русской смуты. Крушение власти и армии. Февраль – сентябрь 1917 г. М.: Наука, 1991.

2608.

Бенуа А.Н. Мои воспоминания. В пяти книгах. Кн. первая, вторая, третья. М.: Наука, 1990. С. 72.

2609.

Шаховской В.Н., князь. Sic transit Gloria mundi (Так проходит мирская слава). 1893–1917. Париж, 1952. С. 6.

2610.

Радциг Е.С. Николай II в воспоминаниях приближенных // Новая и новейшая история. № 2. 1999.

2611.

О псевдонаучном творчестве таких «передовиков» производства околоисторической литературы, как артиллерист А.Б. Широкоград и бывший грузчик А.А. Бушков, мы не считаем нужным упоминать.

2612.

Семёнов-Тян-Шанский В.П. То, что прошло: 1870–1917. М.: Новый хронограф, 2009. Т. 2. 75–76.

2613.

Владимир Аркадьевич Теляковский – глава Дирекции Императорский театров в 1901–1917 гг.

2614.

Шаляпин Ф.И. Маска и душа. Мои сорок лет на театрах. М., 1932. С. 78.

2615.

Бенуа А.Н. Мои воспоминания. В пяти книгах. Кн. четвертая, пятая. М.: Наука, 1990. С. 373.

2616.

Бенуа А.Н. Указ. соч. С. 373.

2617.

Сухомлинов В.А. Указ. соч. С. 78.

2618.

Обручев Н. Подлинный облик Царя-Мученика, как Человека, Христианина и Монарха // Николай II в воспоминаниях и свидетельствах. С. 233.

2619.

Цит. по: Боханов А. История России (XIX – начало XX века) / Под ред. А. Сахарова. М.: Русское слово, 1998. С. 7–9.

2620.

Буксгевден С. Указ. соч. С. 144.

2621.

Мосолов А.А. Указ. соч. С. 17.

2622.

Святитель Иоанн (Максимович). Кровь Его на нас. М.: Русское зеркало, 1998. С. 2–3.

2623.

Шавельский Г.И. Указ. соч. С. 359.

2624.

Данилов Ю.Н. Мои воспоминания об Императоре Николае II и Великом Князе Михаиле Александровиче. С. 213.

2625.

Шаховской В.Н., князь. Указ. соч. С. 6.

2626.

Мережковский Д., Гиппиус З., Философов Д. Царь и революция. С. 73.

2627.

Стяг № 2. Орган свободной монархической мысли. Июль – август 1949.

2628.

Розанов В.В. Уединённое. М., 1990. С. 70.

2629.

О возрождении России. М., 1906. С. 22.

2630.

Данилов Ю.Н. Мои воспоминания об Императоре Николае II и Великом Князе Михаиле Александровиче. С. 218.

2631.

Шаргунов Александр, протоиерей. Указ. соч. С. 12.

2632.

Царственные Мученики в воспоминаниях верноподданных.
С. 11.

2633.

Император Николай II – Императрице Александре
Феодоровне 10/22 июля 1899 г.// ГА РФ. Ф. 645. Оп. 1. Д.
99. Л. 29.

2634.

Дневники Императора Николая II. 1894–1918. Т. 2. Ч. 2.
1914–1918. Запись за 2/15 марта 1918 г. С. 413.

2635.

Шавельский Г.И. Указ. соч. С. 356.

2636.

Там же. С. 359.

2637.

Офросимова С.Я. Царская Семья (из детских
воспоминаний) // Русская летопись. Кн. 7. Париж, 1925. С.
242.

2638.

Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. Т. XXI. Отд. 1. СПб., 1903. № 19828. С. 144.

2639.

Мирек А. Император Николай II и судьба православной России. М.: Духовное просвещение, 2011.

2640.

Тальберг Н.Д. История Русской Церкви. 1901–1908.

2641.

Шавельский Г.И. Указ. соч. С. 358.

2642.

Буксгевден Софья, баронесса. Жизнь и трагедия Александры Федоровны, Императрицы России. Воспоминания фрейлины. М.: Лепта; Гриф; Вече, 2012. С. 107.

2643.

Цит. по: Мирек А. Император Николай II и судьба православной России.

2644.

Офросимова С.Я. Царская Семья (из детских воспоминаний) // Русская летопись. Париж, 1925. Т. 7. С.

231.

2645.

Тальберг

2646.

Митрофанов Георгий, протоиерей. История Русской Православной Церкви. 1900–1927. СПб.: Сатись, 2002. С. 8.

2647.

Император Николай II – Вдовствующей Императрице Марии Феодоровне 20 марта 1908 г. // ГА РФ. Ф. 642. Оп. 1. Д. 2330. Л. 46.

2648.

Тарасевич И.А. Император Николай II как основоположник конституционного принципа свободы веротерпимости в России // «Судьбы Романовых в судьбе Сибири»: материалы Международного научного форума (Тобольск, 9–11 сентября 2010 г.) / Под ред. А.П. Яркова. Тюмень: Издательско-полиграфический центр «Экспресс», 2010. С. 188.

2649.

Подробнее см.: Мультиатули П.В. Император Николай II и мусульмане. М.: Российский институт стратегических

исследований, 2013.

2650.

Гурко В.И. Царь и Царица. С. 27.

2651.

Извольский А.П. Указ. соч. С. 138–139.

2652.

Император Николай II – П.А. Столыпину. 23 октября 1907 г. // Красный архив. Исторический журнал. М., 1924. Т. 5(5). С. 115.

2653.

Танеева (Вырубова) А.А. Указ. соч. // Русская летопись. Париж, 1922. Кн. 4. С. 45–46.

2654.

Боханов А.Н. Российская империя. Образ и смысл. С. 354.

2655.

Палеолог М. Царская Россия во время мировой войны. М.: Международные отношения, 1991. С. 207.

2656.

Крестный путь Царственных Мучеников. Свидетельства

современников о Царской Семье. Материалы для жития и акафиста. По благословению Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II. М.: Сретенский монастырь; Новая книга; Ковчег, 1997. С. 7.

2657.

Константин (Зайцев), архимандрит. Чудо Русской истории. М., 2000.

2658.

Царственные Мученики в воспоминаниях верноподданных. С. 78.

2659.

Император Николай II – графу П.К. Бенкендорфу 23 февраля 1913 г. // ГА РФ. Ф. 553. Оп. 1. Д. 6. Л. 83.

2660.

Никольский Б. Сокрушить крामолу. М.: Институт Русской цивилизации, 2009. С. 92.

2661.

Император Николай II – барону В.Б. Фредериксу 21 марта 1902 г. // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1128. Л. 17.

2662.

Евлогий (Георгиевский), митрополит. Указ. соч.

2663.

Там же.

2664.

Там же.

2665.

Ящик Т.К. Рядом с Императрицей. Воспоминания лейб-казака. М.: Нестор-история, 2011. С. 54.

2666.

Спиридович А.И. Указ. соч. С. 213.

2667.

Николай II в воспоминаниях и свидетельствах. С. 198.

2668.

Император Николай II – Вдовствующей Императрице Марии Феодоровне // Ф. 642. Оп. 1. Д. 2332. Л. 6.

2669.

Царский Лейб-медик. Жизнь и подвиг Евгения Боткина / Сост. О.Т. Ковалевская. СПб., 2011. С. 41.

2670.

Сухомлинов В.А. Указ. соч. С. 98.

2671.

Дневники Императора Николая II. 1894–1918 гг. Т. 1. 1894–1904. Запись за 31 июля 1897 г. С. 354.

2672.

Император Николай II – Вдовствующей Императрице Марии Феодоровне 31 июля 1897 г. // ГА РФ. Ф. 642. Оп. 1. Д. 2322. Л. 15.

2673.

Фабрицкий С.С. Указ. соч. С. 111.

2674.

Справка о службе генерала С.И. Сперанского // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1079. Л. 2–3.

2675.

Витте С.Ю. Воспоминания. Т. 2. С. 15.

2676.

Мосолов А.А. При дворе последнего Императора. СПб: Наука, 1992. С. 15.

2677.

Буксгевден Софья, баронесса. Жизнь и трагедия Александры Федоровны, Императрицы России. Воспоминания фрейлины. С. 722.

2678.

Редигер А.Ф. История моей жизни. Воспоминания военного министра. М.: Канон-пресс; Кучково поле, 1999. Т. 2. С. 262.

2679.

Царственные мученики в воспоминаниях верноподданных. С. 138–139.

2680.

Буксгевден Софья, баронесса. Жизнь и трагедия Александры Федоровны, Императрицы России. Воспоминания фрейлины. С. 715.

2681.

Редигер А.Ф. История моей жизни. Воспоминания военного министра. М.: Канон-пресс; Кучково поле, 1999. Т. 1. С. 546.

2682.

Буксгевден Софья, баронесса. Жизнь и трагедия Александры Федоровны, Императрицы России. Воспоминания фрейлины. С. 714.

2683.

Редигер А.Ф. Указ. соч. Т. 1. С. 547–548.

2684.

Шавельский Г.И. Воспоминания последнего протопресвитера Русской армии и флота. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1954. С. 87.

2685.

Редигер А. Указ. соч. Т. 1. С. 548.

2686.

Крылов-Толстикович А. Быть русской Императрицей. М.: Гала-Пресс, 2003.

2687.

Воейков В.Н. Указ. соч. С. 44.

2688.

Редигер А. Указ. соч. Т. 1. С. 548.

2689.

Воейков В.Н. Указ. соч. С. 47.

2690.

Царственные мученики в воспоминаниях верноподданных.
С. 30–31.

2691.

Редигер А. Указ. соч. Т. 1. С. 548–549.

2692.

Танеева (Вырубова) А.А. Указ. соч. // Русская летопись.
Париж, 1922. Кн. 4. С. 42.

2693.

Зимин И. Царская работа. С. 156.

2694.

Буксгевден С.К. Император Николай II, таким, каким
я его знала // Царственные мученики в воспоминаниях
верноподданных. С. 377.

2695.

Мосолов А.А. Указ. соч. С. 77.

2696.

Зимин И.В. Повседневная жизнь Российского
Императорского Двора. Вторая четверть XIX – начало
XX в. Взрослый мир Императорских резиденций. М.:
Центрполиграф, 2011.

2697.

Данилов Ю.Н. Мои воспоминания об Императоре Николае II и Великом Князе Михаиле Александровиче. С. 213.

2698.

Ольденбург С.С. Царствование Императора Николая II. СПб.: Петрополь, 1991.

2699.

Витте С.Ю. Воспоминания. Т. 1. С. 436.

2700.

Цит. по: Труайя Анри. Николай II. М.: Эксмо, 2007. С. 13.

2701.

Гурко В.И. Царь и Царица. С. 35.

2702.

Буксгевден Софья, баронесса. Жизнь и трагедия Александры Федоровны, Императрицы России. Воспоминания фрейлины. С. 715.

2703.

Мосолов А.А. При дворе последнего Императора. СПб.: Наука, 1992. С. 76.

2704.

Мамантов В.И. На государственной службе. Воспоминания. Таллин, 1926. С. 112.

2705.

Кони А.Ф. Указ. соч. Т. 2. С. 377.

2706.

Врангель П.Н. Воспоминания. Т. 1–2. М.: Терра, 1992. Т. 1. С. 14–15.

2707.

Допрос свидетеля Е.С. Кобылинского 6/10 апреля 1919 г. // Гибель Царской семьи. Материалы следствия по делу об убийстве Царской Семьи (Август 1918 – февраль 1920). Составитель Николай Росс. Франкфурт-на-Майне: Посев, 1987. С. 308.

2708.

Ольденбург С.С. Указ. соч. С. 98.

2709.

Дневник Великого Князя Константина Константиновича за 1892 г. // ГА РФ. Ф 660. Оп. 1. Д. 41. Л. 44.

2710.

Допрос А.Д. Протопопова // ГА РФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 957. Л. 11.

2711.

Данилов Ю.Н. Мои воспоминания об Императоре Николае II и Великом Князе Михаиле Александровиче.

2712.

Десять лет на Императорской яхте «Штандарт» // Морские записки. The Naval Records. Издание бывших морских офицеров в Америке. Нью-Йорк, 1947. Т. 5. № 1. С. 45.

2713.

Фабрицкий С.С. Из прошлого. Воспоминания флигель-адъютанта Государя Императора Николая II. Берлин, 1926. С. 52.

2714.

Допрос свидетеля Е.С. Кобылинского 6–10 апреля 1919 г. // Гибель Царской Семьи. Материалы следствия. С. 308.

2715.

Допрос генерала Д.Н. Дубенского // ГА РФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 977. Л. 53.

2716.

Мосолов А.А. Указ. соч. С. 77.

2717.

Там же. С. 76.

2718.

Ольденбург С.С. Указ. соч. С. 37.

2719.

Редигер А. Указ. соч. Т. 1. С. 549.

2720.

Сазонов С.Д. Указ. соч.

2721.

Сургучев И. Указ. соч. С. 23.

2722.

Шаргунов Александр, протоиерей. Православная монархия и новый мировой порядок. М., 1992. С. 12.

2723.

Ден Лили, Воррес Йен. Указ. соч. С. 57.

2724.

Обручев Н. Подлинный облик Царя-Мученика, как Человека, Христианина и Монарха // Николай II в воспоминаниях и свидетельствах. С. 241.

2725.

Извольский А.П. Указ. соч. С. 67.

2726.

Обручев Н. Подлинный облик Царя-Мученика, как Человека, Христианина и Монарха // Николай II в воспоминаниях и свидетельствах. С. 241.

2727.

Дневник Цесаревича Николая Александровича. Запись от 24 июля 1892 г. // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 228. Л. 180.

2728.

Царственные мученики в воспоминаниях верноподданных. С. 142.

2729.

Допрос свидетельницы К.М. Битнер 4 августа 1919 г. // Гибель Царской Семьи. Материалы следствия. С. 421.

2730.

Танеева (Вырубова) А.А. Указ. соч. // Русская летопись.

Париж, 1922. Кн. 4.

2731.

Допрос свидетеля А.А. Волкова 20–23 августа 1919 г. // Гибель Царской Семьи. Материалы следствия. С. 453.

2732.

Алферьев Е.Е. Император Николай II как человек сильной воли. Материалы для составления Жития Св. Благодетелей Царя-Мученика Николая Великого Страстотерпца. Нью-Йорк-Джорданвилль, 1983. С. 14.

2733.

Шварц А.Н. Моя переписка со Столыпиным. Мои воспоминания о Государе. М.: «Греко-латин. каб.» Ю.А. Шичалина, 1994. С. 60.

2734.

Вырубова А.А. Указ. соч. // Русская летопись. Париж, 1922. Кн. 4. С. 46.

2735.

Винберг Ф.В. Крестный путь. Мюнхен 1922. (Репринтное издание. СПб.: София, 1997).

2736.

Данилов Ю.Н. Мои воспоминания об Императоре Николае II и Великом Князе Михаиле Александровиче // Архив Русской Революции. Т. XIX. Берлин, 1928. С. 213.

2737.

Нилус С.А. На берегу Божьей реки. Записки православного. Т. 2. М.: Лествица, 1999.

2738.

Месснер Е. Царь и офицер // Николай II в воспоминаниях и свидетельствах. С.

2739.

Щербатов С.А. Художники в ушедшей России. М.: XXI Век – Согласие, 2000. С. 177.

2740.

Мордвинов А.А. Воспоминания // Царственные мученики в воспоминаниях верноподданных. С. 58–95.

2741.

Ден Ю. Подлинная Царица. М.: Вече, 2013. С. 83.

2742.

Офросимова С.Я. Указ. соч. С. 233.

2743.

Обручев Н. Подлинный облик Царя-Мученика // Николай II в воспоминаниях и свидетельствах. С. 341.

2744.

Степанов И. Милосердия двери. Лазарет Ея Величества // Возрождение. № 67. Июль 1957. Париж.

2745.

Ходнев Д. Император Николай II – Державный Вождь Русской армии (по воспоминаниям рядового офицера) // Николай II в воспоминаниях и свидетельствах. С. 120.

2746.

Шаховской В.Н., князь. Указ. соч. С. 186.

2747.

Винберг В.Ф. Крестный путь. С. 198.

2748.

Император Николай II – Вдовствующей Императрице Марии Феодоровне 1909 г. // ГА РФ. Ф. 642. Оп. 1. Д. 2330. Л. 82.

2749.

Император Николай II – графу П.К. Бенкендорфу // ГА РФ. Ф. 553. Оп. 1. Д. 6. Л. 11.

2750.

Мосолов А.А. Указ. соч. С. 84.

2751.

Там же.

2752.

Ходнев Д. Император Николай II – Державный вождь Российской армии // Николай II в воспоминаниях и свидетельствах. С. 120.

2753.

«Братья Брюно» – название Торгового дома, поставщика Двора Его Императорского Величества с 1872 г., в основном головных уборов и обуви.

2754.

Мамантов В.И. Указ. соч. С. 102.

2755.

Свастика (гамматический крест) относится к наиболее древним солярным знакам, символизирующим солнце и вечное движение, а у арийских народов также счастье и благополучие. В христианстве этот знак один из самых древних, уже в IV в. он изображен на потире (Уваров

А.С., граф. Христианская символика. Ч. 1. М., 1908. С. 36). Гамматический крест также является символом Святого Духа, Вечности Творца. В частности, знак многосторонней спиралевидной свастики изображен под куполом собора Василия Блаженного в Москве, в Благовещенском соборе Московского Кремля. После гибели Третьего рейха свастика необоснованно стала восприниматься во всем мире исключительно как нацистский знак.

2756.

Николай II в воспоминаниях и свидетельствах. С. 123.

2757.

Сухомлинов В. Из воспоминаний. Литература русского зарубежья. Антология в шести томах. Т. 1. Книга вторая: 1920–1925. М.: Книга, 1990.

2758.

Воейков В.Н. Указ. соч. С. 29–30.

2759.

Сибирская жизнь/ 12 июля 1914. С. 3.

2760.

Буксгевден С. Указ соч. С. 716.

2761.

Дневник Великого Князя Константина Константиновича за 1896 г. Запись за 27 февраля // ГА РФ. Ф. 660. Оп. 1. Д. 43. Л. 26–27.

2762.

Адрес Военно-исторического общества Императору Николаю II // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 115. Л. 2.

2763.

Дневники Императора Николая II. 1894–1918. Т. 2. Ч. 1. Запись за 14 февраля 1909 г. С. 366.

2764.

ГА РФ. Ф. 583. Оп. 1. Д. 50. Л. 20–23.

2765.

Великий Князь Николай Михайлович – Императору Николаю II 1 октября 1909 г. // ГА РФ. Ф. 670. Оп. 1. Д. 194. Л. 6.

2766.

Император Николай II – Великому Князю Николаю Михайловичу 12 сентября 1909 г. // ГА РФ. Ф. 670. Оп. 1. Д. 194. Л. 12.

2767.

Император Николай II – Вдовствующей Императрице Марии Феодоровне // ГА РФ. Ф. 642. Оп. 1. Д. 2331. Л. 43.

2768.

Император Николай II – Великому Князю Николаю Михайловичу 12 февраля 1909 г. // ГА РФ. Ф. 670. Оп. 1. Д. 194. Л. 12.

2769.

Император Николай II – Великому Князю Николаю Михайловичу 22 января 1910 г. // ГА РФ. Ф. 670. Оп. 1. Д. 194. Л. 12.

2770.

Император Николай II – министру внутренних дел П. К. Плеве // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 2109. Л. 168 [копия].

2771.

Шереметев С. Д. Указ. соч. С. 213.

2772.

Мосолов А. При Дворе Императора. Рига: Филин, б/г. С. 15–16.

2773.

Тальберг Н.А. Светлой памяти возлюбленного Государя // Царственные мученики в воспоминаниях верноподданных. С. 99.

2774.

Раух Г.О. 30 июля 1904 года // Возрождение. № 436. Париж, 1926. 12 августа. С. 2.

2775.

Полное собрание речей Императора Николая II. 1894—1906. С. 58.

2776.

Розанов В.В. Государь и Государственная дума // Розанов В.В. Собрание сочинений: В 30 т. / Под общей редакцией А.Н. Николюкина. Т. 15. С. 63.

2777.

Вырубова А.А. Указ. соч.

2778.

Собрание писем святителя Феофана. Выпуск второй. Издание Афонского Русского Пантелеимонова монастыря. М.: Типо-Литография И. Ефимова, 1898. С. 237—238.

2779.

Фирсов С. Горький юбилей. К столетию со времени отлучения от Церкви Льва Толстого // НГ-Религии. 2001. № 5 (76). С. 8.

2780.

Нетовщина (нетовцы) – беспоповская раскольничья секта, отрицавшая Церковь, священство, Церковные таинства и государственную власть. К началу XX в. распалась на множество толков ещё более изуверского характера.

2781.

«Богоискательство» и богоборчество Л.Н. Толстого // Лжеучения нашего времени. Сборник материалов из сборника «Троицкий благовестник». Свято-Троицкая Сергиева лавра, 2001. С. 56.

2782.

Суворин А.С. Указ. соч. С. 210.

2783.

Фирсов С. Горький юбилей. К столетию со времени отлучения от Церкви Льва Толстого // НГ-Религии. 2001. № 5 (76). С. 8.

2784.

ГА РФ. Ф. 102. ДП ОО. 1905 г. 12. Ч. 1. Л. 37.

2785.

Там же.

2786.

Там же.

2787.

Там же.

2788.

ГА РФ. Ф. 102. ДП ОО. 1915 (245). Д. 132. Л. 47.

2789.

Ореханов Георгий, протоиерей. Русская Православная Церковь и Лев Толстой: восприятие конфликта современниками. М.: Изд-во ПСГТУ, 2010.

2790.

Булгаков С.Н. Философия хозяйства. М.: Наука, 1990. С. 109.

2791.

Примечательно, что выражение «злой», «злая» в отношении Господа Иисуса Христа, Пресвятой Богородицы и христианских святых свойственно бесноватым или адептам

оккультных, сатанинских сообществ. Не случайно они называют Преподобного Серафима Саровского «злой старик».

2792.

Церковные Ведомости, издаваемые при Святейшем Правительствующем Синоде. 24 февраля 1901. № 8.

2793.

К.П. Победоносцев – Императору Николаю II 25 февраля 1901 г. // Письма Победоносцева Александру III. Т. 2. С. 328.

2794.

Там же.

2795.

Дневники Императора Николая II. 1894–1918. Т. 2. Ч. 1. 1905–1913. Запись за 27 января 1905 г. С. 18.

2796.

Толстой Л.Л. Опыт моей жизни. Переписка Л.Н. и Л.Л. Толстых. М.: Кучково поле, 2014.

2797.

Граф Л.Л. Толстой – Императору Николаю II 13 декабря 1905 г. // Окно. № 9 (12) 2012, ссылка на ИРЛИ. Ф. 303.

2798.

Толстой Л.Л. Указ. соч. С. 211.

2799.

Утро России. 3 ноября 1910. № 290.

2800.

Правительственный вестник. 9 ноября 1910. № 242.

2801.

Графиня С.А. Толстая – Императору Николаю II 12 ноября 1910 г. // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1365. Л. 77.

2802.

Графиня С.А. Толстая – Императору Николаю II 12 марта 1914 г. // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1365. Л. 78.

2803.

Император Николай II – Вдовствующей Императрице Марии Феодоровне, 1910 г. // ГА РФ. Ф. 642. Оп. 1. Д. 2331. Л. 51.

2804.

Дневник Цесаревича Николая Александровича за 1882 г. Надпись на обложке // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 217 (1). Л. 3.

2805.

Памятные книжки Императора Александра III за 1893 г. // ГА РФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 294. Л. 8.

2806.

Чайковский П.И. Дневники. М.: Наш дом, 2000.

2807.

Саблин Н. Десять лет на Императорской яхте «Штандарт» // Морские записки. Издание общества Русских морских офицеров в Америке. Т. 5. № 1. Нью-Йорк, 1947. С. 45.

2808.

Буксгевден Софья, баронесса. Указ. соч. С. 720.

2809.

Саблин Н. Десять лет на Императорской яхте «Штандарт» // Морские записки. The Naval Records. Издание бывших морских офицеров в Америке. Нью-Йорк, 1947. Т. 5. № 1. С. 45.

2810.

Буксгевден Софья, баронесса. Указ. соч. С. 115.

2811.

Шавельский Г.И. Указ. соч. С. 356.

2812.

Ходнев Д. Император Николай II – Державный Вождь Российской армии (по воспоминаниям рядового офицера) // Николай II в воспоминаниях и свидетельствах. С. 122.

2813.

Допрос свидетеля Е.С. Кобылинского 6–10 апреля 1919 г. // Гибель Царской Семьи. Материалы следствия. С. 308.

2814.

Слово «анекдот» в понятии того времени было вовсе не тем, что мы понимаем сегодня, а именно: небольшой устный смешной рассказ. До революции под анекдотом понималась прежде всего занимательная история о каком-нибудь известном человеке, чаще всего без задачи его высмеять (см., например, Штелин Я. Подлинные анекдоты о Петре Великом. М., 1830; Русский литературный анекдот XVIII–XIX вв. М.: Художественная литература, 1990 и др.).

2815.

Гурко В.И. Царь и Царица. М.: Вече, 2008. С. 18.

2816.

Буксгевден Софья, баронесса. Указ. соч. С. 721.

2817.

Данилов Ю.Н. Мои воспоминания об Императоре Николае II и Великом Князе Михаиле Александровиче. С. 213.

2818.

Гурко В.И. Царь и Царица. М.: Вече, 2008.

2819.

Мережковский Д., Гиппиус З., Философов Д. Царь и революция. С. 72.

2820.

Зимин И. Взрослый мир императорских резиденций. Вторая четверть XIX – начало XX в. М.: Центрполиграф, 2011. С. 213.

2821.

Шавельский Г. Указ. соч. С. 127.

2822.

Феофан Затворник, святитель. Собрание писем. М., 1898. Вып. 2. С. 240.

2823.

Дневник Святителя Николая Японского. Запись в дневнике

1 апреля 1880 г. // Праведное житие и апостольские труды святителя Николая, архиепископа Японского, по его собственным записям. СПб., 1996. Ч. 1. С. 241.

2824.

Иоанн Кронштадтский, святой праведный. Дневник. Т. 17. 1872–1873. Тверь: Булат, 2009.

2825.

Великокняжеская и Царская охота на Руси с X по XVI века. Т. 1–4. Исторический очерк Н. Кутепова. СПб., 1896. 1911.

2826.

Дневник Императора Николая II за 1905 г. Запись за 8 августа // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 249. Л. 6.

2827.

Дневник Императора Николая II за 1907 г. // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 251. Л. 194.

2828.

Дневник Императора Николая II за 1907 г. // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 251. Л. 194.

2829.

Дневник Императора Николая II за 1907 г. // ГА РФ. Ф. 601.

Оп. 1. Д. 251. Л. 165.

2830.

Памятные книжки Императора Александра III // ГА РФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 276. Л. 134.

2831.

Памятные книжки Императора Александра III // ГА РФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 278. Л. 121.

2832.

Полевой Н.К. Император Александр III в Беловеже // Александр Третий. Воспоминания. Дневники. Письма. СПб., 2001. С. 243.

2833.

Дневник Императора Николая II за 1905 г. // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 249. Л. 67.

2834.

Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. Т. XII. 1892. № 8301. СПб., 1895. С. 83.

2835.

Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. Т. XII. 1892. № 8301. СПб., 1895. С. 83.

2836.

Вулмасн С., Кинг К. Первая мировая. Убийство, развязавшее войну. М.: АСТ, 2014. С. 114.

2837.

Гусиная бойня: Пантган // http://weaponland.ru/publ/gusinaja_bojnja_pantgan/15-1-0-437

2838.

Обручев Н. Подлинный облик Царя-Мученика, как Человека, Христианина и Монарха // Николай II в воспоминаниях и свидетельствах. С. 241.

2839.

Список собственных лошадей Императора Николая II 1915 // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1755.

2840.

Император Николай II – Вдовствующей Императрице Марии Феодоровне. 1895 г. // ГА РФ. Ф. 642. Оп. 1. Д. 2324. Л. 26.

2841.

Император Николай II – Вдовствующей Императрице Марии Феодоровне 1899 г. // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 2320. Л. 12.

2842.

Grunwald Constantin. Le Tsar Nicolas II. Paris: Editions Berger-Levrault, 1965.

2843.

Чайковский А. Мой Вагнер // Литературная газета. № 23, 2013.

2844.

Зимин И. Взрослый мир императорских резиденций.

2845.

Малкиель М. Рихард Вагнер и его оперы на сцене Императорской русской оперы (Мариинского театра). СПб., 1996.

2846.

Николай II о кино // Советский экран. № 15, 1927.

2847.

Там же.

2848.

Шавельский Г. Указ. соч. С. 112.

2849.

Кравцова М. Воспитание детей на примере святых Царственных Мучеников. М.: Благо, 2003.

2850.

Дитерихс М.К. Убийство Царской Семьи и членов Дома Романовых на Урале. Ч. 2. Материалы и мысли. Владивосток, 1922. С. 194.

2851.

Допрос свидетеля А.А. Волкова 20–23 августа 1919 г. // Гибель Царской Семьи. Материалы следствия. С. 453.

2852.

Вырубова (Танеева) А.А. Указ. соч.

2853.

Император Николай II – Императрице Александре Феодоровне 31 декабря 1915 г. // Платонов О.А. Терновый венец России. Николай II в секретной переписке. М., 1996.

2854.

Императрица Александра Феодоровна – Императору Николаю II 12 ноября 1915 г. // Император Николай II в секретной переписке. С. 287.

2855.

Ден Лили, Воррес Йен. Указ. соч. С. 240.

2856.

Буксгевден С. Указ. соч. С. 162.

2857.

Ден Ю. Подлинная Царица. Воспоминания близкой подруги Императрицы Александры Федоровны. СПб., 1999. С. 78.

2858.

Танеева (Вырубова) А.А. Указ. соч. // Русская летопись. Париж, 1922. Кн. 4.

2859.

Буксгевден С. Указ. соч. С. 162.

2860.

Император Николай II – Императрице Александре Федоровне 10/22 июля 1899 г. // ГА РФ. Ф. 645. Оп. 1. Д. 99. Л. 29.

2861.

Ден Лили, Воррес Йен. Указ. соч. С. 38.

2862.

Из воспоминаний флигель-адъютанта А.А. Мордвинова.

2863.

Мельник Т. Указ. соч. С. 11.

2864.

Императрица Александра Феодоровна – Императору Николаю II 21 октября 1914 г. // Николай II в секретной переписке. С. 314.

2865.

Дивный свет. С. 201.

2866.

Там же. С. 200.

2867.

Ден Лили, Воррес Йен. Указ. соч. С. 271.

2868.

Вырубова А.А. Указ. соч.

2869.

Там же.

2870.

Крылов-Толстикович А. Указ. соч. С. 115.

2871.

Жевахов Н.Д., князь. Указ. соч. Т. 1.

2872.

Боханов А.Н. Интервью для документального фильма «Царская Семья. Тайна быть счастливым». Год выпуска: 2009. Жанр: Документальный. Исторический. Продолжительность: 42:44. Автор: Петр Мультатули. Режиссер: Валерия Ловкова. Страна: Россия.

2873.

ГА РФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 709. Л. 28–29.

2874.

Вырубова А.А. Указ. соч.

2875.

Буксгевден С. Указ. соч. С. 162.

2876.

Ден Л., Воррес Й. Указ. соч. С. 41–42.

2877.

Там же. С. 43.

2878.

ГА РФ. Ф. 640. Оп. 1. Д. 317. Л. 32.

2879.

Императрица Александра Феодоровна – Великой Княжне Ольге Николаевне 31 декабря 1909 г.

2880.

Офросимова С.Я. Указ. соч. // Русская летопись. Париж, 1925. Кн. 7. С. 237.

2881.

Танеева (Вырубова) А.А. Указ. соч. // Русская летопись. Париж, 1922. Кн. 4. С. 40.

2882.

Воейков В.Н. Указ. соч.

2883.

Тютчева С.И. За несколько лет до катастрофы // Наше наследие. № 1. 1997.

2884.

Жильяр П. Указ. соч. С. 18.

2885.

Там же. С. 19–20.

2886.

Там же. С. 20.

2887.

Великая Княжна Анастасия Николаевна – Императрице
Александре Феодоровне 7 мая 1915 г. // ГА РФ. Ф. 640. Оп.
1. Д. 82. Л. 54.

2888.

Жильяр П. Указ. соч. С. 73.

2889.

Офросимова С.Я. Указ. соч. // Русская летопись. Париж,
1925. Кн. 7. С. 243.

2890.

Жильяр П. Указ. соч. С. 65.

2891.

Офросимова С.Я. Указ. соч. // Русская летопись. Париж,
1925. Т. 7. С. 232.

2892.

Вырубова А.А. Указ. соч. С.

2893.

Жильяр П. Указ. соч. С. 21–22.

2894.

Вырубова А.А. Указ. соч. С.

2895.

Жильяр П. Указ. соч. С. 39.

2896.

Там же. С. 39–40.

2897.

Там же. С. 42.

2898.

Там же. С. 30.

2899.

Савченко П. Светлый отрок. Сборник статей о Царевиче-Мученике Алексее и других Царственных Мучениках. Джорданвилль, Свято-Троицкий монастырь, 1999. С. 15.

2900.

Жильяр П. Указ. соч. С. 117.

2901.

Цесаревич Алексей Николаевич – Императрице Александре Феодоровне 15 октября 1915 г. // ГА РФ. Ф. 640. Оп. 1. Д. 76. Л. 49.

2902.

Жильяр П. Указ. соч. С. 48.

2903.

Шавельский Г. Указ. соч. С. 365.

2904.

Офросимова С.Я. Указ. соч. // Русская летопись. Париж, 1925. Кн. 7. С. 234.

2905.

Цесаревич Алексей Николаевич – Императрице Александре Феодоровне 7 мая 1915 г. // ГА РФ. Ф. 640. Оп. 1. Д. 46. Л. 11.

2906.

Цесаревич Алексей Николаевич – Императрице Александре Феодоровне 7 октября 1915 г. // ГА РФ. Ф. 640. Оп. 1. Д. 46. Л. 12.

2907.

Цесаревич Алексей Николаевич – Императрице Александре Феодоровне // ГА РФ. Ф. 640. Оп. 1. Д. 46. Л. 2.

2908.

Там же. Л. 47.

2909.

Шавельский Г. Указ. соч. С. 383.

2910.

Козьма Фирсович Крючков, донской казак, подхорунжий. Первый Георгиевский кавалер Второй Отечественной войны 1914–1917 гг. (Первой мировой).

2911.

Цесаревич Алексей Николаевич – Императрице Александре Феодоровне 18 ноября 1915 г. // ГА РФ. Ф. 640. Оп. 1. Д. 76. Л. 43.

2912.

Цесаревич Алексей Николаевич – Императрице Александре Феодоровне 26 ноября 1915 г. // ГА РФ. Ф. 640. Оп. 1. Д. 76. Л. 39.

2913.

Жильяр П. Указ. соч. С. 136.

2914.

Допрос свидетеля С. Гиббса.

2915.

Цесаревич Алексей Николаевич – Императрице Александре Феодоровне 14 октября // ГА РФ. Ф. 640. Оп. 1. Д. 46. Л. 46.

2916.

Цесаревич Алексей Николаевич – Императрице Александре Феодоровне 15 октября // ГА РФ. Ф. 640. Оп. 1. Д. 46. Л. 49.

2917.

Там же.

2918.

Буксгевден С.

2919.

В этой связи особо показателен мерзкий пасквиль «красного графа» А.Н. Толстого, в котором он сочиняет о том, как «суеверная» Императрица «боялась» подаренного ей портрета французской королевы // Толстой А.Н. Гобелен Марии-Антуанетты. Рассказ // Женский журнал. 1928. № 7–8.

2920.

Боханов А.Н. Распутин. Анатомия мифа. М.: АСТ-Пресс, 2001. С. 4.

2921.

Фомин С. Боткины: Свет и тени // URL: Интернет-сайт: Наша эпоха // <http://www.nashaepoha.ru/?page=obj47150&lang=1&id=6026> (дата обращения: 29 апреля 2015 г.)

2922.

Там же.

2923.

Фомин С.В. Свидетельство верных? URL: Интернет-сайт: Наша эпоха // <http://www.nashaepoha.ru/?page=obj47150&lang=1&id=989> (дата обращения: 29 апреля 2015 г.)

2924.

Особо важные справки по делам лиц связи «Темного» // ГА РФ. Ф. 111. Оп. 1. Д. 2980.

2925.

ГА РФ. Ф. 111. Оп. 1. Д. 2980. Л. 76.

2926.

Фомин С.В. Григорий Распутин: Расследование. «Ложь велика, но правда больше». М.: Форум, 2010. С. 321–325.

2927.

Фомин С.В. Григорий Распутин: Расследование. «Боже! Храни своих!». С. 278.

2928.

Рассулин Ю. Верная Богу, Царю и Отечеству. Анна Александровна Танеева (Вырубова) – монахиня Мария. СПб., 2009. С. 388.

2929.

Рассулин Ю. Указ. соч. С. 389–391.

2930.

URL: Интернет: свободный журнал В. Карпца // <http://karpets.livejournal.com/1532898.html> (дата обращения: 20 апреля 2015 г.)

2931.

«Культ» Г.Е. Распутина существует в секте «Богородичного центра», в раскольничьей «Церкви Иоанна Богослова» и т. д.

2932.

URL: Интернет-сайт: Русская народная линия 28 октября 2004 г.: http://ruskline.ru/monitoring_smi/2004/10/28/mitropolit_kirill_o_kodah_i_otnoshenii_k_caryu_ioannu_groznomu
(Дата обращения: 22 апреля 2015 г.)

2933.

Войресс Й. Указ. соч. С. 54.

2934.

Этимологию определения выражения «Наш друг» мы привели в главе, посвященной Филиппу Низье.

2935.

Император Николай II – Вдовствующей Императрице Марии Феодоровне 16 июня 1908 г. // ГА РФ. Ф. 642. Оп. 1. Д. 2330. Л. 64.

2936.

Цит. по: Родзянко М.В. Крушение Империи. С. 112.

2937.

Дневник Императора Николая II 1894–1918. Т. 2. Ч. 1. 1905–1913. Запись за 1 ноября 1905 г. С. 68.

2938.

Цит. по: Варламов А. Указ. соч.

2939.

Цит. по: Там же. С. 102.

2940.

Цит. по: Там же. С. 103.

2941.

Дневник Императора Николая II 1894–1918. Т. 2. Ч. 1. 1905–1913. Запись за 14 января 1906 г. С. 109.

2942.

Шавельский Г. Указ. соч. С. 59.

2943.

Цит. по: Фомин С.В. Григорий Распутин. Расследование. «А кругом широкая Россия...». С. 522.

2944.

Православная Русь. 1991. № 13.

2945.

Варламов А.Н. Григорий Распутин-Новый. М.: Молодая гвардия, 2007. С. 38. ЖЗЛ.

2946.

Симбирцева Т.М. Патриарх Православной Церкви в Корею архимандрит Хрисанф (1869–1906): его дела и время // «Христианство на Дальнем Востоке». Материалы международной научной конференции 19–21 апреля 2000 г. Ч. 1 и 2. Владивосток: Издательство Дальневосточного университета, Ч. 1. С. 160.

2947.

Межуев Борис. Вл. С. Соловьев и петербургское общество 1890-х годов. К предыстории «имперского либерализма» на сайте Русский архипелаг.

2948.

Дневники Императора Николая II. 1894–1918. Т. 1. 1894–1904. Запись за 14 января 1904 г. С. 785.

2949.

Веденеева Е. Костромские «старцы» // Незримая сила // URL: Интернет-сайт: <http://nezrim-sila.narod.ru/11business.html> (дата обращения: 28 апреля 2015 г.)

2950.

Там же.

2951.

Секретное Дело Тобольской духовной консистории о крестьянине Григории Распутине-Новом // Опубликовано полностью: Фомин С.В. Григорий Распутин: Расследование. «Боже! Храни своих!». М.: Форум. 2009. С. 642.

2952.

Сибирская Православная газета. № 2, 2003.

2953.

Допрос А.А. Вырубовой // Падение старого режима.

2954.

Архиепископ Аверкий (Таушев).
Высокопреосвященнейший Феофан, архиепископ
Полтавский и Переяславский. Джорданвилль, 1974. С. 5.

2955.

Жевахов Н.Д. Указ. соч. Т. 1. С. 209.

2956.

Цит. по: Фомин С. Григорий Распутин: Расследование.
«Судья же мне Господь». С. 396.

2957.

Фомин С.В. Григорий Распутин: Расследование. «Судья же

мне Господь». С. 360–361.

2958.

Там же. С. 367.

2959.

Там же. С. 371.

2960.

Ольденбург С.С. Указ. соч. С. 70, 76.

2961.

Курлов П.Г. Гибель императорской России. М.: Захаров, 2002. С. 193–195.

2962.

Цит. по: Фомин С. Григорий Распутин: Расследование. «Судья же мне Господь». С. 399.

2963.

Дневники Императора Николая II. 1894–1918. Т. 2. Ч. 1. 1905–1913. Запись за 25 марта 1909 г. С. 375.

2964.

Цит. по: Фомин С. Григорий Распутин: расследование. «Судья же мне Господь». С. 400.

2965.

Дневники Императора Николая II. 1894–1918. Т. 2. Ч. 1. 1905–1913. Запись за 3 апреля 1909 г. С. 376.

2966.

Курлов П.Г. Гибель императорской России. М.: Захаров, 2002. С. 193–195.

2967.

Solovieff-Raspoutine Marie. Mon père Grigory Raspoutine. Mémoires et notes. Paris: J. Povolozky&Cie Editeurs, 1925. P. 53–55.

2968.

Вырубова А.А. Указ. соч. С. 39.

2969.

По этому поводу см.: Мультиатули П.В. Крестный путь Царской Семьи. Екатеринбургская голгофа. М.: Вече, 2013. С. 140.

2970.

Цит. по: Фомин С.В. Григорий Распутин: Расследование. «Судья же мне Господь». С. 404.

2971.

ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 709. Л. 26.

2972.

Фомин С.В. Григорий Распутин: Расследование. «Судья же мне Господь». С. 406.

2973.

Евсин И.В. Григорий Распутин: прозрения, пророчества, чудеса. Рязань: Зерна, 2012.

2974.

Цит по: Радзинский Э. Распутин: жизнь и смерть. М.: Вагриус, 2001. С. 144.

2975.

Платонов О.А. Терновый венец России. Пролог царевубийства. Жизнь и смерть Григория Распутина. М.: Энциклопедия русской цивилизации, 2001. С. 196–197.

2976.

Цит. по: Фомин С.В. Григорий Распутин: Расследование. «Судья же мне Господь». С. 599.

2977.

Бэттс Ричард (Фоа). Пшеница и плевелы. М., 1997. С. 77.

2978.

Позднее выяснилось, что этой девушкой была Елена Тимофеева, выпускница Петербургского Исидоровского училища, которую Распутин как раз убеждал прекратить блудную связь. После того как он в присутствии свидетелей осудил ее, Тимофеева отправилась к владыке Феофану и со слезами на глазах заявила, что Распутин ее совратил.

2979.

Варламов А.Н. Указ. соч. С. 208.

2980.

Марков С.В. Покинутая Царская Семья. С. 246, 248.

2981.

Варламов А.Н. Указ. соч. С. 208.

2982.

Серафим, игумен. Православный Царь-мученик. М., 2000. С. 82–83.

2983.

Там же.

2984.

Герасимов А.А. Указ. соч. С. 182.

2985.

Православная энциклопедия. Т. XVIII. М., 2008. С. 654.

2986.

Цит. по: Хроника великой дружбы. Царственные мученики и человек Божий Григорий Распутин-Новый / Сост. Рассулин Ю., Астахов А., Душенова Е. СПб.: Царское дело, 2007. С. 68.

2987.

ГА РФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 231 (1). Л. 66–67.

2988.

ГА РФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 709. Л. 24.

2989.

ГА РФ. Ф. 612. Оп. 1. Д. 15. Л. 1.

2990.

РГИА. Ф. 796. Оп. 205. Д. 779. Л. 2.

2991.

Фомин С.В. Григорий Распутин: фотофальшивки // URL: Интернет: сайт: Наша эпоха // <http://www.nashaepoha.ru/>

2992.

Николай II. Семейный альбом. М.: Пинакотека, 1998. С. 66.

2993.

ГА РФ. Ф. 612. Оп. 1. Д. 63.

2994.

Кстати, это касается и другой фотографии, где Распутин сидит в окружении Царских детей, но без Государыни. На этом снимке все лица изображенных едва просматриваются и только лицо Распутина видно хорошо и четко. Причем вторая фотография сделана в другом помещении, это видно по обоям и интерьеру, но так же, как и на первой, все изображенные на ней как будто «засвечены», включая мебель, расположенную на переднем плане. При этом почему-то стены, обои, мебель на заднем плане, даже картины на стенах видны с удивительной четкостью.

2995.

ГА РФ. Ф. 612. Оп. 1. Д. 36.

2996.

Перегудова З.И. Предисловие // Глобачёв К.И. Указ. соч. С.

8.

2997.

Глобачёв К.И. Указ. соч. С. 81.

2998.

Амальрик А.А. Распутин. М.: Слово, 1992. С. 117.

2999.

Коковцов В.Н. Указ. соч. Т. 2. С. 17–19.

3000.

Николай II. Воспоминания. Дневники. С. 99.

3001.

Коковцов В.Н. Указ. соч. Т. 2. С. 22.

3002.

Там же. С. 21.

3003.

Поливанов А.А. Из дневников и воспоминаний по должности военного министра и его помощника. 1907–1916 / Под ред. А.М. Зайончковского. М., 1924. С. 70.

3004.

Евлогий, митрополит. Указ. соч. С. 110.

3005.

Петербургская газета. 26 января 1912 г.

3006.

Там же.

3007.

Дневник Великой Княгини Ксении Александровны. Запись за 16 февраля 1912 г. // Ф. 662. Оп. 1. Д. 41. Л. 23.

3008.

Боханов А.Н. Распутин: анатомия мифа. С. 226–227.

3009.

Родзянко М.В. Указ. соч. С. 115.

3010.

Ольденбург С.С. Указ. соч. С. 86.

3011.

Рассулин Ю. Месть врага рода человеческого // URL: Интернет-сайт «Русская народная линия» 09.06.2013 г. // http://ruskline.ru/analitika/2013/06/10/mest_vraga_roda_chelovecheskogo (время обращения: 4 мая

2015 г.)

3012.

Там же.

3013.

Коковцов В.Н. Указ. соч. Т. 2. С. 287.

3014.

Рассулин Ю. Месть врага рода человеческого // URL: Интернет-сайт «Русская народная линия» 09.06. 2013 г. // http://ruskline.ru/analitika/2013/06/10/mest_vraga_roda_chelovecheskogo (время обращения: 4 мая 2015 г.)

3015.

Иларион (Алфеев), епископ. Священная тайна Церкви. Введение в историю и проблематику имяславских споров. СПб., 2007. С. 346.

3016.

Там же. С. 346.

3017.

Там же. С. 837.

3018.

Дневники Императора Николая II. 1894–1918. Т. 2. Ч. 1. 1905–1913. Запись за 17 июля 1913 г. С. 773.

3019.

Допрос С.П. Белецкого.

3020.

Иларион (Алфеев), епископ. Указ. соч. С. 837.

3021.

Там же. С. 645.

3022.

Там же. С. 645–646.

3023.

Варламов А.Н. Указ. соч. С.

3024.

Solovieff-Raspoutine Marie. Op. cit. P. 35.

3025.

Войрес Й. Указ. соч.

3026.

Дневник Великой Княгини Ксении Александровны. Запись за 16 февраля 1912 г. // Ф. 662. Оп. 1. Д. 41. Л. 45.

3027.

Официальное сообщение о ходе болезни Наследника Цесаревича // Правительственный вестник. 22 октября 1912.

3028.

Дневники Императора Николая II. 1894–1918. Т. 2. Ч. 1. 1905–1913. Запись за 5 октября 1912 г. С. 696.

3029.

Вырубова А.А. Указ. соч. С. 65–68.

3030.

Император Николай II – Вдовствующей Императрице Марии Феодоровне 20 октября 1912 г. // ГА РФ. Ф. 642. Оп.1. Д. 2331.

3031.

Вырубова А.А. Указ. соч. С. 68.

3032.

Воррес Й. Указ. соч.

3033.

Император Николай II – Вдовствующей Императрице Марии Феодоровне 20 октября 1912 г. // ГА РФ. Ф. 642. Оп. 1. Д. 2331.

3034.

Дневники Императора Николая II. 1894–1918. Т. 2. Ч. 1. 1905–1913. Запись за 10 октября 1912 г. С. 697.

3035.

Жильяр П. Указ. соч.

3036.

Дневники Императора Николая II. 1894–1918. Т. 2. Ч. 1. 1905–1913. Запись за 17 июля 1913 г. С. 773.

3037.

Танеева (Вырубова) А.А. Указ. соч. С. 67.

3038.

Император Николай II – Вдовствующей Императрице Марии Феодоровне 20 октября 1902 г. // Боханов А.Н. Николай II. С. 446.

3039.

Цит. по: Боханов А.Н. Сердечные тайны Дома Романовых. С. 295.

3040.

Император Николай II – Великому Князю Кириллу Владимировичу 26 февраля 1903 г. // ГА РФ. Ф. 655. Оп. 1. Д. 2900. Л. 2.

3041.

Император Николай II – Великому Князю Владимиру Александровичу 30 октября 1902 г. // Красный архив. Исторический журнал. М.–Л., 1926. № 4 (17). С. 221.

3042.

ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1263. Л. 1–2.

3043.

Семейное прозвище Виктории-Мелиты.

3044.

Кирилл Владимирович, Великий Князь. Моя жизнь на службе России. СПб.: Лики России, 1996. С. 72.

3045.

Там же. С. 82–83.

3046.

ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 2139. Л. 57.

3047.

Цит. по: Боханов А.Н. Сердечные тайны Дома Романовых. С. 301.

3048.

Семейное прозвище Великой Княгини Марии Павловны-старшей.

3049.

Боханов А.Н. Сердечные тайны Дома Романовых. С. 301–302.

3050.

ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 2141. Л. 8.

3051.

Назаров М.В. Кто Наследник Российского престола? М.: Русская идея, 2004.

3052.

Дело особого совещания Государственного совета об устранении Великого Князя Кирилла Владимировича от престолонаследия // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 2139. Л. 7–8.

3053.

Там же.

3054.

Назаров М.В. Указ. соч. С. 13.

3055.

Дневник Великого Князя Константина Константиновича // Мейлунас А., Мироненко С. Николай и Александра. Любовь и жизнь. М., 1998. С. 302.

3056.

ГА РФ. Ф. 662. Оп. 1. Д. 29. Л. 71.

3057.

Там же. Д. 31. Л. 24.

3058.

Назаров М.В. Указ. соч. С. 19.

3059.

Цит. по: Хрусталеv В.М. Указ. соч. С. 160.

3060.

Цит. по: Там же. С. 154–155.

3061.

Цит. по: Там же. С. 160.

3062.

Герасимов А.В. Указ. соч. С. 179.

3063.

Хрусталёв В.М. Великий Князь Михаил Александрович. С. 161.

3064.

Великий Князь Михаил Александрович – Н.С. Вульферт 25 ноября 1909 г. // ГА РФ. Ф. 622. Оп. 1. Д. 12. Л. 130, 137.

3065.

Император Николай II – Вдовствующей Императрице Марии Феодоровне // ГА РФ. Ф. 642. Оп. 1. Д. 2330. Л. 33.

3066.

Там же. Л. 34.

3067.

Н.С. Вульферт – Великому Князю Михаилу Александровичу 6 марта 1910 г. // ГА РФ. Ф. 668. Оп. 1. Д. 73. Л. 80.

3068.

Великий Князь Михаил Александрович – Императору

Николаю II 29 марта 1910 г. // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1301. Л. 66.

3069.

Хрусталёв В.М. Великий Князь Михаил Александрович. С. 177.

3070.

Там же. С. 187.

3071.

Великий Князь Михаил Александрович – Императору Николаю II 1 ноября 1912 г. // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1301. Л. 63, 64.

3072.

Дневники Императора Николая II. 1894–1918. Т. 2. Ч. 1. 1905–1913. Запись за 7 ноября 1912 г. С. 701–702.

3073.

Хрусталёв В.М. Великий Князь Михаил Александрович. С. 197.

3074.

ГА РФ. Ф.642. Оп.1. Д. 2332. Л. 24–25.

3075.

Воррес Й. Указ. соч.

3076.

ГА РФ. Ф.601.Оп.1. Д.1310. Л. 52–53.

3077.

Собрание Узак. 1913 г., января 3, отд. I, ст. 13.

3078.

Великий Князь Михаил Александрович – графине Н.С. Брасовой 12 июля 1916 г. // ГА РФ. Ф. 622. Оп. 1. Д. 22. Л. 3.